РУССКІЙ АРХИВЪ

1902

1.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1902.

М. и В. И. Успенскіе. Замѣтки о древне-Русскомъ иконописаніи. Извѣстные иконописцы и ихъ произведенія. Св. Алимпій и Андрей Рублевъ. Большая 4-ка. 76 стр. со многими рисунками. СПб. 1901. 2 р.

Д. К. Треневъ. Иконы царскаго изографа Симона Ушакова въ Московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ съ приложеніемъ 5 фототипій. 8-ка. 59 стр. Москва. 1901, ц. 1 р. 25 к.

Икона, какъ живое, всѣмъ понятное выраженіе вѣрованія людей, есть и высшая форма художественнаго творчества и наилучшій историческій памятникъ. Благодаря ей, мы проникаемъ въ самую глубину души написавшаго ее и такимъ образомъ можемъ не только понять, но и перечувствовать тѣ чаянія и стремленія, которыми жило современное художнику общество. Изъ всѣхъ видовъ искусства иконопись была самымъ распространеннымъ, и икона до сихъ поръ является необходимымъ предметомъ обихода, такъ что мы имѣемъ богатый матеріалъ, на основаніи котораго можно судить и о запросахъ народной души и о судьбахъ художества на Руси.

Къ сожалѣнію, обильный матеріалъ этотъ еще недостаточно обработанъ и весьма мало использованъ, такъ что всякая добросовѣстная работа въ этой области должна быть радостно привѣтствуема.

М. и В. И. Успенскіе уже стяжали себѣ почетную извѣстность какъ ревностные и ученые изслѣдователи Русской иконографіи. Имъ принадлежатъ: „Древнія иконы изъ собранія А. М. Постникова", „Образцы древней Русской иконописи", „Матеріалы для исторіи Русскаго иконописанія". Отдѣльно В. И. Успенскаго „Очерки по исторіи иконописанія", — прекрасная и добросовѣстная работа. Новая книга г.г. Успенскихъ отличается тѣми же качествами, т. е. большою тщательностью въ обработкѣ источниковъ, хорошимъ подборомъ матеріала и необыкновенною осторожностью въ сужденіяхъ. Намъ даже кажется, что желаніе обосновать всякое утвержденіе на несомнѣнныхъ документальныхъ данныхъ служитъ порою во вредъ нашимъ почтеннымъ иконографологамъ. Широкая постановка вопросовъ, изящное изданіе и обиліе удачно сдѣланныхъ снимковъ, дѣлаютъ этотъ ученый трудъ книгою весьма желанною для библіотеки даже и простого любителя историческаго чтенія.

Болѣе скромное мѣсто занимаетъ книга Д. К. Тренева. Въ ней дано описаніе ново-открытыхъ въ Смоленскомъ соборѣ Ново-Дѣвичьяго Московскаго монастыря иконъ Симона Ушакова, этого удивительнаго художника времени царя Алексѣя Михайловича. Пять хорошо сдѣланныхъ фототипическихъ изображеній иконъ, ихъ описаніе, справочныя попутныя свѣдѣнія по Русской и Западной иконографіи: вотъ содержаніе книжки изящно изданной. Конечно ея появленіе можетъ только порадовать любителей Русской иконописи; поэтому бранчивая и придирчивая критика на нее въ Декабрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" должна быть признана совершенно неприличною. Г. Треневъ обѣщаетъ издать полное описаніе иконостаса Смоленскаго собора съ хромолитографическими изображеніями иконъ. Надѣемся, что нападки сварливаго рецензента не помѣшаютъ ему исполнить это намѣреніе. Ю. Б.

Въ „Русскомъ Архивѣ" прошлаго 1901 года (III, 251) приведенъ отзывъ Гёте о Русскихъ иконахъ. Въ письмахъ своихъ изъ Италіи Гёте говоритъ и о нашемъ богослуженіи.

(См. далѣе на 3-й стр. обертки).

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКОВОЙ.

1902.

1.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Возставать противъ грамоты есть умножать къ ней охоту. Какова Харибда, такова и Сцилла; корабль нашъ стучится объ ту и другую, а все плыветъ. Я увѣренъ, что Россія не погрязнетъ въ невѣжествѣ; то есть, увѣренъ въ милости Божіей.

Карамзинъ въ 1824 году.

1902.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1902.

ЗАПИСКИ БЕРНУЛЛИ.

Иванъ Бернулли (Jean Bernoulli), племянникъ, внукъ и правнукъ славныхъ астрономовъ и естествоиспытателей, родился въ Базелѣ въ 1744 г. и умеръ въ 1807 г. въ Берлинѣ, членомъ тамошней академіи, въ которой онъ получилъ мѣсто уже девятнадцати лѣтъ отъ роду. Главные труды его по астрономіи, но онъ оставилъ также шесть книжекъ, содержащихъ въ себѣ описаніе его путешествій: Iohann Bernoulli's Reisen nach Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Pohlen in den Jahren 1777 und 1778. Leipzig 1780. Нижеслѣдующее извлечено изъ книжекъ 4 и 5-й. Строгая точность знаменитаго въ ученомъ мірѣ Швейцарца служитъ порукою безпристрастія его наблюденій и показаній; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видно, что, готовя къ изданію свои путевыя замѣтки, онъ ошибся въ размѣщеніи ихъ по порядку времени. П. Б.

1777.

Пребываніе въ С.-Петербургѣ съ 26 Іюля по 9 Августа.

26 Іюля въ 8—9 ч. проѣхали мы черезъ Красное, красивое большое село съ большимъ деревяннымъ царскимъ увеселительнымъ дворцомъ и съ еще болѣе бросающеюся въ глаза церковью. То здѣсь, то тамъ показывались прекрасныя помѣстья; но одно изъ лучшихъ по положенію мѣстъ я пропустилъ, именно Горѣлый Кабакъ, ближайшую къ Петербургу станцію. Она находится у рѣки, близъ очень милой рощицы, въ которой я бродилъ, пока кормили лошадей. Пустившись снова въ путь, я отъ сильной жары заснулъ и проснулся какъ разъ, когда мы проѣзжали мимо прекраснаго загороднаго дома со многими колоннами, балконами и прочими украшеніями. Я хотѣлъ было тотчасъ приняться за свою книжку, чтобы кое-что записать; но далѣе слѣдовало много другихъ усадебъ въ такомъ же родѣ, одна за другою, и этотъ путь, единственный быть можетъ въ своемъ родѣ, продолжался нѣсколько верстъ до самаго города... Былъ Воскресный день. Множество болѣе летѣвшихъ, нежели проѣзжавшихъ каретъ, телѣгъ и прочихъ экипажей еще болѣе разсѣяли мое вниманіе, а пыль почти совсѣмъ лишила меня человѣческаго образа.

Въ такой сильно дѣйствующей на чувства суетѣ прибылъ я наконецъ вечеромъ въ царскую резиденцію. Я тотчасъ же отыскалъ на Васильевскомъ острову домъ Эйлера. Съ какою нѣжностью былъ я принятъ всѣмъ его семействомъ и особенно самимъ великимъ человѣкомъ, заслуженной главою онаго, нельзя даже себѣ представить, не только что описать. Радуюсь, что мнѣ придется часто называть этихъ прекрасныхъ людей.

Изнемогая отъ жару и порядочно уставши, я посвятилъ день моего прибытія и 27 Іюля отдыху, писанью писемъ и бесѣдѣ съ моими почтенными Берлинскими и Базельскими земляками. Повидался я также съ нѣкоторыми любезными знакомцами и успѣлъ собрать предварительныя общія свѣдѣнія о Петербургѣ и о касающихся этой столицы книгахъ. Эти свѣдѣнія были за тѣмъ мною пополняемы [1]).

28 Іюля прежде всего посѣтилъ я всѣхъ моихъ товарищей по Императорской Академіи Наукъ, которая, не по заслугамъ моимъ, въ день пятидесятилѣтняго своего юбилея (1776), избрала меня своимъ заграничнымъ сочленомъ вмѣстѣ съ нашимъ великимъ королемъ и знаменитѣйшими Берлинскими академиками. (О каждомъ изъ тогдашнихъ академиковъ Бернулли сообщаетъ по нѣскольку свѣдѣній, которыми отчасти воспользовался П. П. Пекарскій въ своей «Исторіи Императорской Академіи Наукъ»).

Леонардъ Эйлеръ (род. въ Базелѣ въ 1707 г.), съ 1727 года академикъ высшей математики. Извѣстно, что онъ потомъ, въ теченіе 25 лѣтъ, служилъ до 1766 года директоромъ математическаго класса въ Берлинѣ... Мнѣ пріятно было замѣтить, что по возвращеніи моемъ изъ Россіи, вездѣ и высшіе, и низшіе, хотя бы ничего не желавшіе знать про нее, всякій разъ навѣдывались о г. Эйлерѣ и его обстановкѣ: въ такомъ почетѣ его познанія и особливо честный его нравъ. Онъ еще довольно здоровъ и этимъ обязанъ весьма умѣренному и правильному образу жизни. Одно время онъ совсѣмъ было ослѣпъ, но теперь пользуется зрѣніемъ лучше, нежели многіе думаютъ. Хотя онъ не распознаётъ никого въ лицо, не можетъ читать чернаго на бѣломъ, ни писать перомъ на бумагѣ, однако дѣлаетъ на черной доскѣ свои математическія выкладки мѣломъ очень отчетливо и почти въ обыкновенную величину цифръ. Его адъюнкты Фуссъ или Головинъ [2]), чаще первый, тотчасъ переписываютъ эти вычисленія въ боль-

---

[1]) Далѣе Бернулли подробно говоритъ о книгахъ, въ которыхъ описанъ Петербургъ; изъ нихъ первая относится къ 1713 году.

[2]) Родной племянникъ Ломоносова.

шую книгу, и по нимъ послѣ того составляются подъ его руководствомъ статьи. Такимъ образомъ, въ теченіе пяти лѣтъ, которые Фуссъ провелъ въ домѣ Эйлера, приготовлено уже 220 или 230 статей. Они лежатъ готовыя къ печати, и лишь немногія изъ нихъ читаны въ Академіи. Чтобы понять лучше, какъ достаетъ у Эйлера времени на такія постоянныя работы, надо замѣтить, что онъ уже никуда болѣе не выѣзжаетъ; съ потерею зрѣнія у него съ нѣкотораго времени ослабѣлъ значительно и слухъ. Впрочемъ ежедневные посѣтители наполняютъ ему время необходимое для отдыха. Онъ принимаетъ ихъ охотно во всякую пору, владѣя совершенно особенною и необыкновенною способностью безъ всякой досады отвлекаться отъ самыхъ сложныхъ вычисленій, легко потомъ возвращаться къ нимъ и находить прерванную связь. Для своего отдохновенія, когда онъ одинъ, Эйлеръ занимается опытами надъ магнитомъ. У него большой столъ покрытый магнитными пластинками разныхъ величинъ; иныя въ $2^1/_2$ дюйма, иныя въ 30 дюймовъ длиною. Весь приборъ (Фуссъ бережетъ его у себя въ комнатѣ) стóитъ 800 рублей. Натираніе и усиленіе пластинокъ служитъ Эйлеру упражненіемъ для тѣлодвиженія, и при этомъ возникаютъ многіе новые опыты; напр., я самъ видѣлъ, что большія пластинки становятся сильнѣе отъ тренія пластинками меньшаго размѣра, нежели большими... (Далѣе Бернулли говоритъ о другихъ академикахъ и объ ихъ трудахъ).

Мы поѣхали во Французскую комедію. Она дается по Вторникамъ и Пятницамъ, на иждивеніи царскаго двора, на придворномъ театрѣ, въ Зимнемъ дворцѣ. Тамъ даются и большія оперы; а для комедій онъ, пожалуй, слишкомъ просторенъ. Помѣщеніе уступаетъ въ размѣрахъ Берлинскому оперному дому, и сцена у́же, но партеръ показался мнѣ длиннѣе. Въ немъ четыре ряда ложъ, и убранство не очень роскошно. Царицыныхъ мѣстъ три: одно совсѣмъ позади, на супротивъ сцены, какъ въ Берлинѣ ложа королевы; другое позади самаго оркестра, какъ у нашего короля, и третье надъ сценою, гдѣ можно сидѣть невидимкою для публики.

Въ тотъ вечеръ шли двѣ оперетки: Maître en droit и le Tableau Parlant. Музыкою я былъ очень доволенъ, менѣе актерами. Хотѣлось имѣть получше мѣсто, ибо ложи Академіи въ третьемъ ярусѣ и слишкомъ близко къ сценѣ. Я не имѣлъ случая быть въ этомъ театрѣ на Итальянской оперѣ, которая лѣтомъ не дается (Бернулли сообщаетъ имена артистовъ, въ числѣ которыхъ Русскія дѣвушки Мароа и Тарсинка, и любимица директора, дѣвушка-Варвара). На этомъ же придворномъ театрѣ, по разу въ недѣлю, кромѣ дней постныхъ, даются

Русскія трагедіи и комедіи (Бернулли не былъ на нихъ, но сообщаетъ со словъ академика Штелина, что «превосходный Дмитревскій, неподражаемое дарованіе котораго извѣстно и въ Берлинѣ», получаетъ годового жалованья 860 рублей).

29 Іюля. Бернулли посѣтилъ мастерскую Фальконета и видѣлъ гипсовую въ полную величину модель памятника Петру Великому. Онъ остался ею доволенъ, хотя ему хотѣлось найти въ ней недостатки, такъ какъ Фальконетъ не отдавалъ должной цѣны Берлинской статуѣ Фридриха Великаго. «Положеніе всадника чрезвычайно просто, непринужденно и хорошо придумано. Лицо Петра, произведеніе невѣстки Фальконета, очень схоже съ восковымъ его изображеніемъ въ Кунсткамерѣ; складокъ одежды ни слишкомъ мало, ни слишкомъ много; конь отличается достоинствомъ, и онъ, и всадникъ жизненны». Кромѣ сравненія художественнаго оба изображенія, Фридриха подъ Берлинскими Липами и Петра на Невскомъ берегу, знаменательны для историка. Никто не станетъ отрицать въ лицѣ Фридриха чего-то хищническаго, въ самомъ конѣ его чего-то оглядливаго и осторожнаго, тогда какъ правъ поэтъ, сказавшій коню Петра: «Куда ты мчишься, борзый конь, и гдѣ опустишь ты копыта?» Про Фальконета Бернулли разсказываетъ, что его обманулъ одинъ пріятель. Въ теченіе 10—12 лѣтъ получалъ онъ ежегоднаго жалованья по 8 т. рублей, да на столъ и экипажъ слишкомъ 3 т. и, при простой и умѣренной жизни не проживая и третей доли этихъ денегъ, отсылалъ большія суммы домой для приращенія изъ процентовъ; но пріятель, которому онъ поручилъ это дѣло, истратилъ ихъ въ нѣсколько лѣтъ.

Съ директоромъ Академіи Наукъ Домашневымъ Бернулли былъ знакомъ еще по Берлину. Къ нему онъ не поѣхалъ, такъ какъ тотъ проводилъ лѣтнее время на дачѣ графа Строганова. Это не помѣшало любезному директору пригласить къ себѣ на обѣдъ Бернулли вмѣстѣ съ другими академиками-математиками и лицами, занимавшимися Сибирью. Тамъ же былъ полковникъ Пилизнеръ. Онъ долго служилъ комендантомъ въ Охотскѣ и въ Камчаткѣ и много и охотно про нихъ разсказывалъ. Еще былъ у Домашнева на обѣдѣ секретарь коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Алексѣй Леонтьевъ, прожившій 12 лѣтъ въ Берлинѣ и получившій извѣстность своими Русскими переводами Манджурскихъ и Китайскихъ сочиненій, содержанія историческаго и нравственнаго. Находившаяся въ постоянномъ распоряженіи Домашнева академическая шлюпка съ 10 гребцами и кормчимъ привезла почти всѣхъ этихъ гостей къ нему на Каменный островъ. Шлюпкою могли пользоваться и академики. На пути гости Домашнева высаживались посмо-

трѣть деревянный домикъ Петра Великаго, всего изъ двухъ комнатъ съ маленькимъ кабинетомъ. Уже тогда этотъ домикъ, для сохранности, вмѣщенъ былъ въ каменное зданіе. Домикъ очень потерпѣлъ отъ послѣдняго наводненія, но поправленъ, однако не очень, чтобы не утрачивался его старый почтенный видъ. По близости находились новыя развалины, на которыя Бернулли глядѣлъ съ такимъ же уваженіемъ, какъ бы на Римскія или Греческія: это стѣны первыхъ палатъ, пожалованныхъ Императорской Академіи Наукъ. Графа Строганова, владѣльца дачи, гдѣ жилъ Домашневъ, не было тогда въ Петербургѣ. По мнѣнію Бернулли, лучше этой другая дача графа Строганова на Петербургской дорогѣ, гдѣ жилъ Саксонскій посланникъ баронъ Сакенъ.

Послѣ обѣда гости Домашнева катались. по Невѣ и ея притокамъ, и на обратномъ пути Бернулли съ Эйлеромъ (конечно сыномъ) высадились недалеко отъ Зимняго дворца и провели остальное вечернее время въ семействѣ тайнаго совѣтника Рёмера. Бернулли говоритъ, что виноватъ передъ его памятью, не опровергнувъ напечатаннаго про него въ Германіи извѣстія, будто онъ отставленъ былъ отъ должности и занимался врачевствомъ въ Берлинѣ, гдѣ и умеръ 26 Апрѣля 1777 года, тогда какъ онъ вовсе не былъ увольняемъ до самой своей кончины, послѣдовавшей въ Петербургѣ. Онъ служилъ вице-президентомъ Юстицъ-Коллегіи по Лифляндскимъ и Эстляндскимъ дѣламъ и генералъ-аудиторомъ всѣхъ полковъ императорской лейбгвардіи. Вдовѣ его и тремъ любезнымъ дочерямъ, жившимъ въ Петербургѣ, Императрица дала на содержаніе имѣніе въ Лифляндіи.

«У Рёмеровъ я встрѣтилъ прекрасное общество, и между нимъ веселаго графа Нессельроде. Ровно девять лѣтъ назадъ познакомился я съ нимъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ ему приходилось заявлять свою начитанность и остроуміе лишь въ домахъ богатыхъ купцовъ и вообще не имѣть значенія, подобающаго происхожденію его. Когда принцъ Прусскій сочетался вторымъ бракомъ, онъ попалъ къ Прусскому двору, благодаря благосклонности къ нему двора Гессендармштадтскаго и сдѣлался директоромъ зрѣлищъ (directeur des spectacles); а когда Великій Князь женился тоже на Дармштадтской принцессѣ, графъ поѣхалъ къ Русскому двору, значеніе его еще болѣе повысилось, и теперь онъ посланникомъ въ Лиссабонѣ».

Поѣздка въ Петергофъ.

«30-го Іюля мы совершили съ Эйлеромъ любопытную поѣздку по Петергофской дорогѣ. Она, на протяженіи около 14 верстъ, таже, что̀ и Красносельская, по которой я сюда прибылъ и на которой меня приводили въ такое восхищеніе пышные загородные дома».

«Мы сначала остановились въ Шампетрѣ, дачѣ графа Шереметева, гдѣ пребывала герцогиня Курляндская съ ея свояченицей (Schwägerin) генеральшей Измайловой. Я передалъ ея гофмаршалу барону фонъ-Медему нѣсколько писемъ и посѣтилъ въ тоже время одну даму извѣстную ею же составленнымъ описаніемъ ея жизни, госпожу Миллеръ изъ Берлина, которая послѣ различныхъ судебъ сдѣлалась сначала чтицей у вдовствующей королевы Шведской, а теперь воспитательницей у дочерей генеральши Измайловой. Она показалась мнѣ женщиною большого ума, ближайшее знакомство съ которой должно быть очень пріятно *).

Въ Шампетрѣ приличный садъ съ водяными каналами. Помѣщенія распредѣлены въ отдѣльныхъ зданіяхъ, и только главное зданіе заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

Отсюда поѣхали мы 7 верстъ далѣе къ графу Ивану Григорьевичу Чернышову, для передачи ему рекомендательнаго письма. Это несомнѣнно одинъ изъ самыхъ выдающихся людей въ Россіи, Андреевскій кавалеръ и многихъ другихъ орденовъ, вице-президентъ Адмиралтейства и т. д. Онъ съ женой довольно долго жилъ въ Парижѣ и Лондонѣ; въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ, въ 1769 г., въ званіи Русскаго Императорскаго посла. Оба они были тамъ изображены.

Хотя его не было дома, мы обѣдали въ многочисленномъ обществѣ у графини, весьма любезной дамы, перенявшей въ чужихъ краяхъ утонченныя привычки общежитія, но оставшейся чуждою ихъ неудобствамъ. Такъ какъ здѣсь не обѣдаютъ ранѣе трехъ часовъ, то я имѣлъ достаточно времени передъ обѣдомъ осмотрѣться въ этомъ загородномъ имѣніи. Тутъ напрасно будутъ искать въ большихъ размѣрахъ увеселительнаго сада; но сады огородные и кухонные, въ виду многочисленныхъ оранжерей, имѣютъ мало себѣ подобныхъ. Кромѣ того на пруду имѣется прекрасный островъ, покрытый различными деревьями, на Англійскій вкусъ, и порядочный увеселительный домъ наономъ. Можно самому на поромѣ туда доѣхать. По другую сторону острова идетъ мостъ къ возвышенности покрытой лѣсомъ, въ которомъ стоитъ небольшое деревянное зданіе или эрмитажъ, заключающій въ себѣ конфиденцъ-столовую. Туда проникаютъ съ помощію вертящейся на своей оси лѣстницы, которая наверху можетъ быть прикрѣплена къ балкону и вновь убирается, когда соединеніе должно быть разобщено. Лѣтнія палаты—тѣ самыя, которыя меня такъ

*) Заглавіе ея книги, весьма любопытной для имѣющихъ къ ней ключъ: Mémoires de madame Muller, écrits par elle-même. Riga, 1773. 336 стр. *Примѣч. Бернулли.*

поразили по мѣрѣ моего приближенія къ городу. Это большое прекрасное зданіе, пріятнаго вкуса. Главная его часть вѣнчается куполомъ, на которой развѣвается адмиральскій флагъ съ двумя балконами на свободныхъ колоннахъ Іоническаго ордена, соединяющими главное зданіе съ боковыми флигелями. Все это расположено на высотѣ и имѣетъ хорошій видъ. На террасѣ передъ домомъ поставлено до 30 маленькихъ пушекъ, которыя обстрѣливаютъ большую дорогу, и каждый разъ изъ нихъ стрѣляютъ, когда Императрица ѣдетъ въ Петергофъ или изъ Петергофа. Также ежедневно утромъ въ десять часовъ раздаются три выстрѣла къ завтраку, въ три часа пять выстрѣловъ къ обѣду и вечеромъ въ десяти часовъ одинъ выстрѣлъ, возвѣщающій ужинъ. Кромѣ того въ утренніе часы еще рано одинъ выстрѣлъ для тѣхъ, которые здѣсь пьютъ минеральныя воды, чтобы предупредить ихъ, что время идти въ залу, гдѣ пьютъ воду. Во время стола вообще играетъ музыка.

Послѣ обѣда поѣхалъ я съ г. Эйлеромъ еще три версты далѣе, къ первому кабинетъ-министру и кавалеру орденовъ г. Олсуфьеву. Это человѣкъ выдающихся способностей, не только знающій различные языки, но даже и діалекты и нарѣчія оныхъ въ большомъ совершенствѣ; онъ особенно любитъ Нѣмецкія стихотворенія старыхъ временъ. Я видѣлъ у него часть его прекраснаго собранія гравюръ, и что̀ я могъ замѣтить относительно сада, дало мнѣ весьма выгодное понятіе объ этомъ лѣтнемъ мѣстопребываніи.

На обратномъ пути мы опять заѣхали къ графу Чернышову, и тутъ я имѣлъ честь ему представиться. Я былъ, какъ всякій знающій его охотно мнѣ повѣритъ, принятъ съ необычайною вѣжливостью.

Прежде чѣмъ возвратиться домой, провели мы на той же дорогѣ, на полупути, пріятный часокъ въ саду «Баба». Такъ называется небольшая Голандская деревня, вновь построенная обершенкомъ Нарышкинымъ; насупротивъ ея на другой сторонѣ дороги ему же принадлежитъ Англійскій садъ, которому врядъ ли и въ Англіи найдутся подобные по красотѣ и привлекательности. Онъ состоитъ изъ различныхъ острововъ, которые посредствомъ красивыхъ мостовъ и плотовъ соединены между собою. Изъ нихъ почти всѣ удобопроѣзжіе, и по нимъ помощію веревокъ можно самому себя перевезти; кто дальше хочетъ кататься по водѣ, найдетъ лодки и лодочниковъ къ своимъ услугамъ. Для рыбной ловли также имѣются приспособленія. Здѣсь и тамъ кегельбаны, качели и подобныя игры и въ особенности много большихъ и малыхъ увеселительныхъ домиковъ. Въ одномъ изъ нихъ можно даже найти, какъ въ кофейной, различныя газеты для чтенія, а въ

другой стоитъ camera obscura для тѣхъ, кто себя захочетъ позабавить рисованіемъ. Лужайки, аллеи, тропинки, пригорки и пр. во множествѣ и со вкусомъ засажены и среди прекрасной зелени разукрашены также мраморными и другими статуями; однимъ словомъ, это особо пріятное и прекрасное мѣсто. Но что̀ еще лучше, оно лѣтомъ бываетъ открыто для всей публики два раза въ недѣлю; тутъ даромъ раздаютъ разнаго рода угощенія прохладительныя, и въ разныхъ мѣстахъ слышна музыка. Случится ли такое общество, которому пришла бы охота потанцовать, то и это свободно. Нельзя достаточно похвалить вниманіе владѣльца и вѣжливость, съ которыми онъ и его супруга привѣтствуютъ пріѣзжающихъ и иногда заговариваютъ съ ними и приглашаютъ къ увеселеніямъ. Только одно могу я прибавить къ описанію этого пріятнаго и въ своемъ родѣ единственнаго уголка, что даже Императрица здѣсь нерѣдко принимаетъ празднества и что въ свободные дни высшее дворянство здѣсь собирается въ такомъ количествѣ, что и самое мѣсто оттого становится особенно-блестящимъ.

Маленькіе дома снаружи выкрашены на Голандскій ладъ, и близко отъ нихъ на той же сторонѣ находился большой таборъ Цыганъ, которыхъ г. Нарышкинъ нарочно сюда помѣстилъ, чтобы эти мѣста еще болѣе разнообразить и развеселить.

Впрочемъ на той же дорогѣ около 11-й версты съ правой стороны, какъ и садъ въ «Баба», имѣется также и «Гага», принадлежащая брату предшествующаго, обергофмейстеру Нарышкину; она, говорятъ также весьма пріятна, въ такомъ же вкусѣ. Дача генерала Сиверса рядомъ и также пріятно бросается въ глаза.

Послѣ обѣда поѣхалъ я съ г. Эйлеромъ въ императорскій Кадетскій домъ. Это зданіе находится на Васильевскомъ острову съ главнымъ фасадомъ, хотя и болѣе узкимъ, на набережную Невы. Оно необыкновенно велико и почти занимаетъ цѣлую улицу. Это былъ когда-то дворецъ князя Меншикова. Въ настоящее время кадеты не живутъ въ своихъ комнатахъ. Они на бивакахъ подъ палатками, на лугу за дворомъ. Этотъ лагерь въ большомъ порядкѣ и воинственен̆ъ на видъ. Мнѣ также очень понравилась кадетская музыка.

Въ лагерѣ командовалъ и жилъ въ хорошо меблированной большой палаткѣ кадетскій маіоръ г-нъ фонъ-Рибасъ, Неополитанецъ, женившійся на незаконной дочери г-на Бецкаго, который камергеромъ у Императрицы и пользуется у нея значеніемъ; равно и г-нъ фонъ Рибасъ самъ въ чести у вліятельнаго г. Бецкаго. У него дѣйствительно что-то привлекательное въ его образѣ дѣйствій, и онъ одинъ изъ прі-

ятнѣйшихъ мужчинъ; у него нѣтъ недостатка въ разныхъ познаніяхъ и талантахъ, между коими онъ предался изобрѣтеніямъ по части механики и осмѣлился даже предложить постройку моста черезъ Неву; но его мостъ показался слишкомъ слабъ для необходимыхъ тяжестей.

Мы посѣтили потомъ по сосѣдству отъ кадетскаго лагеря извѣстнаго императорскаго живописца звѣрей, въ Академіи совѣтника, г. Ioh. Friedr. von Grooth, человѣка, который по своей спеціальности пошелъ далеко умѣньемъ отлично подражать природѣ. Онъ уже 30 или 40 лѣтъ живетъ въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его былъ придворнымъ живописцемъ при императрицѣ Елисаветѣ; его работы высоко цѣнились, и всякій разъ, что онъ что-либо кончалъ, онъ производилъ сильное впечатлѣніе, и часто посѣщалъ его весь дворъ. И въ теперешнее правленіе отдаютъ справедливость его талантамъ, только г. von Grooth отъ старости и нѣкотораго неудовольствія довольно отдалился отъ дѣлъ Академіи и живетъ въ тишинѣ и уединеніи. У него самого видѣлъ я только три его прекрасныя произведенія, а о другихъ скажу въ другомъ мѣстѣ. У него въ домѣ имѣются вообще многія достойныя вниманія вещи, картины, гравюры и изваянія; между первыми мало хорошихъ, исключая чудесный портретъ его самого и изображеніе знаменитаго Roos v. Tivoli; остальное мало интересно. У этого великаго художника два брата, также хорошіе живописцы; одинъ давно умеръ, другой долго жилъ въ Германіи и въ Швейцаріи, особенно въ Штутгардѣ и въ Базелѣ.

Еще нѣсколько часовъ провелъ я у г. Палласа, который показалъ мнѣ много интереснаго. Хотя большая часть его рѣдкостей увязана, и кажется онъ не торопится ихъ выставлять; но этотъ день къ нему привезли ящикъ изъ Англіи съ минералами и другими вещами, и онъ ихъ разбиралъ. Повидимому, его собраніе, должно быть, очень обширное, состоитъ не изъ Русскихъ только и Сибирскихъ рѣдкостей. Изъ сихъ послѣднихъ я видѣлъ у него только насѣкомыхъ, Монгольскихъ и Калмыцкихъ идоловъ и т. п. Насѣкомыя размѣщены подъ стекломъ во многихъ рамахъ. Комнаты Палласа украшены также драгоцѣннымъ собраніемъ бабочекъ изо всѣхъ частей свѣта.

Праздникъ въ Петергофѣ.

Воскресенье, 2 Августа. То былъ день Св. Маріи, и въ Петергофѣ праздновались имянины Великой Княгини. Я отправился туда съ г. Эйлеромъ и его старшимъ сыномъ, который былъ унтеръ-офицеромъ въ Артиллерійскомъ корпусѣ и въ тоже время адъютантомъ у генерала; но онъ свой мундиръ долженъ былъ оставить дома, ибо онъ

по военному рангу не имѣлъ права присутствовать на праздникѣ, который доступенъ лишь хорошо одѣтому штатскому.

У 17-й версты отъявился я къ тогдашнему почтенному Прусскому послу, уполномоченному при Русскомъ дворѣ, графу Сольмсу. Этотъ достойный государственный человѣкъ проводилъ лѣто на дачѣ, которая принадлежала недавно умершей вдовѣ графа Петра Чернышова и находилась на пріятной возвышенности.

Прослѣдовало еще немало красивыхъ дачъ съ пріятнѣйшимъ видомъ съ пригорковъ на взморье и вдоль очень проѣзжей дороги верстъ за 30, гдѣ находился Петергофъ. Я назову только Стрѣльну, большой увеселительный домъ, заложенный Петромъ Великимъ, хорошо представляющійся взору; но онъ уже необитаемъ и постепенно запускается, и большой садъ при немъ не особенно хорошо содержанъ.

Императрица была уже въ церкви, когда мы прибыли. Мнѣ посчастливилось однако проникнуть туда и достаточно имѣть поля для зрѣнія, чтò было-бы трудно, если-бы не такая хорошая погода, потому что церковь не велика и не можетъ быть сравнима съ дворцовыми церквами Версаля, Дрездена и пр.

Изъ нея выходъ на веселый балконъ, гдѣ большинство придворныхъ скорѣе гуляло, чѣмъ присутствовало при обѣдни. Всѣмъ моимъ читателямъ должно быть извѣстно, что во всѣхъ Русскихъ церквахъ и капеллахъ священникъ священнодѣйствуетъ въ особомъ помѣщеніи, отдѣленномъ особою стѣною (iconostasium) отъ остальной церкви, и туда никто кромѣ сослужащихъ не допускается. Въ присутствіи царицы и ея дѣтей дѣлается исключеніе*). Монархиня была именно въ этой святая святыхъ слѣва, то колѣнопреклоненная, то стоя у поставца (Prie-dieu), а за нею у входа были Великій Князь и Великая Княгиня вмѣстѣ у поставца. Между среднимъ и большимъ входомъ прислонился къ стѣнѣ князь Потемкинъ. Дамы, между которыми герцогиня Курляндская была изъ первыхъ, держались всѣ съ лѣвой стороны церкви отчасти на колѣняхъ, отчасти стоя; остальное пространство было занято стоявшими мужчинами, между которыми немного было, кто бы не имѣлъ одного или многихъ Русскихъ или Польскихъ лентъ, чтò казалось довольно пестро.

Я назову только троихъ изъ таковыхъ: князя Орлова, князя Потемкина и графа Панина. Первый, я долженъ признаться, мнѣ до чрезвычайности понравился; я уже его видалъ въ Тосканѣ, но теперь гораздо ближе; счастливѣе физіономію, соединенную съ прекрасною выразительною фигурою, трудно себѣ представить. Князь Потемкинъ, пожа-

*) Бернулли, конечно, стоялъ не въ самой придворной церкви, а въ боковой комнатѣ.

луй, еще выше его, особенно отличается сильными мышцами, но не такъ хорошо сложенъ и притомъ на одинъ глазъ кривъ, въ остальномъ однако прекрасенъ мужественными чертами лица. На груди носилъ онъ возлѣ звѣзды портретъ Императрицы, блиставшій алмазами. Графъ Панинъ, первый кабинетъ-министръ, который, безъ титула великаго канцлера Россійской Имперіи, ведетъ почти всѣ дѣла оной, высокого роста и нѣсколько, но нечрезмѣрно, жиренъ. Его черты лица гладкія, красивыя и ласковыя, и его способъ себя держать обличаетъ болѣе медлительности, которую ему ставятъ въ упрекъ, чѣмъ серіозности. Мимоходомъ говоря, онъ единственный, кого я замѣтилъ при Русскомъ дворѣ въ кавалерскомъ парикѣ.

Императрица, которой я могъ иногда довольно хорошо взглянуть въ глаза, привлекла меня въ это утро, какъ интереснѣйшее изъ всѣхъ лицъ. Въ ней величавость, умъ, доброта находились въ совершенномъ сочетаніи. При выходѣ ей представлялось семейство Рёмеровъ, собиравшееся съѣздить въ Берлинъ и явившееся проститься. Всѣ четыре дамы, поцѣловавъ ей руку, получили отъ нея по поцѣлую въ лобъ, какъ это обычно; то при этомъ она проявила необыкновенно-привлекательную любезность. Кто-то мнѣ утверждалъ, что она поставила себѣ за правило никогда иначе не появляться, какъ ласковою и никогда не поддаваясь гнѣву, а когда возможно наступленіе таковаго, то она на короткое время уходила къ себѣ въ кабинетъ, приказавъ ее дожидаться, и затѣмъ съ спокойнымъ выраженіемъ лица была готова, не давая воли неудовольствію, вновь показаться.

Отъ церковной службы осталось мнѣ лишь то, что она продолжалась долго; ибо послѣ обѣдни была проповѣдь, и священникъ (я забылъ его титулъ) не принялъ поцѣлуя руки отъ Императрицы, когда онъ ей передавалъ остатки освященнаго хлѣба. Сама церковь доставила мнѣ однако развлеченіе, ибо она изящно убрана золочеными украшеніями на бѣломъ фонѣ и изукрашена живописью. Таковая конечно на старый Русскій церковный вкусъ, по которому въ особенности избѣгаютъ свѣтло-темнаго, но вообще хорошо исполнена. Они украшаютъ иконостасъ, такъ ими называемый. За алтаремъ обыкновенно также картина, которую я однакожъ здѣсь видѣть не могъ. Рѣдко встрѣчаются изображенія Ветхаго Завѣта, хотя въ видѣ исключеній мнѣ пришлось видѣть и таковыя.

Когда мы вернулись въ Петергофъ, то гуляли, пока не начался балъ въ прекрасныхъ садахъ; затѣмъ надѣли мы наши домино и вмѣшались въ толпу. Скоро всякій опознается въ этихъ большихъ и торжественныхъ танцовальныхъ обществахъ. Толкаются,

васъ толкаютъ, и нельзя остановить глазъ хотя бы на 1/4 часа на томъ же предметѣ. Большинство было въ домино (dominos). Между ряжеными другого сорта не было особенно богатыхъ, ни чѣмъ либо особенно замѣтныхъ. Многіе были въ костюмахъ отдаленныхъ націй Россійской Имперіи, и казалось, что свой маскарадъ они заимствовали изъ гардероба Академіи Наукъ. Внимательнѣе осмотрѣлъ я небольшое общество молодыхъ женщинъ, появившихся въ обыкновенномъ ихъ одѣяніи, но прибывшихъ изъ отдаленной и малоизвѣстной страны. Иные говорили, что они изъ Грузіи. Вѣроятнѣе всего тѣ были правы, которые почитали ихъ оставленною здѣсь семьею Молдаванскаго князя Гики. У нихъ было длинное невинное лицо, чудные черные глаза, бѣлый, отчасти желтоватый цвѣтъ лица, черные совсѣмъ гладкіе волосы, спереди срѣзанные и черезъ лобъ висѣвшіе, голова покрытая чѣмъ-то въ родѣ низкаго чепца. Ихъ восточнаго, богатаго одѣянія не могу я подробно описать. Ихъ портреты, писанные по повелѣнію Императрицы и почти готовые, я въ послѣдствіи видѣлъ въ Императорской картинной галлереѣ.

Довольно долго оставался я тамъ, гдѣ Императрица играла, и я стоялъ прямо противъ нея. То было истинное наслажденіе на нее смотрѣть. Шляпа, надѣтая не безъ зеркала, шла къ ней безподобно и придавала ей шаловливый и значительно-моложавый видъ. Она много говорила, и ея частая очаровательная улыбка всякій разъ обнаруживала рядъ красивѣйшихъ зубовъ. Въ игрѣ были все кавалеры. Второй фаворитъ Корсаковъ (средняго роста и красивыхъ чертъ лица, но типа обыкновеннаго), графъ Иванъ Чернышовъ, фельдмаршалъ Салтыковъ, 4 и 5 другихъ играли въ макао: игра, въ которую въ Петербургѣ уже нѣсколько лѣтъ теряютъ и выигрываютъ огромныя суммы. Даютъ всего три карты, какъ при берланѣ, и вы должны не переходить извѣстное число очковъ. Игра эта проще нежели берланъ. Утромъ Монархиня была въ фіолетовомъ серебристомъ платьѣ, теперь же цвѣта Селадона, и оба раза то было обычное Русское платье, которое она стала носить столько же по физическимъ, сколько по политическимъ причинамъ и которое ей очень къ лицу.

Послѣ игры надѣла она на себя бѣлое домино, маску, и пошла прогуливаться, давъ руку графу Ивану Чернышову, черезъ комнаты, гдѣ танцовали. Нѣкоторые изъ ея камердинеровъ также были въ маскахъ, чтобы на случай, когда изъ нахальства или по неосторожности слишкомъ приближались къ закрытой богинѣ, таковыхъ отклонять знаками.

Великій князь показывался часто съ своею красивою женою. Онъ все время гулялъ съ нею, и вообще они неразлучны, какъ у Руссо.

Ихъ рѣдко видишь одного безъ другого, изъ чего можно заключить о нѣжности ихъ взаимнаго расположенія.

Около 10 часовъ для каждаго было подано угощеніе на длинныхъ столахъ, и такъ какъ не въ одно время сходились, то было нетрудно найти себѣ хорошее мѣсто или удобство. Угощеніе блюдами и винами было прекрасно, и угощеніе вѣжливое. При этомъ чудный медъ, разныхъ сортовъ пуншъ, чай, оршадъ и пр., всего въ изобиліи, ни въ чемъ не было бережливости, все соотвѣтствовало извѣстному блеску этого двора, и притомъ я не могу конечно не вспомнить отличнаго освѣщенія сада, который, въ эту прекрасную ночь, производилъ чудное впечатлѣніе; помню смѣну огней и кристальную журчающую воду большаго каскада, 4 или 5 яркоосвѣщенные императорскіе ялика въ открытомъ озерѣ, въ концѣ канала, идущаго отъ дворца и водопада къ морю, колонады двухъ зданій и увеселительную рощу по сторонамъ этаго канала, такъ называемый увеселительный домъ Петра Великаго въ отдаленіи въ лѣвой сторонѣ сада и пр. Я не могъ налюбоваться этою картиною.

Очень мнѣ досадно было, что, пока я передвигался въ этихъ очаровательныхъ мѣстахъ, случайно попалъ я туда, гдѣ находилась Русская охотничья музыка въ то время, какъ она только что перестала играть. Я и теперь еще сожалѣю, что впослѣдствіи не имѣлъ случая ее услышать; ибо, какъ я недавно узналъ, она играетъ не только во время торжественныхъ случаевъ, но и часто по Воскреснымъ днямъ на Невѣ. Это музыка, которую нынѣшній оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ придумалъ въ коронацію Императрицы, гдѣ каждый волторнистъ только въ извѣстный темпъ даетъ свой тонъ, что̀ въ соединеніи 40 или 50 вполнѣ обученыхъ и знающихъ волторнистовъ производитъ, какъ говорятъ, особенное впечатлѣніе.

3 Августа Бернулли былъ у генерала Бауера, который получилъ извѣстность своимъ описаніемъ Валахіи. Онъ женатъ былъ вторично на собственной падчерицѣ. Въ это время Бауеру поручено было проводить подземные ходы въ адмиралтейской части Петербурга, въ предупрежденіе опасности отъ наводненій. Бернулли съ Эйлеромъ ѣздили на Каменный островъ въ такъ называемый Воксалъ, устроенный въ тамошней рощѣ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и предоставленный населенію для прогулокъ и увеселенія. Они осматривали матроскую церковь, которая выстроена также великимъ княземъ.

4 Августа, на пути въ Петергофъ, Бернулли встрѣтилъ Екатерину. Она переѣзжала въ Царское Село и заѣхала обѣдать къ Нарыш-

кину. Съ нею было человѣкъ восемь спутниковъ, въ коляскѣ запряженной осмью извощичьими лошадьми. За нею ѣхало еще нѣсколько колясокъ, а впереди казаки съ длинными пиками.

На обратномъ пути посѣтили мы въ лѣтнемъ домѣ у графа Панина Французскаго Швейцарца именемъ Маріо (Mariot). Онъ на выгоднѣйшихъ условіяхъ состоитъ воспитателемъ племянника министра, сына генералъ-аншефа графа Панина, что̀ въ Москвѣ, къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо. Лѣтній домъ графа Панина находится на 12-й верстѣ и въ такомъ же вкусѣ какъ находящійся вблизи домъ графа Ивана Чернышова. Въ обоихъ сходство съ Петергофомъ. Главное зданіе, своею постройкою, кажется, еще прекраснѣе; но зданіе деревянное.

Въ Красномъ Кабакѣ мы обѣдали; здѣсь хорошая прислуга, и сюда часто пріѣзжаютъ на пикники, особенно для того чтобы поѣсть вафлей и попить хорошаго меду.

5 Августа. Послѣ полудня осматривалъ я прекрасный дворецъ, который Государыня строитъ для князя Орлова и который уже доведенъ подъ крышу [1]). Онъ украшенъ мраморными дверьми и оконными карнизами и пр., также главная лѣстница съ низу до верху вся изъ мрамора и украшена статуями, стѣны лѣстницы обложены мраморными плитами. Это безъ сомнѣнія красивѣйшій дворецъ въ С.-Петербургѣ, не исключая императорскихъ, хотя уступаетъ нѣкоторымъ въ размѣрахъ. Нѣсколько далѣе расположенъ Императорскій Лѣтній дворецъ, сады котораго я тогда осматривалъ; онъ собственно состоитъ изъ трехъ различныхъ садовъ: большаго всегда открытаго, цвѣточнаго и кухоннаго, который закрытъ, и изъ особенно-миловиднаго увеселительнаго сада, который Императрица удержала для собственнаго удовольствія и который также запертъ.

6 Августа. У маіора ф.-Рибаса въ Кадетскомъ лагерѣ видѣлъ я сегодня утромъ молодого рослаго человѣка по имени Бобринскаго, лѣтъ 14—15, который здѣсь воспитывается какъ кадетъ, но состоитъ подъ особымъ наблюденіемъ г-на фонъ-Рибаса, обращаетъ на себя вниманіе и со временемъ сдѣлается болѣе извѣстнымъ подъ тѣмъ или другимъ именемъ. Онъ, говорятъ, побочный сынъ князя Орлова, и между другими братьями и сестрами (Geschwister) у него, говорятъ, братъ [2]), который съ извѣстнымъ г-мъ Гриммомъ находится во Франціи. Когда тотъ вернется, поѣдетъ и Бобринскій съ г-мъ Гриммомъ путешествовать.

---

[1]) Это Мраморный дворецъ, на которомъ красовалась знаменательная надпись: „Зданіе благодарности". П. Б.

[2]) Показаніе, ни у кого, сколько знаемъ, не встрѣчающееся. П. Б.

Послѣ обѣда повелъ меня г-нъ Палласъ къ придворному ювелиру г-ну Адору, очень любезному и предупредительному человѣку, владѣльцу одной изъ лучшихъ въ С.-Петербургѣ коллекцій естественной исторіи. Въ ней много Сибирскихъ и др. минераловъ, красивые драгоцѣнные камни, Египетскіе кизель, кристалы, мраморъ и др. породы каменьевъ. Г-нъ Адоръ владѣетъ, кромѣ нѣкоторыхъ предметовъ искусства, богатой нумизматическою коллекціею. Онъ показывалъ между прочимъ рубль Іоанна, который съ каждымъ днемъ становится все рѣже, но теперь все же можетъ показаться, что̀ при прежнемъ правленіи и въ началѣ нынѣшняго было невозможно.

Нѣмецкій театръ помѣщался въ низкомъ деревянномъ домѣ близъ Лѣтняго дворца.

7 Августа. Я захватилъ г-на Эйлера въ собственной его комнатѣ, данной ему въ Кадетскомъ корпусѣ, и съ нимъ отправился къ генералъ-маіору фонъ-Пурпуру[1]), поставленному во главѣ Кадетскаго корпуса, и онъ подчиненъ повидимому всемогущему вліянію г-на Бецкаго. Онъ очень вѣжливый и достойный человѣкъ, и его въ корпусѣ чрезвычайно цѣнятъ. Онъ съ юности былъ другомъ и сподвижникомъ нашего дорогого князя Долгорукаго, Россійскаго посла въ Берлинѣ, имя котораго, какъ могутъ засвидѣтельствовать дворъ и городъ, не иначе произносится какъ съ истинною любовью и уваженіемъ (онъ уже 17 лѣтъ[2]) представителемъ своей націи). Желательно, чтобы побольше Русскихъ высокихъ господъ на него походило. Въ домѣ видѣлъ я г. доктора Кирнера, высокаго, красиваго молодого Нѣмца, который по ходатайству графини Брюсъ возведенъ въ придворные медики.

8 Августа. Сегодня утромъ осматривалъ я во дворѣ дома, гдѣ живутъ гг. Домашневъ и Крафтъ, большую, въ 100 футъ длиною, необыкновенную модель моста, который изобрѣтательный Русскій Кулибинъ (Colibi) предложилъ построить на Невѣ.

Съ госпожею Эйлеръ поѣхалъ я потомъ въ городъ, т. е. на сторону адмиралтейскую, къ Русскимъ лавкамъ, гдѣ можно купить все возможное для одѣянія, домашнія и деревянныя работы, меблировку и пр.

9 Августа. Отправился я съ Эйлеромъ на прогулку къ царскому увеселительному дворцу въ Царское Село, гдѣ теперь пребываетъ Императрица. Причину этой небольшой поѣздки я долженъ

---

[1]) Пурпура=дѣдъ Пушкинскаго пріятеля П. А. Катенина. П. Б.

[2]) Князь Владиміръ Сергѣевичъ Долгорукій пріѣхалъ къ Фридриху II-му въ началѣ 1763 года; слѣд. Бернулли писалъ это въ 1780 году, т. е. въ самый годъ изданія своихъ Записокъ. П. Б.

разсказать. У меня было рекомендательное письмо къ графинѣ Брюсъ, которая статсъ-дамою у Государыни и, что̀ еще значительнѣе, она дама съ портретомъ, такъ какъ получила царскій портретъ для ношенія на груди. Она пользуется особенною милостію и имѣетъ, въ особенности въ дѣлахъ, не находящихся въ прямомъ отношеніи къ правленію, полное довѣріе и дружбу Монархини. Въ прошлую Субботу, когда я впервыя былъ въ Петергофѣ, не могъ я ея дождаться, такъ какъ ей не поздоровилось, а во второй разъ она уѣзжала съ Государыней. Это меня побудило послать ей на слѣдущій день привезенное письмо и въ тоже время доложить, что хотя она и не пожелаетъ изъ за меня дѣйствовать настойчиво, но что я вѣроятно вынужденъ буду покинуть Петербургъ безъ представленія величайшей Монархинѣ и пр.; ибо, какъ я слышалъ, Императрица не привыкла, чтобы ей представлялись въ Царскомъ Селѣ, что̀ и правда, потому что этотъ замокъ—мѣсто отдохновенія, гдѣ она наивозможно менѣе безпокоима. Не прошло двухъ дней, какъ я получилъ очень милостивую записку отъ графини, изъ которой я могъ заключить что привезенное мною письмо (вѣроятно весьма благопріятная рекомендація), какъ равно и мое собственное, были доложены Государынѣ. Меня пригласили въ слѣдующее Воскресенье рано прибыть въ Царское Село и лично познакомиться съ графиней, а чрезъ мужа ея быть представленнымъ Государынѣ.

Въ 7 часовъ утра поѣхали мы и прибыли не ранѣе 10 часовъ, ибо отъ Васильевскаго острова туда будетъ приблизительно 30 верстъ. Я прежде всего былъ приведенъ къ графу Брюсу. Этотъ господинъ, генералъ-аншефъ, генералъ-адъютантъ Императрицы и кавалеръ ея орденовъ, принялъ меня съ истинною добротой и вѣжливостью и такъ какъ было еще рано, то онъ далъ приказаніе одному адъютанту показать мнѣ тѣмъ временемъ парадныя комнаты дворца.

Они занимаютъ весь первый этажъ и представляютъ собою чудесное зрѣлище. Главная лѣстница на концѣ зданія противъ сада и украшена золоченою съ сѣрымъ штукатурною работою. Затѣмъ имѣются наверху 5 или 6 большихъ комнатъ со столами, обмеблированныхъ и украшенныхъ слишкомъ богатою позолотою. Первая блеститъ между другими золочеными двойными колоннами, вторая съ золочеными статуями, остальныя въ другомъ и нѣсколько болѣе легкомъ вкусѣ. Потолки этихъ залъ красивы и расписаны алегорически и хотя они и не безошибочны, но живописецъ повидимому въ этомъ способѣ живописи весьма свѣдущъ по отношенію къ перспективѣ и къ ракурсамъ. За этими комнатами слѣдуетъ большой залъ въ серединѣ зданія, гдѣ было много ставень и гдѣ обѣдаютъ. Онъ въ та-

комъ же вкусѣ, и плафонъ его имѣетъ также алегорическое фресковое изображеніе. Затѣмъ слѣдуетъ малая галерея съ Китайскою обивкою, со многими дорогими Китайскими фарфорами и съ живописнымъ потолкомъ, изображающимъ Китайскій въѣздъ. Отсюда входите въ большую комнату великолѣпную въ своемъ родѣ; подобной комнаты я не видывалъ, ибо стѣны вполнѣ покрыты янтаремъ. За симъ слѣдуетъ залъ, въ которомъ все картины и большею частію хорошія разныхъ школъ, лучшія Нидерландскія. За этимъ заломъ наконецъ жилыя комнаты Императрицы, въ которыя я однакоже войти не могъ. Говорятъ, что особенно хороша зеленая спальня съ фіолетовою меблировкою.

О нижнемъ этажѣ и антресоляхъ этого чуднаго дворца могу я только сказать, что постройка эта по моему довольно спутанная, и особенно досадной мнѣ показалась отдѣлка пола и коридора; ибо онъ проходитъ насквозь всей середины зданія, и въ немъ такъ темно, что многочисленныя всегда горящія лампы недостаточно освѣщаютъ его, не избавляя васъ отъ ложнаго шага, и человѣку ослѣпленному бѣлыми и золочеными комнатами и дневнымъ свѣтомъ открытой равнины, на которой расположенъ этотъ увеселительный дворецъ, довольно долго приходится идти ощупью какъ въ темнотѣ.

Когда я осмотрѣлъ упомянутыя парадныя комнаты, графъ Брюсъ черезъ ординарца велѣлъ показать мнѣ еще часть сада, пока самъ онъ не отправился въ пріемную Государыни, и когда я вернулся, меня провели къ графинѣ*). Она сидѣла у своего туалетнаго стола и хотя она уже потеряла часть чаръ своей юности, которыя должны были быть очень сильны, но еще можетъ считать себя весьма пригожею, когда принарядится. Она приняла меня очень простодушно и любезно, много со мною разговаривала и познакомила меня съ голубыми и красными лентами вокругъ насъ порхавшими и которыхъ при дворѣ этомъ очень много. Теперь, думалъ я, цѣль моего сегодняшняго назначенія близка. Но Императрица дала знать своей любимицѣ, что она въ этотъ день, ради припадка колики, не покинетъ своей комнаты. Это непріятное извѣстіе очень скоро затѣмъ было подтверждено самимъ графомъ. Оба однако съ видимымъ участіемъ дали мнѣ удостовѣреніе, что въ скоромъ времени дѣло уладится. Графъ же былъ настолько расположенъ, что самъ меня провелъ темною галереею и другими лабиринтами замка къ генералу Салтыкову, чтобы обо мнѣ поговорить съ г. Бецкимъ и съ нимъ меня познакомить, а отъ него могъ бы я получить разрѣшеніе осматривать, сколько хочу, императорскую картинную галерею въ городѣ. Такимъ образомъ я имѣлъ по крайней

*) Это правнучка боярина А. С. Матвѣева. П. Б.

мѣрѣ утѣшеніе, которое по моимъ понятіямъ дороже почетнѣйшей, но въ философскомъ смыслѣ очень пустой церемоніи, сюда меня привлекшей, утѣшеніе найти въ графѣ и въ графинѣ Брюсъ придворныхъ, занявшихся мною съ истинною предупредительностію. Услужливость графа по отношенію ко мнѣ впослѣдствіи еще выказалась даже по моемъ возвращеніи въ Берлинъ.

Пообѣдавъ гдѣ-то на сторонѣ, Бернулли возвратился ко дворцу и пустился осматривать Царскосельскіе сады. Онъ приводитъ подробное описаніе ихъ. О Бецкомъ Бернулли говоритъ, что въ его распоряженіе поступали великія суммы денегъ, безъ требованія отчета, но что онъ не употреблялъ ихъ въ личную свою пользу. Бецкій принялъ его въ шлафрокѣ, гуляя по знаменитому висячему саду своего дома (нынѣ герцога Ольденбургскаго). Онъ далъ любознательному путешественнику позволеніе осматривать царскую картинную галерею, описанію которой Бернулли посвящаетъ вторую половину 4-й книжки.

Его 5-я книжка начинается описаніемъ художественныхъ и естественно-историческихъ собраній, Академіи Наукъ, а также ея библіотеки, которую по поводу недавняго 50-ти лѣтняго юбилея Академіи, украсили четырьмя алегорическими группами, бюстами и медальонами славныхъ ученыхъ людей, а также королей Прусскаго, Шведскаго и Польскаго. Сама Академія была тогда для Русскаго человѣка еще какою-то алегоріею.

Академикъ Гюльденштетъ повезъ нашего путешественника къ главному врачу Русскихъ войскъ барону Ашу, который получилъ большую извѣстность въ борьбѣ съ чумою. Отъ него Бернулли записалъ и рецептъ противочумнаго пластыря (Malthae, libram unam aceti concentrati, mellis puri, singulorum uncias duas subige in unguentum). Это горное масло, употребляемое въ Молдавіи и Валахіи на смазку колесъ, въ смѣси съ медомъ. У барона Аша Бернулли видѣлъ золотую медаль, которая была роздана депутатамъ Московской законодательной комиссіи и которую они (въ числѣ ихъ и б. Ашъ) носили въ петличкѣ; но какъ работы комиссіи замедлились, то и медали этой почти ни на комъ изъ депутатовъ не было видно. У Прусскаго посла графа Сольмса Бернулли обѣдалъ съ пасторомъ Лонсертомъ, про котораго онъ замѣчаетъ, что жалованье ему всего 700 рублей, а доходу отъ своихъ прихожанъ получаетъ онъ отъ 6 до 7 тысячъ: такъ процвѣтали тогда Нѣмцы въ Петербургѣ.

Въ главномъ храмѣ Александроневской Лавры Бернулли увидалъ на стѣнѣ изображеніе Петра I-го. Ужъ не хотятъ ли, подумалъ онъ, причислить его къ лику святыхъ? Я не удивлюсь этому, замѣчаетъ онъ, въ виду народнаго чрезвычайнаго почтенія къ памяти великаго

монарха; но если бы это причисленіе состоялось по обряду Римско-католическому, то пожалуй, такъ называемый адвокатъ чорта, разбирая жизнь Петра, перетянулъ бы дѣло на свою сторону. На кладбищѣ Бернулли остановился у надгробія прекрасной единственной дочери канцлера графа Воронцова, умершей 27 лѣтъ отъ роду въ 1769 году, и вспоминалъ ея родителей, которые, живучи въ Берлинѣ, пользовались всеобщимъ расположеніемъ и были къ нему ласковы. Онъ посѣтилъ также могилу Ломоносова. Ему не понравился памятникъ на ней, воздвигнутый графомъ М. Л. Воронцовымъ *).

Я отдохнулъ отъ моей продолжительной прогулки, окороченной пріятными неожиданностями, у генерала Салтыкова и у его чинной и любезнѣйшей супруги въ значительномъ обществѣ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, чтобы меня представить Ихъ Императорскимъ Высочествамъ; но это опять не могло осуществиться, потому что Великій Князь, такъ какъ Императрица не выходила изъ комнаты, только что переодѣлся, чтобъ выѣхать верхомъ.

Потомъ около 6 часовъ я поѣхалъ съ моимъ обществомъ назадъ домой. Но мы вышли на седьмой верстѣ до города, чтобы осмотрѣть недавно выстроенный Государыней зáмокъ въ готическомъ стилѣ подъ названіемъ Кекерикино.

15 Августа. Я былъ приглашенъ съ І. А. Эйлеромъ къ г-ну Румовскому на его хорошенькую, укромную дачу (на берегу Невы въ концѣ Петербургскаго форштата) къ обѣду, гдѣ былъ и Домашневъ. Русскій астрономъ такъ угостилъ ихъ, что Бернулли вспомнилъ про академическія попойки, отъ которыхъ по его словамъ сократилась жизнь его дяди академика Николая Бернулли (ум. 1726) и другихъ его товарищей. Могилу этого дяди онъ не могъ отыскать и говоритъ, что въ былое время въ Петербургѣ на дальнихъ улицахъ валялись, трупы особенно бѣдныхъ чужестранцевъ, ихъ пожирали собаки и клевали вóроны.—Мы проѣхали сначала за Васильевскимъ островомъ въ садъ придворнаго банкира барона Фридерикса. Такъ какъ я еще въ Берлинѣ читалъ въ газетахъ, что Государыня тамъ обѣдала, то я ожидалъ бóльшаго. Это обширный садъ, прекрасно обсаженный садовыми и огородными растеніями, но вообще мало интересный. Вмѣсто кустовъ, прямыхъ и правильныхъ аллей и различныхъ сортовъ деревьевъ, какъ въ Англійскихъ садахъ, вьется змѣйкой аллея; но она производитъ дурное впечатлѣніе и придаетъ всему видъ запущеннаго старомоднаго сада. Передъ вновь выстроеннымъ приличнымъ увеселительнымъ

*) Этотъ мраморный памятникъ нынѣ возобновленъ прямымъ и старшимъ потомкомъ Ломоносова, графомъ Г. И. Ностицемъ, которому подобало бы исходатайствовать себѣ и славное имя великаго своего прапрадѣда. П Б.

домомъ стояли по сторонамъ шесть мраморныхъ собакъ и львовъ, по другой многія человѣческія фигуры и бюсты, въ коихъ нѣтъ хорошей работы.

17 Августа. Императрица прибыла въ городъ, чтобы отпраздновать праздникъ Преображенскаго полка. Я отправился съ г-омъ Эйлеромъ къ Лѣтнему дворцу. Императрица уже поѣхала въ церковь Преображенской гвардіи, я же тѣмъ временемъ остался со многими придворными и другими людьми во дворцѣ. Главное сборное мѣсто былъ обширный залъ, зеленый, разукрашенный золоченою рѣзьбою; въ ней находится тронъ. Можно было проходить и въ другія комнаты. Я прошелъ чрезъ нѣкоторыя не особенно хорошо меблированныя комнаты съ Китайскими обоями, и чрезъ длинную столовую, которая, если не ошибаюсь, также зеленая съ золотомъ, въ церковь такой же отдѣлки, гдѣ только что происходила служба.

Часъ или нѣсколько позднѣе Императрица вернулась. Она осталась въ сосѣдней комнатѣ и говорила съ нѣкоторыми послами, графомъ Панинымъ и другими, и тутъ графъ Брюсъ меня представилъ князю Потемкину. Тѣмъ временемъ Императрица допускала къ цѣлованію руки многихъ гвардейскихъ офицеровъ; меня же графъ Брюсъ рекомендовалъ въ большой тронной залѣ своимъ адъютантамъ и всему обществу, дабы по приходѣ въ залу Императрицы представить меня ей. Это и случилось, и Великая Екатерина благоволила на нѣсколько мгновеній остановиться и съ своимъ обычнымъ чрезвычайно-благодушнымъ и увлекательнымъ взглядомъ дала мнѣ поцѣловать свою руку и сказала нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Затѣмъ она пошла дальше, и вся свита за нею, и тѣмъ самымъ закончилась эта во многихъ глазахъ столь важная и во всякомъ случаѣ почетная церемонія. Но графъ Брюсъ еще не усталъ мнѣ помогать: онъ тотчасъ же велѣлъ меня отыскать, чтобы помѣстить меня близъ стола у приличнаго мѣста почти насупротивъ Императрицы. Другихъ никого не было за столомъ кромѣ гвардейскихъ офицеровъ. Императрица сама была въ мундирѣ, но женскаго покроя и безъ шляпы. Справа отъ нея сидѣлъ князь Потемкинъ, какъ подполковникъ, а слѣва князь Голицынъ въ качествѣ маіора. Этому послѣднему она неоднократно выказывала разныя любезности, но говорила большею частію и много съ Потемкинымъ, которому, казалось, честь сидѣть рядомъ съ Императрицей гораздо привычнѣе, чѣмъ кому другому. Приборы Императрицы были золотые, у остальныхъ серебряные. Императрица пила нѣсколько краснаго вина съ водой и ѣла очень мало. Можно было по нѣкоторымъ минамъ, относившимся къ стоявшему насупротивъ обергофмаршалу князю Барятинскому и къ

другимъ, ясно замѣтить, что очень она устала и что мундиръ ей былъ слишкомъ узокъ и слишкомъ тепелъ; тѣмъ не менѣе въ чертахъ ея лица ничего не было непріятнаго. За нею стояли два Анненскихъ кавалера, а за ними два maîtres d'hôtel или камердинера; насупротивъ упомянутый обергофмаршалъ (въ Андреевской лентѣ) и пара другихъ высшихъ чиновъ. Я пробылъ тамъ болѣе получасу. Исполненъ былъ прекрасный концертъ, и пѣли кастраты[1]) Придворной Капеллы. Они казались мнѣ силою равны Tosoni въ Берлинѣ, и одинъ въ особенности пѣлъ по его манерѣ съ продолжительною выдержкою нотъ. Только что я уѣхалъ, какъ прибылъ Великій Князь съ Великою Княгинею изъ Царскаго Села въ Лѣтній дворецъ.

Чрезъ посредство г-на Домашнева обѣдалъ я у знаменитаго любимца и покровителя изящныхъ искусствъ, сенатора и оберкамергера Ивана Ивановича Шувалова, который есть дѣйствительный начинатель здѣшней Академіи Художествъ и самъ владѣетъ драгоцѣнными сокровищами рѣдкостей.

Онъ, какъ извѣстно, былъ приближенный любимецъ Императрицы Елисаветы. Послѣ нея и Петра III получилъ онъ consilium itinerandi[2]), такъ какъ онъ казался не вполнѣ доволенъ совершившимся переворотомъ. Впрочемъ въ Римѣ, гдѣ онъ поселился, онъ дѣлалъ многіе заказы по части искусствъ. Въ Сентябрѣ 1777 года прибылъ онъ наконецъ опять назадъ и получилъ вскорѣ послѣ того первое званіе оберкамергера. Онъ высокій и еще красивый мужчина, у котораго много умнаго и привлекательнаго въ чертахъ лица. Обѣдали тутъ и другіе диллетанты, бывшіе въ Италіи, князь Юсуповъ, князь Голицынъ, г-нъ Домашневъ и еще двое; также былъ г. профессоръ Палласъ. Послѣ обѣда г. Шуваловъ показывалъ свой превосходный кабинетъ, который я въ особенности разсматривалъ съ большимъ вниманіемъ и съ отмѣннымъ удовольствіемъ. Между антиками я особенно помню чудную колосальную голову, при ней лежитъ нога, тутъ же найденная и вѣроятно этой статуѣ принадлежащая. Еще красива мужская голова, которую Менгсъ цѣнилъ очень высоко и почиталъ за Ахиллеса. Поясной портретъ Императрицы, работы Шубина, стоитъ на прекрасной колоннѣ зеленаго порфира. Маленькія группы изъ terracotta стоятъ въ библіотекѣ близъ кабинета. Онѣ работы искуснаго Клодіона. Между мозаиками владѣетъ Шуваловъ большимъ кускомъ

---

[1]) Такъ называетъ Бернулли нашихъ придворныхъ пѣвчихъ, между которыми, сколько извѣстно, никогда не бывало кастратовъ. П. Б.

[2]) Совѣтъ уѣхать.

древняго пола, затѣмъ большою и прекрасною головой Христа, Римской фабрики. Мнѣ было пріятно встрѣтить хорошо удавшуюся голову безподобнаго кардинала Бернпса.

Простившись съ достопочтеннымъ оберкамергеромъ, я еще сдѣлалъ большую прогулку въ благородный Институтъ дѣвицъ и дорогой увидѣлъ вновь построенную канцелярію Преображенской гвардіи и походную вблизи церковь этого полка, оба прекрасныя зданія.

На пути одна изъ гувернантокъ Института, дѣвица Микò (Micaut), предупредила, что въ отсутствіи директрисы (madame de la Font) мужчины въ Институтъ не проникаютъ, и въ саду это еще труднѣе, чѣмъ если попасть въ домъ. Я отправился туда вечеромъ, только потому, что не зналъ что̀ дѣлать, чтобы по крайней мѣрѣ познакомиться съ положеніемъ и зданіями снаружи, тѣмъ болѣе, что я не надѣялся пробраться на поворотъ теченія Невы. Но я все-таки не могъ дать себѣ порядочнаго отчета, по причинѣ весьма длинной стѣны, окружающей замкнутый дворъ.

25 Августа. Г. проф. Крафтъ повелъ меня въ это утро съ библіотекаремъ г. Бакмейстеромъ въ Александроневскій монастырь, чтобъ представиться архіерею или архіепископу С.-Петербургскому и Новгородскому Гавріилу. Этотъ почтенный человѣкъ, имѣющій чинъ генералъ-фельдмаршала и званіе преосвященства, принялъ насъ съ особбливымъ благодушіемъ и манерою весьма предупредительною и непринужденною. Онъ по справедливости высоко чтимъ Императрицею и всѣмъ дворомъ и носитъ по особому разрѣшенію орнаменты патріаршіе. Онъ большого и крѣпкаго сложенія, весьма красивое мужественное лицо съ длинною бородою и распущенными волосами. Онъ носитъ на золотой цѣпочкѣ финифтное изображеніе Св. Александра и по другую сторону этого овальнаго небольшого изображенія Распятіе съ Іоанномъ и Пр. Дѣвой Маріей у креста. Одѣяніе его частію черное, частію фіолетовое, и теперь лѣтомъ матерія была шелковая. Онъ удержалъ меня по крайней мѣрѣ съ часъ. Разговоръ происходилъ по-латини и касался разнообразныхъ предметовъ. Архіепископъ высказывалъ замѣтное влеченіе къ изящнымъ искусствамъ и охотно слушалъ о путешествіяхъ по чужимъ странамъ. Онъ далъ намъ затѣмъ своего викарія, чтобы показать намъ достопримѣчательности монастыря. Первая и значительнѣйшая была гробница Св. Александра. Случайно видѣлъ я въ церкви, какъ причащали человѣка и совсѣмъ маленькаго ребенка. Потомъ намъ показали прекрасный покровъ, который Государыня изготовила для раки С. Александра и которымъ покрывали ее по праздникамъ. Онъ изъ зеленаго бархата, очень богато и

со вкусомъ обдѣланъ въ золото, по угламъ украшенъ большими золочеными украшеніями. На немъ изображеніе ордена Св. Александра Невскаго, у котораго звѣзда богата алмазами и жемчугомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ показываютъ драгоцѣнныя церковныя облаченія и хорошо сохранившійся головной уборъ Св. Александра изъ кармазиннаго бархата, опушеннаго горностаемъ. Въ другой комнатѣ сохраняется кармазиннаго бархата богато украшенный серебромъ балдахинъ надъ гробомъ.

Далѣе видѣли мы кровать, на которой спалъ Петръ Великій, когда онъ пребывалъ въ монастырѣ, что̀ случалось часто; но она въ дурномъ положеніи. Нашъ любезный викарій дождался насъ потомъ въ своей комнатѣ и поилъ нѣсколько разъ чаемъ. Остается только замѣтить, что комнаты архіепископа хотя и не великолѣпныя, однакоже хорошо украшены портретами, какъ Русскихъ государей по порядку, такъ и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ.

27 Августа. Сегодня утромъ видѣлъ я, хотя и второпяхъ, картинную галлерею придворнаго банкира барона Фридрихса. Она порядочная, какъ по достоинству, такъ и по числу картинъ. У барона картины разныхъ школъ и иныя лучшихъ мастеровъ. У него нѣкоторыя особенно хорошія Итальянскія картины, также пейзажи, звѣри и архитектурныя картины; тѣмъ не менѣе владѣлецъ, повидимому, не особенный любитель ихъ. Это богатый мѣняла-Лифляндецъ.

У купца Бертолотти, у котораго также имѣется прислуга на таможнѣ и на биржѣ, любовался я превосходными архитектурными рисунками, оставленными ему другомъ его Carlo Galli Bibiena; ими завѣшаны стѣны большой комнаты.

У барона Аша, гдѣ я обѣдалъ, видѣлъ я многіе предметы его славной нумизматической коллекціи, особенно многія рѣдкія Лифляндскія монеты. Баронъ былъ столь любезенъ, что повелъ меня къ медальеру Gasse, одному изъ искуснѣйшихъ мастеровъ этого дѣла въ Петербургѣ. Онъ былъ какъ разъ въ это время занятъ изготовленіемъ прекрасной медали на смерть генерала Вейсмана.

Осмотрѣлъ я чудный дворецъ графа И. Г. Чернышова, который конечно одна изъ достопримѣчательностей Петербурга.

Снаружи онъ построенъ на Французскій манеръ, со многими статуями, нишами и пр. и разукрашенъ, такъ что не легко безъ рисунка имѣть понятіе о немъ. Главная лѣстница сѣро-бѣлаго мрамора, каж-

дая ступень изъ отдѣльнаго куска, привезеннаго изъ Италіи. Въ нижнемъ этажѣ находятся комнаты двухъ графинь и обыкновенныя гостиныя. (Красивая и любезная единственная дочь*) графа Чернышева, теперь привлекается ко двору, въ виду ея недавняго назначенія фрейлиной къ Императрицѣ). Они достойны осмотра, но много теряютъ въ сравненіи съ верхнимъ этажемъ, гдѣ въ комнатахъ графа и въ парадныхъ комнатахъ соединяется вкусъ съ истинно-царственнымъ великолѣпіемъ. Съ главной лѣстницы входите прежде всего въ комнату, гдѣ находятся часть библіотеки и модели кораблей, морскія карты и пр.; между ними большая прекрасная модель здѣшняго Адмиралтейства. Затѣмъ слѣдуютъ обыкновенный кабинетъ и жилая комната графа, въ концѣ дворца. Здѣсь всего замѣчательнѣе множество прекрасныхъ картинъ, равно оригиналовъ и копій извѣстныхъ вещей, иногда слывущихъ за оригиналы. Имѣются и хорошіе ландшафты и морскіе виды Гакерта изъ Рима. Изъ этой комнаты входите по лѣвую руку въ овальный залъ, гдѣ вы совершенно озадачены множествомъ и разнообразіемъ прекрасныхъ предметовъ. Стѣны опять завѣшаны хорошими Итальянскими и Нидерландскими картинами; можно прочесть на маленькихъ опахалахъ или экранахъ сюжеты картинъ, имена и краткую исторію.

Далѣе внизу всюду вокругъ низкіе и особенно цѣнные поставцы изъ чернаго лака съ густою позолотою, заключающіе въ себѣ гравюры, модели машинъ, физическіе и астрономическіе инструменты. Тутъ, а также на столахъ между окнами и на каминѣ, имѣются нѣкоторыя хорошія мраморныя копіи знаменитыхъ Римскихъ статуй, а равно и бюсты еще живущихъ лицъ, а именно: короля Прусскаго, графа Чернышова и пр. Посрединѣ стоитъ слитокъ въ натуральную величину и для комнаты слишкомъ высокій Аполлона Ватиканскій. Это между всѣми примѣчательностями лучшее. Цѣлыми днями можно было бы съ удовольствіемъ бывать въ этомъ залѣ.

Отсюда опять лѣвою рукою проходите въ цѣлый рядъ комнатъ, проходящихъ черезъ главное зданіе и въ особенности богато меблированныхъ, въ спальную графа также картинами украшенную; отсюда черезъ пять или шесть малыхъ и большихъ комнатъ залъ для асамблей-gala. Въ одной имѣется биліардъ, въ другой фортепіано, въ третьей кресло Императрицы, которая въ этой комнатѣ обычно играетъ въ карты, и всѣ онѣ обставлены художественными произведеніями, особенно столы и камины; рѣдко что̀ можно видѣть красивѣе и богаче.

---

*) Бернулли ошибается: у графа И. Г. Чернышова было двѣ дочери, Екатерина Вадковская и Анна Плещеева. П. Б.

Не могу я также забыть одну статую, стоящую передъ изображеніемъ отца, графа Григорія Чернышова, и вѣроятно служащую памятникомъ сыновней любви. Также драгоцѣнны урны въ очень большой главной залѣ, меблированной пріятнымъ цвѣточнымъ бархатомъ. Большія стулья имъ еще покрыты, но обои уже по приказанію графа сняты, дабы повѣсить нѣсколько драгоцѣнныхъ картинъ, ему данныхъ на храненіе герцогинею Кингстонъ. Ихъ немного, но двѣ очень велики и занимаютъ почти всю стѣну. Лучшая изображаетъ Александра и семью Дарія; одна, говорятъ, Mignard'а, великолѣпна, особенно сильнаго колорита; другая слабѣе, вѣроятно однако того же мастера. Сюжетъ я забылъ. Между маленькими картинами св. семейство, приписываемое Рафаелю и во всякомъ случаѣ его школы, если не его.

Заслуживаетъ къ славѣ графа Чернышова быть замѣченнымъ, что онъ, какъ знатокъ и любитель наукъ и искусствъ, съ нѣкоторыхъ лѣтъ числится между сочленами Императорской Академіи Наукъ, что въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ у него преміи на опредѣленіе задачи, наприм. 50 червонцевъ по предмету лѣсоводства, если не ошибаюсь еще другія, и что онъ принималъ участіе вмѣстѣ съ Императрицей въ переводѣ Велизарія.

1 Сентября. Я надѣялся въ это утро еще осмотрѣть большую часть прекрасной библіотеки князя Юсупова, однако я засталъ его занятаго переборкою ея въ нижній этажъ. Тѣмъ не менѣе видѣлъ я разныя рѣдкія и въ Германіи произведенія Martorelli, Mazochi, Galliani, Ambrogi, извѣстный единственный отрывокъ Виргилія и пр. Весьма неохотно простился я съ любезнымъ княземъ и могу сказать, что онъ принадлежитъ къ числу немногихъ вельможъ Русскаго двора, которыхъ я имѣю причину по справедливости высоко цѣнить.

Послѣ обѣда пошелъ я, въ сопровожденіи проф. Гюльденштедта и съ рекомендаціею господина Домашнева, смотрѣть естественно-историческую коллекцію гр. Строганова, въ его дворцѣ на Невскомъ проспектѣ, разумѣется на сколько это было возможно: ибо въ виду отъѣзда владѣльца въ Парижъ большинство вещей уложено въ ящики и поставлено въ погребъ. Когда въ Сентябрѣ поднялась высокая вода, должны были все опять отнести на верхъ и многое высушить; изъ за этого произошелъ сильный безпорядокъ, и многихъ уложенныхъ вещей нельзя было видѣть. Легко себѣ представить, когда галлерея въ порядкѣ, что она должна представлять красивое зрѣлище; ибо она состоитъ подрядъ изъ шести комнатъ, соединенныхъ между собою широкими аркадами безъ дверей. Послѣдняя комната самая большая; она нѣсколько выше

остальныхъ и повидимому еще не приведена въ порядокъ. Въ ней заключается въ семи большихъ зеркальныхъ поставцахъ порядочное количество анатомическихъ препаратовъ, частію сухихъ, частію въ спирту, какъ рѣдкіе звѣри и насѣкомыя въ спирту. Много хорошаго, но ничего выдающагося. Графъ это собраніе получилъ отъ лейбъ-медика Крузе. Послѣдняя зала, крайняя комната, и рядомъ за угломъ находится библіотека, прекрасно переплетенная и систематически приведенная въ порядокъ. Сквозь проволочную рѣшетку, соединяющую шкафы, замѣтили мы между фоліантами немало рѣдкихъ и прекрасныхъ изданій. Кромѣ того, имѣется въ одной комнатѣ галереи еще одно прекрасное собраніе гравюръ, рисунковъ и пр. Изъ прочихъ вещей можно только сказать, что собраніе обнимаетъ собою всѣ части натуральнаго царства въ связи съ многими предметами искусства.

Картинную галлерею, особенно украшающую дворецъ сей, и что̀ въ другихъ комнатахъ, не могъ я видѣть, ибо въ нихъ жилъ генералъ Бибиковъ, къ которому у меня не было рекомендательнаго письма.

Въ одномъ изъ флигелей графскаго дворца Воронцовыхъ обѣдали мы вмѣстѣ съ однимъ изъ моихъ старинныхъ Русскихъ знакомыхъ и друзей, у посольскаго совѣтника фонъ Крока, брата того, который долгое время былъ въ Берлинѣ секретаремъ посольства, потомъ такое же мѣсто занималъ въ Испаніи и теперь совѣтникомъ посольства у Русскаго посла при Датскомъ дворѣ. Онъ жилъ въ этой квартирѣ съ третьимъ братомъ, женатымъ и также весьма пріятнымъ человѣкомъ. Они послѣ обѣда повели насъ въ главное зданіе дворца. Это тотъ самый дворецъ, въ которомъ жилъ нашъ принцъ Гейнрихъ. Лучшее и замѣчательнѣйшее послѣ большого и красиваго фасада, это прекрасныя колонады, поддерживающія зданіе и между которыми широкая чудная лѣстница. Комнаты же, хотя по современному и богато меблированы, но мнѣ показались мрачными по причинѣ темныхъ обоевъ. Въ нихъ имѣются портреты Римской императорской фамиліи; плафоны большаго зала и нѣкоторые другіе достойны вниманія. Эти послѣдніе плафоны покойный великій канцлеръ заказалъ у Tiepoletto и привезъ ихъ изъ Италіи.

РУССКІЕ ЛЮДИ ВЪ 1812 ГОДУ.

Отзывъ современника - иноземца.

Письмо Г. Ѳ. Фабера *).

Какъ мнѣ забыть то время, о которомъ столько лицъ кромѣ меня вспоминаютъ здѣсь ежедневно, то время, когда въ Петербургѣ была госпожа Сталь? Неужели вы думаете, что я могу не вспоминать о той благосклонности, съ какой вы допустили меня къ себѣ?

Сколько совершилось событій съ тѣхъ поръ, какъ вы покинули эту столицу? Москва—что за имя въ исторіи! Народъ спасъ имперію. То была рѣшительная кампанія, и каковы бы ни были войны будущія, независимость Россіи обезпечена навсегда. Вся тайна въ томъ, что народъ хочетъ быть независимымъ. Онъ научился сознавать свою силу и пользоваться ею.

Русскій народъ подъ оружіемъ, онъ поднялся какъ одинъ человѣкъ, и для этого не требовалось ни прокламацій, ни манифестовъ. Правительство говорило о томъ, чтобы положить предѣлъ вызванному движенію; но письменными приказами нельзя сдержать подобныхъ порывовъ, подобно тому, какъ нельзя возбудить ихъ такими приказами. Арміи пополнялись ратниками и побѣждали. Въ нѣсколько недѣль образовались новые баталіоны вполнѣ обученными; нѣкоторые на моихъ глазахъ были устроены въ нѣсколько дней. Совершенно исключительное зрѣлище представлялъ этотъ народъ въ походѣ, эти грозныя бороды и нечесаныя головы, этотъ народъ, прямо подставляющій непріятелю свои открытыя груди. Эти воины проходили всюду съ пѣснями; иногда (это я самъ видѣлъ) за ними шли ихъ жены, и чтобы помочь мужьямъ, несли отъ времени до времени ихъ оружіе и ихъ вещи. Изъ каждаго города, изъ каждаго мѣстечка выходило по взво-

---

*) Готлибъ Ѳеодоръ фонъ-Фаберъ (род. въ Ригѣ 4 Ф. 1766 г. † въ Парижѣ 28 Н. 1847) служилъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ и былъ основателемъ издававшейся въ Петербургѣ газеты Conservateur Impartial (см. „Азбучный Указатель именъ Русскихъ дѣятелей“, изд. Импер. Русскаго Историческаго Общества, часть 2-я, стр. 377 и 814). Французскій подлинникъ этого письма помѣщенъ въ VI-й части „Бумагъ относящихся до Отечественной войны 1812 года, собранныхъ и изданныхъ П. И. Щукинымъ, стр. 113—122. Оно писано изъ Петербурга 1 (13) Декабря 1812 года, къ неизвѣстной намъ особѣ женскаго пола; можетъ быть, къ самой знаменитой г-жѣ Сталь. П. Б.

ду. Они не собирались ни въ полки, ни въ баталіоны, ни въ роты: то была дружина, т. е. общество друзей, давшихъ другъ другу клятву (таковъ прекрасный смыслъ этого чисто-Русскаго слова). За ними несли, въ этой святой войнѣ, иконы и мѣстночтимыя святыни. На знаменахъ Петербургской дружины былъ крестъ, и единственнымъ отличіемъ каждаго ея солдата былъ этотъ знакъ, коимъ они хотѣли побѣждать. Случалось, что съ этими народными полками шли духовныя лица. Вездѣ они были первые въ огнѣ, и вездѣ они отличались. Ихъ духъ вездѣ былъ достоинъ удивленія; всѣ генералы хвалили ихъ. У меня есть другъ, занимающій довольно высокое положеніе при славномъ графѣ Витгенштейнѣ; онъ пишетъ съ поля сраженія при Полоцкѣ: «Посреди убійствъ и потоковъ крови, проливаемыхъ человѣкомъ, я узналъ ту силу, которая управляетъ его безсмертною природой; вѣра — вотъ что даетъ нашимъ ополченцамъ силу презирать смерть; ихъ неколебимое безстрашіе всецѣло - духовное». Въ одномъ изъ дѣлъ этой самой арміи, генералъ хотѣлъ перевести ополченцевъ на другое мѣсто; имъ показалось, что ихъ заставляютъ отступать, и они обратились къ вождю съ наивнымъ возраженіемъ, что, давши Государю клятву идти впередъ, они не могутъ подвигаться назадъ. Таково теперь всеобщее настроеніе. Крестьяне и простолюдины въ городахъ, не участвующіе въ походахъ, жалуются, что имъ не пришлось раздѣлять опасности и славу съ лицами, имъ совершенно равными. Что же нашъ Государь не приказываетъ намъ выступать? Когда же выступимъ мы? Эти слова слышны повсюду.

Не менѣе чѣмъ та часть возставшаго народа, которая примкнула къ арміямъ, въ дѣлѣ общей защиты полезна и другая его часть, остававшаяся въ деревняхъ. Она ведетъ съ Французами болѣе истребительную и, можетъ быть, болѣе устрашающую ихъ войну, чѣмъ всѣ тѣ, которые стоятъ въ рядахъ. Всюду, куда направляются Французы, изъ подъ земли выростаютъ вооруженные люди. Не знаю, равняется ли война, которую вели Испанцы, съ войною, которую ведутъ Русскіе. Какъ только Французы приближаются къ деревнѣ, изъ нея уносится вся находящаяся въ ней движимая собственность. Женщинъ, дѣтей и стариковъ отсылаютъ подальше, остаются лишь люди способные обороняться... Рѣшено, что непріятель долженъ вернуться на родину только сквозь развалины и пепелъ. Домà и все, чтò нельзя унести, предаются огню. Устроена общая охота въ кустарникахъ, за плетнями, въ лѣсахъ, въ оврагахъ: за каждымъ деревомъ спрятанъ охотникъ. Нѣтъ пристанища появляющемуся Французу, на свой ли страхъ добываетъ онъ пропитаніе, или отправляется за фуражемъ вмѣстѣ съ цѣлымъ отрядомъ, и лишь немногіе возвращаются изъ этихъ поисковъ.

Для взятаго въ плѣнъ живымъ — нѣтъ пощады: онъ будетъ убитъ; онъ, быть можетъ, будетъ сожженъ. Ненависть Русскихъ жестока. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ нѣсколько недѣль были насыпаны могилы надъ сотней или двумя сотнями труповъ, свидѣтельствующія о томъ, что Французы здѣсь были. Ихъ армія встрѣчала вездѣ только пустыню и пепелъ и оставляла за собой могилы. Она должна была отступать.

Русская любовь къ родинѣ не похожа ни на какую другую. Она чужда всякой разсудочности; она все въ ощущеніи. Съ одного конца Россіи до другого она проявляется однимъ и тѣмъ же способомъ; рѣшительно всѣ выражаютъ ее одинаково; это не разсчетъ, это ощущеніе, и это ощущеніе—молнія. Бороться и все принести въ жертву, огнемъ и мечемъ: вотъ въ чемъ сила этой молніи. Вступать въ сдѣлку съ непріятелемъ—такая мысль не вмѣщается въ Русской головѣ. Никакое примиреніе невозможно, ни о какомъ сближеніи не хотятъ и слышать. Побѣдить или быть побѣжденнымъ, середины для Русскихъ не существуетъ. Конечно въ такомъ настроеніи есть что-то дикое, но вѣдь Русскій еще недалекъ отъ первобытнаго состоянія. Онъ разрушаетъ все то, чѣмъ владѣетъ. Онъ не допускаетъ мысли, чтобы его положеніе могло стать инымъ чѣмъ теперь; онъ не вынесетъ никакого измѣненія въ немъ, никакого посягательства на него; онъ хочетъ сохранить его цѣликомъ, иначе ему ничего не надо. Въ тоже время это дитя природы чувствуетъ въ себѣ силы создать для себя заново все то существованіе, которое ему любезно, такъ какъ съ помощью своего топора онъ строитъ себѣ жилище и дѣлаетъ мебель, самъ готовитъ себѣ всякую утварь и одежду и собственными руками можетъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ жизни. Вотъ почему онъ такъ быстро готовъ на крайнія рѣшенія.

Чувство, которымъ Русскій поселянинъ связанъ со своимъ положеніемъ, не ограничивается его гражданскими отношеніями, тѣми отношеніями, которыя опредѣляются словомъ рабство и которыя прикрѣпляютъ его къ собственнику земли, называемому помѣщикомъ или господиномъ. Предки поселянина и самъ онъ родились въ этихъ отношеніяхъ, онъ въ нихъ воспитанъ, они сдѣлались для него тѣмъ воздухомъ, которымъ онъ дышитъ. Долгая привычка стала для него второю природой. Слѣдствіемъ явилась та основная особенность его духа, которою онъ и отличается отъ другихъ народовъ: покорность и повиновеніе. Эти чувства составляютъ одно изъ первыхъ свойствъ его духовнаго существа. Когда же къ нимъ присоединяется чувство признательности, они обращаются въ безпредѣльную преданность. Русскій, привязавшійся къ какому-нибудь лицу, самое вѣрное существо

въ мірѣ: онъ изливаетъ на предметъ своего предпочтенія всю силу своихъ первобытныхъ чувствъ; его привязанность чиста; онъ не умѣетъ отдаваться на половину, отдаетъ все тому, кого любитъ, и преданъ ему до самой смерти. Французы надѣялись встрѣтить приниженныхъ рабовъ, готовыхъ къ мятежу, и нашли людей непоколебимо преданныхъ своимъ господамъ.

Наполеонъ при составленіи плана кампаній принимаетъ въ расчетъ духовныя данныя по крайней мѣрѣ настолько же, насколько чисто-военныя соображенія; но въ Россіи онъ встрѣтилъ сопротивленіе, обманувшее всѣ его надежды и разрушившее всѣ его планы. Развѣ есть возможность краснобайствомъ поколебать глубоко заложенное народное свойство? Громкими объявленіями истребить врожденныя чувства? Революціонный завоеватель не подумалъ объ этомъ. Онъ привыкъ, играя словами, обманывать народы, которые умѣютъ читать; но Русскій народъ неграмотенъ. Слово «свобода» для него лишено смысла; ему надо было предложить вещь, а не слово. Подчиненность для этого народа—привычка; его преданность ему необходима: такова его природа, и ея не перемѣнишь въ одно мгновеніе. Въ своихъ бюллетеняхъ вы зовете это чувство народности варварствомъ. Я люблю варварство, спасающее отчизну. Вступивъ на Русскую землю, Французы принялись на разные лады жаловать свободу поселянамъ. Свободу? спрашивали тѣ въ отвѣтъ; но какъ можете *вы* дать намъ что бы то ни было или отнять у насъ что нибудь, если у васъ нѣтъ надъ нами никакой власти? Вашъ императоръ не можетъ намъ дать ничего; только нашъ императоръ и наши господа могутъ распоряжаться нами. Такъ отвѣчали округà, отдѣльныя лица, всѣ. И въ это время междуцарствія въ области общественныхъ отношеній, вызваннаго Французскимъ вторженіемъ, добрые поселяне свято сохраняли всѣ связи, соединявшія ихъ съ правительствомъ и съ помѣщиками; они по собственной волѣ крѣпче завязали ихъ, они всѣ встали вокругъ своихъ господъ на защиту общей родины. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ господа были въ отсутствіи, управляющіе продолжали распоряжаться какъ прежде; выборные крестьянскіе поддерживали среди сотоварищей установленный порядокъ; подати собирались по обыкновенію, и господа безъ перерывовъ получали донесенія, гдѣ къ хозяйственнымъ сообщеніямъ присоединялись свѣдѣнія о средствахъ обороны, о числѣ взятыхъ въ плѣнъ, убитыхъ и похороненныхъ Французахъ, какъ о числѣ засѣянныхъ десятинъ, мѣръ хлѣба и саженей дровъ. Много трогательнаго въ этихъ отчетахъ простыхъ и вѣрныхъ людей, которые все подчиняли долгу, въ увѣренности, что ничто не можетъ порвать тѣхъ узъ, которыми они связаны съ своими господами.

Когда я выхваляю этихъ вѣрныхъ и преданныхъ людей, можно подумать, что я выхваляю рабство, и я не совершенно отказываюсь отъ этого. Несомнѣнно, что многое можно сказать въ пользу того рабства, какое сейчасъ существуетъ въ Россіи. Посмотрите на Русскаго крестьянина. Живи онъ подъ тягостнымъ игомъ, онъ не могъ бы быть умнымъ, ловкимъ, искуснымъ, веселымъ, смѣлымъ, предпріимчивымъ. Скажите мнѣ, неужели всѣ эти умные поселяне, ловкіе, искусные, веселые, смѣлые и предпріимчивые—рабы *)? Неужели помѣщики, ихъ господа, пользуются своими правами, какъ тираны? Конечно нѣтъ. Въ ихъ отношеніяхъ къ этимъ крѣпостнымъ людямъ есть что-то патріархальное, вовсе непохожее на тѣ отношенія, которыя поддерживались на Антильскихъ островахъ націею, считающею себя самой чувствительной и самой человѣчной, и которыя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вновь возстановилъ тамъ современный властелинъ, гордый своимъ свободомысліемъ и своими передовыми убѣжденіями. И тотъ же самый человѣкъ, который воскресилъ рабство и торговлю Неграми, явился даровать свободу Русскимъ крестьянамъ!.. Да, надо признать весьма человѣчнымъ тотъ родъ рабства, при которомъ господинъ зоветъ раба братомъ («братецъ»), а рабъ говоритъ господину «ты» и называетъ его отцомъ («батюшка»). Крупные Русскіе помѣщики всегда проявляли себя по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ великодушными и вольнолюбивыми господами. Они составляютъ громадное большинство среди Русскихъ землевладѣльцевъ; а въ меньшинствѣ, составленномъ изъ мелкопомѣстнаго дворянства, лишь небольшая часть пользуется своими правами для угнетенія крестьянъ.

Мои слова покажутся парадоксомъ, они заставятъ кабинетнаго философа испустить громкій крикъ; но я скажу ихъ только вамъ: рабство, въ томъ видѣ, какъ оно сейчасъ существуетъ въ Россіи, спасло на этотъ разъ государство. Допустивъ именно теперешнюю ступень развитія, можно говорить только объ инстинктѣ. Одной ступенью выше, каждый уже начинаетъ сравнивать свое положеніе съ другимъ, свою страну съ другими. Кое-что видѣвъ, кое-что читавъ, знаютъ или воображаютъ, что можетъ быть и лучшее. Свободные, независимые, разобщенные владѣльцы болѣе эгоистичны: они держатся за житейскія удобства; каждый изъ нихъ раздумываетъ, обсуждаетъ, колеблется; отъ этого страдаетъ единодушіе общей воли. Движеніе оказывается не всеобщимъ; разумъ, принимающій въ соображеніе то и то, лишенъ быстроты чувства и увѣренности инстинкта. Будутъ прекрас-

*) Тоже говорилъ Гарибальи про Русскихъ простолюдиновъ, которыхъ встрѣчалъ у береговъ Чернаго моря, пріѣзжая туда на Итальянскихъ судахъ за пшеницею. См. „Русскій Архивъ“ 1885, II, 72. П. Б.

ные честные порывы, черты личнаго увлеченія; но въ движеніи не будетъ того согласія, той глубины, той неуклонной точности въ направленіи, какія проявила особенно въ наши дни эта громадная имперія. Кромѣ того, при ея современномъ устройствѣ, средства дѣйствія и точки единенія оказались уже намѣченными: они были вполнѣ естественны. Крестьяне собирались вокругъ своихъ господъ, населеніе каждаго имѣнія образовывало отдѣльную толпу защитниковъ. Всѣ видѣли эти толпы въ тысячу, или двѣ, или пять тысячъ человѣкъ, вооружившихся на защиту родной мѣстности. Выборные, управляющіе, старики распоряжались и направляли силы. Не могло быть организаціи болѣе простой по устройству для приведенія въ движеніе и болѣе легкой для управленія ею.

Наполеону было совершенно немыслимо предвидить, что его покушенія на Руссую вѣрность не удадутся; для этого требовалось гораздо бо̀льшее знаніе Русскаго характера, чѣмъ то, какимъ могъ располагать или какое могъ составить себѣ иностранецъ. Русскіе помѣщики, имѣя подъ рукой гораздо болѣе данныхъ о душевныхъ и умственныхъ качествахъ своего народа, рѣшительно не знали его. Они готовились къ мятежу своихъ крестьянъ. Ослѣпленные удачами Наполеона, пораженные выгодами, которыя представлялись народу, они ждали отъ него слишкомъ мало; они слишкомъ мало ждали отъ своего народа, не измѣривъ всей глубины его добродушія. Немногіе Русскіе изъ высшихъ круговъ отдаютъ справедливость Русскому народу; ихъ обычное воспитаніе и та жизнь, которую они ведутъ, лишаютъ ихъ возможности наблюдать его и судить о немъ. Нынѣ они прежде всѣхъ другихъ укоряютъ себя въ томъ, что не знали его, и съ чувствомъ пересказываютъ о прекрасныхъ чертахъ привязанности, проявленныхъ имъ.

Дитя природы, этотъ народъ столь же сильно ненавидитъ, какъ и любитъ. Его озлобленіе противъ Французовъ не имѣетъ предѣла, какъ не знаетъ препятствій и его мужество при выраженіи этого чувства. Одного крестьянина принуждаютъ служить во Французской арміи и на лѣвой рукѣ дѣлаютъ ему особый знакъ порохомъ. Онъ не можетъ видѣть сей руки, не дрожа отъ ужаса. Правой рукой онъ хватается за топоръ и однимъ взмахомъ отрубаетъ мѣченую руку. Двадцать окрестныхъ мужиковъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, приговорены въ Москвѣ къ разстрѣлянію. Насталъ часъ казни. На большой площади сдѣланы всѣ приготовленія; поставленъ взводъ солдатъ. Чтобы привлечь къ себѣ умы, Наполеонъ приготовилъ одну изъ тѣхъ театральныхъ сценъ, которая должна прославить его милосердіе. Его приверженцы подговариваютъ осужденныхъ просить пощады: они будутъ помилова-

ны. Первый осужденный, выслушавъ этотъ совѣтъ, не колеблется: онъ подымаетъ взоръ къ небу, кладетъ крестное знаменіе и устремляется впередъ. Никто не проситъ предложенной пощады, каждый изъ нихъ крестится и умираетъ. Любовь къ отечеству обнаруживается въ самыхъ разнообразныхъ чертахъ, но только въ Россіи она *геройская*.

До сихъ поръ я говорилъ о народѣ; мое письмо уже длинно, но я не могу не сказать и о дворянствѣ. Нигдѣ высшіе слои общества не отличаются такъ рѣзко отъ народа, какъ въ Россіи. Вы знаете, что, начиная съ покроя одежды и ткани, изъ которой она сдѣлана, до способовъ чихать и кашлять—все въ нихъ различно. Съ ранняго дѣтства (вы знаете это) дворянинъ окруженъ иностранцами, не видитъ и не слышитъ ничего Русскаго. Изо всѣхъ языковъ, которымъ онъ учится, родной языкъ бываетъ послѣднимъ, и говоритъ онъ на немъ плохо. Русское дворянство богато, любитъ удовольствія жизни, толпится вокругъ двора, милостей котораго заискиваетъ; вотъ почему, когда отечество оказалось въ опасности, было мало вѣроятности, что дворянство проявитъ много душевной силы. Отъ нихъ не ждали ничего для спасенія и, сознаюсь, я раздѣлялъ это мнѣніе. Потому я считаю своимъ долгомъ воздать имъ справедливость, какъ они того заслуживаютъ. Мнѣ приходилось видѣть ихъ въ самыхъ рѣшительныхъ обстоятельствахъ, и я нарочно наблюдалъ ихъ. Всѣми для нихъ доступными способами они оказывали поддержку народному движенію. Они приносили жертвы. Они приносили ихъ (мнѣ хотѣлось бы засвидѣтельствовать это передъ всѣми), съ самымъ благороднымъ забвеніемъ всѣхъ личныхъ счетовъ, съ самымъ удивительнымъ отреченіемъ отъ всѣхъ частныхъ выгодъ, съ полнымъ самозабвеніемъ. Они спокойно переносили потерю своихъ доходовъ и сообразовались съ этимъ обстоятельствомъ, держась житейской мудрости, какой отъ нихъ не ожидали. Они сумѣли тотчасъ ограничить свои потребности, свою роскошь и весь свой образъ жизни. Не только прекратились вечера и обѣды, но даже былъ положенъ предѣлъ гостепріимству, этой первой потребности Русскаго барина. Цѣлый сонмъ столичныхъ жителей позакрывалъ ряды своихъ покоевъ и помѣстился въ двухъ-трехъ комнатахъ, столъ былъ преобразованъ, число челяди уменьшено,—все затѣмъ, чтобы свести расходы съ доходами. Я видѣлъ, что вельможи останавливали начатыя постройки и поселялся на зиму среди щебеня и лѣсовъ, въ ожиданіи, что за временами разрушенія наступятъ времена устроенія и новыхъ созиданій. Богатая княгиня покинула свой роскошный дворецъ и ограничила свои издержки тѣмъ доходомъ, который получала, сдавъ его внаймы. Подобные примѣры повторялись на каждомъ шагу. Ихъ подавали безъ ропота и безъ гнѣва. То было состязаніе въ благородныхъ

жертвахъ. Извѣстіе о Московскомъ несчастіи застало тѣхъ, чьи умы оно поразило, вполнѣ преданными волей Божіей. Я самъ слышалъ, какъ одинъ изъ богатѣйшихъ Русскихъ вельможъ разсказывалъ съ такимъ спокойствіемъ, какъ говорятъ о прошломъ, о разореніи своего роскошнаго дворца и загородныхъ домовъ. Голосъ его не могли измѣнить воспоминанія о картинахъ, о бронзѣ, о самой утонченной мебели, о рѣдкомъ собраніи книгъ и растеній. Я старался подмѣтить чувство въ чертахъ его лица, но оно оставалось спокойнымъ и неизмѣннымъ. А вѣдь рѣчь шла о многихъ тысячахъ, рѣчь шла о потеряхъ невознаградимыхъ, о жизни, которая шестдесятъ лѣтъ была полна всякаго изобилія и благополучіе которой теперь должно было кончиться. Этотъ человѣкъ оставался неизмѣннымъ, и у него не вырвалось ни одной жалобы. Свои жертвы онъ почелъ необходимыми для блага отечества. «*Только бы оно было спасено и зачинщикъ наказанъ*»—вотъ все, что̀ говорили потерпѣвшіе. Таковъ былъ ихъ общій духъ. Одинъ богачъ объявилъ однажды съ радостью, что его великолѣпный Московскій дворецъ сгорѣлъ: онъ боялся, что будетъ забытъ въ общемъ разрушеніи. Императоръ выразилъ однажды другому вельможѣ сожалѣніе о его потеряхъ въ Москвѣ. «Государь, возразилъ тотъ, опечалить могутъ только исключенія».

Вотъ попутное наблюденіе, которое я сдѣлалъ по этому поводу. Воспользоваться пожарами, какъ средствомъ разрушенія и мести противъ непріятеля, кажется мнѣ глубоко-народнымъ замысломъ. Онъ всеобщъ, онъ принадлежитъ всѣмъ слоямъ общества, онъ съ поразительной быстротой представляется всѣмъ Русскимъ умамъ; онъ имъ свойственъ, чтобы не сказать врожденъ. Въ этомъ средствѣ защиты и мести есть что-то дикое и ужасное, что̀ указываетъ, какъ мнѣ кажется, на недавность Русской образованности, что̀ чувствуется даже въ высшихъ слояхъ, хотя имъ и приданъ внѣшній лоскъ современности... При вступленіи Французовъ въ Москву, пожарныя трубы были вывезены изъ города. Объ этомъ поступкѣ судили разно. Нѣкоторые видѣли въ немъ простую случайность, другіе слѣдствіе страха, а Французскіе бюллетени—преднамѣренное злодѣйство. Честные Русскіе люди, знающіе свой народъ, не защищаютъ его отъ упрековъ въ преднамѣренности. Они признаютъ пожаръ Москвы за единственное дѣйствительное и подходящее средство, чтобы отнять у непріятеля все необходимое ему продовольствіе и привести его къ погибели. Увозъ Московскихъ пожарныхъ трубъ вмѣняютъ графу Растопчину въ преступленіе. Кажется, правительство думаетъ иначе; народный замыселъ не чуждъ ему, и оно оправдываетъ Растопчина: Растопчинъ, по прежнему отправляетъ обязанности Московскаго генералъ-губернатора.

Однако пожертвованія Русскаго дворянства не были исключительно денежныя: были жертвы и гораздо болѣе возвышенныя. Кровь лучшихъ родовъ текла на поляхъ Смоленска и Бородина. Очень немногіе не носятъ траура по комъ-нибудь изъ близкихъ. Я видѣлъ примѣры рѣдкой силы духа. Я видѣлъ отцовъ заранѣе обрекавшихъ въ жертву любимыхъ сыновей, *только бы отечество было спасено*. Я видѣлъ больше: я видѣлъ нѣжныхъ матерей, у которыхъ доставало геройства предвидѣть возможность такой жертвы. Я видѣлъ, какъ плакали отцы, матери, супруги, сестры, и посреди рыданій я слышалъ слова: *только бы отечество было спасено*. О святая любовь къ родинѣ! Когда ты соединена съ вѣрой, тебя уже нельзя назвать земной добродѣтелью,—ты принадлежишь небесамъ!...*) Нашъ вѣкъ, обезславленный всякими низостями и гнусностями, возжаждетъ когда нибудь прикрыть свой стыдъ въ исторіи. Тогда онъ обратится къ этой сѣверной войнѣ, къ этой величественной повѣсти, къ этому народу, вставшему, какъ одинъ человѣкъ. Но вся честь будетъ принадлежать Россіи. Я не скрываю передъ вами, что, отдавая должное Испанцамъ, я ставлю Русскихъ выше... Народъ, составъ котораго такъ прекрасенъ, долженъ быть способенъ на великое и на владычество надъ всѣмъ міромъ. Ни въ какомъ другомъ изъ существующихъ народовъ правящій имъ не найдетъ такого богатства физическихъ и духовныхъ силъ, такой силы сопротивленія, такой готовности жертвовать собой при вражескомъ нашествіи. Никакой другой народъ не таитъ въ своихъ нѣдрахъ такихъ великихъ, свѣжихъ и нетронутыхъ силъ. Попытка воспользоваться ими была сдѣлана. На своей землѣ этотъ народъ всегда будетъ побѣдителемъ.

Между тѣмъ его столица въ пеплѣ. Пишутъ, что изъ 14000 бывшихъ тамъ домовъ осталось всего 1736, да и въ уцѣлѣвшихъ вовсе нѣтъ прежняго довольства. Можно сказать, что славная столица царей болѣе не существуетъ и что Москвы болѣе не будетъ. Тѣмъ лучше! Этотъ вѣчно-отверстый омутъ, въ который низвергались доходы двадцати Европейскихъ и Азіатскихъ губерній, этотъ великанъ, которому нужно было для пропитанія столько состояній, столько роскоши, столько порока—не будетъ болѣе тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Жители, изгнанные изъ своихъ домовъ мечомъ и пламенемъ, разсѣялись по многимъ окрестнымъ мѣстамъ. Они разнесли бѣдность и дороговизну до Урала, но они принесли и необходимость жить и побудятъ къ развитію промышленности. Настанетъ день, когда тому порадуются и Ярославль, и Рязань, и Нижній-Новгородъ, и другіе второстепенные города. Торговля, искусства, утонченность жизни распредѣлятся справед-

---

*) Вспоминается выраженіе Вигеля: „Неземная любовь къ земному". П. Б.

ливѣе; на Волгѣ, на Окѣ, на Камѣ вырастутъ новыя учрежденія, деревни, поселки, города. Поселенія сблизятся, и путешественнику не придется болѣе переѣзжать черезъ безконечныя пустыни. Изъ нѣдръ пламени, пожравшаго Москву, изшелъ тотъ дивный народный духъ, который спасъ государство. Огнемъ, который тлѣетъ подъ пепломъ, готовится съ неизбѣжностью гражданское и духовное возрожденіе.

Каково оно будетъ и въ какомъ направленіи свершится? Я не осмѣливаюсь ничего предсказывать. Управлять даннымъ движеніемъ— это болѣе трудная задача, нежели то думаютъ законодатели нашихъ дней. Предстоитъ осуществить идеи поступательнаго движенія, не отымая однако ничего отъ мощи, которая присуща народной особенности*). Я содрагаюсь, думая о разрѣшеніи этой задачи. Уничтожить такъ называемое крѣпостное состояніе! Но при новой опасности отечества спасетъ ли тогда его народъ? Закрѣпить народъ въ томъ состояніи, какъ онъ находится теперь? Будь это справедливо, будь это дозволено, оно уже внѣ человѣческой власти. Потребуется много мудрости, много благоразумія, много знанія человѣческаго сердца, много знанія народныхъ особенностей и всѣхъ существующихъ установленій, чтобы не сдѣлать больше зла, чѣмъ добра. Славянскій народъ не похожъ ни на одинъ другой; это отдѣльный міръ, и его нельзя обдѣлывать ни по Нѣмецкому образцу, ни по Французскому, ни по Итальянскому. Задача не будетъ рѣшена, какъ во Франціи, наскоро состряпанною конституціей или изданіемъ декретовъ.

Возвращаюсь къ Москвѣ. Правительству не слѣдуетъ желать, чтобы Москва стала тѣмъ же, чѣмъ была. Въ ней поселялись богатѣйшіе вельможи имперіи, чтобы жить здѣсь въ нѣкотораго рода независимости; въ ней поселялись всѣ, кому было за что жаловаться на дворъ или тѣ, кто по напрасну упрекалъ его въ чемъ-нибудь. Въ Москвѣ было ядро всѣхъ недовольныхъ и дующихся, которые и образовывали родъ оппозиціи. Екатерина Великая съ знаніемъ дѣла называла Москву Московской республикой.

Правительство, пригласило крестьянъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они вооружились и гдѣ Французовъ болѣе нѣтъ, сложить оружіе: крестьяне должны принести его къ своимъ приходскимъ церквамъ Опасность для отечества миновала, и они должны вернуться къ своимъ работамъ. Правительство поступило хорошо, выдвинувъ на первое мѣсто религіозныя причины, и оно сумѣетъ впослѣдствіи извлечь изъ этого значительныя выгоды. Эта война показала значеніе такихъ причинъ. Нѣкоторые боятся, что народъ останется вооруженнымъ. Я думаю, что

---

*) Буквально: Предстоитъ реализировать либеральныя идеи, не отымая ничего отъ энергіи національнаго характера.

бояться нечего, сколько бы ни была гибельною навычка вести войну; народъ сложитъ оружіе по тому же, по чему взялся за него, изъ чувства преданности и послушанія.

Предположено воздвигнуть памятники войнѣ. Одинъ изъ нихъ долженъ быть воздвигнутъ народомъ своему Монарху. Надпись на немъ будетъ такова: Alexandro Primo, quod, Mosqua capta, de Imperio non desperavit, Russia pia *). Императоръ произнесъ слово *война* въ такое время, когда вліятельнѣйшіе голоса говорили о мирѣ. Императорское слово спасло имперію. Этотъ памятникъ будетъ воздвигнутъ въ Петербургѣ. Мѣсто другому въ Москвѣ. Его поставитъ народу Императоръ. Онъ будетъ сдѣланъ изъ семисотъ мортиръ отнятыхъ у непріятеля. Я видѣлъ рисунокъ его. Пушки не будутъ перелиты. Къ каменному столбу будутъ прислонены казенныя части; размѣщенныя горизонтально связками онѣ будутъ выставлять жерла наружу. Весь памятникъ до самой верхушки будетъ дѣлиться каменными поясами на этажи. Въ каждомъ этажѣ будетъ четыре такихъ внушительныхъ связки. Этими связками памятникъ будетъ походить на ростры. Но форма его будетъ коническою.

Здѣсь бьются объ закладъ, что на Новый годъ наша армія будетъ въ Варшавѣ. Я не вижу въ томъ ничего невозможнаго. Но, можетъ быть, надо бояться за этотъ городъ. Можетъ быть, онъ окажется ужасающимъ подобіемъ Москвы. Вмѣсто двухъ столицъ Сѣверо-Востока Европы, окажутся двѣ груды пепла и развалинъ. Достойный памятникъ варвару, опустошившему нашъ вѣкъ! Я думаю, что ни одна изъ извѣстныхъ въ исторіи войнъ не обрушила столько бѣдствій на голову тѣхъ, кто ея началъ, какъ эта. Все, что̀ вы узнаёте по обнародованнымъ извѣстіямъ о несчастіи Французовъ, вовсе не преувеличено. Они даже никогда не будутъ въ состояніи изобразить его такимъ, каково оно въ дѣйствительности. Французы ѣдятъ конину, сказали вамъ; это вѣрно, но этого мало. Нѣтъ болѣе сомнѣнія, что несчастные не отказываются отъ человѣческаго мяса. Это сообщеніе подтверждается подлинными свидѣтельствами. Свою печать на него кладетъ всѣми уважаемый голосъ генерала Штейнгеля въ его письмѣ къ женѣ. Генералъ Штейнгель видѣлъ, и не одинъ разъ, какъ Французы грызли трупы своихъ сотоварищей, чтобы спастись отъ голодной смерти. Видалъ ли когда-либо такое зрѣлище Бонапартъ? Знаетъ ли онъ объ этомъ?

Фаберъ.

Петербургъ.
1 (13) Декабря 1812 года.

---

*) Т. е. Александру Первому за то, что, по взятіи Москвы въ плѣнъ, онъ не отчаевался въ спасеніи имперіи благочестивая Россія.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1831-й годъ [1]).

Москва, 1 Генваря 1831.

Пишу тебѣ въ мундирѣ полномъ, ожидая Яковлева[2]), сосѣда, который заѣдетъ за мною, чтобы вмѣстѣ сдѣлать нѣкоторые визиты церемонные, а позже поѣду къ Долгорукимъ, къ нѣкоторымъ роднымъ общимъ; обѣдаемъ у княгини Хованской всѣ, а вечеромъ у имянинника Обрѣзкова. Вотъ какъ весь день проведется, мой милый и любезный другъ. Чего-то важнаго у насъ недостаетъ! Угадывай-ка, ежели тебѣ не икается сильно. Вчера встрѣтили мы дома въ семьѣ Новый годъ и пили твое здоровье. Ужъ право, хуже прошлаго не будетъ наступающій Новый годъ; только одна Ліолька[3]) прикрасила для насъ 1830 годъ. Ба! Вотъ Яковлевъ. Пора ѣхать!

*

Москва, 2 Генваря 1831.

Былъ я у князя Серг. Мих., гдѣ отслушалъ обѣдню въ его домовой церкви[4]) и послѣ молебствіе за здоровье Императорской фамиліи. Онъ мнѣ сказывалъ, что въ Смольномъ у васъ умерло двое холерою, и что оцѣплять намѣреваются Гатчино для Императорской фамиліи. Не вѣрю этому, потому во-первыхъ, что правиломъ себѣ поставилъ дурнымъ

---

[1]) За предъидущіе годы (1802 — 1830) выдержки изъ писемъ А. Я. Булгакова къ его брату Константину Яковлевичу помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ", начиная съ 8-го выпуска 1898 года и до 12-го выпуска 1901 года.

[2]) А. Я. Булгаковъ жилъ тогда на Арбатѣ, въ приходѣ Николы Явленнаго, недалеко отъ дома Льва Алексѣевича Яковлева (позднѣе Дребуша, а потомъ Никифорова).

[3]) Такъ звалъ Булгаковъ вторую дочь свою Ольгу, которая вскорѣ вышла за князя Александра Сергѣевича Долгорукаго.

[4]) Прекрасная домовая церковь эта доселѣ имѣется въ извѣстномъ на Волконкѣ Голицынскомъ домѣ, гдѣ въ 1775 г. жила Екатерина Великая, подарившая для главныхъ комнатъ этого дома парчевые обои. За тѣмъ, по преданію, въ церкви этой поставлены были иконы Великомученицы Екатерины и Григорія Просвѣтителя, въ память бракосочетанія Государыни съ Потемкинымъ, состоявшагося въ Петербургѣ на Выборгской сторонѣ, въ церкви Св. Самсонія, должно быть либо осенью 1774-го или въ самомъ началѣ 1775 года, передъ отъѣздомъ Екатерины на годъ въ Москву. Изъ дома князя Голицына продѣлана была дверь въ сосѣдній по переулку домъ, принадлежавшій матери Потемкина, для удобства сообщенія, о чемъ старой прислугѣ этого историческаго дома и донынѣ извѣстно. П. Б.

вѣстямъ не вѣрить, а во-вторыхъ, потому что ты не пишешь, а такая новость была бы уже главною; но вообще вѣсти князя Сер. Мих-ча не всегда бываютъ справедливы. Не смотря на холодъ, вотъ что объѣхали мы сами визитовъ съ Долгорукимъ: Киселева, княгиня Урусова, Небольсина, гр. Васильева, дочь ея, что̀ за Пушкинымъ [1]), Н. И. Корсаковъ, Дмитріева, Фастъ, Волковъ, Хрущовы, И. А. Нарышкинъ, Ивашкина, Обрѣзковъ, Рушковскій, Пашковы и Закревскій. Только что къ супу поспѣли къ обѣду княгини Хованской. Иные визиты довершены были послѣ обѣда.—Да, братъ, видно, что холера и морозовъ не боится. Закревскій сказывалъ вчера, что она жестока оказалась въ Кіевѣ; но ежели (чего Боже сохрани!) окажется у васъ, то докажетъ великій аргументъ, что болѣзнь есть сильное повѣтріе, противъ коего всѣ оцѣпленія безполезны: ибо чего ни дѣлали, чтобы оградить Петербургъ отъ холеры? Здѣсь все еще есть хвостики холерные, но силу свою болѣзнь потеряла.

*

Москва, 3 Генваря 1831.

Отправя почту, поѣду къ Закревскому; скажу, что ты видѣлъ его жену, любовался Лидинькою. Ему получше, и ежели такъ продолжится, то думаетъ 7 числа выѣхать въ Тулу, оттуда воротится въ Москву на одни сутки и отправится въ Волочекъ на карантинъ; развѣ требовать будетъ надобность ѣхать въ Кіевъ. A propos du quarantaine, Закревскій сказывалъ мнѣ, что Дашковъ [2]) сидитъ уже въ Шошинскомъ карантинѣ.

*

Москва, 5 Генваря 1831.

Мы теперь съ ужина Обрѣзкова; ужъ ѣли, пили, сидѣли, что мочи нѣтъ. Вздумалось ему праздновать свои имянины, кои были 1 Генваря; по несчастію сидѣлъ я возлѣ него, и не было спуску. Былъ тутъ fra altro Башиловъ, который велѣлъ у тебя ручки цѣловать за доставленіе ему портрета великаго князя Михаила Павловича. Я получилъ, мой любезнѣйшій другъ, письмо твое отъ 31 Декабря, и прежде нежели лечь спать, стану отвѣчать. Графиня Панина, которая была также у Обрѣзковыхъ, сказывала мнѣ, что у князя Якова Ивановича [3]) параличъ въ желудкѣ, нечего слѣдовательно надѣяться; таже болѣзнь была у тестя подъ конецъ. Жаль добраго старика. Увидимъ, какія были милости въ Новый годъ. Государь щедро награждаетъ.

---

[1]) Иваномъ Алексѣевичемъ.

[2]) Дмитрій Васильевичъ, тогда министръ юстиціи.

[3]) Лобанова.

Я, право, не знаю какъ довольно возблагодарить добраго Рушковскаго за сдѣланное намъ одолженіе; прочти, какое милое пишетъ онъ мнѣ письмо, приславъ при ономъ 5000 р. Я объяснялъ ему мое положеніе трудное, и онъ прислалъ мнѣ тотчасъ всѣ деньги, какими могъ располагать. Конечно онъ одинъ, расходовъ не имѣетъ, а доходы значительны. Конечно счастіемъ своимъ онъ обязанъ тебѣ, все это такъ; но всѣ ли умѣютъ быть благодарными? Я, право, такъ былъ тронутъ, что не поѣхалъ его благодарить, а писалъ ему, что въ семьѣ моей будемъ Бога молить за него. Деньги сіи не могутъ закупить все, чтò надобно; но нѣсколько руки намъ развяжутъ, и необходимѣйшее будетъ сдѣлано. Лишь бы сыграть свадьбу, а тамъ ужъ какъ выкарабкаться, Богу одному извѣстно! Я желалъ бы, чтобы ты ему написалъ, сколько я чувствую душевно одолженіе его. Я ему писалъ, что не скрою это отъ тебя; а передъ Богомъ можно сказать, что онъ лучше употребить суммы сей не могъ, не имѣя лично для себя никакихъ нуждъ.

Меня очень просилъ Закревскій сообщить ему, какія будутъ милости въ Новый годъ; а потому, получа письмо твое отъ 1-го числа, я 1-е написалъ Урусовой, что братъ ея, а мой шефъ старинный*), получилъ Андреевскую ленту, а 2-е поѣхалъ къ Арсенію, коего кромѣ того вижу всякій день. Пробѣжалъ съ нимъ твое письмо. Ай да Константинъ! приговаривалъ онъ, сколько объѣздилъ онъ въ Новый годъ; но спасибо ему, что мою Агр. Өедор. не забываетъ. Закревскій здоровъ; лѣнился было, но я уговорилъ его ѣхать къ князю Дм. Вл., который былъ у него три раза, и онъ поѣхалъ къ нему проститься. Арсеній завтра въ 11 часовъ ѣдетъ въ Тулу и надѣется къ 11-му или 12-му быть здѣсь, и на другой день отправится къ вамъ. Очень велѣлъ тебѣ кланяться. Я его видѣлъ въ первый разъ въ Финляндскомъ мундирѣ, такимъ молодцомъ, и мундиръ красивъ.

*

Москва, 6 Генваря 1831.

Вчера вечеромъ читали мы журналы иностранные. Въ Парижѣ будетъ не безъ проказъ, сами не знаютъ чтò дѣлаютъ; бывало, молодежь училась, чтобы знать, чтò нужно, а теперь школьники даютъ наставленія министрамъ, участвуютъ въ бунтахъ. Король за это ихъ отличаетъ; воспалили ихъ воображенія и сердца, а теперь принимаются ихъ наказывать. Скорпіонъ Лафайетъ, коего роль всегда была пакостить въ опозиціи, оставляетъ мѣсто, не хочетъ участвовать въ правленіи, а хочетъ горланитъ опять въ камерѣ. Какія выраженія: Le roi seul est digne de succéder à m-r de la Fayette, c'est au roi à

*) Т. е. Дмитрій Павловичъ Татищевъ.

prendre le titre de comm. en chef de la garde nationale. Скоро будутъ Филиппу въ глаза плевать, по правамъ равенства! Чего ждать отъ roi-citoyen?. Дай Богъ намъ только кончить скорѣе съ нашими домашними Французами на Вислѣ. Cousin Долгорукаго, молодой Орловъ-Денисовъ, пишетъ, что гр. Дибичъ, проѣзжая черезъ Бѣлостокъ и прощаясь съ кѣмъ-то, сказалъ ему: à revoir à Varsovie. Тому, который шагнулъ за Балканы, не трудно будетъ переправиться черезъ Вислу.

*

Москва, 7 Генваря 1831.

Вчера мои повеселились у Хитровой, танцовали; а мы ѣздили съ Долгорукимъ къ Дмитріевой, гдѣ былъ весь beau-monde. Après l'avenément au trône du roi de la fève nous sommes retournés trouver les nôtres chez m-me Hitroff. C'etait très gai chez mad. Dmitrieff [1]). C'etait Broussilow qui était le roi et la belle Nekloudoff la reine, il y avait un trône très joliment arrangé, toute une cour nommée par l. l. m. i. M. le gr.-chambellan Latchinoff annonça un ambassadeur étranger (c'etait Boutourline). Qu'il paraisse, dit le roi, qu'il paraisse, qu'il se taise et qu'il tremble! L'ambassadeur arrive avec une brillante suite, présenta ses lettres de créance. Le roi les lui rendit en disant: reprenez, car je ne sais pas lire. Le discours de l'ambassadeur était fort drôle; enfin toute cette farce était très amusante, et c'est à regret que nous avons du quitter cette société. Il y avait là mad. Lazarew (crée grande-maîtresse de la cour), la belle, qui m'a chargé de vous dire bien des choses de sa part. Не повѣришь, какъ всѣмъ дико казалось такое собраніе многолюдное и блестящее послѣ холерной этой пустоты. Я видѣлъ тутъ князя Дм. Влад., который мнѣ сказывалъ, что бюллетени о состояніи Москвы уже прекратятся съ завтрашняго дня.

*

Москва, 9 Генваря 1831.

Что-то нашъ Закревскій? Мы просили его въ Тулѣ приструнить Бобринскаго, и хотя въ разговорѣ съ людьми имѣющими вѣсъ и вліяніе, сказать что-нибудь такое, что̀ бы дошло до сорванца, который связалъ руки у всѣхъ наслѣдниковъ. Волковъ [2]) тоже обѣщалъ употребить вліяніе свое: Тульскій округъ [3]) въ его командѣ. У Агр. Өедор.

---

[1]) Дмитріева—пріятельница князя Д. В. Долгорукаго.

[2]) Графъ Василій Алексѣевичъ Бобринскій, женившійся не за долго передъ тѣмъ на племянницѣ жены Булгакова, С. П. Соковниной, дѣлалъ, вопреки ей, затрудненія по наслѣдству послѣ ея дѣда князя В. А. Хованскаго, коего суконная фабрика подъ Москвою въ селѣ Горбовѣ перешла потомъ въ собственность Н. В. Булгаковой.

[3]) Т. е. жандармскій округъ.

поцѣлуй сіятельную ручку за меня, Ивана Васильевича[1]) обнимаю. Цѣлую милаго Сашку и Соню за письма ихъ; буду имъ непремѣнно отвѣчать, но не сегодня. Ежели подлинно Катакази поѣдетъ въ Персію, то лучше мнѣ съ нимъ послать отвѣтъ мой на письмо эмира, т. е. ежели онъ скоро отправится; но не думаю. А во всякомъ случаѣ скажи въ разговорѣ, чтобы онъ напомнилъ Персіянамъ, или внушилъ имъ, разумѣется приватно отъ себя, о присылкѣ ордена; c'est le moins qu' ils puissent faire. Впрочемъ предоставляю тебѣ рѣшать, стоитъ ли труда хлопотать. Болѣе и новаго нечего сказать. Не знаю почему, вчера Дмитріевъ Ив. Ив. о тебѣ разговорился и кланяться тебѣ велѣлъ. Я въ газетной былъ въ клобѣ, занимался чтеніемъ; онъ идетъ, спрашиваетъ у меня: что̀ у васъ это въ рукахъ?—Телескопъ, а все таки нужна помощь и очковъ. Онъ засмѣялся и прибавилъ: Давно ли вы астрономіею занимаетесь, и давно ли вы это слѣпы? Телескопъ новый журналъ и хорошій, такъ какъ и всѣ первые №№ всѣхъ журналовъ новыхъ.

*

Москва, 12 Генваря 1831.

Явился почталіонъ отъ Закревскаго, сказать, что онъ пріѣхалъ и очень скоро: выѣхалъ изъ Тулы въ 5 часовъ утра; въ 6-ть вечера былъ уже въ Москвѣ. Все тамъ исправно оставилъ, губернатора валялъ такъ, что было опять горло заболѣло, а совѣтника посадилъ на гауптвахту; они тамъ были спустя рукава. Не пріѣзжай Закревскій, холера бы распространилась, а она вмѣсто того присѣчена была. Губернаторъ ни разу не былъ самъ въ больницахъ. Арсеній здоровъ, радъ, что возвращается къ вамъ, ѣдетъ отсюда 14-го или 15-го, какъ отдѣлается съ работою, готовится скучать въ Волочкѣ, гдѣ долженъ выдержать 14 дней карантина.

*

Москва, 15 Генваря 1831.

Наконецъ умеръ графъ Г. И. Чернышовъ. Онъ очень былъ уже слабъ, сдѣлался набоженъ, спалъ всякой день *въ гробу*, пріуготовляясь остаться уже на всегда въ постели сей. Онъ скончался въ самый Новый годъ. Я писалъ ему, возвѣщая свадьбу Ольги, которая крестная его дочь, но отвѣта не имѣлъ. Передъ смертію получилъ письмо отъ сына[2]), коего полагали мертвымъ, но онъ былъ только раненъ семь разъ горцами, но имѣлъ силу написать отцу нѣсколько строкъ; сталобыть, кончина была не совсѣмъ горестна. Можетъ быть, раны сіи и омоютъ хотя нѣсколько вины несчастнаго и заслужатъ ему хотя чинъ

[1]) Шатиловъ. См. о немъ въ VIII-мъ томѣ Сочиненій А. С. Хомякова

[2]) Декабриста Захара Григорьевича.

офицерскій. Кругликовъ поѣхалъ туда; тамъ и прочіе зятья покойника: Чертковъ, Паленъ.

*

Москва, 16 Генваря 1831.

Ну ужъ балъ задали Лазаревы вчера, хоть куда! Какъ я легъ вчера, такъ было пять часовъ, а мы поѣхали, такъ начинался котильонъ [1]). Какъ Катя ни уговаривала, но я не остался. Обѣ онѣ были прелестны, но особенно восхищались всѣ Ольгою, которая точно была какъ царицею бала, къ лицу одѣта и вся въ подаркахъ своего жениха. Домъ прекрасный, услуга, ужинъ и угощеніе соотвѣтствовали, весь beau-monde былъ тутъ. Сперва ѣздили мы показаться княгинѣ Е. А.[2]), которая только что пріѣхала изъ деревни, здорова, очень обрадовалась Ольгѣ и обнимала ее нѣсколько разъ, хвалила очень нарядъ ея и прическу. Видно было вчера на лицѣ Долгорукова торжество. Былъ тутъ какой-то Англичанинъ-вояжеръ, прекрасный собою; онъ познакомился съ Катенькою, спросилъ ее: Qui est cette belle personne en rose?—C'est ma soeur.—Elle est superbe! Et qui est ce joli m-r à côté d'elle, c'est *churement* son frère?—Non, c'est son promis.—Ah, ils se mariaient ensemble.—Mais sûrement, puisqu'ils sont promis. Хвалилъ очень обѣихъ. Красавица Лазарева взяла меня Польской и велѣла мнѣ написать тебѣ, что она воображала, что съ тобою танцуетъ. Все бы хорошо, только я заспался до перваго часу, а мамзели еще спятъ.

*

Москва, 17 Генваря 1831.

Я послалъ тебѣ черезъ Лунина табакерку, сдѣланную здѣсь у Лукутина на фабрикѣ; заказывая, давалъ рисунокъ: это карикатура Парижская, которую ты вѣрно знаешь. Никто не вѣритъ, что Московская работа.

*

Москва, 19 Генваря 1831.

Мы съѣздили весело и благополучно въ Остафьево съ Лазаревымъ; хотѣли въ Субботу же къ вечеру воротиться, но нельзя было Вяземскому отказать остаться у него ночевать, тѣмъ болѣе, что погода сдѣлалась дурная съ мятелью. Въ Воскресенье въ 10 часовъ, позавтракавши, мы отправились въ Москву при прекрасной погодѣ и въ два часа ѣзды безъ 10 минутъ были дома, хотя и болѣе 25 верстъ ѣзды до заставы.

Очень намъ были рады! Съѣхались сосѣди (однихъ уже Окуловыхъ большая семья), была музыка, пѣнье и пляска. Лазаревъ во всѣхъ

---

[1]) Этимъ танцемъ въ старину обыкновенно кончались балы.

[2]) Это Екатерина Алексѣевна Долгорукая, будущая свекровь О. А. Булгаковой, урожденная графиня Васильева.

родахъ отличался. Дѣти Вяземскаго ужасно переросли. Онъ занимается теперь жизнеописаніемъ Дениса Ивановича Фонъ-Визина, получилъ отъ наслѣдниковъ всѣ его бумаги, между коими были и батюшкины письма къ нему. Я читалъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ, наполнены дружбы, ума и остроты и адресованы къ сочинителю «Недоросля»; одно мнѣ особенно понравилось, попрошу списать и пришлю тебѣ.

Вяземскій за карантинами не ѣдетъ еще въ Петербургъ; въ Москвѣ не живетъ, чтобы не было сказано у васъ, что веселится въ Москвѣ а къ должности не ѣдетъ. Мнѣ очень было пріятно такое сужденіе, и вообще поэтъ нашъ сдѣлался спокойнѣе и осторожнѣе. Очень радуюсь этому, потому что онъ прекраснѣйшей души человѣкъ. Княгиня дѣлаетъ по порядку вещей противное дѣтямъ своимъ: тѣ растутъ, а она старѣетъ, а хохочетъ все по старому, и не безъ проказъ было у насъ. Будемъ ожидать наряды. Жаль денегъ сихъ, а нельзя и безъ этого обойтись; но Ольга защеголяетъ ими только въ городѣ, воротясь сюда послѣ свадьбы своей. Вчера, по нездоровью Наташи, княгиня Е. А. была у насъ цѣлый вечеръ; говорила, что приказъ отданъ старухою гр. Васильевою жениху и мнѣ быть въ мундирахъ, княгинѣ, ея дочери Пашковой и Катѣ нашей въ шарфахъ, потому что старуха сама надѣнетъ бантъ Екатерининской. Вотъ у насъ какъ! Будемъ какъ во дворцѣ [1]). Закревскій просилъ писать къ нему, ежели будетъ что; но нѣтъ ничего совершенно, а что̀ есть у васъ, то вѣрно напишутъ ему прямо изъ Петербурга. Радъ онъ будетъ, какъ доберется до Екатерининскаго канала. Довольно порыскалъ. По обыкновенію говорили намедни о награжденіи, которое ему будетъ дано. Я думаю лучшее награжденіе было бы заплатить ему издержки; онъ собрался вдругъ не торгуясь и безъ условія, не выданы ему даже прогоны, штатъ большой, всѣхъ кормитъ, немало объѣздилъ въ 4 мѣсяца. Я полагаю, что стоило ему все это тысячъ 50, ежели не болѣе; въ нынѣшнія времена это большая сумма. Онъ вѣрно никогда рта не разинетъ спросить самъ.

*

Москва, 22 Генваря 1831.

Вчера обѣдали, какъ хотѣли, въ клобѣ; славный былъ столъ. Къ намъ подсѣлъ поэтъ Пушкинъ и все время обѣда проболталъ, однакоже прозою, а не въ стихахъ. Столъ былъ очень хорошъ, покурили, посмотрѣли мастеровъ въ биліардъ, молодого Нарышкина [2]) и Рахманова, и разъѣхались.

*

---

[1]) Свадьба была въ подмосковномъ селѣ Шеметовѣ, у графини Васильевой.

[2]) До старости славный биліардный игрокъ Константинъ Павловичъ Нарышкинъ.

Москва, 25 Генваря 1831.

Въ supplément du Journal de S-t Pétersbourg есть Дибичевы прокламаціи къ Полякамъ; мнѣ особенно понравилась та, что̀ адресована арміи Польской. У Вяземскаго собрались Денисъ Давыдовъ, поэтъ Пушкинъ, ну и всѣ хвалили пьесы сіи.

*

Москва, 26 Генваря 1831.

Вяземской здѣсь на нѣсколько дней. Онъ сказывалъ мнѣ о смерти Дельвига; жалѣютъ о немъ. А еще болѣе грустить Москва по князѣ Яковѣ Ив. Лобановѣ. Жить бы ему здѣсь. Онъ былъ здѣсь, какъ une puissance, второе или третье лицо въ городѣ; а въ Петербургѣ былъ онъ и не замѣтенъ, промѣнялъ на старость образъ жизни, хлопочи, рыскай. Я слышалъ вчера, что боятся за Ив. Ив. Дмитріева: онъ обѣдалъ у Бекетова, объѣлся икры, попалась хороша, такъ ложками большими уписывалъ, сдѣлалось дурно, и вотъ 9 дней, что̀ не можетъ унять икоту. И этотъ не молодъ, также впалъ въ разслабленіе. Слѣпой Гагаринъ, кн. Сергій Ив., боятся, что не встанетъ, въ какомъ-то маразмѣ. Онъ и прежде былъ уже разъ боленъ тѣмъ же, тогда чужіе края его спасли.

Я держалъ пари 10-го, что въ Польшѣ не будетъ выстрѣла, и все тамъ покорится безъ войны. Хлопицкой поступаетъ какъ умный человѣкъ: сначала пресѣкъ безначаліе и кровопролитіе, спасалъ и нашихъ и своихъ, теперь видитъ плохую развязку и безумство надеждъ Польскихъ и оставляетъ мѣсто свое; онъ готовитъ себя въ преемники Цесаревича и вѣрно будетъ онымъ, ежели его не убьютъ. Но куда дѣвался умъ князя Адама? Какъ такъ ослѣпляться! При его богатствѣ, лѣтахъ, опытности, вѣсѣ въ Польшѣ, какъ пускаться на такое сумасшествіе? Конецъ его будетъ жалокъ и затмитъ всю его прежнюю репутацію. Что̀ слышно о Матушевичѣ? [1]) Не послѣдовалъ ли онъ примѣру Соболевскаго? [2])

*

Москва, 3 Февраля 1831.

Манифестъ Польскій очень хорошъ. Въ supplément къ gazette de S-t Pétersbourg очень мнѣ понравилось выраженіе Государево, что первое Польское пушечное ядро разрушитъ ихъ благоденствіе... А кто знаетъ, можетъ быть и само царство ихъ. Дай Богъ, чтобы корнія

---

[1]) Матушевичъ—даровитый дипломатъ въ Русской службѣ.

[2]) Про С. А. Соболевскаго ходилъ слухъ, будто онъ участвовалъ въ Парижской Іюльской революціи 1830 года. Нѣтъ дыму безъ огня. Позднѣе, онъ, какъ извѣстно на вѣрное, сближался съ королевою Гортензіею и обоими ея сыновьями, съ воцареніи младшаго изъ нихъ держалъ свои деньги во Французскихъ бумагахъ, а Седанъ ускорилъ его кончину.

твоя и нужна не была; а ужъ что̀ дѣлаютъ сумасбродные Поляки въ Варшавѣ, ни на что не похоже! Послѣ всѣхъ проказъ патріотическихъ, посмотри коли не будутъ любиться съ нашими генералами и офицерами.—Вотъ, братъ, какъ служатъ! Медема на мѣсто Шредерово въ Парижъ! Медемъ, который семь лѣтъ назадъ и въ службѣ не былъ, да и до сихъ поръ нигдѣ не служилъ. Я помню, что начало его было 3-го секретаря въ Вѣнѣ (bagatelle); но ему это мало показалось, не поѣхалъ въ Вѣну, назначенъ 1-мъ въ Грецію, и туда не поѣхалъ, прокатился въ Варшаву съ гр. Нессельродомъ, за это и чинъ и ключъ, а теперь службу начинаетъ первымъ въ Европѣ секретарскимъ постомъ, но за то онъ фонъ-Медемъ. Но ежели онъ такой орелъ и геній, то никто не въ правѣ жаловаться; но для насъ, служившихъ тяжело, непонятно должно быть, чтобы молодой человѣкъ въ шесть или семь лѣтъ изъ ничего попалъ вдругъ въ совѣтники посольства въ Парижъ. Нѣтъ резону не быть ему министромъ черезъ три года*). Онъ у меня ничего не отнимаетъ, стало быть заставляетъ меня говорить одна справедливость и безпристрастіе; но не думаю, чтобы Кокошкинъ порадовался своему перемѣщенію. Но оставимъ это. Бенкендорфу по мѣсту его идетъ быть членомъ Совѣта; я полагалъ, что онъ уже засѣдалъ тамъ.

*

Москва, 4 Февраля 1831.

Какъ ни тяжелъ наборъ, а съ радостію дать должно защитниковъ чести Государя и блага отечества. Два славные мира уже подписалъ Государь, теперь надобно усмирить и безумныхъ этихъ бунтовщиковъ. Здѣсь разсказываютъ, и дѣло сбыточное, что Польскій генералъ передовыхъ войскъ захотѣлъ, не знаю почему, видѣть графа Дибича, который его къ себѣ допустилъ. Полякъ много ораторствовалъ и началъ словами: «что̀ бы ни было, не должно забывать, в-е с-во, что мы братья»! «Конечно, отвѣчалъ Забалканскій, не забудьте, г. генералъ, что и Каинъ и Авель были братья, чтобы не постигло васъ проклятье Божье, оставя меня въ живыхъ». Ежели не правда, то хорошо, что выдумываютъ анекдоты подобнаго рода. Скоро узнаемъ что-нибудь важнаго. Журналы иностранные такъ любопытны, что я вчера, читая ихъ, до двухъ часовъ не спалъ въ постелѣ.

Княгиня В. Ѳ. Вяземская, прибивая образъ (велика нужда была самой это дѣлать!) упала, ушиблась, была долго безъ чувствъ и выкинула. Поѣду ее навѣстить и узнать правду. Она все отнѣкивалась,

*) Онъ и сдѣлался имъ въ Вѣнѣ, гдѣ, какъ слышно, умно стоялъ за выгоды Россіи, хотя однажды спрашивалъ: Wie sehen die Serben aus?

что брюхата, а ежели была брюхата, то не простительно лазить съ такимъ дорогимъ грузомъ.

*

Москва, 5 Февраля 1831.

Я піесу «Горе отъ ума» не очень люблю. Конечно есть въ ней умъ, но читать ее пріятнѣе нежели видѣть на сценѣ. Кто-то здѣсь сказалъ, что на гробницѣ Грибоѣдова слѣдовало сдѣлать надпись вмѣсто эпитафіи: «Горе отъ ума». И подлинно погибъ онъ отъ ума, разумѣется мнимаго; ибо служить, въ свѣтѣ жить, не довольно одного ума.

Съ большимъ интересомъ ожидаю Варшавскихъ извѣстій. Волковъ сказывалъ, что купцы имѣютъ вѣсти, что на царство избранъ князь Адамъ. Вотъ ужъ сущій калифъ на часъ. Ежели и войдетъ на престолъ, то ужъ короноваться вѣрно не успѣетъ. Непонятно для меня ослѣпленіе его.—Волковъ бѣдный все жалуется на здоровье. Вчера, съ тикомъ своимъ, долженъ былъ заняться разборомъ непріятной исторіи. Генералъ Каблуковъ на бѣгу въ саняхъ съ женою выѣхалъ изъ ряду; жандармъ, не зная его (да хотя бы и зналъ, онъ же былъ въ фуражкѣ) велѣлъ его кучеру поворотить въ рядъ. Каблуковъ сталъ браниться и наконецъ нагайкою ударилъ жандарма въ лицо. Нельзя хладнокровно разбирать такія исторіи, особенно больному. Бѣда съ этими господами генералами: все себѣ позволяютъ. Какой же даютъ они примѣръ дисциплины солдатамъ? Я помню Австрійскаго императора: бывало, въ Пратерѣ ѣдетъ въ колясочкѣ, самъ правитъ и никогда не выѣзжалъ изъ рядовъ, а слѣдовалъ покойно за всѣми, за то тамъ и нечего дѣлать полиціи: всякій знаетъ свои обязанности.—Я былъ вчера у Вяземскихъ, княгиня очень была дурна третьяго дня, стала ногами на дѣтскую постель, которая провалилась; она не ушиблась такъ, какъ испугалась. Тотчасъ бы ей взять предосторожности, вмѣсто того одѣлась, зашнуровалась, послѣ чего выкинула и изошла было кровію, лежитъ въ постелѣ. Я нашелъ мужа очень встревоженнаго.

Москва, 14 Февраля 1831.

Вчера заѣзжалъ я къ Вяземскому. Больная княгиня захотѣла меня видѣть. Я испугался перемѣнѣ, которую въ ней нашелъ: точно мертвецъ лежитъ на кроватѣ, худа, желта, блѣдна, глазъ не видать, едва говоритъ; страшная перемѣна въ ней послѣдовала. Понимаю, что надобно по крайней мѣрѣ шесть недѣль ей, чтобы оправиться.

*

Москва, 16 Февраля 1831.

Возился я все съ бѣднымъ Корсаковымъ И. Н., который очень плохъ; нелегко было склонить его причаститься и исполнить долгъ

христіанскій, и слава Богу, ибо послѣ того впалъ въ безпамятство. Жаль его! Окруженъ одними слугами своими. Можно бы сыну быть при немъ и покоить его въ глубокой этой старости, а онъ живетъ въ дальней деревнѣ вмѣсто того. Теперь соборовали его масломъ, но онъ все въ забытьи; однако ноги, руки и все тѣло очень теплы. Я помню, что одинъ разъ онъ совсѣмъ было умиралъ; сдѣлался ужасный потъ, продолжавшійся почти цѣлую ночь, онъ очнулся и жилъ съ тѣхъ поръ 16 лѣтъ. Дай Богъ тоже и теперь, но лѣта уже не тѣ. Я нашелъ у него М. М. Бороздина, П. А. Рахманова, кн. Четвертинскаго и Фаста. Вотъ и этотъ, какъ Северинъ Потоцкій, умираетъ на чужихъ рукахъ. Видно пошло на стариковъ: графъ Влад. Григорьев. Орловъ очень плохъ; его также вчера исповѣдывали и причащали, и говорятъ, что нѣтъ надежды, а Рахмановъ сказывалъ, что Вас. Серг. Шереметевъ умеръ гдѣ-то въ деревнѣ. Какъ бы не сказали смерти, указывая на Юсупова: прикладывайся, пали!—Въ городѣ опять начали поговаривать, что Пушкина свадьба расходится; это скоро должно открыться: Середа послѣдній день, въ который можно вѣнчать. Невѣста, сказываютъ, нездорова. Онъ былъ на балѣ у нашихъ, отличался, танцовалъ, послѣ ужина скрылся. Гдѣ Пушкинъ? я спросилъ, а Гриша Корсаковъ серьозно отвѣчалъ: Il a été donc ici toute la soirée, et maintenent il est allé trouver sa promise. Хорошъ визитъ въ 5 часовъ утра и къ больной! Нечего ждать хорошаго, кажется; я думаю, что не для нея одной, но и для него лучше бы было, кабы свадьба разошлась.

*

Москва, 17 Февраля 1831.

Иванъ Николаевичъ Корсаковъ скончался вчера въ восемь часовъ вечера, почти при мнѣ. Мы полагали его въ забытьи и сидѣли въ другой комнатѣ; но камердинеръ его, войдя въ спальню, нашелъ его умершимъ. Я потерялъ въ немъ друга, который часто мнѣ въ нуждахъ моихъ помогалъ. Онъ съ роду зла никому не сдѣлалъ, я думаю, а много дѣлалъ добра. Натура была у него каменная, и хотя умеръ 76 лѣтъ, могъ бы долго еще жить, но былъ упрямъ, не слушался докторовъ, простудилъ сильно голову, не хотѣлъ поставить Шпанскую муху и пьявки, говоря: лучше умру! Все это сдѣлалъ, но двѣ недѣли позже, и пользы той уже не было. Слава Богу, что умеръ христіаниномъ. Послѣ исповѣди и причастія онъ потерялъ уже память и не говорилъ уже. Пожилъ, поцарствовалъ даже*); но больно въ такія

*) Намёкъ на то, что Корсаковъ былъ нѣкогда любимцемъ Екатерины Великой, которая называетъ его, въ письмахъ къ Гримму, Пирромъ, царемъ Эпирскимъ и которой онъ скоро измѣнилъ, сблизившись съ графиней Строгоновой (ур. Трубецкой). Какъ Малороссіянинъ, любилъ онъ музыку и игралъ на скрипкѣ.

лѣта не умереть на рукахъ своихъ ближнихъ, это напоминаетъ мнѣ Северина Потоцкаго. Еще больнѣе было видѣть полицію, которая начала тотчасъ запечатывать домъ. Сіе требовалъ М. И. Бороздинъ. Сына Ив. Ник., Ладомирскаго, здѣсь нѣтъ; послали эстафету въ Могилевъ, но скоро ли прибудетъ? Не безъ раздоровъ будетъ. Ладомирскій не въ правѣ наслѣдовать, развѣ есть завѣщаніе въ его пользу, а не то Смоленскіе Корсаковы вступятся. Ужасный былъ тамъ вопль: у покойника жило множество бѣдняковъ, коихъ онъ призиралъ. Куда имъ дѣваться? Онъ часто мнѣ говорилъ, что хочетъ сдѣлать для нихъ что нибудь, но былъ очень нерѣшителенъ, откладывалъ; да такъ и умеръ, вѣрно. Очень жаль мнѣ добраго старика. Любилъ я слушать его разсказы о временахъ его случая. Онъ давалъ мнѣ письма къ нему Императрицы. Кто знаетъ, въ какія бы они попались руки, а потому и не возвратилъ я ему оныхъ; онъ забылъ, и они остались у меня [1]). Въ послѣдніе годы, мы двое съ Фастомъ только и ѣздили къ нему. Онъ сдѣлался дикъ, запустилъ бороду, не снималъ халата, но намъ всегда былъ очень радъ. За недѣлю до кончины его, была у него Ольга, которую называлъ онъ всегда своею невѣстою; ее желалъ онъ видѣть и принялъ очень ласково.

*

Москва, 18 Февраля 1831.

Сегодня свадьба Пушкина наконецъ. Съ его стороны посажеными Вяземскій и гр. Потемкина, а со стороны невѣсты Ив. Ал. Нарышкинъ и А. П. Малиновская. Хотѣли вѣнчать ихъ въ домовой церкви кн. Серг. Мих. Голицына, но Филаретъ не позволяетъ. Собирались его упрашивать; видно, въ домовыхъ нельзя, но я помню, что у Обольянинова обвѣнчали Сабурова [2]), что̀ на Викентьевой женился недавно. Каковъ старикъ Орловъ? Ожилъ! Въ 83 года объѣсться и простудиться вмѣстѣ не шутка, а онъ всталъ уже съ постели, тогда какъ Мудровъ давалъ ему жить только шесть часовъ.

*

Москва, 19 Февраля 1831.

До сихъ поръ еще толкуютъ о славномъ балѣ нашихъ молодыхъ, хваля особенно ласку и ловкость Ольги. Старикъ Юсуповъ спрашивалъ: a-t-elle jamais été demoiselle? Поэтъ Пушкинъ также въ восхищеніи отъ нея; говоритъ, что не возможно лучше Ольги соединять вмѣстѣ роль дѣвушки только что поступившей въ барыню и хозяйки.

---

[1]) Лѣтъ черезъ тридцать эти письма были пріобрѣтены Г. А. Чертковымъ у сына Булгакова, Павла Александровича. Они напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" 1879 г.

[2]) Это отецъ А. А. Сабурова, что̀ былъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Онъ мнѣ говорилъ на балѣ: Я глазъ не спускаю съ княгини О. А.; не понятно, какъ она всюду поспѣваетъ, не только занимается всѣми, кои тутъ, но даже отсутствующимъ посылаетъ корнеты съ конфектами; я бы ее воспѣлъ, да не стихи на умѣ теперь. A propos de Pouchkine. Филаретъ таки поставилъ на своемъ: ихъ обвѣнчали не у кн. Серг. Мих., а у Стараго Вознесенія. Никого не велѣно было пускать, и полиція была для того у дверей. Почему, кажется, нѣтъ? И такъ свершилась эта свадьба, которая такъ долго тянулась. Ну да какъ будетъ хорошій мужъ! То-то всѣхъ удивитъ, никто этого не ожидаетъ, и всѣ сожалѣютъ о ней. Я сказалъ Гришѣ Корсакову быть ей milady Byron. Онъ пересказалъ Пушкину, который смѣялся только. Онъ женѣ моей говорилъ на балѣ: Пора мнѣ остепениться; ежели не сдѣлаетъ этого жена моя, то нечего уже ожидать отъ меня.

*

Москва, 23 Февраля 1831.

Вчера былъ маскарадъ въ Большомъ театрѣ, для холерныхъ. Князь и княгиня Голицыны раздавали сами билеты всѣмъ и прислали ложу нашимъ молодымъ. Мы ѣздили туда всѣ вмѣстѣ; но нельзя сказать, чтобы было весело. Маскарады какъ-то не клеятся у насъ; довольно старался объ этомъ Энгельгардъ у васъ, но безъ успѣха. Мы очень удивились, увидя, во-первыхъ, весьма мало масокъ, и всѣ ходятъ chapeau bas. Какой же это маскарадъ? Я первый пошелъ туда съ Брусиловымъ со шляпою на головѣ, и въ одну минуту всѣ надѣли. Былъ изрядный ужинъ; такъ завелось, что, гдѣ бы ни было собраніе или балъ, всегда Лачиновъ ordonnateur de soupe, и тутъ также. За однимъ столомъ сидѣли мы и Пушкинъ-поэтъ; безпрестанно подходили любопытные смотрѣть на двухъ прекрасныхъ молодыхъ. Хороша Гончарова бывшая, но Ольгѣ всѣ даютъ преимущество. Князь Дм. Вл. подходилъ къ намъ два раза и дѣлалъ honneur du bal. Собрали однакоже только тысячъ пять. Мы тотчасъ послѣ ужина уѣхали. На Пушкина всклепали уже какіе-то стишки на женитьбу; полагаю, что не могъ онъ ихъ написать, недѣлю послѣ вѣнца; не помню ихъ твердо, но вотъ à peu près смыслъ:

Хочешь быть учтивъ—поклонись,
Хочешь поднять—нагнись,
Хочешь быть въ раю—молись
Хочешь быть въ аду—женись!

Какъ-то эдакъ. Онъ, кажется, очень ухаживаетъ за молодою женою и напоминаетъ при ней Вулкана съ Венерою.

*

Москва, 24 Февраля 1831.

Замучился я, усталъ. Обѣдня съ пѣвчими, не было конца, служба архіерейская очень продолжительна. Проповѣдь и надгробное слово духовника покойнаго растрогали всѣхъ до слезъ: было просто, хорошо и справедливо. Добрый былъ человѣкъ Корсаковъ, нельзя было не дать ему слезъ при послѣднемъ прощаніи. Очень было много. Вяземской стоялъ возлѣ меня и, глядя на подушку съ бѣлымъ орломъ, сказалъ: Подъ Прагою Бѣлаго Орла ощипали, а въ Варшавѣ вѣроятно его хоронятъ теперь! Чуть не такъ ли.—Люди захотѣли своего благодѣтеля нести на себѣ до заставы, похоронятъ его въ подмосковной, селѣ Братцовѣ, гдѣ схоронена и покойная графиня Строгонова. Вѣчная память и царство небесное покойному!

*

Москва, 26 Февраля 1831.

Какъ ни старался рано встать, чтобы кончить работу для Волкова, проспалъ до 10 часовъ, сѣлъ писать, отвезъ къ Волкову, коего мысли угадалъ; онъ очень былъ доволенъ, бездѣлицы нѣкоторыя онъ переправилъ и переписалъ письмо для отправленія къ Бенкендорфу: проситъ отдохновенія на нѣкоторое время, а ежели нельзя, то отставку. Увѣряютъ, будто Мухановъ ищетъ его мѣсто; сомнѣваюсь. Онъ и съ теперешнимъ своимъ мѣстомъ не умѣетъ справиться, а гдѣ ему замѣнить Волкова? Такая будетъ каша, что не расхлебать ему ее. Нельзя не знать Волкову цѣны, и я увѣренъ, что дадутъ ему отдохновеніе, которое ему точно необходимо.

Узналъ я прекрасную черту: намедни въ маскарадѣ, данномъ для холерныхъ, кто-то за билетъ свой вмѣсто 3-хъ р. присылаетъ 1000! Ломали себѣ голову, называли многихъ богачей; вмѣсто того вышло, что пожертвованіе это сдѣлалъ человѣкъ бѣдный, имѣющій множество дѣтей и живущій жалованьемъ однимъ. Выхваляя эту черту доброму нашему коменданту генералу Сталю, я замѣтилъ въ немъ какое-то замѣшательство: не сказалъ ничего, заговорилъ о другомъ, а послѣ узналъ я, что деньги сіи были пожертвованы имъ. Огласить было бы точно его опечалить, а потому и буду молчать; но тебѣ должно все сказывать.

*

Москва, 27 Февраля 1831.

У Хитровой всегда бездна народу и очень жарко. Все къ лучшему. Я тамъ попотѣлъ, да ложась спать напился чаю съ ромомъ, все и прошло. Хорошо, а то бы ужо нельзя ѣхать на вечеринку поэта Пушкина. A propos de poëte, вчера заѣхалъ къ Вяземскому и нашелъ княгиню, и безъ того больную, въ слезахъ: сестра ея Четвер-

тинская только что родила, а у нея сынъ 16 лѣтъ отчаянно боленъ, въ горячкѣ нервической; мать и отецъ въ отчаяніи, ибо надежда, кажется, плоха; онъ все въ безпамятствѣ. Лѣта такія, что авось натура и переработаетъ. Это не графъ Орловъ, который вчера таки скончался, говорятъ, 87 лѣтъ. Вотъ тебѣ и богатство! Не хотѣлъ взять ложи для маскарада, даннаго въ пользу холерныхъ. Это видно не Сталь.

Какъ кстати, а почта пришла, и грамотка твоя отъ 23-го. Дай Богъ счастливаго пути Великому Князю, и найти все оконченнымъ. Онъ постоялъ уже за отечество общее въ Турецкую войну; не желаю ему новыхъ лавровъ, а обнять брата, котораго такъ любитъ. Благодарю за сообщеніе награжденій; тотчасъ приказомъ послалъ обрадовать новую генер.-лейтенантшу княгиню Горчакову. Мейендорфъ славно взялъ и крестъ свой, и флиг.-адъютантство. По странному стеченію обстоятельствъ и случаю, кромѣ Горчакова, все только одни встрѣчаются Нѣмецкія имена. Вчера насчитали ихъ штукъ съ 15. Но говори тамъ что хочешь, солдатушки-то Русскіе, а Наполеонъ своею персоною *одною* никого не билъ.

*

Москва, 28 Февраля 1831.

Пушкинъ славный задалъ вчера балъ. И онъ, и она прекрасно угощали гостей своихъ. Она прелестна, и они какъ два голубка. Дай Богъ, чтобы всегда такъ продолжалось. Много всѣ танцовали, и такъ какъ общество было небольшое, то я также потанцовалъ по просьбѣ прекрасной хозяйки, которая сама меня ангажировала, и по приказанію старика Юсупова: et moi j'aurais dansé, si j'en avais la force, говорилъ онъ. Ужинъ былъ славный; всѣмъ казалось странно, что у Пушкина, который жилъ все по трактирамъ, такое вдругъ завелось хозяйство. Мы уѣхали почти въ три часа. Куда радъ я былъ, что это близехонько отъ насъ[4]), что можно было отослать карету домой часовъ на шесть. Была вьюга и холодъ, которая и теперь продолжается.

Завтра, pour la clôture, санное катанье, блины у Пашковыхъ (мы на это не пустимся), а вечеромъ сборище у нашихъ молодыхъ; но хозяева будутъ Пашковы, они зовутъ и потчиваютъ, а тамъ и покой. Москва тряхнула стариною, веселье за весельемъ; за то у васъ, говоритъ Свистуновъ, очень скучно. Онъ привезъ видъ всей правой сто-

---

*) Молодые Пушкины, до переѣзда весною въ Царское Село, жили со дня свадьбы во второмъ ярусѣ большаго дома на Арбатѣ, между церквами Николы въ Плотникахъ и Св. Троицы. Отецъ позволилъ Пушкину заложить въ Опекунскомъ Совѣтѣ Нижегородскую деревню. Изъ полученныхъ денегъ (до 40 т.) онъ заплатилъ долги свои и, живучи около трехъ мѣсяцевъ въ Москвѣ, до того истратился, что пришлось ему заложить у Еврея Вейера женины бриліанты, которые потомъ и не были выкуплены (со словъ П. В. Нащокина).

роны Невскаго проспекта, прекрасно сдѣлано и плюминовано; это точный портретъ всякого дома, всякая вывѣска означена и большая часть знакомыхъ экипажей. Я разсматривалъ это съ большимъ вниманіемъ и воображалъ себѣ, что гуляю тутъ и что пора на почту обѣдать и поворотить въ Морскую. Свистуновъ подарилъ это Ольгѣ. Онъ очень знакомъ съ Александромъ[1]). Мы узнали тутъ коляску Фикельмонши, въ коей сидитъ она съ Хитровою и двумя лакеями, сидящими сзади. Вчера, кромѣ Пушкина, былъ театръ у Солдашши, и вечеръ у Мельгунова и еще гдѣ-то. Вотъ какова Москва наша!

*

Promenade du dernier jour du carnaval. 1-e Mars 1831 г.

Premier grand traîneau:

La princesse Krapotkine,
Sa fille,
Alexandre Dolgorouky,
Olga Dolgorouky,
M-r et madame Melgounoff, née p-ce Ouroussoff,
La comtesse Potemkine,
M-r Kikine et sa fille,
La p-ce Zizianow,
Grégoire Korsakoff,
Niedham, voyageur Anglais,
Le p-ce Alexis Galitzine,
Swistounoff, off. des gardes à cheval, moi et Костя.

Second grand traîneau:

Alexandre Pouchkine,
Mad. Pouchkine, née Gontcharoff,
M-r Serge Pachkoff et sa femme,
M-elle Lise Narichkine,
La d-elle Polonaise de la p-sse Dolgorouky,
M-elle Souchkoff Dodo[2]),
Sa gouvernante, mad. Duvernoy,
Lomonossoff,
Le p-ce Metchersky Platon,
Norow Serge,
Swinine.

Troisième grand traîneau:

La p-sse Scherbatow,
La p-sse Natalie,

---

[1]) Т. е. съ зятемъ Булгакова.

[2]) Славная впослѣдствіи графиня Евдокія Петровна Растопчина.

» » Annette } ses filles
» » Pauline }
Lazareff le colonel,
Woldemar Pfhäler,
Bazile Obreskow
Le c-te Alexis Bobrinsky.
Skariatine, des hulaas.

*

Москва, 2 Марта 1831.

Бѣдные Четвертинскіе въ большомъ горѣ. У нихъ умеръ сынъ прекрасный 17 лѣтъ, горячкою. Отецъ внѣ себя, а мать дня четыре какъ родила. Напрасно мужъ ей объявилъ о потерѣ сей, но невозможно было ему скрыть отъ жены несчастія сего. Отъ этого и княгини Вяземской стало хуже. Все бѣды на семъ свѣтѣ. Теперь какъ нарочно меня вызывали, былъ у меня несчастный Гордѣевъ экспедиторъ Троицкій. Кажется, не миновать ему Уголовной Палаты, т. е. Сибири, за потерю казенныхъ денегъ. Монахи Троицкіе внесли часть за него, но все-таки остается тысячи полторы, а гдѣ ихъ взять? Охъ, куда сладко бы въ такую минуту быть богачемъ! Вотъ минуты, кои ни съ какимъ благополучіемъ сравниться не могутъ. Нѣтъ ли, братъ, какого нибудь средства его спасти? Куча дѣтей! Вѣрно не менѣе пяти. Горько его положеніе. Онъ какъ помѣшаный. И правительству мудрено его защитить; оно должно наказывать, напротивъ того, для примѣра другимъ, а то было бы поощрять неисправности. Сколько раздають денегъ, кои идутъ по кабакамъ, а эти спасли бы цѣлую семью. Я думалъ его духъ поддержать, да самъ заплакалъ было.

*

Москва, 3 Марта 1831.

Я слышалъ уже отъ князя А. М. Урусова, что Болговскому дана лента. Я видѣлъ его въ звѣздѣ у Пашковыхъ, и онъ очень доволенъ; говорилъ мнѣ: видно, графъ А. А. въ большомъ фаворѣ! Странная это фраза, ибо знаетъ тоже, что иначе я бы никогда не получилъ ленты.— Я знаю ваши большіе сани съ хвостомъ; бывало, у Ал. Львовича Нарышкина надували иностранцевъ. Я помню, какъ Баварскаго министра, который явился на гулянье въ курточкѣ въ двухъ звѣздахъ, посадили на конецъ и славно вывалили въ снѣгъ; онъ всталъ тотчасъ и, боясь остаться на дорогѣ, пустился бѣжать за зимнею колесницею.

Сказываютъ, что гр. Орловъ оставилъ Панинымъ только законную часть, а все благопріобрѣтенное завѣщалъ внуку своему Давыдову, сыну Петра Львов.; онъ оканчиваетъ ученіе свое въ Эдинбургѣ.

*

Москва, 4 Марта 1831.

У васъ идетъ масляница, а у насъ прошла. Нѣмцы въ сокрушеніи, и есть отчего: у актеровъ и такъ нѣтъ почти штанишекъ; радовались, что будетъ выручка въ Понедѣльникъ и Вторникъ, театръ полный, хотятъ зачинать, вдругъ является актеръ и объявляетъ, что не будетъ театра. Говорятъ, что это послѣдовало по настояніямъ Филарета. Отчего же Нѣмцамъ не веселиться на своей масляницѣ, какъ мы на нашей повеселились? И маскарада во Вторникъ не было. Бѣдные Нѣмцы плачутъ. Ежели нѣтъ приказанія изъ Петербурга, то мудрено было князю Дм. Вл. взять на себя послушать Филарета.

Я успокоилъ Рушковскаго. Теперь ему лучше, но онъ однакоже опускается. Добрый человѣкъ. Я пріѣхалъ оттуда веселъ; склонивъ его къ доброму дѣлу, просилъ о Гордѣевѣ, разсказывалъ, какъ князь Репнинъ заплатилъ 24 т. за Козловскаго, который проигралъ казенныя деньги и долженъ былъ отправиться въ Сибирь. Репнинъ не могъ видѣть такого зрѣлища и внесъ свои деньги. Рушковскій тоже дѣлаетъ для Гордѣева; я его обнялъ нѣсколько разъ. Богъ ему воздастъ за то; такія черты услаждаютъ душу. Сколько людей употребятъ 2000 р. на обѣдъ одинъ, или деньги поставятъ на карту, а предложи имъ выкупить несчастнаго отъ безчестія и каторги! Дефицитъ точно еще не извѣстенъ, собираютъ свѣдѣнія; болѣе 2000 р., вѣрно, не будетъ, а Рушковскій мнѣ сказалъ: j'irai jusqu'à 2000 р. Тогда я атакую гр. Васильеву и княгиню Е. А.: пусть они сдѣлаютъ остальное. Сладкій былъ для меня день вчера; боюсь сказать Гордѣеву, ибо далъ слово Ив. Ал. молчать, а можетъ быть несчастный не утерпитъ, пойдетъ броситься въ ноги своего благодѣтеля.

*

Москва, 5 Марта 1831.

Я обѣдалъ давеча съ Дишкою и Свистуновымъ въ Аглицкомъ клобѣ, который былъ наполненъ вѣстію, что Варшава занята, что безмозглые Поляки послали Государю депутацію поднести ему корону Польскую, говоря, что е. в. вѣрно пріятнѣе будетъ получить ее отъ народа Польскаго, нежели отъ Вѣнскаго конгресса. Вѣсть эта конечно ложная, но отъ Поляковъ статься можетъ такое сумасбродство. Смѣялся я, читая ихъ военные бюллетени въ Гамбургскихъ газетахъ. Они въ фанфаронствѣ перещеголяли и Французовъ. По ихъ счету взято у насъ до 60 пушекъ. Не одни они куролесятъ, и въ Италіи начались проказы; только и покойна что одна Россія.—Давеча набрелъ я на двое похоронъ: графа Орлова и бѣднаго молодого Четвертинскаго. Ло-

бановъ сказывалъ, что старикъ отказалъ по завѣщанію 2000 душъ лишнихъ внучкѣ Давыдовой, что̀ у васъ за Долгорукимъ.

*

Москва, 10 Марта 1831.

Говорили вчера о распоряженіяхъ покойнаго графа Орлова. Всякому изъ Панинныхъ длинныхъ по 7000 душъ; Давыдову, сыну Петра Львовича, воспитывающемуся въ Оксфордѣ или Эдинбургѣ, 14000 душъ; сестрѣ его, что̀ за Долгорукимъ, 3000 душъ, всякой внучкѣ по 20 т. ежегодно на прожитіе и 100 т. на приданое. Много раздачъ бѣднымъ. Говорятъ, что есть огромное взысканіе съ имѣнія за покойнаго графа Григорія Владимировича; но 43000 душъ чего не заплатятъ? А самые богатѣйшіе мужики и цвѣтущія имѣнія въ Россіи графа Орлова, это извѣстно.

*

Москва, 11 Марта 1831.

Всѣ какъ-то унылы отъ вздорныхъ слуховъ, кои распространяютъ, что одинъ корпусъ бунтовщиковъ въ Житомирѣ, а другой въ Литву пробился. Есть глупые люди, кои и вѣрятъ бреднямъ симъ. Другая новость не менѣе глупая, что начали за городомъ заранѣе рыть ямы въ шесть сажень глубины, чтобы въ нихъ закапывать тѣла тѣхъ, кои весною умирать *будутъ* отъ холеры. Жаль, что есть мерзавцы, кои выдумываютъ такіе пустяки, и дураки, кои вѣрятъ имъ. По извѣстіямъ газетъ самихъ Поляковъ видно, что они правый берегъ Вислы очистили, Прагу сожгли, поговариваютъ гнѣздо свое разбойничье перевесть въ Ченстоховъ изъ Варшавы. Таковы ли бы должны быть послѣдствія побѣдъ, коими они хвастаютъ?

*

Москва, 16 Марта 1831.

Вчера взялъ я у Волкова репортичку, прилагаю здѣсь; слава Богу: было двое холерныхъ, одинъ умеръ, а другой выздоровѣлъ, и того остался *нулъ*. Во Вторникъ будетъ молебствіе благодарное въ Чудовѣ и во всѣхъ церквахъ. Кн. Д. Вл. посылалъ къ Филарету для выбора дня; онъ сказалъ, что 17-го Алексія Божіяго человѣка. Пословица называетъ этотъ день съ горъ вода, а мы прибавимъ: а холера со двора. Сталь правду говорилъ вчера у Волкова: вотъ бы князю Д. Вл. проситься въ Петербургъ, быть первымъ возвѣстителемъ прекращенія холеры и первому ѣхать снять карантины, и безъ оныхъ первому прибыть въ Петербургъ. Ужъ можно помолиться и Бога поблагодарить за милость къ намъ.

*

Москва, 17 Марта 1831.

Ну, порядочно я усталъ! Съ 10 часовъ на ногахъ, а теперь два часа. Сію минуту возвратился изъ Чудова монастыря, гдѣ была панихида по умершимъ холерою, потомъ обѣдня, потомъ благодарный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ о прекращеніи совершенномъ холеры и многолѣтіе царствующему дому. Только не доставало проповѣди, но и Филаретъ самъ насилу выдержалъ службу эту. Множество было людей, весь Сенатъ и дамъ бездна. Князь Дм. Вл. мнѣ сказывалъ, что 17 Сентября умеръ первый отъ холеры, соборный звонарь. Сегодня 18 Марта; стало-быть, холера свирѣпствовала въ Москвѣ ровнехонько шесть мѣсяцевъ.

*

Москва, 21 Марта 1831.

Немало меня удивило губернаторство Павла Демидова; впрочемъ деньги все устраиваютъ. Возьми онъ себѣ знающаго и честнаго правителя канцеляріи, скажи ему: послушай, вотъ тебѣ 25 т. въ годъ, служи мнѣ вѣрою и правдою; ежели черезъ три - четыре года получу чинъ д. с. с. и ленту, сверхъ того подарю тебѣ 200, 300, 500 тысячъ. Куда ему деньги беречь? И что для него полмилліона, когда ими купитъ себѣ награды, благословеніе губерніи цѣлой и милость Государя, что̀ всего еще дороже на свѣтѣ? Чего не сдѣлаешь съ деньгами? А Демидовъ не дуракъ и, кажется, сердце имѣетъ доброе. А нашъ Кильдюшевскій сгинулъ, видно.

Вотъ тебѣ, мой милый другъ, біографія нашего безцѣннаго отца. Ежели буду духомъ покоенъ, примусь писать подробную жизнь его, лѣтомъ въ деревнѣ, на досугѣ. Хоть теперь бы туда пустился! Скажи мнѣ твои мысли; перечитавъ еще разъ теперь, я нахожу, что надобно будетъ смягчить статью объ Альтести; самая слава царствованія Екатерины требуетъ, чтобы человѣкъ, каковъ былъ батюшка, не казался вытѣсненнымъ съ мѣста своего по интригамъ Зубова и Маркова, а что отошелъ по желанію своему. Это можно перемѣнить; желаю, чтобы это чтеніе доставило тебѣ удовольствіе.

Бѣдная Вяземская была на смертномъ одрѣ и не можетъ оправиться, сокрушаясь о сестрѣ: все бѣда! Княгиня Вяземская очень слаба; боюсь я, чтобы болѣзнь ея не взяла дурной оборотъ, а мужу*) надобно ѣхать въ Петербургъ: другая бѣда!

*

*) Въ это время князь П. А. Вяземскій уже поступилъ на службу въ Министерство Финансовъ.

Москва, 26 Марта 1831.

У меня былъ Глинка С. Н. сейчасъ, очень меня обрадовалъ. Государь пожаловалъ ему 3000 пенсіона. Доброе сдѣлалъ дѣло нашъ ангелъ. Глинка обожаетъ и Россію, и Государя; вся жизнь его, дѣла, труды это доказываютъ. Хвала твоему князю, онъ это устроилъ, и письмо Глинки къ князю Ал. Ник. очень меня тронуло. Я просилъ копію съ онаго и тебѣ пришлю. Теперь этотъ добрый отецъ семейства съ кускомъ хлѣба.

*

Москва, 13 Апрѣля 1831.

На вербномъ гуляньѣ вчера была маленькая исторія у Свистунова съ об.-пол. Мухановымъ. Экипажъ перваго выѣхалъ изъ ряду; не знаю, было ли это кучеру приказано, только Мухановъ налетѣлъ и началъ размолвку горячую съ Свистуновымъ, послѣ чего отнесся рапортомъ къ коменданту съ жалобою, что Свистуновъ его дразнилъ, а у этого привычка лорнетъ класть въ ротъ, откуда, безъ участія рукъ, два стеклышка поднимаются вверхъ къ глазамъ, и въ эти минуты подлинно черты лица какъ-то измѣняются, что̀ вѣроятно Мухановъ, не зная всего этого, принялъ за гримасы ему дѣланныя. Комендантъ нашъ добрый послалъ за Свистуновымъ и сказалъ ему: Écoutez, j'ai un papier de Moukhanoff que je dois passer à l'Empereur; tout cela est un enfantillage qu'il faut étouffer, je vous prie d'aller de ce pas chez m-r M.; dites lui que je vous ai envoyé chez lui pour lui faire vos excuses, et tout finira. Долго онъ отговаривался, оправдываясь, наконецъ поѣхалъ къ Муханову; но этотъ, чѣмъ бы довольствоваться симъ, началъ еще выговаривать Свистунову и довольно неучтиво, говоря, что онъ бумагу свою обратно не возметъ и пошлетъ рапортъ къ князю Голицыну въ Петербургъ. Это доказываетъ мстительное сердце Муханова. Комендантъ не успѣлъ помирить ихъ и вынужденный дать большую сантификацію Муханову, сказалъ Свистунову, что, въ уваженіе гвардейскаго мундира, не хочетъ послать его на гаубтвахту, но объявляетъ ему домовый 3-хъ дневный арестъ. Добрый Сталь сожалѣетъ, что не могъ дѣло затушить; онъ и Свистуновъ все сдѣлали для этого. Муханова всѣ очень обвиняютъ, да и вообще его не любятъ здѣсь. Сталь писалъ князю Дм. Вл., чтобы хоть тамъ дѣло бы уладили безъ непріятностей. Я не видалъ Свистунова и не знаю, какъ онъ это разсказываетъ.

*

Москва, 30 Мая 1831.

Какова же старуха Вяземская?*) И наша княгиня Вѣра оправилась, намедни была на выставкѣ, было ей очень нехорошо также. Все такая же хохотунья. Случилось что на выставкѣ этой, дама одна мнѣ что-то сказала, я засмѣялся, княгиня издали это примѣтила, хотѣла знать причину, я ей тотчасъ сказалъ, ибо рѣчь была о ней. Барыня говорила: *твоя* Вяземская ожила; смотри, какъ ни въ чемъ не бывало, дрягаетъ, хохочетъ, по цвѣту лица какъ будто больна не была! И, матушка, сказала другая кума, вѣдь она нарумянена, а можетъ и набѣлена; я ее намедни видѣла утромъ безъ туалета у Кологривовой, такъ смерть настоящая! Il fallait voir les rires de la princesse, я думалъ, что дурно сдѣлается, и пошла всѣмъ разсказывать сама! Добивалась все, кто дама; не сказалъ ей, а вѣрно бы не стала сердиться, кабы знала кто.

*

Москва, 2 Іюня 1831.

Я въ двое сутокъ прочелъ всего Загоскина, т. е. Рославлева. Онъ помѣстилъ тутъ вымышленный мною (во время эмиграціи нашей изъ Москвы въ 1812 году, когда гостилъ я у графа Воронцова въ Андреевскомъ, деревнѣ его) разговоръ между Мюратомъ и Милорадовичемъ. Графъ Ростопчинъ послалъ это тогда въ Петербургъ, и пошелъ этотъ разговоръ по всѣмъ журналамъ, даже иностраннымъ. Смѣшнѣе всего то, что Милорадовичъ обѣдалъ послѣ, два года спустя, у Ростопчина, который при мнѣ, нарочно, спросилъ его: справедливъ-ли этотъ разговоръ? И Милорадовичъ отвѣчалъ: à la lettre! Я не смѣлъ взглянуть на Ростопчина, и онъ сказалъ мнѣ послѣ: et voilà comme on écrit l'histoire! Милорадовичъ на аванпостахъ перекланивался съ Мюратомъ, коему кто-то сказалъ: voilà le Murat de Russie.

*

Москва, 9 Іюня 1831.

Какую ужасную новость сообщилъ мнѣ вчера Норовъ! Смерть фельдмаршала Дибича; онъ скончался въ Пултускѣ 29 Маія. Я разсчитывалъ, что 4 Іюня вы не знали еще о семъ, такъ не ложь-ли? Но нельзя сомнѣваться по подробностямъ, кои далъ Норову молодой Голицынъ, прибывшій сюда изъ главной квартиры прямо. Смерть была столь насильственна, что приписывали ее холерѣ; какъ не скажутъ хуже что нибудь? Жаль очень! Генераловъ много, а Забалканскихъ у насъ одинъ. Норовъ просилъ не говорить, а я далъ ему самъ совѣтъ

*) Это вдова Екатерининскаго генералъ-прокурора княгиня Елена Никитична, ур. кн. Трубецкая.

этотъ. Ну да какъ неправда? Это было 7-го, а вчера уже весь городъ наполнился печальною сею новостью; ибо сказываютъ, что Пфеллеръ привезъ подтвержденіе изъ Петербурга; стало быть онъ выѣхалъ отъ васъ 5-го или 4-го послѣ почты. Сегодняшнее твое письмо вѣроятно подтвердитъ фатальную эту вѣсть. Большой это ударъ для нашего Государя.

Гулянье вчера на прудахъ было хорошо, но слишкомъ уже тѣсно; у бесѣдки такая была давка, что многія дамы кричали, досталось шляпкамъ ихъ! Князь Юсуповъ велѣлъ дать стулъ Катенькѣ. Сказывали тутъ же, что адъютантъ князя Д. В. Голицына Лихачевъ сдѣлалъ фарсу, объявилъ первый Ив. Ак. Лазареву, что онъ пожалованъ въ превосходительные и взялъ за то съ него колясочку и пару лошадей; торговался онъ долго, какую коляску, да какихъ лошадей, наконецъ согласился. Подошелъ къ князю благодарить, но князь сказалъ: надѣюсь, что будетъ; но я еще не получилъ увѣдомленія. Лазаревъ сталъ разсказывать о коляскѣ, но князь зналъ уже это отъ самого Лихачева. Дистракціи Лазарева еще болѣе умножились отъ мучительной неизвѣстности, а куда хочется ему носить званіе *генерала* Лазарева.

Не надобно было Дибичу умереть отъ пули прежде славнаго мира Турецкаго, ни послѣ въ Адріанополѣ на высшей степени славы, но въ Пултускѣ отъ холеры и тогда, какъ готовилъ гибель мятежниковъ. Вѣроятно, до прибытія Паскевича ничего не будетъ предпринято въ арміи, и Поляки успѣютъ образумиться. Поѣду къ Волкову, онъ вчера не вѣрилъ печальной вѣсти, дамъ ему прочитать Инвалидъ. И умеръ-то съ твердостью, какъ настоящій герой. Царство ему небесное!

*

Москва, 10 Іюня 1831.

У меня и у всѣхъ одно въ головѣ: смерть фельдмаршала; только о томъ и говорятъ, всѣ о немъ жалѣютъ, всѣ въ томъ согласны, что онъ былъ уменъ, остороженъ, не любилъ рисковать и что кончилъ бы скоро и славно несчастную эту войну. Мы такъ привыкли къ холерѣ, болѣзнь намъ эта не кажется страшна, а тамъ ее лѣчить не умѣютъ. Ну что за кровопусканіе? На что это? Сильныя бы потовыя средства, ванны. Не худо бы послать врачей искусныхъ отсюда. Здѣсь всякій фельдшеръ, бывшій при больницахъ во время холеры, знаетъ, какъ съ нею обходиться; но точно на все власть Божія! Жаль, очень жаль покойнаго фельдмаршала, не богаты мы главнокомандующими. Есть здѣсь письмо однаго офицера изъ главной квартиры гвардейской; онъ описываетъ разстройство Поляковъ послѣ Остроленскаго сраженія, говоритъ: l'armée des rebelles est fondue, elle est dispersée, on ne

sait ce qu'elle est devenue, 15 m. à peu près sont réunies sous les murs de Varsovie, etc. И въ такое время надобно, чтобы не стало Забалканскаго! Теперь не скоро надобно ждать извѣстія: графъ Паскевичъ сегодня можетъ прибыть къ арміи, надобно нѣсколько дней, чтобы оглядѣться.

Посылаю тебѣ при семъ сдѣланную мною въ Архивѣ выправку для Тургенева о журналѣ Гордона. Сколько могъ я заключить, пробѣгая оный, много тутъ мелочей и вздору; но нѣтъ записокъ, когда онѣ регулярно, поденно ведены, въ коихъ не нашлись бы хорошія свѣдѣнія.

Я Загоскина кончилъ давно, уже съ самимъ авторомъ говорилъ; жаловался ему, что онъ такъ мало говоритъ о Ростопчинѣ. Еропкинъ укротилъ бунтъ и заслужилъ себѣ славное имя, а Ростопчинъ бунтъ предупредилъ. Тогда кровь лилась, а въ 1812 году за нѣсколько часовъ до шествія Французовъ все было тихо, покойно, всѣ жители были въ совершенной безопасности, чѣмъ обязаны мы были *одному* Ростопчину. Не будь тогда такая голова, нельзя ручаться, что не было бы не токмо грабежей, но убійства. Читая Рославлева, не знаешь, кто даже царствовалъ въ то время, имя Александра I не упомянуто; какъ умолчать о пріѣздѣ Государя въ Москву, воззваніи его первопрестольному граду, пожертвованіяхъ дворянства? Есть множество прекрасныхъ анекдотовъ, коими Римская исторія могла бы гордиться. Загоскинъ ихъ не помѣстилъ, вѣрно потому что не зналъ. Ежели будетъ новое изданіе, надобно пополнить многое, а слогъ очень хорошъ, натураленъ и самыхъ Французовъ описываетъ онъ очень хорошо, таковы, какъ они въ самомъ дѣлѣ.

*

Москва, 12 Іюня 1831.

Съ какимъ удовольствіемъ увидѣлъ я вчера стараго своего знакомаго, Алексѣя Самуйловича Грейга! Были мы вмѣстѣ на выставкѣ, которую онъ очень хвалилъ, хотя засталъ уже не полную, многіе взяли уже назадъ принадлежащее имъ; послѣ былъ у насъ и долго просидѣлъ у жены, удивлялся Катѣ, которую оставилъ ребенкомъ, но еще болѣе удивился, узнавъ, что младшая сестра уже замужемъ и спѣшитъ пожаловать меня въ дѣдушки. Я не знаю, о чемъ не было у насъ рѣчи. Тебя оставилъ онъ здороваго. Votre frère, говорилъ онъ, a une conformation toute particulière, ou bien est ce une sage distribution de son temps; mais abimé d'affaires, il trouve le moyen de ne pas négliger ses amis et même de se procurer quelques fois le plaisir du

théâtre etc. Я нашелъ въ немъ мало перемѣны для пяти лѣтъ отсутствія; иной и въ два года такъ состарится и перемѣнится, что едва его узнаешь. Сегодня Грейгъ отправляется въ Николаевъ.

Конечно надобно ждать рѣшительныхъ мѣръ отъ Паскевича. Говоря вчера съ Грейгомъ о Польскихъ дѣлахъ, я былъ того мнѣнія, что лучше бы бросить этихъ скаредныхъ Поляковъ на произволъ злой ихъ участи. Ну что они сдѣлаютъ безъ Россіи? Ну, конечно, мы ихъ усмиримъ, но раны глубокія Польши намъ же придется залѣчивать своими боками; 17 лѣтъ махину устраивали, придется лѣтъ пять чинить ее. Они же будутъ у ногъ нашихъ и просить, чтобы мы возстановили прежній порядокъ. Правда и то, что дерзость ихъ нельзя оставить ненаказанною. Осмѣлиться страшить своего Государя-благодѣтеля? Дай Богъ скорыхъ успѣховъ Эриванскому! Такъ случилось, что я указъ, о коемъ ты пишешь, касательно имѣнія помѣщиковъ, принявшихъ участіе въ возмущеніи, ни кому я не показывалъ по словамъ твоимъ и удержу у себя. Мнѣ кажется, что лучше было бы, не смотря на раскаяніе, которое всякій оказываетъ, когда за живое задерутъ, лучше было бы всѣ имѣнія оставлять подъ секвестромъ до совершеннаго окончанія дѣлъ Польскихъ. Право, милосердіе Государево къ разбойникомъ этимъ слишкомъ велико.

Здѣсь поговаривали, что показалась холера опять. Вздоръ! Говорили же, что холера въ Кронштадтѣ; а Грейгъ утверждаетъ, что не было ничего похожаго. Вотъ объявленіе, сію минуту полученное отъ полиціи, которая, видно, какъ говорятъ Французы, tourne autour du pot. Говоря о холерѣ, вспомнишь невольно о Французахъ. Какъ ты думаешь, романъ Загоскина будетъ читанъ съ любопытствомъ во Франціи? Мнѣ хочется перевесть его на Французскій языкъ; вотъ нѣтъ Шредера, а то онъ бы выгодно продалъ какому-нибудь книгопродавцу переводъ мой; ты найдешь другого человѣка. Надобно умудриться. Ежели Загоскинъ взялъ за романъ 40 т. (и вѣрно, книгопродавецъ не будетъ въ накладѣ), почему не взять 20 т. за переводъ? Подумай, братъ, объ этомъ, а я большую часть времени посвятилъ бы на этотъ трудъ и скоро бы его кончилъ. Между тѣмъ любопытство Парижанъ можно бы возбудить статейкою въ газетахъ: on s'occupe déjà à Moscou de la traduction du nouveau roman de m-r Zagoskine, intitulé Roslawlew ou les Russes en 1812. Cet ouvrage est rempli de détails intéressants, et comme il offre le tableau de la lutte des deux grandes nations, il ne pourra qu'exciter au plus haut degré la curiosité des Parisiens. Un libraire russe a acheté le manuscrit pour 40 m. roubles.

*

Москва, 15 Іюня 1831.

Давай сюда Тургенева, очень ему обрадуемся. Я никогда не забуду дружбу его и участіе его братское въ несчастное время тяжбы, которую всякій день сожалѣю, что не проигралъ. Тогда я лѣтъ пять не существовалъ, а мучился, чтобы вырвать имѣніе изъ рукъ двухъ враговъ: Щербатовыхъ и опекуновъ; но оставимъ это, всю внутренность только шевелитъ. Лучшіе мои годы миновались, нечего ждать болѣе. Ольгина свадьба мелькнула, какъ радостный метеоръ; утѣшаюсь ея благополучіемъ, но сколько осталось хвостиковъ и безпрестанныхъ безпокойствъ! Долженъ я еще Бога благодарить за нравъ мой: другой бы съ ума сошелъ.

*

Москва, 20 Іюня 1831.

Дай-то Богъ конца въ Варшавѣ. Говорили они и много хвастали второю Сарагоссою; но я думаю, что ничего не будетъ, что главныя канальи, яко то Лелевель, ежели не выдадутся, то сами тягу дадутъ; въ Парижѣ настроятъ имъ арки тріумфальныя, а въ Варшавѣ все вдругъ кончится, можетъ быть, и безъ пролитія крови. Какъ же Паскевичъ не счастливъ? Главнѣйшее и труднѣйшее было уже пріуготовлено покойнымъ Дибичемъ. Новицкая, что̀ у васъ, умерла; вѣрно дочь того генерала изъ Жидовъ, который, сказываютъ, взялся управлять имѣніями богача Шереметева.—Я кончилъ первую часть Рославлева, надобно удосужиться перечитать, исправить, переписать на-бѣло, сдѣлать маленькое *avis* и послать, яко образчикъ всѣхъ частей, въ Парижъ. Что-то тамъ скажутъ книгопродавцы? А читано будетъ оно тамъ съ жадностію, я увѣренъ.

*

Москва, 21 Іюня 1831.

Привозилъ Новосильцовъ письмо очень длинное отъ брата, писанное изъ Вильны отъ 10-го Іюня и наполненное подробностями о дѣлѣ, бывшемъ у нихъ противъ Гельгута, у коего до 30 т. войска (Положимъ, что Новосильцовъ и много прибавилъ, чтобы возвысить побѣду, но и 20 т. много) и котораго храбрый Хилковъ дивиз. уланскій разбилъ и прогналъ съ большою потерею; наши очень были разстроены отъ чрезвычайныхъ усилій, но къ счастью пришелъ къ нимъ Савоини съ 13 т. свѣжаго войска, и Гельгуту будетъ матъ. Это славное извѣстіе и вѣрное. Удивительно, что ничего не знаемъ оффиціально по сю пору.

*

Москва, 23 Іюня 1831.

Не понимаю я карантинъ между столицами, ежели въ обѣихъ существуетъ холера. Кого же хотятъ предостеречь? А какой будетъ вопль! Я все надѣюсь, что не усилится у васъ болѣзнь и кончится однимъ страхомъ. Боже, охрани васъ моихъ милыхъ, ежели воля Всевышняго есть, чтобы была холера въ Петербургѣ. Ну ужъ эпоха для меня, буду ее помнить. Поляки тоже кровь мнѣ портятъ. Я вчера всю жолчь вылилъ на Пельчинскаго. Онъ называлъ всѣхъ Поляковъ des fous.—Non, monsieur, c'est pis que cela; on enferme les fous, mais ces fous-là il faudrait tous les pendre, ce sont des misérables, des ingrâts qui innondent leur patrie de sang sans aucun résultat possible. Si on abandonnait cette canaille à elle-même, après s'être entredévoré, elle serait venu se jetter aux pieds de cet ange qu'elle a outragé et sous lequel elle vivait heureuse. Поджалъ хвостъ мой Полякъ. Литовскіе офицеры, сюда присланные на службу, хотѣли бѣжать; открыли это, и они подъ арестомъ. Зачѣмъ такую кучу держать вмѣстѣ и въ столицѣ? Въ Грузію бы ихъ! Когда комендантъ хотѣлъ посадить ихъ подъ караулъ въ Кремлѣ, то нельзя было это сдѣлать, и почему? Потому что всѣ караульные офицеры на всѣхъ гауптвахтахъ были Поляки; какъ ввѣрить имъ арестантовъ, да еще и свою братью? Волковъ сказывалъ мнѣ подъ секретомъ, что открытъ ихъ заговоръ, конечно дурацкой, но все-таки гнусный, коего точная цѣль еще не извѣстна, но въ пользу Поляковъ. Собирались они у какого-то промотавшагося бездѣльника, полковника Сунгурова, живущаго въ Тюфелевой рощѣ; много соблазняли молодежи, но одинъ изъ нихъ, мучимый совѣстью, открылъ все, и рабовъ чортовыхъ схватили всѣхъ числомъ 22. Такъ это все сдѣлалось умно, что въ городѣ никто не знаетъ. Экіе скверНавцы!

Какъ обдумаешь хорошенько, то право чуть не должно ли радоваться скорѣе смерти, о коей ты мнѣ пишешь, чѣмъ скорбѣть о ней. Положеніе покойника въ отношеніи къ Русскимъ и Полякамъ было ужасно; всѣ ему упрекали. Союзъ его не могъ быть пріятенъ отечеству. Провидѣніе знаетъ, что̀ дѣлаетъ. Онъ имѣлъ и хорошія качества, но все я полагаю счастіемъ для Россіи, что онъ не царствовалъ. Здѣсь никто и не подозрѣваетъ вѣсть такую, а на ухо говоратъ, что у него умственное поврежденіе и что живетъ скрытый въ Стрѣльнѣ.

На дняхъ будетъ пропечатано въ газетахъ здѣшнихъ, что романъ Рославлевъ переводится на Французскій языкъ. Я рѣшаюсь на трудъ этотъ, а то не вижу чѣмъ мнѣ жить; всякую надежду на полученіе мѣста, которое давало бы мнѣ доходъ, я потерялъ давно. Ничего ра-

дос. .го въ будущемъ не вижу для себя. Люди съ меньшими талантами и меньшею протекціею, безъ связей, коихъ благодареніе Богу у меня довольно, выходятъ, имѣютъ великіе оклады, а я гнію на одной точкѣ ровно 22 года. Это значитъ счастія нѣтъ. Я, право, никому не завидую и никому не ропщу, и ежели бы имѣлъ я безнуджно средства существованія, то все таки почиталъ бы себя гораздо счастливѣе многихъ высоколетающихъ. Я далъ себѣ обѣщаніе ничего не просить никогда, а стану заниматься другимъ и слѣдовать батюшкиному примѣру, а онъ переводилъ. «Всемірное Путешествіе» дало ему *сто тысячъ* чистаго барышка.

*

Москва, 24 Іюня 1831.

Вчера перебывало у меня множество народа, между прочими Озеровъ, который желалъ знать, гдѣ е. в., въ Минскѣ, Бѣлостокѣ или Стрѣльнѣ? Имѣя на то приказъ отъ тебя, я молчалъ; можетъ быть, сегодня явится и манифестъ; только удивительно, что никто не пишетъ сюда о такомъ важномъ происшествіи. Я полагаю, что Наслѣднику прибавится теперь титулъ ему единственно принадлежащій. Тогда императоръ Павелъ отъ избытка радости за побѣды Суворовскія пожаловалъ Великому Князю званіе Цесаревича, которое самъ носилъ слишкомъ 30 лѣтъ. Правда ли, что умерли въ арміи холерою Чичеринъ, Исленьевъ генр.-адъютанты и Арбсъ? Такъ давно говорятъ объ этомъ, что вѣрно бы подтвердилось. Не вѣрю: это всего короче. Мнѣ жаль, что дворъ не изберетъ лучше для пребыванія здоровое и высокое мѣсто какъ Царское Село; въ Петергофѣ сыро. Довольно щеголялъ Рибопьеръ фигурою своею, пора и ему похудѣть да сморщиться. Тургеневъ видно все тотъ же; какъ не рѣшиться куда ѣхать, въ Любекъ или Москву? Ему надобно быть сюда, Жихаревъ не дождется его и никахъ не беретъ на себя продажу имѣнія безъ него, а посмотри, какъ заѣдетъ сюда въ Остафьево къ Вяземскимъ и Карамзинымъ, то его не выгонишь изъ Москвы, чего мы очень желаемъ.

*

Москва, 26 Іюня 1831.

Вчера является къ намъ вдругъ Александръ Тургеневъ. Чрезвычайно я ему обрадовался. Все тотъ же: тѣже дистракціи, таже доброта, мало перемѣнился нахожу, а шесть лѣтъ куда много времени въ наши годы! Катенькѣ началъ тотчасъ куры строить, т. е. руки цѣловать, не далъ на себя хорошенько налюбоваться и исчезъ. Зоветъ меня съ собою къ Вяземскому на имянины; не знаю, смогу ли, хотя это 29-го; просилъ Костю отпустить, а потомъ вспомнилъ, что званъ

въ тотъ же день въ Рожествено къ кн. Дм. Владимировичу, у коего былъ вчера на парадномъ обѣдѣ. Большой чудакъ, боится холеры и признается, что отъ страха уѣхалъ бы въ Любекъ, но испугался карантина. Не могъ я добиться, гдѣ живетъ: то у Жихарева, то у тетки, то гдѣ-то *подъ Москвою*. Былъ у меня также П. П. Новосильцовъ, просидѣлъ часа два, и я досыту съ нимъ наболтался; люблю его уже за то одно, что тебя онъ очень любитъ. Фастъ съ обѣда князева, переодѣвшись и забѣжавъ ко мнѣ на минуту, пустился съ Россиніемъ въ Петелино до Среды; такъ пришлось, что все праздники, хочетъ нагуляться досыта, навѣстить по дорогѣ Цимерманшу, Вагнера и Посникова.

Вчера не велѣли мы закрывать ставень, чтобы любоваться на иллюминацію, вся улица была въ огняхъ, а на нашемъ балконѣ было до ста плошекъ. Какъ могли, праздновали Царя! Я отъ скуки работаю надъ Рославлевымъ и двѣ главы уже перевелъ, работа легкая и занимательная.

*

Москва, 29 Іюня 1831.

Теперь ты долженъ быть покоенъ совершенно на мой счетъ, я не переставалъ къ тебѣ писать; а пожалуй и здѣсь сказали, что у меня холера, и Тургеневъ даже обнималъ меня съ какою-то осторожностью, а не какъ послѣ 6 лѣтней разлуки. Онъ большой трусъ, а холера не любитъ, чтобы ея боялись. Что̀ ты разсказываешь о Государѣ, не можетъ не трогать. У него рѣшимость, твердость и присутствіе духа Петра Великаго, и Богъ поможетъ ему управиться со всѣми заботами внѣшними и домашними; а дорого можно бы дать, чтобы всего того не случилось. Народъ нашъ всегда былъ покоренъ и смиренъ, пересѣчь бы можно плетьми зачинщиковъ на площади, а должны быть баламуты. Вчера пріѣзжалъ князь А. М. Урусовъ ко мнѣ, благодарить за приказъ о сынѣ, за доставленіе тобою посылокъ его прекрасной Софьѣ и навѣдаться обо мнѣ; сказывалъ, что на Трубѣ у новаго фонтана нашли въ водопроводной трубѣ мѣшокъ съ ядомъ. Какое звѣрское намѣреніе! Теперь у всѣхъ фонтановъ поставлены часовые, и давно слѣдовало это сдѣлать. Случается, что мальчишки отъ шалости кидаютъ въ воду кошекъ или крысъ мертвыхъ. Былъ у меня также Офросимовъ Константинъ и много разсказывалъ о войнѣ Польской и Полякахъ. Я видѣлъ его прострѣленную пулею шляпу; однимъ волосомъ правѣе, былъ бы безъ головы. Кажется, долго еще не будетъ ходить безъ костыля или палки.

Ожидаю съ нетерпѣніемъ подробностей о пораженіи Гельгута кривого. Офросимовъ говоритъ, что у него одинъ глазъ хрустальный, мѣдный лобъ и сердце каменное, хорошъ молодецъ! Взять бы эдакую бестію да растрѣлять. Для насъ онъ измѣнникъ, а для Поляковъ губитель своего отечества. Объявленіе отъ полиціи объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ мѣръ холерныхъ хорошо; жаль, что не такъ сдѣлали съ самаго начала. Быть не можетъ, чтобы дома не оказывалось болѣе попеченія для больного, нежели въ больницѣ, гдѣ ихъ множество; а что болѣзнь не прилипчива, это доказано безчисленными опытами. Ежели вещь возможная не допустить холеру въ какое-либо мѣсто, то хорошо достигнуть этого; но ежели есть одинъ больной или умершій, то почитаю всѣ мелкія мѣры излишними: кто долженъ занемочь или умереть, занеможетъ и умретъ. Малѣйшее расположеніе въ тѣлѣ нашемъ къ холерѣ должно болѣзнь сію развить.

*

Москва, 30 Іюня 1831.

Много здѣсь говорятъ теперь о бывшихъ у васъ безпокойствахъ; всякой разсказываетъ по своему, есть пріѣзжіе изъ Петербурга. Увѣряютъ будто былъ убитъ докторъ одинъ, а частный приставъ изувѣченъ. Хвастаютъ, что не было этого въ Москвѣ; но право, ежели бы оцѣпленіе продолжилось еще недѣлю, не безъ грѣха бы обошлось. Хотя все и пришло на первый случай въ порядокъ у васъ, но видно какое-то брожженіе въ народѣ, чтò доказываютъ и объявленія начальства. Это хуже самой болѣзни. Все это, право, грусть наводитъ, и я былъ бы счастливѣйшій изъ людей, ежели бы съ вами теперь находился. Право, куда ни обратишься, все какъ-то не розоваго цвѣта. Укрѣпи Богъ нашего ангела Николая! Великая его душа все превозможетъ.

*

Москва, 1 Іюля 1831.

Закревскій долженъ быть въ большихъ хлопотахъ теперь. Очень здѣсь обрадовало всѣхъ объявленіе его о ярмаркѣ Макарьевской; слухи носились, что она будетъ отмѣнена, отъ чего было ужасное уныніе и неудовольствіе между купцами. Полетикѣ прибавилась еще работа, ибо вижу, что и острова отошли въ его управленіе, т. е. причислены къ Петербургской сторонѣ. Охъ, хорошо бы добраться до зачинщиковъ всѣхъ безпорядковъ; не бездѣльниковъ ли Поляковъ это работа? Князь Дм. Вл. оставилъ, наконецъ, свое Рожествено и переѣхалъ въ городъ. Теперь присутствіе его здѣсь очень нужно, и безъ того полиція наша не завидная, и право, Русскій Богъ одинъ спасалъ насъ отъ холеры. Не слыхать о больныхъ, а называютъ все холерою.

*

Москва, 2 Іюля 1831.

Здѣсь говорятъ, что княгиня Ловицкая хочетъ проводить тѣло покойнаго цесаревича въ Петербургъ и потомъ, воротясь въ Витебскъ, построить тамъ монастырь, на томъ мѣстѣ, гдѣ скончался великій князь, и въ ономъ заключиться на остатки жизни своей. Не вѣрю такому пожертвованію отъ Польки.

*

Москва, 3 Іюля 1831.

Явились Тургеневъ и Вяземскій, долго просидѣли, хотѣли знать, правда ли, что многіе министры наши перемѣщены, Закревскій на мѣсто Чернышова, котораго въ Берлинъ, а Бибикова министромъ внутреннихъ дѣлъ. То ли время теперь! Не вѣрю, сказалъ я имъ, а писемъ еще не имѣю своихъ. Они стали ждать почту. Я получилъ письмо твое отъ 29-го, и вышло вздоръ. Благодареніе Всевышнему, у тебя все благополучно и въ семьѣ, и въ Почтамтѣ. Очень это утѣшило меня. Число больныхъ у васъ видимо растетъ. У насъ не было никогда 200 въ одни сутки, но вы тѣснѣе живете насъ Москвичей. Мало у васъ выздоравливаетъ, но это и здѣсь такъ было сначала. Въ Инвалидѣ нашелъ я извѣстія изъ арміи также благопріятныя, есть уже рапортъ отъ фельдмаршала. Дай Богъ скораго конца и войнѣ, и холерѣ. Пашка очень меня насмѣшилъ; входитъ и говоритъ: Папа, вы вѣрно получили письмо отъ дяденьки.—Почемъ ты знаешь?—Оттого, что духами запахло! Это онъ хлору называетъ духами.

*

Москва, 4 Іюля 1831.

Нельзя иной и не погорячиться и не поспорить, когда рѣчь о Полякахъ, коихъ иные представляютъ легкомысленными, вѣтренными, сумасбродными. Нѣтъ, это гнусные, неблагодарные преступники, коихъ поступки очень обдуманы, хотя не могутъ вести ни къ какой развязкѣ. Кажется, дѣло идетъ къ концу теперь, и армейскія извѣстія будутъ любопытны.—Пять главъ Рославлева переведены. Меня это занимаетъ пріятнымъ образомъ; я нахожу новыя красоты, и Французовъ описываетъ онъ особенно хорошо. Наташа читала намедни переводъ еще не пересмотрѣнный, черный, и находитъ, что на Французскомъ языкѣ оно еще лучше, особенно въ статьяхъ до нихъ касающихся. Мнѣ кажется, что это будетъ читано съ жадностію въ Парижѣ; имъ, правда, иной достается (но не надобно забывать, что это писано въ эпоху величайшаго противъ нихъ раздраженія), однакоже есть много и похвалъ имъ, и описываетъ ихъ безпристрастно.

*

Москва, 9 Іюля 1831.

Вчера, чтобы разогнать скуку, я повезъ жену и обѣихъ своихъ мальчиковъ на Воробьевы горы. Видъ этотъ ихъ всѣхъ восхитилъ. Никогда не видали, и время было преславное, переѣхали въ лодкахъ Москву-рѣку. Это была совершенная parodie вашихъ славныхъ гуляній, однакоже вида такого у васъ нѣтъ! Сказать нечего отсюда, все слава Богу благополучно у насъ; тѣ кои завидуютъ, видно, нашему спокойствію, выдумываютъ всякія нелѣпости. Фастъ, уѣзжая вчера, былъ въ двойнѣ печаленъ, о Петелинѣ и Москвѣ: по городу ходила молва, что городъ въ день Казанской Божіей Матери (вчера) имѣетъ быть зажженъ съ четырехъ концовъ. Онъ въ сокрушеніи своемъ всему вѣрилъ, но вышло все вздоръ. Однакоже вчера не безъ бѣды было: крестный ходъ и бездна была народу въ Кремлѣ, зашалила лошадь жандарма одного, стала бить, въ толпѣ кое-кого переранила, а одну бѣдную женщину на мѣстѣ убила. Народъ принималъ горестное участіе въ ней, но спокойствіе было нимало не нарушено; тутъ же на мѣстѣ было произведено слѣдствіе, и тѣло увезено. Вотъ доказательство, какъ миролюбивы чувства добрыхъ Москвичей.

По Гамбургскимъ газетамъ вижу, что въ Варшавѣ была contre-révolution, въ коей и сами Польскіе генералы участвовали, наприм. Янковскій, коего туда привезли было судить за то, что Ридигеръ его разбилъ. On y parle aussi parmis les conjurés *d'une dame Russe*, mad. Bajanoff. Чтò вижу! Это та Баженова, чтò нѣкогда имѣла лавку модную, на Кузнецкомъ мосту.

*

Москва, 10 Іюля 1831.

Отвозилъ я письмо отъ вице-канцлера къ графу Никитѣ П. Панину. Этотъ меня часа два продержалъ, разговаривая о всякой всячинѣ; пріятно говорить, старую свою пѣсенку начиналъ, все хочетъ переписываться со мною. Je suis dans une telle ignorance sur tout ce qui se passe partout.—Mais, m-r le comte, je ne sais que ce qui se trouve dans les journaux; l'Invalide et la Пчела donnent les nouvelles très vite, il faudrait seulement que vous ussiez un bon correspondant à Pétersbourg, qui n'attende pas la poste lourde pour vous envoyer ces feuilles, mais vous les expédie chaque jour dans un paquet à part, et d'ailleurs nous allons nous-mêmes partir pour la campagne aussi. Онъ поблагодарилъ, тѣмъ и кончилось. Этотъ журавль вовсе не перемѣняется, все тотъ же, а говоритъ такъ, точно телеграфъ, размахивая руками. Читая письмо графа Нессельрода, онъ удивлялся, что для такой малости, какъ отпускъ его племяннику Давыдову, надобно было

Государю докладывать и прибавилъ: nous faisions cela jadis nous-mêmes, sans incommoder l'Empereur.

Письмо твое отъ 6-го начинается смерть Потоцкаго. Жаль его! Это точно потеря для двора большая. Я все той вѣры, что этотъ бунтъ Польскій много ему зла сдѣлалъ, какъ ни чуждъ онъ мерзостей сихъ. Ты далъ мысль о его об.-церемоніймейстерствѣ, и славная мысль; но я не раздѣляю видовъ твоихъ на Ванюшу Воронцова, какъ ни желаю знать его въ Петербургѣ. Ванюшу можно полезнѣе употребить. Воронцовы всегда занимали значущія мѣста; ищи другого об.-церемоніймейстера. Охъ, жаль очень Ланжерона; конечно былъ старъ, да развѣ Вяземская, кн. Нат. П. Голицына не стары, да еще и женщины, да живутъ же!

*

Москва, 11 Іюля 1831.

Вчера былъ у насъ Вяземскій съ Тургеневымъ; этотъ ужасно спорилъ съ женою. Охота о политикѣ говорить, съ нимъ должно толковать о обѣдахъ хорошихъ. Прекрасный человѣкъ, но помѣшанъ на теоріяхъ и пяти или шести звучныхъ фразахъ, кои дѣлаютъ гибель роду человѣческаго. Ѣдетъ къ Вяземскому*) въ Остафьево, куда и меня подзываютъ на завтра. Кабы былъ товарищъ, поѣхалъ бы; одному скучно.

La fin de Gielgud à été bien triste, mais aussi bien méritée. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, можно было предвидѣть, что онъ сдѣлаетъ не какъ Bayard vaincre ou mourir, но какъ Дверницкій vaincre ou courir. Одинъ спасся въ Австріи, а другой въ Пруссіи смерть нашелъ отъ своего брата Поляка. Какая смерть! Ну какъ Польшѣ существовать самой собою? Все должно ей натыкаться на насъ, на Австрію или Пруссію. Здѣсь точно нѣтъ конца вѣстямъ; вчера говорили: Варшава взята, въ Прагѣ пало 18 т. нашихъ (а Паскевичъ, кажется, ѣдетъ въ тылъ городу, оставляя Прагу на правомъ берегу), Паскевичу ногу оторвало, Великій Князь раненъ въ руку легко, но все кончено! Хорошо еще, что такой милостивый конецъ сочинили.

*

Москва, 13 Іюля 1831.

Конечно отъѣздъ Закревскаго оставитъ у тебя большую пустоту. Такой сосѣдъ великая отрада. Кто же не знаетъ Костенецкаго? Въ сраженіяхъ остался цѣлъ, а умеръ отъ холеры. Очень я радъ, что дворъ таки переѣзжаетъ въ Царское Село, ужъ вѣрно нѣтъ около Петербурга мѣста здоровѣе этого.

---

*) Ко дню рожденія князя—12 Іюля.

Фаста очень опечалила смерть Молчанова *), съ коимъ былъ онъ коротко знакомъ. Мудровъ не долго побылъ въ превосходительныхъ. Какъ-то письма четыре не слышно было и о занемогшихъ знакомыхъ, а теперь умираютъ многіе: бываютъ такія полосы. Вотъ и въ департаментѣ жалуешься, что есть больные. Спасибо 1-е за подтвержденіе вѣсти о Гелгутѣ, а 2-е за другую добрую вѣсть, что Роландъ и Шимановскій также положили ружья и сдались Пруссакамъ. Твои и пограничные почтмейстеры молодцы, извѣщаютъ тебя исправно и скоро. Кажется, Польскія дѣла идутъ къ несчастной для бунтовщиковъ развязкѣ.

*

Москва, 14 Іюля 1831.

У Мудрова много было здѣсь больныхъ знакомыхъ и друзей, очень всѣхъ поразила смерть его. Жаль бѣдную жену, сказалъ кто-то; а гр. П. И. Апраксинъ прибавилъ: Какая, чортъ, бѣдная! Извѣстно, что у Мудрова 800 т. чистогану. Вотъ у насъ каковы доктора-то! Только сомнѣваюсь, чтобы столько было. Мудровъ не такъ былъ старъ

*

Москва, 15 Іюля 1831.

Литва очищена отъ бунтовщиковъ, теперь будемъ ожидать важныхъ извѣстій отъ нашего фельдмаршала. Ты по милости своихъ пограничныхъ почтмейстеровъ зналъ все прежде Инвалида. Какъ подлъ поступокъ этого офицера, губившаго Гелгута въ несчастіи и обезоруженнаго! На канунѣ онъ слушалъ его, можетъ, быть, и за одно бунтовалъ. Отчего такая перемѣна вдругъ? Чтобы купить милость или прощеніе Русскихъ. Онъ бы лучше уговаривалъ сначала Гелгута, а ежели бы этотъ не послушалъ его совѣтовъ, то скорѣе тогда его застрѣлить. Вотъ каковы герои эти Польскіе.

Вейтбрехтъ пришелъ сказать, что встрѣтилъ Догановскаго, который былъ у губернатора Небольсина, а этотъ ему сказалъ, что князь Н. Б. Юсуповъ въ ночь скончался и что онъ губернаторъ отправилъ сейчасъ нарочнаго въ Архангельское, чтобы тамъ все запечатать. Сколько разъ былъ боленъ и выздоравливалъ, а теперь вдругъ умеръ, видно, ударомъ. Кого-то на его мѣсто? А слѣдовало бы доброму Урусову, онъ давно тутъ служитъ, и славно бы дѣло повелъ; только ужасный этотъ штатъ можно бы уменьшить. Вѣрно Гедеоновъ будетъ добиваться, онъ же все считаетъ себя какимъ - то Московскимъ обергофмаршаломъ, но врядъ князь Петръ Михайл. захочетъ ли его. Борнпькѣ привалитъ большое богатство, а умъ будетъ все тотъ же, но нѣтъ! Того

*) Петръ Степановичъ Молчановъ, нѣкогда (1813—1814) правившій всѣми внутренними дѣлами Россіи, будучи начальникомъ канцеляріи престарѣлаго князя Н. И. Салтыкова.

и гляди, что богатство и ума ему прибавитъ: 23 т. душъ, фабрики, дворцы, домы, Архангельское, вещи, картины, брильянты.

*

Москва, 16 Іюля 1831.

Одинъ теперь разговоръ въ Москвѣ, смерть Юсупова. Хотя сrарикъ и не пользовался тѣмъ уваженіемъ, которое бы подобало его лѣтамъ, чину, знатности и богатству, но онъ оставилъ большую пустоту въ городѣ нашемъ. Жизнь его, общество, привычки, все было странно. Кажется, что онъ предчувствовалъ свою кончину, недавно сказалъ Арсеньеву А. А.: ежели умру, скажи Боринькѣ, что воля моя (зачѣмъ не истолнить это тотчасъ?), чтобы дано было Себелеву (бѣдный дворянинъ, надъ коимъ князь всегда трунилъ) 5000 р. и другимъ лицамъ разныя награжденія. Въ Мартѣ, сказывалъ мнѣ Львовъ Дм. Мих., сдѣлалъ онъ завѣщаніе, которое подписано было имъ Львовымъ и кн. А. М. Урусовымъ. По словамъ иныхъ, онъ умеръ холерою, а другіе говорятъ, что ударомъ. Онъ выѣзжалъ 14-го числа, пріѣхалъ здоровъ домой, ужиналъ, ѣлъ персики, вишни, легъ спать. Въ два часа ночи зазвонилъ, животъ болитъ, дайте . . . ! Это повторялось разъ семь. Люди испугались, послали за Рамихомъ. Онъ пріѣхалъ скоро, нашелъ, что князь не хорошъ; покуда писалъ рецептъ, люди послали за попомъ. Больного стало тошнить и вырвало. Люди предложили священника. Пошлите за нимъ!—Онъ уже здѣсь.—Велите ему войти. Исповѣдывался и причастился. Вскорѣ послѣ того опять его рвало, но больной успокоился, велѣлъ посадить себя на креслы, посидѣлъ. Вдругъ голова опустилась на грудь. Полагаютъ, что это былъ первый ударъ; однакоже онъ ее приподнялъ, но не говорилъ. Скоро послѣ того опять голова опустилась; подошли, не стало уже старика. Люди въ ужасномъ отчаяніи: они у него блаженствовали, и для подчиненныхъ это потеря большая. Онъ давалъ множеству бѣдныхъ чиновниковъ квартиру, дрова. Они пойдутъ по міру, ибо вѣрно будетъ это все отрѣзано княземъ П. М. Волконскимъ. Вчера 15-го въ шесть часовъ утра не стало князя Ник. Бор. Вся болѣзнь его продолжалась только четыре часа, въ 7 часовъ вся его команда была уже около тѣла усопшаго, и много было слезъ. Послали эстафету къ Боринькѣ. Куда денется славное это Архангельское, оранжереи, померанцы удивительные, Горенкинскія растенія, балетъ, его капелла и пр.? Девять однихъ подмосковныхъ! Положатъ его въ деревнѣ по Троицкой дорогѣ, гдѣ мать его лежитъ[*]). У старика два сына побочныхъ; одинъ уже большой, былъ въ службѣ и негодяй, говорятъ, а другой маленькій, отъ Колосовой танцовщицы, воспитывается въ пансіонѣ Кистера.—Вчера ѣздилъ я съ

*) Княгиня Ирина Михаиловна, ур. Зиновьева.

Костею къ Хрущовымъ въ подмосковную, у нихъ дочь Agathe была имянинница. Вдругъ скачетъ телѣжка парой, подъѣзжаетъ къ крыльцу. Кто же это? Ал. Петр. Ермоловъ, коего деревня за 10 верстъ отъ Хрущовыхъ. Потолстѣлъ очень, весь сѣдой, обѣдалъ, сидѣлъ до вечера и отправился обратно въ телѣжкѣ одинъ-одинехонекъ; спрашивалъ про тебя и велѣлъ тебѣ кланяться. По старому любезенъ. У Хрущовыхъ передъ домомъ Москва-рѣка, а на томъ берегу Архангельское, на которое все смотрѣли съ какимъ-то сожалѣніемъ, какъ будто осиротѣло. Ну гдѣ Боринкѣ все это поддержать? Захочетъ завести что-нибудь своего сочиненія на Каменномъ острову. Фастъ очень любилъ Юсупова и вѣрно будетъ горевать по старикѣ. Пожилъ довольно и повеселился на своемъ вѣку. Онъ мнѣ сказывалъ самъ, что былъ офицеромъ при Елисаветѣ Петровнѣ; положимъ, что и въ годъ кончины Государыни, этому 71 годъ; ежели князю было тогда и 14 лѣтъ, то вотъ уже 85 лѣтъ! То-то, я чаю, передряга въ Кремлевской Экспедиціи! А я все пою свою пѣсню: желаю мѣста этого для добраго Урусова. Никто не имѣетъ болѣе его правъ на оное.

*

Москва, 21 Іюля 1831.

Наст. Михайловна Щербинина умерла, оставя все свое имѣніе Мих. Семеновичу Воронцову съ тѣмъ, чтобы онъ устроилъ участь Щербинина при немъ служащаго и сестеръ его, кои у нея жили. Ты знаешь, что они всѣ дѣти покойнаго брата ея, князя Павла Мих. Дашкова. Сестры горюютъ, что нѣтъ съ ними брата.

*

Москва, 24 Іюля 1831.

Вчера былъ на похоронахъ Щербининой. Жалость смотрѣть на бѣдныхъ истинно сиротъ. Мнѣ сказывали родственники покойной Настасьи Михайловны, что ея завѣщаніе тоже что̀ бѣлая бумага; что отказывать, особенно родовое, нельзя, особенно двумъ дѣвушкамъ, кои не имѣютъ бытія политическаго, ибо незаконно рождены, а она чуть ни племянницами ли ихъ называетъ и въ завѣщаніи своемъ. Ей бы лучше надавать векселей хотя на милліонъ Щербинину, брату ихъ: онъ имѣетъ уже чинъ личнаго дворянина. Но баба и умнѣйшая все баба; по законамъ все пойдетъ къ Воронцовымъ. Я, знаю душу Мих. Семеновича; у него законъ: честь, доброта и благотворительность *),

*) Покойный М. П. Щербининъ передавалъ намъ, что князь М. С. Воронцовъ не только предоставилъ ему Курское имѣніе послѣ Настасьи Михаиловны, но и далъ большія деньги на его улучшеніе, подъ вексель, по которому никогда не бралъ процентовъ; а по кончинѣ его, князь Семенъ Михайловичъ, по словамъ того же Щербинина, не только не взялъ принесенныхъ ему процентовъ, но и возвратилъ самый вексель съ наддраніемъ. П. Б.

ужъ конечно и Ваниша не обидитъ сихъ несчастныхъ, когда ему объявятъ положеніе ихъ. Я буду писать завтра Щербинину черезъ тебя же, а ты напиши Воронцову, безъ обиняковъ. Онъ любитъ Мих. Павловича, вѣрно его и сестеръ сдѣлается отцомъ и благодѣтелемъ. Я отъ сихъ несчастныхъ двухъ сестеръ не отходилъ въ похоронахъ, сердце раздирали; но ужъ идти съ ними за гробомъ до Новоспасскаго монастыря я не смогъ.

*

Москва, 27 Іюля 1831.

Моя жена перестала пить Трехгорную воду и велѣла возить съ Москвы-рѣки: такъ всѣхъ напугали слухами, что всѣ колодези будто отравлены.—Мнѣ сказывали, что по завѣщанію своему Юсуповъ отказалъ Архангельское Наслѣднику престола, сказавъ, что сынъ его не могъ бы поддержать такое заведеніе. Почему такъ? Вѣдь старикъ поддерживалъ же? А у Бориньки тѣже средства, или что̀ все равно у княгини-матери, коей управленіе предоставлено по смерти. C'est une petite ostentation, il me semble. Боринька пріѣхалъ и тотчасъ уѣхалъ въ Спасское, гдѣ предастъ отца землѣ. Сказываютъ, что и докторъ Юсупова умеръ вчера: Рамихъ, нашъ бывшій школьный товарищъ, кажется такой былъ здоровякъ. А Мудровъ-то еще былъ здоровѣе.

*

Москва, 28 Іюля 1831.

Я работаю надъ второю частію Рославлева. Сдѣлай одолженіе, попроси Лаваля или кого напечатать въ Journal de S-t Pétersbourg маленькую статью, при семъ приложенную. Парижскіе журналы вѣрно это повторятъ, и родится тамъ любопытство читать это, а потомъ и въ Россіи никто не станетъ приниматься за мою работу, на которую я посвящаю часовъ иной въ день по 6.—Ланская, губернаторша Костромская, милая, добрая бабенка, перевела Милославскаго по аглицки и послала Вальтеръ-Скотту, коему посвятила трудъ свой.

*

Москва, 29 Іюля 1831.

Былъ у меня теперь Вяземскій. Они всѣ и Карамзины пріѣхали въ городъ; послѣдніе помышляютъ, кажется, уже объ отъѣздѣ. Онъ сказывалъ, что всѣ бывшіе въ комиссіи выставки издѣлій награждены; онъ самъ пожалованъ въ камергеры; это къ нему идетъ болѣе, нежели къ Обрѣзкову. Лазаревъ, сказываютъ, прискакалъ изъ подмосковной узнать, что̀ вышло ему: онъ и тутъ себя также прикомандировалъ, какъ и къ холерѣ. Ему кто-то отпустилъ: Поздравляю васъ, И. А, славное, небывалое награжденіе вамъ назначено!—Что̀ такое? Скажите ско-

рѣе!—Анна украшенная *двумя* императорскими коронами (съ одною-то у него есть). Сперва подумалъ онъ, что подлинно это новое отличіе, но послѣ разсердился. Многимъ купцамъ ордена и медали, другіе въ коммерціи совѣтники, Полевому 3-я Анна. Но ты все это вѣроятно уже знаешь.

*

Москва, 30 Іюля 1831.

Москва становится пустѣе часъ отъ часу; скучно, да и время дурное. Холодно ужасно. Вчера въ Петровскомъ встрѣтили мы телѣжки (c'est le genre à présent); въ одной сидѣла кучеромъ молоденькая Солданша, а другая сестра сидѣла въ телѣгѣ, а возлѣ нея развалясь Тургеневъ; пола его фрака висѣла и терлась жестоко колесомъ. Мы ему закричали, но онъ въ восторгѣ ничего не чувствовалъ, и я увѣренъ, что пріѣхалъ домой съ одною только фалдою. Въ другой телѣгѣ былъ Вяземскій съ двумя дамами. Теперь не видно иныхъ катаній, какъ въ телѣжкахъ.

*

Москва, 31 Іюля 1831.

Весь городъ наполненъ радостною вѣстію о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени Императрицы великимъ княземъ Николаемъ!—Сказывалъ мнѣ Новосильцовъ, что въ Завидовѣ все усмирено. Князь Дм. Вл. принялся за Русской маперъ, былъ тамъ самъ и голову трепалъ за бороду, а другому далъ собственноручный тумакъ. Было несчастное стеченіе обстоятельствъ, праздникъ, Ивановъ день, народъ былъ пьянъ, то легко было цѣловальнику возмутить легковѣрныхъ дураковъ и увѣрить ихъ, что фельдшеры, присланные княземъ для подаянія помощи отъ холеры, вмѣсто того Поляки, кои пріѣхали отравлять колодезы, особенно когда, разбивъ ихъ шкатулку, нашли въ ней разныя травы. Все это доказываетъ, съ какою должно осторожностію нынѣ поступать. Въ мокрое время искра ничего; но теперь, какъ въ засуху большую, куда искра ни падетъ, тотчасъ вспыхнетъ. Дай Богъ, чтобы разсказываемое о происшествіи въ поселеніяхъ было преувеличено. При ненависти народной къ Полякамъ, ну какъ оставить ихъ на ногахъ?—Поздравляя Вяземскаго съ ключемъ, всѣ ему изъявляютъ сожалѣніе, что получилъ онъ оный вмѣстѣ съ Полякомъ Пельчинскимъ. Я зналъ о Старорусскомъ происшествіи. Слава Богу, что кончилось, хотя и не безъ пролитія крови, да еще и невинной.

*

Москва, 1 Августа 1831.

Вчера былъ точно праздничный день для Москвы; молились въ соборѣ, Филаретъ служилъ. Комендантъ славно прочиталъ намъ рескриптъ Государя къ князю Дм. Вл. о рожденіи великаго князя. Пали-

ли изъ пушекъ, а вечеромъ илюминовали городъ. Люди пустые дѣлаютъ, что̀ хотятъ, а Богъ видимо благословляетъ царскій домъ нашъ и Царя осыпаетъ милостію своею. Смутныя обстоятельства пройдутъ, и Николай I будетъ наслаждаться плодами твердости своей, терпѣнія и добродѣтели. Видно, Государь узналъ о рожденіи Николая Николаевича въ Новгородѣ и оттуда князю нашему написалъ, вспомня древнюю свою вѣрную столицу.

Вотъ и письмо твое отъ 28-го. Выходитъ, что ты узналъ о разрѣшеніи Императрицы послѣ отправленія почты, и что Государь, по словамъ графа Нессельрода, поспѣть изволилъ къ радостной минутѣ. Теперь давай Богъ хорошее извѣстіе изъ подъ Варшавы.

*

Москва, 3 Августа 1831.

Всѣ сожалѣютъ только о Фильдѣ, который цѣлый вѣкъ собирался ѣхать въ Англію, наконецъ собрался, поѣхалъ, и едва былъ въ Лондонѣ, какъ занемогъ и умеръ. Вѣрно спился. Сопровождавшій его туда ученикъ Шарпантье, или пишетъ это, или самъ сюда, кажется, возвратился. Жаль! Большой былъ талантъ, и еще не упадалъ ни въ игрѣ, ни въ сочиненіяхъ своихъ, хотя и былъ очень лѣнивъ подъ конецъ.

*

Москва, 4 Августа 1831.

Т . . . въ Сергѣй Павловичъ зѣло постарѣлъ, что̀ однакоже не помѣшало ему жениться на своей дѣвкѣ, отъ коей имѣетъ малютокъ. Что̀ бы ему лучше отдать имѣніе которому нибудь изъ Урусовыхъ? Да мало ли что бы могло быть, да не такъ есть!

Что-то еще куролесятъ въ Европѣ. Охота была этому Кобургскому ѣхать въ Бельгію! Нынѣ и короли, коихъ предки нѣсколько столѣтій на престолахъ, съ оныхъ слетаютъ, а Бельгійскій импровизированный скипетръ, того и гляди, что изъ рукъ выпадетъ. Жаль мнѣ очень, что это царство состоялось; какъ ни говори, а оно бунтовщичье.

*

Москва, 6 Августа 1831.

Полевой писалъ мнѣ и проситъ разрѣшить маленькое обстоятельство, которое остановило напечатаніе біографіи батюшкиной. Онъ сдѣлалъ примѣчаніе, въ коемъ говоритъ, что, сколько ему извѣстно, біографія составлена однимъ изъ сыновей Якова Ивановича, и что вѣрно напечатаніе оной не будетъ ему непріятно, что подобныя свѣдѣнія о людяхъ знаменитыхъ возвышаютъ чувства молодыхъ людей, служатъ имъ примѣрами и пр. Цензоръ сказалъ, что статья хороша

во всѣхъ отношеніяхъ, но что она можетъ быть похищена у сочинителя, что нужно его согласіе на напечатаніе оной. Я отвѣчалъ Полевому, что одобряю осмотрительность цензора, что статья точно моя, что̀ я не противляюсь нимало ея напечатанію, но желаю, чтобы имя автора было знаемо однимъ г. цензоромъ, но для публики осталось неизвѣстнымъ. Полевой показалъ ему мое письмо, и такимъ образомъ все устроилось.

Я перемѣнилъ въ біографіи, по замѣчаніямъ твоимъ; одно оставилъ только что̀ сказано объ Альтести; во-первыхъ, онъ не названъ, сказано просто одинъ иностранецъ, да онъ же умеръ уже давно. Когда выйдетъ изъ печати, пришлю тебѣ; ибо Полевой обѣщалъ мнѣ нѣсколько экземпляровъ особнякомъ напечатать, какъ сдѣлалъ это тогда съ моею статьею о первыхъ Русскихъ журналахъ. Полевому пожалована Анна 3-й ст. за выставку, онъ тоже тутъ участвовалъ. Удивляется Вяземской, что нѣтъ до сихъ поръ указа о его камергерствѣ, а ему писалъ официально Бибиковъ *), поздравляя съ ключемъ.

*

Москва, 7 Августа 1831.

Тургеневъ раза два говорилъ мнѣ, не о своихъ, но о братниныхъ обстоятельствахъ, что положилъ женить его въ Англіи, что для этого нужно приданое будущей женѣ и капиталецъ, который надобно ей тотчасъ ассюрировать; говорилъ, что не можетъ продать деревни, которую назначалъ для этого. Просилъ ему въ семъ помочь и уплаты по возможности долга нашего. Я говорилъ ему откровенно, какъ мы стѣснены, чему онъ вѣрить какъ будто не хотѣлъ, полагая, что ты, какъ Калининъ и Рушковскій, нажилъ себѣ состояніе. Я сказалъ ему, что напрасно онъ не писалъ къ тебѣ прежде чѣмъ быть въ Россію и не говорилъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, съ тобою. Я не хотѣлъ, отвѣчалъ онъ, безпокоить Константина: я и безъ того много имъ одолженъ по арендѣ моей, да и впредъ на него считаю. Но теперь ты хуже дѣлаешь для него, требуя вдругъ денегъ; да когда и я Жихареву говорилъ даже о переписке векселя, то онъ отвѣчалъ: И полно, братецъ; вѣдь вы Тургеневу свои. Я совѣтовалъ Александру требовать деньги съ тѣхъ, кои имѣютъ, напр. князь Дм. Вл.; но онъ говоритъ, что вездѣ отказы, отказы только получаетъ. Я ему далъ резономъ приданое, которымъ надобно было снабдить Ольгу, и что насъ это очень растроило и стѣснило. Очень понимаю это, отвѣчалъ онъ, но вѣдь и моему-то надобно приданое; я для этого только въ Россію пріѣхалъ. Какъ онъ по обыкновенію полушутками и полусеріозно говорилъ, то я тогда, помнится, и не написалъ тебѣ; теперь кстати пришлось. Только не знаю, откуда

*) Дмитрій Гавриловичъ, позднѣе министръ внутреннихъ дѣлъ.

онъ взялъ, что долгъ нашъ составляетъ 10 т. Какъ Сергѣй Ив. покойный былъ здѣсь, то взялъ я у него только 3300 р., на кои проценты съ 1825 года тогда надобно было отдать Миллершѣ. Александръ самъ сознался, что имѣетъ капиталы, но кои трогать не хочетъ; почему же не хочетъ насъ причислить къ этому разряду? Симъ-то именно дружбу свою и докажетъ, а долги приведемъ въ ясность и перепишемъ старое письмо на новое. Видно, есть еще другое заемное письмо на деньги, тебѣ особенно данное. Все это не худо знать тебѣ на всякій случай. Странный онъ человѣкъ: пеняетъ мнѣ, что роскошничаю, имѣя, какъ увѣряю, нужды.—Да гдѣ же это роскошничество? Мы, кажется, старые пріятели, а ты у меня даже и не обѣдалъ одного разу. Кто живетъ меня скромнѣе въ Москвѣ, пусть назоветъ.—Да такъ, дочери прекрасныя, только и молвы, что о Булгаковыхъ.—Да развѣ надобно деньги на это, чтобы говорили, что дочери мои хороши? Скажетъ нелѣпицу, да самъ смѣется послѣ. И предобрый, и превѣтренный; а жаль, это между нами, что онъ не всегда остороженъ въ разговорахъ своихъ, а на него и безъ того глядятъ глазами пристрастными. Здѣсь онъ все на пирахъ безпрестанныхъ.

Что ты перемѣнилъ объявленіе мое, бѣда не велика; напротивъ, хорошо ты сдѣлалъ; но съ чего взялъ ты, что Рославлевъ уже переведенъ? Можетъ ли это быть? Развѣ переводили съ манускрипта авторскаго? Ты смѣшалъ Милославскаго съ Рославлевымъ. Первый переведенъ какою-то m-elle Ott (ужъ не дочь ли Вѣнскаго старичка?), а потому и прошу отдать напечатать объявленіе въ J. de S-t Péterѕbourg.

*

Москва, 8 Августа 1831.

Ивана Васильевича Черткова напугали какими-то вздорными вѣстями о бунтѣ въ Финляндіи. Я ему прочелъ, что̀ пишешь во вчерашнемъ твоемъ письмѣ о Закревскихъ. Сталъ ли бы онъ жену выписывать въ Гельсингфорсъ, ежели бы не было все тихо, а письмо его свѣжее. Добрый Чертковъ успокоился, а онъ такъ любитъ Арсенія Андреевича; да и кто не любитъ его? Все надобно выдумывать пустяки: перестали говорить объ отравахъ колодезей и провизіи, такъ Финляндію взбунтовали. Куда бы хорошо добраться до этихъ выдумщиковъ!

*

Москва, 11 Августа 1831.

Вчера засидѣлся я на Трехъ Горахъ у Пашковой, оставила нехотя ужинать, мой милый и любезный другъ. У Кости составился очень пріятный голосъ, и такъ какъ ухо у него необыкновенное, то онъ пѣлъ съ Бартеневою, какіе она хотѣла, дуэты, хотя ихъ и вовсе

не зналъ. Также былъ тутъ Самойловъ, который также имѣетъ прекрасный голосъ; молодежи было много: Литша, Репнинъ, Норовъ, Вяземскій, Циціановъ, Мещерскій, Свистуновъ, Багговутъ, молодой прекрасный офицеръ, ужасно израненый въ голову и носящій серебряный черепъ. Играли въ фанты, пѣли, танцовали, и мой, какъ царь, натѣшился. Отъ дождей были на дорогѣ лужи ужасныя, но противъ домовъ Закревскаго насыпаютъ высоко землю и дѣлаютъ уже шоссе, Багговутъ, о коемъ пишу тебѣ, сидѣлъ все нахмурившись, жаловался на боль зубную, которая вѣроятно имѣетъ связь и съ тремя его ранами въ голову. Только вдругъ онъ исчезаетъ; видно, не въ мочь, поѣхалъ домой. Ничего не бывало: входитъ опять въ залу. Гдѣ вы были? Ѣздилъ къ Жоли, который вырвалъ мнѣ зубъ. И остался тутъ весь вечеръ, какъ ни въ чемъ не бывало. У него очень интересное лицо, а къ тому еще обритъ и ходитъ въ маленькой Бухарской ермолкѣ.—Алексѣй Бобринской, сказывалъ, что у нихъ холера около Тулы, что умеръ у него вдругъ садовникъ; жена его, испугавшись, бѣжала оттуда, забравъ всѣхъ дѣтей, сперва въ Богородскъ, а тамъ ѣдетъ сюда; а нашъ Василій Бобринскій ни съ мѣста, и что̀ всего страннѣе, оставляетъ свою брюхатую первымъ ребенкомъ жену родить тамъ. Можно ли такъ рисковать? Одну жену уже потерялъ почти такъ: больную, слабую возилъ по цѣлой Европѣ, она и умерла гдѣ-то на большой дорогѣ, кажется въ Швейцаріи. Чудакъ! Пусть бы самъ куролесилъ, но зачѣмъ жену подвергать двумъ серьезнымъ опасностямъ?

*

Москва, 24 Августа 1831.

Вчера Дмитр. Васил. Чертковъ (смертельный охотникъ до вѣстей) замычалъ мнѣ навстрѣчу: Правда ли, что наши въ Варшавѣ?—Не знаю ничего.—Отъ котораго числа письмо ваше отъ братца?—Отъ 19-го.—Ну стало быть вздоръ; а сказали, что пишутъ о томъ Тучкову изъ Петербурга. Это старая молва, которая ходила по собору еще въ Субботу, какъ торжествовали коронацію. Илюминація въ саду Кремлевскомъ была очень хороша, погода прелестная, была бездна народу и множество экипажей, все обошлось прекрасно и въ величайшемъ порядкѣ, а доходили слухи неблагопріятные до полиціи; между нами сказано, пушки, изъ коихъ палили по утру, оставлены были тамъ до другого дня, и комендантъ былъ все время на лошади. Стало, есть мерзавцы, кои выпускаютъ слухи гнусные, когда ни у кого и помышленій нѣтъ о безпорядкахъ; а говорили, что хотятъ сдѣлать ночной бунтъ. Наканунѣ 22-го былъ дождь, на другой день погода также испортилась, и теперь ненастье. Всѣхъ это поразило, что было ведро въ день коронаціи, и народъ радовался этому особенно. Это и безъ суевѣрія

поразило всякого, и жаль бы было, ибо илюминація стоила 10 т. р. Мы провели все время въ Горномъ Правленіи*). Фастъ также славно илюминовалъ главные свои вороты и балконъ.

Цареградская илюминація ужасна. Мнѣ, право, жалъ султана; нехорошо тамошней страховой конторѣ, ежели оная существуетъ; а султанъ вѣрно выстроитъ теперь по-европейски, сдѣлаетъ прямыя, широкія улицы, запретитъ деревянное строеніе богатымъ и пр., какъ то дѣлалось въ Москвѣ послѣ пожара 12-го года. Легко сказать, 20 т. домовъ!

Гельсингфорская холера очень меня сокрушаетъ, а уѣхать оттуда графинѣ съ Лиденькою какая польза? Развѣ спрячешься отъ холеры? У Закревскаго и такъ есть горе. Мнѣ сказывали вчера, что братъ его отданъ подъ судъ за то, что при появленіи холеры въ городѣ (кажется, Ржевѣ), гдѣ онъ городничимъ, онъ уѣхалъ оттуда, оставя оный на произволъ судьбѣ. Желаю, чтобы это неправда была. Это не похоже на человѣка, бывшаго военнымъ.—На обѣдъ къ князю Дм. Вл. ѣздили мы трое въ Яковлева 4 мѣстной каретѣ: онъ, Ник. Ивановичъ Демидовъ и я. Я первый прыгнулъ въ карету, чтобы, яко младшій чиномъ и лѣтами, сѣсть напротивъ; но Яковлевъ сѣлъ также со мною, Демидовъ сѣлъ третьимъ между и объявилъ, что пойдетъ скорѣе пѣшкомъ къ князю обѣдать, а я, что пойду домой и велю запрячь себѣ карету. Поднялся преглупый и пресмѣшной споръ, продолжавшійся, право, десять минутъ. Наконецъ Демидовъ сказалъ мнѣ: мы съ вами моложе оба Л. А-ча; докажемъ ему, что мы его разсудительнѣе, сядемте вмѣстѣ, пусть его себѣ садится напротивъ. Дѣло было слажено, а все таки еще толковали да спорили. Тутъ Левъ Алексѣевичъ разсказалъ намъ довольно забавный анекдотъ et qui peint l'homme. Вмѣстѣ съ зовомъ князя Голицына получилъ онъ также приглашеніе отъ Бориньки Юсупова, который зоветъ его въ село Спаское на обѣдъ и на шестинедѣльные поминки по отцѣ. Яковлевъ извиняется, что не можетъ быть; а выходитъ, что Боринька въ Петербургѣ, сюда не попалъ, а приглашенія разослалъ но всѣмъ. Уже это не мистификація ли? Не подшутилъ ли кто нибудь и надъ Боринькою, и надъ всѣми приглашенными

*

Москва, 4 Сентября 1831.

Вчера поѣхалъ я поутру къ Тургеневу. Никого не было у него. Начали мы болтать; слово за словомъ, наконецъ увлекшись описаніемъ своего положенія, онъ открылъ мнѣ великую тайну, требуя, чтобы это тайною и осталось между нами, но тебѣ сказать тоже что̀ не го-

*) На углу Моховой и Воздвиженки, гдѣ нынѣ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

ворить никому. Я ужаснулся, какъ онъ разсказалъ мнѣ, какъ слѣпая его довѣренность была во зло употреблена, и что онъ одну минуту былъ въ опасности, вмѣсто хорошаго состоянія, не имѣть ничего на свѣтѣ. Ты знаешь, что всѣми его дѣлами завѣдывалъ Ж. . . . ; въ отдаленности отсюда Тургеневъ ни во что не входилъ, и тотъ дѣйствовалъ самостоятельно. Долго это разсказывать, но довольно сказать, что посылались Тургеневу малыя суммы на прожитье, а отзывы были тѣже, что накапливаются капиталы въ Воспитательномъ Домѣ. Тургеневъ думалъ найти золотыя горы; вмѣсто того все его достояніе заложено, изъ сей суммы и копившихся лѣтъ шесть доходовъ Ж. . . . купилъ имѣніе на имя жены своей. До самой послѣдней минуты обманутъ былъ Тургеневъ самымъ наглымъ образомъ. Напримѣръ Ж. говорилъ, что есть претензія въ 40 т. на князя Дм. Вл. Голицына, а Т. отъ самого князя узнаётъ, что сумма сія уже давно взыскана Ж. . . . мъ. Чтобы выпутать свою собственность, Т. долженъ былъ угрожать полиціею и прибѣжищемъ къ престолу. Маска снята съ чернаго человѣка, но Т. по душѣ своей доброй не хочетъ быть явнымъ виновникомъ несчастія Ж. . . . и никому не говоритъ. Мнѣ было это вчера, какъ снѣгъ на голову. Онъ копитъ теперь все, что̀ можетъ, чтобы высылать брату своему. Пушкина заплатила ему 5000 р. по векселю, такъ онъ Богъ знаетъ какъ этому радовался. Я говорилъ ему вчера: ежели бы ты зналъ всю эту исторію черную, ты бы всѣ средства употребилъ также по возможности что-нибудь да уплатить, но онъ не велѣлъ къ тебѣ писать объ этомъ, а прибавилъ: все это не можетъ долго оставаться въ тайнѣ; братъ твой узнàетъ, но не черезъ меня то, о чемъ толкуютъ уже здѣсь столько лицъ, князь Д. В., И. И. Дмитріевъ, Вяземскій, Карамзины, стряпчіе мои; ибо я долженъ былъ взяться за все имѣніе Ж. . . ва, чтобы свое воротить. Дай Богъ мнѣ быть въ ужасномъ убыткѣ, но не все потерять. Ты знаешь мой тихій нравъ, но я долженъ былъ его ругать при женѣ и всѣхъ его людяхъ скверными словами. Меня ужасно поразила исторія эта, и я видѣлъ тутъ чрезмѣрную доброту и безкорыстіе Тургенева. Онъ говоритъ, что прежній счетъ нашъ не вѣренъ; онъ другой послалъ къ тебѣ, тамъ было лишнее. Кто бы могъ подумать, чтобы Ж. . . въ пустился на такую мерзость, да гдѣ же и умъ его? Когда-нибудь да должны были открыться дѣла его. Погубить карьеру его и все семейство! Какъ еще выноситъ это Тургеневъ: также ѣстъ, припѣваетъ и рыскаетъ по вечеринкамъ. Теперь и не предвидитъ онъ, когда вырвется изъ Москвы.

Много дѣлаетъ здѣсь шуму смерть Яковлева. Богатый вдовецъ, который долженъ былъ жениться на Ушаковой; день свадьбы назна-

ченъ, приданое принято, вдругъ захотѣлось ему отмѣнить обрядъ на два дня, чтобы обвѣнчаться 30 Августа, въ свои имянины. Въ этотъ день встаетъ здоровъ, одѣлся. Хотѣлъ прежде вѣнца ѣхать отслушать обѣдню и вдругъ падаетъ мертвъ, успѣлъ только назвать по имени прежнюю свою жену. Что же вышло? Когда жена эта умирала, то говорила, что безъ горести оставляетъ свѣтъ, но боится только за дѣтей своихъ. Почему? спросилъ мужъ.—Ты женишься и дашь имъ мачиху. Онъ сталъ ее утѣшать обѣщаніями; но она возразила, что теперь это говоритъ, но послѣ забудетъ обѣщанія свои. Тогда мужъ, чтобы успокоить умирающую жену, сказалъ: Не тревожься, я даю тебѣ клятву, и дай Богъ мнѣ умереть въ тотъ день, что̀ я подумалъ бы жениться опять. Такимъ образомъ сбылось желаніе его именно въ день, для его свадьбы назначенный.

*

Москва, 7 Сентября 1831.

Здѣсь Тургеневъ и многіе хвалятъ Мордвинова, заступающаго мѣсто покойнаго Ф. Фока; говорятъ, что онъ родня Сашкѣ Волкову; тѣмъ лучше. Видно, Ванишка соблюдаетъ хорошее согласіе съ Сардиніею, что посланы туда знаки Андреевскіе; при сей оказіи вѣрно и ему пожалуется Анунсіада. Лудолфу жаль будетъ оставить Питеръ. Я видѣлъ намедни Валуева, пріѣхавшаго изъ Неаполя, много съ нимъ говорилъ о краѣ семъ, столь мнѣ всегда памятномъ и любезномъ. Онъ хвалитъ очень молодого князя; молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ, только ужасно скупъ. Похвально, что хочетъ привести финансы въ цвѣтущее состояніе, только для этого достаточно и благоразумной экономіи и порядка, а король вмѣсто восковыхъ свѣчей употребляетъ во дворцѣ сальныя. Немного накопитъ этимъ; вотъ настоящая économie des bouts des chandelles, какъ говорятъ Французы. Не удивляюсь, что убавляетъ жалованье своихъ министровъ, а кажется имъ-то большіе оклады и нужны.—И здѣсь одинъ только разговоръ: всѣ ожидаютъ покоренія Варшавы, а съ нею и конца бунта. Въ народѣ толкуютъ, что Паскевичъ отъ того въ Варшаву не вступаетъ, что она вся начинена порохомъ. Французы ихъ поудалѣе, да Кремля подорвать не умѣли. Такую операцію тайно сдѣлать нельзя.

*

Москва, 7 Сентября 1831.

Наташа прибѣгаетъ какъ сумасшедшая въ кабинетъ: Варшава взята! Я вѣрить не хотѣлъ; внизу нашелъ я Башилова, коему это сказывалъ самъ князь Дм. Влад., получившій рескриптъ отъ Государя отъ 4-го числа. И когда взята? *26* Августа! Батинъ, Бородино, Варшава! Ура! ура! Я плачу, какъ ребенокъ, отъ радости и остаюсь завтра на молебенъ.

Москва, 8 Сентября 1831.

Я сейчасъ изъ собора, мой любезнѣйшій другъ. Была бездна народу на молебствіи. Комендантъ, читая рескриптъ государевъ, былъ тронутъ; когда дошелъ до словъ первопрестольная, *любезная* столица наша, то, остановясь, два раза повторялъ *любезная*, что̀ очень было всѣмъ пріятно. Ай да князь Варшавскій! Нельзя тебѣ описать восторги Москвы; только и видишь, что скачущихъ по улицамъ. Посылаю тебѣ копію съ рескрипта къ князю Дм. Влад. Странно, что ты 4 числа не зналъ о взятіи Варшавы. Правда и то, что Государь отправилъ сюда прямо изъ Царскаго Села фельдъегеря, который прискакалъ въ 43 часа. Я успѣлъ намарать поздравленіе къ великому князю Михаилу Павловичу; доставь оное какъ-нибудь скорѣе его высочеству, прочитавши и запечатавши.

*

С. Горбово, 15 Сентября 1831.

Вѣрю, что поступокъ Ж.*) тебя поразилъ; у кого и не твои благородныя чувства, и тотъ съ трудомъ повѣритъ столь черному поступку противъ друга своего, ввѣрившаго дѣла свои, того, кого другомъ полагалъ своимъ. Не знаю, что̀ было послѣ моего отъѣзда; но кажется, что Тургеневъ имѣлъ надежду спасти свое достояніе, а потерять только то, что̀ забрано было во время управленія изъ доходовъ. Т. все это перенесъ, прыгая на одной ногѣ, лакомясь цѣлый день и строя куры Бухариной молодой, Солданшамъ и пр., а между тѣмъ боится ужасно холеры.

*

Москва, 19 Сентбяря 1831.

Лестно для Пушкина заступить мѣсто Карамзина, ежели только правда это. Пусть употребитъ талантъ свой, умъ и время на дѣло полезное, а не на вздорные стишки, какъ бы ни были они плавны и остры.—Читая газеты, вижу, сколько имѣетъ заботъ и огорченій нашъ добрый Каподистрія. Jadis la Grèce avait des sages et Rome des héros, il n'y a rien du tout cela ni en Morée, ni sur Tibre: вездѣ возмущенія, неблагодарность и черныя дѣла. Когда будешь писать къ графу Каподистріи, отъ всѣхъ насъ кланяйся. Я далъ къ нему письмо Саксонцу одному вояжёру m-r Wagner.

Ай да Орловъ! Пословица говоритъ: не купи село, а купи сосѣда. Какія щедрыя награды! Но мнѣ все хочется, чтобы имѣнія Чарторыскаго и собратій его пожалованы были нашимъ героямъ. Какъ глупо они начали эти безмозглые и какъ еще глупо и гнусно кончили: тягу дали, кто въ Пруссію, кто въ Австрію; а Варшава вмѣсто

*) Ж. былъ очень смуглаго лица. X. про него сказалъ, что съ сравненіи съ душею своею онъ блондинъ.

Сарагоссы, осталась таки Варшавою. Другъ на друга лгали, отъ словъ своихъ запирались. Сеймъ ругалъ армію, а генералы тѣхъ называли сборищами сумасшедшихъ. Хороши всѣ! Гладкіе ребята! Нашъ Раутентштраухъ однакоже покорился изъ первыхъ. Хочешь ли смѣяться? Меня поздравлялъ сегодня одинъ сенатскій чиновникъ.—Съ чѣмъ, батюшка?—Вамъ мѣсто прекрасное даютъ въ Варшавѣ; вы знаете по-польски, вашъ батюшка тамъ все служилъ. . . [1]) Два прекрасные резона, но дѣло въ томъ, что ничего нѣтъ похожаго на это. Чего не выдумаютъ!

Мнѣ сказалъ Ив. Васил. Чертковъ подъ секретомъ, и я тебѣ также сообщаю, что въ Курскѣ открытъ заговоръ противъ нашего неоцѣненнаго Царя, что трое или четверо губернаторовъ замѣшаны тутъ и открыта переписка съ Варшавою симъ разбойничьимъ гнѣздомъ. Говорятъ, что Демидовъ П. Н. открылъ дѣло. Онъ и вице-губернаторъ Курскій наряжены въ комиссію слѣдственную; туда по имянному повелѣнію отправился также гр. Апраксинъ здѣшній. Немного жду отъ него, не по усердію его, а по башкѣ. Жаль, что Волковъ боленъ и не здѣсь.

*

Москва, 21 Сентября 1831.

Тургеневъ просилъ везти его съ нами къ Пашковымъ; докторъ позволилъ ему выѣхать, но только въ каретѣ, а у него коляска. Умора! Онъ вчера былъ все въ восхищеніи отъ Катеньки, которая подлинно была очень авантажна; только Т. спалъ да спалъ въ каретѣ, да вдругъ заговорилъ: Нѣтъ, она прекрасна! Надобно ее выдать замужъ; она же и мила, умна и добра!—Да кто?—Кто? Разумѣется, дочь твоя.—Ты это во снѣ говоришь.—Какъ во снѣ! Ахъ постойте, я вамъ прочту прекрасные стихи Жуковскаго. Какъ, спросила Катенька, теперь въ каретѣ, ночью? Ахъ, я и забылъ, что темно; но ваши глаза прелестные освѣщаютъ темноту. Опять заснулъ, погодя прибавилъ: нѣтъ, я не шучу, давеча былъ у меня этотъ женихъ, молодъ, уменъ; одинъ порокъ, немного слишкомъ расчетливъ по лѣтамъ, любимецъ Вальтеръ-Скотта, имѣетъ 12 т. душъ. Мы смѣемся, а Тургеневъ: Да нечего смѣяться, у меня былъ планъ; я его выписывалъ сюда для Алины Волконской, но они не дождались, сдурачили эту свадьбу съ Д-мъ[2]). Наконецъ добавилъ, что онъ говорилъ о молодомъ Давыдовѣ, внукѣ покойнаго графа Орлова. Ты видишь, что Тургеневъ все тотъ же: пишетъ по пяти записокъ въ день о разныхъ вздорахъ, на діэтѣ вчера съѣлъ двѣ Salzbulken съ чаемъ у Пашковыхъ. Ѣдучи туда,

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Т. е. съ Дурновымъ.

вдругъ вспомнилъ, просилъ заѣхать за Вяземскимъ. Заѣхали; вотъ его приказы человѣку: Спроси, дома ли В? Ежели *нѣтъ*, то скажи *ему*, что я поѣхалъ съ Булгаковымъ... Человѣкъ, да спроси, тутъ ли моя коляска; ежели *нѣтъ* ея, то скажи *кучеру*, чтобы онъ здѣсь дождался Вяземскаго и привезъ бы его къ Пашковымъ. Въ приказѣ этомъ я слова не прибавилъ. Мы долго смѣялись, а Катенька просила меня къ вамъ написать, чтобы и вы посмѣялись.

Я читалъ приношеніе княгини Багратіонъ въ пользу холерныхъ. Вотъ хорошее употребленіе богатства.—Здѣсь весьма нехорошіе ходятъ слухи о Киселевой женѣ, урожденной Потоцкой, будто она мужа, яко Москаля, бросила, всѣ свои брильянты и деньги отдала бунтующему отечеству. Я не вѣрю этому, уже потому, что она въ Вѣнѣ, а не въ Парижѣ. Я бы желалъ, чтобы ты подтвердилъ мое мнѣніе. Киселевы меня спрашиваютъ здѣсь; но я имъ отвѣчалъ, что ничего не знаю и что вѣрно это вздоръ. Не сдѣлавши это прежде, вѣрно бы не стала отдавать что̀ имѣетъ, когда участь Польши на волоскѣ. Каковы стихи Пушкина «*Клеветникамъ Россіи?*» Прекрасны, давно бы ему приняться за такіе сюжеты. Я читалъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Я слышалъ вчера, что взяты трое въ деревняхъ ихъ, Мельгуновъ, Левашовъ (братъ Соймоновой) и Шалашниковъ; они замѣшаны нашлись, но не знаю въ чемъ, старая ли это Московская исторія Сунгурова, или Курская, о коей говорятъ. Когда угомонятся бездѣльники?

*

Москва, 22 Сентября 1831.

Шайка молодежи, Шалашниковъ, Мельгуновъ, Козловъ и Левашовъ, о коихъ я тебѣ писалъ, взяты, сказываютъ, по подозрѣнію въ дѣланіи фальшивыхъ бумажекъ. Всѣ они имѣютъ состояніе. Что же дѣлать бѣднякамъ, ежели богатые занимаются столь гнуснымъ, преступнымъ промысломъ?—Какое странное было третьяго дня происшествіеа! На площади, гдѣ монументъ Пожарскаго, есть караульня; выходитъ оттуда солдатъ, заряжаетъ свое ружье и выстрѣливаетъ по первому проходящему (какой-то продавецъ - мѣщанинъ) и убиваетъ его наповалъ. Докторъ Рейхенау, который его свидѣтельствовалъ, полагаетъ, что это сумасшествіе; но солдатъ очень спокойно отвѣчалъ: я далъ себѣ обѣщаніе сегодня проснувшись убить кого-нибудь.—Зачѣмъ? —Такъ!—Да вѣдь тебя накажутъ.—Я знаю и готовъ на это; будто служить лучше? Ужъ лучше одинъ конецъ! Не замѣчаютъ никакого раскаянія въ немъ. Мой извозчикъ Яковъ случился тутъ и слышалъ слова солдата послѣ выстрѣла: какъ я славно въ него попалъ! Какъ ни говори, но это сумасшествіе или бѣлая горячка.

*

Москва, 23 Сентября 1831.

Нарышкина, урожденная Хрущова, возвратившаяся на дняхъ изъ чужихъ краевъ, обрадовалась любезному отечеству, кинулась на кислыя щи и Русское кушанье. Вдругъ понесло ее съ обоихъ концовъ и рвать и слабить; думали, что умретъ, но вчера, слава Богу, было ей уже хорошо, и миновалась опасность. Вчера они меня атаковали о дѣлѣ Ж. съ Т., обвиняя послѣдняго, что онъ такое дѣло не затушилъ. Да онъ такъ-то задушилъ, что я не знаю, о чемъ вы говорите, и Т., будучи мнѣ 40 лѣтъ пріятелемъ, ни слова мнѣ не говорилъ ни о чемъ. Разскажите мнѣ пожалуйста, что̀ такое? Тогда Хрущовы, удивленные, что я ничего не знаю, стали мнѣ разсказывать исторію. Они дружны съ Ж., но и тутъ не могли дать оборотъ хорошій дѣлу. Зачѣмъ вмѣшивалъ Т. князя Дм. Вл.? Видно они не знаютъ о 40 т., кои князь Д. В. былъ долженъ Т-ву и давно заплатилъ, а Ж. показывалъ ихъ не заплаченными; такъ какъ было тутъ не вмѣшивать князя Д. В.? Но я не сказалъ имъ ничего, а перемѣнилъ только разговоръ. Какъ вы знаетесь съ бунтовщикомъ? Во-первыхъ, это не тотъ Т., который вы полагаете; а ежели это и такъ, то дѣло правительства, а не мое его судить или наказывать, а мое дѣло не раздѣлять его образа мыслей и не нарушать старой дружбы. Теперь станутъ барабанить по городу, и я заранѣе вооружаюсь ужаснымъ нейтралитетомъ.

*

Москва, 24 Сентября 1831.

Какъ я тебѣ благодаренъ, любезнѣйшій братъ, за сладкія минуты, которыя ты мнѣ доставилъ вчера! Я отправился въ дальнее путешествіе въ Третью Мѣщанскую, гдѣ отыскалъ хижинку въ три окна и въ землю вросшую. Тутъ живетъ несчастный старикъ Нельшанинскій. Жена встрѣтила меня словами: мужъ мой въ постелѣ, боленъ. Но я все-таки хочу его видѣть. Вдругъ слабый голосъ сказалъ: пустите ко мнѣ Александра Яковлевича. Я вошелъ въ канурку, въ коей едва помѣщалась постель, на коей лежалъ бѣдный больной; онъ насилу привсталъ, чтобы поклониться. Сперва далъ я ему высказать горе свое, и подлинно тяжело изъ грошей, кои едва достаточны на пищу, отдѣлять еще копѣйки на лѣкарства. Отъ чего вы больны, Анд. Петр.? —Да коли правду сказать, в. п., сказала жена, то отъ нужды, которую терпимъ.—Богъ не оставляетъ нуждающихся.—Мы не надѣемся, чтобы состояніе наше перемѣнилось.—Напрасно.—Вотъ и единственный покровитель нашъ, вашъ братецъ, по милости своей хлопотать хотѣлъ о пенсіи, но видно не было успѣха: давно ничего не знаемъ.—А я вмѣсто того привезъ вамъ письмо, по коему увидите, что братъ подаетъ

хорошія надежды. Они ну креститься! Я вынулъ письмо Тутолмина къ тебѣ. Прочтите сами, что̀ пишетъ ему И. В. Тутолминъ. Больной, у коего одинъ глазъ совсѣмъ закрытъ, сказалъ, что однимъ глазомъ вовсе не видитъ, а другимъ очень мало, и что слишкомъ слабъ, чтобы читать, а просилъ меня потрудиться. Онъ ожидалъ, видно, родъ учтиваго отказа, но когда я прочелъ громко: его император. величество всемилостивѣйше жалуетъ по докладу, утвержденному такого-то числа, такому-то, надв. совѣтнику Нельшанинскому пенсіи 600 слишкомъ рублей... то надобно было видѣть, что тутъ произошло; долго мужъ и жена плакали, не въ силахъ будучи говорить и меня растрогали, такъ что я туда же. Послѣ начали благословлять Государя и тебя. Попросили еще разъ прочесть письмо Тутолмина, которое я имъ и оставилъ. Я болѣе часу еще посидѣлъ, сердце радовалось. Я видѣлъ тутъ, какъ жребій человѣка, чувства его, разговоры и самое здоровье могутъ въ одну минуту перемѣниться, когда радость заступаетъ мѣсто отчаянія. Вотъ такихъ-то бы бѣдныхъ отыскивать всѣмъ этимъ безчисленнымъ комитетамъ и обществамъ призрѣнія, кои награждаютъ токмо по протекціямъ людей, не имѣющихъ часто нужды въ пособіяхъ! Какъ бы сладко было Государю, ежели бы отыскивали поболѣе надворн. совѣтниковъ, служившихъ, ежели и не отлично, то честно и безкорыстно 40 лѣтъ! Какъ бы молитвы ихъ доходили до неба! Благодарю тебя еще разъ, любезнѣйшій другъ, за душевное удовольствіе, которое ты мнѣ доставилъ. Они нынѣ рѣдко бываютъ. Vous avez appris quelque bonne nouvelle, papa, сказала мнѣ Катенька, когда я возвратился домой.—Non, ma chère, mais j'ai passé une heure qui ne peut s'acheter par aucun plaisir; а когда я ей разсказалъ, что̀ было, то можешь понять, зная ея добрую душу, была ли она тронута. Ахъ! Mon oncle! Mon oncle partout, où l'on peut faire du bien... Да и не договорила, ушла, стыдясь слезъ своихъ.

Ты, мой милый, забылъ видно; но я просилъ у тебя лексиконъ Русско-Французскій, когда еще началъ переводъ Рославлева, а я уже начинаю третью часть, въ Горбовѣ перевелъ четыре главы. Такъ скоро у меня идетъ, что когда случится не знать слова, то прыгаю и оставляю бѣлое мѣсто, коихъ накопилось довольно; а Бальменъ, бывшій здѣсь, далъ мнѣ всѣ Французскіе термины войны. Не скоро бы я дознался ихъ.

*

Москва, 25 Сентября 1831.

Вчера я долго сидѣлъ у Щербинина и наговорился о добромъ Воронцовѣ. Щ. имѣетъ его скромную манеру и разговоръ и будетъ со временемъ полезный для службы человѣкъ. Онъ занятъ теперь дѣ-

лами по наслѣдству послѣ покойной Щербининой, которая, кажется, безтолково распорядилась имѣніемъ своимъ; но во всякомъ случаѣ Воронцовъ защититъ и надѣлитъ сиротъ скорѣе, а никогда не обидитъ. Былъ у меня возвратившійся изъ отпуска экзекуторъ Ник. Ив. Похвисневъ. Я порадовался: онъ разсказывалъ мнѣ о счастіи сына его Аркашки, чтò въ пажахъ. Онъ наряженъ былъ на ординарцы къ Императору, славно и ловко оказалъ свое дѣло, Государю имѣлъ счастіе понравиться, велѣлъ его проводить къ Наслѣднику, а его высочеству у него поучиться. Похвисневъ такъ понравился великому князю, что по Воскресеніямъ за нимъ посылаютъ карету. Цесаревичъ просилъ у Государя позволенія велѣть написать портретъ Аркашки, и портретъ этотъ виситъ въ почивальной его высочества. Его представляли также Императрицѣ. Почемъ знать, вотъ можетъ быть и начало фортуны человѣка, который бы безъ того прокисъ въ какой-нибудь канцеляріи или полку. Надобно только осторожно вести себя, но какъ требовать этого отъ 12-лѣтняго мальчика? Между тѣмъ отецъ въ восхищеніи, да и есть отъ чего.

*

Москва, 28 Сентября 1831.

Каковъ же Красовскій? Вотъ второе славное дѣйствіе, коего онъ былъ душою, вотъ еще партія сволочи Австрійцамъ. Куда все это дѣнутъ? Пусть бы остались служить у нихъ и у Пруссаковъ. Меня все мучаетъ эта армія Польская; неужели будетъ она существовать? Неужели и конституцію имъ оставятъ? Мнѣ все толкуютъ о Вѣнскомъ конгрессѣ. Да развѣ Государь тогда обѣщался дать имъ конституцію? Это была одна его воля и великодушіе. Николай I могъ бы и перемѣнить, ежели бы хотѣлъ; а теперь они дали прекрасный къ тому поводъ сами своимъ коварствомъ, измѣною. Услыши Богъ молитвы всѣхъ добрыхъ Россіянъ! Ежели все будетъ по прежнему, должно ждать новыхъ бѣдъ; но изверги поступятъ умнѣе, воспользуются прежними своими ошибками, изберутъ время лучше. Меня завело это невольно; а лучше бы молчать, да положиться на премудрость и прозорливость нашего Государя.

Дама одна сказала о княгинѣ Ловичъ, которая очень больна: c'est l'image de la Pologne expirante! Хороши Парижане съ своими à bas les Russes и vive la Pologne!—Не удивляюсь. Иной горе мыкаетъ, а другой избалованъ; такъ мудрено ли, что Рибопьеръ насилу принялъ мѣсто Берлинское. Ты помнишь Вѣну. Я забуду, что братъ тебѣ и сошлюсь на судъ всякаго: пусть сравнитъ его службу и труды съ 1801 года твои! Отчего онъ въ Александровской и дѣйст. тайн. сов.? Отъ того, что бабушка ворожитъ. Но ты сталъ бы бабушку

самъ унимать, чтобы не дать повода къ ропотамъ.—А. П. Ермоловъ пріѣхалъ. Вчера долженъ я былъ обѣдать съ нимъ у Хрущовыхъ, но крестины дочери Пашкиной няни мнѣ помѣшали: надобно было ѣхать къ Калужскимъ воротамъ, ближнее мѣсто! Я и безъ того не люблю крестить, да средства не было отказаться. — Молодой графъ Растопчинъ чуть было не былъ убитъ солдатомъ, коего проказу я тебѣ намедни разсказывалъ. Онъ тоже шелъ тогда мимо караульной, видѣлъ, какъ солдатъ по немъ прицѣливался и, думая, что это такъ жестъ простой, коимъ пробуютъ ловкость ружья, продолжалъ свой путь, вдругъ слышитъ: бацъ! И человѣкъ возлѣ него падаетъ мертвъ. Говорятъ теперь, что солдатъ этотъ какой-то раскольничьей секты.

*

Москва, 29 Сентября 1831.

Вчера былъ я на весьма пріятномъ обѣдѣ у Новосильцова. Были тутъ комендантъ, Вяземскій, Тургеневъ, князь Вл. Сер. Голицынъ, двое Уваровыхъ. Я очень обрадовался Ѳединькѣ *), который сталъ претолстый и тотъ же добрый малый. Вспоминали мы старину. Послѣ обѣда стали политикировать, читали вслухъ рѣчь Себастіани въ камерѣ касательно Польши, курили; князь Вл. Голицынъ пѣлъ разные вздоры, а Тургеневъ фальшиво подтягивалъ, Сергѣй Уваровъ читалъ прекрасно имъ сдѣланный на Французскій языкъ переводъ Пушкина стиховъ «Клеветникамъ Россіи». Я не могу насытиться чтеніемъ прекраснаго этого произведенія: и стихи, и чувства прекрасные. Пушкинъ никогда не любилъ Ляховъ. Чего не печатаютъ эти мятежники! И какъ они безстыдно лгутъ! Бонапартовы бюлетени ничего въ сравненіи съ ихними.

Всѣ здѣсь утверждаютъ, что княгиня Ловичъ скончалась 22-го. Я же говорю, что неправда: какъ бы ты 24-го этого не зналъ! Это, видно, старые слухи, и ты мнѣ писалъ, что это говорили даже въ Петербургѣ. Княгиня Вяземская получила отъ нея письмо на дняхъ, въ коемъ она очень жалуется на свое здоровье, давая чувствовать, что недолго будетъ бороться съ онымъ.

*

Москва, 1 Октября 1831.

Теперь, что́ уже разбирать, чѣмъ умеръ Реманъ? Дѣло въ томъ, что не стало нашего пріятеля! Онъ не воскреснетъ такъ, какъ Фильдъ, коего здѣсь уморили; а Щербининъ мнѣ сказывалъ, что онъ даетъ благополучно уроки графинѣ Воронцовой въ Лондонѣ.

---

*) Т. е. Ѳедору Семеновичу Уварову, отставному храброму кавалергарду и прекрасному человѣку. Это младшій братъ того, которому вскорѣ Бенкендорфъ доставилъ мѣсто министра народнаго просвѣщенія.

Благодарю за стихи Жуковскаго, только желалъ бы я имѣть мой экземпляръ съ его подписью, а на присланномъ тобою надписано П. И. Полетикѣ. Прошу мое добро мнѣ возвратить, этотъ же удержу у себя также: у Жуковскаго, я чаю, ихъ не одинъ экземпляръ. Читалъ мнѣ Тургеневъ письмо къ нему Жуковскаго, гдѣ весьма любопытно и трогательно онъ описываетъ, чтó дало поводъ стихамъ его и какъ Государь вынесъ на рукахъ своихъ новорожденнаго великаго князя Николая и цѣловалъ его со слезами на глазахъ.

Въ городѣ утверждаютъ генерально, что Государь, т. е. и дворъ будутъ сюда на житье. Не вѣроятно, а то брались бы какія-нибудь мѣры.—Я все думалъ, что пустая молва; но точно правда, что гр. Самойловъ молодой пробухалъ почти полмилліона и продаетъ три тысячи душъ. Какъ не стыдно! Не даромъ встрѣчаю я его все въ обществѣ людей, слывущихъ за игроковъ записныхъ. Много очень выигралъ у него Голицынъ, чтó женатъ на Кутайсовой, т. е. князь Алексѣй.

*

Москва, 3 Октября 1831.

Тургеневъ сейчасъ отъ меня, привезъ портретъ княгини Соф. Гр. Волконской (славная работа Изабé), разбилъ стекло, просилъ велѣть вставить другое, перешарилъ всѣ книги, съѣлъ огромное яблоко, которое я готовилъ Пашкѣ, утащилъ газеты Франкфуртскія; я брился, выйдя отъ меня, закричалъ на лѣстницѣ: чтó новаго? Не дождавшись отвѣта, уѣхалъ, вдругъ воротился: Ахъ! Я забылъ вѣдь главное. Вотъ ваши заемныя письма; они изъ малаго числа тѣхъ, кои Ж. оставилъ въ покоѣ.

*

Москва, 5 Октября 1831.

Вчера пріѣхалъ сюда фл.-адъютантъ графъ Протасовъ, зять князя Дм. Вл. Голицына. Государь, отпуская его въ Москву, изволилъ ему сказать о вѣстяхъ изъ Берлина полученныхъ, и удивлялся, что нѣтъ ничего отъ фельдмаршала. Такъ вотъ какова почта! Но Протасовъ прибавилъ, что въ минуту своего отъѣзда слышалъ, что въ туже минуту прибылъ изъ арміи Илья Бибиковъ. О томъ же пишутъ и графу Петру Алекс. Толстому и что будетъ молебствіе въ Петербургѣ объ окончаніи войны. Стало быть, все это справедливо. Я любопытенъ знать, какъ Люблинъ былъ занятъ, ибо комендантъ Лядуховскій очень упорствовалъ. Я помню, видалъ его въ Варшавѣ у Вяземскаго; онъ тогда былъ уже безъ ноги и начальникомъ Варшавскаго арсенала.

*

Москва, 12 Октября 1831.

Государь въ Москвѣ! Ты 8-го числа не зналъ, что Его Величество выѣхалъ, а 11-го числа вечеромъ въ 11 часовъ мы осчастливлены его присутствіемъ. Я въ восхищеніи. Видѣлъ Русскаго ангела, кланялся ему, а онъ мнѣ. Что за день, братъ! Солнце яркое, сухая погода, четыре градуса холода, что̀ народу! Видимо-невидимо. Ну ужъ удивлены мы! Фасть открываетъ по утру шторы, видитъ кейзерштандартъ на дворцовой крышкѣ, ему показалось это сновидѣніемъ. Я не утерпѣлъ, бросилъ работу серьезную, поскакалъ въ Кремль, засѣянный народомъ. Государь вышелъ съ кн. Дм. Вл., хотѣлъ идти въ соборъ вправо отъ Ивана Великаго; но народъ такъ прижалъ ихъ обоихъ, что понесли ихъ почти на рукахъ влѣво; князь грозилъ, сердился, но Государь смотрѣлъ тронутый и улыбался на эту толпу. «Не трогайте!» изволилъ онъ сказать подъѣхавшимъ жандармамъ. Нѣсколько голосовъ твердили: Мы тебѣ рады, всѣ тоже повторяли, а тамъ хоромъ ура! такъ, что волновался, право, воздухъ. Государь сказалъ: «И я вамъ радъ! Да дайте пройти»; но гдѣ урезонить толпу эту. Государь прикладывался во всѣхъ соборахъ къ мощамъ, тутъ трудно было его видѣть хорошо; частный приставъ сказалъ мнѣ, что Государь изъ соборовъ пойтить изволитъ въ экзерциргаузъ большой къ разводу, то я заранѣе и расположился на этомъ мосту, что̀ идетъ подъ гору къ экзерциргаузу, началъ болтать съ купцами и народомъ. Ну гдѣ передать тебѣ всѣ ихъ рѣчи! Всѣ внѣ себя отъ радости. Начали проѣзжать плацъ-адъютанты, жандармы, полиція, генер.-адъютантъ Демидовъ, фл.-адъютантъ Крузенштернъ. Вдругъ появилась толпа, бѣгущая съ криками ура! Купецъ, возлѣ меня стоявшій, сказалъ: Вотъ Государь!—Какъ же сказали, что Государь пойдетъ пѣшкомъ?—Нельзя никакъ, отвѣчалъ онъ: и до собора насилу дошелъ, народъ не пускаетъ. И подлинно въ маленькой голубенькой коляскѣ сидѣлъ нашъ Богъ земной съ кн. Дм. Вл. На лицѣ его изображалась радость, спокойствіе; онъ кланялся на обѣ стороны, и видно было, что говорилъ князю о прекрасномъ зрѣлищѣ, которое ему представлялось. Вся эта часть города усѣяна была народомъ; спускаясь къ круглой башнѣ или воротамъ, гдѣ я стоялъ, Государь меня видѣлъ и, кажется, узналъ, ибо сдѣлалъ особенный поклонъ.

*

Москва, 13 Октября 1831.

Ничего въ голову не идетъ, одно только въ умѣ: пріѣздъ Государя въ Москву. У всѣхъ одинъ разговоръ, одни вопросы. Тургеневъ всякое утро рыскаетъ къ князю Дм. Вл. Голицыну, то буду знать отъ

него, что́ происходитъ во дворцѣ. Знаю только, что вчера Государь изволилъ кушать у князя Дм. Вл., ибо кухня придворная еще не бывала. Нѣтъ уже сомнѣнія, что въ Генварѣ прибудутъ въ Москву Государыня Императрица и Цесаревичъ. Въ шесть часовъ вечера въ Воскресенье было извѣстно, что Государь ѣдетъ, т. е. шесть часовъ до прибытія Его Величества, успѣли засвѣтить и какъ могли приготовить дворецъ для принятія гостя дорогого. Государь спросилъ, для кого приготовленъ дворецъ и, узнавъ, что для него, прогнѣвался, спрашивая, кто велѣлъ? Стали доискиваться; наконецъ вышло, что Масловъ, зять Варв. Марковны Мертваго, поскакалъ изъ Клину въ Москву и это разсказалъ, а самъ слышалъ вѣсть въ Клину отъ фельдъегеря; вотъ его раба Божія Маслова посадили на гауптвахту, чтобы онъ впередъ не мѣшался не въ свои дѣла и не барабанилъ все, что́ знаетъ. Здѣсь уже слухъ, что въ Москву ѣдетъ великій князь Михаилъ Павловичъ, а также депутація изъ Варшавы съ повинною головою.

Катя прибѣжала сказать, что Государь проѣхалъ мимо нашего дому и съ Катенькою перекланивался; мы все поджидали обратнаго проѣзда, но видно Государь воротился домой другой дорогою.

Очень, очень это странно! Ты 9-го Октября вечеромъ много видѣлъ гостей, ты 9-го былъ съ министромъ Закревскимъ, вы оба (развѣ ты секретничалъ, дѣло сбыточное, но явленіе Царя преждевременно разрушило бы секретъ) оба не знали 9-го, что Государь выѣхалъ, а 11-го Государь былъ уже въ Москвѣ. Чудеса да и только! Я это буду разсказывать, какъ небылицу или странность необыкновенную. Ты видѣлъ, что я получилъ письмо твое отъ 9-го, № 242. Такъ странно мнѣ читать въ твоемъ письмѣ: новаго ничего нѣтъ, тогда какъ было у васъ новаго, что Государь наканунѣ отправился въ Москву.

А. П. Ермоловъ проѣхалъ сейчасъ и въ каретѣ, это не его экипажъ. Ужъ не во дворецъ ли поѣхалъ?

*

Москва, 14 Октября 1831.

Не ошибся я насчетъ Ермолова. Онъ точно былъ давича у Государя въ кабинетѣ довольно долго и оставленъ былъ обѣдать. Это дало уже тотчасъ поводъ къ разнымъ догадкамъ, а желательно, чтобы такой человѣкъ былъ употребленъ. Вчера вечеромъ Государь изволилъ быть у княгини Е. П. Урусовой и просидѣлъ у нея часа полтора. Къ завтрему, т. е. въ Среду, ожидаютъ Государыню Императрицу, а тогда только начнутся представленія Ихъ Величествамъ. Очень выхваляю твое молчаніе насчетъ выѣзда Государя, хотя никакая почта не могла

бы предупредить Москву о радости, которая для нея готовилась. Масловъ не такъ думалъ, за то и былъ наказанъ; однакоже Государь, по благости своей, тотчасъ отмѣнилъ данное имъ приказаніе. Государь прямо пріѣхалъ къ князю Дм. Вл., а Бенкендорфа послалъ во дворецъ; тотъ велѣлъ скорѣе все гасить и оставить всѣ преуготовленія, но Государь прибылъ скоро послѣ и узналъ это. Его ожидали, и досталось Маслову; да и дѣльно: какъ будто у Царя стало бы за средствами предварить начальство о прибытіи его, ежели бы такова была воля Его Величества?

*

Москва, 15 Октября 1831.

Императрица изволила прибыть въ восемь часовъ вечера, а не поутру, какъ было сказали давеча Наташѣ. Государь ѣздилъ къ ней навстрѣчу. Болѣе не знаю ничего и даже не слыхалъ, прибылъ ли съ Ея Величествомъ Цесаревичъ. Я давеча долго сидѣлъ у княгини Е. Н. Урусовой, которая разсказывала мнѣ о посѣщеніи, коимъ осчастливилъ ее Государь. Онъ между прочимъ спрашивать у нея изволилъ объ Ольгѣ, здорова ли она и счастлива ли? Я тотчасъ поѣхалъ обрадовать симъ курноску. Государь очень тронутъ пріемомъ здѣшнихъ жителей, изъявлялъ сожалѣніе, что нѣтъ здѣсь чужестранныхъ министровъ, что они видѣли бы, сколь велика преданность Русскаго народа къ царямъ его; но, прибавилъ Императоръ, я выпишу сюда хоть одного, Американскаго: онъ былъ очень знакомъ съ покойнымъ Государемъ Ал. Павл., народъ этотъ не любитъ принужденія, хвастаетъ вольностію; пусть онъ посмотритъ на любовь ко мнѣ Москвичей. На вопросъ княгини, долго ли здѣсь пробыть изволитъ, Государь отвѣчалъ: недѣль шесть. Отчего же не всю зиму?—Ни я, ни Императрица не захотимъ такъ долго быть въ разлукѣ съ нашими дѣтьми. J'espère qu'on fera la même réception à l'Impératrice qu'à moi-même.—Comment douteriez vous de cela, Sire?—Jamais ma femme ne s'est si bien portée, qu' à présent; il faudra l'amuser. Vous avez peu de cavaliers ici, aussi je ferai venir tous mes aides-de-camp pour qu'il ait des danseurs. Государь минутъ съ 40 просидѣлъ у княгини. Вчера обѣдали у Его Величества всѣ особы 2-го класса, члены Опекунскаго Совѣта и князь Урусовъ, всего 24 персоны. Приглашеніе князю С. М. Голицыну было принесено въ пять часовъ: хороша полиція! За то обѣдалъ онъ сегодня у Государя втроемъ съ Бенкендорфомъ. Сегодня рожденіе покойной императрицы Маріи Θеодоровны, Государь слушалъ заутреню въ Архангельскомъ соборѣ и пѣлъ тамъ панихиду одинъ - одинехонекъ. Государь сказывалъ княгинѣ, что взятъ пироскафъ для вел. княгини Е. П., что Мих. Павловичъ хотѣлъ было за нею ѣхать, но что теперь перемѣнилъ свои

планы и, вѣроятно, будетъ въ Москву. Я удивляюсь, какъ ея высочество рѣшается въ столь позднее время пускаться въ море.

*

Москва, 16 Октября 1831.

Я былъ давеча у князя Петра Михайловича, который меня обласкалъ; сказалъ, что васъ всѣхъ оставилъ здоровыхъ, но за то, по его словамъ, плоха княгиня Александра Николаевна*), больна холерою (а я думалъ, что болѣзнь у васъ уже вовсе миновалась); спрашивалъ объ Ольгѣ. Ну прощай, сказалъ онъ, стану подписывать кое-что, да и тебѣ пора одѣваться.—Куда?—Развѣ не дали тебѣ знать? Надобно черезъ полчаса быть въ соборѣ: Императрица пойдетъ туда къ молебну и прикладываться къ образамъ; поѣзжай скорѣе. Я только что въ пору пріѣхалъ, при мнѣ только пришла повѣстка отъ полиціи; хорошо, что живу близко отъ Кремля. Четверть часа спустя прибыли Государь и Императрица. Я нахожу, что никогда лицо Ея Величества не показывало такого здоровья, какъ теперь. Въ соборъ никого не пустили, кромѣ свиты государевой и придворныхъ чиновъ. Императрица клала вездѣ земные поклоны, и всякой разъ Государь ее поднималъ. Бывши въ соборѣ въ ожиданіи, мы по ужаснѣйшимъ крикамъ ура! узнали, что Ихъ Величества отправились отъ дворца къ собору. Стеченіе народа было чрезвычайное, хотя погода и не такъ-то была хороша. Я видѣлъ тутъ всѣхъ старыхъ знакомыхъ: княжну Урусову, Бенкендорфа, Протасова, Лобанова. Послѣ собора, Государь былъ на вахтпарадѣ, а послѣ съ Императрицею изволилъ прогуливаться по городу; проѣхали мимо насъ и кланялись милостиво Катенькѣ, которая случилась у окна съ Пашкою. Этотъ только что не плачетъ, что не былъ въ твоемъ гусарскомъ мундирѣ; говоритъ, что по утрамъ не станетъ уже его снимать съ себя.

Камеръ-лакей приходилъ сказать, что Катенькѣ велѣно завтра въ часъ явиться на половину Императрицы. Странно это, ибо другія фрейлины не имѣли сего приказанія, куда я ни посылалъ спрашивать; а княгиня Ек. Ал. слышала, что только и будутъ двѣ: Катя и Наташа Урусова. Иные думаютъ, что это особенное представленіе для нихъ двухъ, а другіе, что Императрица возметъ ихъ съ собою въ институты. Увидимъ! Мнѣ надобно будетъ отвезти ее во дворецъ. Надобно быть въ простыхъ круглыхъ платьяхъ. Князь П. М. сказывалъ мнѣ, что неизвѣстно, когда представленіе всѣмъ, но что въ Суботу будетъ молебствіе за окончаніе войны съ мятежниками.

---

*) Теща кня П.ня М. Волконскаго, дочь фельдмаршала князя Репнина.

Принесли письмо твое отъ 12-го Октября. Я не вижу нужды тебѣ оправдываться въ молчаніи: ты исполнилъ долгъ свой. Урусова и не ты, но умѣла же молчать. Когда я спросилъ у княгини Ел. Павл., правда ли, что будетъ Императрица сюда, то она отвѣчала: Не думаю. Какъ же бы дочь не знала, а я теперь получила отъ нея письмо отъ 9-го, и она ни слова не говоритъ объ отъѣздѣ. Скоро послѣ узнала она отъ самого Государя, что Императрица будетъ сюда, и Государь прибавилъ: Votre fille était dans le secret; je ne l'ai dit que la veille de mon départ à Benkendorff, qui m'assura à mon grand étonnement que j'étais attendu à Moscou (объ этомъ подлинно говорили уже мѣсяца два, но такъ, наобумъ). Катенька подлинно очень рада: будутъ оказіи поплясать, а она большая охотница до того. Сегодня встала уже очень рано (а любитъ поспать), чтобы заняться своимъ туалетомъ. Къ счастію имѣетъ она особенный отличный даръ сама убирать голову безъ парикмахера. Сдѣлала теперь проектъ прически, и прекрасно; платье взяла у Ольги, почти не надѣванное. Ольга и княгиня отдали ей всѣ свои драгоцѣнныя вещи. По милости твоей и Марицы*), у нея есть три платья Русскихъ, будетъ ихъ надѣвать поперемѣнно; какая нужда, что все одни! А для бальныхъ платьевъ придется умудряться какъ-нибудь. Ужъ это пусть себѣ дѣлаетъ Наташа, какъ хочетъ. Я тутъ къ сожалѣнію не могу быть помощникомъ.

Ермоловъ разсказывалъ, что намедни Государь за столомъ вдругъ спросилъ его, знаетъ ли онъ Хлопицкаго.—Знаю, В. В.—Какъ ты разумѣешь о немъ?—Онъ человѣкъ съ большими способностями; жаль, что несчастный этотъ бунтъ доставилъ ему случай употребить ихъ во вредъ себѣ, отечеству и Россіи.—Кажется, нечего будетъ его опасаться болѣе?—Должно такъ полагать, Государь; онъ же старъ и изнуренъ ранами; раскаяніе и размышленіе научатъ его уму. Государь казался очень доволенъ словами сими. Заключенія дѣлаютъ, что Ермоловъ управлять будетъ царствомъ мятежнымъ.—Катенька пришла показаться; голова прекрасно убрана, а платье еще передѣлываютъ. Я желалъ бы уже возвращаться изъ дворца, надобно взять терпѣніе. Я хлопочу все о ботфортахъ къ завтрему; своихъ еще не имѣю, послалъ просить у Сталя его, или чтобы досталъ у кого-нибудь.

*

Москва, 17 Октября 1831.

Давеча повезъ я Катю во дворецъ. Вышло, что это было представленіе всѣхъ фрейлинъ; но тѣмъ дали, не знаю почему, очень поздно знать. Ихъ было всѣхъ, съ двумя Петербургскими, 18. Катенька сама

*) Супруга К. Я. Булгакова.

хотѣла тебѣ описать представленіе, но я скажу тоже, какъ упомню. Ah! voici, сказала Императрица, прежде нежели княгиня Тат. Васильевна успѣла назвать Катю, voici une de nos Vierges du Soleil*). Embrassez moi, je suis charmée de vous revoir et surtout à Moscou. Comment se porte la petite soeur?—Elle part déjà peu, V. M.—Je sais qu'elle est grosse, pauvre enfant. Est-elle toujours aussi jolie?—Elle a un peu maigrie, V. M.—Pauvre petite, повторила Императрица, si jeune et déjà grosse. Comment se porte votre maman?—Pas trop bien, V. M.: elle s'est refroidie (это велѣно было Катенькѣ сказать: Наташа хочетъ избѣжать туалетныя издержки).—J'espère que nous nous verrons, изволила сказать Государыня, оборотясь къ слѣдующему лицу, beaucoup plus souvent qu'à Pétersbourg. Государь былъ въ другой комнатѣ и, раскрывши нѣсколько дверь, смотрѣлъ на это представленіе. Я покуда ждалъ Катю въ залѣ, гдѣ собрались уже приглашенные къ обѣду. Я говорилъ съ Ермоловымъ о тебѣ; онъ спрашивалъ, здоровъ ли ты. Въ ту минуту подошелъ къ намъ Лобановъ князь А. Я. Да вотъ онъ можетъ намъ это сказать, отвѣчалъ я Ермолову, указывая на князя; а тотъ объявилъ, что никогда не былъ ты такъ свѣжъ и такимъ молодцомъ, какъ теперь. Глаза болятъ, заваленъ работою. Глаза прежніе, прекрасные, сказалъ Лобановъ, а Ермоловъ прибавилъ: Нашъ К. Я. сладилъ бы съ почтами цѣлой Европы, не только съ нашими; и потомъ оба начали расхваливать улучшенія, кои введены, желая, чтобы письма изъ внутреннихъ губерній также скоро приходили, какъ изъ чужихъ краевъ. Я сказалъ Ермолову, что ему множество назначаютъ мѣстъ; онъ смѣючись отвѣчалъ: Да и мнѣ достается слушать много пустяковъ; я говорю, что всего бы лучше назначить меня на мѣсто Филарета, который куда-то уѣхалъ. Тутъ были между прочими Ив. Ив. Дмитріевъ, слѣпой Гагаринъ, Масальскій, сенаторы Яковлевъ, Салтыковъ, кн. П. Гагаринъ, Тучковъ, Озеровъ, Четвертинскій и прибывшіе съ Государемъ. Ник. Ив. Демидовъ очень серіозно мнѣ сказалъ: У меня до васъ просьба.—Что̀ такое? Приказывайте.—Сдѣлайте одолженіе, ознакомьте меня съ Петербургскою и Московскою красавицею Е. А. Булгаковою, что̀ я и сдѣлалъ. Князь П. Мих. очень обласкалъ Катю, тотчасъ спросилъ про Ольгу и сказалъ, что къ ней поѣдетъ. Мы возвратились домой почти въ четыре часа.

Я узналъ во дворцѣ, что Государь и Императрица будутъ вечеромъ въ Большомъ театрѣ, заѣхалъ по просьбѣ Тургенева взять для него ложу, но уже не было во всѣхъ пяти ярусахъ. Какъ скоро узнали, не понимаю; я насилу двое креселъ досталъ по большой протекціи

*) Съ маскарада, который былъ у министра двора князя Волконскаго въ Петербургѣ и на которомъ Государыня въ первый разъ видѣла дочерей А. Я. Булгакова.

Загоскина. Не даромъ же я заплатилъ 5 р. Піеска и балетъ были не завидные. Звалъ я Тургенева уѣхать до толпы, но онъ остался ждать конца. Пошелъ я на маленькій подъѣздъ лѣвый, ждать дрожки свои, кои за гривеньку поставилъ жандармъ поближе; вдругъ вижу движеніе въ сѣняхъ, оборачиваюсь: Государь изволитъ идти съ Императрицею. Я поклонился, а онъ сказалъ очень ласково: Ба, это ты Булгаковъ, здорово! Я видѣлъ давеча дочь твою, она..... да и не успѣлъ досказать, пошелъ садиться въ карету. Князь П. М. тутъ былъ и сказалъ мнѣ: А помнишь какъ мы, бывало, изъ театра ѣздили вмѣстѣ къ Константину оканчивать вечера? Охъ! Какъ не помнить Италіянцевъ, большую ложу, гдѣ насъ бывало до 15 человѣкъ, и вечера на почтѣ. Прошли эти счастливыя времена!

Въ Воскресенье молебствіе торжественное въ Чудовѣ съ выходомъ, потомъ представленіе для мужчинъ первыхъ четырехъ классовъ и для дамъ всѣхъ классовъ безъ изъятія. Во Вторникъ Собраніе Царь и Царица удостоятъ своимъ посѣщеніемъ, а тамъ всякое Воскресенье балъ у князя Дм. Владиміровича. Готовятъ выставку издѣлій, какъ была; но такую полную не набрать, да и такого local, какъ наше Собраніе, не найти въ Москвѣ.

Всѣ замѣтили, что Императрица одну Катю поцѣловала, обыкновенно дѣлается только le geste. Пошли уже глупые толки, что Урусова идетъ замужъ, и что Катя заступитъ ея мѣсто. Она была прелестна сегодня и еще болѣе казалась красивою возлѣ прочихъ фрейлинъ, кои большею частію дурны.

Мнѣ Чертковъ сказалъ подъ секретомъ, что намѣреніе Закревскаго было оставить мѣсто свое; а какъ онъ твердъ въ намѣреніяхъ своихъ, то и не удивляюсь, а соболѣзную, что Государь, хотя на время, лишается столь отличнаго, благороднаго, вѣрнаго слуги. Поѣду теперь къ Ивану Васильевичу, сообщу ему эту непріятную вѣсть. Мало у Государя людей, кои смѣли бы ему говорить правду на отрѣзъ; нѣтъ другого Закревскаго въ этомъ отношеніи; можетъ быть, за это многіе тузы его не любили. Вѣрно скоро вѣсть эта разнесется по городу. Я уже слышалъ молву съ недѣлю, что Дашковъ на его мѣсто, а Блудовъ на мѣсто Дашкова. Мнѣ жаль, что А. А. не остался въ Финляндіи: тамъ бы себѣ покойно отдыхалъ. И такъ графъ К. В. *) будетъ сюда. Очень рады, а что̀ касается до Малиновскаго, то этотъ не имѣетъ помышленія оставлять Архивъ ни Сенатъ, какъ ни хилъ.

*

*) Нессельроде, начальникъ Булгакова по Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Москва, 19 Октября 1831.

День былъ прекраснѣйшій, пріѣхали мы во дворецъ, скоро былъ и выходъ, пошли коридоромъ въ Чудовъ, гдѣ было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, потомъ при пушечной пальбѣ многолѣтіе царскому дому, побѣдоносному воинству и вѣчная память покойному Цесаревичу и на войнѣ убіеннымъ. Возвратились въ залу, гдѣ съѣхались дамы для представленія Ея Величеству. Ихъ было не такъ много, ибо не успѣли всѣ нашить Русскія платья, но сотня была. Послѣ позвали Сенатъ, представлялъ слѣпой Гагаринъ, и Государь изволилъ явиться и тутъ быть; послѣ мы придворные пошли, я ждалъ свою очередь. Государь, увидя меня, подозвалъ къ себѣ: Здоровъ ли ты?—У насъ, Государь, нѣтъ больныхъ съ пріѣзда Вашего Величества. Изволилъ улыбнуться и кивнуть головою. Чтò дѣлаетъ милая Ольга?—Здорова, В. В., возится съ брюшкомъ своимъ.—Не могу себѣ представить, это должно быть смѣшно видѣть ее въ этомъ положеніи; ей есть уже 16 лѣтъ?—17 минуло, В. В.—Когда ты ее увидишь?—Отсюда поѣдемъ къ ней я и дочь, чтобы ей разсказать, чтò здѣсь происходило.—Такъ прошу же, прибавилъ Государь, начать разсказъ тѣмъ, что я велѣлъ ей кланяться.—Слушаю, В. В.!—Помнитъ она маскарадъ князя Волконскаго? —Очень часто говоритъ объ немъ. Между тѣмъ товарищи мои все подвигались къ ручкѣ; сдѣлался большой промежутокъ, и я, поклонясь Государю, который началъ говорить съ княземъ Андр. Ив. Горчаковымъ, кинулся скорѣе догонять нить придворную. Императрица изволила спросить обо мнѣ и о женѣ, потомъ сказала: Votre fille a encore embellie depuis que je ne l'ai vue, elle est vraiment charmante, et que fait *la petite soeur?* Je sais qu'elle est grosse, cela doit être drôle.—Nous ne pouvons pas nous y habituer, V. M.—Quand accouche-t-elle?—Environ dans un mois. Государыня, казалось, устала отъ всѣхъ этихъ церемоній, а потому я самъ осмѣлился поклониться и уступить очередь слѣдовавшему за мною камергеру Ржевскому. Всѣхъ гнали вонъ, другіе входили по мѣрѣ для представленія; но въ эту минуту, чтò я шелъ тоже вонъ, Государь изволилъ мнѣ сказать: Ты здѣшнихъ всѣхъ долженъ знать; кто этотъ генералъ?—Это генералъ-лейтенантъ Гвоздевъ (Павловскій, въ мундирѣ съ розовымъ воротникомъ). Такъ сдѣлалось, что я уже и не вышелъ изъ комнаты, сталъ возлѣ князя Урусова и видѣлъ всю полную séance представленія. Какъ кончилось все, Императрица, не смотря на усталость свою, обошла опять всѣхъ фрейлинъ, кои стояли въ шеренгу вдоль оконъ, и со всѣми почти разговаривала. Когда подошла она къ Соловой, стоявшей возлѣ Катеньки, то народъ (коимъ площадь была точно какъ вымощена, только и видно было,

что безчисленное множество головъ, одна подлѣ другой), увидя Государыню, закричалъ ура! Катенька обернулась смотрѣть на эту единственную, прекрасную картину, да и заглядѣлась, не зпдала, что Императрица съ нею поровнялась. Соловая ее толкнула, а Императрица, увидя ея замѣшательство, сказала милостиво: Je conçois très bien votre curiosité, ce spectacle est vraiment ravissant, et je me mets très souvent à la fenêtre pour en jouir; nous n'avons pas cela à Pétersbourg.— Mais je crois, V. M., que nulle part on ne peut voir un tableau pareil.— C'est vrai, et puis ces couples dorées avec ce beau soleil, c'est si imposant. —V. M. est bien fatiguée? — Je vous l'avoue; j'ai prié mad. Gléboff de s'asseoir, et puis cette robe, указывая на длинный бархатный хвостъ; потомъ по-русски прибавила: мочи моей нѣтъ, я какъ водовозная лошадь. Дойдя до кн. Т. В., изволила Государыня откланяться и отретироваться. Я сталъ надѣвать шаль на Катеньку, чтобы ѣхать. Вдругъ выходитъ кн. Волконская и зоветъ къ Императрицѣ въ кабинетъ Катю, Озерову и Щербатову. Государыня имъ сказала: Vous êtes étonnées que je vous demande; c'est l'Empereur qui l'a voulu; а Государь сказалъ, взявъ руку Катеньки въ свою: Теперь вы у меня въ гостяхъ, жена у меня не ревнива и позволила мнѣ васъ принять у нея. Тутъ опять былъ разговоръ объ Ольгѣ, выше ли она или ниже Кати? Dites moi, mon coeur, спросила Императрица, vous n'êtes que deux soeurs?— Deux, V. M.—C'est dommage! *Une belle race* comme cela, il faudrait qu'il y en ait plus. Combien avez-vous de frères? И много распрашивала о Пашкѣ. Faites mes compliments à Olga, сказалъ Государь, et dites lui qu'elle ne perd pas son temps. Императрица покачала головою Государю и засмѣялась. Послѣ Государыня вспомнила о маскарадѣ, Летучихъ-Мышахъ, Перувіянкахъ etc. Viendrez-vous l'hiver prochain à Pétersbourg? спросила Императрица.—J'ignore, madame, cela ne dépend pas de moi. Au reste, сказала Императрица, il y a du temps jusqu'à l'hiver prochain. Теперь, прибавилъ Государь, надобно здѣсь веселиться; вотъ пріѣдетъ Мих. Павловичъ, это будетъ *лафа* для васъ. Прощаясь Государыня сказала Катенькѣ: Je vous verrai, n'est-ce pas à l'Assemblée Mardi. A revoir, mon coeur! Не повѣришь, какой шумъ надѣлалъ въ залахъ этотъ особенный пріемъ, и всѣ кинулись спрашивать: зачѣмъ? зачѣмъ? Кажется, я тебѣ все главное разсказалъ; дѣло въ томъ, что не возможно болѣе засыпать милостями; мы сильно это чувствуемъ. Да! Забылъ я еще сказать, что послѣ представленій ввели насъ 8-хъ старшинъ къ Ихъ Величествамъ звать ихъ на Вторникъ. Le sénateur Soltykoff porta la parole au nom de toute la noblesse. Государь отвѣчалъ: Будемъ, будемъ непремѣнно и я, и жена, развѣ занемогу. Тогда мы вдругъ всѣ, какъ будто сговорились, сказали гром-

ко: Боже сохрани! Послѣ поѣхали мы къ Ольгѣ, ей все пересказать и исполнить всѣ приказанія Государя.

Кромѣ прекраснаго дня получено было и радостное извѣстіе очень кстати. Я слышалъ, какъ Государь говорилъ, что въ Петербургѣ передъ молебствіемъ получено было извѣстіе о взятіи Люблина, а здѣсь въ Москвѣ о взятіи Замостья.

Уже весь городъ наполненъ извѣстіемъ о увольненіи Закревскаго; пріѣхавшіе съ Государемъ это разсказали, и именно Адлербергъ. Всѣ генерально жалѣютъ, что Государь лишается столь вѣрнаго слуги, а нѣкоторые недоброжелатели говорятъ, что при отличныхъ своихъ качествахъ З. былъ не на своемъ мѣстѣ, что ему бы занимать мѣсто Чернышова. Теперь это nouvelle du jour. Я былъ у добраго Черткова; онъ получилъ письмо отъ З., которое мнѣ показывалъ. Онъ увѣдомляетъ его, что вовсе оставляетъ службу. У Фаста видѣлъ я указъ, который не можетъ быть пріятенъ другу Арсенію. Надобно думать, что Комитетъ Министровъ къ нему не благоволитъ. Отказъ 92 награжденій, испрашиваемыхъ Арсеніемъ Андр. для чиновниковъ Кавказскихъ за холеру, не можетъ ему не быть непріятнымъ. Можно было не дѣлать огласки. Другому бы это ничего, но я знаю щекотливость Закревскаго. Всякій добрый Русскій пожалѣетъ, что человѣкъ, какъ онъ, жить будетъ въ бездѣйствіи. Здѣсь же говорятъ, что Дашкова на мѣсто З-го по министерству, что въ Финляндію Меншикова, а на мѣсто Дашкова Блудова.—Вчера видѣлъ я М . . . . го во дворцѣ, сказалъ ему, что вице-канцлеръ будетъ сюда; сквозь зубы отвѣчалъ: Я очень радъ. Онъ очень интригуетъ, чтобы дочь взяли во фрейлины; сказываютъ, что одно письмо его осталось уже безъ отвѣта; прежде какъ-то онъ просилъ о томъ же. Мудрено просить о дѣвушкѣ, которая сходила съ ума и опять можетъ поэтому сойти. Кажется, одному графу Нессельроду или Дашкову было бы прилично это просить за М-го. Il n'y a ici ni naissance, ni service, ni beauté de la jeune personne, а поговариваютъ о дочери сенатора Бухарина *). М-ая почти одна дама, съ коею Государыня не говорила, не зная видно ея.

*

Москва, 20 Октября 1831.

Вчера обѣдалъ я съ Ермоловымъ у Хрущовыхъ. Онъ меня отвелъ къ сторонкѣ и сталъ говорить о Закревскомъ; желалъ знать, какъ все это случилось. Я сказалъ то, что̀ зналъ отъ тебя. Ал. Петр. любитъ душевно Арсенія Андреевича и прибавилъ, что сначала сожалѣлъ, что

*) Донынѣ здравствующая вдова генерала-адъютанта Анненкова, Вѣра Ивановна.

онъ взялъ на себя мѣсто, которое не по немъ, и что, впрочемъ, человѣкъ, какъ З., не можетъ оставаться долго празднымъ; просилъ черезъ тебя много ему кланяться, и что надѣется обнять его въ Москвѣ теперь скорѣе, чѣмъ когда либо. Ермоловъ слышалъ отъ князя П. Мих., что въ Финляндію назначенъ уже князь Меншиковъ. Я не знаю, оставляетъ ли нашъ другъ и Совѣтъ, и званіе генералъ-адъютантское. Я, тебѣ признаюсь, радъ, что онъ развязался съ непріятнѣйшимъ въ Россіи министерствомъ *).

Теперь узнаю, что пріѣхали сюда вчера принцъ Ольденбургскій, графъ А. Ѳ. Орловъ, баронъ Розенъ. Москва будетъ все болѣе и болѣе наполняться.

*

Москва, 21 Октября 1831.

Прекрасное было вчера Собраніе, тысячъ до двухъ внизу; стало быть много, но безъ большой тѣсноты. Государь и Императрица изволили прибыть въ 9 часовъ съ четвертью, мы встрѣтили Ихъ Величества внизу лѣстницы и, идучи попарно впереди, ввели ихъ въ залу; славно была освѣщена. Государыня открыла балъ съ княземъ Дм. Вл., а Императоръ съ княгинею Т. В. Мало было танцовщиковъ для Ихъ Величествъ. Государь танцовалъ еще съ старухою Мухановою, съ княгинею Барятинскою, съ женою князя Павла П. Гагарина, съ Мухановою, бывшею Сиверсъ, съ Кутайсовою и нѣкоторыми фрейлинами, а Императрица съ Обольяниновымъ, княземъ Серг. Мих. Голицынымъ, съ Орловымъ, Бенкендорфомъ, княземъ Серг. Ив. Гагаринымъ, Урусовымъ, а потомъ со старшинами и съ твоимъ братомъ. Я началъ разговоръ слѣдующею фразою, которая была у меня приготовлена: C'est maintenant que je sens, Madame, combien est grand l'honneur que m'a fait la noblesse de m'avoir élu directeur de l'Assemblée, pour que cela me procure un bonheur auquel je n'aurais jamais pu prétendre, celui de danser avec V. M.—J'espère, отвѣчала Императрица, que nous ne nous bornerons pas à cette danse grave; vous êtes un fameux valseur, malgré que vous êtes un papa.... да потомъ подумавши, изволила прибавить, смѣючись: Comment papa! Mais j'oublie que vous êtes à la veille d'être grand-papa, и стала разспрашивать объ Ольгѣ, потомъ о женѣ. Я сказалъ, что ей необходимо нужно ѣхать въ деревню, что она ставитъ сукна на армію, но что послѣ будетъ имѣть счастіе ей представиться. Спрашивала Государыня о Костѣ и Пашкѣ, говорила о Москвѣ; случилось, что Польскій этотъ долго продолжался,

*) До назначенія своего въ Москву, т. е. въ теченіи 17 лѣтъ, графъ А. А. Закревскій прожилъ въ отставкѣ. Вспомнимъ другую, тоже многолѣтнюю отставку Н. Н. Муравьева-Карскаго.

потому что Государь жаловался на жаръ, а потому начинавшій Польскій Гедеоновъ повелъ оный по коридору и другимъ заламъ. Государь раза четыре изволилъ меня удостоивать разговора, по большей части спрашивая, кто этотъ, или та? Въ половинѣ 12-го пошли ужинать. Государыня была въ срединѣ за круглымъ столомъ на 12 персонъ, прочіе столы были расположены кругомъ.

Съ Ея Величествомъ сѣли княгиня Голицына, Муханова, Барятинская, князь Дм. Вл., принцъ Ольденбургскій, кн. Серг. Мих. Голицынъ, Кутайсовъ, кн. Волконскій. Государь ходилъ около столовъ. Ужасная обступила толпа. Неловко было кричать тутъ, но княгиня Тат. Вас. подозвала меня и сказала: faites écarter la foule, si c'est possible. Нѣчего дѣлать, я пошелъ и просилъ отойти, говоря, что Императрица желаетъ видѣть кто ужинаетъ за другими столами. Мнѣ удалось правую сторону очистить, но лѣвую не было средства: тутъ были мужчины по большей части, да еще и чиновные, кои просто не слушались. Государь мнѣ сказалъ тутъ: Ну, братъ, какой ты Булгаковъ строгій командиръ?—Чтò дѣлать, В. В., не хотя это исполняю, ибо очень понимаю радость всякаго видѣть В. В. и Императрицу. Катенька сидѣла возлѣ Пашковыхъ недалеко отъ императорскаго стола. Я видѣлъ, что Государю хотѣлось подойти къ ней, да не было средства. Она, спасибо ей, не совалась, какъ другія въ глаза. Послѣ ужина Государь къ ней подошелъ и сказалъ: A la fin je vous trouve, je garde le mieux pour la bonne bouche и пошелъ съ нею Польскій. Очень былъ веселъ и милостивъ. Je crois que la petite soeur est bien fâchée de ne pas être à toutes ces fêtes: elle aurait voulu s'amuser, et la voilà enfermée chez elle.—Elle est surtout fâchée, Sire, que son état la prive du bonheur de vous voir.—N'est-ce pas? Oui, grand bonheur que celui de me voir!—Sire, отвѣчала Катенька очень умно, savez-vous que ce que vous dites là, chagrinerait beaucoup ma soeur, si je le lui disais.—Хорошо, хорошо, прибавилъ Государь, позвольте не вѣрить ни вамъ, ни сестрицѣ; а гдѣ она живетъ? Государь велѣлъ себѣ подробно растолковать, гдѣ, чей домъ, какого цвѣта, какъ будто хотѣлъ бы мимо проѣхать. Катенька не успѣла еще сама мнѣ хорошенько пересказать весь свой разговоръ съ Государемъ, все готовитъ реляцію подробную тебѣ, да или одѣвается или спитъ. Императрица не танцовала кромѣ Польскихъ ничего, одинъ только Франц. кадриль и въ мазуркѣ приказывала себя выбрать раза два. Она была прелестно одѣта, вся въ бѣломъ и залита бриліантами и бирюзами. Въ часъ почти изволили уѣхать, и Государь сказалъ намъ прощаясь: «Благодарю за приглашеніе; мы воспользовались охотно онымъ, а впредь не будемъ его

ждать, чтобы сюда ѣздить». Очень это порадовало насъ: посѣщеніями Ихъ Величествъ разбогатѣетъ и поднимется Собраніе.

Вчера до Собранія пріѣхалъ къ намъ вдругъ князь П. Мих. Волконскій; къ счастію была тутъ и Ольга, которой онъ очень обрадовался, не нашелъ въ ней никакой перемѣны, кромѣ брюшка; желалъ видѣть Катеньку, она только причесана была и сошла внизъ. Bravo, bravo, сказалъ онъ, кто это Charles? Да какъ узналъ, что Катенька всегда сама чешется, то похвалилъ: вотъ спасибо, умница! За то не зависишь отъ этихъ господъ; за нихъ дамы только что не дерутся. Сказывалъ, что ожидаетъ сюда сыновей; жаловался, что ты ихъ очень балуешь, что Катенькѣ надобно будетъ непремѣнно пѣть одной и съ ними у Императрицы; велѣлъ очень тебѣ кланяться. Всѣ находили Катю вчера прелестною, сочинила себѣ какъ-то платье изъ костюма Дѣвы Солнца, съ маскарада кн. Волконскаго; очень всѣ хвалили. Все дѣлается у насъ, право, чудесами какими-то, безъ денегъ; есть еще платье, и то Ольгино, къ Воскресенью, а тамъ право не знаю, какъ изворотимся. Жена же ѣдетъ въ Горбово. Завтра Катенька дежурная, поѣдетъ съ Императрицею въ Воспитательный Домъ, гдѣ обѣдня и молебствіе, по случаю дня коронованія[1]).—Сергѣй Уваровъ прислалъ мнѣ, наконецъ, переводъ Французскихъ стиховъ Пушкина «Клеветникамъ Россіи», просилъ тебѣ доставить копію; ежели успѣю, сдѣлаю ее для тебя. Какое чудо: и Фастъ былъ вчера въ Собраніи неотлучно отъ Мечникова.

*

Москва, 22 Октября 1831.

Въ Собраніи танцовалъ съ Катенькою какой-то офицеръ; новая фигура, никто не умѣлъ мнѣ сказать, кто это. Я наконецъ спросилъ Адлерберга. Это Бреверпъ[2]), пріѣхавшій изъ арміи и привезшій 22 знамя, пріобрѣтенныя въ Замостьѣ.

*

Москва, 23 Октября 1831.

Ну, мой любезный другъ, я въ такой радости, въ такомъ полномъ удовольствіи отъ вчерашняго вечера, что, пріѣхавъ домой, не спалъ до трехъ часовъ утра, т. е. два часа все разсказывалъ женѣ, что̀ происходило. Написать все невозможно, и не упомнишь, а надобно тебѣ сообщить главное. Наташа, боясь, чтобы я не опоздалъ, ранѣе послала Катеньку, и хорошо сдѣлала, ибо Государыня вышла ранѣе назначеннаго часа, и бо̀льшая часть гостей послѣ пріѣхала. Я буду писать отрывисто, сокращенно и безпорядочно, но ты поймешь.

---

[1]) Тутъ Булгаковъ что-то спуталъ.

[2]) Должно быть, Ѳедоръ Логиновичъ.

Когда я вошелъ въ залу маленькую, всѣ играли въ шнурокъ или веревочку. Меня сконфузило это нѣсколько. Государыня, увидя меня, изволила громко сказать: Ah! Voilà le papa! Я подошелъ къ Императрицѣ, она изволила въ ту минуту сидѣть и чай кушать. Vous venez sûrement du théâtre?—Je n'aurais pas osé y aller un jour, où V. M. m'ordonne de venir chez elle; j'ai été chez ma fille, elle ne se sentait pas tout-à-fait bien, cela m'a retenu.—J'espère que votre personne n'y ait plus nécessaire?—Non, Madame, cela lui est passé. Потомъ изволила входить въ большія подробности о времени родовъ, объ акушеркѣ, бабкѣ, кормилицѣ. Государь изволилъ сказать: Положи шляпу и ступай играть. Я сталъ. Заговорился съ сосѣдомъ своимъ Бенкендорфомъ о Волковѣ, Государь хвать меня по рукѣ. Я не ожидалъ и сдѣлалъ движеніе необыкновенное.—А ты думалъ, что я драться не умѣю? Ступай-ка, vengez-vous sur d'autres. Очень весело продолжалась игра эта. Послѣ играли въ живъ-живъ курилка. Тутъ была уже ужасная хохотня; особенно Императрица боялась, чтобы у нея погасло въ рукахъ, отдавала съ крикомъ лучинку сосѣду, а иной разъ кидала на полъ, когда не скоро брали лучинку изъ рукъ ея. Государь собиралъ фанты, кои послѣ разыгрывали. А-й Орловъ: le gage touché valsera avec tout le monde! Je sais, сказала Императрица, que vous jouez de jolies valses; mettez vous, je vous prie, au clavecin. (По утру были у Катеньки княжна Урусова и гр. Моденъ; первая меня предупредила, что сказывала Императрицѣ, что у меня есть славные вальсы Вѣнскіе, такъ я дѣлалъ репетицію дома, чтобы не стать въ пень, и наигралъ штукъ 20 Вѣнскихъ вальсовъ лучшихъ). Императрица подошла ко мнѣ и сказала: On voit que vous avez été à Vienne et à Berlin, vous jouez les valses tout-à-fait comme il le faut, et c'est très dansant; n'êtes-vous pas fatigué, nous avons m-elle Ozéroff pour vous relever? Нечего дѣлать, игралъ до самаго нельзя. Какъ кончилось, Государь закричалъ черезъ комнату: Спасибо, Булгаковъ, оркестръ славно шелъ!

Послѣ князь П. М. привелъ какого-то мальчика играть на фортепьяно, но онъ игралъ довольно дурно и не въ кадансъ. Послѣ вальса была Фр. кадриль, это не по моей части. Я было и сѣлъ, но Государыня сказала: Il nous manque une paire, m-r B., prenez la p-ce Ourousoff (Наташа). Я сталъ съ нею. Теперешніе танцы не суть важны, а потому я кое-какъ и протанцовалъ, хотя дѣлать приходилось фигуру съ Императрицею, противъ насъ стоявшею. Послѣ танцовали мазурку, и это не моя часть; я сѣлъ возлѣ князя Дм. Вл., который игралъ въ вистъ (ихъ было шесть: онъ, князь Серг. Мих. Голицынъ, Муханова старуха, Озеровъ, князь Серг. Ив. Гагаринъ) смотрѣть, но вдругъ

подходитъ Моденша. L'Impératrice vous demande pour danser la mazurque avec elle. Нечего дѣлать, собралъ все свое умѣніе. Государыня Катенькѣ говорила два раза, что я танцую очень хорошо. Oui, V. M., tout le monde s'accorde à dire, que papa valse très bien, il était fameux dans son temps.—Comment le valse? Il danse bien toutes les danses. Quoique papa est bientôt grand-papa, il est très léger; au reste il est mince.—Qui est mince? Ce n'est pas moi, j'espère, сказалъ Государь подойдя.—Je parle de son papa, mais il n'est pas âgé. Государь спросилъ у меня: А сколько вамъ лѣтъ, Булгаковъ?—Прикажете, Государь, правду говорить?—Правду; не скрывай ни дня.—Въ Ноябрѣ будетъ 50.—Vous portez bien votre âge, vous pouvez danser encore 5 ou 6 ans. Alors vous prendrez l'enfant de m-elle Olga... Я-то хорошъ! M-elle Olga! L'enfant de m-me la p-ce Olga, прибавилъ Государь, en le reprenant sur vos épaules, et vous danserez avec lui. Тутъ Государь опять заговорилъ объ Ольгѣ. Она такъ довольна, что имѣла счастіе видѣть Ваше Величество хоть издали.—Гдѣ? Когда?—Какъ выѣхать изволили въ экзерциргаузъ. Долго разспрашивалъ, гдѣ это было, въ какомъ была экипажѣ и очень сожалѣлъ, что ея не видалъ. Послѣ былъ potpourri. Государыня приказалъ мнѣ взять даму, оставалась только гр. Моденъ, которая хотѣла было отдыхать въ продолженіе этого танца. Ихъ Величества и меня и Катеньку часто удостоивали разговора. Урусова подвела Императрицѣ меня и фл.-адъютанта Монрое *). Que voulez vous, Pétersbourg ou Moscou?—Moscou, отвѣчала тотчасъ Императица, и, подходя ко мнѣ съ жестомъ начинать вальсъ, сказала: Je parie que c'est vous qui êtes Moscou. Также Государю подвели Катю и графиню Протасову, спрашивая: Jamais ou toujours?—Oh! Toujours plutot. Вышло, что Катенька была Toujours, и Государь, вальсируя съ нею, сказалъ очень милостиво: Не беру слова своего назадъ, je ne demanderais pas mieux, que de valser toujours avec vous. Послѣ за маленькими столиками ужинали. Государь былъ одинъ за особеннымъ маленькимъ столикомъ, возлѣ столика Государыни. Послѣ ужина нѣсколько побыли, и Ихъ Величества откланяться изволили.

Долго, долго не забуду я этого вечера. Я тебѣ не сказалъ половины всего. Это была точно семейная, простая, безцеремонная бесѣда. У насъ часто не удаются эти petits jeux, cela ne bat, какъ говорятъ, que d'une aile; но тутъ всѣ были расположены къ веселію, и Государь былъ истинно не Государемъ, а добрымъ какимъ-то отцомъ въ семействѣ и между короткими знакомыми. Я привожу тебѣ реестръ всѣмъ бывшимъ и составленный Ихъ Величествами самими. Я никогда

*) Кто этотъ Монрое, не знаемъ.

не постигну, какъ такіе ангелы доброты могутъ имѣть недоброжелателей, и цѣлая Польша почти возстала. При безсчисленныхъ своихъ заботахъ, какое видно спокойствіе на государевомъ челѣ, какъ онъ веселъ, какъ всякая бездѣлица его забавляетъ, какъ онъ нѣженъ, попечителенъ объ Императрицѣ!—Что братъ твой дѣлаетъ?—Скучаетъ, В. И. В. Было ихъ время, теперь наше счастливое время настало. Жаль, что прервался этотъ разговоръ, столь для меня пріятный; но Императрица отвела Государя зачѣмъ-то, и послѣ пошелъ онъ въ другую сторону. Адлербергъ сидѣлъ за ужиномъ возлѣ Катеньки и сказывалъ ей: Jamais nous n'avons vu une soirée comme cela; il y a longtemps que j'ai le bonheur s'approcher l'Empereur, car enfin les réunions du palais d'Аничковъ étaient nombreuses et y avait toujours une espèce d'étiquette, au lieu qu'ici il ne nous manque que d'être en surtout. Ну, братъ! Истинно душа напиталась. Катенька проходила въ мазуркѣ мимо Ихъ Величествъ, Государь сказалъ: Comme elle danse bien. Oh! mais elle est charmante, прибавила Императрица; потомъ, обращаясь ко мнѣ: Vous devez vous réjouir d'avoir une fille comme cela?—Ce sont les bontés de V. Majesté pour mes enfants qui me rendent heureux au delà du tout expression. Жаль мнѣ, ежели что забылъ, но кажется главное тебѣ все сказалъ. Не забыть комиссію. За ужиномъ Бенкендорфъ спросилъ: Vous écrivez à frère?—Tous les jours.—Tous les jours? Это легко сказать, 365 lettres par an?—Нѣтъ, les Dimanches, où il n'y a pas de poste, ce que fait 52 jours du moins dans l'année.—Je vous pris de lui dire mille tendresses de ma part, пью его здоровье (il avait justement un verre du Champagne à la main). Вотъ и комиссія исполнена.

22 Октября на вечеринкѣ во дворцѣ у Наслѣдника находились по приглашенію:

Государь и Императрица.

2. Князь Дм. Влад. Голицынъ.
3. Княгиня Тат. Васильевна Голицына.
4. Об.-штал. Муханова.
5. Княгиня Барятинская.
6. Княжна Ольга Барятинская.
7. Князь Сергій Мих. Голицынъ.
8. Князь Сергій Ив. Гагаринъ.
9. Петръ Ивановичъ Озеровъ.
Принцъ Ольденбургскій.
10. Княгиня Нат. Степановна Голицына.
11. Княгиня Голицына Варшавская.
12. Графиня Протасова (дочь кн. Д. Вл.).
13. Князь П. М. Волконскій. (Не ужиналъ).

Генералъ-адъютанты:

14. Бенкендорфъ.

15. Графъ А. Ѳ. Орловъ. (Не ужиналъ, сидѣлъ возлѣ Государя за ужиномъ).

16. Клейнмихель.

17. Адлербергъ.

18. Князь А. Я. Лобановъ. } Свиты Е. И. В.

19. Французъ, не помню имя. } Свиты Е. И. В.

Фл.-адъютанты:

20. Монрое.

21. Игнатьевъ.

22. Гогель.

23. Казарскій.

24. Графъ Протасовъ.

Камергеры:

25. Князь А. Ѳ. Голицынъ (Варшавскій).

26. Булгаковъ.

Фрейлины:

27. Княжна Урусова.

28. Гр. Моденъ.

29. Княжна Н. А. } Щербатовы.

30. Княжна А. А. } Щербатовы.

31. Княжна Н. А. Урусова.

32. Муханова.

33. К. П. Озерова.

34. Е. А. Булгакова.

Щербатовой Анетъ сдѣлалось дурно; вышла, но послѣ получаса воротилась. Государь, говоря мнѣ о ней, сказалъ: Elle a très mauvaise mine, je crains qu'elle n'ait la poitrine attaquée. Вотъ единственная соперница Катеньки, да какая не опасная. *Между нами*, право, Катинька тутъ какъ царица, всѣхъ удивила, мила, ловка, ласкова, умна, танцуетъ славно, а какъ пріѣдетъ князь Григорій, дойдетъ и до пѣнья.

Вчера провезли Москвою въ Ярославль на житье князь Радзивила генералиссимуса и еще двухъ генераловъ. Они очень рады и сами говорятъ, что въ Польшѣ народъ ихъ бы теперь убилъ.

*

Москва, 24 Октября 1831.

Когда было молебствіе объ окончаніи дѣлъ Польскихъ, то Императрица наономъ надѣла то самое красное бархатное платье, шитое золотомъ, которое имѣла на себѣ, когда короновали Ея Величество въ

Варшавѣ королевою Польскою.—Сію минуту Чертковъ прислалъ сказать, что Волковъ пріѣхалъ. Я очень радъ. Бенкендорфъ мнѣ говорилъ: Que fait donc Wolkoff? Pourquoi n'est-il pas ici? Et s'il ne peut pas venir, pourquoi ne l'écrit-il pas. Je ne sais rien de lui absolument. Поѣду къ нему сію же минуту, отзавтракавши.

Волкова я не засталъ; тѣмъ лучше: стало быть здоровъ. Не заманитъ ли его Чертковъ обѣдать къ себѣ втроемъ, то-то бы хорошо. По Волковѣ занималъ мѣсто его старшій по немъ Брянчаниновъ, коего онъ не засталъ уже: Государь его и фл.-адъютанта Гогеля отправилъ въ Иркутскъ съ высочайшимъ повелѣніемъ какимъ-то. Говорятъ, что это касается до ссылочныхъ 14 Декабря; думаютъ, что участь ихъ будетъ облегчена. Другихъ вѣстей не знаю.

*

Москва, 26 Октября 1831.

И Ольга пускается на балъ. Такъ какъ она не представлялась, то скажетъ, что въ Воскресенье сдѣлалось ей дурно поутру и не могла ѣхать во дворецъ, а намѣрена она это сдѣлать въ будущее Воскресенье; развѣ можно будетъ ее представить ужо на самомъ балѣ, разумѣется, ежели угодно будетъ Императрицѣ. Такъ было, помнишь, и со мною въ Петербургѣ: на другой день нашего пріѣзда былъ балъ въ бѣлой залѣ, меня тутъ же Моденъ представилъ. Сперва зовы были ко вчерашнему вечеру и въ мундирныхъ фракахъ, но такъ какъ вчера было представленіе до обѣда, Государыня бы слишкомъ устала въ тотъ же вечеръ быть на балѣ, тѣмъ болѣе, что немного кашляетъ, то и отложенъ балъ Голицына до сего вечера и всѣмъ сказано быть въ мундирахъ. У Долгорукаго не было мундира, то сшили ему въ одни сутки Астраханскій мундиръ намѣстническій. Ольга дѣлала вчера репетицію своему туалету, и прекрасна, не смотря на пузо, которое ея не безобразитъ. Только тяжело будетъ ей тащиться на высокую лѣстницу. Поведемъ ее осторожно черезъ другую маленькую, которая покойнѣе.

Въ Суботу Государь послалъ къ Ермолову графа А. Ѳ. Орлова съ двумя эполетами. Вотъ и Ермоловъ въ службѣ опять, и онъ было садился уже въ коляску ѣхать въ деревню. Молва прочитъ его въ Варшаву для управленія царствомъ нечестивыхъ. Онъ Хрущову сказалъ, что въ арміи служить не будетъ, прибавя: Я слишкомъ отсталъ и отъ службы, и отъ товарищей. — Розенша*) проѣхала здѣсь, не нахвалится тобою. Ермоловъ былъ у нея и давалъ ей наставленія, какъ

---

*) Урожденная графиня Зубова, супруга назначеннаго главнокомандующимъ на Кавказѣ барона Г. В. Розена. Это родители матери-Митрофаніи.

лучше проѣхать, а Государь пожаловалъ ей 25 т. на подъемъ; она должна была запасаться здѣсь всѣми возможными учителями, мадамами, дядьками для дѣтей своихъ, коихъ у нея много, а въ тѣхъ мѣстахъ что̀ найдешь кромѣ горъ и разбойниковъ?

У меня есть на умѣ мысль сдѣлать брошюрку о пребываніи здѣсь Государя. Шаликова разсказы слишкомъ надуты и не что иное, какъ сухой разсказъ: вотъ тамъ былъ Государь, да здѣсь. При Московскихъ газетахъ бываютъ еще статьи Погодина, того, который былъ редакторомъ холерныхъ бюлетеней; онѣ хорошо написаны, диктованы пламеннымъ чувствомъ, которое всѣ питаютъ къ Государю и Императрицѣ, но многое ему неизвѣстно, а я имѣю случай все знать и повѣрять, будучи знакомъ со всѣми окружающими Его Величество. Я имѣю сотрудника: нѣкто Горчаковъ*), малый весьма умный и прекраснѣйшихъ правилъ. Онъ вездѣ рыскаетъ и знаетъ что дѣлается въ низшихъ классахъ и на улицахъ; станемъ работать вмѣстѣ. Мнѣ легко будетъ это выполнить, ибо безъ того веду съ 1824 года журналъ современнымъ событіямъ. Не жалѣю о томъ, который сгорѣлъ въ 1812 году, ибо онъ былъ наполненъ болѣе мною самимъ, а я не Метернихъ какой-либо и не Талейранъ. Теперь я только тѣмъ занимаюсь, что̀ всѣхъ интересовать можетъ. Бѣдный мой Рославлевъ пострадаетъ отъ этого, да нечего дѣлать; а я было принялся уже за третью часть. Пусть въ цѣлой Россіи знаютъ, какъ Государь Москву любитъ и какъ Бѣлокаменная ему предана.

*

Москва, 27 Октября 1831.

Слушай, мой милый, буду говорить объ одной Ольгѣ, чтобы не сбиваться. Она была прелестна, одѣта прекрасно, въ бѣломъ атласномъ платьѣ съ бѣлыми марабу́ на головѣ и всѣ имѣла свои и княгинины бриліанты на себѣ.

Какъ вошла она въ залу, величественный ея видъ всѣхъ поразилъ, и брюшко это даже шло къ ней. Императрица изволила одѣваться въ особенно устроенной для Ея Величества комнатѣ, Государя еще не было. Ольгѣ уступила мѣсто свое (ибо не было уже сидѣнія въ залѣ) княжна Урусова. Четверть часа послѣ, затрещалъ домъ отъ криковъ «ура» на улицѣ.—Государь! C'est l'Empereur! Пріѣхалъ Государь! повторялось во всѣхъ углахъ. Его Величество пробрался въ комнату, гдѣ была Государыня, и оба вышли въ залу. Начались Польскіе. Князь П. М. тотчасъ первый танцовалъ съ Ольгою, очень удивился и обрадовался видѣть ее на балѣ въ большомъ туалетѣ. Государь, проходя одинъ разъ мимо меня, изволилъ мнѣ особенно поклониться; въ другой

*) Не Владиміръ ли Петровичъ, пріятель Пушкина?

разъ, подошедъ ко мнѣ мимоходомъ, изволилъ сказать: Я съ тобою ссориться буду, зачѣмъ ты позволилъ Ольгѣ Александровнѣ сюда пріѣхать?—А было сильное желаніе имѣть счастіе видѣть Васъ и Императрицу.— Envie de grossesse, прибавилъ Государь смѣючись, mais si cela lui ferait du mal? Государь пошелъ далѣе. Ольга сѣла отдыхать возлѣ княгини. Начались Французскія кадрили. Я узналъ отъ нея, что послѣ князя Волконскаго брали ее танцовать Н. Н. Новосильцовъ, графъ Чернышовъ и Бенкендорфъ. Государь изволилъ все смотрѣть на танцы, и Ольга казалась унылою, что Государь не подходилъ къ ней; я ее успокоилъ словами его, мнѣ сказанными.

Кадрили кончились, начались опять Польскіе. Государь, оттанцовавъ съ класными дамами, началъ брать другихъ безъ разбора чиновъ, какъ то дѣлалъ покойный Государь. Онъ подошелъ къ Ольгѣ, взялъ ее за руку и прижалъ крѣпко. J'espère que nous sommes toujours des bons amis, comme c'était à Pétersbourg? Cette Polonaise je veux la commencer moi-même, и изволилъ въ первой парѣ проходить по всему дому, какъ бы чтобъ всѣ видѣли лучше. Обо многомъ была тутъ рѣчь. Ольга не успѣла мнѣ еще подробно разсказать, неловко говорить при столькихъ свидѣтеляхъ; но на ней было уже другое личико. Ah, papa! si je pourrais dire un mot de mon mari à l'Empereur!—Pourquoi pas? Si S. M. vous approche encore, demandez lui la permission de lui présenter Alexandre: une femme peut toujours faire cela. Въ залѣ было жарко, мы вышли въ другія комнаты просвѣжиться, потомъ идемъ опять въ залу. Встрѣтя Александра, мы сказали, чтобы онъ уже не отходилъ отъ насъ. Только-что остановились мы у дверей, идетъ Государь; увидя насъ, подошелъ къ намъ: Vous faites bien de sortir de tems en tems, il fait très chaud dans la salle, que la tête n'aille pas vous tourner.—Non, Sire! Jamais je ne me suis sentie si bien que ce soir.—Cependant c'est une petite imprudence de votre part.—Non, Sire, je n'accouche pas si tôt.—Quand croyez-vous?—Dans trois semaines environ.—Да развѣ не ошибаются часто въ счетахъ? Видя, что Государь хотѣлъ продолжать проходить въ гостиную, я осмѣлился сказать: Государь, дочь моя не смѣетъ, а хотѣла попросить В. В. о чемъ-то. Тогда Государь, возвращаясь къ Ольгѣ, сказалъ: Рады стараться, что̀ вамъ угодно? Извольте приказывать.—Позвольте, Государь, мнѣ представить Вашему Величеству моего мужа.—Какъ же, да гдѣ же онъ? Тогда Ольга подвела мужа. Государь, обращаясь къ нему и взявъ его за одну изъ пуговокъ мундира, изволилъ сказать очень милостиво: Очень радъ, гдѣ ты служилъ?—Въ Колл. Ин. Дѣлъ.—Ты былъ при миссіи гдѣ-нибудь?—Нѣтъ, В. В., я служилъ въ канцеляріи графа Нессельрода.—А теперь совершенно въ отставкѣ? Тутъ Ольга стала го-

ворить: Онъ долженъ былъ оставить службу, но только на время, чтобы устроить дѣла свои, коими ни отецъ его, ни онъ не занимались давно, а потомъ надобно будетъ служить.—Слышишь, слышишь! Надобно служить, вы даете своему мужу прекрасный совѣтъ; надобно служить.—Это мое намѣреніе, В. В., отвѣчалъ Александръ, который, спасибо, вовсе не оробѣлъ. Радость Ольги была неописанна. Comme cela fera plaisir à maman, повторяла она, que son cher Дишка à été présenté et si bien acceuilli par Sa Majesté!

Пошли мы опять въ другія комнаты освѣжиться, да не давали намъ наговориться; потому что подходили все любопытные, узнавать, что̀ Государь говорилъ намъ. A présent, papa, au nom du ciel, tâchez de parlez à la p-sse Hollitzine; je crains que l'Impératrice ne trouve mauvais que je suis au bal n'ayant pas eu le bonheur de lui être présentée.—Mais comment faire cela? Vous voyez que la p-sse ne quitte pas S. M. d'un instant; il faut attendre que l'Impératrice se mette à danser quelque chose. Au reste, si par quelque hasard l'Impératrice vous adraissait la parole, dites lui, ma chère, que hier vous vouliez déjà vous habiller pour la présantation, mais que vous vous étiez trouvée mal, que vous vous réservez ce bonheur pour Dimanche prochain et que vous lui demandez pardon d'être venue au bal. Мы заговорились такимъ образомъ втроемъ съ Александромъ, который возвращался со стуломъ для Ольги. Вдругъ раздвигается толпа, идетъ Государыня съ княгинею Татьяною Вас. Увидя Ольгу, она тотчасъ къ ней подошла и, дѣлая жесть, чтобы хлопнуть своею рукою въ ея руку, сказала: Bonjour, bonjour, je suis charmée de vous revoir en bonne santé. Quel paquêt vous avez là! Mais vous êtez toujours fort jolie, malgré cela. Ольга поклонилась и сказала: Avant tout, V. M. I., je dois m'excuser de me trouver ici.—Au contraire, puisque cela me procure le plaisir de vous voir.—Il était de mon devoir de me présenter avant à V. M. I.; mais hier je me suis trouvée mal, je dois remettre le bonheur à Dimanche prochain.—Pourquoi? Je vous en dispense volontiers, nous nous verrons sans cela; votre mari est-il ici, n'est ce pas?—Permettez, Madame, que j'aie le bonheur de vous le présenter. Государыня, обернувшись къ Александру, сказала ему очень ласково: Comme vous vous avez su lever vite ce joli domino rose; vous ne lui avez pas donné le tems de jouir un peu de sa liberté! Où avez vous fait sa connaissanse? — A Pétersbourg, отвѣчала Ольга, а я прибавилъ: à la mascarade du p-ce Wolkonsky.—Mais voyez un peu, прибавила Императрица, toujours cette mascarade, elle à fait époque. N'est-ce pas que c'était bien gai? Vous êtes bien jeunes tous les deux, vous êtez ici à demeure? Посмотрѣла на брюхо и засмѣявшись прибавила: Cela me paraît si drôle! Pauvre petite!

Le papa qui danse avec nous et vous vous êtes gravement dans un fauеuil! Ce n'était pas très prudent de venir à un bal: l'escalier est si fatiguant.—Je n'ai pas senti de fatigue du tout, papa et mon mari m'ont soutenu; d'ailleurs je ne dois accoucher que vers le 20 de mois prochain. Отходя Императрица сказала: Sans adieux donc, allez vous asseoir, cela doit vous fatiguer de rester debout. Еще хвалила Катю и спрашивала, какъ видаются, гдѣ, часто ли.

Ты поймешь восхищеніе Ольги и мужа ея, да и мое. Чѣмъ могли мы заслужить такія милости? Но это еще не конецъ. Побывъ въ залѣ во время котильона, отправились мы опять въ дальнія комнаты, на просторѣ поболтать и свѣжаго воздуха поглотать. Какъ возвращались мы въ залу, счастливая звѣзда Ольгина навела насъ на Государя. Мы, посторонясь, остановились у одного изъ большихъ зеркалъ въ гостиной. Императоръ прямо къ намъ.—А папа все дядькой! N'est-ce pas la favorite?—Non, Sire; mais dans ce moment elle a plus besoin de mes soins.—А Кат. Алекс. тамъ отличается; могу тебѣ отрепортовать, что здорова и танцуетъ съ Адлербергомъ. Я поклонился.—Вамъ хочется идти туда?—Нимало, Государь.—Votre mari a l'air très jeune, on ne lui donnerait pas plus de 18 ans.—Il en a 22, Sire.—Хорошо дѣлаете, Ольга Алекс., что настоите, чтобы онъ служилъ.—Ежели не служить такому Государю, какъ вы, такъ ужъ... Государь перебилъ, повторяя: О! О!—Нѣтъ, В. В., это не лесть, а то, что̀ всякій добрый Русскій чувствуетъ къ вамъ. Я былъ очень тронутъ. Ольга прибавила: Comme si vous ne saviez pas, Sire, quel sentiment vous inspirez à tout le monde.—Je veux inspirer l'amitié; j'espère que vous ne cesserez jamais d'en avoir pour moi. Est-ce que votre mari entrera dans le militaire? Le désire-il?—Peut être, Sire; mais il n'a pas une santé très robuste, il ne s'est pas préparé pour cette carrière, et je vous avoue, que moi je désire qu'il ne soit pas militaire et reprend sa place d'avant, et nous irons nous établir à Pétersbourg.—J'approuve cela très fort, c'est très bien; вы въ Петербургѣ найдете стараго знакомаго, указывая пальцемъ на себя. Добивался потомъ Государь, гдѣ Ольга его видѣла въ первый разъ (когда ѣздилъ онъ въ Экзерциргаузъ) гдѣ стояла ея карета. Поговоря о разныхъ предметахъ, наконецъ Государь сказалъ ей: Не тяжело ли вамъ стоять на ногахъ?—Ничего, В. В.—Скажите, ноги не пухнутъ у васъ?—Какъ Государь все это знаетъ? сказала Ольга, обернувшись ко мнѣ.—Какъ не знать, сударыня: я вотъ 15 лѣтъ живу со своею старушкою. Ольга засмѣялась и сказала: Да, хороша старушка, лучше всѣхъ насъ молодыхъ; какъ она прекрасно одѣта, какъ похорошѣла!—Это правда, что моя старушка очень поправилась послѣ родовъ.—Я: Москва предсказываетъ, что у В. И. В. будетъ еще сынъ

Михаилъ.—Дай Богъ, благодарю за желаніе; но увѣряю тебя, что нѣтъ еще ничего похожаго на это. Мнѣ показался случай благопріятнымъ. Я сказалъ Ольгѣ: Можетъ быть, ты родишь прежде чѣмъ думаешь; случай тебѣ не представится видѣть Государя и просить Его В-во о чемъ хотѣла. Ольга нѣсколько смѣшалась. Государь очень, казалось, интересовался знать, о чемъ рѣчь, и ободрялъ ее словами: Je vous ai dit que je comptais sur votre amitié, je vous prie donc d'être franche avec moi; de quoi s'agit-il?—Sire, vous avez déjà eu tant de bonté pour moi, se suis sûre que cela porterait bonheur à moi...—Ah! mon Dieu quel début, quelles phrases; voyons, de quoi s'agit-il? Dites ce que vous désirez sans préambule, лишь бы отъ меня зависѣло.—Отъ васъ, Государь.—Что̀ такое?—Удостоить меня крестить моего ребенка. Надобно было слышать радостное восклицаніе Государя; онъ, казалось, вовсе не ожидалъ просьбы сей, а то бы, я думаю, по благости своей и ласкѣ, предупредилъ бы, угадалъ бы желаніе Ольги. Онъ взялъ ея руку, нѣсколько разъ ее въ своей потрясъ и прибавилъ: *Съ величайшимъ удовольствіемъ*, благодарю васъ за эту милость, мы породнимся; только прошу поторопиться —Да развѣ скоро изволите уѣхать?—Ну не такъ скоро, но мнѣ жаль, ежели я не лично исполню желаніе ваше; благодарю за предложеніе.—Ужъ позвольте, Государь, дать ваше имя. —А почему вы знаете, что̀ вамъ Богъ дастъ; не должно загадывать заранѣе; я былъ наказанъ за это самъ, лишился одного сына (это было сказано съ грустью; видно, Императрица выкинула когда-то). — Но ежели будетъ у меня сынъ, то могу дать ему имя Николая?—Вотъ на это не согласенъ, тутъ надобно прибѣгать къ фамильнымъ именамъ: папенька Александръ. Это имя, прибавилъ Государь, съ видимымъ смущеніемъ, и въ нашей семьѣ обожаемо; ежели я что-нибудь, то обязанъ я за то покойному моему брату и нашему общему отцу императору Александру Павловичу; пусть будетъ у васъ сынъ Александръ.—А ежели дочь, то ужъ позвольте назвать Александрою.—Почему такъ?—Это имя Императрицы и похоже на Александра; оно принесетъ счастіе новорожденной, дочь моя будетъ счастлива какъ Императрица, мужъ будетъ ее любить.—Да, прервалъ Государь, мы живемъ ладно съ моею старухою.—Вы даете, отвѣчала Ольга, всѣмъ примѣръ собою, нельзя нарадоваться на васъ.—Ого! Какіе комплименты!—Нѣтъ, Государь, вы знаете сами, что это сущая правда, а не комплименты; всѣ твердятъ, что вы примѣрный мужъ.—Люблю, люблю мою старуху и дѣтей; отъ того такъ долго здѣсь и не проживу: не хочется быть съ ними въ разлукѣ. Этотъ разговоръ продолжался, конечно, минутъ 20, ежели не болѣе, въ виду всѣхъ стоявшихъ въ гостиной. Всѣ обступили спрашивать, за что̀ мы благодарили и такъ кланялись; мы сказали, что Государь крестить изволитъ у Ольги.

Предъ самымъ ужиномъ стоялъ я и разговаривалъ съ Ермоловымъ объ общемъ другѣ Закревскомъ. Государь, проходя мимо, кивнулъ мнѣ головою; я подошелъ. Онъ изволилъ руку свою просунуть въ мою и повелъ меня такъ въ залу, говоря: Я не могу никакъ привыкнуть смотрѣть на Ольгу: такъ этотъ переходъ скоръ. Какъ! Видѣть ее ребенкомъ и вдругъ послѣ полутора года встрѣтить ее брюхатою; ce sont des enfants tous les deux, et surtout lui, et nous voyons cependant que ce ne sont pas des enfants, les effets prouvent le contraire. Потомъ Государь спрашивалъ о нѣкоторыхъ дамахъ, жаловался, что жарко въ залѣ и опять пошелъ назадъ. Во время ужина изволилъ мнѣ сказать: Я надѣюсь, что дочь твоя уѣхала.—Уѣхала, В. В.—А то бы я ее прогналъ.—Она поѣхала разсказывать маменькѣ своей радости свои.—Она премиленькая, хоть кого обворожитъ; ты, братъ, счастливъ дѣтьми.—Восьми я лишился, Государь.—Ой! Ой! Какъ много! Молоды умирали?—Большая часть отъ зубовъ.

Вотъ, мой милый другъ, сущность радостнаго вчерашняго дня. Болѣе не успѣю тебѣ ничего сказать сегодня; ничего, что усталъ, такія вещи писать отрада душѣ, но пора на почту; завтра добавлю, но главное сказано. Завтра ожидаютъ Наслѣдника. Волковъ былъ въ кабинетѣ Государя *часъ съ половиною*, ужасно обласканъ. Завтра обѣдаю у него en petit comité съ Бенкендорфомъ. Сію минуту получаю письмо отъ в. к. Михаила Павловича изъ Варшавы отъ 6 (18) Октября.

*

Москва, 28 Октября 1831.

Въ Собраніи*) Государь взялъ Катеньку на Польскій уже послѣ ужина; когда со всѣми изволилъ протанцовать, сказалъ ей: A la fin je vous trouve, je vous ai gardée pour la bonne bouche. Обѣ меня утѣшаютъ своими успѣхами. Я тоже скажу, какъ ты, что Императрица, узнавъ короче душу и нравъ Катеньки, вѣрно бы ее еще болѣе полюбила. Объ Ермоловѣ не слышно еще ничего, а поговариваютъ, что онъ поѣдетъ за Государемъ въ Петербургъ. Здѣсь всѣ говорятъ, что Закревскій уже во фракѣ; но какъ тому быть, когда нѣтъ еще оффиціальнаго увольненія? Также молва, что ѣдетъ сюда и что Трехгорный домъ отапливается. Также невѣроятно, чтобы теперь сюда пріѣхалъ; а какъ руки совершенно развяжутся, такъ вѣрно обнимемъ его здѣсь; онъ же множество найдетъ здѣсь истинныхъ друзей. Вотъ каково честно и нелицемѣрно служить Государю! О немъ одинъ отзывъ: не удивительно, что онъ не дорожилъ своимъ мѣстомъ, не цѣнилъ высоко оклады. Но его въ покоѣ не оставятъ долго и пр.; ежели имѣетъ онъ недобро-

*) Т. е на балу въ Дворянскомъ Собраніи.

желателей, то это не въ публикѣ, а у своей братіи крупныхъ чиновниковъ. Человѣкъ, который не боится говорить правду своему Государю, долженъ быть видимъ косымъ глазомъ отъ тѣхъ, которые только потворятъ. Вотъ мнѣніе большинства, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ.

Очень мнѣ удивительно, что графиня Нессельроде оставила великую княгиню одну. Гдѣ же тутъ усердіе? Да и какъ рѣшилась она возвращаться на купеческомъ суднѣ? Всѣмъ извѣстно, что̀ такое Балтійское море и въ хорошую погоду. Того и гляди, что Гагаринъ, который поѣхалъ болѣе для нея*), нежели для великой княгини, что и тотъ также воротится; съ кѣмъ же останется тогда ея высочество? Съ одною фрейлиною.

Александръ сказывалъ мнѣ вчера, что сегодня долженъ прибыть Наслѣдникъ. Очень буду радъ видѣть Жуковскаго, который вѣрно съ его высочествомъ ѣдетъ. А у насъ Тургеневъ занемогъ вдругъ; на балѣ у Голицына не нравилась мнѣ уже его рожа, говорилъ безпрестанно, у него былъ жаръ, кажется; ночь очень дурно провелъ, послалъ за докторомъ, труся до сихъ поръ холеры, коей и имя мы уже забыли. Къ вечеру было ему лучше; послалъ теперь узнать, а ѣдучи обѣдать къ Волкову, заѣду къ нему самъ. Сегодня обѣдаетъ у Волкова Бенкендорфъ en petit comité. Я писалъ тебѣ, что Волковъ былъ часа полтора у Государя въ кабинетѣ; очень много было рѣчи о Москвѣ и Варшавѣ, распрашивалъ Государь о здоровьѣ, прибавя: Я слышать не хочу объ отставкѣ твоей, ты мнѣ слишкомъ нуженъ, и я тебѣ развязываю руки на счетъ службы; устрой это какъ хочешь и какъ тебѣ надобно для твоего покоя и здоровья, я одобряю заранѣе все; но продолжай служить. Я пришлю тебѣ моего Аренда, онъ человѣкъ искусный, я препоручу тебя ему особенно. Государь говорилъ съ большимъ жаромъ на счетъ неблагодарности и вѣроломства Поляковъ. Всѣ вообще оттуда пріѣзжающіе весьма дурно отзываются о Полякахъ и что нельзя надивиться на этихъ мерзавцевъ. И великій князь въ письмѣ своемъ говоритъ мнѣ между прочимъ: Les derniers événemens nous rameneront probablement le repos et la tranquillité, en domptant cette noire et perfide rebellion.

*

Москва, 29 Октября 1831.

Вчера былъ не только славный, но самый пріятный обѣдъ у Волкова. Насъ очень мало было: кромѣ Бенкендорфа, Озеровъ, Бологовской, Баратовъ, Софьи Александровны двѣ сестры, Корсакова съ дочерью, да домашніе. J'ai un peu tardé, сказалъ Бенкендорфъ, car dans ce moment vient d'arriver l'Héritier. Je ne sais comment le peuple ap-

*) Т. е. для графини Нессельроде. Какой это Гагаринъ, не знаемъ.

prend tout ici, mais le Kreml est déjà couvert d'une immense quantité de monde. Алекс. Христоф. спрашивалъ о тебѣ и велѣлъ тебѣ кланяться, много говорилъ объ Ольгѣ и Катѣ, называя ихъ les plus beaux diamants en fait de dames et demoiselles. Въ ту минуту принесли записку отъ Ольги; я не могъ ее прочитать, не имѣя очковъ съ собою. S'il n'y a pas de secret, permettez que je vous lise, сказалъ Бенкендорфъ, прочиталъ; она просила ѣхать съ Катенькой на вечеръ къ Пашковымъ, гдѣ танцуютъ; я сказалъ, что далеко очень*), не хочется. Vous êtes bien méchant de refuser quelque chose à de filles comme cela; je vous demande de le faire pour moi, je vous en prie, et dites à la belle p-sse Olga que j'ai été son avocat. Александра Ивановна Пашкова была вчера дежурная фрейлина, ѣздила съ Императрицею во Французскій театръ; Государь ей сказывалъ, что поутру, возвращаясь съ Императрицею изъ Вдовьяго Дома, видѣлъ на бульварѣ Ольгу, гуляющую съ мужемъ пѣшкомъ, и прибавилъ: Elle avait l'air de marcher plutôt par régime que par goût, car le temps n'était pas merveilleux, il fesait un peu froid. Завтра очередь Катеньки дежурить. И Ольга ѣздила съ нами къ Пашковымъ вчера; всѣ ее тамъ поздравляли съ милостями Ихъ Величествъ и распрашивали, что̀ Государь и Императрица изволили говорить ей. Вчера Катенька была особенно прелестна, всѣ это въ одинъ голосъ твердили, tous les hommages étaient pour elle, и Адлербергъ мнѣ сказалъ: certes, m-r B., votre fille est la plus jolie personne que nous ayons à la cour. На ней было бѣлое мериносовое платье, шитое шелками красными и зелеными, которое ты вѣрно помнишь или Марица; это одно изъ тѣхъ, которое привезъ я женѣ еще изъ Парижа, но въ 1819 году была мода, а теперь другая, умудрились передѣлать, жена много носила и теперь еще хорошо; на головѣ были бѣлыя бусы Петербургскія твоего подаренія. Правду сказать, прелестна была! Молодой Давыдовъ отъ нея не отходилъ. Многіе начали уже говорить: vous verrez que Davidoff épousera m-lle Catherine. Comment cela serait-il, puisque on dit qu'il est déjà fiancé de la jeune princesse Bariatinsky, и точно весь городъ наполненъ этимъ слухомъ.—Лазареву сослали жить въ деревню по приказанію отца ея, а другіе говорятъ, что мать хочетъ скрыть беременность ея: не разберешь ихъ. Сказываютъ также, что будто Брусилову сказано искать другое мѣсто. Я что-то не вѣрю этому.

Мнѣ самовидецъ разсказывалъ, что Государь съ Императрицею и Наслѣдникомъ подошли къ угольному зеркальному окну; народъ, увидя ихъ, закричалъ ура! Всѣ трое кланялись народу, коего восторгъ

*) Пашковы жили въ своемъ огромномъ домѣ на Чистыхъ прудахъ за Почтамтомъ (нынѣ Инженернаго вѣдомства).

еще умножился, и все что̀ тутъ ни было, все закричало ура! когда Императрица, шутя, стала Цасаревича бить въ шею, нагибая голову и какъ будто говоря сыну: кланяйся ниже гостямъ, кои на площади. Цесаревичъ еще въ дорожномъ экипажѣ заѣхалъ къ Иверской приложиться.

На балѣ у князя Голицына всѣ замѣтили, что Государь надѣлъ на себя пряжку безпорочной службы за XV лѣтъ; я часто имѣлъ счастіе говорить съ Его Величествомъ, да не примѣтилъ.—Вотъ письмо отъ Тургенева къ Пушкину, замѣть надпись. Ужъ какой верченый!

*

Москва, 30 Октября 1831.

Вчера большой театръ былъ биткомъ набитъ. Долгорукій съ трудомъ нашелъ двое креселъ для насъ и то въ 9 ряду; немного поздно взялся. Государь, Императрица и Наслѣдникъ изволили быть въ боковой ложѣ, а большая была наполнена фрейлинами, дежурными генералъ-и флиг.-адъютантами. Тутъ видѣлъ я, но издали, нашего шефа, оберъ-камергера Головкина и Жуковскаго. Давали балетъ Большой Венеціанскій Карнавалъ, декораціи были хороши, и все это стоило дирекціи 15 т. р.; но два-три такихъ сбора, какъ вчера, такъ заплатятся всѣ издержки. Радовался я жадности, съ коею всѣ лица обращались на императорскую ложу даже во время представленія, а въ антрактахъ любо было смотрѣть: всѣ безъ изъятія, точно какъ будто окаменѣли лицами къ Ихъ Величествамъ, и Государь часто высовывался, стоя рядомъ съ Цесаревичемъ. Къ концу балета мы оба съ Долгорукимъ перепугались; вѣрно пожаръ, сказалъ онъ мнѣ: вдругъ зашумѣли кресла, кои не прикованы къ полу; всѣ начали вставать и бѣжать вонъ, наступая на ноги немилосердно; что̀ же вышло? Увидѣли, что Государь уѣзжаетъ, то всѣ бросились вонъ, чтобы видѣть Ихъ Величества на лѣстницѣ. Вдругъ всѣ ложи лѣвой стороны опустѣли, какъ бы нѣкіимъ волшебствомъ; дамы выбѣжали и стали въ коридорѣ въ двѣ шеренги, ожидая прохода. Сколько могъ я видѣть издали, мнѣ кажется, что Цесаревичъ выросъ и похожъ очень, особенно профилемъ, на покойнаго Государя. Въ первой пьесѣ, кажется «Первая Любовь», Живокини, актеръ, игравшій роль фата и вертопраха, такъ славно имитовалъ костюмъ, очки, бакенбарды, усы, жилетъ и всѣ ухватки, что публика узнала тотчасъ въ немъ графа Самойлова. Увѣряютъ, что этотъ хочетъ поколотить актера; ибо, какъ разсказываютъ, сходство сіе поразило самого Государя. Не думаю, чтобы Самойловъ сдѣлалъ это: немного бы доказалъ ума. Развѣ съ тѣмъ одѣвается онъ такъ или иначе, чтобы никто не смѣлъ у него перенимать; а ежели утрируетъ костюмъ, то тѣмъ хуже для него.

*

Москва, 31 Октября 1831.

Мы собирались вчера такъ пріятно, лестно провести вечеръ; но онъ былъ отмѣненъ за извѣстіемъ, привезеннымъ фл.-адъютантомъ княземъ Урусовымъ, о княгинѣ Ловичевой. Я ѣздилъ поутру кой-куда въ Кремль, зашелъ къ князю П. М., отъ него узналъ, что Императрица не будетъ принимать и что, вѣроятно, прибудетъ скоро другой курьеръ съ извѣстіемъ о ея кончинѣ. Сказывалъ я ему твой поклонъ и жаловался на невоздержность княгини Ал. Ник. Волконской. Князь П. М. здоровъ теперь и звалъ съ собою взглянуть на выставку; но я не могъ, ибо Долгорукій ждалъ меня въ каретѣ. Видѣлъ я у князя об.-камерг. Головкина, который очень меня обласкалъ, а я отъ него и пріѣхалъ, не заставъ его дома. Настоящій дипломатъ, посольскихъ привычекъ не потерялъ, славно представляетъ. Онъ въ восхищеніи отъ Москвы. На лѣстницѣ встрѣтилъ я Цесаревича, очень выросъ, во всей формѣ, въ трехугольной шляпѣ и мундирѣ. Прекрасный отрокъ. Мнѣ кажется, что нашъ Пашка очень на него похожъ лицомъ. Сегодня Катенька дежурная, ей прійдется сопровождать Императрицу на выставку.

*

Москва, 2 Ноября 1831.

Въ Суботу Государь былъ въ Университетскомъ Пансіонѣ и остался очень доволенъ противъ послѣдняго разу; спросилъ о Булгаковѣ. Вызвали Костю, онъ подошелъ и сказалъ смѣло: здравія желаю, В. И. В.! — Здравствуй! Ты выросъ, а помнишь ли ты, какъ мы рѣзвились въ Царскомъ Селѣ?—Какъ не помнить, В. И. В.; очень помню.— Скажи по правдѣ, кто болѣе тогда шалилъ, ты или я?—Да не знаю, В. И. В., какъ бы вамъ отвѣчать.—Voilà de la franchise, отвѣчалъ Государь. J'aime cela; вообще я замѣчаю въ воспитанникахъ свободное, смѣлое обхожденіе, они развязнѣе, не смотрятъ исподлобья.... Ну, дѣти, бѣгите въ залу!.. И всѣ пустились бѣжать. Государь обходилъ весь домъ, а какъ въ залу воротился, то дѣти, вдругъ, не сговариваясь, закричали ура. Государю было это пріятно. Велѣно имъ было тутъ остаться, но ничто не могло ихъ удержать, и всѣ кинулись провожать Государя до крыльца. Государь съ очень довольнымъ лицомъ сказалъ: я васъ еще увижу. Какъ сталъ садиться въ коляску, такъ тутъ собравшійся на улицѣ народъ началъ кричать ура, на смѣну школьникамъ. Костя въ восхищеніи, ибо онъ одинъ удостоился разговора съ Государемъ. Князь Серг. Мих. сказалъ Государю о Костѣ: миленькій мальчикъ. Государь изволилъ отвѣчать: ловокъ и уменъ, только куда былъ тогда рѣзовъ! Велѣно для балу, что̀ будетъ у князя Серг. Мих., выбрать шесть воспитанниковъ, и Костя одинъ изъ шести, котораго

позовутъ на этотъ балъ. Въ вечеру Катенька была дежурная; ей велѣно явиться въ 9 часовъ во дворецъ, гдѣ была крошечная вечеринка. Были кромѣ Ихъ Величествъ и Наслѣдника фрейлина Урусова, Щербатова, дежурная, и наша княгиня Юсупова съ мужемъ, гр. Орловъ, гр. Головкинъ, фл.-адъютантъ Монроэ, Лобановъ, Урусовъ и маленькіе пажи его высочества. Катя пріѣхала, не было никого; выходитъ Цесаревичъ одинъ, подошелъ къ Катѣ.—Вамъ одной, я думаю, скучно.—Ежели бы и было скучно, отвѣчала Катя, то я за то вознаграждена теперь. Цесаревичъ благодарилъ и началъ расспрашивать про Москву. Скоро вышла Императрица. Je voulais, сказала она, vous recommander mon fils; mais il paraît que la connaissance est toute faite déjà; vous êtes venue de bonne heure, ma chère.—J'ai mieux aimé venir la première que de tarder. —C'est très bien, il faut être exacte à son devoir et au service; потомъ говорила все о сынѣ и о Москвѣ, спрашивала объ Ольгѣ и наконецъ прибавила: Je m'en vais amener l'Empereur, il est dans son cabinet, il est temps de commencer notre petite soirée et d'amuser mon nouveau débarqué; nous serons presque seuls. Скоро вышелъ Государь, спрашивалъ объ Ольгѣ и Костѣ, о посѣщеніи пансіона. Потомъ начались игры. Катя говоритъ, что не помнитъ, чтобы когда-нибудь такъ веселилась; играли въ «живъ-курилка», въ «мышку и кошку», въ жгуты даже. Катя дала жгутъ Императрицѣ; она начала бить Государя, который былъ ея сосѣдомъ, а Государь остановился и, принимая побои, сказалъ серьезно очень: господа, вы всѣ свидѣтели, какая у меня жена; она меня бьетъ безъ милосердія, могу ли я жить съ нею? Всѣ такъ и хохотали, а Государыня и смѣялась и била со всей мочи. Много дѣлали фарсовъ съ Юсуповымъ. Головкинъ былъ очень любезенъ. Вышелъ его фантъ быть оракуломъ, покрыли его шалью, и онъ очень смѣшилъ всѣхъ, трогавшихъ его. Когда дошло до Государя, то Его Величество тронулъ ему пальцемъ носъ. Головкинъ сказалъ: O, pour celui-là, il sera toute sa vie mené par le nez. Невольно всѣ захохотали, а Государь сказалъ: Mais cela n'est pas à supporter; on me rosse, on me dit que je serai mené par le nez.—Oui, monsieur, прибавила Императрица, et par moi. Катенька цѣлое утро намъ все разсказывала, что̀ происходило и какая была тамъ свобода и веселіе. Государя давно не видали столь веселымъ, какъ въ этотъ вечеръ. Катѣ досталось faire l'aumone съ Орловымъ, т. е. все, что̀ ей дадутъ, передавать. Императрица дала ей плюшку; надобно было передать это Орлову. Она было тихонько это исполнила. Но Государь сказалъ; je proteste, ma femme a frappé plus fort. Но бѣда была, какъ кн. Урусова поцѣловала Катю, та стала втупикъ, Орловъ поцѣловалъ у нея руку, тогда и она отдала свой поцѣлуй. Фанты вынималъ князь П. Мих.; но это дѣлалось съ малень-

кими tricheries. Жаль, что нельзя тебѣ подробно разсказать, но не стало бы бумаги. Во весь этотъ вечеръ Ихъ Величества чрезвычайно ласкали Катю, которая въ совершенномъ восхищеніи, да и есть отъ чего.

Жуковскій сказалъ мнѣ вчера ужаснѣйшую вѣсть, что Каподистрія Греками убитъ. Экіе изверги! Но Государь еще надѣялся, что это неправда. Дай Богъ! Меня сразило это извѣстіе. Дашковъ пріѣхалъ вчера.

*

Москва, 3 Ноября 1831.

О Ермоловѣ не слышно еще ничего. Ужъ вѣрно не для того приняли его въ службу опять, чтобы только числиться по арміи: такой человѣкъ долго празднымъ оставленъ не будетъ, а много говорятъ о Варшавѣ. Да его куда хочешь! Я помню, что Каподистрія желалъ его видѣть посломъ въ Царьградѣ. Не выходитъ у меня изъ головы Каподистрія.

Сегодня Тургеневъ дежурный въ Собраніи по камергерству. Я боюсь, что онъ будетъ путать, шаль Императрицы или хвосты потеряетъ, никого не отыщетъ. Я, бывъ у него, не засталъ; писалъ ему, чтобы заѣхалъ ко мнѣ, чтобы дать ему записку особъ, кои удостоиваются танцовать Польскіе съ Императрицею. Она часто изволитъ спрашивать: de qui est le tour? Или: me reste-t-il encore avec quelqu'un à danser? Не могу его добиться: все у своей Бухариной или у Солданшей. Чудакъ! Смѣется надъ другими, философствуетъ, либеральничаетъ, а между тѣмъ ѣздилъ хлопотать, чтобы нарядили его на дежурство. Вотъ такъ-то все дѣлается на свѣтѣ. Онъ куры строитъ и Катенькѣ, и вздумалъ ревновать ее, къ кому же? Къ Долгорукому. Умора! Они сговорились его бѣсить. Намедни онъ сталъ прощаться у Пашковыхъ ѣхать домой, Катенька удерживала его и сказала при Тургеневѣ: si vous partez, mon cher, je demanderai à papa de partir aussi. Право не хорошо, сказалъ Тургеневъ; я принужденъ буду сказать это маменькѣ вашей. Катенька ну хохотать, а онъ сердиться серьезно. Состарился онъ тѣломъ, и порядочно, но такой же вѣтренный, легковѣрный.

*

Москва, 4 Ноября 1831.

Вчерашнее собраніе было очень, даже слишкомъ многолюдно. Жара была нестерпимая, всѣ кидались туда, гдѣ были Ихъ Величества, и Цесаревичъ, коего впервыя видитъ публика, возбуждалъ особенно любопытство и радость всѣхъ. На всѣхъ лицахъ, смотрѣвшихъ ему прямо въ глаза, изображался восторгъ; дамы какъ бы невольно кричали вездѣ, гдѣ онъ проходилъ, и громко: Ахъ ты ангелъ Божій! Кра-

савецъ! Онъ часто прогуливался по коридорамъ, кои вокругъ залы, ибо тамъ было свѣжѣе; тутъ все сидѣли купцы, съ коими онъ всякій разъ переклапивался. Случился возлѣ меня Похвисневъ, когда Мердеръ ко мнѣ подошелъ, желая, чтобы я показалъ е. в. залу, гдѣ ужинаютъ. Я представилъ ему Николая Ивановича *), и Мердеръ очень его обласкалъ. Хвалилъ его сынка, говоря: дай Богъ всякому отцу имѣть такого сына; онъ готовитъ вамъ большія утѣшенія. Была работа старшинамъ отгонять всѣхъ и расширять кругъ, гдѣ танцовали; но надобно было всякую минуту возобновлять штурмъ этотъ; иные слушаются, но другіе, особенно дамы, ругаются и не слушаютъ, чему и самъ Государь былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ. Кромѣ Польскихъ Императрица и Наслѣдникъ танцовали только Французскую кадриль. Его высочество уѣхалъ въ 11 часовъ. Былъ приготовленъ ужинъ, къ коему приглашены были по высочайшей волѣ княгиня Голицына, Мухановы, онъ и она, графиня Зубова, фрейлины Моденъ и Урусова, княгиня Барятинская, князь П. М., князь Дм. Вл., графъ Толстой, Чернышовъ, Бенкендорфъ, князь Серг. Мих., князь Серг. Ив. Гагаринъ, графъ Головкинъ и Обольяниновъ; но Государь съ Императрицею изволили уѣхать до ужина вдругъ. Ея Величество нѣсколько разъ говорила: on ne peut pas respirer! Государь былъ въ мундирѣ полка графа Палена (кажется Сумскій гусарскій), а Наслѣдникъ въ казацкомъ. Преждевременный отъѣздъ Ихъ Величествъ лишилъ Писарева, Сталя и меня счастія танцовать съ Ея Величествомъ; прочіе старшины танцовали. Послѣ Государя и всѣ вдругъ уѣхали, кромѣ тѣхъ, кои ужинали. Не знаю, по какому праву П. П. Гагаринъ посадилъ свою семью, родственниковъ, Щербатовыхъ и пр. за столъ, который былъ приготовленъ для Ея Величества. За ужинъ всѣ платятъ; теперь вопросъ, платили ли дамы сіи за царскій ужинъ? Вѣроятно нѣтъ; такъ почему же онѣ ѣли даромъ, а другія нѣтъ? У князя Вл. Голицына была большая схватка по этому случаю; меня не было уже тутъ. Вообще Гагаринъ очень умничаетъ. Мы всѣ условились быть въ бѣломъ, а онъ одинъ пріѣхалъ въ черныхъ штанахъ и чулкахъ. Что это за трауръ, когда дѣло идетъ о балѣ для царской фамиліи! Когда были мы у Наслѣдника для зова, Гагаринъ сунулся впередъ и заговорилъ именемъ всѣхъ насъ, тогда какъ кн. Урусовъ, Волковъ старѣе его. Ему былъ однакоже носъ. Въ то собраніе жена его не была приглашена, сама сѣла за императрицынъ столъ, по какому праву? Были тутъ и другія жены старшинъ и сенаторши. За то въ спискѣ вчерашнемъ не была она помѣщена; но Польки всѣ дерзки.—Я читалъ въ Journal des débats трогательное пись-

*) Т. е. Похвиснева.

мо Eynard о Каподистріи. Кому не скажешь, всѣ съ ужасомъ слышать вѣсть эту. Вотъ мученикъ и праведный! Изверги узнаютъ поздно, кого они лишились. Чего не посвятилъ онъ отечеству своему? Состояніе цѣлое, здоровье, покой! Вотъ благодарность за то, что онъ пилъ столько лѣтъ горькую чашу для неблагодарной Грецiи. Она не заслуживаетъ независимости и свободы. Охолодѣетъ участіе къ Грекамъ всѣхъ добрыхъ людей и правительствъ. Турки будутъ торжествовать. У насъ въ семьѣ такое уныніе, что я не могу тебѣ описать. Кому бы жить, ежели не сему умному, добродѣтельному человѣку?

*

Москва, 5 Ноября 1831.

Вчерашнія tableaux не всѣ удались. Прошлаго года все это было лучше и великолѣпнѣе; всѣ вспоминали о нашемъ Русскомъ табло, въ коемъ было болѣе 20 фигуръ, а Катенька и Ольга прелестны въ сарафанахъ. Княгиня Тат. Вас. совѣстилась насъ просить, а мы бы устроили какъ-нибудь, ибо костюмы существуютъ. Всѣхъ табло̀ было шесть, два большихъ въ серединѣ, да четыре боковыхъ; молодая Дадьянова, урожденная Мосолова, была прелестна Сибиллою, одѣта славно и освѣщена очень хорошо. Князь П. Мих. очень зарился на нее. Я сказалъ ему, что глупа; но онъ говоритъ, что tant mieux, а то нехорошо, что мужъ ревнивъ; а по моему это-то tant mieux. Есть-ли что̀ ревнивѣе Сициліанцевъ, а всѣ съ рогами. Послѣ tableaux была музыка, пѣла Окулова дуэтъ Меркаданте съ кн. Григоріемъ, роль Tyrolienne, что̀ ты любишь, потомъ ma dovè? Виттъ игралъ на арфѣ, пѣла Бартенева щегольски варіаціи, сдѣланныя на Русскую пѣснь Геништою для Зонтагши и послѣ Соловья; играла также Озерова варіаціи Гумеля на фортепіано, послѣ чего ужинали. Государь не садился и ходилъ около столовъ, два раза подходилъ къ Катенькѣ, изволилъ подходить ко мнѣ, спросилъ: comment va la future maman?—Bien, Sire, pour la santé, mais elle est chagrinée et a beaucop pleuré.—Что̀ сдѣлалось? спросилъ Государь съ видимымъ участіемъ на лицѣ.—Смерть Каподистріи очень ее поразила.—Да, это большая потеря вообще; онъ былъ друженъ съ твоимъ братомъ?—И насъ всѣхъ очень любилъ, Ольгу особенно и называлъ ее всегда невѣстою, и въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ намъ называетъ ее такъ.—Онъ нѣсколько самъ виноватъ, прибавилъ Государь; его предостерегали, что есть покушеніе на его жизнь. — Любовь къ отечеству и чистая душа заставляли его всѣмъ пренебрегать. Онъ отечеству своему всѣмъ пожертвовалъ...—Хорошо и отечество ихъ, прибавилъ Государь; иначе называть нельзя, какъ разбойниками... Не замѣнить имъ его... Потомъ, перемѣня разговоръ, въ продолженіе коего видно было участіе Его Величества къ покойному гра-

фу, Государь прибавилъ: Прошу кланяться Ольгѣ и сказать ей, что я готовъ. Она мало выѣзжаетъ?—Нѣтъ, Государь, почти всякій день; мы полагаемъ, что она родитъ около 20-го числа. Она собирается на балъ къ княгинѣ Барятинской послѣ завтра.—Ого! Хорошо ли дѣлаетъ? —Ежели Вашему Величеству не угодно, она останется дома.—Нѣтъ, я запрещать не смѣю, это вамъ надобно уже рѣшить; я желаю ее видѣть, но не желаю (ни ты, я думаю), чтобы родила она на балѣ. Кланяйся ей отъ меня, сказалъ Государь, подойдя къ столу Императрицы.

Скоро послѣ того Государь потихоньку и уѣхалъ, а Императрица тотчасъ послѣ ужина. Всѣхъ было на балѣ 760 человѣкъ. Князь П. М. хотѣлось, чтобы потанцовали, чтобы пройти, видно, Польскій съ Дадьяновою; но не было времени уже.

*

Москва, 6 Ноября 1831.

Я обѣдалъ вчера у Хрущовыхъ съ Ермоловымъ, который очень былъ любезенъ. Рѣчь была о гр. Мамоновѣ нашемъ, т. е. твоемъ. Отчего, спросилъ докторъ одинъ тутъ бывшій, не женятъ его? Это могло бы сдѣлать кризисъ въ сумасшедшемъ. А Ермоловъ очень серіозно прибавилъ: А конечно надобно бы попробовать! Сколько есть мужей, которые отъ женъ сходятъ съ ума, а этому... кто знаетъ? жена возвратила бы, можетъ, разсудокъ.

*

Москва, 7 Ноября 1831.

Вчера была актъ въ пансіонѣ Костиномъ. Онъ славно сказалъ свое стихотвореніе «Дунай», громко, внятно и съ чувствомъ; называя Государя, обратился къ портрету Его Величества, за каѳедрою висящему. Князь Серг. Мих., Дмитріевъ и всѣ тутъ бывшіе его похвалили, а князь Ливенъ вручилъ ему книгу съ надписью, въ награду ему назначенную. Жаль, что Наслѣдникъ не удостоилъ пріѣхать. Былъ тутъ Жуковскій и сказывалъ, что за баломъ Барятинской[1]) нельзя было этого устроить.

Оттуда поѣхалъ я взять Катеньку, показаться заѣхали къ Ольгѣ, взяли мужа ея и пустились на балъ. Передъ домомъ было ужаснѣйшее освѣщеніе, щитъ въ шкаликахъ. Въ 9 часовъ прибыли Ихъ Величества и Цесаревичъ. Императрица удостоила меня танцовать Французскій кадриль. Между танцами спрашивала объ Ольгѣ. Я сказалъ, что наканунѣ была на балѣ у Киндяковыхъ[2]).—Cela est-il bien sage?—

---

[1]) Вдова князя Ивана Ивановича и мать фельдмаршала нашихъ дней, князя Александра Ивановича.

[2]) На Большой Дмитровкѣ; это нынѣ домъ графа Г. И. Ностица, бабка котораго (супруга А. Н. Раевскаго) была Киндякова.

Mais on lui ordonne de sortir tous les jours; elle ne doit accoucher, Madame, que dans une dizaine de jours.—Puisque elle peut sortir, amenez la chez moi demain à midi, je serai charmée de la voir. Я поклонился.

Покуда ужинали сначала, я съ Вѣрочкою Волковою перемигивался: она была на хорахъ. Государь спросилъ: На кого ты это смотришь въ верху?—На дочь свою крестную, Волкову. — Какая это Волкова?—Дочь А. А. Волкова.—Да я ее видѣлъ здѣсь внизу. — Это фрейлина Варвара, а это сестра ея Вѣрочка. — Которая это? (я сказалъ). Elle a l'air gentil.—Elle l'est en effet, Sire. Elle a eu deux fois la choléra et a déployé à cette occasion un très grand caractère. Извольте распрашивать, и я разскажу нѣкоторыя подробности.—Ты не ужинаешь?—Сегодня не садился, В. В.—А гдѣ сегодня дочь твоя? (Я сказалъ).

Недалеко отъ насъ стоялъ Долгорукій. Государь подошелъ къ нему и спрашивалъ о женѣ, а Лобановъ подошелъ ко мнѣ и на ухо мнѣ сказалъ: Посмотри, коли не забрѣютъ лобъ твоему сынку. Въ залѣ, чтò подлѣ ужина, Орловъ разговаривалъ о всякой всячинѣ, началъ исчислять, чтò онъ обколесилъ въ послѣдніе эти два года. Когда онъ упомянулъ о поселеніяхъ, и я спросилъ, чѣмъ онъ все тамъ усмирилъ, кроткими мѣрами или строгостью, то онъ сѣлъ, посадилъ меня возлѣ себя и началъ разсказывать. Скоро послѣ вышелъ Государь и прямо пошелъ на насъ.

— А Ольга Алекс. также была вчера на балѣ?—Была, В. В.—Однакожъ не *вальсировала?*—И Польскихъ не танцовала, рано уѣхала.—Хорошо сдѣлала, ей надобно беречься. On ne peut pas répondre de quelque accident. Но не труситъ?—Никакъ нѣтъ, а только нетерпѣніе великое: желаетъ родить, покуда В. И. В. здѣсь.—Ну, это не отъ нея и не отъ насъ съ тобою зависитъ, прибавилъ Государь, смѣючись; а я готовъ когда угодно. Домъ гдѣ ты живешь твой? — Никакъ нѣтъ, В. В., я нанимаю.—А своего нѣтъ въ Москвѣ?—Есть, В. В., но далеко, въ Нѣмецкой Слободѣ.—Какими это судьбами? Это тамъ, гдѣ кадетскій корпусъ?—Точно такъ. Домъ принадлежалъ еще дѣдушкѣ, и достопамятенъ тѣмъ, что Петръ Великій бывалъ въ немъ.—Какъ это?—Домъ принадлежалъ заводчику Миллеру, и извѣстно, что Императоръ ѣздилъ туда и самъ работалъ, ковалъ желѣзо.—Это замѣчательно. Я видѣлъ домъ новаго Московскаго помѣщика, брата Мих. Павл. Тутъ былъ разговоръ о домѣ, о покойномъ Головкинѣ. Я сказалъ, что имѣлъ счастіе получить письмо отъ Вел. Князя, но что старое. Смѣю спросить, можемъ ли имѣть надежду, видѣть Его Выс-во здѣсь?—Я разрѣшилъ брату быть сюда, но не знаю, на что онъ рѣшится. Вел. Кня-

гиня осталась одна, графиня Нессельроде возвратилась въ Петербургъ. Можетъ быть, онъ и рѣшится быть сюда.—Какая бы радость для Москвы, ежели бы Е. В. поспѣлъ сюда къ Воскресенью. Москва его такъ любитъ.—Ну да и онъ ее какъ любитъ за то!—Можно бы, Государь, пріѣхать сюда, хотя на короткое время, а тамъ ѣхать въ Англію.—Можетъ быть, такъ и сдѣлаетъ, я пріѣздъ его сюда разрѣшилъ. Ты часто къ нему пишешь?—Во время нашей холеры писалъ часто, В. В., а теперь Его Выс-ву не до писемъ моихъ; но я долгомъ счелъ поздравить Е. В. со взятіемъ Варшавы. Государь что-то хотѣлъ сказать, но стулья зашумѣли, стали вставать отъ ужина, и музыка заиграла Польскій. Послѣ ужина былъ котильонъ. Государыня изволила меня выбрать одинъ разъ вальсировать съ нею и похвалила, что ловко вальсирую. Она была прелестно одѣта и богато, и щеголевато; всѣ это замѣтили.

Съ какимъ удовольствіемъ читали мы въ семьѣ письмо твое отъ 2-го. Мы видѣли радость твою отъ бала князя Голицына; никогда не сомнѣвались въ томъ, но все весело, отрадно читать подтвержденіе твоей руки. Уже подлинно милости Государя безчисленны, и мы умѣемъ и чувствовать и цѣнить. Ольга тронута; и она и княгиня поплакали, слушая, что̀ ты пишешь. Sûrement, сказала княгиня Е. А., je dois remercier le Ciel de choix excellent que mon fils a fait. Sa femme ne lui laisse rien à désirer. Совѣтъ твой очень дружескій и основательный. Конечно, не должно разсказывать всякому; всѣ и безъ того видятъ сами обхожденіе Ихъ Величествъ съ нами, слышатъ ихъ рѣчи; такъ пусть они, а не мы болтаемъ, а чего не знаютъ, такъ и знать не для чего, а говоримъ только, что ласкаютъ и осыпаютъ насъ милостями, что̀ и правда.

*

Москва, 8 Ноября 1831.

О чемъ не было рѣчи! О Москвѣ, о маскарадѣ, о Наташѣ, тебѣ, Пашкѣ даже, о родахъ, крестинахъ, о Катѣ. Все это тебѣ опишу подробно. Мы пріѣхали въ такомъ восхищеніи, что долго не могли съ мыслями собраться, чтобы пересказать Наташѣ, а Ольга поѣхала домой радовать свою маму и мужа. Жаль, что оставляю тебя въ нетерпѣніи, да какъ быть! Надобно будетъ часа два или три писать, а не хочется забыть ни одного слова этой незабвенной для насъ аудіенціи. Que de grands yeux on a fait au palais, car dans les autres chambres il y avait une 50-ne de personnes. Государыня вышла въ гостиную, гдѣ были Наслѣдникъ, Мердеръ, два пажика и княжна Урусова. Ея Величество взяла Ольгу за руку, повела въ другую угольную комнату; я остановился у порога. Она изволила идти далѣе въ свой кабинетъ, го-

воря: allons chez moi, и посадила сперва Ольгу, а тамъ меня. A demain la distinta relazione. Завтра балъ во дворцѣ и большой зовъ. Благодарю Бога, что я здоровъ; отъ сильнаго движенія насморкъ мой прошелъ.

Какъ было приказано, мы явились съ Ольгою къ двѣнадцати часамъ во дворецъ. Въ первой залѣ нашли мы множество людей, князя Дм. Вл., Бенкендорфа, Орлова, князя С. И. Гагарина, много фл.-адъютантовъ и другихъ придворныхъ. Лобановъ посадилъ Ольгу, доложили объ насъ. Скоро вышелъ камердинеръ и ввелъ насъ въ гостиную. Тутъ нашли мы Наслѣдника, игравшаго со своими пажами, Велеурскимъ и Паткулемъ, Мердера и княжну Урусову. Я представилъ Ольгу Его Выс-ву. Только было вступили они въ разговоръ, вышла Императрица, взяла Ольгу за руку и повела ее въ другую комнату. Я остановился у порога. Государыня послѣ первыхъ привѣтствій поклонилась мнѣ и сказала: Passons dans mon cabinet. Тутъ сама изволила сѣсть и посадила Ольгу противъ себя; поговоря нѣсколько, и мнѣ сказала: Asseyez vous donc, je vous prie. Vous devez être tout fier, car on m'a annoncé la princesse Dolgorouky avec son mari. Est-ce que papa vous a dit comme nous avons dansé hier.—Oui, V. M., le bal a été charmant.—Il y a eu de belles toilettes. Votre soeur était fort jolie.—Je sais cela.—Elle est très charmante, car elle ne dépend pas comme les autres dames de son perruquier. Elle est mise toujours avec beaucoup de goût. C'est une chose terrible, on ne sait plus que mettre pour varier.—Я: Tout le monde a admiré hier la mise de V. M. I. — J'avais la tête assez bien arrangée, c'est vrai. Тутъ были разсужденія о туалетахъ. Государыня сказала: On ne sait plus que mettre. Vous êtes fâchée d'être grosse. Vous ne pouvez pas prendre part à toutes ces folies.—Ma soeur aime la danse passionnément, pour moi je n'ai jamais trop aimé la danse, Madame, avec passion.—Vous pouvez vous repasser, vous avez une conversation si agréable et si enjoué. Comment avez-vous fait à un bal masqué, vous aviez l'air de connaître tout le monde, tout ce que vous disiez était à propos.—Le masque me donnait de courage, je n'avais pas besoin de contrefaire ma voix, car personne ne la connaissait, et puis papa et mon oncle me disaient à peu près ce que j'avais à dire à chacun.—Oh, mais c'était donc un complot en forme! Mon mari et le Grand-Duc ont été longtems sans savoir qui vous étiez. Тутъ долго вспоминали о всемъ происходившемъ въ маскарадѣ.

Заговорили о Москвѣ, которую Государыня очень хвалила; спрашивала о многихъ здѣшнихъ домахъ. Я сказалъ, что народъ предсказываетъ Ея Вел-ву сына Михайла.—Il est possible que j'aie encore un fils et que ce soit Michel. Vous avez connu ma défunte mère?—Je l'a

vue, Madame, à Pétersbourg et j'ai connu à Naples votre oncle le p-ce de M. Strelitz, nous avons grimpé ensemble sur le Vésuve. Говорили о Неаполѣ. Императрица стала считать всѣхъ дѣтей своей матушки, потомъ дѣтей императрицы Маріи Ѳеодоровны, потомъ своихъ, спросила, сколько я имѣлъ, удивлялась, что мы имѣли ихъ 12, сожалѣла очень объ умершихъ, входила въ подробности объ нихъ и объ живыхъ. Много спрашивала о Пашкѣ. Я сказалъ, что Пашка не скидаетъ гусарскій мундиръ твоего подаренія и караулитъ все Государя у окна. Казалось, что Ея Вел-во имѣла желаніе его видѣть. Катеньку очень выхваливала, дѣлала сравненіе съ Ольгою, послѣ сказала: Mais madame Boulgakow est absolument invisible.—Elle est occupée de son service.—Comment de son service?—Oui, Madame, elle habille l'armée Russe, car elle a une fourniture de drap pour les soldats. — Comment, c'est elle qui s'occuppe de cela, et pas vous?—Je n'y entends rien, Madame. Говорила о сукнахъ, бывшихъ на выставкѣ, вспомнила, что не было тутъ солдатскихъ. Кажется, тутъ Государыня пересѣла спиной къ окошкамъ, жалуясь, что глаза немного болятъ. Государь изволилъ выйти, сдѣлалъ мнѣ рукою поклонъ, какъ военные кланяются на улицахъ, въ шляпахъ встрѣчаясь, а Ольгѣ сказалъ: Пожалуйте ручку вашу. Ольга сняла перчатку проворно, покуда Государь говорилъ: Постойте, я найду мѣстечко безъ перчатки. Онъ поцѣловалъ руку, а Ольга поцѣловала его въ щеку. Государь сказалъ: Вотъ такъ запросто, безъ большого туалета, милости просимъ къ намъ; а гдѣ вамъ представляться, одѣваться и на балы ѣздить? Я слышалъ, что вы вчера до упаду вальсировали. Ольга засмѣялась и отвѣчала: Я и прежде не большая охотница была до вальсовъ, а теперь и поневолѣ. —Вотъ у васъ усердный танцовщикъ папа; спасибо ему, не лѣнится, когда у насъ бываетъ. Что, очень пухнутъ ноги?—Не могу жаловаться, Государь.—А какъ вы располагаете родить?—Полагаютъ, что къ 20-му числу; а папенька проситъ, чтобы было въ его или сестрицыны именины, 23 или 24 числа.—Ну это на заказъ не дѣлается! Богъ милостивъ, не надобно трусить. Вотъ Императрица вамъ скажетъ, что это вещь не такая страшная родить. Я желаю очень, чтобы это было, покуда я въ Москвѣ: тогда кромѣ дружбы, будетъ и родство. — Ахъ Государь! Я право не знаю, какъ и чѣмъ заслужить всѣ ваши милости. — Своими милостями, отвѣчалъ Государь, взявъ Ольгу за руку. Мнѣ жаль, что не могу съ вами быть долѣе: пора къ разводу. Очень радъ, что вы у насъ были; нельзя ручаться, счетъ не всегда вѣренъ: можетъ быть, и завтра запишитесь въ маменьки. Прощайте, будьте здоровы и берегите себя.

Мы было встали ѣхать, но Императрица сказала: Est-ce que vous êtes préssés? Sans quoi je vous prie de rester encore chez nous. Мы сѣли опять, и разговоръ возобновился.—Est-ce que vous viendrez vous établir à Pétersbourg?—Je suppose, V. M. I. Mon mari aime beaucoup Pétersbourg, mes parents sont ici.—Mais nous nous verrons, j'espère, souvent.—Et j'ai là un oncle que nous aimons tous si tendrement.—Oui, le directeur des postes, celui-la est aimé de tout le monde, il est si obligeant. Sa femme est Moldave, n'est-ce pas? Тутъ начала Ея Вел-во разспрашивать о твоихъ дѣтяхъ, потомъ сказала: Je ne sais pourquoi, mais il me semblait que votre famille n'était pas proprement russe. — Pardon, V. M., nous sommes d'origine lithuanienne, très anciennement nos ancêtres étaient princes, comme le prouve l'histoire de Russie, mais moi et mon frère nous sommes nés à Constantinople. Тутъ касательно этого было много вопросовъ. Я сказалъ, что мы начали по-русски лепетать возвратясь въ Россію, а въ ребячествѣ говорили по-гречески все и пр. подробности о батюшкѣ, заключеніи его и пр. Казалось, что Императрицу это интересовало.

Была послѣ рѣчь о Катенькѣ, которую Ея Вел-во выхваляла очень, дѣлала опять сравненіе между ними. Меня спрашивала, кого болѣе люблю изъ нихъ, называла меня un père bien heureux, хвалить изволила воспитаніе, данное имъ.—Vous avez la figure un peu plus tirée qu'au bal du p-ce Gallitzine.—C'est que, Madame, c'était aux lumières, et vous voyez ma fille à grand jour maintenent.—N'allez pas accoucher chez moi, mon coeur, прибавила Императрица захохотавши. Est-ce que vous êtes matinale ordinairement?—Au contraire, V. M. I.; j'aime à dormir ma grasse matinée.—Ah! Mon Dieu, et moi, qui vous a fait venir chez moi de si bonne heure! Si j'avais su cela, j'aurais fixé une autre heure (Какая милость!), mais c'est qu'à midi je suis sûre de ne pas être interrompue, nous avons pu causer à notre aise. Je crains de vous gêner en vous gardant plus longtems. Vous ferez des façons avec moi. Je suis charmée que rien ne vous a empêché de venir chez moi; dans cet état on ne peut jamais disposer de son tems, comme on le voudrait.

Государыня встала, взяла за руку Ольгу и поцѣловалась съ нею.—Je vous prie donc, изволила она сказать, d'accoucher pendant que nous sommes ici, pour que l'Empereur puisse assister au baptême; mais si vous accouchiez après notre départ, il ne perdra pas pour cela ses droits. Императрица еще поговорила въ угловой комнатѣ, провожая насъ, смотрѣла въ большія стекла на парадъ. Ces braves gens-là ne quittent pas nos fenêtres! Изъ этой комнаты проводить изволила еще въ гостиную, гдѣ были фрейлины Урусова и Моденъ. — Adieu,

adieu, mon coeur, portez vous bien, menagez vous et débarassez vous hereusemment de votre paquet. Мы уѣхали счастливы, тронуты, довольны. Аудіенція продолжалась по крайней мѣрѣ три четверти часа. Я тебѣ главное передалъ, сколько память позволила, но многое вѣрно упустилъ еще. Ольга вышла на минуту къ матери, поѣхала къ мужу и другой мама разсказывать сладкія похожденія свои, а я тоже дѣлалъ дома. Ну ужъ денекъ! Ай да курноска наша!

*

9-го Ноября, 4 часа утра.

Ну, сударь, балъ былъ славный, человѣкъ съ 400. Государь и Императрица были очень веселы. Наслѣдникъ танцовалъ мазурку съ Катенькою, которая была очень авантажна. Въ котильонѣ Императрица изволила меня три раза выбирать, чтобы вальсировать съ нею и сказала: personne ne valse ici aussi bien que vous. Покуда ужинали, Государь изволилъ подойти ко мнѣ и спросилъ: Ну что̀ дѣлаетъ наша княгинюшка?—Слава Богу, здорова, но не рѣшилась ѣхать сюда, хотя мы и уговаривали.—Умница, умница, сказалъ Государь; на что рисковать; быть можетъ, что вы и ошиблись въ счетѣ. (Выходитъ, что Государь словно угадалъ; могъ ли я думать, что въ ту минуту какъ Государь мнѣ говорилъ это, у Ольги муки начинались!) — Ты видѣлъ Урусова? (Адъютантъ Мих. Павл., прибывшій сегодня изъ Варшавы).— Видѣлъ, В. В.; онъ отнимаетъ у насъ надежду видѣть здѣсь Вел. Князя.—Да, видно братъ не будетъ, а то явился бы къ сегодняшнему дню. Онъ, вѣроятно, поѣдетъ навстрѣчу къ Великой Княгинѣ или у нея погоститъ. Ma femme m'a parlé de votre visite; votre fille est vraiment charmante, j'ai été fâché de n'avoir pas pu rester avec vous. Я поклонился, хотѣлъ отвѣчать, но Императрица подозвала Государя, и стали вставать со стола. Послѣ ужина начали котильонъ, который продолжался часа полтора. Государь ушелъ почивать, а Императрица пробыть изволила до половины третьяго. Оставляю тебя на минуту, пойду къ Ольгѣ, которая бѣдная кричитъ; и жалко, и смѣшно: Mon cher m-r Richter, je vous supplie, ôtez plus vite l'enfant.

Я внѣ себя. Внучка моя Александра кричитъ такъ, что любо. Въ 6 часовъ 45 минутъ утра Ольга благополучно разрѣшилась отъ бремени. Ольга сдѣлала союзъ съ царскою фамиліею: вѣнчалась въ рожденіе Мих. Павл., родила въ его именины, а сама родилась въ одинъ день съ Императрицею, 1-го Іюля. Усталъ я ужасно! Танцовалъ, пріѣхалъ домой и вмѣсто сна три часа стоялъ на колѣняхъ и помогалъ курноскѣ милой. Александръ послалъ разбудить Катю и поздравить съ племянницею, я тебя поздравляю со внучкою. Попались мы въ дѣ-

душки, любезный братъ. Не могу тебѣ описать моего счастія; отъ радости и счастія и слезъ не вижу что̀ пишу.

Прежде нежели лечь спать, написалъ я записку П. М. Волконскому, увѣдомляя о радости нашей; онъ мнѣ очень дружески отвѣчаетъ, благодаритъ, что я его обрадовалъ и поздравляетъ. Вѣрно доложитъ Государю, когда пойдетъ къ Его Величеству. Государь всѣхъ лучше угадалъ; не даромъ хвалилъ Ольгу, что не поѣхала на балъ.

*

Москва, 10 Ноября 1831.

Вообрази, мой милый, что въ 12 часовъ былъ уже камеръ-лакей, присланный Государемъ и Императрицею узнать о здоровьѣ Ольги и новорожденной. Велики милости ихъ! Я попенялъ Александру, что не подарилъ ничего посланному, но сдѣлалъ предложеніе, которое княгиня очень одобрила, а именно: послѣ обѣда мы надѣли мундиры и маршъ во дворецъ. Я вызвалъ Малышева, камердинера Государя, который сказалъ намъ, что Государь изволитъ почивать.—Его Вел-во изволилъ посылать узнать о здоровьѣ дочери моей...—Знаю, в. п., мнѣ было и приказано...—Вотъ зять мой, князь Долгорукій; сдѣлайте одолженіе, когда Государь изволитъ проснуться, доложите, что я и зять мой, чувствуя милость, оказанную дочери моей, пріѣхали сюда, чтобы повергнуть къ стопамъ Его Вел-ва нашу благодарность вѣрноподданническую... — Слушаю-съ! Доложу. — Нельзя ли вызвать камердинера Ея Вел-ва?—Можно; но ежели вамъ угодно тоже приказать для Государыни, то, ежели угодно вамъ, то я доложу и Ея Имп. Вел-ву. Мы попоблагодарили его. Вотъ дѣло и устроено. Потомъ отыскали мы камеръ-лакея. Князь подарилъ ему 100 р., сказавъ, что онъ скоро скрылся поутру, что князь вышелъ было подарить его за добрую вѣсть, но что его уже не было. Очень былъ доволенъ.—Дай Богъ в. с. много дѣтей и чтобы Государь всѣхъ крестилъ. Voilà comme on se fait des amis à la cour, même dans l'antichambre. Вечеромъ Катенька была дежурная, ѣздила въ театръ, бенефисъ m-lle Bourbier. Императрица спросила тотчасъ объ Ольгѣ, прибавя послѣ: Je suis fâchée que vous ne puissiez pas donner des détails comment la pauvre petite s'est tirée d'affaire; cela ne vous regarde pas, mais au moins le papa et la maman étaient là?—Oui, V. M. I., car on a fait chercher maman de la campagne, qui est près de Moscou. Все идетъ славно. Надобно ожидать только радостнаго дня крещенія.

*

Москва, 11 Ноября 1831.

Не лягу спать, не разсказавши тебѣ сегодняшній вечеръ у Государыни, мой милый и любезнѣйшій. Было не болѣе 30 человѣкъ. Началось разными играми. Чтò было смѣху, бѣготни! Кругъ былъ изъ стульевъ; всѣ сидятъ кромѣ одного, перебѣгаютъ, мѣнявшись мѣстами; кто не успѣетъ занять мѣсто, въ срединѣ остается караулить. Государь, садясь вдругъ, два стула изломалъ. Послѣ стали танцовать au clavecin; такъ разрѣзвились, что даже князь Петръ М. танцовалъ Французскую кадриль съ княжною Урусовою. Пары одной не доставало, искали, искали—нѣтъ.—Allons, dansez donc, m-r Nicolas, сказала Государыня. Императоръ отвѣчалъ: Mais il n'y a pas de dame. И наконецъ, что же сдѣлалъ? Взялъ Головкина вмѣсто дамы и танцовалъ съ нами. Императрица изволила мнѣ приказать танцовать съ собою. Вотъ какъ это было. Изволила сказать мнѣ: Eh bien, grand-papa, vous ne dansez pas?—Il faut renoncer à toutes les danses, Madame, et se contenter du *Grossvater*. Императрица засмѣялась и отвѣчала: Pas du tout, vous danserez, et je veux que vous dansiez tout de suite les Françaises avec moi. Раза четыре Государь изволилъ говорить со мною, называя всегда дѣдушка или grand-papa. Послѣ ужина (за нашимъ столикомъ сидѣли Урусова, Катя, Чернышовъ, Лобановъ, Адлербергъ и я) я сталъ у фортепіано. Государь ко мнѣ подошелъ и разговаривалъ болѣе четверти часа. Много объ Ольгѣ спрашивалъ. Очень смѣялся, когда я сказалъ о просьбѣ Ольгиной Рихтеру: Mon cher m-r Richter, permettez moi de nourrir ma petite au moins une seule fois; просилъ, чтобы Ольга береглась. Si l'autorité du papa ne suffit pas, priez la qu'elle le fasse pour moi; c'est après les couches qu'il faut se menager surtout. La voilà heureuse, mère à 17 ans; elle ne désire plus rien, je pense.—A prèsent elle n'a que le baptême en tête, Sire.—Engagez la de prendre patience: dans une huitaine de jours je viendra chez elle, et nous baptiserons la petite.—Не безпокойно ли будетъ В-у В-у, не угодно ли, чтобы сюда привезли новорожденную?—Нѣтъ, никакъ. Я хочу видѣть и дочку, и маменьку.—Угодно ли будетъ В-у В-у крестить съ Катенькою моею?—Какъ не угодно, очень радъ напротивъ; я бы самъ это предложилъ; теперь наши семьи породнятся, поневолѣ будете любить насъ. Я такъ смѣшался, такъ былъ тронутъ сими словами, что слезы навернулись, и я поклонился низко, чтобы скрыть свое смущеніе. Чѣмъ заслужить могу я такой отзывъ? Спрашивать изволилъ о Наташѣ и кто былъ при Ольгѣ, когда она мучилась; подошла Императрица и разговоръ продолжался втроемъ. Графъ Нессельроде стоялъ тутъ недалеко и все могъ слышать, о чемъ я нимало не жалѣю: пусть знаетъ, сколь милостивъ Государь къ намъ.

Императоръ говорилъ объ Архивѣ, что былъ тамъ, что желаетъ показать оный Императрицѣ, но боится, чтобы она не простудилась тамъ. Послѣ съ графомъ толковали мы о семъ и порѣшили привезти во дворецъ любопытнѣйшія бумаги для Ея Вел-ва. Завтра рано поѣду къ Малиновскому устраивать это. Этотъ вечеръ очень былъ сладокъ для меня; я тебѣ только главное разсказываю. Катю очень также обласкали Ихъ Вел-ва, а Наслѣдникъ танцовалъ съ нею мазурку. (Забылъ сказать, что, говоря мнѣ о Катѣ, Государь сказалъ: Теперь желаю, чтобы и другая сестрица послѣдовала примѣру Ольги.—На все воля Божія, Государь; думалъ ли я такъ молоду отдать Ольгу замужъ и прежде старшей сестры?)—Hélas! сказала Императрица, il va perdre sa danseuse de mazourka: Сашка part après demain pour Pétersbourg. Не хочется ему ѣхать, и онъ изволилъ мнѣ самъ сказать: Я Москву уже потому люблю, что это моя родина. Нельзя быть милѣе его.

Князь П. М. поддѣлъ меня. Онъ писалъ тебѣ о благополучномъ разрѣшеніи Ольги черезъ фельдъегеря, который прежде почти до васъ доѣдетъ; но подробности все таки узнаешь отъ меня, а они очень тебя будутъ интересовать. Не вижу почти писать при свѣчахъ, очки мои Петербургскіе двухъ лѣтъ назадъ не довольно уже сильны; пора спать, хотя во дворцѣ все кончилось въ 12 часовъ. Императрица жаловалась, что немного нога болитъ послѣ балу въ Воскресенье.—Cependant V. M. I. n'a pas voulu se reposer ce soir pour le bal de demain.—C'était mon idée, mais l'Empereur a désiré que nous ayons une petite réunion ce soir. Кончу спискомъ, кто были: двѣ Петербургскія фрейлины, дежурная Щербатова и Бергманъ, другая Щербатова, Шереметева, графиня Протасова, графиня Потемкина, княгиня Голицына, гр. Апраксина, Апраксина Фофка съ сестрою, ген.-адъют. князь Щербатовъ съ женою, Бенкендорфъ, Чернышовъ, Адлербергъ, Лобановъ, С. Алдегондъ *), Игнатьевъ, князь Урусовъ и братъ его, изъ Варшавы пріѣхавшій, графъ Головкинъ, графъ Нессельроде, князь Дм. Вл., Жуковскій, Мердеръ, Монроэ, Загоскинъ и я съ Катею. Забылъ я тебѣ сказать, что вдругъ въ средину круга нашего стульевъ вошелъ актеръ Щепкинъ и декламировалъ смѣшившій очень монологъ.

*

Москва, 12 Ноября 1831.

Вчерашній балъ князя Серг. Мих. Голицына былъ прекрасный: за то, сказываютъ, стоилъ 50 тысячъ слишкомъ. Вѣрю,—одна илюминація была уже необыкновенная, весь домъ былъ въ шкаликахъ, и улица съ трехъ сторонъ набита народомъ, а въ каретахъ учредилось

---

*)

по обыкновенію катанье. Всталъ я и рано, но отъ 9 часовъ до 12 не дали мнѣ приняться за перо или заставляли писать, да не къ тебѣ. Ну какъ могъ я отказать доброму Черткову, который просидѣлъ у насъ часъ, расспрашивая съ любопытствомъ о всемъ, до насъ касающемся? Но давай-ка тебѣ разсказывать. Императрица сидѣла. Катя танцовать стала Французскую кадриль; подозвала къ себѣ.—Comment va la petite soeur?—Bien, V. M. I.—Et la petite, tout petite, car il y a là deux petites. Да вдругъ воскликнула: Ah, quelle robe! C'est un bijoux, j'espère que cela n'est pas d'ici.—C'est de Pétersbourg, je l'ai reçu tout faite de mon oncle. — Comment, l'oncle Boulgakow? Mais savez-vous que pour un homme c'est incroyable; il est rempli de goût, et comme la robe est fraîche! On voit que cela vient d'un *grand-maître des postes.* Vous étes charmante, mon coeur, à mon avis une de mieux mises, nous nous sommes donné le mot d'être en bleu toutes les deux. Не одна Императрица, но всѣ генерально любовались на платье Катенькино, и сшито было такъ хорошо, что нечего было передѣлывать. Еще сказала Императрица: Ces fleurs sont délicieuses, on ne sait si elles sont roses ou blanches, et cela va si bien au bleu. Дамы всѣ жаловались, т. е. многія, что имъ привозятъ все измято, что хорошо имѣть дядюшку почт-директоромъ. Какъ будто это не отъ того зависитъ, кто укладываетъ платья и посылки, чтобы дошло въ цѣлости? Ну ужъ спасибо тебѣ, блеснула твоя племянница. Государь сказалъ мнѣ: Скажи, братъ балуетъ своихъ племянницъ?—Не балуетъ, Государь, а любитъ какъ дочерей своихъ.—Признаться, нельзя не любить ихъ, прекрасныя обѣ.

Во время ужина Костя подошелъ къ сестрѣ; вдругъ Государь подошелъ къ нему, руку лѣвую протянулъ ему черезъ плечо и сказалъ: Это мой Царскосельскій товарищъ, и мы признавались другъ другу въ шалостяхъ нашихъ. Скажи, есть охота служить? — Ахъ, Государь, какъ не желать; мнѣ кажется, что счастіе мое начнется токмо со службою.—А куда хочется?—Какъ папенькѣ угодно.—Въ штатскую, такъ ли?—Точно такъ, В. И. В.—Ну, возьми терпѣніе, я похлопочу у папы твоего, авось либо и удастся.—Костя отвѣчалъ смѣло и смѣючись: Я думаю, В. И. В., что будетъ удача, ежели это вамъ точно не противно.—Я добрыхъ ребятъ люблю.—Костя поклонился и побѣжалъ меня отыскивать, чтобы разсказать радость свою. Только что вошелъ я въ залу, гдѣ ужинали, и хотѣлъ къ Вяземской подойти, Государь изволилъ подойти, и начался разговоръ à peu près слѣдующій:

— Я говорилъ теперь съ твоимъ сыномъ, мы вспоминали старину. А ты куда его прочишь?—Въ статскую службу, В. В. — Почему такъ?—Я, братъ мой, отецъ, дѣдъ, всѣ мы служили такъ.—Это не ре-

зонъ, ну а ежели у него охота къ военной?—Государь, ежели бы въ статской службѣ были шпоры и эполеты, онъ предпочелъ бы статскую службу.—Ну нѣтъ! Эти игрушки могутъ забавлять въ восемь лѣтъ, а не въ 19; ты не Ольга, которая боится, чтобы мужа ея не убили на войнѣ.—Государь, ежели счастливо не быть убиту, но за то убитымъ слава.—Ого! Какая славная фраза. Ты судишь-то хорошо, а дѣлаешь не по словамъ; такъ отдавай же намъ сына; онъ ловокъ, уменъ, живъ; все это ему пригодится. — Государь, конечно служба военная должна шагъ брать. — Такъ что же? — Боюсь, чтобы онъ не избаловался до офицерства. — На это есть надзоръ, не дадимъ ему избаловаться; у него есть дядя, считай и на меня: у него будетъ въ Москвѣ отецъ, а въ Петербургѣ другой. Я такъ былъ тронутъ, что поклонился, но отвѣчать уже не умѣлъ и не нашелъ что. Это было за столомъ Императрицы, возлѣ коей сидѣлъ графъ Головкинъ. Государь, говоря со мною, одною рукою облокачивался на его стулъ, сталъ его щекотать пальцами; Головкинъ сдѣлалъ какъ прыжокъ. — Qu'avez-vous donc, c-te G?, спросила Императрица. Государь вмѣшался въ ихъ разговоръ, а нашъ такъ и остался. Теперь что̀ мнѣ дѣлать? Мудрено мнѣ идти противъ воли Государя. Почему не служить Костѣ въ военной? Кто знаетъ, что̀ его ожидаетъ, служа подъ надзоромъ общаго отца нашего.

Еще забылъ я тебѣ сказать, что Государь спросилъ его: А которая служба тебѣ болѣе по сердцу? — Артиллерія конная. То Государь сказалъ: Служа въ артиллеріи, онъ будетъ у брата, который его не оставитъ; онъ васъ любитъ обоихъ. И Костѣ говорилъ Государь о Мих. Павл. Костя сказалъ, что Вел. Князь, зажигая пушку маленькую Наслѣдника сигаркою, сжегъ ему лобъ. Государь смѣялся, прибавя: Cela s'appelle de l'adresse; не желаешь ли повторенія?—Почему нѣтъ, Государь? Я долго носилъ знакъ этотъ и сожалѣю, что это прошло. Государь сказалъ мнѣ еще: Ежели бы сынъ твой былъ уже въ службѣ, то кампанія эта могла обратиться ему въ пользу. Когда Костя танцовалъ Фр. кадриль, то Государь глядѣлъ на него и сказалъ, кажется, Олсуфьеву: C'est le seul de tous ces messieurs qui danse bien et qui soit bien tourné. И подлинно, Костя въ бѣлыхъ штанахъ со стянутымъ мундиромъ очень былъ авантаженъ. Ростомъ онъ съ меня почти, держится прекрасно и хотя лицо и не совсѣмъ красивое, но пріятно. Теперь, мой милый другъ, ожидать буду твоихъ мыслей, хотя кажется, что нельзя идти противъ точной воли Государя. Я танцовалъ съ графиней Моденъ вальсъ; Государыня изволила подойти ко мнѣ и сказала: Voulez-vous faire ce que s'appelle chez nous un tour extra. Я по-

клонился, и послѣ одного круга собирался противъ мѣста ея остановиться, но Ея Вел-во сказала мнѣ: Encore un tour. — Je vous assure, сказала Императрица громко княгинѣ Барятинской, que ce grand-papa fait honte aux jeunes gens d' àprésent. Послѣ подсѣла она къ столамъ, гдѣ играли, и сказать изволила Уварову С. С.: Vous êtes là à jouer; voyez B-w, tout grand-papa qu'il est, comme il danse. Послѣ въ котильонѣ Императрица изволила тоже меня выбрать, а въ другой Урусова меня подвела къ Ея Вел-ву. Вальсомъ и котильономъ я отдѣлался, но Фр. кадриль и мазурку не танцовалъ. Прощаясь, хозяинъ обласкалъ Костю и повторилъ ему, что Государь отзывался ему хорошо о немъ, и что онъ долженъ стараться заслуживать такое мнѣніе и быть примѣромъ другимъ воспитанникамъ. Въ Костѣ видна эмуляція большая, и онъ чувствуетъ способность поддержать молву добрую о себѣ и идти рядомъ съ сестрами, о коихъ генерально всѣ говорили одно и тоже

Молва, что ѣдутъ около 25-го, не вѣрна; это заставляетъ думать отъѣздъ Цесаревича. Государь самъ изволилъ мнѣ говорить dans une dizaine de jours о крестинахъ. Это было 8-го, стало не думалъ ѣхать прежде 18-го. Общее мнѣніе, что будутъ къ вамъ къ Николину дню. Говорятъ, что будутъ милости къ 20-му числу, восшествіе на престолъ.

Тургеневское дѣло тяготитъ ужасно. Мнѣ кажется просто, что онъ хочетъ, собравъ все до волоска и продавъ, что̀ имѣетъ, оставить навсегда Россію. Онъ это скрываетъ очень, но похоже на то; ибо съ Вяземскаго, Жуковскаго и всѣхъ своихъ друзей требуетъ настоятельно расплаты. Несчастный этотъ Николай и его парализируютъ благія намѣренія: ему бы служить въ Россіи и быть полезнымъ. Добръ онъ точно, но вѣтренъ и зараженъ моднымъ духомъ этимъ: видитъ счастіе Россіи во вздорныхъ, громкихъ фразахъ. Немало мы спорились, а онъ все твердитъ, что жалѣетъ, что мы оба брата, имѣя и умъ и сердца хорошія, заразились старыми предразсудками.

Государь никуда не поѣдетъ отсюда, а Орловъ куда-то отправленъ, чуть ли не въ Курскъ ли? Принцъ Ольденбургскій ѣдетъ въ Ярославль, гдѣ Полторацкій даетъ ему балъ; въ Воскресенье будетъ онъ сюда обратно.

*

Москва, 13 Ноября 1831.

Графъ Нессельроде не здоровъ. Я его не видалъ вчера, но былъ у насъ вечеромъ Бруновъ и сказывалъ, что графъ страдаетъ коликою, что утро перемогался, но послѣ обѣда послалъ за докторомъ. Обѣдалъ наканунѣ у Бенкендорфа или съ нимъ гдѣ-то и вѣрно обкушался.

*

Москва, 14 Ноября 1831.

Графъ не хочетъ сознаться, что лишнее покушалъ; а обѣдая съ Бенкендорфомъ, это не мудрено. У него видѣлъ я Уварова, который завтра или въ Понедѣльникъ даетъ большой балъ. Нездоровье графское отмѣняетъ привозъ Архивскихъ бумагъ во дворецъ. Ужо, мой милый и любезнѣйшій другъ, вечеринка у Императрицы; вѣрно опять фанты и танцы съ клавикордами. Должно было быть сегодня катанье въ саняхъ, но отмѣнено, а вчера Государь потчивалъ кадетовъ маленькихъ театромъ. Для нихъ взято было ложъ 15-ть, вся правая сторона 1-го яруса, во всякой ложѣ было по 8 и 10 малютокъ, насмѣялись, натѣшились, давали Транжирина и балетикъ Волшебная Флейта. Государь съ Императрицею были въ боковой ложѣ и часто поглядывали на малютокъ. Завтра концертъ аматёровъ въ залѣ Собранія, въ пользу бѣдныхъ; опишу услышавши. Поютъ: Бартенева, Шереметева, Акулова, Grégoire, а въ хорахъ всѣ наши барышни, но моя не участвуетъ.

Разскажу тебѣ смѣшной анекдотъ, бывшій между Нащокинымъ Ал. Петр. (родъ полусумасшедшаго) и офицеромъ Преображенскимъ во дворцѣ. Узнавши, что Государь въ Москвѣ, Н. подумалъ, что нельзя безъ него обойтись; онъ предводитель, кажется, Коломенскій, поскакалъ въ Москву. Мундиръ, ленту, ключъ и прямо во дворецъ. Въ гостиной находитъ только одного офицера у окна, смотрящаго на народъ, коего всегда бездна передъ дворцомъ. Вотъ разговоръ ихъ. *Нащокинъ*: Вы въ гвардіи служите? *Офицеръ*: Въ гвардіи. Н.: Въ Преображенскомъ полку? О.: Точно такъ. Н.: И я служилъ тамъ, былъ капитаномъ во время Екатерины. (Подумавши) вы полковникъ? О.: Полковникъ. Н.: Вы рано вышли въ полковники? Офицеру надоѣлъ разговоръ; онъ стоялъ бокомъ, обернулся, чтобы посмотрѣть на оригинала, мучающаго его пустыми вопросами. Нащокинъ увидѣлъ звѣзду на офицерѣ, его удивило это. Н.: У васъ звѣзда? О.: Какъ вы видите. Н.: Да вѣдь вы полковникъ? О.: Полковникъ. Н.: Такъ какъ же у васъ звѣзда? Есть и лента? О.: Есть. Н.: Какая же это звѣзда? О.: Андреевская.— Андреевская? повторилъ Н. съ изумленіемъ. Вы полковникъ, и у васъ Андреевская лента. Я тайный совѣтникъ и имѣю Анну только отъ императора Павла еще, а вамъ кто пожаловалъ? О.: Императоръ Александръ Павловичъ. Н.: По какому случаю? О.: Онъ былъ мнѣ вторымъ отцомъ. Н.: Давно вы получили? О.: Мнѣ было 9 лѣтъ, когда я получилъ ленту эту.—Девять лѣтъ, повторилъ Н., выпуча глаза. Да кто вы, позвольте спросить. О.: Я принцъ Ольденбургскій! Нащокинъ вскочилъ на аршинъ и началъ твердить: Принцъ Ольденбургскій, племянникъ Государя, сынъ Екатерины Павловны, какъ мнѣ не знать все это? Извините, ваше высочество, что я васъ не узналъ.— Да вамъ нельзя узнать меня, потому что меня не знали никогда,

ни я васъ.—Я Нащокинъ, и началъ принца душить своею генеалогіею такъ, что принцъ не зналъ, какъ отъ него отдѣлаться. Смѣшнѣе всего то, что Нащокинъ пріѣхалъ къ Бахметеву и увѣрялъ, что Государя видѣть не могъ, но представлялся принцу Ольденбургскому: молодецъ, обласкалъ меня какъ! Москвичей очень забавляетъ этотъ анекдотъ.

*

Москва, 16 Ноября 1831.

Суботнишній вечеръ во дворцѣ былъ очень пріятенъ. Было обыкновенное маленькое общество, къ коему прибавились только кн. Четвертинскій съ женою и новою фрейлиною Шереметева[1]), съ новою фрейлиною и сыномъ, кавалергардскимъ офицеромъ. Ихъ Величества очень были веселы. Государыня танцовать изволила со мною Фр. кадриль и нѣсколько разъ брала меня вальсировать съ собою; сказала княгинѣ Барятинской: personne ici ne valse comme B., on se repose en valsant avec lui. Государь танцовалъ два Фр. кадриля и нѣсколько разъ вальсировалъ. Оба спрашивали про Ольгу. Во время мазурки я стоялъ у дверей возлѣ Бенкендорфа и разговаривалъ съ нимъ, глядя на танцы. Вдругъ слышу голосъ государевъ: Булгаковъ! А Государь былъ въ другой залѣ сзади и чай кушалъ за столикомъ. Я подбѣжалъ. Что̀ дѣлаетъ наша княгинюшка?—Слава Богу, здорова.—Не встаетъ еще?—Сидитъ, В. В., на постелѣ. — Все идетъ какъ слѣдуетъ? Берегите ее. Надобно быть осторожнѣе, чтобы какъ-нибудь не напугать.—Бережемъ, Государь, никого не пускаемъ; но вчера было не безъ приключенія. —Что такое?—Она спала, а дѣвка наступила на хвостъ собакѣ, она завизжала, Ольга вздрогнула и испугалась.— Что же вы разстрѣляли собаку? спросилъ Государь шутя.—Нѣтъ, Государь, мы удовольствовались заточеніемъ; собаку взяли мы къ себѣ въ домъ, а то нельзя было выгнать ее изъ спальни.—Нѣтъ, надобно право беречь маменьку почтенную.—Я просилъ къ ней князя П. Мих. по ея желанію; но онъ отвѣчалъ, что прежде 9 дней не поѣдетъ къ ней.—И умно дѣлаетъ, il agit en père de famille.—Она сама не кормитъ?—Нѣтъ В. В.—Я спрашиваю, и мнѣ самому смѣшно. Ольгѣ Александровнѣ кормить ребенка! Давно ли сама ребенокъ была? Ну что мужъ помышляетъ о службѣ?—Какъ же, В. В.; онъ и прежде желалъ это, но теперь еще болѣе.—Мнѣ кажется онъ слабаго здоровья. — Нѣтъ, Государь, и отецъ его былъ до 27 лѣтъ такой же тщедушный, а послѣ сталъ полнѣть. — А военной службы не хочетъ?—Онъ бы и не совсѣмъ прочь, да жена не очень желаетъ этого. — Лишь бы служилъ только. Ну а сына твоего считаю я уже завербованнымъ [2]), такъ ли? (Я по-

---

[1]) Варвара Петровна, урожд. Алмазова, съ дочерью Анною Сергѣевной и старшимъ сыномъ Василіемъ Сергѣевичемъ.

[2]) Я тебѣ писалъ, что̀ происходило по этому на балѣ князя Серг. Мих. Голицына.

клонился.) Воля В. И. В. законъ.—Нѣтъ, нѣтъ! Я хочу, чтобы тутъ было сопряжено твое убѣжденіе съ его желаніемъ. Присылай-ка его къ намъ; пусть старается, ведетъ себя хорошо, такъ въ шесть мѣсяцевъ можетъ выйти, а мѣшкать, такъ будетъ офицеромъ 22-хъ лѣтъ; это поздно нѣсколько. Я его опредѣлю къ Императрицѣ въ полкъ, а въ Кавалергардскомъ полку есть пять ваканцій. Мы рады будемъ такому пріобрѣтенію и будемъ поглядывать за нимъ. Онъ мальчикъ ловкій, уменъ. — Я старался оправиться отъ сихъ милостивыхъ и неожиданныхъ словъ, кланялся, благодарилъ, сказалъ, что Костя точно уменъ, имѣетъ добрѣйшее и чувствительное сердце, что до сихъ поръ, когда его побраню, плачетъ какъ дѣвочка. Это очень хорошо, сказалъ Государь. — Онъ очень рѣзвъ, Государь. — И это не порокъ; рѣзву надобно быть молодому человѣку, но шалости не должны быть вредны, подлы, непростительны. Государь прибавилъ: Присылай его къ намъ съ Богомъ!

Цѣлый вечеръ былъ я все въ дистракціяхъ: не выходили у меня изъ головы слова Государевы. Не остается какъ повиноваться, и подлинно, можетъ быть, Костѣ открывается славная каріера. Начало будетъ не тяжело, но офицерство его требовать будетъ издержекъ, хотя небольшихъ, ибо долженъ жить по состоянію нашему, т. е. скудно. Что-то ты скажешь объ этомъ, любезнѣйшій другъ? Разговоръ мой съ Е. В. я одной женѣ пересказывалъ и утаю не только отъ Кости самого, но ото всѣхъ безъ изъятія, чтобы не огласилось и до него не дошло: тогда пошла бы у него голова кругомъ, и прощай ученье. Что же касается до Долгорукаго, то онъ желаетъ также тотчасъ вступить въ службу; но о коллегіи слышать не хочетъ, не желая служить подъ начальствомъ гр. Нессельроде, коего почитаетъ себѣ недоброжелательнымъ; будетъ стараться о Кремлевской Экспедиціи или быть при кн. Д. Вл. на время, ибо послѣ весны хочетъ переѣхать въ Петербургъ къ вамъ. Очень бродитъ у насъ кам.-юнкерство въ головѣ, можетъ быть и устроится какъ-нибудь.—Графу Нессельроду лучше. Вчера гулялъ по бульвару до обѣда, а вечеромъ просилъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ на концертъ. Я явился къ нему къ 8 часамъ, и пустились вмѣстѣ; отыскалъ я ему его мѣсто. Музыка была славная, и все удалось. Бартеневу заставили повторить Stehe auf. Смѣло пѣть это послѣ Зонтагши, но она не ударила лицомъ въ грязь. Государыня призывала ее въ ложу свою послѣ и хвалила. Эта ложа или tribune устроена была съ боку, противъ портрета Императорскаго между колоннъ. Было множество, и собрано болѣе 20 т. Еще неизвѣстно, что̀ пожаловалъ Государь. Coup d'oeil былъ прекрасный: смотрѣть на 27 дамъ, составлявшихъ хоры и которыя стояли всѣ рядомъ за балю-

страдою въ оркестрѣ, одѣтыя всѣ одинаково, въ бѣломъ, съ бѣлыми розанами на головѣ. Я стоялъ возлѣ m-r Chambot, который очень милый человѣкъ. Я очень радъ этому новому знакомству. Онъ очень тебя любитъ и удивлялся Московскимъ талантамъ—Графъ К. В. очень доволенъ Строевымъ, далъ мнѣ негоціацію предложить ему плату годовую. С. отклонилъ, не хотя быть наемщикомъ; но я заставилъ его принять табакерку, которую графъ ему привезъ изъ Петербурга. Чтобы дѣло было благовиднѣе, я написалъ письмо къ Строеву ласковое, посылая гостинецъ, и графъ оное подписалъ. С. сказалъ графу: Ежели хотите меня наградить, то скажите А. Я., что в. с. мною довольны. — Ѣдучи на концертъ, графъ сказывалъ, что Государь въ ночь отправился въ Ярославль на пару дней. Вѣрно, чтобы не быть здѣсь 19 числа, въ сей печальный для него и Россіи день, а то какимъ дѣламъ быть въ Ярославлѣ? Государь вѣрно заѣдетъ къ Троицѣ, т. е. остановится тамъ помолиться. Вообрази, братъ, досаду мою: еще на балѣ во дворцѣ кн. П. Мих. сказалъ мнѣ, что имѣетъ уже отвѣтъ отъ Алины [1]), которая поздравляетъ Ольгу съ дочкою. Въ Понедѣльникъ Ольга родила, а въ Суботу поутру князь имѣлъ уже отвѣтъ, и въ Петербургѣ знали о радости нашей, и ты зналъ не отъ меня перваго, но отъ князя П. М. самого. Жаль, что ты не могъ писать съ тою же эстафетою, что̀ Алина къ отцу. Не скажетъ ли что-нибудь почта? Ежели ты 11-го узналъ отъ князя Волконскаго, то 12 могъ мнѣ писать по почтѣ. То-то тебя обрадуетъ, ибо я все предвѣщалъ роды къ моимъ или Катенькинымъ именинамъ, да не тутъ-то было. Сашка мила, глаза пребольшіе черные, ушко маленькое, какъ у Наташи и Кати, а носъ курносый, Ольгинъ. Долгорукій началъ уже убирать домъ, лѣстница будетъ въ цвѣтахъ и деревьяхъ, зала также; только не знаетъ еще, завтракъ ли надобно, или чай, т. е. до обѣда ли или послѣ будутъ крестины.

Вчера представлялась Наташа. Государыня начала шуткою: Vous avez attendu le titre de grande-maman pour vous présenter, потомъ спрашивала объ Ольгѣ и болѣе все объ ней говорила. Сама хотѣла къ тебѣ писать и разсказать тебѣ, а мнѣ въ пору описывать свои похожденія. Съ нею представлялись Черткова, Кругликова и сестра ихъ Наденька Чернышова, С. А. Волкова, молодая Корсакова, графиня Васильева съ дочерью, Бибикова, урожденная Муравьева-Апостолъ [2]), которая говорила что-то много и плакала. Ланская не пріѣхала: у ней бѣдной сынъ 18 лѣтъ очень боленъ, а мужъ ея, губернаторъ Костромской, представлялся; онъ и Гродненскій губ. Муравьевъ были приняты

[1]) Александра Петровна Дурново, дочь князя П. М. Волконскаго.

[2]) Екатерина Ивановна, сестра трехъ Декабристовъ.

въ кабинетѣ. Ты вѣрно знаешь старика героя Неклюдова, который первый полѣзъ на приступъ въ Измаилѣ. Онъ просилъ пенсію его обратить дочерямъ. Государь сдѣлалъ это, потомъ просилъ Государя утѣшить его.—Чѣмъ?—Мнѣ стыдно, Государь, что меня будутъ старика хоронить безъ генеральскихъ почестей. Этому не могу пособить: ты отставной. Старикъ опечалился. Но пришедъ домой, Государь послалъ Неклюдову эполеты генеральскіе, велѣлъ сказать, чтобы жилъ долѣе, а когда умреть, то почести получитъ, какія желалъ. Неклюдовъ былъ внѣ себя отъ радости. Я видѣлъ его во дворцѣ вчера, и онъ твердилъ: Теперь одно бы желалъ, убиту быть на штурмѣ какомъ-нибудь за батюшку Николая Павловича. Ему 86 лѣтъ, а ужасно еще бодръ.

Вчера купцы давали большой обѣдъ Канкрину. Недаромъ онъ сюда пріѣзжалъ; il s'est rendu populaire, car avant on ne l'aimait pas, Нѣмцомъ все называли. Желательно, что бы мнѣніе насчетъ нашего также перемѣнилось, но у него нѣтъ ловкости Канкрина, не умѣетъ угодить и быть пріятнымъ, даже когда хочетъ.

*

Москва, 17 Ноября 1831.

Князь Д. В. выходилъ много наградъ, многія еще подъ спудомъ. Новосильцовъ, яко другу, ввѣрилъ мнѣ, что третьяго дня Государь, ѣдучи изъ дворца въ экзерцпргаузъ, сказалъ князю: Vous avez auprès de vous quelqu'un qui a des ennemis et qui se vante de faire de vous tout ce qu'il veut. Князь очень удивился, когда, спрося, кто это, услышалъ имя Новосильцова. Князь горячо заступился, но такъ какъ уже подъѣзжали, то и разговоръ прекратился. По моему князь напрасно сказалъ это Новосильцову, который въ ужасномъ сокрушеніи, не заслуживая мнѣнія такого. Князево дѣло перемѣнить мысли царскія, въ чемъ вѣрно и успѣетъ; но каково бѣдному Новосильцову покуда? Онъ было представленъ былъ въ кол. сов. и камергеры. Часа три мы толковали, откуда могла бы идти эта непріятность и не постигаемъ, ибо это неправда: Н. пользуется весьма добрымъ именемъ въ Москвѣ. Онъ имѣлъ длинную конверсацію съ Бенкендорфомъ, который его успокоилъ и слово далъ, что онъ тутъ совершенно чуждъ и что никогда не было рѣчи о немъ. Всѣхъ мы теребили, остался одинъ Волковъ, къ коему ѣду объясняться; но я увѣренъ, что и Волковъ вѣрно не могъ повредить Новосильцову. Вотъ какъ легко безвинно погубить человѣка, и какъ должно быть осторожну на семъ свѣтѣ! Н. очень остеръ; можетъ быть, невинное, но колкое bon mot поставило противъ него какую-нибудь кумушку. Все это сообщилъ онъ мнѣ подъ секретомъ; я очень радъ, что имѣю случай быть ему хоть нѣсколько полезнымъ и желаю, чтобы онъ выведенъ былъ изъ столь непріятнаго положенія. Объ этомъ

должно князю стараться; это выходитъ его дѣло столько же, сколько Новосильцова. Очень мнѣ прискорбно положеніе бѣднаго Н-ва.—Графъ Нессельроде говорилъ мнѣ: au nom du ciel débarrassez moi de ce Karazine. Я это исполнилъ, но за то меня всякой день мучаетъ онъ своими посѣщеніями. Лобановъ кн. Борисъ Алекс. сдѣланъ камергеромъ, да кой-какія мелочи. Шереметеву также ключъ, недавно дочь [1]) сдѣлана фрейлиною. Это доказываетъ, что заступленіе вел. князя Мих. Павл. очень сильно у Государя, ибо его высочество фамилію эту протежируетъ. Государя ожидаютъ обратно сегодня въ ночь или завтра по утру. Охъ, метель большая на дворѣ, какъ бы не испортило это дороги и Его Величество бы не задержало. Государь сказалъ князю Дмитрію Владимировичу: donnez votre dîné le 20, mais considérez moi comme absent de Moscou pour ces jour-là.

*

Москва, 18 Ноября 1831.

Графъ и канцелярія его работали вчера цѣлый день надъ отправленіемъ курьера въ Лондонъ. Онъ просилъ меня заѣхать за нимъ вечеромъ и везти его въ Нѣмецкій театръ, куда звалъ его въ свою ложу князь Дм. Вл. Такъ мы и сдѣлали. Князь долженъ былъ оставаться въ Императрицыной ложѣ, то мы были одни съ графомъ. Театръ холодный или, лучше сказать, сырой; я графа уговорилъ надѣть шинель, которую выписалъ ему изъ передней, а то послѣ болѣзни не долго бы ему опять занемочь. Труппа не завидная, правду сказать. Мадамъ какая-то съ большимъ голосомъ дѣлала мудреныя гаргульяды, но вовсе непріятныя, хотя арія была и Россини. Мы уѣхали съ графомъ прежде конца, чтобы избѣжать толпу; разъѣздъ очень плохъ въ этомъ Юсуповскомъ театрѣ. Озерова дочь Катерина взята во дворецъ; сказываютъ, что берутъ также для житья во дворцѣ Бартеневу, но безъ фрейлинства. Вотъ и будутъ готовы двѣ домашнія музыкантши для концертовъ impromptu: одна пѣть будетъ, а другая играть на фортепіано. Петръ Ив. и радъ и жалѣетъ, ибо Кат. Петр. была какъ матерью для сестеръ своихъ. Желаю, чтобы бѣдную Бартеневу взяли; чего ей ждать отъ такого отца и взбалмошной матери? Намедни были дежурныя Озерова и Шереметева, послали за Рубини и княземъ Григорьемъ [2]), и вдругъ составился концертъ у Императрицы.

Завтра есть оказія къ вел. князю Мих. Павловичу, надобно мнѣ писать къ нему непремѣнно. Онъ велѣлъ сказать Башилову черезъ Шереметева, «что оставляетъ службу, чтобы идти въ звонари Ивана

---

[1]) Анна Сергѣевна, позднѣе графиня Шереметева.

[2]) Князь Григорій Петровичъ Волконскій, сынъ министра двора.

Великаго». Государь очень смѣялся этому и приказалъ сшить изъ краснаго сукна кафтанъ (это костюмъ Ивановскихъ звонарей изъ старины) и послать оный къ его высочеству съ завтрашнимъ курьеромъ. Жаль очень, что не пріѣхалъ сюда его высочество.

*

Москва, 19 Ноября 1831.

Государь вчера возвратился изъ Ярославля благополучно. Сегодня горестный для него, для всѣхъ и для тебя въ особенности день, кончина покойнаго Государя Александра Павловича. Государь изволитъ кушать въ обществѣ трехъ или четырехъ человѣкъ у Н. И. Демидова въ большомъ инкогнито. Катенька дежурная, и вѣроятно будетъ панихида въ Чудовѣ, но домашняя. Завтра обѣдъ у князя Д. Вл. Ему сказалъ Императоръ: Donnez votre dîné, mais oubliez moi et considérez moi comme absent de Moscou. Вотъ, стало, два дня потерянные. Я думаю, что въ Воскресенье вѣроятно будутъ крестины. Ужо заѣду къ князю П. М. узнать что-нибудь, между тѣмъ Ольга ходитъ уже по комнатѣ, и мнѣ кажется выросла, можетъ быть и отъ брюха, которое ее скругляло. Elle a très bonne mine, здорова и весела, копитъ свои червонцы, коихъ у нея уже болѣе 30, а были только ближайшіе родные.

*

Москва, 20 Ноября 1831.

Сегодня обѣдъ большой у князя Д. Вл., ѣду туда съ своимъ графомъ, а вечеромъ балъ большой у Киндяковой, вся свита царская будетъ тамъ. Говорятъ о траурѣ на двѣ недѣли по княгинѣ Ловичь; но я вчера видѣлъ, какъ Императрица садилась въ карету, она была въ бѣлой шляпѣ, а княжна Урусова въ розовомъ капотѣ. Вещь непонятная: княгиня Ловичь умерла 17-го въ полдень, а 18-го, въ 10 часовъ вечера, Государь зналъ уже о кончинѣ сей. Фельдъегерь прибылъ сюда въ 34 часа. Это ужасно!—Государь былъ доволенъ своею поѣздкою въ Ярославль. 17-го былъ онъ на балѣ у Полторацкаго, а на другой день изволилъ застать Императрицу за обѣдомъ. S. M. a dit au c-te Nesselrode, qu'après Pétersbourg et Moscou Yaroslaw était la plus belle ville de gouvernement. —Очень всѣ поражены смертію Лавинскаго, который былъ убитъ въ Иркутскѣ, но я не знаю подробностей.

*

Москва, 21 Ноября 1831.

Прежде нежели лечь спать, начну письмо мое къ тебѣ, мой милый и любезнѣйшій другъ. Давича, покуда я былъ у Ольги, пріѣхалъ къ ней князь П. М. Волконскій, довольно долго сидѣлъ и объявилъ, что Государь изволитъ крестить внучку мою въ Воскресенье, и что

изволитъ прибыть въ 2 часа до обѣда, чтобы все было просто, безъ пѣвчихъ, съ приходскимъ священникомъ. Князь выбралъ комнату и далъ всѣ нужныя наставленія, что̀ надобно и что̀ нѣтъ, совѣтовалъ (что̀ мы и безъ того положили), чтобы никого не было, кромѣ отца, матери и братьевъ новой маменьки, чтобы было Шампанское, ибо Государь попроситъ выпить за здоровье курноски и дочки ея. Долгорукой началъ уже тотчасъ хлопотать, убирать лѣстницу коврами, комнаты цвѣтами, а княгиня труситъ: отстала отъ свѣта. Станемъ готовиться къ торжественному дню.

Ѣдучи домой, встрѣтилъ я Государя въ саняхъ съ Императрицей, въ одну лошадь. Изволилъ сказать: здравія желаю! Было это у Арбатскихъ воротъ; у биржи извощики закричали: это Булгаковъ. Меня здѣсь знаютъ, какъ сѣраго волка. Каково ѣздятъ куріеры: 17-го въ полдень скончалась княгиня Ловичь, а Государь 18-го въ 10 часовъ вечера зналъ это. Ужасно! Въ 34 часа! Фельдъегерю велѣно дать 300 р. 17-го Государь былъ на балѣ у Полторацкаго въ Ярославлѣ, а 18-го изволилъ здѣсь кушать съ Императрицею, и это не дурно!

*

Москва, 22 Ноября 1831.

Все было уже у насъ приготовлено, всѣмъ велѣли отказывать, только была наша семья: двѣ мамаши, кума-Катя, Костя, Пашка-зять, бабушка и я. Мы не видали, какъ Государь вдругъ въѣхалъ на дворъ въ санкахъ въ одну лошадь. Время было прескверное, метель поутру, я и думалъ, что будетъ въ каретѣ; но къ полудню время разгулялось, солнце прекрасное стало свѣтить и стало тихо. Первые выбѣжали встрѣчать на самомъ крыльцѣ Долгорукой-зять, Наташа. Я выбѣжалъ въ переднюю. Жалуюсь тебѣ, сказалъ Государь: жена твоя въ эту стужу выбѣжала въ одномъ платьѣ на лѣстницу. Понимаю это, Государь, отвѣчалъ я; я опоздалъ отъ того, что Ольгу удерживалъ, и она хотѣла выбѣжать сюда встрѣчать В. В.—Хорошо сдѣлалъ, вотъ бы одолжила она! Между тѣмъ Государь вошелъ въ гостиную, спросилъ, какого Гагарина это домъ и прибавилъ: Слѣдовало бы мнѣ погрѣться, прежде нежели войти къ маменькѣ новой; но признаюсь, велико мое нетерпѣніе ее видѣть и поздравить. Мы отворили двери въ спальню, и Государь вошелъ.—Васъ ли я это вижу, Ольга Александровна! Вы маменька, можетъ ли это быть?—Государь, я не знаю, какъ васъ благодарить, но милости ваши чувствовать умѣю; въ древнія времена я бы попросила вашу ручку поцѣловать, а теперь... А теперь сказалъ Государь, перебивая рѣчь, теперь дайте мнѣ вашу ручку поцѣловать, но кончики только, потому что я холодный, только со двора. И Государь, поцѣловавъ руку, тотчасъ отъ Ольги отступилъ. Ольга предста-

вила Государю княгиню Ек. Алексѣевну, которая очень оробѣла.— «Ну, признаться, и на свадьбѣ вашей быть показалось бы мнѣ странно, видѣвши васъ недавно ребенкомъ; но крестить дочку вашу, я этому самъ не вѣрю. Tout ça a été bien vite fait. Vous avez 16 ans?—Non, Sire, 17 accomplis.—Eh bien, la gr.-duchesse Helène s'est mariée avant qu'elle n'avait pas encore 16 ans. Vous avez pris le pas sur votre aînée. —Она мнѣ, Государь, и сестра, и мать крестная.—Вотъ хорошо! Стало быть, она и сестру и племянницу крестила. Вотъ какая у меня кума! (обращаясь къ Катенькѣ): Теперь мы породнились, и вы должны меня любить. Здѣсь вся ваша семья?—У меня есть еще, Государь, гусарикъ, сказала Наташа. — Какой гусарикъ? — Я вамъ его приведу, сказала Наташа, и пошла за Пашкою, который, одѣтый въ новой мундиръ подаренный, сидѣлъ въ спальнѣ у кн. Ек. Ал. и ждалъ сигнала явиться. Онъ подошелъ и славно сказалъ Государю вытверженный имъ урокъ, поднявъ руку ко лбу: здравія желаю Вашему Императорскому Величеству! Государь засмѣялся и поцѣловалъ его. О, братъ, сказать онъ изволилъ, да ты перещеголялъ брата твоего Костю и ранѣе его началъ служить; а который тебѣ годъ? — Шесть лѣтъ, отвѣчалъ Пашка смѣло. Я нахожу, сказалъ Государь, что похожъ на васъ, адресуясь къ Наташѣ.

Зять доложилъ, что все готово, и Государь вышелъ въ гостиную, тотчасъ пошелъ къ бабушкѣ, открылъ одѣяло и сталъ разсматривать мамзель Сашку. Начался обрядъ, который Государь очень твердо знаетъ, ибо говорилъ то Катѣ, то бабушкѣ, что̀ должно дѣлать. Сашка была умна и почти не кричала. Государь рукою изволилъ прежде попробовать, не холодна ли вода. Только что окунули, карета въѣхала на дворъ, а велѣно было всѣмъ отказывать. Я побѣжалъ въ переднюю, а это былъ князь П. Мих., котораго пускать не хотѣли люди. Онъ просилъ, чтобы я его провелъ какъ-нибудь задними комнатами къ Ольгѣ, не проходя черезъ гостиную, что̀ я и сдѣлалъ. Какъ кончилась церемонія, стали просить Государя войти къ Ольгѣ; но онъ приказалъ прежде понести къ ней окрещенную, послѣ вошелъ самъ. Поздравлять сталъ Ольгу, поцѣловалъ у нея еще руку, потомъ у княгини Е. А., потомъ у Наташи, потомъ у Кати, называя ее *милою кумушкою*, потомъ обнялъ меня, говоря: поздравляю дѣдушку, потомъ поцѣловалъ Долгорукаго два раза: желаю тебѣ утѣшаться моею дочкою крестною. И Костю также поцѣловалъ и поздравилъ, да увидя Пашку за стуломъ, сказалъ: Ахъ ты мой гусаръ, поди-ка сюда, надобно и тебя поздравить дядею. Всѣ мы были тронуты, а дамы прослезились милостію такою. Государь все стоялъ. Ольга попросила его сѣсть, но

онъ благодарилъ. Тогда, сказала Ольга, вставши съ своей кушетки, и я буду стоять.—О! Такъ видно придется мнѣ сѣсть, но я буду просить дамъ сѣсть также. Всѣ усѣлись, и начался разговоръ. Помнишь твой маскарадъ? сказалъ Государь П. М., каково домино розовое! И теперь вы въ розовомъ, только тотъ цвѣтъ былъ блѣднѣе или отъ свѣчъ казалось.—Я и теперь сохраняю этотъ домино, Государь.—Жаль, что не будетъ здѣсь маскарада, я бы попросилъ точно также нарядиться опять. Надобно пріѣхать въ Петербургъ отплатить мнѣ визитъ мой.—Очень бы рада я была.—Да надобно бы тотчасъ ѣхать, сказалъ кн. П. М.—А что̀ такъ?—Да у меня, Государь, пари есть съ княгиней О. А., сказалъ кн. П. М., что она опять родитъ черезъ годъ мальчика. — Черезъ годъ? Черезъ 9 мѣсяцевъ развѣ, отвѣчалъ Государь; нѣтъ, черезъ 10 мѣсяцевъ; потомъ, обернувшись къ Долгорукому: Vous ne vous arrêterez pas en si bon chemin.—Теперь вамъ, Государь, сказалъ я, Москва пророчитъ сына Михаила.—Нѣтъ, надобно Императрицѣ отдохнуть, а ежели Богъ дастъ мнѣ сына, то конечно будетъ Михайла; (оборотясь къ Пашкѣ): Ты, говорятъ, меня все караулишь у окошка, стань же возлѣ папы и смотри на меня хорошенько. Ты меня любишь?—Люблю-съ!—Ну и я тебя люблю. Есть ли у тебя лошадь, гусаръ?—Есть, да Фенька*) ногу ей сломала. Государь очень смѣялся этой конфиденціи.

Потомъ была рѣчь о разныхъ постороннихъ предметахъ. Ольга предложила Государю позавтракать, но Е. В. отвѣчалъ: благодарю очень и сожалѣю, что не могу у васъ сидѣть сколько бы хотѣлъ; многіе представляются мнѣ сегодня и меня ждутъ, но я попрошу Шампанскаго, чтобы выпить здоровье ваше, Ольги и дочки моей. Я сказалъ Долгорукому, чтобы онъ поднесъ самъ рюмку и налилъ изъ бутылки Государю. Е. В. выпилъ поздравя цѣлую семью, одного послѣ другого по порядку, какъ прежде поздравлялъ насъ послѣ крещенія. Прошу выпить также, сказалъ Государь Ольгѣ. Она взяла, но Е. В. далъ только отвѣдать, прибавя: Cela pourrait vous faire du mal; вотъ у васъ гусаръ за васъ допьетъ. Пей, сказалъ Государь, подавъ рюмку Пашкѣ. Этотъ было хлопнуть хотѣлъ однимъ махомъ, но Государь отнялъ у него и отдалъ Костѣ со словами: Ну-ка, будущій гвардеецъ! Потомъ, обратясь къ Ольгѣ: Je suis enchanté que vous ayez arrangé les choses de manière que j'ai pu moi-même assister au baptême. — C'est bien heureux pour moi, Sire; je ne pourrai jamais vous exprimer, combien je suis pénétrée de tout ce que V. M. fait pour nous. — Ну вотъ пошли опять

*) Титова дочь, 7 лѣтъ. *Примѣч. Булгакова.*

комплименты.—Да, подлинно, Государь, Ольга необыкновенное имѣетъ какое-то счастіе. Она родилась 1-го Іюля, вы изволите помнить день этотъ.—Какъ! Въ одинъ день съ женою моею?—Точно такъ. Она вышла замужъ 28 Генваря (рожденіе вел. кн. Мих. Павловича), а родила 8 Ноября (въ именины Мих. Павловича).—C'est singulier, слышишь ли ты, Волконскій?—Да, мнѣ сказывалъ А. Я.; это подлинно странно, а для нея очень счастливо. — Ну! А когда родите вы сынка-то? Въ какой день? — Не знаю, Государь; а хотѣлось бы 6-го Декабря. — А только вѣрно не 6-го Декабря этого года, сказалъ Государь смѣючись. Посмотрѣвъ на портреты Императрицы и принца Альберта Прусскаго, Государь сказалъ: Императрица была его матерью крестною, да и матерью посаженою. Вотъ, кажется, главнѣйшіе предметы, о коихъ разговаривали. Мы все еще сообщаемъ другъ другу слова Государевы; ибо всякій изъ насъ выбѣгалъ изъ комнаты, то за однимъ, то за другимъ. Когда Государь сталъ уѣзжать, то опять у дамъ руки поцѣловалъ, а насъ обнялъ, точно какъ бы друзей или людей себѣ равныхъ. Женѣ сказалъ: Oh ça, madame B., j'espère que vous resterez ici et n'irez pas vous exposer au froid, je l'exige absolument, нагнулся, поцѣловалъ Пашку въ лобъ, говоря: Расти, мой другъ, и будь уменъ. Долгорукова обнимавши сказалъ: Береги свою жену и помни мое предсказаніе (о будущемъ сынѣ). Костя сказалъ Государю: В. И. В. не проберетесь, дворъ и улица набиты народомъ.—Пройдемъ какъ-нибудь, отвѣчалъ Государь, намъ этому не учиться: дома у меня всякій день таже исторія. Прощай, прибавилъ Государь, до свиданія въ Петербургѣ. А меня, обнявши еще уже въ сѣняхъ, садясь въ сани, въ шинели и шляпѣ, взялъ еще за руку и жалъ ее.

Стоявшій на дворѣ и улицѣ народъ закричалъ ура! И за санями побѣжали, сколько было силъ. Даже кареты стояли противъ дому, и въ нихъ дамы, чтобы на Государя смотрѣть. Мы вбѣжали въ комнаты, и всякій закричалъ по своему похвалу державному ангелу. Всѣ стали другъ друга цѣловать, поздравлять, пить Шампанское, и ну отправлять завтракъ, который былъ приготовленъ для Е. В. Въ живой, общей этой радости, Ольга вовсе забыла посмотрѣть футляръ, который кн. П. Мих. положилъ къ ней на столъ. Папенька, откройте вы. Я открылъ, и нашли мы прекрасную sevigné, я полагаю, тысячъ въ пять, три лала прекраснаго огня, лалы или rubis balais удивительной игры; но дорога память и безцѣнна ласка царская. Фастъ плакалъ, слушая и одно твердилъ: Будь мой домъ, я бы поставилъ памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Государь крестить изволилъ. Весь день мы были какъ внѣ себя, мой милый другъ. И флегма Волконскій сказалъ, пошевеливая

ртомъ на сторону: да велики его милости къ вамъ! Теперь о другомъ въ городѣ не говорятъ, какъ о Долгоруковскихъ крестинахъ. Это знаю я отъ княгини Тат. Васильевны, Адлерберга, Моденши. У первой была вечеромъ репетиція концерту завтрашнему, а тѣ были вечеромъ у Пашковыхъ. Государь за обѣдомъ все разсказывалъ о крестинахъ, объ Ольгѣ, о странномъ сочетаніи чиселъ, о коемъ выше тебѣ говорено. Не знаю право, что̀ тебѣ писалъ и какъ. Теперь два часа, я воротился поздно отъ Пашковыхъ, но не хотѣлъ лечь спать, не описавъ тебѣ этого счастливаго, единственнаго для насъ дня.

Тургеневъ въ восхищеніи отъ твоего письма. Вчера танцовалъ до упаду у Пашковыхъ. Я точно мнѣнія Дашкова, что онъ кончитъ, какъ Сергѣй*), и что есть маленькое начало. Намедни, у Киндяковыхъ на балѣ, онъ вдругъ началъ громко проповѣдывать Рахмановой, среди котиліона, разсказывая, какъ можно соединить вѣры нашу и католическую. Вяземская такъ и померла со смѣху.

Пріѣхавшій изъ Курскаго слѣдствія жандармскій графъ Апраксинъ привезъ письма къ гр. Нессельроду и къ тебѣ отъ Демидова Павла Ник. Умираетъ-хочетъ служить въ Иностранной Коллегіи. Я графу говорилъ, какъ бы найти ему мѣста. Но у нашего Н. все трудности вездѣ. Другой бы съ охотою взялъ къ себѣ такого матадора.

*

Москва, 23 Ноября 1831.

Я сію минуту изъ дворца, любезнѣйшій братъ. Князя П. М. благодарили мы съ зятемъ. Государя не было, онъ какія-то смотритъ войска, а Императрица поѣхала въ Институтъ. Мы вызывали камердинера и просили доложить Его Величеству, что были оба повергнуть къ стопамъ его нашу благодарность за милость, намъ вчера оказанную.

Мы заѣхали съ Долгорукимъ поздравить именинника, князя А. М. Урусова; при насъ принесли пакетъ отъ Императрицы, пришлось еще поздравить: княгинѣ присланъ при рескриптѣ бантъ Екатерининской. Она очень довольна, и не мудрено, ибо пожаловано только ей и графинѣ Зубовой, дочери Суворова и дѣйств. тайн. совѣтницѣ.

Государь, говоря княжнѣ Софьѣ Урусовой о крестинахъ, сказалъ: Ну ужъ какія у меня двѣ кумы завелись, премилыя, умныя, и добрыя. А та, спасибо, ну всѣхъ насъ хвалить.

*

Москва, 24 Ноября 1831.

Мы сейчасъ съ концерта князя Дмитрія Владимировича. Музыку хорошо давать нѣсколькимъ охотникамъ, а тутъ было 150 человѣкъ.

---

*) Т. е. какъ Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ, скончавшійся въ Парижѣ въ 1827 г. въ умоповрежденіи. (См. о немъ нашъ сборникъ „Девятнадцатый Вѣкъ“, кн. 1-я).

Зала была славно убрана зеленью, и сидѣли всѣ безъ чиновъ. Послѣ ужина пѣли на хорахъ Цыганки. Государь два раза изволилъ подходить ко мнѣ, спрашивалъ объ Ольгѣ и малюткѣ, хвалилъ голосъ Катенькинъ, а ей Императрица сказала: C'est joli de m'avoir caché que vous avez un si joli talent. Катенька боялась,что заставятъ ее пѣть, но такъ обошлось. И Государь также ей сказалъ: Я и не зналъ, что моя кумушка такая *пѣвунья*! Какъ подошли мы къ клавикордамъ, я сталъ ноты развертывать и садиться, а Государь сказалъ: C'est pour avoir une contenance et prouver qu'il n'a pas peur.—On n'a jamais peur de Vous, Sire. Vous êtes trop bon et indulgent. Оставь-ка комплименты да принимайся за дѣло, а потомъ Катенькѣ сказалъ: погодите немного, я позову Императрицу. Наше дѣло было небольшое и удалось. Костя также отпѣлъ свою роль хорошо. Вечеръ былъ какъ-то холоденъ и церемоненъ. Императрица позвала Костю къ себѣ и напомнила ему Павловское, какъ онъ пушку возилъ. Какъ ужинали, то я сѣлъ возлѣ Хвощинской и, болтая съ нею и съ тарелкою на колѣняхъ, ѣлъ. Государь проходилъ. Я всталъ, но онъ показалъ мнѣ свою полусаблю и сказалъ: садись, а то сейчасъ проколю тебя, и самъ началъ разговаривать съ Хвощинскою. Какъ я доѣлъ, то хотѣлъ встать: А что̀ я тебѣ сказалъ? — Да, Государь, я уже сытъ.—Нужды нѣтъ, ѣшь еще и садись! Сказавъ это, Государь пихнулъ меня въ брюхо и заставилъ сѣсть. Императрица подходила къ Наташѣ и начала разговоръ словами: à la fin, je vois vous à une soirée. — Можетъ быть, не увижу уже Государя. Эта мысль грустна: завтра онъ насъ оставляетъ. Я также сказалъ Государю, что мы съ зятемъ являлись его благодарить за милость, намъ оказанную. Его величество отвѣчалъ: Не нужны церемоніи; а я очень радъ, что могъ сдѣлать угодное Ольгѣ Александровнѣ; не забудь ей поклониться отъ меня.

Ж. точно не правъ, но предубѣжденія противъ Т. столь велики, что и его тутъ винятъ въ погубленіи стараго друга своего. Одна уже связь Ж. съ Т. была началомъ холодности правительства къ первому. Т. отъ твоего письма въ восхищеніи и твердитъ все: Я доволенъ братомъ твоимъ, онъ всегда былъ одинъ и тотъ же со мною; но за то и вы будете довольны. Вчера онъ благополучно спалъ на концертѣ, когда не суетился и не волочился. Къ Наташѣ подошелъ: Что́ новаго?—Ахъ! Вы знаете ли, что Долгорукая (Ольга) родила? Да бишь Государь у нея крестилъ уже.—Въ умѣ ли вы А. И.? спросила жена. Je vous dis, ce sont les bruits de la ville, и насилу опомнился, что говоритъ съ матерью Долгорукой.

*

Москва, 25 Ноября 1831.

Государь и Императрица изволили отбыть сегодня въ 7 часовъ, такъ говорили вчера у Урусовыхъ, которыхъ ѣздилъ я поздравлять съ имянинницею и чуть не засталъ тамъ Государя, который также изволилъ быть у княгини Екатерины Павловны съ поздравленіемъ. Кушать должны въ Твери, откуда Государь поѣдетъ уже одинъ прямо въ Петербургъ, а Государыня слѣдовать будетъ. Не испортила ли дорогу метель, которая была ночью? Но, слава Богу, что стало тише, а то съ 18 градусами мороза быть въ дорогѣ и ѣхать такъ скоро тяжело. Откланиванія не было никому, и я видѣлъ Ихъ Величества въ послѣдній разъ на концертѣ князя Голицына. Не слышно о милостяхъ при отъѣздѣ, какъ было говорили; а многіе ожидали. Говорятъ, что есть два камергера еще: кн. Серг. Мих. племянникъ Голицынъ, что при университетѣ, и Дмитріевъ, племянникъ Ив. Ив. Комендантъ бѣдный очень не веселъ, что князь не представилъ его подчиненныхъ и говорилъ ему: Si j'ai mérité la plaque de S-t Wladimir, je la dois à mes sousordres, qu'on me permette de la couper par morceaux et de la distribuer à mes subalternes. Вотъ какъ всякой благородной начальникъ думаетъ, а другой все хорошее приписываетъ себѣ только одному.

Пріѣхала кн. Щербатова, урожденная Апраксина; заговорился съ нею, все о Государѣ и Императрицѣ, которая, прощаясь вчера съ княземъ Д. В. и княгинею Т. В., плакала, благодарила и изъявляла сожалѣніе оставить Москву. Княгиня Т. В. ѣдетъ въ подмосковную отдыхать, а тамъ собирается къ вамъ, и князь также.

*

Москва, 26 Ноября 1831.

Вчера вечеромъ пріѣхали къ намъ Красовскій съ женою; она уѣхала къ Небольсиной, а онъ остался и многое намъ поразсказалъ о сахарахъ-Полякахъ; послѣ пріѣхалъ также Адлербергъ, пилъ чай и просидѣлъ до 11 часовъ. Онъ добрый, услужливый человѣкъ и большой охотникъ танцовать. Принудили Катю попѣть, и они очень ее расхваливали, хотя я нахожу, что она много потеряла въ пѣньи; то-ли было, какъ она воротилась изъ Петербурга послѣ уроковъ Рубини! Вообще всѣ окружающіе Государя очень отличали Катю отъ прочихъ фрейлинъ, а она, отложа красоту свою, вела себя очень умно, осторожно, вѣжливо. Велики были милости къ ней и Ольгѣ Государя и Императрицы; только я радуюсь, что не взяли ее въ Петербургъ для многихъ причинъ. Графиня Потемкина сказывала мнѣ, что Государь ей очень расхваливалъ дѣтей моихъ; та, любя ихъ очень, наговорила также много хорошаго. Императоръ отвѣчалъ: Cette petite Dolgorouky est inconcevable; il me semble la voir enfant avec son domino rose, et la

voilà mariée et mère, et il faut voir comme elle se retrouve à merveille dans tous ces états. Elle et sa soeur ont fait mon admiration au baptême.

Много милостей оказано было Урусовымъ. Въ обѣдъ 24-го числа, получила княжна Софья премилую записку отъ Императрицы, коею Ея Величество приглашаетъ къ себѣ на вечеръ прощальный отца ея и мать. Княгинѣ бантъ пожалованъ, а передъ отъѣздомъ совсѣмъ въ дорогу, Государыня пожаловала княжнѣ С. А. свою шубу черную лисью, которую цѣнятъ въ 12 т. При самомъ отъѣздѣ въ путь были въ залѣ князь Д. В., Мухановъ об.-шт., слѣпой Гагаринъ, князь Серг. Мих., Озеровъ, Четвертинскій. Ихъ Величества говорили, сколь они тронуты преданностію Московскихъ жителей, какъ имъ было здѣсь весело, покойно, какъ любятъ Москву. У Государыни были слезы на глазахъ, и большая часть бывшихъ тутъ также, глядя на нее, прослезились. Кремль былъ усѣянъ людьми. Государь сказалъ: Скоро надѣюсь опять съ вами увидѣться.

*

Москва, 27 Ноября 1831.

Вчера обѣдалъ я у Волкова, тутъ былъ Сталь. Вотъ два добрые начальника! Одинъ получилъ звѣзду Владимирскую и говоритъ, что она у него какъ камень, потому что князь Дм. Вл. отказалъ представить о подчиненныхъ Сталя; а они, говоритъ онъ, надѣли на меня звѣзду. А Волковъ самъ ничего не получилъ, а въ восхищеніи, потому что всѣ его подчиненные награждены. Нѣкоторые канцелярскіе, вмѣсто орденовъ, получили подарки по ошибкѣ Бенкендорфа, и хотя это было утверждено Государемъ, Волковъ не далъ покою Бенкендорфу, который передоложилъ, исправилъ свою ошибку и выпросилъ четыре креста. Такъ вотъ начальники! Вотъ такъ-то ты съ твоими почтамтскими. Мнѣ очень пріятно было это узнать, потому что я воображалъ себѣ, что Волковъ былъ забытъ въ этотъ пріѣздъ. Тѣ, кои остались, такъ воображаютъ себѣ, что ихъ не забудутъ 6-го Декабря; называютъ по обыкновенію фрейлинъ и пр. Бухаринъ писалъ и просилъ, чтобы дочь сдѣлали фр. и взяли во дворецъ, но не исполнилось желаніе его. Княгиня Абамелекъ тоже просила для дочери, но также отказъ. Можно было это предвидѣть. Называютъ также М . . ую. Всѣмъ этимъ не было слѣдовъ просить; но первыя двѣ хоть изрядненькія лицомъ, а наша-то была бы пугалищемъ дворцовымъ.

Пашка всѣмъ показываетъ мѣстечко на маковкѣ, гдѣ Государь его поцѣловалъ, а няня мѣсто это все креститъ. До сихъ поръ много въ Москвѣ разсказываютъ о крестинахъ нашихъ. Долгорукій дѣлаетъ бляху съ надписью, которую прибьетъ на тѣ кресла, гдѣ изволилъ сидѣть Государь. Будетъ сказано, что Государь такого-то числа кре-

стилъ такую-ту и сидѣлъ на креслахъ сихъ возлѣ родильницы. Сіи кресла будутъ имѣть особенное мѣсто и сберегаться въ фамиліи. Это очень хорошая мысль.

*

Москва, 28 Ноября 1831.

Да, братъ, бѣднаго Новосильцова очень огорчило бывшее съ нимъ. Я вчера былъ у него. Онъ печаленъ, убитъ. Письмо, писанное имъ князю Голицыну, было читано Государемъ, но не произвело ничего. Я ему совѣтовалъ продолжать службу какъ бы ни въ чемъ не бывало: мнѣніе добрыхъ людей и продолженіе довѣренности къ нему князя Д. В. должны его поддерживать. Все со временемъ объяснится и поправится, а выходомъ въ отставку онъ все испортитъ, навсегда оставаясь неоправданнымъ. Вообрази, между нами, что это каверзы Муханова, который холодность къ нему князя Д. В. приписывалъ Новосильцову. Князь давалъ какое-то слѣдствіе Новосильцову дѣлать; этотъ, найдя неправымъ Муханова (который велѣлъ высѣчь одного управляющаго, а пойманаго имъ вора велѣлъ выпустить) сдѣлалъ князю рапортъ, въ коемъ бралъ сторону Муханова же, именно избѣгая раздоровъ и зная, что князь къ Муханову не благоволитъ и безъ того. Но князю донесли другіе, какъ было дѣло, и онъ Муханову ужасно мылъ голову съ угрозами удалить его. Тотъ вообразилъ, что это работа Новосильцова, наговорилъ Бибикову, прося великаго князя поставить противъ Н-ва, который якобы ссоритъ всѣхъ съ княземъ Д. В., изъ коего дѣлаетъ будто что̀ хочетъ. Вел. князь, полагаясь на слова Бибикова, говорилъ Государю. Теперь самъ Мухановъ, узнавши всѣ обстоятельства, жизни не радъ и готовъ все поправить, самъ Новосильцову изъявлялъ свое сожалѣніе, да нѣтъ пользы. Зло сдѣлано, поди поправляй! Вотъ какъ должно быть осторожными тѣмъ, кои имѣютъ доступъ къ высочайшимъ лицамъ! Сколько вреда можно сдѣлать однимъ словомъ! Я признаюсь тебѣ, что, обращаясь учтиво съ Мухановымъ, ненавижу харю его; да и человѣкъ, который ругаетъ скверно такого ангела каковъ гр. М. С. Воронцовъ, не можетъ быть хорошъ. Его очень здѣсь всѣ не любятъ. Я вошелъ въ эти подробности, зная, что ты любишь обоихъ Новосильцовыхъ.

*

Москва, 1 Декабря 1831.

Государь положилъ многое къ украшенію города. Между Самотеки и Трубы будутъ паркъ или сады наподобіе Кремлевскаго; на томъ мѣстѣ, гдѣ Алексѣевскій монастырь, сооруженъ будетъ храмъ Христа-Спасителя вмѣсто того, что̀ предполагали выстроить на Воробьевыхъ горахъ. Кромѣ монастыря скупятъ еще домъ Пашкова, съѣзжую, что̀ на Пречистенкѣ, и всѣ зданія, такъ что весь этотъ большой крутой

мысъ занятъ будетъ храмомъ; мѣсто высокое, видное и очень обширное. Имя архитектора не помню, но иностранное*), и я только боюсь, чтобы вмѣсто Греческой не соорудили Католическую церковь, какъ ваша Казанская. Государь приказалъ вытащить изъ земли колоколъ огромный, такъ давно въ оной зарытый. Вел. князь Мих. Павловичъ хочетъ быть звонаремъ Ивановской колокольни; я писалъ тебѣ, что Государь, удовлетворяя его желанію и отвѣчая на его шутку, приказалъ отправить къ нему красный звонарскій кафтанъ, что̀ уже и исполнено. Для такого августѣйшаго звонаря нельзя было имѣть колокола менѣе вѣсомъ какъ въ 12 т. пудъ. Въ городѣ будутъ четыре большіе фонтана съ Мытищинскою водою; два уже бьютъ, одинъ у Кремлевскаго сада, а другой на Никольской площади. Какъ бы наша Москва не перещеголяла вашъ Петербургъ.

*

Москва, 12 Декабря 1831.

Начитались же мы письма твоего, любезнѣйшій братъ. Для кого изъ насъ не было оно пріятно? Даже для Пашки! И объ немъ Государь изволилъ вспоминать. Подлинно, велики милости Императора. Меня радуетъ, что Костя чувствуетъ ихъ живо. Я толковалъ ему, какъ для него легко будетъ содѣлаться оныхъ достойнымъ: иной вѣкъ бьется, чтобы только обратить на себя высочайшее вниманіе, а ему стоитъ только оправдывать царское благорасположеніе. Я Костѣ буду говорить подробнѣе другой разъ. Мы жалѣемъ, что ты намъ въ кратцѣ обо многомъ упоминаешь. Знаешь, какъ всякое слово дорого! Да гдѣ взять тебѣ время все подробно описать? Что̀ говорилъ Государь о кумѣ своей Катенькѣ? Ольга, напримѣръ, сказала пасмурно: l'Empereur n'a rien dit du particulier de Дишка! Il n'a pas parlé à mon oncle de sa filleule etc. Гдѣ же на васъ всѣхъ угодить! Будетъ съ васъ и этого. Главная претензія Ольги· pourquoi est-ce que mon oncle et vous, papa, vous n'avez rien reçu? На это долбилъ я ей въ голову: Ma chère amie, la bienveillance du Souverain se manifeste par la manière, dont il vous traite; or, je vous demande, s'il est possible de témoigner plus de bonté que l'Empereur n'en témoigné à notre famille? Cela n'est-il pas plus précieux que toutes les décorations et les rangs du monde? И съ Фастомъ я также спорилъ; онъ замѣчаетъ, что ты съ коронаціи ничего не получалъ, а я право это и не замѣтилъ, а вѣрно не менѣе Фаста тебя люблю. Vous avez vu de quelle manière S. M. a traité Alexandre toujours, et surtout au baptême: il l'a embrassé, lui a parlé avec bonté et même avec une certaine familiarité;

*) Константинъ Андреевичъ Тонъ.

tout cela ne vaut-il pas mieux que l'habit brodé, qui viendra aussi. Prenez patience! Какъ насъ тронули слова Государя, тебѣ сказанныя: *Надѣюсь, что въ моемъ расположеніи и прежде они (мы) не сомнѣвались.*

*

Москва, 21 Декабря 1831.

Фастъ задалъ намъ славный обѣдъ, мой милый и любезнѣйшій другъ, и твое здоровье не было тутъ забыто. Послѣ обѣда курили. Вяземскій былъ очень любезенъ, а Тургеневъ пѣлъ по собачьему. Сегодня долженъ обѣдать у Брокера съ Фастомъ. Въ бытность здѣсь Государя, просилъ я А. Х. Бенкендорфа о сынѣ Исленьевой, опредѣлить его въ Горный корпусъ, гдѣ дѣдъ его Алябьевъ и дядя Соймоновъ служили. Б. сказалъ: j'en parlerai au ministre des finances, donnez moi une записка. Я думалъ, что только и будетъ; но вчера получаю письмо, коимъ извѣщаетъ меня, что это сдѣлано, и требуетъ нѣкоторыхъ бумагъ. Меня очень просилъ о семъ Брокеръ, коего Исленьева сосѣдка и пріятельница. Она здѣсь случайно теперь, то и хотятъ попировать вѣсть радостную. Поблагодари Бенкендорфа за доброе дѣло, а завтра самъ къ нему буду писать.

*

Москва, 29 Декабря 1831.

Я заѣзжалъ на дняхъ къ Башилову. Онъ показывалъ мнѣ разные проекты храма Спаса, что̀ будетъ строиться возлѣ каменнаго моста, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь монастырь Алексѣевскій. Есть и хорошіе, одинъ напоминаетъ церковь св. Павла въ Лондонѣ. Я то не одобряю, что не Греческій древній вкусъ. Почему нѣтъ превысокой колокольни, пяти главъ? Народъ Московскій не будетъ любить храмъ похожій на Католическій, а не на наши Кремлевскіе соборы. Я помню, что̀ мнѣ сказалъ одинъ разъ покойный Каподистрія: Le chef d'oeuvres des temples Catholiques est à Rome; il faut que Moscou renferme le chef d'oeuvres des églises Greques. Pourqoi ne ferait-on pas en grand la S-te Sophie de Constantinople? Эта мысль богатая. Планы дѣлаютъ у насъ все Французы, да Англичане; почему не Русскіе? Почему не Академія Художествъ? Почему не сдѣлать программу, возбудить соревнованіе между всѣми архитекторами Европы, назначить призъ? Уже и то возбудитъ самолюбіе, что имя строителя или прожектёра соединится навсегда со столь огромнымъ зданіемъ и увѣковѣчится. Я все это говорилъ Башилову; но онъ такъ вѣтренъ, а собирается скоро ѣхать въ Петербургъ и везетъ проекты. Ты бы такъ въ разговорѣ намекнулъ своему князю: онъ долго занимался этою частію, бывши въ Синодѣ, и его мнѣніе всегда уважаютъ.

КЪ БІОГРАФІИ Т. Н. ГРАНОВСКАГО.

До сихъ поръ въ печати появилось очень мало свѣдѣній, которыя касались бы положенія и дѣятельности Т. Н. Грановскаго въ Университетѣ, отношенія къ нему правительства, начальства и товарищей-профессоровъ. Этотъ пробѣлъ мы встрѣчаемъ и въ прекрасной о немъ книгѣ А. В. Станкевича. Поэтому всякое новое показаніе о томъ не лишено значенія для жизнеописанія Грановскаго. Настоящее сообщеніе касается попытки Грановскаго оставить въ 1848 году Московскій Университетъ

Въ жизни Московскаго Университета 1848 г. крупнымъ событіемъ и единственнымъ въ своемъ родѣ примѣромъ во всей исторіи Университета явился выходъ въ отставку трехъ лучшихъ профессоровъ: Грановскаго, Кавелина и Рѣдкина. Желая возвысить достоинство преподавателя, желая не только поучать съ каѳедры молодое поколѣніе, но и въ собственномъ лицѣ служить для него образцами нравственной чистоты и человѣческаго достоинства, они не могли допустить пребыванія въ своей средѣ профессора, дѣйствовавшаго противъ правилъ нравственности и чести. Столкновеніе ихъ произошло съ однимъ изъ крупнѣйшихъ и талантливѣйшихъ профессоровъ того времени, Никитою Ивановичемъ Крыловымъ. Его безпринципность и крайняя грубость въ семейной жизни вызвали протестъ со стороны этихъ профессоровъ, не считавшихъ возможнымъ дальнѣйшее пребываніе Крылова въ Университетѣ. Cet homme, писалъ о немъ Грановскій, s'est cependant fait le bourreau de sa femme et a mis toute la ville dans le secret de ses honteux marchés avec les étudians.

Вопросъ былъ поставленъ ребромъ. Кавелинъ, Рѣдкинъ и Грановскій требовали удаленія Крылова. Попечитель графъ Строгановъ не счелъ возможнымъ удовлетворить ихъ желаніе, и Крыловъ остался.

„L'impudence du professeur Kryloff, писалъ послѣ этого графу Строганову Грановскій, a rendu la chose impossible. Son obstination à garder une place, que d'après notre opinion il avait déshonorée, nous a imposé le devoir d'une protestation publique. Nous acceptons d'avance toutes les conséquences d'une action qui n'est pas dans les habitudes de notre société *)..

Повидимому протестъ этихъ трехъ благородныхъ представителей Университета не нашелъ поддержки среди ихъ товарищей, остававшихся безмолв-

*) Т. Н. Грановскій, его переписка, № 355.

ными. Въ письмѣ того же Грановскаго *) мы читаемъ: „Было много гадостей, которыя держали меня въ лихорадочномъ состояніи раздраженія цѣлую недѣлю. Я ждалъ и желалъ лучшихъ, болѣе благородныхъ противниковъ. Шевыревъ отступилъ отъ насъ и подалъ руку дружбы Крылову“.

Грановскій первый вручилъ свою отставку ректору. Надо полагать, что подать отставку мотивированную не представлялось тогда возможнымъ, и она гласила слѣдующее.

„Его превосходительству, г. ректору Императорскаго Московскаго Университета, исправляющаго должность экстраординнаго профессора Грановскаго прошеніе.

Жестокія и постоянныя головныя боли, происходящія отъ ушиба, претерпѣннаго мною въ Октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1847 г., лишаютъ меня всякой возможности продолжать мои ученыя занятія и службу въ Московскомъ Университетѣ. Вслѣдствіе чего покорнѣйше прошу ваше превосходительство объ исходатайствованіи мнѣ увольненія отъ исправляемой мною должности экстра-ординарнаго профессора. И. д. э.-о. пр. Т. Грановскій. 1848 г. Генваря 7 дня“.

13 Января примѣру Грановскаго послѣдовали Кавелинъ и Рѣдкинъ; первый просилъ увольненія, „желая перемѣнить родъ службы“; второй, „не имѣя возможности по своимъ обстоятельствамъ продолжать въ настоящее время службу въ Московскомъ Университетѣ“.

На другой же день послѣ подачи, прошенія эти слушались въ засѣданіи Совѣта. Интересно то, что они не возбудили никакихъ запросовъ со стороны членовъ Совѣта о причинѣ выхода въ отставку лучшихъ въ то время профессоровъ. Не входя ни въ какія обсужденія, Совѣтъ постановилъ донести попечителю и просить увольненія профессоровъ. Факультетскому собранію Перваго Отдѣленія было сообщено о выходѣ въ отставку Грановскаго уже послѣ состоявшагося совѣтскаго рѣшенія, когда прошеніе пошло къ министру.

Факультетъ, выслушавъ это сообщеніе, по предложенію декана Шевырева, постановилъ войти въ Совѣтъ съ нижеслѣдующимъ ходатайствомъ.

„Члены и преподаватели 1-го Отдѣленія Философскаго Факультета, въ засѣданіи 17 Января 1848 г., получивъ извѣстіе отъ г. декана о просьбѣ испр. долж. экстра-ординарнаго профессора Грановскаго объ увольненіи его отъ каѳедры для путешествія за границу по болѣзни, и сожалѣя, что Отдѣленіе лишается столь достойнаго преподавателя, по предложенію г. декана честь имѣетъ просить Совѣтъ, въ уваженіе заслугъ его г. Грановскаго, исходатайствовать передъ начальствомъ позволеніе ѣхать ему за границу съ тѣмъ, чтобы онъ по излѣченіи болѣзни возвратился на каѳедру всеобщей исторіи. Деканъ С. Шевыревъ. 21 Января“.

*

Представляется довольно непонятнымъ, что Совѣтъ, пройдя молчаніемъ прошеніе Грановскаго въ засѣданіи 13 Января, только въ слѣдующемъ засѣданіи сдѣлалъ слѣдующеее лестное для Грановскаго постановленіе.

*) Къ Фролову 1848 г., № 327.

„Совѣтъ 22 Января, выслушавъ заявленіе Отдѣленія, приказали представить объ этомъ его превосходительству [1]) г. попечителю съ изъявленіемъ, что Совѣтъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе 1-го Отдѣленія Философскаго факультета относительно заслугъ, и. д. э.-о. профессора Грановскаго и не можетъ не сознавать той пользы, какую сей общеизвѣстный преподаватель доставляетъ Москов. Унив-у своими учеными трудами, отличными свѣдѣніями и краснорѣчивымъ изложеніемъ своихъ лекцій; а потому, чтобыне лишиться этого профессора, съ честью для У-та и съ пользой для учащихся занимающаго около 10 лѣтъ одну изъ каѳедръ при Московскомъ У-тѣ, Совѣтъ считаетъ долгомъ просить начальническаго ходатайства его прев-ва о вознагражденіи г-на Грановскаго единовременно годовымъ окладомъ жалованья по должности э.-о. профессора изъ экономическихъ суммъ Ун-та, что̀ по ограниченности его состоянія послужитъ вмѣстѣ съ возмездіемъ за усердную его службу и средствомъ провести за границей время потребное для поправленія его здоровья, по возвращеніи откуда онъ изъявилъ въ засѣданіи Совѣта готовность занять оставляемую имъ нынѣ каѳедру, если то позволятъ ему силы, а потому члены Совѣта надѣются, что онъ не замедлитъ оказать вновь Московскому Университету просвѣщенную дѣятельность и усердіе къ службѣ“.

5 Февраля 1848 министръ отвѣчалъ отказомъ на прошенія профессоровъ. Относительно Рѣдкина и Кавелина онъ писалъ, что на основаніи существующихъ узаконеній не можетъ уволить ихъ въ срединѣ учебнаго года и предлагаетъ остаться имъ до окончанія семестра. „Что же касается до проф. Грановскаго, то онъ, какъ не выслужившій при Моск. Университетѣ 12 лѣтъ по принятой на себя обязанности при отправленіи его на счетъ Университета въ 1836 г. за границу, не можетъ быть уволенъ отъ службы при Университетѣ, развѣ болѣзнь лишитъ его всякой возможности продолжать службу, что̀ однакоже должно быть подкрѣплено узаконеннымъ свидѣтельствомъ“.

Но повидимому Грановскій твердо рѣшился оставить Университетъ, такъ какъ, получивъ отказъ министра на свое прошеніе, онъ повторилъ свое ходатайство съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства.

Свидѣтельство, подписанное докт. медиц. дѣйст. стат. сов. и кавалеромъ Богданомъ Мюльгаузеномъ[2]), гласило, что Грановскій былъ подверженъ еще въ юныхъ лѣтахъ груднымъ болѣзнямъ, катарамъ и кровохарканію; послѣднія же шесть лѣтъ страдалъ часто возвращающейся нервной головной болью, періодическимъ кашлемъ и нерѣдко потерею голоса. Послѣ полученнаго Грановскимъ въ 1847 г. ушиба съ потрясеніемъ мозга къ его прежнимъ недугамъ прибавилось болѣзненное измѣненіе слуха и зрѣнія. Для поправленія здоровья, докторъ считалъ необходимымъ отправить его въ чужіе края и въ виду слабости груди провести ему въ тепломъ климатѣ зиму и осень.

Въ концѣ Мая Грановскій самъ поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать объ отставкѣ. Министромъ (графомъ С. С. Уваровымъ) ему былъ оказанъ самый

---

[1]) Т. е. преемнику графа Строганова, Д. П. Голохвастову.

[2]) Это былъ тесть Т. Н. Грановскаго.

лестный и любезный пріемъ, но хлопоты не привели къ желаннымъ результатамъ. „Участь моя окончательно рѣшится въ Москвѣ (писалъ Грановскій женѣ 9 Іюня), когда пріѣдетъ министръ“ Въ Іюлѣ мѣсяцѣ пришелъ вторичный отказъ на просьбу Грановскаго, не смотря на медицинское свидѣтельство.

Попечитель (9 Іюля, № 2126) сообщалъ ректору: „Его сіятельство, разсмотрѣвъ помянутое свидѣтельство, увѣдомилъ меня, что какъ въ свидѣтельствѣ томъ не заключается удостовѣренія, что Грановскій по болѣзни, которою одержимъ, не можетъ продолжать службы, а сказано только, что для излѣченія отъ болѣзни ему нужно провести нѣкоторое время въ тепломъ климатѣ, то посему онъ и не можетъ удовлетворить ходатайству объ увольненіи Грановскаго отъ службы“.

Такимъ образомъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно: Грановскій не только остался на службѣ, но и не поѣхалъ за границу. Одновременно съ этимъ отказомъ были уволены отъ службы въ Университетѣ Рѣдкинъ (6 Іюля) и Кавелинъ (5 Сентября).

Въ Ноябрѣ этого же года „за отлично усердную службу и особые труды“ Грановскому было объявлено монаршее благоволеніе.

Д. М. Щепкинъ.

ОБУЧЕНІЕ ДРЕВНИМЪ ЯЗЫКАМЪ ВЪ РОССІИ (1875).

Письмо М. П. Погодина къ князю А. И. Васильчикову.

Съ живѣйшимъ сочувствіемъ, достойный князь А. И., прочелъ я здѣсь, за границею, письмо ваше[1]) къ Министру Народнаго Просвѣщенія о пагубной системѣ образованія, вводимой имъ въ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ. Я обрадовался вашему искреннему голосу, тѣмъ болѣе, что онъ никакимъ образомъ ни отъ кого не можетъ быть заподозрѣнъ ни въ предубѣжденіи, ни въ пристрастіи, ни въ какихъ-либо заднихъ мысляхъ. Вы говорите откровенно, какъ Русскій человѣкъ, честный гражданинъ, вѣрноподданный, какъ внимательный наблюдатель всего, что̀ происходитъ въ отечествѣ къ добру или къ худу; вы говорите, находясь внѣ всякихъ партій съ ихъ кознями и личными цѣлями, встрѣчаясь на всякомъ шагу съ доказательствами и подтвержденіями вашего мнѣнія, слыша безпрестанно собственными ушами о стѣсненномъ, безвыходномъ положеніи семействъ, касательно воспитанія ихъ дѣтей, видя своими глазами произрастаніе зла, т. е. уменьшеніе нужныхъ свѣдѣній, умноженіе невѣжества въ обществѣ, и желая помочь ему, сколько это зависитъ отъ частнаго человѣка, если не дѣломъ, то словомъ, по крайнему его разумѣнію.

Я совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, но долженъ сказать, что вы разсмотрѣли нашу злополучную систему[2]) только съ двухъ-трехъ сторонъ, а есть еще двадцать-тридцать, съ которыхъ является она гораздо неблаговиднѣе и опаснѣе. Вы отнеслись къ ней слишкомъ снисходительно, вы допустили безъ разсужденія ея превосходство, вы предположили безъ повѣрки ея разумное приложеніе къ дѣлу. Слѣдуя своему плану, вы не обратили вниманія на почву, предлежащую обсѣмененію (позвольте мнѣ для ясности употребить сравненіе), на руки, которымъ поручается сѣяніе, на погоду, когда предпринимается страда; вы не хотѣли останавливаться на изслѣдованіи о томъ, пригодны ли для насъ тѣ плоды, которые должны произрасти (если произрастутъ) изъ сѣмянъ, закупаемыхъ такою дорогою цѣною въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и Гейдельбергѣ и вколачиваемыхъ съ такими усиліями въ землю; о томъ, не имѣемъ ли мы, голодающіе, нужду въ пищѣ совсѣмъ другого рода.

*

---

[1]) Князь А. И. Васильчиковъ напечаталъ за границею это письмо свое къ графу Д. А. Толстому. П. Б.

[2]) Во избѣжаніе недоразумѣній я буду называть ее именно „нашей", потому что въ такомъ видѣ, въ такой обстановкѣ, какъ у насъ—нѣтъ ея нигдѣ.

По особому складу нашей жизни, вслѣдствіе судебъ историческихъ, при странномъ составѣ нашего общества, слишкомъ разнороднаго и разнохарактернаго, въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся, вопросъ о „нашей“ классической системѣ сдѣлался у насъ очень сложнымъ. Кромѣ того, что опять могутъ быть разныя мнѣнія по его существу въ педагогическомъ отношеніи (напримѣръ: въ чемъ состоитъ именно система образованія, какое основаніе имѣетъ она, не измѣнялась-ли она по временамъ, не могутъ ли имѣть вліяніе на нее мѣстности, и пр.?)—вопросъ этотъ у насъ въ настоящее время соединяется со множествомъ другихъ постороннихъ и случайныхъ обстоятельствъ, которыя имѣютъ къ нему непосредственное отношеніе. Иностранцы, слушая насъ, затруднились бы понять, какимъ образомъ древніе языки могутъ дать *поводъ* къ такимъ препирательствамъ. Какую цѣль имѣетъ у насъ настоящее введеніе этой системы? Нѣтъ ли иной цѣли, кромѣ заявленной, офиціальной? Какъ относится къ ней общественное мнѣніе? Какія приписываются ей цѣли съ умысломъ, какія безъ умысла? Что̀ говорятъ люди знающіе по своимъ убѣжденіямъ? Что̀ повторяютъ другіе съ голоса, потворствуя, льстя, обманывая, изъ своихъ видовъ? Далѣе, кѣмъ и какъ „наша“ система приводится въ исполненіе? Что̀ такое наши учители, и какова степень ихъ образованія? Какой методъ избранъ для преподаванія? Кто у насъ учится, и въ какой пропорціи находится число учащихся въ гимназіяхъ къ числу поступающихъ въ Университетъ? Отъ чего происходитъ огромная между ними несоразмѣрность, т. е. въ какомъ отношеніи „наша“ система находится къ учащимся, ихъ родителямъ, къ средствамъ содержанія, къ учителямъ, къ обществу, правительству и его нуждамъ, къ духу времени, къ потребностямъ минуты, къ народному характеру?

Всѣ эти вопросы надо брать къ соображенію: надо знать и перезнать, какъ все это есть, какъ дѣлается, какъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, офиціально и неофиціально, и что̀ изъ этого происходитъ, чтобъ увидѣть, съ какими неудобствами должна сталкиваться „наша“ система при своемъ приложеніи, и къ какимъ возмутительнымъ явленіямъ подаетъ она поводъ.

Вотъ почему рѣшился я прервать продолжительное послѣ первыхъ заявленій молчаніе и подать свой также искренній голосъ въ подкрѣпленіе вашего мнѣнія и въ дополненіе вашихъ доказательствъ.

Я печатаю письмо свое къ вамъ, по примѣру вашему, здѣсь за границею, въ полной увѣренности, какъ и вы, что оно не дойдетъ до воспитанниковъ учебныхъ заведеній въ Россіи, и слѣдовательно не будетъ имѣть никакого вліянія на ихъ расположеніе къ занятіямъ древними языками. Вмѣстѣ съ тѣмъ я надѣюсь, что оно будетъ прочтено тѣми государственными людьми, которые при случаѣ могутъ имѣть вліяніе на дальнѣйшую судьбу нашего образованія, которые могутъ содѣйствовать сколько-нибудь уврачеванію, облегченію болѣзни и остановить зло или по крайней мѣрѣ застраховать сколько-нибудь будущее: ибо послѣ того, какъ дикій Кавказъ и еще болѣе дикій Туркестанъ, на снѣговыхъ горахъ своихъ и въ песчаныхъ пустыняхъ, не освобождены отъ классицизма, а въ Москвѣ учреждаются училища съ Гре-

ческимъ и Латинскимъ языками при казенномъ пособіи для малолѣтнихъ дѣвочекъ, ужъ и не знаешь, куда доведетъ наша ревность не по разуму, предъ чѣмъ остановятся, чего побоятся наши классическія оргіи.

Наконецъ, признаюсь вамъ, князь, откровенно, есть и еще причина, которая заставила меня приняться за перо тотчасъ по прочтеніи вашего письма: я опасаюсь, чтобъ не было *принято безусловно противоядіе предлагаемое вами.* „Наша" система вредна, несвоевременна; но и новая мѣра въ томъ видѣ, какъ вы желаете, при всей своей логичности, вѣрности и справедливости, повлечетъ за собой послѣдствія нежелаемыя.

Постараюсь говорить какъ можно проще, яснѣе и короче, чтобы наши государственные люди могли прочесть мою брошюру, не отвлекаясь надолго отъ своихъ текущихъ занятій, тѣмъ болѣе, что, живя на водахъ, безъ всякихъ литературныхъ пособій, не имѣя возможности дѣлать нужныя справки и пользуясь только своею памятью, да накипѣлою горечью въ сердцѣ, я не могу распространяться о нѣкоторыхъ предметахъ, какъ бы желалъ. Впрочемъ по возвращеніи моемъ, если Богъ дастъ, въ отечество, я всегда буду радъ дать, кому угодно будетъ спросить, всякія объясненія и дополненія.

Прежде всего считаю долгомъ опровергнуть обвиненіе, которое упадетъ непремѣнно на меня, что я осмѣливаюсь якобы прекословить распоряженіямъ, высочайшею волею утвержденнымъ. Нѣтъ, волю эту я считаю для насъ, въ наше время, священною, и ослушаться ея, побуждать другихъ къ ослушанію и помыслить не дерзаю. Классическіе языки Государь считаетъ наиполезнѣйшими для образованія юношества, и я не только изъ послушанія, но и по собственному внутреннему убѣжденію, думаю также; но говорю и вопію, плачу и рыдаю, не противъ классической системы вообще, а *противъ ея злоупотребленія, противъ ея исключительноти, противъ ея нетерпимости, доведенныхъ у насъ до крайностей.* Государь велѣлъ учить въ гимназіяхъ древнимъ языкамъ, но на сколько классовъ долженъ быть раздѣленъ курсъ, сколько часовъ въ каждомъ классѣ должно имъ быть посвящено, въ какомъ отношеніи древніе языки должны находиться къ прочимъ предметамъ гимназическаго курса, въ какихъ городахъ и въ какихъ гимназіяхъ имѣетъ быть введена система, какія грамматики должны быть приняты въ руководство и какой методъ долженъ быть употребляемъ при преподаваніи,—словомъ, всѣ подробности и частности лежатъ на отвѣтственности ближайшаго исполнителя его предначертаній, зависятъ отъ министра, который раздѣляетъ ее со своими сотрудниками, попечителями, директорами, инспекторами.

*

Приступая къ разсужденію о „нашей" системѣ, думаю, что всего лучше и цѣлесообразнѣе разсмотрѣть ее по всѣмъ вышеуказаннымъ вопросамъ, связаннымъ нынѣ съ нею, порознь, и потомъ уже представить общее объ ней заключеніе.

Съ котораго же вопроса начать мнѣ, чтобы представить яснѣе и нагляднѣе ея несостоятельность? Начну съ вопроса о цѣли, которую по вашимъ

словамъ, ходячимъ впрочемъ въ обществѣ, слышанныхъ часто мною самимъ, имѣетъ будто бы правительство, вводя эту систему воспитанія.

Правительство, говорятъ, хотѣло классическою системою отвлечь молодыхъ людей отъ политическихъ и антисоціальныхъ мечтаній *).

Но кто же поручился правительству, смѣю спросить, что молодые люди, сажаемые теперь за Латинскую и Греческую грамматики, будутъ исключительно заниматься ими? Развѣ эти грамматики имѣютъ магнитное, неодолимое свойство притягивать ихъ къ себѣ и отталкивать отъ нихъ всѣ другіе предметы? Развѣ въ изученіи древнихъ языковъ есть столько занимательнаго, любопытнаго, усладительнаго для молодыхъ людей, что они могутъ удерживать ихъ за собою постоянно? Нѣтъ, до 4-го и 5-го класса молодые люди, съ привычкою слушаться, принесенною изъ дома, не располагая еще своею волею, подъ строгимъ надзоромъ, будутъ доходить какъ-нибудь, безъ дальнѣйшихъ колебаній; но чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе будетъ удерживать ихъ за одиѣми грамматиками. Не получая никакой пищи ни для ума, ни для сердца, встрѣчая въ каждомъ высшемъ классѣ одни и тѣже схолостическія занятія, правила и исключенія, мертвыя формы, которымъ и конца не видно, они, дошедши до извѣстнаго возраста, до 15—16 лѣтъ, начнутъ скучать и искать развлеченій. Герметически запереть ихъ нельзя; нельзя запретить имъ, чтобы они въ краткое, свободное время отдыха не думали ни о чемъ, кромѣ своихъ, надоѣвшихъ уже имъ, уроковъ. По закону нравственной упругости они будутъ бросаться съ жадностью, какъ голодные волченята, на болѣе прямыя мысли, на запрещенные плоды, которые представятся имъ прежде всего въ толкахъ носящихся въ воздухѣ объ общественныхъ вопросахъ, или въ заключеніяхъ, выводимыхъ изъ Дарвиновой системы о происхожденіи человѣка отъ обезьяны, которое повѣщается во всѣхъ газетныхъ объявленіяхъ о трехъ (!!) ея переводахъ. Тогда они оглянутся на себя и увидятъ, что ничего не знаютъ, поймутъ, что они дѣла не дѣлали, хоть отъ дѣла не бѣгали, что они становятся только какими-то швейными машинами для шитья разныхъ temporalia по правиламъ Латинскаго и Греческаго синтаксиса. За симъ послѣдуетъ разсужденіе о своемъ ученіи и сомнѣніе объ его пользѣ, которое будетъ подтверждаться со всѣхъ сторонъ, отзывами всякаго встрѣчнаго. А между тѣмъ классическія требованія продолжаются съ возрастающею строгостью. Ихъ беретъ тоска, одурь; они учатся уже нехотя, получаютъ упреки, задерживаются, *сердятся*, теряютъ терпѣніе и, при первомъ удобномъ случаѣ, воспользуясь какимъ-нибудь предлогомъ или безъ предлога, бѣгутъ вонъ изъ гимназіи куда глаза глядятъ, на всѣ четыре стороны. Вотъ вамъ и гимнастика ума! Вотъ вамъ и развитіе!

*) Письмо князя Васильчикова, стр. 9: „Первое и главное побужденіе, которое заставило правительство ускорить реформу учебныхъ заведеній, было опасеніе антисоціальныхъ ученій, проникшихъ въ послѣднее время во многія изъ нихъ подъ страшнымъ знаменемъ нигилизма".

Я увѣренъ, что со многими молодыми людьми, около 15 или 16 лѣтняго возраста, будетъ повторяться такое явленіе. Вотъ у этихъ праздношатающихся легко зарождаются политическія мечтанія, или они проникаются ими готовые, отъ досужихъ пропагандистовъ, которыхъ присылаетъ намъ Западъ. Замѣтимъ еще, что въ наше время, совершенно непохожее на прежнее, какъ у насъ, такъ и вообще въ Европѣ, молодые люди гораздо нетерпѣливѣе, порывистѣе, своевольнѣе. Они торопятся жить раньше прежняго, и раньше прежняго знакомятся со всякими посторонними вопросами.

Такимъ образомъ политическія и прочія мечтанія съ ихъ тревожными послѣдствіями не только не отстраняются нашею классической системою, не смотря на великія жертвы, кои ей для того приносятся, но наоборотъ возбуждаются ею, умножаются, и она приведетъ не къ желаемой правительствомъ цѣли, а къ противоположной. То, отъ чего оно одною рукою хочетъ предохранить, другою само подаетъ. Не говорю уже о томъ, что вся классическая древность пропитана республиканскимъ духомъ [1]), и слѣдовательно никакъ не можетъ внушать особеннаго расположенія къ монархическому спокойному порядку вещей, statu quo [2]), и потому жестоко ошибаются тѣ, которые поддерживаютъ ее изъ за консервативныхъ началъ [3]). Они дѣйствуютъ противъ себя.

Точно тоже должно сказать и о другой цѣли, предполагаемой вами, „что система воспитанія, нынѣ вводимая, если имѣетъ какой-либо смыслъ, то означаетъ именно стремленіе образовать въ Россіи ядро правительственныхъ классовъ изъ людей богатыхъ и обусловить важное образованіе такими взыскательными требованіями, чтобъ оно было доступно только высшему разряду имущественныхъ классовъ“ [4]). Вы справедливо замѣтили, что мысль, заявленная нѣкоторыми нашими государственными людьми и проводимая въ

---

[1]) Князь Васильчиковъ замѣчаетъ справедливо (стр. 13): „что съ точки зрѣнія охранительной политики на воспитаніе въ духѣ дисциплины, повиновенія, послушанія, классическая литература не только не внушаетъ уваженія къ учебнымъ и гражданскимъ авторитетамъ, но напротивъ подрываетъ всякое чувство довѣрія къ нимъ“.

[2]) Любопытно, что именно изъ-за этого, въ 1849 году, отмѣнено было въ нашихъ гимназіяхъ обученіе Греческому языку. П. Б.

[3]) . . . „Аргументъ очень часто приводимый, будто классицизмъ охраняетъ юные умы отъ духа отрицанія, отъ колебаній и сомнѣній, есть чистый вымыселъ, придуманный pour les besoins de la cause и на практикѣ опровергаемый цѣлымъ поколѣніемъ Французскаго юношества 18-го столѣтія, которое воспитано было на Римскихъ образцахъ и всѣ свои кровавые подвиги въ революцію 1789 г. совершило подъ знаменемъ Римскихъ героевъ древней цивилизаціи, въ костюмахъ консуловъ и трибуновъ. Я даже не могу допустить, чтобы вы, графъ (заключаетъ свою тираду авторъ) вѣрили этому аргументу, но долженъ отдать вамъ справедливость, что доводы ad homines были *очень ловко придуманы вами* для того, чтобы склонить въ свою пользу всѣхъ людей, не читавшихъ древнихъ авторовъ, запуганныхъ нигилизмомъ, коммунизмомъ и ухватившихся съ простодушнымъ восторгомъ за соломенку, которую имъ показали чрезъ увеличительное стекло въ видѣ якоря спасенія. Вы вѣроятно сами надсмѣиваетесь, радуясь успѣху этого ловкаго ученаго маневра“ (стр. 14).

[4]) Тамже, стр. 19.

печати, будто высшее и классическое образованіе должно быть сосредоточено въ высшихъ слояхъ общества, есть фальшивая нота [1]). Да, возможность достигнуть такой цѣли посредствомъ классическаго образованія еще труднѣе, чѣмъ отстранить его помощію политическія и другія мечтанія.

Развѣ можно надѣяться, чтобы богатые принялись съ какимъ-то новымъ особеннымъ жаромъ учиться, потому что образованіе сдѣлается ихъ привилегіей, и что бѣднымъ затруднится ученіе? Они всегда могли учиться съ гораздо бо́льшими средствами, удобствами и выгода́ми, чѣмъ бѣдные, и если учились меньше (не говорю объ исключеніяхъ), то причины тому надобно искать въ сущности богатства и бѣдности, которая и по пословицѣ одна только учитъ калачи ѣсть, а ни въ чемъ другомъ. Что́ есть въ древнихъ языкахъ привлекательнаго, что̀ заставило бы богатыхъ перемѣнить свою натуру, и для чего? Чтобъ получить власть въ свои руки? Да, она была въ ихъ рукахъ и прежде, безъ древнихъ языковъ. Управленіе всегда принадлежало высшему и богатому сословію. Ни Латинскій, ни Греческій языки не имѣютъ никакого отношенія къ ихъ службѣ, къ занятіямъ, ни къ жизни. Напротивъ, при усиленныхъ требованіяхъ, при умноженныхъ затрудненіяхъ въ гимназіяхъ, остальные богатые изъ-за Греческаго и Латинскаго языковъ побѣгутъ оттуда, и ихъ калачемъ ужъ туда не заманишь. Дорога для богатыхъ и знатныхъ идетъ чрезъ Пажескій корпусъ, Александровскій лицей, Училище Правовѣдѣнія, военныя академіи, которыя и до сихъ поръ доставляютъ кандидатовъ на всѣ высшія мѣста, не имѣя впрочемъ въ своихъ программахъ ни Греческаго, ни Латинскаго языковъ, развѣ нѣкоторые въ самой малой, почти ничтожной степени [2]). Нѣтъ, классической „нашей“ системою правительство не успѣетъ, если того дѣйствительно хочетъ, заставить богатыхъ и знатныхъ учиться, но успѣетъ затруднить ученіе, преградить дорогу къ ученію бѣднымъ; это несомнѣнно.

Въ этомъ смыслѣ вы говорите, князь, обращаясь къ графу Толстому: „Ваша система не можетъ имѣть другаго исхода, какъ устраненіе отъ высшаго образованія большей части дѣтей провинціальнаго, мелкаго дворянства, сельскихъ священниковъ и городскихъ разночинцевъ, не имѣющихъ ни возможности найти учителей въ уѣздахъ, ни средствъ для переѣзда и проживанія въ губернскихъ и столичныхъ городахъ [3])“.

Но неужели правительство хочетъ, чтобъ бѣдныхъ училось меньше и чтобъ до университетовъ доходило не большинство? Неужели цѣлью оно имѣетъ мѣшать распространенію образованія, *сбереженію невѣжества?* Оборони Боже! Русское правительство, со времени Петра Великаго, всегда хотѣло идти и всегда шло (хорошо-ли, худо-ли) впередъ. Неужели теперь, въ

---

[1]) Также, стр. 18.

[2]) Можетъ ли гдѣ-нибудь быть подобное противорѣчіе: считать древніе языки средствомъ сосредоточить образованіе и власть въ высшемъ богатомъ сословіи, и въ главныхъ его учебныхъ заведеніяхъ этимъ-то языкамъ почти вовсе не учить, а требовать ихъ отъ гимназій, куда тѣ попадаютъ только случайно?

[3]) Также, стр. 19.

самое мудреное и опасное время, оборотится оно назадъ и повлечетъ за собою народъ? Вѣдь это было-бы покушеніемъ на самоубійство. Вѣдь это было бы радостной, желанной услугою для ревнивой, боязливой, враждебной для насъ Европы, которая, по преданію, объ томъ только и думаетъ, какъ бы ослабить Россію и мѣшать ей на всѣхъ путяхъ, не смотря на всѣ увѣренія и клятвы въ дружбѣ и пріязни, не смотря на всѣ лобзанія Іудъ, объясненія Меттерниховъ и Бисмарковъ, Французскія цѣлованія и Англійскія рукожатія.

*

„Правительство“, говорятъ, „опасается умноженія недовольныхъ пролетаріевъ въ лицѣ молодыхъ людей, кончающихъ курсъ въ Университетѣ и послѣ не находящихъ себѣ мѣста, соотвѣтствующаго ихъ притязаніямъ по образованію, и потому желаетъ, чтобъ они не доходили до Университета“.

Да развѣ у насъ излишекъ въ образованныхъ людяхъ? Нѣтъ, въ образованныхъ людяхъ ощущается чувствительный недостатокъ на всякомъ шагу: нѣтъ ни одного мѣста, значительнаго и незначительнаго, отъ волостнаго писаря до министра, на которомъ не потребовалось бы бóльшаго образованія, чѣмъ оно у насъ теперь есть, и наоборотъ, гдѣ невѣжество не причиняло бы великаго вреда, не задерживало бы успѣха. Большая часть безпорядковъ, упущеній, недоразумѣній, злоупотребленій, даже преступленій *во всѣхъ слояхъ общества* происходитъ отъ недостатковъ въ нужномъ для нихъ образованіи.

О потребной иниціативѣ (починѣ), въ чемъ бы то ни было, не можетъ быть и рѣчи безъ образованія. Бѣдные не будутъ учиться въ Университетѣ по неволѣ, богатые по волѣ, потому что и безъ ученья они сыты и знатны: то кто же у насъ тамъ будетъ учиться? Невѣжество одолѣетъ насъ тогда совсѣмъ, между тѣмъ какъ въ Европѣ распространяется въ массахъ просвѣщеніе со всѣми своими результатами, и приходи тогда къ намъ школьный западный учитель, бери и вяжи насъ по рукамъ и ногамъ.

....Отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая.

Если бѣдные не будутъ учиться въ Университетѣ, то откуда же будетъ брать намъ медиковъ, учителей, судей, адвокатовъ?

Вы не хотите пролетаріевъ образованныхъ, но вы чрезъ то самое, уча на половину, не доводя до конца, *разводите пролетаріевъ необразованныхъ.* Думаете ли вы, что пролетаріи необразованные благонадежнѣе образованныхъ? Нѣтъ, вы сильно ошибаетесь. Это суть самые злые враги правительства. Недоученые, полуобразованные пролетаріи, они же суть и недовольные, притязательные, самонадѣянные, гораздо опаснѣе для правительства, чѣмъ доученые, образованные, и отъ нихъ должно ожидать всего дурного. Вотъ изъ такихъ-то пролетаріевъ и образуются кандидаты на всякія выходки, на всякіе безумные замыслы.

Вы хотите отогнать бѣдныхъ отъ высшаго ученія. Куда же имъ дѣться? Чтò они будутъ дѣлать? Отогнавъ, вѣдь вы не уморите ихъ; вѣдь они

останутся въ живыхъ, захотятъ пить и ѣсть, а голодный желудокъ есть первый революціонеръ вездѣ, на всемъ свѣтѣ. Образованный бѣднякъ всегда легче найдетъ себѣ мѣсто, а необразованный-то и сдѣлается настоящимъ пролетаріемъ, себѣ и обществу въ тягость. Выдержанный хорошо, съ толковою строгостью, восемь или шесть лѣтъ въ Гимназіи, да четыре года въ Университетѣ, онъ не только сдѣлается безопаснымъ, но и полезнымъ гражданиномъ-хранителемъ.

*

Но скажутъ: теперь для губернскихъ и уѣздныхъ жителей учреждены реальныя училища.

Пишучи это на водахъ, по одной памяти, безъ всякихъ справокъ, не имѣя не только уставовъ, но и никакой книги подъ рукою, я не могу сказать, въ какомъ отношеніи новыя реальныя училища соотвѣтствуютъ провинціальнымъ нуждамъ; но кажется мнѣ, что они приготовляютъ только техниковъ, а не чиновниковъ, и не могутъ удовлетворять тѣхъ молодыхъ людей, которые не имѣютъ къ тому способностей или чувствуютъ въ себѣ другое призваніе, ищутъ познаній другого рода. Можетъ быть, я ошибаюсь въ частностяхъ, сужу о нихъ несправедливо; но повторяю, я стою только за главное, за существенное въ занимающемъ насъ вопросѣ.

Заключаю: классическою „нашею“ системою не только не достигается цѣль (если она есть) отвлечь вниманіе молодыхъ людей отъ политическихъ стремленій и сосредоточить образованіе только въ высшихъ сословіяхъ, а наоборотъ, классическая система приводитъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ, и только производитъ неудовольствіе и ропотъ въ низшихъ сословіяхъ, стѣсняя имъ пути образованія.

Мы думаемъ, что недостойная и вмѣстѣ *недостижимая* эта цѣль приписывается правительству и распускается въ обществѣ злонамѣренными людьми, которые по наущенію Западныхъ пропагандистовъ, стараясь возмутить народъ, разглашаютъ, что правительство не хочетъ образованія народнаго, а думаетъ только о богатыхъ, стѣсняя бѣдныхъ.

*

Мы напротивъ допускаемъ, что правительство считаетъ искренно свою систему самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, единственнымъ, необходимымъ, чтобы прочно на твердыхъ началахъ основать въ Россіи настоящее образованіе не поверхностное, не призрачное, какое было-де доселѣ, и начинаетъ его съ гимназій, кои должны служить пріуготовленіемъ для Университета *). Соглашаясь пока съ мнѣніемъ о превосходствѣ вводимой системы, мы спрашиваемъ: По скольку человѣкъ круглымъ числомъ воспитываются въ нашихъ гимназіяхъ?—По 300.—А сколько изъ нихъ поступаетъ въ Университетъ?—Отъ 5 до 10 человѣкъ!

Спрашивается, какъ же должно быть устроено, расположено, приложено ученіе? Должно ли имѣть въ виду тѣхъ 5—10 человѣкъ, которые пой-

*) Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ была, помнится, *статья*, которая начиналась *съ колокольнымъ звономъ*: Довершается дѣло Петра Великаго, проводится реформа образованія и пр. и пр., или какъ-то въ этомъ родѣ.

дутъ въ Университетъ, или тѣхъ 295, которые разойдутся по Дорогобужамъ, Конотопамъ, Енотаевскамъ? Разумѣется, послѣднихъ.

Такъ какую же пользу принесутъ имъ древніе языки, изученные только на половину или даже на треть, на четверть своего познанія (ибо для окончательнаго изученія ихъ нужно сверхъ осьми гимназическихъ лѣтъ еще четыре въ Университетѣ)? Что̀ будутъ дѣлать молодые люди въ своихъ уѣздахъ съ Корнеліемъ - Непотомъ и Ксенофонтомъ, не имѣя почти никакихъ свѣдѣній о самонужнѣйшихъ окружающихъ предметахъ, у которыхъ отнято было время, и на которые не обращалось почти вниманія *)?

Ясно, что древніе языки, даже придавая имъ исключительную, специфическую способность образованія, тогда только могутъ быть положены краеугольнымъ камнемъ образованія въ гимназіяхъ, когда большинство или хоть половина учащихся будетъ поступать оттуда въ Университетъ, а теперь главное право на вниманіе въ гимназіяхъ имѣютъ ученики, остающіеся въ губерніяхъ. За что вы мучите этихъ несчастныхъ 295 человѣкъ латинью и гречиною для нихъ вовсе не нужною и обременительною? Они просятъ у васъ хлѣба, а вы даете имъ камень: они просятъ у васъ рыбы, а вы подаете имъ змѣю.

И такъ „наша“ классическая система, какъ бы ни была превосходна, для насъ *въ настоящихъ обстоятельствахъ не годится.*

*

А почему такъ мало учениковъ, оканчивающихъ гимназическій курсъ и поступающихъ въ Университетъ?

Во-первыхъ, потому, что необходимость въ высшемъ образованіи сознается еще недостаточно, а во-вторыхъ потому, что образованіе сто̀итъ дорого, не подъ силу среднимъ сословіямъ, разночинцамъ: они не только не могутъ платить налога, но даже затрудняются содержать дѣтей, т. е. отдѣлять отъ своихъ доходовъ ежегодно по 200 рублей на каждаго въ Гимназію и по 400 въ Университетъ (а если у кого много дѣтей!) и спѣшатъ скорѣе употреблять ихъ на заработки, пристроить къ мѣстамъ по гражданской или военной службѣ, въ канцелярскіе чиновники, а другіе въ конторщики, кондукторы, телеграфисты, приказчики, писаря, чтобъ отъ нихъ пользоваться чѣмъ нибудь, а не на нихъ класть изъ своихъ скудныхъ доходовъ, иногда едва имъ достаточныхъ на щи съ кашей.

Число желающихъ учиться теперь умножается; но за то требованій больше, доступъ и переходъ труднѣе, надежды на благополучное окончаніе меньше, содержаніе дороже,—и пропорція оканчивающихъ курсъ и переходящихъ въ Университетъ едва ли на первыхъ порахъ много измѣнится.

*

Посмотримъ на вопросъ съ другой стороны. Говоря до сихъ поръ о нашей классической системѣ, мы доказывали только ея несвоевременность, предполагая ее впрочемъ безупречною, превосходною, исполненною всякихъ

*) См. ниже.

педагогическихъ достоинствъ, прилагаемою въ исполненіи отлично; а теперь осмѣлимся взглянуть, хоть прищуривая глаза, на даруемое намъ солнце, и посмотримъ, не имѣетъ ли оно какихъ пятенъ. Увы, если это солнце, то оно достается намъ въ затмѣніи, или, скажемъ просто, что, разсматривая „нашу“ систему даже по существу, мы встрѣчаемся на всякомъ шагу съ отрицаніями. Изученіе древнихъ языковъ, говорятъ, содѣйствуетъ къ изощренію, развитію умственныхъ способностей, пріучаетъ къ вниманію, терпѣнію, послѣдовательности, порядку и пр. Замѣтимъ прежде всего, что это есть положеніе общее, неопредѣленное, гадательное, которое доказывать и опровергать можно также общими мѣстами, какъ въ отношеніи къ древнимъ языкамъ, такъ и въ отношеніи къ другимъ предметамъ, о которыхъ ниже. Притомъ всѣ ли способности оно изощряетъ? Изощряетъ ли оно, напримѣръ, любопытство и связанную съ нимъ любознательность, между тѣмъ, какъ это есть главное свойство, которое должно быть возбуждаемо въ учащихся?

Впрочемъ согласимся, пожалуй, съ этимъ положеніемъ о развитіи и изощреніи; но изъ него нельзя еще заключать, что древніе языки должны быть предметомъ *исключительнаго* вниманія при образованіи. Надо прежде изслѣдовать, нѣтъ ли еще другихъ предметовъ, которые также изощряли бы умственныя способности. Развѣ математика, естественныя науки, всякій языкъ, и отечественный преимущественно, съ толкомъ преподаваемые, не могутъ оказывать того же дѣйствія? Касательно изощренія способностей я указывалъ здѣсь на общепринятые, допущенные въ гимназическомъ курсѣ предметы: ибо если бы я предложилъ какіе-нибудь новые, хоть бы напримѣръ анатомію и исторію изобрѣтеній, приспособленную къ дѣтскимъ понятіямъ (какихъ не полагается еще въ Нѣмецкихъ гимназіяхъ, служащихъ намъ образцами): то подняли бы такой шумъ и гамъ изъ общихъ мѣстъ, что главный предметъ разсужденія скрылся бы изъ вида для многихъ.

*

Далѣе—способности у дѣтей бываютъ различныя: одни бываютъ склонны къ языкамъ, другіе къ математикѣ, къ естественнымъ наукамъ и т. д. Никто еще, никакой Бокль не опредѣлилъ относительнаго количества способностей къ языкамъ, къ математикѣ, естественной исторіи и прочимъ знаніямъ: какихъ дѣтей больше, съ филологическими способностями или математическими. Заставить мальчика съ математическими способностями заучивать филологическія тонкости—тоже, что̀ филологовъ морить на замысловатыхъ сложныхъ теоремахъ, изувѣчивать ихъ умственный организмъ, вредить ему, не изощрять, не развивать способностей, а напротивъ обезсиливать. И такъ, требовать отъ математиковъ одинакихъ успѣховъ въ классическихъ языкахъ, какъ отъ филологовъ въ математикѣ есть совершенная несправедливость; это значитъ предпочитать одну половину юношества другой; но такъ какъ у насъ древніе языки имѣютъ монополію, то на страданія и лишенія обрекается только половина, надѣленная математическими способностями.

Ваши замѣчанія, князь, о коренномъ различіи способностей въ дѣтяхъ совершенно справедливы, и я могу подтвердить ихъ своими многолѣтними

наблюденіями и опытами, начиная съ того времени, какъ самъ учился въ гимназіи. Впрочемъ здѣсь даже и не нужно никакихъ подтвержденій для истины, у которой, при ея общеизвѣстности, едва ли найдутся противники.

И такъ, предпочтеніе древнихъ языковъ, если вообще полезно, если содѣйствуетъ развитію однихъ молодыхъ людей, то на другихъ оно имѣетъ противное дѣйствіе, рѣшительно мѣшаетъ ихъ развитію, и польза ихъ въ общей экономіи образованія равняется въ итогѣ вреду, или даже уступаетъ ему, потому что кромѣ предметовъ, относящихся къ гимнастикѣ ума (т. е. по общему признанію древнихъ языковъ и математики) есть вѣдь еще предметы, по содержанію своему, по существу, необходимые для юношества, непосредственно нужные: какъ же ихъ-то оставить безъ вниманія, жертвуя ими отвлеченной гимнастикѣ, которая сама почти ничего не даетъ намъ своего, а помогаетъ только впослѣдствіи пользоваться лучше извнѣ полученными данными, когда онѣ попадутъ намъ на голые зубы? Говорятъ, что съ другими предметами легко познакомиться послѣ. Нѣтъ, не легко. Такъ могутъ утверждать педагоги только неопытные, легкомысленные, опрометчивые. Русскому языку нужно учиться безпрерывно и постоянно *). Никакой предметъ, узнанный позднѣе, не имѣетъ такой силы, не присвояется нами такъ крѣпко, какъ тотъ, съ которымъ мы сроднились сызмаленька. Историческими матеріалами надо одушевляться въ молодыхъ годахъ. Любовь къ отечеству—не тоже, что умственная, пріобрѣтаемая въ позднѣйшіе года, вслѣдствіе размышленія. Страхъ Божій долженъ быть внушаемъ съ младенчества. Чѣмъ вы воспитаете эти чувства? Неужели Латинскими склоненіями mensa mensae или Греческими спряженіями τύπτω, τύπτεις?

Заключаю: всѣ предметы гимназическаго курса должны считаться равными, и предпочтеніе одного причиняетъ вредъ другимъ.

*

„Но математика и другіе нужные предметы преподаются же въ гимназіяхъ", слышится мнѣ возраженіе, „вмѣстѣ съ древними языками; слѣдовательно классическая „наша" система имъ не помѣха". Въ томъ-то и дѣло, что не только мѣшаетъ имъ, но почти совсѣмъ заглушаетъ. Всегда, вездѣ бываютъ роялисты, qui sont plus royalistes, que le roi lui-même. Начальство считаетъ древніе языки главнымъ предметомъ гимназическаго курса, обращаетъ на нихъ все свое вниманіе, награждаетъ и предоставляетъ всякія преимущества за успѣхи въ древнихъ языкахъ учителей и наставниковъ, равно и взыскиваетъ и наказываетъ за малоуспѣшность, лишаетъ мѣстъ,—вотъ тѣ и лѣзутъ изъ кожи вонъ, употребляютъ всѣ усилія, принимаютъ всякія зависящія отъ нихъ мѣры, чтобъ древніе языки шли какъ можно лучше, и смотря сквозь пальцы на всѣ прочіе предметы, доносятъ о неимовѣрныхъ успѣхахъ Латинскихъ и Греческихъ въ подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ, которыхъ (успѣховъ) иногда вовсе нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ оглашаемой сте-

*) Скажу мимоходомъ, что даже Англійскія няньки, которымъ ввѣряются дѣти высшихъ сословій, вредятъ имъ страшно, наполняя младенческій слухъ чужими звуками прежде своихъ.

пени, и напротивъ умалчиваютъ, страха ради Іудейска, о явленіяхъ, которыя могли бы противорѣчить извѣстнымъ взглядамъ начальства.

Я помню, напримѣръ, въ попечительство графа Строганова, былъ директоръ первой и единственной тогда въ Москвѣ Реальной гимназіи, Погорѣльскій, который не только не зналъ ни по-гречески, ни по-латини, но не имѣлъ понятія ни о какомъ языкѣ, ни о какой словесности, а отличался всепреодолѣвающимъ усердіемъ. Онъ сдѣлалъ представленіе попечителю, что всѣ ученики Реальной гимназіи неудержимо желаютъ учиться по-латини, а тѣ и думать о томъ не думали и заплакали, услышавъ о такой грозѣ.

Министры, по нашему устройству и поврежденному Татарами характеру, всѣхъ менѣе могутъ узнать правду о своихъ распоряженіяхъ, преимущественно любимыхъ и лелѣемыхъ ими. Попробуй, впрочемъ, подчиненные намекнуть иному изъ нихъ, что его система плоховата и что показываются зловѣщіе симптомы послѣдствій ея употребленія.... такой выскочкѣ не поздоровится, между тѣмъ какъ у каждаго изъ подчиненныхъ есть жена и дѣти...

Не всякъ князь Яковъ Долгорукій.
Счастливъ покорный мѣщанинъ,
И учитель, и директоръ, и попечитель!

Вотъ и обстоитъ въ нашихъ гимназіяхъ все благополучно, древніе языки процвѣтаютъ, юношество одушевляется вѣрноподданическими чувствами, и Россія готовится имѣть какихъ-то новыхъ, отличныхъ и удивительныхъ гражданъ, какихъ никогда не имѣла, возвѣщенныхъ одной статьею Московскихъ Вѣдомостей. Выстрѣлы, пощечины, сумасшествія, чахотки, безвременныя смерти не попадаются въ графы отчетовъ.

Мы говорили объ учителяхъ. Такъ и ученики, видя предпочтеніе древнимъ языкамъ предъ прочими предметами, какъ при переводахъ изъ класса, въ классъ, такъ при окончаніи курса, занимаются (тѣ, которые занимаются, т. е. прилежные) древними языками и не обращаютъ вниманія на тѣ предметы, которые могутъ сойти съ рукъ и на двойкахъ, по ихъ техническому выраженію, о которомъ ниже.

*

„Наша“ система требуетъ себѣ 12 часовъ въ недѣлю, слѣдовательно половину почти всего учебнаго времени, такъ что для прочихъ предметовъ, т. е. для математики, для Русскаго языка, исторіи, географіи отечественной и иностранной, новыхъ языковъ, Закона Божія остается немного больше времени, чѣмъ сколько берутъ одни они. Извольте дѣлить это время на десять предметовъ: по скольку часовъ придетъ на каждый? Хорошо ли вы познакомитесь съ отечественнымъ языкомъ, отечественною литературою и исторіею, имѣя на занятія ими по два часа въ недѣлю, сравнительно съ 12-ю, которые находятся въ распоряженіи древнихъ языковъ? Съ чѣмъ это сообразно? Да и малое это время употребляется не съ такимъ вниманіемъ, не съ такою заботливостью, какъ время, посвященное древнимъ языкамъ. Предметы проходятся вскользь, кое-какъ.

*

И такъ „наша" система вредна похищеніемъ времени, необходимаго для другихъ важныхъ предметовъ, и—скажу теперь—совершенно безъ всякой нужды, понапрасну, въ угоду педантическому, нелѣпому методу изученія и личному характеру, не скажу основателя, а приличнѣе сказать *виновника* нынѣшней нашей гимназической системы. Я говорю о покойномъ Леонтьевѣ, о которомъ въ его некрологахъ недавно объявлено торжественно, что ему принадлежатъ всѣ главныя мѣры Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Леонтьева зналъ я хорошо, имѣвъ его четыре года слушателемъ въ Университетѣ (а Каткова еще болѣе, чуть ли не съ 14 лѣтняго возраста его, съ учебной скамьи, въ пансіонѣ профессора Павлова, гдѣ я училъ Русской исторіи). Леонтьевъ былъ труженикъ необыкновенный, не знавшій никакихъ развлеченій, предававшійся всецѣло дѣлу, за которое принимался, дѣлу (къ чести его сказать должно) всегда имѣвшему отношеніе къ образованію, просвѣщенію, неистощимый и не всегда разборчивый въ изобрѣтеніи средствъ, какъ это дѣло двигать впередъ. Такими дѣлами по очереди были: Латинскій языкъ, Русскій Вѣстникъ, Политическая экономія, Московскія Вѣдомости, Лицей и наконецъ классическая система для гимназій, имъ изготовленная и пущенная въ ходъ на всѣхъ парусахъ, благодаря вліянію, имъ пріобрѣтенному на ученое начальство. Успѣхами во всѣхъ дѣлахъ, болѣе или менѣе, Леонтьевъ, безъ особенныхъ способностей, былъ обязанъ своей настойчивости, неутомимости, постоянству, усидчивости. На немъ вполнѣ оправдалась пословица: *gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo.* Сколько времени ему нужно было на изученіе Латинскаго языка, чтобъ сдѣлаться со временемъ профессоромъ Латинской словесности (я не знаю, въ какой степени владѣлъ онъ Греческимъ языкомъ), столько времени потребовалъ онъ отъ всякаго Русскаго гимназиста, распредѣливъ изученіе одной грамматики лѣтъ на шесть, не смотря на то, что этотъ гимназистъ не только не мечтаетъ сдѣлаться профессоромъ, но и не думаетъ объ ученомъ званіи, а намѣренъ по окончаніи курса, если не прежде, въ родномъ своемъ городѣ служить на мѣстахъ невысокихъ. Взявъ столько часовъ для Латинскаго языка, онъ долженъ былъ столько же потребовать и для Греческаго. Вотъ и осталось для прочихъ предметовъ времени едва на ихъ афишки.

Я сказалъ выше, что въ числѣ 12 часовъ, требуемыхъ древними языками, есть много лишнихъ, требуемыхъ безъ нужды, и вотъ мои основанія: у меня цѣлы всѣ тетради, принадлежащія къ изученію мною Латинскаго языка въ Губернской Московской гимназіи 1814—1818 года, всѣ вокабулы изъ переводовъ, куча просклоненныхъ именъ, куча проспряженныхъ глаголовъ, переводы съ Русскаго на Латинскій по всѣмъ правиламъ синтаксиса, отъ перваго до послѣдняго, всѣ упражненія. Я послалъ ихъ г. Леонтьеву при первомъ возникновеніи вопроса о нашей классической системѣ, желая представить ему воочію доказательство, что́ можно было сдѣлать, сколько успѣть и до какихъ результатовъ дойти по первому Муравьево-Александровскому уставу для гимназій, учась по 4 часа въ недѣлю, въ продолженіе только четырехъ лѣтъ. Слѣдовательно, заключалъ я, вы требуете понапрасну вре-

мени для одного Латинскаго языка втрое болѣе (а съ Греческимъ въ шестеро), чѣмъ прежде, и отнимаете его у другихъ предметовъ ни за что, ни про что. Въ заключеніе я добавилъ ему вотъ что. Учась вскорѣ послѣ нашествія Французовъ и Московскаго пожара, мы имѣли недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ, и многое долженъ былъ диктовать учитель въ классѣ. Теперь это не нужно, и если бъ вмѣсто прежнихъ двухъ уроковъ двухчасовыхъ учредить три полуторачасовыхъ, то познанія наши должны бы увеличиться въ полтора раза. Первый и четвертый классы въ мое время были слабы, ибо учитель (незабвенный Любимъ Антоновичъ Лейбрехтъ) недостаточно знако́мъ былъ съ Русскимъ языкомъ и не могъ успѣшно руководствовать переводами изъ Латинскихъ писателей на Русскій языкъ, а первый классъ былъ напрасно ограниченъ одною простою этимологіею. Теперь, если бы усилить эти два класса, то познанія учениковъ должны бы увеличиться вмѣстѣ съ предыдущею прибавкою почти втрое. Что́ же скажутъ читатели, когда я напомню имъ, что теперь гимназіи состоятъ изъ 8 классовъ вмѣсто прежнихъ 4-хъ. Если опредѣлить въ нихъ, по прежнему уставу, также по 4 или $4^1/_2$ часа, то познанія въ древнихъ языкахъ должны бы были пріобрѣстись болѣе чѣмъ достаточныя, особенно когда гимназистамъ предлежатъ еще 4 года въ Университетѣ для древнихъ языковъ. Не правда ли, что *много часовъ* древнимъ языками *похищается* теперь у другихъ предметовъ *даромъ*?

*

Къ пущему горю или негодованію, похищенные часы не идутъ впрокъ древнимъ языкамъ вотъ вслѣдствіе чего. Педагогъ долженъ обращать вниманіе и на характеръ народный: дайте Русскому человѣку на пятичасовое дѣло десять часо́въ, онъ и не исполнитъ задачи, потому что будетъ все откладывать: успѣю, приниматься ра̀но, еще много времени впереди, а время течетъ непримѣтно; глядь, срокъ подходитъ, а тутъ случатся препятствія— и дѣло не сдѣлано. Наоборотъ, дайте ему на пятичасовое дѣло три часа— онъ разсердится, разбранится, но сдѣлаетъ усиліе, и дѣло готово до срока. Твердя одно и тоже въ продолженіи двухъ-трехъ часовъ, что́ можно узнать въ часъ, Русскій мальчикъ соскучивается и дѣлаетъ кое-какъ свое дѣло, имѣя въ виду много времени впереди.

*

Обратимся теперь къ Греческому языку. Если тотъ и другой мертвый языкъ, Греческій и Латинскій, содѣйствуя укрѣпленія ума, развиваютъ способности, то зачѣмъ же въ губернскихъ гимназіяхъ изучать оба, поднимать два тяжелыхъ камня, когда однимъ открывается свободный путь; проходить торнистую, ухабистую дорогу два раза изъ конца въ конецъ, когда пройденная однажды приводитъ къ желанной цѣли? Какая польза точить ножикъ на двухъ камняхъ?*) Древніе языки, говорятъ, служатъ гимнастикою для ума.

*) Очень понимаю, что эти слова подадутъ поводъ къ недоразумѣніямъ и возраженіямъ, особенно отъ тѣхъ, которые, вникнувъ недостаточно въ мою мысль, захотятъ воспользоваться благовиднымъ предлогомъ, чтобъ напасть на нее и набросить кучу об-

Я совершенно согласенъ: ну да зачѣмъ эту гимнастику задавать уму обоими языками? Одна не прибавляетъ ничего къ другой и только повторяетъ ее безъ соразмѣрной пользы, тратя напрасно силу. Покойный Леонтьевъ, припертый къ стѣнѣ среди нашего пренія, употребилъ противъ меня вотъ какое несчастное доказательство: древніе языки дополняются одинъ другимъ, а порознь не могутъ приносить настоящей пользы. (Повторяю еще, что я пишу на память и могу ошибаться въ словахъ, отвѣчая только за сущность). Такое утвержденіе равносильно съ отрицаніемъ всякой пользы отъ каждаго языка порознь, т. е. колеблетъ въ основаніи необходимость древнихъ языковъ въ гимназическомъ общеобразовательномъ курсѣ.

Греческій и Латинскій языки дополняются одинъ другимъ только для академика, для профессора, которые понимаютъ ихъ связь, разыскиваютъ происхожденіе, опредѣляютъ взаимное вліяніе, разныя тонкія отношенія; но для гимназиста, который изучаетъ и сознаетъ, такъ сказать, языки порознь, и притомъ только въ первоначальныхъ формахъ, въ области синтаксиса, а потомъ оставляетъ или бросаетъ оба языка, лишь пройдетъ половину пути, или еще менѣе, это изученіе не только не приноситъ соразмѣрной пользы, но налагаетъ безплодный трудъ, истощаетъ силы, отнимаетъ время.

Отъ профессора должно требовать знанія Греческаго языка вмѣстѣ съ Латинскимъ, или Латинскаго вмѣстѣ съ Греческимъ, и то не въ равной степени, смотря по тому, какую каѳедру займетъ профессоръ—Греческую или Латинскую; отъ ученыхъ вообще можно требовать одинакихъ познаній въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, но не отъ канцеляриста въ Богородскомъ уѣздномъ судѣ и не отъ письмоводителя въ Золотоношскомъ по рекрутскимъ дѣламъ присутствіи.

*

Ко всѣмъ этимъ трудностямъ, тяготамъ, горечамъ, противностямъ не придумано ли по крайней мѣрѣ что-нибудь облегчающее, услаждающее, не указаны ли какія нибудь средства примиряющія? Нѣтъ, избраны какъ будто нарочно мѣры, коими трудности увеличиваются, тяжести становятся тяжелѣе, противности противнѣе, горести горячѣе. Я говорю о варварской *методѣ* морить дѣтей въ продолженіе 5—6 лѣтъ на грамматикѣ, и даже на первой ея части, этимологіи. Что можетъ быть скучнѣе, томительнѣе, несноснѣе для молодого пылкаго ума, открытаго для ощущеній, твердить съ утра до вечера одни вокабулы безъ смысла, заучивать правила въ родѣ слѣдующихъ: имена, кончающіяся на *ч*, рода мужского...., исключаются...., имена кончающіяся на *ит*, рода такого-то... исключаются...? И такимъ занятіямъ посвящается нѣсколько лѣтъ! До синтаксиса, который при переводѣ примѣровъ все-таки требуетъ соображеній ученика, доходятъ только къ 5-мъ классѣ гимназіи!

*

щихъ мѣстъ; но я не имѣю времени объяснить ее подробнѣе. Скажу только, что возстаю противъ введенія другого древняго языка въ *губернскихъ* гимназіяхъ преимущественно въ отношеніи времени, нужнаго тамъ для другихъ насущныхъ предметовъ.

Остается поговорить объ *учителяхъ*. Вы справедливо замѣтили, князь, что учители не были у насъ приготовлены для вводимой системы.

Никакой предметъ не требуетъ такого искусства въ преподаваніи, какъ древніе языки; а у насъ-то и не оказалось учителей, не только опытныхъ, искусныхъ, но и никакихъ. Мы не остановились на этомъ затрудненіи, какъ вы замѣтили, и выписали ихъ откуда случилось—изъ Богеміи и Галиціи. Положимъ, это достойные люди; но они не знаютъ Русскаго языка и потому никакъ не могутъ руководительствовать съ успѣхомъ занятіями, при которыхъ безпрестанно встрѣчаются случаи, гдѣ нужно понимать всѣ оттѣнки въ словахъ. Они, какъ и доморощеные молодые учителя, приступаютъ къ своему дѣлу безъ всякаго приготовленія, не зная, съ кѣмъ приходится имъ имѣть дѣло, и должны поневолѣ ограничиваться болѣе всего спрашиваньемъ со строгостью заданныхъ уроковъ наизустъ, тѣмъ болѣе, что ни въ чемъ почти иначе они не могутъ показать своей педагогической дѣятельности. Я увѣренъ, что на сто учителей древнихъ языковъ въ Россіи едва-ли найдется пять, которые были бы хозяевами своего предмета. Латинскаго языка, а Греческаго еще менѣе. (На Греческій языкъ пригодились бы Болгаре, пріѣзжающіе изъ Турціи слушать наши университетскія лекціи).

Наша система, занимающая бо̀льшую часть учебнаго времени, не предлагающая никакой пищи ни уму, ни сердцу впродолженіе многихъ лѣтъ самыхъ живыхъ, самыхъ впечатлительныхъ, не удовлетворяющая нисколько врожденнаго любопытства, не возбуждающая никакихъ вопросовъ, прилагаемая къ дѣлу по самому несносному, педантическому методу (съ неумолимой строгостью, посредствомъ большею частью неопытныхъ учителей, налегать въ двухъ мертвыхъ языкахъ на отвлеченныя граматическія правила, забивать память самыми мелкими исключеніями, вращаться преимущественно въ окаменѣлыхъ, бездушныхъ формахъ) должна неизбѣжно *притуплять* въ большинствѣ умственныя способности, сушить сердце, отбивать охоту отъ занятій, производить отвращеніе отъ ученья вообще.

*

Взглянемъ теперь на ученика гимназіи, впродолженіе его курса среди вышеописанныхъ обстоятельствъ.

Онъ идетъ прекрасно по всѣмъ предметамъ, отличается въ математикѣ и получаетъ вдругъ дурную отмѣтку въ одномъ древнемъ языкѣ, или наоборотъ: его оставляютъ въ томъ же классѣ еще на годъ; онъ рвется къ новымъ познаніямъ о любимомъ предметѣ, а его заставляютъ толочься на одномъ мѣстѣ и твердить противные зады. Ему недостаетъ терпѣнія, и онъ выходитъ. Другой, потерпѣливѣе, остается еще на годъ въ классѣ; но ему случается неудача еще въ одномъ изъ слѣдующихъ классовъ, опять по предмету, къ которому сначала не показывалъ склонности и способности; оставаться на годъ, 10-й, у него нѣтъ уже силъ, и онъ также выходитъ. А послѣ двухъ лѣтъ, кто былъ бы до такой степени настойчивъ, тотъ даже и оставаться не можетъ: его исключаютъ просто изъ класса. Куда ему дѣться? Какое неудовольствіе, разстройство, озлобленіе въ семействахъ при всѣхъ такихъ случаяхъ, что̀ должно также принимать въ разсчетъ.

Наконецъ, во всякомъ курсѣ есть избранные ученики, и здоровые, и способные, и терпѣливые, которые проходятъ весь осмилѣтній курсъ благополучно. По новымъ нашимъ распорядкамъ случается, что даже изъ этихъ испытанныхъ *атлетовъ*, прошедшихъ чрезъ огнь, воду и мѣдныя трубы, прошедшихъ чрезъ всѣ Кавдинскія ущелья, миновавшихъ всѣ Сциллы и Харибды, нѣкоторые не получаютъ аттестатовъ зрѣлости (maturitatis). Смѣшное подражаніе иностраннымъ учрежденіямъ нашихъ реформаторовъ, которые даже и въ подобныхъ мелочахъ показываютъ *ограниченность своего пониманія!* На директора или учителя вдругъ почему-нибудь нападетъ страхъ, чтобы молодой человѣкъ не былъ забракованъ, и онъ, опасаясь отвѣтственности предъ высшимъ начальствомъ, отказываетъ ученику въ аттестатѣ, что̀ ему, директору, нисколько повредить не можетъ, потому что онъ отвѣчаетъ только за качество своихъ воспитанниковъ, а не за количество. (Это въ высшей степени несправедливо, ибо, если ученикъ веденъ былъ безостановочно до 8-го класса и считался достойнымъ перевода, то не могъ же онъ вдругъ испортиться на послѣднемъ шагу, гдѣ, напротивъ, всякій усугубляетъ свои старанія). Такимъ обиженнымъ естественно дѣлаться недовольными и готовыми на всякую оппозицію.

Гимназистъ получилъ аттестатъ зрѣлости, но ему угрожаетъ еще провѣрочная комиссія въ Университетѣ, которая можетъ имѣть свои виды, притѣсняя или ослабляя. Сколько страха, тревоги, безпокойства у молодыхъ людей и у ихъ родителей въ семействахъ! Какова обстановка въ гимназіяхъ! Неправда-ли, что небо никогда не освобождается тамъ отъ облаковъ, а горизонтъ всегда покрытъ тучами, изъ коихъ сверкаютъ часто молніи, и еще вдали раздаются громовые удары изъ попечительскихъ канцелярій и министерскихъ совѣтовъ Какова атмосфера для учебныхъ заведеній, во мракѣ которой виситъ еще Дамокловъ мечъ—воинская повинность!

Предъ отъѣздомъ за границу мнѣ случилось говорить съ однимъ учителемъ гимназіи, и на вопросъ мой, сколько учениковъ поступаетъ отъ нихъ въ Университетъ, онъ отвѣчалъ: двое.—А сколько ихъ было въ послѣднемъ классѣ?—24. Что̀ остается дѣлать недоучившимся, не имѣющимъ аттестатовъ, необходимыхъ для поступленія на службу съ извѣстными правами и выгодами? Въ реальныя гимназіи переводить поздно, обращаться къ ремесламъ не въ обычаѣ. Вотъ у нихъ, у недовольныхъ, обманувшихся въ своихъ надеждахъ, у обиженныхъ, ожесточенныхъ, озлобленныхъ, и зарождаются, отъ нечего дѣлать, политическія мечтанія, носящіяся, какъ замѣчено выше, въ воздухѣ, грозящія безпокойствами и смутами. Это готовые пропагандисты, которыхъ тутъ же и ловятъ досужіе, злонамѣренные вербовщики. Въ нынѣшнемъ году нахватано ихъ болѣе 700, да выпущено на поруки или подъ надзоръ полиціи, можетъ быть, столько же. Изъ числа ихъ вѣрно придется много на долю „нашей“ классической системы, вопреки ея желаніямъ и ожиданіямъ. А что̀ впереди? Это еще цвѣточки, какъ говорится пословицей; подождите, какія ягодки будутъ, если не спохватимся во̀ время. Латинскими склоненіями и Греческими спряженіями здѣсь управиться трудно.

*

Каковы по крайней мѣрѣ выходятъ ученики, прошедшіе съ честію всѣ мытарства? Вотъ что услышалъ я отъ одного знакомаго изъ ученыхъ, у котораго сынъ гимназистомъ, оканчиваетъ курсъ. „Ну, что, каковъ онъ?“ —Прекрасно ведетъ себя, отлично занимается, читаетъ и Ливія, и Виргилія, и Гомера, и Демосѳена.—„Итакъ, слава Богу!“—Да вотъ что нехорошо: ни въ чемъ не принимаетъ участія, ни въ словесности, ни въ службѣ, ни въ общественныхъ дѣлахъ, ни въ текущихъ вопросахъ.

И оказывается, что „наша“ система можетъ дать въ одномъ поколѣніи Крюкова, въ другомъ Леонтьева или Корша, Иванова, которые и безъ такой системы, по своей склонности, сдѣлались бы латинистами и эллинистами; а прочіе ихъ товарищи, какъ бы и не учились вовсе древнимъ языкамъ, для нихъ совсѣмъ пропавшимъ. Въ этомъ отношеніи я могъ бы указать на нѣкоторыя семейства, въ коихъ дѣти занимались много древними языками. Пусть они скажутъ теперь, положа руку на сердце, какую пользу ощутили они на своемъ вѣку именно отъ усиленныхъ занятій древними языками въ молодости, и потомъ развертывали ли они Греческаго или Латинскаго писателя по выходѣ изъ Университета.

Я не хочу этими частностями сказать что-либо противъ древнихъ языковъ вообще, а хочу только замѣтить, что въ нихъ никакихъ панацей не обрѣтается, и что не слѣдуетъ изъ-за нихъ пренебрегать всѣми другими предметами.

*

Намъ остается говорить о молодыхъ людяхъ, которые по окончаніи курса, не поступая въ Университетъ, поступаютъ на службы губернскія, уѣздныя, принимаются тотчасъ за дѣло, погружаются въ дѣйствительную жизнь. Тамъ они вступаютъ въ темный лѣсъ, гдѣ не могутъ сдѣлать шагу, не оступаясь; они не знаютъ ничего изъ того, что тамъ требуется и затрудняются всякой бездѣлицей съ своимъ Латинскимъ и Греческимъ синтаксисомъ и всѣми неправильными глаголами. Они прямо напоминаютъ басню Крылова: Воспитаніе львенка, который былъ отданъ въ ученье орлу, и получивъ отличный аттестатъ зрѣлости (maturitatis) воротился къ отцу съ намѣреніемъ учить звѣрей, какъ вить гнѣзда въ царствѣ животныхъ.

Это о кончалыхъ гимназистахъ, а что сказать объ ученикахъ, съ 5-го класса выходящихъ изъ гимназіи на работу? Русскій языкъ плохъ, объ исторіи одна афишка, о религіи поверхностныя свѣдѣнія, прочихъ познаній никакихъ. Имѣетъ ли понятіе, напримѣръ, нашъ гимназистъ (и даже студентъ, и даже, извините меня, товарищи,—иной профессоръ), что такое православіе и какое отношеніе оно имѣетъ къ католицизму и протестантству, кромѣ того, что не признаетъ папы съ католиками и признаетъ таинства, вопреки протестантамъ? Знаетъ ли нашъ гимназистъ и даже студентъ... гдѣ находится сердце? Да, потому что иногда оно бьется, даетъ о себѣ знать. Но знаетъ ли онъ, гдѣ находятся легкія, печень, почки, и въ чемъ состоитъ ихъ назначеніе? Преподается же въ гимназіи математическая географія о движеніяхъ солнца и луны: неужели строеніе человѣческаго тѣла знать ему нужно менѣе?

Вотъ вопіющія несообразности, которыя, по привычкѣ къ нимъ, не бросаются намъ въ глаза. Точно также нелѣпо не объяснять гимназисту, чтó такое Сенатъ, Судебная Палата, Окружный Судъ, полиція, какъ ведется судопроизводство и проч.

*

Подведемъ *итоги*, разсѣянные по статьямъ въ предложенномъ разсужденіи. Классическая система, весьма полезная по своему существу для образованія, будучи прилагаема, употребляема въ мѣру, разумно, искусно,— оказываетъ *у насъ*, вопреки всѣмъ ожиданіямъ и надеждамъ ея виновниковъ (дѣйствительнымъ и мнимымъ) вліяніе пагубное на образованіе, развитіе, общественное благосостояніе, спокойствіе, чрезъ свое злоупотребленіе, потому что распространяется насильственно, сверхъ всякой мѣры, черезъ край, дурными средствами, чрезъ неопытныхъ посредниковъ, при *безпримѣрномъ* запрещеніи говорить въ печати объ ней искренно. Она не отвлекаетъ отъ политическихъ и соціальныхъ мечтаній, какъ предполагалось, а напротивъ наводитъ на нихъ, доставляетъ для нихъ поводы. Она не сосредоточиваетъ образованія въ богатыхъ сословіяхъ, а только отгоняетъ бѣдныхъ отъ образованія, уменьшаетъ число достигающихъ университетскаго образованія, умножаетъ число недовольныхъ, пролетаріевъ, возбуждаетъ чрезъ то расположеніе къ перемѣнамъ, переворотамъ. Она уменьшаетъ количество знаній историческихъ, филологическихъ и всяческихъ въ обществѣ, отнимая у нихъ потребное время въ гимназіяхъ. Она притупляетъ способности умственныя, не давая имъ слишкомъ долго ничего, кромѣ мертвыхъ формъ безъ идей. Занимая почти все время въ гимназіяхъ, она надоѣдаетъ, производитъ скуку, слѣдствіемъ которой бываетъ отвращеніе отъ занятій, отъ ученья. Она *сушитъ сердце*, не предоставляя ему никакого движенія, никакого участія.

Какъ, раздадутся восклицанія съ противной стороны, вы говорите это о классической системѣ, которая... которая...?!

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—все сказанное относится не къ классической системѣ, а къ тѣмъ *злоупотребленіямъ*, какимъ она подверглась у насъ по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ. Все хорошо въ мѣру, а у насъ мѣры нѣтъ, и мы умѣли сдѣлать прекрасные древніе языки противными до-нéльзя, умѣли возбудить общее неудовольствіе, умѣли сочинить изъ нихъ такую систему, вреднѣе, пагубнѣе которой лютѣйшій врагъ Россіи не придумалъ бы для задержанія ея на пути впередъ, для парализованія ея успѣховъ, систему, которую мономаны называютъ однакожъ якоремъ спасенія*). Такъ могутъ заблуждаться люди умные, пожалуй благонамѣренные, но ослѣпленные, само-

---

*) Покойный Н. В. Исаковъ, главный начальникъ военноучебныхъ заведеній, сообщалъ мнѣ, что этого рода классицизмъ проведенъ былъ при содѣйствіи III-го Отдѣленія, съ затаенною цѣлію гнать Русское юношества въ станъ недовольныхъ и что графъ Д. А. Толстой и М. Н. Катковъ съ П. М. Леонтьевымъ были обойдены въ благихъ своихъ намѣреніяхъ. Если это такъ, то вспоминается случившееся за полвѣка передъ тѣмъ: министръ прсвѣщенія А. С. Шишковъ, неожиданно для самаго себя, сдѣлался покровителемъ Булгарина и Сѣверной Пчелы, благодаря которымъ понизился нравственный уровень нашего печатнаго слова. П. Б.

любивые, самонадѣянные и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлые, чтобы не сказать болѣе. Найдутся возражатели, я ихъ знаю, которые припишутъ мой голосъ личностямъ. Опровергнуть мнѣ такое подозрѣніе очень легко.

Не теперь только, въ управленіе графа Толстого, возстаю я противъ излишняго благоговѣнія предъ классическою системою, въ ущербъ всѣхъ прочихъ знаній. Слишкомъ 30 лѣтъ назадъ, въ первыхъ сороковыхъ годахъ, министръ просвѣщенія С. С. Уваровъ (тогда еще не графъ) задумывалъ дать новый уставъ для гимназій, вмѣсто прежняго Муравьево-Александровскаго, какъ и вообще министры наши по всѣмъ вѣдомствамъ любятъ отличаться преобразованіями по примѣру (не всѣмъ впрочемъ доступному) Петра Великаго, и заводить новые порядки. (Вотъ, замѣтимъ мимоходомъ, настоящіе наши революціонеры, хотя имъ-то слѣдовало бы быть консерваторами, идущими и ведущими насъ впередъ постепенно, а не прыжками, не скачками, иногда даже не по прямой линіи, а по сторонамъ).

Познакомясь, среди поѣздокъ моихъ по разнымъ губерніямъ, съ положеніемъ нашихъ гимназій, я старался впродолженіе трехъ лѣтъ (не помню, какихъ именно), въ Порѣчьѣ, убѣждать Сергѣя Семеновича, чтобы онъ оставилъ мѣсто въ гимназіяхъ естественнымъ наукамъ и другимъ нужнымъ познаніямъ. Я представлялъ ему вышеприведенные доводы о маломъ количествѣ гимназистовъ, поступающихъ въ Университетъ. Не помню также въ которомъ году, за обѣдомъ у него въ Петербургѣ, сказалъ я ему, что считаю несчастіемъ для Русскаго просвѣщенія, что министръ знаетъ по-гречески и по-латыни. (Это я осмѣливался сказать не кому другому, а Уварову, человѣку въ высшей степени образованному и ученому, который зналъ древность не по наслышкѣ,—Уварову, которому я обязанъ былъ много за его покровительство, за многое добро и содѣйствіе моимъ ученымъ трудамъ, и съ которымъ, кромѣ одной кратковременной размолвки, я находился лѣтъ 30 въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, что̀ очень хорошо извѣстно самому графу Толстому, съ которымъ мы живали въ Порѣчьѣ вмѣстѣ, когда онъ только-что выступилъ на служебное поприще, по окончаніи лицейскаго курса). За обѣдомъ были сколько помню: товарищъ Уварова графъ Протасовъ (знавшій также по-латыни), тогдашній попечитель Университета князь Г. П. Волконскій, профессора: Давыдовъ, Плетневъ и Розбергъ, директоръ канцеляріи Комовскій. Изъ нихъ въ живыхъ остается только князь Волконскій, который можетъ это засвидѣтельствовать, если не забылъ. Слѣдовательно, вотъ какъ давно говорилъ я то, что́ теперь говорю, безъ всякихъ личностей, имѣя въ виду только общую пользу, распространеніе образованія въ отечествѣ.

При самомъ началѣ нынѣшнихъ классическихъ оргій я счелъ себя обязаннымъ подать свой голосъ тѣмъ болѣе, что подавалъ его предъ тѣмъ, впродолженіе Крымской кампаніи, о предметахъ для меня въ извѣстномъ отношеніи посторонняхъ, предметахъ государственной важности. Молчать о вопросѣ близкомъ, которому посвящена была вся жизнь моя, о вопросѣ относящемся къ просвѣщенію я считалъ *безчестнымъ*, не смотря на мои личныя, близкія тогда отношенія къ г. министру, и я напечаталъ свои гимнази-

ческія воспоминанія, желая какъ можно осторожнѣе коснуться больного мѣста. Тогда же посылалъ я свои тетради старыя въ г. Леонтьеву, какъ упомянуто выше. Потомъ, когда возгорѣлась жаркая полемика въ газетахъ и журналахъ между классическимъ и реальнымъ направленіемъ и рѣшался вопросъ въ высшихъ сферахъ, я напечаталъ опять очень умѣренную статью съ цѣлію примиренія крайностей. Когда же дѣло было рѣшено, и система введена въ учебныхъ заведеніяхъ, я замолчалъ и молчалъ пять лѣтъ, чтобы не подать повода къ обвиненію въ помѣхѣ, въ побужденіи къ непослушанію, въ задержаніи успѣховъ. Печатаю же теперь мои замѣтки за границей въ виду, съ одной стороны, новыхъ возможныхъ поползновеній, съ другой—возможныхъ измѣненій въ родѣ тѣхъ, которыя предлагаете вы, достойный князь А. И.

(Противная сторона должна по крайнѣй мѣрѣ увидѣть здѣсь мое безпристрастіе и отношеніе къ дѣлу, чуждое всякихъ частностей).

Исполнить ваше предложеніе значитъ впасть изъ одной крайности въ другую, изъ огня да въ полымя. Если вы объявите нынче воспитанникамъ реальныхъ гимназій право, по окончаніи курса, вступать въ Университетъ, то завтра поутру опустѣютъ всѣ классическія, а вечеромъ зажжется иллюминація по всѣмъ городамъ Русскимъ, какой никогда и не бывало: родители возликуютъ не меньше любезныхъ чадъ своихъ.

Возвысивъ такимъ образомъ реальныя гимназіи, мы остались бы вовсе безъ классическихъ языковъ, и оказали бы такую несправедливость половинѣ юношества, имѣющей большія способности къ языкамъ, вообще къ словесности, какая оказывается теперь къ имѣющимъ математическія и другія практическія способности. Древніе языки необходимы для образованія, и предметы гимназическаго ученія всѣ равны, какъ я старался доказать выше: всѣ они должны быть ведены ровно: какъ предпочтеніе одного убиваетъ всѣ прочіе, такъ исключеніе древняго языка нарушаетъ равновѣсіе предметовъ въ гимназическомъ курсѣ, лишаетъ его цѣлости.

*

Что̀ же дѣлать, чтобы выйти изъ такого неестественнаго и тягостнаго, положенія, въ которомъ мы всѣ находимся? Объ этомъ поговоримъ теперь, хотя на водахъ, экспромптомъ. Я не осмѣлюсь сказать ничего положительнаго, а только вспомню, что̀ мнѣ приходило въ голову при прежнихъ постоянныхъ наблюденіяхъ и размышленіяхъ объ учебномъ дѣлѣ. Приводить же здѣсь мои мысли въ систематическій порядокъ не имѣю ни времени, ни средствъ. Вотъ что мнѣ кажется возможнымъ и удобнымъ исподволь сдѣлать для уровновѣшенія требованій, для исполненія желаній, для удовлетворенія неудовольствій и, наконецъ для возможнаго содѣйствія дѣлу просвѣщенія, столько теперь поколебленному. Нынѣшнія классическія гимназіи оставить только въ городахъ, гдѣ есть Университеты, и принимать въ оныя на казенное содержаніе воспитанниковъ, которые хотятъ посвящать себя ученому званію, сдѣлаться со временемъ профессорами по каѳедрамъ историко-филологическаго факультета, учителями древнихъ языковъ. На казенное содержаніе охотниковъ будетъ всегда много, хотя бы заставляли ихъ учиться Зенду и Пельви, по какой угодно системѣ, при недостаточныхъ средствахъ родителей, которые

не знаютъ, что дѣлать съ своими дѣтьми. Во всѣхъ прочихъгимназіяхъ оставить обязательнымъ одинъ только языкъ Латинскій, который дастъ достаточно гимнастики для ума. (Въ поощреніе занятій Греческимъ языкомъ можно предоставить гимназическимъ эллинистамъ какія-нибудь преимущества).

Для Латинскаго языка назначить четыре часа въ недѣлю, имѣя въ виду соображенія, представленныя выше. Растягивать безъ нужды уроки—производитъ только скуку и ослабляетъ знаніе, а не укрѣпляетъ. Часы, которые останутся свободными отъ исключенія Греческаго языка и отъ уменьшенія Латинскихъ классовъ, употребить на усиленіе Русскаго языка, исторіи Русской и общей, географіи, на сообщеніе общихъ свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ, о гражданскомъ устройствѣ и Законѣ Божіемъ, о своемъ исповѣданіи, на введеніе другого иностраннаго языка (ибо оставаться съ однимъ языкомъ—Французскимъ или Нѣмецкимъ—въ наше время невозможно: оба они необходимы и для науки, и для жизни, и для службы).

Скажите, чѣмъ поддерживается религіозный духъ въ настоящихъ нашихъ гимназіяхъ, чѣмъ питается любовь къ отечеству чѣмъ возбуждается сердечное чувство? Наши гимназіи прежде всего должны быть воспитательными заведеніями, и потомъ уже пріуготовительными для Университета; а теперь онѣ суть только пріуготовительныя для Университета, куда изъ нихъ идутъ немногіе и почти безполезные для дѣловой жизни, къ которой большая часть обращается. Губернскія гимназіи должны быть образованы, какъ самостоятельныя, особыя цѣлыя, имѣющія цѣлью образованіе, такъ сказать, среднее, для большинства городскихъ населеній, которому нужны энциклопедическія свѣдѣнія. Но, чтобы не лишить возможности воспитанниковъ, желающихъ поступать въ Университетъ по окончаніи курса въ губернской гимназіи, оставляется въ нихъ одинъ древній языкъ—Латинскій, который и для поступающихъ на службу въ губерніи принесетъ пользу своей гимнастикой. Точно также долженъ быть вставленъ Латинскій языкъ и въ реальныя и военныя гимназіи, дабы воспитанники ихъ имѣли возможность поступать оттуда, по окончаніи курса въ Университетъ.

Наши гимназіи—рабское подражаніе Нѣмецкимъ, безъ всякаго соображенія, что мы не Нѣмцы, не Французы, не Католики, не Протестанты, что наше происхожденіе, религія, исторія, языкъ, характеръ,—совсѣмъ другіе, имѣющіе совершенно иное отношеніе къ классическому міру, безъ всякаго соображенія о томъ, что новое время имѣетъ совсѣмъ другіе магазины знанія и другія потребности, чѣмъ то, въ которое классическіе языки положены въ основаніе образованія.

Въ классическихъ языкахъ въ эпоху Возрожденія наукъ заключалось все образованіе, вся ученость, всѣ познанія. Кромѣ классическихъ языковъ нечему было и учиться, а если и было чему, то все-таки по писанному на этихъ языкахъ. Изъ нихъ только можно было почерпать всѣ возможные свѣдѣнія. Ну они и сдѣлались главными и единственными предметами изученія, и какъ средство, и какъ цѣль. Новая ученость начала писать по древнимъ образцамъ, также по-латыни. Присоедините религію Римско-католическую,

которая выражалась только по-латыни. Тотъ только былъ образованный человѣкъ, кто зналъ по-латыни и по-гречески. Внѣ древнихъ языковъ—мракъ, невѣжество, тьма. Всѣ основатели новаго Европейскаго образованія писали по-латыни: Декартъ, Коперникъ, Кеплеръ, Баконъ, Невтонъ, духовные ученые, дипломаты, юристы не объяснялись между собою иначе, какъ по-латыни. Цѣлый народъ Венгерскій, т. е. высшее сословіе, употребляли Латинскій языкъ до позднѣйшаго времени *). Въ духовныхъ семинаріяхъ, академіяхъ, университетахъ, медицинскихъ факультетахъ—господствующій языкъ былъ Латинскій. Теперь совсѣмъ не то. Я спрошу нашихъ *ревнителей не по разуму*: въ такомъ ли состояніи находятся науки теперь, въ какомъ онѣ были при первомъ учрежденіи гимназій, и тѣ ли потребности имѣетъ наше время, какія были у тогдашняго? Вѣдь вотъ что надо принимать въ соображеніе при устройствѣ гимназій, и для того чаще читать басню Крылова: Воспитаніе льва.

Главныхъ существенныхъ причинъ въ пользу древнихъ языковъ теперь не существуетъ; осталась только ихъ литература и *вновь придуманная* гимнастика. (Здѣсь, въ Эмсѣ, я услышалъ отъ одного профессора о какомъ-то гдѣ-то послѣднемъ собраніи педагоговъ, въ которомъ сами филологи подали голосъ противъ предпочтенія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ).

*

Припомню вкратцѣ судьбу нашихъ гимназій съ того времени, какъ самъ учился въ гимназіи 1814—1818 г.г. Въ гимназіи было 4 класса, вмѣсто нынѣшнихъ 8. Учились мы по 6 часовъ въ день, въ недѣлю 36 часовъ. Два класса тогдашняго уѣзднаго училища, соединеннаго съ гимназіей, считались какъ бы приготовительными для гимназіи. Въ тѣхъ двухъ классахъ преподавались катехизисъ, Русская грамматика, ариѳметика, чтеніе и письмо по-русски, по-французски, понѣмецки, по-латыни, чистописаніе, рисованіе. Съ 1-го нашего класса гимназіи начинались языки по грамматикамъ—Латинскій, Нѣмецкій и Французскій—каждый по 4 часа въ недѣлю, по 4 часа географія и исторія, матема тика, естественныя науки и словесныя, 4 рисованіе. (Куда употреблялись 2 часа недостающіе до 36—теперь не припомню; кажется, въ одномъ классѣ они шли на третій урокъ изъ математики, а въ другомъ изъ словесныхънаукъ и т. д.). Изъ естественныхъ наукъ преподавалась во 2-мъ классѣ минералогія, въ 3-мъ ботаника, въ 4-мъ зоологія и технологія. Изъ словесныхъ наукъ въ 1-мъ классѣ всеобщая грамматика и логика,во 2-мъ психологія и нравственность, въ 3-мъ реторика, тактика, эстетика, въ 4-мъ политическая экономія и естественное право!!! Нечего говорить, что эти послѣднія науки вовсе не должны принадлежать къ гимназическому курсу; но онѣ показываютъ вмѣстѣ съ естественными науками, что сочинители устава имѣли въ виду общее образованіе, думая о тѣхъ гимназистахъ, которые по окончаніи курса пойдутъ на службу или обратятся къ другимъ занятіямъ.

*) Такой порядокъ вещей на много лѣтъ былъ основанъ указомъ одного изъ старыхъ Венгерскихъ королей, котораго имени теперь не припомню, а помню только, какъ поразило меня во время молодости это явленіе, представляя примѣръ, какую силу и дѣйствіе можетъ имѣть то или другое постановленіе.

Эти предметы при первомъ преобразованіи, т. е. Уваровскомъ, слѣдовало исключить и занять время, на нихъ посвящавшееся, Русскимъ языкомъ и Русскою словесностью съ практическими упражненіями, а естественныя науки и языки оставить, какъ они были, при нѣкоторыхъ исправленіяхъ и улучшеніяхъ. Прибавляя же къ прежнимъ четыремъ классамъ еще два года, можно было бы значительно усилить Латинскій языкъ и дополнить свѣдѣнія религіозныя, историческія, географическія и общественныя или гражданскія, т. е нужно было бы исправить только прежній уставъ; но Уваровъ хотѣлъ, какъ замѣчено выше, сочинить свой, и далъ въ немъ чувствительное предпочтеніе древнимъ языкамъ, исключивъ естественныя науки. Какую же пользу особенную принесъ этотъ уставъ, предъявлявшій, впрочемъ, требованій и затрудненій гораздо меньше послѣдняго, Леонтьевскаго, и нашедшій было ревностнаго исполнителя въ лицѣ Московскаго попечителя графа Строганова? Никакой, а принесъ вредъ ослабленіемъ Русскаго языка, которое именно съ тѣхъ поръ произошло въ гимназіяхъ *) и на нѣкоторое время было исправляемо въ Университетѣ неутомимыми трудами покойнаго Шевырева. и вотъ почему отъ сороковыхъ годовъ мы имѣемъ мало хорошихъ учителей, а Латинисты, которыхъ выходило много изъ тогдашнихъ гимназій, улетучились, не оставивъ никакихъ слѣдовъ въ литературѣ.

Уваровскій уставъ держался лѣтъ 15 и вслѣдствіе Европейскихъ тревогъ 1848 года былъ отмѣненъ и введенъ новый, гдѣ отчасти какъ бы исполнялась моя мысль, съ которой я такъ долго и напрасно приступалъ къ Уварову, объ естественныхъ наукахъ и гражданскихъ свѣдѣніяхъ; но приводимъ онъ былъ въ исполненіе зря, или лучше сказать, не зря, а слѣпо, безъ всякаго руководства. Вновь опредѣленные учителя, университетскіе кандидаты, принесли въ гимназіи свои тетрадки и начали по предмету политическихъ, такъ называемыхъ наукъ теоризировать о правѣ, о происхожденіи государствъ, объ отношеніи властей, а по предмету естественныхъ наукъ—о природѣ вообще и ея силахъ, вмѣсто того, чтобы сообщать простѣйшія самонужнѣйшія практическія свѣдѣнія,—и вышелъ хаосъ и путаница. Путаница привела къ заключенію: нѣтъ, естественныя и юридическія науки для гимназій не годятся, вонъ ихъ; а вина была не въ естественныхъ и юридическихъ наукахъ, а въ ихъ неумѣлыхъ и неопытныхъ преподавателяхъ и въ недостаткѣ разумнаго надзора и внимательнаго и знающаго попечительства. Общихъ мѣстъ наговорить можно много, они наговорены и уставъ уничтоженъ.

Объ этомъ періодѣ я впрочемъ имѣю мало свѣдѣній и не могу судить положительно; можетъ быть, и въ сказанномъ сдѣлалъ какія-нибудь ошибки.

Новый, Леонтьевскій, уставъ оставилъ за собою далеко и Уваровскій, потребовавъ по 12 часовъ въ недѣлю для древнихъ языковъ и оставивъ для Русскаго языка, для исторіи и географіи по два, по три. (Ослѣпленіе доходило до того, что въ одной статьѣ Московскихъ Вѣдомостей даже эти часы объявлены пропадающими). Леонтьевскимъ уставомъ прибавленъ къ гимна-

*) Начали выходить изъ гимназій хорошіе Латинисты (терявшіе въ Университетѣ Латынь).

зическому курсу еще годъ, такъ что курсъ растянулся на 8 лѣтъ, вмѣсто прежнихъ 7, 6, 4-хъ. Этотъ уставъ губернскимъ гимназіямъ такъ присталъ, скажешь просто, но совершенно вѣрно, какъ коровѣ сѣдло.

Поговоримъ о *продолжительности* гимназическаго курса. Восемь лѣтъ слишкомъ много для него. Мальчикъ, вступая въ гимназію 12 лѣтъ, можетъ теперь окончить курсъ только 20 лѣтъ, если будетъ переходить изъ класса въ классъ ежегодно, безъ всякой остановки и болѣзни, а это очень мудрено и трудно, какъ мы замѣтили выше. Если застрянетъ онъ гдѣ, чему легко быть, особенно въ младшихъ классахъ, то ему придется оканчивать гимназическій курсъ 21 и 22 лѣтъ. Да потомъ въ Университетѣ должно провести по крайней мѣрѣ 4 года; слѣдовательно возможность поступить на службу и жить своей жизнію въ самомъ счастливомъ случаѣ онъ получитъ 25 и 26 лѣтъ. Это страшно имѣть молодому человѣку въ перспективѣ: 8 лѣтъ въ гимназіи, да 4 года въ Университетѣ. Да и родителямъ тяжело содержать дѣтей столько времени, не только не получать отъ нихъ никакой помощи.

14-ти лѣтъ вступилъ я въ гимназію и кончилъ 18-ти. Университетскій курсъ продолжался тогда три года, а не четыре, и поступилъ я на ученую службу 21 года. Это настоящая пора. Напоминаю о нашемъ четырехлѣтнемъ курсѣ. Еслибъ его исправить, какъ замѣчено выше, да прибавить еще два года, то онъ сдѣлался бы совершено полнымъ и удовлетворительнымъ, за глаза достаточнымъ для сообщенія молодымъ людямъ средняго образованія, энциклопедическихъ свѣдѣній. Шесть лѣтъ слѣдуетъ назначить для гимназій, и пожалуй, седьмой для окончательнаго приготовленія въ Университетъ.

*

Отмѣчаніе успѣховъ цифрами: 5, 4, 3, 2, 1, 0 обветшало, породило уже недостойныя выраженія, учиться на двойку, схватить пятерку, въ которыхъ сглаживается какъ будто мысль объ ученіи и успѣхѣ, и цѣлію представляется не познаніе предмета, а его отвлеченная оцѣнка для перевода изъ класса въ классъ или для полученія аттестата, степени. Балы слѣдуетъ отмѣнить, или по крайней мѣрѣ учителя могутъ писать ихъ для себя, такъ сказать, карандашомъ, чтобы имѣть въ нихъ основаніе и пособіе на общихъ совѣщаніяхъ о переводѣ и выпускѣ гимназистовъ и студентовъ. Кромѣ этихъ баловъ учителя и профессоры должны имѣть другія примѣты для опредѣленія достоинства въ ученикахъ и студентахъ. Во всякомъ случаѣ балы должны остаться неизвѣстными для учениковъ, ибо они подаютъ поводъ къ неприличнымъ спорамъ, неудовольствію, ропоту. Опредѣлять степень познаній принадлежитъ наставникамъ и ихъ собранію, совѣту. Что собраніе положило, на то не можетъ и не должно быть протеста. Переводы и выпуски должно опредѣлять на основаніи частнаго числа, происшедшаго отъ раздѣленія общей суммы всѣхъ отмѣтокъ на число предметовъ. Такое частное должно быть не менѣе $3^1/_2$ для дѣйствительнаго студента и $4^1/_2$ для кандидата, если высшій балъ для каждаго предмета былъ 5. (Также и для перевода съ курса на курсъ въ Университетѣ и изъ класса въ классъ въ гимназіяхъ).

Изъ этого или подобнаго правила дѣлались и дѣлаются, въ предпочтеніе того или другого предмета, исключеніе въ пользу нѣкоторыхъ предметовъ.

въ коихъ единица или вообще недостаточный балъ лишаютъ права перехода или выпуска, не смотря ни на какіе успѣхи въ прочихъ предметахъ. Такихъ исключеній дѣлать не должно; недостаточные баллы въ какихъ бы то ни было предметахъ не должны лишать перевода или выпуска, если они вознаграждаются излишкомъ въ отмѣткахъ изъ другихъ предметовъ, что̀ бываетъ видно по итогу или частному числу. Исключеніями въ пользу однихъ предметовъ нарушается равенство всѣхъ предметовъ гимназическаго курса. Исключенія предаютъ судьбу гимназиста и студента на произволъ одного профессора и учителя и подаютъ поводъ къ несправедливостямъ. Добродушный профессоръ или учитель, зная, что единица изъ его предмета лишаетъ студента или гимназиста права перейти въ высшій классъ или получить аттестатъ, ставитъ ему два, между тѣмъ какъ безъ этого исключенія онъ поставилъ бы ему заслуженную единицу, которая въ суммѣ должна бы быть выкуплена отличными отмѣтками въ другихъ предметахъ.

Исключенія во все продолженіе моей университетской службы, на всякомъ экзаменѣ, подавали поводъ къ замѣшательству, и большинство студентовъ, принимаемыхъ и выпускаемыхъ, никогда не подходило подъ нихъ, такъ что, придерживаясь ихъ строго, нельзя было никого почти переводить или выпускать и должно было обходить какъ-нибудь наложенный на себя законъ.

Преподаваніе пяти предметовъ въ одно утро въ гимназіяхъ, въ продолженіе пяти-шести часовъ, не сообразно съ правилами ни педагогики, ни гигіены. Каково бѣдному мальчику переноситься ежечасно изъ Греческой грамматики въ исторію, изъ исторіи въ математику, изъ математики въ Латинскую грамматику, изъ Латинской грамматики въ Русскую или Французскую, географію! А чтобы приготовиться изъ пяти предметовъ, ему надо употребить весь вечеръ наканунѣ. Какое насиліе всѣхъ его способностей! Въ какомъ напряженіи долженъ находиться весь его организмъ!

*

Исключеніе учениковъ изъ гимназій, за что бы то ни было, имѣетъ всегда печальныя слѣдствія не только для нихъ, но и для ихъ родителей, семействъ и вообще для общества: несчастнымъ некуда дѣться, и они портятся болѣе и болѣе, разносятъ вездѣ свою заразу. Для нихъ необходимы особыя исправительныя заведенія.

*

Теперь о строгости. Строгость хороша, полезна, необходима въ учебныхъ заведеніяхъ, но строгость толковая; а безтолковая, формальная строгость производитъ только неудовольствіе, озлобленіе и ожесточеніе, чему во послѣднее время и было много несчастныхъ примѣровъ.

Въ заключеніе скажу еще нѣсколько словъ о пріемныхъ экзаменахъ.

Родители, желающіе дать воспитаніе своимъ дѣтямъ, находятся нынѣ въ ужасномъ, безпомощномъ положеніи, не смотря на множество учебныхъ заведеній; но одною изъ самыхъ тяжелыхъ для нихъ, Египетскихъ язвъ, есть такъ называемые *пріемные экзамены*, которые у насъ, съ легкой руки, ка-

жется, военнаго вѣдомства двадцатыхъ годовъ, распространяются болѣе и болѣе, и служатъ обильнымъ источникомъ злоупотребленій, жалобъ, тревогъ и разореній. Есть ли какое-нибудь логическое для нихъ основаніе? Есть ли какая-нибудь необходимость?—Никакой.—Учебныя заведенія и основаны для того, чтобы учить отъ начала до конца, отъ аза до ижицы. Кто же еще долженъ учить и чему необходимо учиться для вступленія въ оныя? Для всего этого должны устраиваться во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ приготовительные классы, да вѣдь, кажется, они вездѣ и есть. Приводится ученикъ, ученица, извѣстнаго возраста, которые дома кое-чему научились. Родители скажутъ сами—чему. Опытный пріемщикъ, инспекторъ или учитель, взглянетъ, предложитъ два-три вопроса и узнаетъ въ какой классъ субъектъ помѣщенъ быть можетъ. Если онъ ошибется, то учитель на первой же недѣлѣ замѣтить и скажетъ повышену или понижену ученику быть должно. Вотъ и все. Такъ и было безъ всякихъ хлопотъ въ мое время въ гимназіи. Родители рады только отдать дѣтей своихъ въ учебныя заведенія, а тамъ помѣщайте, въ какой классъ угодно. Если же иные родители захотятъ именно, чтобы ихъ дѣти поступили въ такой-то классъ, то ихъ можно тотчасъ проэкзаменовать или прямо объявить, что учебное начальство знаетъ, кого куда помѣстить должно. Но едва ли много такихъ родителей найдется, а всѣ прочіе будутъ рады безъ памяти избавиться отъ страшныхъ хлопотъ исканія программъ, учителей, учебныхъ книгъ, отъ траты денегъ за уроки. Нынѣ есть даже много особыхъ приготовительныхъ заведеній, гдѣ учителя часто бываютъ экзаменаторами въ тѣхъ училищахъ, куда поступаютъ дѣти. Рука руку моетъ, и время, пройденное въ приготовительномъ заведеніи, часто пропадаетъ даромъ, т. е. безъ пользы для учениковъ, но не даромъ для учителей, получающихъ оброкъ съ родителей. Великое благодѣяніе было бы для родителей, если бы были вездѣ отмѣнены пріемные экзамены, которые нынѣ объявляетъ послѣдній пансіонишка.

*

Я хотѣлъ было въ подтвержденіе приведенныхъ положеній сообщить здѣсь нѣсколько частныхъ случаевъ, узнанныхъ мною предъ отъѣздомъ заграницу, изъ университетской и гимназической жизни, отъ моихъ знакомыхъ; но курсъ моего лѣченія оканчивается, и я не имѣю времени увеличивать своего письма, которое и безъ того уже сдѣлалось слишкомъ длиннымъ. Sapienti sat. Примите увѣреніе и проч. Эмсъ. 1875, Іюля 31 (19).

(*Сообщено П. Г. Погодинымъ*).

Письмо это написано М. П. Погодинымъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины. Читатель сравнитъ его съ двумя статьями о томъ же предметѣ другого нашего историка, Д. И. Иловайскаго, напечатанными въ „Русскомъ Архивѣ“: „Уроки исторіи“ и „М. Н. Катковъ. Историческая поминка“. Сія послѣдняя статья, еще при жизни Каткова, была задержана въ „Русскомъ Архивѣ“ Е. М. Ѳеоктистовымъ и разрѣшена много лѣтъ спустя его преемникомъ. П. Б.

О СТИХОТВОРЕНІИ „КЪ АКЦИЗНОМУ ЧИНОВНИКУ“.

Въ XI-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ прошлаго 1901 года напечатано стихотвореніе „Къ акцизному чиновнику“ съ примѣчаніемъ, относящимся къ Іосафату Огрызко, въ предположеніи, что упомянутая въ стихотвореніи фамилія относится именно къ нему.

Стихотвореніе это принадлежитъ покойному Ѳеодору Михайловичу Дмитріеву, извѣстному профессору Московскаго Университета, который, покинувъ каѳедру, довольно долго былъ Сызранскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Въ Сызранскомъ уѣздѣ служилъ тогда акцизнымъ надзирателемъ Даніилъ Яковлевичъ Тураевъ, бывшій нѣкогда учителемъ Ѳ. М. Дмитріева. Ѳ. М. Дмитріевъ съ нимъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ, но часто подсмѣивался надъ нимъ за его сочувственное отношеніе къ нашимъ братьямъ-Славянамъ, находя подобное увлеченіе со стороны Д. Я. Тураева мало соотвѣтствующимъ его служебнымъ обязанностямъ, почему и написалъ посланіе „Къ акцизному чиновнику“, которое я не разъ слышалъ самъ, какъ у Ѳ. М. Дмитріева, такъ и у Д. Я. Тураева.

Упоминаемый же въ стихотвореніи Огрызко совсѣмъ не Іосафатъ Огрызко, а Францъ Антоновичъ Огрызко, въ то время управлявшій большимъ винокуреннымъ заводомъ А. Е. Пашкова и ни въ какой родственной связи съ Іосафатомъ Огрызко не состоявшій. Извѣстно мнѣ это въ точности, потому что я въ довольно-близкомъ свойствѣ, какъ съ покойными Ѳ. М. Дмитріевымъ, такъ и съ Ф. А. Огрызко.

Владимиръ Николаевичъ Насакинъ.

Никольскій № 1 винокуренный заводъ наслѣдницъ покойнаго Ф. А. Огрызко, 2 Ноября 1901 года.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ НЕ-ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

I.

Въ Ноябрьской книжкѣ „Русской Мысли“ разсказано по подлиннымъ бумагамъ дѣло о Михаилѣ Андреевичѣ Кологривовѣ, отданномъ въ 1831 году подъ судъ за вступленіе на службу къ Испанскимъ мятежникамъ. Опекунъ М. А. Кологривова, Д. Н. Бѣгичевъ, отправилъ его семнадцатилѣтнемъ юношей, подъ присмотромъ Б. И. Іона, во Францію. Молодой Кологривовъ, будучи нрава пылкаго и своевольнаго, принялъ дѣятельное участіе въ Іюльской революціи. Когда же вышло повелѣніе Императора Николая Павловича, чтобы всѣ Русскіе, находящіеся во Франціи, возвратились въ свое отечество, Кологривовъ не захотѣлъ повиноваться. Обманувъ своего воспитателя, онъ уѣхалъ въ Байону и вступилъ поручикомъ въ состоявшее подъ начальствомъ Минье священное войско (corps sacré), которое намѣревалось силою оружія вернуть свободу Испанцамъ. „Я врагъ самовластія и насилія, писалъ Кологривовъ матери, готовъ жертвовать жизнію и пролить послѣднюю каплю крови за свободу... Впрочемъ, предаю себя въ руцѣ Божіи“. Какъ извѣстно, замыслы Минье не удались. Французское правительство конфисковало заготовленныя ружья и патроны, и вторженіе въ Испанію не состоялось. Не смотря на то, Кологривовъ писалъ Іону, что не намѣренъ возвращаться въ Россію, и что его девизомъ по гробъ останется „свобода или смерть“.

Между тѣмъ причины отсутствія Кологривова стали извѣстны въ Россіи, и Бенкендорфъ особой запискою доложилъ объ этомъ дѣлѣ Государю. Послѣдовало высочайшее повелѣніе о преданіи Кологривова суду и о воспрещеніи ему въѣзда въ Россію. Дѣло разсматривалось въ Петербургскомъ Надворномъ Судѣ, который и положилъ мнѣніемъ: выставить имя Кологривова на доскахъ въ обѣихъ столицахъ, письма его сжечь, имущество передать наслѣдникамъ, самого же, если осмѣлится явиться въ Россію, лиша дворянства, сослать въ каторжныя работы. Уголовная Палата и Петербургскій губернаторъ Храповицкій согласились съ этимъ мнѣніемъ, но въ Сенатѣ вышло разногласіе. Трое (П. К. Меркуловъ, В. Ѳ. Мертенсъ и П. А. Баратынскій) присоединились къ согласію Палаты; но двое другихъ (С. С. Уваровъ и графъ Ѳ. А. Толстой) не нашли въ поступкахъ Кологривова измѣны и оскорбленія Величества, тѣмъ болѣе что по несовершеннолѣтію Кологривовъ и не принималъ еще вѣрноподданнической присяги; они полагали Кологривова виновнымъ лишь въ неповиновеніи высочайшей волѣ и въ участіи въ событіяхъ, неодобряемыхъ правительствомъ. Князь В. С. Трубецкой подалъ еще особое

мнѣніе. Дѣло было перенесено въ общее собраніе Сената и затѣмъ, такъ какъ разногласіе продолжалось, въ Государственный Совѣтъ. Однако Совѣту не пришлось разсматривать дѣло, которое кончилось совершенно неожиданно. 23 Марта 1832 года Д. В. Дашковъ сообщилъ Сенату, что М. А. Кологривовъ прислалъ изъ Берлина прошеніе на высочайшее имя о дарованіи ему прощенія и о позволеніи возвратиться въ Россію. Императоръ Николай Павловичъ разрѣшилъ Кологривову возвратиться съ тѣмъ, чтобы немедленно по возвращеніи онъ вступилъ въ военную службу простымъ рядовымъ, съ сохраненіемъ дворянства.

Стóитъ отмѣтить, что всѣ дѣйствующія лица этого дѣла имѣютъ отношеніе къ А. С. Грибоѣдову. Такъ самъ М. А. Кологривовъ—сынъ того Кологривова, при которомъ Грибоѣдовъ состоялъ въ Брестъ-Литовскѣ; Б. И. Іонъ, воспитатель М. А. Кологривова, ранѣе былъ воспитателемъ Грибоѣдова; а Д. Н. Бѣгичевъ (авторъ романа „Семейство Холмскихъ")—родной братъ С. Н. Бѣгичева, который былъ за-душевный другъ Грибоѣдову.

II.

Въ Ноябрьской и Декабрьской книжкахъ „Вѣстника Европы" помѣщены воспоминанія Д. Д. Ахшарумова, бывавшаго на вечерахъ у Петрашевскаго и арестованнаго вмѣстѣ съ другими участниками этого кружка въ 1849 году. По словамъ Ахшарумова, Петрашевскій въ молодости любилъ бывать на общественныхъ танцклассахъ, приводя присутствующихъ въ удивленіе и страхъ. Онъ принималъ участіе въ возникавшихъ тамъ ссорахъ и, смотря враждебно на все, что ему представлялось консервативнымъ, часто привязывался къ полицейскимъ чинамъ и входилъ съ ними въ самыя смѣлыя пререканія... Не смотря на выдающіяся свои качества, горячую дѣятельность, увлеченіе дѣломъ и уваженіе, которымъ онъ пользовался въ средѣ людей, его окружавшихъ, онъ, по своему холодному обращенію, не былъ никѣмъ любимъ, и никто не могъ бы назваться его искреннимъ другомъ. Воспоминанія Ахшарумова доведены только до дня объявленія приговора Петрашевцемъ*).

III.

Въ Декабрьской кн. „Р. Вѣстника" напечатаны письма А. Н. Сѣрова, гр. А. К. Толстого, А. Ѳ. Писемскаго, Вл. С. Соловьева и Н. П. Гилярова-Платонова. А. Н. Сѣровъ, по поводу задуманной имъ оперы изъ временъ Гуситскихъ войнъ, защищаетъ пышность, эффектность своихъ произведеній, въ чемъ иные видѣли угожденіе дурнымъ вкусамъ зрителей. Онъ приводитъ слова

*) И П. Лапланди, открывшій заговоръ Петрашевскаго, передалъ бумаги по этому дѣлу на храненіе въ Чертковскую библіотеку. Оказывается, что виновники страшнаго Петербургскаго пожара 1862 года имѣли цѣлью осуществить замыслы Петрашевскаго. Сходство доходило до подробностей: полиція и тогда ничего не знала, и предположено было начать сожженіемъ Апраксина двора и Государственнаго банка. В. А. Кокоревъ предлагалъ, на всякій случай, чтобы банки писали свои обязательства и важнѣйшія бумаги въ двухъ экземплярахъ, и одинъ изъ нихъ отвозился бы въ Петропавловскую крѣпость для бóльшей бéрежи. П. Б.

Листа, слышанныя имъ отъ него самого: l'art est le plus grand des luxes, ne faisons pas de l'art à bon marché*). А. Ѳ. Писемскій сравниваетъ свое поколѣніе съ поколѣніемъ 60-хъ годовъ (письмо отъ 1869 года). Не забывая, что старикамъ свойственно бранить молодежь, онъ все же настаиваетъ, что люди 40-выхъ годовъ были лучше или по крайней мѣрѣ поэтичнѣе наблюдаемыхъ имъ юношей. Значительную долю вины онъ относитъ къ газетамъ, которыя если и приносятъ человѣчеству пользу, то лишь съ матеріальной стороны, но никакъ не для умственнаго или какого-либо иного духовнаго развитія. Замѣчательно письмо Н. П. Гилярова-Платонова (1885 года). Въ словахъ Гладстона, что будущее принадлежитъ Россіи и Англіи, онъ дѣлаетъ поправку: *Англосаксонскому племени* и Россіи. „Теперешняя Англія со временемъ испортится, отощаетъ. Жить обмѣномъ мануфактурныхъ произведеній съ сырыми произведеніями другихъ народовъ—non sens... Всѣ три соединенныя королевства будутъ мало-по-малу покинуты, и Новая Англія оснуется тамъ, въ Австраліи и Новой Зеландіи". Далѣе Гиляровъ пишетъ о Славянскихъ народахъ: „Въ этомъ отношеніи я расхожусь съ моими старыми друзьями, Славянофилами, и моей душѣ противна сантиментальность по отношенію къ нашимъ *братьямъ*. Русскій народъ имѣетъ свои интересы, Русскіе, и политика Русская должна ихъ преслѣдовать. Прочіе Славянскіе народы-планеты передъ солнцемъ, Россіею, или луна предъ землею. Если хотятъ сохранить свое бытіе, они должны тяготѣть къ Россіи и держаться за нее.... Мы для этихъ своихъ деревенскихъ родственниковъ не должны тратить ни одной копейки и ни одной капли крови... Погибнутъ они, не наша вина и не нашъ убытокъ. Насъ нарождается до милліона ежегодно; не должно забывать этого прироста". **В. Б.**

НЕКРОЛОГЪ.

Княгиня М. А. Голицына-Прозоровская.

23 Ноября 1901 года, въ прекрасномъ Потемкинскомъ храмѣ Вознесенія Господня, у Никитскихъ Воротъ, отслужена заупокойная литургія по скончавшейся 14 числа въ подмосковномъ селѣ Раменскомъ княгинѣ Маріи Александровнѣ Голицыной-Прозоровской (род. 17 Мая 1826 г.). Эта достопамятная женщина была украшеніемъ Русскаго образованнаго общества въ теченіе четырехъ послѣднихъ царствованій. Она по матери своей—внучка адмирала графа Мордвинова и его супруги, Шотландки, на которыхъ и походила лицомъ, а по отцу дѣдъ ея—Николай Александровичь Львовъ, другъ и свойкъ Державина, оставившій по себѣ замѣтный слѣдъ въ исторіи Русскаго просвѣщенія. Отецъ покойной былъ пріятелемъ С. Т. Аксакова. Жизнь ея была развитіемъ и примѣненіемъ унаслѣдованныхъ ею по рожденію качествъ. Но, кромѣ того, что изящныя художества и науки были ей сродни, она владѣла искусствомъ здравой благотворительности, о чемъ свидѣтельствуютъ и село Раменское, и прекрасная Тамбовская Зубриловка (гдѣ она будетъ похоронена). Отъ ея попеченій о бѣдномъ людѣ жилось ему лучше и въ отношеніи нравственномъ.

Русскій Архивъ обязанъ княгинѣ Маріи Александровнѣ сообщеніемъ многихъ историческихъ бумагъ. Вѣчная ей память! П. Б.

---

*) Искусство есть величайшая роскошь; не станемъ продешевлять его.

Въ день Рождества Христова онъ видѣлъ въ церкви Св. Петра, какъ служитъ папа: а вскорѣ затѣмъ зашелъ въ Греческую церковь, и вотъ читаемъ въ его письмѣ отъ 6 Января 1787 года: „Heute, als am Dreikönigsfeste, habe ich die Messe nach griechischen Ritus vortragen sehen und hören Die Ceremonien scheinen mir stattlicher, strenger, nachdenklicher und doch populairer als die Lateinischen (Göthe' sämmtliche Werke, Stuttgard, 1863, IV, 345). Гёте конечно понималъ чтó онъ слышалъ, и слово populairer исполнено тутъ глубокаго смысла.

Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. С.-П-бургъ, изданіе А. Ф. Маркса. 8-ка, четыре тома: I, XI и 628; II, 587; III, 499; IV, 539 стр. Цѣна за всѣ 6 р.

Предоставивъ Русскому читающему люду полное собраніе сочиненій Гоголя въ одномъ томѣ, на превосходной бумагѣ и четкимъ шрифтомъ, за баснословно-дешевую цѣну (1 р. 25 к.), г-нъ Марксъ напечаталъ особое изданіе и его писемъ. Это лучшая біографія Гоголя. Письма расположены въ порядкѣ времени, за тридцать лѣтъ сравнительно - недолгой жизни писателя. Къ нимъ приложенъ азбучный указатель, облегчающій всякую справку въ нихъ. Воздавая хвалу трудолюбію издателя, можно посѣтовать развѣ на обиліе его примѣчаній. Къ новымъ писателямъ не слѣдуетъ примѣнять того, чтò подобаетъ классикамъ, издаваемымъ съ пергаментовъ или по клочкамъ: палимпсестовъ это „аз мухой съ обухомъ". Г-нъ Шёнрокъ, столько потрудившійся надъ Гоголемъ, не занялъ у него художественнаго чувства мѣры. Мы увѣрены, что эти четыре тома скоро разойдутся въ продажѣ и надѣемся, что изъ настоящаго изданія сдѣлана будетъ выборка, которая найдетъ себѣ еще болѣе многочисленныхъ читателей. Занимательность этихъ четырехъ томовъ удивительна. Для историка словесности важно сравнить письма Гоголя съ письмами Пушкина. Но тѣнь Гоголя оскорблена оглашеніемъ нѣкоторыхъ его писемъ.

Воспоминанія К. Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года). Изданы академикомъ Л. Н. Майковымъ. С.-Пб. 1900. 8-ка 59 стр.

Извѣстный исторіографъ и устроитель женскихъ курсовъ въ Петербургѣ, род. въ 1829 году и умеръ 2 Января 1897 года. Онъ много поработалъ на вѣку своемъ; и ученыя заслуги его всѣми признаны, но дѣятельность его должна быть скорѣе отнесена къ библіографіи, нежели къ самой исторіи, въ которой не оставилъ онъ цѣльнаго и самостоятельнаго труда, такъ какъ первый и единственный томъ его Русской Исторіи представляетъ собою лишь изложеніе мнѣній другихъ лицъ. Мы помнимъ его въ Москвѣ ревностнымъ Западникомъ, а въ Петербургѣ онъ былъ даже предсѣдателемъ Славянскаго Благотворительнаго Общества. Онъ былъ племянникомъ одного изъ пяти повѣшанныхъ Декабристовъ, и во вторую половину своей дѣятельности пользовался щедротами двора. Его автобіографія весьма любопытна въ особенности за тѣ годы время, когда онъ сотрудничалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и временно завѣдывалъ ихъ изданіемъ. Время это слишкомъ близко, чтобы подвергать оцѣнкѣ его показанія. О Т. Н. Грановскомъ онъ замѣтилъ, что напрасно причисляютъ его къ Западникамъ, и это вѣрно.

П. Б.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1902 года.
(Годъ 40-й).

«Русскій Архивъ» въ 1902 году по прежнему выходитъ **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1902 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877**, **1879**, **1884** и **1886—1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1897—1901** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Оставшіеся въ розбити выпуски можно получать по **1 р.** съ перес.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**

(Годъ сороковой).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902

2.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1902.

В. Шенрокъ. П. А. Кулишъ. Біографическій очеркъ. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ 1901. Большая 8-ка, 255 стр.

П. А. Кулишъ извѣстенъ болѣе всего какъ неутомимый работникъ литературы, всю жизнь трудившійся для народнаго возрожденія Украйны. Нѣкоторые историческіе труды его, основанные на добросовѣстномъ и любовномъ изученіи первоисточниковъ, пользуются почетной извѣстностью. Таковы: „Записки о южной Руси", „Исторія возсоединенія Руси" и „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши". Кулишъ писалъ также стихи и разсказы, а послѣдніе годы занятъ былъ Малороссійскимъ переводомъ Библіи, для чего изучилъ Еврейскій языкъ. Намъ, Русскимъ, Кулишъ особенно памятенъ своими работами о Гоголѣ. Имъ напечатаны „Записки о жизни Гоголя", расширенныя потомъ въ „Опытъ біографіи Гоголя". Въ 1857 году вышло изданіе сочиненій Гоголя подъ его редакціей; въ этомъ изданіи впервыя обнародованы письма Гоголя, собираніе и обработка которыхъ стоили много труда Кулишу; между прочимъ только благодаря его изданію сохранены для насъ нѣкоторыя письма Гоголя, подлинники которыхъ впослѣдствіи пропали. Кулишъ нѣсколько разъ довольно рѣзко мѣнялъ свои убѣжденія, въ чемъ его и упрекали многіе. Неизмѣнною оставалась только любовь къ родной Украинской старинѣ. Понимая всю необходимость и всѣ благодѣтельныя послѣдствія для Малороссіи отъ слиянія въ одно государственное тѣло съ Россіей, онъ заботился о томъ, чтобы Малороссія не обезличилась въ этомъ союзѣ, но внесла и свою лепту въ обще-русское государство. „Мы, Малороссіане, писалъ онъ, въ соприкосновеніи съ Русскими могли бы напитать ихъ запахомъ своихъ степей, придать имъ богатство колорита своими народными красками, осіять ихъ блескомъ своей поэзіи". Къ концу жизни Кулишъ горько разочаровался въ козацкой порѣ исторіи Малороссіи. Онъ сталъ видѣть въ козачествѣ вредное исчадіе Польской образованности и ложный исторический наростъ. Единственной заслугой козачества Кулишъ признавалъ то, что оно привело къ соединенію Малороссіи съ Москвой, а возрожденіе Украйны онъ хотѣлъ видѣть на почвѣ до-монгольской „Старорусчины".

Жизнь Кулиша была полна невзгодами всякаго рода. Большая часть его произведеній не пользовалась у читателей успѣхомъ и долго не находила себѣ издателя. Въ теченіе своей долгой жизни (1819—1897) Кулишъ вступалъ въ довольно близкія отношенія съ П. А. Плетневымъ, Т. Шевченкою, Максимовичемъ, Н. И. Костомаровымъ, Бодянскимъ, братьями Аксаковыми.

Біографія, написанная г. Шенрокомъ, держится исключительно внѣшнихъ событій жизни Кулиша. Въ этомъ отношеніи г. Шенрокъ остался вѣренъ своему призванію: попытки изображать внутренній духовный міръ писателя (какъ то видно изъ его „Матеріаловъ для біографіи Гоголя") ему не удаются. За то всѣ источники, откуда только можно почерпнуть какія либо свѣдѣнія о Кулишѣ, изслѣдованы и исчерпаны имъ съ достохвальною полнотой. Изложеніе біографіи почти вездѣ спокойное, лѣтописное; жаль только, что этотъ складъ рѣчи нарушенъ въ двухъ - трехъ мѣстахъ. „Неосторожнымъ, пишетъ г. Шенрокъ, и уже несомнѣнно ложнымъ шагомъ Кулиша было сближеніе его съ такими органами печати какъ „Русскій Вѣстникъ" Каткова". Къ чему эта полемическая вылазка *)?

В. Б.

---

*) Не изъ страха ли передъ „мошенниками пера и разбойниками печати?" Угодничество толпѣ столь же не позволительно писателю, какъ лесть передъ знатью и царедворничество. П. Б.

КЪ ИСТОРІИ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА.

Учрежденіе Черноморскаго флота, его административное значеніе и соотвѣтствующая служебная дѣятельность, трагическое исчезновеніе и появленіе снова—все это, совокупно, представляетъ собою сопоставленіе такихъ особенно выдающихся случайностей, выясненіе которыхъ весьма желательно. Къ сожалѣнію, источники для исторіи Русскаго флота разсѣяны во множествѣ разныхъ повременныхъ изданій, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сообщеніяхъ, представляющихъ только одностороннія, большею частью неполныя историческія и біографическія поясненія; доступность же архивныхъ указаній еще болѣе затруднительна и кропотлива для полученія потребныхъ свѣдѣній. Исторія научаетъ насъ познавать настоящее и предвидѣть будущее, какъ высказалъ Карамзинъ. Поэтому, исторія Русскаго флота составляетъ спеціальную, административную и общественную потребность. Рѣшаясь приподнять завѣсу минувшаго, чтобы выяснить былое подвижничество Черноморскихъ моряковъ, отъ учрежденія этого флота до его уничтоженія во время злосчастной войны 1854—1855 годовъ, прошу читателей отнестись возможно-снисходительно къ оцѣнкѣ этой лепты моего труда, выражающей только желаніе составить возможно-полный обзоръ.

Съ 1768 по 1816 годъ.

Существованіе Кіевскаго княженія, владѣвшаго Азовско-Черноморскимъ побережьемъ, отъ истока рѣки Днѣпра до рѣки Кубани, продолжавшееся около трехъ столѣтій, оставило глубокій памятный слѣдъ, и хотя наплывъ Азіатскихъ полчищъ уничтожилъ Русское устроеніе на Югѣ, но идея о быломъ величіи осталась неизгладимою въ народныхъ сказаніяхъ. Въ дебряхъ Сѣвернаго поволжья началось снова собираніе Русской земли; тамъ зародилось сознаніе о необходимости единой самодержавной власти, уничтожившей крамолы удѣльныхъ владѣтелей, и оттуда же снова началось стремленіе на Югъ, къ предѣламъ Чернаго моря. Это направленіе осуществилось въ первой са-

мостоятельной дѣятельности царя Петра, задумавшаго овладѣть сѣверной окраиной Чернаго моря.

Послѣ перваго Азовскаго похода, убѣдившись, что овладѣть путемъ къ Черному морю можно только съ помощью военныхъ судовъ, Петръ создалъ съ невѣроятной быстротой достаточно-сильный флотъ. Собиратель матеріаловъ для исторіи Русскаго флота Ѳ. Ѳ. Веселаго говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Построить въ одну зиму за 1200 верстъ отъ моря значительный флотъ, не имѣя на это въ наличности ни средствъ, ни знающихъ людей, провести этотъ флотъ по мелководнымъ рѣкамъ, представлявшимъ множество препятствій, снарядить, и вывести въ море въ такомъ состояніи, что болѣе опытный въ этомъ непріятель спасался отъ него бѣгствомъ,—подобное событіе походитъ на баснословный подвигъ какого-либо миѳическаго героя древности»...

Покоривъ Азовъ и построивъ Таганрогъ, царь Петръ, по заключеніи мира, немедленно началъ стремиться къ развитію на Черномъ морѣ Русской торговли, предполагая вести ее Русскими судами, а потому, для соглашенія о семъ съ Портой, посланъ былъ въ Константинополь уполномоченный на военномъ кораблѣ «Крѣпость». Эти обширные замыслы остановлены были послѣдующими событіями: великой Сѣверной войною за обладаніе Балтійскимъ прибрежіемъ, продолжавшейся двадцать лѣтъ, Булавинскимъ бунтомъ, волненіями въ Малороссіи и Запорожьи, возникшими вслѣдствіе измѣны Мазепы, и неудачей Прутскаго похода. Все это, въ совокупности, заставило великаго царственнаго вождя Россіи пріостановить дѣятельность въ предѣлахъ Азовскаго моря. Тѣмъ не менѣе, начало было положено, и оно не осталось безслѣднымъ. Желаніе расширить границу Россіи къ берегамъ моря, подавить враждебное намъ мусульманское господство въ предѣлахъ этого моря и открыть на Югѣ торговый путь для своихъ южныхъ областей, сдѣлалось руководящею мыслію послѣдующей Русской государственной дѣятельности.

Неудачная попытка въ царствованіе Анны Іоанновны, въ 1736—1739 годахъ, овладѣть Крымомъ, послужила къ осуществленію предположенія Петра Великаго — устроить военно-земледѣльческія поселенія по Южной окраинѣ Русскихъ областей, чтобы создать основу для большаго успѣха въ тамошнихъ дѣйствіяхъ военныхъ. Для этого оказались очень пригодными и вполнѣ соотвѣтствующими такому назначенію пожелавшія переселяться въ Россію изъ Австріи и Турціи разныя единовѣрныя намъ Славянскія племена и Румыны, а также Малороссы и Поляки изъ Польскихъ провинцій, недовольные своимъ правительствомъ; къ нимъ присоединялись бѣглые крѣпостные крестьяне изъ Россіи. Всѣмъ имъ даны были земельные участки и

разныя льготы, съ тѣмъ однако, чтобы они принимали Греко-Россійское исповѣданіе и образовали конные и пѣхотные полки. Такимъ образомъ, въ царствованіе Елисаветы Петровны, учреждены были, по обѣ стороны Днѣпра, пограничныя военно-земледѣльческія колоніи, получившія наименованіе: Славяно-Сербія, съ городомъ Бахмутомъ, и Новая Сербія, съ городомъ Новомиргородомъ; къ этой послѣдней приселенъ былъ съ Юга одинъ Малороссійскій казачій полкъ.

Настало царствованіе Екатерины II, мудрымъ правленіемъ которой завершилось умиротвореніе Русскихъ южныхъ областей и освоеніе прилежащихъ къ нимъ степей до желаннаго предѣла. Для начала такого предпріятія достаточно было ничтожнаго предлога, чтобы вызвать столкновеніе между Россіей и Турціей, вслѣдствіе котораго произошла первая война 1769—1774 годовъ.

Въ виду предстоявшей войны признано было необходимымъ возобновить старыя Донскія верфи, а потому состоялся высочайшій указъ Адмиралтействъ-Коллегіи, отъ 18 Ноября 1768 года, такого содержанія:—«Отправить генералъ-кригсъ-комисара Селиванова въ Тавровъ и прочія тамошнія адмиралтейства, для приготовленія тамъ лѣсовъ къ строенію судовъ разной величины; притомъ употребить Коллегіи возможное стараніе промыслить родъ вооруженныхъ судовъ, кои бы противъ тамошнихъ судовъ съ пользой дѣйствовать могли»... Для построенія на Югѣ военныхъ судовъ назначена была комиссія, подъ предсѣдательствомъ контръ-адмирала Алексѣя Наумовича Сенявина; онъ же назначенъ былъ и командующимъ предположенной флотиліи. Въ этой комиссіи состояли, кромѣ Сенявина и Селиванова: по интендантской части полковникъ Михаилъ Ильичъ Рябининъ,по экипажеской—капитанъ 2 ранга Андрей Иларіоновичъ Тишевскій, по комиссаріатской—капитанъ-лейтенантъ Леонтій Григорьевичъ Тишининъ, комиссаріатскій секретарь Ефимъ Семеновичъ Путятинъ и корабельный мастеръ С. А. Аѳанасьевъ. Соображеніемъ Адмиралтействъ-Коллегіи опредѣлено было строить суда четырехъ ранговъ: перваго о 16 пушкахъ, второго—о 14 пушкахъ, третьяго—бомбардирскія, четвертаго—о 12 пушкахъ. По представленіи такого соображенія, послѣдовало высочайшее повелѣніе: «Первыхъ четырехъ родовъ судовъ построитъ на сто тысячъ рублей, а сколько каждой величины числомъ, оное имѣть комиссіи опредѣлить по своему разсужденію».

На Дону устроено было четыре верфи: въ Павловскѣ, въ Выкорцѣ, въ Новопавловской и Хоперской крѣпостяхъ. Въ Выкорцѣ найдены были четыре прама, строенные въ 1738 году; они были исправлены, спущены и приведены въ Ростовъ. Въ дополненіе къ нимъ по-

строенъ былъ еще одинъ прамъ [1]). Длина предположенныхъ кораблей была по ихъ разрядамъ: 92, 80, 70 и 65 футъ; пушки ставились въ 12, 8, 6 и 3 фунта ядро; а на лодкахъ—трехъ и полутора-фунтовые фальконеты на вертлюгахъ. На большихъ судахъ было по три мачты, а на малыхъ по двѣ. Всѣ они были плоскодонныя, а потому къ поворотамъ мало способныя и почти никогда противъ вѣтра не поворачивали [2]).

Инженеръ-полковникъ Сбродовъ началъ обновлять построенную царемъ Петромъ Таганрогскую гавань въ исходѣ Августа 1770 года; въ тоже время тамъ была открыта контора порта, начальникомъ которой назначенъ былъ капитанъ 2 ранга Скрыплевъ. Въ томъ году построена была третья часть гавани, но пушки и флагстокъ не были поставлены. Сильнымъ юго-западнымъ вѣтромъ 10 Ноября двѣ трети сдѣланной постройки унесло въ море; потомъ такимъ же вѣтромъ 15 Декабря унесло и остальную часть. Всѣ лѣса этой постройки разбросаны были по берегамъ и расхищены жителями, терпѣвшими большую нужду въ дровахъ, вслѣдствіе очень холодной зимы. Послѣ такого разоренія, за неимѣніемъ матеріаловъ и рабочихъ, постройка гавани не производилась до 1772 года. Сплавлявшіеся по Дону плоты, въ нѣсколько тысячъ бревенъ, также унесены были въ море; хотя посланныя для сбора ихъ команды съ Ханыковымъ успѣли ихъ спасти, но въ Декабрѣ окончательно ихъ разметало. Въ тоже время, изъ числа прибывшихъ съ Дона къ Таганрогу лодокъ съ провіантомъ, погибло восемь и съ ними утонуло 70 человѣкъ. Къ этимъ невзгодамъ приключилась цынга, а потомъ тифъ и холера, уносившіе много жертвъ.

Въ 1771 году, у Сенявина (произведеннаго въ вице-адмиралы), собралась въ Таганрогѣ эскадра изъ новородныхъ кораблей: «Меданъ», «Новопавловскъ», «Журжа», «Таганрогъ», «Корона», «Морея», «Азовъ», «Хотинъ», «Бухарестъ» и «Яссы»; къ нимъ присоеденены два купленныя Греческія судна «Шантіо» и «Плако», вооруженныя одинаково съ прочими. Затѣмъ имѣлись два бомбардирскихъ судна, палубный ботъ, дубель-шлюпки [3]) и 27 вооруженныхъ лодокъ. Эта флотилія вышла изъ Таганрога къ Геническу, для исполненія предположенія Сенявина оказать содѣйствіе войскамъ князя Щербатова къ переходу черезъ Арабатскую косу, назначеннымъ дѣйствовать въ тылу непріятеля, собравшагося у переката. Слѣдуя съ мелкосидящими судами, плохо

---

[1]) Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. 14; Записки Ханыкова, который о конструкціи прамовъ объясняетъ, что они подобны паралеллограму, о 44 пушкахъ каждый.

[2]) Головачевъ, Исторія Севастополя.

[3]) Дубель-шлюпки имѣли по двѣ мачты и вооружались тремя пушками.

державшимися къ вѣтру, съ значительнымъ дрейфомъ, не имѣя притомъ хорошей карты Азовскаго моря, Сенявинъ долженъ былъ бороться со свѣжими юго-западными вѣтрами, при большомъ волненіи, которымъ суда прижимало къ берегу. Усилившійся вѣтеръ принудилъ его поставить суда на якоря у Бердянской косы. Тамъ, 27 Мая, флотилія выдержала жестокій штормъ; всѣ суда подрейфовало къ берегу, на отмель, и изъ нихъ погибли: одинъ корабль, съ командиромъ и 34 нижними чинами, три лодки съ грузами и двѣ шлюпки. Флотилія прибыла къ Геническу 9 Іюня; а 13 числа наведенъ былъ мостъ на лодкахъ черезъ проливъ, и весь отрядъ войскъ перешелъ на Арабатскую косу. Слѣдуя вдоль берега для сопровожденія отряда, Сенявинъ подошелъ къ Еникале 20 Іюня. Въ проливѣ оказалось до сорока Турецкихъ военныхъ и транспортныхъ судовъ, имѣвшихъ намѣреніе войти въ Азовское море; но, увидя Русскія суда, они немедленно снялись съ якоря и ушли къ Югу. Князь Щербатовъ занялъ Арабатъ, Еникале и Керчь, а Сенявинъ расположился у Еникале. По предложенію князя Долгорукова, командовавшаго войсками въ Крыму и сообщившаго Сенявину, что у Крымскихъ береговъ появились Турецкія военныя суда, посланъ былъ 5 Августа капитанъ 1 ранга Сухотинъ, для крейсерства у этихъ береговъ съ четырьмя кораблями. При появленіи этой эскадры Турецкія суда скрылись; Русскія же стали на Ялтинскомъ рейдѣ, гдѣ испытали такое сильное волненіе, что на нихъ раскачало мачты и произошли другія поврежденія, вслѣдствіе чего они присоединились къ своей флотиліи.

Сосредоточеніе флотиліи у Керченскаго пролива, прикрывая Азовское море отъ попытокъ непріятеля проникнуть въ него, вполнѣ обезпечивало передвиженіе воднымъ путемъ отъ Дона всѣхъ снабженій для войскъ, расположенныхъ въ Крыму; въ тоже время, оно, составляя операціонный пунктъ на морѣ для этихъ войскъ, предоставляло возможность своевременно крейсеровать и препятствовать Туркамъ сообщаться съ Татарами. Въ это время Сенявинымъ вмѣнено было въ обязанность всѣмъ командирамъ судовъ, чтобы они, при всякомъ удобномъ случаѣ, въ свободное время, производили промѣръ и съемку тѣхъ береговъ и портовъ, гдѣ плавали и куда заходили, для чего дана была имъ особая инструкція. Кромѣ этого, назначена была особая описная партія для составленія подробной карты Азовскаго моря. О существовавшей въ то время картѣ этого моря (описи Герценберга въ царствованіе Анны Іоанновны) Сенявинъ сообщалъ графу Чернышеву, отъ 5 Іюня 1771 года, что «карта здѣшняго моря совсѣмъ негодна, и плаваніе по ней, за ея негодностью, производить нельзя; въ увѣреніе чего, если ваше сіятельство прикажете положить суточное счисленіе

пути моего на оную, то найтить изволите, что я съ кораблями шелъ не по водѣ, а степью»...

Въ 1772 году заключено было перемиріе. Русская флотилія въ это время увеличилась двумя фрегатами, каждый съ тридцатью пушками. Большая часть судовъ этой флотиліи крейсеровала у южнаго берега Крыма; а три судна посланы были къ западной сторонѣ полуострова для доставленія провіанта сухопутнымъ войскамъ изъ Козлова (Евпаторіи) на Бельбекъ и въ Балаклаву. Въ теченіе послѣдующей зимы флотилія увеличилась еще двумя фрегатами, каждый съ 46 пушками, и нѣсколькими палубными ботами.

Военныя дѣйствія возобновились въ 1773 году. Въ началѣ этого года выслана была эскадра изъ шести кораблей и двухъ палубныхъ ботовъ, подъ начальствомъ капитана 1 ранга Сухотина, для крейсерства у южнаго берега Крыма. Но по разнымъ соображеніямъ признано было необходимымъ ослабить Крымскую армію. Въ Константинополѣ узнали объ этомъ, а потому тамъ начали готовиться къ нападенію на Русскія войска въ Крыму и на Кубани, посредствомъ десантовъ. Свѣдѣнія объ этомъ проникли въ Крымъ, и Татары начали волноваться. Князь Прозоровскій, командовавшій въ то время войсками въ Крыму, сообщилъ Сенявину и Сухотину, что онъ очень нуждается въ пособіи флота, потому что ему трудно бороться съ возмутившимися, находясь въ тоже время въ полной готовности отражать вторженіе Турокъ съ моря. Вслѣдствіе такого заявленія, пришлось раздѣлить небольшую эскадру, крейсеровавшую у Крымскаго берега, на два отряда: одинъ подъ начальствомъ Сухотина, изъ одного фрегата, трехъ кораблей и одного бота, для крейсерства между Ѳеодосіей и Суджукъ-Кале; а другой, подъ начальствомъ капитана 2 ранга Кинсбергена, изъ двухъ кораблей, для крейсерства между Ѳеодосіей и Балаклавой.

Сухотинъ выслѣдилъ 29 Мая, въ Бугазскомъ заливѣ, нѣсколько вооруженныхъ Турецкихъ судовъ, прибывшихъ съ войсками, для высадки ихъ на Кубань, атаковалъ эти суда и шесть изъ нихъ сжегъ, а два взялъ въ плѣнъ. Кинсбергенъ, находясь 23 Іюня южнѣе Балаклавы, увидѣлъ на зарѣ идущія къ нему отъ Юго-запада четыре большихъ Турецкихъ судна. Они приближались къ Крымскому берегу и держались въ линіи; на одномъ изъ нихъ находился флагъ капитанъ-командира. Къ полдню они сблизились съ Русскими судами на столько, что можно было видѣть ихъ ранги и орудія; то были три 52 пушечные корабля и одинъ 24 пушечный корветъ. Не смотря на то, что на двухъ Донскихъ корабляхъ было только по 16 пушекъ, Кинсбергенъ рѣшился атаковать непріятеля, разсчитывая на безпорядочность Турецкихъ командъ и на то, что суда ихъ, по всей вѣроятности,

были нагружены десантными войсками. Поэтому, подойдя къ непріятельскимъ судамъ на очень близкое разстояніе, онъ приказалъ открыть по нимъ бѣглый огонь картечью и книпелями. Русскія команды, стрѣляя мѣтко и быстро, поражали людей на непріятельскихъ палубахъ. Турки долго не желали уступить такому слабому противнику, и сраженіе происходило въ продолженіе шести часовъ, пока, наконецъ, непріятель не поворотилъ къ Югу; удаляясь отъ Крымскихъ береговъ, онъ прибавлялъ всевозможную парусность. На Русскихъ судахъ убитыхъ было четыре, а ранено 26 человѣкъ; Турки же потеряли много людей, что̀ можно было заключить по большому числу мертвыхъ тѣлъ, выброшенныхъ ими во время сраженія. У нихъ на двухъ корабляхъ сбиты крюйсъ-стеньги, а у корвета бушпритъ; притомъ, у одного корабля такъ былъ избитъ бортъ, что три пушки упали въ море.

Продолжая крейсерство съ усиленнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ четырехъ кораблей и двухъ палубныхъ ботовъ, Кинсбергенъ, находясь противъ бухты Суджукъ-Кале, увидѣлъ на горизонтѣ, къ Югу, Турецкія суда; всего было ихъ 18. Вѣтеръ дулъ легкій отъ Юго-запада; Русская эскадра шла южнымъ курсомъ подъ малыми парусами, а Турецкія суда приближались лѣвымъ галсомъ, слѣдуя вдоль Кавказскаго берега къ Сѣверо-западу. Впереди непріятельской линіи шли три корабля, четыре фрегата и два корвета; прочія суда, прикрывая свои транспорты, нѣсколько отстали. По сближеніи, Кинсбергенъ направилъ одинъ изъ своихъ кораблей въ обходъ непріятеля съ подвѣтренной стороны, а самъ, съ прочими судами, слѣдовалъ съ навѣтра, чтобы поставить Турецкій авангардъ въ два огня и тѣмъ смѣшать ихъ линію. Этотъ маневръ былъ выполненъ вполнѣ удачно. Русскія суда повели самую живую атаку на разстояніи тогдашняго ружейнаго выстрѣла съ такой силой, что, черезъ часъ отъ начала сраженія, въ Турецкомъ авангардѣ оказались большія поврежденія въ бортахъ и рангоутахъ, ходъ у нихъ былъ задержанъ, переднія суда смѣшались въ кучу, а палубы завалены были тѣлами. Затѣмъ вѣтеръ отошелъ къ Сѣверо-западу, что̀ измѣнило порядокъ боя. Русскія суда, быстро перемѣнивъ курсъ, успѣли опять атаковать сбившіеся въ кучу непріятельскіе корабли и транспортныя суда, производя картечными выстрѣлами на нихъ большія опустошенія. Спустя два часа отъ начала боя, Турки, увеличивъ по возможности парусность и спустивъ шлюпки для буксировки, спѣшили укрыться подъ батареи Суджукъ-Кале (Новороссійскъ). Впослѣдствіи оказалось, что смѣлое и удачное дѣло небольшой Русской эскадры лишило Турокъ возможности высадить въ Крымъ десантъ въ шесть тысячъ человѣкъ и до того привело ихъ въ робость, что они не рѣшались болѣе снаряжать десантныя экспедиціи, а пото-

му спокойствіе Крыма обезпечено было со стороны моря. Князь Долгорукій, князь Прозоровскій и генералъ Дельвигъ, начальники войскъ въ Крыму, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарили и поздравляли Кинсбергена съ такой блестящей побѣдой.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ этого года, почти всѣ суда флотиліи, потерпѣвъ отъ бурь, господствовавшихъ на Черномъ морѣ, приведены были въ негодность къ плаванію, а потому потребовалось капитальное исправленіе ихъ. Три корабля поставлены были на мель въ Балаклавской бухтѣ для исправленія килеваніемъ, такъ какъ подводная обшивка ихъ оказалась изъѣденной червями до того, что не было возможности откачивать воду. Кинсбергенъ, командовавшій этимъ отрядомъ, имѣлъ достаточное время, чтобы дѣятельно заняться описью береговъ, съ промѣромъ и составленіемъ картъ. Для осмотра и изслѣдованія Инкерманскаго залива онъ отправилъ описную партію, подъ начальствомъ штурмана Бичурина, который нашелъ тамъ хорошо уцѣлѣвшія стѣны и башни Греческой крѣпости (Ѳеодора), названной Татарами Инкерманъ; подъ нею, въ горѣ и въ ея окрестностяхъ, оказалось множество пещеръ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были часовни. Кругомъ, по берегамъ залива, было множество развалинъ отъ строеній разныхъ вѣковъ. Живописная мѣстность, покрытая развалинами по всѣмъ направленіямъ, отзывалась мертвенностью; единственнымъ живымъ мѣстомъ оказалась Татарская деревушка, состоявшая изъ девяти мазанокъ, расположенная въ трехъ верстахъ отъ Инкермана, въ небольшой балкѣ, называвшаяся Ахтіаръ. Составленная Бичуринымъ описная карта была первая, познакомившая насъ съ Севастопольскимъ заливомъ; она находится въ Архивѣ Морскаго Министерства. Эта карта составлена очень внимательно, глубина показана въ футахъ по всему заливу и особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она нужнѣе для стоянки судовъ; на ней отчетливо обозначены не только стѣны и башни Инкерманской крѣпости, но и находившіяся въ ней строенія, съ обозначеніемъ пяти церквей; также нанесены всѣ пещеры и горы, которыя показаны въ профиляхъ и на планѣ. Описанную бухту Бичуринъ назвалъ Ахтіарскою *).

Успѣшному дѣйствію Русской флотиліи, при весьма ограниченныхъ матеріальныхъ и денежныхъ средствахъ и ничтожной численности судовъ и командъ, простиравшихся до двухъ тысячъ человѣкъ, много способствовала посылка эскадры отъ Балтійскаго флота въ Средиземное море. Уничтоженіе Турецкаго флота при Чесмѣ и послѣдовавшее затѣмъ постоянное пребываніе Русскаго флота въ Архипелагѣ, блоки-

*) Головачевъ.

ровавшаго Дарданеллы, лишило Турецкое правительство возможности имѣть сколько-нибудь порядочный флотъ на Черномъ морѣ. Хотя оно успѣло построить въ портахъ Анатоліи нѣсколько военныхъ судовъ, но командиры и команды ихъ были очень неопытны въ своемъ назначеніи, а потому они терпѣли пораженія при встрѣчѣ съ Русскими судами, на видъ ничтожными, но лучше управляемыми.

11 Іюня 1774 года подписанъ былъ мирный трактатъ съ Турціею въ лагерѣ нашихъ войскъ при мѣстечкѣ Кучукъ-Кайнарджи.

Во время войны произошло возвышеніе изъ общей среды служащихъ Г. А. Потемкина. О его служебной дѣятельности въ то время графъ Самойловъ *) сообщетъ слѣдующее: Владѣя Греческимъ языкомъ, Потемкинъ имѣлъ случаи встрѣчаться съ Греческими фанаріотами, во время пребыванія въ арміи; бесѣдуя съ ними, онъ получалъ отъ нихъ подробныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Турціи и объ ея средствахъ. Составивъ по этимъ даннымъ соображеніе о томъ, какія выгоды можно получить вслѣдствіе Русскихъ воинскихъ успѣховъ, онъ подалъ свою записку главнокомандовавшему графу Румянцову, который, вполнѣ одобряя его предположенія, представилъ на усмотрѣніе Императрицы докладъ, въ которомъ высказалъ слѣдующее: «1. Надлежитъ отдѣлить Татаръ отъ Турокъ и, сдѣлавъ ихъ независимыми отъ вліянія Порты, привести неуклонно подъ скипетръ Россіи. 2. Потребно устье рѣки Днѣпра очистить отъ Турокъ и укрѣпленный ими съ великимъ тщаніемъ и искусствомъ Очаковъ, какъ ключъ къ Черному морю, сокрушить. 3. Для сего надлежитъ близъ онаго на Днѣпрѣ воздвигнуть городъ и верфь, чтобы имѣть военно-сухопутное и морское депо безопасное, и тогда имѣть способъ ополчиться съ моря и суши для господства на Черномъ морѣ. 4. Обуздать Кавказскіе народы, подобострастные Туркамъ и всегда готовые имъ содѣйствовать во время войны набѣгами къ Азову и Дону. Для сего необходимо провести линію укрѣпленій отъ перелома Кубани, черезъ Моздокъ и Кизляръ, дабы при войнахъ съ Турками имѣть удобность для потрясенія Азіатскихъ силъ въ Азіи».

Командируя съ этимъ докладомъ Потемкина, графъ Румянцовъ писалъ о немъ: «Чиновникъ сей, имѣющій большія способности, можетъ о землѣ сей, гдѣ теперь театръ войны состоялъ, сообщить обширныя и дальновидныя замѣчанія, къ пользѣ и службѣ имперіи относящіяся, и быть удостоеннымъ высочайшаго вниманія и уваженія». По прибытіи въ Петербургъ, Потемкинъ получилъ милостивое разрѣшеніе лично доложить Императрицѣ о положеніи арміи, ея нуждахъ

*) Русс. Арх. 1874 года.

и о возможности достигнуть предполагаемыхъ успѣховъ. Онъ такъ заинтересовалъ Государыню своимъ докладомъ, что съ этого времени, назначенный генералъ-адъютантомъ, сталъ пользоваться полнымъ ея довѣріемъ. Мудрая Екатерина съ свойственной ей прозорливостью, тотчасъ замѣтила въ немъ особенную гибкость и ясность ума, логичность соображеній, соединенныхъ съ живостью и точностію изложенія въ рѣчи и широкое пониманіе политическаго положенія Россіи въ средѣ другихъ государствъ, соотвѣтственно ея личному убѣжденію. Она сознавала въ немъ сильнаго разумомъ совѣтника и энергическаго исполнителя ея предначертаній. Согласно представленію Потемкина, графъ Румянцовъ удовлетворенъ былъ во всѣхъ своихъ требованіяхъ; ему предоставлено было непосредственное полномочіе въ военныхъ операціяхъ и для заключенія мира. Всѣ распоряженія по комплектаціи и снабженію арміи возложены были на Потемкина, и онъ исполнилъ это порученіе съ большимъ успѣхомъ. Своею находчивостью для своевременнаго заготовленія и транспортированія необходимыхъ снабженій онъ много способствовалъ успѣху Русскихъ войскъ, проникшихъ въ Шумлу и угрожавшихъ Адріанополю, что́ побудило Турецкое правительство согласиться на предложенныя ему условія мирнаго трактата. Въ день празднованія заключенія мира (10 Іюля) Потемкинъ получилъ графское достоинство (за споспѣшествованіе миру мудрыми совѣтами), золотую саблю, осыпанную бриліантами и орденъ св. Георгія 2 класса (за ратные подвиги). Въ 1775 году онъ назначенъ былъ вице-президентомъ Военной Коллегіи и генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края, съ полномочіями царскаго намѣстника. Въ 1776 году онъ получилъ княжеское достоинство; а въ 1784 году назначенъ былъ президентомъ Военной Коллегіи.

Ввѣренный управленію Потемкина край простирался отъ Сѣвернаго Донца до Буга. Огибая Крымъ, эта обширная область упиралась въ Черное море у Кинбурна и Керчи, а на Востокѣ, по линіи рѣкъ Кубани и Терека, въ Каспійское море. По его представленію Новороссійскій край раздѣленъ былъ, въ 1775 году, на двѣ губерніи: Азовскую и Новороссійскую. Въ 1778 году онъ посѣтилъ эти области, чтобы ознакомиться съ ихъ состояніемъ и обсудить на мѣстѣ предпринимаемыя и предполагаемыя мѣры къ устройству пустыннаго въ то время края, а въ 1780 году онъ окончательно переѣхалъ на Югъ, избравъ центромъ своего управленія Кременчугъ. Въ 1778 году былъ основанъ вблизи устья Днѣпра городъ и при немъ корабельная верфь. О заведеніи такого учрежденія высочайшимъ рескриптомъ на имя князя Потемкина, отъ 18 Іюля того года, послѣдовало слѣдующее повелѣніе: «Извѣстны вамъ предположенія наши о заведеніи для Чернаго моря

гавани и верфи, о коемъ надлежащія изобрѣтенія и планы поручено было сдѣлать Адмиралтействъ нашей Коллегіи, и хотя, вслѣдствіе ея о томъ доклада, послѣдовало наше соизволеніе о приступленіи къ строенію, такъ равно и вы не упустили, къ удовольствію нашему, сдѣлать предварительныя распоряженія; но въ точномъ назначеніи мѣста по сіе время встрѣчаются трудности и сомнѣнія; ибо Адмиралтействъ-Коллегія, признавая, по свидѣтельству посланныхъ ею для осмотра положенія и глубины водъ, удобнымъ урочище на Лиманѣ, именуемое Голая пристань, полагаетъ, что доколѣ тамошняя верфь и гавань не совершены будутъ, строить корабли на Днѣпрѣ, при Александровскомъ шанцѣ. Мы однакоже не признаемъ за благо такое временное заведеніе, поелику оное, по достиженіи намѣреній нашихъ о помянутыхъ верфи и гавани, было бы само по себѣ уничтожено, принесло бы только излишнія издержки, да и одно бы дѣло другому препятствовало, въ такомъ особливо краѣ, гдѣ въ работникахъ и мастеровыхъ оказывается крайній недостатокъ. Обращая мысли наши единственно къ сооруженію въ образѣ прочномъ и сходственномъ знаменитости дѣла и пользѣ отъ него ожидаемой, желаемъ, чтобы вы съ нашимъ Адмиралтействъ-Коллегіи вице-президентомъ графомъ Чернышовымъ постановили о мѣстѣ удобномъ, назначая оное по соображенію выгодъ морскихъ и сухопутныхъ. Мѣсто сіе повелѣваемъ именовать Херсономъ. Населеніе города и все къ учрежденію и укрѣпленію его вообще касающееся относится къ вамъ, яко генералъ-губернатору».

По соглашенію князя Потемкина съ графомъ Чернышовымъ, мѣсто для верфи и города назначено было на Днѣпрѣ, въ тридцати верстахъ отъ Лимана, у Александровскаго шанца, построеннаго въ 1741 году. Сооруженіе верфи, города и крѣпости поручено было генералъ-цейхместеру флота генералъ-поручику Ивану Абрамовичу Ганнибалу, сыну Негра и крестнику императора Петра I. Для производства работъ сформировано было двѣнадцать мастерскихъ ротъ и назначено нѣсколько полковъ. Всѣ части управленія, морская, военная и гражданская, предоставлены были Ганнибалу [1]).

Вскорѣ послѣ основанія Херсона, его посѣтило большое бѣдствіе— *чума*, продолжавшаяся около двухъ лѣтъ. Морской врачъ Дримпельманъ, командированный изъ Кронштадта съ партіею матросовъ и рекрутовъ въ 1783 году, сообщилъ въ своихъ воспоминаніяхъ [2]) объ этомъ бѣдствіи слѣдующія свѣдѣнія. За нѣсколько верстъ отъ Херсона, дымъ и паръ застилали небосклонъ на большое пространство.

---

[1]) Скальковскій. Хронологическая исторія Новороссійскаго края.
[2]) Русс. Арх. 1881 г. № 1.

Повсюду нагромождены были кучи мусора, поддерживаемыя въ постоянномъ горѣніи, чтобы посредствомъ пара и дыма сколько-нибудь остановить заразу. Карантиномъ, устроеннымъ въ двухъ верстахъ отъ города для пріема заболѣвающихъ, служили вырытыя землянки, покрытыя камышемъ, съ окнами, затянутыми масляной бумагой. Въ карантинѣ ежедневный списокъ умершихъ былъ немалый; этотъ списокъ усиливался тѣми, которые умирали въ квартирахъ. Такъ какъ нѣкоторые жители умирали на улицахъ внезапно, то назначены были арестанты, которые каждый день ходили по улицамъ съ телѣжками, подбирали трупы и погребали ихъ внѣ города. Чума какъ началась, такъ и прекратилась неожиданно. Это бѣдствіе прошло по всему новому краю и даже въ Польшу. Но, не смотря на него, Херсонъ быстро обстраивался. Въ немъ въ 1784 году построены были три большіе отдѣла: крѣпость съ верфью и форштатъ, военный и мѣщанскій. Въ то время существовали въ городѣ три значительныя торговыя конторы: Французская—Антуанъ и К°, Австрійская—Фабръ и К° и Польскаго товарищества, агентомъ котораго состоялъ Скадовскій.

Высочайшимъ указомъ, 11 Января 1783 года, назначенъ былъ командующимъ заводимымъ на Черномъ морѣ флотомъ вице-адмиралъ Клокачевъ, которому предложено было явиться къ генералъ-губернатору Новороссійскаго края для принятія отъ него наставленій. 24 Января того же года князь Потемкинъ предложилъ Клокачеву слѣдующее:—«Собравъ повсюду находящіеся корабли и прочія суда, могущія идти въ море, кромѣ тѣхъ, кои нужны въ Керченскомъ проливѣ, войти съ ними въ гавань Ахтіарскую, гдѣ командующій войскомъ графъ де-Бальменъ сильный учинилъ отрядъ, какъ для охраненія, такъ и для работъ тамошнихъ укрѣпленій». Клокачевъ прибылъ 2 Мая по назначенію съ одиннадцатью судами и нашелъ тамъ два фрегата подъ командою капитана 2 ранга Овцына, которые присоединилъ къ своей эскадрѣ. Въ донесеніи графу Чернышову, отъ 6 Мая, онъ сообщилъ: «При самомъ входѣ въ Ахтіарскую гавань дивился я хорошему ея расположенію, а вошедши и осмотрѣвши могу сказать, что во всей Европѣ нѣтъ подобной сей гавани, положеніемъ, величиной и глубиной; можно имѣть въ ней флотъ до ста кораблей. Ко всему тому, природа устроила такіе лиманы, что сами по себѣ отдѣлены на разныя гавани. Безъ собственнаго обозрѣнія нельзя повѣрить, чтобы такъ сія гавань была хороша. Нынѣ я принялся аккуратно гавань и положеніе ея мѣстъ описывать и коль скоро кончу, немедленно пришлю карту. Ежели благоугодно будетъ Ея Императорскому Величеству имѣть въ здѣшней гавани флотъ, то на подобномъ основаніи надобно будетъ завести какъ въ Кронштадтѣ».

Отозванный въ Петербургъ Ганнибалъ выѣхалъ изъ Херсона 6 Мая, а Клокачевъ, сдавши командованіе эскадрою второму флагману контръ-адмиралу Мекензи, прибылъ въ Херсонъ 10 Мая, откуда, въ донесеніи графу Чернышову сообщилъ, что по пріѣздѣ въ Херсонъ онъ «нашелъ флотскую и адмиралтейскую команды подъ управленіемъ капитана 2 ранга Овцына, которыя принялъ. Въ тотъ же день осматривалъ адмиралтейство и строющіеся корабли, которые нашелъ въ маломъ построеніи, по недостаточности къ строенію всякаго званія лѣсовъ, въ коихъ ни капитанъ Овцынъ, ни корабельный мастеръ, даже и сами содержатели, ни приходнаго ни расходнаго счета не знаютъ; въ проѣздъ же мой довольное количество видѣлъ лѣсовъ, разбросанныхъ по рѣкамъ въ водѣ, изъ которыхъ, отъ давняго лежанія, безъ сбереженія, много совершенно сгнило. Былъ я во всѣхъ магазинахъ, чтобы видѣть припасы и матеріалы, но неожиданно нашелъ ихъ порожними' да и въ маломъ количествѣ отчета дать не могутъ. Морскаго провіанта совсѣмъ нѣтъ, а сухопутнаго есть малое количество. Словомъ сказать, сей портъ нашелъ я въ бѣдномъ и безпорядочномъ состояніи».— Ѳ. А. Клокачевъ скончался отъ заразы въ Херсонѣ 27 Октября 1783 года. Вмѣсто него, высочайшимъ приказомъ 27 Ноября, назначенъ былъ контръ-адмиралъ Сухотинъ, съ производствомъ въ вице-адмиралы.

Ѳ. Ѳ. Мекензи, въ донесеніи графу Чернышову 2 Іюля 1783 года изъ Севастополя, сообщилъ: «Нынче мы упражняемся дѣланіемъ казармъ и магазиновъ; также завелъ уже маленькое адмиралтейство. Его свѣтлость князь Григорій Александровичъ пріѣзжалъ сюда на самое короткое время, но не удостоилъ меня своимъ присутствіемъ на эскадрѣ. Я къ нему ѣздилъ и подалъ рапортъ. Изволилъ принять меня весьма ласково и обѣщалъ пріѣхать нарочно на нѣсколько дней и быть у насъ.» Затѣмъ, въ донесеніи графу Чернышову, 9 Октября того же года, Мекензи сообщалъ, что онъ имѣлъ счастіе принимать на эскадрѣ его свѣтлость князя Потемкина, который изволилъ откушать у него; также былъ съ нимъ его свѣтлость принцъ Виртембергскій съ разными знатными особами, которые осматривали эскадру й изволили отбыть съ удовольствіемъ. Для береговыхъ работъ Мекензи назначалъ всѣхъ мастеровыхъ съ эскадры, предоставивъ имъ заработную плату. Эти рабочіе, при помощи сосѣднихъ жителей Грековъ и Татаръ, начали строить на западной сторонѣ южной бухты помѣщенія для мастеровыхъ, сараи, магазины, флигеля для офицеровъ, лазаретъ, кухни, столовыя для судовыхъ командъ, церковь и казармы. Всѣ эти строенія возводились на менѣе возвышенныхъ мѣстахъ, въ пространствѣ между южной и артиллерійской бухтами. Для нѣкоторыхъ строеній употребляли готовый камень изъ окрестностей отъ развалинъ; для собиранія

этого камня высылались судовыя команды, которыя подвозили его водою къ назначенному мѣсту. Съ разрѣшенія князя Потемкина построенъ каменный домъ для начальника эскадры и для пріема пріѣзжающихъ начальствующихъ лицъ, у входа въ гавань, возлѣ западнаго мыса южной бухты. Въ тоже время построена каменная пристань противъ этого дома. Князь Потемкинъ, зная Мекензи какъ хорошаго садовода, приказалъ отвести ему подъ хуторъ удобное мѣсто въ углубленіи залива, за развалинами старой крѣпости. Въ возведеніи построекъ Мекензи дѣйствовалъ самостоятельно, по предоставленной ему власти Клокачевымъ и съ одобренія князя Потемкина *).

Договоромъ съ Крымскимъ ханомъ, 28 Декабря 1783 года, ханство это присоединено къ Россіи, съ наименованіемъ Таврической губерніи, поступившей въ управленіе князя Потемкина. Это событіе, совершившееся такъ неожиданно для Европы, послужило началомъ Восточнаго вопроса, который возбуждалъ и понынѣ возбуждаетъ враждебныя политическія осложненія въ противодѣйствіе Россіи. Первые штаты Черноморскаго флота утверждены были 13 Августа 1785 года. При этомъ, высочайшимъ рескриптомъ на имя князя Потемкина указано: «Утвердивъ поданные отъ васъ штаты адмиралтейству и флоту нашему на Черномъ морѣ, подъ вашимъ начальствомъ въ краю, повелѣваемъ быть въ точномъ вѣдѣніи и управленіи вашемъ». Этими штатами опредѣлено имѣть въ Черноморскомъ флотѣ двѣнадцать кораблей, двадцать фрегатовъ, пять ботовъ или шхунъ, восемь транспортныхъ судовъ, десять флашкоутовъ и трое камелей. На содержаніе флота и адмиралтействъ назначено было 607.049 р. 20 коп. Получивъ такое назначеніе, князь Потемкинъ написалъ капитану 1 ранга Мордвинову:—«Теперь спѣшу открыть Черноморское Адмиралтейское Правленіе. Извѣстное ваше къ службѣ Ея Императорскаго Величества усердіе, трудолюбіе и искусство обязываютъ меня препоручить вамъ должность старшаго въ томъ Правленіи члена». Вслѣдствіе такого назначенія, Мордвиновъ замѣнилъ 5 Сентября Сухотина, отозваннаго по его желанію въ Петербургъ.

Получая донесенія о необыкновенномъ приливѣ переселенцевъ въ новыя области, о ихъ сельско-хозяйственномъ устроеніи, о быстромъ построеніи городовъ и заведеніи разныхъ учрежденій, но въ тоже время выслушивая отъ завистливыхъ честолюбцевъ, распространяющихъ сплетни и сочиняющихъ свои собственныя, постоянное порицаніе дѣятельности Потемкина, Императрица, не вѣрила такимъ осужденіямъ

*) Высочайшимъ приказомъ, 10 Февраля 1784 года, повелѣно было основать портъ съ адмиралтействомъ и городомъ, наименовавъ его „Севастополь".

и желала прекратить непріятный пересудъ. Она вознамѣрилась лично убѣдиться, что такое необыкновенно быстрое въ ея царствованіе устройство обширнаго и почти пустыннаго, недавно пріобрѣтеннаго края не есть мечта, а дѣйствительность. Путь Государыни на Югъ назначенъ былъ черезъ Смоленскъ и Черниговъ на Кіевъ; оттуда, по вскрытіи водъ, на особенно построенныхъ для сего галерахъ по Днѣпру до Новаго Кайдака, гдѣ назначено быть губернскому городу Екатеринославу; по закладкѣ этого города, сухимъ путемъ до Херсона и въ область Таврическую.

Императрица прибыла въ Херсонъ 12 Мая 1787 года, въ сопровожденіи Австрійскаго императора Іосифа II, именовавшагося графомъ Фалкенштейномъ, посланниковъ—Французскаго графа Сегюра, Австрійскаго Кобенцеля и Англійскаго Фицъ-Герберта, и значительной свиты обоихъ дворовъ, въ которой находились принцы: Де-Линь и Нассау-Зигенъ. Къ этому времени прибыли въ Херсонъ изъ Константинополя посланники: Русскій, Датскій, Шведскій, акредитованные при Отоманской Портѣ. Объ этомъ пріѣздѣ Государыня сообщала главнокомандовавшему въ Москвѣ генералу Еропкину:—«Вчерашній день, часу въ шестомъ, мы пріѣхали въ здѣшній городъ. Дитя сіе не существовало восемь лѣтъ тому назадъ. Сначала проѣхали каменныя казармы шести полковъ, потомъ поворотили направо и въѣхали въ крѣпость, которая состоитъ въ отдѣлкѣ; совсѣмъ поспѣетъ нынѣшнее лѣто и несравненно лучше Кіево-Печерской. Внутри крѣпости военныя строенія; многія окончены, а нѣкоторыя въ отдѣлкѣ. Церковь каменная прекрасная. Выѣхавъ изъ крѣпости, поворотили въ адмиралтейство, въ которомъ магазины строенія каменнаго и покрыты желѣзомъ. На стапеляхъ нашли два корабля, которые въ Суботу, Богъ дастъ здоровье, спустимъ на воду; возлѣ нихъ фрегатъ. Сіи корабли изъ моего дома и изъ комнаты, въ которой вамъ пишу, видны; а садъ сего дома возлѣ адмиралтейства купеческаго города, который съ другой стороны составляетъ предмѣстіе; еще не видѣла, но сказываютъ не хуже. Народа здѣсь, окромя военныхъ, много и разноязычные, съ большей части Европы. Я могу сказать, что мои намѣренія въ семъ краю приведены до такой степени, что нельзя оныхъ оставить безъ достодолжной похвалы. Усердное попеченіе вездѣ видно, и люди къ тому избраны способные».

Въ воспоминаніяхъ врача Дримпельмана сообщены слѣдующія свѣдѣнія о пребываніи императрицы Екатерины II въ Херсонѣ.—«Во время пребыванія коронованныхъ особъ въ Херсонѣ, устроенныя торжества начались тѣмъ, что спущены были два корабля и фрегатъ. Чтобы жители города и окрестностей могли принять участіе въ этомъ зрѣлищѣ, наведены были три пловучіе помоста, съ перилами и кры-

шами изъ зеленой клеенки. Между обоими крайними помостами, на которыхъ должны были помѣщаться военные и прочіе зрители, находились подмостки, съ которыхъ должны были сойти корабли. Средній помостъ, назначенный для Императрицы, графа Фалкенштейна и высшихъ знатныхъ особъ, отличался особенно великолѣпными, съ большимъ вкусомъ подобранными украшеніями. Въ назначенный для спуска день, 15 Мая, ясное, безоблачное небо обѣщало безпрепятственное наслажденіе многимъ тысячамъ людей. За день впередъ приказано было офицерамъ полковъ, находившихся въ Херсонѣ и его окрестностяхъ, и офицерамъ флота собраться въ назначенный день, къ десяти часамъ утра, въ крѣпость. Къ 11 часамъ утра сдѣланы были всѣ распоряженія для прихода Императрицы. Отъ дворца до верфи, находившейся почти въ полуверстѣ, путь былъ уравненъ и покрытъ зеленымъ сукномъ; по обѣимъ сторонамъ стояли офицеры, которые охраняли путь и разнообразные мундиры которыхъ привлекали вниманіе зрителей. Возлѣ мѣста спуска построены были высокіе подмостки съ галлереей, гдѣ помѣщались музыканты. Въ концѣ устроеннаго для Императрицы помоста стояло кресло подъ балдахиномъ изъ голубого бархата, украшеннаго бахромами и кистями. Въ часъ пополудни Государыня вышла изъ дворца, въ сопровожденіи графа Фалкенштейна и многихъ высокихъ особъ своего и Вѣнскаго дворовъ. Графъ шелъ по правой, а Потемкинъ съ лѣвой. Императрица явилась запросто, въ сѣромъ суконномъ капотѣ и съ черной атласной шапочкой на головѣ; графъ былъ во фракѣ, а Потемкинъ въ богато вышитомъ мундирѣ, со всѣми орденами. По приближеніи Государыни, съ помоста данъ былъ сигналъ къ спуску кораблей пушечнымъ выстрѣломъ; съ галлереи раздалась музыка, а съ валовъ крѣпости выстрѣлы. Тотчасъ увидѣли, какъ большой корпусъ корабля, сначала тихо, а потомъ быстро сошелъ въ Днѣпръ; вскорѣ за первымъ послѣдовалъ второй корабль, а за ними фрегатъ *). Крики «ура!» многочисленной толпы, музыка и громъ пушекъ дѣлали зрѣлище это величественнымъ. Выразивъ полное удовольствіе всѣмъ участвовавшимъ въ постройкѣ и спускѣ кораблей, Ея Величество изволила щедро наградить старшихъ и младшихъ судостроителей и многихъ другихъ лицъ, а затѣмъ отправилась во дворецъ».

Императрица выѣхала изъ Херсона 17 Мая въ Крымъ. 19 числа проѣхала Перекопъ, гдѣ къ ея поѣзду присоединился многочисленный конвой изъ знатнѣйшихъ Татаръ, въ сопровожденіи котораго она при-

*) Корабли: 80 пуш. Іосифъ II и 60 пуш. Владиміръ; фрегатъ 50 пуш. Александръ Невскій (Ѳ. Веселаго. Списокъ судовъ Русскаго флота).

была 22 Мая, въ полдень, на высоты Инкермана и остановилась у построеннаго для нея павильона. Графъ Сегюръ такъ повѣствуетъ объ этомъ событіи. «Разставшись съ Бахчисараемъ, мы ѣхали по роскошнымъ долинамъ, а къ обѣду прибыли въ Инкерманъ. Здѣсь былъ богато-убранный павильонъ. Въ то время, когда ихъ величества сидѣли за столомъ, при звукахъ прекрасной музыки, внезапно отворились двери большого балкона, и взорамъ нашимъ представилось величественное зрѣлище: между двумя рядами Татарскихъ всадниковъ мы увидѣли заливъ на двѣнадцать верстъ вдаль и на четыре въ ширину. По срединѣ этаго залива выстроился въ боевомъ порядкѣ флотъ, построенный, вооруженный и снаряженный въ четыре года. Государыню привѣтствовали залпомъ изъ пушекъ, и грохотъ ихъ, казалось, возвѣщалъ Понту Эвксинскому о присутствіи его владычицы и о томъ, что не болѣе какъ черезъ тридцать часовъ флаги ея кораблей могутъ развиваться въ виду Константинополя, а знамена ея арміи водрузятся на его стѣнахъ. Мы спустились къ заливу, гдѣ ожидали насъ богатоубранные катерà. Екатерина обозрѣвала свои корабли и дивилась глубинѣ и ширинѣ залива, вырытаго природой будто бы съ намѣреніемъ устроить здѣсь прекраснѣйшую гавань въ мірѣ. Проѣхавъ заливъ, мы пристали къ подножію горы, на которой полукругомъ возвышался Севастополь, построенный Екатериной. Нѣсколько зданій для склада товаровъ, адмиралтейство, городскія укрѣпленія, четыреста домовъ, толпы рабочихъ, сильный гарнизонъ, госпиталь, верфи, казармы, пристани, торговая и карантинная, все придавало Севастополю видъ довольно значительнаго города. Намъ казалось непостижимымъ: какимъ образомъ, за двѣ тысячи верстъ отъ столицы, въ недавно пріобрѣтенномъ краѣ Потемкинъ нашелъ возможнымъ воздвигнуть такія зданія, соорудить городъ, создать флотъ, утвердить портъ и поселить жителей. Это былъ дѣйствительно подвигъ необыкновенной дѣятельности. Три корабля спущенные при насъ въ Херсонѣ, а другіе изъ Таганрога должны были прибыть сюда вскорѣ; а между тѣмъ въ заливѣ стояла уже эскадра изъ двадцати пяти кораблей, совершенно вооруженныхъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ и готовыхъ по первому мановенію Екатерины тотчасъ выйти по назначенію».

Во время проѣзда Императрицы по рейду, когда поднятъ былъ штандартъ на ея катерѣ, флотъ и береговыя батареи привѣтствовали Государыню 101 выстрѣломъ, а стоявшая на вантахъ команда кричала *ура!* У пристани встрѣчали Императрицу сухопутныя войска, портовыя команды и народъ. Государыня милостиво привѣтствовала всѣхъ, а затѣмъ отправилась въ домъ начальника порта, назначенный для ея помѣщенія. Гости ея и свита размѣщены были въ сосѣднихъ

домахъ, а для прислуги поставлены были палатки. Вечеромъ всѣ зданія города были илюминованы. На другой день Императрица слушала обѣдню въ городской церкви, а потомъ принимала у себя начальника эскадры и порта графа Войновича [1]), флотскихъ и военныхъ чиновъ. Послѣ обѣда Государыня, вмѣстѣ съ императоромъ Іосифомъ, обозрѣвала флотъ, при чемъ нѣкоторыя суда снимались съ якоря и лавировали по рейду, производя пальбу; потомъ осматривала корабельную бухту и южную гавань, въ которой стояло много купеческихъ судовъ. Вечеромъ городъ опять былъ илюминованъ. Во время вечерней прогулки Императрицы сожженъ былъ феерверкъ, а бомбарда «Страшный» разрушила бомбами деревянный городокъ, устроенный на сѣверной сторонѣ залива, и произвела взрывъ.

Императрица выѣхала изъ Севастополя 24 Мая, въ 9 часовъ утра, черезъ Байдарскую долину, въ обратный путь.

Ровно черезъ три мѣсяца послѣдовало объявленіе войны Россіи Турціею. Хотя эта война предвидѣлась, но ея не ожидали такъ скоро, а потому князь Потемкинъ не могъ вполнѣ приготовиться.

Въ это очень тревожное время оказался весьма разумнымъ и дѣятельнымъ помощникомъ князю Потемкину, для исполненія многосложныхъ его порученій, Михаилъ Леонтьевичъ Фалѣевъ. А. Н. Сомойловъ сообщаетъ о немъ слѣдующія свѣдѣнія:—«Въ бытность въ Молдавіи Потемкинъ имѣлъ случай близко узнать Кременчугскаго купца, маркитанта при арміи, Фалѣева. Увѣрившись въ его честности, расторопности и природномъ остроуміи, онъ, при своемъ возвышеніи, нашелъ нужнымъ возвысить Фалѣева. Зачисливъ его въ одинъ изъ драгунскихъ полковъ, онъ оставилъ Фалѣева при себѣ для исполненія порученій по заготовкѣ и транспортировкѣ всѣхъ загототовленій на снабженіе арміи графа Румянцова. Такое же порученіе Фалѣевъ исполнялъ потомъ для командуемой княземъ Потемкиныхъ южной арміи, а также для флота и по судостроенію» [2]). Еще до пріѣзда своего въ Новороссію Потемкинъ писалъ Ганнибалу: «Премьеръ-маіоръ Фалѣевъ, предпринимая открыть свободный проходъ по Днѣпру черезъ пороги, вычищеніемъ оныхъ своимъ иждивеніемъ, желаетъ токмо, чтобъ оное намѣреніе, какъ единственно пользу общую обѣщающее, подкрѣплено было бы со стороны казенной дачею людей, сколько когда потребуется, съ платою отъ него по пяти копѣекъ въ день каждому. Отъ успѣха въ семъ дѣлѣ могущія произойти выгоды для торговли и вся вообще для водяной коммуникаціи способность суть столь явны и ощутительны,

---

[1]) Войновичъ назначенъ былъ вмѣсто Мекензи, умершаго 10 Января 1786 года.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1867 года. Фалѣевъ—въ маломъ размѣрѣ В. А. Кокоревъ. П. Б.

что изъявленную имъ Фалѣевымъ готовность учинить опытъ въ семъ давно желанномъ, нужномъ, но не менѣе трудномъ намѣреніи, одобряя совершенно, предлагаю по всей возможности способствовать похвальному предпріятію» *). Произведенныя работы по устройству шлюзнаго канала у Неясытинскаго порога и расчистка другихъ были такъ успѣшны, что въ 1783 году барки изъ Брянска, съ желѣзомъ, чугуномъ и провіантомъ, прошли благополучно въ Херсонъ. На пути изъ Крыма въ Петербургъ Императрицей подписанъ былъ въ Харьковѣ, 10 Іюня 1787 года, указъ: «Всемилостивѣйше пожаловали мы Михаила Фалѣева въ полковники и повелѣваемъ опредѣлить его къ наблюденію за пропускомъ судовъ черезъ Днѣпровскіе пороги».

Въ виду предстоявшей войны, создавая средства къ спѣшному судостроенію въ Херсонѣ, на Дону, въ Таганрогѣ и Севастополѣ, князь Потемкинъ немедленно принялъ мѣры къ сооруженію гребной флотиліи для Днѣпровскаго лимана. Для этого устроены были верфи: въ селеніи Мошнахъ Кіевской губерніи, въ Кременчугѣ и на Голой Пристани. Хозяйственная и распорядительная части по этому предпріятію поручены были Фалѣеву, которому приказано было въ 1787 году построить 150 Запорожскихъ лодокъ. Лѣса для судостроенія заготовляли на р. Самарѣ и въ простиравшемся отъ верховья Буга до Днѣпра дремучемъ лѣсу, а также и въ Смѣлѣ, имѣніи князя Потемкина, купленной имъ у князя Любомирскаго. Рубленный лѣсъ сплавлялся по рѣкамъ и тотчасъ употреблялся въ дѣло, по крайней надобности; а потому строемыя изъ такого лѣсу суда не могли быть прочны и долговѣчны, удовлетворяя только насущной надобности. Кромѣ строившихся судовъ для флотиліи, въ Херсонѣ исправлены были и вооружены всѣ транспортныя суда и семь царскихъ галеръ, а остальныя царскія галеры превращены были въ плавучія батареи. Въ составъ Лиманской флотиліи включены были находившіеся въ Херсонѣ корабль, два фрегата и двѣ плавучія батареи.

Для принятія мѣръ къ защитѣ Севастополя командированъ былъ туда контръ-адмиралъ Мордвиновъ, который донесъ князю Потемкину, отъ 12 Августа 1787 года, что фрегаты «Поспѣшный» и «Осторожный» и бомбардирскій корабль выведены и поставлены при входѣ въ Севастопольскую гавань, гдѣ также поставлены двѣ пинки, вооруженныя каждая 24 пушками. Ветхое судно «Хотинъ» снабжено артиллеріей. Старыя батареи усилены орудіями. На низменныхъ мѣстахъ, гдѣ назначено быть крѣпости, поставлены двѣ мортиры и двѣ гаубицы. Прочія мелкія суда располагаются по мѣстамъ внутри гавани. Приняты мѣры къ посылкѣ людей за лѣсами для дѣланія туровъ; также из-

*) Скальковскій.

готовляются набитые пескомъ мѣшки къ употребленію вмѣсто брустверовъ. Собранная въ Херсонѣ флотилія была выведена къ Голой Пристани, подъ начальствомъ контръ-адмирала Мордвинова. Въ помощь этой флотиліи тамъ были устроены береговыя батареи.

Дѣйствія этой флотиліи въ 1787 году ограничились тѣмъ, что, при движеніи ея къ Кинбурну, одна галера, подъ командой мичмана Ломбарда, идя значительно впереди, самостоятельно атаковала восемь Турецкихъ судовъ, стоявшихъ у Очакова, и одно изъ нихъ потопила, а другое сильно повредила. Другой случай въ бою съ непріятелемъ имѣлъ несчастный исходъ. Плавучая батарея, вооруженная четырьмя 36 фунтовыми пушками и двумя единорогами, подъ командой капитана 2 ранга Веревкина, получила приказаніе идти впереди эскадры съ двумя галерами. Въ очень темную ночь эта батарея разлучилась съ галерами и оказалась подъ Очаковомъ, вблизи Турецкихъ судовъ, которыя съ разсвѣтомъ атаковали ее. Во время перестрѣлки на батареѣ разорвалось одно орудіе, а потомъ другое, отчего произошла убыль команды на половину. Находясь въ такомъ тяжеломъ положеніи, Веревкинъ продолжалъ дѣятельно перестрѣлку и спустился по вѣтру въ море; но вскорѣ у него разорвалось третье орудіе. Въ такомъ безпомощномъ состояніи батарея была выброшена на берегъ у Хаджи-бея (Одесса), гдѣ команда ея была взята въ плѣнъ гарнизономъ крѣпости.

Начальникъ Севастопольской эскадры контръ-адмиралъ графъ Войновичъ, получивъ приказаніе князя Потемкина, «идти къ Варнѣ, отыскать Турецкій флотъ и истребить его», вышелъ по назначенію 24 Августа 1787 года, съ тремя кораблями и семью фрегатами. У мыса Каліакри, 8 Сентября, эскадру эту настигъ жестокій штормъ. Въ донесеніи объ этомъ князю Потемкину Войновичъ сообщалъ, что корабли и фрегаты имѣли сильную качку, и на всѣхъ судахъ открылась течь; а 9 числа, въ 8 часовъ утра, на кораблѣ «Слава Екатерины» (подъ его флагомъ) сломались всѣ три мачты, и прибыль воды въ трюмѣ оказалась до 10 футъ; въ тоже время видно было, что и на прочихъ судахъ ломаются мачты. Въ такомъ положеніи, найдя глубину около 40 саженъ, Войновичъ приказалъ всѣмъ судамъ стать на якорь и отдать по 170 саженъ канату. Простоявъ двое сутокъ для отливки воды изъ трюмовъ и исправленія поврежденій въ рангоутахъ, эскадра направилась въ Севастополь, причемъ на пути отлучились корабль «Марія-Магдалина», подъ командою капитана 1 ранга Тиндаля, и фрегатъ «Крымъ». Впослѣдствіи оказалось, что фрегатъ «Крымъ» пропалъ безвѣстно, а корабль «Марія-Магдалина», находясь въ отчаянномъ положеніи отъ поврежденій во время шторма, занесенъ былъ въ Босфоръ, гдѣ взятъ въ плѣнъ.

Въ этомъ году произошло у Кинбурна весьма успѣшное дѣло. Турки, съ помощію флота, сдѣлали высадку къ этой крѣпости, ночью на 1 Октября, въ числѣ около пяти тысячъ человѣкъ. Они были атакованы войсками, подъ начальствомъ Суворова. Упорное сраженіе продолжалось до полуночи 2 Октября, поддерживаемое огнемъ Турецкаго флота, въ виду Русской флотиліи, которая не принимала въ этомъ дѣлѣ никакого участія. Тѣмъ не менѣе, Турецкій отрядъ былъ истребленъ. Князь Потемкинъ былъ очень недоволенъ бездѣйствіемъ Мордвинова. 13 Октября Турецкій флотъ ушелъ отъ Очакова, а затѣмъ и Русская флотилія отошла въ Херсонъ.

Въ началѣ 1788 года въ Херсонѣ находилось: два корабля, три фрегата и двѣнадцать разныхъ судовъ морского плаванія, вооруженныхъ для военныхъ дѣйствій; кромѣ того, имѣлось восемь галеръ, двѣ бомбарды, шесть плавучихъ батарей и нѣсколько вновь построенныхъ Запорожскихъ лодокъ. Съ открытіемъ навигаціи всѣ эти суда выведены были къ Голой Пристани и установлены въ двѣ линіи. Мореходными судами командовалъ капитанъ бригадирскаго чина Алексіано, а гребной флотиліей начальствовалъ принцъ Нассау-Зигенъ, у котораго помощникомъ былъ Французско-Американскій корсаръ Поль - Джонесъ. Гребная флотилія постоянно пополнялась строившимися судами, по мѣрѣ прибытія ихъ къ Херсону, гдѣ они вооружались.

Турецкій флотъ появился въ этомъ году 12 Мая, подъ начальствомъ Гассанъ-паши, въ числѣ тринадцати кораблей, пятнадцати фрегатовъ и тридцати двухъ разныхъ мелкихъ судовъ. Въ это время случилось слѣдующее трагическое происшествіе. Капитанъ 2 ранга Сакенъ, командуя дубель-шлюпкой № 2 и имѣя въ своемъ вѣдѣніи двѣ канонерскія лодки, былъ командированъ 7 Мая къ Кинбурну, въ распоряженіе военнаго начальства, для сообщенія этой крѣпости съ флотиліей. По прибытіи Турецкаго флота къ Очакову, ему приказано было отправиться со своимъ отрядомъ на соединеніе съ флотиліей. Отправивъ канонерскія лодки впередъ и выждавъ полученія казенныхъ пакетовъ, Сакенъ вышелъ 20 Мая, въ 2 часа пополудни. Въ тоже время вошла въ Лиманъ Турецкая флотилія въ числѣ тридцати судовъ, которыя погнались за дубель-шлюпкой. Для ускоренія хода съ нея выставлены были весла, что̀ сдѣлали и Турки. Это преслѣдованіе продолжалось до 6 часовъ вечера. Находясь противъ устья Буга и видя, что восемь галеръ настигаютъ его и что нельзя уйти отъ нихъ, Сакенъ приказалъ спустить шлюпку, посадилъ въ нее команду, передалъ имъ пакеты и приказалъ идти къ флотиліи съ извѣстіемъ, что онъ живой не сдастся, имѣя при этомъ въ рукѣ зажженый фитиль. Вскорѣ затѣмъ четыре галеры сцѣпились съ нею; тогда Сакенъ сошелъ въ

крюйтъ-камору и вмѣстѣ съ абордировавшими его галерами взлетѣлъ на воздухъ. Отправленные имъ матросы были свидѣтелями этого взрыва, о чемъ и донесли своему начальству. Сакенъ погибъ 35 лѣтъ. Тѣло его найдено было на лѣвомъ берегу Буга, безъ головы и рукъ; только Георгіевскій крестъ въ петлицѣ мундира служилъ удостовѣреніемъ, чье это тѣло. Императрица, получивъ отъ князя Потемкина донесеніе объ этомъ самоотверженномъ подвигѣ, щедро наградила родныхъ Сакена. Этотъ случай такъ напугалъ Турокъ, что они не рѣшались болѣе абордировать Русскія суда, хотя у нихъ всегда было больше командъ, и суда ихъ ходили лучше.

Упорное сраженіе въ Лиманѣ произошло 7 Іюня между флотиліями обѣихъ сторонъ. Турки вынуждены были удалиться къ Очакову, потерявъ три судна, взорванныя дѣйствіемъ Русской артиллеріи. Желая отомстить за потерю судовъ, Гассанъ вошелъ 16 Іюня въ Лиманъ со всѣмъ своимъ флотомъ и гребной флотиліей и атаковалъ Русскія суда, стоявшія впереди Голой Пристани. По прошествіи одного часа отъ начала канонады 64 пушечный Турецкій корабль и корабль Гассана сѣли на мель, на которой были зажжены стрѣльбою по нимъ брандскугелями и калеными ядрами, отчего они взлетѣли на воздухъ. Вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько мелкихъ Турецкихъ судовъ было потоплено и захвачено въ плѣнъ. Послѣ двухъ-часового боя Русскіе одержали полную побѣду, и Гассанъ вынужденъ былъ удалиться съ оставшимися судами къ Очакову. Преслѣдуя непріятеля, Русская флотилія стала на якорь въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ Турецкаго флота.

Рѣшившись покинуть Очаковъ для соединенія съ частью своего флота, оставленнаго въ морѣ, Гассанъ-паша снялся съ якоря со своей эскадрой ночью, съ 17 на 18 Іюня. Но едва Турецкіе передовые корабли поравнялись съ сильной батареей, устроенной скрытно на оконечности косы по приказанію Суворова, какъ по нимъ открыта была пальба съ этой батареи. Гассану удалось спасти только первые корабли, успѣвшіе пройти; прочіе же, садясь на мель или останавливаясь, получали большія поврежденія. Въ это время взошла луна, а потому ни одинъ выстрѣлъ съ батареи не былъ потерянъ. Непріятельскій флотъ, поражаемый калеными ядрами, пришелъ въ чрезвычайное смятеніе; корабли пылали и одинъ за другимъ взлетали на воздухъ, а падающіе по всѣмъ направленіямъ горящіе обломки, производя панику и разнося огонь по другимъ судамъ, довершали истребленіе этого флота. Принцъ Нассау-Зигенъ, получивъ отъ Суворова записку, съ предложеніемъ закончить это удачное пораженіе, и разсчитывая на паническій страхъ Турокъ, рѣшился атаковать остававшіяся у Очакова непріятельскія суда. Съ разсвѣтомъ 18 Іюня, не смотря на сильный

огонь съ крѣпостныхъ батарей и съ Турецкихъ судовъ, Русская флотилія подошла къ нимъ, и ея суда начали сцѣпляться съ Турецкими; команды взбирались на непріятельскія суда, забирали плѣнныхъ, потомъ зажигали эти суда и удалялись прежде, нежели они взлетали на воздухъ. Турки потеряли въ этотъ день до трехъ тысячъ убитыми и утонувшими; у нихъ въ плѣнъ было взято 1763 человѣка, одинъ 66-ти пушечный корабль, два фрегата и нѣсколько мелькихъ судовъ, а сожжено было пятнадцать судовъ. Потеря на Русской флотиліи состояла изъ ста человѣкъ убитыми и ранеными.

Осада Очакова началась 28 Іюня. Въ это время прибыло къ Очакову нѣсколько Турецкихъ судовъ. Такъ какъ эти суда своимъ обстрѣломъ могли бы затруднить производство осадныхъ работъ, то Потемкинъ поручилъ принцу Нассау-Зигену атаковать и истребить ихъ, что̀ и было исполнено. Послѣ восьмичасового сраженія сожжено было два Турецкихъ фрегата и семь мелкихъ судовъ; въ плѣнъ взято сто человѣкъ, одна галера и семь мелкихъ судовъ. Убитыхъ, потонувшихъ и раненыхъ у непріятеля было очень много; въ числѣ убитыхъ былъ и командовавшій Турецкими судами. Это сраженіе происходило подъ выстрѣлами крѣпостныхъ батарей, которыя удачной пальбою съ Русскихъ судовъ вынуждены были замолчать; этой же пальбой городъ во многихъ мѣстахъ былъ разоренъ и сожженъ. Послѣ этого событія Турецкія суда не показывались у Очакова. Крѣпость эта была вполнѣ изолирована, и Русская флотилія, плавая свободно и бомбардируя Очаковъ, помогала войскамъ на сообщеніи съ Херсономъ и Кинбурномъ. Очаковъ былъ взятъ штурмомъ 6 Декабря 1788 года *).

По приказанію Потемкина, главный начальникъ флота гр. Войновичъ вышелъ изъ Севастополя 28 Іюня, съ эскадрою въ составѣ четырехъ кораблей, восьми фрегатовъ и двадцати мелкихъ судовъ. Пройдя мимо Очакова и поворотивъ къ Западу, эта эскадра встрѣтила 3 Іюля у о-ва Ѳеодониси Турецкій флотъ, состоявшій изъ семнадцати кораблей, четырехъ фрегатовъ и двадцати трехъ мелкихъ судовъ. Бывшій въ авангардѣ бригадиръ Ушаковъ, съ двумя кораблями и двумя фрегатами, не ожидая сигнала старшаго флагмана, находившагося за островомъ, атаковалъ съ навѣтра непріятельскія суда; шедшія за нимъ прочія суда, по мѣрѣ приближенія, спѣшили войти въ линію боя, также безъ сигнала старшаго флагмана. Это сраженіе продолжалось отъ 2 до 5 часовъ пополудни. Турецкій флотъ, понеся большія потери, вы-

---

*) М. И. Богдановичъ, Походы Румянцова, Потемкина и Суворова.

нуждень былъ, въ большомъ безпорядкѣ, склониться подъ вѣтеръ, усилить парусность и удалиться къ Югу.

Въ 1789 году Черноморскому флоту не пришлось ознаменовать свою дѣятельность особыми подвигами, не смотря на настойчивыя приказанія Потемкина. Относя такую медленность и нерѣшительность къ недѣятельности графа Вайновича, находившаго всегда оправдательныя извиненія въ своемъ бездѣйствіи, онъ поручилъ, въ концѣ этого года, командованіе вооруженнымъ флотомъ Ушакову, произведенному въ контръ-адмиралы и назначенному флотскимъ начальникомъ въ Севастополѣ.

Въ 12 верстахъ отъ сліянія Ингула съ Бугомъ, ниже по теченію Буга, на лѣвой его сторонѣ, находится урочище съ прекраснымъ родникомъ ключевой воды. Эта мѣстность въ XIV и XV столѣтіяхъ принадлежала Литовскому княжеству, и у источника существовала въ то время таможенная застава, учрежденная княземъ Витовтомъ, вслѣдствіе чего это урочище получило наименованіе Витовки. Въ 1787 году здѣсь устроена была переправа черезъ рѣку на паромахъ, какъ для высылки за Бугъ отрядовъ Русскихъ войскъ къ наблюденію за Очаковымъ и для прекращенія его берегового сообщенія, такъ и для свободнаго проѣзда къ первой арміи, занимавшей позицію между верховьями Буга и Днѣпра, подъ начальствомъ графа Румянцова. Предпринимая осаду Очакова, князь Потемкинъ избралъ Витовку мѣстомъ для устройства обширнаго госпиталя въ тылу осадныхъ войскъ. Онъ возложивъ это предпріятіе на обязанность Фалѣева и сообщилъ ему 24 Апрѣля слѣдующее: «Я приказалъ привезти для сего кибитки и походные домики. Желаю, чтобы вы во всемъ тамъ распорядились, приготовивъ поставщиковъ для довольствія. Нужно устроить баню и заготовить лѣсу. Для постройки каменныхъ связей довольно извести на Фабровой дачѣ. Я приказалъ прислать вамъ изъ Херсона каторжныхъ, придавъ изъ плѣнныхъ» *).

Занятіе Очакова открывало свободный выходъ изъ Днѣпровскаго лимана въ Черное море, что̀ представляло полное удобство направить всѣ военныя средства къ предѣламъ Турціи. Вслѣдствіе этого Потемкинъ, послѣ овладѣнія Очаковымъ, съ соизволенія Императрицы, отправился въ Петербургъ, чтобы своими личными докладами Государынѣ подготовить всѣ необходимыя средства и обсудить планъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Въ томъ убѣжденіи, что въ предѣлахъ Черномор-

*) Дача Фабра была на лѣвомъ берегу Буга, вблизи впаденія въ него Ингула. Въ началѣ 1787 года Очаковскіе Турки разорили эту дачу. Фабръ просилъ о вознагражденіи за убытки. Эта просьба была исполнена, но съ тѣмъ, что его земельный участокъ былъ взятъ въ казну.

скаго бассейна военный флотъ долженъ составлять главную боевую силу, Потемкинъ немедленно принялъ мѣры къ основанію новой корабельной верфи, въ помощь Херсонской и въ ея водномъ сосѣдствѣ. Онъ сообщилъ Фалѣеву, 23 Марта 1789 года, такое приказаніе: «Въ Мошнахъ болѣе строенія не производить, а завести верфь на Ингулѣ, куда мастеровыхъ и инструменты обратить. Лѣсу тамъ заготовить на два корабля». Затѣмъ, въ послѣдовательныхъ распоряженіяхъ по устроенію новой верфи, сообщены были собственноручныя приказанія его тому же Фалѣеву такого содержанія:—12 Мая: «Строить сараи камышевые. Должно скорѣе сдѣлать киленбанокъ на Ингулѣ и кроки для постановки мачтъ».—2 Августа: Капитаномъ надъ портомъ новой верфи назначить лейтенанта Бестужева.—27 Августа: Вновь возводимую верфь на Ингулѣ именовать Николаевымъ, Витовку—Богоявленскомъ, Фаброву дачу—Спасскимъ—2 Сентября: Къ смотрѣнію за матеріалами и работами по заводимой на Ингулѣ верфи назначить два штабъ-офицера, семь оберъ-офицеровъ, четырнадцать унтеръ-офицеровъ, а въ контору бухгалтера. — 21 Февраля 1791 года: Назначить капитана Коноплина для присмотра за цивильными работами въ Николаевѣ. — 26 Апрѣля: Согласно вашему представленію разрѣшаю допустить отставного секундъ-маіора Якимовича вступить въ должность городничаго въ Николаевѣ. Церковь строить по данному плану. Капитана Неплюева назначить въ должность архитектора въ Николаевѣ. — 16 Іюля: По прибытіи изъ Екатеринослава 225 школьниковъ, распредѣлить ихъ по разнымъ мастерствамъ, а о содержаніи ихъ имѣть особое попеченіе. Въ Николаевѣ ничего не строить деревяннаго; а если у кого есть мазанки, то штукатурить ихъ. Огородовъ завести больше. Обывателей побуждать сады разводить. Каменнаго угля и штифта искать въ близкихъ мѣстахъ къ Николаеву. Плотниковъ селить по Ингулу. Для сплава изъ Херсона лѣсовъ въ Николаевѣ построить способные плашкоуты. Для пристанища байдаковъ и плотовъ во время штормовъ построить пристани въ удобныхъ мѣстахъ.—29 Августа: Поспѣшайте вооруженіемъ Николаева. Ты не можешь себѣ представить, сколь онъ нуженъ. Въ семъ, кромѣ того, зависитъ честь моя и Николаевской верфи мало кому извѣстной, а для васъ поводъ къ полученію одобренія. Поговори Овцыну*), чтобъ онъ поворачивался.—24 Октября: Представилъ васъ въ оберъ-штеръ-кригсъ - комиссары

*) 44 пушечный фрегатъ „Николай" былъ первымъ военнымъ судномъ, построеннымъ въ Николаевѣ. Онъ былъ заложенъ 5 Января 1790 года и спущенъ 25 Августа того же года.—Бригадиръ Иванъ Тихоновичъ Овцынъ былъ назначенъ высочайшимъ приказомъ 26 Апрѣля 1790 года капитаномъ надъ Николаевскимъ портомъ и начальникомъ штурмановъ. Ѳ. Ѳ. Веселаго, Списки судовъ Русскаго флота и общій списокъ флота.

адмиралтейскіе, на что послѣдовала высочайшая резолюція. О Николаевѣ утверждено, какъ объ адмиралтействѣ, такъ и верфи. Теперь къ строеніямъ приступлю съ основаніемъ».

Прочитывая эти ордеры, выбранные изъ особого дѣла Николаевскаго портоваго архива, можно придти къ заключенію, что мысль основанія центральнаго военно-судостроительнаго порта на устьѣ Ингула не была предвзятой идеей. Потемкинъ, въ своей кипучей административной дѣятельности, осложненной въ послѣднее время военными операціями, постоянно дѣйствовалъ подъ давленіемъ неотложнаго, экстреннаго исполненія задуманнаго имъ обширнаго плана—освоить и закрѣпить за Россіей весь южный поморскій край, а также нагорья Кавказа. Успѣхъ такого предпріятія, сопряженный съ весьма обширной разносторонностью, много зависилъ отъ точнаго и быстраго исполненія приказаній его помощниками, которымъ отдавались они съ большой подробностью, при чемъ онъ неуклонно и зорко слѣдилъ за исполненіемъ. Вслѣдствіе такого напряженнаго состоянія онъ, во всѣхъ случаяхъ неотложной надобности, распоряжался подъ впечатлѣніемъ минуты, если только задуманное имъ согласовалось съ пользой общаго предвзятаго намѣренія. Разъ намѣченное и начатое, въ сочетаніи разныхъ удобствъ пользованія, устанавливалось потомъ законодательнымъ порядкомъ въ болѣе прочныя формы. Такимъ образомъ временно, наскоро созданное учрежденіе принимало видъ постояннаго благоустройства въ прогрессивномъ развитіи. Такъ начато и строеніе Ингульской верфи, какъ крайне необходимое мѣропріятіе, съ адмиралтейскимъ при немъ поселкомъ. Затѣмъ, по особенному удобству мѣстности и по благопріятнымъ климатическимъ условіямъ, наскоро задуманное получило опредѣленную устойчивость. Послѣдствіемъ такого начинанія, на пустынной до того мѣстности возникъ морской городокъ, настоящее положеніе котораго опредѣлилось только временемъ, по соображеніямъ общаго государственнаго благоустройства.

Когда прибыли разные мастеровые для строенія Ингульской верфи, морской врачъ Дримпельманъ назначенъ былъ состоять при этой командѣ, на случай могущихъ быть несчастій. По его словамъ «ни одно человѣческое существо не жило на этомъ мѣстѣ, гдѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ сталъ возникать городъ, который уже въ первые годы своего существованія обѣщалъ счастливое процвѣтаніе и гдѣ теперь селятся люди всѣхъ странъ. Вокругъ все было пусто. Единственныя живыя существа на этой мѣстности были змѣи; хотя укушеніе ихъ и безопасно, однако они были непріятны и страшны для людей тѣмъ, что проникали въ жилища плохо построенныя изъ тростника и досокъ». Постройка города шла очень быстро. Въ тотъ годъ, который Дримпель-

манъ прожилъ въ Николаевѣ, построено было полутораста домовъ. Лѣсъ и другія строительныя матеріалы доставлялись въ изобиліи на казенный счетъ по Бугу и продавались весьма дешево, какъ чиновникамъ, такъ и тѣмъ лицамъ, кои желали поселиться въ новомъ городѣ; только каждый строившійся обязывался строго сообразоваться съ планомъ, по которому городъ долженъ былъ возникать постепенно. Число жителей, собравшихся изъ разныхъ областей государства, составилось въ первый годъ до двухъ тысячъ съ половиною обоего пола.

Одинъ изъ старожиловъ Николаева Н. Н. Куманя *) сообщилъ о возникновеніи этого города между прочимъ слѣдующее:—«Съ необыкновенно быстрымъ построеніемъ города шло также быстро и его заселеніе. Адмиралтейскіе мастеровые высылались изъ Кременчуга, Херсона и Таганрога; а мѣщанство составилось изъ зашедшихъ съ разныхъ мѣстъ: безпаспортнаго бродячаго люда, бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ и солдатъ, казаковъ и прочихъ. Всѣхъ принимали безъ разбора и предлагали имъ всякое вспомоществованіе къ водворенію; бѣднѣйшимъ изъ нихъ давали одежду и деньги для обзаведенія. По части водворенія пришлыхъ употреблялся Фалѣевымъ его сподвижникъ купецъ П. А. Переверзевъ, который представлялъ живую хронику минувшаго; онъ умеръ въ Николаевѣ въ 1841 году. При такомъ наплывѣ разнороднаго и разнохарактернаго народонаселенія одни полицейскія мѣры оказывались недостаточными къ поддержанію тишины и порядка, а потому обращено было особенное вниманіе на нравственную сторону пришельцевъ. По этой части съ большимъ успѣхомъ подвизался протоіерей Евфимій Савурскій, первый настоятель Николаевскаго адмиралтейскаго собора. Въ концѣ 1791 года построены были многіе казенные и частные дома и гостиный дворъ, называвшійся Греческій рядъ, который состоялъ изъ двухъэтажныхъ зданій, занимавшихъ три квартала за соборомъ; каждый изъ этихъ кварталовъ состоялъ изъ сплошного ряда домовъ, съ подвалами и открытыми галереями вокругъ всего дома, по конструкціи Молдаванскаго и Спасскаго домовъ. Кромѣ нихъ, построилось на площади нѣсколько домовъ, такъ называемыхъ штабъ-офицерскихъ; они всѣ были съ мезонинами, окруженные открытыми галереями. Греческій гостиный дворъ былъ центромъ возникавшей торговли города. Купеческія иностранныя суда останавливались, выгружались и грузились у пристаней противъ теперешняго бульвара. Большая часть лицъ, занимавшихся этой торговлей, были выходцы изъ Греціи».

*) Морской Сборникъ 1861 года № 3.

Военныя дѣйствія въ 1790 году начались на Черномъ морѣ выходомъ Ушакова изъ Севастополя 16 Мая. Получивъ приказаніе Потемкина отыскать Турецкій флотъ, который посланъ былъ принять на Анатолійскомъ берегу десантъ, усилить его въ Анапѣ и доставить къ берегамъ Крыма. Ушаковъ прошелъ вдоль Анатолійскаго и Кавказскаго береговъ, имѣя въ своей эскадрѣ три корабля, четыре фрегата и сорокъ крейсерскихъ судовъ, бомбардировалъ Синопъ и Анапу, а затѣмъ возвратился въ Севастополь для пополненія запасовъ.

Вслѣдствіе появленія Турецкаго флота въ виду Балаклавы, Ушаковъ вышелъ 2 Іюля на поискъ, имѣя четыре корабля, одиннадцать фрегатовъ и семнадцать крейсерскихъ судовъ. Находясь 8 Іюля у мыса Таклы, при сѣверовосточномъ вѣтрѣ, на эскадрѣ увидѣли, въ 10 часовъ утра, шедшій отъ Бугаса съ десантомъ Турецкій флотъ, состоявшій изъ восьми кораблей, десяти фрегатовъ и тридцати шести мелкихъ судовъ. Обѣ враждебныя линіи сблизились и начали пальбу. Послѣ безполезной перестрѣлки въ продолженіи одного часа, Ушаковъ сдѣлалъ сигналъ: «въ точности слѣдовать движенію адмирала», а затѣмъ, совершенно неожиданно для Турокъ, приблизился къ нимъ въ густомъ дыму на картечный выстрѣлъ, а за нимъ спустились и другіе. Непріятельскія суда, осыпаемыя картечью и книпелями, пришли въ полное замѣшательство; одни изъ нихъ бросились къ вѣтру и стали поворачивать оверъ-штагъ, а другія, находившіяся въ центрѣ своей линіи, стали поворачивать на фордевиндъ. Безпорядокъ сдѣлался общій, и у всѣхъ непріятельскихъ судовъ замѣтно было желаніе убѣжать. Русскіе, поражая Турокъ анфиладными залпами, наносили имъ большія поврежденія въ корпусахъ судовъ и производили опустошеніе въ ихъ палубахъ; у нѣкоторыхъ Турецкихъ судовъ началъ валиться рангоутъ. Только густота дыма и нѣсколько стихшій вѣтеръ помѣшали болѣе полному поврежденію ихъ. Русскія суда, увеличивъ по сигналу парусность, преслѣдовали непріятельскія суда до 6 часовъ вечера, когда наступившая темнота, съ густымъ дымомъ, скрыла Турокъ, направившихся къ Югу. Остановившись у Ѳеодосіи для приведенія въ порядокъ своихъ судовъ и разославъ крейсеровъ, Ушаковъ прибылъ съ эскадрою въ Севастополь 12 Іюля.

Получивъ свѣдѣніе, что у Хаджи-бея показался Турецкій флотъ, Ушаковъ вышелъ изъ Севастополя, имѣя въ эскадрѣ пять кораблей, одиннадцать фрегатовъ и двадцать крейсерскихъ судовъ. Имѣя юго-восточный вѣтеръ, съ эскадры замѣтили 28 Августа Турецкій флотъ, расположенный на якоряхъ въ безпорядкѣ между Тендрой и Хаджибеемъ и состоявшій изъ четырнадцати кораблей, восьми фрегатовъ и двадцати трехъ мелкихъ судовъ. При появленіи Русской эскадры Турки

начали рубить канаты, ставить паруса, ложась въ полвѣтра къ сторонѣ Дуная. Скорость хода у нихъ была не одинакова, а потому Ушаковъ распорядился, чтобы отрѣзать отстававшія суда. Замѣтивъ это, Турецкій главнокомандовавшій приказалъ привести къ вѣтру, поворотить оверъ-штагъ, выстраивать линію. Русскій флотъ, слѣдуя подъ всѣми парусами, спустился къ непріятелю, уменьшилъ парусность и на разстояніи картечнаго выстрѣла открылъ по непріятельскимъ судамъ сильный огонь. Около часа Турки отвѣчали, но потомъ, подъ прикрытіемъ густого дыма, начали уклоняться подъ вѣтеръ, а Русскія суда склоняться къ нимъ. Вскорѣ вся Турецкая линія разстроилась, и ихъ авангардъ началъ поворачивать черезъ фордевиндъ; Русскія же суда, прибавивъ парусность и входя въ интервалы непріятеля, производили жестокую канонаду, дѣйствуя ядрами, картечью, книпелями, по мѣрѣ разстоянія; вслѣдствіе чего Турки, оставя наибольшую парусность, начали убѣгать отъ преслѣдованія. Наступившая темнота разлучила сражавшихся. По сигналу «имѣть установленные огни», Русскія суда сосредоточились, а потомъ, вслѣдствіе скрѣпчавшаго юго-западнаго вѣтра, стали на якорь подъ берегомъ. На другой день, съ разсвѣтомъ, увидѣли Турецкія суда разсѣянныя по всѣмъ направленіямъ и лавирующія къ вѣтру; изъ нихъ два корабля, болѣе поврежденныя, одинъ 74 пушечный подъ флагомъ вице-адмирала, а другой 66 пушечный, оказались подъ вѣтромъ Русскихъ судовъ, къ сторонѣ Хаджи-бея. Къ этимъ кораблямъ посланы были два корабля и два фрегата. Эти суда зажгли своими выстрѣлами флагманскій корабль, съ котораго успѣли снять своими шлюпками адмирала Саидъ-бея, командира, и семнадцать офицеровъ прежде, чѣмъ онъ взлетѣлъ на воздухъ; другой же корабль взятъ былъ въ плѣнъ съ 561 человѣкомъ команды. За эту побѣду Ушаковъ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 2 класса. Такое успѣшное дѣло очистило путь для Русской гребной флотиліи, которую эскадра Ушакова проводила къ устьямъ Дуная. Послѣ этого, разославъ крейсеровъ по разнымъ направленіямъ, Ушаковъ оставался съ эскадрой у устьевъ Дуная въ крейсерствѣ до Ноября, а потомъ прибылъ въ Севастополь и закончилъ кампанію.

Русская флотилія, въ короткое время пребыванія на Дунаѣ, отняла у Турокъ 77 разныхъ военныхъ и перевозочныхъ судовъ и истребила таковыхъ 210; къ этому, она захватила у непріятеля 464 пушки, 25 тысячъ рублей и 580 пудовъ пороху. При взятіи крѣпости Измаила, 11 Декабря, эта флотилія дѣятельно помогала войскамъ своей артиллеріей и высадкѣ десанта со стороны рѣки, при чемъ овладѣвала мелкими военными судами, стоявшими подъ крѣпостными батареями.

Вслѣдствіе выхода въ отставку вице-адмирала Мордвинова, по собственному желанію, послѣдовалъ Потемкина слѣдующій приказъ отъ 11 Января 1791 года:—«Контръ-адмиралу Ушакову быть старшимъ членомъ Черноморскаго Адмиралтейскаго Правленія, въ которомъ ему присутствовать, когда отправляемое имъ при флотѣ служеніе позволитъ. Предложенія его по долгу службы Черноморское Правленіе имѣетъ исполнять съ прилежаніемъ». Такой приказъ уполномочивалъ Ушакова быть главнымъ начальникомъ Черноморскаго флота, такъ какъ Потемкинъ находился въ это время въ Петербургѣ.

Въ началѣ Іюля 1791 года получено было извѣстіе о выходѣ изъ Босфора Турецкаго флота съ десантомъ. Вслѣдствіе этого Ушаковъ вышелъ изъ Севастополя съ эскадрой на поискъ; но встрѣтивъ сильный юго-западный вѣтеръ, отъ котораго нѣкоторыя суда получили поврежденія, возвратился въ Севастополь. Оправившись, онъ снова вышелъ 19 Іюля, имѣя въ эскадрѣ шесть кораблей, двѣнадцать фрегатовъ и двадцать мелкихъ судовъ. Эта эскадра направилась къ Румелійскому берегу съ попутнымъ вѣтромъ. 23 числа усмотрѣнъ былъ Турецкій флотъ, стоявшій на якоряхъ у Каліакри, въ составѣ восемнадцати кораблей, семнадцати фрегатовъ и множества другихъ разныхъ судовъ, на которыхъ находился десантъ. Идя подъ всѣми парусами въ ордерѣ трехъ колоннъ, Ушаковъ направилъ свои суда между берегомъ и непріятельскимъ флотомъ и приказалъ развертывать линію по мѣрѣ приближенія къ непріятелю. Такое рѣшительное движеніе Русской эскадры до того поразило командировъ Турецкихъ судовъ, что они начали рубить канаты, или выпускать ихъ и ставить паруса, торопясь уходить къ сторонѣ моря; но вслѣдъ за этимъ появились сигналы ихъ адмираловъ, и флотъ этотъ началъ приходить въ нѣкоторый порядокъ. Спустя около часа по вступленіи подъ паруса, Турецкій флотъ построился въ волнистую линію на лѣвомъ галсѣ, а одинъ изъ его флагмановъ, вице-адмиралъ Сеидъ, взялся быть его колонновожатымъ. Не смотря на то, что Русскій флотъ шелъ на вѣтрѣ, Сеидъ съ двумя передовыми кораблями, приводя круто бейдевиндъ, вышелъ на вѣтеръ у всѣхъ прочихъ своихъ судовъ. Ушаковъ, сдѣлавъ сигналъ: «атаковать соотвѣтствующіе корабли», спустился самъ къ кораблю Сеида, прорѣзалъ его подъ корму на самое малое разстояніе и засыпалъ картечнымъ залпомъ со всего борта 100 пушечнаго корабля. Эта атака оказалась такой силы, что у Турецкаго корабля осыпалась вся корма, и въ тотъ же моментъ у него упала бизань-мачта, вслѣдствіе чего онъ увалился подъ вѣтеръ и былъ заслоненъ слѣдовавшими за нимъ Турецкими судами. Тогда Ушаковъ, задержавъ ходъ своего корабля, уклонился подъ вѣтеръ, прорѣзалъ линію непріятельскихъ судовъ, во-

шелъ въ ихъ средину и открылъ по нимъ огонь на оба борта. Этимъ маневромъ, исполненнымъ и другими Русскими судами, окончательно былъ спутанъ Турецкій строй; всѣ непріятельскія суда торопливо и въ крайнемъ безпорядкѣ спустились подъ вѣтеръ, подставляя Русскимъ судамъ свои кормы. Въ такомъ видѣ Турецкій флотъ смѣшался въ кучу и былъ отовсюду окруженъ Русскими судами, каждый выстрѣлъ которыхъ рекошетировалъ по нимъ, производя разрушеніе и находя жертвы; въ дыму и въ общей сумятицѣ Турки отстрѣливались наудачу, не разбирая своихъ и Русскихъ. Погоня за ними продолжалась до 6 часовъ пополудни, когда наступившіе сумерки, при сдѣлавшемся маловѣтріи, не разгонявшемъ растилавшійся по водѣ дымъ, стали темнѣе. Потеря на Русскихъ судахъ въ людяхъ состояла изъ семнадцати убитыхъ и двадцати восьми раненыхъ.

Задувшій вскорѣ сильный сѣверный вѣтеръ заставилъ Русскую эскадру укрыться подъ берегомъ Эмине, гдѣ были исправлены нѣкоторыя поврежденія, полученныя во время сраженія. Разосланные крейсеры успѣли истребить нѣсколько Турецкихъ судовъ, пострадавшихъ въ сраженіи и искавшихъ спасенія у Румелійскихъ береговъ; въ тоже время ими было захвачено нѣсколько Турецкихъ транспортныхъ судовъ, доставлявшихъ снабженіе для своихъ войскъ на Дунаѣ. Русская эскадра 13 Августа подошла къ устьямъ Дуная, гдѣ Ушаковъ получилъ извѣстіе о заключеніи перемирія, вслѣдствіе чего онъ направилъ свою эскадру въ Севастополь, куда прибылъ 20 Августа. За побѣду у ліакри онъ награжденъ былъ орденомъ св. Александра Невскаго.

По полученнымъ свѣдѣніямъ о состояніи разбитаго Турецкаго флота оказалось, что три корабля утонуло отъ подводныхъ пробоинъ; другія же суда должны были укрыться у Румелійскаго и Анатолійскаго береговъ, въ томъ числѣ былъ и корабль главнокомандовавшаго, о которомъ долгое время султанъ не получалъ никакихъ извѣстій. Лишь одна Алжирская эскадра вошла въ Босфоръ, имѣя значительныя поврежденія въ корпусахъ и рангоутахъ и съ такой многочисленной потерей въ людяхъ, что только на одномъ адмиральскомъ кораблѣ убитыхъ и раненыхъ было болѣе 450 человѣкъ. Видъ этой избитой эскадры, незнаніе, гдѣ находится остальной флотъ и его главнокомандующій, а также боязнь, что Русскій флотъ можетъ войти въ Босфоръ, до того подѣйствовали на султана, что онъ приказалъ своему визирю поспѣшить заключеніемъ мира. По поводу этой побѣды Императрица писала князю Потемкину, отъ 16 Сентября:—«Я всегда отмѣннымъ окомъ взирала на всѣ флотскія дѣла. Успѣхи онаго меня всегда радовали болѣе, нежели сухопутные, понеже къ симъ изстари Россія привыкла, а о морскихъ ея подвигахъ лишь въ мое царствованіе прямо слышно ста-

ло; до дней онаго морская часть считалась слабѣйшею. Черноморскій же флотъ есть наше заведеніе, собственное, слѣдовательно сердцу близкое».

Ясскій договоръ о мирѣ подписанъ былъ 29 Декабря 1791 года; онъ утверждалъ за Россіей владѣніе всѣмъ сѣвернымъ побережьемъ Черного моря отъ Днѣстра до Кубани, кромѣ Анапы. Князь Потемкинъ не дожилъ до этого дня; онъ скончался 5 Октября 1791 года, въ полѣ, на пути изъ Яссъ въ Николаевъ. «Матушка, всемилостивѣйшая Государыня! писалъ онъ передъ выѣздомъ Императрицѣ, нѣтъ силъ болѣе переносить мученіе. Одно спасеніе остается—оставить городъ. Я велѣлъ везти себя въ Николаевъ. Не знаю что̀ будетъ со мною. Вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій изъ подданныхъ». Это было написано подъ его диктовку; нетвердой рукой онъ добавилъ:—«Одно спасеніе—уѣхать», какъ бы извиняясь передъ Императрицей, что уѣзжаетъ, не докончивъ возложеннаго на него порученія. Когда отъѣхали отъ станціи семь верстъ, онъ сказалъ:—«Будетъ! Теперь уже некуда ѣхать. Я умираю. Выньте меня. Я хочу умереть въ полѣ». Его положили на траву. Онъ умеръ въ 12 часовъ дня совершенно спокойно. Тѣло его привезено было въ тотъ же день въ Яссы, а на другой день анатамировано и бальзамировано. Слухъ о смерти фельдмаршала взволновалъ весь городъ. На улицахъ толпился разный народъ, спѣшившій въ смущеніи и горести на княжій дворъ». Когда получено было извѣстіе о смерти князя Потемкина, Императрица заплакала и нѣсколько дней очень грустила. Она говорила своимъ приближеннымъ о Потемкинѣ: «Онъ имѣлъ необыкновенный умъ, нравъ горячій, сердце доброе. Глядѣлъ волкомъ и потому не былъ любимъ; но, давая щелчки, благодѣтельствовалъ даже врагамъ своимъ». Принцу-Нассау Зигену она писала: «Онъ былъ мой ученикъ, человѣкъ геніальный. Онъ дѣлалъ доброе своимъ врагамъ, чѣмъ ихъ обезоруживалъ.» Вся дѣловая собственноручная переписка князя Потемкина, въ черновыхъ копіяхъ и получаемыхъ сообщеніяхъ и донесеніяхъ, была немедленно собрана, запечатана и отправлена въ Петербургъ, гдѣ представлена лично Императрицѣ, которая заперла все доставленное въ одинъ изъ сундуковъ своего кабинета. Что̀ сдѣлалось съ этими документами послѣ ея смерти, неизвѣстно.

Въ Запискахъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. 2, 4 и 7, помѣщено нѣсколько случайно сохранившихся черновыхъ автографовъ князя Потемкина, докладовъ на высочайшее имя, переписка съ нѣкоторыми офиціальными лицами и ордеры по устроенію Черноморскаго флота. Въ Николаевскомъ портовомъ архивѣ имѣется особое дѣло по этому устроенію. Эти немногія свѣдѣнія вы-

ясняютъ однако напряженную трудовую дѣятельность Потемкина до послѣднихъ минутъ жизни. По сообщеніямъ въ печати стоявшихъ близко къ нему сотрудниковъ, Попова, Карабанова и другихъ, князь Потемкинъ велъ очень обширную переписку со многими политическими, административными и военными лицами. Его голова постоянно была занята обсужденіемъ разнообразныхъ предположеній, свѣдѣній и отвѣтовъ по сложной дѣловой перепискѣ и по распорядку въ порученныхъ ему многихъ управленіяхъ. При этомъ, ему приходилось работать подъ давленіемъ убѣжденія, что оказываемое ему особенное довѣріе Императрицы обязываетъ его напрягать всѣ свои силы неуклонно. Такое постоянно напряженное состояніе усложнялось еще гнетущею мыслью, что малѣйшая неудача, необдуманное слово, извращеніе, или замедленіе по исполненію его приказаній, могутъ послужить орудіемъ для неблагонамѣренныхъ пересудовъ разнымъ вѣстовщикамъ, завистникамъ, клеветникамъ. Князь Потемкинъ истаялъ въ своей кипучей восемнадцати-лѣтней, усиленной административной работѣ, а потому злокачественная Молдавская лихорадка только помогла ему успокоиться отъ тревожныхъ мыслей и дѣлъ, и именно въ то время, когда его замыслы и исполненіе ихъ получали полную округлость и устойчивость къ дальнѣйшему государственному распорядку, для усвоенія и устроенія южныхъ приморскихъ областей*).

Современники, а за ними и послѣдующіе повѣствователи, заботливо группируя всѣ, часто преувеличенные или вымышленные, разсказы анекдотическаго содержанія, выставляли князя Потемкина честолюбивымъ выскочкой, сластолюбцемъ, который, разбрасывая безъ счета значительныя денежныя суммы, своими роскошными празднествами и разными увеселительными затѣями желалъ выдѣляться изъ толпы и дѣйствовать на Императрицу въ своихъ интересахъ. Но если принять во вниманіе ту среду искателей почестей, съ которыми ему приходилось состязаться, въ сознаніи необходимости затмѣвать и постоянно стоять выше ихъ, чтобы приводить, исполнять и закончить все задуманное имъ, то насъ не можетъ удивлять та наружная мишура блеска и роскоши, которая окружала его внѣшность. Это былъ человѣкъ восемнадцатаго вѣка, когда нравственная легкость и грубость высшаго сословія, прикрытая Французскимъ раззолоченнымъ кафтаномъ, стояли рядомъ съ самыми лучшими душевными стремленіями. Чтобы держаться въ этой средѣ на высотѣ своего призванія, надо было имѣть много ума, много усиленнаго вниманія для отличія лести отъ правды, зла

*) Князь М. С. Воронцовъ признавалъ, что удавалось ему приводить въ исполненіе лишь малую часть геніальныхъ предначертаній князя Потемкина. П. Б.

отъ добра, своекорыстія отъ добродушнаго самоотверженнаго намѣренія, обладать большимъ политическимъ тактомъ, чтобы обходить и разстраивать искусно создаваемыя интриги. Извѣстно, что обаяніе блеска и пышной обстановки служитъ могучимъ факторомъ къ подчиненію толпы, а такое подчиненіе было необходимо Потемкину для высокой цѣли его служенія—государственнаго блага. Эта высоко-нравственная цѣль вполнѣ оправдываетъ всѣ тѣ средства, какія онъ употреблялъ. Въ домашнемъ же быту, по сообщеніямъ близко видѣвшихъ эту обиходную жизнь и соприкасавшихся съ нею, онъ былъ простъ въ обращеніи, очень набоженъ, правдивъ, незлобивъ, не мстителенъ, для всѣхъ легко доступный и привѣтливый, дѣлавшій по своему мягкосердечію много добра. Я. К. Гротъ, въ объясненіяхъ на оду «Водопадъ», высказалъ, что «едва ли правы тѣ, которые считаютъ Потемкина за честолюбца, все приносящаго въ жертву своимъ выгодамъ; безусловное довѣріе къ нему Императрицы въ продолженіе стольких лѣтъ заставляетъ предполагать въ немъ необыкновенный умъ и истинныя заслуги».

Въ Херсонскомъ крѣпостномъ соборѣ, на правой сторонѣ у столпа, поддерживающаго куполъ, находится возвышенное мѣсто подъ балдахиномъ, съ вензелевымъ именемъ Екатерины II, а подъ балдахиномъ ея кресло. Впереди этого мѣста траурная плита, обнесенная золоченой рѣшоткой, богато убранной металлическими орнаментами и вѣнками. Эта плита положена благодарнымъ Херсонскимъ земствомъ надъ прахомъ князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго. Такое сочетаніе этихъ памятниковъ напоминаетъ потомству двухъ высокодаровитыхъ историческихъ лицъ, Государыню и ея подданнаго, душевная взаимность которыхъ въ стремленіи къ государственному устроенію съ наибольшею пользою связывала ихъ неразрывно въ продолженіе восемнадцати лѣтъ. Великая монархиня вѣрно поняла и оцѣнила достоинства и недостатки своего неизмѣнно-преданнаго слуги. Предоставляя ему широкія полномочія, она зорко слѣдила за его подвижничествомъ, поощряя всѣми мѣрами къ безпрерывной плодотворной дѣятельности; но въ то время, когда онъ путался въ сомнѣніяхъ, уставалъ и падалъ духомъ подъ бременемъ неожиданныхъ препятствій, она умѣла дружескимъ упрекомъ и совѣтомъ вселять въ него бодрость и заставлять идти, съ напряженной энергіей, навстрѣчу всякихъ возможнымъ неблагопріятныхъ случайностей. Только такимъ счастливымъ сочетаніемъ взаимодѣйствія мудрой самодержицы и довѣреннаго исполнителя ея воли могло быть проведено и исполнено то, къ чему изстари стремился Русскій народъ, что̀ желалъ, указалъ и завѣщалъ совершить первый императоръ Россіи Петръ Великій, начертавшій въ го-

сударственномъ гербѣ четыре карты морей: Бѣлаго, Балтійскаго, Черпаго и Каспійскаго.

Для продолженія дѣятельности князя Потемкина по управленію и устроенію Черноморскаго флота, избранъ былъ вице-адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, призванный изъ отставки на службу по приказанію Императрицы. Сынъ вице-адмирала, онъ 10 лѣтъ былъ взятъ во дворецъ для воспитанія совмѣстно съ наслѣдникомъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Въ 1766 году, 14 лѣтъ, произведенъ въ мичманы, а черезъ четыре года отправленъ былъ въ Англію для усовершенствованія въ морской службѣ. Во время плаванія на Англійскихъ военныхъ судахъ, онъ посѣщалъ разные порты въ Америкѣ и Европѣ. Въ 1783 году, въ чинѣ капитана 2 ранга, командовалъ кораблемъ въ секретной экспедиціи адмирала Грейга въ Италію. Высочайшимъ рескриптомъ 22 Ферваля 1792 года ему было повелѣно:— «Возлагая на васъ званіе предсѣдательствующаго въ Черноморскомъ Адмиралтейскомъ Правленіи, за нужное нахожу предписать: 1) Отправясь немедленно къ мѣсту вамъ назначенному, осмотрите всѣ части по управленію и что̀ найдете, донесите. 2) Сочините и представьте штаты корабельнаго и гребного флотовъ Черноморскихъ, соглашая оное съ назначеніемъ покойнаго князя Потемкина-Таврическаго. 3) Также и разныя предположенія помянутаго генералъ-фельдмаршала. 4) Литейный заводъ въ Херсонѣ и прочія заведенія для флота старайтесь привести оныя въ наилучшее положеніе». Отъ того же числа данъ былъ высочайшій указъ Черноморскому Адмиралтейскому Правленію такого содержанія:—«За благо признали мы оставить на прежнемъ основаніи Черноморское Адмиралтейское Правленіе, опредѣляя въ оное предсѣдательствующихъ нашего вице - адмирала Мордвинова, и повелѣваемъ помянутому Черноморскому Адмиралтейскому Правленію во всемъ до управленія, снабженія, содержанія и продовольствія флотовъ касающемся, поступать въ полной силѣ наказовъ и инструкцій, Коллегіи Адмиралтейской данныхъ. Производеніе въ чины по флотамъ и адмиралтейству на убылыя вакансіи дѣлать сему Правленію законнымъ порядкомъ, до капитанъ-лейтенантовъ или премьеръ-маіоровъ. О производеніи же въ высшіе чины представлять намъ доклады».

Такимъ образомъ Мордвиновъ утвержденъ былъ самостоятельнымъ начальникомъ флотовъ, портовъ и адмиралтействъ на Черномъ морѣ. Хотя генералъ-аншефъ Каховскій, послѣ смерти князя Потемкина, принялъ управленіе Новороссійскимъ краемъ, согласно высочайшему повелѣнію, но къ его вѣдѣнію относились только общія распоряженія, касающіяся собственно этого края, съ которымъ должно было согласоваться только морское управленіе. Ушаковъ, оставаясь въ

званіи первенствующаго члена Черноморскаго Адмиралтейскаго Правленія, состоялъ въ тоже время флотскимъ начальникомъ Севастопольскаго порта и командующимъ боевымъ флотомъ, а потому остался въ Севастополѣ, выходя ежегодно въ плаваніе съ практическою эскадрой.

По прибытіи къ мѣсту своего назначенія, Мордвиновъ посѣтилъ Николаевъ и потребовалъ отъ Фалѣева свѣдѣній о всѣхъ распоряженіяхъ и предположеніяхъ князя Потемкина. Въ представленной ему Фалѣевымъ запискѣ о всемъ сдѣланномъ и предназначенномъ для упорядоченія по морскому управленію, обозначены были слѣдующія мѣропріятія. «Заведены вблизи Николаева слободы, Богоявленская, Воскресенская и Покровская, въ которыхъ поселены заштатные церковники, неимущіе пристанища, выходцы изъ Польши и женатые рекруты. Всѣхъ ихъ приказано учить адмиралтейскимъ мастерствамъ, чтобы можно было имѣть изъ нихъ рабочихъ за плату; въ тоже время они должны заниматься земледѣліемъ. Въ Богоявленскомъ было приказано завести аптекарскій садъ и соленіе мяса для снабженія судовыхъ командъ, такъ какъ заготовляемая подрядчиками солонина часто портится на судахъ и выбрасывается за бортъ; а также приказано было сѣять горохъ, бобы и чечевицу для снабженія ими судовыхъ командъ. Близъ Елисаветграда поселены собственные крестьяне покойнаго князя, доставшіеся ему отъ матери и переведенные изъ Тульской губерніи, въ слободахъ Знаменкѣ и Богдановкѣ, всего 1356 душъ; а къ нимъ приселено изъ церковниковъ и женатыхъ рекрутъ 432, да вышедшихъ изъ Польши 45 душъ; всѣ они зачислены въ адмиралтейскіе мастеровые, съ обязательствомъ заниматься хлѣбопашествомъ для снабженія флота. Также заведенъ тамъ фарфоровый заводъ для нуждъ флота. Слободы Балацковка и Христофоровка куплены для адмиралтейства. Предполагалось всѣ впустѣ лежащія земли по Ингулу и между Николаевымъ и Херсономъ присоединить къ адмиралтейству и поселить на нихъ адмиралтейскихъ мастеровыхъ. При каждомъ адмиралтейскомъ селеніи приказано сѣять дубовыя рощи, чтобы имѣть въ будущемъ собственный адмиралтейскій лѣсъ для исправленія судовъ флота и вѣтреныя мельницы для помола зерна. Умноженіе казенныхъ мастеровыхъ предположено въ виду того, чтобы, на случай большого требованія людей для судостроенія и починки флотовъ, можно было скоро и удобно удовлетворять такую надобность на мѣстѣ, не пріискивая рабочихъ, которыхъ съ большимъ трудомъ приходилось вызывать издалека, и такіе являлись часто мало обыкшіе, которые притомъ не соглашались отправляться въ дальнія командировки, въ Севастополь и на Дунай. По Бугу и Лиману до Очакова предположено поселить на всѣ удобныя рыбныя ловли способныхъ къ тому людей,

которымъ быть лоцманами адмиралтейскаго вѣдомства. Для пристанища байдакамъ и плотамъ, отправляемымъ изъ Херсона въ Николаевъ, предположено подѣлать пристани въ удобныхъ мѣстахъ. Въ Лиманѣ и Бугѣ побить сваи, чтобы по нимъ могли тянуться въ противную погоду плоты и суда, что̀ и подѣлано въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. На рѣкѣ Ингульцѣ предположено завести для адмиралтейства водяную пильную мельницу. На Бугскихъ порогахъ предположено устроить водяныя машины для кузнечныхъ адмиралтейскихъ работъ и для оружейнаго завода. При селеніяхъ Балацковкѣ и Христофоровкѣ предположено завести пороховой заводъ, на что и планъ сдѣланъ. По изысканіямъ на Кривомъ Рогѣ найдены аспидъ и краски, которыя добываются для надобности адмиралтейства и къ постройкѣ зданій. Открытымъ въ Донскихъ земляхъ капитаномъ Скорняковымъ землянымъ углемъ предположено снабжать адмиралтейскія кузницы и отапливать казенныя зданія. Къ удобной проводкѣ кораблей приказано вычистить фарватеръ въ устьи Ингула и передъ Очаковымъ, для чего имѣть лучшія машины. Это дѣло начато уже на устьи Ингула. Для главной починки судовъ предположено сдѣлать въ Спасскомъ докъ, чтобы можно было въ немъ тимбировать ихъ за ветхостію, вслѣдствіе того, что въ Севастополѣ и въ мирное время, при большомъ числѣ транспортовъ, нельзя заготовить достаточнаго количества лѣсовъ для такихъ работъ, и обходится очень дорого; даже на мелкіе расходы доставка своевременно лѣсовъ сопряжена съ различными неудобствами и препятствіями, въ то время, какъ въ Спасскомъ всего можно имѣть значительный запасъ и несравненно дешевлѣ. Для очистки кораблей и незначительныхъ починокъ въ подводной ихъ части, завести такой же докъ въ Севастополѣ. Въ строеніи судовъ морского плаванія предположено ввести обшиваніе подводной ихъ части мѣдными листами, для легкости хода и сохраненія отъ червоядія. Корабельные чины имѣютъ чины воинскіе, бываютъ на флотахъ, заняты постоянно болѣе тяжелымъ трудомъ, сравнительно съ строевыми офицерами; поэтому предположено прибавить имъ жалованье по чинамъ, болѣе армейскихъ, и всѣмъ опредѣлены денщики по рангамъ ихъ званій. Во флотѣ всѣмъ офицерамъ, вслѣдствіе дороговизны припасовъ, предположено производить порціонныя деньги. Въ предположенномъ въ Николаевѣ училищѣ навигаціи для Черноморскаго флота имѣть штатное положеніе благородныхъ учениковъ для приготовленія во флотскіе офицеры, 360; столько же разночинцевъ для опредѣленія въ штурманы, шкиперы и другія званія. Нынѣ таковыхъ состоитъ: благородныхъ 130, а послѣднихъ 80. Для обученія корабельной архитектурѣ и другимъ адмиралтейскимъ мастерствамъ положено завести небольшое училище, на казенномъ содержа-

ніи, снабдить новѣйшими Англійскими и Французскими книгами о кораблестроеніи и прочемъ, а также планами кораблей и другихъ судовъ, изъ коихъ есть уже нѣсколько, данныхъ отъ покойнаго князя. Для обученія имѣть учителей, знающихъ Англійскій и Французскій языки, чтобы воспитанники, достигши возможности понимать и переводить тѣ книги, могли получать основательное понятіе о требующейся наукѣ и правилахъ по кораблестроенію и мастерствамъ, которыя они, по неимѣнію книгъ на Русскомъ языкѣ, пріобрѣтаютъ долговременнымъ упражненіемъ. Для этого училища опредѣлено изъ малолѣтнихъ въ корабельные ученики до 50, а въ прочія мастерства до 100 человѣкъ, на небольшое пока содержаніе, чтобы, по изученіи теоріи и достаточной практикѣ, лучшихъ изъ нихъ посылать въ чужіе краи для усовершенствованія познаній. Для флота, и особенно гребного, опредѣлено составить приморскій гренадерскій корпусъ, которому, какъ и гребной флотиліи, имѣть пребываніе въ Николаевѣ. Работы при портѣ производить сими людьми въ мирное время; ими же и лѣса гнать изъ лимана. Изъ сформированныхъ двухъ баталіоновъ и полка приказано учить людей лазать на мачты и ко всей матроской должности пріучать, чтобы въ случаѣ надобности они могли оную исполнять» *).

Удручаемый смертію своего благодѣтеля князя Потемкина, Фалѣевъ, послѣ весьма непродолжительной болѣзни, умеръ въ Николаевѣ 26 Октября 1792 года. Въ уваженіе его особенно выдающихся заслугъ, Черноморское Морское Адмиралтейское Правленіе опредѣлило похоронить его въ оградѣ Николаевскаго адмиралтейскаго собора.

По полученіи записки Фалѣева, согласно высочайшаго повелѣнія, Мордвиновъ немедленно принялъ мѣры къ приведенію къ исполненію всего незаконченнаго по приказаніямъ Потемкина, а также и его предположеній, по возможности имѣвшихся наличныхъ средствъ. Посѣтивъ Николаевъ, онъ предложилъ 22 Апрѣля строительной комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ инженеръ-полковника Князева, о возможно скорѣйшемъ окончаніи начатыхъ постройкою казенныхъ зданій; но какъ по его соображенію строющихъ домовъ будетъ недостаточно для помѣщенія ожидаемыхъ съ гребного флота штабъ и оберъ-офицеровъ, морскихъ и военныхъ служителей, то построить для нихъ еще нѣсколько домовъ, если же найдутся въ продажѣ, то купить по усмотрѣнію комиссіи. Въ тоже время имъ сдѣлано распоряженіе о продолженіи начатыхъ работъ на Кривомъ Рогѣ для добыванія аспида, красокъ и прочаго, а что̀ уже заготовлено доставить въ Николаевъ. Рав-

*) Подлинная записка Фалѣева хранится въ Николаевскомъ портовомъ архивѣ. Она была напечатана въ Запискахъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. 13.

но послѣдовало отъ него приказаніе о доставкѣ изъ Донскихъ дачъ черезъ Таганрогъ каменнаго угля.

Вновь составленные штаты, по разсмотрѣніи ихъ въ Адмиралтействъ-Коллегіи, были утверждены 27 Іюля 1794 года. Въ высочайшемъ указѣ Черноморскому Адмиралтейскому Правленію, съ препровожденіемъ этихъ штатовъ, указано:—«Съ распространеніемъ предѣловъ государства нашего, съ пріобрѣтеніемъ владычества флота Россійскаго на Черномъ морѣ и по опытамъ минувшей войны съ Портой Отоманской, оказалась сугубая необходимость въ пріумноженіи тамъ морскихъ нашихъ ополченій, сколько для охраненія самыхъ предѣловъ и удержанія во всегдашней почтительной степени флага нашего, столько и ради того, чтобы, во время войны, силы Черноморскія были въ состояніи дѣйствовать съ успѣхомъ и прилично достоинству оружія Россійскаго, толикими побѣдами прославленнаго» *). Этими штатами опредѣлено на всѣ необходимыя надобности: по судостроенію, содержанію, снабженію и вооруженію флотовъ, съ адмиралтействами, въ ежегодное ассигнованіе 2,112,246 руб. 48$^3/_4$ коп. за исключеніемъ положенныхъ по штату бомбардирскаго баталіона и гренадерскаго корпуса въ четырехъ баталіонномъ составѣ, содержаніе которыхъ отнесено въ вѣдѣніе Военной Коллегіи. Въ составъ паруснаго флота назначено: 15 кораблей не ниже 74 пушекъ каждый, 18 фрегатовъ въ 50, 36 и 28 пушекъ, 3 катера съ 12 пушками каждый. Въ составъ гребного флота опредѣлено: для дѣйствія на морѣ, совокупно съ морскимъ флотомъ, 36 судовъ, вооруженныхъ каждое 4 орудіями большого калибра и 4 меньшаго, а нѣкоторымъ имѣть мортиры; для обороны входовъ при лиманахъ, въ Севастополѣ и Керчи, такого же рода 36 судовъ, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ надобности, они могли дѣйствовать и въ морѣ. Для служенія при арміи 50 канонерскихъ лодокъ. Транспортныхъ судовъ назначено: два госпитальныхъ, два артилерійскихъ, два комисаріатскихъ и одинъ для экипажескихъ матеріаловъ. Восемь бригантинъ назначено для содержанія брандвахтъ: въ Николаевѣ, у Глубокой пристани, въ Херсонѣ, въ Очаковѣ, въ Севастополѣ, въ Керчи и Таганрогѣ. Ластовыхъ судовъ для перевозки грузовъ по портамъ Чернаго и Азовскаго морей назначено разныхъ размѣровъ двадцать одно. Почтовыхъ судовъ четыре, камелей-корабельныя одни и фрегатскія одни. Мелкихъ судовъ при флотахъ, портахъ и флагманамъ: баркасовъ 39, шлюпокъ 141 и ялботовъ 110. Расчетъ продовольствія нижнимъ чинамъ былъ составленъ по мѣстнымъ цѣнамъ заготовленія, а именно: четверть муки 1 р. 50 к., пудъ соли 26 коп.

*) Подлинные штаты хранятся въ Севастопольской морской офицерской библіотекѣ.

Въ довольствіе офицерамъ назначены порціонныя деньги ежегодно на шесть мѣсяцевъ съ тѣмъ, чтобы производить ихъ за время дѣйствительнаго состоянія на судахъ, назначаемыхъ въ плаваніе. Командирамъ судовъ, кромѣ порціонныхъ, каютныя деньги, каждому противъ оклада его жалованья. Солдатскимъ офицерамъ опредѣлены раціоны на время плаванія. Всѣмъ адмираламъ, генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, какъ на флотахъ, такъ и состоящимъ при адмиралтействахъ и управленіяхъ, назначены денщики съ производствомъ на нихъ провіанта. Въ эти штаты вошло содержаніе духовенства Николаевскаго адмиралтейскаго собора, въ которомъ назначено имѣть три священника и одного діакона. Также опредѣлено содержаніе заведеннымъ княземъ Потемкинымъ соборнымъ пѣвчимъ и хору портовыхъ музыкантовъ.

Мѣстопребываніе Черноморскаго Адмиралтейскаго Правленія назначено было въ Николаевѣ. Вслѣдствіе этого Мордвиновъ, въ виду такого назначенія, сдѣлалъ предварительное распоряженіе по строительной коммиссіи о постройкѣ для себя дома (нынѣшній дворецъ) съ флигелями и службами; а также для размѣщенія экспедицій Правленія и служащихъ въ нихъ. Самъ Мордвиновъ основался въ Николаевѣ въ 1794 году, въ построенномъ для него домѣ; переселеніе же всего управленія изъ Херсона въ Николаевъ совершилось въ 1795 году, о чемъ состоялось постановленіе Черноморскаго Адмиралтейскаго Правленія 28 Апрѣля того года. Въ Херсонѣ, къ этому времени, учреждена была особая контора надъ портомъ, съ назначеніемъ контръ-адмирала Голенкина капитаномъ надъ портомъ. Такія же конторы учреждены были въ Севастополѣ и Таганрогѣ.

12 Апрѣля 1794 года состоялся слѣдующій указъ Черноморскаго Адмиралтейскаго Правленія. «Какъ вслѣдствіе утвержденнаго штата Кадетскій Корпусъ предположенъ быть въ Николаевѣ, для того приказали: перевестъ въ Николаевъ Кадетскій Корпусъ и расположить его тамъ въ приготовленномъ для него строеніи (нынѣшняя Спасская казарма), предоставивъ сіе попеченію и распоряженію капитана 1 ранга Языкова; а къ исполненію по комиссаріатской части дать съ сего копію».

Основаніемъ этого корпуса послужила гимназія, которая была учреждена высочайшимъ повелѣніемъ 17 Апрѣля 1775 года при Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, въ Петербургѣ, для дѣтей чужестранныхъ единовѣрцевъ, Архипелагскихъ Грековъ, переселившихся въ Россію, и Славянъ. Число воспитанниковъ въ ней было опредѣлено двѣсти. По окончаніи курса обученія они выпускались офицерами во флотъ и армію. Въ 1789 году, по ходатайству князя Потемкина, эта гимназія была переведена въ Херсонъ, съ переименованіемъ въ Училище нави-

гаціи Черноморскаго флота. Первымъ директоромъ этого училища назначенъ былъ генералъ-маіоръ Петръ Степановичъ Волконскій, а инспекторомъ—статскій совѣтникъ Козельскій, бывшій преподавателемъ артиллеріи въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Изъ означенной гимназіи присланы были въ Херсонъ, съ учителемъ капитаномъ Ждановымъ, воспитанники: Константинъ Драно, Іосифъ Галкинъ, Григорій Пуховъ, Діонисій Попандопуло, Александръ Васильевъ, Аѳанасій Данальди, Дементій Касто, Моисей Сакинъ, Гавріилъ Ѳоки, Богданъ Асланбековъ[1]), Егоръ Аргиропуло, Моисей Комнинъ, Стиліанъ Таганити, Стиліанъ Валіано, Моисей Караничъ, Ѳома Метакса, Иванъ Захаровъ, Константинъ Жоржъ, Саранда Хартуляри, Михаилъ Моденскій, Леонъ Аслановъ, Алексѣй Михайловъ. Штатъ этого Кадетскаго Корпуса въ Николаевѣ былъ опредѣленъ Мордвиновымъ въ 160 воспитанниковъ, принимавшихся изъ дворянъ, помѣщиковъ Новороссійскаго края и служащихъ въ Черноморскомъ флотѣ. На содержаніе, съ платой преподавателямъ, отпускалось ежегодно по 25820 р. Форма для этихъ воспитанниковъ была одинакова съ кадетами Морского Корпуса[2]).

Штурманское училище учреждено было въ Николаевѣ въ 1793 году, о чемъ состоялось постоновленіе Черноморскаго Адмиралтейскаго Правленія такого содержанія: «Дабы находящіеся въ Николаевѣ штурманскіе ученики могли надлежащимъ порядкомъ въ наукахъ преуспѣвать и быть полезными службѣ, завести тамъ училище, предоставивъ это распоряженію бригадира Овцына, о чемъ послать ему приказъ, а нужныя для сего книги, инструменты и все прочее требовать отъ интендантской экспедиціи, коей дать съ него копію».

Въ 1796 году, согласно опредѣленію Черноморскаго Адмиралтейскаго Правленія отъ 26 Мая того года, переведены изъ Херсона въ Николаевъ всѣ мелочныя адмиралтейскія мастерскія. Въ этомъ году учреждена въ Николаевѣ казенная типографія морского вѣдомства.

6 Ноября 1796 года скончалась императрица Екатерина II. Вслѣдъ затѣмъ, 12 Ноября, состоялось высочайшее повелѣніе о бытіи въ вѣдѣніи Государственной Адмиралтейской Коллегіи Черноморскому Адмиралтейскому Правленію, со всѣми флотами, портами и верфями, въ вѣдѣніи сего Правленія состоящими. Тѣмъ же указомъ вице-адмиралъ Мордвиновъ назначенъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ Чернаго моря; а вице-адмиралъ Ушаковъ назначенъ флотскимъ начальникомъ Севастопольскаго порта и командующимъ

[1]) Отецъ нашего морскаго удальца Авраамія Богдановича. П. Б.

[2]) Этотъ Кадетскій Корпусъ былъ закрытъ, по высочайшему повелѣнію, въ 1798 году; а бывшіе въ немъ воспитанники переведены въ Петербургъ, въ Морской Кадетскій Корпусъ.

дѣйствующими силами Черноморскаго флота. 17 Ноября того же года послѣдовала общая перемѣна формы по флотамъ для одежды всѣхъ морскихъ чиновъ. 25 Февраля 1797 года изданъ былъ морской уставъ. 26 Февраля того же года состоялся слѣдующій высочайшій указъ: — «Учредить въ Николаевѣ и въ Севастополѣ тактическіе классы, въ которыхъ собираться ежедневно всѣмъ тѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ, кои того дня не будутъ заняты службой, для прохожденія тактики, эволюціи, навигаціи, практикѣ и корабельной архитектурѣ; равномѣрно читать уставъ. Для сего избрать помѣщеніе приличное и снабдить нужными для преподаванія руководствами». 1 Января 1798 года утверждены были новые штаты флотовъ, которыми положено содержать на Черномъ морѣ—кораблей въ 100, 70 и 60 пушекъ, пятнадцать; а фрегатовъ десять; къ этому имѣть двѣ бомбарды и два катера. Гребной флотиліи, разныхъ транспортныхъ и для другихъ надобностей судовъ —268. Корабельный флотъ долженъ былъ составлять въ Черномъ морѣ одну дивизію, раздѣленную на три эскадры. Въ этомъ году сформирована команда военныхъ служителей, изъ 15 комисіонеровъ и 418 нижнихъ чиновъ, для посылокъ къ заготовленію провіанта, провизій, лѣсовъ и разныхъ другихъ предметовъ, необходимыхъ для флота и адмиралтействъ, по примѣру такой же команды Балтійскаго флота *).

Командированный по высочайшему повелѣнію въ 1798 году для инспекціи Черноморскаго флота и адмиралтействъ контръ-адмиралъ Карцевъ, въ донесеніи, сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ Николаевѣ, куда онъ прибылъ 7 Февраля, два корабельныхъ стапеля оставались праздными. Въ Адмиралтействѣ не производилось никакихъ особенныхъ работъ. Оно со всѣми магазинами расположено противъ стапелей, построено изъ мѣстной плиты, и всѣ зданія покрыты дранью. Въ городѣ имѣется до 75 казенныхъ зданій, въ коихъ помѣщаются чины Правленія, экспедиціи и флотскіе офицеры; нижніе чины занимаютъ одноэтажныя казармы. Въ Николаевскомъ Мореплавательномъ Училищѣ находится до 160 дѣтей, большею частью офицерскихъ, также изъ Грековъ и Малороссіянъ. Въ немъ преподаются: математика, навигація, языки Греческій и Французскій и прочіе необходимые научные предметы. Въ Херсонѣ Карцевъ нашелъ три корабельныхъ стапеля, на которыхъ строилось два 74 пушечн. корабля. Канатный заводъ деревянный, длиною 250 саженъ; въ немъ вырабатывается довольно хорошій такелажъ. Разные портовые магазины, а также мастерскія и казармы довольно ветхія. Пушечный литейный заводъ, съ двумя плавильными печами и

---

*) Дѣла Николаевскаго Портового Архива и Историческое обозрѣніе устройства Управленія Морскимъ Вѣдомствомъ, В. Чубинскаго.

машиной для сверленія, стоитъ давно въ бездѣйствіи. Въ Севастополѣ производились только починки и исправленіе кораблей, но никакихъ судовъ не строится. Флотскихъ адмираловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ состоитъ 7126, морской артиллеріи 1236, флотскихъ Черноморскихъ баталіоновъ 1130, интендантскаго вѣдомства 390, а всего 10088 человѣкъ. Адмиралтейство, съ его магазинами и разными мастерскими, построено въ заведеніе порта, при входѣ въ гавань, на низменномъ берегу. Киленбанкъ съ магазинами помѣщенъ въ другой бухтѣ. Корабли, фрегаты и прочія суда расположены на якоряхъ возлѣ берега, въ который врыты якоря для закрѣпленія швартововъ. Всѣ суда содержатся чисто и со всевозможной бережливостью; но только причиняется большой вредъ въ фальшивыхъ обшивкахъ отъ червей, коими здѣшнія воды изобилуютъ, почему каждое судно необходимо килевать черезъ каждые два года. Главныхъ строеній никакихъ не производилось, а только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по бухтѣ, гдѣ стоятъ корабли и прочія военныя суда, уравнивался берегъ къ построенію магазиновъ для удобнаго расположенія корабельныхъ вещей. Противъ многихъ судовъ пристани окончены, и на нихъ сложены артилерія и запасный рангоутъ, а въ магазинахъ помѣщены припасы и такелажъ. Казармы для служителей построены на высотахъ береговъ кругомъ гавани и противъ каждаго корабля; они каменныя и покрыты черепицей, а нѣкоторыя землей; другія же достраивались. Всѣ они вообще весьма сухи и чисты. Строеніе казармъ, корабельныхъ магазиновъ и отдѣлка береговъ производились корабельными служителями, безъ всякой платы отъ казны, и только съ небольшимъ употребленіемъ казенныхъ матеріаловъ. Пороховыхъ погребовъ нѣтъ; но порохъ хранится въ прибрежныхъ пещерахъ, нарочно вырытыхъ большею частью въ Инкерманѣ. Каменный двухъ-этажный госпиталь на триста человѣкъ построенъ на высокомъ берегу южной бухты, противъ города; содержится въ наилучшемъ порядкѣ. При немъ казарма для госпитальныхъ служителей. Въ городѣ двѣ церкви: одна построена отъ казны и трудами нижнихъ чиновъ, а другая Греческая. Домовъ казенныхъ двадцать; прочіе же, большею частью, принадлежатъ флотскимъ офицерамъ и адмиралтейскимъ чинамъ. При входѣ въ заливъ, на сѣверномъ и южномъ мысахъ, построены для защиты входа сильныя каменныя батареи. На верфи, построенной по проекту князя Зубова, въ 1796 году въ Кинчакѣ, Карцевъ нашелъ три стапеля, на которыхъ строились три большія транспортныя судна; здѣсь жители жили въ деревянной казармѣ и въ землянкахъ. Въ Одесскомъ портѣ, основанномъ вице-адмираломъ Де-Рибасомъ и находившемся въ завѣдываніи контръ-адмирала Пустошкина, строились портовыя казармы, госпиталь, магазины, ма-

стерскія и обнесеніе гавани моломъ. Въ портѣ этомъ находилось тридцать канонерскихъ лодокъ и десять другихъ военныхъ судовъ. Въ Керчи имѣлось небольшое адмиралтейство, при которомъ состояло всѣхъ чиновъ 168 человѣкъ и пять канонерскихъ лодокъ. По объясненію Карцева, въ Новопавловскѣ судостроеніе прекратилось съ 1779 года, а въ Новохоперскѣ съ 1789 года; изъ нихъ всѣ матеріалы доставлены были въ Таганрогъ, но въ обоихъ этихъ мѣстахъ находилось по 20 человѣкъ команды для присмотра за разрушавшимися казенными ветхими деревянными строеніями. На верфяхъ у Рогожскихъ хуторовъ и Гнилой Тони судостроеніе производилось до 1795 года, а въ Таганрогѣ до 1791 года. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ найденъ складъ желѣзныхъ вещей, якорей и разныхъ сортовъ желѣза, доставляемыхъ для флота съ Камскаго зовода, которыя изъ Таганрога отправляются въ другіе Черноморскіе порты. Кромѣ того, въ Таганрогскихъ магазинахъ оказалось много парусины и полотенъ. Всѣ имѣвшіяся въ этомъ портѣ адмиралтейскія строенія, офицерскіе дома и служительскія казармы пришли въ упадокъ, ветшая безъ починокъ. Разнаго званія чиновъ при этомъ портѣ состояло 1350. На Луганскомъ заводѣ, Екатеринославской губерніи, строились литейныя мастерскія, въ которыхъ предположено отливать новыя орудія для флота, съ доставкою ихъ къ Таганрогу для разсылки на транспортныхъ судахъ по другимъ портамъ.

На имя Ушакова получено было высочайшее повелѣніе 25 Іюля 1798 года такого содержанія: «Господинъ вице-адмиралъ Ушаковъ! По полученіи сего вы имѣете, со ввѣренной вамъ эскадрою, отправиться немедленно въ крейсерство къ Константинопольскому проливу, куда прибывъ, пошлите предварительно одно изъ легкихъ судовъ къ министру нашему въ Константинóполѣ, г. тайному совѣтнику Тамарѣ, извѣстя его, что вы имѣете повелѣніе отъ насъ. Буде Порта потребуетъ помощи, то имѣете тотчасъ слѣдовать и содѣйствовать Турецкому флоту противъ Французовъ, хотя бы то и далѣе Константинополя случилось» *).

Получивъ 4 Августа такое повелѣніе, Ушаковъ пополнилъ запасы по снабженію судовъ и командъ и вышелъ 13 Августа изъ Севастополя, съ эскадрою въ составѣ шести кораблей, семи фрегатовъ и трехъ посыльныхъ судовъ. Относительно снаряженія и качества судовъ этой эскадры онъ сообщалъ графу Кушелеву отъ 5 Августа: «Долгомъ поставляю къ свѣдѣнію вашему сіятельству донести, что корабли и фрегаты въ прошлую войну строились съ великой поспѣшно-

---

*) Къ составленію очерка служили руководствомъ: Жизнь Ѳ. Ѳ. Ушакова, Р. Скаловскаго, Исторія войны 1799 г., сочиненіе Милютина, Исторія Севастополя, соч. Головачева.

стью, только чтобы поспѣвали на военное дѣло; отъ такого поспѣшнаго строенія не такъ крѣпки, а часто и многія гнилости уже въ членахъ показываются. Артилерія на всѣхъ судахъ весьма тяжелая; посему, когда выхожу на море, стараюсь для сбереженія судовъ избѣгать крѣпкихъ вѣтровъ и уходить въ закрытіе къ берегамъ».

Вслѣдствіе полученнаго отъ Тамары увѣдомленія, что Порта съ благодарностью принимаетъ пособіе Россіи, Ушаковъ вошелъ въ проливъ 24 Августа и сталъ на якорь у Буюкдере. Турки, называя Русскаго адмирала Ушакъ-паша, приняли его съ большимъ почетомъ, а султанъ прислалъ ему золотую табакерку, богато украшенную бриліантами, и двѣ тысячи червонцевъ для команды. Съ 28 Августа начались совѣщанія Дивана, совмѣстно съ Русскимъ и Англійскимъ посланниками и адмираломъ Ушаковымъ. Результатомъ этихъ совѣщаній было принятіе мнѣнія Русскаго адмирала, чтобы немедленно приступить къ освобожденію Іоническихъ острововъ и къ воспрепятствованію Французамъ усиливать ихъ гарнизоны на Албанскомъ берегу. Потомъ было опредѣлено присоединить къ Русской эскадрѣ такую же Турецкую эскадру, подъ общимъ начальствомъ Русскаго адмирала; а отъ этой соединенной эскадры отдѣлить два Русскихъ и два Турецкихъ фрегата, съ десятью Турецкими канонерскими лодками, въ помощь Англійскому отряду капитана Гульда, который тогда блокировалъ Александрійскій портъ и нуждался въ гребной флотиліи. Затѣмъ, особымъ соглашеніемъ съ Портой, условленъ былъ свободный проходъ эскадръ и всякихъ военныхъ и транспортныхъ Русскихъ судовъ изъ Чернаго моря въ Архипелагъ и обратно. Притомъ отдано было приказаніе всѣмъ начальникамъ Турецкихъ портовъ, арсеналовъ и прочихъ военныхъ и гражданскихъ учрежденій оказывать Русскимъ судамъ всякую возможную помощь; а всѣмъ пашамъ на Албанскомъ прибрежьи предписано было исполнять безотлагательно всѣ требованія Русскаго адмирала, содѣйствовать ему сухопутными войсками и заготовлять провіантъ для флота.

Адмиралъ Ушаковъ сообщилъ письмомъ начальнику Англійской эскадры въ Средиземномъ морѣ лорду Нельсону о намѣреніяхъ союзнаго флота и предложилъ ему свою помощь, если въ томъ окажется надобность. Затѣмъ онъ донесъ о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ Государю, который, рескриптомъ отъ 15 Сентября, сообщилъ: — «Распоряженіями вашими и соглашеніями съ Турецкими чиновниками, въ разсужденіи военныхъ дѣйствій, бывъ довольны, изъявляемъ вамъ наше благоволеніе». Во время пребыванія Русской эскадры у Буюкдере, Турецкія начальствующія лица, посѣщая эти суда, удивлялись дисциплинѣ, чистотѣ, порядку и тишинѣ на нихъ; при этомъ одинъ изъ Ту-

рецкихъ адмираловъ высказалъ, что на двѣнадцати Русскихъ судахъ менѣе шума, чѣмъ на одномъ Турецкомъ каикѣ. Жители города постояно собирались многочисленной толпой по вечерамъ слушать пѣсни Русскихъ матросовъ.

Русская эскадра снялась съ якоря 8 Сентября. При проходѣ мимо дворца Бешикташъ, въ которомъ султанъ имѣлъ пребываніе, матросы эскадры поставлены были на вахты, а солдаты на шкафутахъ для отданія чести ружьями съ барабаннымъ боемъ; затѣмъ раздалось общее шестикратное «ура» и салютъ съ флагманскаго корабля «Св. Павелъ», изъ 31 выстрѣла. Послѣ того, при проходѣ мимо Турецкой эскадры, былъ произведенъ салютъ капудану-пашѣ 17-ю выстрѣлами, а крѣпости 15-ю выстрѣлами, на что отъ нихъ послѣдовалъ отвѣтный салютъ. 9 числа Русская эскадра стала на якорь въ Дарданеллахъ. Здѣсь присоединилась къ ней Турецкая эскадра изъ трехъ кораблей, шести фрегатовъ и четырнадцати канонерскихъ лодокъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Кадыръ-бея, стараго и опытнаго моряка, участвовавшаго во многихъ походахъ и битвахъ. 11-го Сентября пришла изъ Константинополя вторая часть Турецкой эскадры, изъ трехъ кораблей, двухъ фрегатовъ и шести корветовъ. Экипажи всѣхъ этихъ судовъ состояли большею частью изъ людей никогда не бывавшихъ въ морѣ, набранныхъ изъ отдаленныхъ мѣстъ за нѣсколько дней до отплытія флота, а потому требовалось много усилій для обузданія ихъ своевольства и пріобученія къ дѣлу. По просьбѣ Катыръ-бея, къ нему на корабль были назначены: лейтенантъ Метакса, хорошо знавшій Турецкій языкъ, одинъ подштурманъ и два навигатора для перевода приказаній и сигналовъ и для объясненія разныхъ движеній флота.

Какъ только появилась Русская эскадра въ Буюкдере и начались переговоры о соединенномъ дѣйствіи Русско-турецкаго флота, тотчасъ же начались интриги къ противодѣйствію со стороны Австріи и Англіи. Первая выслала эмиссаровъ на Іоническіе острова, уступленные ею же Франціи послѣ уничтоженія Венеціанской республики, съ предложеніемъ островитянамъ своего покровительства и разрѣшенія поднять Австрійскій флагъ. Съ другой стороны, лордъ Нельсонъ писалъ Англійскому посланнику въ Константинополѣ Смиту, отъ 7 Октября н. ст. слѣдующее: «Я намѣренъ обратиться къ Малтѣ, Корфу и прочимъ островамъ этимъ; почему надѣюсь, что Русскому флоту назначено будетъ находиться на Востокѣ; если же допустятъ ихъ утвердиться въ Средиземномъ морѣ, то Порта будетъ имѣть порядочную занозу въ боку. Распорядившись у Мальты и оставивъ тамъ наблюдающія силы для блокады порта, я пойду къ Занте, Кефалоніи и Корфу посмотрѣть,

что можно тамъ сдѣлать». Спустя три недѣли, онъ сообщалъ тому же посланнику:—«Я надѣюсь въ скоромъ времени показаться у Корфу, Занте и прочихъ. Посылаю вамъ прокламацію, написанную мною къ жителямъ тѣхъ острововъ. Порта должна знать, какую большую опасность готовить себѣ въ будущемъ, позволивши Русскимъ занести ногу на Корфу, и я надѣюсь, что она будетъ стараться удержать ихъ на Востокѣ». Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ своихъ дѣйствій Русскій адмиралъ встрѣтилъ лукавое недоброжелательство со стороны главныхъ въ то время союзниковъ Россіи, видвинувшей свои боевыя силы на сушѣ и на морѣ въ ихъ же интересахъ, по идеальному стремленію, высказанному императоромъ Павломъ при отправленіи Суворова: «Иди спасать царей».

Военныя дѣйствія Русско-турецкаго флота противъ Французовъ начались въ слѣдующемъ послѣдовательномъ порядкѣ. 1-го Октября занятъ островъ Чериго, гдѣ взяты были двѣ крѣпости. 13 Октября занятъ островъ Занте, на которомъ разрушено было пять батарей. 17-го Октября занятъ островъ Кефалонія, на которомъ взятъ былъ значительный складъ пушекъ и разныхъ боевыхъ заготовленій. 5-го Ноября занятъ былъ островъ Мавро, на которомъ взята очень сильна укрѣпленная цитадель. На всѣхъ островахъ взято въ плѣнъ 1300 Французовъ, въ числѣ которыхъ было сто раненыхъ; а убитыхъ у нихъ было сорокъ четыре человѣка. Въ Русскомъ отрядѣ, во всѣхъ дѣйствіяхъ, убитыхъ было два и раненыхъ шесть человѣкъ. По исполненіи этихъ предпріятій союзный флотъ направленъ былъ въ Корфу.

Городъ Корфу, на островѣ того же имени, былъ обнесенъ съ береговой стороны двумя валами и сухимъ рвомъ. Онъ примыкалъ къ крѣпости, построенной на крутой скалѣ; въ ней были установлены пушки большого калибра. Для защиты этихъ укрѣпленій имѣлось около трехъ тысячъ Французовъ и до 650 орудій. Кромѣ того, на островѣ Видо, лежащемъ въ 400 саженяхъ отъ крѣпости, построено было пять батарей, при которыхъ имѣлось пятьсотъ человѣкъ. Подъ стѣнами крѣпости стояли на якоряхъ: 74 пушечный корабль «Женерё», 50 пушечный корабль, 32 пушечный фрегатъ, 24 пушечныя бомбарды, бригъ и шесть галеръ. Кромѣ корабля «Женерё», на всѣхъ прочихъ судахъ команды были неполныя. По прибытіи союзнаго флота въ Адріатическое море, Ушаковъ отрядилъ для блокады Корфу эскадру, подъ начальствомъ капитана 1 ранга Селивачева, въ которой состояло два корабля и одинъ фрегатъ Русскіе, одинъ корабль, два фрегата и одинъ корветъ Турецкіе. Эта блокада началась 24 Октября. Подойдя къ Корфу, Селивачевъ послалъ въ крѣпость капитанъ-лейтенанта Шостака съ предложеніемъ сдачи города и крѣпости. Въ этомъ

было отказано, но самъ Шостакъ былъ принятъ Французами очень любезно. Они угостили его, а также и прибывшихъ съ нимъ матросовъ; за обѣдомъ пили за его здоровье, потомъ пригласили въ театръ, а послѣ театра былъ ужинъ.

Ушаковъ прибылъ къ Корфу 9 Ноября, съ четырьмя кораблями, двумя фрегатами, и сталъ на якорь у Мисанги. Онъ немедленно распорядился занять карантинный островъ и сосѣднюю гавань Гавино, съ ея адмиралтействомъ, въ которомъ нашлось три ветхихъ корабля и одинъ фрегатъ. Затѣмъ онъ приказалъ построить береговыя осадныя батареи: одну съ сѣверной стороны на возвышенномъ холмѣ, изъ шести судовыхъ и четырехъ полевыхъ орудій; а другую съ южной стороны на возвышенности у монастыря Св. Пантелеймона, на четыре орудія. Въ тоже время свезенными на берегъ солдатами были зняты сосѣднія селенія, для защиты ихъ жителей отъ Французскихъ фуражировъ. 20 Ноября Французы сдѣлали сильную вылазку и успѣли захватить неоконченную южную батарею. Вслѣдъ затѣмъ они атаковали сѣверную батарею, но послѣ упорнаго сраженія Французы отступили, потерявъ болѣе ста человѣкъ убитыми, въ томъ числѣ баталіоннаго командира, и имѣя очень много раненыхъ. Этотъ случай заставилъ Ушакова усилить оборону сѣверной батареи, а южную, до времени, не возобновлять. Того же 20 Ноября присоединился къ флоту копитанъ 1 ранга Сенявинъ, съ кораблемъ и фрегатомъ. Вслѣдъ затѣмъ возвратились къ флоту корабль и фрегатъ, отвозившіе плѣнныхъ въ Морею. Отъ Александріи прибыли 9 Декабря два Русскихъ фрегата; а 30 Декабря прибылъ изъ Севастополя контръ-адмиралъ Пустошкинъ съ двумя вновь построенными кораблями. Такимъ образомъ къ 1 Января 1799 года у Корфу имѣлось двѣнадцать кораблей, одиннадцать фрегатовъ и нѣсколько мелкихъ посыльныхъ судовъ союзнаго флота. Въ это время, въ темную бурную ночь, когда Русскіе плохіе корабли должны были укрываться у берега, становясь на якорь, Французскій корабль «Женерё» успѣлъ прорвать блокаду, а пользуясь хорошимъ ходомъ, ушелъ въ Анкону. 20 Января начата была постройка двухъ батарей на возвышенности у монастыря Св. Пантелеймона, получившихъ тринадцать большихъ корабельныхъ орудій, семь меньшаго калибра, семь полевыхъ пушекъ и три мортиры. Эти батареи начали производить пальбу съ 30 Января, не частую, но довольно мѣткую, бросая при томъ бомбы, чѣмъ наносили значительный вредъ крѣпости и городу. Французы пытались нѣсколько разъ дѣлать на нихъ нападенія, но потерявъ при одной изъ такихъ вылазокъ болѣе пятидесяти человѣкъ, прекратили свои попытки.

Укрѣпившись на берегу, Ушаковъ рѣшился сдѣлать общее нападеніе. Къ 25 Января у него имѣлось 4250 Албанцевъ, присланныхъ пашами по его требованію. Не разсчитывая на полученіе большаго подкрѣпленія войсками отъ Турокъ, онъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: сухопутныя войска должны были брать приступомъ передовыя укрѣпленія города, а флоту назначено произвести атаку на островъ Видо, взятіе котораго было необходимо для успѣшнаго дѣйствія на приморскія батареи Корфу. Въ виду этого, долженствовавшіе принять участіе въ десантѣ матросы ежедневно практиковались въ стрѣльбѣ изъ ружей и мушкетовъ, а морскіе солдаты и Албанцы запасались фашинами и лѣстницами. По сигналу съ флагманскаго корабля «Св. Павелъ», 18 Февраля въ 7 часовъ утра началась общая атака; осадныя береговыя батареи открыли усиленную пальбу по крѣпости и городу, а флотъ направился къ острову Видо. Первое отдѣленіе флота составляли фрегаты и малыя суда; проходя подъ парусами, при сѣверо-западномъ вѣтрѣ, вдоль берега, они сбивали непріятельскія батареи, очищали выстрѣлами берегъ отъ траншей, заваловъ и окоповъ, а потомъ становились на якорь со шпрингомъ, въ разстояніи картечнаго выстрѣла, бортомъ къ атакуемымъ мѣстамъ. Передовыми были два фрегата, Русскій и Турецкій; за ними слѣдовали шкуна № 1 и Турецкій барказъ, назначенные къ истребленію двухъ Французскихъ судовъ, находившихся въ бухтѣ между первой и второй батареями; прочія суда заняли мѣста противъ всѣхъ пяти непріятельскихъ батарей. Корабль «Св. Павелъ», подъ флагомъ Ушакова, подойдя вплоть къ берегу на картечный выстрѣлъ, сталъ противъ самой сильной батареи № 2, стрѣлявшей калеными ядрами, и съ помощью находившагося возлѣ него фрегата сбилъ въ короткое время эту батарею. Въ 9 часовъ утра пальба сдѣлалась общею. Съ непріятельскихъ батарей отвѣчали сильнымъ огнемъ, который къ одиннадцати часамъ утра значительно ослабѣлъ; тогда приказано было свозить десантъ. Русскія и Турецкія войска заблаговременно были посажены на гребныя суда, а потому немедленно исполнили сигналъ. Десантомъ командовалъ контръ-адмиралъ Пустошкинъ; подъ его начальствомъ состояло: штабъ и оберъ-офицеровъ и солдатъ 742, матросовъ и канонеровъ 677 и Турецкихъ войскъ разнаго наименованія 750 человѣкъ. Гребныя суда приставали въ разныхъ мѣстахъ. Не смотря на сильное сопротивленіе и на множество препятствій, десантныя войска проникли въ глубь острова и преслѣдовали бѣгущихъ Французовъ, которые, бросивъ батареи, старались скрыться въ траншеяхъ; большая часть ихъ укрылась въ отдѣльномъ укрѣпленіи, которое однако вскорѣ было взято. Изъ бывшихъ въ это время на островѣ до восьмисотъ Французовъ взято въ плѣнъ: комендантъ гене-

ралъ Пиврòнъ, 20 офицеровъ и 402 нижнихъ чиновъ; убитыхъ и потонувшихъ у нихъ было до двухсотъ человѣкъ, а остальные успѣли спастись на гребныхъ судахъ, перейдя подъ выстрѣлами въ главную крѣпость. Потеря Русскихъ состояла: убитыхъ изъ судовыхъ командъ восемь и ранено двадцать восемь; въ военной командѣ—убитыхъ двадцать и ранено пятьдесятъ пять; Турки потеряли столько же. О дѣйствіи Турецкихъ судовъ въ этой атакѣ въ донесеніи Ушакова высказано: «Они были позади насъ и не близко отъ острова; если же и стрѣляли на оный, то черезъ насъ, и два ядра въ бокъ моего корабля посадили».

Въ то время какъ флотъ былъ занятъ овладѣніемъ островомъ Видо, наши береговыя батареи, усиленныя огнемъ двухъ кораблей, фрегата и аката, громили южную часть городскихъ укрѣпленій до пяти часовъ вечера; потомъ, по приказанію Ушакова, Албанцы и Турки, подкрѣпленные матросами и солдатами, бросились на штурмъ наружныхъ пристроекъ. Французы защищались храбро и упорно уступали каждый шагъ; но осаждавшіе, спустившись въ ровъ, приставили лѣстницы, взобрались на стѣны, овладѣли наружными укрѣпленіями и заставили непріятелей удалиться во внутреннюю крѣпость. Потеря въ людяхъ въ этомъ дѣлѣ состояла: Русскихъ убито 22, ранено 72; Турокъ и Албанцевъ убито 61, ранено 92.

Убѣдясь въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, командовавшій Французскими войсками генералъ Шабò и генеральный комиссаръ Дюбоà написали Ушакову: «Господинъ адмиралъ! Мы думаемъ, что безполезно жертвовать жизнью многихъ храбрыхъ воиновъ, какъ Французскихъ, такъ Русскихъ и Турецкихъ, находящихся передъ Корфу. Поэтому предлагаемъ вамъ перемиріе, на сколько времени вы разсудите необходимымъ для постановленія условій о сдачѣ этой крѣпости». На это Ушаковъ отвѣчалъ полнымъ согласіемъ и назначилъ перемиріе на 24 часа. На другой день была подписана капитуляція о сдачи крѣпости, со всѣмъ военнымъ имуществомъ и военными судами. Всѣ плѣнные, числомъ 2931, отправлены были въ Тулонъ, кромѣ раненыхъ, оставленныхъ до выздоровленія. За взятіе Корфу Ушаковъ произведенъ былъ въ адмиралы, а Пустошкинъ въ вице-адмиралы. Султанъ Селимъ III прислалъ Ушакову драгоцѣнное бриліантовое перо на шляпу, соболью шубу и тысячу червонцевъ; а для раздачи офицерамъ и нижнимъ чинамъ Русской эскадры три тысячи пятьсотъ червонцевъ.

О содѣйствіи вообще Турецкихъ судовъ Ушаковъ доносилъ слѣдующее: «Вся блокада, во всѣхъ разсылкахъ по разнымъ мѣстамъ и всѣ успѣхи производились одними моими судами. Отъ Турецкой эскад-

ры, кого ни посылалъ я, пойдетъ часа на два, а потомъ возвращается назадъ; когда же прикажу крейсировать и не приходить ко флоту, то отошедши, становится на якорь и дремлетъ».

По окончаніи дѣлъ первой необходимости, по принятію военнаго имущества и отправки плѣнныхъ, Ушаковъ немедленно приступилъ къ исправленію своихъ судовъ, которыя до такой степени разстроились во время зимней блокады и отъ плаванія въ бурныя погоды, что почти у всѣхъ, а особенно у мелкихъ судовъ, открылась значительная течь, и ихъ надо было килевать; кромѣ того, были многія поврежденія въ корпусахъ и рангоутахъ, полученныхъ при атакѣ острова Видо. Корабли «Богоявленіе» и «Троица» оказались до того ветхи, что на исправленіе ихъ потребовалось очень много времени и только для того, чтобы они могли сдѣлать переходъ до Севастополя. Эта необходимость экстренной починки много затруднилась тѣмъ, что въ мѣстной продажѣ не было лѣсныхъ матеріаловъ, а найденныхъ въ Корибескихъ магазинахъ бревенъ, досокъ, пеньки, гвоздей и такелажа, а также и матеріаловъ, полученныхъ отъ разборки ветхихъ Французскихъ кораблей въ портѣ Гавино, было очень недостаточно. Въ продовольствіи судовыхъ командъ также возникли большія затрудненія. По договору съ Портой Турецкое правительство обязалось продовольствовать Русскую эскадру на свой счетъ и доставлять припасы частію натурой, на четыре мѣсяца впередъ, а частію деньгами по шести-сотъ тысячъ піастровъ на каждые четыре мѣсяца; но въ исполненіи этихъ условій оказалось крайнее замедленіе. При выходѣ изъ Севастополя, по недостатку тамъ наличныхъ запасовъ, суда эскадры не могли обезпечить себя достаточнымъ снабженіемъ. Присланныя потомъ изъ Севастополя три небольшія транспортныя судна не могли удовлетворить достаточно наличную потребность; а посылавшіяся суда изъ Константинополя и изъ Мореи съ провіантомъ погибали на пути отъ господствовавшихъ въ то время бурь, или получали такую течь, что весь грузъ подмокалъ и оказывался негоднымъ. Ушаковъ въ донесеніи Государю отъ 18 Декабря 1798 года высказалъ, что «скоро отъ совершеннаго неимѣнія на эскадрѣ провіанта будемъ находиться въ крайне бѣдственномъ состояніи. Островъ Корфу, будучи блокированъ, тоже провіанта не имѣетъ достаточно». 31 Марта 1799 года онъ писалъ посланнику Тамарѣ: «Офицеры и служители за долгое время не получаютъ жалованья и никакого довольствія. По неимѣнію же припасовъ невозможно приступить и къ исправленію судовъ. Также и прочія разныя обстоятельства повергаютъ меня въ великое уныніе. Изъ всей исторіи не знаю и не нахожу примѣровъ, чтобы когда-либо флотъ могъ находиться въ отдаленности безъ всякихъ снабженій и въ такой крайности, въ какой мы

теперь находимся». Такое неутѣшительное положеніе Русской эскадры въ Адріатическомъ морѣ еще болѣе усложнялось тѣмъ, что зима съ 1798 на 1799 годъ была очень суровая и бурливая, отчего суда, не отличавшіяся крѣпостью постройки, много страдали, а потому и команды ихъ много изнурялись.

Удрученная заботливость Ушакова еще болѣе отягощалась весьма обширнымъ дѣлопроизводствомъ. Онъ долженъ былъ вести личную переписку съ Неаполитанскимъ и Турецкимъ министрами, съ Русскими посланниками въ Константинополѣ, Вѣнѣ и Неаполѣ, съ начальниками Англійскихъ эскадръ, съ разными пашами и другими Турецкими чиновниками; къ тому же, приходилось постоянно разбирать жалобы жителей Іоническихъ острововъ, составлять подробныя донесенія своему Государю, Адмиралтейской Коллегіи и Черноморскому начальству, сочинять инструкціи всѣмъ судамъ и отрядамъ, отправляемымъ отъ союзнаго флота, и самому вести всю интендантскую часть, по исправленію судовъ и по довольствію командъ. А между тѣмъ у него не было не только порядочной канцеляріи, но ни одного офицера обладающаго знаніями для иностранной корреспонденціи. По этому поводу онъ сообщалъ графу Кушелеву, отъ 10 Марта 1799 года, слѣдующее:—«При теперешнихъ обстоятельствахъ, да и всегда, дѣлъ столь много, что если бы со мною было десять писцовъ, то не успѣли бы всего исполнить. Я никого такого не имѣю, кто могъ бы писать выслушавши только одно содержаніе, а потому запруженъ и измученъ такъ, что теряю послѣднія силы и третій день совсѣмъ почти боленъ. Въ письменныхъ дѣлахъ обуза пренесносная; она отягощаетъ меня до безконечности и отводитъ отъ исполненія другихъ важныхъ дѣлъ».

Въ такой бѣдственной обстановкѣ находилась Русская эскадра, изъ судовъ большею частью ветхихъ, подъ флагомъ хотя дѣятельнаго и заслуженнаго вождя, но лишеннаго средствъ содержать ее въ приличномъ, безбѣдномъ и вполнѣ исправномъ состояніи. Только разумной находчивостью и силою своей энергіи, съ полнымъ самоотверженіемъ, этотъ адмиралъ, вселяя въ своихъ подчиненныхъ терпѣніе, бодрость и отвагу къ перенесенію тягостныхъ лишеній и непомѣрнаго труда, сумѣлъ извернуться въ такомъ критическомъ положеніи, стремясь неуклонно исполнить безупречно возложенныя на него порученія.

По соглашенію Россіи съ Турціей было рѣшено образовать изъ Іоническихъ острововъ особенную независимую республику, подъ покровительствомъ Россіи и Турціи. Пока велись переговоры по этому соглашенію, Ушаковъ учредилъ въ Корфу временное правительство, возложивъ высшую правительственную власть на Сенатъ и вызвалъ со всѣхъ семи острововъ депутатовъ для выбора должностныхъ лицъ.

Введеніе новаго учрежденія на прочихъ островахъ онъ поручилъ капитанъ-лейтенанту Тизенгаузену. Появленіе этого уполномоченнаго производило между островитянами неописанный восторгъ: во всѣхъ церквахъ служились молебствія, поднимались иконы и хоругви для его встрѣчи и устраивались торжества. Извѣстіе о такомъ событіи на Іоническихъ островахъ, о великодушіи и благосклонности Русскихъ, о дисциплинѣ и кроткомъ ихъ обращеніи, быстро распространилось по всѣму Архипелагу, производя всюду сочувственное уваженіе къ Русскому народу.

Неаполитанскій король Фердинандъ IV, вынужденный Французами удалиться изъ Неаполя въ Сицилію, обратился за помощью къ великодушію Русскаго монарха. Вслѣдствіе этого велѣно было Суворову послать отрядъ войскъ въ помощь королю, а Ушакову приказано оказать содѣйствіе флотомъ. Предварительно, въ полной увѣренности на помощь, король Фердинандъ послалъ въ Корфу кавалера Мишеру съ просьбой къ Русскому адмиралу, чтобы онъ, не ожидая повелѣнія изъ Петербурга, отрядилъ часть флота къ Неаполитанскимъ берегамъ для поддержанія народнаго возстанія. Мишеру прибылъ въ Корфу 29 Марта. Въ тоже время прибыли туда и депутаты отъ городовъ Бриндизи и Лечче, съ просьбою о защитѣ ихъ отъ притѣсненій Якобинцевъ. Ушаковъ вручилъ этимъ депутатамъ прокламацію къ Неаполитанцамъ и обѣщалъ имъ прислать эскадру.

По исправленіи судовъ, составленъ былъ отрядъ изъ четырехъ Русскихъ фрегатовъ и двухъ Турецкихъ корветовъ, подъ начальствомъ капитана 2 ранга Сорокина, который прибылъ въ Бриндизи 21 Апрѣля; къ нему присоединился и кавалеръ Мишеру на Сицилійскомъ корветѣ. Кромѣ того, былъ посланъ въ Отранто капитанъ-лейтенантъ Макшеевъ съ одной Русской шкуной и четырьмя Турецкими канонерскими лодками; онъ нашелъ въ Отранто полное спокойствіе, а потому присоединился къ отряду Сорокина. Появленіе союзной эскадры произвело большое смятеніе между республиканцами. Французскій комендантъ въ Бриндизи садился въ это время, со своимъ штабомъ, за обѣденный столъ, но былъ вдругъ пораженъ такимъ неожиданнымъ извѣстіемъ; онъ бросилъ все свое имущество и, едва успѣвъ собрать свой гарнизонъ, вышелъ съ нимъ изъ города, сопровождаемый республиканцами. Сорокинъ, по просьбѣ Мишеру, занялъ укрѣпленіе своимъ отрядомъ, выслалъ къ окрестнымъ мѣстамъ суда, приближеніе которыхъ разсѣяло республиканскіе отряды. Оставивъ въ Бриндизи Макшеева со шхуной, онъ пошелъ вдоль берега къ Сѣверу и возстановлялъ всюду королевскую власть. Только небольшой городъ Мало поднялъ республиканскій флагъ; но картечные выстрѣлы на близкомъ разстояніи заста-

вили немедленно поднять королевскій флагъ и прислать депутатовъ съ заявленіемъ покорности. Подойдя къ Бари, гдѣ по слухамъ преобладали республиканцы, онъ увидѣлъ на укрѣпленіяхъ королевскій флагъ. Къ нему явились тотчасъ депутаты съ изъявленіемъ покорности. Онъ, занявъ своимъ десантомъ укрѣпленіе, съѣхалъ вмѣстѣ съ Мишеру на берегъ и отслужилъ торжественный молебенъ въ соборѣ, въ которомъ находятся мощи Св. Николая Мирликійскаго Чудотворца. Оставивъ въ Бари на нѣкоторое время фрегатъ «Св. Николай», подъ командой капитанъ-лейтенанта Марина, онъ продолжалъ плаваніе и посѣщалъ городки и замки, салютовавшіе ему и изъявлявшіе покорность. По прибытіи въ Манфредонію, явились къ Сорокину депутаты отъ разныхъ городовъ и селеній изъ города Фиджіо съ заявленіями покорности. Мишеру, зная хорошо состояніе страны, просилъ его послать отрядъ въ Фиджіо и далѣе для возстановленія порядка, на что Сорокинъ изъявилъ согласіе. Составленный для этого десантный отрядъ изъ 390 матросовъ и солдатъ съ четырьмя пушками, подъ начальствомъ капитанъ - лейтенанта Белли, былъ свезенъ на берегъ 9 Мая. Къ этому отряду присоединилось 30 матросовъ съ Сицилійскаго корвета и 60 всадниковъ изъ жителей Манфредоніи. Мишеру также отправился съ этимъ отрядомъ.

Белли вышелъ въ тотъ же день и 10 Мая прибылъ въ Фиджіо. Въ то время тамъ была ярмарка, и множество людей, собравшихся изъ окрестностей, съ изумленіемъ увидѣли среди себя незваныхъ гостей съ дальняго Сѣвера. Мишеру немедленно распорядился о возстановленіи прежняго королевскаго порядка, а Белли принималъ являвшихся къ нему депутатовъ отъ всѣхъ городовъ Капитаната и Молиссе, съ изъявленіемъ благодарности и покорности. Получивъ извѣстіе, что двѣ тысячи республиканцевъ идутъ къ Фиджіо, онъ немедленно двинулся къ нимъ навстрѣчу; но слухъ о приближеніи Русскихъ разсѣялъ ихъ. Послѣ этого онъ расположился у Монтекавелло, въ 17 верстахъ отъ Фиджіо, и построилъ тамъ укрѣпленіе, назвавъ его «Св. Павелъ». Мишеру, въ одной изъ своихъ депешъ, доносилъ своему королю:—«Три недѣли спустя по прибытіи нашемъ въ Бриндизи, вся страна была покорена до воротъ Неаполя. Этотъ быстрый переходъ отъ ига демократіи къ монархической власти совершился безъ пролитія крови, среди ликованій и благословеній народа. Конечно не было другого примѣра подобнаго событія; одни лишь Русскія войска могли совершить такое чудо. Какая храбрость! Какая дисциплина! Какіе кроткіе, любезные нравы! Здѣсь боготворятъ ихъ, и память о Русскихъ останется въ нашемъ отечествѣ на вѣчныя времена». Отправивъ отрядъ въ Фиджіо, Сорокинъ въ тоже время вошелъ въ сношеніе съ

кардиналомъ Руффо, который собралъ значительный, но нестройный отрядъ, изъ разныхъ бродягъ и бѣглыхъ солдатъ, и находился въ Альтамуро. Кардиналъ обрадовался прибытію Русскихъ и просилъ прислать отрядъ на соединеніе съ его необузданной толпой, носившей названіе «Рать святой вѣры». Сорокинъ изъявилъ на это согласіе. Назначивъ пунктомъ соединенія Арсано, онъ призналъ нужнымъ подкрѣпить отрядъ Белли посылкою ему еще 560 человѣкъ, съ шестью орудіями; притомъ, съ этимъ новымъ отрядомъ было послано нѣсколько сотъ ружей и большое количество военныхъ запасовъ для раздачи ополченіямъ. Кромѣ этого подкрѣпленія къ отряду Белли присоединялись постепенно вооруженные жители изъ окрестностей, а графъ Мурули, изъ Барлеты, привелъ двѣсти всадниковъ.

Капитанъ-лейтенантъ Белли двинулся со своимъ увеличеннымъ отрядомъ 24 Мая отъ Монтекавелло къ Арсано. На другой день прибыли туда и толпы кардинала. Здѣсь союзники оставались трое сутокъ, и Русскіе офицеры, по просьбѣ кардинала, устраивали и обучали его милицію. 28 Мая эти союзники двинулись къ Неаполю. Въ это время республиканское правительство переживало тамъ смутные дни. Народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ возстановленія королевской власти, даже былъ открытъ заговоръ, имѣвшій цѣлью истребленіе республиканцевъ; толпы роялистовъ стремились къ Неаполю. Республиканское правительство начало формировать легіоны, но едва удалось набрать десять тысячъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ только вполнѣ надежный Калабрійскій легіонъ въ двѣ тысячи отчаянныхъ республиканцевъ. Начальство надъ этими легіонами принялъ военный министръ Монтонъ, человѣкъ твердаго характера, храбрый и предпріимчивый; но когда онъ призналъ возможнымъ двинуться на встрѣчу роялистамъ, въ то время показалась Англійская эскадра въ виду Неаполя. Вслѣдствіе этого тотчасъ принялись исправлять береговыя укрѣпленія, строить новыя батареи, вывозить орудія. Неаполитанцы принялись усердно за работу; даже многія женщины высшаго сословія таскали камни и бревна. Хотя гавань была прикрыта, но Англичанамъ удалось занять острова Искію и Прочиду, не смотря на дѣятельную предпріимчивость высланной къ ихъ защитѣ флотиліи. Въ это время появились съ Сѣвера и Юга королевскія ополченія. Выступившія на встрѣчу имъ республиканскіе легіоны были опрокинуты, а потому пришлось ограничиться только защитою города. На главныхъ въѣздахъ были построены батареи; улицы загородили барикадами; дворцы и церкви приведены въ оборонительное положеніе. Въ такомъ состояніи былъ Неаполь, когда союзное войско Белли-Руффо приближалось къ нему.

Въ авангардѣ этого войска слѣдовалъ Русскій отрядъ съ шестью пушками. Какъ только онъ подошелъ къ Портичи, республиканцы, занимавшіе фортъ Гранателло, бѣжали. Занявши фортъ милиціонерами, Белли продолжалъ наступать по береговой линіи. На этомъ пути находился небольшой фортъ Вильено; занимавшіе его республиканцы рѣшились обороняться, но Русскіе смѣло пошли на штурмъ, овладѣли фортомъ и водрузили въ немъ королевское знамя. Въ Неаполѣ главныя силы защитниковъ расположились за рѣкой Себето. Мостъ на ней Св. Магдалины былъ прикрытъ укрѣпленіемъ съ шестью орудіями большого калибра. Двѣ тысячи республиканцевъ, подъ начальствомъ генерала Виртца, вышли на встрѣчу Русскаго отряда, сопровождаемые съ праваго фланга флотиліей изъ вооруженныхъ лодокъ. Белли поспѣшно выставилъ на берегъ свою батарею, которая встрѣтила сильнымъ огнемъ непріятельскія суда; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, двѣ лодки были потоплены, а остальныя поторопились уйти. Тогда Русскій отрядъ быстро направился къ мосту, выбилъ непріятеля изъ предмостнаго укрѣпленія, прорвался за мостъ, разогналъ республиканцевъ и захватилъ ихъ пушки. Это дѣло было произведено съ такой отвагой и быстротой, что въ атакующеиъ не было ни одного убитаго, и только три раненыхъ; непріятель же понесъ значительныя потери и самъ генералъ Виртцъ былъ убитъ.

Какъ только Русскіе заняли мостовое укрѣпленіе, «Рать святой вѣры» густыми толпами распространилась въ садахъ предмѣстій Неаполя. Республиканцы, подъ начальствомъ генераловъ Бессетти и Серра, приготовились защищать высоты, господствующія надъ городомъ; но вооруженные лацарони, около четырехъ тысячъ человѣкъ, собравшіеся на главномъ рынкѣ, узнавши, что Русскіе овладѣли мостомъ Св. Магдалины, бросились на республиканскія войска съ крикомъ «Да здравствуетъ король!» Республиканцы едва могли пробиться къ замку Кастель-Нуово. Затѣмъ кардиналу Руффо открылся свободный путь; его ополченцы устремились на городъ, истребляя все, что попадалось на пути. 3 и 4 Іюня почти безпрерывно продолжался бой на улицахъ; кардинальская сволочь нѣсколько разъ была отбиваема, но наконецъ овладѣла всѣмъ городомъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Неаполь представлялъ страшную картину буйства и грабежа, совершаемыхъ «Ратью святой вѣры». Только съ помощью Русскихъ удалось возстановить спокойствіе въ городѣ, когда уже множество домовъ было разграблено, а улицы были завалены трупами людей. Кавалеръ Мишеру, донося объ этомъ, высказалъ слѣдующее: «Русскіе одни нѣсколько дней охраняли спокойствіе Неаполя и общимъ голосомъ провозглашены спасителями нашего

«отечества». Въ дальнѣйшемъ подвижничествѣ для исполненія своего назначенія Русскій отрядъ участвовалъ во взятіи укрѣпленій Кармине, Кастель-Нуово, Дель-Ово, Сентъ-Эльмо, и городовъ Капуи и Гаэты, совмѣстно съ Неаполитанскими, Англійскими и Португальскими войсками.

Императоръ Павелъ, получивъ донесеніе о вступленіи Русскаго отряда въ Неаполь, сказалъ слѣдующее: «Белли думалъ удивить меня; такъ и я удивлю его». Вслѣдствіе этого состоялся высочайшій указъ о пожалованіи капитанъ-лейтенанту Белли ордена св. Анны 1-й степени. Въ рескриптѣ къ Суворову Его Величество высказалъ:—«Сдѣланное капитанъ-лейтенантомъ Белли въ Неаполѣ доказываетъ, что Русскіе люди на войнѣ всѣхъ прочихъ будутъ бить, да и тѣхъ, кои съ ними, научатъ».

Въ проѣздъ черезъ Вѣну, Суворовъ просилъ Русскаго посла графа Разумовскаго сообщить Ушакову, чтобы онъ отрядилъ часть флота въ Венеціанскій заливъ, для обезпеченія продовольствія союзной арміи и для наблюденія за Анконой, въ которой находились Французскія военныя суда. Получивъ такое предложеніе 24 Апрѣля, Ушаковъ послалъ туда отрядъ подъ начальствомъ в.-а. Пустошкина, изъ трехъ кораблей, четырехъ фрегатовъ, одного корвета и трехъ мелкихъ судовъ; въ этой эскадрѣ находилось, въ числѣ другихъ, пять Турецкихъ судовъ. Къ этому отряду присоединился Португальскій корабль, прибывшій въ Корфу съ разными особами Неаполитанскаго и Римскаго дворовъ, которыя были отправлены въ Тріестъ на Русскомъ фрегатѣ.

Подойдя къ Анконѣ, 7 Мая, Пустошкинъ убѣдился, послѣ сдѣланной рекогносцировки, что этотъ городъ имѣетъ сильную крѣпостную защиту, а входъ въ бухту оберегаютъ два корабля; на рейдѣ замѣчены фрегатъ, бригантина и нѣсколько купеческихъ судовъ. Оставшись блокировать этотъ портъ, онъ вошелъ въ сношеніе съ Австрійскимъ начальствомъ въ Тріестѣ и въ Венеціи, о присылкѣ десантныхъ войскъ. Присланныя по его требованію на флотиліи четыре Австрійскія роты овладѣли Равеной, Чезанатино и Римини. Затѣмъ этотъ отрядъ открылъ связь съ инсургентами, занимавшими въ то время Пезаро. Получивъ подробныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ этомъ краѣ, Пустошкинъ рѣшился сдѣлать высадку въ Пезаро, для чего онъ отрядилъ нѣсколько судовъ, съ которыхъ было высажено 30 Мая на берегъ двѣсти человѣкъ, Русскихъ и Турокъ, съ тремя пушками. Этотъ отрядъ, соединившись съ инсургентами, выбилъ Французовъ изъ Фано и Сенигами, заставивъ ихъ ретироваться въ Анкону. Послѣ этого, пользуясь содѣйствіемъ инсургентовъ, Пустошкинъ предполагалъ обложить Анкону съ сухого пути, но 6-го Іюня получилъ приказаніе отъ Уша-

кова: «Оставить Анкону и со всей эскадрой идти въ Корфу». Проходъ черезъ Гибралтаръ Французскаго флота въ Средиземное море, вышедшаго изъ Бреста въ числѣ двадцати пяти кораблей и направившихся въ Тулонъ, а вслѣдъ затѣмъ проходъ черезъ Гибралтаръ вышедшаго изъ Кадикса Испанскаго флота, въ такой же численности, на соединеніе съ Французскимъ флотомъ, поставили Нельсона въ весьма затруднительное положеніе, при незнаніи назначенія этого союзнаго флота. Чтобы усилить свои средства и быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ, онъ предложилъ Ушакову соединиться съ нимъ и дѣйствовать совмѣстно. Вслѣдствіе такого предложенія Русскій адмиралъ сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ въ Корфу всѣхъ командированныхъ имъ судовъ. Но прежде, нежели исполнить желаніе главнокомандовавшаго Англійскимъ флотомъ, онъ вынужденъ былъ заняться починкою своихъ судовъ, на что потребовалось значительное время. Отправивъ къ Анконѣ три фрегата и одинъ корветъ, подъ командой капитана 2 ранга графа Войновича, на смѣну отряда Пустошкина, Ушаковъ, послѣ сбора судовъ и ихъ исправленія, прибылъ со всѣмъ соединеннымъ флотомъ 3 Августа въ Мессину. Отсюда понадобилось отрядить двѣ эскадры: одну, по требованію Суворова, для крейсерства у Генуи и у Тосканскаго берега, для чего были назначены два корабля и два мелкихъ судна, подъ начальствомъ Пустошкина; а другую, по желанію короля Фердинанда, въ Неаполь, для чего было назначено три фрегата, подъ начальствомъ капитана 2 ранга Сорокина. Въ это время къ союзному флоту присоединилась эскадра изъ трехъ кораблей, прибывшихъ изъ Кронштадта подъ начальствомъ контръ-адмирала Карцева.

По приказанію Государя, желавшаго непремѣнно занять Русскимъ гарнизономъ Мальту, Ушаковъ, на совѣщаніи въ Палермо, требовалъ немедленно приступить къ береговой осадѣ города Виллетты, занятаго Французами, къ чему онъ предлагалъ свое содѣйствіе; но Нельсонъ, предполагая самолично идти къ Мальтѣ, старался всѣми возможными доводами отклонить Русскаго адмирала отъ его намѣренія. Съ первой встрѣчи Нельсонъ и Ушаковъ не сошлись. Русскій адмиралъ смотрѣлъ съ подозрѣніемъ на всѣ дѣйствія и предложенія Англійскаго лорда и не довѣрялъ искренности его льстивыхъ фразъ. Съ другой стороны, Нельсонъ, гордившійся своей славой, видѣлъ съ досадой, что Русскій адмиралъ не хотѣлъ быть въ числѣ его поклонниковъ, не подчинялся Англійскимъ расчетамъ, держалъ себя самостоятельно и независимо. Онъ писалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ, командиру Трубриджу, объ Ушаковѣ, что этотъ «держитъ себя такъ высоко, что это невыносимо; подъ вѣжливой наружностью въ немъ скрывается медвѣдь»: Къ тому же, въ Русскомъ флотѣ онъ видѣлъ сопер-

ника Англійскому и боялся, чтобы Русскіе не утвердились въ Средиземномъ морѣ. Отклоняя Ушакова отъ Мальты, онъ постоянно заботился, чтобы не допустить на этомъ островѣ Русскаго господства.

Во время стоянія Русско-Турецкаго флота въ Палермо, команды Турецкихъ судовъ отличались большимъ безчинствомъ и наконецъ совершенно отказались повиноваться своему начальству; вслѣдствіе этого Ушаковъ предложилъ Кадыръ-бею отправиться со своей эскадрой въ Дарданеллы, что онъ и исполнилъ немедленно. Затѣмъ Русскій флотъ перешелъ въ Неаполь, куда прибылъ 3 Сентября. Въ гавани стоялъ отрядъ Сорокина и одинъ Англійскій корабль. Къ Русскому адмиралу немедленно явились начальствующія лица, гражданскія, военныя и морскія, а также командиръ Англійскаго корабля командоръ Трубриджъ, которому Ушаковъ въ тотъ же день отдалъ визитъ и былъ принятъ на Англійскомъ кораблѣ со всѣми почестями. Когда адмиралъ, замѣтивъ готовность корабля къ отплытію, спросилъ о причинѣ ухода, то Трубриджъ отвѣчалъ, что получилъ приказаніе идти къ Чивита-Веккіи, собрать тамъ Англійскія суда и прибыть съ ними на соединеніе съ адмираломъ Нельсономъ. Въ день прибытія Русскаго флота, по просьбѣ начальствующихъ, былъ высаженъ десантъ для усиленія карауловъ въ городѣ. Когда на другой день Ушаковъ съѣхалъ на берегъ, то жители привѣтствовали его радостными криками. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ осматривалъ магазины, арсеналы, заводы, адмиралтейство и другія учрежденія и сдѣлалъ смотръ ново-набраннымъ королевскимъ войскамъ, въ числѣ четырнадцати тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ только пять тысячъ имѣли ружья, аммуницію и мундиры. Изъ этихъ новобранцевъ одна тысяча отправлена ранѣе къ Риму.

По просьбѣ Неаполитанскаго правительства, адмиралъ сдѣлалъ распоряженіе о сформированіи отряда изъ 820 Русскихъ и 1500 Неаполитанцевъ, подъ начальствомъ полковника Русской службы Спикора. Отрядъ этотъ имѣлъ назначеніе отправиться въ Римъ. Во время формированія этого отряда было получено извѣстіе, что командиръ Трубриджъ, по прибытіи въ Чивита-Веккію, успѣлъ склонить Французскаго генерала Гарнье, находившагося въ весьма стѣснительномъ положеніи, къ сдачѣ занятыхъ имъ пунктовъ въ Римской области Неаполитанцамъ, а Чивита-Веккію Англичанамъ, съ тѣмъ, чтобы его войска, не считаясь военно-плѣнными, могли свободно отправиться въ свое отечество. Русско-неаполитанскій отрядъ вступилъ въ столицу Св. Петра 30 Сентября. Еще далеко за воротами онъ былъ встрѣченъ множествомъ народа. Русская колонна двигалась впередъ медленно среди густой толпы. Римляне съ любопытствомъ и удивленіемъ тѣснились, чтобы посмотрѣть на людей, пришедшихъ съ далекаго Сѣвера для

водворенія у нихъ порядка, такъ какъ Неаполитанцы занимались грабежомъ и разбоемъ. Улицы были переполнены народомъ; окна и балконы были увѣшаны коврами. Пылкіе Итальянцы рукоплескали, махали платками, бросали имъ цвѣты, и всюду гремѣло *eviva Moscovito*! Русскій отрядъ расположился въ монастырѣ Св. Августины и занялъ въ городѣ важнѣйшіе посты, а главный караулъ былъ поставленъ на площади у палаццо Боргезе. Неаполитанцы заняли замокъ Св. Ангела. Въ это время отрядъ судовъ графа Войновича, совмѣстно съ инсургентами, содѣйствовавшими ему съ береговой стороны, осаждалъ Анкону. Желая усилить осаждающихъ этотъ городъ, Ушаковъ сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи изъ Рима къ Анконѣ шестисотъ человѣкъ Русскихъ и столько же Неаполитанцевъ; но вслѣдъ затѣмъ отмѣнилъ это приказаніе, согласившись на просьбу королевскаго намѣстника въ Римѣ Нессели, который сообщалъ ему, что, съ уходомъ Русскихъ, Римъ можетъ быть снова погруженъ въ крайнія смуты и даже королевству Неаполитанскому можетъ угрожать опасность.

Въ началѣ Октября Ушаковъ получилъ неожиданное предложеніе отъ лорда Нельсона предпринять соединенными силами осаду Вилетты. Эта крѣпость давно находилась въ блокадѣ, но держалась упорно. Хотя Нельсонъ совѣтовалъ Мальтійцамъ взять ее съ помощью Англійскаго отряда, который преполагалось доставить изъ Гибралтара въ числѣ 2700 человѣкъ, но Мальтійцы объявили, что ничего не предпримутъ пока не прибудутъ Русскіе. Такая перемѣна въ желаніи Англійскаго адмирала удивила Ушакова; а потому, онъ сначала отказалъ ему въ своемъ содѣйствіи, напомнивъ совѣщанія въ Палермо и поступокъ Трубриджа; но Нельсонъ повторилъ свое предложеніе, а король Фердинандъ подкрѣпилъ эту просьбу своимъ заявленіемъ. Руководствуясь желаніемъ своего Государя, чтобы непремѣнно овладѣть Мальтой, Ушаковъ наконецъ рѣшился собрать свои силы въ Неаполѣ и приказалъ полковнику Спикору выступать изъ Рима, который и прибылъ въ Неаполь 5 Ноября. На другой день прибыли въ его вѣдѣніе гренадерскіе баталіоны, подъ командой князя Вяземскаго, назначенные по высочайшему повелѣнію для содержанія гарнизона въ Вилеттѣ, когда она будетъ взята. Задержанный въ Неаполѣ починкою кораблей и заготовленіемъ провизій, въ которыхъ очень нуждались Мальтійцы, а также и противными бурными вѣтрами, Ушаковъ могъ выйти только 20 Декабря, оставивъ въ Неаполѣ, попрежнему, караулы и три фрегата подъ командой Сорокина. Прибывъ къ Мальтѣ 22 Декабря, онъ въ тоже время получилъ запоздалое высочайшее повелѣніе, отъ 23 Октября, которымъ предписывалось ему возвратиться со всѣмъ флотомъ въ Черное море, забравъ съ собою не только баталі-

оны князя Вяземскаго, но и тѣ, которые находились въ Корфу. Вслѣдствіе этого онъ отбылъ въ Мессину и послалъ оттуда приказанія всѣмъ своимъ отрядамъ соединиться съ нимъ въ Корфу, куда направился и самъ немедленно.

Вице-адмиралъ Пустошкинъ, крейсируя у Генуи и не зная о разрывѣ между двумя имперіями, принялъ участіе въ нападеніи на Геную, по просьбѣ командавшаго Австрійскимъ корпусомъ графа Кленау. Русскій десантный отрядъ, подъ начальствомъ маіора Гамена, двинулся 2 Декабря къ Генуѣ въ авангардѣ Австрійской колонны. На другой день, сбивъ Французскіе посты, онъ подошелъ къ предмѣстіямъ города. 4 числа была назначена рѣшительная атака. Въ 8 часовъ утра атакующія двинулись впередъ; но Французы, не выжидая нападенія, сами вышли къ нихъ навстрѣчу. Кленау рѣшился встрѣтить ихъ съ фронта, а Русскому отряду, раздѣленному на двѣ части, предложилъ обойти непріятеля съ обоихъ фланговъ. Русскіе исполнили это порученіе и проникли въ предмѣстіе города; но Австрійцы не выдержали нападенія и начали отступать въ безпорядкѣ. Французы упорно преслѣдовали ихъ и отрѣзали многія части, клавшія оружіе безъ сопротивленія, а лѣвая Австрійская колонна почти вся была захвачена ими, или истреблена. Русскій отрядъ очутился одинъ въ тылу непріятеля. Окруженный со всѣхъ сторонъ Французскими войсками и вооруженными жителями, осыпаемый пулями изъ домовъ, высотъ и садовъ, онъ рѣшился проложить себѣ дорогу штыками; потерявъ при этомъ 75 человѣкъ, онъ не только пробился, вынеся своихъ раненыхъ, но, мимоходомъ, выручилъ еще полсотни Австрійскихъ егерей, готовившихся положить оружіе. По донесенію Пустошкина, главной причиною пораженія былъ большой безпорядокъ въ Австрійскихъ войскахъ.

Ушаковъ прибылъ съ флотомъ въ Корфу 8 Января 1800 г. и немедленно приступилъ къ исправленію судовъ. Въ это время, кромѣ двухъ батальоновъ князя Вяземскаго, расположенныхъ временно гарнизономъ въ Корфу, прибыли изъ Чернаго моря, въ отрядѣ капитана 2 ранга Пустошкина, еще два батальона, подъ начальствомъ г.-маіора Бороздина, назначенные высочайшимъ повелѣніемъ составить гвардію короля Обѣихъ Сицилій.

Въ концѣ Января Ушаковъ получилъ новое повелѣніе, чтобы эскадры были направлены въ крейсерство у береговъ Италіи и Сициліи. Въ тоже время Порта просила послать эскадру къ берегамъ Египта, о чемъ писалъ къ нему и лордъ Кейтъ, прося содѣйствія въ той странѣ. Такъ какъ суда Русскаго флота были въ весьма плохомъ состояніи, то были приняты самыя энергическія мѣры къ починкѣ и ремонтировкѣ ихъ, но большая часть изъ нихъ долго еще не могла

выйти въ море для исполненія всѣхъ вышеозначенныхъ требованій. Менѣе другихъ пострадалъ Балтійскій отрядъ; а потому эти три корабля, подъ командой контръ-адмирала Карцева, были снаряжены и отправлены 20 Марта въ крейсерство, между Африканскимъ берегомъ, Мальтой и Сициліей. Вице-адмиралу Пустошкину было поручено оставаться у береговъ Сициліи, а въ случаѣ надобности дѣйствовать совмѣстно съ Карцевымъ. Отрядъ Бороздина, назначенный составлять гвардію короля Фердинанда, былъ отправленъ въ Неаполь на тѣхъ же судахъ, которыя доставили его изъ Чернаго моря.

Лѣтомъ Французы одержали рѣшительный успѣхъ надъ Австрійцами и снова овладѣли сѣверной Италіей. Король Фердинандъ опять обратился къ Ушакову съ просьбой о помощи, а Порта повторила просьбу о посылкѣ эскадры къ Египту. Въ полученныхъ же въ то время рескриптахъ императора Павла подтверждалось прежнее повелѣніе, чтобы всему флоту идти въ Черное море, а батальоны князя Вяземскаго и Бороздина перевезти на Мальту, если крѣпость Вилетта сдана. Поставленный въ затруднительное положеніе такими разнорѣчивыми требованіями, Ушаковъ собралъ совѣтъ, который постановилъ, чтобы предоставить Сорокину и Бороздину защиту Неаполитанскаго короля, а всѣмъ прочимъ судамъ по сборѣ ихъ идти въ Черное море. Распорядившись о соединеніи всѣхъ своихъ крейсерскихъ отрядовъ и о подготовкѣ судовъ къ обратному плаванію, Ушаковъ замѣнилъ Русскій гарнизонъ въ Корфу двумя ротами, сформированными изъ мѣстныхъ обывателей, а затѣмъ прибылъ въ Босфоръ 31 Августа и сталъ у Буюкдере. Турецкое правительство оказало всевозможные знаки вниманія Русскому флоту и его главнокомандовавшему: дипломатическій корпусъ и высшіе Турецкіе чиновники сдѣлали адмиралу визиты, а султанъ прислалъ ему великолѣпное бриліантовое перо въ знакъ особеннаго къ нему благоволенія. Флотъ этотъ прибылъ въ Севастополь 26 Октября; всѣ суда вошли въ гавань и разоружились, окончивъ кампанію. Балтійскіе корабли, «Исидоръ», «Азія» и «Побѣда» были зачислены въ составъ Черноморскаго флота; а батальоны князя Вяземскаго отправлены въ Херсонъ. Эскадра Сорокина изъ трехъ фрегатовъ, по просьбѣ Неаполитанскаго короля и согласно высочайшему повелѣнію, оставалась въ Неаполѣ до 1803 г.; а потомъ прибыла въ Севастополь, доставивъ туда и баталіоны г.-маіора Бороздина.

Во время этого похода, продолжавшагося два съ четвертью года, на судахъ, не обладавшихъ ни прочностью постройки, ни удовлетворительными качествами, часто при продовольственномъ лишеніи отъ недостатка свѣжей доброкачественной пищи, съ переутомленіемъ отъ постоянной усиленной работы, особенно въ неблагопріятныя погоды,

потеря въ судовыхъ командахъ разнаго званія простиралась до 400 человѣкъ, въ числѣ которыхъ умершихъ отъ болѣзней было 301. Съ такой незначительной потерей Черноморскій флотъ совершилъ много славныхъ подвиговъ въ Адріатикѣ и въ Италіи; имя Русскаго пользовалось большимъ почетомъ; даже гордые Англичане вынуждены были просить содѣйствія Русскаго адмирала. Наши моряки и морскіе солдаты являлись тамъ безукоризненными исполнителями царской воли, избавителями угнетенныхъ иноземнымъ игомъ, произведшимъ внутреннюю крамолу. Всюду, гдѣ появлялись, они заслуживали сердечную пріязнь мѣстныхъ обывателей своимъ кроткимъ обхожденіемъ, строгой, разумной дисциплиной, бравой отвагой на пользу чуждыхъ имъ людей. Русскій флотъ можетъ вполнѣ гордиться такими подвигами былыхъ Черноморцевъ. Ихъ адмиралъ, прямодушный, неустанно заботливый начальникъ о благосостояніи своихъ подчиненыхъ, пріобрѣлъ неувядаемую память въ дѣяніяхъ Русскаго флота. Во всѣхъ его распоряженіяхъ высказывалось благоразуміе опытнаго моряка, мудрая находчивая сообразительность флотоводца и чувство истиннаго Русскаго добродушія.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ сынъ помѣщика, изъ дворянъ Тамбовской губерніи, родился въ 1745 г. Обучался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Произведенъ въ мичманы въ 1766 г. Назначенъ былъ въ Черноморскій флотъ въ 1768 г. и съ того времени постоянно служилъ въ этомъ флотѣ до 1801 года. 17 Января 1807 г. онъ вышелъ въ отставку, поселился въ своемъ Козловскомъ имѣніи и умеръ въ 1817 г.

Во время отсутствія и ратованія Черноморскаго флота, въ его административномъ управленіи произошли перемѣны. Высочайшимъ повелѣніемъ 21 Января 1799 года адмиралъ Мордвиновъ былъ потребованъ въ Петербургъ, арестованъ тамъ на заставѣ, а затѣмъ уволенъ отъ службы безъ прошенія. Вмѣсто его былъ назначенъ адмиралъ Виллимъ Петровичъ Фондезинъ. Этотъ адмиралъ, по окончаніи обученія въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, постоянно плавалъ на судахъ Русскаго флота и былъ участникомъ въ Чесменскомъ сраженіи въ званіи командира корабля. Въ послѣднее время, передъ назначеніемъ главнокомандующимъ Черноморскимъ флотомъ, онъ состоялъ въ должности директора Балтійскаго штурманскаго училища и исправлялъ должность главнаго командира Кронштадтскаго порта. Въ началѣ 1801 года адмиралъ Ѳ. Ѳ. Ушаковъ былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ, съ назначеніемъ членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Вмѣсто него, флотскимъ начальникомъ въ Севастополѣ и командующимъ находившимся въ немъ флотомъ назначенъ былъ вице-адмиралъ Пустошкинъ.

Высочайшимъ приказомъ 4 Августа 1802 года главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ былъ назначенъ адмиралъ

Иванъ Ивановичъ маркизъ де-Траверсе. Этотъ адмиралъ, родомъ Французъ, съ раннихъ лѣтъ опредѣленъ былъ въ морскую службу. Онъ особенно отличился въ войнѣ за независимость Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Командуя въ то время разными судами, онъ взялъ 22 приза, въ томъ числѣ одинъ фрегатъ Англійскаго флота, и съ незначительнымъ десантомъ овладѣлъ укрѣпленіями на островѣ Христофора въ Вестъ-Индіи. За эти подвиги онъ получилъ Французскій орденъ Людовика и Американскій Цинцинати. За отличіе по службѣ былъ награжденъ чиномъ капитанъ-командора. Онъ эмигрировалъ въ 1791 году въ Швейцарію, приглашенъ былъ поступить въ Русскую службу и въ томъ же году былъ зачисленъ контръ-адмираломъ въ Балтійскій флотъ, какъ человѣкъ съ просвѣщеннымъ умомъ и обладавшій большими дарованіями. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ къ нему императора Александра I. Высочайшимъ приказомъ 20 Марта 1805 года, къ должности главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ присоединено званіе Николаевскаго и Севастопольскаго военнаго губернатора. Административная распорядительность маркиза де-Траверсе выказалась въ слѣдующей дѣятельности. Въ Николаевѣ, въ 1803 году, было учреждено депо картъ, съ библіотекой и кабинетомъ рѣдкостей. Къ этому депо присоединена типографія, при которой заведена литографія. Учреждена мастерская мореходныхъ инструментовъ, для которой построено было особое зданіе. 14 Января 1804 года состоялся высочайшій указъ на имя Военной Коллегіи, объ устройствѣ училищъ для обученія сиротъ воспитательнаго дома, «дабы, какъ сказано въ указѣ, всѣ полки получали изъ нихъ, соразмѣрно надобности, молодыхъ людей, приготовленныхъ на военную службу въ разныя должности, а артиллерія преимущественно болѣе способныхъ и болѣе сближенныхъ понятіями». Такъ какъ это распоряженіе касалось и флота, то по соглашенію морского министра съ маркизомъ де-Траверсе, въ Николаевѣ было учреждено Училище флотскихъ юнговъ, для подготовленія въ немъ содержателей, шкиперовъ, фельдшеровъ и писарей; при этомъ Училищѣ было учреждено особое артиллерійское отдѣленіе, для подготовленія въ немъ юношей къ производству въ унтеръ-офицеры и офицеры морской артиллеріи. Штурманское училище, попеченіемъ этого адмирала, приняло былое основательное устройство. Въ немъ число преподаванія наукъ увеличено введеніемъ Закона Божія, алгебры, геометріи, исторіи, физики и языковъ Французскаго и Италіянскаго. Штатъ воспитанниковъ въ этомъ училищѣ, принимаемыхъ изъ офицерскихъ дѣтей, былъ назначенъ 152, а сумма на содержаніе опредѣлена въ 35542 рубля. Вмѣстѣ съ тѣмъ маркизомъ было возбуждено ходатайство объ учрежденіи Черноморскаго

кадетскаго корпуса, для дѣтей флотскихъ офицеровъ и дворянъ южнаго края; но это ходатайство не осуществилось по недостатку денежныхъ средствъ.

Еще 15 Февраля 1800 года состоялся слѣдующій приказъ по флоту:—«Государь Императоръ, видя изъ донесеній адмирала Ушакова, что суда на Черномъ и Средиземномъ моряхъ до того повреждаемы бываютъ червями, что обшивка почти отваливается прочь, а потому самые корабли подвергаются чрезъ то опасности, высочайше соизволилъ предположить всѣ корабли и фрегаты, имѣющіеся строиться въ тамошнихъ портахъ, обшивать мѣдью». Такое высочайшее повелѣніе впервыя было примѣнено въ 1803 году, при постройкѣ въ Херсонѣ корабля «Правый», при чемъ въ строеніе этого корабля было введено и мѣдное крѣпленіе подводной части.

Для предупрежденія мореплавателей отъ опасности, маркизомъ де-Траверсе устроены въ Азовскомъ морѣ береговые и плавучіе маяки отъ Керчь-еникальскаго пролива до Таганрога, а на Черномъ морѣ построены Очаковскій и Севастопольскій маяки.

Въ проектѣ, представленномъ маркизомъ де-Траверсе на высочайшее усмотрѣніе 2 Апрѣля 1803 года, предполагалось отдѣлить въ Севастополѣ всѣ казенныя зданія отъ партикулярныхъ съ тѣмъ, чтобы всѣ помѣщенія для морскихъ командъ и офицеровъ построить по восточной сторонѣ южной бухты, на противоположномъ городу возвышенномъ берегѣ. Адмиралтейство предполагалось устроить въ карантинной бухтѣ; а въ глубинѣ этой бухты возвести элинги и сухіе доки для капитальныхъ исправленій судовъ въ подводной части; мокрый же докъ онъ предлагалъ построить въ углубленіи южной бухты. Въ 1805 году маркизъ ходатайствовалъ объ укрѣпленіи Севастополя съ сухого пути. Въ этомъ представленіи онъ высказалъ слѣдующее: —«Несчастливое положеніе Севастопольскаго порта много затрудняетъ въ принятіи надежнѣйшихъ мѣръ, поелику отъ Стрѣлецкой бухты и далѣе, со стороны моря, непріятель можетъ имѣть покушеніе. Батареи хотя охранены будутъ съ тыла, но по положенію мѣста непріятель всегда будетъ имѣть преимущество и командовать оными». Въ 1809 году имъ представленъ былъ проектъ о возведеніи Севастополя на степень первоклассной крѣпости, для чего весь городъ обнести каменными стѣнами, съ надлежащими бастіонами и рвами *).

*) Головачевъ, Исторія Севастополя.

Составленнымъ въ 1808 году штатнымъ положеніемъ, Черноморское Правленіе, по примѣру Адмиралтействъ-Коллегіи, было раздѣлено на экспедиціи одинаковыхъ правъ съ экспедиціями Адмиралтействъ-Коллегіи, но съ тѣмъ только, что власть надъ Черноморскими экспедиціями сосредоточивалась въ лицѣ главнаго командира на тѣхъ же основаніяхъ, какъ экспедиціи Адмиралтействъ-Коллегіи въ сей послѣдней. При главномъ командирѣ была учреждена особая канцелярія, получившая наименованіе Управленіе Черноморскаго Департамента. Въ вѣдѣніе этого департамента поступили также депо картъ и мастерская мореходныхъ инструментовъ. Къ 1 Января 1807 года въ Черноморскомъ флотѣ числилось судовъ годныхъ къ плаванію: кораблей шесть, фрегатовъ шесть, яхта одна, галіотовъ четыре, корветовъ одинъ, бриговъ четыре, бригантинъ восемь, канонерскихъ лодокъ 82.

Съ объявленіемъ войны съ Турціею, въ концѣ 1806 года, по Черноморскому флоту было сдѣлано распоряженіе, чтобы изготовиться весною къ походу въ Босфоръ, для сопровожденія туда двадцати мушкатерскихъ и гарнизонныхъ баталіоновъ, въ числѣ семнадцати тысячъ человѣкъ. Планъ этотъ, составленный морскимъ министромъ Чичаговымъ и одобренный Государемъ Императоромъ, заключался въ такомъ предположеніи. «Флоту быть подъ командой вице-адмирала Пустошкина и ему исполнить слѣдующее: 1. Выступить изъ Севастополя въ началѣ Апрѣля, идти не разобщаясь съ перевозочными судами, забирать встрѣчающіяся суда, развѣдывать отъ нихъ о Турецкомъ флотѣ, приблизиться къ Константинопольскому проливу ночью, или въ туманное время, незамѣтно отъ Турокъ. 2. Войдя въ проливъ, обратить огонь на береговыя батареи, заставить ихъ замолчать или сбить ихъ, и плыть далѣе; а потомъ, въ одно и тоже время, начать высадку у Буюкдере, бомбардированіе, пущаніе брандеровъ и атаку Турецкаго флота. 3. Принудивъ непріятельскія суда отступить, немедленно продолжать слѣдованіе къ Константинополю, стрѣлять по немъ съ моря, а десанту наступать на столицу съ сухого пути. 4. При успѣхѣ, требовать отъ Порты свободнаго прохода чрезъ Дарданеллы эскадрѣ адмирала Сенявина, которая будетъ находиться въ Архипелагѣ. 5. Если встрѣтится великая и непредвидѣнная опасность, или невозможно будетъ овладѣть Цареградомъ и возвратиться въ Русскіе порты, то пробиться черезъ Дарданеллы въ Архипелагъ и соединиться съ эскадрою Сенявина».

Приготовленіе къ походу въ Босфоръ было возложено по морской части на маркиза де-Траверсе, а по сухопутной части на Новороссій-

скаго генералъ-губернатора дюка де-Ришелье. Эти уполномоченные, при первомъ личномъ свиданіи, признали полную невозможность исполнить предписанный походъ, весьма смѣлый по идеѣ, но совершенно несогласующійся со средствами, имѣющимися для такого предпріятія. Въ ихъ общемъ донесеніи было, между прочимъ, сказано:—«Въ назначенныхъ къ десанту тринадцати мушкатерскихъ и семи гарнизонныхъ батальонахъ, за выборомъ изъ нихъ людей въ полевые полки, остались солдаты старые, ненадежные къ военнымъ дѣйствіямъ, а штабъ и оберъ-офицеры опредѣлены въ гарнизоны по неспособности къ армейской службѣ; да и тѣхъ, за выборомъ изъ нихъ во вновь сформированные полки, нѣтъ и третьей части противъ штатнаго положенія. Съ такимъ войскомъ нельзя ручаться за успѣхъ, и мы не осмѣливаемся отваживать на удачу честь и славу Россіи». По полученіи этого донесенія въ Петербургѣ предписанный походъ былъ отмѣненъ.

Вслѣдствіе полученнаго извѣстія, что въ Синопѣ находится вновь построенный, но еще не вооруженный Турецкій корабль и что для прикрытія его и конвоированія предположено выслать изъ Константинополя три фрегата, главнымъ командиромъ Черноморскаго флота было поручено капитанъ-командору Перскому пройти въ Синопъ, съ однимъ кораблемъ, двумя фрегатами и брандеромъ, и овладѣть тамъ новымъ кораблемъ. Перскій прибылъ 4 Марта 1807 года по назначенію и увидѣлъ невооруженный корабль, стоявшій возлѣ крѣпости. Онъ собралъ совѣтъ изъ командировъ судовъ, который, по его донесенію, рѣшилъ, что взять корабль подъ выстрѣлами крѣпости нельзя, а что жестокость вѣтровъ можетъ учинить жертвою Турокъ какое-либо изъ порученныхъ ему судовъ. Раздѣляя такое мнѣніе, Перскій возвратился въ Севастополь. На донесеніи объ этомъ, императоръ Александръ I собственноручно написалъ: «Если бояться выстрѣловъ, то никакого военнаго предпріятія совершить будетъ невозможно».

Пребываніе эскадры Сенявина въ Архипелагѣ и блокада имъ Дарданеллъ вынудили Турокъ обратить весь свой флотъ къ Архипелагу, а потому главныя силы Черноморскаго флота находились въ бездѣйствіи. Только фрегаты и мелкіе крейсеры, плавая на сообщеніи Константинополя съ Анатолійскимъ и Румелійскимъ прибрежьями, имѣли назначеніе препятствовать доставкѣ къ Босфору разныхъ снабженій. Желая дать занятіе этому флоту, Государь Императоръ приказалъ истребить Анапу, которая служила гнѣздомъ хищниковъ, и тѣмъ отнять у Турокъ возможность содѣйствовать набѣгамъ горцевъ на Русскія владѣнія. Исполненіе этого порученія было возложено на вице-

адмирала Пустошкина, который съ четырьмя кораблями, шестью фрегатами и нѣсколькими мелкими судами, имѣя десантомъ одинъ баталіонъ солдатъ, прибылъ 27 Апрѣля къ Анапѣ. На другой день было приказано одному кораблю и одному фрегату подойти къ крѣпости на близкое разстояніе и открыть огонь; потомъ сдѣлано распоряженіе о свозѣ на берегъ десанта. Въ непродолжительное время, мѣткими выстрѣлами съ корабля и фрегата, была подбита часть крѣпостныхъ орудій; въ крѣпости и на ея форштатѣ загорѣлись зданія. Вслѣдствіе этого комендантъ призналъ необходимымъ съ гарнизономъ удалиться изъ крѣпости. Въ это время мичманъ Невѣровскій, возвращаясь къ эскадрѣ по окончаніи высадки десанта, замѣтилъ бѣгство Турокъ, а потому подошелъ къ крѣпости, взобрался со своими матросами на валъ, разогналъ нѣсколько горцевъ оставшихся для грабежа, и поднялъ Русскій флагъ. Десантный отрядъ, по высадкѣ, встрѣченъ былъ значительнымъ отрядомъ горцевъ, которые были имъ разсѣяны. Замѣтивъ Русскій флагъ на крѣпости, отрядъ этотъ вошелъ въ нее и занялся тушеніемъ пожара для спасенія отъ огня пороховыхъ складовъ и запасныхъ магазиновъ. Въ послѣдующіе дни были доставлены на суда крѣпостныя пушки, а съ ними и разное военное имущество; потомъ истреблены всѣ уцѣлѣвшія зданія и взорваны укрѣпленія. Исполнивъ въ точности приказаніе Государя Императора «истребить гнѣздо хищниковъ», эскадра возвратилась въ Севастополь.

Въ этомъ году вице-адмиралъ Пустошкинъ уволенъ былъ по прошенію въ отставку, а вмѣсто него флотскимъ начальникомъ въ Севастополѣ назначенъ былъ вице-адмиралъ Николай Львовичъ Языковъ.

1808-й году происходили совѣщанія съ Турціею о мирѣ, поэтому военныхъ дѣйствій морскихъ не предпринималось.

Въ началѣ 1809 года, по поводу войны съ Англіей, Севастополь приведенъ былъ въ оборонительное положеніе. На сѣверномъ берегу его рейда, у западной входной оконечности, было устроено пять земляныхъ батарей; а на южной сторонѣ воздвигнута линія земляныхъ укрѣпленій отъ карантинной бухты до южной. Для усиленія дѣйствія этихъ укрѣпленій и прикрытія ихъ тыла разставлены канонерскія лодки по рейду и бухтамъ.

Въ этомъ 1809 году, высочайшимъ повелѣніемъ, маркизу-де-Траверсе была поручена оборона Крыма и Тамани, а также командованіе расположенными тамъ войсками. Такъ какъ Анапа была снова построена и укрѣплена, то маркизъ сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ

войскъ къ этой крѣпости отъ Кубани. Въ тоже время онъ поручилъ капитану 1 ранга Перхунову принять въ свое командованіе эскадру, въ составѣ одного корабля, двухъ фрегатовъ, бомбарды и двухъ транспортовъ, взять на суда два батальона, идти къ Анапѣ и занять эту крѣпость. Прибывъ 15 Іюня къ мѣсту назначенія, Перхуновъ, по высадкѣ десанта, подошелъ со своими судами на близкое разстояніе къ крѣпости и открылъ по ней огонь. Турки бѣжали изъ крѣпости, и Анапа занята было Русскимъ десантомъ. Въ этомъ году наши крейсерскія суда плавали посмѣнно у Кавказскаго, Анатолійскаго и Румелійскаго береговъ, для воспрепятствованія въ первой мѣстности сношенія горцевъ съ Турками и Англичанами, а у послѣднихъ для наблюденія за движеніемъ военныхъ и комерческихъ судовъ, затрудняя этимъ доставку грузовъ къ Босфору и къ войскамъ, расположеннымъ у Дуная.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1809 года маркизъ-де-Траверсе назначенъ былъ морскимъ министромъ. Исправленіе должности главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ и военнаго губернатора Николаева и Севастополя было поручено вице-адмиралу Н. Л. Языкову (утвержденному въ этихъ званіяхъ 12 Декабря 1811 года). Флотскимъ начальникомъ въ Севастополѣ былъ назначенъ вице-адмиралъ А. П. Алексіано. По случаю его смерти въ Маѣ мѣсяцѣ 1810 года, въ эту должность вступилъ контръ-адмиралъ А. А. Сарычевъ, а 16 Февраля 1811 года его замѣнилъ вице-адмиралъ Л. Л. Галлъ. Съ помощью Черкесовъ и подъ руководствомъ иностранныхъ инженеровъ Турки построили укрѣпленія въ Суджукъ-кале и Геленджикѣ, а въ Сухумѣ возвели крѣпость.

Въ 1810 г., капитанъ 1 ранга Доттъ, имѣя въ своемъ распоряженіи одинъ корабль и два фрегата, съ десантомъ въ 600 человѣкъ, прибылъ къ Сухуму 9 Іюля и бомбардировалъ крѣпость въ продолженіе двухъ дней, не смотря на сильную отвѣтную пальбу Турокъ. Превративъ эту крѣпость въ развалины, онъ занялъ ее своимъ десантомъ; гарнизонъ крѣпости бѣжалъ въ горы. Въ этой крѣпости найдено 64 пушки и большой складъ снарядовъ и пороху. Укрѣпленіе въ Суджукской бухтѣ было разрушено 22 Декабря отрядомъ судовъ, высланныхъ изъ Севастополя.

Гребная флотилія помогала въ 1810 году войскамъ при взятіи имн крѣпости Измаила. Бомбардировкою съ батареи, устроенной на островѣ Чаталѣ и съ флотиліи, подошедшей къ крѣпости на очень близкое разстояніе, были произведены въ ней значительные пожары, взрывомъ

порохового погреба, что заставило гарнизонъ сдать крѣпость 14 Сентября того года.

Въ 1811 году никакихъ военныхъ дѣйствій отъ флота не предпринималось. Русскія крейсерскія суда, попрежнему, продолжали свои поиски у Турецкихъ береговъ. Въ этомъ году капитанъ 1 ранга Быченскій взялъ у Анатолійскаго берега въ плѣнъ 40 пушечный фрегатъ и 20 пушечный корветъ, которые и привелъ въ Севастополь.

Миръ съ Турціею былъ заключенъ 11 Іюня 1812 года. По этому миру Бессарабія сдѣлалась Русской областью, и граница Россіи отошла къ Дунаю и Пруту. Послѣдствіемъ такого присоединенія состоялось правительственное постановленіе, чтобы мѣстопребываніе Русской флотиліи было постоянно на Дунаѣ, при Измаильскомъ портѣ, въ которомъ, независимо отъ начальника флотиліи, былъ назначенъ особый штабъ-офицеръ, въ должности капитана надъ портомъ, состоявшій въ вѣдѣніи интендантства Черноморскаго флота.

Дмитрій Аѳанасьевъ.

ПРЕБЫВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ ВЪ 1818 И 1825 ГОДАХЪ.

(Изъ дневника генералъ-лейтенанта И. X. Сиверса).

1818 г.*)

Мая 16-го послѣ полудня, въ 4-мъ часу, прибылъ Государь Императоръ въ Севастополь, подъѣхавъ прямо къ церкви Св. Николая. Изъ оной отправился Его Величество въ пріуготовленный для него домъ (Ушакова). Послѣ обѣда осматриваемы были морскія казармы и гошпиталь; потомъ проѣзживаться изволилъ по лучшимъ улицамъ города, который вечеромъ былъ илюминованъ, какъ и транспортное судно «Ріонъ», на которомъ изображенъ былъ высочайшій вензель.

На другой день представлены Его Величеству всѣ адмиралы, генералы и штабъ-офицеры. Послѣ того былъ разводъ гренадерскаго баталіона Пензенскаго пѣхотнаго полка; потомъ осматривалъ Государь острогъ, еще нѣсколько казенныхъ заведеній и такъ называемый дворецъ, небольшой и уже ветхій домъ у самой пристани, въ коемъ останавливалась императрица Екатерина въ 1787 году. Изъ сего дома пошелъ Его Величество къ пристани и сѣлъ на катеръ. Коль же скоро наономъ поднятъ былъ императорскій штандартъ, то началась канонада съ девяти на рейдѣ стоящихъ кораблей и со всѣхъ береговыхъ укрѣпленій, по одному выстрѣлу изъ каждаго орудія. Государь изволилъ объѣхать всю эскадру (эскадрой, бывшей тогда на рейдѣ, командовалъ контръ-адмиралъ П. М. Рожновъ) и потомъ вошелъ на стопушечный корабль «Парижъ». На семъ кораблѣ былъ и обѣдъ, къ коему приглашены были всѣ адмиралы и генералы; но я не могъ воспользоваться симъ счастіемъ, ибо поѣхалъ еще прежде стола въ Инкерманъ для встрѣчи Монарха. Послѣ обѣда отправился Государь въ Инкерманъ для осмотра селитреннаго завода и древностей того мѣста и лично соизволилъ объявить мнѣ свое благоволеніе за устройство и порядокъ того завода. Послѣ сего отбылъ Его Величество въ дальнѣйшій путь по дорогѣ въ Бахчисарай.

*) См. Шильдера, Императоръ Александръ I-й. С. П. Б. 1898. т. IV, стр. 103 и 460.

Въ Севастополь прибылъ Государь со стороны Балаклавы, и въ свитѣ его находились принцъ Гессенъ-Гомбургскій Филиппъ [1]), графъ А. А. Аракчеевъ, князь П. М. Волконскій и А. С. Меншиковъ, генералъ Ѳ. П. Уваровъ и проч. и лейбъ-медикъ Я. В. Вилье. Графъ А. А. Аракчеевъ квартировалъ у меня въ домѣ [2]).

Въ бытность Государя здѣсь получили награжденія: вице-адмиралъ Алексѣй Самуиловичъ Грейгъ (главный командиръ Черноморскаго флота и портовъ)—орденъ Св. Александра Невскаго, контръ-адмиралы Ф. Т. Быченскій—Св. Анны I класса и П. М. Рожновъ—Св. Владимира 3 степени, капитанъ надъ портомъ Е. П. Псомасъ—Св. Владимира 4 степени. Митрополитъ Хрисанѳъ удостоился получить панагію, украшенную драгоцѣнными каменьями.

1825 г. [3]).

Октября 27 вечеромъ въ 8½ часовъ прибылъ Государь Императоръ въ Севастополь со стороны Балаклавы, подъѣхавъ прямо къ церкви Св. Николая. Изъ оной прошелъ мимо караула (отъ флотскаго вѣдомства), на улицѣ изволилъ принимать ординарцевъ и вѣстовыхъ, въ числѣ коихъ находились отъ Ахтіарскаго артилерійскаго гарнизона [4]): прапорщикъ Чернобровинъ, фейерверкеръ 3-го класса Столбырь и бомбардиръ Полушинъ. Для Его Величества былъ приготовленъ казенный домъ, называемый Ушакова. Городъ и стоявшія на рейдѣ суда были великолѣпно освѣщены, и со въѣзда Государя въ шлагбаумъ радостныя восклицанія ура! не умолкли до самой ночи.

На другой день 28-го, утромъ въ 9 часовъ, былъ смотръ пѣхотныхъ полковъ: Нотебургскаго одному и Севастопольскаго двумъ баталіонамъ. Потомъ удостоилъ Его Величество своимъ посѣщеніемъ нѣсколько казенныхъ заведеній. Въ 11 часовъ представлены Государю начальникомъ главнаго штаба барономъ Дибичемъ генералитетъ и

---

[1]) Австрійскій генералъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій прибылъ въ Варшаву для привѣтствія Государя отъ имени имп. Франца и былъ приглашенъ Государемъ въ дальнѣйшее путешествіе. Шильдеръ, т. IV, стр. 98.

[2]) И. Хр. Сиверсъ находился въ давнишнихъ сношеніяхъ съ графомъ Аракчеевымъ по прежней своей службѣ въ собственной артилерійской командѣ его императорскаго высочества наслѣдника-цесаревича Павла Петровича, командиромъ которой Аракчеевъ былъ назначенъ 8 Октября 1792 г. и въ которую Сиверсъ былъ выпущенъ подпоручикомъ изъ 2 кадетскаго корпуса 27 Февраля 1793 г. Когда въ 1795 г. Гатчинская артилерія была наименована полкомъ, Аракчеевъ состоялъ его шефомъ, а командиромъ одной изъ трехъ пѣшихъ ротъ (роты имени полковника Аракчеева) Сиверсъ, въ чинѣ капитана. А. С.

[3]) Шильдеръ IV, стр. 370, 371 и 483.

[4]) Высочайшее повелѣніе о переименованіи Ахтіарскаго артилерійскаго гарнизона въ Севастопольскій состоялось въ Іюнѣ 1826 года.

штабъ-офицеры. Почти всѣмъ дѣлалъ онъ по нѣскольку вопросовъ. Когда мнѣ очередь пришла, то всеавгустѣйшій Монархъ, подавъ мнѣ руку, весьма благосклонно сказалъ: «Здравствуй, старый знакомый; давно не видались, каково поживаешь, гдѣ и когда послѣдній разъ были вмѣстѣ»? Толикія милости и снисхожденіе Царя меня весьма тронули, и съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія отвѣчалъ я ему на тѣ вопросы. Послѣ сего представленія Государь пошелъ въ Адмиралтейство, гдѣ былъ спускъ небольшого судна (катера «Жаворонка»). Къ приготовленному тамъ фриштику были, между прочими дамами, приглашены моя жена и дочь, кои по сему случаю имѣли счастіе сидѣть съ Императоромъ за столомъ; я же самъ на фриштикѣ не былъ, ибо поѣхалъ впередъ на батарею № 10 для встрѣчи тамъ Государя. Въ Адмиралтействѣ сѣлъ онъ на катеръ и, осмотрѣвъ корабли, отправился въ Морской госпиталь, а оттуда на помянутую батарею. Всѣ чины и служители Ахтіарскаго артилерійскаго гарнизона были распредѣлены по батареямъ для салютаціонной пальбы; но какъ Императоръ не повелѣлъ поднять флага на своемъ катерѣ, то и пальбы не было; офицеры же и нижніе чины оставались собранными на батареяхъ. При входѣ его на № 10 имѣлъ я счастіе рапортовать ему о состояніи той батареи и квартирующей на оной порочной роты № 4, командуемой подполковникомъ Бухаринымъ. Государь весьма подробно осматривалъ всѣ части той батареи, караулъ порочной роты и людей Ахтіарскаго артилерійскаго гарнизона, объявя изустно высочайшее свое благоволеніе мнѣ и полковнику Чишничу за хорошее содержаніе и отличную обмундировку тѣхъ людей. Вошедъ въ казарму, изволилъ отвѣдать солдатскій хлѣбъ и квасъ и пожаловалъ въ артель той роты сто рубл. Съ батареи № 10 отправился Государь сухопутно на Александровскую батарею и, по довольномъ разспросѣ обо всемъ, повелѣлъ произвесть изъ двухъ пушекъ 24-хъ фунтоваго калибра по одному выстрѣлу калеными и холодными ядрами. Къ симъ орудіямъ были наряжены люди роты № 55 съ ея командиромъ штабсъ-капитаномъ Дрилемъ, отъ неосмотрительности коего и суетливости рядового, подносившаго заряды, произошла большая ошибка: ибо солдатъ тотъ, зазѣвавшись, схватилъ картузъ, вмѣсто слѣдуемаго подъ ядро, изъ назначенныхъ для салютаціонной пальбы. Хотя ошибка сія тотчасъ была поправлена, и пушка въ свою очередь выпалила, но Государь, замѣтивъ лишнюю возню около того орудія, спросилъ меня о причинѣ оной. Выслушавъ весьма благосклонно объясненіе мое о произошедшемъ замѣшательствѣ, изволилъ только сказать: «Этого бы быть не должно». Съ Александровской батареи Государь отъѣхалъ въ коляскѣ и, проѣзжая мимо нашего дома, спросилъ бывшаго съ нимъ впце-

адмирала Грейга: «Чье это строеніе и садъ»? а потомъ осматривалъ нѣсколько еще казенныхъ заведеній. Опасаясь гнѣва или замѣчанія Его Величества за ошибку артилерійскаго солдата на Александровской батареѣ, пріѣхалъ я домой съ унылымъ духомъ; но боязливость моя скоро прошла, узнавъ о приглашеніи меня съ прочими генералами къ столу Императора. Послѣ полудня въ 5 часовъ собрались мы, и Государь, вышедъ изъ своихъ комнатъ, разговаривалъ съ нами весьма милостиво и снисходительно. За столомъ были онъ отмѣнно веселъ и много шутилъ. Тутъ же объявилъ свое сожалѣніе, что не можетъ принять приглашеніе и быть на балу, приготовленномъ отъ здѣшняго общества, по причинѣ смерти близкаго родственника, короля Баварскаго, о коей онъ только узналъ въ Перекопѣ. Вечеромъ была опять превосходная илюминація, и воздухъ наполнялся радостными криками безчисленнаго множества народа. Въ этотъ день погода была теплая и тихая, вчера же пасмурно и съ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ.

29-го утромъ получилъ я повелѣніе отъ сего числа за № 574 г. начальника главнаго штаба барона Дибича, коимъ даетъ мнѣ знать, что за порядокъ и устройство Ахтіарскаго артилерійскаго гарнизона Государь Императоръ всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ по рублю на человѣка всѣмъ нижнимъ чинамъ того гарнизона, а также и порочно-батарейной роты. Случай сей меня чрезвычайно порадовалъ, ибо это первый примѣръ, что служители какого-либо артилерійскаго гарнизона получили Монаршее награжденіе.

Того же дня утромъ въ 9 часовъ Императоръ поѣхалъ къ смотру флотскихъ бригадъ. Возвратясь оттоль, изволилъ переодѣться изъ генеральскаго мундира въ конно-егерскій и, зашедъ на минуту въ такъ называемый дворецъ, сѣлъ онъ на катеръ и переправился на сѣверную сторону. При семъ переѣздѣ Его Величеству угодно было повелѣть поднять флагъ, и при самомъ появленіи онаго началась салютаціонная пальба со всѣхъ батарей и военныхъ судовъ на рейдѣ бывшихъ, по одному выстрѣлу съ каждаго орудія. Государь прибылъ на дальній пунктъ, то-есть Константиновскую батарею, гдѣ я имѣлъ счастіе его встрѣтить и, будучи ободренъ оказанною подчиненнымъ моимъ высочайшею милостью, осмѣлился я изъявить ему всеподданнѣйшую мою благодарность, на что Императоръ мнѣ сказалъ: «Они этого заслуживаютъ, и я тобою доволенъ». По осмотрѣ всѣхъ частей той батареи, Монархъ вошелъ въ казарму и, отвѣдавъ щи и кашу, пожаловалъ въ артель той роты, № 56, командуемой капитаномъ Фиргинымъ, сто рублей. Осмотрѣвъ Константиновскую батарею, Государь пожелалъ видѣть и прочія укрѣпленія сѣверной стороны, но узнавъ, что по мелководью нельзя къ онымъ подъѣхать на большомъ катерѣ,

спросилъ онъ вице-адмирала Грейга: «Какимъ же образомъ мы туда попадемъ?». Тутъ осмѣлился я предложить Императору мои дрожки (ибо другихъ экипажей не было), и Государь сказалъ мнѣ: «Хорошо, одолжи». Государь, объѣхавъ всѣ маленькія батареи, отправился съ сухопутнаго укрѣпленія на гору къ своимъ дорожнымъ экипажамъ, весьма милостиво съ нами распростился и при прощаніи пригласилъ вице-адмирала Грейга къ себѣ въ Таганрогъ. Самъ же изволилъ отбыть въ обратный путь по тракту на Бахчисарай въ первомъ часу передъ обѣдомъ. Этотъ разъ находились здѣсь въ свитѣ Государя начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ баронъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ, лейбъ-медикъ Яковъ Васильевичъ Вилье и полковникъ Данила Аѳанасьевичъ Соломка.

При въѣздѣ въ городъ вечеромъ 27 числа Государь изволилъ переодѣваться на хуторѣ капитана 2-го ранга Морица Борисовича Берха за шлагбаумомъ и пожаловалъ его супругѣ бриліантовый фермуаръ.

Съ подлиннымъ вѣрно: правнукъ автора **А. Сиверсъ**.

Біографическія свѣдѣнія объ авторѣ дневника, генералъ-лейтенантѣ Сиверсѣ.

Ив. Хр. Сиверсъ (род. 1775 г.), родомъ изъ Лифляндской дворянской семьи, приходился двоюроднымъ братомъ извѣстному Екатерининскому сподвижнику Якову Ефимовичу Сиверсу, возведенному императоромъ Павломъ (8 Апрѣля 1798 г.) въ графское достоинство. По окончаніи артилерійскаго и инженернаго шляхетнаго (впослѣдствіи 2 кадетскаго) корпуса, онъ былъ выпущенъ (27 Февраля 1793 г.) подпоручикомъ въ Гатчинскую артилерійскую команду цесаревича Павла Петровича. Изъ книги Ратча „Свѣдѣнія о графѣ А. А. Аракчеевѣ“ (СПб. 1864), гдѣ собраны свѣдѣнія по исторіи артилеріи Гатчинскихъ войскъ, видно впрочемъ, что, повидимому, состоя еще въ корпусѣ подпрапорщикомъ, Сиверсъ, по рекомендаціи директора корпуса генералъ-поручика П. И. Мелиссино, былъ еще въ Іюнѣ 1792 г. прикомандированъ къ Гатчинской артилеріи цесаревича, желавшаго имѣть въ помощь первому инструктору команды сержанту Гессе *) одного изъ воспитанниковъ корпуса, знающаго Нѣмецкій языкъ. Въ той же книгѣ Ратчъ (стр. 82) приводитъ слѣдующій анекдотъ. Сиверсъ, прибывшій изъ корпуса хотѣлъ было подѣлиться своими знаніями съ сержантомъ Гессе и замѣтилъ ему нѣкоторыя несообразности въ его распоряженіяхъ, противорѣчившихъ прямо артиле-

*) Иванъ Христіановичъ Гессе былъ принятъ изъ Саксонской артилеріи на Русскую службу 8 Марта 1788 г. въ качествѣ перваго инструктора Гатчинской артил. команды, затѣмъ въ 1796 г. въ чинѣ капитана командовалъ ротою своего имени въ Гатч. арт. полку и 15 Ноября 1796 назначенъ въ Москву сперва плацъ-маіоромъ, а затѣмъ 15 Мая 1797 Московскимъ комендантомъ. Умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта (исключенъ изъ списковъ умершимъ 9 Мая 1816 г).

рійской наукѣ; но Гессе пригрозилъ ему фухтелями für die Gemeinheit ohne gefragt zu sein dem Vorgesetzten rathen zu wollen *).

Въ Сентябрѣ 1792 г. въ Гатчину прибылъ командированный въ распоряженіе великаго князя адъютантъ Мелиссино и преподаватель артилерійскаго корпуса капитанъ Аракчеевъ, который вслѣдъ за симъ 8 Октября 1792 г. и былъ назначенъ командиромъ артилерійской роты. Однимъ изъ первыхъ порученій, данныхъ великимъ княземъ Аракчееву, было устройство классовъ для младшихъ офицеровъ, подпрапорщиковъ и юнкеровъ Гатчинскихъ войскъ. Классы эти происходили ежедневно во дворцѣ великаго князя, при чемъ однимъ изъ преподавателей былъ Сиверсъ. (Кобеко, „Цес. Павелъ Петр.“ СПб. 1887, стр. 441). Воспествіе на престолъ императора Павла застаетъ Сиверса, въ чинѣ капитана, командиромъ артилерійской роты имени полковника Аракчеева. Приказомъ имп. Павла отъ 9 Ноября 1796 изъ артилеріи собственныхъ Его Имп Вел. Гатчинскихъ войскъ, съ присоединеніемъ къ ней пушкарей, при полкахъ Преображенскомъ, Семеновскомъ и Измаиловскомъ, сформированъ былъ л.-гв. артилерійскій батальонъ, въ составѣ 3 пѣшихъ ротъ и одной конной. Первымъ командиромъ одной изъ пѣшихъ гвардейскихъ артилерійскихъ ротъ (повидимому той, которая теперь 1 батарея л.-гв. 2-ой артилерійской бригады) былъ назначенъ Ив. Хр. Сиверсъ. (См. Потоцкій „Исторія гвардейской артилеріи, Спб. 1896, стр. 31).

Будучи произведенъ 4 Янв. 1799 г. въ чинъ генералъ-маіора съ назначеніемъ шефомъ полевого артилерійскаго батальона своего имени (бывшій батальонъ Эйлера), И. Хр. Сиверсъ въ концѣ того же года принялъ участіе въ кампаніи противъ Французовъ на Рейнѣ и „командовалъ всею какъ полевою, такъ и полковою артилеріей въ арміяхъ генераллисимуса князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго въ Италіи и генерала Римскаго-Корсакова въ Швейцаріи“ (послужной списокъ).

Дальнѣйшая затѣмъ служба Сиверса при имп. Павлѣ носитъ весьма характерный отпечатокъ того времени. Будучи уволенъ отъ службы съ ношеніемъ мундира, приказомъ отъ 7 Марта 1800 г., по случаю расформированія артилерійскихъ батальоновъ, онъ, по приказу 15 Сентября того же года, принимается по прежнему на службу съ назначеніемъ комендантомъ въ Гатчинѣ, но затѣмъ черезъ три недѣли приказомъ 9 Октября, „по совершенной неспособности къ службѣ отставляется отъ оной“, а приказомъ 4 Ноября того же года вновь „опредѣленъ въ службу съ прежнимъ старшинствомъ въ настоящемъ чинѣ лейбъ-гвардіи въ артилерійскій батальонъ“, при чемъ ему было поручено командованіе этимъ послѣднимъ за командира генерала отъ артилеріи Корсакова, бывшаго одновременно инспекторомъ всей артилеріи.

Впослѣдствіи Сиверсъ былъ командиромъ шести артилерійскихъ гарнизонныхъ ротъ въ Роченсальмѣ, членомъ артилерійской экспедиціи (1801 г.), шефомъ 6 артилерійскаго полка (1803 г.), начальникомъ артилеріи Молдавской арміи (1805). Во время отечественной войны Сиверсъ былъ начальникомъ артилеріи 2-ой арміи (27 Февр. 1812 г.) и затѣмъ 3-ей резервной обсерваціонной арміи (23 Мая 1812 г.), при чемъ за отличіе въ сраженіи при селѣ Городечнѣ 31 Іюля 1812 г. награжденъ орденомъ Св. Владимира 2-ой степени.

Въ 1816 году Сиверсъ былъ назначенъ начальникомъ артилерійскихъ гарнизоновъ Южнаго округа, въ 1826 году произведенъ за отличіе въ генералъ-лейтенанты съ оставленіемъ при прежней должности, въ 1831 уволенъ по болѣзни отъ службы и умеръ въ сороковыхъ годахъ въ Севастополѣ.

А. А. Сиверсъ.

---

*) За то, что, изъ пошлости, не будучи спрошенъ, вздумалъ подавать совѣтъ тому, кто выше его по службѣ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1832-й годъ [1]).

Москва, 16 Генваря 1832.

Вчера вечеромъ съѣздилъ я на часочекъ къ княгинѣ Вяземской, у коей былъ дѣтскій балъ; видѣлъ я тутъ новое поколѣніе; я бывало танцовалъ не только съ матушками, но даже и съ бабушками иныхъ. Готовятся тутъ красавицы, напр. Давыдова, Новосильцова, Аникѣева, но мужской полъ далеко отсталъ: неуклюжъ, дурно танцуетъ, дурно говоритъ. Хотя домъ малъ [2]), княгиня умѣла славно это устроить, и ея три мамзели тутъ танцовали. Кланяйся отъ меня отцу ихъ. Сегодня будетъ къ намъ восхищать насъ своею гитарою Александровъ молодой, очень милый мальчикъ; давно ли видѣлъ я его Царскосельскимъ школьникомъ, а теперь офицеръ гвардіи въ крестѣ и двухъ медаляхъ.

Адамъ Ѳомичъ [3]) долженъ возиться съ молодымъ Ростопчинымъ. Вообрази себѣ что этотъ повѣса проситъ дать ему попечителя, въ противность завѣщанію отца. Это бы еще ничего, но онъ попался въ лапы матери и брата, коего избираетъ себѣ попечителемъ, брата, который, просвиставъ все имѣніе, сидѣлъ въ S-te Pélagie [4]), а теперь самъ на соломѣ. Чего ждать отъ такого опекуна? Вообрази, что Андрюша не былъ еще у меня. Я право не въ претензіи, но онъ могъ бы вспомнить, что отецъ у меня на рукахъ умеръ, я закрылъ ему глаза, 17 ночей спалъ у его кровати, а графъ, умирая, говорилъ Андрюшѣ, указывая на меня: Вотъ и Булгаковъ тебя не оставитъ послѣ меня! У этого молодца мало чувствъ благородныхъ. Онъ себя только одурачитъ просьбою своею; или Сенатъ, или опека спросятъ: развѣ опекунъ Брокеръ не соблюдаетъ интересовъ малолѣтняго? Разсмотря дѣло, увидятъ,

---

[1]) См. выше, стр. 42.

[2]) Домъ этотъ въ Чернышовскомъ переулкѣ, рядомъ съ нынѣшнимъ домомъ „Русскихъ Вѣдомостей“, противъ Англійской церкви. Владѣлецъ его, князь Петръ Андреевичъ, поступившій въ предъидущемъ году на службу въ Министерство Финансовъ, находился тогда въ Петербургѣ. Онъ нѣкогда былъ и церковнымъ старостой тамошняго прихода, такъ называемаго Малаго Вознесенія.

[3]) Брокеръ, опекунъ графа А. Ѳ. Ростопчина, которому шелъ тогда 19-й годъ.

[4]) Тюрьма въ Парижѣ.

что покойный графъ зналъ, кого выбрать въ опекуны къ сыну. Экая нынѣ молодежь, не говоря о другомъ, но и глупая: не знаетъ своихъ интересовъ собственныхъ.

*

Москва, 18 Генваря 1832.

Большая новость Московская, это что графиня Орлова продала славное свое имѣніе Битюгское съ еще славнѣйшимъ конскимъ заводомъ. Купили Демидовы, Павель и Анатоль, за пять милліоновъ и 300 тысячъ рублей. Всѣ говорятъ, что одно имѣніе стоитъ сихъ денегъ, ибо 4000 душъ и 130 т. десятинъ земли. Я знаю, что у покойнаго графа Растопчина тамъ же 1500 десятинъ пустошей, кои отдавались въ наемъ за 16 т. въ годъ. Конный заводъ имѣетъ болѣе 2000 штукъ и приноситъ до 200 т. дохода годового. Такъ вотъ какое имѣніе! Царское! Теперь толкуютъ, зачѣмъ продала. За тѣмъ, говорятъ иные, чтобы не досталось Панинымъ; а другіе, чтобы Фотію все отдать. Она перенесла тѣло отца, князя Орлова и графа Өедора Григорьевича въ Юрьевъ монастырь, требовала для того же тѣла графовъ Владимира Гр. и Ивана Гр.; но Панины и вдова графиня Ел. Өедор. Орлова [1]) отвѣчали, что не видитъ нужды тревожить кости усопшихъ и положить ихъ въ монастырѣ, гдѣ никогда они даже не бывали. Я бы на ея мѣстѣ продалъ бы другое что, а заводъ завѣщалъ бы послѣ себя Государю. Жаль, ежели Демидовы не поддержатъ единственное сіе заведеніе. У графини такая страсть къ лошадямъ, что поэтому должно заключить, что она точно покинуть хочетъ все мірское. Смѣшнѣе всего будетъ, сказалъ я Хрущевымъ, ежели да все это не правда; но они увѣряли, что такъ.

*

Москва, 21 Генваря 1832.

Мы всѣ пожалѣли о Митюшѣ Нарышкинѣ [2]). Какъ подумаешь, куда графъ Растопчинъ былъ несчастливъ дѣтьми: вотъ одна овдовѣла, другая оставила отечество навсегда, вышла за Француза, коихъ графъ презиралъ, третья красота и ангелъ доброты умираетъ 18 лѣтъ, два сына распутные! А жена мучила его съ утра до вечера. Всякому свой крестъ.—Вчера пѣли Цыгане у Пашковыхъ. Надобно признаться, что хоръ ихъ имѣетъ нѣчто необыкновенное и гармонію, согласіе удивительное, какая-то непонятная смѣсь унылаго съ веселымъ, то грустно, то со стула подымаетъ: такъ бы и пошелъ плясать.

*

---

[1]) Урожденная Ртищева, сестра Кавказскаго намѣстника, бездѣтная вдова старшаго изъ Орловыхъ, графа Ивана Григорьевича.

[2]) Дм. Вас. Нарышкинъ, Таврическій губернаторъ.

Москва, 22 Генваря 1832.

Въ собраніи послѣднемъ познакомился я съ какимъ-то чудакомъ княземъ Друцкимъ-Гурко, у коего 8000 душъ, и онъ пріѣхалъ сюда на четыре мѣсяца, давать праздники себѣ и Москву веселить; женатъ онъ, кажется, на сестрѣ вашего Энгельгарда маскараднаго. Наняли они домъ Козлова на Никитской, тотъ самый, гдѣ была свадьба Ольгина. Въ собраніи тихо, а обступили этого сахара. Онъ, увидя человѣка со звѣздою и голубымъ бантикомъ сзади, захотѣлъ познакомиться со мною. Сафоновъ представилъ его мнѣ. Онъ родъ дурачка, мнѣ кажется. Вчера явился ужъ съ визитомъ и велѣлъ звать къ себѣ на балъ сегодня; поѣду посмотрѣть, что̀ такое. Вѣрно вся Москва на него навяжется. Здѣсь любятъ хлѣбосоловъ и праздники. Тотчасъ найдутся des amis de la maison, кои станутъ его домомъ располагать какъ своимъ.

Ну, братъ, ужъ ширмы будутъ у Ольги! Вотъ почти два мѣсяца, что мы надъ ними работаемъ. На одной сторонѣ все карикатуры отборныя. Тутъ вся исторія горбуна Mayeux съ прелестными надписями. На другой половинѣ Наполеонъ—во всѣхъ возможныхъ видахъ, верхомъ, пѣшкомъ, императоромъ, генераломъ, консуломъ, въ коронѣ, въ шляпѣ, и наконецъ даже въ гробу лежащій. Ихъ всѣхъ штукъ съ 40, и вокругъ всѣ его маршалы вмѣсто рамки; подъ каждыми facsimile имя ихъ рукою написанное. Это точно императорская галлерея. И Наполеонъ въ разныхъ эпохахъ, также facsimile Napoléon и Bonaparte. На другой половинѣ картинная галлерея, все подобраны прекрасныя миніатюры разныхъ формъ, и всякая въ золотой рамочкѣ. На третьей собраніе прекраснѣйшихъ цвѣтовъ, птицъ и бабочекъ. А послѣднюю четвертую еще не рѣшили мы какъ сдѣлать; хотимъ наполнить портретами славныхъ актрисъ, акторовъ, пѣвицъ и пр. Намедни пріѣхалъ Мантейфель, такъ не могли мы оттащить, не хотѣлъ обѣдать. Немало это стоило и Долгорукому.

*

Москва, 23 Генваря 1832.

Наташѣ передалъ комиссію твою объ отцѣ Анатоліѣ; кланяюсь ему. Это единственный монахъ, который былъ бы мнѣ по душѣ. Тургеневу также передалъ твою комиссію, очень благодаритъ тебя, и при сей вѣрной оказіи прислалъ письмо къ Жуковскому. Ну что тебѣ сказать еще? Ѣздилъ я съ Дишкою *) смотрѣть великаншу Прусачку: огромная махина, Сухтеленъ стоялъ возлѣ нея и едва до бороды достаетъ. Послѣ сражалась она съ волкомъ, это уже гадко. Онъ ей руки

*) Т. е. съ зятемъ своимъ, княземъ А. С. Долгорукимъ.

окровавилъ, хваталъ ее за плечо, за горло даже; видно, что волкъ пріученъ къ дракѣ этой, но все таки гадко. Потомъ карликъ обходилъ зрителей съ тарелкою, повторяя: um die Wunden der Madame zu heilen. Я хотѣлъ видѣть, какъ будутъ кормить большихъ змѣй, кои глотаютъ живую курицу, но полиція не позволила это дѣлать въ этой тѣсной комнатѣ; для этого устроиваютъ залу большую.

Ну-съ! Былъ я вечеромъ у этихъ пріѣзжихъ богачей Друцкихъ. Балъ очень удался, много танцовали. Хозяйка очень мила и вѣжлива, всѣхъ обласкала, а съ меня взяла слово остаться ужинать, просила позволенія пріѣхать ознакомиться съ Наташею и Катенькою. У нея Пятницы взяты, будутъ балы. Все было хорошо—освѣщеніе, прислуга, конфекты, напитки, ужинъ, и всего въ изобиліи. Часто являются въ Москвѣ подобные метеоры.

Стало, Орловъ развяженъ узелъ Бельгійскій*). Онъ не геній, но у него рука легка; вѣрно все устроитъ къ удовольствію государеву и Европы. Мнѣ очень онъ по душѣ, за одну уже ласку свою, которую я никакъ и ничѣмъ заслужить не могъ.

*

Москва, 25 Генваря 1832.

Глухой Евсей принесъ мнѣ пакетъ, говоря: посылка отъ К. Я. Пакетъ былъ огромный, я распечаталъ наскоро; вмѣсто того посылка съ того свѣта отъ канцлера графа Н. П. Румянцова. Пишетъ мнѣ Малиновскій, что по волѣ графа посылаетъ мнѣ для собственной моей библіотеки Собраніе государственныхъ грамотъ, на его иждивеніи напечатанныхъ. Удивляюсь этой атенціи покойнаго нашего командира, который и живой не жаловалъ насъ. Я знаю, что и ты въ каталогѣ находишься и также получишь, какъ князь Кочубей, Сперанскій, Мордвиновъ, Оленинъ и многіе другіе.

Отъ Волкова узналъ я, что почтенный старичокъ Алексѣй Ильичъ Мухановъ скончался въ Субботу поутру. Его домъ рядомъ съ Волковымъ. Онъ былъ всѣми уважаемъ, всю жизнь служилъ отлично называли его la perle des Мухановъ, и умеръ христіански и съ твердостію. Уже не выѣзжалъ, кромѣ болѣзней былъ почти слѣпъ; только вдругъ спросилъ одѣться, карету парою, сѣлъ и поѣхалъ въ приходъ свой, тамъ исповѣдался, слушалъ обѣдню, причастился, возвратился домой утомленъ, дѣтей цѣловалъ, благословлялъ, увѣряя, что

*) Графъ А. Ѳ. Орловъ посланъ былъ въ Лондонъ на конференцію, собранную по учрежденію Бельгійскаго королевства. Самый его ростъ и молодецкій видъ внушалъ уваженіе дипломатамъ.

чувствуетъ себя лучше, но что имѣетъ нужду въ отдыхѣ, раздѣлся, легъ въ постель, обернулся спиною къ бывшимъ въ спальной и заснулъ вѣчнымъ сномъ, какъ мы обыкновеннымъ, ежедневнымъ. Кончина праведнаго! Всѣ о немъ жалѣютъ; я видалъ его у покойнаго П. П. Нарышкина, который его уважалъ очень. Ты знакомъ очень съ сыномъ, то можешь его утѣшить сими подробностями. Вѣроятно онъ не знаетъ о потерѣ своей. Старикъ Мухановъ въ молодости былъ и офицеръ прекрасный и взялъ Георгіевскій крестъ, кажется, на Анапскихъ укрѣпленіяхъ*).

*

Москва, 30 Генваря 1832.

Въ собраніи подходитъ ко мнѣ старичокъ карапузый.—Ваше превосходительство, у меня всепокорнѣйшая просьба до васъ.—Что вамъ угодно? Лишь бы отъ меня зависѣло.—Отъ васъ совершенно.—Извольте приказывать.—Смѣю ли я... но у меня 29 балъ, прошу в. п. удостоить оный вашимъ присутствіемъ.—Я не могъ не спросить: А позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?—Я Калужскій помѣщикъ Ив. Ѳед. Паншинъ.—Покорно васъ благодарю, я постараюсь быть. Мы разошлись, а тутъ онъ опять ко мнѣ подошелъ и растолковалъ, гдѣ живетъ. Пустился я вчера; въ обществѣ 150 человѣкъ едва нашелъ 10 человѣкъ знакомыхъ, но все было очень порядочно, и хозяева ухаживали за мною, какъ за принцемъ крови, а Екат. Андр. все упрашивала остаться ужинать, желая, чтобы я повелъ ее къ столу; но я далъ тягу. У нихъ двѣ миленькія дочери, всякой даютъ по 1000 душъ; оставили свою смиренную Калугу, чтобы повеселиться въ Москвѣ. Сколько такихъ чудаковъ въ нашей бѣлокаменной! Хоть не даромъ съѣздилъ: видѣлъ тутъ сенатора А. А. Писарева и переговорилъ съ нимъ за Брокера о дѣлѣ Растопчинскомъ. На балѣ много говорили о какомъ-то молодомъ человѣкѣ, лѣтъ 30, сосѣдѣ нашемъ на Арбатѣ. Онъ умеръ третьяго дня отъ оспы, тогда какъ оная была ему привита въ молодости. Теперь всѣ трусятъ; ибо въ газетахъ пишутъ, что въ Англіи большая смертность отъ оспы, которую король привить себѣ велѣлъ, хотя и была оная ему привита уже въ ребячествѣ. Катенька поѣхала было къ обѣднѣ, но Наташа велѣла ее воротить, потому что въ церкви стоитъ тѣло покойника, оспой умершаго. Ему вѣроятно дурно была привита, а между тѣмъ дамы наши въ большомъ страхѣ. Объявленный вчера бенефисъ Львовой-Синецкой подъ заглавіемъ «Комета или день свѣтопреставленія» отказанъ: духовное правленіе

*) Это родитель Прасковьи Алексѣевны („Р. Арх." 1894, III, 457) и Владим. А. Муханова, коего Записныя Книжки памятны читателямъ „Русскаго Архива" (1896 и 1897 гг.).

отнеслось къ Загоскину съ требованіемъ, чтобы піеса сія не была играна, а мнѣ кажется стоило только заглавіе перемѣнить; вѣрно какой нибудь вздоръ или фарса.

*

Москва, 8 Февраля 1832.

Сказывалъ мнѣ Норовъ, что Тургеневъ назначенъ какимъ-то комиссіонеромъ по ученой части нашего правительства въ чужихъ краяхъ*). Онъ можетъ собрать хорошія вещи: я видѣлъ у него много прекрасныхъ манускритовъ, кои имѣлъ онъ случаи купить для себя, и очень дешево.

*

Москва, 12 Февраля 1832.

Весь городъ наполненъ теперь слѣдующимъ происшествіемъ. Въ Алексѣевскомъ монастырѣ вѣнчали какого-то студента на какой-то воспитанницѣ Воспитательнаго Дома. Какъ надѣвать вѣнцы—нѣтъ ихъ; искать, искать—пропали вдругъ; нельзя совершать обрядъ, положили довершить въ другой день. На другой день сего происшествія очутились оба вѣнца—гдѣ же? На самомъ крестѣ колокольни. Правда ли или нѣтъ, только третьяго дня вся Москва ѣздила смотрѣть на эти вѣнцы, и вчера одна дама увѣряла Обрѣзкову, что не она сама, но ея кузина видѣла своими глазами эти два вѣнца на крестѣ. Какъ они туда забрались? Теперь есть дополненіе; что нашлось, что студентъ этотъ бралъ за себя, не зная, родную свою сестру, что оба одного отца и матери, отданы одинъ какому-то ремесленнику, а другая въ Воспитательный Домъ. Вотъ какія басенки дѣлаютъ у насъ тревогу. Я говорилъ вчера объ этомъ съ нашимъ умнымъ священникомъ (а что же рѣчь его для Сына Отечества?), то онъ говоритъ: Да ежели я не ошибаюсь, то на колокольнѣ этой всегда были подъ крестомъ вѣнцы въ видѣ украшенія. Ежели такъ, то вотъ и разрѣшеніе загадки.

*

Москва, 15 Февраля 1832.

Прилагаю письмо отъ Тургенева къ Вяземскому. Онъ толковалъ, толковалъ; но я, право, не понялъ, какое ему мѣсто выходилъ добрый твой князь: agent, mais quel agent? Слово это такъ неопредѣленно. Я люблю, что Тургеневъ кончилъ словами: тебѣ Константинъ это растолкуетъ, т. е. тебѣ надобно растолковать на письмѣ то, что̀ онъ самъ на словахъ не умѣлъ мнѣ объяснить. Экой чудакъ! Увѣряетъ, что скоро отсюда ѣдетъ.

---

*) Въ это время Жуковскій уже обѣлилъ Николая Ивановича Тургенева въ личномъ мнѣніи Государя. Ему негласно было дано знать, чтобы онъ жилъ спокойно за границей; а для безпрепятственныхъ поѣздокъ къ нему старшаго брата его, который души въ немъ не чаялъ, придумано возложить на него собираніе въ чужихъ краяхъ бумагъ историческихъ, относящихся до Россіи. Должно быть, все это дѣло Жуковскаго и его геніальнаго сердца.

У меня былъ намедни большой разговоръ съ молодымъ Растопчинымъ. По дружбѣ моей къ покойному отцу я долженъ былъ открыть ему глаза и доказать, что отобрать управленіе у Брокера, чтобы ввѣрить оное брату, это тоже, что вынести изъ теплой комнаты мокрую рубашку, чтобы сушить ее на дождѣ. Нельзя было ему не сознаться, что я правъ, et puis songez qu'outre que vous agissez contre vos intérêts et vous allez par là contre le testament et la volonté de votre père, on vous accusera d'ingratitude. Vous voulez faire du bien à votre frère, il est dans le malheur et la misère; aidez le. Qui peut s'opposer à cela? Tout le monde vous approuvera. On vend une de ses terres à l'encan, elle touche à vos possessions; achetez la, vous avez de quoi le faire, c'est une terre de vos ayeux. Votre frère à 70 m. r. des dettes; payez les, mais ne lui donnez pas l'argent en mains, car il a déjà trompé une fois comme cela votre mère, qui avait racheté avec 34 m. r. 90 m. r. de lettres de change. Serge prit l'argent, le dépensa, et les dettes restèrent. Андрюша очень внятно слушалъ. Теперь, кажется, и самъ графъ Серг. Ѳед. хочетъ отойти отъ намѣренія сбить Брокера; видно пронюхалъ, что Сенатъ не согласится допустить нарушеніе завѣщанія графскаго; онъ подать хочетъ бумагу, что болѣзненное его состояніе не позволяетъ ему заниматься опекою брата. Это бы всего лучше и положило бы конецъ этому процессу. Андрюша бываетъ чаще у насъ, вчера у Пашковыхъ и намедни у Голицыныхъ танцовалъ съ Ольгою, признался Метаксѣ, что Катенька ему чрезвычайно нравится. Этотъ, какъ плутъ, отвѣчалъ, что нѣтъ въ мірѣ человѣка, который бы стоилъ Катеньки, не говоря о красотѣ ея, но о качествахъ души (что правда, впрочемъ). Все это воздушные замки, но хотя молодой Растопчинъ имѣетъ 150 тысячъ дохода и домъ въ милліонъ по починкѣ своей, но я ему не ввѣрю счастіе моей Катеньки, ибо онъ всетаки повѣса и молокососъ. Просилъ позволенія пить ужо чай у насъ. Видѣть я всегда радъ его. Отецъ, умирая, сказалъ ему: Un jour viendra, André, où vous aurez besoin des avis et conseils de notre ami Boulgakow; а мнѣ сказалъ, взявъ за руку: Aimez le, comme vous m'avez aimé. Все таки надобно, чтобы ты все это зналъ.

*

Москва, 16 Февраля 1832.

Не хвастайся музыкой и концертами твоими. Вчера, не смотря на проекты мои оставаться дома, не могъ я не ѣхать слушать Генделеву Ораторію. Это устроилъ князь Владиміръ Голицынъ въ домѣ Нѣмецкаго театра, т. е. въ Юсуповскомъ. Что за прелестная музыка! Я возилъ съ собою Костю, который по нашему страстный охотникъ до музыки и былъ внѣ себя. Nous avons un superbe gosier, qui nous arrive d'Italie droit: c'est m-lle Soymonoff, qui a une voce di petto,

forte, juste et d'un timbre agréable et touchant. Elle m'a fait un bien grand plaisir, et notez, qu'elle chantait de l'allemand et qu'elle avait peur. Sans ôter à m-lle Barténeff son mérite, elle est restée bien en arrière hier. La Soymonoff [1]) a bien appris; on voit, qu'elle a du goût, elle soutient la note à merveille et chant l'italien, dit-on, en perfection. J'ai renouvellé connaissance avec le père et la mère, qui m'ont beaucoup engagé à venir chez eux. La mère (помнишь ты высокую Соймонову, что̀ бывала у княгини Ел. Васил.?) m'a beaucoup questionné sur ma cousine, qu'elle aime toujours beaucoup. Скажи это нашимъ Голицынымъ.

*

Москва, 19 Февраля 1832.

Катенька вчера была у сестры цѣлый день. Обѣдалъ тамъ Ѳирсъ Голицынъ [2]) и Долгорукій, славный музыкантъ. Послѣ обѣда распѣлись всѣ. такъ, что не отходили отъ клавикордъ до вечера. Голицынъ пѣлъ намъ всѣ Польскія патріотическія пѣсенки, кои очень остроумно написаны; но и они, какъ Французы, сами себя дурачатъ: въ первомъ куплетѣ колотятъ Русскихъ, а въ послѣднемъ пророчатъ паденіе свое. Мы составили фамильный концертъ, ибо всѣ безъ изъятія, даже Пашка, поемъ, а у Долгорукаго прекрасный нѣжный теноръ.

*

Москва, 24 Февраля 1832.

Вчера вечеромъ, покуда я сидѣлъ у Волкова, пришелъ ему пакетъ отъ Бенкендорфа. Мы должны были сегодня же писать тебѣ объ этомъ, я тебѣ, а Фастъ Жадовскому; но дѣло уже въ шляпѣ. Ал. Христ. увѣдомляетъ Волкова, что Государь приказалъ назначить Волкову аренду генералъ-лейтенантскую, съ тѣмъ, чтобы ему выдавались деньги. Стало, избавляется отъ хлопотъ и заботъ, а получать будетъ 3000 или 2500 серебромъ. Это славно. Что̀ значитъ хорошая вѣсть! Волковъ встрепенулся, всталъ съ постели, игралъ со мною въ вистъ и даже бранился. Спасибо Бенкендорфу! Ты можешь ему сказать, что онъ не только Волкова, но насъ всѣхъ утѣшилъ. Дай Богъ и болѣе добрымъ людямъ, а Волкову къ 16 или 17 т., кои получаетъ, хорошо это приращеніе. Вся семья вчера ликовала, а Баратовъ по обыкновенію буфонилъ и сказалъ, по прочтеніи письма: Я давно это зналъ, мнѣ писала объ этомъ Императрица подъ секретомъ; но я долженъ былъ молчать. Баратовъ и въ 70 лѣтъ все тотъ же, что̀ бывалъ.

*

[1]) Екатерина Александровна Соймонова скончалась въ 80-хъ годахъ, не вышедши за мужъ. (Сестра С. А. Соболевскаго).

[2]) Имя Ѳирса дано было знакомыми князю Сергію Григорьевичу Голицыну въ шутку. Память св. мученика Ѳирса (который потребовалъ у игемона свободы слова) празднуется въ 14 день Декабря. Тогдашняя подозрительность доходила до того, что въ этомъ прозвищѣ увидѣли сочувствіе къ Декабристамъ. Онъ въ 1837 году женился на Польской помѣщицѣ графинѣ М. П. Езерской.

Москва, 25 Февраля 1832.

Много болтаютъ объ опекунахъ Бекетовскихъ; ты знаешь, что этого командора объявили сумасшедшимъ, учредили опеку, коей первый шагъ былъ—начать строить огромнѣйшій домъ на Тверской. Не знаю, какъ это сдѣлалось; но говорятъ, Государь приказалъ всѣхъ опекуновъ отдать въ Уголовную Палату, а тутъ à la tête А. Д. Балашевъ, а тамъ Ѳед. Мих. Тургеневъ etc. Изъ этого сдѣлали уже, будто и князю Дм. Вл. была головомойка. Вчера не видалъ я никого, то и повѣрки сдѣлать не могъ. Прибавляютъ, что Государь въ бытность свою здѣсь изволилъ призывать къ себѣ Бекетова и говорить съ нимъ, чтобы вѣрнѣе удостовѣриться въ степени его сумасшествія. Этого Тургенева давно общее мнѣніе не менажируетъ.

*

Москва, 26 Февраля 1832.

Къ Ольгѣ пріѣзжалъ прощаться молодой Шереметевъ кавалергардскій; сегодня поѣхалъ къ вамъ, премилый мальчикъ, очень благовоспитанный и скромный, при прекрасной своей наружности. Онъ говорилъ дѣтямъ, что знаетъ тебя, что всегда желалъ быть еще короче знакомому и ѣздить къ тебѣ. Eh bien, сказала Ольга, vous avez un prétexte maintenent. En arrivant à Pétersbourg, allez chez mon oncle, dites lui mille choses tendres de notre part; а тебѣ обѣ велѣли написать, что ты и тетенька Марья Конст. очень полюбите Шереметева *).

*

Москва, 27 Февраля 1832.

Я видѣлъ здѣсь Кутайсова. Это образчикъ покойнаго князя Александра Борисовича. На балѣ Голицына былъ онъ весь въ бриліантовыхъ орденахъ, а вмѣсто Бѣлаго Орла имѣлъ голубую, извиняясь, что формальной ленты еще не получалъ. Орденъ этотъ по лентѣ и звѣздѣ сталъ некрасивъ. Я писалъ тебѣ, что Потемкина знаетъ о смерти маленькаго Трубецкого. Ce bal d'Apraxine était la soirée avec aventures tragiques. Хорошъ очень Потемкинъ! Какъ не заѣхать къ огорченной матери? Этотъ молодчикъ выбралъ себѣ новыхъ опекуновъ. Хороши! Башиловъ и Павелъ Ржевскій; одному некогда, а другой не умѣетъ ничѣмъ заниматься.

Вчера заѣхалъ я навѣстить Вяземскую, которая пеняетъ, что безъ мужа не бываю у нея. Странное было съ нею происшествіе. Встрѣчаетъ меня, хромая. — Qu'avez-vous, princesse?—Jugez que je me suis brûlé le genou, mais jusqu'au sang; j'ai une plaie.—On peut se brûler le doigt, le nez, enfin je ne sais quoi, mais le genoux. Какими судьбами? Жарила у камина каштаны съ братомъ. Князь Ѳедоръ положилъ

*) Это Василій Сергѣевичъ, братъ гр. А. С. Шереметевой и старшій дядя Алексѣя Васильевича, достопамятнаго губернскаго предводителя Московскаго дворянства.

ей горячіе каштаны на платье, одинъ лопнулъ, и вообрази, сквозь платье, теплую юбку, и, вѣроятно, *панталоны* (ибо княгиня сказала: encore quelque chose) каштанъ сжегъ ей тѣло; но что̀ непостижимо, это то, что платье осталось невредимо, безъ дыры и даже пятна, ибо княгиня имѣла тоже самое платье на себѣ. Дѣло точно непостижимое, но съ княгинею Вѣрою Ѳедоровною всегда бываютъ вещи необыкновенныя. Разскажи это Марицѣ. Я нашелъ у нея княгиню Мещерскую, урожденную Карамзину, которая сегодня ѣдетъ къ вамъ. Съ нею отправляется дочь Вяземскихъ старшая, Marie; c'est une surprise qu'on fait au papa. Elles reviendront ici dans deux semaines, et m-lle Marie ne savait pas trop si elle devait rire ou pleurer de partir.

*

Москва, 3 Марта 1832.

И жаль Дм. Льв., и желаю успѣха у графа Канкрина, но на чемъ основать права? Не на заслугахъ отечеству, не на особенныхъ какихъ несчастіяхъ. Алекс. Львовичъ, хоть жилъ примѣрно, имѣлъ всегда барскій домъ, а Дм. Льв. все проѣлъ на нѣсколькихъ актрисахъ. Дай Богъ тебѣ съ легкой руки устроить ему спокойную и безнуждную старость. Скажи, что̀ послѣдуетъ. Я не такъ его люблю и знаю даже, какъ добрую Марію Антоновну. Я удивляюсь, что ты не знаешь, что Ваничка Урусовъ за нѣкоторые разговоры сосланъ въ Кавказскую армію. Онъ былъ здѣсь проѣздомъ нѣсколько дней.—Вотъ какъ глупые журналисты врутъ о Россіи и Русскихъ. Я читалъ прекрасное возраженіе въ Journal de S.-P. касательно Ливена. Говорятъ также о мщеніи нашего правительства къ Полякамъ, а вмѣсто того Государь сажаетъ матадоровъ ихъ въ Совѣтъ и ввѣряетъ имъ тайны государственныя Это на милосердіе походитъ, а не на мщеніе.

Здѣсь публика занята двумя большими происшествіями. Первое—трагическая, ужасная смерть генерала Войнова, коего ты вѣрно знавалъ въ Молдавіи. Онъ ѣхалъ куда-то. Со станціи пошелъ впередъ и велѣлъ себя догонять повозкѣ; чуть не была ли въ оной жена его. Проѣхавъ двѣ версты и не находя его на дорогѣ, экипажъ воротился на станцію, гдѣ его не нашли. Опять поѣхали впередъ и нашли несчастнаго Войнова на 5-й верстѣ, мертваго, окровавленнаго, изъѣденнаго вѣроятно стадомъ обголодавшихся волковъ. Едва можно было узнать, что это былъ онъ. Какая ужаснѣйшая смерть! Человѣкъ находитъ ее на большой дорогѣ, тогда какъ не могъ умереть отъ пуль, коимъ всегда ходилъ навстрѣчу. Это разсказывалъ Пашкову какой-то пріѣзжій, и кажется, мудрено сплести такую басню.

Другую исторію также слышалъ я отъ нашего доктора Острогожскаго, который былъ призванъ на помощь. Есть здѣсь нѣкто На-

рышкинъ Никол. Дм., братъ Ивана Дм., Юсуповой отца, человѣкъ богатый и странный. Дѣло въ томъ что во Вторникъ былъ онъ отравленъ въ котлетахъ. Острогожскій успѣлъ дать ему противоядіе и спасти его; до сихъ поръ онъ только мучается конвульсіями, но живъ. Отрава оказалась мышьякъ, а сдѣлано было злодѣяніе его поваромъ, дворникомъ и камердинеромъ. Вся дворня взята для слѣдствія. Иные увѣряютъ уже, будто и женщина, съ коею онъ живетъ и дѣтей прижилъ, тутъ же участвуетъ, что̀ совсѣмъ невѣроятно, ибо ея цѣль давно—склонить его на женитьбу. Говорятъ, будто онъ жестокъ съ людьми своими въ обращеніи и что камердинеръ одинъ разъ уже хотѣлъ его убить... Экіе проказы!—Пошлю сію минуту къ Фасту газеты Сенатскія, въ коихъ вижу, что его совѣтнику, Лаврецову, пожалована Анна на шею.

*

Москва, 4 Марта 1832.

Я Костю взялъ совсѣмъ изъ пансіона, мой милый другъ. Директоръ, инспекторъ отпустили его очень ласково, и прощанія были нѣжныя даже съ ними, не только съ товарищами. Первые даже сказали ему: Извините, К. А., ежели мы въ чемъ погрѣшили противъ васъ, а кажется мы всегда имѣли одну цѣль—добро ваше. Костя поплакалъ, благодаря всѣхъ начальниковъ, а между людьми раздѣлилъ 20 р., кои очень были приняты благосклонно. Я хочу, чтобы онъ непремѣнно всюду поѣхалъ прощаться, ибо всѣми былъ всегда обласканъ. Въ спискѣ 27 домовъ; иные вмѣстѣ объѣдемъ, яко то князь Серг. Мих., Апраксинъ, Волковы, а къ другимъ и роднымъ можетъ ѣхать и одинъ. Долгорукій очень спѣшитъ ѣхать, боится, чтобы дорога не испортилась, спѣшитъ возвратиться сюда; хочетъ даже выѣхать въ Воскресенье вмѣсто Вторника. Катенька начинаетъ быть грустна, да и я позадумываюсь. Богу одному извѣстно, что̀ послѣдуетъ послѣ разлуки сей! По Воскресеньямъ у насъ всегда было веселіе: Костя хоть кого развеселитъ, но точно пора было его отправить *).

Нашему приходскому попу (Николы Явленнаго) предлагаютъ ѣхать въ Гагу къ великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ, но онъ поблагодарилъ; въ эти лѣта не можетъ рѣшиться оставить Москву, приходъ свой, духовныхъ дѣтей, коихъ имѣетъ множество, оставить привычки Русскія, а человѣкъ умный и краснорѣчивый проповѣдникъ.

*

Москва, 9 Марта 1832.

Разсказываютъ, что Кіевскій военный губернаторъ Княжнинъ въ соборѣ какъ-то зацѣпилъ и уронилъ образъ Божіей Матери и что преосвященный его тутъ же предалъ проклятію. Какъ будто Княжнинъ

*) Въ Петербургъ, въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

уронилъ съ умысломъ, ежели бы и было дѣло, да какая могла быть цѣль его? Во-вторыхъ говорятъ, что послано двое членовъ изъ Синода въ Воронежъ, гдѣ явились чудотворныя мощи Митрофана или Ѳеофана. Не стану тебѣ сообщать подробностей, не бывъ увѣренъ въ истинѣ сихъ разсказовъ.

*

Москва, 10 Марта 1832.

Вдругъ отворяются двери и входитъ... кто же? Шиллингъ! Жиръ у него спалъ, и онъ совершенно посѣдѣлъ. Говоритъ, что очень былъ боленъ въ Иркутскѣ, хотѣлъ сегодня быть къ намъ. Вчера не успѣли мы наговориться. Хвастаетъ, что проникъ до воротъ во внутренность Китая, чтò ни единому иностранцу не было прежде никогда позволено. Навезъ множество любопытныхъ предметовъ, кои отправлены уже въ Петербургъ. Велѣлъ тебѣ очень кланяться, все тотъ же. Собирается къ вамъ черезъ нѣсколько дней.

Наконецъ, ты пишешь о Норовѣ. Насъ все увѣрялъ его cousin Александръ, что онъ будетъ въ Москву. Съ нимъ было очень смѣшно намедни гдѣ-то на балѣ. Подходитъ къ нему генералъ-адъютантъ Стрекаловъ и спрашиваетъ: Скажите, пожалуйста, вы послѣ осьмой главы Онѣгина ничего не написали? Норовъ отвѣчаетъ: Ничего! Да я вамъ еще болѣе скажу, что и осьмую-то главу не я написалъ. Стрекаловъ удивился и спрашиваетъ: Какимъ же образомъ?—А вотъ какимъ, отвѣчаетъ Норовъ, в. пр-во принимаете меня за А. Пушкина, а я А. Норовъ. Правда, что есть какой-то faux air: тотъ же *высокій**) ростъ и огромные бакенбарды, но все таки Стрекаловъ былъ въ большомъ затрудненіи. Стоя возлѣ него въ концертѣ Тозія, я хотѣлъ ему сказать, какъ p-ce de Ligne (о Маркези, кажется): J'enrage contre ce coquin de Marchezi, т. е. Тозія, qui m'empêche de vous écouter. Все время пѣлъ, да такъ скверно и хотя бы въ томъ тонѣ. А въ Казани, я чаю, будетъ давать концерты и прослыветъ знатокомъ и любителемъ музыки. Можешь любезнаго нашего Абрама Норова попотчивать этимъ анекдотомъ о его кузéнѣ.

*

Москва, 12 Марта 1832.

Здѣсь запретили журналъ Кирѣевскаго Европеецъ и цензора Аксакова отставили. Это уже второй послѣ Глинки. По разсказамъ, такъ и этотъ также мало виноватъ, какъ былъ тотъ.

*

Москва, 19 Марта 1832.

У необыкновеннаго человѣка, какъ Фотій, должна быть и болѣзнь необыкновенная, то и не удивляюсь его бѣлой горячкѣ. Слушать, чтò разсказываютъ, такъ эта болѣзнь у него уже лѣтъ 20. То-то, я чаю,

*) Курсивъ въ подлинникѣ. Но Пушкинъ былъ невысокаго роста.

тоскуетъ графиня Орлова! Князь Серг. Мих. Голицынъ было слегъ, но теперь лучше. Вчера былъ у него Ив. Ал. Нарышкинъ; больной сказывалъ ему, что получилъ письмо отъ Государя и что Его Вел-во препоручалъ князю поздравить Алябьеву молодую съ помолвкою и пожелать ей счастія*). Ив. Ал. тотчасъ вызвался исполнить препорученіе за больного. Алябьева одна изъ нашихъ красавицъ, добрая дѣвочка, и выходитъ за какого-то Киреева.

*

Москва, 4 Апрѣля 1832.

И здѣсь всѣ очень хвалятъ Школу подпрапорщиковъ. Великій князь мастеръ этого дѣла, и ты вѣрно замѣтилъ (какъ и я здѣсь въ Кадетскомъ корпусѣ, куда два раза ѣздилъ съ его в—вомъ), какъ онъ умѣетъ обходиться съ дѣтьми; они его и боятся, и любятъ, какъ отца. Богъ благословитъ его попеченія, и Россія будетъ имѣть цѣлое прекрасное поколѣніе. Всѣ хвалятъ Шлипенбаха. Хорошо особенно то, что онъ строгъ. Богъ да поможетъ Костѣ, а надобно ему много стараться

*

Москва, 5 Апрѣля 1832.

Я и не зналъ старика Фонтона, но очень сожалѣю о немъ. Я читалъ прекрасныя его письма къ тебѣ; въ нихъ виденъ любезный, умный старикъ. Пожилъ! И Царьградъ, и Неаполь отъ смерти не спасутъ, какъ настанетъ часъ. Вчера умеръ здѣсь точно въ тѣхъ же лѣтахъ славный Лодеръ. Давно былъ боленъ и видимо опускался. Филиппъ Ивановичъ послалъ къ нему пастора, поговорить объ исповѣди и причастіи. Пасторъ умно взялся, сказалъ, что праздникъ подходитъ, надобно подумать о душевномъ лѣкарствѣ, тѣмъ болѣе, что вы больны. Какъ человѣки и самые медики ослѣпляются! Лодеръ отвѣчалъ: Nun ich gehe besser jetzt; Sonnabend komme ich selbst nach der Kirche, wir werden das ausmachen, Herr Pastor... Да черезъ шесть часовъ и умеръ нервическимъ ударомъ.

*

Москва, 7 Апрѣля 1832.

Странныя сдѣлалъ распоряженія Лодеръ: чтобы въ церковь его не носили, а *въ полночь* бы прямо повезли на кладбище и предали землѣ въ 10 рублевомъ гробѣ. Я и тутъ вижу какое-то чванство.

*

Москва, 11 Апрѣля 1832.

Какую-то сдѣлаетъ сенсацію у васъ новый Французскій посолъ? Тургеневъ увѣряетъ, что солдаты о немъ говорили: Grand Mortier à petite portée. Въ 14 году написалъ я въ Сынѣ От. статью: Парал-

---

*) Императоръ Николай Павловичъ, позднѣе, въ бытность свою въ Москвѣ, ѣзжалъ къ А. В. Киреевой. Это мать извѣстной писательницы О. К.

лель Сакена съ Мортье, т. е. сравненіе Русскаго губернатора въ Парижѣ съ Французскимъ губернаторомъ въ Москвѣ, какъ оба дѣйствовали; однимъ словомъ, одинъ уѣхалъ съ проклятіями Русскихъ, а другой со шпагою, поднесенною ему самими Французами.

*

Москва, 13 Апрѣля 1832.

Башиловъ прислалъ мнѣ архитектурный альбомъ, составленный въ его комиссіи о строеніи: это изображеніе всѣхъ славнѣйшихъ въ Москвѣ церквей, зданій казенныхъ и партикулярныхъ домовъ. Мысль бы хорошая, но такъ дурно приведена въ исполненіе, такъ дурно литографировано, что лучше бы не показывать. Ежели Башиловъ послалъ Государю экземпляръ, то большой сдѣлалъ промахъ; Его Вел-во большой знатокъ въ этихъ вещахъ, я знаю это по замѣчаніямъ и поправкамъ, которыя изволилъ дѣлать покойному Мартынову*), какъ этотъ ни былъ мастеръ своего дѣла. Первая мысль моя была послать тебѣ это, но право не стоитъ труда: будетъ три такихъ тетради. Дай-ка для смѣху пошлю къ тебѣ. Изъ славнаго Арсенала сдѣлали какой-то коридорчикъ. Когда увижу Башилова, скажу ему откровенно мое мнѣніе. За то Дм. Мих. Львовъ, подъ вѣдомствомъ коего находится какая-то школа при бывшей Кремлевской Экспедиціи, составилъ также, изъ работъ воспитанниковъ своихъ, альбомъ въ 84 листа. Онъ привозилъ это къ Хрущовымъ показывать. Эта такая прелесть, что заглядѣться можно на одну уже обертку и переплетъ. Все это оправлено въ серебряныхъ украшеніяхъ, и подлинно достойно быть поднесеннымъ Императрицѣ. Оно и посвящено школою Ея Имп. Вел-ву. Постарайся какъ-нибудь это увидѣть.

Кланяется тебѣ П. П. Новосильцовъ. Вчера былъ у насъ, говорилъ о Лодерѣ, о странномъ его завѣщаніи. Уже онъ съ годъ ходилъ какъ мертвецъ, и я потому случаю сказалъ bon mot, который Новосильцовъ просилъ меня ему уступить, какъ то было разъ съ Ланжерономъ и Ал. Льв. Нарышкинымъ. Я говорю, что Лодеръ живой былъ точно мертвецъ, а мертвый какъ будто живой!

*

Москва, 20 Апрѣля 1832.

Какъ добръ этотъ великій князь! Онъ же изволитъ еще извиняться передъ мною; никого не забылъ, даже Брокера. Не смѣю уже ему отвѣчать, боюсь наскучить, а напишу Анненкову. Мы читали съ восхищеніемъ письмо его выс-ва. Я увѣренъ въ добротѣ и даже доброй волѣ Костеньки, но твердости нѣтъ для исполненія. Вотъ въ чемъ

*) Батальный живописецъ, двоюродный по матери братъ Булгаковыхъ.

дѣло и вся бѣда.—Всѣ бѣгаютъ смотрѣть т. е. слушать Сосницкаго, анонсировали «Горе отъ ума» и «Mariage de Figaro». Говорятъ, въ обѣихъ сихъ пьесахъ играетъ онъ очень хорошо.

*

Москва, 22 Апрѣля 1832.

Узнаю вдругъ, что Цесаревичъ ушибся и что уже лучше, а то обыкновенно всякая вѣсть увеличивается; о семъ не было слышно ни слова, вѣрно оттого, что не было почты вчера. Я воображаю себѣ безпокойство Государя и особенно Императрицы, ибо Его Вел-во былъ, вѣроятно, самъ свидѣтелемъ и судитъ, что не было опасности. Боже сохрани!

*

Москва, 2 Мая 1832.

Стало, вчера была допущена Польская депутація? Ежели вѣрить Гамбургскимъ газетамъ, то она ѣдетъ въ Петербургъ благодарить Государя за новый порядокъ вещей, т. е. за причисленіе Польши къ Россіи. Это похоже на Поляковъ: прежде бунтовали за свое мнимое отечество, а теперь благодарятъ, что оно уничтожено. Вѣроятно, будутъ просить какія нибудь милости, и незлопамятный нашъ Ангелъ удостоитъ ихъ на оныя согласиться. Очень любопытно знать, что будетъ. У насъ здѣсь сегодня большая церемонія. Сію минуту за мною заѣдетъ Дишка, ѣдемъ въ Собраніе смотрѣть открытіе выборовъ дворянскихъ, только повѣстки были очень безтолковыя: не сказано ни куда собираться, ни въ которомъ часу. Служа, избѣгу выборовъ самъ, а желалъ бы имѣть хоть голосъ для другихъ по Рузѣ, Дмитрову и Можайску, гдѣ деревни Наташи; стало, буду дѣйствовать по довѣренности ея. Всѣ поѣдутъ, сказываютъ, процессіею въ соборъ присягать. Останется ли-то Обольяниновъ губернскимъ предводителемъ или другого изберутъ и кого? Выборы будутъ по новому положенію.

*

Москва, 4 Мая 1832.

Умеръ бѣдный Калайдовичъ, патріотъ и авторъ хорошій. 14 Декабря его такъ поразило, что онъ отъ негодованія занемогъ, а тамъ и съ ума сошелъ. Добрый князь Дм. Вл. выпросилъ ему пансіонъ. Хотя онъ служилъ въ Архивѣ, я полагаю . . . . . Малиновскій за это прогнѣвался и теперь не хотѣлъ представить о пенсіи женѣ, оставшейся съ 4 ребятами въ такой нищетѣ, что мы дѣлали складчину, чтобы его похоронить. Спасибо Бекетову: далъ 1000 р. Калайдовичева прибѣгаетъ къ Государю, прося оставить ей пенсію мужа 1000 р., хотя до совершеннолѣтія дѣтей. Вотъ Нессельродъ могъ бы сдѣлать благо-

дѣяніе и выпросить это безъ просьбы ея. Я не знаю, почему она не попробовала написать ему. Но лучшій отецъ и покровитель всякаго Русскаго нашъ Государь.—Говорятъ, выборы очень долго продолжатся и будутъ шумны. Много кандидатовъ на мѣсто Обольянинова, но нѣтъ такого, который бы соединилъ всѣ голоса.

*

Москва, 5 Мая 1832.

Шумно было вчера на выборахъ. Ужасно кричали и спорили. Поводомъ былъ предводитель Московскаго уѣзда Бахметевъ, котораго не жалуютъ. Онъ, это чувствуя, не хотѣлъ балотироваться; но стали спорить, что онъ не въ правѣ отказаться, что должно балотировать прежде и, ежели выберутъ, тогда отказаться. Мнѣ кажется, что не дѣльно это и только потеря времени. Цѣль была не имѣть болѣе Бахметева; такъ ежели отказывается самъ, чего же лучше, цѣль достигнута! Нѣтъ, хотѣли его высѣчь, наградить черными шарами, это пятно пало бы на все дворянское сословіе. Я въ Московскомъ уѣздѣ не участвовалъ, но разговаривая съ Серг. Ильич. Мухановымъ, сказалъ ему, что тутъ расчетъ самый пустой: Бахметева или выберутъ или нѣтъ; ежели выберутъ, онъ отказывается уже заранѣе, а ежели не выберутъ, то только время напрасно потеряютъ. Партія des modérés взяла верхъ, и отреченіе Бахметева было принято. Отказались отъ балотированія Мухановъ, Базилевичъ, князь П. П. Гагаринъ и многіе другіе. Когда я уѣхалъ, то первымъ кандидатомъ былъ графъ Анд. Ив. Гудовичъ, а второй Ладомирскій. По уѣздамъ также не безъ несогласія было. Въ нашемъ Рузскомъ нѣтъ предводителя покуда, выбранные Сабуровъ (прежній), Соймоновъ, Бороздинъ отказались, а гр. Ефимовскій и другіе, желавшіе было, всѣ забалотированы. Сколько я помню, выбраны въ Можайскѣ Камынинъ, въ Серпуховъ—Васильчиковъ, въ Клину князь Ник. Меншиковъ, въ Дмитровѣ Рахмановъ, а въ Звенигородѣ прежній Вас. Олсуфьевъ, коему всѣ дворяне уѣзда поднесли бѣлые шары. Это очень лестно, и онъ былъ тронутъ довѣренностью и благоволеніемъ дворянъ. Вотъ бы такихъ все выбирать людей, такъ шло бы по маслу. И правительство было бы довольно и дворяне. Какъ-то съ Москвою кончатъ? Обольяниновъ боленъ; видно, Гудовичу достанется. Фамильный, добрый и богатый человѣкъ, но имѣетъ ли довольно вѣсу? Тутъ нужны матадоры.

Много занимаетъ городъ исторія князя Өедора Гагарина съ Павломъ Ржевскимъ. Говорятъ, что они сегодня будутъ драться; стыдно въ ихъ лѣта рѣзаться и за вздоръ. Обѣдали у Яра въ рестораціи, о вздорѣ какомъ-то заспорили, о спаржѣ, которую ѣлъ графъ Потемкинъ.

Только, наконецъ, такъ выругали другъ друга, что такъ остаться не можетъ. Гагаринъ сказалъ: Vous oubliez que j'ai un sabre sur moi; а тотъ ему: Et moi j'ai une chaise que je puis vous jetter à la figure. —Sortez d'ici, сказалъ Гагаринъ.— Je ne sortirai pas, je vous jetterai vous-même hors d'ici. Такъ какъ это было гласно, при множествѣ свидѣтелей, то князь Дм. Вл. призывалъ ихъ обоихъ, вѣроятно, чтобы кончить это все какъ-нибудь; но не знаю, успѣлъ ли. Вчера говорили, что они сегодня будутъ стрѣляться и что Ржевскій просилъ Корсакова Гришу въ секунданты. Когда остепенится этотъ Гагаринъ? Какая горячка! Я было порадовался, онъ такъ сталъ учтивъ съ возвращенія изъ арміи. Вотъ къ чему ведутъ эти обѣды трактирные!

Я тебѣ не разсказалъ странное мое приключеніе въ Понедѣльникъ у Мар. Вас. Обрѣзковой. Сижу я у нея вечеромъ, время прекрасное, окно открыто. Я сѣлъ возлѣ князя Бор. Ал. Лобановъ, игравшаго въ карты. Вдругъ на улицѣ кричитъ кто-то: Александръ Яковлевичъ! Я подбѣжалъ къ окну, гляжу: Никого нѣтъ; къ другому—нѣтъ. Тотъ же крикъ, всѣ смѣются, а хозяйка удивляется.... Я думаю, что это пьяный какой-нибудь: домъ освѣщенъ, и онъ меня узналъ. Посылаю человѣка за ворота посмотрѣть, а между тѣмъ говорю: Можетъ быть, это и не меня кличутъ; онъ не называетъ фамиліи моей, а только А. Я. Едва сказалъ я это, какъ опять раздался крикъ: А. Я. Булгаковъ, поди-ка сюда! Булгаковъ! Тогда вышелъ я изъ терпѣнія и побѣжалъ на улицу. Никого нѣтъ. Я спрятался за ворота, чтобы караулить. Хозяйка велѣла просить меня въ домъ, боясь, что простужусь. Я только что вошелъ въ комнату, тѣже крики: А. Я. Б. возобновились. Я не зналъ, что̀ думать и, взглянувъ на незнакомое лицо какого-то Нѣмца, тутъ сидѣвшаго, я вспомнилъ вдругъ, что ты мнѣ писалъ о какомъ-то славномъ вантрилокѣ, ударилъ себя по лбу и закричалъ: Вѣрно это вантрилокъ! Тогда всѣ бывшіе въ секретѣ захохотали. Только такого совершенства постигнуть нельзя. Онъ повторилъ еще многіе опыты. Я познакомился короче съ этимъ Шмитомъ; кажется, порядочный молодой человѣкъ, и очень пріятная наружность *).

*

Москва, 6 Мая 1832.

Исторія Гагарина съ Ржевскимъ не имѣла послѣдствій: ихъ помирили, и всякій остался при кучкѣ грубостей, коими былъ надѣленъ. Теперь поговариваютъ, что Обольяниновъ останется предводителемъ губернскимъ. Всякій день бываетъ много, и особенно зрителей и дамъ, на хорахъ.

---

*) Покойный С. Н. Гончаровъ сказывалъ намъ, что А. С. Пушкинъ написалъ стихотвореніе про этого чревовѣщателя (оно не сохранилось: въ наброскѣ кое-что есть).

Москва, 11 Мая 1832.

Жаль, ежели не будетъ великая княгиня въ Москву; наша бѣлокаменная оживилась бы ея присутствіемъ; вѣрно бы и его выс-во пожаловалъ бы также. То-то дамы плачутъ о Шарлѣ; молодъ и Французъ, авось либо и ускользнетъ отъ неумолимыхъ когтей смерти. Хотя Helliot чесалъ Катю, но она очень сожалѣетъ о бѣдномъ Шарлѣ. Вотъ и графъ Орловъ возвратился; не могъ, видно, уломать Голандскаго короля.

Читалъ я рѣчь Польскихъ депутатовъ. Давно бы имъ такъ. Только показалось мнѣ странно, что говорили они по-польски, мы отвѣчали по-русски, ни они насъ, ни мы ихъ не понимали. Государь покойный говаривалъ на сеймахъ по-французски, а хорошо то, что Иностранная Коллегія была въ сторонѣ, а дѣлалось дѣло внутреннимъ министерствомъ, т. е. по домашнему, а не яко съ державою иностранною или независимою. Будутъ ли умнѣе впередъ?

*

Москва, 13 Мая 1832.

Мнѣ жаль, что я съ княземъ Серг. Мих. не могъ проститься. Я былъ тогда въ деревнѣ, какъ онъ ѣхалъ отсюда. Москва лишилась въ немъ пріятнаго человѣка и дòма пріятнаго; онъ всякій день принималъ, а по Воскресеньямъ у него, точно какъ у твоего князя, messe et cercle, и хозяинъ ужасно былъ всегда вѣжливъ и одинаковъ со всѣми безъ разбора чиновъ.—Прощай канцелярскія цидулы! Уже началась снова переписка съ Коллегіею покойною. Мы знаемъ только, что мы Главный Архивъ Московскій, и болѣе ничего; когда и какіе будутъ штаты, Богъ знаетъ; для меня совершенно все равно.—Того и гляжу, что Тургеневъ выѣдетъ, наконецъ, но въ Москву вмѣсто чужихъ краевъ.

Москва, 16 Мая 1832.

Я читалъ въ Гамбургскихъ газетахъ подробности Лондонскихъ безпорядковъ; не шутка! Оба просвѣщеннѣйшія (какъ они себя величаютъ) государства куролесятъ. Теперь минута благопріятная для Россіи возвышать голосъ и заставлять плясать по нашей дудкѣ всю Европу, а Государь нашъ желаетъ общее благо. Экая сумасбродная эта Берри!*) Это общая болѣзнь у всѣхъ Бурбоновъ, они всегда бредили мятежами въ ихъ пользу. Какое мщеніе надъ женщиной? Я бы просто ее отправилъ обратно и показалъ бы этимъ, что не боюсь новыхъ покушеній и презираю ихъ. Слава Богу, что не взяла еще сына съ собой, а то конецъ бы всѣмъ правамъ старой линіи, которую бы въ немъ пресѣкли; тогда бы еще болѣе стала она оплакивать безразсудное свое предпріятіе.

---

*) Герцогиня Беррійская, защищавшая права своего сына, единственную прямую отрасль Бурбоновъ, бѣжала въ Испанію и тамъ разрѣшилась ребенкомъ, отъ кого-то прижитымъ.

Москва, 19 Мая 1832.

Наконецъ, совершились выборы. Обольяниновъ не хотѣлъ балотироваться, отказался. Графъ Анд. Ив. Гудовичъ имѣлъ предъ Вас. Дм. Олсуфьевымъ большинство, кажется, 9-ю шарами и былъ выбранъ губернскимъ предводителемъ. Уѣзднымъ Московскимъ Ладомирскій, сынъ покойнаго Корсакова; совѣстнымъ судьею князь А. П. Оболенскій, а прочихъ не знаю. Только жаль, что видимо было пристрастіе и кабалы, а все это происходило отъ полдюжины баламутовъ, кои сбивали другихъ. Голохвастовъ Дм. Павловичъ отправлялъ въ это трехлѣтіе должность совѣстнаго судьи, балотировался, и ему положили почти все черные шары. Малый благородный, и онъ очень огорчился обидою такою. Кто же захочетъ себя подвергнуть подобному жребію?

*

Москва, 4 Іюня 1832.

Коли бы я былъ въ Петербургѣ, видѣлъ бы любезнаго Поццо; мало знаю людей, коихъ общество было бы пріятнѣе. Не удивляюсь, что онъ по уму своему восхищается Государемъ, который, вѣрно, отдаетъ ему должность и справедливость. Очень кланяйся ему отъ насъ.

Ермоловъ въ подмосковной; въ самый день его пріѣзда сюда, получилъ извѣстіе о кончинѣ отца, послѣдовавшей 25 числа Мая въ Орлѣ. Я его не видалъ, но Хрущовъ сказывалъ, что находитъ его лучше; видно Петербургскій климатъ благопріятствуетъ ему.

*

6 Іюня 1832.

Ф. И.*) былъ у меня вчера и не имѣетъ никакой надежды къ выздоровленію Рушковскаго, у коего уже признаки водяной. Съ трудомъ большимъ пишу тебѣ, мой милый и любезнѣйшій другъ, но никогда не было столь важно для меня писать къ тебѣ откровенно, а отъѣздъ Похвиснева даетъ мнѣ случай вѣрный къ тому. Я съ нѣкотораго времени въ весьма критическомъ положеніи, ибо весь городъ меня назначаетъ на мѣсто больного. Я не въ силахъ оспаривать всѣ резоны, кои мнѣ даютъ. Я не мальчикъ, довольно служу, 19-ти лѣтъ имѣлъ уже въ рукахъ тайны государственныя, казну и цифры, не былъ никогда замѣченъ не только въ чемъ-либо дурномъ, но даже въ неосторожномъ. Чѣмъ были лучше меня Татищевъ, Калининъ, Ключаревъ или самъ Рушковскій? Не имѣя что̀ отвѣчать, я говорю одно всѣмъ, что мѣсто это давно уже обѣщано, и время покажетъ, кому. Ты самъ это искалъ, самъ знаешь ему цѣну, и вѣрно не имѣлъ ту нужду, которую я терплю. Мѣсто это можетъ меня воскресить; выгоды падутъ и на тебя самого,

*) Филиппъ Ивановичъ Поеллеръ, славный врачъ, другъ Булгаковыхъ.

а ужъ вѣрно на дѣтей нашихъ. Государь вѣрно затрудненій не сдѣлаетъ. Развѣ два брата не были уже почтдиректорами?*). Развѣ служба самая отъ этого не выиграетъ? Все пойдетъ лучше, а теперь идетъ здѣсь такъ худо, какъ хуже нельзя. Скажу безъ лжи, что въ Почтамтѣ молятъ Богу о семъ, да и въ городѣ всѣ сего желаютъ, и удивляются, что Р. давно уже не сенаторомъ. Судьба моя въ твоихъ рукахъ. Ты знаешь, что я въ жизнь мою не заикался тебѣ никогда; но я былъ бы себѣ и семейству злодѣй, ежели бы теперь молчалъ. Можетъ ли быть, чтобы ты, любя и чужимъ благотворить, могъ забыть о братѣ своемъ? А потому и колебался я писать. Во всякомъ случаѣ, ежели это нѣсколько трудно, ежели этимъ можетъ повредиться твоя карьера, или я могу тебѣ стоить малѣйшихъ выгодъ, вліянія или уменьшить вѣсъ, который ты умѣлъ себѣ пріобрѣсть: то прошу тебя мое письмо изорвать, предать забвенію. Это сдѣлаютъ для тебя впослѣдствіи, падетъ и на меня также; а мнѣ мыкать горе не новое. Я почти радъ, что я боленъ, а выздоровя спѣшу въ деревню, чтобы избавиться несноснаго болтанья Московскаго. Ко мнѣ уже пріѣзжало трое совѣтчиковъ, напр., и Л. А. Яковлевъ. Ал. Яковл., что ты зѣваешь? Поѣзжай въ Петербургъ тотчасъ, хлопочи: у Рушковскаго одна нога въ гробу и пр. Не идетъ мнѣ хвалить себя; но кажется, что имѣю все, что̀ нужно для сего мѣста: языки знаю, всегда же брали изъ Коллегіи на сіи мѣста. Рушковскій хотѣлъ самъ писать, и онъ называетъ меня mon digne successeur, но я его заклиналъ не дѣлать этого, говоря и ему: cette place est déjà promise depuis longtems. Можетъ быть, главнаго тебѣ не сказалъ, но и это едва написалъ, не смогу даже переписать: глазъ ломитъ ужасно. Ты легко войдешь въ мое положеніе, а понимая оное, былъ бы ты не другъ и не братъ, а врагъ, ежели упустишь случай мнѣ сдѣлать такое благодѣяніе. Богъ тебя наставитъ на должное. Ежели бы не глазъ, я рѣшился бы, можетъ быть, писать прямо князю А. Н. и открыть ему душу.

*

7 Іюня 1832, Москва. 12 часовъ.

Почтальонъ, принесшій почту, сказалъ мнѣ, что Ив. Алекс. совершенно безнадеженъ. Я собрался вдругъ, окутался, сѣлъ въ карету и поѣхалъ на почту. Больной при мнѣ скончался, на меня взглянулъ, но не знаю, узналъ ли, а уже не говорилъ. Ужасно измѣнился въ эти три дня; кажется, Антоновъ огонь внутренній его довершилъ. Душевно объ немъ соболѣзную. Я точно потерялъ друга, который часто мнѣ въ нуждахъ моихъ помогалъ. Грустно видѣть комнату такого начальника, набитую квартальными, сторожами. Тутъ Трескинъ и всѣ экспе-

*) Пестели, почтдиректоры въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка; только Булгаковъ позабылъ, что это были не два брата, а сынъ (въ Москвѣ) и отецъ (въ Петербургѣ).

диторы ждутъ докторовъ, чтобы послѣ приступить къ запечатанію бумагъ покойнаго. Слава Богу, что онъ вчера успѣлъ исповѣдаться и причаститься, и умеръ христіаниномъ. По тихой, смиренной его жизни достоинъ онъ вѣчнаго упокоя; молю за него Господа милосерднаго.

*

Moscou, ce 10 Juin 1832.

Вчера отправили мы съ Фастомъ печальный долгъ, и все было очень хорошо устроено, и достаточно было собственной команды, чтобы сдѣлать большую толпу. Балдахинъ, шесть лошадей и двѣ шеренги почтальоновъ и всѣ безъ изъятія чиновники сопровождали покойнаго своего начальника. Къ счастію, проливной дождикъ, который шелъ все послѣобѣда, пересталъ къ шести часамъ, и настала тихая погода. Не одному барину имѣлъ Рушковскій случай дѣлать одолженіе, а очень мало пріѣхало отдать послѣдній долгъ. Были: И. И. Дмитріевъ, Каверинъ, комендантъ, Гедеоновъ, нашъ абрикосъ, Офросимовъ, мы съ Фастомъ и г. полицеймейстеръ. Я удивлялся, что князь Д. В. не пріѣхалъ, онъ, къ которому покойникъ имѣлъ родъ обожанія. Я замѣтилъ тутъ Фасту, что Рушковскій мертвымъ уже надѣлъ въ первый разъ Анну съ короной и выѣхалъ въ шесть лошадей. Были лица, которыя поплакали объ немъ. Насмѣшилъ меня невольно Трескинъ. Я ему говорю: Вы звали всѣхъ въ шесть часовъ, а теперь почти семь; кого еще ждете, зачѣмъ не начинаете церемоніи? А онъ мнѣ въ отвѣтъ: А вотъ что я сдѣлаю. Заставлю нашихъ пѣвчихъ почтамтскихъ пропѣть концертъ, чтобы позанять гостей. И вышло, что въ залѣ дѣлался обрядъ католическій около покойнаго, а въ Турецкой диванной пѣли Русскіе пѣвчіе. Я однакожъ въ церковь не поѣхалъ: далеко, и было сыро. Мы съ Фастомъ привезли домой, онъ свою больную щеку, а я больной глазъ.

*

Москва, 11 Іюня 1832.

Я получилъ письмо твое отъ 7 Іюня. Шутка совсѣмъ не забавна. Но слава Богу, что воры не перепугали Марицу и дѣтей и болѣе не вытаскали. Жена очень сожалѣетъ о маленькихъ часахъ Марицы, а добрый Чертковъ будетъ сожалѣть, что хлопоталъ для вора, а не для Марицы. Чижикъ улетѣлъ, клѣтку стали запирать; по крайней мѣрѣ другимъ не улетѣть. И какъ на дачѣ быть безъ сторожей? Здѣсь подобная исторія случилась съ новобрачной Меллершой, женой улана. Она пріѣхала съ балу какого-то, имѣла на себѣ множество бриліантовъ, своихъ и чужихъ, разбросала ихъ на столѣ и легла спать. Вдругъ ночью видитъ предъ собою фигуру незванную; не испугалась однакожъ, притворилась спящею и дернула снурокъ, бывшій у самой

ея головы. Колокольчикъ зазвенѣлъ, воръ побѣжалъ въ коридоръ, явился мужъ, спавшій въ своемъ кабинетѣ, и люди, но поздно: воръ уже далъ тягу, унесъ съ собою неизвѣстно еще на сколько тысячъ. Вотъ каково женамъ не спать съ мужьями.

Москва, 12 Іюня 1832.

Умеръ извѣстный юристъ Н. Н. Сандуновъ, къ коему всѣ доки прибѣгали къ совѣтамъ въ казусныхъ случаяхъ.—Гдѣ не сыщутъ протекціи? Вообрази, что вчера нѣкто Шубинскій привезъ мнѣ сына и письмо въ его пользу для опредѣленія въ Архивъ. Отъ кого, откуда? Отъ Бутенева изъ Царьграда!! Дядя молодого человѣка, Шубинскій, служитъ въ жандармахъ полковникомъ, правая рука Волкова, прекрасный человѣкъ, и онъ сегодня былъ у меня просить о томъ же.

Мнѣ вчера разсказывали весьма трагическую исторію. Побочная дочь князя Ив. Ник. Трубецкого была обольщена какимъ-то волковымъ, съ коимъ прижила трехъ дѣтей. Онъ вдругъ къ ней пріѣхалъ, объявилъ ей, что онъ ѣдетъ, что все между ними кончено, что можетъ собою располагать, и оставилъ ей нѣсколько денегъ. Она была поражена какъ молніею, послала дѣвушку за докторомъ, и когда та воротилась, то нашла несчастную свою барыню плавающею въ крови; она перерѣзала себѣ горло, но прежде смерти могла еще объявить, что она сама виновница своей смерти, чтобы никого не подозрѣвали, просила дѣвушку не оставить дѣтей и умерла. Ужасно то, что она была брюхата, и потому надобно полагать, что несчастная въ умѣ повредилась.

*

Москва, 15 Іюня 1832.

Я увѣренъ былъ, что смерть Рушковскаго тебѣ будетъ чувствительна. Мнѣ до сихъ поръ какъ будто чего-то недостаетъ; бывали ежедневныя присылки и сношенія. Въ городѣ молва, что онъ тебя сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ, а другіе говорятъ, что онъ оставилъ тебѣ только (только!) 200 т., excusez du peu. Всѣ хотятъ знать, а я писалъ тебѣ, чтó онъ говорилъ Пфеллеру наканунѣ смерти своей. Развѣ было сдѣлано завѣщаніе прежде, а въ послѣднее время не успѣлъ распорядиться своимъ имуществомъ.

*

Москва, 19 Іюня 1832.

Письма твои для меня какъ бальзамъ утѣшительный, ибо хоть и нѣтъ въ нихъ ничего положительнаго, но они и надежды у меня не отнимаютъ, и это уже много. Я ѣхалъ сюда *) съ мрачными мыслями, ты ихъ разсѣялъ. Я же знаю скромность твою: когда ты ничего не

*) Т. е. изъ подмосковной.

обѣщаешь, то ужъ и это хорошій знакъ. А Закревскій сказалъ мнѣ рѣчь, которая меня и тронула, и ободрила. Вотъ его слова: «Въ одномъ могу тебя увѣрить, любезный Александръ, что вѣрно ты самъ этого не столько желаешь, сколько братъ твой.» И прибавилъ: «Мой совѣтъ— молчать, сидѣть дома, не казаться въ публику, какъ можно, и надѣяться на Бога и старанія Константина». Много придаютъ мнѣ духу сіи слова друга нашего; а то, раздумывая о дѣлѣ семъ и судя безпристрастно, мнѣ все казалось, что твоя чрезмѣрная деликатность будетъ бороться съ любовію братскою. Пользуясь самъ мѣстомъ, можно сказать, первѣйшимъ въ Имперіи, какъ тебѣ еще просить подобное мѣсто для другого себя? И я тебя извинялъ. Какое имѣемъ мы исключительное право на занятіе столь важныхъ и выгодныхъ должностей? Князь тебя любитъ конечно и уважаетъ, да развѣ нѣтъ у него своихъ фаворитовъ? Положимъ и такъ: онъ возмется представить. Да развѣ Государь не знаетъ лично многихъ достойнѣйшихъ предо мною? Я же за глазами. Я горжусь милостивымъ со мною обращеніемъ общаго отца нашего, и этого много для меня; смѣю ли требовать болѣе? Все это меня смущало и разстроивало истинно душу мою; Шеметевское житье меня подкрѣпило нѣсколько. И тамъ меня дѣти тронули до нельзя. Ахъ, папенька, твердили они, мы молимся Богу, просимъ Его, чтобы наградилъ васъ за добрую вашу душу, чтобы видѣли мы васъ спокойными, веселыми, чтобы вы, а не другой, получили мѣсто Рушковскаго! Я цѣловалъ и благодарилъ этихъ двухъ ангеловъ. Ихъ молитвы и сердце третьяго Петербургскаго ангела тронутъ Всемогущаго. Много разъ перечитывалъ я письма твои снова. «Надобно докладывать князю, выпью свою воду и пойду къ нему, надобно доложить хорошенько». Очень меня тронуло. Я перестану говорить объ этомъ: слишкомъ это меня расшевеливаетъ. Подождемъ. Государя же нѣтъ въ Петербургѣ. Нѣжный этотъ отецъ поѣхалъ провожать дѣтей. Онъ ихъ любитъ, какъ я своихъ; но они слишкомъ малы, чтобы его любить, какъ мои меня любятъ.

*

Москва, 20 Іюня 1832.

Любезный другъ, братъ и благодѣтель! Я точно какъ помѣшанный. Вообрази, что вчера не могъ собраться къ тебѣ писать и писавши вѣрно написалъ бы вздоръ какой-нибудь. Въ такомъ былъ я волненіи, что право боялся остаться въ этомъ положеніи, и хотя я ночь почти не спалъ, но сегодня я покойнѣе. Я всталъ въ пять часовъ и одинъ надосугѣ хочу съ тобой до-сыта наговориться. Неужели все это не сонъ и подлинно со мною сбывается? Боже мой милосердный, Ты надо мною сжалился! Ты далъ брату умъ дѣйствовать, какъ должно

было. Ты обратилъ ко мнѣ милосердіе Государя, участіе князя Голицына. Столько тебѣ хочу сказать, что не знаю, съ чего начать и чувствую, что опять начинается вчерашнее волненіе. Попробую идти порядкомъ.

Я шелъ было внизъ узнать, который часъ точно; жена была у сосѣдки, думалъ туда тоже зайти. Нахожу въ передней почтальона. Что такое?—Почта.—Какъ, уже? Я взялъ пакетъ, пошелъ къ себѣ на верхъ. По расчету моему могъ я уже узнать что-нибудь и хорошенько ли ты докладывалъ? Невольная сдѣлалась дрожь въ рукахъ. Распечатываю. Надпись твоей руки; въ пакетѣ еще запечатанный пакетъ съ словами: брату, а ниже: нужное. Это меня встревожило. Есть, видно, что-нибудь, сказалъ я себѣ; это форма необыкновенная. Распечатываю, вижу слова: Секретно, *секретнѣйше*. Не смѣю читать, ощупываю восемь страницъ, что̀ внутри? Неужели все братнинова рука? Открываю, узнаю руку князя твоего. Нѣтъ, никогда не буду умѣть я выразить, что̀ во мнѣ произошло, прочитавши бѣгло слова: Eh bien, mon cher ami, je suis bien aise, l'Empereur a consenti que votre frère remplace m. Rouchkofsky; faites préparer l'oukaze à la signature de Sa Majesté! Листь выпалъ у меня изъ рукъ, я долженъ былъ сѣсть, ручьи слезъ полились изъ глазъ. Я сталъ крѣпиться, цѣловать князевъ почеркъ вмѣсто его руки, вспомнилъ о Наташѣ и радовался, что нѣтъ ея дома, чтобы имѣть время въ себя прійти. Охъ, братъ, какъ тебѣ описать мое счастіе, мой восторгъ, радость мою? Можетъ ли быть довольнѣе преступникъ, которому въ минуту казни объявляется прощеніе? Скажу еще, что сгоряча я не такъ чувствовалъ радость свою; теперь, обдумывая все, размышляя о будущемъ, перечитывая въ сотый разъ твое безцѣнное письмо, отпечатокъ души твоей ангельской, я истинно ликую и вижу, какъ огромно благодѣяніе мнѣ оказанное.

Скоро пришла жена; противъ обыкновенія не пошла тотчасъ ко мнѣ на верхъ; я велѣлъ ее позвать къ себѣ.—Qu'avez vous, mon cher? (она видѣла въ моемъ лицѣ что-то необыкновенное).—Ce que j'ai.... хотѣлъ договорить, не могъ, кинулся ей на шею.—Vous connaissez la main du p-ce Gallitzine, lisez ce qu'il écrit à mon frère! Ты можешь себѣ вообразить радость нашу, слезы.—Пойдемъ къ Иверской, были ея первыя слова.—Конечно, прежде всѣхъ надобно прибѣгнуть къ Первому Виновнику всего на семъ свѣтѣ; но надобно погодить и не дать замѣтить нашей тревоги людямъ въ домѣ. Все это послѣ сдѣлаемъ. Послѣ перваго восторга оба сказали: Il faut partir pour Pétersbourg. Экое счастіе мнѣ вдругъ привалило: увижу тебя, прижму къ сердцу моему. Одно прошу только у Бога: здоровье и доказать Государю мое

пламенное усердіе, а князю благодарность мою. Не говорю о тебѣ ни слова: все было бы недостаточно, да и излишнее. На запискѣ князя я бы не видалъ, жена мнѣ указала, возлѣ числа le 10 Juin приписаны твоею рукою слова: 'le plus heureux Juin de ma vie. Вѣрно, другъ любезный, вѣрно, что это такъ; да оно и не можетъ не такъ быть, а ты не знаешь еще, сколь великъ, неожиданъ переходъ для меня изъ одной крайности въ другую.

*

(Того же числа).

Весь городъ одно говорилъ и одно говоритъ, что̀ уже для меня очень лестно. Буду изъ кожи лѣзть, чтобы всѣ были мною довольны, но паче Государь. Ты меня научишь, какъ въ этомъ успѣть. Угодно ему, чтобы я пріѣхалъ въ Петербургъ? Это усугубляетъ счастіе мое. Я бы не смѣлъ этого просить, а какъ бы желалъ тебя видѣть для стольких ъ причинъ! Желаю, мой милый другъ, оставаться въ вѣдомствѣ Коллегіи, какъ было и съ тобою: 34 году служу въ ней безпрерывно, больно будетъ оставить мундиръ этотъ, раза два въ годъ буду его надѣвать. Никого не вижу, то и говорить некому. А буду говорить съ кѣмъ столкнусь, что ѣду для Кости и за штатами. Надѣйся на мое молчаніе и скромность. Видя мое поведеніе вообще, ты бы совершенно оное одобрилъ. Какъ мнѣ было больно молчать съ Закревскимъ и Чертковымъ, особенно съ первымъ: онъ такъ скроменъ и хорошо тайны хранитъ; да нечего дѣлать. А Волкову никогда бы не сказалъ и безъ того: ужасный болтушка, нескроменъ, а теперь еще болѣе. За обѣдомъ у Черткова требовали Шампанскаго пить здоровье будущаго почтдиректора. Закревскій сказалъ: Пустяки! Когда будетъ, тогда и выпьемъ. Тутъ завязался разговоръ, споръ, и Волковъ кончилъ тѣмъ, что Закревскій правъ.—Я признаюсь, прибавилъ Волковъ, что почелъ бы великимъ счастіемъ для себя, и я не понимаю, какъ Александръ не старается, изъ кожи не лѣзетъ.—Да что̀ тутъ лазить изъ кожи, отвѣчалъ Закревскій, какая польза? Константинъ любитъ брата, желаетъ его счастія; надобно на него положиться и молчать. Ежели есть возможность, онъ, навѣрно, не упуститъ; но не отъ Константина одного все это завититъ.—Оставимте, господа, этотъ разговоръ, сказалъ Чертковъ; а ежели наше желаніе сбудется, то я тогда вамъ дамъ обѣдъ и первый пьянъ напьюсь. Тѣмъ все и кончилось, а я засмѣялся въ душѣ своей, и знаешь чему? Вспомнилъ покойнаго Рушковскаго и слова: C'est fait, V. M. I., c'est fait! Вспомнилъ, какъ онъ это произнесъ, и какъ слова сіи идутъ теперь къ моему казусу. Ну, братъ, великій совершилъ ты подвигъ. Вѣчная тебѣ слава, благодарность.

*

Москва, 21 Іюня 1832.

Полно писать къ любезному брату, лечу его обнять. Мысленно я уже на Петербугской дорогѣ. Я точно на иголкахъ, не вижу минуты выѣхать скорѣе изъ Москвы. Я записался и завтра отправляюсь. Товарищи мои путевые: Персіянинъ, какой-то мѣщанинъ и Серг. Ник. Глинка; не будетъ скучно. Я очень здоровъ, а ночи не сплю; въ пять часовъ былъ я уже на ногахъ, а въ шесть у Фаста и завтракалъ съ нимъ, наболтался до-сыту, а послѣ взялъ жену да пошелъ пѣшкомъ къ Иверской, пѣлъ тамъ молебенъ.

*

Семердино, 24 Августа 1832 [1]).

Мила мнѣ здѣшня сторона, любезнѣйшій другъ! Деревушка эта меня кормила, когда я былъ въ величайшей нуждѣ послѣ смерти отца. Во время Французовъ нашелъ я въ ней убѣжище. Здѣсь все сдѣлано, сажено моими руками. Можетъ быть, въ послѣдній разъ пишу тебѣ отсюда. Когда сюда опять попаду, самъ не знаю. Я волнуемъ разными чувствами; здѣсь, въ уединеніи моемъ, вспоминаю, какъ я здѣсь бывало горевалъ, не предвидя никакой выгодной перемѣны, но Богу все возможно, и теперь все перемѣнилось къ моему спокойствію и благополучію, и всѣмъ обязанъ я тебѣ, чтò еще отраднѣе для сердца моего. При всей моей радости, чего-то недостаетъ. Я желалъ бы съ тобою жить или, по крайней мѣрѣ, утѣшаться мыслію, что ты, послѣ своихъ безпрестанныхъ, ежедневныхъ трудовъ, имѣешь сладкое отдохновеніе, а не терзанія, коихъ я былъ столь часто свидѣтелемъ.

Я самъ сожалѣю, что съ милымъ Воронцовымъ Туринскимъ [2]) не простился; того Воронцова лишился, за то этотъ останется. Надобно имѣть такихъ людей для отдыха души. Скажи Вяземскому, что его письмо получилъ и что уши Катенькины [3]) благодарятъ его за память, и письма его будутъ доставлены. Спасибо за доски визитныя, кажется Французскія: гостинецъ Бенера изъ Вѣны. Онъ не думалъ тогда, что я буду это употреблять, а я ими защеголяю, начну визитами всѣмъ большимъ лицамъ. Здѣсь сжегъ я много пустыхъ бумагъ, другія оставляю на сохраненіе Семердинскому архиву, а иныя съ собою беру. Библіотеку свою маленькую перевезу въ Москву. Ежели можно будетъ

---

[1]) Писано по возвращеніи изъ Петербурга.

[2]) Т. е. съ графомъ Иваномъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ-Дашковымъ, тогда нашимъ посланникомъ въ Сардиніи.

[3]) Князь П. А. Вяземскій звалъ старшую дочь Булгакова Екатерину (впослѣдствіи супругу Павла Дмитріевича Соломирскаго) ушко, отъ того, что когда она чѣмъ либо смущалась, у нея краснѣли не щеки, а одно изъ ушей.

это устроить въ будущемъ году, пріѣду сюда отпраздновать 26 и 27 Августа.—Говорять, что баня готова; пойду хорошенько вымоюсь, да залягу спать. Мужики плачутъ по насъ; такіе добрые все люди, принесли хлѣбъ-соль, говоря: Государь на насъ прогнѣвался, вы не будете съ нами жить. J'ai trouvé cela naif et touchant.

*

Москва, 25 Августа, въ 3 часа по полудни.

Мы прибыли сюда благополучно, мой любезнѣйшій другъ, и я успѣю тебя извѣстить о семъ еще съ сегодняшнею почтою. Сегодня я отдохну, усталость легкую только чувствую. Пишу Трескину, чтобы онъ одинъ пріѣхалъ ужо̀ вечеромъ ко мнѣ. Завтра поѣду въ Почтамтъ, токмо приватно еще, а послѣ завтра отправлюсь въ мундирѣ прямо въ почтовую церковь, отслушаю обѣдню и послѣ въ залѣ приму всѣхъ, а экспедиторовъ особенно въ гостиной.

*

Москва, 26 Августа 1832.

Прежде всѣхъ былъ я у Фаста; его радость столь велика, что онъ мало говорилъ даже, а просилъ посвятить ему сегодня уже цѣлый день. Такъ дѣлывалъ, сказалъ онъ, вашъ отецъ при радостныхъ случаяхъ, а онъ былъ умнѣйшій человѣкъ въ цѣломъ мірѣ.—Великій Князь вчера на прощанье забавлялъ своихъ любезныхъ кадетъ фейерверкомъ въ корпусѣ и въ ночь отправиться имѣлъ къ вамъ и, сказываютъ, опять будто скоро сюда; вѣроятно къ Государеву пріѣзду.

Ну, мой милый другъ, немало былъ я тронутъ или, лучше сказать, просто плакалъ. Я сію минуту изъ Почтамта. Всѣ были собраны въ залѣ. Я прямо къ священнику, къ благословенію. Начался молебенъ, потомъ водосвятіе, священникъ окропилъ весь домъ. Потомъ было мнѣ и имянинницѣ, которая была со мною, многолѣтіе. Послѣ старичекъ-священникъ произнесъ рѣчь, которая всѣхъ насъ очень тронула. Я видѣлъ привязанность новыхъ моихъ подчиненныхъ. Прилагаю оригинальную рѣчь, наскоро написанную священникомъ; ибо онъ поутру только узналъ, что я буду въ Почтамтѣ; списавъ возврати мнѣ ее, буду хранить какъ драгоцѣнный памятникъ. Послѣ просилъ я Трескина взять экспедиторовъ въ гостиную; не нужно было ихъ представлять, ибо я всѣхъ ихъ знаю уже. Я началъ благодарностію всѣмъ за исправность ихъ и порядокъ во время моего отсутствія, увѣряя, что буду стараться быть для нихъ тѣмъ, чѣмъ былъ ты, надѣясь, что и они меня будутъ также любить, какъ тебя любили. Всѣ (ибо нельзя было помѣшать и всѣмъ другимъ нахлынуть изъ залы въ гостиную)

изъявили восклицаніями, жестами, а болѣе слезами своими, сколь помнять тебя. Я увѣрялъ ихъ, что не одинъ разъ ты говорилъ мнѣ и рузьямъ своимъ, что никогда служенія своего въ Москвѣ не забуддешь. Я просилъ всегда откровенно ко мнѣ относиться въ нуждахъ своихъ, принялъ ото всѣхъ рапорты. Потомъ осматривалъ комнаты, кои стали чисты; я все оставляю, кромѣ самой гостиной, которая стала темна, печальна, запачкана; съ бѣлыми обоями, кои пришлете, будетъ прекрасна. Мебели почти нѣтъ, надобно будетъ подумать о семъ.

Былъ я у Татищева въ отдѣленіи. Трескинъ любитъ тутъ вмѣшиваться, и напрасно его допускали; но теперь будетъ иначе, и я pour commencer сказалъ ему: Ал. Ив., позвольте мнѣ здѣсь пробыть одному и потрудитесь показать женѣ ту часть дома. Когда были мы одни, я сказалъ Татищеву, чтобы позвалъ мнѣ всѣхъ, подтвердилъ имъ то, что̀ отъ тебя слыхалъ. Увидя молодого Трескина, спросилъ, зачѣмъ онъ тутъ, что ваканціи замѣщены и ему дѣлать тутъ нечего, что во всякомъ случаѣ онъ не можетъ тутъ служить, что болтливость его извѣстна сдѣлалась высшему начальству и что безъ твоего заступленія онъ бы пострадалъ по службѣ. Онъ смѣшался, и видно точно, что виноватъ. Я при случаѣ скажу также и отцу о болтливости жены его. Съ какой кстати говорила она Наташѣ, что сынъ ея тамъ-то служитъ и тѣмъ-то занимается?

Я бѣгло обошелъ всѣ экспедиціи, все чисто теперь, ибо было прежде ужасное свинство: пройти нельзя было, а мнѣ случалось бывать тутъ. На это, видно, убухали они столько денегъ, но это было неизбѣжно. Вездѣ былъ я принятъ съ восхищеніемъ на всѣхъ лицахъ. Жаль мнѣ, что дѣти мои не были свидѣтелями сценъ вверху, а Наташа не можетъ еще опомниться. Tout cela, dit-elle, était si solonnel, si touchant, si imposant! Даже на дворѣ было большое стеченіе народа.

Скажи Мамоновой, что ея шалунъ племянникъ, князь Щербатовъ*), таки женится на Горскиной, племянницѣ П. И. Озерова; c'est déjà déclaré officieusement.

*

Москва, 27 Августа 1832.

Вотъ такъ-то начинаю я послѣднюю эпоху жизни моей, т. е. съ новой увѣренностью, съ чувствомъ, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка счастливѣе меня. Вчера видѣлъ я нелицемѣрную любовь новыхъ своихъ подчиненныхъ; вижу, что всѣ жители Московскіе довольны выбо-

---

*) Князь Петръ Александровичъ, отецъ князя Александра Петровича (автора превосходныхъ книгъ біографіи фельдмаршала князя Паскевича) и братъ Е. А. Свербеевой.

ромъ Государя. Конечно, иные и нечистосердечны въ увѣреніяхъ своихъ, но мѣсто мое могъ занять только одинъ: все были бы недовольны, ежели бы и другого назначили. Буду стараться, чтобы не сожалѣли, что выборъ палъ на меня; по возможности буду угождать.

Только что отслушалъ я молебенъ вчера, явился отъ Ив. Ив. Дмитріева какой-то чиновникъ просить почталіона для провожанія его; я велѣлъ сказать Ив. Ив., что буду къ нему самъ проститься и получить его приказанія. Онъ человѣкъ чопорный и гордый, вѣжливость моя заставитъ его барабанить похвалы. На похоронахъ покойнаго Рушковскаго, онъ мнѣ сказалъ: Какъ бы мы желали васъ видѣть на этомъ мѣстѣ; всегда братъ послѣ брата наслѣдуетъ; Рушковскій разстроилъ порядокъ, но теперь случай порядокъ возстановитъ. Во время молебна я женѣ напомнилъ, что на самомъ томъ мѣстѣ отпѣвали Рушковскаго, и комендантъ Стааль сказалъ мнѣ: Nous voilà à l'enterrement du vieux directeur des postes; quand serons nous, прибавилъ онъ, ущипнувъ меня въ руку, au baptême du nouveau? Это какъ будто были два предсказанія.

Я всталъ въ шесть часовъ, чтобы кое-что сдѣлать на досугѣ; начинать буду всегда съ тебя. Разные доходятъ до меня анекдотцы. Напр., Озеровъ П. П. говорилъ одному человѣку: Этому не бывать, мѣста эти не легко даются (онъ самъ солоно добивался въ 1815 и 16 году), нельзя двумъ братьямъ быть на двухъ такихъ мѣстахъ, служба этого не позволяетъ etc. И когда тотъ человѣкъ пришелъ ему сказать, что полученъ и указъ въ Почтамтѣ, то Озеровъ отвѣчалъ: на милость образца нѣтъ, пойду поздравить А. Я., я его очень люблю (comme la colique); скажите мнѣ, когда онъ пріѣдетъ. О люди, люди! За то il faut les prendre comme ils sont, mais c'est singulier comme je distingue la félicitation sincère de celles, qui ne sont que forcées et qui impriment sur la figure je ne sais quel embarras. Вчера, ложась спать, читалъ я рапорты экспедиторовъ, затверживая ихъ имена. Я взялъ у Рудина все, что̀ вы къ намъ писали въ послѣдніе три мѣсяца; сегодня казну повѣрю. Я сказалъ, чтобы сборы дѣлались два раза въ недѣлю (дѣлались только одинъ разъ); отъ пріемщиковъ всякій день берутъ всѣ суммы.

У Наташи также все пошло живѣе и успѣшнѣе; комитетъ дѣлаетъ ей всевозможныя угожденія. Чрезъ ея руки прошли уже 96 т. рублей, но, увы, все это расходится въ минуту на расходы, кои велики, на шерсть и пр. А что̀ должно бы оставаться въ карманѣ, то идетъ къ Обрѣзковымъ и прочимъ кредиторамъ. Чѣмъ скорѣе освободится имѣ-

ніе, тѣмъ лучше намъ. Много она старается. Привезли половинку, которую дѣлаетъ она для поднесенію Государю, т. е. суровье ещз—прелесть. Я всю половинку поднялъ одною рукою, а 32 аршина; но за то шерсть заплачена по 390 р. за пудъ, и пошелъ почти пудъ цѣлый. Будетъ точно прелесть; употребили первѣйшаго ткача, работали тщательно.

Дай мнѣ совѣтъ. Былъ у меня Жаровъ. Толкуя о нашихъ дѣлахъ, онъ сказывалъ, что Трескинъ ему намекалъ, что, за время управленія имъ послѣ смерти Рушковскаго Почтамтомъ, имѣетъ онъ право на свой участокъ изъ доходовъ почтдиректорскихъ, а это составляетъ 5000 р. Жаровъ сказалъ: Я ничего не знаю; это рѣшить можетъ нашъ общій начальникъ, когда прибудетъ въ Москву. Какъ ты думаешь? Боже меня сохрани присвоить себѣ непринадлежащее мнѣ, но и отдать свою собственность также не хочу. Сумма эта значуща для меня. Что̀ скажешь, то и сдѣлаю. Хотя и не хотѣлъ онъ сначала принять, но я упросилъ Жарова принять 1000 р. Вы, какъ добрый отецъ семейства, вѣрно хорошее сдѣлаете изъ сихъ денегъ употребленіе, сказалъ я ему. Онъ остался, кажется, очень доволенъ. Точно добрый и совѣстный человѣкъ. Рушковскій насъ съ ума сводитъ. Онъ отвѣчалъ Жарову, который его упрашивалъ сдѣлать завѣщаніе: Полно, братецъ, всѣ будутъ довольны, все будетъ ладно; когда умру, К. Я. никого не обидитъ, а раздѣлитъ мое наслѣдство, какъ слѣдуетъ между вами. Жаровъ и не сталъ его болѣе тревожить, полагая, что онъ тебѣ предоставилъ всѣ свои распоряженія на случай смерти.

*

Москва, 28 Августа 1832.

Трескинъ сдалъ, а я принялъ Почтамтъ, о чемъ сдѣлалъ журналъ, а въ департаментъ и къ князю посланы доношенія за общимъ подписаніемъ. Хорошо, что я нѣсколько у тебя наглядѣлся, а то часто не зналъ бы что̀ дѣлать. Рудинъ много облегчаетъ мнѣ работу; казну я освидѣтельствовалъ и считаю самъ, подписываю, какъ ты, текущія бумаги, подорожныя и пр. Мнѣ кажется, я такъ пристращусь къ службѣ моей новой, что никуда носу не покажу; да и правду сказать, ежели хорошенько исправлять должность, то немного останется свободнаго времени. Я имѣлъ съ Трескинымъ экспликацію. Онъ спрашивалъ, чѣмъ сынъ его заслужилъ гнѣвъ мой. Я отвѣчалъ, что онъ самъ долженъ это знать, что впрочемъ ваканція, бывшая въ экспедиціи*), была замѣщена Лихонинымъ, и такъ далѣе сынъ его дѣлается лишнимъ въ оной,

*) То есть въ секретной.

что болтливость сына его и до князя дошла и что безъ твоего заступленія худо бы ему было. Признаюсь тебѣ, что семья эта мнѣ не нравится; не даромъ Рушковскій удалялъ ихъ отъ дѣлъ. Я выговаривалъ Татищеву, что онъ Трескина допускалъ вмѣшиваться, тѣмъ болѣе, что онъ былъ начальникъ только временный и могъ бы вступить во всѣ свои права токмо въ случаѣ утвержденія его почтдиректоромъ. Я прибавилъ, что Прянишниковъ не знаетъ и дорòги къ Штеру. Татищевъ отвѣчалъ, что онъ долго противился, но что Трескинъ почти силою къ нему втерся. Я имъ всѣмъ повторилъ то, что̀ ты не одинъ разъ мнѣ самому особенно втиралъ. Не знаю еще о Лихонинѣ; но прочіе, по увѣренію Татищева и Миндорфа, очень хороши и ведутъ себя нельзя лучше. Мы будемъ все продолжать, какъ при покойномъ моемъ предмѣстникѣ. Съ Понедѣльника приму я и тамъ главный надзоръ и подписываніе бумагъ. Трескинъ говорилъ мнѣ, что тягостно будетъ сборы дѣлать по два раза въ недѣлю.—Тягостно для кого? Я трудовъ избѣгать не намѣренъ и ежели братъ это исполняетъ при своихъ обширныхъ занятіяхъ, то и я легко могу это дѣлать. У насъ была только Пятница, а теперь будетъ Пятница и Вторникъ впередъ.—Не вижу минуты переѣхать въ Почтамтъ: далеко ѣздить.

И самый тихій и скромный человѣкъ иной разъ не можетъ избѣжать дуэли. Это несчастіе, а не пятно, особенно когда дѣло обходится, какъ то было у Трубецкого съ Толстымъ. Я говорилъ И. В. все, что̀ могло его успокоить, но онъ очень былъ опечаленъ и пораженъ въ первую минуту и прибавилъ горестно: Вотъ это въ первый разъ, что я не жалѣю, что нѣтъ въ живыхъ покойной княгини. Ее бы это убило. Онъ просилъ, и я сдѣлалъ ему копію съ письма Ломоносова для его свѣдѣнія. Разсказывалъ, какъ оба Трубецкіе разстраиваютъ свои дѣла отсутствіемъ изъ Россіи, что Николай вмѣсто 80 т. дохода ничего не будетъ имѣть. Очень тебя благодаритъ Ив. Вас. за участіе твое и за вѣрное сообщеніе всѣхъ обстоятельствъ, а здѣсь вѣрно скажутъ, что убитъ одинъ или другой. Сомнѣваюсь, чтобы скрыли отъ двора происшествіе столь славное, но много зависитъ отъ того, въ какомъ видѣ представить дѣло. Американецъ*) нашъ таки попался въ дѣло, хотя и жентельманлическое.

*

Понедѣльникъ 29-го.

Вчера слушали мы en famille обѣдню въ почтовой церкви. Очень было много и все свои, все радостныя лица. Священникъ сказалъ мнѣ тутъ: Покойный Ив. Ал. былъ добрый человѣкъ, но не нашего исповѣданія, церковь пустѣла, а теперь видятъ начальника, исполняющаго

---

*) Т. е. графъ Ѳ. И. Толстой. Въ чемъ было дѣло, не видно.

долгъ христіанскій, и всѣ слѣдуютъ примѣру его. Правда, что много дѣлаетъ у насъ (да и вездѣ) единовѣріе. Отецъ-дьяконъ что-то хилъ и не такъ веселъ, какъ бывало въ твое время. Почему такъ, спросилъ я?—Да болѣзни, в. п., сказалъ онъ, поднося просфору съ жестомъ *значущимъ.*—Такъ вотъ тебѣ, отецъ-дьяконъ, на лѣкарство, отвѣчалъ я, подавая ему 50-рублевую бумажку.—Будемъ, Богъ дастъ, будемъ всѣ здоровы, прибавилъ онъ, при такомъ начальникѣ. Священнику далъ я для перваго знакомства 100 р. Я хочу всѣхъ видѣть довольными, какъ я самъ. Лучше себя лишу какихъ-нибудь прихотей.

Очень будутъ любопытны рѣчи Дургама въ Парламентѣ по возвращеніи его изъ Россіи. Онъ, надѣюсь, опровергаетъ мерзкія рѣчи Фергусоновъ и ему подобныхъ. Видно, такъ проводятъ его, какъ приняли, ласково, милостиво. Здѣсь всѣ генерально назначили Воронцова въ Варшаву. Я отвѣчаю, что скоро явится онъ самъ сюда всѣхъ разувѣрить. Какъ ему разстаться съ своими Campi Elisic, съ прелестнымъ виномъ, съ обильною пылью, съ бездонною грязью, съ первымъ Европейскимъ театромъ и съ милыми животными, именуемыми саранча? Обними его крѣпко за меня, а тамъ я буду его обнимать за тебя.

*

Москва, 30 Августа 1832.

Сегодня день твоему сердцу тяжкій: не разъ ты вспомнишь, я думаю, покойнаго незабвеннаго твоего благодѣтели, коему благодарная Россія ставитъ сегодня стòль удивленія достойный монументъ*). То-то, я думаю, шуму у васъ! Я нетерпѣливъ знать, откуда будешь ты смотрѣть на единственное это зрѣлище и какъ все это обойдется. Я получилъ отъ Вяземскаго пресмѣшное письмо; оно все наполнено колонною, Литтою, Коскульшею и ушкомъ моей Катеньки.

Разбирая бумаги Рушковскаго, я перечитывалъ переписку его съ княземъ и съ тобою; чтеніе сіе для меня полезно. Я полагаю, что нужно бы истребить бумаги сіи или, не прислать ли ихъ князю или тебѣ для большей вашей увѣренности, что бумаги сіи (кои всѣ секретны) точно не будутъ существовать? Свои письма я взялъ и самъ удивляюсь, какъ было ихъ много. Я ихъ уберегу, ибо (странно) люблю очень перечитывать то, чтò давно писалъ.

Не знаю я, что это за Родзевичъ, но завидую, что Поляку достался такой кладъ, какъ Софья Хрущова. Здѣсь разсказываютъ, что Щербатовъ нахмуренъ, хоть бы на попятный дворъ. Ему толковали

---

*) Это было только воздвиженіе Александровской колонны; открытіе послѣдовало черезъ два года.

о 2000 душахъ за дочерью Голицыной Babet, а выходитъ только 500, она же ему не нравится... Дѣло, сдѣлано такъ молчи! Хвалятъ нравъ невѣсты; такъ дѣлай ее счастливою, она фаворитка Румянцова, который можетъ дать и не 2000 душъ, ежели захочетъ.

*

Москва, 31 Августа 1832.

Вечеромъ была въ Кремлевскомъ саду таже илюминація, какъ въ день коронаціи. Великая княгиня изволила проѣзжать въ ландо; народу было бездна. Кончилъ наконецъ реестръ визитамъ своимъ. Завтра разошлю свои карточки. Мнѣ больно, что многіе меня предупредили, всѣ полицмейстеры пріѣзжали, поздравляли и съ пріѣздомъ и съ мѣстомъ. И такъ скоро увижу опять августѣйшаго покровителя своего! А здѣсь думаютъ, что Государь даже не поѣдетъ, полагая, что императрица въ Сентябрѣ должна разрѣшиться отъ бремени. Лошадей не такъ много нужно. Максимовъ у тебя золотой человѣкъ, и съ помощію Божіей все будетъ ладно; только надобно желать, чтобы было сухо.

*

Москва, 1 Сентября 1832.

Давеча взволновалъ меня Егоръ Александр. Дурасовъ. Заѣхалъ я къ нему съ визитомъ. И онъ, и мать очень мнѣ обрадовались, давно меня любятъ и давно желали мнѣ мѣста этого. Онъ разсказывалъ о двухъ маленькихъ Агличанкахъ, коихъ Рушковскій всегда ласкалъ и любилъ; по Воскресеньямъ иной (разъ) ходилъ обѣдать къ матери, живущей очень близко отъ Почтамта. Одинъ разъ Рушковскій, бывъ веселъ, сказалъ имъ: Eh bien, cherchez vous des promis dans quelques années, car j'ai mis pour vous au Lombard 20 m. r. Si je meurs, vous les aurez par mon testament, que je viens de déposer. Это было до коронаціи царствующаго Государя. Дурасовъ, интересуясь въ сихъ дѣвицахъ, ѣздилъ къ Тучкову разспрашивать. Тучковъ слышалъ отъ директора Сохранной Казны, что Рушковскій точно положилъ свое завѣщаніе, но не объявляя имя свое. Два средства добраться до правды: надобно имѣть купонъ или печать. Купонъ не нашелся; можетъ, затерялся. Я взялъ печать Ив. Ал. покойнаго и поѣхалъ съ нею къ Тучкову, которому ее отдалъ, прося разыскать. Онъ мнѣ обѣщалъ, что завтра самъ переберетъ всѣ завѣщанія и будетъ искать по печати этой. Куда буду я радъ, ежели что-нибудь отыщется. Должно бы быть! Рушковскій не любилъ ни хвастать, ни лгать, зачѣмъ ему стольких обманывать?

*

Москва, 2 Сентября 1832.

У насъ не какъ у васъ! Другія эпохи. Сегодня Французы вступили въ Москву и меня заполонили, а у васъ 30-го поставили колонну, 31-го открыли театръ. Всякій будетъ вспоминать. Вчера великая княгиня брала лошадей почтовыхъ въ Архангельское; но теперь уже Архангельское не то, чтò бывало при князѣ Ник. Бор. Оно даже не ангельское: Боренька все продаетъ поштучно. Стыдно, что продали таки и попугаевъ, коихъ отецъ такъ любилъ и для коихъ пристроилъ къ дому особенную залу.

*

Москва, 3 Сентября 1832.

Я не говорилъ прежде о женитьбѣ Радзивилла, но вчера, получа отъ тебя, что это уже объявлено, я поѣхалъ тотчасъ къ Урусовымъ. Они стали обнимать меня и поздравлять съ мѣстомъ, а я ихъ.—Такъ вы знаете?—Знаю.—Софья ждетъ только нашего благословенія и согласія, чтобы объявить. Мы съ сыномъ писали, посылая то и другое; но не знаемъ, могла ли она уже получить.—Видно, что получила, ибо этотъ союзъ уже объявленъ.—К. Я. вамъ пишетъ?—Да!—Отъ котораго числа?—Отъ 30-го.—Мы такъ и считали, что Николаша пріѣдетъ 29 въ Петербургъ. Отецъ и мать въ восхищеніи цаловали меня и читали всѣ письма Пушкиной и невѣсты, какъ это все было. Государь изволилъ сказать княжнѣ Софьѣ, что онъ дастъ Радзивиллу коммиссію въ Москву, чтобы князю и княгинѣ Урусовымъ доставить случай познакомиться съ будущимъ зятемъ. Его нашъ Голицынъ очень хвалитъ, да и женихъ хоть куда: знатенъ, кажется въ родствѣ съ Прусскимъ дворомъ, молодъ, хорошъ, прекраснаго нрава, преданъ Россіи и ужасно богатъ, ce qui ne gâte rien à la chose. То-то будетъ передряга во дворцѣ! Кто-то заступитъ мѣсто безсмѣнной фрейлины и особенно мѣсто въ милостяхъ ея величества, которыя княжна такъ умѣла заслужить своимъ примѣрнымъ, осторожнымъ, скромнымъ, поведеніемъ?

*

Москва, 5 Сентября 1832.

Сегодня, то-есть въ Воскресенье, во второмъ часу, назначенномъ мнѣ великою княгинею, былъ я у ея императорскаго высочества, которая очень ласково меня приняла, и одного. Прежде представлялись Кругликовъ, Щербатовъ и другіе. Много разспрашивала о Петербургѣ, о всѣхъ моихъ, коимъ назначитъ, когда имъ быть къ ней. Изволила спрашивать, отчего такъ долго жилъ въ Петербургѣ?—J'ai appris, Madame, à faire le directeur des postes.—A, vous avez là une modèle parfaite à suivre.—C'est ce que S. M. l'Empereur a aussi daigné me dire. На это она изволила прибавить: Vraiment votre frère est un hom-

me unique, quand il s'agit d'obliger. Vous me direz—c'est son devoir; mais c'est qu'il ne le fait pas seulement, parceque c'est son devoir, mais parceque il y trouve vraiment un plaisir pour lui-même. Я поклонился, слова были мнѣ по душѣ, и я увѣрялъ великую княгиню, что всѣми силами буду стараться походить на тебя. Говорила о политикѣ. J'ai eu, dis-je à s. a. i., la maladresse de manquer monseigneur le gr.-duc. Elle répondit qu'elle espérait bientôt le revoir ici. J'ai trouvé très bonne mine à s. a. i., et cependant elle ne se loue pas de sa santé. Завтра имянинница маленькая великая княжна, и Загоскинъ сказывалъ мнѣ, что будетъ маленькій спектакль дѣтскій у ея выс-ва.

Вчера хочу уже раздѣваться: отъ князя Дм. Вл. Что̀ такое? Князь проситъ в. п., чтобы были въ Перхушковѣ 10 лошадей для Кат. Вл. Апраксиной, которая съ княгинею Тат. Вас. ѣдутъ въ Москву завтра. Поздненько было брать мѣры, но чтобы князю угодить при началѣ вступленія моего, послалъ лошадей отсюда, а теперь (т. е. въ 7 часовъ вечера) экзекуторъ репортуетъ, что княгиня и К. Влад. пріѣхали благополучно и въ Перхушковѣ все было исправно.

Въ 11 часовъ великая княгиня изволила прислать просить у меня газету Французскую Петербургскую и другую, въ коихъ упоминается о постановкѣ колонны 30-го Августа. Я тотчасъ это и послалъ къ ея выс-ву.

Великая княгиня, которую я сейчасъ ѣздилъ поздравлять съ имянинницей великой княжной Ел. Мих., желаетъ знать, когда приходятъ и отходятъ пароходы у васъ. Я видѣлъ, кажется, у Штера табель этому подробную; сдѣлай одолженіе, пришли скорѣе экземпляръ мнѣ, да высылай мнѣ Академическія Вѣдомости наравнѣ съ Пчелою и пр. газетами. Вел. князь будетъ сюда послѣ завтра; письмо мое воротится, я писалъ его выс-ву въ Петербургъ.

*

Москва, 6 Сентября 1832.

Трескинъ былъ что-то нахмуренъ, теперь прояснилось лицо. Я ему вчера отдалъ его 33 дня почтдиректорствованія, не пять, какъ онъ расчитывалъ, а три тысячи рублей, и просилъ его, чтобы это оставалось между нами. Я сказалъ ему, что о доходахъ почтдиректорскихъ могу знать только я, слѣдовательно другому нельзя дѣлать расчисленія, что̀ придется. Онъ ничего не сказалъ.

Попы великіе попрошаи: нашъ священникъ и дьяконъ закидали меня разными просьбами, а дьяконъ овдовѣвъ хочетъ идти въ иноки, но сына посадить на свое мѣсто. Состарился и сгорбился.

Отъ князя получилъ я собственноручное милостивое письмо; даже адресъ былъ его рукою сдѣланъ съ означеніемъ, что отъ главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ и мнѣ въ собственныя руки. Всѣ комиссіи выполнены, и сегодня же доставляю ему три письма при распискѣ. Къ Филарету я писалъ мое сожалѣніе, что не могу этотъ разъ лично вручить ему письмо князево, отдать почтеніе и предложилъ ему разъ навсегда мои услуги. Преосвященный отвѣчалъ мнѣ собственноручно, благодаритъ, поздравляетъ съ новымъ служеніемъ, призывая на оное, прибавляетъ онъ, благословеніе Божіе. Письма мои къ князю посылать буду къ тебѣ подъ открытой печатью; у тебя есть одна безъ крестовъ, которая можетъ быть намъ общая, то, прочитавши, запечатаешь и доставишь князю. Такимъ образомъ будутъ тебѣ извѣстны всѣ сношенія мои, а случится тебѣ и дать совѣтъ добрый, какъ бывало то съ моею перепискою съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

*

Москва, 7 Сентября 1832.

Я ѣздилъ къ графу А. Ѳ. Орлову. Вхожу, а онъ подаетъ мнѣ записку, прося меня ее доставить по надписи; она была писана отъ него же ко мнѣ. Онъ ѣдетъ послѣ завтра въ Воронежъ, долженъ Государя поймать въ Курскѣ или Орлѣ, но дѣло несбыточное по его разсказамъ, и онъ будетъ сюда къ Государеву пріѣзду. Ему надобно два шестерика, о чемъ сегодня пошлю предписаніе по тракту. Я сидѣлъ у него съ часъ, его бесѣда пріятна и откровенна. Мнѣ только оставалось слушать разсказы о Лондонѣ, Гагѣ, Петербургѣ, Дургамѣ etc. Видно, что онъ находилъ удовольствіе говорить, потому что всѣмъ, кто ни пріѣзжалъ, отказывалъ. Просилъ, ежели будетъ мнѣ свободно, и завтра заѣхать къ нему по утру поранѣе, а съ него не взыскивать, ежели ко мнѣ не будетъ. Eh bien, mon cher, vous voilà avec une excellente place, Pétersbourg et Moscou sont bien occuppés; je vous félicite et me recommande à vous при случаѣ. Au reste, vous voyez que je commence de notre première entrevue. Il faut que je vous porte des plaintes, прибавилъ онъ, contre le maître des postes de Вышній Волочекъ, qui m'a gardé longtemps. Ямщики все спорятъ объ очереди, тогда какъ вездѣ (по милости К. Я., которому напиши дружескій поклонъ и спасибо отъ меня) закладывали мнѣ въ мигъ и вездѣ славно. Я сказалъ, что это до меня не касается прямо, но что не останется безъ взысканія, ибо ежели такое приближенное лицо къ Государю задержали, то что̀ ожидать другимъ проѣзжающимъ?

*

Москва, 9 Сентября 1832.

Я обрадованъ и другимъ собственноручнымъ письмомъ и очень милостивымъ отъ нашего князя, который мнѣ говоритъ: Votre conduite n'est pas d'un commençant, mais d'un vieux routier de la poste. Je suis très content de vos dispositions. Далѣе: Vous verrez l'Empereur à Moscou, et j'espère que vous tâcherez qu'il soit content, autant que cela vous regardera etc. Очень было мнѣ пріятно письмо это и ободряетъ меня для переду. Охъ, только война у меня домашняя: много убухали денегъ. Я имъ ясно сказалъ, что мое дѣло сторона, что на мое жилище пошла бездѣлица, что убираю я домъ на свои деньги, что имъ, не спросясь, не слѣдовало тратить на то и другое, что я отвѣчаю за то, что̀ мною было приказано, а что̀ дѣлалось до меня, мнѣ дѣла нѣтъ, что ассигнованная сумма 50 т. весьма достаточна, изъ другихъ суммъ брать не слѣдуетъ. Я это все сказалъ Строеву, а завтра объявлю и эконому, который ко мнѣ долженъ явиться съ этими бумагами.—Много мнѣ разсказывалъ Орловъ (который сейчасъ уѣхалъ) о Дургамѣ и о подаркахъ, столь деликатно ему сдѣланныхъ Государемъ, хотя Орлову не было подарено ничего въ Лондонѣ.

*

Москва, 10 Сентября 1832.

Желая застать великаго князя, я рано къ нему отправился, взявъ съ собою всѣ пакеты на его имя. Я долго дожидался, и самъ виноватъ, вотъ почему: я просилъ камердинера доложить, что тутъ почталіонъ (а не почтдиректоръ), принесшій почту, которую велѣно ему вручить въ собственныя руки. Такъ и доложили. Отвѣтъ былъ: пусть подождетъ! Его выс-во пошелъ къ великой княгинѣ, гдѣ пробылъ долго, потомъ писалъ. Жду, жду! Между тѣмъ стали наѣзжать: Четвертинскій, Полторацкій, губернаторъ, Каблуковъ, множество военныхъ. Какъ позвали меня въ кабинетъ, можешь представить себѣ удивленіе вел. князя.—Гдѣ же твой почталіонъ?—Это я самъ, позвольте мнѣ въ первый разъ выполнить эту обязанность. Смотрѣлъ долго на мундиръ, сказалъ, что лучше моего шитаго придворнаго, надъ коимъ онъ всегда трунилъ, обнялъ меня, много говорилъ о колоннѣ и 30-мъ Августа, продержалъ меня почти часокъ и звалъ завтра къ себѣ обѣдать.

Оттуда заѣхалъ я къ губернскому предводителю графу Гудовичу за дворянской грамотой Костѣ. Онъ очень меня обласкалъ и сказалъ, что пришлетъ ко мнѣ своего секретаря Калайдовича, чтобы это все устроить. Скажи это Костѣ. Оттуда заѣхалъ я къ Филарету, коимъ очень былъ обласканъ. Его бесѣда весьма пріятна и занимательна. Удерживалъ меня у себя, но я сказалъ, что надобно почту разбирать,

ибо одни пакеты токмо его выс-ву доставлены. Когда сказалъ я ему, что буду стараться оправдать довѣренность Государеву и снискать благосклонность всѣхъ жителей, то онъ отвѣчалъ: Тамъ, гдѣ есть добрая воля и способности, какъ мы видимъ то въ вашемъ пр-вѣ, тамъ можно за успѣхъ ручаться. Много говорилъ о Рушковскомъ, коего выхваливая проводилъ меня до передней. Всѣми-то я обласканъ, вотъ что дѣлаетъ одно мѣсто! Вѣдь я не лучше сталъ прежняго.

*

Москва, 12 Сентября 1832.

Мы обѣдали вшестеромъ: вел. князь, Озеровъ, Полторацкій Конст. Марк., Вишняковъ, Философовъ и я. В. князь ѣздилъ въ кадетскій корпусъ, долго пробылъ тамъ, ходилъ пѣшкомъ и опоздалъ. Вел. княгиня отобѣдала одна. За столомъ много болтали, смѣялись, пили, ѣли. Вел. князь такъ хвалилъ нашего Голицына Александра, что я пишу à ma cousine, чтобы ее порадовать, передамъ ей его слова. А я—такъ на него жаловался вел. князю, что онъ совсѣмъ голову вскружилъ моему Пашкѣ: сшилъ ему шинель солдатскую и фуражку, и Пашка бредитъ службою и разными командованіями. Послѣ обѣда вел. князь повелъ насъ на половину ея высочества, гдѣ мы усѣлись около камина, и начался всеобщій разговоръ, продолжившійся до семи часовъ. Вел. княгиня была очень мила и любезна и спрашивала у меня о тебѣ. Его выс-во между прочимъ изволилъ мнѣ сказать: J'ai été très bien servi aux postès, mais je vous dirai une chose qui vous paraîtra étrange. Vous pouvez l'écrire à votre frère, et je le lui dirai moi-même. Savez vous où les cheveaux ont été uniquement mauvais? A Pétersbourg! Au Три Рѣки ils ne voulaient plus avancer, et un des chevaux creva. S. a. i. m'a demandé des nouvelles de Костя et si votre Сашка était grand et vous ressemblait.

*

Москва, 13 Сентября 1832.

Сію минуту ѣду къ Воронцову, который вчера вечеромъ прислалъ сказать, что пріѣхалъ. Онъ сожалѣлъ, что уже запечаталъ къ тебѣ письмо свое. Хотѣлъ прочесть его мнѣ, но пересказалъ брани, коими тебя потчиваетъ, мстя, вѣрно, за твои насмѣшки надъ Одессою. Не дали намъ наговориться, сталъ нахаживать народъ. Онъ завтра же отправляется въ свое Андреевское*), гдѣ пробудетъ два дня, будетъ сюда 16-го, 17-го обѣдаетъ у меня, а 18-го ѣдетъ на Бородинское поле и послѣ далѣе въ путь, черезъ Калугу однакоже. Въ этой губерніи

*) Графъ М. С. Воронцовъ вступилъ тогда во владѣніе помѣстьями своего отца, скончавшагося 12 Іюня этого 1832 года въ Лондонѣ. Онъ возвращался оттуда въ Одессу.

имѣніе маленькой Потоцкой, коей онъ опекуномъ. Собирается къ великому князю и къ князю Дм. Вл., а тамъ заѣдетъ за мною, и пустимся шататься по лавкамъ. Il a tout-à-fait bonne mine, жалуется на излишнее усердіе почталіона, его сопровождавшаго, который дрался и лошадь одну загналъ, проситъ у меня другого. Дамъ Буренина, ежели онъ не въ отлучкѣ. Воронцовъ хотѣлъ ѣхать къ Ермолову въ подмосковную, но я узналъ, что Ал—й Петр. пріѣхалъ ночью сюда и завтра опять ѣдетъ, то я извѣстилъ Ермолова, что М. С. здѣсь и желаетъ его видѣть. Voilà un voyage, que le comte Michel s'épargnera.

*

Москва, 15 Сентября 1832.

Вчера былъ я въ ложѣ у вел. князя, и ея выс-во тоже изволила быть. Для второй піесы Загоскинъ очистилъ свою ложу внизу sur la scène. Вел. князь пошелъ туда, взявъ съ собою меня и Башилова. Очень смѣялся фарсамъ Hervet, который въ водевилѣ le Landau выпилъ цѣлую бутылку вина краснаго. Вел. князь удивляется, что не имѣетъ извѣстія о перемѣнѣ маршрута Государева.

Каковъ же, братъ, Ив. Ив. Дмитріевъ! Поѣхалъ въ Симбирскъ, подорожная на 6 лошадей, и вездѣ бралъ въ особенной повозкѣ еще тройку, за которую нигдѣ не платилъ. Не срамъ ли это? А еще былъ министромъ, блюстителемъ юстиціи! Все бы еще простительно въ карету или коляску вмѣсто 4-хъ брать 6 лошадей; но поѣхать изъ Москвы и взять другую повозку съ тремя лошадьми, а платить за 6, это довольно мерзко. Я ему хочу написать, что до меня это дошло, но что я вѣрить не хочу; что это, вѣрно, злоупотребленіе его людей.

Воронцовъ или, лучше сказать, почталіонъ, данный ему изъ Петербурга и коего строгостью и побоями онъ недоволенъ, загналъ лошадь. Вотъ записка Воронцова и 100 р. денегъ для хозяина лошади. Я не хочу формальною бумагою входить въ департаментъ, а нельзя ли такъ это устроить тебѣ?

*

Москва, 17 Сентября 1832.

Вчера, мой любезнѣйшій братъ, праздникъ нашъ разстроился. Мы ждали графа М. С. до пяти часовъ. Всѣ съѣхались: Л. А. Яковлевъ, Волковъ, Олсуфьевъ, Фастъ, Голицынъ Alexandre, Обрѣзковъ, Трескинъ и Щербининъ, а графа нѣтъ да нѣтъ. Вдругъ эстафета отъ него съ письмомъ, въ коемъ досадуетъ, что прежде сегодня быть не можетъ въ городъ, что ѣхалъ до Андреевскаго 21 часъ по сквернѣйшей дорогѣ*). Нечего дѣлать, сѣли обѣдать, и обѣдъ былъ славнѣйшій;

*) Село Андреевское въ 130 верстахъ отъ Москвы; прежній его владѣлецъ, канцлеръ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ имѣлъ на пути туда снабженныя лошадьми и всѣмъ нужнымъ стоянки.

ввелъ меня въ убытки: уха стоила 80 р. Всѣхъ опять сегодня звалъ, ибо Воронцовъ поправляетъ свою ошибку и обѣдаетъ сегодня у насъ; но ухи уже не будетъ, а будутъ славный борщъ, каша Татищевская, хересъ и все, что̀ онъ любитъ.

Архивскіе всѣ сложились и сдѣлали солонку золотую (я полагаю, вызолоченную, но тутъ не металъ важное, а усердіе) и принесли ее цѣлымъ корпусомъ ко мнѣ съ хлѣбомъ и солью, изъявляя сожалѣніе, что я оставляю Архивъ, но и радость при томъ, что получилъ такое мѣсто. Ну уже довольно о мѣстѣ семъ толковъ, разсужденій, разговоровъ. Старикъ Урусовъ правду сказалъ: Да ужъ тамъ говорите, что̀ хотите, мало ли и говорили прежде? Удивительно, что Булгакова такъ оставляютъ, кажется ему хорошо у вел. князя, у двора, братъ его любитъ, въ силѣ другихъ выводить, а для брата ничего не дѣлаетъ. Нѣтъ! Они себѣ на умѣ, молчали, терпѣли, да втихомолку вотъ такое сладили дѣльце, заняли первыя два мѣста въ имперіи; а жаловаться никому нельзя, всѣ довольны ими, и служба идетъ успѣшно.

Вчера встрѣтилъ я нечаянно Мих. Орлова, который мнѣ сказалъ: Pas si bête, m-r Boulgakow, pas si bête. Tâchez de vivre autant que les ançiens patriarches, c'est tout ce qu'on doit vous désirer. Я его благодарилъ, да направо кругомъ, ибо разговоры съ нимъ скользки!*)

*

Москва, 19 Сентября 1832.

Вчера обѣдалъ у насъ добрый Воронцовъ. Кромѣ всей его свиты, были Фастъ, Олсуфьевъ, Трескинъ, Вейтбрехтъ, Коноплинъ, дежурные да мы. Очень весело все обошлось и славнѣе тѣмъ, что дорогой гость все нашелъ по своему вкусу. Послѣ обѣда Катя, отъ коей онъ въ восхищеніи, пѣла ему все что̀ знаетъ, и голосъ ему очень понравился, и мы пѣли Пескаторе, Que le roi vive etc. Воронцовъ просидѣлъ у насъ почти до 9 часовъ. Я очень радъ, что хоть я еще и не устроился домомъ, но могъ угостить его и заплатить частицею за славные обѣды, которыми онъ насъ въ Петербургѣ кормилъ. Въ вечеру опоздалъ я въ театръ, куда былъ приглашенъ вел. княземъ; только третью піесу засталъ. Изволилъ сказывать, что вел. княгиня нездорова и врядъ, будетъ ли сегодня на балъ къ князю Дм. Владимировичу.

Вечеромъ потѣшилъ Катеньку и повезъ ее на баликъ къ имянинницѣ кн. Вяземской. За то и она меня потѣшила и уѣхала прежде окончанія котильона. Много было хорошенькихъ, а не было хозяина, чтобы за ними поволочиться. Видѣлъ я тутъ моего соискателя, сенатора Новосильцова, который очень мнѣ расхваливалъ мое мѣсто но-

*) Мѣткое выраженіе.

вое, самъ сказалъ: Les sénateurs, je suppose, n'ont pas manqué pour avoir cette place? Я, какъ будто ничего не знаю, отвѣчалъ: О, certainement!

Ты говоришь: Вотъ тебѣ *маскарадъ* и фарсы. Неужели ты думаешь, что я одѣлся почталіономъ, чтобы вручить его выс-ву пакеты? Напротивъ того, я былъ такъ-то уже почтдиректоромъ, какъ болѣе нельзя: въ мундирѣ съ лентой черезъ плечо, ибо это былъ первый разъ, что̀ я являлся къ его выс-ву. Хорошо побалагурить, когда мы одни, а при всѣхъ это хорошо дѣлать Башилову; а мы, сударь, гордимся и дорожимъ почтдиректорствомъ.

Я было вышелъ походить пѣшкомъ на нашемъ почтовомъ бульварѣ, не смотря на слякоть, а вдругъ лакей на встрѣчу. Что̀ такое? —Вел. князь приказалъ звать в. п. къ себѣ сегодня кушать.—Много ли обѣдаетъ, не знаешь ли?—Восемь персонъ.—Вотъ тебѣ и гулянье; почти три часа, покуда одѣнусь да доѣду. А propos: есть здѣсь слухи и, кажется, основательные, что Розенъ былъ разбитъ Кази-муллою гдѣ-то въ Дагестанѣ, кажется, въ Чечнѣ, отбили двѣ пушки, и полкъ нашъ одинъ весь изрубленъ былъ въ дѣлѣ очень жаркомъ.

Сейчасъ съ обѣда, мой милый другъ. Обѣдали: Воронцовъ, ген.-адъют. Шиповъ[1]), Озеровъ и я, да домашніе. Послѣ обѣда у камелька курили. Вел. князь былъ очень веселъ и Воронцову все напоминалъ Парижское житье, Потье etc. Я нашелъ случай попросить его выс-во взять въ Кадетскій корпусъ (куда онъ возилъ поутру Воронцова) двухъ сыновей моего бѣднаго чиновника Некрасова. Вел. княгиня нездорова и не будетъ ужо у князя Дм. Влад. на балѣ. Вел. князь распрощался съ Воронцовымъ и много разъ его обнималъ, сказавъ на прощанье: Moi, mon, cher comte, je n'aime pas tout ce qui se passe en Europe et si on me parle de Carlsbad, j'irai prendre les eaux de Carlsbad à Moscou, et si on me parle des bains de mer, j'irai les prendre chez vous à Odessa! Говорилъ о фабрикахъ моей жены, и теперь у нея голова вскружена: хочетъ дѣлать половинку сукна и для его выс-ва.

*

Москва, 20 Сентября 1832.

Государь изволилъ прибыть благополучно въ 4 часа утра. Ну, любезный братъ, надобно перекреститься, Бога благодарить, что все такъ хорошо обошлось[2]), что въ лошадяхъ не было остановки, что они были исправны вездѣ и что отъ скверныхъ дорогъ не ломалась вся-

---

[1]) Позднѣе поселившійся въ Москвѣ и ей памятный Сергій Павловичъ.

[2]) Вспоминаются стихи въ „Онѣгинѣ“:

Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки.

кую минуту коляска. Я вечеромъ поѣхалъ вчера къ князю Дм. Вл. проститься со старухою*). Князь встрѣтилъ меня со словами: Le feldjéger sort de chez moi, l'Empereur arrive dans demi-heure. Sa M. I. m'a fait dire de ne pas l'attendre et d'envoyer seulement un des mes aides-de-camps au palais... Не могу продолжать.

Je reprend le fil. Que si S. M. avait besoin de moi, elle m'enverrait chercher. Ошеломили меня слова сіи, но и обрадовали, доказывая, что дорòга не такъ дурна. Я побылъ у князя до половины двѣнадцатаго, не было еще Государя. Пріѣхавъ домой, легъ спать, написавъ два слова Воронцову. Въ 9 часовъ утра поѣхалъ я къ Воронцову in fiachi. Voici, cher ami, un billet pour Benkendorff que vous verrez sûrement; remettez le lui, prenez avec vous mon aide-de-camp et donnez lui les deux mots de réponse que vous demandrez à B. Je les attendrai pour partir. Лошади уже были заложены. Я обнялъ добраго М. С. и поѣхалъ во дворецъ, прямо къ А. Х., который занялъ комнаты кн. Волконскаго внизу. Тутъ ждали уже Волковъ, полиція, а черезъ полчаса Богъ знаетъ кого не было: графъ П. А. Толстой, князь Дм. Вл., слѣпой Гагаринъ, комендантъ etc. etc. Вышелъ А. Х. Онъ такъ усталъ и закачало его, что послѣ того, что мы поцѣловались, онъ записку Воронцова держалъ въ рукахъ, похлопывая ею: не давали ему прочитать. Вдругъ: Пожалуйте къ Государю! Мой Б. бросилъ записку, т. е. уронилъ, и побѣжалъ вверхъ, всѣ за нимъ и я также. Вверху спрашиваю, чтò сказать Воронцову.—Ah, mon Dieu, qu'ai-je fait de son billet?—Le voilà (я прибралъ записку).—Dites, mon cher, à W., que c'est ridicule à lui de partir, qu'il faut absolument qu'il reste, qu'il aura l'air de fuire l'Empereur. Я тотчасъ курьера къ Воронцову, чтобы надѣвалъ мундиръ и являлся. Онъ такъ и сдѣлалъ, но засталъ Государя уже на парадѣ. Но возвратимся къ главному.

Камердинеръ, явясь прежде, приготовилъ ванную Государю. Е. В., видѣвъ это въ своемъ кабинетѣ, вытащилъ ее вонъ (ибо самъ помогалъ людямъ ее вытащить въ ближайшую комнату), говоря: Чтò за мысль, чтò за баловство? Какъ ванную въ кабинетѣ? Послѣ того изволилъ лечь отдохнуть, но въ 8-мъ часу былъ уже на ногахъ. Послѣ Бенкендорфа призывать изволилъ Подолинскаго, послѣ Арендта, тамъ князя Дм. Вл. и полицію съ комендантомъ. Мы были всѣ (т. е. главныя лица столицы: Гудовичъ, Четвертинскій, Волковъ, Гагаринъ, Урусовъ, генералъ Шиповъ, Савоини, фл.-адъютанты, кои здѣсь и свита Мих. Павл.) въ залѣ. Въ половинѣ 11-го вышелъ Государь, свѣжъ, здоровъ, только ужасъ какъ загорѣлъ, такъ что на лбу полоса, означающая, гдѣ была фуражка. Всѣмъ поклонился, у фл.-адъютантовъ бѣгло спра-

*) Т. е. мать князя Голицына, княгиня усатая (Princesse-moustache).

шивалъ: Ты откуда? А ты? А ты? Тутъ до сихъ поръ Урусовъ, Радзивиллъ, Бутурлинъ, Протасовъ. Прочіе еще не бывали. Потомъ поговорилъ съ Савоини о войскахъ, кои собираютъ сюда къ послѣ-завтраму. Comment vont vos yeux? спросилъ у Волкова. Спѣшилъ въ соборъ. Я сзади стоялъ; но Государь, увидя меня, кивнулъ мнѣ головой очень милостиво. У дверей былъ Арсеньевъ. Государь его два раза поцѣловалъ. Пора! Пора! сказалъ онъ и продолжалъ шествіе свое. Мы всѣ хлынули за нимъ. Только что Его Вел-во показался на крыльцѣ, народъ, наполнявшій площадь, закричалъ ура! и такъ толпился около него, что мы вѣрно шли минутъ пять до Усп. собора. Великій князь, Бенкендорфъ, князь Дм. Вл. никакъ не могли вразумить толпу, и Государь самъ часто улыбался, глядя, какъ иной падалъ или терялъ шляпу, но часто и тронутъ бывалъ, ибо точно на этомъ безчисленномъ множествѣ лицъ написаны были живо: радость, усердіе, любовь. Такъ ему въ глаза и смотрѣли. У дверей собора встрѣтилъ его съ крестомъ Филаретъ и привѣтствовалъ краткою рѣчью, потомъ совершалось молебствіе, пѣто многолѣтіе. Преосвященный благословилъ Государя иконою Спасителя, потомъ Государь прикладывался къ образамъ и мощамъ, дѣлая вездѣ земные поклоны. Въ углу собора изволилъ минутъ съ пять разговаривать съ Филаретомъ на одинъ, и послѣ въ другія двери вышелъ изъ собора, чтобы идти въ другіе соборы. Покуда я бралъ благословеніе отъ Филарета, т. е. крестъ цѣловалъ, меня оттерли отъ свиты царской, и не было уже возможности догнать. Я пошелъ во дворецъ; въ эту минуту подъѣхалъ и Воронцовъ, во всей уже формѣ одѣтый. Мы вмѣстѣ поѣхали, я выпустилъ его въ экзерциргаузѣ, гдѣ уже другая бездна народу ожидала Государя, а самъ поѣхалъ домой. Пишу тебѣ все отрывками, не даютъ покою ни на минуту, то одинъ, то другой, а сегодня еще день сбора; побѣгу внизъ.

Насилу отдѣлался. Ну благодарилъ я Максимова за себя и за тебя. Онъ мимо всѣхъ губернаторовъ все это сдѣлалъ какъ должно съ Курскаго тракта на Воронежскій. Говорили на ушко, что Государь только двое сутокъ здѣсь пробудетъ. Сегодня кушаетъ у великой княгини втроемъ съ Мих. Павловичемъ. Воронцовъ остается здѣсь, покуда Государь будетъ; чрезъ это будетъ обѣдать къ намъ сегодня. Сію минуту полученъ пакетъ отъ Императора; долженъ тебя оставить, чтобы исполнить высочайшую волю и дать отвѣтъ Его Величеству. Не успѣю и князю нашему подробно писать о пріѣздѣ Государя. Его Величество препроводилъ ко мнѣ записку князя Ал. Никол., въ коей и о тебѣ упомянуто касательно одного письма изъ чужихъ краевъ на высочайшее имя съ прибавкою: à lui-même. Ты, можетъ быть, вспомнишь или князь. Прощай, везу сейчасъ отвѣтъ Государю.

Москва, 21 Сентября 1832.

Ну, любезнѣйшій другъ, ужъ подлинно цѣлà попа грамота! Ежили бы всю жизнь такъ, то кажется съ ума бы сошелъ. Дѣло дѣлать еще бы ничего, но досадно на мордашекъ, на просителей, на дамъ, которыя мучаютъ разными пустыми просьбами. Прилагаю письмо къ князю, которыя прочти и, запечатавши, доставь къ нему. У Государя былъ я только минуть пять. Онъ изволилъ писать, отправлялъ фельдъегеря къ Императрицѣ и всталъ отъ бюро съ перомъ въ рукахъ. Послѣ дѣла, за коимъ призывалъ, изволилъ спросить: Ну чтò, привыкаешь ли? Потомъ: Всѣ твои здоровы? Княгиня Долгорукая и ребенокъ здѣсь?—Здѣсь.—Какъ же, Michel мнѣ сказывалъ, что ея не видѣлъ у Голицына?—Тогда не было ея еще, она вчера пріѣхала.—Пишутъ о дѣлѣ Розена оттуда?—Пишутъ, В. В.—Cela se borne toujours à deux canons perdus?—Точно такъ, В. В. Государь опять сѣлъ писать, сказавъ: Ну, прощай!—Я былъ безъ обѣда: жена и дочки угощали дома Воронцова, а я во дворцѣ сидѣлъ и караулилъ возвращеніе Государево отъ обѣда вел. князя. Сказываютъ, что Государь очень безпокоится насчетъ Императрицы и выѣхалъ бы непремѣнно уже сегодня, но войско не можетъ поспѣть прежде завтрашняго дня на смотръ сюда. Максимовъ, котораго Бенкендорфъ прославляетъ ужасно, ѣдетъ сейчасъ. Я посылаю съ нимъ и Щукина. Теперь душа на мѣстѣ: тутъ трактъ большой.

Я прочелъ Воронцову чтò пишешь и исполняю твое приказаніе охотно. Ты пишешь: ликуй съ Воронцовымъ! И точно ликую. И ему, кажется, у насъ очень весело. Государь его обласкалъ. Увидя, сказалъ: Ба, ты изъ земли выросъ! и приказалъ ему здѣсь быть, покуда самъ изволитъ быть въ Москвѣ. Воронцовъ жалѣетъ, что не велѣлъ тебѣ писать ему въ Москву; но кто зналъ, что будетъ эта перемѣна? Завтра обѣдаетъ онъ у нашихъ Долгорукихъ. Я такъ смѣялся! Вчера получаемъ мы офиціально отъ васъ о перемѣнѣ маршрута, а Государь уже здѣсь былъ. Вотъ такъ-то и мы: описаніе о прибытіи сюда Государя получите вы, вѣроятно, послѣ прибытія его Вел-ва въ Царское Село.

Завтра Бенкендорфъ также обѣдаетъ у Ольги съ Воронцовымъ, а сегодня во дворцѣ обѣдъ для первыхъ трехъ классовъ. Ну, братъ, чтò я предвидѣлъ, то сбывается: Бенкендорфъ говорилъ мнѣ, что Волкову оставаться нельзя, и онъ далъ мнѣ весьма трудное и щекотливое препорученіе ему это намекнуть. Лучше было тогда послѣдовать моему совѣту и самому отойти, сохраняя всѣ оклады. Бенк. и теперь готовъ это устроить, но я боюсь: Волковъ помѣшался на честолюбіи

и заупрямится. Ужо поѣду къ нему и прежде объяснюсь съ Соф. Александр. Забылъ было главное тебѣ сказать: великая княгиня нездорова серьезно. Государь очень долго у нея просидѣлъ вечеромъ; она выкинула, и Государь боится, чтобы это не дошло до Императрицы. Княгиня Урусова это все мнѣ сказывала подъ секретомъ. Государь вчера у нея изволилъ быть вечеромъ, говорилъ также о Катѣ и Ольгѣ, хвалилъ ихъ. Бала у Голицына не будетъ завтра по нездоровью ея высочества. Да сегодня, кажется, или завтра поминки по покойной импер. Маріи Θеодоровнѣ.

*

Москва, 22 Сентября 1832.

Заѣхалъ я къ Воронцову, его еще не было съ обѣда во дворцѣ. Я покурилъ, скоро и онъ явился. Вообрази, что Государь взялъ его съ собою и съ 10 часовъ утра до 4-хъ, т. е. до самаго обѣда, все ѣздить изволилъ съ нимъ по разнымъ заведеніямъ и больницамъ, а завтра велѣлъ ему опять быть къ себѣ, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ Комерческое училище. Мы выпили съ Воронцовымъ по двѣ чашки чаю, и Богъ знаетъ о чемъ не говорили. Завтра онъ и Бенкендоръ обѣдаютъ у Ольги. Какъ добръ этотъ Воронцовъ! Я, какъ другу, сказалъ ему о желаніяхъ нашихъ касательно Долгорукаго, а онъ тотчасъ намекнулъ Бенкендорфу, который ему сказалъ: Mais c'est une chose très faisable. Я завтра атакую Ал. Христ., повезу отвѣтъ на его препорученіе и попрошу о Дишкѣ. Куда радъ буду, ежели Богъ поможетъ дѣльце устроить.

Вечеромъ были мы всѣ у Пашковыхъ, откуда я бѣжалъ поранѣе. Туда явился Адлербергъ и сказалъ Ольгѣ: Princesse, avant tout il faut que je m'aquitte de l'ordre que j'ai reçu de l'Empereur. S. M. I. m'a chargé de la rappeler à votre souvenir et de vous témoigner combien il est peiné de partir sans vous avoir vue. Olga очень умно отвѣчала: Ce que vous me dites, mon g-l, me comble de joie, je vous prie en grâce de présenter mes sincères remerciments à l'Empereur et de lui dire que je suis extrêmement peinée pas tant pour moi que pour sa filleule; car je suis persuadée que la bénédiction de S. M. porterait bonheur à ma fille. Adlerberg dit à Olga d'aller demain au Дѣвичье поле, où il aura revue de cavalerie, que peut-être elle y verrait l'Empereur. Ольга собирается завтра ѣхать туда съ мужемъ въ коляскѣ. Очень было намъ всѣмъ пріятно милостивое это вниманіе Государя. Нечего говорить, счастлива эта Ольга! Чтò тебѣ еще сказать прежде нежели лечь спать? Давеча Государь принималъ купечество, которое поднесло ему хлѣбъ-соль. Еще скажу тебѣ, что люблю тебя, что спать хочется, трубка погасла и глаза слипаются.

Ну, мой милый другъ, одно дѣло слажено: Бенкендорфъ теперь мнѣ сказывалъ, что Волкова отпустятъ безсрочно, до излѣченія болѣзни съ сохраненіемъ оклада, и даже, ежели нужно будетъ ѣхать на Кавказъ или въ чужіе края, то Государь ему поможетъ. Слава Богу, нельзя было желать лучшаго: отойдетъ со всѣми гонёрами и съ фольробертомъ. Покачу обрадовать Софью Александр. Ну, сударь, просилъ я Бенкендорфа и о сыночкѣ; онъ сказалъ: Nous ferons cela, je vous le promets. Я поцѣловалъ его, но прибавилъ: Mon beau-fils sert chez le p-ce Gallitzine, qu'il n'aille pas se formaliser que je m'adresse à vous?— Mais alors parlez au prince Gallitzine qu'il demande, et moi j'opposerai, j'en parlerai avant à l'Empereur. Я поскакалъ къ князю, онъ еще въ спальной, я просилъ войти на одну секунду токмо, велѣлъ просить. Я ему объяснилъ дѣло. Вотъ его отвѣтъ: Écoutez, mon cher, je ne suis pas de ces choses susceptible et monté sur les grands chevaux; que B. arrange la chose. Bien loin d'être en prétention, je lui remercierai de tout mon coeur; cela ne m'empêchera pas, s'il le faut, de dire aussi mon petit mot à l'appui. Donc agissez, je vous délie les bras. Чего же лучше? Я тотчасъ опять къ Бенкендорфу, но не было его уже. Я ему написалъ отвѣтъ князя Дм. В-ча и, такъ какъ онъ очень занятъ другими дѣлами, важнѣйшими, то я приложилъ къ нему готовые: докладную записку и указъ придворной конторѣ; пусть употребитъ то или другое. Охъ, какъ бы хорошо, кабы явился къ Ольгѣ съ дѣломъ въ шляпѣ! Я буду внѣ себя отъ радости; будетъ очень неожиданно для всѣхъ, ибо молчу покуда. Ольга пасмурна, а княгиня какъ въ воду опущенная, не смѣетъ уже и говорить о камеръ-юнкерствѣ своего Дишки.

Говорятъ, что Генихенъ уходилъ ея выс-во, заставя ее продолжать воды такъ долго, поздно и въ такую погоду и когда было сомнѣніе въ беременности. Она здѣсь поживетъ, сказываютъ, еще мѣсяцъ.— Сейчасъ прислалъ Филаретъ письмо къ князю Александру Николаевичу; посылаю князю при двухъ словахъ, а ежели это не нужно, то распечатай мое письмо и доставь князю просто письмо преосвященнаго.

*

Москва, 23 Сентября 1832.

Государь изволилъ вчера отправиться въ С.-Петербургъ въ четыре часа и двадцать минутъ пополудни. Поутру зналъ уже объ этомъ Бенкендорфъ, только меня обманулъ обѣщаніемъ обѣдать у Ольги. Воронцовъ пріѣхалъ съ его извиненіями и объявилъ, что онъ въ ту минуту садится въ коляску. Также далъ онъ Воронцову слѣдующую комиссію ко мнѣ. Dites à B. que je suis fâché de ne pas

l'avoir encore vu avant mon départ, que j'ai parlé de notre affaire avec le p-ce Gallitzine et que nous sommes convenus, qu'il m'enverrait une pétition en forme au sujet du p-ce D. et que j'arrangerai cela tout de suite. Когда увидишь А. Х., поблагодари его также, а я князю Дм. Вл. напомню тотчасъ сдѣлать дѣло. Милостей никакихъ не было, а только коменданту продолжена аренда его. Обѣдъ былъ нашъ очень веселый. Была только наша семья, Воронцовъ, Щербининъ, племянникъ кн. Ек. Ал. графъ Орловъ-Денисовъ, Фастъ, да нашъ Alexandre Gallitzine. Воронцовъ, кажется, очень полюбилъ наше семейство и былъ тронутъ, прощаясь съ нами. Мы поѣхали съ обѣда къ вел. князю, который долго его продержалъ, не хотѣлъ меня отпустить. Я отговорился, что почта, вѣрно, пришла; отпустилъ, но съ условіемъ, что ворочусь. Воронцовъ нашелъ у себя Ермолова; мы напились чаю, посадили Воронцова въ коляску; было около 10 часовъ вечера, и я по обѣщанію поѣхалъ опять къ вел. князю, котораго нашелъ гораздо покойнѣе насчетъ великой княгини: нѣтъ лихорадки, ни жару, ни ужасныхъ головныхъ болей. Но по разсказамъ его высочества видно, что онъ третьяго дня былъ въ большомъ страхѣ, равно какъ и Государь. Вообрази, что, покуривая сигарки и болтая то о томъ, то о другомъ, мы просидѣли съ Башиловымъ до половины второго. Государь былъ доволенъ смотромъ и пожаловалъ его выс-ву еще полкъ: Нарвскій гусарскій будетъ носить имя его выс-ва. Я тебѣ пришлю, сказалъ Государь великому князю, сшитый мундиръ твоего полка, тотчасъ пріѣхавши въ Петербургъ. Вел. князь собирается во Вторникъ будущій въ Тулу, воротится въ Четвергъ, а въ Суботу 1-го Октября отправится въ Петербургъ, ежели здоровье ея выс-ва будетъ хорошо. Онъ очень превозносилъ Маркуса, и, подлинно, онъ спасъ, можетъ быть, великую княгиню.

Бенкендорфъ прислалъ въ полдень вчера приказаніе, чтобы лошадей, приготовленныхъ для дороги Государя, прислать во дворецъ, что онъ хочетъ ихъ освидѣтельствовать прежде. Странно показалось это. Привели, посмотрѣлъ, похвалилъ. Поставьте ихъ въ конюшню покуда, и вдругъ въ три часа приказъ: закладывать, а всѣ думали, что Государь выѣдетъ въ ночь. Великая княгиня мнѣ сказывала, что Государь намѣревался выѣхать вечеромъ въ Четвергъ, чтобы найти Государыню въ Суботу еще спящую въ постели, т. е. поспѣть не позже какъ въ 40 часовъ.

Ба! Забылъ тебѣ сказать. Великій князь приказалъ мнѣ явиться къ нему въ Воскресеніе въ 10 часовъ съ Пашкою, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ Кадетскій корпусъ къ обѣднѣ. Пашка внѣ себя. Ему Голицынъ вскружилъ голову солдатскою шинелью и фуражкою.

Москва, 26 Сентября 1832.

Сегодня былъ большой праздникъ для Пашки моего. По приказанію вел. князя мы явились къ нему въ 10 часовъ. Воскресный день, то многіе ждали выхода его выс-ва; но Озерова и насъ велѣлъ вел. князь позвать къ себѣ въ кабинетъ, и Пашка очень смѣло сказалъ ему: къ в. и. в-у лейбъ-гвардіи конной артилеріи на ординарцы присланъ. Вел. князь смѣялся, поэкзаменовалъ его. Пашка высказалъ все что̀ выучилъ отъ князя Александра. Вел. князь его поцѣловалъ и сказалъ, что какъ скоро пріѣдетъ въ Петербургъ, то пришлетъ ему тотчасъ ружье маленькое и саблю; совѣтовалъ мнѣ поговорить съ Манделини насчетъ ноги Пашкиной. Потомъ поѣхали мы въ Кадетскій корпусъ, гдѣ было Пашкѣ на что посмотрѣть. Во время обѣда стоялъ онъ чиннехонько возлѣ вел. князя. Былъ часа $1\frac{1}{2}$ на ногахъ, наконецъ усталъ, сталъ проситься домой.—Поди, проси у вел. князя! Онъ подошелъ, вытянулся и сказалъ храбро: ваше выс-во, позвольте мнѣ ѣхать домой.—Какъ, развѣ ты не здѣсь остаешься?—Нѣтъ-съ, мнѣ хочется домой.—Вел. князь его поцѣловалъ опять и сказалъ: Прошу меня слушать прилежно: маменькѣ засвидѣтельствуй мое почтеніе, и сестрицамъ отъ меня кланяйся, слышишь ли?

*

Москва, 29 Сентября 1832.

Почта вчера пришла въ ту минуту какъ я ѣхалъ къ великому князю прощаться, а потому и взялъ я съ собою пакеты на имя его высочества. Былъ одиннадцатый часъ, онъ только что легъ почивать, дабы ранѣе встать, предполагая выѣхать сегодня въ пять часовъ въ Тулу. Камердинеръ хотѣлъ доложить обо мнѣ, но я просилъ не дѣлать этого, а отдать когда проснется великій князь. Сегодня въ пять часовъ былъ я уже у его высочества, что̀ очень было ему пріятно. Я далъ ему записку о государевомъ путешествіи, гдѣ встрѣчали его величество почты, также маршрутикъ до Тулы. За все это благодарилъ, обнялъ, въ 7 часовъ сѣлъ съ Философовымъ въ коляску и пустился въ путь. Послѣ завтра будетъ парадъ, время прекрасное, ясное, и кажется пойдетъ это надолго. Великой княгинѣ, слава Богу, гораздо лучше. Она еше въ постелѣ, и ее продержатъ такъ еще нѣсколько дней. Послѣ такой болѣзни возстановленіе медленно, и Московское пребываніе продолжится, сказываютъ, недѣль шесть. Бывъ уже въ той сторонѣ, я заѣхалъ къ Панкратьеву, котораго нашелъ еще въ постелѣ, велѣлъ тебѣ кланяться; собирается дня черезъ три выѣхать къ вамъ. Былъ я также у графа Ал. Ѳед. Орлова, который пріѣхалъ въ ночь изъ Воронежа; и этотъ также ѣдетъ къ вамъ послѣ завтра,

доволенъ своимъ путешествіемъ, давно не читалъ газетъ, просилъ снабдить его ими, сію минуту посылаю. Я у него засидѣлся, онъ любитъ поболтать, а я люблю послушать. Распрашивалъ у меня о государевомъ пребываніи здѣсь.—Закревскаго поздравляю отъ души со славною продажею. Ему кладъ Богъ далъ. Тративши такую сумму какъ 400 т., даже и богачъ, какъ Демидовъ, захочетъ имѣть дачу по вкусу своему, а не вкусу другого. Чтò Закревскому нравится, можетъ не нравиться Демидову, наприм. отрадны для сердца благодарнаго и любящаго Закревскаго монументы Каменскому, Волконскому, Ермолову, а Демидовъ можетъ быть и уничтожитъ ихъ. Домъ Закревскаго для меня игрушка, прекрасно расположенъ, а Демидовъ чудакъ: ему Фастовъ домъ Слободской казался прелестью, и онъ жилъ въ немъ нѣсколько лѣтъ. Я чрезмѣрно радуюсь, что Закревскій сбылъ такъ славно эту дачу, которая бы еще болѣе его завела въ издержки.

*

Москва, 29 Сентября 1832.

Знаешь ли, съ кѣмъ я познакомился вчера неожиданно въ театрѣ? Съ графомъ Августиномъ Каподистріей! Онъ ко мнѣ подошелъ, изъявляя сожалѣніе, что не былъ у меня тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, отъ того, что занемогъ, что знаетъ связь нашу съ покойнымъ его братомъ и пр. Я нахожу, что онъ много напоминаетъ брата своего манерами, голосомъ, и въ лицѣ есть какойто air de famille. Онъ будетъ у меня сегодня обѣдать съ Симонетти, съ коимъ познакомился онъ вчера у князя Дм. Вл. Я увѣренъ, что намъ всѣмъ будетъ и пріятно и горестно знакомство человѣка столь близкаго неоцѣненному покойному другу нашему. Мало поговорилъ я съ нимъ; но видно, что человѣкъ умный.

*

Москва, 30 Сентября 1832.

Очень меня обрадовало благополучное прибытіе Государя въ Петербургъ. Слава Богу, все обошлось хорошо. Вчера утѣшенъ я былъ собственноручнымъ письмомъ отъ нашего князя, которое выписываю тебѣ слово въ слово: «М. г. мой А. Я., благодарю васъ за подробное описаніе присутствія Государя въ Москвѣ. Онъ, слава Богу, здоровъ, къ намъ возвратился въ 44 часа изъ Москвы, и былъ доволенъ всѣмъ устройствомъ по почтовой части. Я васъ благодарю за первый опытъ вашей дѣятельности, пребывая съ истиннымъ почтеніемъ в. п. *покорнѣйшій слуга* отъ 26-го». Содержаніе письма сего столь лестнаго для меня могу сообщить ужо въ присутствіи Трескину и тѣмъ почтовымъ, кои тутъ случатся. Не можетъ меня не восхищать такой отзывъ общаго насъ всѣхъ и главнаго начальника.

Мы были очень тронуты разсказами графа Августина о незабвенномъ братѣ его. Ольга, жена поплакали; кабы не стыдно, и я бы туда же. Онъ любовался портрету, который я имѣю; но я ему сказалъ, что онъ у тебя найдетъ еще сходнѣйшій. Онъ зналъ отъ брата, какъ онъ наше семейство любилъ, сказывалъ, что Стурдза пишетъ или будетъ писать жизнь покойнаго президента. Съ гр. Августиномъ пріѣхалъ Грекъ (одинъ изъ стражи покойнаго), на коего упалъ нашъ другъ, когда онъ былъ раненъ. Этотъ Грекъ или Арнаутъ лишился руки подъ Навариномъ.

*

Москва, 1 Октября 1832.

Чтобы проститься съ великимъ княземъ, я повезъ ему самъ почту вчера вечеромъ; но не тутъ-то было, посадилъ меня, заставилъ слушать доклады трехъ адъютантовъ, послѣ сказалъ, потягиваясь, свой Ну! Насилу отдѣлался! Посадилъ, далъ сигарку, напоилъ чаемъ, и мы, сидя у камелька втроемъ съ Башиловымъ, проболтали до половины второго. Его выс-во очень благодарилъ за путешествіе свое отъ Тулы сюда, прибавя: дороги прескверныя, я долженъ признаться; за то лошади отличныя, и ямщики везли мастерски объѣздами, то направо, то налѣво. Однимъ словомъ, я пріѣхалъ сюда въ 14 часовъ ѣзды изъ Тулы.

*

Москва, 3 Октября 1832.

Въ Твери была ужасная исторія, разсказывалъ Загоскинъ. Офицеръ Черновъ, кажется, сказалъ что-то на балѣ о женѣ Шишкова, племянника бывшаго министра, тоже автора. Шишковъ далъ пощечину. Офицеръ выждалъ его на крыльцѣ у разъѣзда и кинжаломъ заколол, давъ четыре раны, потомъ самъ предался губернатору въ руки.

*

Москва, 5 Октября 1832.

La p-sse Menchikoff a un fils ici, qui vient d'être fait officier; je l'ai connu très polisson; l'uniforme militaire paraissait l'avoir changé. La mère sort d'une maladie mortelle grâce à l'habilité et aux soins de Marcus. Elle avait promis 1000 r. à son fils, et celui la tourmentait pour avoir cet argent. La mère repondait toujours: Обѣщала, такъ дамъ; возьми терпѣніе. Et comme le jeune homme insistait disant: Маменька, дайте мнѣ теперь, а то лучше не давайте вовсе, мнѣ нужно теперь, la mère lui donna donc 1000 r. persuadée qu'il s'agissait de quelque dette à payer. Elle voit le même jour Marcus arriver chez elle et très ému. Qu'avez vous, m-r Marcus?—Lisez, p-sse, ce que votre fils vient de m'écrire.—Que ce que c'était? Le jeune prince écrit à Marcus: Vous

avez sauvé la vie à ma mère, dans ce moment je ne peux rien faire pour vous, je n'ai que 1000 r., c'est tout ce que je possède, je vous prie de les accepter comme une marque de ma vive reconnaissance pour les soucis que vous avez donné à ma mère. Каковъ? Душа радуется, слушая такіе разсказы. Есть еще добрыя, благородныя сердца между молодежью. Почему нѣтъ? Я увѣренъ, что наши дѣти также бы поступили, не только Сашка, у коего и сердце и голова хороши, но даже и Костя, коего сердце прекрасно. Сообщи имъ этотъ прекрасный анекдотъ. Мать хотѣла подарить сыну 2000 р., но онъ сказалъ: non, maman, attendez que je parts, car je donnerai cela aussi à Marcus; à présent permettez moi d'être tous les jours au théâtre. Не могу тебѣ сказать, какъ меня эта черта восхитила.

*

Москва, 8 Октября 1832.

Вчера былъ прощальный вечеръ у княгини Вяземской, которая звала всѣхъ нашихъ; но дамы полѣнились ѣхать, я былъ одинъ. Она ѣдетъ къ вамъ завтра, а такъ какъ у дамъ всегда требованія странныя, то просила, чтобы ей здѣсь заплатить вдругъ всѣ прогоны до Петербурга. На то была резолюція: нельзя! А далъ ей расписаніе, сколько ей платить придется на всякой станціи за 9 лошадей, на что и изволила она изъявить свое согласіе. Она вѣрно будетъ у васъ бывать и встрѣчаться съ ривалкою своею Икскульшею.

*

Москва, 13 Октября 1832.

Къ намъ явился вдругъ вчера Кошелевъ, frais comme une rose, а голосъ все такой же звучный; былъ въ Англіи, во Франціи, всѣмъ вамъ очень кланяется, сегодня обѣдаетъ у насъ *). Также будетъ на прощанье Щербининъ, который завтра отправляется къ шефу своему Воронцову.

*

Москва, 14 Октября 1832.

Ну, мой милый другъ! Я чуть было не кинулся цѣловать экзекутора, когда вошелъ онъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени Царицы нашей сыномъ. Какъ сказалъ Государь Ольгѣ, такъ и есть: сынъ Михаилъ, Ура! Ура! Съ какимъ восхищеніемъ поѣду въ 11 часовъ въ соборъ! Съ какимъ усердіемъ буду Бога молить и благодарить Творца милосерднаго! Уже мы цѣловались съ женою, да и не безъ слезъ. Слава Богу. Допишу ужо письмо.

---

*) Это—Александръ Ивановичъ Кошелевъ (см. „Р. Архивъ" 1884, I, 246), любопытныя Записки котораго, изданныя за границею, доселѣ, къ сожалѣнію, не допускаются въ продажѣ въ Россіи; они внушаютъ читателю здравую, живую любовь къ отечеству.

Сейчасъ изъ собора, любезнѣйшій другъ. Множество было, а было бы и болѣе; но полиція наша вѣрно дастъ иному знать быть въ соборѣ сегодня вечеромъ, чѣмъ бы извѣстить наканунѣ. Стааль велѣлъ выпалить изъ 101 пушки и сказалъ капитану: Смотри, ежели заряды не будутъ хороши, я тебя на гауптвахту. И подлинно, стѣны тряслись. Оттуда поѣхалъ я поздравить великую княгиню и узнать о ея здоровьѣ. Все идетъ хорошо. Я нашелъ у ея высочества Ив. Вас. Тутомлина, князя Дм. Влад. Ну, мой милый, какъ себѣ хочешь, а у меня радостная лихорадка, не могу не повергнуть свои поздравленія къ стопамъ Государя Императора. Отъ избытка чувствъ написалъ письмо къ августѣйшему своему благодѣтелю. Доставь, мой милый, письмо мое. Меня, какъ новичка, какъ Москвича, Государь проститъ, а у меня на сердце будетъ легче. У меня въ семьѣ такая радость, что описать тебѣ не могу.

*

Москва, 20 Октября 1832.

Арсеньевъ сказывалъ, что пишутъ изъ Одессы, что дѣлаются большія пріуготовленія для Воронцова, народный праздникъ, илюминація для его пріѣзда, что жители хотятъ идти къ нему на встрѣчу, выпрячь лошадей и везти его на себѣ въ городъ. Дѣло сбыточное; но я увѣренъ, что ежели графъ объ этомъ узнаетъ, то пріѣдетъ нарочно ночью. Такія изъявленія слишкомъ уже увеличены, чтобы было пріятно человѣку, столь скромному, каковъ нашъ добрый Воронцовъ, который дѣлаетъ добро только для того, что это пища души его.

*

Москва, 22 Октября 1832.

Государь въ послѣднее свое здѣсь пребываніе приказалъ приступить къ сооруженію пушечнаго монумента, разумѣется изъ пушекъ у Французовъ взятыхъ. Хотятъ поставить между Арсеналомъ, Сенатомъ и Оружейною; мѣсто хорошее, но не регулярное, и не тѣсно ли будетъ?

*

Москва, 1 Ноября 1832.

Очень радуются назначенію Вяземскаго*). У него прекрасная душа и способности, и когда отстанетъ отъ шайки либеральной, которая дѣлается и жалка и смѣшна даже во Франціи, да примется за службу, какъ должно, то вѣрно пойдетъ въ гору, будетъ полезенъ и себѣ и семейству своему. Здѣсь всѣ радуются данному ему мѣсту.

---

*) Князь П. А. Вяземскій получилъ крупное мѣсто въ Государственномъ Банкѣ. Онъ говаривалъ намъ, что такое же мѣсто при Елисаветѣ Петровнѣ занималъ его дѣдъ, князь Иванъ Андреевичъ.

Москва, 3 Ноября 1832.

Я сію минуту посадилъ въ дормезъ великую княгиню, любезнѣйшій другъ. Она изволила сѣсть съ Апраксиною и великою княжною Маріею Михаиловною. Сегодня еще ея высочество принимала всѣхъ, и особенно князя Дм. Влад., коменданта, губернатора, князя Серг. Серг. Гагарина, Башилова и меня. Очень здорова, весела и не устала отъ всѣхъ хлопотъ и пріемовъ. Мнѣ три пакета дала для отправленія, прибавя: Il faudra que je me résigne à être ces cinq jours sans nouvelles de Pétersbourg.—Pas du tout, Madame: s'il y a des lettres pour v. a. i., je vous les ferai tenir à vos couchées en route. C'est ainsi que faisait mon frère lors de voyage de feue l'Impératrice Élisabeth. Она очень меня благодарила; также довольна, что Цуцкинъ ее провожаетъ. Было большое стеченіе народа, и по обыкновенію стояли передъ домами кареты, набитыя любопытными дамами.

*

Москва, 19 Ноября 1832.

Мнѣ предстоитъ, какъ говорятъ, une bagarre: надобно обѣдать у Волынскаго, славнаго объѣдалы, пріятеля Аракчеева; звалъ и всѣхъ нашихъ дамъ. Катенька должна хозяйничать; мы всѣ ее дразнимъ, что онъ хочетъ на ней жениться. Ужасный чудакъ, очень богатъ, строитъ огромный доходный домъ на Кузнецкомъ мосту. Я хочу его уговорить отдать оный послѣ себя Долгорукимъ, которыхъ онъ очень любитъ. 400 т. въ ломбардѣ! Шутка сказать! А наслѣдниковъ своихъ (дальніе все) не любитъ. Этотъ чудакъ имѣетъ правиломъ никогда не выѣзжать, не имѣя за пазухой 15 т. рублей.

Видѣлъ я этихъ Французовъ въ Москвѣ. О Боже мой, какая разница! Гдѣ этотъ Французскій bon ton, эта ловкость, любезность. Точно выходятъ, говорятъ, танцуютъ, какъ медвѣди.

*

Москва, 23 Ноября 1832.

Уфъ! Ну ужъ солоны мнѣ мои имянины; замучили меня, мой милый и любезнѣйшій другъ; Богъ знаетъ кто не былъ, кто не писалъ, не присылалъ, не дарилъ чѣмъ могъ. Очень меня трогаютъ изъявленія сіи, но лучше бы избѣгать все это. Всѣ Архивскіе корпусомъ явились, какъ бывало въ старину. Свои всѣ comme de raison и тронули своими словами, видно нелживыми. Я съ горестью вспомнилъ, что 23 года съ ряду день этотъ обѣдывалъ у имянинника Волкова, не могъ не ѣхать къ нему. Мы тотчасъ другъ друга поняли съ Софьею Александр. и, ничего не говоря, поплакали. Бѣдному Сашкѣ очень было худо вчера: глаза кровію налились, онъ кричалъ, стоналъ, послѣ

того заснулъ и спалъ нѣсколько часовъ. Послѣ сна началъ онъ опять говорить по обыкновенію всякій вздоръ, что жена его дочь князя Дм. Вл. и все повторялъ: Долгорукая, Голицына жена моя и пр. Ежели будетъ у него еще такой припадокъ и, вѣроятно, еще сильнѣйшій, то надобно ожидать конца, который всякій его любящій долженъ ему желать.

*

Москва, 27 Ноября 1832.

Здѣсь только и рѣчи, что̀ о Беррійской; мало говорятъ о выстрѣлѣ по Филиппѣ, коего царство никто прочнымъ не полагаетъ. Рѣчь его довольно ничтожна. Надѣлалъ онъ много со своею glorieuse révolution. C'est cette glorieuse révolution qui lui annonce ce glorieux coup de pistolet.—Apraxine fait bonne mine à mauvais jeu.—Здѣсь ходили по рукамъ какія-то басни или сказки Луганскаго, за кои была ему головомойка. Я удивляюсь, что цензура допустила печатаніе, но А. Х. могъ помѣшать ранѣе.

*

Москва, 29 Ноября 1832.

Вчера были мы вмѣстѣ на первомъ представленіи Вадима (исковерканный сюжетъ Жуковскаго баллады). Говорятъ, что Верстовскій два года трудился надъ музыкой; она меня не фрапировала, не тронула, а декорація ада меня не испугала и грѣшниковъ не остановитъ. Но что̀ было прелестно, это самая послѣдняя декорація: деревья, пещеры, городъ проваливается; въ великолѣпномъ замкѣ въ родѣ замка 1001 ночи, вдали, видны двѣнадцать спящихъ дѣвъ; онѣ встаютъ, составляютъ группу и тихонько возносятся на небо. Это было прекрасно, и хлопали много; вызывали не машиниста, а Верстовскаго, который изъ ложи Загоскина отвѣшивалъ публикѣ множество низкихъ поклоновъ. Театръ былъ биткомъ набитъ. Сегодня повтореніе, и опять дерутся за мѣста. Будутъ давать четыре раза съ ряду. Загоскинъ сказывалъ, что стоило 50 т. р., однакоже большого великолѣпія не вижу. Хоръ одинъ и тріо мнѣ понравились.

*

Москва, 30 Ноября 1832.

Наконецъ, вижу напечатаннымъ указъ о нашемъ камеръ-юнкерѣ. Смѣшно то, что княгиня начинала сомнѣваться, полно точно ли ея Дишка сдѣланъ камеръ-юнкеромъ? 6 Декабря щегольнетъ въ Собраніи въ новомъ своемъ мундирѣ. Вчера почта пришла рано и привезла мнѣ письмо твое отъ 26 числа, мой милый и любезнѣйшій другъ. Большіе плуты наши почтальоны. Я замѣчаю, что Петербургскіе скоро привозятъ почты въ Петербургъ, а Московскіе въ Москву; сюда Петербургскіе опаздываютъ, а къ вамъ Московскіе: всякій своему шефу

угождать хочетъ. Это не хорошо, надобно угождать службѣ, а не намъ, и я уже бранилъ за это не одинъ разъ.

Voilà une grande nouvelle! Родофиникинъ оставляетъ Восточное свое царство, и не коллежскій какой-нибудь заступаетъ его мѣсто, а новичокъ. Кажется, бы хорошъ былъ тутъ Фонтонъ, только онъ не знаетъ по-русски. Я слыхалъ похвалы о Чевкинѣ, ежели тотъ, что̀ былъ у покойнаго Дибича. Эта перемѣна неожиданна. Родофиникинъ чуть не деканъ ли иностраннаго министерства? Куда давно онъ въ дѣлахъ, а не то что числится по министерству.

Сейчасъ былъ у меня добрый Чертковъ, огорченъ, смущенъ, встревоженъ. Мансуровъ пишетъ ему, что Государь предписалъ князю Ливену выслать Трубецкого молодого князя Ник. Ив. въ Россію. Приказаніе было получено, когда Тр. уѣхалъ уже въ Италію. Туда писалъ Мансуровъ. Письмо нашло Трубецкаго въ Генуѣ. Онъ отвѣчалъ, что, повинуясь волѣ Государя, ѣдетъ вслѣдъ за письмомъ своимъ въ Петербургъ черезъ Берлинъ. Чертковъ самъ хотѣлъ тебѣ писать (Мансуровъ писалъ Арсенію Андр.), но чтобы тебя не обременять отвѣтомъ, просилъ меня тебѣ все это объяснить съ тѣмъ, чтобы ты развѣдалъ, явился ли Трубецкой, не наказанъ ли онъ арестомъ или чѣмъ еще хуже, хотя кажется, по письму Ломоносова, онъ въ дуэли не виноватъ. Постарайся развѣдать, а буде можно то и пособить молодому человѣку, купно съ Закревскимъ.

*

Москва, 3 Декабря 1832.

На Кузнецкомъ мосту большая передряга. У которой-то изъ мадамовъ схвачена контрабанда на 50 т.; видно, не у всѣхъ совѣсть чиста, а лупятъ, проклятыя, ужасныя деньги съ Московскихъ щеголихъ. Ужъ это не дѣйствія ли нашего Вяземскаго? Скажутъ: вотъ въ тихомъ омутѣ черти водятся. Каковъ Вяземскій! Забылъ, что Москва— его рай, а мадамы Кузнецкаго моста—его бригада. Москва любитъ крайности. Сперва говорили все о Вяземскомъ, какъ о вѣтренникѣ, занимающемся только обѣдами, стихами и женщинами, а теперь славятъ его государственнымъ человѣкомъ, и тѣже лица повторяютъ: Я всегда это утверждалъ.

*

Москва, 13 Декабря 1832.

Я получилъ письмо твое отъ 9. Какъ ты не писалъ, что Государь 6 числа изволилъ принимать въ козацкомъ мундирѣ и сказалъ генер.-адъютантамъ: Vous êtes étonné de mon costume; on appelle cela en Europe costume des barbares, et moi je ne me soucie pas de

ressembler à m-s les Européens et suis fier de ce costume. Вотъ такъ бы ножки (ежели и грязны) государевы я расцѣловалъ бы, ежели это правда. Я слышалъ это отъ сына графа Петра Александровича Толстого. Кажется, мудрено выдумать все это.

*

Москва, 28 Декабря 1832.

Ну, братъ, что за красавица Пушкина, жена Володина! [1]) Я не люблю бѣлокурыхъ, но вчера на нее залюбовался; къ тому же одѣта была прекрасно, съ голубыми перьями на головѣ, а этотъ цвѣтъ идетъ къ ней очень. Скажи Вяземскому, о коемъ я съ нею говорилъ, что она рѣшительно лучше сестры своей.

*

Москва, 29 Декабря 1832.

Ну, ужъ былъ шумъ, была потѣха вчера въ клобѣ. Le scandale attire toujours de monde. Я тебѣ писалъ о Долгоруковой исторіи; послѣ страшныхъ преній рѣшено, наконецъ, балотировать, принять ли извиненія письменныя въ журналѣ Долгорукова? Было 262 человѣка, комплектъ неслыханный[2]). Не только въ большой залѣ было два огромные и четыре маленькихъ стола, но даже и въ другихъ комнатахъ обѣдали, а членовъ съ 15 должны были уѣхать по объявленію швейцара, что ни мѣста, ни кушанья болѣе нѣтъ. Во весь столъ объ иномъ не говорили. Лазутчики старшинъ обиженныхъ и Долгорукаго не желали Шампанскаго, ходили около стола, убѣждая въ свою пользу. Натурально, множество подходило ко мнѣ лицъ узнавать, на чьей я сторонѣ; но я отговаривался, что не знаю подробностей дѣла; да и не хотѣлъ я идти противъ Ив. Вас. Черткова, который, по несчастію, отъ доброты своей чрезмѣрной, бралъ сторону Долгорукаго. Этотъ пріѣзжалъ къ нему почти руки цѣловать, плакалъ и просилъ выручить его изъ бѣды. Чтобы даже шара не класть, я, поигравъ съ Давыдовымъ въ биліардъ, хотѣлъ ѣхать домой, вдругъ вижу несутъ ящикъ *въ залу*, который эскортировали человѣкъ 50. Любопытство меня завлекло туда. Подходитъ ко мнѣ старшина Чичеринъ, старичекъ, правилъ весьма честныхъ.—В. п., вы не клали шара; одинъ и остался, извольте положить.—Я далъ себѣ слово никогда не принимать участія въ преніяхъ клоба; впрочемъ не вижу нужды балотированія сегодня; есть ли законъ на нынѣшній случай?—Есть.—Такъ зачѣмъ же вы его

---

[1]) Это графиня Эмилія Карловна Мусина-Пушкина, сестра Авроры (тогда еще дѣвицы Шернваль).

[2]) Англійскій клубъ не задолго передъ тѣмъ занялъ нынѣшнее свое помѣщеніе. Въ немъ теперь и въ мѣсяцъ не бываетъ столько посѣтителей, какъ тогда въ одинъ день.

не исполняете? Тутъ присталъ ко мнѣ Морозъ об.-прокуроръ; тоже говорилъ въ томъ же смыслѣ, что человѣкъ, который можетъ себя унизить и обругать цѣлое общество старшинъ, людей извѣстныхъ, дворянствомъ и купечествомъ выбранныхъ, что такой человѣкъ не остановится унизиться испрошеніемъ прощенія. Теперь можетъ случиться, прибавилъ Морозъ, тоже самое со мною: я буду также просить прощенія, мое прошеніе отвергается, а Долгорукова принимается. Гдѣ же тутъ правосудіе? Тутъ вижу я личность, пристрастіе. Голицынъ также справедливо сказалъ, что князь Касаткинъ, вымаранный изъ числа членовъ за такую же исторію, въ правѣ написать теперь, что проситъ прощенія и требуетъ балотировки. Мой шаръ остался на блюдечкѣ. Приступили къ дѣлу. Открыли бѣлые шары: на 94 должно было считать, ибо письмо, писанное къ старшинамъ въ пользу Долгорукаго, было подписано 94 членами (Ив. Вас. à la tête). Къ этимъ 94 пристало еще 19, итого 113 бѣлыхъ, а черныхъ 79; большинство незавидное, но Д. остался членомъ. Тотчасъ отправлены къ нему курьеры съ тріумфальною вѣстью. Надобно было (видѣть), съ какою жадностью и нетерпѣніемъ смотрѣли не только шалуны, но многія значущія чиновныя лица на развязку дѣла сего. Правда, сказалъ Давыдовъ въ насмѣшку: On dirait que nous sommes en France et qu'il s'agit de la duchesse de Berry. Скажи Вяземскому (такъ какъ это касается его министра) bon mot князя Владимира Голицына: Enfin cette affaire sale est finie, elle fera plaisir au ministre des finances.—Comment au ministre des finances? lui demanda-t-on.—Mais sûrement: il n'y aura plus de clob, mais un cabaret de plus à Moscou.

Сейчасъ купечество здѣшнее прислало мнѣ депутата, чтобы поднести билетъ члена общества ихъ. Благодарилъ ихъ черезъ него за вниманіе, а не знаю, удастся ли бывать у нихъ. Бывало, покойный Юсуповъ всѣхъ подзывалъ туда и самъ никогда не манкировалъ. Мнѣ помнится, и ты бывалъ членомъ также.

*

Москва, 31 Декабря 1832.

Сейчасъ пріѣзжалъ меня навѣстить добрый Ив. Вас. Въ клобѣ видно не конецъ всему. Теперь старшины въ неудовольствіи: двое, т. е. Салтыковъ Мих. Ал. и Кобылинъ прислали свои билеты въ контору, отказываясь отъ званія и старшинъ и членовъ. Дѣло это не такъ повели съ начала. Законы есть, и прекрасные—исполняй ихъ, и полно. По закону слѣдовало выключить Долгорукова, такъ было поступлено съ княземъ Касаткинымъ. Какія тутъ извиненія? Просить прощенія, требовать или давать сатисфакцію, драться: это дѣла личныя; какое дѣло клобу?

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

1860-й годъ [1]).

15-го Іюня. Листъ привелъ ко мнѣ біографа Бетховена, В. ф.-Ленца[2]) изъ Петербурга. Его книга, состоящая изъ восьми частей, можетъ служить вѣрнымъ указателемъ чиселъ и годовъ возникновенія сочиненій Бетховена; но общія замѣчанія, касающіяся каждаго сочиненія, односторонни и для музыканта не могутъ служить руководствомъ.

Такъ какъ для здоровья отца необходима была перемѣна климата, то въ половинѣ Мая родители мои уѣхали въ Іену, чтобы пользоваться горнымъ воздухомъ, а въ началѣ Іюня уѣхали еще дальше въ горы, въ Фридрихсрода, въ Тюрингенскомъ лѣсу. Старые хвойные лѣса, окружающіе эту деревушку, превратили ее въ извѣстный курортъ.

17-го Іюня. Я поѣхала въ Фридрихсрода, чтобъ повидаться съ моими родителями и отдохнуть. Въ горахъ было такъ свѣжо, что 1-го Іюля сталъ было падать снѣгъ; одной изъ моихъ сестеръ, которой докторъ прописалъ такъ называемыя Wellenbäder (эта искусственная волна образуется отъ паденія горнаго ручья черезъ двигающееся мельничное колесо) пришлось купаться въ водѣ, имѣвшей всего 2° тепла.

Укрѣпляющій горный воздухъ благодѣтельно подѣйствовалъ на меня, и 3-го Іюля я поѣхала въ Либенштейнъ (Liebenstein), любимое мѣстопребываніе Берлинцевъ и Гамбургцевъ, близъ котораго находится дворецъ Альтенштейнъ, принадлежавшій герцогу Мейнингенскому и служившій ему лѣтней резиденціей. Я жила у своихъ друзей ф.-Гопфгартенъ и Надинъ Коніаръ изъ Петербурга, которая часто бывала въ Веймарѣ. Между пріѣзжими больными оказался одинъ весьма бѣдный человѣкъ, который вскорѣ умеръ, не оставивъ ни гроша ни на свои похороны, ни на возвратный путь своей жены. Здѣсь же были двѣ молодыя дѣвицы, пріѣхавшія изъ Гамбурга, пѣвицы-дилетантки, съ которыми я познакомилась и предложила имъ устроить музыкальное утро въ пользу несчастной вдовы. Наслѣдный принцъ Мейнингенскій, узнавъ объ этомъ, очень любезно предложилъ мнѣ прислать для кон-

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" 1901, III 422.

[2]) См. въ „Русскомъ Архивѣ" 1878 г. его „Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ". П. Б.

церта свой Эраръ. Правленіе Либенштейна также весьма любезно предоставило въ наше распоряженіе большую залу кургауза. Сверхъ всякаго ожиданія публики набралось очень много, пріѣхалъ весь Мейнингенскій дворъ и съ ними старикъ герцогъ Бернгардтъ Веймарскій, извѣстный по изданнымъ его путешестіямъ по Индіи, и сынъ его Германъ, состоящій на Вюртембергской службѣ и женатый на сестрѣ Вюртембергскаго короля, принцессѣ Паулинѣ. Впослѣдствіи я имѣла съ нимъ много дѣла во время Франко-прусской войны, когда онъ былъ Вюртембергскимъ уполномоченнымъ Краснаго Креста. Тѣ годы, которые герцогъ Бернгардтъ провелъ въ Индіи, въ качествѣ Голандскаго намѣстника, семейство его провело въ Веймарѣ, гдѣ они жили прямо противъ нашего дома; обѣ его дочери, принцесса Амалія, впослѣдствіи за принцемъ Генрихомъ Нидерландскимъ, и принцесса Анна, скончавшаяся дѣвицей, принимали участіе въ моемъ музыкальномъ кружкѣ; онѣ были очень просто и благоразумно воспитаны своей матерью, герцогиней Идой, рожденной принцессой Мейнингенской.

12-го Іюля я вернулась въ Веймаръ, гдѣ очень много занималась музыкой; только три раза въ недѣлю мнѣ приходилось ѣздить на лошадяхъ въ Эттерсбургъ, чтобы давать уроки принцессамъ Саксонскимъ Маріи и Софіи. Наконецъ мое время отдыха настало, и 24-го Іюля я отправилась въ Эйзенахъ на дачу моего друга Анны фонъ-Эйхель, откуда все-таки мнѣ приходилось ѣздить на лошадяхъ въ Вильгельмсталь, прелестный лѣтній за́мокъ великаго герцога, куда его семейство переѣхало изъ Эттерсбурга.

9-го Августа. Мы съ Анной ф.-Эйхель поѣхали въ Эйзенахъ на балъ, данный въ честь графа Парижскаго и герцога Шартрскаго, которые, въ первый разъ послѣ смерти ихъ матери, герцогини Елены Орлеанской, заѣхали въ Эйзенахъ, чтобы повидаться со своими друзьями и посмотрѣть на мѣста, гдѣ они жили съ матерью.

Большое удовольствіе доставило мнѣ посѣщеніе Вартбурга близъ Эйзенаха: реставрація была почти окончена, фрески Швинда уже всѣ готовы, недоставало только мелкой орнаментаціи на лѣстницѣ и въ коридорахъ. Меня восхищали ковры, разрисованные медовыми красками на толстомъ парусномъ холстѣ, по средневѣковымъ рисункамъ, и снабженные широкими полосами, на которыхъ готическими буквами были написаны изрѣченія, пословицы и короткія четверостишія минезингеровъ, принимавшихъ участіе въ пѣвческихъ состязаніяхъ въ Вартбургѣ.

21-го Сентября. Вечеромъ былъ у меня Листъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что три дня тому назадъ онъ написалъ свое духовное завѣщаніе на 12 страницахъ. «Я все обдумалъ», сказалъ онъ, «и въ любую ми-

нуту готовъ переселиться въ вѣчность; я много надъ собою поработалъ за послѣднія 25 лѣтъ. Я знаю, что во многомъ былъ неправъ, и каюсь въ этомъ, но жизнь моя не удалась. Когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, я просилъ моего отца разрѣшить мнѣ сдѣлаться священникомъ; но не только онъ, но и моя мать, которая такъ удивительно добра, и мой духовникъ были противъ этого и требовали, чтобы я продолжалъ свою артистическую дѣятельность. Разъ это такъ, то вы понимаете, что во мнѣ настолько честолюбія, что я стремлюсь достигнуть возможно-бо́льшаго превосходства въ своемъ искусствѣ. Я въ высшей степени честолюбивъ и не могу переносить, чтобы кто-нибудь былъ со мной на одномъ ряду; но если меня хорошо знать, то на самомъ дѣлѣ я только охраняю даръ, полученный отъ Бога. Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, что̀ я живу для княгини; но мои дѣла такъ запутались (онъ говорилъ о разводѣ), что я нахожусь въ постоянной борьбѣ, и, не смотря на то, нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы больше чѣмъ я желалъ жить спокойно. На дняхъ я сказалъ великому герцогу, что насколько я покоренъ волѣ Божіей, настолько готовъ рѣшительно бороться (aussi résigné que résolu à lutter). Въ теченіи уже многихъ лѣтъ жизнь моя ужасна: невозможно сказать, до какой степени я страдаю, и чтобы поддержать себя и имѣть силу переносить постигающія меня несправедливости, мнѣ необходимо работать безъ конца».

Въ двухъ часовомъ разстояніи отъ Веймара находится имѣніе Османштедтъ, принадлежавшее когда-то поэту Виланду и гдѣ находится его могила. Его единственный внукъ и потомокъ, котораго я еще знала, скончался отъ чахотки, и послѣ него имѣніе перешло въ руки Шотландца мистера Гранта, который былъ женатъ на моей подругѣ, Ольгѣ фонъ-Вегнеръ. Она принадлежала къ тѣсному кругу нашихъ друзей, очень любила музыку, хотя исполняла ее слишкомъ по-англійски; зимы она почти ежегодно проводила въ Римѣ, гдѣ всѣхъ и все знала. Она давно уже звала меня къ себѣ въ Османштедтъ, и я наконецъ хотѣла исполнить ея просьбу, и мистеръ Грантъ пріѣхалъ за мной. Листъ, давно собиравшійся ее навѣстить, тоже собирался ѣхать съ нами, но за часъ до отъѣзда я получила отъ него слѣдующую записку:

Chère mademoiselle Martha!

Le plaisir que je me promettais de passer une couple d'heures avec vous cette après-midi à Osmannstedt ne pourra malheureusement pas se réaliser. C'est aujourd'lui le jour de mon courrier de Rome, et celui de ce matin (plus considérable encore que d'ordinaire) m'oblige à passer toute cette journée chez moi tant pour y répondre, que pour

m'acquitter de diverses commissions dont on me charge. Cette obligation est d'autant plus urgente que je dois partir dans la nuit pour Sondershausen (où il y a demain un concert, dont le programme a été arrangé en mon honneur). En fait de communication et correspondance Sondershausen c'est le *bout* du monde!

Veuilliez donc bien, chère mademoiselle Marthe, m'excuser et faire agréer tous mes regrets à madame et monsieur de Grant, auxquels je demeure fort obligé de leur aimable invitation. J'ai appris par madame de Vatzdorff que madame de Grant me faisait l'honneur de chanter délicieusement un de mes *Lieder*. J'espère ne pas être toujours privé du plaisir de l'entendre, et en attendant je vous prie de lui présenter mes respectueux remerciements. Mille choses sincèrement affectueuses et cordialement dévouées. Samedi, 22 Septembre 60. F. Liszt.

P. S. Peut-être vous intéresserait-il de lire dans *l'original* la correspondance du comte Cavour avec le cardinal Antonelli. La langue italienne y ajoute un cachet particulier, ce me semble, et je vous envoie le Giornale di Roma, en vous priant de me le remettre occasionnellement.

24-го Сентября. Ко мнѣ пришелъ бывшій секретарь нашей покойной великой княгини Р. К. Фелейзенъ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, сколько я желаю получить подъемныхъ денегъ для поѣздки въ Петербургъ. Я съ удивленіемъ на него посмотрѣла и сказала, что я и не думаю ѣхать въ Петербургъ, а собираюсь въ Парижъ и Лондонъ; но онъ упорно продолжалъ меня увѣрять, что я ѣду въ Петербургъ, и очень скоро, съ назначеніемъ на службу къ Великой Княжнѣ Маріи Александровнѣ. Я пошла къ отцу въ кабинетъ и, переговоривъ съ моими родителями, рѣшила ждать, что̀ будетъ.

Черезъ два дня я получила письмо отъ Анны Ѳеодоровны Тютчевой*), въ которомъ она мнѣ сообщала, что Императрица Марія Александровна выбрала меня для музыкальнаго образованія ея дочери, но съ тѣмъ, чтобы я жила въ Зимнемъ дворцѣ или въ загородныхъ дворцахъ, слѣдуя за ними.

На слѣдующій день я отправилась въ Эйзенахъ, чтобы просить свою отставку у великой герцогини Софіи, которая жила въ то время въ Вильгельмсталѣ. Она отпускала меня съ большимъ сожалѣніемъ, зная, что противиться этому нельзя; но при этомъ я узнала, что уже нѣсколько мѣсяцевъ велась переписка съ цѣлью имѣть всевозможныя свѣдѣнія о моей личности, и что назначеніе мое въ Петербургъ нисколько ихъ не удивило.

---

*) Въ Веймарѣ въ то время Русскимъ министромъ-резидентомъ былъ Мальтицъ, женатый на родной теткѣ А. Ѳ. Тютчевой, сестрѣ ея матери. П. Б.

Я остановилась у моего друга, Анны фонъ-Эйхель, и на другой день (27-го Сентября) къ намъ пріѣхалъ великій герцогъ въ сопровожденіи Вальтера фонъ-Гёте. Веймарскій дворъ находился въ тѣсномъ родствѣ съ нашимъ дворомъ, и они горячо любили нашего Государя и его семью. Когда Государь бывалъ съ гросъ-герцогомъ, то смѣху не было конца. Видно было, что великій герцогъ лелѣялъ мысль еще ближе соединить родственныя узы съ нашимъ царствующимъ домомъ, надѣясь достигнуть этого посредствомъ брака своего единственнаго сына на единственной дочери Государя. Если ему это не удалось, то это слѣдуетъ приписать только разнородности характеровъ молодыхъ людей.

29-го Сентября я возвратилась въ Веймаръ, а 30-го получила офиціальную бумагу о моемъ назначеніи.

Листъ былъ очень доволенъ, что я оставляю Веймаръ; онъ всегда говорилъ, что оставаться въ томъ-же городѣ, гдѣ учился, значитъ киснуть, и что, для того, чтобы узнать свои силы и знаніе, надо пробить себѣ дорогу въ чужой обстановкѣ. Онъ никакъ не хотѣлъ повѣрить, что я не искала этого мѣста; но я сама была такъ поражена своимъ назначеніемъ, что въ концѣ концовъ онъ понялъ, что и для меня это было совершенно неожиданно.

Всѣ мои Веймарскіе друзья, Анна фонъ-Ейхель въ особенности, очень горевали о моемъ отъѣздѣ и увѣряли, что ихъ всѣхъ соединяетъ совсѣмъ особенная жизнь, когда я съ ними. Мнѣ самой было очень тяжело разставаться съ Веймаромъ и, главное, съ моею семьей, которую я страстно любила, особенно моего бѣднаго отца, который въ то время былъ уже очень слабъ. Онъ меня очень любилъ и гордился мною. Если бы отъ меня зависѣло, я, кажется, отказалась-бы отъ этого назначенія, такъ мнѣ было тяжело разставаться со всѣми тѣми, кого я любила; но видя, что мои родители желаютъ, чтобы я приняла это назначеніе, я рѣшила, что такъ должно быть, и старалась преодолѣть тоску, которая преслѣдовала меня первое время.

2-го Октября. Я отправилась съ матушкой въ Лейпцигъ, чтобы снарядиться для Петербурга, такъ какъ въ Лейпцигѣ именно въ это время происходила извѣстная Лейпцигская ярмарка, на которую стекались купцы со всего свѣта и все было гораздо дешевлѣ, чѣмъ въ обыкновенное время въ магазинахъ. Мы цѣлый день ходили изъ одной лавки въ другую, а такъ какъ, на время ярмарки, обыкновенныя комнаты отъ перваго до четвертаго этажей превращаются въ магазины, то иногда стоило много времени и труда отыскать ихъ. Мы провели тамъ цѣлый день, чтобы сдѣлать необходимыя закупки и съ ночнымъ поѣздомъ вернулись обратно въ Веймаръ.

Затѣмъ я провела два дня въ Ейзенахѣ, чтобы проститься съ семействомъ великаго герцога и съ моими Ейзенахскими друзьями. Гросъ-герцогиня напутствовала меня словами, что если я когда-либо вернусь въ Германію, то я принадлежу ей, а не кому-нибудь другому.

Великая герцогиня была озабочена тѣмъ, кому-бы ей поручить дальнѣйшее музыкальное образованіе ея дочерей, съ которыми я занималась съ самаго начала; положимъ, что для меня работа эта была очень скучная и нелегкая, но я предпочитала сама вести это дѣло съ начала, чѣмъ передѣлывать впослѣдствіи. По просьбѣ великой герцогини я рекомендовала ей другую ученицу Листа, за которую я могла вполнѣ ручаться, Алину Гундтъ фонъ-Гафтенъ. Это была единственная дочь одного Прусскаго помѣщика, жившая на свои средства, хорошо воспитанная и съ очень тонкой музыкальной натурой, но къ несчастью болѣзненная. По настоянію Листа она приняла это мѣсто, и такъ какъ онъ требовалъ для нея титулъ придворной піанистки, то онъ былъ ей пожалованъ; но она не согласилась взять на себя учить третью дочь великой герцогини, принцессу Елисавету, съ самаго начала, какъ я дѣлала со старшими сестрами. Тогда великая герцогиня попросила мою старшую сестру Елену Степановну взять это на себя, и она въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ занималась съ принцессой Елисаветой. Алина Гундтъ играла очень изящно, слишкомъ изящно для массы; вотъ почему, при ея застѣнчивости и нервности, игра ея не могла нравиться публикѣ, и она весьма рѣдко играла публично. Ея сочиненія указываютъ на крупный талантъ; изъ нихъ болѣе всего я люблю квинтетъ, Kaisermarsch, и самую послѣднюю ея вещь, Колыбельную пѣснь, на слова Пушкина. Если бы смерть не унесла ее такъ рано, ея имя стало-бы очень извѣстно. Между нами были отношенія, какъ между сестрами; у насъ въ семьѣ, начиная съ моихъ родителей и до младшей моей сестры, всѣ ее любили и глубоко уважали. Первоначально она играла на скрипкѣ, и играла хорошо, но затѣмъ занялась фортепіанной игрой, брала уроки у Теод. Куллака въ Берлинѣ и затѣмъ пріѣхала въ Веймаръ. Ко мнѣ она пришла съ письмомъ отъ матери Ганса фонъ-Бюлова, которая горячо мнѣ ее рекомендовала.

Отъ 7-го Октября до 14-го время пролетѣло, какъ сонъ. Въ эту недѣлю Листъ далъ мнѣ еще четыре урока, и послѣдній я брала 13-го Октября вечеромъ въ его кабинетѣ. Онъ подарилъ мнѣ большой свой портретъ, сдѣланный Ганфтстэнглемъ (Hanfstaengl) въ Мюнхенѣ, и подписалъ свой девизъ: Laborare et orare. Это былъ мой послѣдній урокъ у самаго геніальнаго и безкорыстнаго человѣка, какого я знала.

Листъ былъ въ ужасно возбужденномъ состоянiи. Въ туже ночь онъ отправлялся въ Вѣну и Италiю, покидая Веймаръ, гдѣ театральныя отношенiя съ Дингельштедтомъ становились невыносимыми для него. Его мечта устроить въ Веймарѣ музыкальную академiю не нашла поддержки въ лицѣ гросъ-герцога, который заботился лишь о томъ, чтобы упрочнить Веймарскую Академiю Художествъ. Можно только сожалѣть, что величественная мысль Листа не осуществилась; онъ понималъ, что всѣ существующiя консерваторiи не соотвѣтствуютъ требованiямъ времени. Драмы Вагнера доказали вполнѣ, что для ихъ содержанiя и исполненiя требуется совсѣмъ другое воспитанiе, чѣмъ то, которое выходило по утвержденнымъ программамъ консерваторiй. Листъ считалъ, что артистъ-музыкантъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова) долженъ быть въ состоянiи отвѣчать на настоящiя требованiя не только въ музыкальномъ отношенiи, но и во всѣхъ другихъ отношенiяхъ, и общее образованiе его должно быть обширное. Чтобы создать музыкальную драму, необходимо было соединить музыканта съ поэтомъ. Чтобы исполнять эти драмы, требовались пѣвцы, выросшiе не на одной только музыкѣ Верди, Россини и т. п., но такiе, которые дѣйствительно изучили этотъ предметъ вполнѣ основательно, начиная съ классическихъ памятниковъ пѣнiя. Чтобы дирижировать драмы Вагнера, оперы Берлiоза, Вебера, Бетховена, нужно было воспитать такихъ капельмейстеровъ, которые изучили-бы всѣ творенiя великихъ композиторовъ и были-бы въ силахъ руководить ихъ передачею.

Въ послѣднiй годъ пребыванiя Листа въ Веймарѣ, послѣ отъѣзда въ Римъ княгини Витгенштейнъ, для веденiя общаго хозяйства на Альтенбургѣ оставалась бывшая гувернантка княгини Гогенлое, миссъ Андерсенъ, очень почтенная и преданная имъ особа. По вечерамъ, если Листъ оставался дома, онъ обыкновенно игралъ съ нею и «съ болваномъ» нѣсколько партiй виста и ералаша, и иногда мои сестры помогали миссъ Андерсенъ въ этой обязанности и старались разсѣять Листа, который съ нетерпѣнiемъ ожидалъ результата поѣздки княгини Витгенштейнъ въ Римъ. Она, главное, надѣялась получить отъ папы разводъ; но со стороны Витгенштейновъ встрѣчались препятствiя, такъ какъ они были православными. Княгиня кромѣ того обвиняла семейство Гогенлое, а главное кардинала Гогенлое въ замедленiи этого дѣла. Листъ всегда отличался живымъ и неунывающимъ характеромъ, но этотъ вопросъ былъ для него вопросомъ жизни и поколебалъ его обыкновенное расположенiе духа, что̀ выразилось въ недостаткѣ энергiи къ работѣ. Безъ сомнѣнiя, княгиня имѣла громадное влiянiе на Листа, что̀ особенно было замѣтно во время ея отсутствiя.

Иногда Листъ отлучался на нѣсколько дней изъ Веймара, напримѣръ, когда онъ дирижировалъ въ Бланкенбургѣ у князя Лёвенберга, страстнаго любителя музыки, который держалъ свой собственный оркестръ, бывшій въ состояніи исполнять всѣ новѣйшія произведенія. Листъ также ѣздилъ въ Берлинъ, на крестины своего перваго внука, сына Бюлова, бывалъ въ Лейпцигѣ по дѣламъ печатанія своихъ сочиненій, въ Кöзенѣ, чтобы видѣться съ маркизомъ Делапортъ, секретаремъ Французскаго посольства въ Веймарѣ. Вагнеръ, находившійся въ то время въ Баденѣ, приглашалъ туда Листа, для свиданія съ нимъ; но Листъ не поѣхалъ, отговариваясь тѣмъ, что у него тамъ слишкомъ много знакомыхъ. Въ это же время г-жа Калерджи посѣтила Листа на нѣсколько дней; при другихъ обстоятельствахъ, она бы несомнѣнно могла подѣйствовать успокоительно на Листа, но при его тогдашнемъ настроеніи ему слѣдовало работать больше обыкновеннаго, чтобы успокоить охватившее его общее озлобленіе и раздражительность. Кромѣ г-жи Калерджи, бывали у него Брендель, Поль, Бюловъ и Лассенъ, съ которыми онъ любилъ разговаривать. Къ счастью, вѣра взяла верхъ въ его душѣ и водворила спокойствіе; и его близкіе друзья съ удовольствіемъ увидѣли, что онъ опять принялся за работу и сталъ прежнимъ добрымъ и любезнымъ человѣкомъ. Но онъ не скрывалъ, что дни его пребыванія въ Веймарѣ сочтены. Жители города, которые съ гордостью считали его своимъ гражданиномъ, не на шутку испугались и рѣшили выразить ему свою преданность въ день его рожденія, 22-го Октября. Къ этому дню Листъ вернулся въ Веймаръ въ сопровожденіи Бронсара, Таузига, Дресеке, Клича, Брейделя и другихъ и, не смотря на свою усталость послѣ дороги, утромъ онъ очень любезно принялъ несмѣтное число поздравителей. Городъ поднесъ ему дипломъ почетнаго гражданина города Веймара, молодыя дѣвушки лавровый вѣнокъ на вышитой подушкѣ съ названіемъ главныхъ его произведеній; а вечеромъ устроено было факельное шествіе съ неизбѣжными рѣчами. Нужно знать пассивность и скромность Веймарцевъ, чтобы понять все значеніе устроеннаго торжества.

Послѣ этого Таузигъ оставался еще нѣсколько дней въ Веймарѣ и часто посѣщалъ наше семейство, которое восхищалось его удивительной игрой.

Приближался день моего отъѣзда, 6 (18) Октября. Понятно каждому, что мнѣ было нелегко разстаться съ семьей, друзьями и той жизнью, такой счастливой для меня, когда судьба меня баловала; я утѣшалась только мыслью, что восемь лѣтъ не вѣчность, а я приняла это мѣсто съ условіемъ, что по истеченіи этого времени я могу его

оставить. По условіямъ, служба моя должна была состоять въ томъ, что я ежедневно буду давать уроки музыки В. К. Маріи Алоксандровнѣ, съ обязательствомъ жить тамъ, гдѣ будетъ находиться царская семья. Я знала, что въ Петербургѣ я найду своего брата Степана, который наконецъ былъ переведенъ туда, послѣ тяжелой службы въ Польшѣ; а до Петербурга меня сопровождала моя мать. Путешествіе было очень тяжелое, потому что часть дороги приходилось ѣхать на лошадяхъ, а настоящаго санняго пути не было. Намъ часто, особенно по ночамъ, приходилось переходить рѣки пѣшкомъ, такъ какъ ледъ не былъ довольно крѣпокъ, чтобы выдержать тяжесть экипажа. На это путешествіе мы употребили семь дней, на что впослѣдствіи достаточно было шестидесяти четырехъ часовъ.

13 (25) Октября. Пріѣхавъ въ Петербургъ рано утромъ, я въ часъ дня отправилась съ моимъ братомъ въ Царское Село, гдѣ проживала царская семья. Гросъ-герцогиня Софія послала черезъ меня письма къ обѣимъ Императрицамъ; но представиться Императрицѣ Маріи Александровнѣ я еще не могла, потому что она еще никого не могла видѣть послѣ родовъ. А Императрица Александра Ѳедоровна была уже при смерти (болѣзнь ея была короткая, и никто не предвидѣлъ ея близкой кончины).

Пріѣхавъ въ Царское, я прямо отправилась къ А. Ѳ. Тютчевой, которая была очень рада моему пріѣзду; но, въ виду общей суматохи, господствовавшей во дворцѣ по случаю болѣзни обѣихъ Императрицъ, она просила меня отложить на нѣкоторое время мой переѣздъ въ Царское.

До семилѣтняго возраста Великій Князь Сергѣй Александровичъ жилъ и воспитывался вмѣстѣ съ Великой Княжной Маріей Александровной. Когда я пріѣхала, дѣти отдыхали; они обязательно должны были спать отъ 12-ти до 2-хъ часовъ дня. Великая Княжна Марія Александровна всегда укладывалась безъ разговоровъ, но живой Сергѣй Александровичъ часто бунтовалъ, и укладываніе его и засыпаніе нерѣдко сопровождались слезами.

Въ два часа явились дѣти. Маріи Александровнѣ тогда было семь лѣтъ. Она была невысокаго роста, кругленькая, и я сейчасъ еще вижу, какъ она была тогда въ синемъ бархатномъ платьицѣ, décolletée et manches courtes къ обѣду. Сергѣй Александровичъ былъ одѣтъ по-русски, въ шелковой рубашкѣ съ черными бархатными шароварами и высокими сапожками. Великая Княжна была предупреждена о моемъ

пріѣздѣ, и Анна Ѳедоровна сказала мнѣ: «Voilà votre élève», а Маріи Александровнѣ: «Voilà Marta, qui s'occupera de musique avec vous maintenant». Марія Александровна подошла ко мнѣ немного застѣнчиво, обняла меня, и знакомство было сдѣлано. Во время обѣда она сказала всего нѣсколько словъ. Сергѣй Александровичъ былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ; веселый и живой, онъ подошелъ ко мнѣ совсѣмъ не стѣсняясь, поцѣловалъ меня и сталъ весело разговаривать и шалить. Анна Ѳедоровна просила меня остаться съ ними обѣдать въ четыре часа. Мы обѣдали вчетверомъ. Но до обѣда я еще успѣла съѣздить въ Александровскій дворецъ, гдѣ жила Императрица Александра Ѳеодоровна, въ то время такъ тяжело больная. У меня были письма для Ея Величества и для Великой Княгини Александры Іосифовны, которая также переселилась въ Царское по случаю болѣзни Императрицы. Меня приняла состоявшая при Ея Высочествѣ г-жа Чичерина, которая знала меня еще въ Веймарѣ; она передала мнѣ, что Великая Княгиня желаетъ меня видѣть на слѣдующій день.

Послѣ обѣда мы съ братомъ пошли къ нашему дядѣ Ивану Васильевичу Рождественскому, который въ то время состоялъ духовникомъ и законоучителемъ всѣхъ царскихъ дѣтей и жилъ въ ротондѣ дворца. Онъ былъ очень радъ меня видѣть и доволенъ, что мы будемъ служить вмѣстѣ.

На слѣдующій день, 14 (26) Октября, я вернулась въ Царское, чтобы представиться Великой Княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ. Фрейлина Ея Высочества графиня А. Г. Комаровская меня приняла и представила. Великая Княгиня была еще удивительно красива. О приняла меня очень любезно и ласково. Впослѣдствіи я часто видала Великую Княгиню, и она всегда была неизмѣнно ко мнѣ милостива.

Въ Петербургѣ мы съ матушкой навѣщали нашихъ родственниковъ и знакомыхъ Русскихъ, бывавшихъ у насъ въ Веймарѣ. Особенное удовольствіе доставляло мнѣ видѣть князя В. Ѳ. Одоевскаго; я любила его многостороннее образованіе, которое свидѣтельствовало о его трудолюбіи.

20-го Октября (1-го Ноября). Мы поѣхали навѣстить нашего дядю Михаила Измайловича Богословскаго*), къ которому всѣ мы относились съ особеннымъ почтеніемъ. Нельзя было сказать, чтобъ онъ когда-нибудь былъ грозенъ со мною; напротивъ онъ, по своему, встрѣчалъ

*) О протоіереяхъ Рожественскомъ и Богословскомъ весьма любопытныя сообщенія въ Воспоминаніяхъ протоіерея И. И. Базарова, въ „Русской Старинѣ" 1901 года. П. Б.

меня всегда ласково и любезно; но въ его характерѣ было что-то суровое, желѣзное, что̀ меня невѣдомо почему всегда пугало; подобнаго характера я еще не встрѣчала, и вотъ почему не знала, какъ его понять. Кромѣ того, очень тяжело было видѣть страхъ, съ которымъ къ нему относились его дѣти; они росли безъ матери, такъ какъ тётенька скончалась, когда всѣ они были еще очень молоды, и можно сказать, что ихъ молодость прошла очень серьезно и грустно. Съ годами онъ сталъ мягче, но того, что̀ было ничѣмъ не уничтожишь.

Въ скоромъ времени весь городъ облетѣла вѣсть о кончинѣ Императрицы Александры Θеодоровны; она скончалась въ 8½ часовъ утра. Врачи (сперва Мантъ, потомъ Карель) лѣчили ее отъ легкихъ и отъ сердца, такъ какъ она страдала сильными сердцебіеніями; вскрытіе тѣла показало, что и сердце и легкія были совсѣмъ здоровы, а вся болѣзнь сосредоточена была въ кишкахъ. Карель былъ въ такомъ отчаяніи отъ своей ошибки, что оставилъ службу и поѣхалъ на нѣсколько лѣтъ за границу, чтобы опять учиться. Послѣ смерти лейбъ-медика Енохина Государь Александръ II призвалъ къ себѣ на его мѣсто Кареля.

26-го Октября (7-го Ноября). Я опять была въ Царскомъ у А. Θ. Тютчевой и у нея познакомилась съ ея сестрой, Даріей Θеодоровной, фрейлиной при Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Она очень напоминала своего отца, Θеодора Ивановича Тютчева, отлично владѣла языками и любила кокетство разговора. Къ несчастію, она была очень болѣзненна и много лѣтъ страдала.

Въ Царскомъ меня провели въ Александровскій дворецъ, гдѣ на парадномъ катафалкѣ почивала усопшая Императрица. Катафалкъ окружало дежурство изъ фрейлинъ и военныхъ чиновъ, и все на меня произвело тяжелое впечатлѣніе.

28-го Октября (9-го Ноября). Я навѣстила госпожу Штуббе *), которая, какъ пѣвица, была на службѣ у Великой Княгини Елены Павловны. Она предложила мнѣ пріѣхать на слѣдующій день смотрѣть изъ оконъ Михайловскаго дворца на печальную церемонію перевозки тѣла въ Бозѣ почившей Императрицы въ Петропавловскую крѣпость.

---

*) Нынѣ вдова А. А. Абазы. П. Б.

ПОДЛИННЫЙ ПОРТРЕТЪ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Немногимъ извѣстно, что въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ, находится образъ Владимирской Божіей Матери, отданый въ этотъ монастырь самимъ Іоанномъ Грознымъ. На поляхъ этого образа есть нѣсколько миньятюръ. На одной изъ нихъ представленъ Іоаннъ Грозный молящимся предъ образомъ Божіей Матери, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Іоанномъ и митрополитомъ Макаріемъ. Въ этомъ изображеніи мы имѣемъ современный портретъ царя. По письму видно, что художникъ, изображавшій этихъ лицъ, хорошо владѣлъ кистью. Царевичъ Іоаннъ изображенъ полнымъ, съ свѣжимъ румянымъ лицемъ, темными блестящими глазами и темными волосами. Митрополитъ Макарій представленъ сухимъ, высокимъ, сѣдымъ старцемъ, съ блѣднымъ, но здоровымъ лицомъ, съ немного косымъ прорѣзомъ глазъ. Грозный представленъ худымъ, съ рыжими волосами, съ искошеннымъ ртомъ, правая нижняя губа оттянута внизъ, глаза съ поразительно-расширенными зрачками, и зрачки расширены неравномѣрно. Носъ тонкій, прямой. Ноздри приподняты.

Изображеніе это нисколько не походитъ на позднѣйшія изображенія Іоанна Грознаго. Форма носа, форма глазъ и цвѣтъ ихъ совершенно другія. Портретъ Іоанна Грознаго на этомъ образѣ представляетъ царя далеко неизящнымъ, но, нужно полагать, вѣрнымъ оригиналу: иначе царь не позволилъ бы представить себя хуже, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, и онъ не отдалъ бы монастырю вмѣстѣ съ образомъ своего неправильнаго изображенія. Что художникъ могъ и умѣлъ изображать красивыя и благообразныя лица, это мы можемъ видѣть по изображенію лицъ царевича Іоанна и митрополита Макарія. По нашему мнѣнію означенный портретъ Грознаго имѣетъ большое историческое значеніе. Глядя на него, можно сказать, что царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный былъ больной человѣкъ. Блѣдно-мертвенный цвѣтъ лица, скошенный ротъ, расширенные неравномѣрно зрачки указываютъ на нервное страданіе. Помимо бреда величія, который еще можно объяснить высокимъ положеніемъ, Грозный страдалъ маніей преслѣдованія и религіозной маніей. Если бы Іоаннъ дѣйствовалъ по обдуманному плану, то ему нечего было бы раскаяваться и нечего было бы называть себя гнуснымъ убійцею невинныхъ людей. Царь Іоаннъ Грозный былъ человѣкъ помѣшанный. Помѣшательство, какъ извѣстно, не исключаетъ цѣлаго ряда и здравыхъ идей.

Д. М. Глаголевъ.

1901 г. Декабря 12.

ДВА УПРАЗДНЕННЫХЪ МОНАСТЫРЯ

надъ Переяславскимъ озеромъ.

Подъ такимъ названіемъ графъ С. Д. Шереметевъ напечаталъ, въ прошломъ 1901 году, рядъ драгоцѣнныхъ документовъ, касающихся исторіи Успенскаго Горицкаго и Борисоглѣбскаго Переяславскаго монастырей.

Монастыри эти давно упразднены. «Ни утвари, говоритъ графъ Шереметевъ, ни книгъ, ни иконъ, ни рукописей не сохранило время; лишь два-три надгробія съ полузатертыми надписями гласятъ о быломъ...»

«На томъ же Плещеевскомъ озерѣ, заканчиваетъ графъ свое предисловіе, возвышается гора, гдѣ нѣкогда стояла существовавшая въ XIII вѣкѣ и упраздненная давно обитель Борисоглѣбская, та самая, въ которой принималъ свой постригъ преподобный Димитрій Прилуцкій. Отъ зданій ея не осталось камня на камнѣ; но преданія живы, а въ нихъ отраженіе славы и подвиговъ витязя Невскаго, побѣдителя «желѣзныхъ людей» Запада. Преданіе народное, свободно переживающее вѣка, сохранило горѣ этой донынѣ названіе Александровой».

Въ книжкѣ графа Шереметева помѣщено четыре выписи изъ книгъ Переяславскаго уѣзда, описи и вѣдомости, относящіяся до Горицкаго (1627, 1630, 1701, 1763 гг.) и шесть до Борисоглѣбскаго монастырей

Успенскій Горицкій монастырь, «Пречистая на Горицѣ», былъ основанъ около 1362 г. супругою Дмитрія Донского великою княгинею Евдокіею, во иночествѣ Евфросиньею. Въ немъ принялъ иночество пр. Димитрій Прилуцкій въ XV вѣкѣ и былъ архимандритомъ преп. Даніилъ, основатель Даниловскаго Переяславскаго же монастыря. Горицкимъ монастыремъ онъ назывался потому, что стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, оттуда прекрасный видъ на городъ Переяславль и на озеро. Монастырь до учрежденія штатовъ имѣлъ 4900 душъ крестьянъ и былъ однимъ изъ богатыхъ. До 1744 года онъ управлялся архимандритами, но съ этого времени по 1788 г. въ немъ имѣли свое пребываніе Переяславскіе преосвященные. Учрежденная императрицею Елисаветою епархія Переяславская и Дмитровская имѣла въ своемъ завѣдываніи, кромѣ Переяславля, еще 9 городовъ съ уѣздами: Дмитровъ, Клинъ, Рузу,

Верею, Волоколамскъ, Гжатскъ, Александровъ, Покровъ и Киржачъ. Всѣхъ монастырей и церквей въ этой епархіи было тогда болѣе 700. Монастырь и прежде былъ не изъ бѣдныхъ. Царскія милости и жертвы разныхъ благотворителей щедро сыпались въ Горицкую обитель, почти съ самаго ея основанія. Въ книжкѣ графа Шереметева приведенъ любопытный списокъ царскихъ грамотъ «*на монастырскія вотчины, всякія крѣпости* отъ 1440 по 1693 г., *правовыя грамоты* 1602—1679 гг., *разъѣзжія* 1604—1667 гг., *сошныя* 1644—1692 гг., *данныя* 1420—1634 гг., *списки съ купчихъ* 1511—1586 гг., *мѣновыя* 1497—1700 гг.

Всѣ эти документы извлечены изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи *).

По описи 1629 года. въ монастырѣ имѣлись церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, каменная, съ придѣломъ Св. Николая; другая каменная Рождества Іоанна Предтечи съ придѣломъ во имя Пр. Димитрія Прилуцкаго; каменная двухъ-этажная церковь съ трапезой, теплая во имя Всѣхъ Святыхъ, въ верху которой былъ престолъ Усѣкновенія Честныя Главы Іоанна Предтечи; на святыхъ воротахъ деревянная церковь Зосимы и Савватія Соловецкихъ. Св. ворота и ограда были деревянныя. Кельи архимандричьи, казенная и восемь братскихъ были каменныя, равно какъ и погребъ, ледникъ, поварня и квасоварня. Позади ограды находились два двора, конюшенный и коровій. Подъ монастыремъ располагались двѣ нагорныя слободки, гдѣ жили служки монастырскіе и тяглые люди съ женами и дѣтьми. Эти каменныя зданія церквей и службъ существовали еще въ XV—XVI вѣкѣ. Конечно смутное время XVII вѣка могло подѣйствовать на монастырское благосостояніе, но эти экономическія затрудненія продолжались недолго, и Горицкій монастырь не могъ пожаловаться на скудость средствъ. Однако изъ слѣдующей описи 1701 года, мы видимъ, что въ это время была построена вновь только одна каменная церковь Всѣхъ Святыхъ съ трапезой и службою, и какъ она, такъ и остальныя церкви и всѣ постройки, не исключая и Успенской храмовой церкви, были крыты деревомъ; при этомъ и св. иконы въ главномъ храмѣ не отличались особыми украшеніями. Очевидно, доходы съ 4900 душъ крестьянъ шли не на благолѣпіе церковное, а болѣе на безмятежное монашеское житіе и другія неподобныя монашескому чину дѣла, о чемъ такъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ монастырскіе акты XVII вѣка, заставившіе Преобразователя принять столь крутыя мѣры, что не только настоятелямъ обителей, но и самимъ архіереямъ стало неповадно.

*) Стр. 15—27. Въ Горицкомъ монастырѣ 12 Іюня 1722 г. былъ пожаръ, во время котораго „сгорѣли деревянныя братскія и казенныя кельи и кладовыя, гдѣ хранились казна *и всѣ монастырскія крѣпости и письма*". (Описан. докум. и дѣлъ Св. Синода т. II, ч. 2, стр. 58).

Любопытна вѣдомость преосвящ. Селиверста о состояніи Горицкаго монастыря въ 1763 г., посланная имъ въ комиссію о церковныхъ имѣніяхъ. Она написана очень обстоятельно и представляетъ собою драгоцѣнный матеріалъ о положеніи тѣхъ бывшихъ церквей, о которыхъ гр. Шереметевъ упоминаетъ въ своемъ предисловіи и говоритъ о нихъ, какъ о безмолвномъ остовѣ, поразившемъ его невыразимымъ холодомъ забвенія. «Всё брошено, все погибло, старина давно вывезена, стѣны валятся, а на церковныхъ зданіяхъ слѣды дикаго и грубаго разрушенія».

*

Вотъ нѣсколько чертъ изъ исторіи Переяславской каѳедры.

Переяславская епархія существовала уже въ XIII в. Съ 1262 г. она поступила въ составъ митрополичьей области, и Переяславскіе епископы завѣдывали вмѣстѣ съ тѣмъ епархіями Сарскою и Подонскою. Аѳанасій Волынскій, посвятившій въ монашество пр. Сергія, названъ въ духовной грамотѣ Симеона Гордаго епископомъ Переяславскимъ. Первымъ Переяславскимъ епископомъ по возобновленіи епископіи былъ Арсеній Могилянскій (съ 1744 г. 25 Іюля) изъ архимандритовъ Троицкой Сергіевой Лавры[1]); послѣ него поступилъ Серапіонъ Лятошевичъ[2]) изъ Переяславскихъ викаріевъ, и затѣмъ третьимъ епископомъ былъ знаменитый Амвросій Зертисъ-Каменскій съ 1753 по 1761 г.[3]). Онъ отличался особенною страстью къ постройкамъ и былъ самъ знатокомъ архитектуры. Еще въ бытность свою архимандритомъ Воскресенскаго (Новаго Іерусалима) монастыря, около 1745 г. онъ построилъ чудный куполъ надъ Гробомъ Господнимъ; имъ же построена соборная церковь Успенія и рядомъ огромная церковь называемая «Геѳсиманія», гдѣ «быть долженствовало Гробу Богоматери, приличествующему храму Ея». Въ многочисленныхъ окнахъ онъ собралъ и положилъ, вмѣсто подоконниковъ, болѣе замѣчательныя надгробныя плиты Горицкаго монастырскаго кладбища. Это зданіе и въ неоконченномъ видѣ, писалъ современникъ, было великолѣпно. Во все время своего управленія Горицкимъ монастыремъ Амвросій кромѣ этого сдѣлалъ значительныя передѣлки, изъ коихъ многія, какъ и Геѳсиманія, остались неоконченными. Преосвященный Амвросій былъ истинный представитель Екатерининскаго времени. Въ рукописяхъ сохранилось о немъ немало разсказовъ. Покойный Снегиревъ особенно характерно опредѣлилъ и поводы убійства преосвященнаго Амвросія, и самую драму, совершившуюся во время чумы 1771 года. Упомянемъ, что Амвросій былъ сначала дру-

[1]) Въ послѣдствіи митрополитъ Кіевскій 1757 † 1770.
[2]) Епископъ Вологодскій 1753 † 1762.
[3]) Архіепископъ Московскій 1764 † 1771.

гомъ несчастнаго Ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣевича и затѣмъ отрекся отъ него и много ему повредилъ во время производства слѣдствія по поводу извѣстнаго доношенія въ Св. Сѵнодъ относительно отобранія церковныхъ имуществъ. Уже послѣ суда, въ которомъ Амвросій игралъ выдающуюся роль, когда Мацѣевича лишали митрополичьяго сана, Амвросій (бывшій уже епископомъ Крутицкимъ), подойдя къ Ростовскому митрополиту, хотѣлъ снять съ него омофоръ; но Мацѣевичъ остановилъ руку Амвросія, снялъ съ себя омофоръ самъ и, подавая его своему бывшему другу, сказалъ: «Ядый хлѣбъ мой со мною, ты возвеличилъ на меня запинаніе, и какъ волъ ножемъ закланъ будеши». Это горькое предсказаніе Ростовскаго святителя, къ несчастію, скоро исполнилось.

Слѣдующіе за Амвросіемъ епископы: Сильверстъ Сторгольскій 1761—1768 [1]), Геннадій Границкій 1768—1773 [2]), Антоній Румовскій 1774—1776 [3]), Ѳеофилактъ Горскій [4]). По переводѣ сего послѣдняго въ Коломну, Переяславская епархія 6 Мая 1788 г. была упразднена, просуществовавъ всего 44 года. Преосвященный Ѳеофилактъ извѣстенъ своими сочиненіями. Его Догматика нравоучительнаго богословія на Латинскомъ языкѣ, напечатанная въ Лейпцигѣ въ 1784 г., была переведена на Русскій и Комиссіею духовныхъ училищъ напечатана для семинарій въ С.-Петербургѣ въ 1818 г. Имъ же написана «Гармонія» или толкованіе на все священное писаніе; но этотъ трудъ остался въ рукописи и хранится въ библіотекахъ Московской и С.-Петербургской академій. Когда упразднилась каѳедра, главный храмъ Успенія былъ обращенъ въ городской соборъ, а прочія монастырскія церкви и зданія, лишенныя всякой поддержки, стали приходить въ упадокъ. Дѣло дошло до того, что всѣ остальныя церкви и часть построекъ Горицкаго монастыря въ 1812 году продавались на сломъ, и ихъ купилъ съ торговъ купецъ Найдышевъ, у котораго не поднялась впрочемъ рука сломать дивное зданіе Геѳсиманіи, и онъ пожертвовалъ свою покупку исключительно въ пользу собора. Геѳсиманія была не сломана, но время шагъ за шагомъ разрушило ее, какъ и остальныя монастырскія зданія. Наконецъ въ послѣднее время въ этомъ упраздненномъ монастырѣ было устроено Переславское духовное училище.

Изъ архимандритовъ Горицкаго монастыря были два лица, отмѣченныя на страницахъ исторіи. Одинъ изъ первыхъ былъ Пименъ Грекъ,

[1]) Крутицкій, уволенъ, † 1802.
[2]) Въ Переяславлѣ 1773.
[3]) Съ 1776 Астраханскій. Учредитель Астраханской семинаріи † 1786.
[4]) Епископъ Коломенскій † 1788.

хиротонисанный во Всероссійскаго митрополита въ Константинополѣ въ 1380 году, удаленный въ 1381 г. въ монастырь въ г. Чухломѣ и возвращенный оттуда въ 1383 году. Онъ отбылъ въ 1388 году въ Константинополь, гдѣ былъ низложенъ. Скончался Пименъ въ Халкидонѣ (Скутари) 11 Сентября 1389 г.; погребенъ въ Галатѣ, въ Константинополѣ. Исторія поставленія Пимена въ митрополиты превосходно описана профессоромъ Голубинскимъ *). Другое историческое лицо, уже одинъ изъ предпослѣднихъ Горицкихъ архимандритовъ (1720—1727) былъ Левъ Юрловъ, впослѣдствіи епископъ Воронежскій.

Епископъ Левъ былъ изъ стариннаго дворянскаго рода Юрловыхъ. Съ малолѣтства онъ былъ взятъ ко двору и служилъ при государынѣ Марѳѣ Матвѣевнѣ, вдовствовавшей послѣ царя Ѳеодора Алексѣевича. Молодость Юрлова была довольно бурная: онъ велъ жизнь вовсе непозволительную. Однажды Петръ I, вмѣстѣ съ царицей Марѳой Матвѣевной, былъ въ гостяхъ у Голандскаго купца Гоппе. Съ царицей пріѣхалъ и пажъ Юрловъ, называвшійся тогда Лаврентіемъ. Послѣ ужина царь потребовалъ еще пива; но серебряный чеканный дорогой кубокъ, изъ котораго царь любилъ пить, пропалъ. Петръ велѣлъ сдѣлать обыскъ у всѣхъ, но кубка не нашли, и когда спросилъ, не выходилъ ли кто послѣ ужина на дворъ, то кто-то сказалъ, что видѣлъ, какъ выходилъ Юрловъ, направляясь къ царской каретѣ. Послали обыскать карету и тамъ нашли спрятаннымъ пропавшій кубокъ. Царица Марѳа объ этомъ ничего не знала, такъ какъ была въ другой комнатѣ. Распростившись съ Гоппе, Петръ тихонько сказалъ царицѣ, чтобъ она завтра, въ 8 часовъ, прислала къ нему Юрлова. По пріѣздѣ во дворецъ, царица спросила своего пажа, не прогнѣвалъ-ли онъ чѣмъ Государя, и Лаврентій, обливаясь слезами, во всемъ признался. Тронутая раскаяніемъ, добрая царица посовѣтовала пятнадцатилѣтнему Юрлову немедленно бѣжать изъ Москвы, и онъ въ туже ночь уѣхалъ въ Вологду, гдѣ и опредѣлился въ Спасоприлуцкій монастырь. Пройдя послушаніе въ разныхъ монастыряхъ, онъ принялъ монашество при архіерейскомъ Вологодскомъ домѣ и названъ Львомъ. Отсюда онъ вскорѣ былъ назначенъ архимандритомъ въ знаменитый тогда Горицкій Переяславскій Успенскій монастырь.

Будучи въ санѣ архимандрита, Левъ съ 1726 по 1727 г. засѣдалъ въ Св. Синодѣ асессоромъ, а въ Мартѣ того же 1727 г. пожалованъ въ епископа въ Воронежскую епархію и хиротонисованъ въ лаврѣ, гдѣ, проживая довольно долгое время для исправленія чреды священнослуженія, отправлялъ заупокойную службу надъ гробомъ Ека-

*) Исторія Русской церкви, т. II, стр. 257.

терины I и другую торжественную при восшествіи на престолъ императора Петра II. Съ кончиною этого государя для епископа Льва начались несчастные дни. Въ Воронежѣ онъ почему-то не поладилъ съ губернаторомъ Пашковымъ, и тотъ скоро нашелъ случай отомстить ему.

При восшествіи на престолъ императрицы Анны, губернаторъ потребовалъ отъ епископа присяги и отправленія публичнаго молебствія. Левъ отозвался, что онъ не получилъ объ этомъ предписанія отъ св. Синода и въ Воронежскій соборъ не поѣхалъ. Объ этомъ упорствѣ губернаторъ Пашковъ тогда же донесъ въ Синодъ и Сенатъ, описавъ его самыми черными красками и присоединивъ къ этому донесенію такое повѣствованіе, что-де кончину императора Петра II скрывали до самаго прибытія новой Государыни изъ Курляндіи, и для успокоенія народа имя Петра Алексѣевича въ церквахъ поминалось какъ здравствующаго. Одни только высокопоставленныя лица знали, что императоръ умеръ. Епископъ Левъ, получивъ письмо отъ знакомыхъ придворныхъ съ извѣщеніемъ, что восшествіе Анны Іоанновны на престолъ назначено на 15 Февраля (что́ было въ Суботу первой недѣли великаго поста), на другой день на «соборномъ православіи» приказалъ протодіакону провозгласить скончавшемуся Петру II вѣчную память. Хотя Анна Іоанновна и взошла уже на престолъ, но губернаторъ, при вышеупомянутомъ доносѣ на Льва объ отреченіи отъ присяги, довелъ до свѣдѣнія и это происшествіе. Затѣмъ, пока доносъ губернатора въ Св. Синодѣ оставался безъ движенія, Пашковъ черезъ своихъ знакомыхъ, близкихъ къ Бирону, все-таки добился своей цѣли, и результатъ вышелъ таковъ, что Императрица строжайше повелѣла судить даже самихъ синодальныхъ членовъ за медленность. Вслѣдствіе такого повелѣнія пострадалъ Ростовскій владыка Георгій Дашковъ; но кромѣ него, еще и другого члена, Коломенскаго митрополита Игнатія Смолу, за эту же медленность, отрѣшили отъ присутствія въ Синодѣ, лишили епархіи и послали на пребываніе въ Казанскій Свіяжскій монастырь. Воронежскаго епископа Льва вызвали въ Москву на судъ со всѣмъ соборнымъ штатомъ, куда они и выѣхали 5 Іюля 1730 г. Доѣхавъ до Тулы, Левъ былъ арестованъ и доставленъ въ Москву подъ конвоемъ. Здѣсь онъ былъ скоро лишенъ епархіи и сана, подвергнутъ розыску страшной Тайной Канцеляріи, благодаря особому усердію Ушакова, кромѣ пытокъ по суду, былъ высѣченъ кнутомъ и посланъ въ заточеніе, гдѣ и находился болѣе десяти лѣтъ, въ темной и холодной тюрьмѣ. При вступленіи на престолъ Елисаветы, ей напомнили о несправедливости къ Юрлову, и онъ былъ возвращенъ. Затѣмъ, именнымъ указомъ св. Синоду 22 Апрѣля 1742 г., на него возложены снова омофоръ и мантія, и велѣно было дать ему епархію. Измучен-

ный и больной страдалецъ отказался отъ епархіи и жилъ на пенсіи въ Московскомъ Знаменскомъ монастырѣ, что̀ на Варваркѣ. Здѣсь онъ прожилъ 33 года, построилъ каменную церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы и надзиралъ, на правахъ благочиннаго, подъ нѣкоторыми монастырями, находящимися въ вѣдѣніи Св. Синода. Умеръ онъ въ 1775 года, 85 лѣтъ отъ роду *).

Кромѣ храма въ Знаменскомъ монастырѣ, Левъ оставилъ такой же по себѣ памятникъ въ селѣ Тетеринскомъ, Нерехотскаго уѣзда, Костромской губерніи. Въ любопытныхъ Запискахъ (нигдѣ еще ненапечатанныхъ) о. Діева, бывшаго въ двадцатыхъ годахъ священникомъ въ селѣ Тетеринскомъ, между прочимъ, значится, что Тетеринское принадлежало Переяславскому Горицкому монастырю, архимандритъ котораго, Левъ Юрловъ, каждое лѣто, до 1725 года, проживалъ въ немъ и построилъ каменную церковь вмѣсто двухъ деревянныхъ. Онъ самолично распоряжался работниками, бывшими большею частью изъ монастырскихъ крестьянъ, а изъ денегъ, употребленныхъ на постройку церкви, въ количествѣ 1,500 рублей, почти половину пожертвовалъ своихъ. Имъ же сдѣланы многія иконы, утварь, оклады и книги, сохранившіяся до настоящаго времени. Послѣ Льва осталась любопытная переписка съ разными духовными лицами, сохранившаяся въ одномъ частномъ собраніи. Въ числѣ этихъ писемъ въ особенности любопытно одно, отъ дьячка того же села Тетеринскаго, Алексѣя Ѳедорова, изъ котораго видно, что по кончинѣ Анны Ивановны духовенство Костромской округи «*бунтовало*». Духовенство, въ томъ числѣ и авторъ письма, дьячекъ Ѳедоровъ, отрекалось дать присягу новому императору Ивану Антоновичу, какъ Нѣмцу и неправославному. За это многіе были биты нещадно кнутомъ и, по лишеніи сана, отданы въ солдаты. Письмо оканчивается благодарностью за то, что, когда дьячекъ Ѳедоровъ былъ освобожденъ уже Елисаветой Петровной отъ солдатской службы, Левъ его «паки послалъ въ Тетеринское» и далъ ему мѣсто дьякона.

Не менѣе интересны и документы, обнародованые графомъ Шереметевымъ, относительно двухъ, тоже упраздненныхъ, Переяславскихъ монастырей. Первый документъ—жалованная грамота царя Михаила Ѳеодоровича, данная въ 1643 году по просьбѣ старца Адріана, возобновившаго Борисоглѣбскій, что̀ на Пескахъ, монастырь. Обитель эта была «пуста много лѣтъ», и не огорожена; осталась только одна церковь, да келья, и та ветха. Монастырь потомъ значительно поправился и особенно въ началѣ XVIII в., когда, при посредствѣ Варлаама Вы-

*) Рукопись моего собранія.

соцкаго, были открыты мощи Корнилія Затворника [1]). До 1744 г. монастырь этотъ принадлежалъ къ синодальной области, а въ 1764 г. упраздненъ. Каменная церковь обращена въ приходскую. Монастырь этотъ имѣлъ и крестьянъ.

Слѣдующій документъ касается Переяславскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Это выпись изъ Переяславскихъ писцовыхъ книгъ 1645 г. «Великаго господина святѣйшаго Іосифа патріарха Московскаго и всея Русіи домоваго Борисоглѣбскаго монастыря надъ Переяславскимъ надъ Плещеемъ озеромъ. Этотъ монастырь, называемый Борисоглѣбскій на Горѣ или Нагорный, уже существовалъ въ XII вѣкѣ. По малобратству онъ въ 1724 г. былъ приписанъ къ Ростовскому Воскресенскому Карашскому монастырю, но въ 1727 г. сдѣланъ опять самостоятельнымъ и затѣмъ служилъ загороднымъ домомъ Переяславскихъ владыкъ. Упраздненъ въ 1764 году и теперь служитъ мѣстомъ городского кладбища.

Изъ небольшихъ свѣдѣній и оставшихся документовъ можно видѣть, что внутренняя жизнь въ этой обители отличалась большими непорядками, что̀ очевидно и послужило главнымъ поводомъ къ уничтоженію его самостоятельности. Цѣлый рядъ настоятелей его одинъ за другимъ увольнялись, а игуменъ Діомидъ, опредѣленный 18 Марта 1719 года., черезъ годъ бѣжалъ и неизвѣстно куда [2]). Послѣ бѣглеца Діомида былъ присланъ игуменомъ Ааронъ, но и онъ не устроилъ обитель, а даже привелъ ее въ болѣе плачевное состояніе. Переведенный изъ Угрѣшскаго монастыря въ Мартѣ 1721 г., онъ уже въ Іюнѣ этого же года доносилъ св. Синоду, что 12 Іюня монастырская церковь сдѣлалась жертвой пожара, при чемъ онъ жаловался на «оскудѣніе» своего монастыря и испрашивалъ денегъ на постройку [3]). Не успѣлъ монастырь оправиться отъ пожарнаго бѣдствія, какъ въ слѣдующемъ 1722 г. случилось новое несчастіе, по тогдашнимъ временамъ пожалуй еще похуже пожара.

Ростовскій архіерей Досиѳей Глѣбовъ, прикосновенный къ дѣлу царевича Алексѣя, былъ лишенъ сана и съ именемъ чернеца Діомида казненъ 17 Марта 1718 года; но дѣло о немъ очевидно еще прекращено не было, ибо его келейникъ Давидъ Бирюкъ 5 Января 1722 года въ Тайной Канцеляріи показалъ, что «оной-де Демидъ», съ нимъ Бирюкомъ, «пріѣзжалъ въ Переяславль-Залѣсскій въ Борисоглѣбскій монастырь, а въ которомъ году, того онъ не упомнитъ» и, по пріѣздѣ, ходилъ «въ башню», гдѣ, какъ узналъ онъ Бирюкъ отъ постороннихъ людей, жилъ «затворникъ», имени котораго ему Бирюку

---

[1]) Архимандритъ Варлаамъ Высоцкій. См. „Русскій Архивъ“ 1901 г., I, 356.

[2]) Списки Строева, стр. 713.

[3]) Описаніе докум. и дѣлъ св. Синода, т. II, ч. I-я, стр. 73.

«не сказали». Вслѣдствіе показанія Бирюка, въ Тайную Канцелярію привезены были сысканные въ Переяславскомъ-Борисоглѣбскомъ монастырѣ два затворника, монахъ Ааронъ и іеродіаконъ схимонахъ Димитрій. На допросѣ въ канцеляріи Димитрій показалъ о себѣ, что онъ изъ мѣщанъ города Глухова, былъ сперва дьячкомъ при разныхъ церквахъ, въ 1704 году постригся въ Кіевскомъ Николаевскомъ монастырѣ; въ 1706 г., когда «по указу Его Императорскаго Величества велѣно онаго монастыря келарю Варлааму Косовскому быть въ Сибири въ Иркутску епископомъ», поѣхалъ въ Иркутскъ съ Варлаамомъ, по благословенію Кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго, но черезъ три года, «тайно», при содѣйствіи Иркутскаго воеводы Синявина, ушелъ отъ Варлаама въ Тобольскъ, а изъ Тобольска отправили его въ Москву, съ «проѣзжею грамотою», которую далъ ему «бывшей Филоѳей, митрополитъ Тобольской»; по пріѣздѣ въ 1709 году въ Москву, былъ опредѣленъ, «по приказу Рязанскаго архіерея, въ крилошане Богоявленскаго монастыря». Въ Борисоглѣбскій монастырь поступилъ въ 1714 году; здѣсь, въ 1718 году, онъ испросилъ себѣ благословеніе у архимандрита Варлаама «жить во уединеніи отъ братіи и въ церковь бы съ братіею не ходить, понеже-де онъ много въ писаніи Божественномъ видѣлъ, что монаху способнѣе спастись во уединеніи, нежели въ общемъ братствѣ». Въ этомъ уединеніи, въ монастырской башнѣ, онъ прожилъ два года, и прожилъ бы болѣе, если бы въ 1721 году архимандритъ Варлаамъ, «по прибытіи отъ Санктъ-Питербурха», не запретилъ ему жить долѣе въ уединеніи. Во время уединенной его жизни въ башнѣ «отъ бывшаго епископа Демида ему Димитрію посѣщенія не было, понеже-де онъ Димитрій во ономъ уединеніи сталъ жить уже послѣ смерти его, Демидовой». Но бывшаго Ростовскаго епископа онъ, Димитрій, видѣлъ въ церкви, въ то время исправляя должность ризничаго, и самъ проводилъ его къ затворнику Аарону. Разговоръ епископа съ затворникомъ ему неизвѣстенъ, потому что онъ Димитрій оставался внѣ той келіи, въ которую вошелъ епископъ; впрочемъ чрезъ нѣсколько времени бывшій епископъ позвалъ и его Димитрія въ келію къ затворнику и говорилъ съ плачемъ, чтобы они помолились о немъ; «хочу я»—такъ говорилъ епископъ,—«пожить также какъ монахи живутъ, да суеты-де міра сего не допустятъ, ослабѣлъ-де я; что̀ мнѣ пестрая риза поможетъ, ежели-де я съ нею пойду въ бездну?» На это Димитрій отвѣчалъ епископу, что можно оставить епископство и быть попрежнему монахомъ; но бывшій епископъ сказалъ на это: «нельзя-де, уже-де ослабѣлъ и обязался вѣка сего суетою». Болѣе же сего при немъ «Димитріи бывшій епископъ ничего не говорилъ и вышелъ изъ келіи.

Другой затворникъ, монахъ Ааронъ, показалъ, что онъ съ младенчества полюбилъ уединенную жизнь, тринадцати лѣтъ оставилъ міръ и постригся въ 1701 году въ Сѣвскомъ уѣздѣ въ Николаевскомъ Столбовскомъ монастырѣ; этотъ монастырь онъ вскорѣ покинулъ и долгое время ходилъ по разнымъ другимъ обителямъ и даже лѣсамъ, ища «способу, гдѣ бъ удобнѣе ему спастися», пока не поселился наконецъ въ Переяславскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. На затворническую жизнь его благословилъ архимандритъ Варлаамъ, который всенародно читалъ ему, послѣ литургіи, затворническія молитвы и самъ съ строителемъ Германомъ отвелъ его Аарона и посадилъ въ затворъ, въ которомъ онъ пробылъ шесть лѣтъ и восемь мѣсяцевъ. Тутъ посѣщали его разныя лица, не только монашествующія (въ томъ числѣ и Троицкій архимандритъ Георгій, потомъ Ростовскій архіерей), но и свѣтскія: княгиня Евдокія Ивановна Одоевская, Анна Ивановна Головина и другіе. Въ затворѣ онъ Ааронъ еженедѣльно причащался св. таинъ; а потомъ ему архимандритъ Варлаамъ объявилъ, что архіерей Питиримъ не велѣлъ причащать его ранѣе четырехъ или пяти недѣль. Изъ затвора онъ Ааронъ вышелъ въ 1721 г. и сколько онъ Ааронъ ни просилъ, чтобы его архимандритъ «не замалъ въ томъ святомъ затворѣ, и онъ мнѣ не позволилъ, и сталъ мнѣ говорити: когда-де сему дѣлу время было, тогда-де и отеческія молитвы были, а нынѣ-де тому время нѣсть». По выходѣ изъ затвора онъ Ааронъ жилъ въ келіи, устроенной ему близъ затвора и, желая уединенія, хотѣлъ уже было уйти въ непроходимые лѣса. Въ дополненіе къ этому показанію, Ааронъ предъ св. Синодомъ прибавилъ, что бывшій Ростовскій епископъ (Демидъ), когда онъ былъ въ затворѣ, говорилъ ему, «чтобъ онъ помолился, что-де многія вдовицы отъ лица царскаго изобижены; но онъ никому объ этомъ не говаривалъ и не доносилъ, а поставилъ то просто, и въ той винѣ, что онъ о томъ никому духовнымъ особамъ и гражданству не донесъ, воля Его Императорскаго Величества». Вслѣдъ за симъ, 28 Февраля, св. Синодъ составилъ 17 вопросныхъ пунктовъ, на которые требовалъ отвѣта, безъ примѣшанія лжи, отъ архимандрита Данилова монастыря, чтѐ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, Варлаама *). Вотъ болѣе любопытные вопросы:

Вопросъ 4-й. Въ томъ монастырѣ (Борисоглѣбскомъ) оному монаху (Аарону) въ затворѣ, во учиненной кельѣ, которая въ башнѣ, быть велѣлъ-ли? Архимандритъ отвѣчалъ: Во уединенномъ затворѣ быть по его прошенію велѣлъ, понеже о таковыхъ хотящихъ внити въ затворъ и въ Требникѣ Петра Могилы напечатано.

---

*) „Русскій Архивъ“ 1901 г. I, 353.

Вопросъ 7-й. Также, взявъ ты того монаха (Аарона) въ церковь и облачась, поставилъ предъ царскія двери и читалъ затворническія молитвы и велѣлъ ему монаху прикладываться къ животворящему кресту и къ прочимъ иконамъ чего ради и въ которомъ году? *Отвѣтъ.* Какъ оной монахъ Ааронъ просился въ затворъ, въ помянутую келью, что̀ въ башнѣ, тогда, приведши его въ церковь и облачась, по Требнику Петра Могилы, какъ въ немъ напечатано, предъ царскія двери поставя, молитвы читалъ и прикладываться къ животворящему кресту и прочимъ святымъ иконамъ велѣлъ, а въ которомъ году не упомнитъ, и оное дѣйствовалъ по вышепоказанному Требнику, что̀ въ немъ указано.

Вопросъ 8.-й. Въ 721 году пріѣхавъ ты изъ Санктъ-Питербурха и пришедъ во оной затворъ и тому монаху въ томъ затворѣ быть не повелѣлъ для чего? *Отвѣтъ.* Въ томъ году пріѣхавъ изъ Санктъ-Питербурха и бывъ въ ономъ монастырѣ, пришедъ къ нему въ келью, усмотрѣлъ его въ памяти умаповрежденна; того ради ему въ томъ затворѣ единому быть не велѣлъ, и изъ той башни выведчи, приказалъ жить въ другой кельи съ прочими монахи и велѣлъ ходить къ пѣнію въ церковь Божію; ибо таковымъ лучше жить съ братіею, нежели ума отставши быть единому въ затворѣ, которому уже выправившемуся отъ безпамятства и въ головникахъ на клиросѣ быть приказалъ.

Вопросъ 9-й. Тому монаху такія слова: когда-де сему дѣлу время было, тогда-де и отеческія молитвы были, а нынѣ-де тому время нѣсть, говорилъ ли, и въ какую силу то ты признавалъ и нынѣ признаваешь, что будто нынѣ отеческихъ молитвъ нѣтъ, и кому и какихъ? *Отвѣтъ.* Тому монаху такихъ словъ не говаривалъ и ни въ какой силѣ ихъ не признавалъ, да и признавать-де о томъ и разсуждать ни о чемъ того не можетъ, понеже-де онъ преданія св. отецъ, молитвы и прочее святой церкви во всякихъ службахъ пѣніе по печатнымъ книгамъ исполняетъ и подозрительства въ томъ никакого не признаваетъ.

Вопросъ 11. Въ затворѣ къ нему разныхъ чиновъ людей приводилъ ты для чего? *Отвѣтъ.* Разныхъ чиновъ свѣтскихъ людей никого не приваживалъ, точію приводилъ къ нему въ затворъ епископа Ростовскаго Георгія, какъ онъ епископъ ѣхалъ съ Москвы въ Ростовъ и былъ у него въ Даниловѣ монастырѣ, по его желанію, только ради смотрѣнія его пребыванія.

Вопросъ 17. Нынѣ въ прочихъ монастыряхъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ какіе затворники обрѣтаются ль, и буде обрѣтаются, гдѣ имянно, и въ какомъ почтеніи содержатся и подъ чьимъ охраненіемъ?

Отвѣтъ. Въ прочихъ монастыряхъ вѣдомства его затворниковъ никого кромѣ вышепоказаннаго бывшаго затворника монаха Аарона не было и нынѣ не обрѣтается.

По полученіи отвѣта отъ архимандрита Варлаама, св. Сѵнодъ нашелъ нужнымъ сдѣлать еще очную ставку. На этой ставкѣ, 8 Марта 1722 г., монахъ Ааронъ показалъ, что архимандритъ говорилъ ему объ отеческихъ молитвахъ; но онъ спустя нѣсколько дней далъ письменное показаніе, что онъ налгалъ на архимандрита Варлаама, потому что боялся «опорочить свою прежнюю сказку» и что онъ дѣйствительно бывалъ въ умоизступленіи, но хотѣлъ это обстоятельство скрыть, дабы «не объявить на себѣ какія скорби». Вслѣдъ за симъ св. Сѵнодъ постановилъ: «его старца Аарона во оныхъ перемѣнныхъ его важныхъ словахъ, обнажа монашества, отослать въ Тайную Канцелярію къ розыску», а іеродіакона схимонаха Димитрія, до котораго «по тому дѣлу важности не касается, отослать въ Симоновъ монастырь при указѣ, въ которомъ ему быть до кончины жизни его неисходну». Подвергнувъ розыску растригу Алексѣя, что̀ былъ монахъ Ааронъ, Тайная Канцелярія возвратила его снова въ Синодъ, по опредѣленію котораго, 13 Іюня 1722 года, онъ сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ «быть ему до кончины жизни его мірскимъ человѣкомъ, въ трудѣхъ монастырскихъ неисходну».

Сосланный въ Симоновъ монастырь іеродіаконъ схимонахъ Димитрій, 24 Августа 1729 года, «убрався съ келейною своею рухлядью, изъ того Симонова монастыря съѣхалъ тайно, а куды невѣдомо». Св. Сѵнодъ не обратилъ однако въ свое время должнаго вниманія на доношеніе намѣстника Симонова монастыря іеромонаха Іоанна, и о бѣглецѣ никто не думалъ до 1734 года. Только 24 Мая этого года Канцелярія Тайныхъ Дѣлъ напомнила о немъ св. Сѵноду, прося увѣдомить ее о сдѣланномъ имъ распоряженіи. По разслѣдованіи оказалось, что Дмитрій жилъ въ монастырѣ безъ строгаго присмотра, что его посѣщали разныя стороннія лица, между прочими жена сына князя Владимира Владимировича Долгорукова, княгиня Марья, и что когда послѣ его побѣга нашлись два или три образа, то они отданы были человѣку княгини Долгоруковой, которая за ними прислала. Св. Сѵнодъ вслѣдъ за симъ разослалъ указы ко всѣмъ архіереямъ, въ ставропигіальные монастыри и Духовную Дикастерію, оыскѣ бѣглеца, съ описаніемъ его примѣтъ, а также потребовалъ отъ Соловецкаго монастыря свѣдѣній о сосланномътуда затворникѣ Ааронѣ (Алексѣѣ). 31-го Декабря 1734 года Синодъ получилъ увѣдомленіе, что тотъ бѣжалъ изъ Соловецкаго монастыря 26-го Іюня 1726 года. Монастырское начальство на вопросъ: какъ оно допустило побѣгъ? отвѣчало, что въ

указѣ Синода не было сказано содержать присылаемаго подъ карауломъ, или въ тюрьмѣ, а въ монастырскихъ трудахъ, а къ такимъ караулъ не приставлялся. Св. Синодъ, по сношенію съ Сенатомъ, опредѣлилъ вызвать въ Санктъ-Петербургъ въ Синодъ къ допросу княгиню Долгорукову, безъ караула, за поруками, а генералъ Ушаковъ совѣтовалъ «обязать ее реверсомъ, дабы она ѣхала въ Санктъ-Питербургъ, не заѣзжая никуда въ стороны, надлежащимъ трактомъ, немедленно, да вмѣсто провожатаго дать одного солдата»; но пріѣздъ Долгоруковой не состоялся: Доктора Бидло, Стельсъ, Зуръ и Шмитъ показали, что она не можетъ ѣхать по причинѣ параличнаго состоянія. По этому случаю изъ Сената было сообщено Московской Сенатской Конторѣ, чтобы она выслала княгиню Долгорукову въ Петербургъ въ Синодъ, какъ ей отъ той болѣзни свободнѣе и ѣхать возможно будетъ [1]).

*

Исторія Переяславскихъ монастырей одна изъ самыхъ интересныхъ и содержательныхъ. Въ Синодскомъ, консисторскихъ и другихъ архивахъ найдется немало бытовыхъ сторонъ не только древнерусской жизни, но и не особенно отдаленной отъ нашего времени. Среди Переяславскихъ іерарховъ были характерныя личности. Не говоря уже о знаменитомъ Амвросіи Зертисъ-Каменскомъ, можно еще остановить вниманіе и на другомъ епископѣ, предшественникѣ Амвросія, Серапіонѣ Лятошевичѣ, ревностномъ разорителѣ епархіи и разрушителѣ древнихъ церквей безъ всякой надобности. Серапіону почему-то не понравилась въ Переяславскомъ Никитскомъ монастырѣ Георгіевская церковь, построенная въ 1678 году бояриномъ княземъ Юріемъ Барятинскимъ, и вотъ Серапіонъ предписываетъ «церковь разобрать и строить во имя того же святого новую такъ, чтобы у оной церкви передней стѣнѣ быть трапезной церкви Благовѣщенія отъ алтарнаго угла полинейно, а задней стѣнѣ быть на томъ мѣстѣ, гдѣ означенная церковь нынѣ стоитъ». Церковь была разобрана, но за уходомъ Серапіона вновь не построена. Впрочемъ объ этомъ епископѣ состоялся Синодскій указъ, что «онъ Серапіонъ только «все ломалъ, а ничего добраго какъ въ Никитскомъ (Переяславскомъ), такъ и въ другихъ монастыряхъ не построилъ» [2]).

Благодаря такимъ настоятелямъ, и «Горицы, нѣкогда краса и свѣточъ Переяславля, нынѣ—безмолвная развалина, не сохранившая даже своего пепла» (слова графа С. Д. Шереметева).

Ростовъ Великій. 14 Сентября 1901.

А. Титовъ.

---

[1]) Описаніе документовъ и дѣла Св. Сѵнода т. II ч. I. стр. 347.

[2]) Указъ Св. Сѵнода 1755 г. № 260.

СТАРИННЫЙ НАБОРЪ ЕРОѲЕИЧА.

Въ Архивѣ села Михайловскаго, изданіи графа С. Д. Шереметева, упоминается о томъ обстоятельствѣ, вслѣдствіе котораго графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій прославилъ знахаря Ероѳеича, вылечившаго его отъ опасной болѣзни. Ероѳеичъ лечилъ травами, и послѣ него остался рецептъ того набора, который долго былъ въ большомъ употребленіи. Въ рѣдкомъ старомъ дворянскомъ или купеческомъ домѣ не было настойки этихъ травъ.

У насъ имѣются три рецепта этого набора: 1-й принадлежитъ графу Шереметеву и напечатанъ въ вышеупомянутой книгѣ. 2-й находился у моего дѣда И. А. Титова, и 3-й мной списанъ изъ одной рукописи, конца XVIII в., недавно пріобрѣтенной Императорской Публичной Библіотекой.

Помѣщаемъ всѣ три списка, имѣющихъ въ сущности небольшу разницу.

1. Умѣренно слабитъ, острыя мокроты съѣдаетъ, желудокъ въ крѣпости содержитъ.
2. Затмѣніе головное разгоняетъ.
3. Почечуй отворяетъ.
4. Потъ производитъ.
5. Хмѣль сокрушаетъ и похмѣлье облегчаетъ.
6. Сонъ наводитъ.
7. Камень раздробляетъ, въ песокъ производитъ и вонъ выгоняетъ.
8. Кручину искореняетъ.
9. Ослабившую плоть согрѣваетъ.
10. Женамъ плодородіе приноситъ.

По симъ ниже поименованнымъ тремъ рецептамъ приготовленіе одинаково: „Всѣ травы изрѣзавъ положить въ четверть ведерной бутылки и полить хорошимъ простымъ хлѣбнымъ виномъ, крѣпко закупоря, и поставить въ теплое мѣсто на одни сутки и потомъ пить, по половинѣ—наливать въ рюмку съ водкою или виномъ передъ обѣдомъ или ужиномъ, передъ кушаньемъ».

Рецептъ № 1.

1. Златотысячнику 3 пучка.
2. Дойвой
3. Звѣробою
4. Буковицы
5. Почечуйнаго (горчакъ)
6. Полыни
7. Мяты

(№ 2–7) по двѣ горсти.

8. Шалфею
9. Почечуйнику (Дикой рябины)
10. Чернобыльнику
11. Укроповой
12. Анису
13. Зорнаго огороднаго семяни
14. Полевой зори коренья
15. Можжевеловыхъ ягодъ

(№ 8–15) по одной горсти.

Рецептъ № 2.

1. Корня полевой зори
2. Зорнаго огороднаго семяни
3. Можжевеловыхъ ягодъ
4. Піоннаго корня
5. Трефоли

— по одной небольшой горсти.

6. Калгану три корешка.

7. Полыни
8. Буковицы черной
9. Ромашки
10. Звѣробоя
11. Почечуйной (кошачьей мяты)
12. Золототысячника
13. Мяты Нѣмецкой
14. Шалфея
15. Донника

— по двѣ горсти или по три пучка.

Рецептъ № 3.

1. Золототысячнику
2. Дойной
3. Звѣробою
4. Буковицы
5. Почечуйной
6. Полыни

— по двѣ горсти.

7. Чабру
8. Шалфею
9. Александрійскаго листа

— по шести золотниковъ.

10. Трефоли
11. Чернобыльнику
12. Укропу
13. Анису
14. Богородицкой травы бѣлой
15. Сѣмя огородной зори
16. Корня полевой зори
17. Можжевеловыхъ ягодъ
18. Цикорія
19. Ромашки
20. Піоннаго корня

— по двѣнадцати золотниковъ.

21. Калгану
22. Лимоннаго корня

— по четверти фунта.

По рецепту Титова (№ 2) мнѣ неоднократно приходилось брать въ аптекарскомъ магазинѣ Ферейна (Москва, Никольская), гдѣ очевидно приготовленіе этого набора извѣстно. Однако, мнѣ кажется, что рецептъ № 3-й есть дѣйствительно болѣе точный, тѣмъ болѣе, что количество травъ тутъ въ большинствѣ опредѣлено не на угадъ, какъ въ первыхъ двухъ рецептахъ, а съ вѣсу, да и подборъ травъ сдѣланъ основательнѣе. Быть можетъ, въ другихъ рукописныхъ тетрадяхъ, сохранившихся въ старыхъ усадьбахъ, найдутся еще нѣкоторыя варіанты Ероѳеича, такъ хорошо помогавшаго нашимъ предкамъ отъ многихъ болѣзней.

А. Титовъ.

ПИСЬМО Л. С. ПУШКИНА КЪ П. А. ПЛЕТНЕВУ.

(1844 г.).

Давно, милый Плетневъ, мнѣ хотѣлось къ тебѣ аукнуться; теперь предсталъ благовидный случай, и я имъ пользуюсь. Дѣло идетъ о бѣдной дѣвочкѣ, тѣмъ болѣе бѣдной, что она дочь знаменитаго Шаликова [1]). Ея мать вручила мнѣ прилагаемую записку, прося переслать ее въ Петербургъ къ кому-нибудь, кто бы могъ имѣть вліяніе въ этомъ дѣлѣ. Полагаю, что не къ кому лучше адресоваться, какъ къ тебѣ. Шаликовъ писалъ всю жизнь стихи и прозу въ честь прекраснаго пола, въ честь его же издавалъ и газету; но ты не злопамятенъ и, буде возможно, пріютишь его дочку.

Между письмами брата [2]) находится у меня одно, писанное имъ ко мнѣ въ 21-мъ году [3]). Посылаю къ тебѣ съ него копію. Не располагаю въ удовольствіе публики его рукописными строками; но ты въ правѣ, кажется, его напечатать въ своемъ Современникѣ. Повторяю давнишнюю мысль свою: не худо бы собрать сколько можно его писемъ къ разнымъ лицамъ, разумѣется съ большой осмотрительностью, и присоединить изъ нихъ томъ къ его сочиненіямъ. Подумай объ этомъ, а между тѣмъ прими заочный дружескій поцѣлуй мой не яко отъ Іуды, но яко отъ разбойника. Левъ Пушкинъ.

Одесса, 1844 г. 25 Мая.

Жена моя сейчасъ сдѣлала мнѣ замѣчаніе, что разбойникъ на крестѣ своемъ не цѣловалъ Спасителя. Писать ты не любишь, но однако письменно или иначе увѣдоми меня [4]) объ участи помянутой дѣвочки.

Сообщилъ К. Я. Гротъ.

---

[1]) Князь П. И. Шаликовъ, извѣстный литераторъ, ум. въ 1852 г. К. Г.

[2]) А. С. Пушкина. К. Г.

[3]) Тутъ ошибка—это письмо отъ 24 Сент. 1820 года. См. изд. Литерат. Фонда П. О. Морозова, 1887, т. VII, стр. 8—11. Копія его сохранилась при этомъ письмѣ. К. Г.

[4]) На письмѣ помѣта П. А. Плетнева, что онъ отвѣчалъ 9 Іюня 1844 г. К. Г.

ТЕКСТЪ ПУШКИНСКОЙ РУСАЛКИ.

Весною прошлаго года была издана въ фототипическихъ снимкахъ рукопись „Скупого Рыцаря". Изданіе было красивой игрушкой, которой и побаловали себя почитатели Пушкина и любители рѣдкихъ книгъ. Теперь тѣмъ же способомъ воспроизведена рукопись „Русалки", и эта работа имѣетъ гораздо бо́льшее значеніе. „Скупой Рыцарь" былъ напечатанъ при жизни Пушкина, подъ его наблюденіемъ; сохранившаяся его рукопись - чистовая, въ которой очень немного отличій отъ печатнаго текста, и почти всѣ они были уже въ печати. „Русалка", напротивъ, напечатана впервыя уже по смерти Пушкина, съ черновой рукописи, исчерченной поправками, часто недоведенными до конца. Читая „Русалку", нельзя быть увѣреннымъ, что издатели правильно прочли всѣ слова, вѣрно поняли всѣ поправки и избрали изъ разночтеній то самое, какое предпочиталъ авторъ. Анненковъ упрекалъ издателей 1838 года, что они напечатали многія мѣста неправильно, П. А. Ефремовъ поправлялъ Анненкова, П. О. Морозовъ—Ефремова. Теперь, когда рукопись „Русалки", такъ сказать, повторена въ сотняхъ экземпляровъ, мнѣнія издателей перестаютъ быть голословными, и повѣрка ихъ легко доступна каждому желающему.

Особое вниманіе возбуждаютъ, конечно, тѣ мѣста, о которыхъ между издателями издавна идетъ споръ. Фототипія даетъ возможность составить объ нихъ свое личное сужденіе.

„По причинѣ неяснаго письма и помарокъ, пишетъ Анненковъ (примѣчанія къ т. IV, стр. 465), въ текстъ Современника, а затѣмъ и посмертнаго изданія, во всемъ слѣдовавшаго первому, вкрались нѣкоторыя измѣненія и пропуски. Такъ дочь Мельника въ первой сценѣ говоритъ: „Змѣей, змѣею онъ меня—не жемчугомъ опуталъ", а у Пушкина стихъ написанъ: „Змѣею подколодной онъ меня...". Правда, самъ поэтъ карандашемъ замаралъ „подколодной" и надписалъ „змѣею", но эту неоконченную поправку редакція Современника приняла въ текстъ, не замѣтивъ при этомъ, что вводитъ не совсѣмъ полный стихъ".

Анненковъ принялъ первоначальное чтеніе „змѣею подколодной". Ефремовъ сдѣлалъ тоже. Морозовъ возстановилъ чтеніе Современника „Змѣей, змѣею..." Обращаемся къ рукописи. Первоначально Пушкинымъ было написано:

Змѣею подколодной онъ меня
Не жемчугомъ опуталъ. (Рветъ съ себя жемчугъ).
Такъ бы я
Тебя разорвала, змѣю другую,
Проклятую разлучницу мою.

Затѣмъ Пушкинъ зачеркнулъ слово „подколодную", надписавъ сверху „змѣею", а слово „опуталъ" замѣнилъ словомъ „опомнись", которое очевидно долженъ произносить Мельникъ. Однако слово „опуталъ" не можетъ быть выпущено окончательно; оно для смысла необходимо. Слѣдовательно, Пушкинъ хотѣлъ только перемѣстить его. Зачеркивая „опуталъ", Пушкинъ освобождалъ мѣсто для слова „опомнись", а замѣняя „подколодную" болѣе короткимъ словомъ „змѣею", освобождалъ въ предыдущемъ стихѣ мѣсто для необходимаго „опуталъ". Весь этотъ отрывокъ, согласно съ поправками Пушкина, должно печатать такъ:

Дочь. Змѣей, змѣею онъ меня опуталъ,
Не жемчугомъ. (Рветъ съ себя жемчугъ),
Мельникъ. Опомнись.
Дочь. Такъ бы я
Разорвала тебя, змѣю злодѣйку...

Далѣе Анненковъ говоритъ: „Въ предпослѣдней сценѣ на днѣ Днѣпра, въ рѣчахъ дочери Русалки, пропущенъ былъ Современникомъ цѣлый стихъ: „На землю выходила—я къ дѣду; онъ вечоръ меня просилъ". У Пушкина послѣднія слова были зачеркнуты, сверху ихъ написана фраза неподдающаяся разбору, и Современникъ по этой причинѣ выпустилъ первоначальный, весьма ясный стихъ, предпочитая лучше имѣть пустое мѣсто, чѣмъ неисправленную форму стиха". Самъ Анненковъ принялъ чтеніе: „онъ вечоръ меня просилъ". Всѣ позднѣйшіе издатели послѣдовали его примѣру. Однако слова казавшіяся Анненкову „неподдающимися разбору" теперь прочитаны. Стихъ этотъ долженъ печататься такъ:

На землю выходила
Я къ дѣдушкѣ: все проситъ онъ меня.

Еще далѣе Анненковъ обвиняетъ издателей 1838 года, что они помѣстили въ текстъ цѣлый стихъ, не принадлежащій Пушкину, а именно: „Прошло уже двѣнадцать полныхъ лѣтъ". „У Пушкина, говоритъ Анненковъ, карандашемъ, съ боку, въ видѣ замѣтки, написано было только: „прошло 8 лѣтъ", да сверху прибавлено „долгихъ". Все это стиха не составляло и, по правиламъ Современника, слѣдовало бы выпустить замѣтку; но на этотъ разъ Современникъ не только что не выпускаетъ, но добавляетъ еще текстъ своимъ собственнымъ стихомъ".

Самъ Анненковъ совсѣмъ пропустилъ этотъ стихъ. Ефремовъ послѣдовалъ его примѣру, но въ примѣчаніи (изд. 1880 г. т. III, стр. 445) у него сказано: „Мы жалѣемъ, что не внесли стихъ Современника, хотя и не вполнѣ точный, но необходимый для пьесы; потому что иначе теряется хронологія

дѣйствія". Стихъ этотъ можетъ быть возстановленъ по наброску Пушкина, если только дважды повторить написанное сверху слово: „Прошло ужъ восемь долгихъ, долгихъ лѣтъ". Въ такомъ чтеніи принятъ этотъ стихъ въ изданіи Морозова; только второе „долгихъ" заключено въ скобки. Однако въ рукописи во-первыхъ вовсе нѣтъ слова „ужъ", во-вторыхъ послѣ послѣдняго слова стоитъ еще союзъ „и", въ-третьихъ цифра 8 переправлена на цифру 7. Подлинное Пушкинское чтеніе этого мѣста таково:

Прошло семь долгихъ лѣтъ и...

Въ такомъ видѣ, какъ неполный, неконченный стихъ, оно и должно печататься, безъ произвольныхъ поправокъ и дополненій издателей.

Анненковъ указалъ только на одинъ случай передѣлки текста издателями 1838 года; но ихъ гораздо больше, при чемъ поправки эти перешли и въ изданіе Анненкова и во всѣ послѣдующія. Въ концѣ I-ой сцены до сихъ поръ всегда печаталось:

Да кто же, кто невѣста? На кого
Онъ промѣнялъ меня? О, я узна́ю...

Но такихъ стиховъ у Пушкина нѣтъ. Первоначально на этомъ мѣстѣ былъ одинъ стихъ: „Да кто жъ она, разлучница моя?" Потомъ Пушкинъ зачеркнулъ эти слова и сбоку, карандашемъ, безъ опредѣленнаго дѣленія на стихи, написалъ:

Да кто жъ невѣста, на кого
Онъ промѣнялъ меня? Я узнаю

Въ первомъ стихѣ не достаетъ стопы; во второмъ, чтобы не нарушить размѣра, пришлось бы читать „узнаю́" съ удареніемъ на *ю*, что̀ врядъ ли правильно. Но все же это подлинное Пушкинское чтеніе, которое и должно предпочесть всѣмъ позднѣйшимъ поправкамъ.

Въ IV-й сценѣ, въ пѣснѣ Русалокъ, всѣ изданія печатаютъ:

Тише, птичка подъ кустами
Встрепенулася во мглѣ.

Такихъ стиховъ нѣтъ въ рукописи. Первоначально было написано:

Тише, тише надъ водами
Что-то дрогнуло во мглѣ.

Потомъ слова „надъ водами" замѣнены черезъ слова „подъ кустами", „что то"—черезъ „птичка", а „дрогнуло" какимъ-то неразборчивымъ словомъ, можетъ быть „кроется". Если издателю и не удастся прочесть это мѣсто, лучше имѣть въ текстѣ пропускъ, чѣмъ заполнить его собственными измышленіями.

Кромѣ этихъ мѣстъ, на которыя давно было обращено вниманіе издателей, въ обычномъ печатномъ текстѣ „Русалки" оказывается цѣлый рядъ другихъ отступленій отъ рукописи. Часть ихъ, въ видѣ примѣра, перечи-

слена г. Л. Бѣльскимъ, наблюдавшимъ за изданіемъ фототипіи, въ примѣчаніяхъ. Полагаемъ, что нелишнее будетъ дать здѣсь полный списокъ поправокъ, необходимыхъ, чтобы согласовать текстъ „Русалки“ съ чтеніемъ рукописи [1]).

Сцена I.

Стихъ 45: Да пировать, да обижать сосѣдей.
87: Ужъ на меня не сердишься ли ты? [2])
153 и сл.: Не угодно ль (будетъ)
Пожаловать на мельницу.... Да гдѣ жъ онъ [3]).
185. Имъ вольно бѣдныхъ дѣвушекъ учить.
192 и сл.: Змѣей, змѣею онъ меня опуталъ,
Не жемчугомъ (Рветъ съ себя жемчугъ).
— Опомнись.—Такъ бы я...
195: Отстань отъ князя, видишь, двѣ волчихи [4]).
220 и сл.: Да кто жъ невѣста, на кого
Онъ промѣнялъ меня. Я узнаю...
225: Вѣнецъ позора! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчали.

Сцена II.

Стихъ 30: А слышала ль ты рыбка-сестрица?
38: Я знаю кто. (Встаетъ и говоритъ тихо конюшему). Мельничиха здѣсь [5])
40: *Князь* (садится, про себя) Она, пожалуй...
52: (Молодыхъ кормятъ жаренымъ пѣтухомъ, потомъ осыпаютъ хмелемъ и ведутъ въ спальню).
61: А что?—Да не къ добру пропѣли пѣсню [6]).

Сцена III.

Стихъ 6: Теперь меня ранешенько разбудить.
13: Кири-куку! махъ-махъ крыломъ и прочь.
28 и сл: Ну, въ комъ ему найти какъ не въ тебѣ
Сокровища такого [7]).

---

[1]) Я сличалъ съ изданіемъ Лит. Фонда. Счетъ стиховъ по нему же.

[2]) Первоначально написано „Ужъ не сердитъ ли ты?“ Потомъ исправлено, какъ указано, но позднѣе поправка зачеркнута. Пушкинъ хотѣлъ дать этому стиху новое, третье чтеніе. Однако нельзя отвергать весь стихъ потому только, что часть его зачеркнута, какъ не отвергаемъ мы, напр., 178-го стиха этой же сцены, хотя и въ немъ бо́льшая часть зачеркнута.

[3]) Въ рукописи слово „будетъ“ зачеркнуто; Пушкинъ намѣревался замѣнить его другимъ; не имѣя этой замѣны, можно оставить „будетъ“. Слѣдующій стихъ написанъ „Пожаловать на мельницѣ... Да гдѣ же онъ“. „Мельницѣ“—описка, а слово „же“ авторъ забылъ передѣлать на „жъ“, когда вставлялъ слово „мельницу“.

[4]) Печатается: „Отстань отъ насъ, ты видишь...“ Пушкинъ перемѣнилъ было „князя“ на „насъ“, но потомъ возстановилъ прежнее чтеніе. Слова „ты“ въ рукописи нѣтъ.

[5]) Печатается „изъ-за стола“; можно сохранить Пушкинское „изо“. Печатается „Вѣдь мельничиха“; слова „вѣдь“ въ рукописи нѣтъ. Стихъ неполонъ, но издатели не имѣютъ права пополнять его по своему усмотрѣнію.

[6]) Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ печатается „эту пѣсню“.

[7]) Окончаніе стиха вычеркнуто Желаніемъ дополнить стихъ и объясняется совершенно-произвольная передѣлка этого мѣста въ Современникѣ, перешедшая затѣмъ къ Анненкову и во всѣ позднѣйшія изданія.

39: Такъ одного? Усердные вы слуги.
Таже сцена, сноска на стр. 471.
Стихъ 7: Тому давно, годовъ ужъ пять иль больше.
11 и сл.: Уже одну любилъ онъ да покинулъ,
Такъ и меня покинуть можетъ онъ [1]).

Сцена IV.

Стихъ 13 и сл.: Тише, тише подъ кустами
Птичка (кроется?) во мглѣ.
24: Дочь бѣдную оплакалъ онъ недолго [2]).
33: Посыпались, какъ пепелъ, на меня.
42: Ихъ рыбка одноглазка стережетъ.
61: Корову мертвую, то на могилкѣ.
99: Погодимъ еще сестрица.

Сцена V.

Стихъ 10: Я къ дѣдушкѣ; все проситъ онъ меня.
19: Надѣюсь я, на берегъ нашъ сегодня.
36: Прошло семь долгихъ лѣтъ и...

Сцена VI.

Стихъ 7: Свободная, свободная любовь.
16: Откуда ты, прекрасное дитя?

Кромѣ того г. Бѣльскій указываетъ еще двѣ необходимыя поправки. Во второй сценѣ нѣсколько стиховъ (по его счету два, судя по фототипіи три) должны быть перенесены изданіями изъ примѣчаній въ текстъ, какъ не вычеркнутые Пушкинымъ. Вотъ они:

Дружко: Пойти и мнѣ садиться на коня (уходитъ).
Прощай, кума.
Сваха: Охъ, сердце не на мѣстѣ.
Не въ пору сладили мы эту свадьбу.

Стихи „Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ" и слѣдующіе *девять* стиховъ должны начинать IV-ую сцену, а VI-я сцена должна начинаться со стиха „Печальныя, печальныя мѣста"... Это совершенно ясно изъ отмѣтокъ, сдѣланныхъ Пушкинымъ, которыхъ однако не поняли ни Анненковъ (см. т. III, стр. 466), ни послѣдующіе издатели.

Надо еще замѣтить, что издатели вовсе не сообразовались съ Пушкинской рукописью въ разстановкѣ знаковъ препинанія. Нѣтъ сомнѣнія, что

---

[1]) Въ рукописи неполный стихъ: Ужъ одну любилъ онъ да покинулъ". Но изданіе Лит. Фонда поступило совершенно произвольно, исправивъ его по своимъ соображеніямъ: „Коль ужъ одну любилъ онъ и покинулъ". Напротивъ, исправленіе „Уже одну" можетъ считаться правильнымъ, такъ какъ въ такомъ видѣ стихъ встрѣчается въ черновомъ наброскѣ (фототипія, листъ XXXII).

[2]) Слово „не" написано неразборчиво, но въ черновомъ наброскѣ (фототипія, листъ XXXIII) ясно читается: „Дочь бѣдную оплакивалъ недолго".

слѣпо слѣдовать въ этомъ отношеніи за Пушкинскими рукописями невозможно; но справляться съ ними не лишнее: часто произвольная разстановка знаковъ препинанія придастъ нежелательный оттѣнокъ цѣлому мѣсту. Особенно надо это замѣтить о восклицательныхъ знакахъ и многоточіяхъ, которые всѣ издатели щедро наставили тамъ, гдѣ самъ Пушкинъ довольствовался простыми точками и запятыми.

Въ печатномъ текстѣ „Русалки", считая и стихи приведенные въ выноскахъ, немногимъ больше 500 стиховъ. Изъ нихъ болѣе 40 требуетъ исправленія или перемѣщенія. Среднимъ числомъ изъ каждыхъ тринадцати стиховъ одинъ невѣрный.

*

Къ фототипическимъ снимкамъ съ рукописи приложена „транскрипція", составленная г. Бѣльскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многія слова могутъ быть прочитаны иначе, чѣмъ прочелъ ихъ г. Бѣльскій. Хуже, что цѣлый рядъ словъ остался неразобраннымъ, тогда какъ даже по фототипіи ихъ можно прочесть съ извѣстной долей вѣроятности. Такъ въ XVII листѣ, въ стихѣ 12 неразобранное слово—„нашъ"; въ XXX листѣ, въ 9 стихѣ неразобранное слово, вѣроятно, „выйти"; въ томъ же листѣ въ стихѣ 16 неразобранныя слова—„честнымъ нравомъ"; въ XXXI листѣ, 11 стихъ надо читать: „Теперь меня лишь тихимъ поцѣлуемъ". Предпослѣдняя строка того же листа: „Во мнѣ"; въ листѣ XXXV, въ стихѣ 2-мъ, неразобранныя слова, можетъ быть, „къ намъ"; въ томъ же листѣ, въ 17-мъ стихѣ, пропущенное слово—„огнямъ". Въ листѣ V послѣднія буквы прочитаны г. Бѣльскимъ „гот"; вѣроятнѣе, что ихъ нужно читать „сом"; Пушкинъ хотѣлъ сказать: „Не думая со мной разстаться вправду" или что-либо подобное. Въ листѣ VI, въ стихѣ 21, г. Бѣльскій читаетъ начатое слово „Дак", что́ не имѣетъ смысла; вѣроятнѣе надо читать „Доко"; Пушкинъ вмѣсто словъ князя „Прости же" хотѣлъ вложить ему въ уста: „Докончишь въ другой разъ", но послѣ вовсе уничтожилъ здѣсь рѣчь князя*). Есть въ транскрипціи пропуски. Напр., въ XIV листѣ, въ 16-мъ стихѣ пропущено первоначальное чтеніе: „А я пойду".

Два примѣчанія г. Бѣльскаго требуютъ поясненія. Сообщая помѣтку первой сцены „27 Апрѣля 1832", онъ говоритъ: „Во многихъ изданіяхъ почему-то печатается „12 Апрѣля". Эта ошибка объясняется опечаткой въ „Матеріалахъ" Анненкова (изд. 1855 г., стр. 362), гдѣ напечатано „12 Апрѣля", но въ примѣчаніяхъ къ Русалкѣ (т. III, стр. 465) у него правильно „27 Апрѣля".

По поводу первоначальныхъ набросковъ пѣсни Русалокъ г. Бѣльскій говоритъ: „два размѣра пѣсни, амфибрахій и хорей, замѣтны уже въ первомъ черновомъ наброскѣ". Г. Бѣльскій не замѣтилъ, что Пушкинъ дѣлалъ

*) Въ листѣ XXX-мъ, во 2-мъ стихѣ, Пушкинъ по опискѣ написалъ „не наглядится", а г. Бѣльскій по опискѣ напечаталъ въ транскрипціи „не насидится".

нѣсколько попытокъ написать эту пѣсню и ямбомъ. Поэтому и транскрипціи листовъ XVII и XXXVI не совсѣмъ точны. Приведемъ кстати эту пѣсню, какъ она первоначально была переписана Пушкинымъ:

РУСАЛКИ.

Веселою толпою,
Изъ тихой глубины,
Мы ночью выплываемъ
На теплый свѣтъ луны.
Надъ подводными цвѣтами
Любо, любо выплывать,
И свободно головами
Слой хрустальный разрѣзать,
Подавать другъ дружкѣ голосъ,
Воздухъ звонкій сотрясать,
И зеленый влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхать.

Что касается до вопроса, который такъ недавно волновалъ всѣхъ почитателей Пушкина,—подлинно ли окончаніе „Русалки“, записанное Д. П. Зуевымъ, то рукопись не даетъ возможности рѣшить его. Однако въ ней есть указанія, что окончаніе или по крайней мѣрѣ продолженіе извѣстныхъ намъ сценъ „Русалки“—существовало. Именно, замѣтно, что рукопись *списывалась* съ какого-то другого экземпляра, болѣе полнаго, болѣе отдѣланнаго, чѣмъ уцѣлѣвшіе первоначальные черновые листы. „Надо полагать, пишетъ . Бѣльскій, что и послѣдняя сцена списана съ утраченнаго черновика, потому что она имѣетъ очень мало помарокъ, а, какъ видимъ, первыя черновыя Пушкина ими изобилуютъ“. Врядъ ли Пушкинъ сталъ бы переписывать сцену, если бъ изъ нея имъ было написано всего 16 первыхъ стиховъ. Кромѣ того достовѣрно извѣстно, что не всѣ рукописи, относящіяся къ Русалкѣ, собраны въ Румянцовскомъ музеѣ. Еще въ 1865 году, въ Русскомъ Архивѣ (стр. 1530), былъ напечатанъ отрывокъ, относящійся къ „Русалкѣ“ и найденный въ бумагахъ А. С. Норова.

Валерій Брюсовъ.

О КОРМИЛИЦѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

Письмо Д. П. Трощинскаго къ графу Д. Н. Шереметеву.

Поспѣшаю извѣстить васъ, многоуважайшій графъ Дмитрій Николаевичъ, что письмо ваше ко мнѣ, коимъ вы изъявили желаніе дать избранной въ кормилицы крестьянкѣ вашей Даниловой и всему ея семейству свободу и которое я тогда же препроводилъ въ оригиналѣ къ князю Александру Николаевичу Голицыну, удостоено всемилостивѣйшаго воззрѣнія Его Императорскаго Величества и было принято съ благоволеніемъ. Князь Голицынъ сообщилъ мнѣ копію съ объявляемаго имъ Правительственому Сенату высочайшаго указа, повелѣвающаго таковое усердное желаніе ваше и съ онымъ согласное положеніе привести въ надлежащее исполненіе. Отъ всего сердца поздравляю васъ, любезнѣйшій графъ, съ счастливымъ успѣхомъ, каковое возъимѣло первое желаніе ваше предъ лицемъ Монарха, умѣющаго цѣнить подобные благородные и добродѣтельные подвиги.

Прошу вѣрить нелицемѣрнымъ чувствамъ душевной къ вамъ приверженности. Вашего сіятельства покорный слуга

Іюля 26 1819 года.

Дмитрій Трощинскій.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Правительствующаго Сената господину дѣйствительному тайному совѣтнику главному по управленію попечителю надъ имѣніемъ молодого графа Шереметева и кавалеру Дмитрію Прокофьевичу Троцинскому.

По именному Его Императорскаго Величеста указу, объявленному Правительному Сенату министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія минувшаго Іюля съ 25 дня, что Государь Императоръ, утверждая учиненное опекунствомъ надъ имѣніемъ молодого графа Шереметева положеніе, чтобы избранную въ кормилицы, по случаю ожидаемаго скораго разрѣшенія отъ бремени Ея Императорскаго Высочества государыни великой княгини Александры Ѳеодоровны, крѣпостную его графа Шереметева женщину *Анну Данилову* отпустить вѣчно на волю съ мужемъ ея и дочерью и со всѣмъ ихъ семействомъ, по 7 ревизіи въ семи душахъ мужскихъ и трехъ женскаго полу состоящимъ, или сколько находится нынѣ налицо въ семъ семействѣ, на что и самимъ графомъ изъявлено усердное желаніе, высочайше повелѣть соизволилъ привести оное въ надлежащее исполненіе. Правительствующій Сенатъ приказалъ о семъ высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи для приведенія въ исполненіе вамъ господину, главному попечителю надъ имѣніемъ молодого графа Шереметева, дать знать указомъ. Августа 5 дня 1819 года

(Изъ домашняго архива графа С. Д. Шереметева).

ПИСЬМО И. С. АКСАКОВА КЪ Г. П. ГАЛАГАНУ.

31 Мая 1879 г.

Нѣтъ, видно мои письма до васъ не доходятъ, любезный другъ Григорій Павловичъ. Получивъ ваше письмо отъ 13 Мая изъ Сѣкиренецъ, я *тотчасъ* отвѣчалъ вамъ, адресуя письмо въ *Кіевъ*. Это ни на что не похоже: въ теченіе одного мѣсяца пропали *два* моихъ письма къ сестрѣ въ Кіевъ, такъ что послѣднее я писалъ уже *заказнымъ съ доставкою на домъ*. Посылать письмо въ Прилуки заказнымъ — боюсь надѣлать хлопотъ, и потому пошлю это письмо *простымъ*, только попрошу сдѣлать адресъ, т. е. дать его надписать кому либо *другому*. Есть мѣра, за которую переступая, глупость становится уже *преступною*, злотворною, способною привести въ отчаяніе всѣхъ людей порядка... Энергическія мѣропріятія ложатся, разумѣется, всею своею тяжестію только на мирныхъ гражданъ.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я писалъ, что Горбатовъ считаетъ себя связаннымъ съ Московскимъ Учебнымъ Округомъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока станетъ полноправнымъ. Вы знаете, что онъ вышелъ изъ Университета, не окончивъ курса, и въ Лицеѣ преподавалъ по найму, не имѣя правъ службы. Но такъ какъ онъ оказывается, тѣмъ не менѣе, однимъ изъ лучшихъ учителей, а таковые рѣдки, то Московскій Учебный Округъ, зачисливъ его на службу, чрезъ какой-то срокъ долженъ ему дать чинъ.

Затѣмъ мнѣ указанъ былъ нѣкто Пѣвницкій, о которомъ я вамъ писалъ, отвѣчая на письмо Апрѣльское. Этотъ считается еще лучше Горбатова; но я на дняхъ получилъ отъ него рѣшительный отказъ (я рѣшился спросить его письменно насчетъ мѣста воспитателя). Впрочемъ, по словамъ Станишева, Пѣвницкій годился бы на должность директора. Онъ слишкомъ обязанъ Каткову, чтобы бросить Лицей безъ особыхъ уважительныхъ причинъ; но если дѣло будетъ идти о директорствѣ, то (такъ думаетъ Станишевъ) Катковъ препятствовать не будетъ, не захочетъ портить ему карьеры. Не знаю теперь, какъ и быть. Вы знаете, что̀ за мертвый сезонъ для всякихъ общественныхъ

дѣлъ—сезонъ всеобщаго огрѣхотворенія природы! Москва почти уже пуста. Мы сами живемъ на дачѣ, версты три въ сторону отъ Химокъ (первой станціи Николаевской жел. дороги), въ бывшей господской усадьбѣ Старбеевѣ, принадлежавшей 200 лѣтъ сряду князьямъ Долгоруковымъ*), переданной потомъ въ приданое ихъ сестрѣ, княгинѣ Львовой, и ею наконецъ проданной огороднику-кулаку, расторговавшемуся мужику Пѣшкову, за безцѣнокъ. Онъ повырубилъ лѣсъ, за который взялъ вдвое противъ того, что̀ заплатилъ, самъ поселился въ бывшей оранжереѣ, а домъ съ паркомъ сдаетъ внаймы. Все это живописно рушится... И такъ вездѣ!.. Я конечно безпрестанно ѣзжу въ Москву, хоть и не каждый день; а учителя, по мѣрѣ окончанія экзаменовъ изъ ихъ предметовъ, удаляются изъ Москвы на весь лѣтній сезонъ. Жду отвѣта отъ Станишева, которому писалъ на ту дачу, гдѣ онъ живетъ.

Какъ я вамъ благодаренъ за свѣдѣнія о военно-судныхъ политическихъ процессахъ. Нечего и говорить, что совершенно раздѣляю ваши мнѣнія. Вся сила такъ называемой революціонно-соціалистической партіи въ таинственности съ одной стороны и въ дерзости на руку. Дневнаго свѣта эта пропаганда не выдержитъ. Обаяніе, какое она имѣетъ для молодежи, было бы въ мигъ разрушено при свободѣ слова. Я бы желалъ знать, какая студентская аудиторія не расхохоталась бы громко и не поспѣшила бы отречься отъ солидарности съ партіей напр. заграничной газеты «Набатъ», если бъ какой либо ученый профессоръ прочелъ имъ съ каѳедры разглагольствованіе Ткачева, проводящаго паралель между *Вашингтономъ* и.... Пугачевымъ, при чемъ предпочтеніе отдается, разумѣется, Пугачеву, какъ человѣку съ идеалами!!! Какіе бы молодые люди не отреклись съ негодованіемъ отъ людей, *печатно* провозглашающихъ, что они намѣрены дѣйствовать *поджогами* и *подлогами*, если только спросить о томъ молодыхъ людей съ каѳедры? Я читалъ многія изъ этихъ печатныхъ произведеній; въ нихъ нѣтъ даже ума, не то что блестящаго таланта. Все значеніе этой партіи въ револьверѣ и кинжалѣ, въ этой обольстительной для молодежи удали и смѣлости, приводящихъ въ страхъ и трепетъ цѣлую Имперію, вынуждающихъ введеніе осаднаго положенія чуть не во всей Россіи. Не содержаніе пропаганды важно для молодежи, но самый фактъ пропаганды, фактъ протеста противъ порядка вещей, которымъ болѣе или менѣе, въ томъ или другомъ броженіи, никто не доволенъ, начиная отъ любого министра. Никакой другой почвы подъ собою не имѣетъ сама по себѣ безсмысленная на Руси пропаганда соціалистовъ про-

*) Въ Старбеевѣ до нашихъ дней росъ дубъ, подъ которымъ, по преданію, отдыхалъ Петръ Великій, посѣщавшій владѣльца этой деревни, князя Я. Ѳ. Долгорукова. (Слышано отъ княгини М. А. Львовой).

тивъ собственности и капитала. Тѣмъ болѣе жаль, что столько гибнетъ понапрасну этой молодежи! Не могу впрочемъ не винить профессоровъ и учителей. Изъ боязни прослыть нелиберальными и утратить популярность, они, даже не сочувствуя анархической проповѣди Русскихъ соціалистовъ, не рѣшаются осуждать ее открыто и явно[1]). Если рождается *осужденіе*, то оно только *казенное*. Между тѣмъ есть почва нравственная, на которую можно ставить вопросъ и должно: въ разговорахъ съ молодежью, нужно ей прямо называть *подлостью* и мерзостью всякое убійство, тѣмъ болѣе убійство изъ-за угла,—всякій подлогъ, поджогъ, всякое подпольное дѣйствіе. Можно клеймить всѣ эти дѣянія во имя народа, т. е. клеймить ихъ, какъ посягательства на свободу воли народной, какъ насиліе надъ народомъ, какъ неуваженіе къ его убѣжденіямъ и преданіямъ. Пусть готовятся изъ молодежи борцы, но честные и исповѣдующіе нравственное начало.

Но довольно объ этомъ. Теперь время такое, которое надобно *пережить*. Тутъ нѣтъ мѣста слову и вразумленію, приходится покуда молчать. Я радъ, что не издаю теперь никакой газеты. А между тѣмъ у насъ въ Москвѣ появилась новая еженедѣльная газета *Востокъ*, и съ 1 Іюля будетъ издаваться новая еженедѣльная газета *Русскій Курьеръ*, баснословной дешевизны (6 р. съ перес. въ годъ). *Востокъ* издается въ духѣ Фанаріотской нетерпимости, ненависти къ Болгарамъ, вообще газета способная скорѣе посѣять вражду между Славянами, чѣмъ возстановить единство подъ знаменемъ православія. *Русскій Курьеръ*, офиціально издаваемый нѣкіимъ Селезневымъ, будетъ редижироваться Петромъ Боборыкинымъ въ духѣ ненависти къ Славянофиламъ и славянофильству. Славянофиловъ, замѣтьте, какъ выдающейся группы, совсѣмъ нѣтъ; а тѣ, какіе еще живы, тѣ молчатъ, лишены слова. Но славянофильство, какъ упрекъ совѣсти, не даетъ покоя нашимъ Западникамъ, а таковыхъ—легіонъ, какъ въ высшихъ административныхъ сферахъ и въ высшемъ обществѣ, такъ и въ Университетѣ между профессорами (здѣсь въ Москвѣ).

Дойдетъ ли наконецъ до васъ это мое письмо? Радъ за васъ и Екатерину Васильевну[2]), что не оказывается надобности ѣхать съ вами. Анна Ѳедоровна[3]) у меня тоже все хвораетъ; не мѣшало бы ей поку-

[1]) Намъ положительно извѣстно, что именно такъ думалъ покойный Ѳедоръ Михаиловичъ Дмитріевъ, будучи попечителемъ Петербургскаго Учебнаго Округа. Жаль, что не издана въ свѣтъ его рѣчь къ профессорамъ. По вступленіи въ эту должность, онъ созывалъ ихъ всѣхъ для выслушанія этой рѣчи. П. Б.

[2]) Супруга Г. П. Галагана, (ур. Кочубей), клавшая свою высокую, прекрасную душу въ учреждаемую тогда Коллегію имени единственнаго ея сына-отрока. П. Б.

[3]) Супруга И. С. Аксакова (ур. Тютчева).

паться въ морѣ, но не знаю, удастся ли это сдѣлать. Всего бы лучше, полагаю, въ Θеодосіи.

Прощайте, любезнѣйшій другъ Григорій Павловичъ. Пишите мнѣ въ Общество Взаимнаго Кредита—это всего вѣрнѣе. Обнимаю васъ а равно и цѣлую ручку Екатерины Васильевны. Анна Θедоровна вамъ обоимъ дружески кланяется. Вашъ Иванъ Аксаковъ.

*

Это письмо И. С. Аксакова къ учредителю „Коллегіи Павла Галагана“ Г. П. Галагану полно глубокаго интереса по своему содержанію. Оно яркими чертами обрисовываетъ то любопытное время, къ которому относится. Нѣкоторыя частности, заключающіяся въ немъ, для многихъ читателей будутъ неясны, и потому я предложу нѣсколько разъясненій.

То мѣсто письма, гдѣ говорится о гг. Горбатовѣ и Пѣвницкомъ (тогда старшемъ учителѣ и воспитателѣ Лицея Цесаревича Николая) объясняется сношеніями, которыя были начаты тогда покойнымъ Григоріемъ Павловичемъ съ Москвою по поводу предпринятаго имъ въ то время пріискиванія для Коллегіи П. Галагана воспитателей и директора. И. С. Аксаковъ принималъ въ этомъ дѣлѣ довольно живое участіе, объясняемое давнею и тѣсною его дружбою съ Галаганомъ*) К. Н. Станишевъ, о которомъ упоминается въ письмѣ, былъ тогда старшимъ учителемъ Лицея Цесаревича Николая, а послѣ смерти второго директора этого учебнаго заведенія М. Н. Каткова, самъ занялъ это мѣсто (1890—1894 г.). Какъ видно изъ приводимаго письма, а также и изъ другихъ извѣстныхъ намъ данныхъ, переговоры Аксакова съ указываемыми имъ лицами и по поводу ихъ не были успѣшны и въ концѣ концовъ не привели ни къ какимъ желаннымъ слѣдствіямъ; они интересны только въ смыслѣ тѣсныхъ отношеній, существовавшихъ между нимъ и Г. П. Галаганомъ, и того сердечнаго участія, какое онъ принималъ въ судьбѣ любимаго дѣтища послѣдняго—Коллегіи Павла Галагана. Относящіяся къ данному вопросу подробности интересующійся читатель можетъ найти также въ замѣткѣ „Изъ воспоминаній графа К. Н. Ламздорфа-Галагана“. (Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана, годъ 5-й, 187—190 стр.).

А. Степовичъ.

*) Г. П. Галаганъ выученикъ Θ. В. Чижова, который былъ другомъ и благодѣтелемъ И. С. Аксакову. П. Б.

ЗАМѢТКА О КАЙСАРОВЫХЪ.

Въ 12-й тетради „Русскаго Архива“ за 1901 годъ напечатано письмо Сперанскаго къ министру внутреннихъ дѣлъ О. П. Козадавлеву, 1817 г., о духоборцахъ. Сперанскій писалъ: „Во время службы моей въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ (1802—1807), поручено было г. Кайсарову составить изъ дѣлъ полную исторію о духоборцахъ. Работа сія доведена имъ была до нарочитаго совершенства и теперь должна находиться въ архивѣ бывшаго департамента полиціи. Пройти сію исторію, а можетъ быть и дополнить ее новыми свѣдѣніями, необходимо нужно, чтобы принять на сей предметъ правила твердыя и безопасныя. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, когда дѣла сіи въ большомъ количествѣ стекались въ департаментъ, мною управляемый“.

Въ примѣчаніяхъ къ этимъ строкамъ поставленъ вопросъ: „Сохранился ли этотъ трудъ А. С. Кайсарова или погибъ вмѣстѣ съ драгоцѣнными другими рукописями въ пожарѣ 1863 года?“

На это можемъ отвѣчать слѣдующее. Въ „Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1896 годъ“ (Спб. 1900, стр. 168), въ числѣ рукописей, поступившихъ въ библіотеку, значится: „Оффиціальная записка о духоборцахъ въ Россіи и правительственныхъ распоряженіяхъ относительно сектантовъ съ 1765 по 1805 годъ, о которой здѣсь же сообщается краткое извѣстіе; скоропись трехъ почерковъ нач. XIX в. (бумага съ водянымъ знакомъ 1803 г.), въ листъ, 159 листовъ. *Конецъ рукописи, къ сожалѣнію, утраченъ.* Записка составлена на основаніи оффиціальныхъ данныхъ; извѣстія, въ ней сообщаемыя, расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Послѣдній по времени документъ, на который имѣется ссылка въ запискѣ, это отношеніе мин. внутр. дѣлъ къ Херсон. воен. губ. дюку де-Ришелье отъ 19 Іюня 1805 г. Настоящая записка дополняетъ извѣстныя въ печати свѣдѣнія о духоборцахъ въ Россіи за указанный періодъ времени“.

И такъ это несомнѣнно та рукопись, о которой говоритъ Сперанскій въ своемъ письмѣ. Но, по обстоятельствамъ жизни А. С. Кайсарова, учившагося въ Моск. Благор. Пансіонѣ и Геттингенскомъ университетѣ, путешествовавшаго вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ по западной Европѣ, напечатавшаго сочиненія о миѳологіи Славянъ (на Нѣм. яз. 1804 въ Геттингенѣ; Рус. изд., Москва 1807 и 1810) и объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи (диссерт. на Латин. яз., въ Геттинг., 1806), преподававшаго Русскую словес-

ность въ Дерптскомъ Унив. (Рѣчь о любви къ отечеству, на Нѣм. и Рус. языкахъ, Дерп. 1811) и павшаго въ битвѣ при Гайнау, 14 Мая 1813 г., названный выше трудъ принадлежать ему не можетъ (Кайсаровъ и его литерат. друзья, М. И. Сухомлинова, Извѣстія Имп. Ак. Наукъ по отдѣл. Рус. яз. и словесн. 1897, I, с. 1—33; преподаватели Рус. яз. и словесн. въ Дерпт. унив., Е. В. Пѣтухова, Учен. Зап. Юрьев. унив. 1900, № 4, стр. 32—42; Сочин. Батюшкова, изд. Майковымъ, I, 355—359, 366; II, 396—398, 561—562; письмо А. И. Тургенева, Рус. Стар. 1882, № 5, стр. 449—459).

„Исторія о духоборцахъ", конечно, была составлена старшимъ братомъ его—Мих. Серг. Кайсаровымъ, который также воспитывался въ Москов. Университ. Благор. Пансіонѣ. Съ 1802 г. онъ служилъ въ Госуд. Коллегіи Иностр. Дѣлъ, а затѣмъ по Мин. Внутр. Дѣлъ, полиціи и финансовъ и умеръ въ 1825 г. въ должности директора департ. мануфактуръ и торговли. Онъ былъ знатокъ политической экономіи и технологіи, зналъ новые языки и любилъ литературу. Въ 1804—1807 гг. онъ напечаталъ въ Петербургѣ, въ 6 ч., переводъ съ Англ. соч. Стерна: „Жизнь и мнѣнія Тристрама Шанди" (некрологъ въ Сѣв. Пчелѣ 1825, № 36; Бумаги Жуковскаго, Р. Арх. 1895, прилож., № 4, стр. 90). Семья Кайсаровыхъ была очень близка съ А. И. Тургеневымъ и Жуковскимъ (Бумаги Жуковскаго, стр. 6, 7, 22, 44, 44, 22, 43—44, 53, 88, 89—90, 103, 105, 107, 271; Дневникъ Жуковскаго, Р. Стар. 1901, № 5, стр. 39).

Кіевъ, 12 Дек. 1901.

В. Иконниковъ.

О ПИСЬМАХЪ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Въ Декабрьской книжкѣ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" напечатано 52 Русскихъ письма И. С. Тургенева. Письма относятся къ годамъ заграничной жизни Тургенева и писаны къ Николаю Владимировичу Ханыкову, извѣстному географу и путешественнику. Не смотря на то, что въ нихъ значительное мѣсто принадлежитъ порученіямъ и приглашеніямъ, тамъ и сямъ разсыпаны мѣткіе, большею частью злые намеки на современность. „Каракозовская исторія, писалъ Тургеневъ въ Сентябрѣ 1866 года, оканчивается, повидимому, пшикомъ, и я этому очень радъ, хотя это, быть можетъ, и огорчитъ Василія Петровича. А то ужъ очень становилось странно въ воздухѣ, и я до сихъ поръ не переварилъ письма Делянова къ какому-то архіерею". Когда, по смерти Герцена въ 1870 году, среди его друзей возникла мысль собрать его письма и издать воспоминанія о немъ, Тургеневъ согласился принять участіе въ этомъ дѣлѣ. „Я готовъ написать, говорилъ онъ, очеркъ моихъ отношеній съ Герценомъ, въ Москвѣ, въ Парижѣ, и въ случаѣ нужды не откажусь подписать мое имя... Непріятно мнѣ одно, узнать объ образѣ дѣйствій Герценовскаго сына" Въ другомъ письмѣ по тому же поводу Тургеневъ сообщаетъ: „Я знаю, что г-жа Огарева (Герценъ) меня не долюбливаетъ". Въ 1878 году въ Парижѣ былъ собранъ первый литературный конгрессъ; предсѣдателемъ былъ Вик.

торъ Гюго, а вице-предсѣдателемъ Тургеневъ, произнесшій краткую рѣчь. „Я хотѣлъ только сказать, писалъ онъ Ханыкову, что литература наша на столько выросла въ 1878 году, что можетъ говорить отъ *своего* чисто-литературнаго имени на Парижскомъ конгрессѣ“.

Кстати можно отмѣтить, что за послѣднее время обнародовано вообще немало свѣдѣній о жизни Тургенева за границей. Г. Дэлонэ издалъ свои воспоминанія, гдѣ довольно много говоритъ о немъ (M. Delaunay. Post-Scriptums de ma vie. Paris 1901), а Гальперинъ-Каминскій издалъ отдѣльно собраніе Французскихъ писемъ Тургенева къ его Французскимъ друзьямъ, Флоберу, Золя, Мопассану, Тэну, Ренану и др. (Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance. Paris 1901). Изъ этихъ писемъ видно, что Тургеневъ игралъ роль посредника между Русской литературой и Французской. Во Франціи Тургеневъ проповѣдуетъ нашихъ писателей, графа Л. Толстого, графа А. Толстого, Достоевскаго и болѣе молодыхъ, напримѣръ, Гаршина. Такъ онъ проситъ Дюранъ-Гренвиля перевести „Ночь“ Гаршина. „Изо всѣхъ молодыхъ Русскихъ писателей, замѣчаетъ онъ при этомъ (12 Авг. 1882 года), Гаршинъ подаетъ наибольшія надежды“. Въ Россіи, напротивъ, Тургеневъ распространяетъ Французскія произведенія, напримѣръ, хлопочетъ за Золя передъ Стасюлевичемъ, Суворинымъ и издателями „Дѣла“. Любопытна переписка Тургенева съ княземъ А. Голицынымъ (1867—1868 годовъ), по поводу перевода романа „Дымъ“, печатавшагося въ журналѣ Correspondant. Тургеневъ внимательно слѣдилъ за переводомъ. Такъ какъ издатели колебались сначала передать заглавіе словомъ La Fumée, то Тургеневъ предлагалъ другія заглавія своему роману, напр.: „Въ туманѣ“, „Безъ соперниковъ“, „Между прошлымъ и будущимъ“, „Неувѣренность“... Получая корректуры перевода, Тургеневъ, видимо, значительно его передѣлывалъ и иногда въ письмахъ даетъ объясненія, почему онъ перевелъ какое-нибудь слово такъ, а не иначе. Нѣсколько мѣстъ, которыя М. Н. Катковъ нашелъ нужнымъ выпустить, печатая „Дымъ“ въ Русскомъ Вѣстникѣ („чтобы не подымать крику“, объясняетъ Тургеневъ), во Французскомъ переводѣ возстановлены, напримѣръ, подробности въ біографіи Ратмирова. Надо, впрочемъ, замѣтить, что письма Тургенева гораздо меньше замѣчательны, чѣмъ письма другихъ нашихъ выдающихся писателей Пушкина, Гоголя, Хомякова, Достоевскаго... Въ письмахъ Тургенева слишкомъ много условнаго, слишкомъ много Французскихъ вѣжливостей; они поверхностны. Авторъ боится обидѣть того, кому пишетъ, передъ всѣми какъ-то заискиваетъ, ни о чемъ не говоритъ серьезно.

Къ „Ежемѣсячнымъ Сочиненіямъ“ приложены портреты Тургенева. Изъ нихъ два очень любопытныхъ—съ современныхъ рисунковъ М. Барышева и Л. Пича. Къ книгѣ Гальперина-Каминскаго приложенъ рисунокъ Боголюбова „Тургеневъ на охотѣ“ и рисунокъ Я. П. Полонскаго „Домъ въ Спасскомъ“. **В. Б.**

Историческiй очеркъ Ярославскаго Леонтьевскаго прихода и кладбища съ 18 рисунками и 4 планами. Священника Селиверста Соколова. Ярославль 1901 г. (Отдѣльные оттиски изъ 3-й книжки трудовъ Ярославской ученой Архивной комиссiи). X и 288 стр. цѣна 1 р.

Послѣ 9 лѣтняго перерыва въ Ярославской Архивной комиссiи, напечатавшей 2-ую книжку своихъ Трудовъ еще въ 1892 г., настоящая работа о. Соколова по необходимости должна представлять собою довольно цѣнный вкладъ въ ученую дѣятельность этой комиссiи. Самое изданiе, не смотря на заявленiе редактора, упрекавшаго своего предшественника въ томъ, что при ученыхъ изданiяхъ слѣдуетъ избѣгать роскоши, можно считать роскошнымъ, такъ какъ оно снабжено прекрасными фототипiями. Хотя рисунки эти никакого историческаго значенiя не имѣютъ и въ большинствѣ представляютъ лишь снимки съ обыкновенныхъ мавзолеевъ и часовень надъ прахомъ гражданъ, но это представляется вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманiе, что такiе рисунки для подобнаго рода изданiй могутъ имѣть практическое примѣненiе.

Леонтьевское кладбище по описанiю о. Соколова образовалось изъ стараго Леонтьевскаго прихода, находившагося въ самомъ центрѣ города. Въ 1783 году древнiя церкви были разобраны, но къ устройству проектированныхъ храмовъ на вновь отведенныхъ мѣстахъ подъ кладбище долго не приступалось и только благодаря энергiи Ярославскаго и Вологодскаго генералъ-губернатора Е. П. Кашкина, находившаго „равнодушiе къ сему дѣлу Ярославскихъ гражданъ неприличнымъ", при участiи мѣстнаго владыки, быстро подвинулось дѣло постройки впередъ. Вообще построенiе храма представляетъ собою одну изъ наиболѣе любопытныхъ страницъ въ книжкѣ о. Соколова.

Также любопытны свѣдѣнiя о бывшемъ составѣ причта. О. Соколовъ помѣстилъ бiографiи не только священниковъ, дьяконовъ, но и дьячковъ. Тутъ характерны черты изъ быта градскаго духовенства конца XVIII и нач. XIX вв. Такъ священникъ Герасимъ, не имѣвшiй 60 лѣтъ отъ роду, въ 1793 г. просилъ объ увольненiи за старостью, желая сдать свое мѣсто ученику философiи Сергiю Никольскому, съ тѣмъ, что бы онъ женился на его дочери. По справкѣ въ Консисторiи оказалось, что по силѣ Синодскихъ указовъ старость должно считать въ 60 лѣтъ. „По сему" *ученику* Сергiю въ поступленiи въ священники отказано, и велѣно ему, считая за собой Леонтьевское мѣсто, продолжать ученье. Въ разсужденiи же бѣдности Сергiя, жить ему дотолѣ въ домѣ священника Герасима, женившись на его дочери, какъ просилъ Герасимъ". Значитъ, въ семинарiи тогда учились и женатые семинаристы. Среди дьячковъ иногда „учтивыхъ и послушныхъ" были и такiе, какъ Петръ Яковлевъ, который въ 1805 г. „за пьянственные и буйственные поступки изъ духовнаго званiя исключенъ и отосланъ въ Губернское Правленiе на исправленiе".

Въ концѣ книги на 63 страницахъ о. Соколовъ приложилъ списокъ нагробныхъ стиховъ въ Леонтьевскомъ кладбищѣ. Къ сожалѣнiю онъ не потрудился списать самъ эти надгробiя съ болѣе замѣчательныхъ памятниковъ, а сдѣлалъ со списка составленнаго въ 1851 г. В. И. Лѣствицынымъ изъ рукописи И. А. Вахрамѣева (Описан. рукоп. № 830). При кладбищѣ съ 1894 г. существуетъ церковно-приходская школа „для дѣтей школьнаго возраста". Сообщая о ней краткiя свѣдѣнiя, о. Соколовъ заключаетъ, что она должна имѣть здѣсь „*особое миссiонерское значенiе*, какъ противовѣсъ находящейся рядомъ съ кладбищемъ Андроновской раскольничьей пустынѣ." Какимъ образомъ могутъ быть миссiонерами среди Ярославскихъ поморцевъ дѣти школьнаго возраста, сказать трудно; но во всякомъ случаѣ хорошо сдѣлаетъ о. Соколовъ, если при второмъ изданiи своей книги онъ совсѣмъ исключитъ 171 стр. и съ примѣчанiями. Это самое слабое, чтобы не сказать болѣе, мѣсто въ его трудѣ и притомъ совершенно не относящееся къ исторiи Ярославскаго Леонтьевскаго прихода. **Nemo.**

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902 года.

(Годъ 40-й).

«Русскій Архивъ» въ 1902 году по прежнему выходить **двѣнадцатью выпусками**, которые составять три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1902 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877**, **1879**, **1884** и **1886—1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1897—1901** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Оставшіеся въ розбити выпуски можно получать по **1 р.** съ перес.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**

(Годъ сороковой).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902

3.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1902.

Матеріалы для біографі икнязя В. А. Черкасскаго. Составила кн(яжна) О. Трубецкая. Томъ первый. Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Переписка съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, А. И. Кошелевымъ, И. С. Аксаковымъ и проч. изъ архива князя Черкасскаго. Книга 1-я. Часть первая. (1824—1858 гг.). Первые проекты освобожденія и литературная дѣятельность. Часть вторая. Кн. В. А. Черкасскій и крестьянское дѣло въ губернскихъ комитетахъ. (Группа гг. членовъ „меньшинства" Тульскаго губернскаго комитета). М. 1901. 8-ка, XI, 331 и 176 стр. съ портретами членовъ Тульскаго Губернскаго Комитета. Цѣна 2 р. 50 к. Привѣтствуемъ прекрасную книгу княжны О. Н. Трубецкой о человѣкѣ государственномъ, который положилъ душу свою за дѣло Россіи и Славянства.

Исторія кавалергардовъ. 1724—1799—1899. По случаю столѣтняго юбилея кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка. Составилъ С. Панчулидзевъ. Томъ II-й. С.-Пб. 1901. большая 4-ка, XX, и 298 стр. Роскошное изданіе со многими превосходно исполненными въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ снимками и рисунками. На оборотѣ заглавнаго листа: „Съ Высочайшаго соизволенія. Генералъ-адъютантъ Владиміръ". На такъ называемомъ фронтисписѣ Екатерина Великая опирается правою рукою на щитъ съ императорскимъ гербомъ, а лѣвую протягиваетъ къ двумъ орламъ, которые несутъ ей царскую корону. Драгоцѣнная книга эта надолго останется богатѣйшимъ источникомъ свѣдѣній о двухъ великихъ событіяхъ XVIII вѣка: воцареніи Екатерины Великой и кончинѣ Императора Павла. Сочинитель пользовался неизданными, доселѣ мало кому доступными, записками и бумагами и украсилъ свой трудъ рѣдкими картинами и портретами.

Ломоносовскій Сборникъ. Матеріалы для исторіи развитія химіи въ Россіи. Москва. 1901. Изданіе химическаго отдѣленія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Большая 8-ка, III, 47, 5, 34 и 5 стр. со многими рисунками чертежами.

Въ 1812 году В. И. Киреевскій, на смертномъ одрѣ, говорилъ сыну своему (впослѣдствіи славному дѣятелю Русской мысли и слова) Ивану Васильевичу, что изо всѣхъ наукъ самая божественная есть химія. Въ Россіи ея родоначальникомъ былъ геніальный Ломоносовъ, про котораго Пушкинъ говорилъ, что онъ „первый нашъ университетъ", и благодаря этому сыну древней Руси химія у насъ процвѣтаетъ. Доказательствомъ тому настоящій сборникъ, выданный въ свѣтъ попеченіемъ главнаго Московскаго химика В. В. Морковникова. Въ книгѣ находимъ и даровито написанный И. А. Каблуковымъ очеркъ жизни Ломоносова.

Ю. Д. Головнина. На Памирахъ. Записки Русской путешественницы. Съ портретомъ (военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области Н. И. Королькова, которому и посвящена книга), географической картой, метерологическою таблицею и 63 снимками видовъ и лицъ (работа участницы путешествія Н. И. Бартеневой). М. 1902. Мал. 8-ка, VIII и 244 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

КЪ ИСТОРІИ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА[1].

Съ 1816 по 1853 годъ[2].

Высочайшимъ приказомъ 2 Марта 1816 г., въ должность главнымъ командира Черноморскаго флота и портовъ и военнымъ губернатора Николаева и Севастополя назначенъ былъ вице-адмиралъ Алексѣй Самуиловичъ Грейгъ. Въ день своего рожденія въ 1775 году онъ получилъ чинъ мичмана, какъ знакъ особаго благоволенія императрицы Екатерины II къ его отцу, герою Чесменской битвы. Съ десятилѣтняго возраста онъ три раза посылался въ Англію, для плаванія на военныхъ судахъ Англійскаго флота. Получивъ въ 1798 году въ командованіе корабль «Ретвизанъ», онъ находился въ составѣ Русской эскадры, дѣйствовавшей совмѣстно съ Англійской эскадрой въ Голандіи. Въ 1804 году, въ чинѣ капитанъ-командира, онъ получилъ назначеніе отправиться въ Архипелагъ, съ эскадрою изъ двухъ кораблей и двухъ фрегатовъ. По прибытіи по назначенію, поступилъ въ эскадру вице-адмирала Сенявина и, плавая подъ его начальствомъ, участвовалъ во многихъ морскихъ сраженіяхъ съ Турецкимъ флотомъ и во взятіи ихъ крѣпостей. Произведенный въ 1813 году въ вице-адмиралы, Грейгъ получилъ назначеніе командовать отдѣльной эскадрою, блокировавшею Данцигъ.

Обладая свѣтлымъ, пытливымъ умомъ, съ неутомимымъ стремленіемъ пріобрѣсти основательныя познанія по всѣмъ спеціальнымъ наукамъ, особенно соприкасающимся съ морской дѣятельностью, А. С. Грейгъ имѣлъ характеръ наставника сдержаннаго, разсудительнаго, разносторонняго, внимательнаго ко всѣмъ нуждамъ своихъ подчиненныхъ. Терпѣливо выслушивая какую либо несообразность и затѣмъ объясняя нелогичность заявленія, онъ въ тоже время настойчиво преслѣдовалъ исполненіе своихъ приказаній и слѣдилъ за неуклоннымъ

---

[1]) См. выше, стр. 193,

[2]) Руководствомъ къ очерку дѣятельности А. С. Грейга и событій во время управленія его Черноморскимъ флотомъ послужили: Дѣла Николаевскаго Портоваго Архива. Біографическій очеркъ составленный А. Б. Асланбековымъ; Энциклопедія военнаго морского дѣла, Леера, и Описаніе дѣйствій Черноморскаго флота во время войны 1828—1829 годовъ, Мелихова.

выполненіемъ подчиненными ему лицами служебныхъ обязанностей во всѣхъ отрасляхъ управленія. Такая тактичность обхожденія, серьезно-обдуманное отношеніе къ дѣлу порядка и благоустройства въ порученномъ ему вѣдомствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ внушительное парадное появленіе его въ средѣ сослуживцевъ и просителей у себя въ пріемной, а также на смотрахъ, ученьяхъ и при посѣщеніи Севастополя, ставили его высоко между служившими въ Черноморскомъ флотѣ, которые, въ продолженіе восемнадцатилѣтняго его управленія, пріучились подчиняться ему безусловно и видѣть въ немъ незамѣнимый авторитетъ.

А. С. Грейгъ нашелъ Черноморскій флотъ въ весьма невзрачномъ состояніи. Всѣ немногія суда были устарѣлой конструкціи, валкія, неповоротливыя, обшитыя въ подводной части сосновыми однодюймовыми досками на войлокѣ, плохо снабженныя по оснасткѣ и вооруженію, съ кирпичными печами для варки пищи; притомъ, съ малой опытностью и практичностью служащихъ на судахъ флота. Въ адмиралтействахъ оказались крайняя скудность матеріальныхъ запасовъ и чувствительный недостатокъ спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ производительной дѣятельности. Чтобы реставрировать это очень завѣтшавшее созданіе, потребовалось много заботливаго вниманія въ послѣдовательномъ исполненіи административныхъ мѣропріятій, много находчивости, при ограниченныхъ денежныхъ ассигнованіяхъ, много усидчиваго труда для составленія разныхъ научныхъ руководствъ, инструкцій, поясненій, приказовъ. Научныя познанія Грейга были такъ разнообразны, что онъ удивлялъ даже врачей своими практическими указаніями по части медицины *).

Для подготовленія спеціалистовъ по кораблестроенію и разнымъ портовымъ мастерствамъ онъ началъ посылать въ Англію выдающихся способностями молодыхъ людей, окончившихъ обученіе въ мѣстныхъ заведеніяхъ, чтобы они могли тамъ ознакомиться болѣе основательно съ теоріей и практикой по своему служебному назначенію; для обученія же топографіи, бухгалтеріи, архитектурѣ, литографіи и гравированію, молодые люди, предназначенные къ этимъ спеціальностямъ, посылались въ Петербургъ. Приглашая на службу разныхъ художниковъ для обученія въ мастерскихъ изготовленію инструментовъ и разныхъ нужныхъ предметовъ, онъ выписывалъ таковые для образца при обученіи. Къ подготовленію юношества, предназначеннаго къ служенію на флотѣ, А. С. Грейгъ самъ составлялъ инструкціи и программы

*) Въ Севастопольской морской офицерской библіотекѣ сохранилось сочиненіе А. С. Грейга „Описаніе способа, по которому корпуса судовъ образуются на математическихъ основаніяхъ".

учебныхъ занятій, имѣя въ виду, что только хорошо посѣянное можетъ принести хорошіе плоды. При этомъ экзамены, какъ учениковъ такъ и офицеровъ, назначались подъ его предсѣдательствомъ, дабы лично слѣдить за успѣхомъ преподаванія, а вмѣстѣ съ тѣмъ заставлять преподавателей и экзаминаторовъ быть болѣе внимательными къ дѣлу обученія, а также для опредѣленія степени развитія дѣтей по ихъ способностямъ. Обративъ вниманіе на обученіе юнговъ*), онъ командировалъ въ Кіевъ офицера Харламова, съ двумя помощниками, для изученія тамъ Ланкастерскаго метода преподаванія; а затѣмъ такой методъ обученія былъ введенъ въ малолѣтнихъ классахъ. Строго было запрещено тѣлесное наказаніе воспитанниковъ, что̀ преслѣдовалось Грейгомъ и во всѣхъ морскихъ командахъ.

Желая ввести образованіе въ среду низшаго сословія служащихъ, А. С. Грейгъ исходатайствовалъ разрѣшеніе учредить въ Николаевѣ и Севастополѣ училища для дочерей нижнихъ чиновъ морского вѣдомства, руководствуясь идеей, что умственное развитіе будущихъ матерей, какъ ближайшихъ по природѣ воспитательницъ дѣтей, будетъ содѣйствовать ихъ образованію и смягченію нравовъ и такимъ образомъ внесутся въ семейный бытъ нижнихъ чиновъ облагороженныя понятія; а обученіе разнымъ женскимъ ремесламъ, необходимымъ въ ихъ домашнемъ быту, сдѣлаетъ ихъ полезными въ семьѣ и въ общественной жизни. Также, въ заботахъ о нуждахъ къ благосостоянію нижнихъ чиновъ, было предоставлено имъ право безплатнаго пользованія медикаментами изъ казенной аптеки для ихъ женъ и дѣтей, а при морскомъ госпиталѣ было устроено женское отдѣленіе для женъ нижнихъ чиновъ морского вѣдомства. Въ тоже время сокращены были вообще всѣ назначенія нижнихъ чиновъ внѣ прямой ихъ службы, и уничтожено обыкновеніе удерживать постоянно при флагманахъ гребцовъ. Въ обмундированіе нижнихъ чиновъ введены шинели, вмѣсто бывшихъ епанчей, а также набрюшники. На содержаніе и обученіе рекрутовъ было также обращено особенное вниманіе. Чтобы избавить ихъ отъ тоски по родинѣ, было предписано не назначать ихъ въ тяжелыя работы ранѣе шести мѣсяцевъ; послѣ такого срока, при расписаніи на суда, пріучать ихъ лазить по вантамъ черезъ марсъ, потомъ черезъ салингъ, а потомъ уже спускаться по фордунамъ, бакстенгамъ и стенгамъ, и только

*) *Юнга*—корабельный мальчикъ-ученикъ; въ старину у насъ *зуй*. Далѣе, на этой же страницѣ: *ванты*=смоленыя веревки, держащія мачту съ боковъ; *марсъ*—досчатая или рѣшетчатая площадка на мачтѣ; *салингъ*—тоже только выше на мачтѣ; *стенга*—второе колѣно мачты или первая наставка ея въ вышину, отъ марса до са̀линга; *брамстенга*—третье колѣно мачты; *фордунъ*-стоячая снасть, которая держитъ стенги и брамстенги, сзади отъ кормы (по Словарю Даля, откуда приводимъ объясненіе и дальнѣйшихъ морскихъ названій). П. Б.

послѣ такой выдержки, назначать ихъ во всѣ судовыя работы. При пріемѣ рекрутовъ было приказано принимать во вниманіе ихъ способности, здоровье и знаніе ремеслъ, для распредѣленія ихъ въ артилерію, на флотъ и въ рабочіе экипажи.

Вслѣдствіе расформированія въ 1816 году морскихъ солдатъ, матросамъ были розданы ружья; а потому А. С. Грейгъ обращалъ особенное вниманіе на строевую службу, посѣщая ученья и дѣлая часто смотры. Такой заботливостью его о строевой выправкѣ матросы были настолько подготовлены, что, во время военныхъ дѣйствій совокупно съ арміей, они постоянно назначались въ десанты, отдѣльно и вмѣстѣ съ солдатами; въ послѣднемъ случаѣ они нисколько не уступали сухопутнымъ въ знаніи строевой службы. Для однообразнаго обученія офицеровъ и командъ морской службѣ на флотѣ, А. С. Грейгъ ежегодно командовалъ лично практической эскадрой въ продолженіе шести недѣль. Слѣдя за правильностію дѣйствій командировъ и командъ, онъ объявлялъ всѣ свои замѣчанія приказами съ точнымъ изложеніемъ правилъ обученія и исполненія, чтобы каждый могъ руководствоваться ими. Для маневрированія онъ ввелъ эволюціи и сигналы—дневные, ночные, туманные и особенные для транспортныхъ судовъ, а также буквенный телеграфъ; послѣдній оказался особенно полезнымъ при передачѣ многосложныхъ приказаній и сообщеній съ флота на берегъ въ военное время.

Забота А. С. Грейга объ умственномъ образованіи офицеровъ выказалась особенно въ учрежденіи морской офицерской библіотеки въ Севастополѣ, какъ мѣстопребываніи большинства ихъ. Для офицеровъ, желавшихъ пріобрѣсти спеціальныя свѣдѣнія, были открыты въ зимнее время лекціи по теоріи кораблестроенія, механикѣ, физикѣ, статикѣ, гидростатикѣ и гидравликѣ. Грейгомъ было сдѣлано слѣдующее представленіе начальнику Главнаго Морского Штаба отъ 2 Января 1823 года.

«Съ уничтоженіемъ въ 1798 году въ Николаевѣ Морского Кадетскаго Корпуса, содержится при Черноморскомъ флотѣ всегда нѣсколько гардемариновъ, воспитывающихся на собственномъ содержаніи, кои, по сдѣланіи трехъ кампаній и выдержаніи экзамена въ наукахъ до мореплаванія принадлежащихъ, выпускаются въ мичманы. Положеніе сіе не имѣетъ никакого законнаго основанія и заключаетъ въ себѣ слѣдующіе недостатки. 1, Гардемарины сіи, число которыхъ нынѣ до 80 человѣкъ простирается, хотя считаются при Черноморскомъ штурманскомъ училищѣ, но не живутъ и даже не бываютъ извѣстны оному, а находятся у родителей своихъ по разнымъ портамъ, чрезъ что и не могутъ они привыкнуть съ юношескихъ лѣтъ къ тому порядку и дис-

циплинѣ, которая есть душа военной службы. 2. Неимѣніе въ другихъ портахъ хорошихъ учителей заставляетъ ихъ обучаться поверхностно, и то наукамъ до мореплаванія только относящимся; иностраннымъ же языкамъ и словесности, столь необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка, а особенно для служащихъ въ такой линіи, гдѣ всякій можетъ имѣть надежду достичь высокихъ государственныхъ чиновъ, рѣдкіе изъ нихъ обучаются, и мнѣ случалось видѣть здѣсь офицеровъ нимало не приносящихъ воспитаніемъ своимъ чести флоту. 3. Отъ такого недостаточного воспитанія случается, что гардемарины сіи, по достиженіи офицерскаго званія, сознавая обязанность на нихъ лежащую и не имѣя средствъ выполнять оную, отчуждаются отъ морской службы и переходятъ въ другую, что̀ во всѣхъ отношеніяхъ вредно для флота. Таковые недостатки, будучи весьма важны, ничѣмъ инымъ исправлены быть не могутъ, какъ или совершеннымъ отказомъ принимать гардемариновъ, или же учрежденіемъ здѣсь Морского Корпуса. Приступленіе къ первому удерживаетъ меня самая справедливость, ибо чрезъ это должно бы было лишить чиновниковъ Черноморскаго вѣдомства сего единственнаго средства не токмо видѣть дѣтей своихъ въ той же службѣ, которой они себя посвятили, но и средства помѣстить ихъ на службу, соотвѣтственную достоинству дворянина; второе же было постояннымъ домогательствомъ Черноморскаго начальства, и даже представленіе въ 1807 году о учрежденіи корпуса сего было высочайше утверждено; но обстоятельства политическія и послѣдовавшая затѣмъ Отечественная война не дозволили совершиться предпріятію сему. Нынѣ же, когда Россія вознесена на верхъ благополучія, и вниманіе Монарха нашего, уврачевавшаго раны отечества, обращено къ благотворенію подданныхъ въ другомъ родѣ, то есть къ развитію между ними свѣта наукъ, я считаю самымъ благопріятнымъ временемъ просить объ учрежденіи въ Николаевѣ Морского Корпуса на 200 воспитанниковъ, чрезъ что не только будутъ осчастливлены чиновники Черноморскаго флота, но и весь южный край Имперіи; ибо въ числѣ здѣшнихъ помѣщиковъ много находится таковыхъ, кои не имѣютъ способовъ дѣтей своихъ отправлять въ Петербургъ для воспитанія, но и опредѣлять ихъ здѣсь въ гардемарины на собственномъ иждивеніи; тѣ же, которые въ состояніи доставить дѣтей для опредѣленія въ Морской, либо въ какой изъ кадетскихъ корпусовъ, по множеству кандидатовъ при оныхъ всегда бывающихъ, не могутъ быть совершенно увѣрены въ успѣхѣ опредѣленія; между тѣмъ какъ отправленіе изъ здѣшнихъ мѣстъ въ столицу и переѣздъ, въ случаѣ неудачи, обратно, сопряжены съ необычайными издержками и затрудненіями. Флотъ Черноморскій черезъ учрежденіе корпуса получитъ ту выгоду, что будетъ имѣть

офицеровъ не только образованныхъ, но и пріобыкшихъ къ порядку службы; ибо извѣстно, что общественное воспитаніе, благоразумно устроенное, по многимъ отношеніямъ превосходитъ домашнее, особливо въ отношеніи дѣтей, для военной службы пріуготовляемыхъ; при томъ воспитанники корпуса, находясь въ походахъ, до выпуска изъ онаго, пріобрѣтутъ къ здѣшнимъ морямъ практику, онымъ соотвѣтствующую». На докладѣ объ этомъ ходатайствѣ императоръ Александръ I собственноручно написалъ: «Отложить до времени».

Въ 1819 году, по ходатайству А. С. Грейга, былъ утвержденъ новый штатъ Черноморскаго Штурманскаго Училища, съ содержаніемъ въ размѣрѣ 51330 рублей. Въ 1823 году было разрѣшено зачислить въ комплектъ этого училища двѣнадцать комерческихъ воспитанниковъ, съ обученіемъ ихъ сверхъ комплекта на счетъ гражданскаго вѣдомства. Въ 1826 году высочайше повелѣно Черноморское Штурманское Училище именовать Черноморской Штурманской Ротой. Съ этого времени окончившихъ курсъ обученія воспитанниковъ съ отличнымъ успѣхомъ начали производить въ прапорщики, а прочихъ въ кондукторы корпуса флотскихъ штурмановъ.

Въ виду необходимости улучшить конструкцію судовъ, съ наибольшей ихъ прочностью, А. С. Грейгъ испросилъ разрѣшеніе строить ихъ по теоріи Шведскаго корабельнаго инженера Чапмана, съ мѣднымъ крѣпленіемъ и съ желѣзными кницами[1]); при этомъ введены улучшенная конопатка и обшивка подводной части мѣдными листами на войлокѣ. Всѣ суда начали строить по новѣйшимъ Англійскимъ чертежамъ, подъ его личнымъ наблюденіемъ, съ постановкою одноколиберныхъ 24 и 36 фунтовыхъ пушекъ. Для канонерскихъ лодокъ также были даны новые чертежи увеличеннаго размѣра, съ постановкою на каждой по три 24 фунтовыхъ пушекъ, со спусковыми мачтами, которыя убирались въ случаѣ противнаго вѣтра, и тогда лодки шли съ помощью веселъ. Вмѣстимость каждой лодки опредѣлялась помѣщеніемъ мѣсячнаго провизіоннаго запаса на шестьдесятъ человѣкъ команды и боевыхъ запасовъ. Кромѣ такихъ лодокъ, были построены для учебной флотиліи суда меньшаго размѣра, по чертежамъ, составленнымъ самимъ А. С. Грейгомъ, на одно орудіе, наклоняющееся ниже палубы при откатѣ и получившее названіе *іолы*. Для гребной флотиліи были составлены особые сигналы.

На всѣхъ судахъ Черноморскаго флота произведены слѣдующія нововведенія. Желѣзные камбузы[2]) для варки пищи и при нихъ опрѣснители; якорныя цѣпи и громоотводы; каменный баластъ замѣненъ чугуннымъ; мѣдныя шкивы[3]) въ блокахъ замѣнены бакаутовыми[4]); слю-

[1]) *Кница* — часть пня для скрѣпы.—[2]) Кухня на кораблѣ.—[3]) *Шкивъ*—кружокъ или катокъ въ блокѣ.—[4]) *Бакаутъ*—особенно крѣпкое, „желѣзное“ дерево.

дяные напальные фонари замѣнены стеклянными; введены илюминаторы и переговорныя трубы *). Для продленія сроковъ службы судовъ и для ихъ сбереженія было отдано приказаніе, чтобы въ мирное время снималось нѣсколько орудій съ носу и кормы, для избѣжанія перелома, и чтобы на зимнее время суда покрывались крышами изъ брезентовъ. По артилерійскому снабженію были введены новые способы пробы пороха и крѣпленія орудій, а также облегченные и болѣе удобные пушечные и коронадные станки, съ указаніемъ новаго способа приготовленія брандскугелей. Для обученія цѣльной стрѣльбѣ и для подготовки комендоровъ назначался брандвахтенный фрегатъ, стоявшій на Севастопольскомъ рейдѣ. Въ Николаевскомъ адмиралтействѣ введены паровыя машины: разрѣзывающія, продавливающія, оттачивающія, нарѣзывающія, сверлящія. Устроены паровая пильная и мортоновъ элингъ, для вытаскиванія и исправленія судовъ не свыше 500 тоннъ грузовой подъемности. Сдѣлано распоряженіе, чтобы валовыя адмиралтейскія работы производились арестантами, взамѣнъ высылаемыхъ для того нижнихъ чиновъ; а также, чтобы адмиралтейскимъ мастеровымъ выдавались казенные инструменты, которые до того времени они обязаны были пріобрѣтать сами. Въ дѣлопроизводствѣ введено печатаніе бланокъ, приказовъ и срочныхъ вѣдомостей. Въ экипажахъ увеличены канцелярскія суммы, введено правильное бракованіе ружей, удовлетворены всѣ старыя претензіи, обращено особенное вниманіе на уменьшеніе пьянства и на нравственное развитіе нижнихъ чиновъ. Въ Николаевскомъ и Севастопольскомъ госпиталяхъ введено однообразное одѣяніе больныхъ, по формѣ военныхъ госпиталей, и устроены офицерскіе лазареты.

Во время управленія А. С. Грейга продолжалась постройка маяковъ, начатая маркизомъ де-Траверсе и пріостановлена въ послѣдующее время. Были сооружены маяки на выдающихся мысахъ южнаго берега Крыма, а также Тарханкутскій и Севастопольскіе створные маяки на Инкерманской возвышенности. По гидрографіи было начато ежегодное производство описныхъ работъ у береговъ Чернаго и Азовскаго морей. Для телеграфнаго сообщенія Николаева съ Севастополемъ, въ виду необходимости сообщать своевременно экстренныя распоряженія и получать таковыя же донесенія, были построены семафорныя башни, на которыя назначались офицеры корпуса флотскихъ штурмановъ и сигнальщики. Ингульская и Лиманская отмели были

*) Вооруженіе судовъ рангоутомъ и наружностью предоставлялось командирамъ судовъ, которые обезображивали командуемыя суда. Зап. Одес. Общ. истор. и древ. т. 6—З. А. Аркасъ. *Д. А. Рангоутъ*--все деревянное вооруженіе судна II. Б.

расчищены паровой землечерпательной машиной, механизмъ которой былъ выписанъ изъ Англіи. Первымъ завѣдывающимъ этой машиной былъ офицеръ корпуса флотскихъ штурмановъ И. В. Григоренко; ему же поручалась и проводка большихъ военныхъ судовъ отъ Николаева до Очакова; онъ кончилъ это занятіе послѣ проводки винтовыхъ кораблей «Синопъ» и «Цесаревичъ».

Первое военное судно, построенное въ Николаевѣ по чертежамъ, составленнымъ А. С. Грейгомъ, былъ фрегатъ «Флора», который безъ груза и мачтъ проведенъ былъ къ Спасскому урочищу, гдѣ на немъ поставлены были мачты. Командиромъ этаго фрегата былъ Ѳ. Ѳ. Беллингсгаузенъ. Первымъ проведенъ былъ безъ камелей*) по Ингульскому и Лиманскому фарватерамъ, безъ вооруженія, корабль «Пантелеймонъ». Когда же Лиманская отмель была расчищена до 23 футъ глубины, то проводка кораблей и фрегатовъ началась вполнѣ вооруженными, кромѣ артиллеріи, которая устанавливалась въ Севастополѣ. Съ окончаніемъ расчистки Ингульскаго и Лиманскаго фарватеровъ было признано возможнымъ прекратить судостроеніе въ Херсонѣ, а потому отданъ слѣдующій приказъ главнаго командира по Черноморскому флоту отъ 7 Мая 1829 года за № 91. «Успѣхъ въ углубленіи Ингульскаго фарватера и доведеніе его до такой степени, что суда всѣхъ ранговъ могутъ проходить оный безъ всякой посторонней помощи, равно и дознанная на опытѣ возможность проводить корабли по Очаковскому фарватеру безъ камелей, освобождая Николаевскій портъ отъ всякаго употребленія, а слѣдовательно и содержанія таковыхъ, доставляетъ ему столь важныя выгоды передъ Херсономъ, гдѣ по мелководію гирлъ пособіе камелей неизбѣжно, что̀ еще въ 1824 году я предположилъ производить все важнѣйшее кораблестроеніе въ Николаевѣ, о чемъ въ то же время и сдѣланы мною подлежащія распоряженія. Когда же въ 1826 году была сообщена мнѣ начальникомъ штаба Его Императорскаго Высочества высочайшая воля о соединеніи въ Николаевѣ верфей и своевременномъ затѣмъ оставленіи Херсона, тогда приняты были самыя рѣшительныя мѣры къ упраздненію сего послѣдняго порта. Нынѣ, по случаю вывода оттуда почти всѣхъ командъ, исключая части 16 рабочаго экипажа, долженствующаго остаться тамъ до устроенія въ Николаевѣ заводовъ канатнаго и литейнаго, и части 12 ластоваго экипажа для караула при сихъ зданіяхъ и другихъ надобностей, а также за предположенной передачею въ сухопутное вѣдомство большаго числа тамошнихъ казармъ и назначеніемъ въ продажу про-

*) *Камели*—пара плоскодонныхъ судовъ, съ выкатомъ для подводки подъ корабль, подъема его и проводки по мелководью (Даль).

чихъ казенныхъ зданій, признавая возможнымъ приступить къ упраздненію въ Херсонѣ настоящаго управленія и учрежденію онаго соотвѣтственно надобности, я назначаю: 1) Канцелярію флотскаго въ Херсонѣ начальника, портовую контору, кригсъ-коммисаріатскія и провіантскія дѣла и казначейное отдѣленіе упразднить вовсе. 2) Завѣдываніе тамъ портомъ поручить одному чиновнику съ званіемъ управляющаго дѣлами Херсонскаго порта и съ назначеніемъ оному канцеляріи по положенію у сего объявленному; а въ отношеніи чиновъ сообразно штату 1827 года для Дунайскихъ портовъ составленному. Со стороны экспедицій исполнительной и хозяйственной имѣть въ Херсонѣ, для содержанія матеріаловъ, только по одному коммисару, съ нужнымъ числомъ вахтеровъ и писарей, и особеннаго чиновника для содержанія зданій».

Таганрогскій портъ былъ упраздненъ въ 1816 году *). Затѣмъ въ немъ была образована только комиссія для перевозки моремъ желѣза и якорей, доставлявшихся съ Воткинскихъ заводовъ для Черноморскаго флота. Эта комиссія существовала до 1822 г., когда признано было болѣе удобнымъ доставлять означенное снабженіе изъ Ростова на Дону.

Начальникомъ главнаго морского штаба Его Императорскаго Величества, въ Ноябрѣ 1827 года, были потребованы свѣдѣнія о томъ, въ какомъ состояніи находится Черноморскій флотъ. По этому вопросу А. С. Грейгъ сообщилъ, что Черноморскій флотъ можетъ быть высланъ въ море не болѣе какъ на двѣ недѣли, по неимѣнію провизій, ни другихъ запасовъ для его снабженія. Если же есть въ виду употребленіе флота, то необходимо принять теперь же мѣры для заготовленія всѣхъ снабженій тѣми средствами, какія по мѣстному соображенію признаются болѣ удобными, не стѣсняясь производствомъ торговъ и соблюденіемъ обыкновенныхъ формъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Грейгъ испрашивалъ разрѣшенія на разоруженіе флота, чтобы имѣть возможность немедленно произвести всѣ необходимыя исправленія послѣ семимѣсячнаго нахожденія судовъ въ полномъ вооруженіи. Вслѣдъ за симъ, отъ него было сдѣлано представленіе о увеличеніи состава Дунайской флотиліи въ виду того, что по собраннымъ свѣдѣніямъ Турецкая флотилія состоитъ изъ 109 судовъ съ 545 орудіями. Также имъ испрашивалось разрѣшеніе о назначеніи дополнительной команды на Дунай, въ помощь 44-му флотскому экипажу, комплектовавшему суда флотиліи. По всѣмъ этимъ представленіямъ было получено согласіе. Для усиленія Дунайской флотиліи разрѣшено было построить пять канонерскихъ

*) Полн. Соб. Зак. № 26186 Къ составленію очерка военныхъ дѣйствій приняты къ руководству: Описаніе дѣйствій Черноморскаго флота —Мелихова; и Послѣдняя война съ Турціею въ 1828—1829 г.г. изданная за подписомъ графовъ А. Орлова и Ѳ. Палена.

лодокъ и восемнадцать іоловъ, а для комплектаціи этой флотиліи былъ назначенъ 42-й флотскій экипажъ. Въ время въ то Черноморскомъ флотѣ состояло судовъ годныхъ къ плаванію: кораблей десять, изъ коихъ два стопушечныхъ, четыре фрегата, одинъ шлюпъ, одинъ корветъ, пять бриговъ, одна бригантина, двѣ шкуны, три люгера, четыре катера, три парохода.

Предусматривая необходимость отсутствія своего изъ Николаева на продолжительное время, А. С. Грейгъ вошелъ съ представленіемъ объ организаціи на такой случай особаго административнаго управленія для исполненія всѣхъ экстренныхъ распоряженій, вызываемыхъ военнымъ временемъ. Вслѣдствіе этого послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на его имя, отъ 8 Декабря 1827 года, такого содержанія: «Довѣряя вамъ, въ случаѣ разрыва съ Отоманской Портой, имѣть пребываніе въ Николаевѣ, Севастополѣ и на морѣ, гдѣ по усмотрѣнію вашему потребуютъ нужда и обстоятельства, повелѣваю составить при Черноморскомъ департаментѣ общее присутствіе изъ управляющихъ экспедиціями, подъ предсѣдательствомъ флагмана по вашему избранію». Затѣмъ 10 Марта 1828 года А. С. Грейгъ получилъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ высказано: «Предвидя необходимость военныхъ дѣйствій противъ Турецкой имперіи, я поручилъ начальнику главнаго штаба моего сообщить вамъ подробно о первомъ участіи, которое въ сихъ дѣйствіяхъ долженствуетъ принять Черноморскій флотъ». Это назначеніе состояло въ предположенной десантной экспедиціи къ Анапѣ подъ начальствомъ А. С. Грейга. 30 Марта 1828 года сообщено было объ объявленіи войны, а время отправленія десантнаго похода къ Анапѣ было назначено на 20 Апрѣля. Вмѣстѣ съ тѣмъ было предписано командовавшему на Кавказской линіи генералъ-лейтенанту Эммунуэлю имѣть въ готовности къ 20 Апрѣля въ Фанагоріи: одинъ баталіонъ 20-й пѣхотной дивизіи, одинъ баталіонъ Таманскаго полка и четыре легкихъ орудія, а отъ Черноморскаго казачьяго войска—два полка пѣшихъ, два полка конныхъ и конно-артиллерійскую роту. Назначивъ въ Николаевѣ общее присутствіе подъ предсѣдательствомъ вице-адмирала Быченскаго *), съ добавленіемъ въ это присутствіе контръ-адмираловъ Карцева и Снаксарева, А. С. Грейгъ, вмѣстѣ съ прибывшимъ въ Николаевъ начальникомъ главнаго морского штаба княземъ Меншиковымъ, назначеннымъ начальствовать десантнымъ отрядомъ, отправился въ Севастополь 17 Апрѣля. Десантныя войска, принятыя на суда флота, состояли изъ двухъ егерскихъ полковъ, одной

*) Вице-адмиралъ Быченскій состоялъ флотскимъ начальникомъ въ Севастополѣ. Вмѣсто него былъ назначенъ контръ-адмиралъ Патаніоти.

роты артиллерійской бригады, военно - рабочей роты и полуотдѣленія осаднаго парка.

Флотъ, съ десантными войсками, прибылъ къ Анапѣ 2 Мая. Въ это время получено было свѣдѣніе, что въ Трапезундѣ готовится десантъ, съ разнаго рода запасами военнаго снабженія, для Анапскаго гарнизона. Вслѣдствіе этого были посланы два брига и катеръ для наблюденія за Суджукской бухтой и съ порученіемъ захватывать всѣ непріятельскія суда, идущія изъ Анатоліи. Эти крейсеры не замедлили исполнить данное имъ приказаніе. Катеръ «Соколъ», подъ командой лейтенанта Вукотича, имѣя 25 человѣкъ команды, взялъ въ плѣнъ Турецкое судно, съ тремя на немъ офицерами и 248 рядовыми, обезоружилъ ихъ, принялъ взятое судно на буксиръ и привелъ его съ плѣнными ко флоту 9 Мая. Вслѣдъ затѣмъ, бриги «Меркурій» и «Ганимедъ» привели къ флоту два непріятельскихъ судна съ военнымъ десантомъ въ 10 офицеровъ и 623 рядовыхъ. Во все время осады Анапы, постоянно, очередные корабль и фрегатъ выходили для стрѣльбы по крѣпостнымъ батареямъ. Назначенные въ осадный отрядъ матросы и команда рабочаго экипажа заняты были устройствомъ траншей и батарей, а потомъ состояли прислугой на осадныхъ батареяхъ, вооруженныхъ взятыми съ флота пушками. Крѣпость сдалась 18 Іюня. За все время осады, въ войскахъ и на флотѣ, потеря въ людяхъ состояла изъ десяти убитыхъ и шестидесяти раненыхъ За покореніе Анапы А. С. Грейгъ произведенъ былъ въ адмиралы, а князь Меншиковъ въ вице-адмиралы, съ утвержденіемъ въ должности начальника главнаго морского штаба Его Императорскаго Величества. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого нашими войсками была взята на Кавказскомъ берегу крѣпость Поти, въ которой оказались 44 орудія и значительный складъ пороху и провіанта.

Распоряженія по отправленію десантныхъ войскъ, плѣнныхъ и взятаго военнаго имущества задержали А. С. Грейга у Анапы до 4 Іюля. Затѣмъ, согласно высочайшему повелѣнію, онъ прибылъ съ флотомъ къ Варнѣ, гдѣ, плавая у Румелійскаго берега, получилъ 21 Іюля новое высочайшее повелѣніе, которымъ поручалась ему осада Варны, а князь Меншиковъ былъ назначенъ командовать сухопутными войсками. Вслѣдствіе этого, подойдя 22 Іюля къ Варнѣ, флотъ сталъ на якорь у залива Сахандыкъ, гдѣ немедленно была устроена пристань для сообщенія съ осаднымъ корпусомъ. Въ тотъ же день былъ сдѣланъ наружный осмотръ крѣпости съ моря и сняты виды приморскихъ укрѣпленій. Численность осаднаго корпуса изъ десяти тысячъ человѣкъ разнаго оружія. Къ этому было отдѣлено съ флота 500 человѣкъ для

производства осадныхъ работъ. Наблюденіе за сооруженіемъ и вооруженіемъ батарей свезенными съ судовъ орудіями было поручено капитану 2 ранга морской артилеріи Залѣсскому, въ вѣдѣніе котораго поступили всѣ офицеры и нижніе чины морской артилеріи, какіе были назначены на осадныя батареи. Продовольствіе осаднаго корпуса производилось черезъ Каварну, занятую при содѣйствіи флота, и черезъ устроенный между Варной и Каварной промежуточный редутъ. Доставка этого продовольствія производилась на военныхъ транспортныхъ и на комерческихъ судахъ. Всѣ предметы снабженія для дѣйствующей за Дунаемъ арміи доставлялись моремъ черезъ Кюстенджи.

24 Іюля прибылъ берегомъ къ Варнѣ Государь Императоръ Николай Павловичъ. Послѣ осмотра мѣстоположенія крѣпости и осадныхъ работъ, его величество посѣтилъ флотъ, причемъ указалъ А. С. Грейгу на то обстоятельство, что стоящая у крѣпости Турецкая флотилія, въ числѣ четырнадцати судовъ, можетъ служить брандерами*) противъ нашего флота, а потому необходимо ее истребить. Въ тотъ же день Государь вышелъ въ Одессу на фрегатѣ «Флора».

Исполненіе высочайшаго повелѣнія было возложено на начальника штаба главнаго командира капитана 2 ранга Мелихова, въ распоряженіе котораго было предоставлено по два вооруженныхъ гребныхъ судовъ отъ кораблей и фрегатовъ. Въ 11 часовъ ночи 26 Іюля отрядъ этотъ отправился по назначенію, слѣдуя какъ можно ближе къ южному высокому берегу, чтобы не быть преждевременно замѣченнымъ. Турки тогда только замѣтили приближающіяся шлюпки, когда онѣ подошли къ нимъ на полуружейный выстрѣлъ. Хотя съ нѣкоторыхъ Турецкихъ судовъ начали стрѣлять по нимъ, но это оказалось уже поздно: люди отряда устремились на непріятельскія суда, атакуя ихъ по способности, и въ полчаса овладѣли Турецкой флотиліей. Первое съ моря судно было взято катеромъ фрегата «Евстафій, подъ командой мичмана Салькова. Второе взято барказомъ корабля «Парменъ», подъ командой мичмана Ситникова. Третіе взято барказомъ корабля «Пименъ», подъ начальствомъ лейтенанта Конкевича, и катеромъ корабля «Нордъ-Адлеръ», подъ командой лейтенанта Аркулова. Четвертое взято катерами корабля «Іоаннъ-Златоустъ», которыми командовали лейтенантъ Вишневецкій и поручикъ Тыртовъ. Пятое взято катерами корабля «Императоръ Францъ», которыми командовали лейтенанты Потемкинъ и Зигури. Шестое взято катерами корабля «Пименъ», которыми командовали лейтенантъ Ивановъ и мичманъ Джжоти. Седьмое взято катеромъ корабля «Пантелеймонъ», подъ начальствомъ

*) Брандеръ – зажигательное судно (Даль).

лейтенанта Чигиря. Восьмое взято катерами кораблей «Парменъ» и «Скорый» и фрегата «Рафаилъ», которыми командовали: лейтенанты Юрковскій, Ольшевскій, Манганари 2-й, мичманы Кутузовъ и Вѣтровъ. Это Турецкое судно занимало брандвахтенный постъ; на немъ находился чиновникъ завѣдывавшій флотиліей; при немъ было два барказа, на которыхъ находилось по 25 Турокъ и имѣлось на каждомъ по одному единорогу 12 фунтоваго калибра. Первые катера, при приближеніи къ этому судну, были встрѣчены выстрѣлами изъ ружей и единороговъ, что̀ и было поводомъ направленія къ нему другихъ катеровъ. Съ этимъ судномъ взяты и оборонявшіе его барказы. Девятое взято катеромъ корабля «Парижъ», подъ командой капитана Свирскаго. Десятое взято катеромъ корабля «Парижъ», подъ командой лейтенанта Скаржинскаго. Одиннадцатое взято катеромъ корабля «Нордъ-Адлеръ», подъ командой лейтенанта Мазгана. Двѣнадцатое взято катеромъ транспорта «Марія», подъ командой мичмана Тударева. Тринадцатое взято баркасомъ корабля «Пантелеймонъ», подъ командой лейтенанта Микрюкова. Четырнадцатое, самое ближайшее къ крѣпости, взято барказомъ корабля «Парижъ», подъ командой лейтенанта Зайцевскаго. Хотя нападеніе было сдѣлано почти нечаянно, но Турки сопротивлялись съ большимъ упрямствомъ; многіе изъ нихъ, послѣ отчаянной обороны, видя сопротивленіе напраснымъ, бросались въ воду, чтобы вплавь достичь берега. Взятыя въ плѣнъ суда, съ ними и два брадвахтенныхъ барказа, приняты были на буксиры и приведены къ флоту. Крѣпость, во все время этой атаки, соблюдала молчаніе; но какъ только крѣпостное начальство убѣдилось въ потерѣ своей флотиліи, то былъ открытъ сильный огонь со всѣхъ приморскихъ батарей. Отрядъ Русскихъ судовъ вышелъ изъ подъ выстрѣловъ крѣпости благополучно. Уронъ на немъ состоялъ изъ четырехъ убитыхъ и тринадцати раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ были лейтенанты Зигури и Манганари, мичманъ Кутузовъ и гардемаринъ Потуловъ; изъ нихъ мичманъ Кутузовъ и одинъ матросъ вскорѣ умерли. Въ плѣнъ взяты 46 человѣкъ и начальникъ Турецкой флотиліи.

Для прекращенія сообщенія крѣпости съ окрестными мѣстами посредствомъ озера Девно были доставлены на это озеро вооруженные барказъ и ялъ, подъ командой мичмана Липкина. При отраженіи сильной вылазки 9 Августа изъ крѣпости, поддержанной артилерійскимъ огнемъ, князь Меншиковъ, распоряжавшійся лично войсками, былъ тяжело раненъ въ обѣ ноги. Вслѣдствіе этого командованіе осаднымъ корпусомъ временно принялъ генералъ-маіоръ Перовскій, до прибытія изъ Одессы графа Воронцова, назначеннаго, по этому

случаю, высочайшимъ приказомъ, командовать осадными войсками. По представленію графа Воронцова, численность этихъ войскъ была увеличена присылкою двухъ корпусовъ, армейскаго и гвардейскаго. Съ послѣднимъ корпусомъ прибылъ гвардейскій экипажъ, подъ начальствамъ контръ-адмирала Ѳ. Ѳ. Беллингсгаузена, для комплектованія судовъ Черноморскаго флота.

Вслѣдствіе полученнаго свѣдѣнія, что въ Инадѣ находится значительный складъ пороха и аммуниціи, предназначенный для Варны, туда командированъ былъ капитанъ 1 ранга Критскій, съ назначеніемъ въ его распоряженіе двухъ фрегатовъ и трехъ судовъ меньшаго размѣра. По прибытіи къ мѣсту назначенія 16 Августа, фрегаты начали пальбу залпами по укрѣпленіямъ, а прочія суда начали очищать своими выстрѣлами мѣсто для высадки десанта. Въ 10 часовъ утра, когда береговыя батареи замолчали и назначенное для десанта мѣсто очистилось, Критскій, командуя лично 370 матросами, высадился съ ними на берегъ и двинулся къ устроенному на возвышеніи редуту. На половинѣ разстоянія отъ него Русскій отрядъ былъ встрѣченъ многочисленной толпой Турокъ; сдѣлавъ по нимъ залпъ, десантный отрядъ бросился въ штыковую атаку, что̀ заставило непріятелей обратиться въ бѣгство; а матросы, преслѣдуя ихъ, ворвались вмѣстѣ съ ними въ редутъ и овладѣли имъ. Это укрѣпленіе, окруженное широкимъ и глубокимъ рвомъ, оборонялось девятью пушками. Не давая опомниться непріятелямъ, Критскій обратился къ другому редуту, дѣйствовавшему противъ фрегата «Рафаилъ» и составлявшему главный пунктъ Инады. Онъ былъ расположенъ на очень выгодномъ мѣстѣ, имѣя для защиты пять пушекъ большого калибра и четыре единорога; внутри его находилось особое укрѣпленіе въ родѣ цитадели. Паника смущенія защитниковъ была такова, что они очистили этотъ редутъ безъ сопротивленія. Въ устроенной въ немъ трехъ-этажной башнѣ оказался складъ пороха, боевыхъ снарядовъ, шанцеваго инструмента и другихъ военныхъ запасовъ въ значительномъ количествѣ. Имѣя въ виду близость расположенія Турецкаго корпуса, Критскій поторопился окончаніемъ этого дѣла; для этого немедленно было свезено на суда двѣнадцать мѣдныхъ орудій, а остальныя заклепаны; затѣмъ, къ складу военныхъ заготовленій въ башнѣ былъ проведенъ стапель*), и башня эта взорвана. Потеря въ людяхъ, на судахъ и въ десантномъ отрядѣ, состояла изъ одного убитаго и пяти раненыхъ.

Государь Императоръ прибылъ изъ Одессы къ Варнѣ, на фрегатѣ «Флора» 27 Августа. По сближеніи съ флотомъ, съ этого фрегата

*) *Стапель*—помостъ на берегу для спуска тяжестей.

былъ произведенъ установленный салютъ адмиральскому флагу, а потомъ на немъ былъ поднятъ Императорскій штандартъ, вслѣдствіе чего всѣ военныя суда произвели салютъ. Пребываніе его величества было назначено на адмиральскомъ кораблѣ «Парижъ», командиромъ котораго былъ назначенъ контръ-адмиралъ Беллингсгаузенъ. Крѣпость Варна сдалась 29 Сентября; а 2 Октября, въ 3 часа пополудни, Государь Императоръ вышелъ изъ Варны, на кораблѣ «Императрица Марія», подъ командой капитана 1 ранга Папахристо, для слѣдованія въ Одессу, при тихомъ южномъ вѣтрѣ. 3 числа, съ ранняго утра, задулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, съ жестокими шквалами. На кораблѣ поочередно, сломались форъ-стеньга, гротъ-брамъ-стеньга, бомъ-утлегарь и утлегарь[1]), которые, по силѣ вѣтра, оставались не убранными. Въ полдень вѣтеръ превратился въ настоящій штормъ, сопровождаемый дождемъ и очень большимъ волненіемъ. Съ изломаннымъ рангоутомъ, при большой качкѣ, не имѣя ходу, корабль дрейфовало[2]) къ берегу, находившемуся по счисленію съ сорока миляхъ подъ вѣтромъ. Такое положеніе продолжалось цѣлые сутки; потомъ, съ полуночи на 5 число, вѣтеръ, перейдя къ Сѣверу, началъ стихать, а затѣмъ задулъ благопріятный юго-западный вѣтеръ, и корабль прибылъ въ Одессу 7 Октября вечеромъ. А. С. Грейгъ прибылъ съ флотомъ въ Севастополь 12 Октября, и въ тотъ же день былъ спущенъ его флагъ. За дѣйствія подъ Варной онъ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 2-го класса.

Гребная флотилія успѣшно помогала арміи на Дунаѣ въ военныхъ предпріятіяхъ, обстрѣливая Турецкія укрѣпленія и уничтожая рѣчныя перевозныя средства непріятеля. При осадѣ Браилова, начальникъ флотиліи капитанъ 1 ранга Завадовскій, имѣя въ своемъ распоряженіи шестнадцать лодокъ, атаковалъ подъ стѣнами крѣпости, 29 Мая, Турецкія вооруженныя суда; изъ нихъ потоплено было 14, взято въ плѣнъ 12, а шесть успѣли уйти въ Мачинъ. Въ этомъ дѣлѣ былъ убитъ начальникъ Турецкой флотиліи Ахметъ-бей.

Для стоянки въ Варнѣ и для крейсерства у Румелійскаго берега былъ назначенъ отрядъ судовъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала М. Н. Кумани. По прибытіи этого отряда въ Варну, командовавшій тамъ войсками генералъ Ротъ сообщилъ М. Н. Кумани, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, въ Айдосѣ собрано болѣе тридцати тысячъ Турецкихъ войскъ; а потому онъ желаетъ отвлечь ихъ къ Фаросскому заливу демонстраціей съ моря и тѣмъ обезпечить спокойствіе Русскихъ позицій у «Проводъ». Вслѣдствіе этого Кумани, пройдя въ Фаросскій

[1]) *Утлегарь*—продолженіе *бушприта* (передней мачты); *бомъ-утлегарь*—тоже, но еще выше (Даль).

[2]) *Дрейфовать*—уклоняться отъ прямого пути подъ вѣтеръ, уваливаться (Даль).

заливъ, занялъ тамъ островъ Анастасію, на которомъ взято 90 Турокъ съ двумя орудіями; затѣмъ осмотрѣлъ укрѣпленныя мѣста по всему заливу. Собравъ о ихъ положеніи подробныя свѣдѣнія отъ мѣстныхъ Грековъ, онъ представилъ генералу Роту записку, въ которой заявилъ необходимость немедленно занять Сизополь, чтобы сдѣлать его нашей главной морской станціей у Босфора и такимъ образомъ имѣть военный пунктъ за Балканами, могущій быть полезнымъ для будущихъ дѣйствій арміи. Такъ какъ А. С. Грейгъ вполнѣ одобрилъ это предпріятіе, то объ этомъ было представлено на высочайшее усмотрѣніе. Государь Императоръ, соображая, что овладѣніе портомъ столь безопаснымъ какъ Сизополь, какого бы рода ни были будущія предпріятія наши въ Фаросскомъ заливѣ, должно во всякомъ случаѣ способствовать ощутильно исполненію ихъ, разрѣшилъ поручить контръ-адмиралу Кумани предположенную имъ экспедицію противъ Сизополя, ввѣривъ ему и нужное число сухопутныхъ войскъ, въ такомъ однако случаѣ, сли Кумани приметъ на себя отвѣтственность за удержаніе Сизополя.

Составивъ эскадру изъ трехъ кораблей, двухъ фрегатовъ, трехъ канонерскихъ лодокъ и двухъ транспортныхъ судовъ, и принявши десантъ изъ 1622 человѣкъ, при двухъ полевыхъ и двухъ осадныхъ пушкахъ, Кумани прибылъ къ Сизополю 15 Февраля 1829 года. Послѣ усиленной канонады Турецкія батареи были сбиты, гарнизонъ бѣжалъ, и Сизополь былъ занятъ десантомъ. Немедленно было приступлено къ усиленію его укрѣпленій постройкою новаго редута съ береговой стороны, какъ отдѣльнаго укрѣпленія, прикрывавшаго подступъ къ Сизополю. Согласно представленію Кумани, число сухопутныхъ войскъ было усилено присылкою 2500 человѣкъ. Для вооруженія укрѣпленій, кромѣ взятыхъ Турецкихъ пушекъ, было свезено съ эскадры тринадцать орудій и двѣ мортиры; а для работъ по постройкѣ новаго редута было назначено четыреста матросовъ. Начальникомъ артилеріи на всѣхъ укрѣпленіяхъ былъ назначенъ капитанъ морской артилеріи Кошкинъ, въ распоряженіе котораго отдѣлены были съ судовъ артилерійскіе офицеры и нижніе чины. Марта 28 непріятель, въ числѣ четырехъ тысячъ человѣкъ пѣхоты и двухъ тысячъ кавалеріи, сдѣлалъ нападеніе на вновь воздвигаемый, но еще неоконченный редутъ. Съ разсвѣтомъ Турки быстро окружили этотъ редутъ, бросились въ ровъ и полѣзли на валъ. Первый ихъ натискъ былъ встрѣченъ и отраженъ батальономъ Азовскаго полка, занимавшаго караулы въ редутѣ; вслѣдъ за тѣмъ быстрое наступленіе Русскихъ войскъ и сильный огонь съ кораблей вскорѣ рѣшили это сраженіе: Турки были приведены въ полное разстройство и обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ болѣе

250 тѣлъ убитыхъ. Уронъ Русскаго отряда состоялъ изъ 27 убитыхъ и 74 раненыхъ. Отраженіе этого нападенія окончательно обезпечило обладаніе Сизополемъ; позиціи лѣваго фланга Русской арміи получили хорошо укрѣпленный пунктъ и пріобрѣтено господство въ Фаросскомъ заливѣ, по сосѣдству съ Босфоромъ. За покореніе Сизополя Кумани награжденъ орденомъ св. Анны 1 степени и десятью тысячами рублей. Изъ числа взятыхъ въ Сизополѣ пушекъ двѣ, по высочайшему повелѣнію, были подарены городамъ Николаеву и Севастополю.

А. С. Грейгъ прибылъ изъ Николаева въ Севастополь 2 Апрѣля 1829 года. Отправивъ на усиленіе эскадры контръ-адмирала Кумани два корабля, три фрегата и два катера, онъ прибылъ потомъ въ Сизополь съ тремя кораблями, однимъ бригомъ и однимъ пароходомъ. По высочайше утвержденному плану военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ, этотъ портъ былъ назначенъ главнымъ пунктомъ пребыванія флота. А. С. Грейгу поручалось: охраненіе Сизополя, наблюденіе за выходомъ Турецкихъ судовъ въ Черное море и возможное содѣйствіе войскамъ, въ снабженіи и военныхъ дѣйствіяхъ. Къ исполненію такого назначенія были высланы крейсеры наблюдать за движеніемъ судовъ у входа въ Босфоръ; остальныя мелкія суда были распредѣлены для содержанія почтоваго сообщенія арміи съ Русскими портами и для особыхъ командировокъ по надобностямъ военнаго времени и начальствующихъ лицъ. Всѣ военныя транспортныя суда, а также нанятыя военнымъ вѣдомствомъ комерческія суда, были заняты доставкою различныхъ предметовъ снабженія арміи и флота и перевозкою раненыхъ и больныхъ воинскихъ чиновъ въ Русскіе порты. Въ виду возможности военныхъ дѣйствій въ Фаросскомъ заливѣ, была вытребована туда часть Дунайской флотиліи.

Въ это время въ Сизополѣ находились: корабли— «Парижъ» подъ флагомъ адмирала Грейга, «Императоръ Францъ», «Іоаннъ Златоустъ», «Пантелеймонъ», подъ флагомъ контръ-адмирала Кумани, «Императрица Марія» подъ флагомъ контръ-адмирала Стожевскаго, «Чесма», «Нордъ-Адлеръ» и «Парменъ»; фрегатъ «Флора», бригъ «Мингрелія», пароходъ «Метеоръ» и отрядъ канонерскихъ лодокъ и іоловъ. Въ крейсерствѣ у Константинопольскаго пролива находились: фрегаты «Поспѣшный» и «Штандартъ» и бриги «Орфей» и «Меркурій». Въ Фаросскомъ заливѣ, у острова Анастасіи, стояли бригъ «Ганимедъ» и катеръ «Жаворонокъ» для охраны острова и прекращенія сообщеній непріятеля по Фаросскому заливу. У Инады крейсировалъ катеръ «Соловей». У Кавказскаго берега находились шлюпъ «Діана», бригантина «Елисавета», бригъ «Пегасъ» и шкуна «Гонецъ».

Капитанъ-лейтенантъ Козарскій, командиръ брига «Меркурій» крейсировавшаго у Босфора, замѣтилъ 12 Апрѣля выходъ трехъ Турецкихъ кораблей въ Черное море, а потому немедленно направился къ Севастополю, расчитывая застать тамъ главнаго командира, но узнавъ тамъ, что онъ находится въ Сизополѣ, прибылъ туда и донесъ А. С. Грейгу о томъ, что̀ онъ видѣлъ. Адмиралъ тотчасъ приказалъ капитану 1 ранга Скаловскому идти къ проливу съ тремя кораблями и двумя бригами, собрать тамъ крейсеровъ, а затѣмъ, если Турецкія корабли не вошли еще въ проливъ, то отыскать ихъ и истребить. Подойдя къ проливу и получивши тамъ свѣдѣнія, что въ немъ находится только пять Турецкихъ кораблей вмѣсто восьми, онъ присоединилъ крейсеровъ къ своей эскадрѣ и направился вдоль Анатолійскаго берега на поискъ вышедшихъ изъ пролива Турецкихъ кораблей. Встрѣтивъ 15 комерческихъ судовъ подъ Турецкимъ флагомъ, спѣшившихъ укрыться въ бухтѣ возлѣ мѣстечка Шилп, Скаловскій поручилъ фрегату «Шандартъ» и бригу «Мингрелія» истребить ихъ. Войдя въ бухту и ставши на якорь, подъ сильнымъ огнемъ береговыхъ батарей и разсыпанныхъ по берегу стрѣлковъ, они взяли въ плѣнъ два судна, а остальныя истребили. Получивъ свѣдѣніе отъ Грековъ, взятыхъ на одномъ изъ захваченныхъ судовъ, что въ Пендеракліи вооружается военный корабль, а въ Акчесарѣ приготовляется къ спуску корветъ, Скаловскій отрядилъ въ Акчесаръ фрегатъ «Поспѣшный» и бригъ «Мингрелія» для истребленія корвета, а самъ съ прочими судами направился къ Пендеракліи. Тамъ оказалось нѣсколько сильныхъ батарей, расположенныхъ на высотахъ и у адмиралтейства, возлѣ котораго стоялъ спущенный, но не вооруженный корабль. Послѣ очень продолжительной, до наступленія сумерокъ, перестрѣлки съ батареями и по невооруженному кораблю, всѣ усилія оказались безполезными. Тогда мичманъ Трескинъ испросилъ разрѣшенія отправиться съ охотниками къ непріятельскому кораблю и истребить его. Въ 10 часовъ вечера, съ десятью матросами на шлюпкѣ, онъ приблизился къ Турецкому кораблю, прибилъ къ портамъ и по бокамъ его пеньковые кранцы пропитанные смолою, и зажегъ ихъ, отчего корабль сгорѣлъ. Кромѣ этого корабля, онъ истребилъ такимъ же способомъ нѣсколько разныхъ меньшихъ судовъ, стоявшихъ возлѣ корабля. Въ Акчесарѣ выстрѣлами фрегата и брига, подъ сильной пальбой съ берега, былъ истребленъ стоявшій на стапелѣ корветъ. Въ этихъ состязаніяхъ съ береговыми батареями въ Шили, Пендеракліи и Акчесарѣ всѣ суда получили значительныя поврежденія въ рангоутахъ, и оказались въ корпусахъ пробоины: у кораблей «Нордъ Адлеръ» 32, у «Іоанна Златоустаго» 16, у «Пармена» 20, у фрегата «Поспѣшный» 19. Вслѣд-

ствіе этого, признавая необходимымъ скорѣйшее исправленіе судовъ, Скаловскій оставилъ у пролива крейсеровъ и прибылъ съ эскадрой въ Сизополь 11 Мая.

Съ разсвѣтомъ 15 Мая прибылъ въ Сизополь фрегатъ «Штандартъ» съ донесеніемъ, что, находясь у пролива вмѣстѣ съ бригами «Орфей» и «Меркурій», замѣченъ былъ ими Турецкій флотъ, шедшій изъ Анатоліи въ составѣ восемнадцати судовъ. Когда непріятель направился въ погоню за ними, то онъ сдѣлалъ сигналъ бригамъ «идти курсомъ, при которомъ имѣетъ лучшій ходъ», самъ же направился къ Сизополю, чтобы сообщить объ этомъ. А. С. Грейгъ тотчасъ сдѣлалъ сигналъ, «приготовиться къ походу» и вышелъ съ флотомъ къ проливу. Въ 5 часовъ пополудни подошелъ къ флоту бригъ «Меркурій», наружный видъ котораго свидѣтельствовалъ о выдержанномъ имъ жестокомъ боѣ: корпусъ, рангоутъ, паруса и такелажъ[1]), все было избито выстрѣлами съ непріятельскихъ судовъ. Командиръ брига, капитанъ-лейтенантъ Казарскій, донесъ рапортомъ слѣдующее.

«Когда замѣчено было приближеніе Турецкаго флота къ бригу, онъ, слѣдуя сигналу командира фрегата «Штандартъ», легъ галвиндомъ при юго-западномъ вѣтрѣ, имѣя непріятеля на Югъ. Вскорѣ оказалось, что перемѣна курса принесла мало пользы. Лучшіе ходоки непріятельскаго флота, два корабля, одинъ 110 пушечный, подъ флагомъ капудана-паши, а другой 74 пушечный, подъ адмиральскимъ флагомъ, примѣтно настигали бригъ, а въ исходѣ второго часа пополудни они были отъ него въ разстояніи полутора пушечнаго выстрѣла. Въ это время вѣтеръ стихъ, и ходъ преслѣдующихъ кораблей уменьшился. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, онъ прибѣгнулъ къ единственному средству ускоренія хода, къ песламъ, надѣясь посредствомъ ихъ увеличить разстояніе, отдѣлявшее бригъ отъ непріятеля; но не прошло и получаса, какъ вѣтеръ посвѣжѣлъ снова, корабли стали приближаться къ бригу и открыли по немъ огонь изъ погонныхъ пушекъ. Видя совершенную невозможность уклониться отъ неравнаго боя, онъ собралъ совѣтъ изъ офицеровъ. Поручикъ корпуса штурмановъ Прокофьевъ, отъ котораго перваго было потребовано мнѣніе, предложилъ «взорвать бригъ, когда онъ будетъ доведенъ до крайности». Вслѣдствіе этого мнѣнія, принятаго всѣми единогласно, было положено защищаться до послѣдней возможности и если будетъ сбить рангоутъ, или откроется большая течь, тогда схватиться съ ближайшимъ непріятельскимъ кораблемъ, и тотъ офицеръ, который останется въ живыхъ, долженъ зажечь крюйтъ-камору [2]), для чего былъ положенъ на шпиль пистолетъ. Послѣ этого, обратившись къ нижнимъ чинамъ, объяснилъ онъ имъ, чего ожидаетъ отъ

[1]) *Такелажъ*—все веревочное снаряженіе корабля.

[2]) *Крюйтъ-камера*—пороховой погребъ.

нихъ Государь и чего требуетъ честь императорскаго флага, нашелъ въ командѣ тѣже чувства, какъ и въ офицерахъ: всѣ единогласно объявили, что будутъ до конца вѣрны своему долгу и присягѣ. Успокоенный такимъ общимъ единодушіемъ, онъ приказалъ прекратить дѣйствіе веслами, поставить людей къ пушкамъ, сбросить въ море ялъ, висѣвшій за кормой, и открыть огонь изъ ретирадныхъ портовъ. Вскорѣ 110 пушечный корабль началъ спускаться съ тѣмъ, чтобы занять мѣсто съ правой стороны брига и дать продольный залпъ; но «Меркурій» избѣжалъ послѣдняго, приспустившись во̀ время. Такимъ образомъ еще около получаса бригъ подвергался выстрѣламъ однихъ погонныхъ пушекъ, но потомъ былъ поставленъ между двумя кораблями; каждый изъ нихъ сдѣлалъ два залпа по бригу, послѣ чего съ корабля капудана-паши закричали по-русски: «сдавайся и убирай паруса». Отвѣтомъ на это были залпъ всей артилеріи и дружный ружейный огонь. Тогда оба корабля, сдавшись къ кормѣ брига, открыли по немъ непрерывную кононаду ядрами, книпелями и брадскугелями, которыми былъ произведенъ пожаръ, вскорѣ однако потушенный. Во все время «Меркурій» не прерывалъ своего огня, стараясь по возможности уклоняться отъ продольныхъ выстрѣловъ, пока удалось перебить ватеръ-штаги[1]) и повредить гротовый рангоутъ сто-пушечнаго корабля, что̀ заставило его закрѣпить бомъ-брамсели[2]), привести къ вѣтру и лечь въ дрейфъ; но прежде прекращенія дѣйствія онъ послалъ бригу залпъ со всего борта. Другой корабль продолжалъ сраженіе, перемѣняя галсы подъ кормой брига и билъ его продольными выстрѣлами, которыхъ никакими движеніями невозможно было избѣжать; но, со всѣмъ тѣмъ «Меркурій» отстрѣливался до того времени, пока счастливымъ выстрѣломъ удалось перебить у непріятеля нокъ-форъ-марсъ-рею, паденіе которой увлекло за собой лисели[3]); тогда и этотъ корабль привелъ въ бейдевиндъ».

Заканчивая свое донесеніе, Казарскій высказалъ, что онъ не находитъ словъ для описанія храбрости, самоотверженности и точности въ исполненіи своихъ обязанностей, какія были оказаны всѣми вообще офицерами и нижними чинами въ продолженіе этого трехъ-часового сраженія, не представлявшаго никакой совершенно надежды на спасеніе, и что только такому достойному удивленія духу экипажа и милости Божіей должно приписать спасеніе судна и флага Его Императорскаго Величества. Уронъ въ командѣ брига состоялся изъ четырехъ убитыхъ и шести раненыхъ нижнихъ чиновъ. Пробоинъ въ корпусѣ оказалось 22, поврежденіи въ рангоутѣ 16, въ парусахъ 133 и

---

[1]) *Ватерштагъ*—толстая смоленая снасть.

[2]) *Брамсель*—прямой парусъ.—[3]) *Лисели*—прямоугольные парусы.

въ такелажѣ 148; сверхъ того разбиты гребныя суда и повреждена коронада. Командиръ брига «Орфей», капитанъ-лейтенантъ Колтовской, донесъ А. С. Грейгу, что послѣ отбытія фрегата «Штандартъ» онъ слѣдилъ за Турецкимъ флотомъ, который 16 числа въ 5 часовъ пополудни вошелъ въ проливъ.

Приказомъ главнаго командира Черноморскаго флота отъ 4 Іюля было объявлено слѣдующее: «Въ воздаяніе блистательнаго подвига брига «Меркурій», вышедшаго побѣдителемъ изъ безпримѣрнаго боя 14 Мая имъ выдержаннаго противу двухъ Турецкихъ кораблей, Государь Императоръ всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ: командира капитанъ-лейтенанта Казарскаго въ капитаны 2 ранга, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, и сверхъ того кавалеромъ ордена св. Георгія 4 класса; лейтенантовъ Скарятина и Новосильскаго, мичмана Притупова и поручика корпуса флотскихъ штурмановъ Прокофьева слѣдующими чинами, и первыхъ орденами св. Владимира 4 степени, а Прокофьева, какъ предложившаго мужественный совѣтъ взорвать бригъ, орденомъ св. Георгія 4 класса. Всѣмъ нижнимъ чинамъ знаки отличія военнаго ордена. Всѣмъ вообще, какъ офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ, въ пожизненный пенсіонъ двойной окладъ жалованья по окладу, какой они получали до настоящаго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорское Величество соизволилъ отличить и самый бригъ, пожалованіемъ на оный Георгіевскаго флага. А дабы увѣковѣчить въ родѣ сихъ офицеровъ память примѣрной ихъ храбрости и мужественной рѣшимости на очевидную погибель, Государь Императоръ соизволилъ повелѣть, чтобы пистолетъ, какъ оружіе избранное ими для взорванія на воздухъ при невозможности продолжать оборону, былъ внесенъ въ гербы ихъ». Затѣмъ, 29 Іюля 1829 года состоялся высочайшій указъ на имя морского министра, такого содержанія: «32 флотскаго экипажа 18 пушечному бригу «Меркурій», за славные подвиги съ двумя непріятельскими кораблями, дарованъ флагъ съ знаменіемъ св. великомученника и побѣдоносца Георгія. Мы желаемъ, дабы память безпримѣрнаго дѣла сего сохранилась до позднѣйшихъ временъ, вслѣдствіе сего повелѣваемъ вамъ распорядиться: когда бригъ сей будетъ приходить въ неспособность продолжать болѣе служеніе на морѣ, построить по одному съ нимъ чертежу и совершеннымъ съ нимъ сходствомъ во всемъ другое такое же судно, наименовавъ его «Меркурій», приписавъ къ тому же экипажу, на который перенести и пожалованный флагъ съ вымпеломъ; когда же и сіе судно станетъ приходить въ ветхость, замѣнить его другимъ новымъ, по тому же чертежу построеннымъ, продолжая сіе такимъ образомъ до временъ позднѣйшихъ. Мы желаемъ, дабы память знаменитыхъ

заслугъ команды брига «Меркурій» и его никогда во флотѣ не исчезала, а переходя изъ рода въ родъ на вѣчныя времена, служила примѣромъ потомству».

20 Мая прибылъ въ Сизополь бригъ «Ганимедъ» изъ крейсерства у Босфора. Командиръ этого брига, капитанъ-лейтенантъ Ушаковъ, передалъ адмиралу Грейгу депешу Датскаго министра при Портѣ барона Гибша, полученную отъ Австрійскаго комерческаго судна, шедшаго изъ Константинополя въ Одессу. Баронъ Габшъ увѣдомлялъ о взятіи Турками фрегата «Рафаилъ». Къ этому увѣдомленію былъ приложенъ рапортъ командира фрегата, капитана 2 ранга Стройникова на имя Государя Императора, въ которомъ излагалось слѣдующее объясненіе этого событія. «Слѣдуя согласно предписанію главнаго командира Черноморскаго флота, попутнымъ вѣтромъ, я отправился 10 Мая 1829 года съ ввѣреннымъ мнѣ фрегатомъ въ крейсерство между Требизондомъ и Батумомъ. 11 числа вечеромъ, находясь на траверзѣ Пендеракліи, въ разстояніи отъ берега 40 миль, вѣтеръ сдѣлался крѣпкій, противный, заставившій поворотить въ море. Въ продолженіе ночи вѣтеръ усиливаясь произвелъ большое волненіе, а на разсвѣтѣ 12 числа, находясь отъ ближайшаго берега въ 30 миляхъ, увидѣлъ я непріятельскій флотъ, состоявшій изъ одного трехдечнаго и пяти двухдечныхъ кораблей, двухъ фрегатовъ, двухъ корветовъ и двухъ бриговъ, въ разстояніи шести миль на вѣтрѣ. Судя по направленію вѣтра и мѣстному положенію, я рѣшился продолжать тотъ же курсъ, дабы удалиться отъ онаго. Впослѣдствіи времени вѣтеръ стихъ, отъ коего фрегатъ имѣлъ ходу одну милю въ часъ. Непріятель, пользуясь попутной зыбью и имѣя преимущественный ходъ, не допустилъ до сего и приближался, а пополудни въ два часа пересѣкъ всѣ направленія. Видя себя въ столь неизбѣжномъ положеніи, я созвалъ совѣтъ изъ всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ для отобранія отъ нихъ мнѣнія каждаго, которые общимъ согласіемъ положили: обороняться до послѣдней капли крови, а въ случаѣ нужды свалиться съ непріятелемъ и взорвать фрегатъ; но нижніе чины, узнавъ намѣреніе наше, объявили, что фрегатъ не допустятъ сжечь; а сдѣлавшійся въ сіе время штиль лишилъ меня и послѣднихъ способовъ къ защищенію. Въ 4 часа пополудни фрегатъ взятъ непріятельскимъ флотомъ».

Сообщенное Казарскимъ извѣстіе о выходѣ непріятельскихъ кораблей изъ пролива въ Черное море, посылка Скаловскаго для отысканія этихъ кораблей, сдача фрегата «Рафаилъ» безъ выстрѣла и отчаянная защита брига «Меркурій»,—все это, сопоставленное, какъ одно событіе къ другому, въ совокупности выставляется весьма по-

учительнымъ случаемъ. Посланный на поискъ и истребленіе непріятельскихъ кораблей, Скаловскій имѣлъ достаточныя средства къ исполненію даннаго ему предписанія, тѣмъ болѣе, что, какъ оказалось впослѣдствіи, изъ двѣнадцати Турецкихъ судовъ было годныхъ для боя только три корабля, вышедшія изъ пролива, а остальныя суда, собранныя по Анатолійскому берегу, были вновь построенныя и оснащенныя, но безъ пушекъ. Слѣдовало только неуклонно исполнить свое назначеніе, и тогда не былъ бы потерянъ фрегатъ, по малодушію и слабохарактерности своего командира, и не было бы отчаяннаго состязанія брига «Меркурій». Но Скаловскій, пренебрегая полученнымъ приказаніемъ, увлекся истребленіемъ беззащитныхъ каботажныхъ судовъ и недоконченныхъ отдѣлкою корабля и корвета, что̀ можно было бы отложить, съ полной увѣренностью, до болѣе удобнаго времени. Это своенравное увлеченіе повело къ такимъ серьезнымъ поврежденіямъ ввѣренныхъ ему судовъ, что онъ не могъ уже продолжать свой поискъ и былъ вынужденъ возвратиться въ Сизополь именно въ тотъ день, когда Турецкая эскадра проходила къ проливу мимо Пендеракліи. При исполненіи каждаго предпріятія требуется сознательное пониманіе распоряженій старшаго начальника, съ неуклонно-точнымъ и самоотверженнымъ исполненіемъ полученныхъ приказаній подчиненнымъ. Это дисциплина всякаго дѣльнаго предпріятія, въ полномъ смыслѣ своего значенія, и составляетъ суть всякаго общественнаго служенія, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Но если отрядный начальникъ, получивъ приказаніе идти направо, руководствуясь собственнымъ произвольнымъ усмотрѣніемъ, поведетъ свой отрядъ налѣво, то послѣдствіемъ такого уклоненія могутъ быть очень печальны. Тоже случилось и со Скаловскимъ. Уклонившись отъ точнаго исполненія полученнаго приказанія, онъ этимъ предоставилъ возможность непріятельской эскадрѣ не только безнаказанно возвратиться въ проливъ, но и захватить Русскій фрегатъ, такъ желанный для Турокъ, терявшихъ до этого времени свои суда.

Въ оправданіе Скаловскаго Мелиховъ, въ своемъ описаніи, высказываетъ: «Счастіе благопріятствовало Туркамъ; если бы онъ встрѣтился съ ними, то непремѣнно вступилъ бы въ бой». Но что же препятствовало такой встрѣчѣ? Счастіе есть слѣпой случай; оно зависитъ отъ нашей здравой сообразительности и умѣнья въ исполненіи даннаго порученія. Отдавая должную дань безспорно большимъ государственнымъ заслугимъ А. С. Грейга, нельзя не отмѣтить тотъ непонятный намъ фактъ его распорядительности въ такомъ серьезномъ случаѣ, какъ выходъ Турецкой эскадры изъ пролива въ Черное море, обусловленное за-

крытіе котораго отъ попытокъ непріятеля составляло главный пунктъ даннаго ему высочайшаго повелѣнія. Непонятно, почему такое важное дѣло, какъ поискъ Турецкой эскадры, не было поручено одному изъ младшихъ флагмановъ находившихся на флотѣ въ Сизополѣ, контръ-адмираламъ Стожевскому и Кумани, тѣмъ болѣе, что послѣдній заявилъ свою энергическую боевую предпріимчивость занятіемъ Сизополя. Знаменательно и то обстоятельство, что Скаловскій, не проявившій никакой личной доблести для исполненія полученнаго приказанія, по представленію А. С. Грейга, былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, «за сожженіе подъ стѣнами Пендеракліи 60 пушечнаго корабля, за истребленіе 26 пушечнаго корвета въ Акчесарѣ и непріятельскихъ судовъ въ Шили и Пендеракліи».

По случаю появленія чумы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи А. С. Грейгъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ устройствѣ карантина на островѣ Киріосъ для приходящихъ въ Сизополь комерческихъ судовъ. Въ Сизополѣ также были приняты разныя санитарныя мѣры и учрежденъ строгій надзоръ за сообщеніемъ жителей съ ближайшими мѣстностями. Но, не смотря на эти мѣропріятія, между жителями появилась чума, а затѣмъ были случаи появленія этой болѣзни въ воинскихъ и морскихъ командахъ. Предупредительная и строгая изолировка заболѣвающихъ имѣла послѣдствіемъ очень малый процентъ смертности.

Послѣ побѣды подъ Кулевчи, гдѣ были разбиты главныя Турецкія войска, главнокомандовавшій арміею графъ Дибичъ рѣшился перенести военныя дѣйствія за Балканы. Сообщая объ этомъ адмиралу Грейгу, онъ просилъ его принять мѣры къ занятію всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ въ Фаросскомъ заливѣ, для чего командировалъ въ его распоряженіе отрядъ войскъ. Послѣдствіемъ этого предложенія было занятіе Месемвріи, въ которой взято 19 пушекъ, болѣе двухъ тысячъ Турокъ и значительный складъ военныхъ и продовольственныхъ запасовъ. Кромѣ того въ Месемвріи оказался недостроенный корветъ; окончаніе постройки котораго было поручено корабельному инженеру Мелетину съ помощью взятыхъ съ флота мастеровыхъ. При спускѣ этого корвета, онъ наименованъ «Ольга», въ честь великой княжны Ольги Николаевны. Въ тоже время былъ занятъ г. Ахіоло бригомъ «Орфей», подъ командой капитанъ-лейтенанта Колтовскаго, который въ донесеніи своемъ объяснилъ слѣдующее. «Ночью прибыли на бригъ Греки изъ Ахіоло съ объявленіемъ, что бóльшая часть Турокъ выступила изъ города, а потому они просили занять его. Убѣдившись въ

справедливости этого извѣстія, онъ подошелъ къ городу въ 7 часовъ утра, сталъ на якорь и съѣхалъ на берегъ съ десантомъ изъ двухъ офицеровъ и 75 матросовъ. Встрѣченный духовенствомъ и старшинами города, онъ немедленно распорядился объ обезоруженіи оставшихся въ городѣ Турокъ, поставилъ свою команду къ пушкамъ съ береговой стороны, поднялъ на воротахъ Русскій флагъ и послалъ въ Месемврію двухъ Грековъ просить прислать военную команду. Чрезъ три часа прибыла къ нему сотня козаковъ, а за ними прибылъ, съ двумя эскадронами уланъ, генералъ - маіоръ Нобель, которому Колтовской сдалъ городъ и плѣнныхъ».

Затѣмъ, въ послѣдовательномъ дѣйствіи были заняты флотомъ, совмѣстно съ войсками, Бургасъ, Василько, Агатополь и Мидія. Для занятія послѣдняго города былъ посланъ отрядъ судовъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала Стожевскаго, изъ двухъ кораблей, двухъ бриговъ, двухъ бомбардирскихъ судовъ и одного люгера, съ десантомъ трехъ ротъ 23-го егерскаго полка. Къ этому отряду присоединились бывшіе у Инады корабль «Пантелеймонъ», бригъ «Орфей» и гребная флотилія изъ четырехъ іоловъ. Мидія расположена на высокой утесистой горѣ, и ее можно было бомбардировать только навѣсными выстрѣлами, чтò было затруднительно при сѣверо - восточномъ вѣтрѣ. Для осмотра мѣстности и блокады крѣпости съ берега свезенъ былъ десантъ, встрѣтившій препятствіе въ глубокой рѣкѣ, которую нельзя было перейти въ бродъ. Такое обстоятельство замедлило на нѣсколько дней военную предпріимчивость; но въ это время Турки сами очистили Мидію. 17 Августа, въ 7 часовъ утра, съ іоловъ, стоявшихъ по южную сторону крѣпости, было замѣчено, что Турки оставляютъ городъ. Это подтверждено было и нѣсколькими Греками, прибывшими къ флотиліи. Тогда командовавшій этой флотиліей лейтенантъ Панютинъ, съ пятидесятью матросами, направился къ крѣпости подъ прикрытіемъ огня съ іоловъ. Завидя его, Турки бросились изъ города, и онъ былъ безпрепятственно занятъ Панютинымъ, котораго встрѣтили торжественно митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ и старшинами города, поднесшими ему городскіе ключи.

Приказомъ по флоту 5 Сентября было объявлено о заключеніи мира, а 28 Сентября послѣдовалъ слѣдующій высочайшій указъ: «Обращая монаршее вниманіе на заслуги отечеству флотомъ оказанныя и на подвиги въ битвѣ Наваринской, въ Архипелагѣ, при покореніи Анапы, при содѣйствіи въ осадѣ Варны и Дунайскихъ крѣпостей, при завоеваніи Сизополя и береговъ Румеліи, мнѣ, въ сей день торжественнаго празднованія полезнаго для подданныхъ и единовѣрцевъ нашихъ

мира, пріятно изъявить особую признательность флагманамъ и капитанамъ въ войнѣ сей эскадрами, отдѣльными частями и судами начальствовавшими, равномѣрно совершенную благодарность офицерамъ, дѣйствовавшимъ подъ ихъ командою противъ непріятеля, и постановить въ пользу нижнихъ чиновъ слѣдующее. 1) Нижнихъ чиновъ, выслужившихъ безпорочно по сей день въ гвардейскомъ экипажѣ двадцать лѣтъ, въ линейныхъ, ластовыхъ рабочихъ экипажахъ, въ артиллерійскихъ бригадахъ и въ Каспійской ротѣ двадцать два года, уволить въ отставку на законномъ основаніи за выслугу лѣтъ. 2) Тѣмъ изъ нихъ, кои, не пользуясь отставкой, пожелаютъ нынѣ продолжать службу, производить двойной окладъ жалованья, независимо отъ прибавочнаго, полагаемаго прежними постановленіями нижнимъ чинамъ, добровольно оставшимся на службѣ сверхъ узаконеннаго срока. 3) Прослужившимъ пять лѣтъ на семъ основаніи получаемые оклады жалованья удвоить и одну половину всего обратить въ пожизненную пенсію при выходѣ въ отставку; но если отставка послѣдуетъ по дѣйствительной болѣзни или увѣчью, а не по другой причинѣ, то обратить сей полный увеличенный окладъ на содержаніе по смерть. 4) Вышеозначенные оклады производить независимо отъ пенсіоновъ, какіе кто получаетъ на знаки военнаго ордена, св. Анны и по другимъ особеннымъ случаямъ».

По Адріанопольскому мирному трактату мы пріобрѣли Анапу и Поти, съ округами, при чемъ Турція отказалась отъ всякихъ правъ на восточный берегъ Чернаго моря.

Въ 1830 году нѣкоторыя суда Черноморскаго флота были заняты перевозкою изъ Сизополя, Варны и отъ другихъ Турецкихъ городовъ войскъ, больныхъ, снарядовъ и разныхъ военныхъ тяжестей въ свои порты. Въ это время, не смотря на принятыя предосторожности, чума безпрестанно появлялась въ нашей арміи и на флотѣ; она заносилась отъ Турецкихъ лагерей и на зафахтованныхъ для арміи судахъ. Вслѣдствіе этого въ Русскихъ Черноморскихъ портахъ были приняты очень строгія мѣры; но эти мѣропріятія не обошлись безъ злоупотребленій со стороны лицъ, имѣвшихъ денежный интересъ въ доставкѣ продуктовъ жителямъ оцѣпленныхъ мѣстъ. Злоупотребленія эти повели къ тому, что нуждающееся населеніе въ Севастополѣ, преимущественно женщины, взволновалось. 4 Іюня 1830 года произошелъ общій взрывъ, и дѣло окончилось очистительными жертвами, въ числѣ пяти лицъ, которыя были убиты остервенѣвшей толпою, уничтожившей вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ карантинныя преграды, которыя потомъ не возобновлялись. Этимъ взрывомъ закончилась чума.

Въ Августѣ 1830 года А. С. Грейгъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ ему было поручено предсѣдательство въ комитетѣ по улучшеніямъ на флотѣ. Этому комитету предстояло разсмотрѣть всѣ современныя нововведенія въ иностранныхъ флотахъ, примѣненныя на эскадрѣ контръ-адмирала М. П. Лазарева. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему предстояло участвовать въ совѣщаніяхъ по поводу нѣкоторыхъ измѣненій въ управленіи Морскимъ Министерствомъ. Эти назначенія задержали его въ Петербургѣ около года.

Въ 1831 году 16 Декабря утверждено было новое образованіе Черноморскаго управленія, по которому все управленіе должно сосредоточиваться въ лицѣ главнаго командира, съ правами и обязанностями командира отдѣльнаго корпуса; въ случаяхъ же, превышающихъ его власть, онъ обязанъ былъ обращаться къ начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества или къ морскому министру. Для управленія флотомъ и портами при главномъ командирѣ были учреждены: канцелярія, штабъ, состоявшій изъ канцеляріи, дежурства, аудиторіата, гидрографическаго и медицинскаго отдѣленій и архива; интендантство, состоявшее изъ канцеляріи коммисаріатской, кораблестроительной и артиллерійской экспедиціи и учетнаго кораблестроительнаго комитета. Строительная часть была оставлена временно при интендантствѣ до 1837 года, когда былъ учрежденъ южный округъ, подчиненный строительному департаменту Морского Министерства; по отдаленности же этого округа отъ столицы, при немъ былъ учрежденъ хозяйственный комитетъ, состоявшій въ зависимости главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ. Особымъ постановленіемъ 31 Декабря того же года флотскій начальникъ въ Севастополѣ наименованъ командиромъ Севастопольскаго порта; при немъ былъ учрежденъ штабъ съ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, а для хозяйственныхъ дѣлъ канцелярія. Въ томъ же году Черноморскій флотъ былъ раздѣленъ на двѣ дивизіи: четвертую и пятую, а каждая дивизія на три бригады, съ учрежденіемъ при нихъ дивизіонныхъ и бригадныхъ штабовъ. Для третьей бригады пятой флотской дивизіи, комплектовавшей Дунайскую флотилію, былъ учрежденъ штабъ командира Дунайской флотиліи *).

Высочайшимъ приказомъ 17 Февраля 1832 года контръ-адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ былъ назначенъ начальникомъ штаба главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ Чернаго моря. Съ прибытіемъ его въ Николаевъ, А. С. Грейгъ отправился съ нимъ

*) Чубинскій, Устройство управленія морского вѣдомства въ Россіи.

для обзора восточнаго берега Чернаго моря. Этотъ осмотръ былъ произведенъ вслѣдствіе проекта главнокомандовавшаго Кавказскими войсками графа Паскевича о мѣрахъ къ покоренію горскихъ народовъ. Въ этомъ проектѣ заключалось и предположеніе о занятіи восточной береговой линіи Чернаго моря укрѣпленными редутами; а потому отъ главнаго командира Черноморскаго флота требовалось соображеніе о необходимыхъ вспомогательныхъ средствахъ отъ морского вѣдомства къ исполненію этого мѣропріятія, а также для содержанія постоянной блокады этого побережья.

Вслѣдствіе политическаго вмѣшательства Россіи въ 1832 году въ дѣйствія Турецкаго правительства, по поводу начавшихся весьма удачныхъ военныхъ операцій Египетскаго паши на Турецкой територіи, было признано необходимымъ предложить Султану активную помощь флотомъ и войсками. Для этого былъ сформированъ, въ Декабрѣ того года, отрядъ изъ пяти кораблей, трехъ фрегатовъ, одного корвета и одного брига, командованіе которымъ, по высочайшему повелѣнію, поручено было контръ-адмиралу М. П. Лазареву. Вступивъ въ командованіе отрядомъ, онъ отдалъ слѣдующій приказъ по эскадрѣ 1 Января 1833 года за № 1. «Хотя я увѣренъ, что всѣ гг. штабъ и оберъ офицеры на судахъ Черноморскаго флота, командованію мною порученнаго, состоящіе, руководствуясь законными постановленіями и благоразумными распоряженіями главнаго командира, въ приказахъ и предписаніяхъ его изложенными, въ предстоящую кампанію исполнять будутъ обязанности свои съ надлежащимъ усердіемъ и ревностью; но за всѣмъ тѣмъ признаю небезполезнымъ ввести во всеобщее употребленіе на флотѣ составленную мною инструкцію вахтеннымъ лейтенантамъ, которою руководствовались на эскадрѣ въ Средиземномъ морѣ находившіеся. Объявляя у сего оную, предоставляю гг. командирамъ объясненныя въ инструкціи правила наблюдать въ точности. Вмѣстѣ съ тѣмъ поставить въ непремѣнную обязанность каждаго флотскаго офицера имѣть при себѣ копію съ такой инструкціи, дабы впослѣдствіи никто незнаніемъ заключающагося въ оной отзываться не могъ. Причемъ, однакоже, наблюдать, чтобы всѣ дѣйствія, на произведеніе коихъ по высочайшему повелѣнію изданы особыя правила подъ названіемъ «командныя слова», производимы были по симъ послѣднимъ правиламъ безъ малѣйшихъ измѣненій; а по составленной мною инструкціи, у сего объявляемой, только то, что̀ въ командныхъ словахъ не содержится».

Затѣмъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ были объявлены слѣдующіе административные приказы: 1. О пушечныхъ таляхъ*) и крѣпленіи

*) *Тали* — веревка, основанная по двумъ блокамъ, для подъему тяжести (Даль).

орудій. 2. О сигнальныхъ и телеграфныхъ флагахъ. 3. О составленіи расписаній командъ и офицеровъ по данной формѣ для всѣхъ дѣйствій на судахъ эскадры. 4. О томъ, чтобы, согласно высочайшаго повелѣнія въ 1830 году, на всѣхъ гребныхъ судахъ, на греблѣ, при встрѣчѣ, хотя бы на нихъ были офицеры, флагманамъ и своимъ капитанамъ отдавали честь поднятіемъ всѣхъ весельныхъ лопастей вверхъ. 5. О ежедневномъ производствѣ ученія на судахъ артилерійскаго и парусного, наблюдая дѣйствія флагманскаго корабля. 6. О томъ, чтобы всѣ гребныя суда были снабжены лучшими парусами и веслами, и все прочее имѣли бы въ исправности. 7. О производствѣ артилерійскаго ученія по вновь составленнымъ правиламъ. 8. О томъ, чтобы для передѣлки шлюпочныхъ парусовъ выбирать изъ имѣющихся чертежей гребныхъ судовъ разныхъ размѣровъ тѣ, кои признаются болѣе удобными и соотвѣтствовали бы хорошему виду судна. 9. О томъ, чтобы гардемарины, находящіеся на флотѣ и при портѣ, носили всегда установленную форму во всякое время. 10. О принятіи на суда сигнальныхъ книгъ для обученія командъ дѣйствію парусами и орудіями по сигналамъ. 11. О назначеніи лейтенанта Путятина по особымъ порученіямъ къ начальнику эскадры. 12. О немедленномъ пополненіи обмундированія нижнихъ чиновъ на эскадрѣ всѣмъ слѣдуемымъ по положенію. 13. Дополнительныя правила расписанія офицеровъ и командъ на судахъ по указанному штату. 14. О назначеніи офицеровъ по комплекту. 15. О принятіи плановъ Константинопольскаго и Дарданельскаго проливовъ по одному на каждое судно эскадры. 16. Расписаніе и планъ разстановки судовъ эскадры на Севастопольскомъ рейдѣ по буйкамъ и своза на нихъ командъ, не дозволяя брать съ собою никакой рухляди и тулуповъ. 17. Всѣмъ судамъ, выведеннымъ на рейдъ, производить морскую провизію, но вмѣсто солонины свѣжее мясо, а вмѣсто сухарей печеный хлѣбъ. 18. О пошитьѣ иностранныхъ флаговъ и ихъ храненіи. 19. Расписаніе медиковъ на суда эскадры. 20. О представленіи вѣдомостей по артилерійскому снабженію, что̀ положено, что̀ имѣется и чего недостаетъ. 21. О донесеніи по готовности судовъ къ депутатскому смотру, съ поясненіемъ, все ли по положенію принято и что̀ не дополучено. 22. О списаніи съ кораблей нижнихъ чиновъ имѣющихся противъ штата и объ отсылкѣ ихъ въ береговыя команды. 23. Подробное расписаніе какъ содержать на судахъ гардемаринъ, съ назначеніемъ ихъ къ разнымъ обязанностямъ, а равно объ обученіи ихъ практическимъ работамъ по вооруженію, управленію парусами и шлюпками, стрѣльбѣ и прочему. 24. О уборкѣ брошеннаго въ гавани и на берегу оной судового имущества. О выдачѣ въ портъ расписокъ на принятые матеріалы. 26. О донесеніи, сколько принято двойныхъ блоковъ для пушечныхъ талей. 27. О запрещеніи офицерамъ имѣть свои самовары и чтобы немедленно свезти ихъ на берегъ, не исключая меня и командировъ судовъ. 28. О доставленіи еженедѣльно, по Суботамъ, вѣдомостей о состояніи командъ по данной формѣ. 29. О томъ, чтобы постояно имѣть гюйсы на флагштокахъ на оконечности бушприта. 30. Г. г. командирамъ приведеніемъ въ должный порядокъ наружной окраски судовъ. 31. О постоянномъ внимательномъ усмотрѣніи за сигна-

лами на флагманскомъ кораблѣ, и что тѣ, которые запоздаютъ отвѣтомъ, докажутъ безпорядокъ на судахъ. 32. О назначеніи ежедневно дежурнаго судна по сигналу, съ поднятіемъ на немъ гюйса на форъ-брамъ-стенгѣ въ 8 часовъ утра; а съ окончаніемъ дежурства спускать оный. Обязанность дежурнаго судна наблюдать за всѣми приходящими судами, которымъ дѣлается опросъ по назначенной формѣ. Съ окончаніемъ сутокъ присылать лейтенанта на флагманскій корабль. 33. О назначеніи нижнихъ чиновъ знающихъ парусное мастерство съ посылкою ихъ ежедневно въ парусную въ портѣ; а сколько будетъ посылаться съ каждаго судна, доставлять записки въ флагманскую канцелярію. 34. Напоминаніе о немедленной посылкѣ людей въ гавань для поднятія якорей и швартововъ*) и уборкѣ ихъ, какъ указано. 35. О назначеніи начальникомъ штаба на эскадрѣ капитанъ-лейтенанта Вукотича 2-го. 36. О принятіи на суда картъ по описи Греческихъ острововъ и прилежащихъ береговъ. 37. О томъ, что нѣкоторыя суда не всѣ выписываютъ приказы флагмана, а потому вмѣняется въ обязанность командирамъ присылать ревизоровъ съ приказными тетрадками для провѣрки; а на будущее время присылать офицеровъ съ писаремъ и чтобы этотъ офицеръ расписывался въ выпискѣ приказовъ. 38. Не видя никакого успѣха въ поднятіи якорей и уборки швартововъ въ гавани оставленныхъ, назначаю отдѣльнаго капитанъ-лейтенанта, по очереди съ каждаго корабля и фрегата, съ тѣмъ чтобы назначаемый являлся ко мнѣ въ 7 часовъ вечера съ донесеніемъ о успѣхѣ работы. 39. При учиненіи 22 Января главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ адмираломъ Грейгомъ депутатскаго смотра судовъ эскадры мнѣ ввѣренной, сколько должно быть разставлено людей по реямъ, объявляя у сего для свѣдѣнія и исполненія, присовокупляю, что всѣ подлежащія къ такому смотру письменныя дѣла должны быть совершенно готовы къ представленію при смотрѣ, въ числѣ коихъ должны заключаться, при особыхъ рапортахъ, выписки о количествѣ недополученныхъ отъ порта матеріаловъ и вещей, съ показаніемъ противъ каждаго наименованія сколько слѣдуетъ по штату. Смотръ имѣетъ быть съ 10 часовъ утра, начиная съ фрегата «Архипелагъ», по порядку линіи расположенія судовъ. Предписываю гг. командирамъ обратить все вниманіе на приведеніе ввѣренныхъ имъ судовъ въ совершенныя, какъ наружную такъ и внутреннюю, чистоту и опрятность, а потому наканунѣ смотра никакихъ ученій не производить, палубы вымыть самымъ чистымъ образомъ и покрыть брезентами. При съѣздѣ съ судна депутата должно прокричать *ура* три раза; а когда отъ него будетъ отвѣтъ, то прокричать еще одинъ разъ. Начать салютъ, производя оный, если его высокопревосходительство будетъ имѣть свой флагъ—11 выстрѣловъ, а ежели флагъ депутата—15 выстрѣловъ. По окончаніи смотра послѣднему судну, поднять въ туже минуту, вдругъ на всѣхъ судахъ эскадры, всѣ имѣющіеся сигнальные и прочіе флаги, которые должны оставаться на верху до тѣхъ поръ, пока не будетъ сигнала спустить флаги. 40. Главный командиръ Черноморскаго флота и портовъ изъясняетъ, что Государь Императоръ, высочайшимъ ука-

*) *Швартовъ*—причалъ.

зомъ 16 Декабря минувшаго 1831 года, повелѣть соизволилъ: на случай могущей встрѣтиться надобности въ отправленіи порученнаго мнѣ отряда судовъ въ Константинополь, адмираламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ сего отряда, со времени входа онаго въ Константинопольскій проливъ до обратнаго возвращенія въ Черное море, производить жалованье по заграничному положенію; а производство по тому же положенію порціоновъ начать не ранѣе, какъ по прошествіи трехъ мѣсяцевъ отъ выхода отряда изъ Черноморскихъ портовъ. Плаваніе же въ Черномъ морѣ почитать обыкновеннымъ практическимъ.

Въ дополненіе къ этому отряду были сформированы еще двѣ особыя эскадры, подъ начальствомъ контръ-адмираловъ Кумани и Стожевскаго, для транспортировки изъ Одессы въ Босфоръ отряда войскъ, въ составѣ десяти тысячъ человѣкъ.

Рапортъ контръ-адмирала Лазарева начальнику главнаго морского штаба Его Императорскаго величества князю Меншикову, отъ 10 Февраля 1833 года за № 202.

Люгеръ «Широкій» прибылъ 1 Февраля изъ Константинополя въ Севастополь, съ депешами на имя главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ отъ Россійскаго посланника при портѣ д. с. с. Бутенева, вмѣстѣ съ коими доставилъ и письмо на мое имя, которымъ г. посланникъ извѣстилъ, что мятежныя войска Египетскаго паши приближаются къ столицѣ Отоманской, и что отъ скораго прибытія нашего флота зависитъ участь Константинополя; наконецъ объявляетъ убѣдительную просьбу Султана, чтобъ ежели не вся эскадра, то по крайней мѣрѣ часть ея поспѣшила прибытіемъ. Основываясь на содержаніи вышеозначеннаго письма г. Бутенева и имѣя предписаніе адмирала Грейга отъ 26 Января, въ коемъ сказано, что для выигранія времени онъ уже сдѣлалъ сношеніе съ нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ, дабы, въ случаѣ могущей быть надобности въ эскадрѣ, г. Бутеневъ обратился съ требованіемъ своимъ прямо ко мнѣ, и тогда я, не ожидая уже дальнѣйшихъ повелѣній, старался бы исполнить оное. А потому я, въ присутствіи командира Севастопольскаго порта вице-адмирала Патаніоти, открылъ депеши, на имя адмирала Грейга доставленныя, и нашелъ въ оныхъ изъясненіе той же просьбы отъ имени Султана, касательно эскадры, и сверхъ того присылки десантнаго отряда. Принявъ въ соображеніе, что войскъ для такого назначенія въ Севастополѣ не было и что если бы и воспослѣдовало бы на то повелѣніе, то они легко могли помѣститься на остальныя части флота, я рѣшился, не теряя времени, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, съ эскадрою мнѣ ввѣренною, сняться съ якоря и отправиться въ Константинополь. Южные вѣтры были причиною, что эскадра приблизилась къ устью Босфора не ранѣе 8 числа утромъ. Тогда командиры прислали изъ крѣпостей двухъ чиновниковъ просить меня, чтобы эскадра въ проливъ не входила до полученія разрѣшенія Султана; но я, имѣя въ виду изъясненное въ письмѣ ко мнѣ и въ отношеніи къ адмиралу

Грейгу необходимую въ эскадрѣ надобность, не могъ съ достовѣрностью положиться на слова сихъ чиновниковъ, тѣмъ болѣе, что имъ таковое требованіе эскадры могло быть неизвѣстно; а потому, отвергнувъ ихъ требованіе, вошелъ съ эскадрою и остановился у Буюкдере. Едва успѣлъ я увидѣться съ посланникомъ и генералъ-лейтенантомъ Муравьевымъ, какъ прибылъ въ Буюкдере военный совѣтникъ Султана и командующій Босфоромъ Ахметъ-паша и съ нимъ вмѣстѣ правитель канцеляріи рейсъ-ефенди изъявить отъ имени Султана полную признательность за милостивое и великодушное вниманіе Государя Императора; но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что какъ переговоры генералъ-лейтенанта Муравьева кончены въ пользу Порты Отоманской и военныя дѣйствія со стороны возмутившагося паши, вслѣдствіе означенныхъ сношеній, прекратились, и что Мегметомъ-Али заключаются уже окончательныя условія, то Турецкое правительство, не уклоняясь отъ предложенной помощи Государемъ Императоромъ, напротивъ того съ благодарностью принимая оную, убѣдительно проситъ, чтобы я, съ ввѣренной мнѣ эскадрою, на нѣкоторое время удалился бы въ Сизополь и, находясь тамъ въ совершенной готовности, поспѣшилъ бы на помощь по первому извѣщенію. А потому, вслѣдствіе такого объявленія, съ общаго согласія какъ посланника, такъ и генералъ-лейтенанта Муравьева, я рѣшился просьбу Султана уважить, и эскадра теперь находится въ полной готовности, при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ, отправиться въ Сизополь съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, она могла тотчасъ прибыть въ Константинополь, о чемъ вашей свѣтлости почтительнѣйше имѣю честь донести».

Въ составъ этой эскадры входили: корабли «Память Евстафія» (флагманскій), командиръ капитанъ 1 ранга Коростопцевъ; «Императрица Екатерина II, командиръ капитанъ 1 ранга Черниковъ; «Анапа, командиръ капитанъ 1 ранга Нѣмчиновъ; «Чесма» командиръ капитанъ 1 ранга Юрьевъ; фрегаты—«Архипелагъ» командиръ капитанъ-лейтенантъ Богдановичъ ;«Варна», командиръ капитанъ 2 ранга Сунди; «Эривань», командиръ капитанъ 2 ранга Ушаковъ; корветъ «Сизополь», командиръ капитанъ-лейтенантъ Вукотичъ 1-й; бригъ «Пегасъ», командиръ капитанъ лейтенантъ Аркасъ 3-й.

Н. Н. Муравьевъ*) о прибытіи Русской эскадры въ Буюкдере высказалъ слѣдующее замѣчаніе: «Внезапное появленіе этой эскадры крайне поразило Турокъ и недружелюбныя намъ миссіи Европейскихъ дворовъ, едва вѣрившія тому, чтò происходило передъ ихъ глазами. Грозные союзники Султана навѣстили его владѣнія и столицу въ самый день мусульманскаго праздника Байрама, когда, съ открытіемъ новой луны, они расположились предаться въ беззаботности пресыщенію и увлеченіямъ всякого рода послѣ утомительнаго воздержанія».

*) „Русскіе на Босфорѣ“.

Рапортъ контръ-адмирала Лазарева князю Меншикову отъ 28 Февраля 1833 за № 216.

«Прилагая при семъ дубликатъ донесенія моего къ вашей свѣтлости отъ 10 сего мѣсяца за № 203, имѣю честь увѣдомить, что съ того времени вѣтры, постоянно дувшіе сѣверные, не допустили исполнить желаніе Порты троекратно уже объявленное, т. е. чтобы эскадра оставила Босфоръ и находилась до востребованія въ Сизополѣ. Сего числа вѣтеръ хотя и былъ благопріятный, но я рѣшился не оставлять Константинопольскаго пролива, потому что изъ бывшей вчера конференціи въ домѣ нашего посланника съ Ахметомъ-пашой, видна была явная нерѣшительность какъ Султана, такъ и Турецкаго правительства, принять ли великодушно предложенную помощь Государя Императора, или на нѣкоторое время отклонить оную и положиться на увѣренія Французскаго посланника, обѣщавшаго склонить Египетскаго пашу къ примиренію на предложенныхъ Портою кондиціяхъ. Увѣренія эти сопровождаетъ онъ строгими угрозами, состоящими въ томъ, что ежели Турецкое правительство не откажется отъ предлагаемаго содѣйствія Россіи, то Французская эскадра войдетъ въ Дарданеллы и будетъ способствовать Ибрагиму-пашѣ продолжать свои завоеванія; что, вопреки обѣщанію Мегмета-Али остановить мятежническія дѣйствія, онъ занялъ уже Смирну, назначилъ другого губернатора и, дабы болѣе склонить жителей сего города въ свою пользу, самовольно уменьшилъ нѣкоторыя изъ государственныхъ податей. А съ другой стороны, по полученному здѣсь извѣстію, заслуживающему нѣкоторое вѣроятіе, Египетскій фрегатъ прибылъ къ островамъ Хіо и Метелину, чтобы склонить какъ гарнизонъ, такъ и жителей на оныхъ къ отверженію законнаго государя и къ присоединенію ихъ къ мятежному правительству. Не взирая на столь явное нарушеніе даннаго слова Египетскимъ пашею и существующія сильныя партіи въ Константинополѣ противъ Султана, Порта еще надѣется склонить Мегмета-Али къ миролюбивому соглашенію; а потому, не отвергая совершенно предложенной нашей помощи, не смѣетъ однако рѣшиться и воспользоваться оною, дабы чрезъ то не навлечь на себя негодованія Французскаго посла и озлобленія мятежнаго паши. Впрочемъ, Мегметъ-пашѣ обѣщали дать чрезъ два дня отвѣтъ болѣе удовлетворительный, потому что къ тому времени возвратится отправленный къ Ибрагиму-пашѣ полковникъ съ требованіемъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій».

Копія съ секретнаго отношенія начальника главнаго морского штаба Его Императорскаго Величества къ главному командиру Черноморскаго флота 12 Февраля 1833 года № 145.

«Я получилъ сегодня отправленныя вашимъ высокопревосходительствомъ съ нарочнымъ курьеромъ бумаги, относящіяся до отправленія эскадры и десантныхъ войскъ въ Константинополь и до вооруженія Черноморскаго флота. Государь Императоръ, прочитавъ сіи бумаги,

повелѣлъ мнѣ немедленно отправить фельдъегеря и сообщить вамъ слѣдующія высочайшія повелѣнія. 1, Ежели, паче чаянія, отрядъ контръ-адмирала Лазарева находится въ виду нашихъ береговъ, то предписать ему идти въ Одессу для принятія 3 бригады 26 пѣхотной дивизіи и слѣдовать съ оной въ Константинополь. 2, Вышедшимъ на рейдъ тремъ кораблямъ и одному фрегату, подъ начальствомъ контръ-адмирала Кумани, не взирая на предстоящія затрудненія, идти на Одесскій рейдъ и взять все то число войскъ, приготовленныхъ къ амбаркированію 26 дивизіи, какое на отрядѣ помѣститься можетъ. 3) Отряду сему принять въ свой конвой зафрахтованныя комерческія суда съ военнымъ грузомъ и остальными войсками означенной дивизіи, и слѣдовать съ ними въ Константинополь. 4) Вашему высокопревосходительству войти съ генералъ-адъютантомъ графомъ Воронцовымъ и начальникомъ 26 дивизіи генералъ - лейтенантомъ Отрощенкомъ въ сношеніе объ устройствѣ конвоя зафрахтованныхъ судовъ, назначеніи на оныя отрядовъ съ командирами, сигналовъ, и вообще на счетъ принятія всѣхъ тѣхъ мѣръ, какія изволите признать нужными для удобства амбаркированія и размѣщенія войскъ на суда. 5) Генералъ-маіора Залѣсскаго, съ нѣкоторыми расторопными офицерами морской артилеріи, отправить на флотъ въ Константинополь для содѣйствія Турецкому правительству въ оборонительныхъ мѣрахъ, кои въ сей столицѣ предприняты быть могутъ. Сверхъ того Государь Императоръ поручилъ мнѣ извѣстить ваше высокопревосходительство, что флигель - адъютантъ Казарскій высочайше назначенъ для содѣйствія графу Воронцову по предмету амбаркированія войскъ, и что ему предписано, принявъ повелѣнія отъ графа Воронцова въ Одессѣ, отправиться немедленно къ вашему высокопревосходительству для полученія могущихъ отъ васъ быть по сему предмету порученій и возвратиться съ оными въ Одессу».

Копія такого повелѣнія была послана и контръ - адмиралу Лазареву 13 Февраля 1833 года за № 147, съ предложеніемъ сообщить объ этомъ посланнику Бутеневу.

Рапортъ контръ-адмирала Лазарева начальнику главнаго морского штаба Его Импмераторскаго Величества 7 Марта 1833 года за № 244.

«Въ тотъ самый день, 28 Февраля, въ который я отправилъ донесеніе къ вашей свѣтлости, узналъ я, что три Турецкихъ корвета вытянулись на рейдъ и готовились будто бы къ отплытію въ Дарданеллы. Имѣя въ виду, согласно высочайшей волѣ, всѣми мѣрами способствовать Турецкому правительству, я почелъ неизлишнимъ предложить имъ при семъ случаѣ еще разъ содѣйствіе ввѣреннаго мнѣ отряда или части онаго. Послѣ обыкновенныхъ учтивостей и изъявленій признательности, получилъ въ отвѣтъ, что корветы останутся нѣкоторое время на рейдѣ, что послано повелѣніе въ Дарданеллы девяти судамъ тамъ находящимся тоже возвратиться въ Константинополь, и что ежели флотъ ихъ пойдетъ куда либо, то еще нескоро; а потому и предлагаемое мною пособіе на сей разъ съ благодарностью отклоняется. Я

полагаю, что главнѣйшая причина отзыва тѣхъ судовъ изъ Дарданеллъ есть болѣзнь и смертность, которыя существуютъ на нихъ въ высшей степени. До 4 сего Марта ничего особеннаго здѣсь не случилось. Въ сей день, будучи приглашенъ обще съ посланникомъ нашимъ и съ генералъ-лейтенантомъ Муравьевымъ на конференцію къ рейсъ-ефенди, мы отправились и прибыли туда около 11 часовъ дня. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, рейсъ-ефенди объявилъ отъ имени Порты, что по-славу Государя Императора нашего, который присылкою эскадры на самомъ дѣлѣ доказалъ то искренное участіе, которое Его Величество принимаетъ въ бѣдственномъ положеніи ихъ отечества, Австрія, Англія и Франція равномѣрно послали къ Мегмету-Али уполномоченныхъ чиновниковъ своихъ съ требованіями о немедленомъ прекращеніи военныхъ дѣйствій и соглашеніи его на предложенныя Отоманской Портою кондиціи; а потому, какъ Султанъ такъ и министры его, будучи совершенно увѣрены, что Мегметъ-Али не осмѣлится упорствовать противу четырехъ великихъ державъ, полагаютъ дѣло поконченнымъ и просятъ, чтобы Россійская эскадра, согласно прежняго предложенія, при первомъ южномъ вѣтрѣ, удалилась въ Сизополь. Но сколь было удивленіе его, когда посланникъ объявилъ ему лишь за день передъ симъ полученное извѣстіе, что требованныя Портою войска приказано въ Одессѣ посадить на суда и немедленно отправить въ Константинополь, которыхъ ожидать должно со дня на день. Къ сему я прибавилъ, что послѣ таковыхъ извѣстій эскадра мнѣ ввѣренная удалиться отсюда не можетъ: ибо по прибытіи войскъ къ Босфору она должна будетъ находиться при нихъ неразлучно до тѣхъ поръ, покуда не получится дальнѣйшихъ повелѣній о возвращеніи ихъ въ Россію, на которой они и отправятся. Рейсъ-ефенди въ смущеніи отозвался, что самъ собою онъ ничего на сіе сказать не можетъ, но по внимательномъ разсужденіи въ имѣющемъ состояться для сего совѣтѣ онъ о мнѣніи онаго увѣдомитъ насъ. Не получивъ еще никакихъ отъ рейсъ-ефенди по сему предмету извѣстій, я, пользуясь отправляющимся сего числа курьеромъ, имѣю честь донести вашей свѣтлости о томъ, что̀ сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ».

Рапортъ контръ-адмирала Лазарева князю Меншикову отъ 20 Марта 1833 года за № 42. «Дѣла Турецко-египетскія, клонившіяся, какъ казалось, къ примиренію, вдругъ приняли совершенно противный тому видъ. Французская шкуна «Месанжъ», отправленная посломъ оной же націи къ Мегмету-Али съ адъютантомъ его Оливье, возвратилась обратно въ Константинополь 11 сего Марта, послѣ восьмидневнаго перехода. Египетскій паша отвергнулъ всѣ требованія Отоманской Порты, какъ и Французскаго посла, и рѣшился искать беззаконныхъ правъ своихъ силою оружія, что̀ съ большею подробностью усмотрѣть изволите изъ прилагаемой копіи съ письма Тосканскаго въ Александріи консула Россета къ генералъ-лейтенанту Муравьеву. На вопросъ посланника нашего въ бывшей конференціи съ рейсъ-ефенди и сераскиромъ 13 числа, нужны ли имъ войска приготовленныя въ Одессѣ, они отвѣчали не ранѣе пяти дней, что нужны и просили при-

сылки ихъ возможно скорѣе. Копію съ отвѣта ихъ въ переводѣ на Французскій языкъ при семъ прилагаю. Между тѣмъ 16 числа Порта отправила депутацію къ Французскому послу съ убѣдительной просьбой, чтобы онъ отправилъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ, вмѣстѣ съ посылаемымъ отъ оной курьеромъ, къ Ибрагиму-пашѣ для объявленія ему, что Султанъ соглашается на уступленіе всѣхъ шести пашалыковъ въ Сиріи, и проситъ, чтобы онъ на такое уступленіе согласился и вывелъ войска изъ Анатоліи. Хотя Мегметъ-Али и поручилъ Ибрагиму-пашѣ имѣть по предмету сему соглашеніе съ Портой прямо отъ себя, но такъ какъ Магметъ-Али, включая всю Сирію, требовалъ и часть Караманіи до Анады, то я не полагаю, чтобы Ибрагимъ-паша на такія условія согласился. На вопросъ нашего посланника, какія мѣры они принимаютъ къ защитѣ Дарданеллъ, такъ какъ извѣстно, что Ибрагимъ-паша, по покореніи Бруссы, имѣетъ повелѣніе идти къ Дарданелламъ, сераскиръ отвѣчалъ, что тамъ войска довольно, но въ вѣрности ихъ сомнѣвается и по появленіи Египетскихъ войскъ они сдадутъ Азіатскія крѣпости безъ боя. Не взирая однакожъ на такое опасеніе касательно уничтоженія орудій на Азіатскомъ берегу, они ничего не предпринимаютъ, а напротивъ того стараются еще всякій разговоръ по сему предмету отклонить. Когда спросили ихъ, на какой предметъ просятъ они наши войска, они отвѣчали, что для охраненія спокойствія въ столицѣ; а вслѣдъ за симъ соглашались, что при появленіи Ибрагимовыхъ войскъ неминуемо будетъ всеобщее возмущеніе въ Константинополѣ. Тогда нашъ посланникъ, видя неосновательныя и малообдуманныя ихъ сужденія, объявилъ, что такъ какъ они не желаютъ, чтобы наши войска заняли Дарданеллы, а напротивъ того отклоняютъ такое предложеніе, то ежели ожидаемое возмущеніе въ Константинополѣ случится и Египетскія войска, занявъ Дарданеллы, приблизятся къ столицѣ, то мы должны будемъ, не ожидая позволенія ихъ, занять Босфоръ, какъ для безопасности нашей эскадры и собственно Султана, если бы онъ обратился подъ защиту нашу, такъ равно и для свободнаго сообщенія нашего съ Чернымъ моремъ. Когда же коснулись до мѣръ, которыя они предпринимаютъ для безопасности Султана, то они отвѣчали, что ежели Египетскія войска придутъ въ Константинополь, о защитѣ котораго они болѣе не думаютъ, тогда Султанъ, подъ прикрытіемъ своей гвардіи, около восьми тысячъ человѣкъ составляющей, которую онъ держитъ при себѣ, намѣренъ удалиться въ Адріанополь, гдѣ будетъ ожидать той помощи, которую угодно будетъ назначить Государю Императору, надѣясь, что корпусъ генерала Киселева будетъ достаточенъ, чтобы вытѣснить Египтянъ изъ Константинополя, возстановить правленіе и возвратить Султану престолъ. Сего числа утромъ я отправилъ корветъ «Сизополь» съ депешами отъ посланника нашего къ графу Воронцову, въ коихъ заключаются требованія десантныхъ войскъ, съ нѣкотораго времени находящихся въ готовности и по сіе время ожидавшихъ только рѣшительнаго отвѣта Порты, которая въ продолженіе мѣсяца времени измѣняла требованія свои шесть разъ. Въ заключеніе сего донесенія, имѣю честь просить вашу свѣтлость предписать присоединить къ эскадрѣ нашей два паро-

хода, которые, при занятіи нами Босфора, будутъ крайне необходимы: ибо при безпрестанномъ въ проливѣ теченіи и почти стольже постоянномъ вѣтрѣ отъ норда, эскадра, находясь иногда подъ вѣтромъ нѣкоторыхъ изъ закрытыхъ крѣпостей, не въ состояніи будетъ подавать войскамъ нашимъ той помощи, которую бы слѣдовало, особенно если понадобится свезти оныя или подкрѣпить другими; равномѣрно и при высадкѣ войскъ пароходы будутъ столь же необходимы, ибо въ такомъ случаѣ можно будетъ сажать на оныя по триста человѣкъ и болѣе на каждый».

Предписаніе лейтенанту Путятину 31 Марта 1833 года за № 320. «Назначивъ фрегатъ «Эривань» для отвоза въ Дарданеллы полковника Дюгамеля, съ нѣкоторыми инженерными офицерами, для осмотра тамошнихъ крѣпостей и окрестностей, пользуясь случаемъ и желая получить болѣе подробныя свѣдѣнія о Дарданелльскомъ проливѣ и укрѣпленіяхъ онаго, нежели каковыя доселѣ мы имѣли, поручаю вамъ, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Корниловымъ, котораго для облегченія дѣйствій вашихъ назначаю вамъ въ помощь, прибывъ на фрегатѣ въ Галлиполи, приступить къ подробному осмотру вышесказаннаго пролива, стараясь по возможности исправить бывшую доселѣ карту Дарданеллъ, обозначивъ на оной всѣ укрѣпленія, какъ на Азіатскомъ берегу, такъ и на Европейскомъ, опредѣлить число орудій и калибръ оныхъ, обратить вниманіе на состояніе артилерійской прислуги и степень обученія оной».

Рапортъ контръ-адмирала Лазарева князю Меншикову 1 Апрѣля 1833 года № 327. «Второй отрядъ эскадры Черноморкаго флота, подъ начальствомъ контръ-адмирала Кумани, состоящій изъ кораблей «Императрица Марія» (флагманскій) командиръ капитанъ 1 ранга Папакристо, «Адріанополь» командиръ капитанъ 1 ранга Костеничъ, «Парменъ», командиръ капитанъ 1 ранга Антипа, фрегата «Тенедосъ» командиръ капитанъ 2 ранга Тугариновъ; транспортовъ «Китъ», командиръ капитанъ-лейтенантъ Деливронъ, «Ланжеронъ» командиръ капитанъ-лейтенантъ Пулакасъ и «Александръ» командиръ лейтенантъ Аркуловъ, и шести зафрахтованныхъ судовъ, съ десантными войсками третьей бригады 26 пѣхотной дивизіи, третьей легкой роты 26 артилерійской бригады, двухъ ротъ шестого сапернаго батальона, инвалидной № 81 роты и части Донского 41 полка, прибылъ на Буюкдерскій рейдъ. По приходѣ сего отряда, тотчасъ приступлено было къ высадкѣ онаго на Азіатскій берегъ въ Хункіаръ-Искелесси, противъ мѣста Терапіи на Европейской сторонѣ, гдѣ имѣютъ пребываніе посланники Англійскій и Французскій. По высадкѣ войскъ, они расположены лагеремъ. Изъ числа восьми зафрахтованныхъ судовъ, два, одно съ 26 казаками и лошадьми, а другое съ частью егерей и деньгами означенной бригады принадлежащими, отстали въ Черномъ морѣ. По приходѣ эскадры дувшіе съ необыкновенной жестокостью вѣтры, при мрачной съ дождемъ погодѣ, неизвѣстность отставшихъ судовъ, побудили меня отправить бригъ «Пегасъ» для отыскиванія ихъ. Но какъ и по

сіе время никакихъ извѣстій объ оныхъ не получено, хотя вѣтеръ въ теченіе уже двухъ дней продолжаетъ дуть умѣренный, при весьма хорошей погодѣ, и многія купеческія суда прибыли изъ Одессы, то я не могу сомнѣваться въ безопасности ихъ. Бригъ «Пегасъ», коему предписано осмотрѣть Румелійскій и Анатолійскій берега, тоже еще не возвращался. Генералъ - лейтенантъ Муравьевъ, пользуясь пріязнью Турецкаго правительства, отправляетъ генеральнаго штаба полковника Дюгамеля и инженеръ-подполковника Брюно въ Дарданеллы, для обозрѣнія находящихся тамъ крѣпостей, для чего назначенный мною фрегатъ «Ериванъ» сего числа туда отправился, который и высадитъ означенныхъ чиновъ въ Галлиполи, а по окончаніи ими порученій доставитъ обратно. На семъ же фрегатѣ отправилъ я лейтенантовъ Путятина и Корнилова, какъ для полученія болѣе подробныхъ свѣдѣній о лучшихъ якорныхъ мѣстахъ, отмеляхъ и теченіи въ Дарданелльскомъ проливѣ существующихъ, такъ равно и для исправленія бывшей доселѣ карты сего пролива, предписавъ имъ обозначить на оной всѣ укрѣпленія Азіатскаго и Европейскаго береговъ, число орудій, направленіе и калиберъ оныхъ, и наконецъ обратить вниманіе на тѣ средства, которыя Турки имѣютъ для береговой защиты ихъ укрѣпленій, въ случаѣ если бы Египетскія войска рѣшились атаковать оныя».

Рапортъ контръ-адмирала Лазарева князю Меншикову 2 Апрѣля 1833 года. «Прилагая при семъ дубликатъ посланнаго вчерашняго числа донесенія вашей свѣтлости, присовокупилъ къ оному, что третьяго дня была конференція Французскаго посла съ рейсъ-ефенди, а вчера нашего посланника д. с. с. Бутенева, по случаю пріѣзда курьера съ депешами отъ Турецкаго чиновника Амеджи и отъ Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Варелли, посланныхъ къ Ибрагиму-пашѣ съ мирными предложеніями. Въ полученныхъ депешахъ заключается, что Ибрагимъ-паша, признавая себя подданнымъ Султана, но дѣйствуя лишь по волѣ своего отца Мегметъ-Али, соглашается прекратить военныя дѣйствія и очистить занятыя имъ мѣста, по проситъ уступки всей Сиріи и пашалыка Аданскаго въ Анатоліи; тѣмъ болѣе настаиваетъ онъ удержать сей пашалыкъ, что въ ономъ заготовлено большое количество корабельнаго лѣсу для Египетскаго флота. Турецкое правительство, соглашаясь уступить Сирію всю Анатолію намѣрено удержать за собою и съ сими условіями посылаетъ вновь курьера къ Ибрагиму-пашѣ. Не смотря на всѣ происки Французскаго посла, нельзя не замѣтить, сколь сильно дѣйствуетъ въ пользу Порты, при мирныхъ ея переговорахъ съ Ибрагимомъ-пашею, присутствіе войска нашего, расположеннаго на Азіатскомъ берегу, и грозный видъ Россіскаго флота въ Босфорѣ; болѣе же всего рѣшительное вліяніе объявленія посланникомъ нашимъ воли Государя Императора, что доколѣ Египетскія войска не очистятъ Анатолію, до тѣхъ поръ, какъ Россійскія войска, такъ и флотъ, не оставятъ Босфора. Турецкое правительство, впрочемъ, надѣется, что Ибрагимъ-паша на сіи послѣднія предложенія согласится. Сего числа возвратился бригъ «Пегасъ», посланный для отыскиванія двухъ зафрахтованныхъ судовъ №№ 3 и 7, о коихъ доносилъ вашей

свѣтлости вчерашняго числа. Командиръ онаго донесъ, что нашелъ оныя въ Сизополѣ, гдѣ какъ бригъ, такъ и суда тѣ отстаивались въ продолженіи крѣпкаго NO вѣтра до 30 числа прошлаго мѣсяца. Суда сіи показались уже въ виду; а какъ одно изъ нихъ имѣетъ сильную, течь, то я послалъ для буксировки пароходъ «Метеоръ».

Рапортъ контръ-адмирала Лазарева князю Меншикову 12 Апрѣля 1833 года № 388. «Имѣю честь донести вашей свѣтлости, что вчерашняго числа прибылъ въ Буюкдере третій отрядъ Черноморскаго флота, подъ командой контръ-адмирала Стожевскаго, состоитъ изъ слѣдующихъ судовъ: корабль «Парижъ» флагманскій, командиръ капитанъ 1 ранга Польскій, корабль «Пименъ» командиръ капитанъ 2 ранга Шостенко, корабль «Іоаннъ Златоустъ» командиръ капитанъ 2 ранга Ушаковъ, два бомбардирскихъ судна—«Успѣхъ» командиръ капитанъ-лейтенантъ Кропотовъ и «Подобный» командиръ лейтенантъ Бѣллынъ-Колосовскій, транспортъ «Редутъ-Кале» командиръ лейтенантъ Ахраменко, и одиннадцать зафрахтованныхъ комерческихъ судовъ, со 2-й бригадой 26 пѣхотной дивизіи, состоящій изъ Люблинскаго и Замосткаго полковъ и легкой № 2 роты 26 артилерійской бригады. Тотчасъ приступлено было къ высадкѣ ихъ на Азіатскій берегъ, согласно желанію генералъ-лейтенанта Муравьева. Сего числа надѣюсь, что всѣ войска будутъ высажены, а завтра и тяжести имъ принадлежащія. Такъ какъ для трехмѣсячнаго продовольствія всѣхъ войскъ часть провіанта привезена съ симъ же отрядомъ, а остальная будетъ доставлена въ скоромъ времени, то не имѣя ни одного при высаженномъ десантѣ, я рѣшился оставить здѣсь транспортъ «Редутъ-Кале», чтобъ помѣстить наономъ какъ трехъ-мѣсячный вышесказанный провіантъ, такъ равно госпитальные матеріалы и другія вещи, имъ принадлежащія, которыя генералъ-лейтенантъ Муравьевъ находитъ неудобнымъ выгружать на берегъ, на случай если войска, подъ его начальствомъ находящіяся, привуждены будутъ перемѣнить свое положеніе и идти туда, куда обстоятельства потребуютъ. Но какъ одного транспорта будетъ для сего недостаточно, то я просилъ главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ о присылкѣ еще таковыхъ; ибо десанту безъ нѣсколькихъ транспортовъ обойтись невозможно, тѣмъ болѣе, что съ движеніемъ войскъ и суда сіи, имѣющія трехмѣсячное для нихъ продовольствіе и снаряды, должны слѣдовать отъ одного мѣста къ другому согласно назначенію. 10 числа сего мѣсяца прибылъ отъ Ибрагима-паши татаринъ съ извѣстіемъ и увѣдомленіемъ Порты, что онъ не соглашается на уступку пашалыка Аданскаго, а непремѣнно требуетъ его въ вѣдѣніе отца своего паши Египетскаго. Вчерашняго числа происходило по сему случаю совѣщаніе у рейсъ-ефенди, и съ общаго согласія положено еще разъ послать Ибрагиму-пашѣ и просить его о присылкѣ въ Константинополь чиновника, пользующагося полнымъ его довѣріемъ, съ которымъ они могли бы заключить окончательное условіе, надѣясь склонить его въ свою пользу и черезъ то удержать пашалыкъ Аданскій, какъ непремѣнно составляющій часть Анатоліи; въ случаѣ же несогласія Ибрагима-паши, кажется, что какъ Султанъ, такъ и его

министры рѣшатся противодѣйствовать силою оружія и въ такомъ случаѣ намѣрены прибѣгнуть къ великодушно обѣщанной Государемъ Императоромъ помощи, состоящей въ корпусѣ генералъ-адъютанта Киселева, и дѣйствовать наступательно противъ морскихъ силъ Египетскаго паши, флотъ коего находится въ Александріи, который хотя еще не вышелъ, но можетъ прибыть въ Смирну, вслѣдъ за занятіемъ оной Ибрагимомъ-пашею, войска котораго находятся въ весьма недалекомъ отъ нея разстояніи. Встрѣча наша съ Египетскимъ флотомъ, или далѣе блокада онаго въ Александріи, могла бы быть, при теперешнихъ обстоятельствахъ, весьма полезна Турецкому правительству».

Копія съ отношенія военнаго министра къ генералъ-лейтенанту Муравьеву, отъ 31 Марта 1833 года за № 511.

«Рапортъ вашего превосходительства отъ 12 сего Марта за № 11 о безуспѣшномъ посредничествѣ Франціи въ возстановленіи мира между Портою и Египетскимъ пашею, о чрезмѣрности и настоятельности требованій сего послѣдняго и предвидимаго вслѣдствіе того возобновленія военныхъ дѣйствій, имѣлъ я счастіе доводить до высочайшаго свѣдѣнія. Его Императорское Величество, прочитавъ рапортъ сей вмѣстѣ съ депешами д. с. с. Бутенева, въ одно время отправленными и подтверждающими въ полной мѣрѣ достовѣрность вышеизложенныхъ извѣстій, высочайше повелѣть соизволилъ вновь удостовѣрить Порту черезъ Бутенева, въ неизмѣнности намѣреній Его Величества оказать ей во всякомъ случаѣ обѣщанную помощь, употребивъ къ тому способы соразмѣрно обстоятельствамъ. Между тѣмъ, имѣя въ виду настоящее неблагонадежное расположеніе войскъ Турецкихъ и обывателей Константинополя, могущихъ возстать противъ Султана, и соображая вѣроятныя предпріятія арміи Египетской, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, съ тою помощью, какая къ оной черезъ Дарданеллы отъ Магмета-Али по всей вѣроятности направлена будетъ, Государь Императоръ изволитъ находить весьма важнымъ обезпечить всѣми возможными способами съ одной стороны безопасное пребываніе флота нашего въ Константинопольскомъ проливѣ, а съ другой свободное во всякомъ случаѣ сообщеніе онаго съ Чернымъ моремъ. На сей конецъ Его Величество признавать изволитъ необходимымъ занять войсками нашими два твердые укрѣпленные пункта въ Константинопольскомъ проливѣ, защищающихъ съ Европейской и Азіатской сторонъ входъ изъ онаго въ Черное море. Г. Бутеневу поручено объявить Портѣ о семъ требованіи самымъ положительнымъ настояніемъ объ исполненіи онаго, и Его Величество соизволяетъ, дабы ваше превосходительство и съ своей стороны содѣйствовали Бутеневу въ семъ случаѣ всѣми способами отъ васъ зависящими, убѣдивъ Турецкихъ сановниковъ въ необходимости и особенной пользѣ сей мѣры, какъ для обезпеченія нашего флота, такъ собственно для самой Порты: ибо пункты сіи, бывъ охранены въ рукахъ нашихъ, могутъ весьма сильно содѣйствовать къ удержанію обывателей Константинополя въ должномъ повиновеніи законному правительству. Государь Императоръ полагать

впрочемъ изволитъ, что Порта, съ увеличенiемъ угрожающей ей опасности, не встрѣтитъ затрудненiй въ исполненiи сего требованiя, а посему Его Величество вамъ предоставляетъ опредѣлить, по вашему усмотрѣнiю, тѣ пункты, какiе именно заняты быть должны, т. е. соотвѣтствующiе вышеизложенной главной цѣли, имѣя притомъ въ виду, чтобы пункты сiи не были командуемы близъ-лежащими высотами, и чтобы возможно было привести оные въ оборонительное положенiе со всѣхъ сторонъ, коль скоро пункты сiи рѣшительно избраны будутъ. Его Величество полагать изволитъ занять каждый изъ нихъ гарнизономъ отъ десантнаго отряда въ тысячу человѣкъ и тотчасъ приступить къ приведенiю оныхъ въ оборонительное положенiе, дабы замки сiи могли выдержать приступъ. Для успѣшнаго производства крѣпостныхъ работъ имѣются достаточные способы: при отрядѣ войскъ нашихъ состоятъ три инженерныхъ и одна саперная рота, съ запасомъ шанцеваго инструмента. Сверхъ того Его Величество высочайше повелѣть соизволилъ отправить нынѣ же изъ Одессы къ десантному отряду одну военно-рабочую роту и двухъ инженерныхъ офицеровъ, которыхъ вы употребите къ производству работъ. Что принадлежитъ до вооруженiя сихъ пунктовъ, то Его Величество полагать изволитъ, что оно можетъ быть приведено въ дѣйствiе Турецкими орудiями на мѣстѣ находящимися, и что Турецкое правительство не откажется доставить и дополнительное число оныхъ. Но если бы Порта оказалась въ невозможности содѣйствовать сему вооруженiю по какимъ-либо обстоятельствамъ, то ваше превосходительство уполномочиваетесь требовать высылки нужнаго числа орудiй, съ лафетами, принадлежностями и снарядами, изъ Севастополя, отъ находящагося тамъ командира южнаго артиллерiйскаго округа, генералъ-маiора Бракера, коему предписано удовлетворить безотлагательно по вашему требованiю. Для прислуги къ крѣпостной артилерiи въ занимаемыхъ замкахъ Государь Императоръ изволилъ назначить особую роту гарнизонной артилерiи, дабы не отвлекать къ сей обязанности полевыхъ артилеристовъ. Рота сiя будетъ отправлена генералъ-адъютантомъ графомъ Воронцовымъ вмѣстѣ съ военно-рабочей ротой. Между тѣмъ, какъ со стороны вашей будутъ приводимы въ исполненiе сiи распоряженiя, генералъ-адъютантъ Киселевъ, или выступилъ уже съ ввѣреннымъ ему корпусомъ, если о томъ получилъ требованiе посланника нашего, или выступитъ по первому его извѣщенiю, вслѣдствiе даннаго Бутеневу повелѣнiя потребовать перехода войскъ нашихъ за Дунай при первомъ движенiи Ибрагима-паши къ Дарданелламъ. Въ семъ случаѣ генералъ-адъютанту Киселеву предписано слѣдовать къ Дарданелламъ, занять укрѣпленные на оныхъ замки на Европейскомъ и Азiатскомъ берегахъ и учредить такимъ образомъ твердое охраненiе сего пролива. Для совершенiя сего предпрiятiя необходимо содѣйствiе флота нашего, а посему достаточная часть онаго, по соображенiю вашему съ контръ-адмираломъ Лазаревымъ, должна быть направлена къ Дарданелламъ, ко времени прихода къ онымъ генералъ-адъютанта Киселева, и оставаться тамъ въ его распоряженiи. Во исполненiе сего вашему превосходительству надлежитъ быть въ непосредственныхъ сношенiяхъ съ

Киселевымъ. Что же касается контръ-адмирала Лазарева, то онъ о высочайшей вышеизложенной волѣ будетъ увѣдомленъ своимъ начальствомъ. Между тѣмъ, для усиленія обороны Константинопольскаго пролива, часть флота нашего, если не весь онъ, нужна будетъ для перевозки войскъ сухопутныхъ къ Сизополю. Во всякомъ случаѣ флотъ долженъ всѣми способами содѣйствовать къ оборонѣ и охраненію устья пролива, и ваше превосходительство, оставаясь посредствомъ судовъ онаго въ непрерывныхъ съ замками сношеніяхъ, не оставите оказывать имъ всю зависящую отъ васъ помощь».

Рапортъ вице-адмирала Лазарева князю Меншикову отъ 23 Апрѣля 1833 года. «Генералъ-лейтенантъ Муравьевъ сообщилъ мнѣ полученныя имъ 16 числа сего мѣсяца отъ графа Чернышова наставленія о дѣйствіяхъ сухопутныхъ войскъ при помощи флота, а равно и о удержаніи Босфорскихъ замковъ, лежащихъ въ узкомъ мѣстѣ сего пролива, на случай могущихъ случиться переворотовъ въ Константинополѣ, или непріязненныхъ противу него дѣйствій. Всѣ крѣпости, какъ въ Босфорѣ, такъ и въ Дарданеллахъ устроенныя, командуемы высотами сзади ихъ лежащими, которыя, въ такомъ случаѣ, должны быть заняты нашими войсками въ значительномъ числѣ, что̀ безъ всякого сомнѣнія разстроитъ ту важную цѣль, для которой силы наши собраны вмѣстѣ на Азіатскомъ берегу, а именно для отраженія Ибрагима-паши, въ случаѣ что онъ предприметъ наступательное движеніе, и я не мало не сомнѣваюсь, что первая встрѣча войскъ нашихъ съ Египетскими докажетъ Ибрагиму, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и послужитъ къ ободренію Турецкихъ войскъ, которыя духомъ совершенно упали. Удобнѣйшія укрѣпленія для занятія войсками, дабы чрезъ то воспрепятствовать непріятельскому флоту пройти въ Черное море, суть, по моему мнѣнію Ангали-Кавакъ и Румели-Кавакъ, ибо находятся въ самой узкой части пролива и имѣютъ большее число противъ другихъ орудій, многія изъ которыхъ расположены такъ, что бьютъ вдоль пролива; но лафеты ихъ вообще находятся въ дурномъ состояніи. Я полагаю, что если орудія въ двухъ означенныхъ крѣпостяхъ будутъ приведены въ должное устройство и дѣйствовать оными будутъ знающіе артилеристы, то, при пособіи эскадры нашей, никакой флотъ пройти днемъ въ Черное море не будетъ въ состояніи, тѣмъ долѣе, что онъ долженъ идти противъ значительнаго теченія и встрѣчать выстрѣлы съ крѣпостей и съ эскадры многимъ ранѣе, нежели въ состояніи будетъ отвѣчать на оныя, и наконецъ, если нѣкоторые изъ кораблей его и прорвались бы, то вѣроятно не безъ важныхъ поврежденій, которыхъ исправить въ Черномъ морѣ они не нашли бы средствъ. Въ темную же ночь, при свѣжемъ попутномъ вѣтрѣ, такой прорывъ флота въ Черное море можетъ быть произведенъ съ довольной безопасностью, тѣмъ болѣе, что отъ самаго Буюкдере до выхода въ Черное море проливъ совершенно чистъ, а съ успѣхомъ стрѣлять по оному въ ночное время весьма трудно. Войска наши, при теперешнемъ положеніи, занимаютъ на Азіатскомъ берегу высоты позади крѣпостей и даже гору Великановъ, съ коей они во всякое время могутъ

спуститься и занять оныя безъ всякаго затрудненія. Когда о семъ предложено было сераскиру нѣсколько времени тому назадъ, то онъ отвѣчалъ, что ежели дойдетъ до того, что приближеніе Ибрагима-паши сдѣлаетъ общее возмущеніе въ Константинополѣ, тогда для собственной безопасности вы въ правѣ принимать такія мѣры, какія найдете болѣе для себя выгодными и занять тѣ крѣпости, которыя вамъ будетъ удобно. Къ сему ежели присовокупить, что Французскій посолъ въ объясненіяхъ своихъ съ посланникомъ нашимъ 14 числа объявилъ, что Французское правительство, убѣдясь въ чистотѣ тѣхъ намѣреній, съ коими Государь Императоръ оказываетъ помощь Султану, рѣшилось принять съ своей стороны самыя дѣятельныя мѣры къ принужденію Мегмета-Али согласиться на предложенія Порты, довольствуясь шестью пашалыками Сиріи, не касаясь пашалыка Аданскаго, что на сей конецъ прибыла уже Французская эскадра въ Смирну, которая будетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ можетъ сдѣлать болѣе вліянія на упорство Мегмета-Али; а ежели окажется нужнымъ, то отправится и къ Александріи: въ виду этого, занятіе теперь войсками нашими двухъ крѣпостей оказывается не столь необходимымъ, какъ оно было прежде; ибо Ибрагимъ-паша, при теперешнихъ обстоятельствахъ, зная, что онъ встрѣтитъ десять тысячъ войскъ нашихъ, начать наступательныя дѣйствія не осмѣлится; притомъ, всякій секурсъ ему изъ Египта, который доставлялся моремъ, чрезъ дѣйствіе Французской эскадры прекратится. Дня три тому назадъ адмиралъ Руссель требовалъ отъ Порты татарина для отправленія къ Ибрагиму-пашѣ и, сколько извѣстно, посланный сей долженъ доставить настоятельныя требованія Французскаго правительства о немедленномъ очищеніи Анатоліи и пашалыка Аданскаго; въ противномъ случаѣ эскадра имѣетъ повелѣніе приступить къ непріязненнымъ противъ Египетскихъ войскъ дѣйствіямъ. Эскадра сія состоитъ изъ пяти кораблей, пяти фрегатовъ и двухъ малыхъ судовъ. 19 числа возвратился посланный къ Ибрагиму-пашѣ отъ Порты чиновникъ; но привезенныя имъ извѣстія не совсѣмъ удовлетворительны. Ибрагимъ-паша на присылку довѣренной особы въ Константинополь для заключенія окончательныхъ условій не согласился; также не согласился и на очищеніе Аданскаго пашалыка, отзываясь, что онъ не въ правѣ это сдѣлать, ибо это было бы противно приказаніямъ его отца, а предлагаетъ Портѣ имѣть сношеніе съ симъ послѣднимъ. Между тѣмъ дошли сюда слухи, заслуживающіе нѣкотораго вѣроятія, что по приказанію Ибрагима вырублено въ семъ пашалыкѣ огромное количество лѣсу годнаго для кораблестроенія, а также онъ собралъ весь шелкъ и опіумъ; но успѣли ли все сіе отправить въ Александрію, неизвѣстно. Что касается до дѣйствія флотомъ нашимъ при занятіи Дарданеллъ корпусомъ генералъ-адъютанта Киселева, то коль скоро востребуется къ тому надобность, тогда будетъ отъ меня приступлено, и я имѣю честь увѣрить вашу свѣтлость, что, по силѣ моихъ способностей, я не упущу ни одного случая, чтобы эскадра мнѣ ввѣренная не содѣйствовала войскамъ нашимъ вездѣ, гдѣ только употребить оную возможно. Но при семъ случаѣ не могу не довести до свѣдѣнія вашей свѣтлости о необыкновенной беззаботливости оберъ-интендапта Чер-

номорскаго флота, который отправилъ всѣ три отряда съ весьма недостаточнымъ количествомъ провизій, а съ того времени прислалъ только самую незначительную часть оной и довелъ до того, что провизій на эскадрѣ находится нѣкоторыхъ сортовъ не болѣе, какъ на одинъ мѣсяцъ, а другихъ и гораздо менѣе, считая въ томъ числѣ до 7128 пудовъ сухарей, полученныхъ отъ Турецкаго правительства, и купленные ромъ, уксусъ и соль. Я упоминаю о семъ потому болѣе, что ёжели Государю угодно будетъ повелѣть эскадрѣ отправиться въ Александрію, или по другому какому-либо назначенію, то недостатокъ въ провизіяхъ можетъ въ дѣйствіяхъ ее затруднить. Въ заключеніе имѣю честь увѣдомить вашу свѣтлость, что 15 сего мѣсяца Султанъ, съ двумя пашами, по предварительному объявленію желанія своего, сдѣлалъ смотръ войскамъ нашимъ, расположеннымъ на Азіатскомъ берегу, къ коимъ я присоединилъ еще тысячу матросовъ. По осмотрѣ всѣхъ войскъ, съ коими онъ здоровался по-русски, выговаривая «здорово, ребята», всѣ проходили мимо его церемоніальнымъ маршемъ два раза, повзводно и колоннами и, не взирая на то, что уже три мѣсяца ноги матросовъ не были не берегу, выключая однихъ саперовъ и гренадерскую роту, они оказались и лучше выправленными, и маршировали лучше прочихъ; въ особенности преимущество это было замѣтно противъ батальона Турецкой гвардіи, который шелъ впереди насъ».

Высочайшее повелѣніе 8 Апрѣля 1833 года на имя начальника главнаго морского штаба. «Назначивъ генералъ-адъютанта графа Орлова чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь и ввѣривъ ему главное распоряженіе всѣми сухопутными и морскими силами, назначенными мною въ помощь Отоманской Портѣ, повелѣваю вамъ, вслѣдствіе сего, сдѣлать нижеслѣдующія распоряженія: 1. Начальствующему отрядомъ военныхъ судовъ въ Константинопольскомъ проливѣ вице-адмиралу Лазареву предписать находиться въ полномъ распоряженіи и зависимости генералъ-адъютанта графа Орлова. 2. Сему генералу присвоивается право, на гротъ-брамъ-стенгѣ того военнаго судна, на которомъ онъ будетъ имѣть пребываніе и на носу гребного судна, на которомъ онъ можетъ находиться, поднимать предназначенный для чрезвычайныхъ Россійскихъ пословъ флагъ, о которомъ вы имѣете словесное мое повелѣніе. 3. Графу Орлову, при отдаваніи воинскихъ почестей судами и караулами, салютовать 17 выстрѣлами и бить походъ». Въ свитѣ графа Орлова, кромѣ чиновъ военнаго вѣдомства, состояли: флигель-адъютантъ фонъ Моллеръ и адъютантъ начальника главнаго морского штаба Его Императорскаго Величества лейтенантъ Васильевъ.

Рапортъ вице-адмирала Лазарева князю Меншикову 29 Апрѣля 1833 года № 84. «Послѣ донесенія моего вашей свѣтлости отъ 23 числа сего мѣсяца, имѣю честь увѣдомить, что того же числа прибылъ въ Босфоръ въ качествѣ чрезвычайнаго посла генералъ-адъютантъ графъ Орловъ. Его сіятельству угодно было назначить смотръ флоту 27 числа, въ день, въ который онъ имѣлъ аудіенцію у Султана. Воз-

вращаясь изъ Константинополя на пароходѣ «Громоносецъ» около трехъ часовъ пополудни, въ разстояніи не болѣе версты отъ эскадры, былъ поднятъ на гротъ-брамъ-стенгѣ парохода высочайше утвержденный для чрезвычайныхъ пословъ флагъ, коему въ тоже время, по постановленіи людей по реямъ, было салютовано со всѣхъ судовъ по 17 выстрѣловъ, на который съ парохода было отвѣтствовано 9 выстрѣлами. Когда графъ Орловъ, оставивъ пароходъ, сталъ приближаться къ эскадрѣ на катерѣ подъ тѣмъ же флагомъ, то я встрѣтилъ его съ рапортомъ и приглашенъ былъ его сіятельствомъ на его катеръ, послѣ чего объѣзжали всѣ суда эскадры. По приближеніи къ каждому изъ судовъ графъ здоровался съ людьми и объявлялъ, что Государь Императоръ на усердіе ихъ совершенно надѣется, на что они отвѣчали крикомъ ура! По осмотрѣ всѣхъ судовъ, графъ прибылъ ко мнѣ на корабль и благодарилъ за порядокъ и устройство, въ которомъ онъ нашелъ ввѣренную мнѣ эскадру и согласно высочайшаго разрѣшенія приказалъ выдать всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ на смотру, по одному рублю. Дѣла Египетскія, какъ кажется, клонятся къ совершенному окончанію. Мирныя условія подписаны, и Ибрагимъ-паша, по самымъ послѣднимъ извѣстіямъ, началъ уже отступленіе. Прилагаю при семъ письмо ко мнѣ Датскаго въ Смирнѣ консула Де-Юнга. Я надѣюсь, что ваша свѣтлость найдете оное довольно любопытнымъ, какъ въ отношеніи Французскихъ судовъ, прибывшихъ въ Смирну, такъ равно и разныхъ слуховъ, распускаемыхъ Французами, касательно соединенія съ ними Англійской эскадры для дѣйствія противъ насъ».

Рапортъ вице-адмирала Лазарева князю Меншикову 10 Мая 1833 года № 557. «По Французской шкунѣ «Месанжъ», входившей въ Дарданеллы изъ Архипелага 3 Мая съ депешами къ Французскому послу, было сдѣлано три выстрѣла съ ядрами изъ крѣпости. Шкуна немедленно стала на якорь. и командиръ оной послалъ гребное судно на ближайшій берегъ, гдѣ, узнавъ, будто бы, что крѣпости заняты Русскими войсками, онъ не рѣшился отправить офицера въ крѣпость, опасаясь, что съ нимъ поступятъ непріязненно, а послалъ донесеніе своему послу берегомъ. Неосновательность показанія командира Французской шкуны, касательно занятія Дарданеллъ Русскими, скоро объяснилась; но не менѣе того Французскій посолъ требовалъ отъ Порты удовлетворенія за причиненное флагу оскорбленіе, тѣмъ болѣе, что одному изъ Французскихъ мелкихъ военныхъ судовъ входъ въ Дарданеллы былъ дозволенъ. Порта съ своей стороны послала узнать о причинѣ такой стрѣльбы и обѣщала полное удовлетвореніе. Между тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что вице-адмиралъ Руссель домогается отъ Порты дозволенія, ежели не всей Французской эскадрѣ, то хотя одному кораблю прибыть въ Константинополь, прибавя къ тому, что Англійскій посолъ намѣренъ войти съ подобнымъ предложеніемъ. Турецкое правительство отказало въ этомъ Французскому послу и тоже сдѣлаетъ съ Англійскимъ, если поступитъ заявленіе. Офицеры, посланные мною для описи Дарданеллъ, лейтенанты Путятинъ и Корниловъ, возвратились берегомъ изъ Галлиполи и занялись теперь черченіемъ набѣло какъ

картъ, такъ и плановъ крѣпостей, которые я буду имѣть честь представить вашей свѣтлости черезъ графа Орлова, согласно объявленнаго на сіе желанія его сіятельства».

Рапортъ вице-адмирала Лазарева князю Меншикову отъ 10 Іюня 1833 года за № 686.

«По послѣднимъ извѣстіямъ отъ барона Ливена, посланнаго графомъ Орловымъ для наблюденія за отступательными движеніями Египетскихъ войскъ, онъ къ 20 числу сего мѣсяца возвратится обратно и о исполненіи обязательствъ Ибрагима - паши лично доставитъ офиціальное извѣщеніе графу Орлову. По симъ причинамъ и согласно желанію его сіятельства, приступлено уже къ погрузкѣ нѣкоторыхъ тяжестей, сухопутнымъ войскамъ принадлежащихъ, на корабли, транспорты и зафрахтованныя суда, здѣсь находящіяся. При семъ имѣю честь представить два письма Де-Юнга о состояніи и движеніи Англійскихъ и Французскихъ эскадръ».

Рапортъ вице-адмирала Лазарева князю Меншикову отъ 3 Іюля 1833 года за № 846.

«По посаженіи 27 Іюня десантныхъ войскъ на флотъ, на другой день, лишъ задулъ легкій попутный вѣтеръ юго-западный, я, согласно приказанія графа Орлова, съ ввѣренной мнѣ эскадрой снялся съ якоря у Буюкдере и направился къ Черному морю; но какъ вслѣдъ за симъ вѣтеръ перешелъ на Юго-востокъ, то я съ нѣкоторыми кораблями, бывшими впереди, успѣлъ выйти въ море; а остальныя суда, по силѣ противнаго теченія, стали на якорь въ самомъ входѣ въ проливъ. Вслѣдствіе сего, зная, что въ лѣтнее время часто дуютъ въ Босфорѣ сѣверные вѣтры, я счелъ за лучшее назначить оставшимся въ проливѣ рандеву Ѳеодосію и предоставилъ контръ-адмираламъ Кумани и Стожевскому, при первомъ попутномъ вѣтрѣ оставить проливъ и соединиться со мною. Самъ же, съ кораблями «Память Евстафія», «Императрица Екатерина II», «Адріанополь», «Іоаннъ Златоустъ», съ фрегатами «Штандартъ», «Варна», «Эривань» и корветомъ «Сизополь», пустился въ назначенный мнѣ путь и, по четырехдневномъ плаваніи, 2 Іюля, благополучно бросилъ якорь на Ѳеодосійскомъ рейдѣ. Сего числа, утромъ рано, прибыли и соединились со мною корабль «Анапа», фрегатъ «Тенедосъ» и бригъ «Улисъ»; а пополудни пришли корабль «Императрица Марія» и фрегатъ «Архипелагъ». По полученному отъ нихъ свѣдѣнію всѣ остальныя суда, подъ начальствомъ контръ-адмирала Кумани, какъ и зафрахтованныя, оставили Босфоръ одновременно съ ними, а потому я ожидаю прибытія ихъ въ весьма скоромъ времени. Артилерія и часть войскъ высажены уже на берегъ; но остальныя, по недостатку въ городѣ воды, остались, согласно желанію генералъ-лейтенанта Муравьева, на корабляхъ».

На Θеодосійскомъ рейдѣ 5 Іюля находились всѣ суда эскадры, кромѣ пароходовъ «Метеоръ» и «Громоносецъ», оставшихся въ Буюкдере въ распоряженіи графа Орлова. 11 Іюля вице-адмиралъ Лазаревъ, со всѣми военными судами командуемой имъ эскадры, вышелъ изъ Θеодосіи въ море для крейсерства, чтобы отбыть карантинный срокъ; а 22 Іюля, согласно распоряженію главнаго командира Черноморскаго флота, прибылъ въ Севастополь, гдѣ суда этой эскадры закончили кампанію. Въ знакъ особеннаго вниманія Султана къ графу Орлову, генералъ-лейтенанту Муравьеву и вице-адмиралу Лазареву, они получили отъ него золотыя медали осыпанныя алмазами и его портреты украшенные брилліантами. Всѣмъ чинамъ флота и десантнаго корпуса, въ память пребыванія ихъ въ Босфорѣ, были пожалованы Султаномъ особыя медали.

Въ Іюнѣ 1833 года былъ присланъ Морскимъ Министерствомъ на разсмотрѣніе главнаго командира Черноморскаго флота проектъ о соединеніи всѣхъ частей Черноморскаго управленія въ Севастополѣ, въ томъ предположеніи, что главный командиръ и прочія лица управленія не могутъ обращать свое вниманіе лично на дѣйствія въ Севастополѣ. А. С. Грейгъ сообщилъ слѣдующій отзывъ по сему проекту.

«Проектъ этотъ не заслуживаетъ никакого вниманія, потому что составленъ единственно изъ побужденій болѣе или менѣе маловажныхъ, даже ничтожныхъ причинъ, основанныхъ на ошибочныхъ соображеніяхъ сочинителя, съ упущеніемъ имъ самыхъ важныхъ обстоятельствъ, со вредомъ государству сопряженныхъ, какъ ожидать надлежало бы съ приведеніемъ въ исполненіе помянутаго предположенія, если бы сіе исполнено было. Проектъ этотъ, по существу своему, ничего не обѣщаетъ, кромѣ величайшихъ и невознаградимыхъ пожертвованій многолѣтними издержками и попеченіями правительства, разореніе одного изъ лучшихъ городовъ Новороссійскаго края съ большею частью его жителей, необычайныхъ и отяготительныхъ для казны расходовъ на возведеніе въ Севастополѣ того, что въ Николаевѣ существуетъ, на тотъ только конецъ, дабы въ будущемъ навсегда увеличить государственный расходъ. Но что всего важнѣе—подвергнуть опасности разоренія господствующій на Черномъ морѣ флотъ нашъ, со всѣми имѣющимися способами къ возобновленію и поддержанію онаго, однимъ неотразимымъ ударомъ сильнаго и предпріимчиваго непріятеля. Впрочемъ, какъ соединеніе всѣхъ частей Черноморскаго флота и верфей будетъ сопро-

*) О пребываніи въ Буюкдере отряда судовъ Черноморскаго флота въ Николаевскомъ портовомъ архивѣ имѣется отдѣльное очень объемистое дѣло.

вождаемо тѣми же выгодами и невыгодами, какое имѣло бы подобное соединеніе главнаго управленія въ Ревелѣ, то изъ онаго ваше высокопревосходительство можете заключить, какъ объ удобствѣ, такъ и о благоразуміи онаго» *).

Высочайшимъ приказомъ 2 Августа 1833 года А. С. Грейгъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а исправленіе должности главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ было поручено вице-адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву, съ назначеніемъ его генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества. Онъ былъ утвержденъ въ этой должности 31 Декабря 1834 года.

Прошло полвѣка со времени смерти М. П. Лазарева, и мы можемъ нынѣ вполнѣ безпристрастно, сопоставляя событія минувшихъ лѣтъ, обсудить многоплодную дѣятельность этого человѣка, посвятившаго жизнь свою самоотверженному и безукоризненному служенію на пользу родной страны, въ ремеслѣ моряка по призванію, сдѣлавшагося наставникомъ молодого поколѣнія моряковъ въ дѣлѣ доблестнаго подвижничества при оборонѣ Севастополя. Смотря на моряка какъ на члена огромной семьи въ своемъ отечествѣ, мы убѣждаемся, что на этой стезѣ служенія нетакъ трудно освоиться съ условіями профессіональности. Небреженіе къ долгу служенія, лѣность и криводушіе, маскируемыя ловкимъ угожденіемъ, съ показнымъ видомъ ревностнаго исполненія обязанностей,—такой соръ легко прилипаетъ къ должностному съ шаткой совѣстью человѣку на берегу, гдѣ многое дѣлается съ сознаніемъ начальниковъ и сослуживцевъ, но не пристаетъ на суднѣ; потому что здѣсь небрежность ведетъ за собою немедленно вредное послѣдствіе и даже гибель людей и самаго судна; лѣность, уклончивость одного становятся бременемъ для многихъ остальныхъ, раздѣляющихъ съ нимъ служебныя обязанности. Постоянное вниманіе къ дѣлу и неподдѣльное рвеніе внушаются силою обстоятельствъ и обращаются въ привычку; множество непредвидѣнныхъ, внезапныхъ случаевъ требуетъ общей дѣятельности внѣ-урочнаго времени, опредѣляемаго порядкомъ службы. Поэтому на суднѣ отбытіе извѣстнаго числа служебныхъ часовъ по назначенію не ведетъ къ бездѣйствію; подобныя желанія не дозволяются моряку силою его исключительной постановки. Такимъ образомъ послѣ долговременной служебной дѣятельности, онъ весь проникается наклонностью посвящать себя всецѣло своимъ спеціальнымъ занятіямъ, знакомясь со всѣми пріемами современной научной техники по судостроенію, оснасткѣ, по примѣненію механиз-

*) Изъ дѣлъ Николаевскаго портоваго архива.

мовъ, и вообще съ прогрессивными условіями для содержанія судна въ цѣляхъ его назначенія.

Молодой человѣкъ, безъ всякой житейской опытности, поступая на судно въ качествѣ дѣятеля, весьма скоро начинаетъ чувствовать и понимать, что нельзя безнаказанно предаваться прихотямъ своихъ наклонностей. Помимо постояннаго бдительнаго надзора за всѣми его поступками, на который обязываютъ его начальника существующія постановленія, составъ судового общества, всегда немногочисленнаго по тѣснотѣ помѣщенія, заставляетъ его гасить въ себѣ противо-общественныя вожделѣнія. Почти всѣ минуты бодрствованія проводятся вмѣстѣ съ другими; всякій налицо; нужно быть созданнымъ противъ обыкновенной человѣческой природы, чтобы цѣлые годы носить личину скрытности и суемудрія въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ товарищами. Затѣмъ, величие явленій въ плаваніи по морямъ, совершенная особенность морской жизни и односторонность бесѣдъ въ каютъ-компаніи заставляютъ, по временамъ, искать нѣкотораго уединенія въ своей каютѣ. Такое уединеніе есть колыбель обдумыванія, а пища для мысли на суднѣ представляется ежедневными случайностями въ борьбѣ съ силами природы. Можно прожить много лѣтъ, проплавать нѣсколько разъ отъ одного полюса къ другому и по земной окружности, избороздить все водное пространство океановъ, и все-таки будешь получать все новыя впечатлѣнія, затрогивающія мысли и возбуждающія сообразительность въ примѣненіи къ обыденности. Морская дѣятельность, переносящая человѣка изъ края въ край, всюду разнообразный по своимъ природнымъ условіямъ, открывая новые предметы для наглядности, возбуждаетъ пытливость и желаніе пріобрѣтать познанія.

М. П. Лазаревъ уроженецъ Владимирской губерніи. По окончаніи обученія въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ произведенный въ гардемарины въ Маѣ 1803 года, онъ былъ отправленъ въ Англію, въ числѣ 30 товарищей, для служенія волонтеромъ въ Великобританскомъ флотѣ. Въ такой службѣ онъ пробылъ пять лѣтъ. Въ то время Англія вела войну съ Франціей и Испаніей, а потому и Русскіе гардемарины участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ некрологахъ, появившихся въ печати послѣ его смерти, нѣтъ указаній, на какихъ судахъ онъ служилъ, подъ начальствомъ какихъ командировъ; въ его формулярномъ спискѣ отмѣчено только, что онъ плавалъ въ Вестъ-Индіи и въ Атлантическомъ океанѣ и что отъ всѣхъ командировъ Англійскихъ судовъ получалъ отличныя рекомендаціи. Въ Декабрѣ 1805 года онъ былъ произведенъ въ мичманы; а 27 Мая 1808 года возвратился въ Россію, гдѣ ежегодно плавалъ на судахъ Балтійскаго

флота, получая отъ командировъ аттестаціи «особенно знающаго морское дѣло, притомъ остраго ума и благороднаго поведенія». Такіе отзывы о немъ не остались незамѣченными начальствомъ, а потому, по рекомендаціи морского министра, онъ получилъ въ 1813 году командованіе кораблемъ «Суворовъ» Россійско-Американской компаніи, на которомъ совершилъ трехъ-лѣтнее плаваніе. Начальникомъ въ Ситхѣ былъ въ то время коллежскій совѣтникъ Барановъ, самовластіе котораго вынудило М. П. Лазарева самовольно оставить Ситху, снарядивъ въ одну ночь свой корабль, который стоялъ разоруженнымъ подъ выстрѣлами батареи. Онъ благополучно возвратился въ Кронштадтъ 1 Сентября 1816 года. Правленіе означенной компаніи вполнѣ оправдало его поступокъ, и Барановъ былъ смѣненъ. Въ 1819 году, командуя шлюпомъ «Мирный», М. П. Лазаревъ отправленъ былъ въ кругосвѣтное плаваніе, совмѣстно со шлюпомъ «Востокъ», которымъ командовалъ капитанъ-лейтенантъ Беллингсгаузенъ. Главною цѣлью этой экспедиціи были изслѣдованіе Южнаго полярнаго океана. По возвращеніи изъ этой экспедиціи въ 1821 году онъ былъ произведенъ, черезъ чинъ, въ капитаны 2-го ранга и получилъ въ пенсію годовой окладъ жалованья. Въ 1822—1825 годахъ онъ совершилъ третіе кругосвѣтное плаваніе, командуя фрегатомъ «Крейсеръ», который считался образцовымъ для вооруженія нашихъ военныхъ судовъ. Это плаваніе имѣло учебное направленіе для его подчиненныхъ, развивая въ нихъ ту страстную любовь къ морскому дѣлу, которая была отличительнымъ свойствомъ ихъ послѣдующей служебной дѣятельности; въ числѣ такихъ были Нахимовъ и Путятинъ, особенно выдавшіеся своими заслугами впослѣдствіи. За это плаваніе М. П. Лазаревъ получилъ чинъ капитана 1 ранга, орденъ св. Владимира 3 степени и пенсію по чину капитана 2 ранга. Получивъ, по возвращеніи, командованіе кораблемъ «Азовъ», строившійся въ Архангельскѣ, онъ, по приходѣ въ Кронштадтъ, поступилъ въ составъ эскадры графа Гейдена, назначенной для плаванія въ Средиземномъ морѣ, и состоялъ, командуя кораблемъ, начальникомъ штаба этой эскадры. За сраженіе при Наваринѣ, 8 Октября 1827 года, онъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, а кораблю «Азовъ» былъ данъ Георгіевскій флагъ. Въ это время онъ получилъ иностранные ордена: Англійскій—Бани, Французскій—св. Людовика и Греческій—командорскій Спасителя. Принявъ командованіе эскадрой въ Архипелагѣ изъ десяти военныхъ судовъ, онъ привелъ ихъ въ Кронштадтъ 12 Мая 1830 года. Въ томъ же году и въ послѣдующіе два года, онъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, командуя отдѣльной практической эскадрой. Въ 1830 году онъ получилъ аренду

за составленіе новыхъ штатовъ по вооруженію и запасу военныхъ судовъ всѣхъ ранговъ.

Согласно высочайшей волѣ М. П. Лазаревъ долженъ былъ замѣнить и продолжать дѣятельность А. С. Грейга, который много потрудился для устройства Черноморскаго флота, но въ послѣднее время уже испытывалъ усталость и утрату необходимой энергіи. Вмѣстѣ съ этимъ совпали и разныя тревожныя непріятности, а также чумный бунтъ въ Севастополѣ, поставившій его въ весьма натянутое отношеніе къ генералъ-губернатору Новороссійскаго края графу Воронцову; къ тому же оказались разстройство и безпорядокъ въ управленіяхъ. Всѣ адмиралтейскія строенія приходили въ ветхость, въ запасахъ оказывалась скудость, по кораблестроенію приходилось многого желать, вслѣдствіе пронырливости Евреевъ, завладѣвшихъ подрядами въ этомъ важномъ дѣлѣ; притомъ личный составъ въ начальствующихъ во флотѣ переполнился Греками, старавшимися держаться не столько доблестью и любовью къ дѣлу, сколько льстивостью. Всюду замѣтно становилось отсутствіе живой подбодряющей силы, способной пробудить дремлющій духъ, направить движеніе въ порядкѣ новаго вѣянія и заставить каждаго идти къ цѣли совершенствованія. Надо было возстановить выпадающую изъ рукъ А. С. Грейга власть и придать бодрость служебному персоналу. Это была нелегкая задача, и ее могъ выполнить только такой изъ начальниковъ, какимъ былъ М. П. Лазаревъ. Тридцатилѣтняя служба на морѣ, изъ которой болѣе десяти лѣтъ въ кругосвѣтныхъ плаваніяхъ командиромъ на парусныхъ судахъ, съ боевой опытностью, имѣла для него большое значеніе. Обладая пытливымъ умомъ, энергическимъ характеромъ, умѣньемъ отличать людей дѣла и выбирать изъ нихъ не менѣе энергичныхъ помощниковъ, онъ сроднился со всѣми условіями морской дѣятельности, сдѣлался истымъ морякомъ, душой и сердцемъ преданнымъ своему призванію. Примѣромъ необыкновенной его подвижности служитъ слѣдующее сообщеніе въ Морскомъ Сборникѣ (Соколова): «Во время отсутствія по дѣламъ службы капитанъ-лейтенанта Нахимова, вооружавшаго на Охтѣ назначенный въ его командованіе фрегатъ «Палладу», М. П. Лазаревъ посѣтилъ этотъ фрегатъ и замѣтилъ, что команда фрегата неправильно перевязывала выбленки*) на вантахъ; не сказавши ни слова, онъ немедленно сбросилъ съ себя мундиръ, засучилъ рукава рубашки и принялся перевязывать выбленки, объясняя командѣ, какъ слѣдуетъ это дѣлать. Въ это время Нахимовъ подходилъ на катерѣ къ фрегату и крайне былъ удивленъ, увидя адмирала на вантахъ, работавшаго съ командой».

*) *Выбленки*—тонкія смоленыя веревочки.

Грейгъ и Лазаревъ имѣли, каждый, свою долю геніальности, но были совершенно противоположныхъ наклонностей и характеровъ. Первый работалъ по обязанности, а второй по увлеченію. Первый представлялъ изъ себя философа-методиста, съ задумчивымъ, меланхолическимъ, пытливымъ взглядомъ, съ большимъ запасомъ учености и разнообразныхъ идей, соображеній и рѣшеній, которыми постоянно была занята его голова; а потому, согласно наклонности своей къ кабинетнымъ занятіямъ для соображенія разныхъ научныхъ свѣдѣній, онъ долженъ бы быть не морякомъ, а академикомъ, и дѣйствительно онъ былъ почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ. Второй же былъ кипучій сангвиникъ, съ острымъ рѣшительнымъ взглядомъ, въ фигурѣ и пріемахъ котораго выражалась привычка начальника приказывать, со способностью спокойно руководить въ борьбѣ съ атмосферными стихіями на морѣ и съ грознымъ непріятелемъ въ бою. Для М. П. Лазарева не существовало другихъ интересовъ кромѣ интересовъ моря; въ нихъ сосредоточивались его честолюбіе, его надежды, помыслы, весь смыслъ его жизни. Какъ ученый труженикъ забываетъ весь міръ ради служенія наукѣ, такъ и онъ забывалъ все окружающее ради служенія морскому дѣлу. Опытъ труженической жизни съ обширнымъ запасомъ по морской техникѣ и практикѣ слился въ его умѣ въ одно представленіе; онъ не хотѣлъ, а можетъ быть, по свойству своей природы, и не могъ разбрасываться. Онъ слишкомъ страстно любилъ сроднившееся съ нимъ дѣло, а потому не могъ лишить его хотя какой-либо изъ своихъ способностей и если иногда недоволенъ былъ результатами своихъ распоряженій, то не понималъ, за что цѣнили такъ высоко его дѣятельность, и конечно, онъ былъ также искрененъ въ своей наивности, какъ добрый семьянинъ не способенъ понять похвалу за любовь къ собственному семейству.

Ободряемый личнымъ вниманіемъ своего Государя, обезпеченный сочувствіемъ близкихъ къ Государю лицъ (князя Меншикова, его прямого начальника, и графа Орлова, съ которымъ онъ сблизился во время пребыванія въ Босфорѣ и который понялъ и высоко цѣнилъ его самоотверженную служилую честность), М. П. Лазаревъ могъ спокойно и увѣренно работать на представившемся ему поприщѣ. Все вниманіе его было обращено на одновременное развитіе тѣла и духа Черноморскаго флота. Служа примѣромъ неутомимой дѣятельности, онъ требовалъ отъ подчиненныхъ ему не между прочимъ и какъ нибудь, а посвященія всѣхъ своихъ способностей избранному служенію, съ соотвѣтствующимъ трудомъ и терпѣніемъ. Характеристика высказанная имъ о П. С. Нахимовѣ «чистъ душою и любитъ море» служила указаніемъ его идеала. Только чистые душою могли разсчитывать попасть

въ кружокъ приближенныхъ къ нему; честность, безукоризненность въ исполненіи, фанатическая заботливость о казенномъ интересѣ въ хозяйствѣ, составляли необходимыя условія такихъ избранныхъ. Направленіе, даваемое начальникомъ, расходилось по всему кругу подчиненныхъ съ плодотворнымъ воздѣйствіемъ. Въ дѣлахъ Николаевскаго портового архива имѣется слѣдующій приказъ М. П. Лазарева отъ 18 Декабря 1833 года: «Если поступятъ на кого-либо изъ служащихъ въ Черноморскомъ вѣдомствѣ три просьбы о взысканіи долговъ, и сумма ихъ будетъ превышать полугодовое его довольствіе, такого, имѣя на замѣчаніи, отмѣчать въ общихъ собраніяхъ, по кондуитнымъ спискамъ, худымъ въ хозяйствѣ». Первыя впечатлѣнія юности, послѣ школьной скамьи имѣютъ на насъ очень большое вліяніе. У М. П. Лазарева эти впечатлѣнія сложились подъ руководствомъ Англійскихъ командировъ временъ Нельсона. Пятилѣтнее служеніе на военныхъ судахъ Англійскаго флота и близкое знакомство съ условіями общежитія на тѣхъ судахъ развили въ немъ, кромѣ серьезнаго знанія морского дѣла, строгое сознаніе обязанностей и рѣдкую любовь къ порядку, не нарушающему опредѣленныя постановленія. Плодомъ его ранней наблюдательности было сложившееся въ немъ убѣжденіе, что всякое положеніе человѣка, прежде всего, возлагаетъ на него обязанности и что съ точнымъ, безукоризненнымъ исполненіемъ ихъ тѣсно связана не только служебная, но и личная честь. Этотъ нравственный законъ послужилъ основаніемъ всей его самостоятельной жизни и служебной дѣятельности. Притомъ, въ немъ сохранилась привычка приводить своимъ подчиненнымъ въ примѣръ все Англійское, какъ въ наружной опрятности и въ общественныхъ отношеніяхъ, такъ и въ служилой дѣятельности.

Регламентарность въ судовой жизни, во время управлеія М. П. Лазарева, была доведена до крайней мелочности: все было указано, опредѣлено въ правилахъ и инструкціяхъ, и ничто не ускользало отъ начальническаго взгляда. Математическая точность въ постановкѣ рангоута и расположенія рей, накладка такелажа и проводка снастей, постановка и уборка парусовъ, съ особенными правилами для лиселей, укладка ростръ, подъемъ и крѣпленіе гребныхъ судовъ и орудій, съ тщательной натиркою послѣднихъ, вязка и укладка коекъ, крѣпленіе, укладка или подвѣска снастей, подробное расписаніе офицеровъ и командъ по отдѣламъ судового управленія, работъ и боевого назначенія, командныя слова, чистка мѣди, кубриковъ, трюма, русленей*), съ требованіемъ, чтобы все было на опредѣленномъ мѣстѣ и нигдѣ не бы-

*) *Кубрикъ*—низшій жилой ярусъ корабля.—*Трюмъ*—мѣсто, гдѣ лежитъ баластъ.—*Руслень*—полка.

ло бы забытой швабры, не валялась бы ни одна каболка *), чтобы въ общемъ, отъ льяла и ватеръ-линіи до клотиковъ, судно представлялось въ безукоризненномъ наружномъ и внутреннемъ порядкѣ, какъ массивная игрушка, вымытая, вычищенная, выкрашенная, блестящая, и своей изящной нарядностью поражала бы всякаго посторонняго зрителя, а для служащихъ составляла бы ихъ гордость и тщеславіе, которое развивалось иногда до болѣзненности. При каждомъ замѣченномъ малѣйшемъ безпорядкѣ въ наружномъ видѣ судна, или въ отправленіи шлюпки отъ борта въ неопрятномъ видѣ, спрашивалось: «Кто на вахтѣ?» Это былъ самый непріятный сигналъ, имѣвшій однако большое практическое значеніе, заставляя вахтеннаго начальника не дремать, а постоянно съ напряженнымъ вниманіемъ вглядываться во все и на все. Неуклонное требованіе исполненія всѣхъ мелочей въ судовой обстановкѣ и настойчивой зоркой наблюдательности со стороны подчиненныхъ при отправленіи ими своихъ обязанностой, устраняя всякій поводъ къ праздности, вводило ихъ незамѣтно въ культъ морского служенія до того, что онъ становился для нихъ жизненной потребностью. Молодые офицеры, подвигаясь послѣдовательно въ служебномъ повышеніи, становясь старшими офицерами или командирами мелкихъ судовъ, сами обращались въ блюстителей ежедневнаго судового порядка до всѣхъ тонкостей его развѣтвленія. Чтобы вполнѣ пріохотить офицеровъ къ морской службѣ и возбудить въ нихъ наибольшее соревнованіе, М. П. Лазаревъ заботился объ увеличеніи числа судовъ малаго размѣра; а когда ему намекали о напрасныхъ на это расходахъ, утверждая, что подобныя суда ни на что не годятся, то онъ говорилъ, что офицеръ, бывшій командиромъ въ чинѣ лейтенанта, никогда не разстанется съ моремъ.

Флагъ главнаго командира Черноморскаго флота ежегодно поднимался на одной изъ практическихъ эскадръ. Эти практическія эскадры составляли 4 и 5 дивизіи, выходившія поочередно для плаванія на три мѣсяца. Во всѣхъ эволюціонныхъ построеніяхъ и въ судовыхъ ученьяхъ требовались точность, тишина, скорость безъ торопливости съ опредѣленіемъ исполненія сигнала по минутамъ и секундамъ; перемѣна на кораблѣ гротъ-марселя, въ свѣжую погоду при двухъ рифахъ, производилась отъ 7 до 9 минутъ. Такая пунктуальность экзалтировала всѣхъ и каждаго отдѣльно, офицеровъ и матросовъ, вселяя въ нихъ соревнованіе съ другими судами эскадры, въ пламенномъ желаніи отличиться передъ ними быстротою и акуратностью исполненія. Во время стоянки на рейдѣ производились ежедневно разныя ученья;

*) *Каболка*—пеньковая нить, изъ коей вьются веревки.—*Клотикъ*—набалдашникъ.

а въ праздничные дни, въ три часа пополудни поднимался сигналъ: «Выслать учебныя суда для катанья». Вслѣдъ затѣмъ немедленно весь обширный Севастопольскій рейдъ покрывался множествомъ разнообразныхъ шлюпокъ, барказовъ и полубарказовъ, съ судовъ практической эскадры и отъ находящихся въ гавани, лавирующихъ подъ парусами, быстро несущихся на взморье и обратно въ глубь залива, ловко увертывавшихся отъ столкновенія. Изъ нихъ иногда группировались маленькія эскадры, для чего были составлены особые сигналы. Каждый изъ офицеровъ, командовавшихъ шлюпкой, зналъ, что начальствующіе, отъ адмирала до командира и старшаго офицера его судна включительно, слѣдятъ за нимъ и при малѣйшемъ упущеніи не замедлятъ сдѣлать ему замѣчаніе; притомъ, каждая шлюпка должна была проходить подъ кормой корабля главнаго командира, наблюдая съ точностью разстояніе отъ кормы, чтобы адмиралъ могъ видѣть исправное состояніе проходящаго судна и его команды. Это была замѣчательная въ своемъ родѣ школа для молодыхъ офицеровъ, заставлявшая ихъ изучать всю разносторонность морской практики, давая имъ возможность пріобрѣтать навыкъ въ осмотрительной наглядности при управленіи шлюпкой и побуждая такимъ образомъ незамѣтно втягиваться въ свою профессіональность и воодушевляться въ тоже время желаніемъ заслужить личное одобреніе командира своего судна и главнаго командира, въ отдаваемомъ имъ приказѣ; послѣднее въ особенности считалось очень высокой и желанной наградой. Въ то время въ Черноморскомъ флотѣ не было оберъ-офицеровъ украшенныхъ разными орденами. Если старый лейтенантъ, состоя въ званіи командира или старшаго офицера, получалъ за особенныя заслуги орденъ св. Анны 3 степени, то это считалось необыкновеннымъ событіемъ и возбуждало общій говоръ и удивленіе.

Послѣ каждаго судового ученья или катанья на шлюпкахъ, въ каютъ-компаніи не было иного разговора, какъ только самыя оживленныя объясненія о мелочахъ исполненія и о всѣхъ замѣченныхъ неисправностяхъ. Тоже было и во время вечернихъ посѣщеніяхъ на Графской пристани, служившей въ то время шумнымъ собраніемъ Севастопольскаго общества. Роскошная южная ночь съ пріятнымъ береговымъ вѣтеркомъ, фосфорическій блескъ отъ снующихъ постоянно шлюпокъ, два хора музыки и оживленный говоръ молодыхъ моряковъ съ лицами прекраснаго пола, придавали этому муравейнику чарующую прелесть. Въ то время Севастополь жилъ въ полномъ обаяніи морского увлеченія. Входъ эскадры съ моря собиралъ все (интеллигентное) общество на маломъ бульварѣ. Это была оживленная, великолѣпная картина, возбуждавшая особенно напряженное вниманіе жен-

скаго пола. Корабли и фрегаты, въ послѣдовательномъ порядкѣ одинъ за другимъ, подъ всѣми парусами и лиселями неслись на рейдъ; каждое судно, подходя къ опредѣленному мѣсту, чтобы стать на якорь, мгновенно сбрасывались лисели, а потомъ всѣ паруса и шлюпки; въ четверть часа все убрано, уложено, реи выправлены, шлюпки у выстрѣловъ, трапы спущены. И не только входъ практической эскадры, но приходъ на рейдъ каждаго отдѣльнаго военнаго судна всѣхъ ранговъ одинаково интересовалъ всякого празднаго зрителя. Пристрастная любовь къ морю и морскому освоенію была привита не только къ семьямъ моряковъ, но этимъ повѣтріемъ были заражены и прочіе обыватели, которые отъ стараго до малаго знали всю морскую номенклатуру. Севастопольскія дамы и дѣвицы былого времени оживленно трактовали о галсахъ, шкотахъ, горденяхъ и т. п. не хуже знакомыхъ имъ моряковъ, которые знали это, а потому, возможность строгаго осужденія со стороны прекраснаго пола, за не вовремя отданный брамъ-шкотъ и т. п., еще болѣе возбуждала въ нихъ соревнованіе перещеголять одинъ другого.

Въ Балтійскомъ флотѣ того времени строевая армейская служба въ флотскихъ экипажахъ была въ полномъ ходу. Постоянныя строевыя ученья, караулы, разводы съ церемоніей, офиціальные смотры, занимали все время продолжительнаго пребыванія на берегу. Каждый изъ Балтійскихъ офицеровъ умѣлъ безошибочно пропѣть всѣ мотивы сигнальнаго рожка для строевого и разсыпного строя; даже при высочайшихъ смотрахъ гребныхъ канонерскихъ лодокъ, они, по сигнальному рожку, строили каре и проходили церемоніальнымъ ходомъ, по двѣ въ рядъ, мимо императорскаго парохода. Для Черноморскаго флота тоже былъ учрежденъ второй учебный экипажъ, который подготовлялъ унтеръ-офицеровъ, инструкторовъ для обученія флотскихъ командъ строевому дѣлу и стрѣльбѣ въ цѣль изъ ружей, чтобы они могли нести береговую службу и участвовать въ десантахъ. На судахъ, во время плаванія, производились иногда десантныя ученья, и свозомъ людей на вооруженныхъ гребныхъ судахъ, и военною прогулкою на берегу. Для обученія фехтовальному искусству были выписаны инструкторы. Но вообще, офицеры Черноморскаго флота, забывая скоро корпусную муштровку подъ наплывомъ иныхъ требованій, не отличались особеннымъ знаніемъ строевой службы, и большинство изъ нихъ имѣло очень смутное понятіе о взводныхъ, полувзводныхъ и другихъ построеніяхъ. Вмѣсто солдатчины, какъ они называли пѣхотный строй, въ ихъ средѣ господствовала своя морская строгая дисциплина; всѣ начальствующія лица, отъ главнаго командира до вахтеннаго началь-

ника включительно, пользовались должнымъ почетомъ младшихъ, ихъ приказанія и распоряженія исполнялись буквально, замѣчанія выслушивались безпрекословно; каждымъ руководило полное уваженіе къ старшимъ, со строгимъ сознаніемъ подчиненной обязанности. Такія отношенія младшихъ къ старшимъ не забывались и въ каютъ-компаніи, временно соединявшей ихъ въ одну семью; она нѣкоторымъ образомъ роднила ихъ, и никакая ссора въ служебныхъ и общественныхъ отношеніяхъ между сослуживцами не была терпима, каждый старался деликатно обойти могущее столкновеніе. Какъ въ морѣ, такъ и на берегу у всѣхъ офицеровъ Черноморскаго флота, въ подражаніе старшимъ, были въ большомъ ходу бѣлые углы отъ воротниковъ рубашекъ, выставляемые изъ за галстуковъ и называвшіеся лиселями, что въ Балтійскомъ флотѣ считалось преступленіемъ. Императоръ Николай Павловичъ, хотя былъ строгій блюститель установленныхъ правилъ, относился снисходительно къ отступленію Черноморскихъ моряковъ отъ формалистики, потому что они подражали своему главному командиру.

По ходатайству М. П. Лазарева было разрѣшено посылать ежегодно четыре военныя судна малаго ранга изъ Севастополя въ Средиземное море, въ распоряженіе нашихъ посольствъ. Такая командировка давала возможность знакомить съ состояніемъ морского военнаго дѣла въ иностранныхъ флотахъ тѣхъ офицеровъ, которые особенно выдѣлялись своими способностями и образованіемъ. При встрѣчѣ тамъ съ иностранными станціонерами на рейдахъ возбуждалось соперничество съ ними, сильное желаніе командировъ, офицеровъ и матросовъ непремѣнно превзойти ихъ щеголеватою наружностью своего судна, постановкою и уборкою парусовъ, быстрымъ спускомъ и подъемомъ гребныхъ судовъ, стрѣльбою изъ пушекъ на ходу безъ промаха по выпускному буйку съ флагштокомъ, катаньемъ на шлюпкахъ подъ парусами, выигрываніемъ призовъ на гонкахъ. Это желаніе превосходства заставляло ихъ постоянно производить практическія ученья и придумывать новыя морскія затѣи на изумленіе своихъ иностранныхъ пріятелей. Такое направленіе имѣло то важное значеніе, что, вкореняя національную гордость, увѣренность въ своей способности къ исполненію выпавшихъ на ихъ долю обязанностей, нравственный устой для честнаго самотверженнаго служенія Государю и отечеству, въ тоже время служило отличной школою для подготовки молодыхъ помощниковъ въ дѣлѣ развитія духа и тѣла Черноморскаго флота.

Въ Балтійскомъ флотѣ двадцатыхъ годовъ находились офицеры, служившіе на военныхъ судахъ Англійскаго флота, побывавшіе въ

портахъ Европы, сдѣлавшіе кругосвѣтныя плаванія. Такіе офицеры вносили въ среду своихъ товарищей новыя понятія, облагороживающія ихъ бытъ, оживляя и расширяя ихъ кругозоръ, и такимъ образомъ имѣли значительное вліяніе на умственное развитіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на нравственную упорядочность ихъ поведенія. Иное было въ Черноморскомъ флотѣ. Изъ предыдущихъ очерковъ мы видѣли особенную настойчивую заботливость князя Потемкина, Мордвинова, маркиза де-Траверсе и Грейга, чтобы учредить мѣстныя образовательныя средства и такимъ образомъ создать болѣе развитой и облагороженный составъ чиновъ офицерскаго званія. А. С. Грейгъ, въ представленіи своемъ объ учрежденіи въ Николаевѣ Морского кадетскаго корпуса, рѣзко очертилъ низкій уровень подчиненныхъ ему офицеровъ флота, въ число которыхъ ежегодно поступало до тридцати недоучекъ изъ Черноморскихъ гардемариновъ; а эти недоучки были дѣти тѣхъ начальствующихъ лицъ, вліяніемъ которыхъ они проводились на высшія должности по служебной лѣстницѣ. Читая «Записки врача» (Закревскаго, въ Морскомъ Сборникѣ), поражаешься картиною безпутства, разгула и невѣжества, господствовавшихъ въ средѣ офицерскаго сословія въ Севастополѣ въ двадцатыхъ годахъ. Низкій уровень развитія, замкнутость служебнаго положенія въ практическомъ плаваніи не болѣе трехъ мѣсяцевъ у Крымскихъ береговъ и праздность береговой жизни имѣли растлѣвающее дѣйствіе въ этомъ сословіи; поэтому и тѣ молодые офицеры, которые назначились съ Сѣвера въ Черноморскій флотъ съ лучшими образовательными и нравственными зачатками, получаемыми ими въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, подъ вліяніемъ такой среды и праздности скоро втягивались въ тину умственнаго затменія. Притомъ управленіе Морского Министерства, пользуясь правомъ главенства, высылало на службу въ Черноморскій флотъ изъ Балтики всѣхъ тѣхъ офицеровъ, которые получали атестаціи неодобрительнаго поведенія.

Чтобы упорядочить эту глухую среду невѣжества и безобразія, надо было приложить много труда и обладать большимъ терпѣніемъ и находчивостью. Лучшимъ средствомъ для этого должны считаться крейсерскія и транспортныя плаванія у восточнаго берега Чернаго моря. Посылка крейсерскихъ судовъ къ этому побережью началась съ занятіемъ Анапы, Поти и Сухума, для наблюденія, чтобы иностранныя суда не приставали къ тѣмъ мѣстамъ гдѣ не было таможенъ и карантиновъ, для прекращенія торга невольниками и препятствія доставлять Горцамъ оружіе и огнестрѣльные снаряды. Эти крейсерскія суда высылались въ 1828 и 1829 годахъ отъ вооруженнаго флота на назначаемыя имъ дистанціи, а потомъ изъ Севастополя. Въ началѣ 1831

года было сдѣлано распоряженіе высылать къ тому побережью особые отряды судовъ на три смѣны въ теченіе одного года, подъ начальствомъ штабъ-офицера, командовавшаго фрегатомъ, мѣстопребываніе котораго было въ Сухумѣ, гдѣ были учреждены таможня и карантинъ. Первымъ начальникомъ такого отряда былъ капитанъ 2 ранга Нѣмчиновъ, котораго въ очередь смѣнилъ капитанъ-лейтенантъ Стерлиговъ, а въ Декабрѣ того года былъ назначенъ капитанъ-лейтенантъ Синицинъ. Всѣ посылавшіяся въ то время къ Кавказскому восточному побережью суда, крейсерскія и транспортныя, недостаточно снабжались какъ продовольствіемъ, такъ и всѣми предметами по вооруженію и боевому запасу, и отправлялись изъ Севастополя безъ должнаго осмотра и ремонта. Такъ, напримѣръ, транспортъ «Бугъ», подъ командой капитанъ-лейтенанта Арищенко, прибылъ въ Сухумъ въ Декабрѣ 1831 года съ грузомъ, въ самомъ неблагонадежномъ видѣ. При отправленіи изъ Севастополя въ его корпусѣ была течь до 12 дюймовъ, а на переходѣ она увеличилась до 28 дюймовъ. При осмотрѣ оказались въ носовой подводной части три щели, сквозь которыя пробивалась вода; изъ четырехъ его помпъ для выкачиванія воды двѣ были въ полной неисправности, а остальныя находились въ ненадежномъ состояніи. Хотя командиръ этого судна доводилъ до свѣдѣнія Севастопольскаго начальства, что для командуемаго имъ транспорта необходимо капитальное исправленіе, но на его представленіе не было обращено никакого вниманія. 16 Іюля 1832 года прибылъ изъ Севастополя транспортъ «Ревнитель», подъ командой лейтенанта Зайцевскаго, который немедленно обратился съ просьбой къ начальнику отряда о назначеніи комисіи для освидѣтельствованія командуемаго имъ судна. По заключенію комисіи оказалось, что на «Ревнителѣ» гребныя снасти стары и негодны, течь въ подводной части значительная, стоячій такелажъ въ совершенной худости, братскій котелъ для варки пищи командѣ въ неисправности.

Послѣ овладѣнія Анапскимъ округомъ и отказа Турціи отъ правъ на западный берегъ Кавказа, признано было необходимымъ принять мѣры для приведенія въ покорность воинственныя горскія племена, населявшія западную часть Кавказа къ побережью, дѣйствуя на нихъ съ суши и съ моря. Въ виду этого въ 1830 году было построено укрѣпленіе Гагры для прикрытія Абхазіи. Въ томъ же году большой отрядъ войскъ, подъ начальстромъ графа Паскевича, перешелъ рѣку Кубань и направился въ землю Шапсуговъ, гдѣ разгромилъ много ауловъ. Въ тоже время построены укрѣпленія для прикрытія Кубанской линіи: Мостовое, Алексѣевское, Афитское и Ивано-Пшебское. Въ

1832 году генералъ баронъ Розенъ занялъ Геленджикъ и построилъ тамъ укрѣпленіе.

Графъ Паскевичъ, находясь уже въ Варшавѣ, составилъ въ 1832 году планъ покоренія Горцевъ западной части Кавказа. Онъ признавалъ необходимымъ проложить путь отъ Кубани на Геленджикъ, построить на этой дорогѣ нѣсколько укрѣпленій и сдѣлать ихъ основными для дѣйствія отдѣльныхъ отрядовъ, которые должны бы были подвигаться одновременно на Западъ, съ тѣмъ чтобы гнать Горцевъ къ Анапѣ и къ морю, дабы тамъ заставить ихъ покориться; послѣ того, провести другую линію, паралельную первой, и такъ далѣе до верховьевъ р. Кубани, очищая или покоряя пространство между линіями; вмѣстѣ съ тѣмъ блокировать берегъ этой мѣстности, занимая его укрѣпленными редутами. Филипсонъ, бывшій начальникъ штаба у генерала Вельяминова, командовавшаго войсками на сѣверо-западной Кавказской линіи, въ своихъ Воспоминаніяхъ, изданныхъ въ «Р.Архивѣ» (1885), высказалъ объ этомъ проектѣ, что «едвали можно выдумать что-нибудь болѣе нелѣпое и доказывающее совершенное незнаніе края и непріятеля». Тѣмъ не менѣе проектъ этотъ принятъ былъ въ Петербургѣ безусловно, и исполненіе его было поручено генералу Вельяминову. Вслѣдствіе такого распоряженія онъ построилъ въ 1833 году на р. Кубани Ольгинское укрѣпленіе, назначенное основнымъ пунктомъ проектированной линіи. Въ 1834 году онъ построилъ на рѣкѣ Абинъ Абинское укрѣпленіе на одинъ батальонъ. Въ 1835 году имъ построено Николаевское укрѣпленіе при впаденіи рѣки Атакауфъ въ р. Абинъ. Въ этомъ году на Югѣ построены: на рѣкѣ Кадоръ укрѣпленіе Дранды и мостовое укрѣпленіе на рѣкѣ Бзыбь; а также разработана дорога отъ Сухума черезъ Бомборы къ Пицундѣ и къ Гагрѣ. Въ 1836 году построено въ Суджунской бухтѣ укрѣпленіе Кабардинское. Въ 1837 году построены укрѣпленія: Св. Духа при рѣкѣ Мдзымты, Новотроицкое при устьѣ рѣки Пшада и Михайловское при устьи рѣки Вуланъ. Для содѣйствія военному вѣдомству на прибрежьи восточнаго берега Чернаго моря были построены особыя транспортныя суда: «Цемесъ», «Мамай», «Субаши», «Кадосъ», «Адлеръ» и «Лаба»; а также построены пароходы: «Язонъ», «Колхида», «Могучій», «Боецъ», «Молодецъ» и «Эльборусъ». Эти транспортныя суда и пароходы назывались Кавказскими и состояли въ вѣдѣніи военнаго вѣдомства; вслѣдствіе этаго, къ штабу генерала Вельяминова былъ прикомандированъ капитанъ 2 ранга Серебряковъ для исполненія должности дежурнаго штабъ-офицера по морской части. Серебряковъ былъ уроженецъ Карасубазара, изъ Армянъ. Знакомый хорошо съ Турецкимъ языкомъ, онъ состоялъ

при князѣ Меншиковѣ во время осады Анапы, а потомъ былъ при немъ адъютантомъ. По замѣчанію Филипсона, Серебряковъ имѣлъ бойкія умственныя способности, расположеніе къ военному дѣлу и торговлѣ и эластическую совѣсть.

Въ Январѣ 1838 года, по представленію генерала Вельяминова, была учреждена должность начальника береговой линіи, и къ исполненію этой должности былъ назначенъ генералъ-майоръ Раевскій. Ему было разрѣшено занимать, по своему усмотрѣнію, береговые пункты съ содѣйствіемъ флота. Вслѣдствіе этого онъ отправился въ Николаевъ, представился тамъ адмиралу М. П. Лазареву и испросилъ его содѣйствія къ исполненію возложеннаго на него порученія. Сборнымъ пунктомъ войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Раевскаго, была назначена Анапа, куда прибылъ флотъ, съ 4 на 5 Мая, подъ начальствомъ М. П. Лазарева. Мая 12 была произведена высадка войскъ у рѣки Туапсе и тамъ устроено укрѣпленіе Вельяминовское. Потомъ былъ занятъ берегъ у рѣки Шапсуго, и тамъ устроено укрѣпленіе Тенгинское. Въ обѣихъ этихъ высадкахъ, при занятіи берега и удаленія отъ него Горцевъ, участвовалъ флотскій сводный батальонъ, командиромъ котораго былъ капитанъ 2 ранга Путятинъ. Въ этомъ же году, десантнымъ отрядомъ генералъ-маіора Симборскаго со стороны Абхазіи, занята мѣстность у рѣки Сочи и тамъ построено укрѣпленіе Навагинское; затѣмъ отрядомъ Раевскаго построено укрѣпленіе въ Суджунской бухтѣ, на сѣверо-западномъ берегу рѣки Цемесъ, названное Новороссійскъ. Это укрѣпленіе было назначено центральнымъ пунктомъ управленій Кавказской побережной линіи. Въ 1839 году былъ построенъ фортъ Раевскій у рѣки Мессаге, на сообщеніи Анапы съ Новороссійскомъ; а на береговой линіи построены, съ содѣйствіемъ флота, укрѣпленія: у рѣки Субаши фортъ Головинскій, а у рѣки Псезуапе фортъ Лазаревъ. Этимъ закончено было занятіе береговой линіи укрѣпленіями, и другихъ предпріятій къ занятію предполагавшихся мѣстностей не производилось. Вся береговая линія была раздѣлена на три отдѣленія, а съ присоединеніемъ къ ней Самурзакани и Гуріи было учреждено въ 1843 году четвертое отдѣленіе.

По предложенію М. П. Лазарева была заведена для береговой линіи особая флотилія изъ барказовъ, по образцу Мальтійскихъ, которые могли поднимать сорокъ человѣкъ десанта, съ коронадой или фалконетомъ на носу, по одному или по два, при каждомъ укрѣпленіи. Въ команды для управленія ими были назначены Азовскіе казаки (Запорожцы, вышедшіе въ 1828 году изъ за Дуная), оказавшіеся, какъ рыболовы, смѣлыми и искусными моряками. Мотивомъ такого учреж-

денія было то обстоятельство, что, при невозможности имѣть береговое сообщеніе между укрѣпленіями, они могли сообщаться между собою только моремъ, для чего очень пригодны такіе барказы; притомъ, при ихъ содѣйствіи удобнѣе наблюдать за мелкими контрабандными судами, такъ какъ морскимъ крейсерамъ невозможно было услѣдить Турецкія кочермы, которыя, увидя крейсерское судно, бросаются на берегъ и вытаскиваются при помощи Горцевъ. Къ тому же, по международному трактату, крейсеръ можетъ взять контрабандное судно только въ трехъ верстахъ отъ берега, чтò для него, какъ для паруснаго судна, невсегда возможно, потому что состояніе моря часто не дозволяетъ ему подходить очень близко къ берегу. Также, по предложенію М. П. Лазарева, были заведены при крѣпостныхъ гарнизонахъ лодки и рыболовныя сѣти, какъ для развлеченія людей, такъ и для доставленія имъ по временамъ свѣжей пищи.

Съ постройкой укрѣпленій по береговой линіи сношеніе Горцевъ моремъ нѣсколько затруднилось, но не прекратилось; положеніе въ нихъ гарнизоновъ было очень отяготительное. Филипсонъ сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: «При малочисленности войскъ для обороны укрѣпленій и неимѣніи подвижного состава для частаго пополненія или замѣны гарнизоновъ новыми командами, всѣ они были очень ослаблены жестокими болѣзнями и неестественнымъ порядкомъ службы. Всѣ ночи люди проводили подъ ружьемъ, ожидая ежеминутно нападенія, и ложились спать тогда только, когда ободнѣетъ, а обходы осмотрятъ ближайшія мѣстности. Если къ этому прибавить скуку, недостатокъ движенія въ тѣсномъ редутѣ, такъ какъ нельзя было выходить изъ него не подвергаясь выстрѣламъ Горцевъ, рѣдкость свѣжаго мяса и овощей, отсутствіе женщинъ, то станетъ понятнымъ, почему роты не доходили до половиннаго даже состава, и иногда и менѣе. Къ тому же все вооруженіе ихъ, ружья и артилерія, были негодныя; первые были Тульскіе кремневые, прослужившіе болѣе 25 лѣтъ, а пушки разнаго калибра чугунныя, служившія съ 1813 года, съ деревянными лафетами, которые были до того гнилы, что нерѣдко разсыпались послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ. Всѣ настоятельныя представленія Раевскаго о пополненіи и увеличеніи его отряда войскъ и о присылкѣ годнаго вооруженія оставались безъ исполненія. И это было тамъ, гдѣ полевыя укрѣпленія, защищаемыя одной или двумя ротами слабаго состава, были предоставлены самимъ себѣ безъ всякой надежды на помощь. Такое бѣдственное положеніе гарнизоновъ не могло укрыться отъ Горцевъ, которые зорко слѣдили за ихъ состояніемъ и выжидали случая сдѣлать имъ возможное зло».

Когда западное побережье Кавказа поступило въ вѣдѣніе Россіи, изъ Англіи начали высылать эмисаровъ для снабженія Горцевъ оружіемъ, порохомъ и свинцомъ, а также для возбужденія ихъ противъ

Россіи. Изъ портовъ Анатоліи высылались не только контрабандныя кочермы, но галеры и шкуны; хотя Русскіе крейсерскія суда захватывали нѣкоторыя изъ нихъ, или истребляли тѣ, которыя были вытащены на берегъ и прикрывались хворостомъ, но большая часть этихъ судовъ сообщалась съ береговыми мѣстами безнаказанно. Въ 1836 году Трапезондскій консулъ Гисси увѣдомлялъ начальника отряда крейсерскихъ судовъ, что много мелкихъ судовъ изъ разныхъ мѣстъ Анатоліи предположено отправить къ Кавказскимъ берегамъ. Затѣмъ начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи сообщилъ, что онъ получилъ увѣдомленіе отъ Закубанскихъ Горцевъ о прибытіи многихъ Турецкихъ судовъ съ разными грузами, а также съ большимъ количествомъ пороха, оружія и свинца, а именно: въ Суджукскую бухту семь, въ Пшады шесть, а также въ другія мѣста и къ устьямъ рѣкъ, до Абхазіи, пристало ихъ очень много. Въ тоже время изъ Константинополя получено было увѣдомленіе, что по наущенію Англійскаго посланника предполагается послать десантный флотъ, подъ начальствомъ паши и въ сопровожденіи Черкесскаго князя Саферберя, на помощь Черкесамъ, а для того посланы письма къ разнымъ вліятельнымъ Горцамъ. Вслѣдъ затѣмъ сообщено было отъ главнокомандовавшаго войсками за Кавказомъ барона Розена, на имя начальника крейсерскаго отряда контръ-адмирала Патаніоти, что по увѣдомленію консула Гисси извѣстный князь Сафербей отправился изъ Константинополя въ Батумъ, для доставленія оттуда Горцамъ восьмидесяти бочекъ пороху и что два Англійскихъ агента прибыли въ Трапезондъ, съ намѣреніемъ перейти наши границы и проникнуть къ Горцамъ. Потомъ, баронъ Розенъ увѣдомилъ контръ-адмирала Патаніоти, что князь Шервашидзе сообщилъ ему о прибытіи въ Абхазію двухъ Европейцевъ, повидимому, Англичанъ, знающихъ Турецкій языкъ; они увѣряютъ джигитовъ, что имѣютъ отъ Султана фирманъ, которымъ Горцы убѣждаются не подчиняться Русскимъ и что Султанъ дастъ имъ помощь, если они будутъ сопротивляться.

Въ 1838 году отъ главнаго командира Черноморскаго флота было сообщено начальнику крейсерскаго отряда контръ-адмиралу Станюковичу о томъ, что въ Константинополь прибыли съ западнаго берега Кавказа Англійскіе офицеры, капитанъ Маррикъ и лейтенантъ Нудо черезъ Анатолію и намѣрены, въ сопровожденіи переводчика Полянскаго принявшаго магометанство, отправиться тѣмъ же путемъ обратно; также, что у Горцевъ находятся Англичане Барроу и Лангвортъ; наконецъ, что предположено отправить изъ Константинополя къ восточному берегу Чернаго моря шкуну «Портландъ» (капитанъ

Броунъ) съ разнымъ боевымъ снабженіемъ, скрытымъ подъ грузомъ угля. Вслѣдъ затѣмъ было получено сообщеніе, что Англичанинъ Бейль нанялъ въ Лондонѣ шкуну для доставленія Горцамъ оружія и огнестрѣльныхъ снарядовъ. Этотъ Бейль прожилъ три года между Горцами, съ цѣлью примиренія частой вражды между племенами и для составленія изъ всѣхъ племенъ одного правильно организованнаго союза, подъ покровительствомъ Турціи и Англіи, чтобы общими силами истребить Русскія укрѣпленія и вообще затруднить усилія Россіи для покоренія горскихъ племенъ Кавказа. Послѣ этого, главный командиръ Черноморскаго флота сообщилъ начальнику крейсерскаго отряда контръ-адмиралу Захарьину, что генералъ-маіоръ Раевскій увѣдомилъ его о постоянномъ увеличеніи снабженія Горцевъ боевыми снарядами и оружіемъ, чему покровительствуетъ Турецкій паша въ Самунѣ; для этого употребляются легкія суда, отправляемыя изъ Самуна при попутномъ южномъ вѣтрѣ вечеромъ и достигаютъ по назначенію ночью слѣдующаго дня. Послѣдствіемъ такихъ враждебныхъ дѣйствій Англійскаго правительства, при содѣйствіи Турецкаго, для пропаганды между Горцами и снабженія ихъ боевыми средствами, произошли слѣдующія событія на прибрежной линіи.

Въ 1837 году, командиръ тендера «Спѣшный» лейтенантъ Буткевичъ донесъ начальнику отряда о полученномъ имъ въ Михайловскомъ укрѣпленіи свѣдѣніи, что болѣе двухъ тысячъ Горцевъ, съ двумя пушками, осаждали это укрѣпленіе въ продолженіе трехъ дней и что гарнизонъ въ немъ состоялъ въ это время изъ 120 человѣкъ. Для предупрежденія новой атаки у этого укрѣпленія оставленъ одинъ Азовскій барказъ, а шкуна «Гонецъ» крейсируетъ возлѣ него. Въ 1840 году уничтожены Горцами слѣдующія укрѣпленія: 7 Февраля—фортъ Лазаревъ; 29 Февраля—укрѣпленіе Вельяминовское; 23 Марта—укрѣпленіе Михайловское; 2 Апрѣля—укрѣпленіе Николаевское. Затѣмъ, при осмотрѣ начальникомъ крейсерскаго отряда контръ-адмираломъ Юрьевымъ двухъ приморскихъ укрѣпленій на фрегатѣ «Тенедосъ», ему было сообщено въ Навагинскомъ фортѣ, что съ 10 по 20 Мая того года Горцы въ многочисленномъ сборѣ, дѣйствовали по этому форту съ горы изъ четырехъ батарей ядрами, картечью и порожними гранатами; притомъ неоднократно покушались дѣлать нападеніе, небезуспѣшно; вреда не причинили, исключая нѣсколькихъ контузій людямъ и пробоинъ строенія въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Выстрѣлами артилеріи съ форта горскія батареи были сбиты; затѣмъ непріятельскія дѣйствія прекратились. Въ Баграхъ Юрьевъ призналъ необходимымъ исправить туровыя стѣны, которыя были настолько повреждены, что предвидѣлось полное раз-

рушеніе ихъ. Въ укрѣпленіи Св. Духа ему было сообщено, что 9 Мая Горцы покушались взять его, но были отбиты. Гарнизонъ тамъ оказался очень незначителенъ, истощенъ и терпѣлъ во всемъ недостатокъ.

Эти событія заставили Военное Министерство обратить вниманіе, на представленія Раевскаго. Въ его распоряженіе были присланы одна пѣхотная дивизія и четыре Черноморскихъ пѣхотныхъ полка; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано распоряженіе о сформированіи вновь четырехъ линейныхъ батальоновъ для береговой линіи. Такія распоряженія доставили возможность возобновить разоренныя укрѣпленія съ усиленіемъ и хъ обороны, обновить на всей линіи составъ гарнизоновъ, сформировать подвижные резервы и тѣмъ избавить ихъ отъ изнуренія. Также негодное вооруженіе замѣнено болѣе соотвѣтствующимъ.

Восточный берегъ Чернаго моря вообще лишенъ безопасныхъ пристанищъ для судовъ. Простираясь отъ нордвеста къ зюйдосту, онъ обставленъ высокими скалистыми берегами; вслѣдствіе этого сильный юго-западный вѣтеръ, дующій къ нему перпендикулярно, встрѣчая препятствіе въ этихъ возвышенностяхъ, отражается, и такимъ образомъ образуется у берега штилевая полоса. Парусное судно, застигнутое въ этой полосѣ, не имѣя возможности при сильномъ юго-западномъ вѣтрѣ выйти на просторъ въ море, неминуемо сбивается огромнымъ волненіемъ къ берегу и терпитъ крушеніе; стоящія же на якоряхъ срываются прибоемъ, или дрейфуютъ къ берегу, что̀ тоже неминуемо ведетъ къ гибели. Такія неблагопріятныя условія заставляютъ моряковъ, плавающихъ на парусныхъ судахъ, быть очень осторожными, чтобы предупредить возможность своей гибели. Обширная Новороссійская (Суджукская) бухта расположена длинной осью своей отъ Сѣверо-запада къ Юго-востоку, параллельно однообразному горному хребту Варадъ, достигающему средней высоты 1800 футъ съ пониженіемъ до 1500 и возвышеніемъ до 2500 футъ. Эта бухта открыта только отъ Юга до Юго-востока. Хотя южные вѣтры дуютъ иногда съ большой силой и производятъ значительное волненіе, но они не опасны. Самый большой вредъ на этой водной мѣстности производитъ *бора*, т. е. сильный сѣверо-восточный вѣтеръ. Этотъ вѣтеръ въ лѣтнее время, при нѣкоторой осторожности, не тревожитъ стоящія на рейдѣ суда; но осенью и зимой бора превращается иногда въ разрушительный ураганъ. Голыя вершины Варада передъ борою бываютъ совершенно чисты; но за нѣсколько времени до нея начинаютъ появляться на вершинахъ небольшія бѣловатыя облака, выходящія изъ-за хребта; затѣмъ эти облака садятся на вершины, спускаются ниже и по мѣрѣ накопленія ихъ какъ будто толпятся упредить одни другихъ. Въ воздухѣ въ это время замѣтенъ безпорядокъ, такъ какъ сильные порывы

находятъ иногда отъ совершенно противоположныхъ румбовъ. Стоя въ это время на бочкѣ, нужно быть предупредительнымъ, чтобы не найти на нее; а имѣя одинъ якорь слѣдуетъ не торопиться бросать другой, иначе легко перепутать канаты. Когда порывы съ разныхъ сторонъ очистятъ бухту отъ застоявшагося въ ней воздуха, скопившіяся на вершинахъ облака начинаютъ отрываться по одиночкѣ отъ общей массы и падать внизъ съ ужасными порывами. Вихри рвутъ воду и гонятъ ее брызгами, такъ что все пространство рейда представляется какъ бы покрытое паромъ. Въ городѣ въ это время невозможно выходить на улицу, потому что мелкіе камни, поднимаемые вѣтромъ, бьютъ въ лицо, а силою вѣтра сбиваетъ съ ногъ. Зимой бора бываетъ особенно безпокойна и сопровождается семью или восемью градусами мороза, а иногда и вдвое больше; поднимаемыя брызги тотчасъ леденѣютъ; судно обмерзаетъ и покрывается очень скоро льдомъ; у канатовъ на ватеръ-штагахъ и вообще по наружной передней части судна образуются ледяныя массы, которыя необходимо немедленно уничтожать обрубкою, особенно на мелкихъ судахъ: иначе отъ накопленія и тяжести льда носовая часть грузнетъ, и судно можетъ затонуть. При наступленіи боры спускаютъ весь рангоутъ и поднимаютъ шлюпки. Этотъ вѣтеръ безпрестанно переходитъ отъ нордъ-нордъ-оста къ остъ-нордъ-осту и обратно, а потому при двухъ якоряхъ судно при каждомъ порывѣ стоитъ только на одномъ якорѣ. Во время боры часто показываются смерчи. Порывы не такъ сильны подъ восточнымъ берегомъ вслѣдствіе того, что вѣтры, спускаясь съ крутизны, оставляютъ у подошвы хребта какъ бы мертвое пространство, неподверженное ихъ сильному вліянію. Бора у сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря дуетъ сь различной силой исключительно на пространствѣ отъ Анапы до Туапсе; далѣе къ зюйдъ-осту она постепенно слабѣетъ и очень часто переходитъ въ свѣжій зюйдъ-остъ. Разрушительная сила бываетъ только у береговъ; далѣе же въ морѣ она чувствительно ослабѣваетъ. Бывали случаи, что суда, находившіяся въ недальномъ разстояніи отъ берега, при порывахъ боры, вынуждены были крѣпить марсели[1]), между тѣмъ какъ другія, идущія мористѣе, несли брамсели[2]).

Самая ужасная бора случилась въ Новороссійскѣ въ 1838 году. 12 Января этого года находились тамъ на рейдѣ, стоя на бриделяхъ[3]): фрегатъ «Мидія» подъ флагомъ контръ-адмирала Юрьева командиръ капитанъ 1 ранга Касторфъ; кореетъ «Пиладъ» командиръ капитанъ

[1]) *Марсель, брамсель*—названіе парусовъ.

[2]) Лоція Чернаго моря.—Новороссійская бора, барона Врангеля.

[3]) *Бридель*—мертвый якорь, т. е. положенный въ гавани навсегда

2 ранга Юрковскій, бригъ «Паламедъ» командиръ капитанъ - лейтенантъ Вердеманъ; шкуна «Смѣлая» командиръ лейтенантъ Колчакъ; тендеръ «Струя» командиръ капитанъ-лейтенантъ Леоновъ; транспортъ «Гастогай» командиръ лейтенантъ Щегловъ; пароходъ «Боецъ» командиръ лейтенантъ Дандри. Въ этотъ день съ утра начали проявляться признаки боры; затѣмъ вѣтеръ началъ усиливаться, съ вихрями и жестокими шквалами. Въ половинѣ второго часа пополудни на корветъ «Пиладъ» набѣжалъ смерчъ, силою котораго корветъ накренило на лѣвую сторону, при чемъ лопнули, одна за другой, обѣ цѣпи отъ бриделя, вырвавъ передніе стопоры съ рымъ-болтами, а у заднихъ вырваны гаки; брошенные въ тоже время дагликсъ съ 55 и плехтъ[1]) съ 35 саженями цѣпей задержали корветъ на глубинѣ 22 футъ за кормой. Вѣтеръ, усиливаясь, превратился къ ночи въ жесточайшій ураганъ, при 20° мороза по Реомюру; густой мракъ, несущаяся по воздухѣ ледяная пыль въ видѣ тончайшихъ иголокъ, трескъ, свистъ и гулъ, все смѣшивалось въ одинъ хаосъ. Такое состояніе продолжалось около трехъ сутокъ безъ ослабленія. Невыразимо тягостная борьба съ этимъ явленіемъ представилась командамъ судовъ стоявшимъ на рейдѣ; суда обрастали снаружи толстой массой льда, отрывавшіяся съ рангоута и снастей льдины падали на работавшихъ людей, которые, обдаваемые брызгами замерзавшими на нихъ, коченѣли отъ стужи, а непрерывное напряженіе всѣхъ силъ истощало ихъ. Въ 2½ часа по полуночи у брига «Паламедъ» лопнула цѣпь съ лѣвой стороны на бриделѣ, на которомъ онъ стоялъ; тотчасъ были брошены якорь дагликсъ съ 55 саженями и плехтъ съ 45 саженями цѣпей. Вскорѣ затѣмъ лопнула и правая цѣпь отъ бриделя, а потому брошенъ былъ запасный якорь съ 50 саженями пеньковаго каната. Глубина за кормой брига была 26 футъ. Сильнымъ волненіемъ выбило у него погонный бортъ, и положеніе его съ этого времени особенно сдѣлалось опаснымъ. Три раза усиліемъ команды бортъ былъ заколоченъ снутри досками, но сильнымъ напоромъ воды каждый разъ выпирало доски, отбрасывая работавшихъ людей; вода стала накопляться на бакѣ и превращаясь въ ледъ погружала носъ болѣе и болѣе, благодаря наружной массѣ льда, которая образовалась на всей передней части судна отъ форъ-русленей до гальюна[2]). Бригъ съ трудомъ поднимался на волненіи, которое входило черезъ бакъ, отчего прекратилась возможность облегчать переднюю часть обрубкою льда. Въ 4 часа утра онъ началъ дрейфовать, а черезъ часъ ударился кормой объ отмель,

---

[1]) *Дагликсъ* и *плехтъ* — названія якорей.

[2]) *Гальюнъ* — носъ мореходнаго судна.

и у него выбило руль. Около полудня буря нѣсколько смягчилась, а потому экипажъ брига съ помощью береговыхъ жителей былъ свезенъ на берегъ. Всѣ офицеры и большая часть команды брига поступили въ госпиталь съ ознобленными руками и ногами.

Такой же участи подвергся и транспортъ «Гастогай».

Пароходъ «Боецъ», выбросивъ второй якорь, имѣлъ на клюзахъ[1]) 40 сажень отъ дагликса и 90 сажень отъ плехта цѣпныхъ канатовъ; а когда вѣтеръ началъ усиливаться, то на пароходѣ были разведены пары, и машина была пущена полнымъ ходомъ. Однако такая предосторожность не избавила парохода отъ катастрофы. Когда бора обратилась въ порывистый ураганъ, то въ два часа пополудни 13 числа лопнула дагликсовая цѣпь; пароходъ до четырехъ часовъ утра удерживался еще на плехтѣ съ помощью паровъ, но затѣмъ его начало дрейфовать, а въ $6\frac{1}{2}$ часовъ утра онъ былъ прибитъ волненіемъ лѣвымъ бокомъ къ берегу, въ разстояніи 20 сажень отъ пристани.

Корветъ «Пиладъ» стоялъ на трехъ якоряхъ. Когда жестокость урагана дошла до высшей степени, то и это судно въ два часа пополудни 13 числа стало тихо дрейфовать, а потому немедленно были брошены оба запасныя якоря съ пеньковыми канатами, которые выравнились съ цѣпными; но, не смотря на это, корветъ ударился въ восемь часовъ объ отмель и былъ выброшенъ. Изъ судовъ, стоявшихъ на бриделяхъ, не были сбиты къ берегу: флагманскій фрегатъ «Мидія», шкуна «Смѣлая» и тендеръ «Струя». У фрегата, отъ большого нароста льда, низко опустилась въ воду носовая часть. На шкунѣ офицеры и команда болѣе 47 часовъ находились въ безпрерывной авральной работѣ, занимаясь очисткою льда съ корпуса судна, рангоута и снастей; для этого употреблялось все, что̀ могло служить къ этой цѣли: раскаленное желѣзо, кипятокъ и абордажное оружіе. Заблаговременно были сброшены якоря, а орудія передвинуты къ кормѣ; наконецъ былъ сброшенъ брифокъ-рей и обрубленъ утлегарь у эзельгофта, съ штагами и бакштагами, что̀ команда исполнила съ величайшей опасностью. Только такими напряженными дѣйствіями была спасена шкуна, а съ нею и всѣ служащіе на ней. Иная участь постигла тендеръ «Струя». 14 Января, когда мракъ, сталъ нѣсколько проясниваться, увидѣли, что надъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ тендеръ, возвышается топъ[2]) его мачты, который съ салингомъ представлялъ собою какъ бы крестъ надъ влажной могилой 52 человѣкъ. Въ числѣ погибшихъ были: командиръ капитанъ-лейтенантъ Леоновъ, мичманы Обольяниновъ и Ковалевскій и корпуса-

---

[1]) *Клюзъ*—круглая дыра въ носу корабля, въ которую проходитъ якорный канатъ.

[2]) *Топъ*—самый верхъ мачты.

флотскихъ штурмановъ прапорщикъ Скогоревъ. Изъ служившихъ на тендерѣ остались въ живыхъ мичманъ Данилевскій и 4 матроса, посланные на берегъ и оставшіеся тамъ вслѣдствіе начавшейся боры.

Дѣйствіе этой боры было жестоко не только въ Новороссійскѣ, но оно простиралось и далѣе по Черному морю. Шкуна «Дротикъ», подъ командой капитанъ-лейтенанта Данилевскаго, вышла изъ Севастополя 13 Января, при тихомъ сѣверномъ вѣтрѣ. На высотѣ Херсонскаго маяка она получила жестокій шквалъ отъ нордоста съ пониженіемъ температура до 15° ниже ноля по Реомюру. Крѣпившіе паруса люди такъ отморозили руки, что ихъ съ трудомъ могли снять съ марсовъ и оттереть льдомъ ознобленные члены. Съ усилившеюся затѣмъ бурей брызги отъ волненія, замерзая кругомъ и внутри судна, образовали вездѣ слой толстаго льда; снасти, паруса, шкивы въ блокахъ—все обледенѣло. Люди, раздѣленные на четыре смѣны, безпрерывно обрубали ледъ; они перемѣнялись черезъ каждыя пять минутъ, но и въ этотъ короткій промежутокъ, при жестокой стужѣ, лопаты и топоры выпадали изъ ихъ рукъ. Новая смѣна, не успѣвая отогрѣться, должна была выходить на ужасную борьбу, отчего люди изнурялись такой работой, превозмогавшей человѣческія силы. Отъ большой качки нельзя было разводить огонь, чтобы разогрѣвать воду, которую сначала употребляли для оттаиванія льда. Носовая часть судна замѣтно стала погружаться, и нѣсколько волнъ перекатилось черезъ бакъ по длинѣ всей шкуны. Такое бѣдственное положеніе продолжалось двое сутокъ; но наконецъ задулъ благодатный легкій юго-западный вѣтеръ, принеся съ собою оттепель, и шкуна избавилась отъ неминуемй гибели.

Въ 1838 году, 30 Мая, по всему восточному берегу Чернаго моря разразилась ужасная буря. Въ это время на рейдѣ Туапсе находились: пароходъ «Язонъ» подъ командой капитанъ-лейтенанта Хомутова, бригъ «Ѳемистоклъ» подъ командой капитанъ-лейтенанта Метлина, тендеры «Лучъ» подъ командой капитанъ-лейтенанта Панфилова и «Скорый» подъ командой лейтенанта Кислинскаго. транспортъ» Ланжеронъ» подъ командой лейтенанта Моцениго и восемь комерческихъ судовъ, доставившихъ разные грузы для войскъ отряда, занимавшаго мѣстности и строившаго укрѣпленія. Сначала съ моря появилась юго-западная зыбь, увеличиваясь быстро. При совершенномъ безвѣтріи парусныя суда не могли сняться съ якоря и уйти въ море, а пароходъ опоздалъ сдавая доставленный грузъ. Съ полдня задулъ сильный вѣтеръ, который скоро обратился въ жестокій штормъ отъ Юго-запада. На пароходѣ немедленно были подняты пары, а у всѣхъ судовъ были отданы вторые якоря; но вѣтеръ и волненіе достигли такихъ размѣровъ, что всѣ суда подрейфовало къ берегу съ якорями. Большое

трехъ-мачтовое Австрійское судно, стоявшее ближе другихъ къ берегу, видя неминуемую гибель, обрубило якорные канаты и выбросилось на берегъ; экипажъ его спасся кромѣ одного матроса, раздавленнаго другимъ навалившимъ на него судномъ. Затѣмъ началось выбрасываніе остальныхъ судовъ, сначала комерческихъ а потомъ военныхъ. Тендеръ «Скорый» успѣлъ срубить мачту и былъ выброшенъ противъ устья рѣки Туапсе. Изъ остальныхъ судовъ «Язонъ», на которомъ залило топку, «Ланжеронъ» и всѣ коммерческія суда были выброшены внутри расположенія лагеря, а «Ѳемистоклъ» и «Лучъ»—въ 150 саженяхъ отъ аванпостовъ, подъ горой. Изъ всѣхъ пострадавшихъ судовъ оказалось возможнымъ снять и исправить только пароходъ «Язонъ» и тендеръ «Лучъ». Изъ служившихъ на пароходѣ «Язонъ» утонули: лейтенанты Данковъ и Беѳани, мичманъ Гораненко, кондукторъ Басовъ и 37 нижнихъ чиновъ, а два матроса умерли отъ ушибовъ. На бригѣ «Ѳемистоклъ» утонулъ прапорщикъ корпуса флотскихъ штурмановъ Беданъ и одинъ унтеръ-офицеръ. На тендерѣ «Лучъ» убитъ Черкесами одинъ матросъ, ранено четыре, утонуло два и оказалось больныхъ отъ ушибовъ четыре. Въ тоже время у Сочи были выброшены на берегъ: фрегатъ «Варна» подъ командой капитана 2 ранга Тишевскаго и корветъ «Месемврія» подъ командой капитанъ-лейтенанта Бутакова; съ этаго послѣдняго судна были потеряны всѣ гребныя суда, причемъ погибло 12 человѣкъ нижнихъ чиновъ, и взяты Горцами въ плѣнъ: лейтенантъ Зоринъ, штурманскій офицеръ Горюшкинъ, юнкеръ Филатовъ и девять человѣкъ команды. Близъ укрѣпленія Св. Духа былъ выброшенъ люгеръ «Глубокій» подъ командой лейтенанта Леонтьева. Въ 1847 году, съ погибшаго у Тапсе транспорта «Адлеръ» были захвачены Горцами въ плѣнъ лейтенантъ Кульчицкій и 37 матросовъ.

Въ такомъ суровомъ подвижничествѣ представляются намъ крейсерская и транспортная служба у негостепріимнаго восточнаго берега Чернаго моря. Въ разное время, до Крымской войны 1854—1855 годовъ, потерпѣло крушеніе у этихъ береговъ 23 военныхъ судна разныхъ ранговъ, не считая тѣхъ, которыя послѣ крушенія могли быть исправлены для продолженія своего служебнаго назначенія. Такое неприглядное положеніе уснащалось еще разными другими тяжкими обстоятельствами. Такъ, отсутствіе рынковъ на всей этой линіи лишало моряковъ возможности имѣть свѣжую провизію; а наливка прѣсной водой производилась подъ военнымъ прикрытіемъ, и приходилось иногда брать ее съ боя. Лѣтомъ сильная жара, особенно при маловѣтріи, съ неутолимой жаждой отъ солонины, безъ достаточнаго движенія на палубѣ не болѣе ста футъ длины, притупляла мысль, располагая къ полной апатіи, а между тѣмъ требовалась зоркая наблюдательность

относительно появленія на окружности горизонта искомаго, такъ равно и атмосферныхъ перемѣнъ, для принятія своевременно соотвѣтственныхъ распоряженій. Но въ особенности тяжело было въ зимнее время, когда преимущественно господствуютъ сильныя бури, съ мрачностью и дождемъ, вслѣдствіе чего на судахъ часто не было мѣста и возможности, чтобы отогрѣться и просушиться послѣ томительной вахты въ промокшей одеждѣ, такъ какъ въ то время не было дождевиковъ, а течь изъ иллюминаторовъ превращала койку въ сырое ложе. Только сознаніе долга своей обязанности придавало бодрость терпѣливо и безропотно выносить такое опасное для здоровья горестное, безотрадное положеніе, притомъ въ постоянной борьбѣ за цѣлость рангоута и самого судна, а равно и за собственное существованіе, въ увѣренности, что въ случаѣ крушенія спасеніе на берегъ могло быть иногда хуже смерти, потому что легко было попасть къ враждебнымъ Горцамъ, подъ гнетъ дикаго рабовладѣльца.

На сколько такое крейсерство удовлетворяло требованію, чтобы прекратить сообщеніе Горцевъ съ Турціею и снабженіе ихъ боевыми снарядами, этотъ вопросъ подлежитъ болѣе глубокому обслѣдованію, какъ въ видахъ политической и военной необходимости того времени, такъ и возможности пользоваться наличными для этого средствами въ мѣрѣ желаемаго воздѣйствія. Англійскій агентъ Бель, въ своемъ дневникѣ (Шавровъ, Морской Сборникъ) сообщалъ, что въ продолженіе 17 дней онъ видѣлъ только одинъ разъ два Русскихъ крейсера, находившихся вдали отъ берега; тѣмъ не менѣе, принадлежавшая Белю шкуна «Виксенъ» была захвачена бригомъ «Меркурій» подъ командой кап.-лейтенанта Вульфа. Однако дѣятельность Англійскихъ агентовъ была настолько успѣшна, что выразилась въ разгромѣ укрѣпленій на береговой поморской линіи. Горцы настолько были снабжены ими для военныхъ дѣйствій, что даже входили въ состязаніе съ крейсерскими судами. Такъ, напримѣръ, въ 1837 году люгеръ «Глубокій» былъ атакованъ Горцами на галерахъ и былъ обязанъ своимъ спасеніемъ только превосходству своей артилеріи. Въ 1846 году, корветъ «Пиладъ» и бригъ «Паламедъ», встрѣтивши нѣсколько кочермъ, атаковали ихъ своими вооруженными гребными судами; но эти кочермы вступили съ ними въ бой и такъ успѣшно, что заставили Русскія гребныя суда выпустить всѣ огнестрѣльные снаряды. при чемъ на нихъ были убиты одинъ офицеръ и нѣсколько матросовъ, послѣ чего кочермы свободно пристали къ берегу у Вардана. Впрочемъ, нельзя было и ожидать многаго отъ морской стражи, состоявшей изъ семи парусныхъ крейсеровъ, выходившихъ поочередно для обхода отдѣловъ береговой линіи на протяженіи болѣе трехъ сотъ миль, особенно при тѣхъ тяжкихъ обсто-

ятельствахъ, въ какія поставлена была эта стража. Но, съ другой стороны, такая крейсерская служба предоставляла превосходную школу для молодыхъ Черноморцевъ, изъ которыхъ каждый, какъ офицеры такъ и матросы, побывалъ въ такихъ назначеніяхъ неоднократно. Послѣ нѣсколькихъ такихъ кампаній, освоивъ привычку выносить хладнокровно всѣ суровыя невзгоды въ тягостномъ испытаніи ихъ стойкаго самообладанія, они складывались въ особый типъ бывалыхъ людей, смѣлыхъ на всякое отчаянное предпріятіе, неустрашимыхъ въ опасности, находчивыхъ въ непредвидѣнныхъ случайностяхъ. Нѣкоторые изъ молодыхъ офицеровъ моряковъ такъ заражались искательствомъ сильныхъ ощущеній на восточной береговой линіи, что, списываясь съ одного оканчивающаго плаваніе судна на другое командируемое, по нѣскольку лѣтъ не жили на берегу.

Таковы были средства въ Черноморскомъ флотѣ къ подготовкѣ молодого поколѣнія моряковъ. Въ техническомъ и хозяйственномъ распорядкѣ М. П. Лазаревъ былъ неуклонный послѣдователь А. С. Грейга. Пользуясь тѣми средствами, какія были созданы труженической дѣятельностью его предшественника, онъ продолжалъ, съ свойственной ему энергіей, заканчивать все недодѣланное и исполнять все намѣченное, примѣняя къ тому болѣе усовершенствованные способы, по устройству адмиралтейскихъ мастерскихъ и разныхъ приспособленій, по кораблестроенію, по вооруженію судовъ и боевой ихъ подготовкѣ.

Вопросъ о необходимости перестроить и расширить Николаевское адмиралтейство возникъ еще въ 1825 году. Была назначена по этому поводу комиссія для разсмотрѣнія проекта инженеръ-полковника Рокурта. Въ 1831 году составленъ былъ планъ расположенія предполагаемыхъ строеній на лѣвой и на правой сторонѣ Ингула, но этотъ проектъ остался безъ исполненія. М. П. Лазаревъ обратилъ особенное вниманіе на такую необходимость, и по его указаніямъ были составлены: общій планъ новаго расположенія адмиралтейства, планы и смѣтныя исчисленія на постройку проектируемыхъ новыхъ элинговъ, зданій и прочихъ необходимыхъ сооруженій. Этотъ планъ былъ утвержденъ 5 Января 1838 года. По новому плану увеличенъ Мортоновъ элингъ на 25 футъ и сооружено 48 разныхъ адмиралтейскихъ строеній, а въ числѣ ихъ канатный и литейный заводы; построены три элинга для строенія судовъ; все адмиралтейство обнесено каменной стѣной и въ ней сооружены верхніе ворота, съ совѣтницкой и гауптвахтой, и нижніе ворота, по западную сторону у берега рѣки, съ караульнымъ домомъ; устроенъ на горѣ колодезь съ приспособленіемъ механизма для подъема воды на случай пожара; установлены боны по

обѣимъ сторонамъ адмиралтейства на Ингулѣ; разработанъ спускъ въ адмиралтейство отъ главныхъ воротъ и обсаженъ деревьями. Внѣ главнаго адмиралтейства, заведено адмиралтейство въ Спасскомъ урочищѣ, съ двумя открытыми элингами для постройки судовъ подряднымъ способомъ; построены: три трехъ-этажныя казармы на три тысячи человѣкъ, со службами и оградой; каменное зданіе для училища дочерей нижнихъ чиновъ морского вѣдомства; каменная мечеть для магометанъ, служащихъ въ морскомъ вѣдомствѣ; окончено зданіе на соборной площади для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ портового управленія и архива.

Въ 1838 году былъ учрежденъ въ Николаевѣ второй учебный экипажъ, къ которому было причислено артилерійское училище подъ наименованіемъ пятой роты. Въ составъ этаго экипажа вошло и училище флотскихъ юнговъ. Подъ помѣщеніе этаго экипажа была отведена одна изъ новыхъ казармъ, а въ зданіи, занимавшемся до того времени артилерійскимъ училищемъ, была помѣщена штурманская рота.

Съ 1834 по 1852 годъ въ Севастополѣ произведены были слѣдующія постройки. У Графской пристани портикъ съ двумя боковыми площадками и домиками; домъ подъ училище для дочерей нижнихъ чиновъ морского вѣдомства со службами; лѣстница отъ Екатерининской площади на малый бульваръ, на которомъ сооружены памятникъ Казарскому и павильонъ; зданія для морской офицерской библіотеки и для морского офицерскаго собранія; каменныя приморскія батареи Николаевская, Александровская, Константиновская, Михайловская и Павловская; каменная стѣна отъ Карантинной бухты до Южной. Набережная Корабельной бухты обдѣлана камнемъ, и на этой набережной построены двухъ-этажные каменные магазины; а въ углубленіи этой бухты сооруженъ сухой докъ, съ общимъ большимъ бассейномъ и пятью въ немъ отдѣленіями для исправленія въ нихъ судовъ; для наполненія этого дока водою сооруженъ былъ каменный водопроводъ отъ Черной рѣки въ 18 верстъ длиною. Между Корабельной и Южной бухтами срыта часть горы, отъ 15 до 20 сажень высоты, и на этомъ пониженномъ мѣстѣ было заложено новое адмиралтейство; тутъ же сооруженъ и Мортоновъ элингъ. На продолженіи этой возвышенности къ Югу построены трехъ-этажныя казармы на шесть тысячъ человѣкъ, со службами и флигелями. Была засыпана низменность въ углубленіи Южной бухты, и къ ней вырублена въ каменной возвышенности дорога отъ Екатерининской улицы, съ разработкою подъема на противоположную возвышенность этой бухты. Императоръ Николай Павловичъ, посѣтивъ Севастополь въ 1837 году, повелѣлъ построить на городской горѣ храмъ Св. Владимира.

Въ должности командира Севастопольскаго порта за это время состояли: съ 1 Января 1833 года по 1835 годъ контръ-адмиралъ Кумани; съ 1835 года по 6 Декабря 1837 года контръ-адмиралъ Стожевскій, котораго замѣнилъ вице-адмиралъ Авиновъ; съ 1849 года по 1852 годъ вице-адмиралъ Хрущовъ, котораго замѣнилъ вице-адмиралъ Станюковичъ.

Съ 1833 года по 1851 годъ въ Николаевѣ, по судостроенію, построено: кораблей шестнадцать, фрегатовъ девять, корветовъ пять, бриговъ девять, шкунъ десять, тендеровъ семь, яхтъ двѣ, пароходовъ восемь, транспортныхъ судовъ пятнадцать, для лоціи шесть судовъ, канонерскихъ лодокъ двадцать пять. Въ тоже время въ Севастополѣ построено: фрегатовъ три, корветовъ два, бриговъ три, шкуна одна, тендеръ одинъ, транспортныхъ судовъ шесть. Рабочую силу Николаевскаго адмиралтейства составляли четыре рабочихъ экипажа, каждый въ одну тысячу человѣкъ. Кромѣ того высылалась третья часть сельчанъ отъ шести адмиралтейскихъ селеній, въ которыхъ въ 1842 году числилось 5044 человѣка мужского пола, способныхъ къ работамъ; этимъ сельчанамъ, подъ названіемъ Охтенцовъ, за время работъ отпускалось пищевое довольствіе и жалованье по девяти рублей въ мѣсяцъ.

Въ послѣднее время своего управленія М. П. Лазаревъ сталъ хворать. Первые признаки болѣзненности онъ почувствовалъ еще въ 1847 году, вначалѣ очень слабые, но по времени увеличивавшіеся; они сопровождались общимъ разстройствомъ организма, очень крѣпкаго отъ природы. Не смотря на это, онъ не только дѣятельно занимался административными дѣлами и лично слѣдилъ за кораблестроеніемъ, но посѣщалъ Севастополь и поднималъ свой флагъ на практической эскадрѣ. Въ послѣднее время эти болѣзненные припадки очень усилились. Князь Меншиковъ, получая объ этомъ свѣдѣнія, призналъ необходимымъ доложить объ этомъ Государю Императору. Вслѣдствіе такого доклада, отъ Его Величества послѣдовалъ именной рескриптъ, отъ 3 Февраля 1851 года за № 839, слѣдующаго содержанія.

«Михаилъ Петровичъ! Съ искреннимъ соболѣзнованіемъ узналъ я о разстроенномъ состояніи вашего здоровья, а потому поручилъ начальнику главнаго морского штаба моего выразить какъ участіе мое, такъ и желаніе, чтобы вы поспѣшили прибѣгнуть къ врачебнымъ пособіямъ для возстановленія вашихъ силъ. Усматривая изъ вашего къ нему отзыва, что, не смотря на утомленіе болѣзнію, вы продолжаете неослабно заниматься дѣлами, я опасаюсь, что труды, по свойственной вамъ ревности къ любимому вами дѣлу, для котораго не щадите себя, не усугубили еще болѣе вашихъ страданій; а потому, если только съ желаніемъ вашимъ согласно отдохнуть отъ занятій и предпри-

нять путешествіе за границу, или куда по совѣту врачей, что можетъ быть для вашего здоровья цѣлебно, то я, озабочиваясь сохраненіемъ цѣнимой мною дѣятельности и полезной жизни вашей, не токмо дозволяю вамъ, но прошу послѣдовать указаніямъ медиковъ, не стѣсняясь нисколько лежащими на васъ обязанностями, какъ по званію главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ, такъ и Николаевскаго и Севастопольскаго военнаго губернатора, которые вы передадите, впредь до особаго распоряженія, старшему послѣ васъ генералъ-лейтенанту Берху. Но путевыя издержки, при сохраненіи вамъ всего получаемаго вами на службѣ содержанія, разрѣшаю взять безотчетно двѣ тысячи червонцевъ, или равною имъ стоимостію другою монетой, изъ суммъ въ вашемъ распоряженіи находящихся. Дай Богъ вамъ скораго и совершеннаго здоровья, чтобъ потомъ, съ тѣмъ же усердіемъ и съ тою же пользою, какими всегда отличалось достохвальное ваше служеніе, продолжать его отечеству. Этимъ искреннимъ желаніемъ сопутствуя вамъ повсюду, пребываю навсегда благосклоннымъ».

Приказъ по Черноморскому флоту о передачѣ управленія корпуса флотскихъ штурмановъ генералъ-лейтенанту Берху, временно до выздоровленія, состоялся 18 Февраля 1851 года; а затѣмъ М. П. Лазаревъ отправился за границу, въ сопровожденіи капитана 1 ранга В. И. Истомина и морского врача статскаго совѣтника Таубе. Смерть его послѣдовала въ Вѣнѣ 11 Апрѣля того же года. На третій день послѣ смерти адмирала тѣло его было перенесено 13 Апрѣля въ церковь Русскаго посольства, въ которой, на другой день, совершено было отпѣваніе въ присутствіи ихъ высочествъ эксъ-герцоговъ Австрійскихъ Вильгельма и Эрнеста, при многочисленномъ собраніи Австрійскихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и всѣхъ чиновъ Русскаго посольства. По окончаніи отпѣванія, восемь унтеръ-офицеровъ въ траурѣ вынесли гробъ изъ церкви и поставили на дроги. Печальная церемонія двинулась въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди дивизіонъ кирасиръ, за ними шесть пушекъ при батальонѣ пѣхоты, потомъ дивизіонъ гренадеръ, за которыми слѣдовали ордена, пѣвчіе, духовенство и гробъ; позади гроба ѣхалъ рыцарь въ черныхъ латахъ, шло семейство покойнаго, члены Русскаго посольства, а за ними ихъ высочества Вильгельмъ и Эрнестъ, весь Вѣнскій генералитетъ, пѣхота и артилерія. Войсками, состоявшими изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты полка Эмиля, одного баталіона полка Бреда, дивизіона кирасиръ и двухъ пѣшихъ батарей, командовали: фельдцейхмейстеръ графъ Фалкенштейнъ, фельдмаршалъ-лейтенантъ принцъ Виртембергскій и генералъ-маіоръ Кордонъ. По выходѣ изъ городскихъ воротъ войска, выстроившись на гласисѣ, произвели прощальный салютъ изъ 36 пушечныхъ выстрѣловъ и въ трехъ промежуткахъ девять ружейныхъ выстрѣловъ. Потомъ гробъ, въ сопровожденіи дивизіона кирасиръ, былъ перевезенъ на клад-

бище, а оттуда отправленъ въ Галацъ на одномъ изъ пароходовъ Дунайской К°. Для принятія гроба въ Галацѣ туда прибылъ пароходъ «Силачъ» съ исправляющимъ должность главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ. На этомъ пароходѣ гробъ былъ доставленъ къ Сулинскому устью Дуная и тамъ поставленъ на катафалкъ, устроенный на пароходѣ «Владиміръ», который, въ сопровожденіи парохода «Громоносецъ», прибылъ 5 Мая въ Севастополь.

Для встрѣчи этого гроба весь флотъ стоялъ въ это время на Севастопольскомъ рейдѣ, съ перекрещенными реями и приспущенными флагами, а на пароходѣ «Владимиръ», проходившемъ по всей линіи судовъ, былъ поднятъ адмиральскій флагъ съ черной перевязью. Похороны, съ полнымъ церемоніаломъ по уставу, были совершены 7 Мая архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ Иннокентіемъ. Гробъ этотъ былъ поставленъ въ склепъ по срединѣ города, на горѣ, въ центрѣ фундаментальной ограды, возведенной для построенія храма Св. Владимира. Моряки, движимые чувствомъ глубокой признательности къ покойному адмиралу, ихъ учителю, собрались послѣ похоронъ въ зданіи морской офицерской библіотеки и рѣшили составить подписку на сооруженіе памятника высокочтимому своему начальнику; тотчасъ былъ поданъ листъ бумаги, который покрылся 95 подписями, давшими на это дѣло болѣе семи тысячъ рублей.

Морицъ Борисовичъ Берхъ, назначенный исправлять должность главнаго командира Черноморскаго флота, воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1794 году произведенъ въ мичманы. Плавая ежегодно на судахъ Балтійскаго флота, онъ назначенъ былъ въ кругосвѣтное плаваніе на шлюпѣ «Нева» съ 1806 по 1810 годъ. Въ 1813 году онъ получилъ въ командованіе фрегатъ «Эммануилъ». Въ 1817 году, по ходатайству А. С. Грейга, онъ былъ опредѣленъ директоромъ Черноморскихъ маяковъ и завѣдующимъ производствомъ описныхъ работъ Черного и Азовскаго морей. Въ 1827 году состоялось назначеніе его въ должность инспектора корпуса флотскихъ штурмановъ. Въ 1849 году онъ былъ назначенъ членомъ Адмиралтействъ - совѣта, съ оставленіемъ при управленіи Черноморскаго флота. Въ 1851 году онъ былъ переименованъ въ вице-адмиралы, а въ 1853 году произведенъ въ адмиралы. При назначеніи его въ должность главнаго командира ему было 75 лѣтъ. Такія преклонныя лѣта и слабость здоровья не соотвѣтствовали условіямъ исполненія предоставленной ему должности; а потому, тяготясь возложенной на него обязанностію, связанною съ усиленными занятіями и большой нравственной отвѣтственностью, онъ писалъ князю Меншикову, въ Январѣ 1854 года, что чувствуетъ большой упадокъ силъ, не дозволяющій ему въ должной мѣрѣ заниматься

дѣлами, и просилъ его ходатайства объ увольненіи отъ занимаемыхъ должностей; но по обстоятельствамъ того времени потребовалось продолженіе такого его служебнаго положенія, и онъ терпѣливо сносилъ это бремя.

Изъ числа многихъ даровитыхъ сослуживцевъ М. П. Лазарева въ Черноморскомъ флотѣ пользовались особымъ его расположеніемъ Нахимовъ, Корниловъ, Путятинъ, Метлинъ, Истоминъ, Лѣсовскій, Унковскій и Шестаковъ. Всѣ они, сошедшіе уже съ житейскаго пути, въ свое время, пройдя подготовительную школу совершенствованія подъ руководствомъ одного и того же начальника, въ свою очередь были видными дѣятелями, ихъ имена внесены въ государственную лѣтопись; ихъ полезнымъ заслугамъ потомство отдаетъ должную справедливость. Въ этой средѣ особымъ довѣріемъ М. П. Лазарева были почтены первые два—Нахимовъ и Корниловъ. Перваго онъ уважалъ какъ безупречно честнаго, прямодушнаго и трудолюбиваго человѣка, большого знатока по разносторонности морского дѣла и вполнѣ преданнаго ему совѣтника; во второмъ онъ видѣлъ очень даровитаго и энергическаго помощника, а потому позаботился о разносторонней его подготовкѣ, чтобы онъ могъ быть его пріемникомъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго преуспѣянія Черноморскаго флота. Оба эти дѣятеля особенно выдѣлялись своимъ возбуждающимъ воздѣйствіемъ на подчиненныхъ, какъ начальники и ревнители въ предѣлахъ предоставленной имъ дѣятельности, а потомъ, самоотверженной предпріимчивостью въ оборонѣ Севастополя увѣнчались нетлѣннымъ вѣнцомъ павшихъ въ бою. Воспоминаніе объ этихъ герояхъ, мученикахъ долга и чести, затрогиваетъ гадательную мысль: какъ сложилась и развилась та могучесть духовной силы, которая служила двигателемъ ихъ подвижничества и увѣнчала память о нихъ ореоломъ славы? Былой ихъ сослуживецъ, я принимаю смѣлость познакомить читателей, по возможности, съ достоинствами и значеніемъ этихъ двухъ оригинальныхъ лицъ, имѣвшихъ разные характеры, способности, качества и побужденія, но которые, въ исполненіи своего назначенія составляли необходимое дополненіе главнаго двигателя въ той эпохѣ жизненныхъ силъ Черноморскаго флота.

Павелъ Степановичъ Нахимовъ, происходя изъ небогатой дворянской семьи Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда, обучался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и поступилъ въ чинѣ мичмана 19 лѣтъ на фрегатъ «Крейсеръ», отправлявшійся въ кругосвѣтное плаваніе въ 1822 году, подъ командою М. П. Лазарева. Эта случайная встрѣча на служебномъ пути съ такимъ энергичнымъ и разностороннимъ по своимъ опытнымъ свѣдѣніямъ начальникомъ имѣла вліяніе на всю послѣдующую жизнь его. Чуткій на все хорошее, впечатлительный во всѣхъ

случайностяхъ, воспріимчивый къ усвоенію всего полезнаго, съ рвеніемъ къ наибольшему самообразованію и съ любовью къ морскому подвижничеству, безгранично точный въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ, подъ руководствомъ вліятельнаго и требовательнаго начальника, воспринималъ тѣ строгія правила самоотверженнаго служенія, какія потомъ отличали въ высшей степени его полезную дѣятельность во флотѣ. М. П. Лазаревъ вполнѣ постигъ его, оцѣнилъ по достоинству, и такимъ образомъ между ними сложилось незамѣтно духовное сродство, сдѣлавшее Нахимова самымъ преданнымъ почитателемъ своего руководителя на первомъ поприщѣ морского служенія. Этотъ своеобразный человѣкъ обладалъ очень рѣдкой, не всѣмъ доступной способностію, при открытомъ добродушіи и легкости сближенія со всѣми служащими, отличать всѣ тонкости ихъ наклонностей, снисходить къ ихъ слабостямъ и врожденнымъ характернымъ неровностямъ, заглядывать въ ихъ душу, взвѣшивать ихъ побужденія. Этотъ неоцѣненный даръ, какъ въ человѣкѣ, такъ и въ начальникѣ, сдѣлалъ его чрезвычайно вліятельнымъ на сослуживцевъ. Владѣя острымъ, выразительнымъ юморомъ, онъ любилъ говорить при всякомъ случаѣ съ матросами о ихъ происхожденіи, семейномъ положеніи и служебныхъ отношеніяхъ, экзаменуя ихъ знанія и пытливо подмѣчая оттѣнки въ нихъ самобытности, свойственныя каждой натурѣ и расѣ по происхожденію. Это общеніе сдѣлало его знатокомъ человѣческаго достоинства, вооружило его умѣньемъ дѣйствовать на слабую сторону соприкасавшихся съ нимъ людей, говорить съ ними по душѣ, трогать и направлять ихъ своимъ логичнымъ словомъ. Въ такомъ безнамѣренномъ способѣ сближенія со своими сослуживцами, не смотря на видимую требовательность въ служебныхъ отношеніяхъ, онъ былъ уважаемъ и любимъ всѣми одинаково. Всѣ его дѣйствія были практически вѣрны, слова просты безъ малѣйшаго педанства и саркастической надменности, его добродушный взглядъ вызывалъ расположеніе къ нему съ полнымъ довѣріемъ, не смотря на разность служебнаго положенія. Зная, что матросъ подмѣчаетъ и оцѣниваетъ дѣйствія и приказанія своего начальника, хотя исполняетъ ихъ безпрекословно, онъ часто говорилъ офицерамъ, указывая на ихъ промахи: «Неужели вы думаете, что матросъ не замѣчаетъ этого? Онъ замѣтитъ лучше чѣмъ нашъ братъ. Мы лучше умѣемъ говорить, чѣмъ замѣчать; послѣднее же его дѣло». Дальное плаваніе въ молодыхъ лѣтахъ служило для него, въ этой наклонности изучать людей, весьма счастливымъ случаемъ, тѣсно сближая его въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ людьми разностороннихъ воззрѣній и характеровъ. Такимъ образомъ, съ самаго начала своей службы П. С. Нахимовъ поставилъ себя въ условія близкихъ от-

ношеній къ низшей братіи и неотступно слѣдовалъ этому правилу до конца своей жизни. Его сердечная симпатія къ человѣку всякого сословія не порабощалась честолюбіемъ, свѣтлый умъ его не прельщался блескомъ мишурнаго общежитія; онъ не искалъ популярности, хотя имя его было очень авторитетно и популярно, не заботился о томъ, какъ относится къ нему большинство молодыхъ офицеровъ, вполнѣ сознавая, что житейскій опытъ научитъ ихъ понимать отношенія его къ нимъ и доброжелательное со стороны его требованіе. «Матросъ, высказывалъ онъ имъ, есть главный двигатель на военномъ суднѣ, а мы только пружины дѣйствующія на него; онъ все сдѣлаетъ, если мы начальники не будемъ эгоистами, если не будемъ смотрѣть на службу, какъ на средство для удовлетворенія своего честолюбія, а на подчиненныхъ, какъ на ступени своего возвышенія».

Служившій подъ флагомъ П. С. Нахимова у восточнаго берега Чернаго моря, въ числѣ мичмана, В. Зарудный, сообщилъ между прочимъ слѣдующій съ нимъ случай[1]. «Командиръ фрегата, вслѣдствіе несвоевременнаго исполненія распоряженія, приказалъ ему отправиться на бакъ, а онъ отказался идти; тогда адмиралъ, бывшій въ то время на палубѣ, велѣлъ ему исполнить приказаніе, и онъ повиновался. Послѣ такого ареста, онъ пришелъ въ каюту адмирала и просилъ списать его на одинъ изъ крейсеровъ. Вмѣсто отвѣта адмиралъ спросилъ его: «Вы читали исторію Рима?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, адмиралъ сказалъ: «Чтò было бы съ Римомъ, если бы патриціи были также малодушны какъ вы и при неудачахъ бѣжали бы изъ своего отечества? Намъ не мѣшаетъ разобрать подробнѣе обстоятельства непріятнаго происшествія. За ничтожную неисправность вамъ дано приказаніе, несообразное съ обычаями и честью, а вы поторопились сдѣлать возраженіе несогласное съ законами. Вниманіе всей команды было возбуждено въ присутствіи адмирала. Неужели вы поступили бы иначе на моемъ мѣстѣ въ то время, когда начальникъ рискуетъ потерять уваженіе общества и быть вреднымъ государству вслѣдствіе своей слабости? Г. Зарудный! Нужно имѣть болѣе героизма и болѣе обширный взглядъ на жизнь, а въ особенности на службѣ. Пора намъ не считать себя помѣщиками, а матросовъ крѣпостными. У многихъ командировъ служба не клеится на судахъ оттого, что они невѣрно понимаютъ значеніе дворянина и презираютъ матроса, забывая, что у мужика есть умъ, душа и сердце также какъ и у всякаго другого. Эти господа совершенно не понимаютъ достоинства и назначенія дворянина. Вы также не безъ грѣха. Помните, какъ шереховато отвѣтили вы мнѣ на замѣчаніе мое по случаю лопнувшаго бизаньшката?[2] Я оставилъ это безъ вниманія, хотя и не сомнѣвался въ томъ, что мнѣ ничего не значитъ заставить васъ перемѣнить способъ выраженія въ разговорахъ съ адмираломъ. Познакомившись съ вашимъ

---

[1]) Морской Сборникъ 1856 г. Фрегатъ „Бальчикъ".

[2]) Шкатъ — лейка для оканчиванія корабля снаружи со шлюпки.

нравомъ, я предоставилъ времени исправить нѣкоторыя ваши недостатки, зная по опыту, какъ вредно безъ жалости ломать человѣка, когда онъ молодъ и горячъ. Да и зачѣмъ же ломать васъ, когда, Богъ дастъ, вы со временемъ будете служить какъ слѣдуетъ; ваши силы еще пригодятся. Выбросьте изъ головы всякое неудовольствіе, служите на фрегатѣ попрежнему. Теперь вамъ не легко; но время исправитъ и забудется. Этотъ случай для васъ не безъ пользы; опытность, какъ сталь, нуждается въ закалѣ. Если вы не будете падать духомъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, то со временемъ будете молодцомъ. Неужели вы думаете, что мнѣ легко было отдать то приказаніе, о которомъ вы говорите? Но мало ли что обходится не легко намъ въ жизни». Зарудный говоритъ, что общественное самолюбіе смирилось въ немъ предъ священнымъ долгомъ службы, а потому онъ вышелъ изъ адмиральской каюты другимъ человѣкомъ. Такими убѣжденіями дѣйствовалъ Нахимовъ на молодыхъ людей, и въ ихъ памяти врѣзались глубоко эти уроки, имѣвшіе большое исцѣляющее значеніе въ отношеніяхъ ихъ къ начальникамъ и подчиненнымъ.

Въ одномъ практическомъ плаваніи, во время эволюцій, корабль «Адріанополь», шедшій контра-галсомъ близко къ кораблю «Силистрія», сдѣлалъ такой неудачный маневръ, что столкновеніе было неминуемо. Командиръ корабля «Селистрія» П. С. Нахимовъ скомандовалъ «съ крюселя долой», и быстро спустившіеся люди, со всѣми бывшими вблизи, были отосланы имъ на шкафутъ за гротъ-мачту, а самъ онъ остался на ютѣ въ ожиданіи катастрофы. «Адріанополь» врѣзался около гротъ-русленей, и на немъ затрещалъ утлегарь, а на «Силистріи» половина гротъ - вантъ была порвана и всѣ бизань - ванты срѣзаны; съ трескомъ полетѣлъ въ воду съ боканцевъ катеръ вмѣстѣ съ шлюпъбалками, закачалась бизань-мачта, крюйсъ - стеньга рухнула внизъ, сломавъ марсъ и бегинъ - рей и осыпавъ осколками Нахимова, котораго по счастливой случайности не ушибло. Еще минута, и «Адріанополь» былъ за кормой. Хотя это случилось передъ вечеромъ, но на другой день, около десяти часовъ утра, на «Силистріи» былъ поднятъ сигналъ: «Поврежденія исправлены». Только опытные моряки, бывалые и пріобрѣтшіе опытность въ разныхъ случайностяхъ, могутъ оцѣнить громадность работы, произведенной командой этого корабля въ такой короткій промежутокъ времени. Когда на другой день старшій офицеръ на кораблѣ спросилъ Павла Степановича, почему онъ не сошелъ съ юта и подвергалъ себя явной опасности, онъ отвѣчалъ, что такіе случаи представляются рѣдко, и командиръ долженъ ими пользоваться. Надо, чтобы команда видѣла присутствіе духа въ своемъ начальникѣ; тогда она будетъ вполнѣ увѣрена въ немъ и въ критическія минуты будетъ спокойна.

Начальствуя отрядомъ крейсерующихъ судовъ у восточнаго берега Чернаго моря и имѣя свой флагъ на фрегатѣ «Кагулъ», П. С. Нахимовъ подошелъ къ Головинскому укрѣпленію у Субаши, приказалъ лечь въ дрейфъ и позволилъ офицерамъ съѣхать на берегъ. По возвращеніи ихъ онъ узналъ, что тамъ находится въ крайне-бѣдственномъ положеніи больной лейтенантъ Стройниковъ, свезенный съ корвета «Пиладъ», безъ бѣлья, безъ свѣжей провизіи и безъ всякихъ удобствъ въ сыромъ лазаретѣ; вслѣдствіе этого онъ приказалъ своему адъютанту немедленно отправить для Стройникова чаю, сахару, лимоны, провизіи и сто рублей денегъ. Встрѣтивъ вскорѣ корветъ «Пиладъ», онъ сигналомъ приказалъ ему подойти для переговоровъ. Когда командиръ корвета прибылъ на фрегатъ, то при встрѣчѣ адмиралъ спросилъ его: «Скажите, какъ вы могли сбросить больного офицера на берегъ, не снабдивъ его ни бѣльемъ, ни всѣмъ необходимымъ?» Командиръ сталъ оправдываться тѣмъ, что въ то время разводило сильное волненіе, и онъ торопился уйти. «Стыдно, сказалъ адмиралъ. Было бы простительно поступить такъ мнѣ, человѣку одинокому, у котораго сердце должно быть черствѣе; а вы человѣкъ семейный, и у васъ есть сыновья. Что̀ если бы съ однимъ изъ нихъ было такъ поступлено? Прощайте! Я ничего больше сказать не имѣю». Вслѣдъ затѣмъ онъ приказалъ одной изъ шкунъ зайти въ Головинское укрѣпленіе, взять тамъ Стройникова и доставить его въ Севастополь.

А. Б. Асланбековъ, служившій въ 41 флотскомъ экипажѣ, въ біографическомъ очеркѣ П. С. Нахимова (Спб. 1868 г.), высказалъ о своемъ начальникѣ слѣдующее: «Онъ имѣлъ особенный даръ пріохотить къ морскому дѣлу, внушить энергію и любовь къ службѣ, какъ своимъ примѣромъ, постояннымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, такъ и своими интересными разсказами о томъ, какъ это дѣлалось на «Крейсерѣ» и на «Азовѣ», что̀ говорилъ М. П. Лазаревъ въ томъ или другомъ случаѣ, какъ бы забывая, изъ врожденной ему скромности и глубокаго уваженія къ своему наставнику, что «Наваринъ», «Паллада» и «Силистрія», которыми онъ командовалъ, были вполнѣ новыми авторитетами и примѣромъ для подражанія. Радушіе и гостепріимство его были извѣстны всякому. Изысканная чистота и порядокъ на кораблѣ и въ его квартирѣ, сердечная доброта, прямодушіе выражались на его открытомъ лицѣ. Вниманіе его къ своимъ ближайшимъ подчиненнымъ офицерамъ и матросамъ 41 флотскаго экипажа было неисчерпаемо. Онъ слѣдилъ за ними не только въ Севастополѣ, но и у Кавказскаго берега, и за границей; они могли обращаться къ нему какъ къ родному отцу. Эта честная, благородная, безкорыстная личность, это доброе великодушное сердце, эта искренняя безграничная любовь ко всѣмъ и каждому, весьма скоро привлекли къ нему сослуживцевъ. Во всемъ Черноморскомъ флотѣ не было ни одного ма-

троса, который не зналъ, если не лично, или по наслышкѣ, и не любилъ, хотя бы заочно, капитана «Силистріи». Никто не умѣлъ такъ понимать ихъ нужды, такъ говорить съ ними, а потому они были слѣпо преданы ему. Выходитъ ли эскадра, отдѣльный корабль или другое военное судно изъ гавани, идетъ ли въ гавань, возвращается ли съ моря, или снимается съ якоря, П. С. Нахимова можно было видѣть всегда на Графской пристани съ зрительной трубой въ рукѣ. Даже всякая шлюпка, качающаяся подъ парусами на рейдѣ, была имъ замѣчаема. Но, не смотря на то, что за малѣйшее упущеніе молодые офицеры, при удобномъ случаѣ, подвергались его замѣчаніямъ, они его обожали; потому что всякій, обратившій на себя его вниманіе съ одобреніемъ, могъ расчитывать на его готовность научить, облегчить, заступиться, ходатайствовать, на его всегда протянутую руку помощи и даже его денежную поддержку. Въ то время каждый изъ молодыхъ командировъ, встрѣчаясь въ морѣ съ кораблемъ «Силистрія», или выходя на рейдъ, гдѣ стоялъ этотъ корабль, осматривалъ свое судно, чтобы показаться въ возможно-лучшемъ, безукоризненномъ состояніи зоркому командиру «Силистріи», отъ котораго не скроется ни малѣйшій недостатокъ, а равно и образцовое управленіе. Одобреніе его считалось наградой, которую каждый старался заслужить. Такъ было велико нравственное, вліяніе этого человѣка».

П. С. Нахимовъ смотрѣлъ на людей, какъ на разумныя существа, а потому внѣ службы онъ говорилъ съ младшими, какъ съ равными ему. Въ немъ не было собственнаго *я*, быть по сему и т. п.; его желаніе было заставлять каждаго разсуждать, вдумываться, слѣдить за собой, сдерживать свои страстныя влеченія, подчинять ихъ здравому смыслу, составлять особенность своего склада мышленія, соединеннаго съ твердой устойчивостью въ преслѣдованіи равноправности безъ ослабленія предержащей власти. Какъ могъ человѣкъ дойти до такой идеальной обособленности въ міровоззрѣніи? Это тайна природы. Во время его жизни нѣкоторые не понимали его достоинствъ, прикрытыхъ свойственною такимъ натурамъ скромностью и простотой; только послѣдствія обнаружился успѣхъ такой системы мышленія и дѣйствія, выяснились предъ массой сослуживцевъ благодѣтельные симптомы его нравственнаго міра, послужившіе основаніемъ житейской мудрости этого необыкновеннаго человѣка, который жилъ сосредоточеннымъ въ себѣ, дѣйствовалъ силой увлеченія, страдалъ отъ него и погибъ въ увлеченіи обязательнаго, безупречнаго исполненія своей обязанности.

По возвращеніи изъ кругосвѣтнаго плаванія на фрегатѣ «Крейсеръ», П. С. Нахимовъ былъ назначенъ на корабль «Азовъ», а потому опять поступилъ подъ начальство М. П. Лазарева. За отличную храбрость и мужество, оказанныя имъ при истребленіи Турецко-Египетскаго флота въ Наваринской бухтѣ, онъ получилъ орденъ св. Георгія 4 степени и чинъ капитанъ-лейтенанта, а потомъ, за тоже от-

личіе, ордена: Англійскій Бани, Французскій Почетнаго Легіона и Греческій Спасителя. Въ 1828 году онъ получилъ въ командованіе корветъ «Наваринъ», отнятый у Египтянъ, и былъ назначенъ станціонеромъ въ Мальту, гдѣ вооружилъ и привелъ въ порядокъ этотъ корветъ съ такимъ щегольствомъ, что удивилъ Англійскихъ моряковъ, считавшихъ себя авторитетными въ морскомъ дѣлѣ. По возвращеніи въ Кронштадтъ въ 1832 году онъ былъ назначенъ командиромъ фрегата «Паллада». Этотъ фрегатъ, какъ отзывались современники, былъ образцовымъ по вооруженію, чистотѣ и военному порядку, обращая на себя особенное вниманіе всѣхъ моряковъ. Въ первую кампанію этого фрегата въ эскадрѣ подъ начальствомъ многоопытнаго моряка Ѳ. Ѳ. Беллингсгаузена, произошелъ замѣчательный случай, не предусмотрѣнный Морскимъ Уставомъ. Эта эскадра, въ составѣ семи кораблей, семи фрегатовъ, брига и шкуны, была недалеко отъ Дагерорта въ бурную и мрачную погоду. 16 Августа открылся на очень короткое время маякъ, но за тѣмъ снова занесло его мрачностью. На фрегатѣ «Паллада» успѣли однако заполенговать маякъ и провѣрить счисленіе. Въ полночь, пригласивъ смѣнившагося съ вахты лейтенанта Алферова, Нахимовъ снова провѣрилъ съ нимъ курсъ слѣдованія эскадры и, придя къ сознанію вѣрности своего опредѣленія, рѣшился сдѣлать сигналъ: «Флотъ идетъ къ опасности», а затѣмъ поворотилъ, не ожидая приказанія командовавшаго эскадрою. Слѣдуя его примѣру, и другія суда стали немедленно поворачивать; но корабль «Арсисъ», не замѣтивъ этого сигнала, выскочилъ на каменья, вслѣдствіе чего въ немъ открылась течь, вынудившая срубить мачты и выбросить въ воду орудія верхней палубы. За такое превышеніе власти и дисциплины Нахимовъ подлежалъ суду и разжалованію, на что и послѣдовало высочайшее повелѣніе, и только личное заступничество адмирала Беллингсгаузена избавило его отъ такого взысканія. Впослѣдствіи, Государь Императоръ, посѣтивъ эскадру въ Ревелѣ, лично благодарилъ Нахимова за спасеніе судовъ эскадры отъ крушенія. Въ 1834 году онъ былъ назначенъ командиромъ 41 Черноморскаго флотскаго экипажа и корабля «Силистрія», строившагося въ Николаевѣ, съ производствомъ въ капитаны 2 ранга. Въ 1837 году онъ произведенъ въ капитаны 1 ранга, а въ 1845 году произведенъ въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ начальникомъ 1 бригады 4 флотской дивизіи. Въ Мартѣ 1852 года онъ былъ назначенъ начальникомъ 5 флотской дивизіи и въ томъ же году, въ Октябрѣ, произведенъ въ вице-адмиралы; а 27 Марта 1855 года въ адмиралы.

Владимиръ Алексѣевичъ Корниловъ родился въ 1806 году, былъ опредѣленъ въ Морской Кадетскій Корпусъ въ 1821 году, произведенъ

въ мичманы въ 1823 году. По сообщенію его біографа И. А. Шестакова, Корниловъ былъ сынъ бывшаго моряка, а потомъ сенатора, жившаго въ Петербургѣ. Всему учившись, онъ ничего не зналъ основательно и не имѣлъ никакого направленія; одаренный природой, былъ способенъ на все и ни на что особенно не пригоденъ. По производствѣ въ мичмана онъ мало плавалъ и много развлекался въ столицѣ, колеблясь между желаніемъ трудиться и весело жить, между охотой къ занятіямъ и пріятнымъ бездѣльемъ, между дѣломъ и заманчивыми удовольствіями. Въ такомъ неопредѣленномъ состояніи, по ходатайству своего отца, бывшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ адмираломъ Сенявинымъ, онъ былъ зачисленъ въ 12 флотскій экипажъ, съ назначеніемъ на корабль «Азовъ». Зоркій капитанъ карабля, замѣтивъ способности молодого мичмана, но видя безполезное растрачиваніе ихъ на чтеніе легкихъ и вредныхъ Французскихъ романовъ, отнесся къ нему съ бо̀льшею требовательностью въ исполненіи служебныхъ назначеній, чѣмъ къ другимъ, что̀ заставило его просить адмирала графа Гейдена о переводѣ на другой корабль. Вслѣдствіе этого Корниловъ былъ приглашенъ въ каюту своего командира, который предложилъ ему вопросъ—желаетъ ли онъ служить во флотѣ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, М. П. Лазаревъ объяснилъ ему всю пустоту его занятій и необходимость учиться всему тому, что̀ относится къ морскому дѣлу; затѣмъ приказалъ ему выбросить за бортъ свои Французскія книги и пользоваться его библіотекой, въ которой онъ можетъ найти много для себя полезнаго. Такимъ образомъ онъ былъ поставленъ на путь перерожденія, началъ слѣдить за собой, жить новой жизнью съ стремленіемъ изучать всю разносторонность морского научнаго дѣла. М. П. Лазаревъ не призналъ нужнымъ торопиться въ дѣлѣ таковой важности какъ исправленіе молодого сослуживца, а потому Корниловъ, за время пребыванія въ Средиземномъ морѣ, получилъ только орденъ Анны 4 степени, а произведенъ въ лейтенанты по линіи, по возвращеніи въ Кронштадтъ. Тѣмъ не менѣе Лазаревъ не выпускалъ его изъ виду; по его ходатайству онъ получилъ въ 1831 году (24 лѣтъ отъ роду) въ командованіе тендеръ «Лебедь», какъ пробное испытаніе его самостоятельной дѣятельности.

Съ назначеніемъ М. П. Лазарева начальникомъ вспомогательной эскадры въ Босфорѣ, Корниловъ явился къ нему на корабль и былъ назначенъ по особымъ порученіямъ при адмиралѣ, съ исправленіемъ должности вахтеннаго офицера на флагманскомъ кораблѣ. Главнымъ занятіемъ его въ томъ году было описаніе укрѣпленій Дарданельскаго пролива и Босфора, совмѣстно съ лейтенантомъ Путятинымъ; въ этой экспедиціи участвовали и офицеры генеральнаго штаба. Трудолюби-

вые лейтенанты занимались преимущественно гидрографическими работами и тѣми укрѣпленіями, которыя составляли оборону проливовъ. За успѣшное производство этихъ работъ Корниловъ получилъ орденъ св. Владимира 4 степени.

Вслѣдствіе пріязненныхъ отношеній къ Отоманской Портѣ, развитыхъ Босфорской экспедиціею, началась ежегодная посылка станціонеровъ въ Константинополь и въ порты Средиземнаго моря. Въ первую серію такихъ судовъ былъ назначенъ вновь построенный въ Николаевѣ бригъ «Ѳемистоклъ» подъ командой капитанъ-лейтенанта Корнилова. Онъ былъ сначала въ Константинополѣ, а потомъ получилъ назначеніе въ Пирей. Тамъ, снимаясь часто съ якоря и плавая у береговъ Мореи, онъ въ короткое время обучилъ команду и привелъ бригъ въ такое состояніе, что по возвращеніи въ Севастополь въ 1835 году сталъ пользоватся репутаціей распорядительнаго начальника. Въ 1837 году онъ былъ назначенъ командиромъ корвета «Орестъ». Несомнѣнныя достоинства и способности, еще ближе узнанныя его начальникомъ по возникшимъ родственнымъ отношеніямъ, быстро повели Корнилова на служебномъ пути. Съ 1838 по 1842 годъ онъ получилъ нѣсколько знаковъ отличія, чины капитана 2 и 1 ранговъ и назначеніе командиромъ 120 пушечнаго корабля «Двѣнадцать Апостоловъ», заложеннаго въ Николаевѣ въ 1840 году. Во время постройки этого корабля онъ занимался, по порученію главнаго командира, редакціею и коректурой штатовъ для судовъ Черноморскаго флота, съ провѣркою множества цифръ, что̀ требовало вполнѣ добросовѣстнаго отношенія къ этому дѣлу и особеннаго сосредоточеннаго вниманія, чтобы въ точности изложить составленныя указанія. Въ тоже время, по желанію своего начальника, онъ перевелъ на Русскій языкъ сочиненіе «Морская служба въ Англіи», изданное въ 1840 году и служившее руководствомъ для молодыхъ офицеровъ. Корабль «Двѣнадцать Апостоловъ» началъ первую кампанію въ 1842 году, и съ этого времени Корниловъ постоянно назначался начальникомъ штаба на эскадрѣ, когда главный командиръ поднималъ свой флагъ на командуемомъ имъ кораблѣ.

А. П. Жандръ, служившій нѣсколько лѣтъ на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ», такъ очертилъ образовательную дѣятельность В. А. Корнилова, въ составленномъ имъ сочиненіи «Матеріалы для исторіи обороны Севастополя». «Между другими достоинствами Корнилова были умѣнье употреблять съ пользой способности и самолюбіе подчиненныхъ и особенная способность властвовать, которою обладалъ въ высшей степени. На кораблѣ всегда было много офицеровъ, но каждый имѣлъ свое мѣсто и свою обязанность съ личной отвѣтственностью. Во время ученій, послѣ каждой работы, онъ призывалъ на ютъ офицеровъ, сдѣлавшихъ какія-либо ошибки, и объяснялъ каждому, какимъ образомъ

можно избѣгнуть упущеній и скорѣе достигнуть совершенства. Въ обученіи матросовъ онъ требовалъ наибольшей скорости во всѣхъ работахъ и всегда говорилъ, что ошибаются тѣ, которые учатъ сначала правильности и думаютъ достигнуть со временемъ скорости; ибо матросы, привыкнувъ дѣлать медленно, никогда уже не пріобрѣтутъ быстроты въ работѣ. Ни одно упущеніе вахтенныхъ офицеровъ не проходило безъ замѣчанія; онъ призывалъ смѣнившагося съ вахты офицера и объяснялъ ему его ошибки. Вслѣдствіе такого способа внушеній, служившіе на этомъ кораблѣ офицеры считали такое направленіе командира очень непріятной суровой школой и старались, потомъ, по возможности, уклониться отъ службы съ такимъ командиромъ. Подъемъ брамъ[1]) и бомъ-брамъ-реевъ, постановка и уборка парусовъ совершались очень быстро; брамъ-гордени не останавливались для накладки брамъ-топенантовъ, они тянулись бѣгомъ до салинговъ, а при наложеніи тамъ топенантовъ—ходомъ. Лежа въ дрейфѣ подъ марселями въ два рифа, корабль быстро спускался, паруса росли съ необыкновенной скоростью, и онъ летѣлъ на фордевиндъ съ распущенными лиселями; а потомъ вдругъ сбрасывалъ лисели и ложился въ дрейфъ. На этомъ кораблѣ существовалъ приказъ, чтобы мѣнять шесть разъ сряду топъ-марсель, который перемѣнятъ болѣе чѣмъ въ пять минутъ отъ начала работы. Тишина и порядокъ на кораблѣ при совершеніи разныхъ ученій и маневровъ были примѣрные. Такъ, при проходѣ однажды ночью на Севастопольскій рейдъ, на кораблѣ былъ запрещенъ свистъ унтеръ-офицерскихъ дудокъ, и одни только старшіе боцманы тихо повторяли распоряженія старшаго офицера. Съ 4 до 5½ часовъ пополудни ежедневно производилось артилерійское ученье; все производилось методически, какъ-то: умѣнье и быстрота заряжанія, вѣрность прицѣливанія, скорость подачи зарядовъ, удобство всѣхъ приспособленій въ бою. Быстрота изготовленія къ бою была такова, что корабль, идя подъ парусами съ выдвинутыми внутрь и закрѣпленными орудіями, открывалъ огонь со шканцевъ и оперъ-дека[2]) черезъ двѣ минуты, а изъ мидельдека и гондека[3]) черезъ три минуты послѣ пробитія тревоги. Артилерійское ученье производилось по Англійскому руководству, которое было переведено на Русскій языкъ; а для распредѣленія нижнихъ чиновъ при разныхъ маневрахъ и ученьяхъ на этомъ кораблѣ были приняты къ руководству таблицы расписаній, составленныя Путятинымъ».

Въ то время въ Черноморскомъ флотѣ было два корабля-соперника, управлявшіеся, по замѣчанію И. А. Шестакова, по разной системѣ. Командиръ корабля «Силистрія» желалъ видѣть въ своихъ под-

---

[1]) *Брамъ*—частица придаваемая къ названіямъ предметовъ третьяго порядка или яруса корабельнаго вооруженія, какъ *стень* или *марсъ* къ *вооруженію втораго*, и *бомъ* и *бомбрамъ* къ вооруженію четвертаго яруса.—*Горденъ*—снасть или веревка, продернутая въ блокъ для подъему небольшихъ тяжестей,—*Топенантъ*—снасть, поддерживающая нокъ (конецъ) рея.—*Рей*—поперечное дерево на мачтѣ, за которое привязанъ парусъ.

[2]) *Декъ*—пространство между палубами.

[3]) Верхняя, средняя и нижняя палубы.—*Шканцы*—часть верхней палубы.

чиненныхъ не акробатовъ, боящихся своего начальника, трепещущихъ при его взглядѣ и словѣ, напрягающихъ всѣ силы до истомленія, чтобы избѣжать наказанія, но людей осмысленныхъ, самостоятельныхъ, хорошо знающихъ всѣ разносторонности своего дѣла, разумно относящихся къ желаніямъ и требованіямъ начальника, работающихъ съ чувствомъ желанія угодить ему, получить отъ него одобрительную похвалу. При такомъ направленіи работы производились безъ суеты, сознательно, съ точной акуратностью, съ быстротой исполненія, а потому корабль «Силистрія» былъ вполнѣ образцовымъ примѣромъ для всѣхъ. На «Двѣнадцати Апостоловъ» ревниво слѣдили за всѣмъ, что̀ дѣлается на «Силистріи», принимая всѣ мѣры упредить исполненіе маневра хотя бы на полминуты; отъ этого происходило насилованіе людей подобными распоряженіями, какъ напримѣръ перемѣна шесть разъ сряду марселя, не принимая во вниманіе излишнее утомленіе команды подъ жгучимъ солнцемъ Юга, или изготовленіе къ бою корабля съ необыкновенной быстротою, чего вовсе не требуется при встрѣчѣ съ непріятелемъ.

Когда прекращалось плаваніе, Корниловъ исполнялъ разныя порученія главнаго командира. Одно изъ такихъ порученій, весьма плодотворное по своему назначенію, было преобразованіе морской офицерской библіотеки. Въ отдаленномъ городѣ, лишенномъ средствъ разнообразить съ пользой жизнь, при одностороннемъ неизмѣняющемся обществѣ, библіотека могла представлять вполнѣ доступное и пріятное развлеченіе въ часы досуга, а въ тоже время быть возбуждающимъ источникомъ для пополненія научныхъ знаній служилого сословія. Основанная адмираломъ А. С. Грейгомъ съ такой гуманной цѣлью, она, по времени и небрежности первоначальнаго по ея основаніи рутиннаго общественнаго отношенія къ ней, заветшала; вкрались послабленія и злоупотребленія, а отведенное для помѣщенія ея зданіе разрушалось. Дѣятельностью Корнилова и учрежденнаго для того комитета было построено зданіе библіотеки въ Севастополѣ, вполнѣ приспособленное вмѣщать въ себѣ музей науки и искусства морского дѣла; притомъ введены строгія правила для пользованія книгами и журналами, съ доступностью послѣднихъ своевременно для всѣхъ членовъ библіотеки. Выборъ книгъ получилъ опредѣленную полезность, какъ въ обще-литературномъ значеніи, такъ и для научнаго и спеціальнаго ознакомленія; а собраніе различныхъ моделей судовъ и прочаго относящагося къ мореходству, во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, своею наглядностью способствовало расширенію кругозора. М. П. Лазаревъ, пользуясь случаемъ одновременнаго заказа нѣсколькихъ пароходовъ, командировалъ Корнилова въ Англію (въ 1846 г.) для исполненія этого порученія. Двухлѣтнее пребываніе въ Англіи, кромѣ близкаго знаком-

ства съ судостроеніемъ и приспособленіемъ къ нему парового двигателя, дало ему возможность расширить свой кругозоръ на современное состояніе иностранныхъ флотовъ и ихъ заводскихъ, административныхъ и образовательныхъ учрежденій по морской спеціальности.

По возвращеніи изъ Англіи Корниловъ произведенъ въ 1848 г. въ контръ-адмиралы, а въ 1849 году назначенъ былъ начальникомъ штаба главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ. Въ это время М. П. Лазаревъ, чувствуя ослабленіе силъ, очень нуждался въ такомъ помощникѣ, которому, послѣ долгихъ лѣтъ испытанія, могъ довѣрить многое для облегченія своего личнаго труда. Корниловъ, принялся немедленно за пересмотръ всѣхъ предположеній и руководствъ, исходившихъ отъ главнаго командира, внося въ нихъ все то, что онъ видѣлъ и узналъ во время пребыванія въ Англіи, представляя ему на утвержденіе необходимыя измѣненія, соотвѣтственныя новому направленію морского искусства. Въ тоже время онъ испросилъ разрѣшеніе составлять подъ своимъ начальствомъ ежегодно летучія эскадры изъ судовъ малаго ранга, которыя могли бы служить школой для офицеровъ и командъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было разрѣшено производить инспекторскіе смотры всѣмъ судамъ и отрядамъ, кромѣ кораблей, дѣятельность которыхъ подлежала личному усмотрѣнію главнаго командира; а также совершать обзоръ всѣхъ портовъ Чернаго моря и на Дунаѣ, чтобы вполнѣ ознакомиться съ ихъ дѣйствительнымъ благосостояніемъ и такимъ образомъ имѣть возможность обсуждать всѣ представленія по ихъ надобностямъ. Производимые имъ инспекторскіе смотры имѣли большое значеніе, вызывая соревнованіе командировъ судовъ, способствуя развитію морского искусства и усовершенствованію боевой части, водворяя въ тоже время однообразный порядокъ на судахъ флота. По возвращеніи судовъ изъ заграничнаго плаванія, или изъ крейсерства у восточнаго берега Чернаго моря, онъ являлся въ Севастополь и начиналъ осмотръ каждаго судна. Замѣтивъ найденные недостатки и объясняя каждому какъ надо дѣлать, онъ записывалъ свои замѣчанія въ памятную книжку, а при слѣдующихъ смотрахъ удостовѣрялся въ успѣхѣ на каждомъ суднѣ. Въ туже книжку вносились имена способнѣйшихъ офицеровъ, какъ кандидатовъ въ старшіе офицеры и командиры, а также записывались и тѣ выдающіеся командиры, для которыхъ предполагалось ходатайствовать о наградахъ и повышеніяхъ, а равно и тѣ, которые не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Въ 1850 году, съ разрѣшенія главнаго командира, имъ сдѣланъ былъ пересмотръ всѣхъ судовыхъ расписаній, и въ нихъ внесены были необходимыя дополненія и исправленія, вызываемыя опытомъ и вѣяніемъ новаго времени; эти таблицы и указанія были напечатаны и розданы на всѣ суда для руководства.

Смерть М. П. Лазарева поставила Корнилова въ весьма неопредѣленное положеніе. Онъ былъ крайне стѣсненъ въ своихъ отношеніяхъ къ новому начальнику, находившемуся до этого времени внѣ сферы управленія, а потому не вполнѣ сознававшему необходимость реформенной предпріимчивости начальника штаба; а между тѣмъ этотъ начальникъ былъ непосредственнымъ и отвѣтственнымъ распорядителемъ и утверждающей властью. Это щекотливое отношеніе было немедленно устранено самимъ М. Б. Берхомъ, который хотя офиціально показывался въ Севастополѣ и поднималъ свой флагъ на флотѣ, но какъ человѣкъ просвѣщенный и добродушный, притомъ въ преклонномъ возрастѣ, не пожелалъ вмѣшиваться въ кипучую дѣятельность начальника штаба, предоставивъ ему полную самостоятельность въ управленіи и участіе при составленіи годовыхъ смѣтныхъ исчисленій, а также и примѣненіе всѣхъ улучшеній въ кораблестроеніи, въ чемъ энергическимъ помощникомъ Корнилова былъ оберъ-интендантъ Н. Ѳ. Метлинъ. Съ своей стороны князь Меншиковъ, желая придать болѣе значенія Корнилову и пріучить Черноморскихъ моряковъ видѣть въ немъ будущаго своего главнаго командира, исходатайствовалъ ему назначеніе въ свиту Его Императорскаго Величества, а въ 1852 году производство въ вице-адмиралы, съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества.

Корниловъ съ разрѣшенія подлежащаго начальства, собралъ въ Николаевѣ всѣхъ юнкеровъ Черноморскаго флота, помѣстилъ ихъ въ особомъ зданіи, съ платою по 150 рублей въ годъ отъ ихъ родителей, а для ихъ обученія назначилъ преподавателей. Такимъ образомъ въ 1852 году было учреждено Училище флотскихъ юнкеровъ. Въ 1855 году, во время посѣщенія Николаева Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, это училище было наименовано «Черноморскою Гардемаринскою Ротою *).

Вслѣдствіе необходимости замѣнить старыя отслужившія свой срокъ, кремневыя ружья, было исходатайствовано заказать въ Бельгіи на имѣвшуюся въ наличіи Черноморскаго управленія сумму, дальнобойные штуцеры новаго образца, для вооруженія ими Черноморскихъ флотскихъ экипажей. Для этого былъ командированъ въ Бельгію капитанъ 2 ранга Штофрегенъ, которому поручено было слѣдить за правильностію отдѣлки штуцеровъ, пріема ихъ и доставки въ Николаевъ. Хотя эти шуцеры были изготовлены и доставлены въ Россію черезъ Петербургъ, но они остались тамъ и не дошли по назначенію.

*) Эта Гардемаринская Рота, по распоряженію Морского Министерства, была закрыта въ 1861 году.

Изобрѣтеніе винтового двигателя предоставляло возможность значительно увеличить боевую способность военныхъ судовъ. Это нововведеніе вызвало и въ Россіи подражаніе. Для Балтійскаго флота былъ построенъ, въ видѣ опыта, фрегатъ «Архимедъ», съ винтовымъ двигателемъ, спущенный на воду съ Охтенской верфи въ 1848 году; а для Черноморскаго флота построена была въ Англіи винтовая шкуна «Анапа», прибывшая по назначенію въ 1850 году. Чуткій ко всему полезному въ морскомъ дѣлѣ, Корниловъ составилъ обширный планъ замѣнить парусный Черноморскій флотъ паровымъ, съ винтовымъ двигателемъ. По его докладной запискѣ, представленной главнымъ командиромъ князю Меншикову, было высочайше разрѣшено строить въ Черноморскомъ флотѣ корабли только съ винтовымъ двигателемъ, а потому передѣлать, по возможности, всѣ годные восьмидесяти пушечные корабли, вводя ихъ по очередно въ Севастопольскій докъ для удлинненія и установки двигателя. Вслѣдствіе этого былъ заложенъ въ Николаевѣ, 26 Октября 1852 года, 120 пушечный корабль «Босфоръ», переименованный впослѣдствіи въ «Симонъ», съ винтовымъ двигателемъ и машиной въ 800 силъ. Въ тоже время были заказаны въ Англіи винтовые корветы «Витязь» и «Воинъ»*). Въ 1853 году 1 Мая, былъ заложенъ въ Николаевѣ второй такой-же корабль «Цесаревичъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что предпріимчивая настойчивость В. А. Корнилова поставила бы Черноморскій флотъ, въ непродолжительное время, въ условія вполнѣ соотвѣтствующія современному требованію боевой правоспособности, съ замѣной паруснаго судостроенія паровымъ, и мы продолжали бы покойно и безпрепятственно распоряжаться на Черномъ морѣ, ограждая прилежащія къ нему Русскія области, въ ихъ экономическомъ преуспѣяніи, отъ иноземнаго посягательства. Но такая полезная мирная дѣятельность была парализована неожиданнымъ событіемъ: въ предѣлахъ Чернаго моря, завистливой интригой всесвѣтныхъ мореплавателей, возгорѣлась война, результатомъ которой были экономическое потрясеніе Россіи и уничтоженіе такого учрежденія, надъ устроеніемъ котораго трудилось много лѣтъ нѣсколько поколѣній моряковъ. Погибъ Черноморскій флотъ, погибли послѣдніе представители этого флота Нахимовъ и Корниловъ, разрушенъ Севастополь и цвѣтущая молодежь, полная силъ и надеждъ, имѣвшая въ своей средѣ много даровитыхъ людей, улеглась непробуднымъ сномъ вокругъ могилы своего наставника адмирала Лазарева.

Д. Афанасьевъ.

---

*) Эти корветы не могли быть закончены ранѣе наступившей внезапно войны, а потому они были конфискованы Англійскимъ правительствомъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

(Изъ записокъ и воспоминаній современника).

Изумительная дѣятельность, крайняя строгость и выдающаяся память, которыми отличался императоръ Николай Павловичъ, проявились въ немъ уже въ ранней молодости, одновременно со вступленіемъ въ должность генералъ-инспектора по инженерной части и началомъ сопряженной съ нею службы. Нѣкто Кулибановъ, служившій въ то время въ гвардейскомъ саперномъ батальонѣ, передавалъ мнѣ, что великій князь Николай Павловичъ, часто навѣщая этотъ батальонъ, зналъ поименно не только офицеровъ, но и всѣхъ нижнихъ чиновъ; а что̀ касалось его неутомимости въ занятіяхъ, то она просто всѣхъ поражала. Лѣтомъ, во время лагернаго сбора, онъ уже рано утромъ являлся на линейное и ружейное ученія своихъ саперъ; уѣзжалъ въ 12 часовъ въ Петергофъ, предоставляя жаркое время дня на отдыхъ офицерамъ и солдатамъ, а затѣмъ, въ 4 часа, скакалъ вновь 12 верстъ до лагеря и оставался тамъ до вечерней зари, лично руководя работами по сооруженію полевыхъ укрѣпленій, проложенію траншей, заложенію минъ и фугасовъ и прочими саперными занятіями военнаго времени. Образцово подготовленный и до совершенства знавшій свое дѣло, онъ требовалъ того же отъ порученныхъ его завѣдыванію частей войскъ и до крайности строго взыскивалъ не только за промахи въ работахъ, но и за фронтовымъ ученіемъ и продѣлываніемъ ружейныхъ пріемовъ. Наказанныхъ по его приказанію солдатъ часто уносили на носилкахъ въ лазаретъ; но въ оправданіе такой жестокости слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ Великій Князь придерживался только воинскаго устава того времени, требовавшаго безпощаднаго вколачиванія ума и памяти въ недостаточно-сообразительного солдата, а за исполненіемъ строгихъ правилъ устава наблюдалъ приснопамятный по своей безчеловѣчности, всесильный Аракчеевъ, котораго побаивались даже великіе князья. Чтобы не подвергаться замѣчаніямъ зазнавшагося временщика, требованія его исполнялись буквально, а въ числѣ этихъ требованій одно изъ главныхъ заключалось въ наказаніи солдатъ за всякую провинность палками, розгами и шпицрутенами до потери сознанія.

При такихъ условіяхъ началась служба Николая Павловича и, конечно, не могли эти условія не оставить слѣдовъ на немъ. Ученья, смотры, парады и разводы онъ любилъ неизмѣнно до самой смерти; производилъ ихъ даже зимою. Въ гвардейскомъ корпусѣ, состоявшемъ изъ 24 пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ и 6 отдѣльныхъ батальоновъ и кавалерійскихъ дивизіоновъ, онъ зналъ по фамиліямъ почти всѣхъ офицеровъ и фельдфебелей, большинство пажей Пажескаго корпуса и многихъ воспитанниковъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и кадетскихъ корпусовъ. А между тѣмъ ознакомленіе съ этими многими сотнями лицъ и учащейся молодежи производилось несистематично: государственныя дѣла отнимали у Николая Павловича много времени, но разъ узнавъ фамилію офицера на ученьи, въ караулѣ, на гауптвахтѣ или на придворномъ балу, а воспитанника при посылѣ на ординарцы, онъ уже не забывалъ ея.

Впервыя мнѣ довелось увидѣть Николая Павловича вблизи, въ Августѣ мѣсяцѣ 1840 года, въ день въѣзда въ Петербургъ невѣсты Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, впослѣдствіи супруги его Маріи Александровны. Занимая мѣсто въ первой шеренгѣ двухвзводнаго отряда Института Корпуса Путей Сообщенія, стоявшаго на Дворцовой площади, я могъ хорошо всѣхъ видѣхъ и въ числѣ этихъ всѣхъ особенно выдавшагося своимъ ростомъ и фигурою Императора, ѣхавшаго верхомъ съ Наслѣдникомъ и большою свитой вслѣдъ за коляской съ помолвленною принцессой. Во второй разъ я стоялъ уже лицомъ къ лицу передъ нимъ, будучи посланъ на ординарцы, на второй день Пасхи, въ слѣдующемъ году. Близко былъ я тогда отъ него, всего на шагъ разстоянія, но уже не думалъ его разсматривать: у меня, какъ говорится, душа ушла въ пятки, и не мудрено: я стоялъ передъ требовательнымъ по фронту Николаемъ Павловичемъ. Только когда я отрапортовалъ ему: «къ Вашему Императорскому Величеству отъ Института Корпуса Путей Сообщенія на посылки присланъ, и Государь, съ довольнымъ лицомъ, взявъ за плеча, похристосовался со мной, душа моя изъ пятокъ перекочевала въ седьмое небо. Ахъ, какая была это счастливая минута въ жизни, и какъ хотѣлось мнѣ еще разъ пережить ее, попавъ снова въ ординарцы. Но это оказалось невозможнымъ: за послѣдній годъ моего пребыванія въ Институтѣ я настолько выросъ, что годился во фронтъ гренадерскихъ ротъ, а кадетъ такого роста Николай Павловичъ не любилъ; великановъ было въ гвардіи довольно, въ кадетахъ же онъ видѣлъ только ребятъ, и такихъ на показъ ему и посылали. Но если я не могъ болѣе попасть къ нему на ординарцы, за то любовался имъ ежемѣсячно на разводахъ (караульные взводы наши чередовались; ихъ было въ

Институтѣ четыре, а разводы съ церемоніей Государь дѣлалъ только по Воскресеньямъ) и на ежегодномъ весеннемъ, называвшемся Майскимъ, но часто бывавшемъ въ Апрѣлѣ, парадѣ. Какихъ только гвардейскихъ мундировъ я не видѣлъ за это время на Николаѣ Павловичѣ, и всѣ они шли къ нему; что же касается до посадки его на конѣ, то такого молодца-кавалериста, не смотря на его мощную, прямо богатырскую фигуру, рѣдко можно было встрѣтить. Государственныя дѣла не допускали Николая Павловича заниматься не только исключительно, но даже лишній часъ войсками и военными дѣлами; тѣмъ не менѣе всякому бросалось въ глаза, что онъ былъ военнымъ по призванію и совершенно доволенъ, когда, гарцуя на конѣ, объѣзжалъ свои войска или, стоя на мѣстѣ, пропускалъ ихъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ.

Окончивъ курсъ, я, передъ отправленіемъ на службу въ провинцію, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ взглянуть на Государя и кстати на его семейство, блестящую свиту и еще болѣе блестящій дворъ. 25 Іюня 1844 года, въ день рожденія Государя, былъ назначенъ выходъ въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ. Въ царствованіе Николая Павловича, всякій имѣвшій на плечахъ пару эполетъ, безъ разбора къ какой части войскъ или спеціальному роду службы онъ ни принадлежалъ, могъ являться на выходы, во дворецъ безъ приглашенія или разрѣшенія. Этимъ правомъ я воспользовался, чтобы взглянуть на невиданную дотолѣ церемонію и, можетъ быть, въ послѣдній разъ въ жизни на обожаемаго Монарха и его семейство. Судьбѣ угодно было, чтобы послѣдняго не случилось: семейныя дѣла принудили меня выйти въ отставку, и только черезъ 3 года я сдѣлался снова жителемъ Петербурга. Тутъ уже мнѣ приходилось видѣть Государя почти ежедневно. Его можно было встрѣтить въ разные часы дня на улицѣ, вечеромъ въ театрѣ и даже ночью въ маскарадѣ. Николай Павловичъ любилъ вечернія развлеченія, что̀ являлось, конечно необходимостью послѣ усиленныхъ занятій съ очень ранняго утра вплоть до обѣда. Онъ усердно посѣщалъ Итальянскую оперу, въ его царствованіе всегда первоклассную по составу труппы; бывалъ часто въ балетѣ и во Французскомъ театрѣ, рѣже въ Русскомъ и никогда въ Нѣмецкомъ (вѣроятно, по недостатку выдающихся артистовъ въ труппѣ). Рѣдко пропускалъ онъ и маскарады въ Большомъ театрѣ и Дворянскомъ Собраніи. Въ мундирѣ съ чернымъ кружевнымъ домино черезъ плечо (обязательная маскарадная форма, вскорѣ отмѣненная), обыкновенно съ маской подъ руку, ходилъ онъ по заламъ, не требуя никакихъ почестей, не отвѣчая даже на поклоны и снятіе передъ нимъ шляпы лицами, не знавшими общепринятыхъ маскарадныхъ правилъ. Какимъ страннымъ казалось это правило въ Россіи многимъ,

привыкшимъ встрѣчать Николая Павловича не только съ почестями подобающими Государю, но и со страхомъ внушавшимся однимъ его пристальнымъ взглядомъ. Не такъ, однако, смотрѣлъ онъ на свои прерогативы въ театрѣ и маскарадѣ: въ первомъ онъ позволялъ публикѣ самостоятельно высказывать свое одобреніе или неодобреніе пьесѣ и артистамъ, а въ маскарадѣ, гдѣ всѣ должны быть равны, онъ такимъ и самъ хотѣлъ быть. Въ маскарадѣ онъ оставался обыкновенно до 2-хъ часовъ, если же промедлялъ четверть или въ крайнемъ случаѣ полчаса, то въ этомъ, безъ сомнѣнія, была виновата маска, заставлявшая его забыть поздній часъ.

Извѣстно, что Николай Павловичъ былъ образцовый семьянинъ. Проведя все утро и передобѣденное время въ занятіяхъ, онъ за обѣдомъ въ семейномъ кругу начиналъ свой отдыхъ. Почти ежедневно, около 7 часовъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, онъ проходилъ пѣшкомъ въ Маріинскій дворецъ, чтобы навѣстить свою старшую дочь герцогиню Лейхтенбергскую, а младшія, тогда еще незамужнія дочери, Ольга и Александра Николаевны, пріѣзжали съ императрицей Александрой Ѳеодоровной въ театръ, гдѣ поджидалъ ихъ отецъ. Нечего и говорить, что, имѣя двухъ дочерей - невѣстъ, онъ заботился о ихъ развлеченіи, вывозя на балы и вечера съ музыкой и танцами, въ виду чего покидалъ часто театръ послѣ первыхъ двухъ актовъ. Посѣщались балы пословъ и знати, концертные и танцовальные вечера Михаила Павловича и его супруги Елены Павловны, у которыхъ были свои три дочери невѣсты (Марія, Елисавета и Екатерина Михаиловны), но чаще всего балы и вечера въ Аничковомъ дворцѣ, гдѣ жилъ съ молодою супругой Наслѣдникъ Цесаревичъ. Понятно, что и въ Зимнемъ дворцѣ, давались часто балы и, изрѣдка любимые Николаемъ Павловичемъ маскарады; не было недостатка и въ спектакляхъ въ эрмитажномъ театрѣ, съ участіемъ всѣхъ труппъ, кромѣ опять-таки Нѣмецкой; но самыми интересными были почти ежедневные семейные вечера на половинѣ Императрицы, на которые кромѣ родныхъ имѣли доступъ приближенныя къ Государю и Императрицѣ лица. Такихъ лицъ при дворѣ и въ городѣ было немало и, благодаря имъ, въ Петербургѣ знали все, что̀ на этихъ вечерахъ происходило. На первомъ планѣ стояла музыка, исполнителями которой были солисты императорскаго двора, а иногда и знаменитые виртуозы иностранцы и пѣвцы Итальянской оперы. Часто въ такихъ домашнихъ концертахъ принималъ участіе самъ Государь, отлично игравшій на флейтѣ. Когда не было музыки, занимались чтеніемъ новѣйшихъ Русскихъ и иностранныхъ литературныхъ произведеній, а желающіе играли въ карты. И въ этомъ занятіи Николай Павловичъ не отставалъ отъ дру-

гихъ, только онъ любилъ играть вдвоемъ, въ баккара. По этому поводу разсказывали, какой урокъ онъ далъ одному изъ придворныхъ, обратившемуся къ нему съ не совсѣмъ умѣстной шуткой.

— Что̀ сказалъ бы Александръ Христофоровичъ (Бенкендорфъ), увидя васъ играющимъ въ такую игру? — Нечего бы не сказалъ. — Несомнѣнно; но игра все-таки запрещенная.—Почему?—Потому, что она безкозырная.—Вы забываете, что я самъ козырь, отвѣчалъ Николай Павловичъ, хотя и съ улыбкой, но ясно намекая, что онъ стоитъ выше закона.

За слабостью здоровья Императрицы, такіе вечера не заходили за полночь, и Государь очень часто занимался еще часъ-другой передъ сномъ особенно - спѣшными дѣлами, которыя не успѣлъ обдумать и рѣшить въ урочное время утреннихъ занятій. Вставалъ онъ очень рано. Въ зимніе дни, въ 7 часовъ утра, проходившіе по набережной Невы, мимо зимняго дворца, могли видѣть Государя, сидящаго у себя въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, при свѣтѣ 4-хъ свѣчей, прикрытыхъ абажуромь, читающаго, подписывающаго и перебирающаго цѣлые вороха лежавшихъ передъ нимъ бумагъ. Но это было только начало его дневной работы—работы недоконченной или отложенной для соображенія въ предшествующіе дни, настоящая же работа закипала въ 9 часовъ съ прибытіемъ министровъ. У каждаго изъ нихъ были извѣстные дни въ недѣлѣ, когда они являлись съ своими туго набитыми портфелями; но въ иной день приходилось Государю принимать нѣсколько министровъ и выслушивать доклады по совершенно различнымъ отраслямъ управленія. Сколько сосредоточенности, памяти и навыка нужно было имѣть Николаю Павловичу, чтобы не сбиться въ приказаніяхъ и распоряженіяхъ, отдаваемыхъ то одному, то другому изъ его 13 министровъ, имѣвшихъ мало общихъ дѣлъ между собой.

Въ первомъ часу дня, не взирая ни на какую погоду, Государь отправлялся, если не было назначено военнаго ученія, смотра или парада, въ визитацію, или вѣрнѣе инспектированіе, учебныхъ заведеній, казармъ, присутственныхъ мѣстъ и другихъ казенныхъ учрежденій. Чаще всего онъ посѣщалъ кадетскіе корпуса и женскіе институты, гдѣ принимались дѣти съ десятилѣтняго возраста и рѣже, заведенія даже закрытыя, гдѣ пріемный возрастъ учащихся напоминалъ нѣчто университетское. Въ такихъ заведеніяхъ онъ входилъ обыкновенно во всѣ подробности управленія и почти никогда не покидалъ ихъ безъ замѣчанія, что одно слѣдуетъ измѣнить, а другое вовсе уничтожить. При своей необычайной памяти онъ никогда не забывалъ того, что̀ приказывалъ, и горе тому начальству заведенія если, при вторичномъ посѣщеніи послѣдняго, онъ находилъ свои замѣчанія хотя не вполнѣ

исполненными. И не въ однѣ учебныя заведенія и казенныя учрежденія проникалъ бдительный глазъ Николая Павловича. Въ Петербургѣ, ни одинъ частный домъ въ центрѣ, въ Россіи, ни одно общественное зданіе не возводились и не перестраивались безъ его вѣдома: всѣ проекты на такихъ родовъ постройки онъ разсматривалъ и утверждалъ самъ. Когда успѣвалъ онъ этимъ заниматься, было для всѣхъ загадкой, но что онъ вникалъ въ характеръ каждой постройки, было видно изъ замѣчаній и надписей, дѣлавшихся имъ на проектахъ. Иногда тѣ и другія имѣли шуточный характеръ въ отношеніи приближеннаго лица, строившаго или передѣлывавшаго свой домъ; иногда же въ дурномъ расположеніи духа, дѣлалась придирка къ какой-нибудь детали, и проектъ не утверждался. Такъ на одномъ изъ такихъ проектовъ составитель его нарисовалъ 2½ аршинную масштабную фигуру человѣка, долженствовавшую наглядно изображать высоту цоколя, въ цилиндрѣ, цвѣтномъ фракѣ, жилетѣ и панталонахъ. Государь зачеркнулъ фигуру съ надписью: «это что за республиканецъ!» и только. По поводу этой замѣтки, по Корпусу Путей Сообщенія былъ изданъ приказъ, чтобы масштабныя фигуры на проектахъ изображались только въ видѣ солдатъ въ шинели и фуражкѣ. На проектахъ церквей и другихъ общественныхъ зданій въ провинціи Николай Павловичъ, утверждая ихъ, часто надписывалъ: «Витбергъ»! Или: работа «Витберга!» Извѣстный строитель проектированнаго храма, Московскаго храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ, былъ обвиненъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, лишенъ всего имущества и сосланъ въ Вятскую губернію. Выдающійся талантъ его, какъ зодчаго, какихъ немного было въ то время въ Россіи, привлекалъ къ нему немало заказчиковъ на разнаго рода проекты, тѣмъ болѣе, что, нуждаясь въ средствахъ, онъ не дорого бралъ за работу. Николай Павловичъ по одному взгляду на фасадъ, сдѣланный рукою выдающагося художника, узнавалъ эту руку, утверждалъ проэктъ, но Витберга не помиловалъ.

Военныхъ и все военное Государь отличалъ и любилъ по преимуществу: войска въ строю, мундиръ и воротникъ застегнутые на всѣ крючки и пуговицы, военная выправка и руки по швамъ тѣшили его глазъ. Военныхъ людей на службѣ и въ отставкѣ отличали усы; усы была ихъ привилегія, и никто кромѣ нихъ не смѣлъ ихъ отращивать, кромѣ купцовъ и простолюдиновъ, не брившихъ бородъ. Права на усы лишены были даже медицинскій персоналъ военнаго вѣдомства и капельмейстеры военныхъ оркестровъ, дирижировавшіе музыкантами съ усами. Сбривать усы были должны не только переименовавшіеся изъ военныхъ въ гражданскіе чины, но и поступавшіе на гражданскую службу съ сохраненіемъ военныхъ чиновъ. На все

была форма, распространявшаяся даже на женщинъ: неправильно присвоенная выѣздная форма лакея или дамская шляпка на головѣ купчихи или мѣщанки вызывали вмѣшательство полиціи. Впрочемъ эта старинная регламентація временъ Павла и Екатерины въ послѣдніе годы жизни Николая Павловича соблюдалась нестрого; она не была отмѣнена, но на несоблюденіе ея смотрѣли сквозь пальцы, только незаконное ношеніе усовъ преслѣдовалось еще по старому.

Николай Павловичъ любилъ окружать себя военными и всегда и во всемъ отдавалъ имъ предпочтеніе. Ни у одного изъ Русскихъ императоровъ не было столько флигель-адъютантовъ, свиты генералъ-маіоровъ и генералъ и адъютантовъ сколько у него, и ни у кого не было такъ много министровъ въ военномъ мундирѣ. Несомнѣнно, что трехъ своихъ министровъ, носившихъ гражданскіе чины, онъ съ удовольствіемъ замѣнилъ бы военными, если бы нашелъ между сими послѣдними спеціалистовъ, способныхъ принять ихъ портфели.

Вотъ списокъ министровъ начала сороковыхъ годовъ.

1.	Генер.-адъют.	князь	Волконскій — министръ Императорскаго Двора, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь и генералъ-фельдмаршалъ.
2.	›	графъ	Чернышовъ—военный министръ, позднѣе свѣтлѣйшій князь.
3.	›	›	Канкринъ—министръ финанс. Съ 1843 г. тайный совѣтникъ Вронченко.
4.	›	›	Бенкендорфъ— шефъ жандармовъ.
5.	›	›	Перовскій—министръ внутреннихъ дѣлъ.
6.	Статсъ-секр.	›	Уваровъ—мин. народнаго просвѣщенія.
7.	Генер.-адъют.	›	Протасовъ—оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода.
8.	›	›	Толь—главноуправляющій путями сообщенія и публичныхъ зданій.
—	›	›	Клейнмихель—тоже съ 1842 г., позднѣе министръ Путей Сообщенія.
9.	Вице-канцлеръ	›	Нессельроде — министръ иностранныхъ дѣлъ, позднѣе государ. канцлеръ.
10.	Статсъ-секр.	›	Панинъ—министръ юстиціи.
11.	Генер.-адъют.	›	Киселевъ — министръ государственныхъ имуществъ.
12.	›	›	Адлербергъ—главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ, позднѣе и министръ Императорскаго Двора.
13.	›		свѣтлѣйшій князь Меншиковъ — управляющій Морскимъ Министерствомъ.

Послѣдніе шесть министровъ пережили Николая Павловича, а прочихъ девять онъ самъ проводилъ на вѣчный покой.

Изъ числа переименованныхъ министерствъ и управленій три были учреждены Николаемъ Павловичемъ. Первымъ, по вступленіи его на престолъ, начало дѣйствовать Третье Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи съ шефомъ жандармовъ графомъ Бенкендорфомъ во главѣ. Государь питалъ къ послѣднему большое расположеніе; о публикѣ сказать того же не приходится, хотя поводомъ для этого былъ не онъ самъ, а начальникъ его штаба и управлявшій Отдѣленіемъ, темнаго происхожденія генералъ Дуббельтъ. Особыхъ, бросающихся въ глаза отличій ни тотъ, ни другой, впрочемъ, не получали, какъ это имѣло мѣсто съ княземъ П. М. Волконскимъ, принявшимъ въ свое управленіе второе изъ вновь учрежденныхъ—министерство Императорскаго Двора. Онъ получилъ и титулъ свѣтлѣйшаго князя, и чинъ генералъ-фельдмаршала, хотя никакою арміей не командовалъ. У Николая Павловича было много любимцевъ и между министрами (графы Клейнмихель и Адлербергъ), но выдающіяся награды онъ давалъ только тѣмъ, кого считалъ достойными ихъ. Можетъ быть, онъ не всегда вѣрно оцѣнивалъ заслуги отличаемыхъ, но современники его въ такомъ случаѣ говорили: «на милость образца нѣтъ»; лучше излишество въ наградахъ, чѣмъ въ наказаніяхъ...

Третье министерство—Государственныхъ Имуществъ, учрежденное Николаемъ Павловичемъ въ 1839 году, принялъ въ завѣдываніе графъ П. Д. Киселевъ, управлявшій послѣ войны съ Турками въ 1828—29 г.г. княжествами Валахіей и Молдавіей (нынѣшняя Румынія). Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ только устраивалъ свое министерство.

Необычайными милостями Николая Павловича пользовался военный министръ А. И. Чернышовъ, далеко не блестяще ведшій хозяйство арміи, что̀ и обнаружилось въ Крымскую кампанію неудовлетворительнымъ вооруженіемъ пѣхоты и недостаткомъ самыхъ необходимыхъ военныхъ запасовъ; а между тѣмъ онъ за время управленія министерствомъ получилъ титулъ князя, потомъ свѣтлѣйшаго князя, а при увольненіи отъ должности казенный домъ, въ которомъ жилъ, въ собственность. Въ сдѣланныхъ упущеніяхъ Государь, быть можетъ, бралъ вину на себя, такъ какъ всѣмъ, что̀ касалось до военнаго вѣдомства управлялъ самъ, предоставляя Чернышову лишь исполнительную часть; но все же обращать вниманіе Государя на недостатки арміи было его дѣло. Особеннымъ благоволеніемъ Николая Павловича пользовался министръ финансовъ графъ Канкринъ, считавшійся на своемъ постѣ чуть-чуть что не геніемъ. Какъ-то странно называть геніальнымъ министра финансовъ, въ концѣ своей карьеры отвергавшаго пользу и тормозившаго постройку желѣзныхъ дорогъ въ Россіи на томъ основаніи, что шестимѣсячная санная дорога вполнѣ достаточна для раз-

витія внутренней торговли и промышленности, лѣтомъ же существуютъ для этого моря и рѣки. Положимъ, что говорилъ онъ такъ уже одряхлѣвшій и до крайности утомленный своею предыдущею дѣятельностью, когда постройка желѣзныхъ дорогъ, требовавшая громадныхъ заграничныхъ займовъ, могла поколебать блестящее, созданное имъ финансовое положеніе Россіи. Этого онъ не хотѣлъ и отстранился, сохраняя за собой славу выдающагося министра финансовъ. Никто не отнимаетъ у него этой славы; но еще вопросъ, онъ ли одинъ создалъ блестящее положеніе финансовъ въ царствованіе императора Николая Павловича или ему помогли особенныя экономическія условія Россіи и Европы того времени. Сорокалѣтній миръ Европы значительно увеличилъ ея народонаселеніе, а быстрое развитіе промышленности на Западѣ сократило тамъ земледѣліе. Тогда ни Сѣверная, ни Южная Америка, ни Индія, ни Египетъ, ни еще менѣе едва начинавшая заселяться Австралія не доставляли своихъ продуктовъ земледѣлія въ Европу, а помѣщичья Россія могла отправлять ихъ сколько угодно. Можно ли удивляться послѣ этого, что жители Россіи не знали куда дѣвать и почемъ принимать иностранную звонкую монету, что за ассигнаціи платили лажъ отъ 10 до 15 % и что Русскій рубль цѣнился постоянно выше al pari на иностранныхъ биржахъ? Такое состояніе финансовъ продолжалось до начала Крымской войны, т. е. еще 10 лѣтъ по уходѣ Канкрина, при министрахъ вовсе не считавшихся особенно талантливыми; слѣдовательно и таланты Канкрина не играли въ этомъ успѣхѣ особенной роли. Какъ бы то ни было, Николай Павловичъ не только цѣнилъ Канкрина, но даже въ одномъ отношеніи, вопреки своихъ правилъ, снисходилъ къ нему: Государь, самъ строго соблюдая установленную форму одежды, требовалъ того же отъ другихъ, а между тѣмъ старикъ Канкринъ былъ всегдашнимъ нарушителемъ ея.

Отправляясь на прогулку, въ большинствѣ случаевъ по Зеркальной линіи Гостиннаго Двора (вѣроятно во избѣжаніе встрѣчи съ Государемъ или другими нежелательными лицами) онъ такимъ образомъ облачался въ свой военный генеральскій костюмъ: на ногахъ теплые полуботфорты съ кисточками и вложенными въ голенища панталонами (въ царствованіе Николая Павловича полуботфорты не употреблялись, это форма временъ Александра Павловича), теплая шинель въ рукава съ поднятымъ воротникомъ, обвязаннымъ шерстянымъ шарфомъ, на головѣ единственная форменная вещь: трехуголка съ султаномъ изъ бѣлыхъ перьевъ, а на глазахъ зеленый шелковый зонтикъ. Государю съ хохотомъ докладывали о такомъ военномъ костюмѣ графа Канкрина. Николай Павловичъ выговаривалъ ему, но убѣдить старика въ необходимости соблюдать установленную форму было невозможно. «Ваше

Величество не желаете, конечно, чтобы я простудился и слегъ въ постель; кто же тогда будетъ работать за меня?» былъ отвѣтъ его. Въ концѣ концовъ Государь махнулъ на него рукой. Онъ могъ, понятно, переименовать его въ гражданскій чинъ, но предпочелъ имѣть министромъ хотя и карикатурнаго, но военнаго генерала. Въ 1843 году графъ Канкринъ почти потерялъ зрѣніе и до того ослабъ здоровьемъ, что принужденъ былъ просить объ увольненіи отъ службы. На свое мѣсто онъ рекомендовалъ тайнаго совѣтника Вронченка. Государь согласился, такъ какъ у него не было въ виду другого лица, способнаго занять трудную и отвѣтственную должность министра финансовъ. Вронченко былъ всегда дѣятельнымъ и исполнительнымъ чиновникомъ; тѣже качества проявилъ онъ и въ новомъ званіи, продолжая дѣло и способъ управленія министерствомъ своего учителя и благодѣтеля графа Канкрина, и не выказывая съ своей стороны никакихъ особенныхъ талантовъ. Онъ не былъ красивъ ни лицомъ, ни фигурой, по донельзя циниченъ. Объ его неумѣніи держать себя въ обществѣ, несоблюденіи обычныхъ приличій даже со старшими изъ своихъ подчиненныхъ и о ночныхъ похожденіяхъ на Невскомъ проспектѣ говорили тогда въ каждомъ Петербургскомъ домѣ; но какъ природный Малороссъ, онъ былъ очень хитеръ и скоро успѣлъ войти въ довѣріе и добиться расположенія къ себѣ Николая Павловича. Вотъ одинъ изъ случаевъ, происшедшихъ на пріемѣ Государемъ министровъ съ докладами. Доклады производились министрами по старшинству. Вронченко былъ самымъ младшимъ между собравшимися въ пріемной передъ кабинетомъ Государя и зналъ, что ему придется докладывать послѣ всѣхъ; но тѣмъ не менѣе онъ, какъ всегда, явился заблаговременно, что̀ и дало поводъ находившимся тутъ генераламъ и въ особенности князю Меншикову подтрунивать надъ нимъ, что онъ явился съ докладомъ прямо съ ночной прогулки. Всѣ, конечно, засмѣялись. Въ это время Государь, отпустивъ докладывавшаго князя Волконскаго, показался въ дверяхъ кабинета съ вопросомъ: Что̀ за шумъ?... При этомъ вопросѣ, Вронченко со страху или показывая только видъ, что испугался, уронилъ изъ рукъ портфель, содержимое котораго, состоявшее изъ докладныхъ бумагъ, разлетѣлось по полу. Общій хохотъ собравшихся раздался вновь. Николай Павловичъ обвелъ смѣявшихся своими большими на выкатѣ глазами и громко произнесъ: Тутъ нѣтъ ничего смѣшного!... Вронченко, тѣмъ временемъ, собралъ при помощи камерлакея свои бумаги и когда опустилъ ихъ снова въ портфель, Государь, показывая на свой кабинетъ, сказалъ ему: Пожалуйте, я приму васъ. Вотъ какъ Николай Павловичъ, не скрываясь ни передъ кѣмъ, любилъ отличать тѣхъ, кто его боялся. Въ первый изъ наградныхъ дней, затѣмъ, Вронченко полу-

чилъ звѣзду и ленту Александра Невскаго, а вскорѣ послѣ того графское достоинство.

Государственный канцлеръ графъ Нессельроде единственный изъ министровъ, остававшихся на посту въ теченіе всего царствованія императора Николая I, начавшій править Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ при Александрѣ I-мъ и кончившій свою карьеру при Александрѣ II. Это одно доказываетъ, что онъ былъ на высотѣ своего призванія, но тѣмъ не менѣе онъ далеко не пользовался такими милостями Николая Павловича, какъ Чернышовъ и Волконскій: съ 1828 года вице-канцлеръ, онъ едва добился до канцлерства уже старикомъ.

Еще меньшими успѣхами по службѣ могли похвалиться два другіе гражданскіе министра, графы Уваровъ и Панинъ. Менѣе всего Николай Павловичъ занимался ихъ дѣлами, но за то урѣзывалъ бюджеты ихъ министерствъ до минимума и ничѣмъ не отличалъ самихъ министровъ.

Управлявшій Морскимъ Министерствомъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ славился своими находчивостью и остроуміемъ и былъ не только любимъ Николаемъ Павловичемъ, но пользовался даже расположеніемъ всего его семейства, въ кругу котораго былъ частымъ и желаннымъ гостемъ. Тѣмъ не менѣе это былъ одинъ изъ самыхъ неудачнѣйшихъ дѣятелей въ числѣ приближенныхъ къ Государю лицъ. Самое назначеніе его, кавалерійскаго генерала, на постъ морскаго министра, не обѣщало удачи; но судьба послала ему замѣчательнаго помощника на Черномъ морѣ въ лицѣ адмирала Лазарева, создавшаго прославившійся впослѣдствіи подъ Синопомъ и на Севастопольскихъ бастіонахъ Черноморскій флотъ, а на Балтійскомъ морѣ распоряжался всѣмъ самъ Государь. Лишенный Александромъ I-мъ генералъ-адъютантства, онъ получилъ его вновь по воцареніи Николая Павловича. Неудачно дѣйствовалъ онъ съ сухого пути въ 1828 году подъ Анапой, павшей только при содѣйствіи адмирала Грейга съ моря; еще неудачнѣе кончилось его посольство, передъ Крымской войной, въ Константинополь, гдѣ выкинутый имъ фарсъ входа въ диванъ (Турецкій совѣтъ министровъ) въ шляпѣ, возмутилъ всѣхъ; но самымъ неудачнымъ было его командованіе Крымской арміей, ознаменовавшееся допущеніемъ высадки непріятеля въ Евпаторіи, проигранными сраженіями при Альмѣ, на Бельбекѣ и подъ Инкерманомъ и прямо трусливымъ бездѣйствіемъ во время зимы, когда Англичане и Французы, непривычные къ климату, мерзли въ своихъ палаткахъ.

Главноуправляющій путями сообщенія и публичныхъ зданій графъ Толь былъ образованный и очень даровитый офицеръ генеральнаго штаба, что́ и доказалъ своимъ планомъ взятія Варшавы—планомъ, ко-

торымъ воспользовался вновь прибывшій главнокомандующій арміей графъ Паскевичъ. Начальнику штаба арміи графу Толю ничего не оставалось болѣе какъ распрощаться съ послѣдней и принять предложенный постъ главноуправляющаго путями сообщенія. Хотя и не получившій спеціальнаго инженернаго образованія, графъ Толь былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Желѣзныхъ дорогъ тогда не существовало еще въ Россіи, кромѣ небольшой частной отъ Петербурга до Павловска; за постройку же шоссейныхъ и особенно водяныхъ сообщеній, по примѣру своего предшественника герцога Александра Виртембергскаго, онъ принялся въ началѣ своего управленія съ большимъ усердіемъ. Къ сожалѣнію, Николай Павловичъ почему-то не благоволилъ къ нему: его бюджетъ подвергался часто большимъ урѣзкамъ, и это охладило рвеніе его. Въ послѣдніе годы своего управленія онъ даже рѣдко показывался при дворѣ и, ссылаясь на свое болѣзненное состояніе, пересылалъ докладъ Государю черезъ Первое Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи.

Совсѣмъ въ иномъ родѣ былъ смѣнившій графъ Толя графъ П. А. Клейнмихель. Точно такъ же, какъ и первый, не-инженеръ, онъ отдался поверхностному наблюденію за постройкой только что утвержденной С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, не обращая почти никакого вниманія на прочія сухопутныя и водяныя сообщенія. Шоссейныя дороги строились лишь небольшими участками въ западномъ краѣ, преимущественно съ сттатегическою цѣлью, а водяныя сообщенія были совсѣмъ запущены. Между тѣмъ графъ Клейнмихель пользовался исключительнымъ довѣріемъ къ себѣ Николая Павловича, имѣлъ въ своемъ распоряженіи громадныя суммы и при своемъ безкорыстіи (какъ теперь установлено) могъ бы покрыть Россію столь необходимыми ей искусственными путями сообщеній. Будь онъ не строгимъ и исполнительнымъ только военнымъ генераломъ, а настоящимъ министромъ-инженеромъ, то на тѣ суммы, которыхъ стоила Николаевская желѣзная дорога, было бы возможно довести ее не до Москвы, а до Чернаго и Азовскаго морей. Но этого сдѣлано не было; коалиція Европейскихъ державъ этимъ воспользовалась, напавъ на Крымскій полуостровъ, и первымъ, по окончаніи войны, пострадалъ графъ Клейнмихель: онъ былъ уволенъ отъ должности министра путей сообщенія за дурное состояніе дорогъ въ южной Россіи.

Главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ графъ В. Ѳ. Адлербергъ былъ тоже любимцемъ Николая Павловича. Самое названіе должности показываетъ, что въ департаментѣ, т. е. въ управленіи почтовомъ, былъ еще другой ближайшій начальникъ (въ сороковыхъ годахъ—Прокоповичъ-Антонскій); слѣдовательно роль графа Ад-

лерберга была лишь наблюдательная, да и не могла быть иной, такъ какъ онъ, постоянно вращаясь въ придворномъ кругу, менѣе всего могъ быть специалистомъ по почтовой части. Во время его управленія почтовое вѣдомство приносило большіе убытки казнѣ; дефицитъ доходилъ почти до 10 мил. рублей. Дефицитъ сталъ уменьшаться съ пониженіемъ почтовой таксы за письма и посылки и съ постепеннымъ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, повлекшимъ за собой уничтоженіе почтовыхъ станцій, а съ ними и крупныя приплаты за содержаніе почтовыхъ лошадей. Но это не относится къ царствованію императора Николая I; онъ могъ только досадовать что почтовый дефицитъ не уменьшался. Послѣ смерти князя Волконскаго графъ Адлербергъ былъ сдѣланъ министромъ Императорскаго Двора съ сохраненіемъ и прежней должности по почтовому вѣдомству. Это была большая милость, представлявшая графу Адлербергу содержаніе двухъ министровъ; но о наградахъ въ родѣ выпавшихъ на долю князя Волконскаго не было и рѣчи.

Изъ списка министровъ начала сороковыхъ годовъ видно, что всѣ носили по меньшей мѣрѣ графскій титулъ; у кого его не было, тотъ его скоро получалъ, просто какъ очередную награду между двумя звѣздами; по крайней мѣрѣ такимъ образомъ получили графство Врончепко, Перовскій, Клейнмихель (во время бытности еще дежурнымъ генераломъ главнаго штаба) и много другихъ лицъ, преимущественно изъ числа военныхъ, командовавшихъ отдѣльными воинскими частями (Ридигеръ, Никитинъ и др.). Но если императоръ Николай Павловичъ давалъ относительно легко графское достоинство извѣстнымъ и приближеннымъ къ нему лицамъ, за то титуломъ князя и особенно свѣтлѣйшаго онъ, очевидно, награждалъ или желалъ награждать только за особенныя государственныя заслуги, и на этомъ основаніи такой награды не удостоивались даже завѣдомые его любимцы. Достойны ли были особенно высокихъ наградъ князья Волконскій, Чернышовъ и даже Паскевичъ (получившій за Персидскую кампанію и взятіе по чужому плану Варшавы, почти все то, что̀ имѣлъ безсмертный Суворовъ за свою сотню одержанныхъ побѣдъ и безпримѣрный переходъ черезъ Альпы), судить не намъ. На это была воля самодержавнаго монарха, строго наказывавшаго провинившихся передъ нимъ, но и щедро награждавшаго признанныхъ имъ достойными награды.

Съ годами, Николай Павловичъ сталъ еще усиленнѣе заниматься государственными дѣлами, почти единолично, и требовалъ отъ своихъ министровъ не самостоятельныхъ дѣйствій, а лишь исполненія его предначертаній и приказаній. При такихъ условіяхъ не могло быть выдающихся по своей инициативѣ министровъ.

Перехожу къ послѣднимъ мѣсяцамъ и днямъ его жизни. Крымская война доставила ему много заботъ и непріятностей. Недостатокъ военныхъ запасовъ, неудовлетворительность оружія въ войскахъ и бездорожье на Югѣ тяготили его, конечно, не менѣе чѣмъ всю Россію. Быть можетъ, онъ сознавалъ тогда, что управлять одному государствомъ невозможно и что министры нужны не для одного исполненія приказаній, но и для совѣта. Однако высказать такого рода мысли онъ не хотѣлъ; онъ только работалъ еще усиленнѣе прежняго и остался до послѣднихъ дней своихъ непреклоннымъ исполнителемъ взятой на себя задачи. Если вѣрить нѣкоторымъ слухамъ и даннымъ, онъ самъ руководилъ защитою Севастополя. Тотлебенъ, выдвигая укрѣпленія за первоначальную линію обороны и сооружая въ одну ночь, одинъ за другимъ, ошеломившіе своимъ неожиданнымъ появленіемъ непріятеля знаменитые Камчатскій и Волынскій редуты, исполнялъ только приказанія Императора. Это легко могло быть, потому что, какъ извѣстно, Николай Павловичъ былъ съ молодыхъ лѣтъ хорошо подготовленнымъ военнымъ инженеромъ. Судя по маневрамъ, онъ былъ также замѣчательнымъ тактикомъ и стратегомъ; но командовать арміей за двѣ тысячи верстъ отъ поля сраженія, не зная мѣстности и имѣя на мѣстѣ такого помощника, какъ князь Меншиковъ, было положительно невозможно; а между тѣмъ по приказанію Николая Павловича было дано Инкерманское сраженіе, планъ котораго онъ одобрилъ. При нападеніи съ двухъ сторонъ непріятель былъ бы смятъ и сброшенъ въ море; но шедшій въ обходъ командиръ 4-го корпуса Данненбергъ встрѣтилъ на пути такую изрытую оврагами мѣстность, что артиллерію приходилось переносить на рукахъ; онъ, конечно, опоздалъ, и сраженіе было проиграно. Будь на мѣстѣ настоящій главнокомандующій, тотъ, исполняя волю Государя, впередъ изслѣдовалъ бы мѣстность, а не пускалъ бы цѣлый корпусъ войскъ на удачу, князь же Меншиковъ это сдѣлалъ. Только тогда Императоръ убѣдился, что этотъ остроумный царедворецъ въ Крыму не на своемъ мѣстѣ. Еще неудачнѣе кончилось сраженіе на Черной рѣчкѣ, гдѣ легло цѣликомъ не одно Курское ополченіе. Но, не взирая на такія крупныя непріятности, на лицѣ Николая Павловича не было замѣтно ни упадка духа, ни отсутствія въ извѣстныхъ случаяхъ обычной его веселости. За нѣсколько недѣль до своей кончины, слѣдовательно когда онъ уже зналъ, что войну необходимо кончить и что намъ нельзя разсчитывать на почетный миръ, мнѣ привелось видѣть изъ креселъ Большого театра, какъ онъ, встрѣченный въ своей ложѣ графомъ Адлербергомъ, расшаркался передъ послѣднимъ точно гость передъ хозяиномъ. Николай Павловичъ не былъ расположенъ къ шуткамъ, даже съ самыми близкими и родственными ему

лицами, тѣмъ болѣе подобная шутка въ глазахъ публики, когда изъ Крыма получались самыя безотрадныя вѣсти, показалась всѣмъ непонятною. Но, очевидно, онъ не желалъ серьезнымъ видомъ усиливать общее уныніе; напротивъ, появляясь въ театрѣ такимъ веселымъ, онъ хотѣлъ всѣмъ внушить, что не все еще потеряно. Однако хорошихъ извѣстій съ театра войны не было, театральный сезонъ кончился, наступалъ великій постъ, и Государя можно было видѣть только случайно на улицѣ. Такой случай представился мнѣ за нѣсколько дней до его смерти.

Выйдя около полудня на прогулку, я съ удивленіемъ увидѣлъ по одну сторону Невскаго проспекта выстроившіяся войска, въ походной формѣ. Было около 10° мороза. Чтобы это значило? подумалъ я. Невскій проспектъ вовсе необычное мѣсто для смотровъ, на это есть манежи. Да и какія это войска и куда собираются ихъ посылать? (Гвардія находилась тогда на побережьи Балтійскаго моря для защиты края отъ возможной высадки непріятеля; въ Петербургѣ же было очень мало войска, всего по одному батальону отъ каждаго гвардейскаго полка и нѣсколько резервныхъ батальоновъ). Машинально я пошелъ къ Адмиралтейству. Очевидно, смотръ будетъ дѣлать Государь; иначе не было причины выстраивать войска вблизи дворца. По чувству особаго влеченія къ Николаю Павловичу съ юныхъ лѣтъ, я всегда встрѣчалъ его съ радостнымъ біеніемъ сердца и чтобы вновь увидѣть его, я спѣшилъ къ флангу войскъ, гдѣ могъ услышать и голосъ его. Я подошелъ къ углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади и остановился позади командовавшаго парадомъ генерала, сидѣвшаго на лошади, на краю фланга. Лица его я не видѣлъ и не знаю, кто былъ этотъ генералъ. Прошло лишь нѣсколько минутъ, какъ раздалась команда: «слушай, на караулъ!» Такъ какъ это былъ лѣвый флангъ, то музыки здѣсь не было; оркестры находились на правыхъ флангахъ своихъ частей и хотя заиграли при командѣ «на караулъ», но здѣсь были едва слышны. Николай Павловичъ, верхомъ, въ мундирѣ, безъ шинели, не доѣзжая шаговъ десяти до фронта, громко произнесъ по адресу командовавшаго генерала: Bonjour! Comment vous va? Отвѣта генерала я не слыхалъ; вѣроятно, его не было; но руку его приложенную къ шляпѣ съ султаномъ и какъ будто легкое наклоненіе головы я видѣлъ. Конечно, и мой цилиндръ былъ уже въ рукѣ, и глубокій поклонъ отвѣшенъ; но я не успѣлъ еще выпрямиться, какъ раздалось столь часто слышанное, громогласное: «Здорово, ребята!» И въ отвѣтъ: «Здравія желаемъ Вашему Императорскому Величеству», понесшееся вдоль Невскаго проспекта, по которому, всегдашнимъ молодцомъ, летѣлъ галопомъ Государь.

— Въ одномъ мундирчикѣ сердечный... послышался сзади меня женскій голосъ. Я оглянулся. Какая-то деревенская баба крестилась и продолжала причитывать: въ одномъ мундирчикѣ... долго ли до бѣды!

— Ты напрасно безпокоишься, голубушка. Государь всегда такъ на смотры выѣзжаетъ: онъ мороза не боится, вразумлялъ я бабу.

— Какъ, баринъ, не бояться... Не ровёнъ часъ! Не паренекъ онъ молодой... Кровь, чай, не попрежнему грѣетъ...

— Грѣетъ, матушка! Его грѣетъ: насъ съ тобой переживетъ!

— Кто это знаетъ. На все Божья воля....

— Развѣ ты не видѣла, какъ онъ точно вѣтеръ пронесся?

— Видѣть-то видѣла, а все ему слѣдъ поберечься. Такъ не сдобровать ему...

— Полно каркать и вздоръ молоть, произнесъ я съ нѣкоторымъ раздраженіемъ и началъ пробираться во-свояси, сквозь толпу, которая не расходилась, потому что солдаты еще стояли на мѣстѣ.

Прошло пять дней. Государя я больше не встрѣчалъ. 18 Февраля, часовъ около 11 утра, захожу я въ книжный магазинъ за какой-то книгой. Знакомый хозяинъ магазина, пока доставали книгу, подалъ мнѣ листокъ съ нѣсколькими крупно напечатанными строками.

— Что это? Бюллетень! Кто заболѣлъ? спросилъ я довольно хладнокровно, не ожидая ничего необычайнаго...

— Прочтите! какъ-то особенно внушительно сказалъ хозяинъ магазина. Я пробѣжалъ шесть строкъ бюллетеня и невольно вскрикнулъ: Ну, такъ и есть! Простудился на смотру пять дней назадъ... Какая-то баба ему напророчила, добавилъ я смѣясь и собрался разсказать что̀ говорила причитальщица.

— Нѣтъ, его видѣли еще третьяго дня совершенно здоровымъ.

— Да. Значитъ позже, а все-таки простудился; такъ и въ бюллетенѣ сказано. Гриппъ болѣзнь не важная; скоро оправится...

— Не оправится, потому что онъ уже скончался, шепнулъ мнѣ на ухо книготорговецъ. Послѣ полудня выйдетъ второй бюллетень, а затѣмъ вѣроятно и окончательный...

Я оцѣпенѣлъ отъ этихъ словъ. Въ первую минуту мнѣ показалось, что я слышу совсѣмъ не то, что̀ мнѣ сказано. Опомнившись, я громко произнесъ: какъ это возможно, чтобы такой богатырь не могъ перенести такой пустяшной болѣзни? Книготорговецъ оставилъ свою конторку и отвелъ меня въ сторону. Во-первыхъ, не говорите такъ громко: у насъ это, какъ вамъ извѣстно, не годится, особенно если найдутся нежелательныя уши; а во-вторыхъ, нельзя вѣрить всему печатному...

— Что̀ вы хотите этимъ сказать? спросилъ я въ недоумѣніи.

— Да не болѣе того, что онъ умеръ, вѣроятно, не отъ гриппа...

— Отчего же? Книготорговецъ взглянулъ на меня съ ироничеекой улыбкой и произнесъ скороговоркой: отъ непріятностей, понятно. Могъ ли онъ перенести столько невзгодъ, сколько обрушилось на его голову за все время этой несчастной имъ же затѣянной войны?

— Однако, позвольте... Я живу постоянно въ Петербургѣ, видѣлъ Государя чуть не ежедневно и никогда не замѣчалъ, чтобы самыя непріятныя даже извѣстія съ театра войны дѣйствовали на него до болѣзненности.

На то онъ и былъ Николай Павловичъ, чтобы не походить на другихъ. Строгій къ другимъ, онъ, какъ герой, не могъ быть нестрогимъ и къ себѣ самому... Онъ молча переносилъ удары судьбы и не выдержалъ...

Прежде чѣмъ я успѣлъ задать новый, начинавшій мучить меня вопросъ, собесѣдникъ мой прибавилъ: больше я ничего не могу сказать вамъ, потому, что самъ говорю по слухамъ, и съ этими словами ушелъ за конторку.

Какъ я былъ предупрежденъ, такъ и вышло: за вторымъ очень тревожнымъ бюллетенемъ, вышелъ третій, равносильный провозглашенію новаго царствованія—Николая Павловича не стало. Оставалось только въ первый и послѣдній разъ облобызать руку того, который цѣловалъ меня христосуясь съ ординарцемъ-юношей, того, съ которымъ я часто встрѣчался въ теченіе 15 лѣтъ и былъ всегда счастливъ и доволенъ, когда это случалось. Доступъ во дворецъ для поклоненія покойному былъ разрѣшенъ всѣмъ. Гробъ съ тѣломъ усопшаго стоялъ на возвышеніи въ одной изъ залъ нижняго этажа зимняго дворца, окна которой были обращены на дворцовую площадку. Мощная фигура покойнаго Государя производила впечатлѣніе и въ гробу; строгія черты лица не измѣнились нисколько, но въ закрытыхъ глазахъ уже нельзя было видѣть ни привѣтливаго взгляда въ большинствѣ случаевъ, ни грознаго въ иныхъ, приводившаго тысячи людей въ трепетъ. Теперь тоже тысячи людей подходили къ гробу усопшаго, безъ боязни всматриваясь въ охладѣвшее лицо Государя и читая молитву объ отпущеніи грѣховъ ему.

В. Шиманъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ ЕЛАГИНОЙ.

Приводимыя здѣсь воспоминанія Е. И. Елагиной представляютъ собою весьма разнообразный интересъ. Трогательное, по своей простотѣ и глубинѣ, оскорбленное чувство дочери, сметая пыль, навѣваемую клеветою на дорогія для нея имена, въ тоже время короткими, но сильными чертами характеризуетъ одну изъ страницъ бытовой исторіи нашего Дерптскаго университета. Профессоръ Моіеръ, учитель профессоровъ Ѳ. И. Иноземцева и Н. И. Пирогова, былъ одною изъ свѣтлыхъ и даровитыхъ личностей, высоко поднимавшихъ въ свое время научное и образовательное значеніе этого университета. Каждый изъ его учениковъ почерпалъ изъ его ученія то, что̀ по своей природѣ могъ почерпнуть. Честность въ наукѣ и нераздѣльная съ нею честность въ жизни были девизомъ этого ученія. Небольшой эпизодъ, разсказанный Е. И. Елагиной по случаю студенческихъ дуэлей, достаточно характеризуетъ и душевную высоту человѣка въ исполненіи нравственнаго долга, и благородную твердость ректора по отношеніи къ своему начальству. Въ самомъ подчиненіи своемъ онъ сумѣлъ быть честенъ. Могли ли молодыя сердца слушателей не откликаться сочувственно такому ректору?

Къ сожалѣнію, самое доброе сѣмя не на всякой почвѣ пускаетъ одинаковые ростки, и два ученика Моіера изъ его ученія внесли не одинаковыя убѣжденія въ науку и въ свою общественную и частную дѣятельность. Оба они предназначались для каѳедры хирургіи, Пироговъ въ Московскій Университетъ, Иноземцевъ въ Петербургскую Медико-хирургическую Академію. Судьбѣ угодно было измѣнить это предначертаніе: Пироговъ заболѣлъ, и Иноземцевъ былъ назначенъ на каѳедру Московскую. Не знаемъ, чѣмъ былъ бы Иноземцевъ на каѳедрѣ Петербургской; писалъ ли бы онъ больше, чѣмъ въ Москвѣ, издавалъ ли бы свои сочиненія на Нѣмецкомъ языкѣ, дорожа болѣе Европейскою извѣстностью, чѣмъ интересомъ Русскаго студента; но знаемъ, что Иноземцевъ въ Москвѣ сталъ рядомъ съ Грановскимъ и отдалъ всю свою душу Русскому врачебному дѣлу. Первый призывный кличъ къ самостоятельному труду на поприщѣ отечественной медицины послышался отъ Иноземцева, и студенты-медики Московскаго университета, въ теченіи четверти вѣка, откликались на него.

Время и случайность иногда заставляютъ забывать многое достойное пьедестала и ставить на него то, что̀ не заслуживаетъ его; но судъ исторіи неотразимъ и вѣренъ: онъ рано или поздно возстановляетъ истину, снимая незаслуженные лавры и дѣлая великихъ людей иногда очень невеликими. Конечно отъ профессора учащійся юноша въ правѣ ожидать обогащенія

современными научными знаніями; но чуткимъ сердцемъ онъ въ тоже время ищетъ въ немъ руководителя и въ нравственной сферѣ. Современныя знанія безпрерывно смѣняются новыми открытіями, предъ которыми часто блѣднѣютъ старыя. Одинъ законъ нравственный остается непоколебимъ во всѣ времена, и проповѣдники его не умираютъ въ потомствѣ. Недалекъ отъ насъ примѣръ скромнаго труженика добра и человѣколюбія, Ѳ. П. Гааза. Тихо сошелъ онъ въ могилу замѣченный только тѣми, кому онъ благотворилъ. Проходитъ полстолѣтія, и является перо, возстановляющее передъ современниками чистый образъ беззавѣтнаго служителя нравственнаго начала. Сороковые годы минувшаго столѣтія, о которыхъ съ такимъ уваженіемъ вспоминаетъ настоящее время, сложились людьми мало заявившими свою дѣятельность въ литературѣ; но Грановскіе, Иноземцевы, Гаазы никогда не будутъ забыты. Утомленный суетностью своихъ великихъ практическихъ открытій, сводящихся въ концѣ концовъ лишь къ болѣе или менѣе успѣшной борьбѣ за существованіе и за его комфортъ и оставляющихъ развитіе жизни духовной въ сторонѣ, настоящій вѣкъ ищетъ для себя отдохновенія въ идеалахъ прежняго времени. Истинные носители этихъ идеаловъ не знали мелкихъ вожделѣній личнаго самолюбія, стремленія къ матеріальной наживѣ, хотя бы и въ ущербъ нравственному чувству, и не умѣли клеветать.

С. Смирновъ.

Можетъ быть, кто нибудь изъ внуковъ моихъ полюбопытствуетъ прочесть Записки Пирогова въ «Русской Старинѣ» 1884—1885 годовъ, зная, что Пироговъ былъ ученикомъ моего отца, профессора хирургіи въ Дерптѣ. По Запискамъ этимъ (и по Запискамъ Ф. Ф. Вигеля) получитъ онъ или она совершенно превратное понятіе о Моіерѣ, а мнѣ было бы очень горько, если бы дѣти Маши*) не знали, какой человѣкъ былъ ихъ прадѣдъ. Пироговъ говоритъ: Моіеръ послѣдніе года въ Дерптѣ вовсе не занимался наукой и больными, онъ занятъ былъ своимъ ректорствомъ и заботился объ одномъ—выслужить свои 25 лѣтъ до пенсіи. Потомъ самъ же, говоря о томъ же годѣ (1836), пишетъ, что Моіеръ предложилъ ему занять его каѳедру и что самъ онъ выходитъ въ отставку, что̀ и было.

Отецъ мой служилъ 22 года профессоромъ, въ числѣ этихъ 22 лѣтъ три года ректоромъ. Когда онъ вышелъ въ отставку, попечитель университета говорилъ ему, что онъ имѣетъ полное право на пенсію, исполняя двѣ должности въ теченіе трехъ лѣтъ, и предлагалъ ему представить его къ пенсіи; но отецъ мой отказался, говоря, что будучи ректоромъ, онъ выпрашивалъ для вдовъ профессоровъ много незаконныхъ

---

*) Внучка Ивана Филипповича Моіера, дочь Екатерины Ивановны и Василья Алексѣевича Елагиныхъ, Марья Васильевна Беэръ. Ей обязаны мы за сообщеніе въ „Русскій Архивъ“ этихъ воспоминаній. П. Б.

пенсій и боится, что подумаютъ, будто этимъ онъ прокладывалъ дорогу себѣ на полученіе незаконной пенсіи. Пироговъ же говоритъ, что Моіеръ былъ нехорошимъ ректоромъ, что его ненавидѣли студенты. Это совершенная неправда. Когда онъ уѣзжалъ изъ Дерпта, ему всѣ студенты устроили огромный факельцугъ. Разбитое стекло въ его кабинетѣ, на которомъ Пироговъ основываетъ свое мнѣніе о ненависти студентовъ, было отчасти поводомъ къ этой демонстраціи. Я помню, какъ при разбитомъ окнѣ въ нашемъ домѣ по всей улицѣ раздались крики: «Burschen heraus!» и какъ студенты бѣжали, чтобы догнать разбившаго. Оказалось, что это былъ какой-то Полякъ, о которомъ отецъ мой узналъ, что онъ шпіонъ и доносилъ на товарищей своихъ, студентовъ Поляковъ, будто у нихъ какой-то заговоръ. Объ этомъ написалъ отцу министръ Уваровъ, приславшій доносъ въ подлинникѣ, и поручалъ сдѣлать слѣдствіе. Доносъ вышелъ ложный; отецъ мой, въ силу власти данной ректору (не знаю, существуетъ ли она теперь), исключилъ доносчика изъ числа студентовъ и велѣлъ ему въ 24 часа оставить Дерптъ. Этотъ-то студентъ, передъ отъѣздомъ изъ Дерпта, бросилъ увѣсистый кирпичъ въ окно, разбившій и стекла, и раму окна.

Университетъ Дерптскій, не смотря на уваженіе, въ которомъ ему не могло отказать правительство въ научномъ отношеніи, былъ въ опалѣ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ: ввели мундиры, преслѣдовали несоблюденіе формы, уничтожали корпораціи, строго преслѣдовались дуэли. Ректору дѣлались безпрестанные выговоры за недонесеніе въ Петербургъ о дуэляхъ, за непредупрежденіе ихъ. Часто отца моего, при опасныхъ ранахъ на дуэли, приглашали перевязывать раны, вынуть пулю. На выговоръ министра отецъ отвѣчалъ ему, что онъ не можетъ узнавать о готовящейся дуэли, потому что студенты тщательно скрываютъ это. Уваровъ отвѣчалъ, что онъ этому вѣрить не можетъ, что онъ навѣрное знаетъ, что ректоръ такому-то вырѣзывалъ пулю, и вообще при опасныхъ ранахъ бываетъ приглашаемъ къ раненому. Отецъ мой написалъ ему въ отвѣтъ, что *ректора* никогда не зовутъ въ такихъ случаяхъ, а можетъ быть, *профессора хирургіи* Моіера, но что Моіеръ, въ силу докторской присяги имъ данной при полученіи диплома, клялся никому не разсказывать о болѣзни паціента, если паціентъ этого не хочетъ и конечно ему *ректору* никогда не скажетъ. Этимъ дѣло и кончилось. Уваровъ не посмѣлъ сказать, что присяга вздоръ.

Еще говоритъ Пироговъ, что отецъ мой небрежно относился къ лекціямъ и дурно дѣлалъ операціи, что при немъ вырѣзывалъ онъ камень у старика, и чуть не уморилъ его, не взявъ достаточно большого ножа. Во сколько лучше Пироговъ сдѣлалъ бы эту операцію, не

знаю; знаю одно, что отецъ мой долго учился въ Павіи у Скарпы, и изучилъ именно операцію камня, которой славился Скарпа. (Болѣзнь эта въ Италіи очень распространена среди народа, отъ кислаго вина, которое пьютъ простолюдины). Шульцу (тотъ старикъ, которому отецъ мой дѣлалъ операцію камня) было около 80 лѣтъ, и весь городъ увѣренъ былъ, что онъ умретъ подъ ножомъ. Операція удалась, отецъ вырѣзалъ у него два большіе камня, онъ жилъ еще долго послѣ того и считалъ отца моего своимъ благодѣтелемъ и спасителемъ. Онъ предоставилъ намъ мѣсяца на два свою деревню Кидіерфъ, узнавъ, что бабушка моя не захотѣла ѣхать лѣтомъ на дачу (какъ мы это дѣлывали) чтобы не оставлять отца моего въ городѣ одного. Операція была во время вакацій. Насъ угощали въ Кидіерфѣ, какъ принцевъ крови, мы прожили тамъ очень весело (мѣстоположеніе прелестное).

А сколько помогалъ отецъ мой бѣднымъ и больнымъ, этого никто не знаетъ и никогда не узнаетъ. Онъ замѣчательно хорошо игралъ на фортепьянахъ, и своими концертами удалось ему основать въ Дерптѣ первый Бѣдный домъ на 12 старухъ и стариковъ. Мать моя для того же бѣднаго дома продала все, что̀ у нея было драгоцѣннаго. Я до сихъ поръ не могу понять, какъ они съ своими маленькими средствами могли дѣлать столько добра. Жалованье его было 5 тысячъ ассигнаціями, т. е. меньше 1500 р. Муратово давало, можетъ быть, тысячи 2 ассигнаціями, т. е. меньше 600 р. с. У него въ домѣ жили его племянники, сыновья сестеръ его, Дерптскіе студенты или гимназисты; росли двѣ племянницы Воейковы, одно время три. Моя бабушка, теща Моіера, которую онъ любилъ и уважалъ и о которой онъ заботился, какъ о родной матери, тоже жила съ нимъ. Уѣзжая изъ Дерпта (какъ узнала я изъ отчетовъ его Бѣднаго дома, которые мнѣ въ Дерптѣ сообщали), онъ оставилъ капиталъ въ 5000 рублей сер. въ банкѣ, проценты съ котораго должны быть употребляемы на содержаніе этой богадѣльни. По смерти отца на ней прибили вывѣску Moiersches Armenhaus. Окна этого дома противъ могилы моей матери. Старухи (ихъ теперь уже 24) говорили мнѣ, что молятся за него и за нее, глядя на крестъ на ея могилѣ. Вотъ какова была ихъ общественная дѣятельность.

Теперь о томъ, какой онъ былъ семьянинъ и какой былъ онъ благородный, умный, любезный, острый въ семейной жизни. Ф. Ф. Вигель говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что, проѣзжая черезъ Дерптъ, захотѣлъ увидѣть ту, которую такъ любилъ Жуковскій, пошелъ познакомиться съ моей матерью и очень былъ удивленъ, увидавъ, ея мужа, *толстаго, бѣлокураго Нѣмца, лицомъ напоминающаго мясника*! Отецъ мой былъ очень красивъ, руки его были такъ изящны и малы, что

имъ могла бы позавидовать любая красавица; манеры его были необыкновенно изящны, онъ былъ очень образованъ, музыку зналъ въ совершенствѣ и превосходно игралъ на фортепьянахъ. Онъ прекрасно разсказывалъ и очень ясно и кратко излагалъ. Слушатели его говорили, что его лекціи, на которыя онъ часто опаздывалъ, полезнѣе для нихъ, хотя бы продолжались полчаса вмѣсто часа.

Кромѣ родныхъ жили у насъ еще въ домѣ въ разное время Зейдлицъ и Даль. Оба, особливо первый, остались на всю жизнь нашими самыми искренними, преданными друзьями. Пироговъ тоже жилъ въ нашемъ домѣ одно время; но, видно, это время не оставило въ немъ благодарнаго воспоминанія объ отцѣ моемъ, что̀ меня очень удивило. Онъ очень многимъ обязанъ былъ отцу моему. Отецъ мой заступился за него, когда его за лѣнь собирались исключить изъ числа профессорскихъ студентовъ, присланныхъ на казенный счетъ готовиться къ слушанью лекцій въ чужихъ краяхъ.

До послѣднихъ 12 или 13 лѣтъ своей жизни, отецъ мой былъ необыкновенно веселый собесѣдникъ, очень любимъ въ обществѣ, смѣхъ его былъ веселый, заразительный, какой я когда-либо слыхала. Ректорство и многія другія обстоятельства мало-по-малу отняли у него беззаботность и веселье. Университетъ былъ въ опалѣ (хоть и не такой какъ теперь, когда его уничтожаютъ совсѣмъ) и находился подъ особеннымъ гоненіемъ правительства. Приходилось безпрестанно бояться, какъ бы не отдали въ солдаты кого-нибудь изъ студентовъ. А солдатчина тогда была на 25 лѣтъ, съ палками, розгами, сквозьстроемъ.

Жизнь въ нашемъ домѣ въ Дерптѣ была веселая, но очень простая. Напримѣръ, праздникомъ для племянниковъ отца моего и домочадцевъ было: уходить съ утра въ Бѣдный домъ, весною, чтобы собственноручно вспахать тамъ огородъ, посадить картофелю, сдѣлать грядки и разсадить капусту, а осенью убрать. Отецъ и мать моя, разумѣется, шли съ ними и работали вмѣстѣ и больше дѣтей. Тамъ готовили имъ незатѣйливый обѣдъ; возвращались вечеромъ, кончивъ заданный себѣ урокъ. И меня брали они съ собой, но я этого не помню (мнѣ еще не было трехъ лѣтъ, когда скончалась мать моя). Я знаю объ этомъ изъ писемъ матери моей. Когда бывалъ у отца бѣдный паціентъ въ городѣ, онъ лѣчилъ его также внимательно, такъ же тщательно, какъ и богатаго; у насъ на кухнѣ готовилась пища для него, а часто и для семьи его, и обѣдъ этотъ мать моя иногда сама относила вмѣстѣ съ По̀люшкой, моей няней, которая мнѣ это разсказывала.

Смерть матери на всю жизнь отца подѣйствовала сильно: онъ въ одинъ годъ (1823) посѣдѣлъ совершенно. Когда Авдотья Петровна Елагина увидала его въ этомъ году и ахнула, онъ сказалъ ей: «C'est

la poudre du voyage», разумѣя ту пыль, которую налагаетъ на насъ путь жизни. Сознаніе строгаго исполненія долга, пользы, которую онъ приносилъ, сознаніе честной, безупречной жизни его поддержали. Онъ умеръ въ Бунинѣ въ 1858 году 1-го Апрѣля, протянувъ руки впередъ, и воскликнувъ «Маша!» Я убѣждена, что за нимъ пришла мать моя. Потомъ онъ перекрестился и сложилъ руки крестомъ на груди. Теперь еще живы мужики, помнящіе его; они вспоминаютъ о немъ съ любовью и благодарностью. Когда была объявлена эманципація, и имъ вручили манифестъ, они пошли на его могилу и громко запѣли: «Святый Боже, святый крѣпкій и проч.». Больной за мѣсяцъ до смерти, онъ присоединился къ нашей церкви, послалъ сказать объ этомъ крестьянамъ и звать всѣхъ поздравить его. Они пришли, и онъ по случаю этого событія роздалъ имъ почти весь находившійся въ амбарахъ хлѣбъ. Я убѣждена, что, если бы онъ, здоровый, прожилъ еще года два, наши крестьяне были бы свободны до общаго освобожденія.

У него была артель рабочихъ въ 20 человѣкъ, 20 рабочихъ лошадей, телѣгъ, сохъ, боронъ и проч. Прикупленная къ Бунину земля въ Черногрязкахъ обрабатывалась этими наемными рабочими; онъ хотѣлъ мало-по-малу все прибавлять рабочихъ, прикупать лошадей, телѣги, сани и проч., и со временемъ всѣ свои поля обработывать наймомъ, а крестьянскую землю предоставить имъ даромъ. Когда введены были общественные магазины (нынѣ уничтоженные), отецъ мой вырѣзалъ крестьянамъ изъ своего поля 12 десятинъ, сборъ съ которыхъ шелъ на пополненіе магазина. Когда магазинъ былъ полонъ, земля эта возвратилась въ господское поле. Артель его зимою била масло на нашей маслобойнѣ; съ каждаго двора отецъ бралъ извѣстное количество конопли, ее пробивали, масло продавалось, жмыхи отдавались владѣльцамъ конопли. Отецъ мой за крестьянъ платилъ подушныя (въ то время по 1 рублю съ души, теперь же, въ 1886 году, съ выкупомъ почти 15 рублей); конопля, которая была взята у крестьянъ, разсчитывалась по самой дорого́й, въ теченіе зимы, цѣнѣ, и мужикамъ раздавалось все, что̀ приходилось имъ за уплатою подушныхъ. Изъ господскихъ луговъ нѣсколько десятинъ косилось въ пользу крестьянъ; но сѣно это не отдавалось имъ на руки, а сохранялось у насъ, и выдавалось весной, во время посѣва овса. Всякіе поборы, какъ бывали у другихъ помѣщиковъ, у насъ были отмѣнены; за всякую посылку мужика платилось, и на это была такса: въ Орелъ 75 коп., въ Болховъ 1 рубль, въ Петрищево 1 р. 50 к. за лошадь. У крестьянъ Бунинскихъ было тогда очень много лошадей; мнѣ разъ случилось выставить на подставы 10 троекъ. Лошади были сытыя, выѣзженныя. Проданные рожь и овесъ отвозились тоже съ най-

ма; во время крѣпостного права у насъ платили съ пуда, смотря по разстоянью, дороже если продавали въ полѣсье, потому что тогда на возвратныхъ подводахъ привозили дрова или лѣсъ для построекъ. Строила артель; они были каменщики и плотники. Домъ въ Бунинѣ строенъ артелью подъ руководствомъ одного паціента отца моего. Одинъ бѣдный каменщикъ пріѣхалъ въ Дерптъ изъ Германіи искать работы, отморозилъ себѣ руку, и отецъ мой принужденъ былъ ему ее отрѣзать. Когда пришло время ему выдти изъ клиники, этотъ несчастный заплакалъ и сказалъ отцу моему: «Вы спасли мнѣ жизнь, для того, чтобы я умеръ съ голоду». Отецъ предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Бунино и научить рабочихъ, которыхъ онъ дастъ ему, дѣлать кирпичи и возводить каменныя стѣны. Тотъ съ благодарностью принялъ мѣсто, и вотъ начало артели, которая, если бы мысли отца моего осуществились, могла бы, можетъ быть, имѣть огромное значеніе для освобожденія крестьянъ, совсѣмъ на другихъ началахъ. Но отецъ мой не любилъ говорить о томъ, что̀ имъ еще не сдѣлано. Мы одни, мужъ и я, знали что̀ онъ замышляетъ. Обработка крестьянской земли также строго наблюдалась имъ, какъ и господской; онъ хорошо зналъ хозяйство полевое, всякій день объѣзжалъ свои и крестьянскія поля, заставлялъ ихъ перепахивать землю, такъ же какъ и свою, когда находилъ, что она дурно вспахана. Трехдневная барщина у насъ не наблюдалась; смотря по надобности иногда всю недѣлю работали на нашемъ полѣ, а иногда на крестьянскомъ. Тоже во время сѣнокоса. Частые передѣлы строго запрещались, тоже и раздѣлы. Наказанья розгами за работу не бывало. Высѣкли одинъ разъ сына по просьбѣ отца, котораго сынъ билъ.

Вы, дѣти, можете благодарить Бога за то, что ваши дѣды и прадѣды были честные, благородные, замѣчательно образованные люди. Дай Богъ, чтобы вы были достойны ихъ. Надѣясь, что вы будете жить въ Бунинѣ, хочу, чтобы вы знали, что посажены вашимъ прадѣдомъ садъ и всѣ рощи. Онъ посадилъ въ одну осень 140 тысячъ березъ. Когда мы въ 1837 году пріѣхали изъ Дерпта въ Бунино, здѣсь не было ни одного дерева, кромѣ Пожаро́вскихъ и Вышнихъ дубовъ. Глядя на эти рощи, вспоминайте о томъ, кто вамъ ихъ приготовилъ. Есть одна березовая аллея, ведущая отъ воротъ въ садъ, къ колодцу; ее собственноручно посадилъ отецъ мой въ одну безсонную ночь, вернувшись отъ родильницы, которая умерла: ему это напомнило смерть жены его. Не знаю, увижу ли я кого изъ васъ, и будете ли вы когда-нибудь существовать, но пишу все это затѣмъ, что если будутъ дѣти у моей Маши, чтобъ они знали, что noblesse oblige, въ томъ смыслѣ, что внуки *хорошихъ* предковъ должны подражать имъ.

Бунино. Іюнь 1886 г.

УБІЕНІЕ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ ВЪ УГЛИЧѢ*).

Смерть царевича Дмитрія имѣла для исторіи Россіи громадное значеніе, такъ какъ она была одной изъ причинъ смутной эпохи, когда вѣра и народность Россіи подвергались крайней опасности погибнуть навсегда подъ вражескимъ напоромъ Поляковъ, Іезуитовъ и внутренней неурядицы. Современники этой эпохи сознавали ея значеніе и оставили намъ много историческаго матеріала, въ которомъ историки до сихъ поръ еще не разобрались, какъ слѣдуетъ, хотя смутное время имѣетъ самую обширную литературу. Вопросъ объ убіеніи царевича Дмитрія принадлежитъ къ наименѣе темнымъ; но и въ немъ есть рядъ сомнительныхъ чертъ, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ. Въ то время, какъ Карамзинъ, Соловьевъ и Иловайскій признаютъ безспорнымъ, что царевичъ Дмитрій былъ убитъ въ Угличѣ 15 Мая 1591 г., среди бѣлаго дня, что тѣло его лежало на виду всѣхъ гражданъ Углича съ перерѣзаннымъ горломъ и потомъ положено было въ церкви Спаса Преображенія, многіе еще даютъ вѣру сказанію, пущенному въ ходъ самозванцемъ, что царевичъ не былъ убитъ, а вмѣсто него *ночью* убитъ другой мальчикъ. Устряловъ признаетъ, что царевичъ былъ убитъ; но думаетъ, что еще не рѣшено, кто былъ виновникомъ его кончины (Сказ. Соврем. II ч., стр. 265) «Для каждой души благородной было бы утѣшительно снять проклятіе съ мужа великаго, обвиняемаго, можетъ быть, только по стеченію обстоятельствъ» (тамъ же, стр. 288). Изслѣдованіе историческихъ фактовъ показываетъ, что Годуновъ былъ дѣйствительно великій мужъ въ правленіи, но онъ не былъ хорошимъ

---

*) Подлинное слѣдственное дѣло о событіи 15 Мая 1591 года находится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Рукопись, состоящая изъ склееныхъ одна за другою „сказокъ" или показаній, которыя отбирались отъ привлеченныхъ къ слѣдствію лицъ, удивляетъ своею сохранностью, крѣпостью бумаги и свѣжестью чернилъ. Она напечатана въ Румянцовскомъ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ А. Ѳ. Малиновскимъ; но рукопись не полна и въ самомъ началѣ ея находится современная, неизданная доселѣ помѣта о томъ, что дѣло сохранилось не все. Угличкимъ событіемъ началось Смутное время, неизбѣжное послѣдствіе дѣятельности Іоанна Грознаго. Было отчего изолгаться Русскимъ людямъ. П. Б.

человѣкомъ. Онъ неспособенъ былъ стѣсняться въ погубленіи людей, стоявшихъ на пути его стремленій къ власти.

1582 года 19 Октября, въ день памяти св. мученика Уара, у царя Ивана Васильевича Грознаго, отъ седьмой его супруги Маріи, изъ рода Нагихъ, родился сынъ, названный Димитріемъ. Только одинъ годъ и пять мѣсяцевъ ребенокъ съ матерью оставался при царскомъ дворѣ. 18-го Марта 1584 г. умеръ царь, и въ туже ночь шуринъ царя Θеодора Ивановича, Борисъ Годуновъ съ своими совѣтниками возложилъ на Нагихъ измѣну, повелѣлъ ихъ поймать и однихъ отдать приставамъ, другихъ заключить въ темницу. (Нов. Лѣтоп., стр. 21). Юнаго царевича вмѣстѣ съ матерью и многими Нагими бояре сочли нужнымъ удалить въ Угличъ. «Каковы бы ни были въ частности поводы къ высылкѣ Нагихъ и Бѣльскаго, смыслъ этой мѣры внѣ спора: ни Нагіе, ни Бѣльскій на самомъ дѣлѣ не поднимали крамолы противъ Θеодора, но пребываніе въ Москвѣ, какъ ихъ самихъ, такъ и питомца ихъ, маленькаго Димитрія, показалось опаснымъ для старшаго царевича, хотя и нареченнаго царемъ, но неспособнаго къ правленію». (Очерки исторіи Смуты, С. Θ. Платонова, стр. 196.). Такъ съ самаго начала для царствованія Θеодора Ивановича присутствіе маленькаго царевича Димитрія въ Москвѣ показалось опаснымъ, бояръ и его удаляютъ въ Угличъ. Кто были эти бояре? По всей вѣроятности, это были тѣ самые бояре, которыхъ Грозный назначилъ сыну своему Θеодору помощниками въ трудномъ дѣлѣ управленія государствомъ: князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, Иванъ Θеодоровичъ Мстиславскій, Никита Романовичъ Юрьевъ, Борисъ Годуновъ и Бѣльскій. Несомнѣнно, главнымъ руководителемъ высылки царевича былъ Борисъ Годуновъ. Ему, какъ шурину царя, болѣе всѣхъ было важно удержать на престолѣ царя Θеодора, и онъ болѣе всѣхъ соправителей, при помощи сестры своей, царицы Ирины, имѣлъ вліянія на царя Θеодора. Годунову болѣе всѣхъ было выгодно удалить изъ Москвы царевича Димитрія и Нагихъ, какъ лицъ, могущихъ вмѣшиваться въ дѣла правленія. Дальнѣйшія дѣйствія Годунова показали, что онъ послѣдовательно отдѣлывался отъ своихъ соправителей. За Нагими быстро послѣдовалъ Бѣльскій. Люди *знатные* возмутили народъ, распустивъ ложную молву, что Бѣльскій отравилъ Іоанна, думаетъ погубить Θеодора, умертвить всѣхъ бояръ и возвести на престолъ своего друга и совѣтника Бориса Годунова. Бояре знали невинность Бѣльскаго, но не очень защищали его передъ народомъ, и предложили его выслать изъ Москвы, что̀ немедленно и сдѣлали, отправивъ его воеводою въ Нижній Новгородъ. Чтобы отвратить отъ себя подозрѣніе въ возмущеніи черни, Годуновъ наказалъ явныхъ возбудителей ея, Ляпуновыхъ и Кикиныхъ. Такъ въ первый же годъ смер-

ти Грознаго былъ удаленъ изъ Москвы одинъ соправитель. Въ 1585 году Борисъ приказалъ схватить князя Ивана Өеодоровича Мстиславскаго, сослать въ Кириловъ монастырь и тамъ постричь его. Бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, хотя и пользовался большимъ вліяніемъ на государственныя дѣла, но, по слабости своего здоровья, не былъ опаснымъ соправителемъ и своею смертью въ 1586 г. избавилъ Годунова еще отъ одного соправителя. Въ 1587 г. Годуновъ покончилъ съ княземъ Иваномъ Петровичемъ Шуйскимъ. Борисъ имѣлъ на Шуйскихъ большую злобу (Нов. Лѣтопис., стр. 26.), но Шуйскіе поддерживались торговыми людьми и чернью. Митрополитъ Діонисій желалъ помирить враждующихъ, призвалъ ихъ къ себѣ, убѣждалъ и упрашивалъ прекратить вражду. Оба согласились исполнить желаніе митрополита и дали въ этомъ клятву. Когда князь Иванъ Петровичъ объявилъ, по выходѣ отъ митрополита, торговымъ людямъ, что они съ Борисомъ помирились и впредъ враждовать съ нимъ не хотятъ, то изъ толпы вышли два человѣка и сказали: Сей миръ на пагубу нашимъ головамъ, да и вамъ, князь Иванъ Петровичъ, отъ Бориса пропасть. Въ туже ночь Борисъ приказалъ этихъ двухъ человѣкъ схватить и «не увѣда никто, камо подѣшася», на Шуйскихъ же научилъ людей ихъ, съ Өеодоромъ Старковымъ во главѣ, сдѣлать доносъ, по которому ихъ обвинили въ измѣнѣ и взяли подъ стражу. Вмѣстѣ съ Шуйскими взяты были Татевы, Колычевы, Иванъ Крюкъ-Колычевъ, Андрей Быкасовъ съ братьею и Урусовы. Князя Ивана Петровича Шуйскаго сослали сначала въ его помѣстье Лопатицы, а оттуда на Бѣлоозеро и тамъ удавили. Князя Андрея Ивановича Шуйскаго Борисъ сначала сослалъ въ село Воскресенское, а потомъ въ Каргополь и тамъ тоже приказалъ удавить. Князя Ивана Татева сослали въ Астрахань, Крюкъ-Колычева въ темницу въ Нижній Новгородъ, Быкасовыхъ и иныхъ дворянъ многихъ разослали по разнымъ городамъ, гостей Өеодора Нагая и съ нимъ шесть человѣкъ казнили на Москвѣ, многихъ торговыхъ людей разослали по разнымъ городамъ и по темницамъ. Такъ изъ сопровителей никого не осталось. За исключеніемъ Никиты Романовича, всѣ они сдѣлались жертвой насилія Годунова. Эти злодѣйства вынудили митрополита Діонисія предъ лицемъ царя Өеодора и въ присутствіи бояръ назвать Годунова клеветникомъ и тираномъ. Діонисій утверждалъ, что Шуйскіе и друзья ихъ гибнутъ отъ алчнаго властолюбія Годунова невинно. Крутицкій архимандритъ Варлаамъ поддерживалъ митрополита и обличалъ Годунова. Эти обличенія не имѣли никихъ послѣдствій для Годунова; напротивъ, для митрополита и архіепископа они кончились дурно: они были сосланы въ заточеніе, гдѣ и скончались.

Дѣйствія Годунова ясно свидѣтельствуютъ о его крайней жестокости, которая нисколько не подчинялась нравственнымъ началамъ. Для него клятва, священный санъ, заслуги были ничто. Воспитанный въ кровожадной школѣ Іоанна Грознаго, Годуновъ не былъ способенъ стѣсняться безвинно отнимать жизнь у своихъ противниковъ. Дѣйствія Годунова по отношенію къ Маріи Владимировнѣ, дочери Владимира Андреевича Старицкаго, показываютъ, что онъ не враговъ своихъ только преслѣдовалъ, но очищалъ себѣ дорогу къ престолу. Мужъ этой Маріи Владимировны, Магнусъ, умеръ еще при жизни Іоанна Грознаго въ Пильтенѣ. Вдова оставалась тамъ съ своею дочерью. И вотъ Годуновъ вызываетъ ее въ Москву, обѣщая богатый удѣлъ и знаменитаго жениха. Та пріѣзжаетъ въ Москву. Но здѣсь ей вмѣсто удѣла назначаютъ монастырскія стѣны, а двухлѣтняя дочь ея умираетъ какою-то неестественною смертью. Это Марія была правнучка Іоанна Ш-го. Въ случаѣ кончины Ѳеодора и Димитрія могли предъявить ея права на Московскій престолъ. Вотъ эту-то наслѣдницу такъ нагло устраняетъ Борисъ. Если жену Магнуса, правнучку Іоанна Ш, Борисъ находилъ нужнымъ устранить съ своего пути, то въ отношеніи къ царевичу Димитрію ему было необходимо дѣйствовать еще по чувству самохраненія. Борису, какъ близкому человѣку къ царю Ѳеодору, было хорошо извѣстно слабое здоровье царя. Онъ зналъ, что со смертью Ѳеодора царскій престолъ долженъ перейти къ Димитрію, а до его совершеннолѣтія власть будетъ находиться въ рукахъ Нагихъ, которымъ онъ причинилъ столько зла, тѣхъ Нагихъ, которые воспитывали въ царевичѣ ненависть къ Годунову, какъ къ его личному врагу. (Сказанія Авраамія Палицына, Историч. Библіот. т. XIII, стр. 475). Борисъ понималъ, что со смертью слабаго Ѳеодора онъ терялъ не только имущество и власть, но опасность грозила даже его жизни и жизни его семейства. Чѣмъ была больше власть, больше имущества, тѣмъ труднѣе было разстаться съ ними. Власть же и имущество Бориса были громадны: онъ имѣлъ званіе царскаго конюшаго, титулъ ближняго великаго боярина, намѣстника царства Казанскаго и Астраханскаго. Къ своимъ родовымъ имѣніямъ въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ онъ присоединилъ доходы земли Двинской, Ваги, всѣ луга на берегу Москвырѣки съ лѣсомъ и пчельниками, разные казенные сборы Московскіе, Рязанскіе, Тверскіе и Сѣверскіе. Съ помощью сестры своей Ирины Годуновъ совершенно овладѣлъ особою царя Ѳеодора и не былъ уже просто временщикомъ и любимцемъ царя, но властителемъ царства, правителемъ, какъ его называли, правителемъ единодержавнымъ. Было рѣшено царемъ, что «отъ конюшаго и боярина Бориса Ѳеодоровича Годунова грамоты писать къ цесарю Римскому и брату его Максими-

ліану пригоже, нынѣ и впредъ: это царскому имени къ чести и прибавленью, что его государевъ конюшій и бояринъ ближній станетъ ссылаться съ великими государями, да и къ инымъ ко всѣмъ государямъ, которые станутъ къ Борису Ѳеодоровичу грамоты писать; отвѣтныя отъ Бориса Ѳеодоровича грамоты писать въ Посольскомъ Приказѣ вмѣстѣ съ государевыми грамотами» (Соловьевъ, т. VII, стр. 334). Такъ Борисъ продвигался къ престолу. Ему необходимо было овладѣть престоломъ не по одному властолюбію, а по чувству самохраненія (Соловьевъ т. VIII, стр. 17). Чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ, чтобы не быть убитымъ или по крайней мѣрѣ сосланнымъ, Борису нужно было самому сдѣлаться царемъ, а для этого необходимо было устранить царевича Димитрія. Оспаривать его право на престолъ тѣмъ, что онъ сынъ седьмой супруги Іоанна Грознаго, предъ Русскимъ народомъ было невозможно: бракъ этотъ былъ нарушеніемъ церковныхъ правилъ, но все-таки былъ бракъ, а Димитрій Іоановичъ былъ сынъ царя Грознаго, признанный всѣмъ народомъ; его иначе не называли какъ царевичъ, а мать его царицею. Пребываніе царевича въ Угличѣ, вдали отъ брата царя, дѣлало возможнымъ безъ шума отдѣлаться отъ него. Борисъ и прежде по отношенію къ врагамъ своимъ пользовался такою политикою, что сначала вышлетъ изъ Москвы, а тамъ прикажетъ удавить: такъ онъ поступилъ съ Шуйскими. Конечно Борису было бы пріятнѣе спровадить на тотъ свѣтъ царевича какъ можно незамѣтнѣе. Попытки въ этомъ направленіи дѣлались. Не безъ основанія царица Марья юродивую женку, которая жила у Михаила Битяговскаго, хаживала къ Андрею Нагому и въ домъ къ ней царицѣ, велѣла чрезъ два дня послѣ смерти царевича, добыть и убить, что будто-сь та женка царевича портила (Сказ. соврем. т. II, стр. 269). Когда порча не удалась, Годуновъ рѣшается дѣйствовать болѣе открыто. Онъ созываетъ единомышленниковъ своихъ Годуновыхъ и совѣтниковъ Андрея Клешнина съ товарищи. Дѣло объ убіеніи царевича Димитрія не было личнымъ только дѣломъ Годунова, оно было дѣломъ и его партіи: вмѣстѣ съ Годуновымъ погибали и его приверженцы. Поэтому ничего нѣтъ невѣроятнаго, что Годуновъ на совѣтъ объ убіеніи царевича приглашаетъ единомышленниковъ своихъ. «Обыкновенный убійца могъ обойтись безъ соучастниковъ и совѣтниковъ, но не могъ безъ нихъ обойтись правитель Годуновъ: не самому же ему было ѣхать въ Угличъ, для совершенія преступленія», говоритъ Соловьевъ (т. VII, стр. 470, примѣч. 131). Годунову нечего было бояться обнаруженія своего намѣренія: а) лица, которыхъ онъ призвалъ на совѣтъ, были сами заинтересованы въ этомъ дѣлѣ и, стало быть, не въ ихъ итересахъ было разбалтывать о немъ; б) Годунову нечего

было бояться обнаруженія своего намѣренія по безнаказанности для него даже въ случаѣ и обнаруженія. Вся власть находилась у него въ рукахъ, всѣ дѣла, доходившія до царя, если и доходили, то лишь чрезъ него. Дѣло велось настолько открыто, что на совѣтъ объ убіеніи царевича попадали люди, не сочувствующіе этому дѣлу. Такъ одинъ изъ родственниковъ Бориса Годунова, Григорій Васильевичъ Годуновъ «не приста къ совѣту ихъ и плакался горько, они же начаша его чуждатися и въ совѣтъ его къ себѣ болѣе не призывали». Прочіе же совѣтники Борисовы рѣшились, для убіенія царевича, послать въ Угличъ одного изъ двухъ своихъ сообщниковъ, Владимира Загряжскаго и Никифора Чепчугова. Но ни тотъ, ни другой не захотѣли принять на себя исполненіе порученія. «Возвѣстиша же Борису ихъ нехотѣніе; онъ же зѣло скорбяше о томъ, яко не обрѣтаетъ по хотѣнію своему, дабы кто исполнилъ волю его и убилъ царевича Димитрія. Совѣтникъ же Борисовъ Андрей Клешнинъ рече къ Борису: не скорби, господине, азъ твоему желанію сотворю исполненіе. Борисъ же, возрадовавсь, рече ему: аще самъ сіе сотворишн, или иного кого обрящеши, дабы сіе сотворилъ, азъ имамъ многіе дары дати; *зла же никоего не будетъ за то*, азъ бо васъ защитити имамъ. Прежде реченнымъ же Владимиру и Никифору той Борисъ многія бѣды и напасти содѣя». Андрей Клешнинъ собралъ единомышленниковъ своихъ у себя и обѣщалъ богатство и знатность тому, кто исполнитъ волю Бориса Θеодоровича; но всѣ отказались за исключеніемъ Михаила Битяговскаго, котораго Борисъ призвалъ къ себѣ, обѣщалъ ему воздать большую честь, одарилъ дарами и «отпусти» на Угличъ. Отпустилъ; такъ сказано потому, что Михаилъ Битяговскій и ранѣе жилъ въ Угличѣ, въ Москву же онъ былъ вызываемъ, чтобы получить новое порученіе, которое онъ взялся исполнить. Такимъ образомъ во главѣ заговора на жизнь царевича былъ поставленъ Михаилъ Битяговскій. Онъ одинъ являлся къ Борису, прочіе же соучастники были выбраны уже самимъ Битяговскимъ. То были: сынъ его Даніилъ Битяговскій, Никита Качаловъ и Осипъ Волоховъ, сынъ мамки царевича, вдовы Василисы Волоховой. Эта Василиса была «вящая боярыня, отъ малаго рода: прежде была постельница, потомъ возлюбила ее царица Марья Θеодоровна и пожаловала ее въ боярыни у себя, и жаловала ее паче всѣхъ иныхъ боярынь (Истор. Библіот. 7. XIII. Сказаніе о царствѣ Θеод. Ив., стр. 765). Она, равно и сынъ ея и Никита Качаловъ, были отправлены въ Угличъ вмѣстѣ съ отправленіемъ туда царицы и царевича (Нов. Лѣтоп., стр. 21). Такимъ образомъ Борисъ Годуновъ нашелъ исполнителей своей воли въ числѣ самыхъ приближенныхъ лицъ ко двору царевича. Нельзя отказать заговорщикамъ въ большомъ искусствѣ составленія

заговора. Нельзя также не признать, что для устройства всего заговора потребовались большія средства.

Вотъ какъ лѣтопись повѣствуетъ о совершеніи убійства. 15 Мая 1591 года, въ Суботу, царевичъ былъ у обѣдни вмѣстѣ съ матерью. Послѣ обѣдни, когда понесли кушанье наверхъ къ царицѣ (показаніе истопниковъ), и отправились къ себѣ на подворье обѣдать дяди царевича Михаилъ и Григорій Нагіе, а Андрей Александровичъ Нагой былъ у ѣствы въ домѣ царицы, Василиса Волохова, вопреки желанію кормилицы, вывела царевича изъ комнатъ, для прогулки. Кормилица шла сзади. На нижнемъ крыльцѣ встрѣтилъ царевича Осипъ Волоховъ; какъ свой человѣкъ, онъ взялъ царевича за руку и сказалъ: у тебя, государь, новое ожерелье. Царевичъ отвѣчалъ: «Это не новое ожерелье, а старое» и, чтобы показать его, поднялъ голову. Тогда Волоховъ ударилъ царевича ножемъ по шеѣ. Ударъ былъ поверхностный. «Удари ножемъ по выи и не улучи гортани его». Кормилица начала кричать, бросилась на царевича, «паде вверху его», т. е. хотѣла закрыть царевича собою. Испугавшись крика, Осипъ Волоховъ бросилъ ножъ и побѣжалъ прочь. Сообщники же его, сынъ Михаила Битяговскаго, Даніилъ Битяговскій и Никита Качаловъ, начали бить лежавшую вверху царевича кормилицу за то, что она кричала, увидали, что царевичъ еще живъ, дорѣзали его и тоже убѣжали. Въ своемъ слѣдственномъ показаніи Василиса Волохова говоритъ, что когда царевичъ въ болѣзни черной покололся ножемъ, то царица Марья сбѣжала на дворъ. Михаилъ и Григорій Нагіе прибѣжали вскорѣ съ своего подворья, когда тѣло царевича еще трепетало (показ. Григорія Нагого). Судорожныя подергиванія при наступленіи остраго малокровія мозга продолжаются не особенно долго; такъ что, если Нагіе успѣли застать еще трепещущее тѣло царевича, то они пришли скоро. Царица же пришла прежде ихъ. Она выбѣжала на крикъ кормилицы и могла видѣть даже убійцъ, тѣмъ болѣе, что кормилица закричала тотчасъ послѣ нанесенія раны царевичу Осипомъ Волоховымъ, вторые же убійцы задержаны были на мѣстѣ преступленія расправою съ кормилицей и довершеніемъ преступленія. Если царица Марія и не увидала сама убійцъ, то она узнала о нихъ отъ кормилицы. Всѣ убійцы были люди извѣстные при дворѣ царицы Маріи Ѳеодоровны. Кормилица не могла не сказать, что мамка Василиса Волохова насильно повела царевича на прогулку, что сынъ этой Волоховой первый нанесъ царевичу рану по горлу, и что онъ ему говорилъ объ ожерельи. И «начала царица Волохову бить полѣномъ, и стала ей Василисѣ говорить, что сынъ ея Осипъ съ Михайловымъ сыномъ Битяговскимъ, да Никита Качаловъ царевича Димитрія зарѣзали» (показ. Волоховой). Такимъ образомъ изъ

показанія Василисы Волоховой узнаёмъ, кто прежде всѣхъ назвалъ убійцъ царевича, это была мать царевича—Марья. Царица убѣждена была въ виновности Волоховой; она бьетъ ее полѣномъ и приказываетъ бить ее Нагому. Между тѣмъ кормилицу она не бьетъ и не считаетъ ее участницею въ заговорѣ. Сама Василиса въ своемъ показаніи предъ слѣдственной комиссіей показываетъ, за что ее била царица: «Почала ей Василисѣ приговаривать, что будто сынъ ея Василисинъ Осипъ, съ Михайловымъ сыномъ Битяговскимъ, да Никита Качаловъ царевича Димитрія зарѣзали». Когда по набату на царскій дворъ сбѣжались посадскіе и всякіе люди, то царица велѣла имъ взять Василису, и ее, ободранную и простоволосую, держали предъ царицей. Когда на дворъ прибѣжалъ Михаилъ Битяговскій, то царица Марья и братъ ея, Михаилъ Нагой, велѣли убить Михаила Битяговскаго и Никиту Качалова и Даніила Третьякова, а говорила царица міру: «То-де душегубцы царевичу». Такъ царица Марья нѣсколько разъ опредѣленно указала убійцъ своего сына; по ея показанію, посадскіе люди ихъ убиваютъ. Толпа въ своихъ дѣйствіяхъ разбиралась. Осипа Волохова не убили на дворѣ Михаила Битяговскаго, куда онъ убѣжалъ, а его представили предъ царицу и убили, когда изъ устъ ея услышали, что это убійца ея сына.

Такимъ образомъ, хотя въ слѣдственномъ дѣлѣ нѣтъ показаній царицы, но изъ показаній Волоховой мы узнаёмъ, что̀ кого она считала убійцами своего сына и на кого указывала. Есть ли какое-нибудь основаніе не довѣрять словамъ царицы въ данномъ случаѣ? Нѣтъ никакого. Она могла знать и видѣть, о чемъ говорила. Она первая явилась на крикъ кормилицы и застала преступленіе почти въ самую минуту его совершенія. Тутъ была кормилица, которая видѣла *все*. Трудно повѣрить, чтобы у трупа своего единственнаго царственнаго сына, который составлялъ всю надежду несчастной матери, царица стала напрасно обвинять ни въ чемъ неповинныхъ людей въ смерти его. Трудно повѣрить, чтобы она сама стала бить свою любимую боярыню, приказала ее бить Григорью Нагому и напрасно, наконецъ приказала убить ея сына Осипа Волохова. Мы не можемъ также заподозривать свидѣтельство кормилицы предъ царицей. Подробности убійства, разговоръ Осипа Волохова съ царевичемъ, что отъ перваго удара по выѣ царевичъ не умеръ, наконецъ крикъ кормилицы, который услышала царица, указаніе именъ убійцъ, людей извѣстныхъ, все это говоритъ, что кормилица не хотѣла скрывать истину и была права. И если при розыскѣ ея показаніе записано такъ: «Ходилъ царевичъ Димитрій въ Суботу по двору, игралъ съ жильцы ножикомъ, и она того не уберегла, какъ пришла на царевича болѣзнь

черная; а у него въ тѣ поры былъ ножъ въ рукахъ, и онъ ножемъ покололся, и она царевича взяла къ себѣ на руки, и у нея царевича на рукахъ не стало». Можно навѣрное сказать, что такого показанія кормилица не давала. Показаніями кормилицы Орины власти не были довольны. По окончаніи слѣдствія, когда «Углицкое дѣло по договору вершили, а по тѣхъ людей, которые въ дѣлѣ объявились, велѣлъ государь посылати», то привезли въ Москву Нагихъ, кормилицу Димитрія съ мужемъ и вѣщуна Мочалова». Если кормилицу Орину обвинили въ неприсмотрѣ за царевичемъ, то эта вина падала въ большей мѣрѣ на Василису, а между тѣмъ эта послѣдняя не была обвинена, а даже послѣ получила «имѣнія многая». Изъ дѣла очевидно, что при совершеніи преступленія были только: Василиса Волохова, кормилица Орина, быть можетъ въ концѣ мать царица Марья и преступники. Нагіе пришли позже и не могли видѣть самаго преступленіа, какъ характерно и показываетъ Андрей Нагой: «прибѣжалъ тутожъ къ царицѣ, а царевичъ лежитъ у кормилицы на рукахъ мертвъ; а *сказываютъ*, что его зарѣзали; а онъ того не видалъ, кто его зарѣзалъ». Въ показаніи жильцовъ, съ которыми будто игралъ царевичъ, есть такая странность. Они говорятъ: «Были за царевичемъ *въ тѣ поры* они четыре человѣка жильцовъ, да кормилица, да постельница»; про Волохову они не показываютъ, а Волохова несомнѣнно была. Изъ этого мы въ правѣ заключить, что жильцовъ-то самихъ не было. Для уясненія дѣла характерны показанія архимандрита Ѳеодорита и игумена Саватія. Они «послали слугъ провѣдать... и слуги имъ пришедчи, сказали, что они слышали отъ посадскихъ людей и отъ посошныхъ, что будто-се царевича Димитрія убили, а того невѣдомо, кто его убилъ; и они пріѣхали въ городъ; и какъ они пріѣхали въ городъ, а царевичево тѣло ужъ въ Спасѣ лежитъ; а Михайло Битяговскій и сынъ его Данило, и Никита Качаловъ, и Данило Третьяковъ, и Михайловы люди Битяговскаго, и Осиповы люди Волохова, посадскіе люди три человѣка лежатъ побиты. А Осипа Волохова привели при нихъ, при немъ архимандритѣ и при игуменѣ Саватіи, къ церкви къ Спасу, предъ царицу, только чуть жива, и тутъ его предъ царицею прибили до смерти; а Михайлову жену Битяговскаго съ двумя дочерьми привели тутъ же къ Спасу и хотѣли ихъ побити жъ, и они, архимандритъ Ѳеодоритъ и игуменъ Саватій, ухватили Михайлову жену Битяговскаго съ дочерьми и отняли ихъ и убити не дали; и посадскіе люди Михайлову жену и дочерей держали у Спаса, а Осипову мать Волохова посадили въ полату за сторожи». Изъ этого показанія видно, что въ первое время по совершеніи убійства посадскіе и посошные люди и всѣ вообще жители Углича считали смерть царевича не самоубійствомъ, а убій-

ствомъ, и что виновники убійства были извѣстны; одни лежали убитые, а Осипа Волохова привели предъ царицу, и тѣ архимандритъ и игуменъ, которые съ успѣхомъ защитили и Михаилову жену, и его дочерей, даже не дѣлаютъ попытки защитить Осипа Волохова. Тѣло царевича внесено было въ церковь вскорѣ по совершеніи убійства. Случай былъ судебно-медицинскій: въ домъ внести было нельзя, оставить на дворѣ тоже невозможно; и блюлись, чтобы кто царевича тѣла не укралъ (показ. Григ. Нагого), а потому Андр. Александровичъ Нагой «былъ у царевичева тѣла безотлучно и тѣло царевичево внесъ въ церковь». Въ Нов. Лѣтописцѣ (стр. 34—35) читаемъ: «граждане жъ и тѣхъ убійцъ каменіемъ побиша, всѣхъ же убіенныхъ убійцъ 12, и вверговша ихъ вкупѣ въ яму, тѣло же блаженнаго вложиша во гробъ и внесоша въ церковь соборную Преображенія Спасова. Къ царю же Ѳеодору послаша съ вѣстію, яко братъ его отъ рабовъ убіенъ бысть. Вѣстника жъ онаго на Москвѣ приведоша къ Борису Годунову. Борисъ же, взятъ отъ него посланная писанія, повелѣ переписати, якобы одержимъ былъ тяжкимъ недугомъ и заклалъ самъ себя небреженіемъ Нагихъ, и донесе оныя писанія царю Ѳеодору». Да. Углицкое посланіе навѣрное было переписано Годуновымъ. Изъ Углича, гдѣ посадскіе и посошные люди знали, что царевичъ отъ рабъ убіенъ бысть и гдѣ знали, что Нагіе не небрегли о царевичѣ (а можетъ быть, сами Нагіе и послали въ Москву извѣстіе объ убіеніи царевича) не могло быть послано извѣщеніе, что царевичъ самъ себя закололъ въ припадкѣ болѣзни, небреженіемъ Нагихъ. Если же Годуновъ передѣлалъ извѣщеніе изъ Углича, то это будетъ обвиненіемъ его въ участіи убіеніи царевича Димитрія.

19 Мая 1591 года въ Угличъ явился князь В. И. Шуйскій съ окольничимъ Клешнинымъ и дьякомъ Вылузгинымъ. Они осмотрѣли въ церкви тѣло убіеннаго царевича и похоронили его въ той же церкви Преображенія. Послѣ того князь В. И. Шуйскій «и прочіи присланніи съ нимъ начаша испытывать, како небреженіемъ Нагихъ самъ царевичъ зарѣзался? Всѣ же людіе вопіяху единогласно, яко отъ рабовъ убіенъ бысть, отъ Михаила Битяговскаго съ товарищи повелѣніемъ Бориса Годунова». Здѣсь какъ будто Углицкіе граждане допускаютъ скачокъ. Откуда взялся Годуновъ? Почему они прямо на него указываютъ? Объясненіе этому мы можемъ найти въ словахъ «Сказанія о царствѣ царя Ѳеодора Ивановича». «И рече имъ (убійцамъ) граждання: о, окаянные и злые человѣцы, святоубійцы! Какъ есте такое зло дѣло сотворили и свои окаянныя руки подняли на государя своего и благодѣтеля царевича Димитрія Іоанновича, на таковаго сущаго младенца, неповиннаго отрока? Кое вамъ онъ, государь нашъ, зло сотво-

рилъ, или онъ вамъ, окаяннымъ, неправду чинилъ? Какъ вы Бога не убоялись, его, государя нашего погубили, таковаго неповиннаго отрока, и кровь проліяли напрасно? Они же окаянные стояху и зряху, и видя свою вину и неправду, и рече къ народу: *наша винность и наше дѣло*, неповинная насъ кровь обличила, послушали прелестника и богоотступника Бориса Годунова». (Историч. Библіот. т. XIII, стр. 170—171). Если и не всѣ могли такъ виниться, то достаточно было одному изъ убійцъ назвать имя главнаго виновника, чтобы граждане Углицкіе стали утверждать, что убійство совершено повелѣніемъ Бориса Годунова. Кому кромѣ него нужна была смерть царевича Димитрія? На вопросъ слѣдственной комиссіи: «Какъ заколотъ царевичъ Димитрій Іоанновичъ? граждана *(Клешнину)* сказали всю правду, какъ сотворилось убивство царевича Димитрія Іоанновича. Той же злонравный и лукавый совѣтникъ, Борисовъ угодникъ, Андрей Клешнинъ учалъ рыкати на гражданъ, аки левъ, и рече имъ: О льстивые человѣцы! Что неправду сказываете, хотя оправити такихъ же подобныхъ себѣ? А то истинно, самъ зарѣзался небреженіемъ тутошнихъ людей, которые за нимъ приставлены. Граждана же, видѣвше Андреево злохитрѣніе, что неправду изыскуетъ, а по Борисѣ Годуновѣ покрываетъ, и убояся страху и смерти, вси умолкоша и ничто глаголаше, токмо рекоша: истиннаго мы дѣла не вѣдаемъ, тутъ не были». (Историч. Библіот. т. XIII, стр. 782). Какъ характерна и типична эта картина народнаго опроса! Ее нельзя даже придумать. Храбро говорятъ Углицкіе граждане, но до тѣхъ поръ, пока самихъ ихъ не стали обвинять, убояся же страху и смерти умолкаютъ. «Клешнинъ, видя гражданъ сумнѣнье страха ради его, и повелѣ тотчасъ рѣчи ихъ писати по своему проклятому умыслу и велѣлъ всѣмъ гражданѣмъ къ тѣмъ рѣчамъ руки прикладывать, и неволею иныхъ прельщая» (тамъ же, 782). Это извѣстіе «Сказанія» даетъ намъ понятіе о способѣ производства слѣдствія. Въ самомъ «розыскѣ» мы находимъ также указанія пристрастнаго веденія дѣла. Во-первыхъ, при осмотрѣ тѣла царевича ничего не сказано о ранѣ: гдѣ она была, какъ глубока, въ какомъ направленіи и одна она была, или нѣсколько. Во-вторыхъ, всякаго не можетъ не поразить, что свидѣтели, какъ по заученному, повторяютъ: «ходилъ въ Суботу по двору и тѣшился съ жильцы ножикомъ, и пришла на него болѣзнь черный недугъ, у него былъ ножикъ въ рукахъ, и онъ самъ покололся». Ходить по двору и тѣшиться ножикомъ съ жильцы (играть въ тычку) въ одно и тоже время нельзя: играютъ въ тычку обыкновенно сидя. За исключеніемъ жильцовъ, постельницы и Семейки Юдина, который «въ тѣ поры стоялъ у поставца, а то видѣлъ», другіе свидѣтели не были очевидцами преступленія, конечно кро-

мѣ мамки Волоховой и кормилицы Арины. Мы уже указали, что жильцы едва ли были очевидцами, такъ какъ, перечисляя лицъ, бывшихъ при зарѣзаніи царевича, они не упоминаютъ о Волоховой. Лѣтопись прямо говоритъ, что царевичъ получилъ ударъ ножомъ отъ Осипа Волохова на нижнемъ крыльцѣ. Убійцы избѣгали многолюдства. Они рѣшили совершить свое преступленье во время обѣда, когда и Нагіе и Битяговскій Михаилъ были за яствой. Вся исторія съ игрой въ тычку ножикомъ придумана. При открытіи мощей царевича Димитрія комиссія изъ Ростовскаго митрополита Филарета, Астраханскаго епископа Θеодосія, Спасскаго архимандрита Сергія, Андроновскаго архимандрита Авраамія, изъ бояръ князя Ивана Михайловича Воротынскаго, Петра Никитича Шереметева, Григорія Θеодоровича и Андрея Александровича Нагихъ нашла: «На царевичевыхъ мощѣхъ положено орѣховъ съ пригорщи, а сказываютъ: какъ онъ тѣшился, и въ тоё пору орѣшки кушалъ, и какъ его убили, и тѣ орѣхи кровію его обагрилися, и для того тѣ орѣхи на немъ во гробъ положили». (Историч. Библіот. т. XIII, стр. 84). Мы не можемъ эту комиссію заподозрить въ неправильности показаній. Если же царевичъ кушалъ орѣшки, то онъ въ это же время не могъ играть въ тычку: руки его были заняты орѣшками, и онъ въ нихъ не могъ держать ножа. Падучая болѣзнь у царевича тоже придумана. Въ своемъ показаніи слѣдственной комиссіи Волохова говоритъ: «Разболѣлся царевичъ Димитрій, въ Среду нынѣшняго 99 года Мая въ 12-й день, падучею болѣзнью, и въ Пятницу маленько стало полегче». Падучая болѣзнь, какъ извѣстно, выражается припадкомъ судорогъ съ потерею сознанія; припадокъ большею частію наступаетъ неожиданно, иногда только за короткое время является предвѣстникъ aura epileptica, и такъ же очень скоро проходитъ. Падучею болѣзнью нельзя разбаливаться. Нелѣпо говорить, что въ падучей болѣзни на третій день стало маленько полегче. Если Волохова такъ говоритъ о падучей болѣзни, то *она ея никогда не видала*, а слѣдовательно ея у царевича не было, и вся эта исторія придумана умными людьми, а усердная и болтливая мамка выдала ложь придуманной исторіи.

Хитрый Шуйскій не препятствовалъ пристрастному веденію слѣдственнаго дѣла, но самъ въ немъ замѣтнаго усердія не проявлялъ. Андрей же Клешнинъ, несомнѣнный сторонникъ Годунова, участникъ въ заговорѣ на убіеніе царевича, старался съ дерзостію направить слѣдствіе по указанію своего милостивца. Если публично всѣхъ гражданъ города Углица Клешнинъ заставилъ умолкнуть и сказать: «истиннаго дѣла мы не вѣдаемъ», то при одиночномъ допросѣ вѣроятно употреблялись болѣе рѣзкія мѣры.

2 Іюня 1591 г. царь Θеодоръ Ивановичъ приказалъ боярамъ и дьякамъ съ Углицкимъ обыскомъ идти на соборъ къ Іову патріарху всея Руси, и къ митрополитамъ, и къ архіепископамъ, и ко владыкамъ, и ко всему освященному собору, и велѣлъ государь предъ патріархомъ на соборѣ тотъ обыскъ прочесть. Мы знаемъ, что всѣми дѣлами у Θеодора Ивановича заправлялъ Борисъ Годуновъ; стало быть, и въ данномъ случаѣ такое распоряженіе Θеодора Ивановича было внушено тѣмъ же Годуновымъ. Нельзя не признать, что такое направленіе дѣла Годуновымъ было въ высшей степени искуснымъ съ его стороны ходомъ. За простымъ рѣшеніемъ царя всѣ увидали бы рѣшеніе его Годуновымъ; другое дѣло рѣшеніе собора. Патріархъ съ архіепископами и владыками не могъ быть заподозрѣнъ въ пристрастіи. Патріарху же съ освященнымъ соборомъ были представлены ложныя данныя, добытыя пристрастнымъ слѣдствіемъ. Изъ ложныхъ данныхъ нельзя было вывести правильнаго заключенія. Нужно удивляться тонкости патріарха Іова, который нашелъ нужнымъ выразиться такъ: «Царевичу Дмитрію смерть учинилась Божіимъ судомъ». По суду Божію или по волѣ Божіей все совершается. Зарѣзался ли самъ царевичъ въ припадкѣ падучей болѣзни, или его зарѣзали,—во всемъ будетъ воля Божія. О дѣйствіяхъ царицы Маріи Θеодоровны патріархъ вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ умалчиваетъ; но «Михайло Нагой съ братьею и мужики Угличане, по своимъ винамъ, дошли до всякаго наказанья. А то дѣло земское, градское, въ томъ вѣдаетъ Богъ, да государь царь и великій князь Θеодоръ Ивановичъ всея Россіи, все въ его царской рукѣ, и казнь, и опала, и милость». Конечно Михаилъ Нагой и Угличане поступили неправильно, учинивши самосудъ надъ убійцами царевича, и въ этомъ смыслѣ, конечно, царица Марія Θеодоровна, призвавъ митрополита Геласія предъ отъѣздомъ его въ Москву къ себѣ, говорила: «Какъ Михаила Битяговскаго съ сыномъ и жильцомъ побили, и то дѣло учинилось грѣшное, виноватое». Тутъ царица признаетъ себя виновной только въ самосудѣ и нисколько не отказывается отъ обвиненія извѣстныхъ лицъ въ убійствѣ ея сына.

Согласно опредѣнію собора, царь приказалъ боярамъ «Углицкое дѣло по договору вершить». Вслѣдствіе сего привезли въ Москву Нагихъ, кормилицу Димитрія съ мужемъ и вѣщуна Мочалова въ оковахъ, снова допрашивали ихъ, наконецъ кончили дѣло такъ: всѣхъ Нагихъ сослали въ отдаленные города и заключили въ темницы; вдовствующую царицу постригли и отвезли въ пустыню Св. Николая на Выскѣ; тѣло Битяговскаго и товарищей его, кинутыя Углицкимъ народомъ въ яму, вынули, отпѣли въ церкви и предали землѣ съ великою почестію; а гражданъ тамошнихъ, за то, что они убивали невинныхъ, казнили смертію, числомъ около двухъ сотъ; другимъ отрѣзали

языки; многихъ заточили; большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ. Свѣтскій судъ не внялъ совѣту патріарха, что во власти царя и милость и опала: онъ только принялъ мѣры строгости. Такое огульное наказаніе Угличанъ объясняется тѣмъ, что они осмѣлились обвинять Бориса Годунова въ убійствѣ царевича.

Наши лѣтописи единогласно приписываютъ смерть царевича Димитрія Годунову, и мы видѣли, что умственный и нравственный складъ этого человѣка былъ таковъ, что дѣлаетъ вполнѣ возможнымъ ожидать отъ него такого преступленія. Ему выгодно было избавиться отъ наслѣдника престола, было необходимо удержать власть въ своихъ рукахъ. Какъ былъ устроенъ заговоръ, какъ онъ совершенъ, подробно описывается въ памятникахъ. Сказатели могли подробно знать все, потому что къ дѣлу привлечено было много лицъ даже такихъ, которые не сочувствовали преступленію. Затѣмъ отъ царицы Маріи Θеодоровны и кормилицы подробности убійства могли быть сообщены повѣствователямъ. Слѣдствіе произведено пристрастно. Показанія вымышлены, свидѣтели научены.

Сказанія о спасеніи царевича появились уже послѣ появленія самозванца. Понятно, ему нужно было говорить о спасеніи. Надо полагать, что въ «Дневникѣ» Марины Мнишекъ и Польскихъ пословъ исторія спасенія царевича изложена такъ, какъ самъ Лжедимитрій составилъ ее и передалъ своей невѣстѣ и Полякамъ. При царевичѣ былъ докторъ, родомъ Волохъ. Свѣдавъ о зломъ умыслѣ, онъ принялъ для спасенія царскаго отрока слѣдующія мѣры: нашелъ мальчика похожаго на Димитрія и велѣлъ ему быть безотлучно при царевичѣ, даже спать на одной постели. Когда же мальчикъ засыпалъ, осторожный докторъ переносилъ Димитрія на другую постель. Такъ прошло немало времени. Злодѣи, нетерпѣливо желая исполнить замыселъ, ворвались во дворецъ, нашли царевичеву спальню, убили мальчика, лежавшаго въ постели и унесли трупъ». (Сказан. Совр. II т., стр. 129—130). Въ этомъ разсказѣ много несообразностей: а) За царевичемъ ходили мамка, постельница, кормилица, наблюдала сама мать, царица Марья Θеодоровна и дяди Нагіе. Всѣ эти лица не могли позволить доктору на ночь куда-то уносить царевича; б) злодѣи ворвались во дворецъ ночью, нашли царевичеву спальню, убили мальчика, лежавшаго въ постели и унесли трупъ. Ворваться во дворецъ ночью не было легко, а тѣмъ болѣе отыскать спальню царевича. Этому противорѣчитъ единогласное свидѣтельство всѣхъ, что дѣло случилось днемъ, послѣ обѣдни, у которой царевичъ былъ съ матерью, гдѣ его видѣли люди бывшіе въ церкви, въ то время, когда Нагіе пошли обѣдать а царицѣ подавали кушанье.

Нѣкоторые предполагаютъ, что сама царица и окружавшіе ее люди помѣстили царевича въ другое мѣсто, а вмѣсто него взяли другого мальчика. Такое предположеніе невѣроятно само по себѣ. Трудно допустить, чтобы мать, сознающая опасность для своего сына, могла вдали отъ себя искать его безопасности. Главное же возраженіе этому предположенію заключается въ томъ, что царица, если бы и вздумала это сдѣлать, то подмѣнить его не могла, когда у нея была Волохова, пріѣхавшая въ Угличъ изъ Москвы вмѣстѣ съ царицей: какъ соучастница Годунова она сейчасъ же извѣстила бы его объ удаленіи царевича. Соучастницей же царицы Волохова быть не могла; иначе царица не била бы ея полѣномъ и не приказывала бы ее бить своему брату, а, главное, не приказала бы сына ея Осипа Волохова убить, какъ виновника въ смерти царевича.

Когда царевичъ былъ убитъ, то въ первое время онъ оставался лежать на дворѣ, куда сбѣжались Угличане; они знали царевича, видали его въ церкви, и теперь видѣли его лежащимъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Со двора тѣло царевичево прямо внесли въ церковь. Случай былъ судебно-медицинскій, и Нагіе поступили очень благоразумно и осторожно, что внесли тѣло въ церковь, а не въ домъ царицы.

Въ 1605 году было въ Астрахани «смятеніе великое о признаніи царемъ ростриги Гришки Отрепьева; сей же святитель мужественно тому противился, внушая народу, что именующійся царемъ Димитріемъ Ивановичемъ есть самозванецъ, похититель царскаго имени, неправедный и нечестивый; народъ же за сіе его хотѣлъ убити... Съ безчестіемъ отвезли его въ Москву и представили предъ нечестиваго онаго самозванца, ростригу, который съ великимъ гнѣвомъ и устрашеніемъ сказалъ: «Астраханскія всѣ смуты отъ тебя, и людямъ ты говоришь, и меня называешь непрямымъ царемъ; да кто-де я?» Архіепископъ же ему небоязненно отвѣчалъ: «вѣдаю-де, что ты называешься царемъ, но прямое-де твое имя Богъ вѣсть; ибо-де прирожденный царевичъ Димитрій Ивановичъ убіенъ на Угличѣ, и мощи его тамо» (Сборн. древностей Платона Любавскаго, стр. 194). Этотъ архіепископъ Ѳеодосій, родомъ изъ села Яковлевскаго близъ Ярославля, во время убіенія царевича былъ игуменомъ въ монастырѣ Богородицы, на Волгѣ, въ 6 верстахъ отъ Ярославля. Волга была дорогой въ Угличъ, и Ѳеодосію можно было знать, что̀ было въ Угличѣ.

Царевичъ Димитрій Іоанновичъ убитъ въ Угличѣ, а назвавшійся его именемъ—Самозванецъ.

Д. М. Глаголевъ.

ПИСЬМО АРСЕНІЯ МАЦѢЕВИЧА КЪ ОБЕРЪ-ПРОКУРОРУ СВ. СИНОДА.

Это письмо знаменитаго Ростовскаго митрополита Арсенія писано къ лейбъ-гвардіи отставному премьеръ-маіору, впослѣдствіи генералу-поручику и сенатору, Алексѣю Семеновичу Козловскому, занимавшему должность оберъ-прокурора Св. Синода съ 1758 по 1763 годъ.

Письмо Арсенія пріобрѣтено мной въ Ярославлѣ. Писано оно на листѣ бумаги съ своеручной подписью митрополита Арсенія. Гóда на письмѣ не обозначено; но оно писано, конечно, въ царствованіе Екатерины.

А. Титовъ.

Благосклонный благодѣтель мой!

Божіе и моего смиренія благословеніе вамъ съ дѣтками препосылая, желаю мира, здравія, благополучія, долгоденствія и спасенія.

По присланному нынѣ ко мнѣ изъ Святѣйшаго Синода указу велѣно о тетрадкахъ чудесъ святаго Димитрія Ростовскаго Чудотворца справиться достовѣрнѣйше: оныя тетрадки съ чьего позволенія и кѣмъ именно монашествующими и для чего безъ апробаціи Святѣйшаго Правительствующаго Синода, и давно-ль богомольцамъ раздаются, и чтȯ по справкѣ окажется, о томъ Святѣйшему Синоду прислать обстоятельное извѣстіе немедленно, а оныя о чудесахъ тетрадки впредъ до разсмотрѣнія и апробаціи Святѣйшаго Правительствующаго Синода раздавать запретить. Точію у нась таковой тетрадкамъ раздачи не бывало, о чемъ отъ меня нынѣ Святѣйшему Синоду и отрепортовано. А оныя тетрадки болѣе отъ тѣхъ самыхъ людей вышли, которые исцѣленія получаютъ, а можетъ быть, что съ посылаемыхъ отъ насъ въ Синодъ чудесъ даваны кому списывать, и надобно тамо наипаче смотрѣть. Однакожъ и строго о томъ настоять и запрещать, кажется, не должно, чтобы раскольники и наипаче хулить Святаго Чудотворца не стали, съ тѣмъ, что чудеса раздаваться не будутъ. Архимандритъ Спасоярославскій Владиміръ сего Августа, 9 дня въ Троицкой (Лаврѣ) померъ; и (*конецъ оторванъ, а на оборотѣ*): Вашего сіятельства всегдашній доброжелатель и богомолецъ смиренный Арсеній, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій (*подпись подлинная*).

КЪ ИСТОРІИ ЦЕНЗУРЫ.

Московскій генералъ-губернаторъ А. П. Тормасовъ попечителю Учебнаго Округа князю А. П. Оболенскому.

Милостивый государь мой князь Андрей Петровичъ!

Въ 15-мъ № Московскихъ Вѣдомостей на 981-й страницѣ, въ статьѣ о Бонапарте, въ которой уподобляется онъ между прочимъ Александру Македонскому съ невыгодной стороны для сего послѣдняго, замѣтилъ я, что имя Александра, безъ обозначенія впрочемъ Македонскаго, напечатано большими литерами, подобно высочайшему имени Государя Императора, почему обязанностью поставилъ отнестить къ вашему сіятельству, дабы вы, милостивый государь мой, сдѣлали кому слѣдуетъ съ вашей стороны надлежащее замѣчаніе, чтобы впредъ въ подобныхъ случаяхъ корректоры Вѣдомостей были осмотрительнѣе и столь непростительныхъ опечатокъ не пропускали.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою графъ Тормасовъ.

Москва, 7 Мая 1817 г.

*

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа князь А. П. Оболенскій, къ которому было обращено приведенное письмо, на другой же день извѣстилъ генералъ-губернатора, что онъ за подобный проступокъ уже сдѣлалъ редактору, тотчасъ по выходѣ означеннаго № Вѣдомостей, строжайшій выговоръ, а по полученіи письма отъ графа «не оставить вторично, кому слѣдуетъ, дать на замѣчаніе».

Сообщилъ Д. М. Щепкинъ.

АЛЬБОМЪ АННЫ ПЕТРОВНЫ БУНИНОЙ.

Въ исторіи нашей литературной жизни и поэзіи первой четверти минувшаго столѣтія не можетъ быть забыто имя одной изъ первыхъ по времени Русскихъ писательницъ-поэтовъ, пользовавшейся во дни оны немалою извѣстностью и уваженіемъ въ Русскомъ обществѣ и дружившею съ лучшими современными писателями, какъ Державинъ, Дмитріевъ, Шишковъ и др.,—имя Анны Петровны Буниной.

Воспоминаніе объ этой выдающейся Русской женщинѣ, прослывшей, какъ извѣстно, у современниковъ Русской „Сафо", „Сѣверной Коринной" и „Десятой Музой", навсегда останется связаннымъ съ рядомъ славныхъ именъ и явленій нашей литературной исторіи.

Всецѣло обязанная своимъ образованіемъ и своими успѣхами себѣ самой, своему дарованію и энергіи, Бунина, прибывшая въ столицу по собственному влеченію изъ деревенской глуши, создала себѣ видное и почетное положеніе въ Петербургскомъ литературномъ мірѣ 1810-хъ—20-хъ годовъ. Обласканная и поощряемая какъ въ кругу свѣтилъ нашей словесности [1], такъ и съ высоты престола (ее отличали и государь Александръ I, и императрицы Марія Ѳеодоровна, и Елисавета Алексѣевна), она до конца дней и даже подъ бременемъ тяжкаго недуга съ любовью работала на излюбленномъ ею поприщѣ. Къ сожалѣнію, неизлѣчимая болѣзнь (ракъ въ груди) заставила ее уже въ началѣ 20-хъ годовъ (когда ей было съ небольшимъ 40 лѣтъ) покинуть Петербургъ и кругъ тамошнихъ друзей и удалиться къ роднымъ въ деревню (Рязан. губ.), откуда она, впрочемъ безъ успѣха, ѣздила еще лѣчиться на воды въ Липецкъ и на Кавказъ. Послѣдніе годы она жила въ домѣ своего двоюроднаго племянника Дм. Макс. Бунина и скончалась 4 Декабря 1829 г., въ его имѣніи Раненбургскаго уѣзда, с. Денисовкѣ [2], а погребена въ с. Урусовѣ, нѣкогда также владѣніи Буниныхъ, нынѣ князя П. Н. Крапоткина [3].

Вотъ что мы находимъ объ Аннѣ Петровнѣ и ея кончинѣ въ недавно изданныхъ „Воспоминаніяхъ для дѣтей и внуковъ" покойной матери моей

---

[1]) Благодаря особенному расположенію къ ней Державина и Шишкова, она была избрана членомъ Бесѣды любителей Русскаго слова.

[2]) Свѣдѣнія о А. П. Буниной (род. 1774) разбросаны во многихъ статьяхъ и извѣстіяхъ. См. С. А. Венгерова „Источники словаря Русскихъ писателей", т. I, Спб. 1900, стр. 380. Наиболѣе полная о ней статья М. Д. Хмырова въ „Разсвѣтѣ" 1861, № 11 (т. XII), и на ней основанный очеркъ А. П. Чехова, Истор. Вѣстн. 1895, т. 62, стр. 164.

[3]) Могила Буниной (вмѣстѣ съ могилой отца ея, прапорщ. Петра Макс. Бунина), бывшая донынѣ въ довольно запущенномъ видѣ, будетъ скоро приведена въ порядокъ, и на ней сооруженъ новый памятникъ заботами ея родной племянницы Над. Ив. Буниной и члена Госуд. Совѣта П. П. Семенова, крестника ея и внука ея родной сестры.

Наталіи Петровны Гротъ, рожденной Семеновой, внучки родной сестры писательницы, Маріи Петровны Буниной, бывшей замужемъ за Рязанскимъ помѣщикомъ, секундъ-майоромъ въ отставкѣ Николаемъ Петровичемъ Семеновымъ.

„Жена его (т. е. Н. П. Семенова), Марья Петровна, рожденная Бунина, была дочь владѣльца села Урусова Петра Максимовича Бунина и родная сестра писательницы Анны Петровны Буниной, которая сначала жила у дѣдушки и бабушки и отъ нихъ поѣхала учиться и довершать свое образованіе въ Петербургѣ. Дѣдъ мой самъ отвезъ ее туда и, устроивъ тамъ, никогда не переставалъ о ней заботиться. Умерла Анна Петровна отъ рака въ груди, въ деревнѣ Денисовкѣ, въ 5-ти верстахъ отъ Урусова, гдѣ жила у племянника своего Д. М. Бунина. Отецъ мой заботливо за ней ухаживалъ, и она скончалась на рукахъ его. Помню, какъ онъ разъ, вернувшись отъ нея, позвалъ насъ всѣхъ троихъ, поставилъ передъ кіотомъ на колѣни и велѣлъ молиться за упокой рабы Божіей Анны. Имѣнье это, Денисовка, передано было одною изъ наслѣдницъ Бунина Раненбургскому мужскому монастырю".

Въ бумагахъ Н. П. Гротъ сохранился маленькій въ четверку альбомчикъ Анны Петровны Буниной, въ желтой кожѣ, куда—по распространенному тогда обычаю—ея близкіе, друзья и почитатели вписывали свои привѣтствія и задушевныя мысли по большей части въ стихахъ собственнаго издѣлія.

Эти записи, какъ людей извѣстныхъ, такъ и неизвѣстныхъ, а также и самой А. П., независимо отъ достоинства стиховъ и мыслей, любопытны, съ одной стороны характеризуя отношенія къ Буниной ея современниковъ и тѣмъ самымъ полнѣе освѣщая ея личность, съ другой иллюстрируя до нѣкоторой степени ту эпоху, ея понятія и бытовыя черты.

Анна Петровна строго разграничила своихъ поклонниковъ: съ одного конца альбома идутъ записи литературныхъ знаменитостей, къ которымъ она присоединила и нѣсколько своихъ замѣтокъ; съ другого конца мѣсто предоставлено ея роднымъ, друзьямъ и почитателямъ изъ простыхъ смертныхъ. Кромѣ того въ альбомѣ находимъ нѣсколько изящныхъ рисунковъ карандашемъ (все больше изображенія ангеловъ—тоже характерная черта эпохи), изъ которыхъ одинъ изображаетъ погруженнаго въ думу поэта подъ деревомъ, на берегу озера, съ лежащими у ногъ его посохомъ и лирою.

Приведемъ здѣсь записи въ томъ порядкѣ, какъ онѣ внесены.

На 1-й страницѣ красуется автографъ Г. Р. Державина:

Стихи твои пріятны, звонки,
Показываютъ умъ намъ тонкій
И нравятся тѣмъ всѣмъ,
А болѣе ничѣмъ. *Державинъ.*

Марта 21 дня 1810 года.

Далѣе слѣдуютъ записи (стихи и проза) А. С. Шишкова:

Отъ прелестей твоихъ стиховъ
Всѣ, всѣ безъ обороны;
Такъ каркнемъ же хоть пару словъ
И мы, вороны.
Намъ кажется, ты то между людей,
Что между нами соловей.

*

Когда стихи не хороши,
Тогда не видишь въ нихъ души,
Ни мысли сильной и богатой,
Себя считай ты виноватой.
У всѣхъ писателей стиховъ
Такой обычай изъ вѣковъ,
Что Музы всѣмъ имъ помогаютъ;
А ты ни въ явѣ, ни во снѣ,
Ни слова не шепнула мнѣ. *А. Шишковъ.*

Въ альбомахъ все пишется, и такъ можно написать нѣсколько своихъ мнѣній:

Коль хочешь быть почтенъ,
Коль хочешь быть щастливъ,
Не будь надменъ,
Не будь самолюбивъ.

*

Пиши, пари, превозносись,
Но разсуждать всегда учись.

*

Кто душу щастіемъ свою обогащаетъ,
Нещастливъ никогда на свѣтѣ не бываетъ.

*

Чтобъ всякъ доволенъ былъ тобою
Умѣй владѣть собою.

*

Надобно помнить, что истинная слава писателя сіяетъ сквозь умъ и сердце правдивыхъ и честныхъ людей. Хвала злонравныхъ невѣждъ приноситъ безславіе, а хула ихъ—славу.

*

Берегись критиковать; критика трудная наука; она сколько требуетъ знанія, столько же и безпристрастія. Нападать на глупаго нѣтъ ни пользы, ни славы; нападать на умнаго, легко обманешься, и вмѣсто его невѣжества покажешь свое.

*

Всего похвальнѣе въ женщинѣ кротость, въ мущинѣ справедливость. А. Ш.

*

Послѣднее изреченіе Шишкова очевидно задѣло за живое Бунину, и она присоединила къ нему нижеслѣдующія размышленія.

Кротость въ женщинѣ бываетъ двоякая: одна есть драгоцѣннѣйшій ея монистъ, другая безславіе. Унижая себя, теряетъ она главное и единственное пола своего преимущество.

Мущинамъ не противна бываетъ сія двоякая женщинъ кротость. Пользуясь ею, покушаются они на все и дѣлаются самовластными господами. Помѣщику не бываетъ противно имѣть многихъ слугъ. Чѣмъ ихъ болѣе, тѣмъ болѣе для него и выгодъ; по спросимъ у сихъ слугъ, не пожелаютъ ли они сдѣлать нѣкотораго съ помѣщикомъ своимъ условія.

*

Слѣдующія два размышленія Анны Петровны довольно тщательно зачернены чьей-то (вѣроятно, мужской) рукой, и слѣдующія странички, къ

сожалѣнію, совсѣмъ вырѣзаны. Но зачеркнутое намъ все-таки, хотя и съ трудомъ, удалось разобрать. Вотъ эти строки:

Мущинамъ еще полезнѣе двоякая кротость тѣхъ женщинъ, которыя пробѣгаютъ одно съ ними поприще.

*

Стихотворецъ охотнѣе осыпастъ похвалами женщину-писательницу, нежели своего сотоварища; ибо онъ привыкъ о себѣ думать, что знаетъ больше, чѣмъ она. Онъ готовъ расточать ей похвалы, самыя даже неумѣренныя....

*

Наконецъ вотъ и послѣдняя сохранившаяся запись Буниной:

Мадригалы нравятся женщинамъ легкомысленнымъ. Та, которая привыкла разсуждать, желаетъ только, чтобы съ нею достойно обходились. Не хвали ее, но не приноси въ жертву своей гордости; она станетъ болѣе тебя тогда любить, нежели какъ по своенравію ты вдругъ то начнешь осыпать ее неумѣстными хвалами, то унижать неумѣстнымъ господствомъ.

А. Бунина.

Изъ записей близкихъ, друзей и другихъ почитателей Анны Петровны (съ другого конца альбома) приведемъ наиболѣе любопытныя:

Мнѣ-ль смѣть писать стихи, Линдана! въ твой альбомъ,
Когда и самые писатели безсмертны
Твоимъ плѣняются талантомъ и умомъ,
И находя въ стихахъ твоихъ красы несмѣтны,
Изъ миртовъ съ лаврами вѣнокъ тебѣ сплели,
Десятой Музой нарекли? *Борисъ Бланкъ*).*

7 Генваря 1810-го года, при подаркѣ альбома, въ день ея рожденія.

Подъ этими стихами рукою брата Анны Петровны, Ивана Петровича Бунина написано:

„Кто-жъ подъ руку тебя толкалъ!
Не смѣешь—лучше-бъ не писалъ.

*

Къ тебѣ я духомъ возносился,
Когда на высотѣ Олимпа ты жила,
Днесь въ хижину мою ты мирную сошла,
Къ тебѣ я сердцемъ обратился. *И. Б.*

1813 Сент. 15.

Жилище горнее оставя ты Парнасъ,
Свела къ намъ радости съ собою,
Но что возьмешь отъ насъ?
Сердечну скорбь—стѣсненный духъ тоскою. *И. Б.*

1813 Сент. 15.

Средь Музъ—ты имъ подобна,
Средь насъ—ты намъ равна.

---

*) Борисъ Карловичъ Бланкъ, род. 1769, ум. 1826, сынъ извѣстнаго Московскаго архитектора, былъ весьма посредственнымъ, но небезъизвѣстнымъ въ свое время стихотворцемъ и переводчикомъ, сотрудникомъ кн. Шаликова и М. Макарова (въ изд.: Журналъ Драматическій, Аглая, Дамскій журналъ). Какъ человѣкъ, онъ отличался рѣдкой добротой и честностью. Б. К. Бланкъ былъ въ свойствѣ съ А. П. Буниной: онъ былъ женатъ на Аннѣ Григорьевнѣ, дочери ея сестры Варвары Петровны (Усовой).

Лишь ты одна
На все способна! *Н. Б.*[1]).

*

Изъ трехъ вещей желалъ бы хоть одну имѣть:
Какъ ты, на лирѣ пѣть,
Быть въ горѣ равнодушнымъ,
А въ скукѣ не быть скучнымъ.
Но есть-ли никогда такимъ мнѣ не бывать,
Всегда любя
Тебя,
Я вѣрно буду горе забывать.

Искреной братъ твой И. П.[2]).

*

Предъ Русской Саффою—предъ Вами—
Мнѣ-ль звуки слабые изъ лиры извлекать?
Мнѣ-ль слухъ тревожить вашъ нескладными стихами?
Поэтъ незнаемый, дерзну ли я вплетать
Цвѣты свои въ вѣнокъ, которымъ увѣнчали
Достойно музы Васъ, и Вамъ безсмертье дали?
Страшусь Икаромъ быть! И здѣсь на сей листокъ
Осмѣливаюсь я излить одно желанье,
Чтобъ, слабому пѣвцу, хоть малый уголокъ
Вы удѣлили мнѣ въ своемъ воспоминаньи. *Сіяновъ.*

30-го Іюля 1826. Горячія воды.

*

Всѣхъ благъ тебѣ земныхъ желая всей душой,
Могу я Небеса лишь объ одномъ просить:
Довольна чтобъ собой
И въ совѣсти спокойна
Ты щастья бывъ достойна,
Умѣла горести сносить N. *Ак.*

Февраля 3-го 1810 года, въ день ея имянинъ (припис. рукою А. П.).

Вслѣдъ за этимъ слѣдуютъ стишки самой хозяйки альбома:

Когда не вѣдала бы я кто тотъ,
Котораго рука сіи стихи слагала,
Тогда послѣдняя строка бы мнѣ сказала:
„То истинный твой другъ, твой нѣжный доброхотъ".
Тебя воззвавшаго, Творецъ, вонми моленье!
Изливъ свой ярый гнѣвъ, пролей съ небесъ терпѣнье.

Анна Бунина[3]).

---

[1]) Быть можетъ, подъ этими инициалами скрывается родственникъ А. П. Буниной—Николай Анатоліевичъ Бунинъ.

[2]) Иванъ Петровичъ Бунинъ, флотскій офицеръ, участникъ Шведскаго похода, былъ однимъ изъ поводовъ переѣзда Буниной въ Петербургъ. Онъ познакомилъ сестру со многими Петербургскими литераторами. Онъ ум. въ 1858 г. 86 лѣтъ. О немъ упом. въ статьѣ. „Къ исторіи Шведской войны въ 1788 г." Я. К. Грота, „Труды", т. IV (стр. 461).

[3]) Эта запись по содержанію своему позволяетъ сдѣлать предположеніе, что она относится уже ко времени болѣзни А. П. (послѣ 1815 г.).

Въ ратномъ полѣ подъ шатрами
Я всю жизнь свою провелъ,
Заниматься тамъ стихами,
Признаюся, не умѣлъ.
Съ Марсомъ вѣчно обращаясь,
Могъ ли Музамъ угождать?
Могъ ли, смертью окружаясь,
О безсмертьи помышлять?
Ты достойна лишь сей части,
Твоей славы быстръ полетъ.
Мой удѣлъ—встрѣчать напасти,
Безпокойство, кучу бѣдъ. *Г. А. Кутайсовъ* *).

Ноябр. 20, 1811.

Послѣднею записью въ альбомѣ Буниной являются стихи М. Н. Макарова, извѣстнаго плодовитаго литератора и журналиста (1789—1847), издателя „Журнала для милыхъ“ (когда ему было всего 15 лѣтъ), а позже „Журнала Драматическаго“ и т. д. По смерти Буниной онъ помѣстилъ довольно обстоятельную о ней статью въ „Дамскомъ Журналѣ“ за 1831 г. ч. XXXIII, № 9, стр. 129—137. (За подписью М.). Вотъ его запись въ альбомѣ ея.

Несчастливецъ.

(Романсъ).

„Ахъ! время счастія сокрылось
И вѣчно, вѣчно не придетъ!
Какъ рано солнце закатилось,
Едва мой полдень настаетъ!“
Такъ Несчастливецъ, размышляя,
Вздыхалъ и горьки слезы лилъ,
Потомъ гласъ къ сердцу обращая,
Вотъ что онъ сердцу говорилъ:
„Не долго, сердце, биться станешь,
Не долго бѣдному грустить,
Какъ цвѣтъ въ осенній день увянешь,
Зима спѣшитъ тебя мертвить.
„О Лила, Лила! Какъ ужасно
Среди надежды умирать!
И съ тѣмъ, что̀ мило, что прекрасно,
Отрады жизни всѣ терять!
„Мечталъ счастливымъ быть съ тобою,
Мечталъ блаженствовать—но ты!...
Ахъ, сколь жестокою тоскою
Плачу за льстивыя мечты!...
„Почто вы духъ обворожали?
Свершилось—Лила не моя;

*) Едва-ли можно сомнѣваться, что авторъ этихъ стиховъ—графъ Александръ Ивановичъ Кутайсовъ (1784—1812), генералъ-маіоръ, извѣстный молодой герой, убитый подъ Бородинымъ (26 Авг. 1812), менѣе чѣмъ черезъ годъ по написаніи этихъ строкъ.

Не умираютъ знать съ печали,
Когда живу на свѣтѣ я?
„Но что за жизнь, когда страдаю
Съ утра до вечера всегда
И съ пробужденьемъ ожидаю,
Что вновь готовится бѣда?
„Давно-ль, питая страстью чувства,
Себя любовью нѣжной льстилъ,
Любилъ я вѣрно, безъ искусства,
И сладкой сей любовью жилъ!
„Въ душѣ съ надеждой просыпаясь,
Встрѣчалъ я дни весны моей,
Свиданьемъ съ Лилой утѣшаясь
Спѣшилъ съ восторгомъ сердца къ ней.
„Но гдѣ-жъ то счастье! Гдѣ? Не знаю!
Послѣдній лучъ его угасъ,
Я мракъ одинъ вездѣ встрѣчаю,
Насталъ ужасный жизни часъ!
„А Лилу зрю тогда блаженной,
Когда я смерть къ себѣ зову,
Когда униженный, презрѣнной
Я только лишь для мукъ живу!..“
Тутъ конча рѣчь страдалецъ бѣдной,
Взглянулъ на небо и—вздохнулъ,
Упалъ безъ чувствій, силъ лишенной,
И вѣчнымъ сномъ глаза сомкнулъ.

*

Желать чего-нибудь всѣхъ смертныхъ есть удѣлъ:
А потому и я желаю,
Чтобъ сей *романсъ*, которой здѣсь я пѣлъ,
Понравился тебѣ.—Не знаю
Притомъ мнѣ смѣть-ли пожелать,
Чтобъ въ памяти твоей чрезъ то существовать. *М. Мкръ.*

Борисовка, 1813 Сентябрь.

О происхожденіи этой піесы, т. е. „Романса“ мы ничего не знаемъ, равно какъ и объ авторствѣ Макарова въ этомъ случаѣ. Но интересны не стихи сами по себѣ, а посвященіе ихъ А. П. Буниной. Всего же интереснѣе изо всѣхъ записей этого альбома—несомнѣнно, къ сожалѣнію немногія, сохранившіяся тутъ размышленія самой Анны Петровны, по поводу комплиментовъ Шишкова, бросающія свѣтъ на ея взгляды на положеніе у насъ женщины вообще и писательницы въ частности въ ту эпоху. Это любопытныя черточки для исторіи женскаго вопроса въ прошломъ вѣкѣ.

К. Гротъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1833-й годъ *).

Москва, 2 Генваря 1833.

Ну, мой милый другъ, насилу я до тебя добрался; а вся бѣда оттого, что я всталъ въ 9 часовъ, заспался, тамъ жегъ, рвалъ лишнія бумаги, а тамъ явился Дишка, болтали, а тамъ явился Трубецкой маленькой, а тамъ явилась Adèle Голицына, а тамъ принесли бумаги подписывать, а тамъ въ экспедицію: не остается и времени поболтать съ тобою. Но ежели и не досыта, то все-таки стану болтать. Отвѣчаю на письмо твое отъ 29-го. Какъ меня тронулъ разговоръ Государя съ тобою объ насъ всѣхъ! Вечеромъ я возилъ письмо къ Ольгѣ и ей читалъ, и она была въ восхищеніи, ибо въ нашей семьѣ всякое словечко Государя-оракулъ.

Новаго ничего не слыхать. Третьяго дня только было происшествіе въ театрѣ. Мад. Hullier танцовала въ балетѣ Carnaval de Venise; она всѣми любима, а потому немало удивило публику, что ей стали шикать и освистывать. A la tête de la cabale étaient le c-te Potemkine et le p-ce Woldemar Gallitzine. Не знаю чѣмъ кончилось, ибо бѣдная Hullier, выйдя за кулисы, упала въ обморокъ.

*

Москва, 3 Генваря 1833.

Сколько разъ перечитывалъ я письмо твое, мой милый другъ. Мнѣ кажется, что я вижу, какъ ты стоишь, говоришь съ Бенкендорфомъ, какъ Государь изволитъ подходить, взять тебя милостиво за руку. Слышу слово произнесенное громкимъ, царскимъ голосомъ: Здоровъ? Вижу твой поклонъ. Вижу улыбку, когда ты сказалъ: Почтдиректорствуетъ. Не повѣришь, въ какомъ восхищеніи Ольга, что Государь ее вспомнилъ, но только (человѣкъ никогда не бываетъ совершенно доволенъ) она прибавила со вздохомъ: Ахъ, папенька! Государь не вспомнилъ о своей крестницѣ, и дяденька ничего объ ней не сказалъ Государю! Ну мой ангелъ, это до другого разу. А княжна Алек-

---

*) См. выше, стр. 269.

сандра Александровна становится очень мила. Теперь камеръ-юнкера[1]) подмываетъ въ Петербургъ. Онъ на это молодецъ, и я увѣренъ, что онъ соберется и скоро къ вамъ дастъ тягу. Вотъ Наташа такъ-та потяжелѣе, одно твердитъ: il faut 10 milles! Пустяки, а три или четыре я дамъ ей съ удовольствіемъ большимъ, лишь бы исполнить желаніе пламенное Катеньки. Я полагаю, что жить бы могла Наташа у гр. Мамоновой, близко отъ васъ, а она вѣрно согласится дать имъ комнаты три на мѣсяцъ времени. Позондируй добрую сосѣдку. Экипажъ не нуженъ, а квартира; экипажъ не столь главная статья. Съ платьями умѣемъ мы экономически извертываться. Я не даю отбою моей женѣ. Вотъ бы Долгорукій ихъ и эскортировалъ; зимой ѣдешь и дешево и скоро, и безопасно, и покойно. Теперь буду ей твердить, что дѣла требуютъ ея присутствія въ Петербургѣ, чѣмъ нибудь дабы ее вытурить отсюда. Хочется мнѣ очень, чтобы Катенька повеселилась этотъ годъ, а здѣсь кажется баловъ не будетъ, утихло что-то.

*

Москва, 4 Генваря 1833.

Вчера заѣзжалъ я отдать визитъ графу Панину, возвратившемуся изъ Рязани[2]); видѣлъ я и Софью Петровну Тутомлину; совершенная тѣнь, однакоже имѣла силу играть въ вистъ.

*

Москва, 6 Генваря 1833.

Какъ прекрасно это слово Государя сказанное Карадоршѣ: Не bien, madame, comment vous trouvez vous au milieu de 33 m. de mes amis? Какъ много заключаютъ въ себѣ слова сіи! Какъ они изображаютъ прекрасную душу Николая I-го! Не скажетъ, не можетъ это сказать Государь, который не увѣренъ, что онъ дѣлаетъ все что̀ въ силахъ его, чтобы видѣть счастливыми подданныхъ своихъ, чтобы быть ими любиму. Мы восхищались прекрасными словами Государя. Voilà un mot, une soirée dont madame Caradori pourra faire parade toute sa vie.

Вотъ и Обрѣзковъ. Этому вездѣ хочется попасться. Вздумалось ему балотироваться въ президенты въ купеческую управу; бездна тамъ охотниковъ, потому что 17 т. жалованья. Многіе сенаторы болтировались, и Каверину положили 4 избирательныхъ и 80 слишкомъ черныхъ

---

[1]) Т. е. отца маленькой княжны Александры Александровны (нынѣ вдовы Н. Н. Львова), дочери князя Александра Сергѣевича Долгорукаго (его Булгаковъ зоветъ выше и въ другихъ письмахъ своихъ „Дишкою") и внучки А. Я. Булгакова.

[2]) Т. е. сестру опальнаго графа Н. П. Панина.

шаровъ. Какъ бы и Обрѣзкову не имѣть такой же тріумфъ. Теперь хочетъ быть старшиною Благороднаго Собранія и проситъ ѣхать ужо помѣстить его въ моей запискѣ. Пожалуй, но моего одного голоса недостаточно.

*

Москва, 9 Генваря 1833.

Ну, видно, матъ пришолъ Махмуду. Посмотри, коли не нашъ же великодушный Государь спасетъ его отъ гибели, забывая его прошедшее вѣроломство. Здѣсь слухи, что Султанъ сѣлъ на пароходъ и отправился въ Одессу, подъ покровительство Воронцова, т. е. Россіи. Cela ne serait pas si bête. Съ нимъ мы не сдѣлаемъ то, что̀ Англичане сдѣлали съ Наполеономъ, отдавшимся имъ безусловно въ руки. Чтобы взять визиря въ плѣнъ, надобно, чтобы низверженіе было ужасно; ибо у визирей не палочницы подъ сѣдломъ, а Арабскіе жеребцы, кои вывезутъ хоть кого.

Получа твое офиціальное письмо съ деньгами (на которое особенно тебѣ отвѣчаю), я тотчасъ поѣхалъ къ княгинѣ Четвертинской вечеромъ, нашелъ мужа въ халатѣ въ кабинетѣ, а возлѣ него и княгиня и дѣти у камина. Peut-on vous offrir une tasse de thé? Il aurait fallu à la rigueur du Champagne.—Du Champagne? Et pourquoi cela?—Parce qu'il y a aujourd'hui juste 22 ans que nous sommes mariés. Стало я кстати пріѣхалъ. Отдалъ княгинѣ пакетъ съ деньгами и письмо князя П. Мих., въ чемъ посылаю тебѣ и расписку. Съ сею почтою прислалъ вел. князь Михаилъ Павловичъ при письмѣ алмазные знаки св. Александра Невскаго для Н. И. Демидова. Спѣша къ Четвертинской, я къ нему самъ не поѣхалъ, а написалъ ему поздравленіе и послалъ знаки съ Ник. Ив. Похвисневымъ, пріятелемъ его.

*

Москва, 12 Генваря 1833.

Пріѣхалъ сюда опять богачъ этотъ князь Друцкой-Гурко, что̀ женатъ на дочери В. В. Энгельгарда, давать праздники. Нанялъ огромный домъ графа Маркова на Никитской, но такъ холодно и столько больныхъ въ городѣ, что онъ балъ свой Пятничный, т. е. завтрашній, отмѣнилъ.—Есть у васъ одна бѣдная старушка, сдѣлай одолженіе пошли къ ней мой пакетъ при семъ прилагаемый, и чтобы отдали ей въ руки самой, но не говоря, *отъ кого* онъ. При сей вѣрной оказіи посылаю тебѣ и 140 р., накопленные для твоего какого-то Грека. Я тогда же набралъ въ одинъ день 110 р., да и сталъ въ пень; вчера накопилъ еще 30 р. и посылаю тебѣ всѣ 140 р., а ежели послѣ что̀ нибудь накоплю, то доставлю тебѣ.

*

Москва, 13 Генваря 1833.

При семъ просимъ всѣ у тебя совѣта. Вотъ въ чемъ дѣло: у княгини Ек. Ал. Долгорукой есть прекрасная игрушка, искусно сдѣланный изъ эмали съ драгоцѣнными каменьями червякъ; его заводятъ, и онъ какъ живой червякъ пищитъ и ползаетъ. Княгиня подарила это Ольгѣ, которая желаетъ поднести это которой нибудь изъ великихъ княженъ или Императрицѣ самой. Можно ли это сдѣлать? Я чаю, тебѣ скажетъ откровенно князь Петръ Михайловичъ, у мѣста ли это? А вещица прекрасная, временъ Людовика XIV, и вывезена была въ Россію дѣдомъ княгини Е. А. Ольга никакъ не ищетъ возвратнаго подарка, а желала бы только чтобы было это угодно Государынѣ. Cela peut servir d'étrenne pour Pâques. Дишка покажетъ тебѣ механизмъ, а тебѣ совершенно представлено рѣшать, что̀ дѣлать съ червякомъ.

Вотъ и офиціальная бумага за подписаніемъ всѣхъ старшихъ, коею они меня увѣдомляютъ, что я избранъ по большинству въ старшины Собранія.

*

Москва, 8 Февраля 1833.

Сейчасъ былъ у меня кисло-сладкій М . . . . й. Не люблю я іезуитскую эту харю. Жаль мнѣ очень. Вообрази, что онъ выгоняетъ изъ казеннаго флигеля бѣдную Шульцъ, которой графъ Нессельроде позволилъ тамъ жить. Этотъ кащей продалъ свой домъ подъ церковь реформатскую и хочетъ жить *gratis* и для того переѣзжаетъ въ тотъ флигель, который занималъ покойный Каменскій на время, послѣ Московскаго пожара 1812 г. Другой флигель, гдѣ живетъ Шульцова вдова, также беретъ онъ себѣ. Теперь вотъ претензія г-на сенатора, который мною уже располагать изволилъ не переговоря. Я писалъ, говоритъ онъ, графу К. В., что А. Я. Булгаковъ, имѣя большое помѣщеніе для почтамтскихъ, даетъ Шульцовой квартиру, ибо ее протежируетъ etc. На что я ему отвѣчалъ, что конечно уважаю, люблю Шульцову вдову, и она этого стоитъ; но у меня мои чиновники иные безъ квартиръ, то съ какой стати пущу я чужую? У насъ ужасная тѣснота; я разъ былъ, такъ ужаснулся, какъ не заведутся болѣзни. Въ одной конуркѣ по три семьи. Каковъ же п . . . чъ! Жаль мнѣ, что графъ далъ согласіе свое. Начальнику квартира не положена въ Архивѣ, а этотъ кащей стѣсняетъ бѣдняковъ, чтобы *тысячи три* положить себѣ въ карманъ, тогда какъ самъ мнѣ теперь сказалъ, что далъ за дочерью на полмиліона приданаго.

*

Москва, 23 Февраля 1833.

Сегодня никуда не гожусь я, мой милый и любезнѣйшій братъ, не гожусь какъ это перо, которое кидаю и беру другое. Затормошили меня дома; всегда какъ будто сговорятся многіе пріѣхать отнимать у меня время, такъ что я вмѣсто 11 часовъ попалъ въ Воспитательный Домъ почти въ 12, оттого долженъ былъ тамъ пробыть лишніе 3/4 часа; но за то кончилъ дѣла̀ Наташины самъ, не прибѣгая къ другимъ; оно и лучше. Тутъ Рудинъ пришелъ съ бумагами, коихъ болѣе случилось обыкновеннаго. Отдѣлался, думаю за тебя приняться; пришла милая гостья, любезная, радостная, которую всегда принимаю съ удовольствіемъ, даже когда и къ тебѣ пишу.... Ты спрашиваешь, кто эта гостья? Ахъ, ты недогадливый! Кому же быть гостьѣ этой, ежели не Петербургской почтѣ? Благодарю за письмо твое отъ 20-го. Оно радостно, извѣщаетъ о отъѣздѣ Дишки, то-то Ольга обрадуется! И съ брюхомъ запрыгаетъ! Ужо ей скажу, какъ явится обѣдать, а теперь не пошлю письма̀. Отъ тебя была одна оффиціальная бумага, но какъ я тебя благодарю за нее! Какую ты мнѣ доставилъ пріятную минуту! Я тотчасъ послалъ за бѣдной Васильевой, матерью умершаго чиновника нашего, коей жалуется 300 р. Но ты представь себѣ, что тебѣ жалуютъ 300 т. р. Ну ты бы такъ не обрадовался. Я видѣлъ предъ собою крошечную, въ землю вросшую старушку, одѣтую какъ нищую. Ей бы 25 р. фортуна, а она 300 р. получитъ. Кинулась къ ногамъ (вотъ этимъ испортила мою радость, далъ бы еще 50 р. своихъ, чтобы этого не дѣлала), заплакала да и встать ужъ не могла. Всѣ присутствующіе были тронуты. Батюшка! Какъ это было? Вѣдь ужъ было отказано мнѣ при Ив. Алек. Рушковскомъ, я не ждала!... Ну какъ бы ни было, приходите за деньгами, молите Бога за Государя, за князя Голицына и за Константина Яковлевича.

Прежде нежели Богъ послалъ мнѣ теперешнее мое мѣсто, я всегда въ умѣ моемъ созидалъ себѣ другое: быть раздавателемъ милостей царской фамиліи, посвятить жизнь ходить отыскивать истинную нищету и помогать ей. Сколько бы можно отирать слезъ, сколько бы истинныхъ благословеній имѣли бы цари наши! Я бы отложилъ всякое пристрастіе въ должности моей, сдѣлалъ бы изъ этого совѣстное дѣло, должность моя была-бы не явная, а самая искренная. Отчеты давалъ бы я только Государю самому. Должность моя была бы истинно завидная. Воображаю себѣ, что всякой день имѣлъ бы я нѣсколько сценъ, какъ сегодняшняя. Ну хорошъ я съ своими воздушными замками. Другіе назовутъ мои слова *галиматьею*; сердце твое иначе создано, и ты скажешь обо мнѣ: pas si bête.

*

Москва, 25 Февраля 1833.

Читая рапортички дѣтей о бывающихъ у тебя, мнѣ все кажется, что и я тамъ: вижу какъ столы поставлены, кто играетъ въ вистъ, кто куритъ, кто въ билліардъ; какъ Литта расхаживаетъ, повторяя: la colonne, la colonne, est une colonne, qui est à elle seule tout un palais, ou un temple, ou un cirqne, enfin un édifice remarquable. Слышу какъ Икскуль говоритъ, когда идутъ въ 13-ую карту: въ первый разъ ходятъ! Было и мое времячко, и я ликовалъ, да и теперь ликую вашими письмами, а теперь разсказами Дишки.

*

Москва, 4 Марта 1833.

Благодарю за монеты новыя Польскія. Прекрасны. Черткова очень обрадуютъ твои гостинцы, и я отсюда вижу, какъ онъ ужо будетъ чуфариться въ клобѣ и маркировать $1 \frac{1}{2}$ рублевиками. Все хорошо; только воля твоя, зачѣмъ нѣтъ на монетахъ изображенія Государева? Право, не хорошо! Зачѣмъ отнимать у монеты главное ея достоинство черезъ 500—1000 лѣтъ? Зачѣмъ не будетъ знать позднее потомство, какія имѣли черты Петръ, Екатерина, Николай великій и Александръ благословенный? Лица же такія прекрасныя. Оставимъ это и общія, историческія уваженія; давай говорить какъ Руской. Представь себѣ теперь жителя Алеутскихъ, Курильскихъ островосъ, Сибиряка, Самоѣда, у коего отнята на вѣкъ отрада увидѣть когда нибудь Государя своего; сего мало: несчастные сіи никогда не увидять и портрета Государева, какими судьбами дойдетъ туда оный? Дѣло несбыточное. Деньги ходятъ всюду, и я воображаю, какая бы радость была для нихъ, какое сокровище, кладъ: цѣлковый рубль съ вѣрнымъ изображеніемъ Государя! Ежели бы я былъ Канкринъ и даже князь Ал. Ник. Голицынъ, я бы умолялъ Государя на *колѣнахъ* выбивать монету съ царскимъ изображеніемъ. Я даже очень одобряю Сицилійскую монету, на коей король Фердинандъ изображенъ вмѣстѣ съ королевою, два профиля вмѣстѣ. Какъ бы весело было Русскимъ видѣть два красивыя лица и двухъ супруговъ столь нѣжныхъ, вмѣстѣ, и на монетахъ. Тогда стали бы драться за деньги.

*

Москва, 6 Марта 1833.

Неужели подлинно Беррійская объявила, что замужемъ? Я еще не успѣлъ газеты прочитать. Стало быть, тайный бракъ, ибо доселѣ никто сего и не подозрѣвалъ. Надобно думать, что она брюхата, а то къ чему бы такое признаніе? Cela va désanchanter ses partisans,

et elle doit en effet beaucoup perdre aux yeux de tout le monde. Впрочемъ я тебѣ и прежде писалъ, что это не моя героиня. Дѣло ли женское рыцарствовать, наводнять Францію кровію для ребенка не могущаго самъ собою царствовать? Стало быть, регенство ее такъ искушало. Мѣсто матери должно быть у ея ребенка, т. е. должна сохранять его здоровье и жизнь, образовать его, давать примѣръ добродѣтели, а не гоняться за химерою, за славою, приключеніями и *мужьями*. Все что можно объ ней сказать это, что она отважная женщина, болѣе ничего. Какъ-то обсудитъ это Шатобріанъ? То-то пойдутъ пасквили. Женѣ Берри, матери Бордо не идетъ бракъ этотъ.

*

Москва, 11 Марта 1833.

То-то человѣкъ никогда не знаетъ чтò его ждетъ. Всякое положеніе подвержено измѣненіямъ, а потому никогда не должно предаваться отчаянію. Я отъ многихъ слышалъ, что нашему доброму Завадовскому такъ плохо приходилось, что не зналъ чѣмъ и какъ жить; а князь Шаликовъ, имѣющій семейство, ночи просиживалъ, писалъ, сочинялъ, печаталъ, издавалъ журналъ, чтобы имѣть чѣмъ своихъ кормить, какъ все вдругъ перемѣняется: у Завадовскаго является 600 т. и 900 душъ, а у Шаликова 25 т. капитала, и послѣдній вѣрно богатѣе себя почитаетъ перваго. Великая была для меня отрада, получа твое и Вяземскаго извѣстіе, написать Шаликову: «Въ Петербургѣ умеръ гр. Завадовскій, человѣкъ богатый, царство ему небесное! Я его никогда и не видывалъ, но чту его память, и вотъ почему: онъ оставилъ доброму человѣку, отцу семейства, небогатому, 25 т., а этотъ отецъ семейства, это вы любезнѣйшій князь, поздравляю etc.» Я получилъ прерадостный отвѣтъ отъ Шаликова, а тамъ и самъ явился и желалъ знать, куда же дѣнется имѣніе двоюродной его сестры, матери покойника? Она оставила ему тысячи полторы душъ, т. е. сыну своему. Я обѣщалъ о семъ развѣдать. Ужъ это не то ли имѣніе, которое полагается у васъ выморочнымъ? Чтò кабы вдругъ Шаликову достался этотъ Воротынецъ! Тогда броситъ Парнасъ и переселится на землю. Узнай-ка, мой милый.

*

Москва, 13 Марта 1833.

Сію минуту былъ у меня Растопчинъ; къ нему фракъ идетъ лучше мундира, и онъ, кажется, поправился въ здоровьѣ своемъ. Я радъ, что онъ, братъ его и даже графиня ладятъ теперь съ Брокеромъ; давно бы имъ взяться за умъ, у всѣхъ лучше пошли бы дѣла. Посылаю тебѣ стихи поднесенные мнѣ кн. Шаликовымъ. Какъ бы я желалъ, чтобы имѣніе, которое вы полагаете выморочнымъ, досталось ему!

Онъ мнѣ доставилъ записку подробную о родствѣ своемъ съ покойнымъ Завадовскимъ. Всѣ въ Москвѣ радуются его счастію. Онъ очень просилъ меня поблагодарить Вяземскаго за его участіе въ перемѣнѣ его положенія. Покажи Вяземскому стихи.

Салтыковъ, Кобылинъ (отказавшіеся отъ клоба Аглинскаго), Сонцовъ, кажется и Чертковъ и многіе другіе затѣваютъ общество вмѣсто клоба, гдѣ точно очень дѣлается непріятно, многіе бросили ѣздить; но я не знаю, успѣютъ ли въ своемъ предпріятіи.

Къ Александру Яковлевичу Булгакову.

Pour prix d'avoir bien fait on veut encore bien faire.

Ducis.

Твоихъ я Грацій скромно пѣлъ,
Умомъ и красотою Грацій!
Я въ пѣснопѣньи не Горацій,
Но щастливъ, щастливъ мой удѣлъ:
Родитель дочерей безцѣнныхъ,
Достойный имени сего,
Въ движеньяхъ сердца своего,
Всегда прекрасныхъ, откровенныхъ,
Благодарилъ меня, пѣвца,
Своею прозою прелестной,
Наполеону небезвѣстной
И Русскихъ трогавшей сердца.
Но только-ль сдѣлано тобою
Для благодарнаго тебѣ?
Ты принялъ съ радостью живою
Участіе въ моей судьбѣ.
И такъ въ моемъ семействѣ цѣломъ,
И такъ, восторга въ чувствѣ смѣломъ,
Предъ свѣтомъ говорю душой:
Ты добрый, добрый геній мой!

Князь Шаликовъ.

Мать усопшаго графа Ивана Яковлевича Завадовскаго, графиня Елисавета Павловна, была дочь Мареы Дмитріевны, родной сестры отца моего, князя Ивана Дмитріевича Шаликова. Собственное недвижимое имѣніе двоюродной сестры моей, графини Елисаветы Павловны, находится въ Екатеринославской и, кажется, Полтавской губерніяхъ, гдѣ я съ покойницей живалъ неоднократно, прежде нежели она переѣхала на житье въ С.-Петербургъ, равно какъ и въ Черниговской губерніи, гдѣ она имѣла всегдашнее жительство въ имѣніи покойнаго мужа своего, бывшаго Новгородъ-Сѣверскаго губернатора, графа Якова Васильевича.

Князь Петръ Шаликовъ.

12 Марта 1833 г.

Москва, 8 Апрѣля 1833.

По городу говорили, что князю нашему*) пожалованъ новый орденъ, цѣпь какая-то; я всѣмъ отвѣчалъ, что быть не можетъ, что ты вѣрно бы написалъ мнѣ.—Куда бы хорошо дамамъ дать костюмы единообразные для двора, и Русскіе. Это существуетъ при Неапольскомъ дворѣ, и есть платья, кои сто лѣтъ переходятъ отъ матерей къ дочерямъ, сохраняясь въ фамиліяхъ, и точно бы большая была это экономія. Однѣ только щеголихи и богачки будутъ сожалѣть; но не лучше ли и имъ обратить издержки на бриллiанты, чѣмъ на лоскутки, кои разъ надѣнь да и брось? Посмотрѣлъ бы я на нарядъ нашего князя!

*

Москва, 10 Апрѣля 1833.

Твои напрягаи принимаю съ покорностію, мой милый другъ. Ужъ вѣрно не желалъ я баловать своихъ чиновниковъ, изъ коихъ многіе и безъ того были избалованы странными свойствами покойнаго Рушковскаго, такъ избавилъ бы себя съ великою радостію издержки столь для меня значительной и уплатилъ бы кой-какіе должишки; но такъ дѣлалъ Рушковскій, слывшій *скрягою*. И это бы ничего: я могъ бы все себя оправдать тѣмъ, что Рушковскій былъ одинъ-одинехонекъ на свѣтѣ, а я имѣю семью немалую. Рушк. былъ 13 лѣтъ почтдиректоромъ, а я только вступилъ и обзавестись даже не успѣлъ, многаго самъ еще не имѣю. Но Трескинъ бѣденъ, огромную имѣетъ семью, съ кончины жены своей совершенно убитъ. Одинцовъ намекалъ мнѣ два раза, что дѣтей въ службу записалъ, что обмундировка сына стала ему до 500 р., что не знаетъ какъ изворачиваться. Какъ Жарову не дать, который столь рачительно, честно наблюдаетъ мои интересы? У Худина девятеро дѣтей, этому подарилъ я 400 р. именно оттого, что онъ молчалъ и не просилъ; я ничего скромнѣе, способнѣе и усерднѣе его въ Почтамтѣ не знаю. Какъ было не подарить почтальонамъ, сторожамъ, пѣвчимъ, причту церковному, школѣ? Какъ не пособить старикамъ Петрову, Макарову и многимъ другимъ, у коихъ вычитаютъ всякую треть изъ скуднаго ихъ жалованья? Какъ бы я не наслѣдовалъ щедраго нрава батюшки, конечно могъ бы я обуздать желаніе всѣмъ или многимъ дать пособія по силѣ; но мысль одна взяла верхъ надо всѣми уваженіями, а мысль эта слѣдующая: «И я терпѣлъ нужду часто тяжкую какъ вы, Богъ положеніе мое перемѣнилъ, я счастливъ, покоенъ; такъ пусть же и около меня всѣ будутъ счастливы и покойны, сколько это зависѣть можетъ отъ меня». Пусть эти 3400 р. составятъ мое мотовство. Я не имѣю, слава Богу, прихотей разорительныхъ. Чѣмъ раз-

*) Т. е. князю Александру Николаевичу Голицыну.

давать милостыню по мелочамъ и которая идетъ по трактирамъ и кабакамъ, лучше помогать тѣмъ, которые такъ ревностно и исправно подо мною трудятся. Вотъ тебѣ, мой любезнѣйшій братъ, исповѣдь моя.

Добраго Закревскаго благодарю за письмо его; оно отвѣтное на мое. Вчера у его роденьки Мельгунова*), что̀ женатъ на хорошенькой Урусовой, была исторія подъ качелями. Тамъ есть ресторація, гдѣ Мельгуновъ не только кушалъ à la Galitzine, но и нахлюстался à la Antonio dans Figaro. Лечь бы спать послѣ этого, а онъ поѣхалъ верхомъ по гулянію, набрелъ какъ-то на князя Четвертинскаго, который также былъ верхомъ. Онъ ему сказалъ: в. с., остерегитесь, а князь ему въ отвѣтъ: развѣ я слѣпой? Только пошелъ споръ, слово за слово, и Четв. сказалъ ему наконецъ: я вижу, что вы пьяны, на что Мельг. отвѣчалъ: пьяный выспится, а дуракъ никогда не выспится, всегда будетъ дуракомъ. Князь поворотилъ повода, сказавъ: что̀ мнѣ толковать съ человѣкомъ, который не чувствуетъ что̀ дѣлаетъ и говоритъ! Это такъ, а потому и не слѣдовало связываться съ Мельгуновымъ, а теперь les rieurs sont pour celui-ci, ибо онъ поѣхалъ за Ч., крича ему въ слѣдъ: Дуракъ, скотина! Никогда не выспишься и все будешь скотина. Ожидаю, что это такъ не обойдется. Конечно стыдно для М.; но и Ч. не правъ по моему.

Вотъ почему я не принялъ зова графа Потемкина, т. е. принялъ приглашеніе благодаря, а тамъ прислалъ почтальона съ запискою, что къ сожалѣнію быть не могу. У Потемкина были вишни, малина, клубника, виноградъ, говорятъ, по рублю штука, а жену отправилъ въ Петербургъ просить отсрочить или просить какія-то 20 т. р. Этого, видно, ничто не исправитъ.—Всѣ теперь жадничаютъ видѣть Каратыгиныхъ. Загоскинъ сказывалъ, что они будутъ играть 20 разъ; но онъ не мой актеръ, не люблю его. Она мила, хотя и странно говоритъ.

*

Москва, 11 Апрѣля 1833.

Можно было предвидѣть, что бывшая подъ Новинскимъ ссора между кн. Четвертинскимъ и Мельгуновымъ не останется безъ послѣдствій. Я тебѣ описывалъ оную вчера, мой милый и любезнѣйшій другъ. Вотъ каково связываться съ людьми нетрезвыми. Вчерашній день прошелъ весь въ напрасныхъ негоціаціяхъ. Четвертинскій взялъ Петра Льв. Давыдова и Корсакова Гр. въ секунданты, а М.—Киселева и еще кого-то. Они старались дѣло уладить, но тщетно. Князь Дм. Вл. призывалъ къ себѣ М-ва, говоря ему, что непріятно будетъ, ежели эта исторія сдѣлается гласною и отрепортуется въ Петербургъ, что пятно

*) Мельгуновъ былъ въ родствѣ съ супругою графа Закревскаго.

будетъ для всего дворянства Богородскаго уѣзда, избравшаго его въ предводители, что послѣдствія будутъ для него самыя дурныя и пр.; но М. остервенился, сталъ на томъ, что князь Ч. долженъ просить у него прощенія, а не то онъ съ нимъ раздѣлается какъ *честь* велитъ. Но казалось бы, что прежде всего честь велитъ не напиваться и пьяному не разъѣзжать по гулянію, гдѣ весь городъ. Не знаютъ, чѣмъ-то все это кончится, а между тѣмъ обѣ премилыя жены и семейства въ сокрушеніи. Вотъ какъ должно быть осторожну во встрѣчахъ во всѣхъ публичныхъ съѣздахъ!—Былъ я вчера въ театрѣ, хотѣлось видѣть дебютъ Каратыгиной. Давали l'École des vieillards, переводъ Кокошкина, не важный. Пьеса уже не та въ переводѣ. Каратыгина сохранила свои гримасы, аффектацію, которыя были хороши, когда ей было 25 лѣтъ, а теперь стара стала. Кажется, публика наша, обыкновенно кидающаяся на все новое и Петербургское, приняла ее холодновато, мало аплодировали, человѣкъ двадцать стали ее вызывать. Elle ne s'est fait tirer l'oreille, тотчасъ вышла, но съ Щепкинымъ; однакожъ не очень низко кланялась. Завтра играетъ мужъ въ Дмитріи Донскомъ. Я былъ въ ложѣ у Загоскина, но такъ какъ во все время закрытія театра оный (видно изъ экономіи) не топили, то было очень сыро, и я, чтобы не прозябнуть, уѣхалъ до конца, да кинулся дома на чай и не поѣхалъ на званый вечеръ къ Щербатову Парижскому, а занялся почтою.

Объ отправленіи графа Орлова въ Стамбулъ мы уже знали. Дѣло важное, которое можетъ его подвергнуть большой отвѣтственности, могутъ случиться критическія минуты; за то Бутеневу будетъ легче. Посылка Орлова, пожалованіе Лазарева въ вице-адмиралы доказываютъ, что Россія готовится играть тамъ роль не второклассную. Такъ и подобаетъ. На Москву ли поѣдетъ графъ Ал. Ѳед.? Мнѣ бы очень было пріятно его видѣть.

*

Москва, 12 Апрѣля 1833.

Исторія Мельгунова съ кн. Четвертинскимъ кончилась и имѣла развязку, которую нельзя было ожидать. М. просилъ сутки времени на размышленіе, и кончилось тѣмъ, что не у него просили, а онъ у Четвертинскаго просилъ прощенія. Корсаковъ Гриша тутъ очень удачно дѣйствовалъ и когда всѣ секунданты вмѣсто того, чтобы озлобливать, сближали бы ссорящихся, то менѣе было бы дуэлей. Скажи это Вяземскому отъ меня, а то онъ вѣрно безпокоится насчетъ свояка своего*).

*) Т. е. князя Бориса Антоновича Четвертинскаго. Онъ и князь П. А. Вяземскій женаты были на родныхъ сестрахъ.

Какъ бы то ни было, но бѣднаго Сухтелена не стало. Смерть найдетъ резонъ, а здѣсь говорятъ, что досады, которыя онъ имѣлъ отъ своей распутной жены, сократили его жизнь; но кажется, что, разлучившись уже одинъ разъ навсегда съ нею, долженъ бы быть покоенъ. Наплевалъ бы на нее да и только, тѣмъ болѣе, что дочь осталась при немъ, жена нажила себѣ другихъ съ другими. Она скверная живетъ себѣ да поживаетъ, а добрый и полезный человѣкъ умеръ.

Сегодня большой обѣдъ для князя Дм. Вл. въ Англійскомъ клубѣ. Сказываютъ, что будетъ 300 человѣкъ. Сомнѣваюсь, ибо столько и членовъ не накопится въ цѣлой Москвѣ. Отдѣлаюсь пораньше, ибо обѣдать тамъ въ три часа. За мною заѣдетъ П. П. Новосильцовъ.

*

Москва, 13 Апрѣля 1833.

Прежде нежели лечь спать, опишу тебѣ обѣдъ Англійскаго клоба въ честь князя Дм. Вл. Было 300 слишкомъ человѣкъ. Мы не совались впередъ какъ многіе, а потому и досталось намъ, т. е. Ив. Вас. Черткову, Новосильцову и мнѣ, сидѣть за пятымъ столомъ. Были одни члены, и за исключеніе на этотъ день гостей были отъ нѣкоторыхъ ропоты. Былъ только одинъ гость, коего князь съ собою привезъ: только что пріѣхавшій изъ Петербурга Я. В. Виллье; онъ и сидѣлъ возлѣ князя съ одной стороны, а съ другой слѣпой Гагаринъ. Послѣ перваго блюда начались тосты съ куплетами, кои на хорахъ пѣли Лавровъ, Петрова и другіе театральные пѣвцы. Первый куплетъ Государю, 2-й Императрицѣ и Наслѣднику, 3-й благоденствію Россіи, 4-й князю Дм. Вл., 5-й Москвѣ, 6-й Англійскому клобу; всякій тостъ былъ сопровождаемъ продолжительными рукоплесканіями и шумомъ чѣмъ ни попалось. Вотъ тебѣ и стихи, кои весьма недурны, особливо III и IV куплетъ. Обѣдъ былъ хорошъ, прислуга исправна, и недолго, спасибо, продолжалось. Я не видалъ, но сказывали мнѣ, что князь Дм. Вл. не могъ скрыть слезъ.

Послѣ обѣда музыка была повторена, и князевъ куплетъ, по общему требованію, два раза былъ пѣтъ; потомъ пили здоровье автора словъ, нѣкоего Аксакова*), все обошлось очень хорошо. Обѣдъ сей ознаменованъ былъ благодѣтельною подпискою въ пользу несчастнаго князя Кугушева. Когда я уѣхалъ, давъ самъ 25 р., то было уже болѣе 2000 р. набрано. Я уѣхалъ рано и оставилъ тамъ множество народу. Ежели бы дали такой праздникъ князю въ день его пріѣзда, могло бы это

*) Сергія Тимоѳеевича.

почесть лестію; но послѣ 14 лѣтняго управленія Москвою столь гласное и единодушное изъявленіе любви не могло не быть ему очень пріятно.

Отъ торжества Дмитрія Голицына заѣхалъ я на часокъ домой, а тамъ поѣхалъ на торжество Дмитрія Донского. Театръ былъ биткомъ набитъ. Каратыгинъ игралъ хорошо, и ему ужасно аплодировали. Видно было, что Русскую пьесу играли въ Русской истинной столицѣ; только куда этой Ксеніи далеко до Семеновой. Каратыгина въ комедіяхъ еще сносна, а тутъ она очень мнѣ не понравилась. Какъ въ концѣ піесы Донской со всѣми князьями и боярами, становясь на колѣна, оканчиваетъ піесу словами: великъ Россійскій Богъ! то казалось, что театръ обрушится отъ рукоплесканій.

Въ Понедѣльникъ бенефисъ Каратыгина, и говорятъ, что мѣста уже нѣтъ, все взято. Вчера носили его на рукахъ, но болѣе аплодировали Московскому князю, нежели актеру Каратыгину. Тутъ видѣлъ я національный инстинктъ. Всякій какъ будто себѣ говорилъ: Ну-ка! Г-нъ безфлотный адмиралъ Руссенъ, сунься-ка! О дерзостный посолъ надменнѣйшаго Филиппа Егалитетовича, не сладить тебѣ съ Русскимъ Богомъ.

*

Москва, 15 Апрѣля 1833.

Давно ли это князь Никита Волконскій [1]) попалъ въ поэты. Что это за новая несчастная страсть? Особенно несчастная для тѣхъ, которые должны слушать его стихи.—Правда ли, что Шрёдеръ оставляетъ Дрезденъ? Я думалъ, что онъ токмо тогда оставитъ Саксонію свою, когда оставитъ свѣтъ.

Въ пріемной второпяхъ принялъ письмо на имя великаго князя Михаила Павловича безъ означенія имени и жительства подавателя пакета; отыскать-дѣло невозможное, да и возьметъ время, за которое какъ бы намъ не отвѣчать. Посылаю тебѣ письмо для доставленія. Ежели не ошибаюсь, это рука Грессера[2]). Онъ же мнѣ сказалъ намедни: j'ai ordre de S. A. I. de l'informer sur-le-champ de mon mariage.

*

Москва, 17 Апрѣля 1833.

Не знаю какъ Мочалову и Бантышеву у васъ, а Каратыгиныхъ носятъ здѣсь на рукахъ; но она (по моему) много потеряла, и Молва (журналъ, который ты получаешь) хорошо ее обсуживаетъ. Мочаловъ слишкомъ рвется и не имѣетъ благородства въ игрѣ. Бантышева голосъ хорошъ на одинъ часъ, а тамъ какъ-то прислушивается, и мнѣ

---

[1]) Князь Никита Григорьевичъ, мужъ славной княгини Зинаиды.

[2]) А—ъ Ив. Грессеръ женился на сестрѣ министра двора, князя П. М. Волконскаго, княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ.

кажется, что онъ вѣчно одно и тоже поетъ. Время стоитъ у насъ безподобное, и вчера было много подъ качелями, которыя остаются до 1-го Мая подъ Новинскимъ для гуляній по Воскресеніямъ.

Въ дочь Девіера, нашего скучнаго кредитора, влюбился кто-то, очень порядочный, съ состояніемъ; но отецъ, дурачина, все твердилъ: идетъ ли графинѣ Девіеръ выходить за простого дворянина безъ титула князя или графа? Всѣ родные уговаривали, и все было напрасно; говорятъ, что вчера ее увезъ этотъ женихъ, коего имя я забылъ. Говорятъ, главный резонъ отказа былъ тотъ, что Девіеру надобно было разставаться съ имѣніемъ, которое не его, а покойной жены и идетъ дочерямъ мимо отца, а этому хотѣлось опекать до самаго до нельзя. Сколько мерзостей заставляютъ дѣлать проклятыя денежки!

*

Москва, 18 Апрѣля 1833.

Какъ меня радуютъ Турецкія дѣла! Всѣ поступки нашего Государя имѣютъ что-то великаго, но послѣдствія еще явнѣе докажутъ Европѣ, а особенно Англійскимъ и Французскимъ крикунамъ, сколь возвышенны и истинно-царски чувства и политика нашего безцѣннаго Николая. Скверные Французишки только хвастаютъ, себя превозносятъ, а вездѣ поджигаютъ безпорядки. Мы докажемъ имъ, что гораздо надежнѣе не давать потачку бунтовщикамъ; у насъ все кончится скоро, хорошо, а они пусть себѣ тамъ *протоколятъ* Бельгійскія дѣла. Никогда журналы не были такъ любопытны. Gazette de France тоже утрируетъ, но я очень люблю Франкфуртскій журналъ: тонъ умѣренный, разсужденія основательныя, а иной и прекрасныя шуточки и иронія противъ либераловъ. Этотъ журналъ у всѣхъ лавочку отобьетъ, бумага же бѣлая, печать крупная. Это не бездѣлица.

Сію минуту Ольга явилась ко мнѣ отъ Пашковыхъ съ вѣстью, что сію минуту была помоловка Андрея Ростопчина съ Сушковою. Теперь отдастъ мнѣ справедливость cousin нашъ Alexandre Galitzine. Скоро забыла его любезная! Ежели бы Ростопчину было года три болѣе, то хорошо бы, но онъ еще не вышелъ изъ опеки*). Дай Богъ, чтобы были счастливы! Отъ нея зависитъ; надобно держать его въ рукахъ. Она умна, будетъ умѣть ладить и съ нимъ, и съ графинею полоумною. Андрюшу люблю по отцѣ, но вѣрно бы никогда не отдалъ Катю свою за него.

*

*) Графъ Андрей Ѳедоровичъ Ростопчинъ родился 13 Октября 1813 года.

Москва, 20 Апрѣля 1833.

Башиловъ сказывалъ, что купили прекрасный домъ Раевской (бывшій графа Воронцова Арт. Ив.) на Петровкѣ, въ немъ будетъ театръ. Башиловъ не хотѣлъ дать 140 т. за этотъ домъ подъ свою строительную комисію; а теперь онъ проданъ за 150 т., да и это дешево: домъ капитальный, средина города, и доходу съ лавокъ отъ 18 до 20 т. Я хлопоталъ для Раевской. Дочь ея, молодая вдова Соф. Дм. Камынина, милая бабенка и большая моя фаворитка, но увы, вдругъ всбѣсилась: всегда превозносила мнѣ свое счастіе, свою независимость, любовь тестя и тещи, кои подлинно въ глаза ей глядятъ, дочь у нея премилая пяти лѣтъ, единственная наслѣдница большого имѣнія; мать, живши у тестя на всемъ готовомъ, имѣла 15 т. доходу—и что же? Она лишается всѣхъ сихъ выгодъ, чтобы противъ воли родныхъ идти замужъ, и за кого? За извѣстнаго мерзавца: именно тотъ * * *, о коемъ я хлопоталъ тогда у Рушковскаго. Je ne le connais que de vue, mais je sais qu'il est très mal-famé ici, et elle pleurera des larmes de sang. J'ai répondu à une de ses parentes, qui m'annonçait hier ce mariage et pas sans un certain trouble: je fais les aveux de ne jamais plus avoir d'amitié pour aucune femme, car il paraît que mon attachement porte malheur. Весь городъ сожалѣетъ о бѣдной Камыниной. Тесть лишаетъ ее всего, предоставляя имѣніе маленькой дочери ея въ совершеннолѣтіе, а * * * на имѣніе и зарился. Ни онъ ни она не имѣютъ ничего, чѣмъ же жить будутъ? Намедни старикъ Камынинъ заводить сталъ было разговоръ этотъ, но я отклонилъ, перемѣняя рѣчь: дѣло деликатное, лучше ни во что не мѣшаться. Старикъ всегда отказывался принимать къ себѣ * * *, но надобно было кончить начатое и употребить всѣ средства, чтобы разорвать всякое знакомство.

*

Москва, 22 Апрѣля 1833.

Видно, на лотереи мода; но мнѣ не было такой удачи какъ Трубецкой намедни разыгрывалъ у князя Дм. Вл. прекрасный портретъ (большой масляными красками) Петра Великаго, и выигралъ его какой-то бѣдный живописецъ. Вотъ это весьма кстати: можно продать и получить 1000 р.

Меня вдругъ вызвали на балконъ, вижу ужасное стеченіе народа на улицѣ передъ нашимъ почтовымъ дворцомъ. Что̀ такое? Шелъ человѣкъ пожарной команды, вдругъ упалъ на нашемъ тротуарѣ и умеръ; тотчасъ призвали цырюльника, пустили кровь, но несчастный душу

уже Богу предалъ. Экое дрянное созданіе человѣкъ! Хлопоты сіи взяли у меня пропасть времени.

*

Москва, 24 Апрѣля 1833.

Вчера ѣздили мы, княгиня, Ольга съ мужемъ и я съ Катей, смотрѣть Каратыгина въ Шиллеровыхъ Räuber. Театръ всякій разъ полонъ, когда онъ играетъ; правда, что она собрала на бенефисѣ своемъ чистыхъ за расходами 10 т. р. и что столько же (ежели не болѣе) ожидаетъ и мужа ея; но правда и то, что они доставили дирекціи въ глухую эту пору, конечно, тысячъ 50. Такія были драки и давки для полученія билетовъ, что теперь всегда особенная команда полицейская бываетъ по утрамъ и учредили старшинство, т. е. queue, какъ въ Парижѣ. Пашковы мнѣ разсказывали, что ихъ человѣкъ явился въ три часа утра у двери, заснулъ и такъ славно, что проспалъ до разбора всѣхъ билетовъ. Понимаю, ибо никто не былъ интересованъ его разбудить, а сонъ видно богатырскій.

Нѣтъ сомнѣнія, что великій князь и ея высочество будутъ сюда. Башиловъ въ большихъ хлопотахъ, и я со всѣми своими спѣшу кончить ширмы, кои дѣлаю. Ежели удадутся, то хочу сдѣлать сюрпризъ и поставить, тихонько даже отъ Башилова, въ кабинетѣ великой княгини; дамы мои вырѣзываютъ, а я наклеиваю, на это положено у меня часъ и полтора всякое утро, только что выхожу, пока не одѣнусь. То-то Москва возликуетъ, особенно, ежели и Царь насъ осчастливитъ своимъ присутствіемъ. Князь и княгиня Т. В. хотятъ устроить какой-то воксалъ на лѣто и меня приглашали на комитетъ; хотятъ такъ устроить, чтобы сборище сіе было бы достойно присутствія двора и избрать лучшее общество. Не полагаю, чтобы ваши минеральныя воды были когда нибудь полезны ни въ какомъ, а еще менѣе въ моральномъ, отношеніи. Ну какая польза будетъ напр. Канкрину пить воды въ Петербургѣ? И точно, выйдетъ, какъ ты говоришь, что Москвичи будутъ ѣздить къ вамъ, а Невскіе жители сдѣлаются Москворѣцкими. Покой, разсѣянность, перемѣна воздуха, горизонта, образа жизни, предметовъ и лицъ великое дѣло для больного. Какой быть пользѣ въ Петербургѣ, гдѣ въ одно утро видимъ до четырехъ перемѣнъ въ температурѣ?

*

Москва, 29 Апрѣля 1833.

Посѣщеніе Государево Губернскаго Правленія неожиданно. Дѣло очень хорошее: всѣ присутственныя мѣста будутъ держать ухо востро. Тебѣ не страшно, ежели Его Величество изволитъ и къ тебѣ пожаловать: у тебя въ Почтамтѣ все прекрасно, чисто, не такъ какъ у насъ грѣшныхъ.

Москва, 3 Мая 1833.

Вчера былъ тріумфъ для Каратыгиныхъ. Трагедія (Эссексъ) не важная и дурно переведенная; послѣ Валерія, гдѣ она играла слѣпую. По окончаніи всего ихъ вызывали, ужасно хлопали, а они ужасно кланялись, насилу публика унялась, опустилась занавѣсь, опять начались рукоплесканія, крики, вызовы Каратыгиныхъ. Долго не выходили, потому что, какъ случай новый, ходили спрашивать у князя Дм. Вл., какъ поступить? Разумѣется, что надобно было исполнить желаніе публики. Вышла вторично счастливая чета, тотъ же шумъ, то же браво, тѣже рукоплесканія, но еще продолжительнѣе прежнихъ. Ужъ они кланялись, кланялись, только что не въ землю. Странно, что мадамъ принимала энтузіазмъ публики съ твердостію, а мужъ плакалъ, отиралъ слезы и прекрасною пантоминою показывалъ публикѣ платокъ свой мокрый и чувства тронутыя. Это было послѣднее появленіе Каратыгиныхъ на здѣшнемъ театрѣ (такъ сказано въ афишкѣ); надобно было слышать радость и шумъ, когда актеръ пришелъ возвѣстить, что въ Четвергъ играть будутъ опять Эссекса и Валерію; начались опять рукоплесканія и браво. Я не видывалъ такого восторга какъ во время Зонтагши здѣсь; но Русскому Тальма сдѣлали еще болѣе чести. Вотъ то-то надобно искру только, чтобы загорѣлся пожаръ. Шевыревъ, Павловъ, Скарятинъ, твой знакомый Кошелевъ и еще человѣкъ пять заварили эту кашу; къ нимъ присталъ раёкъ, а тамъ воспылалъ и весь театръ; но главный тріумфъ тотъ, что Каратыгины въ свои два бенефиса собрали около 30 т. И въ такую глухую пору!

*

Москва, 4 Мая 1833.

Давеча видѣлъ ужасную толпу у театра и нарочно остановился посмотрѣть на эту комедію, при которой всегда бываетъ полицмейстеръ, а то точно были бы несчастія всякій разъ. Сегодня точно послѣдній разъ играетъ Каратыгинъ; я самъ видѣлъ, какъ человѣку Устинова предлагали 80 р., чтобы уступилъ ложу, т. е. двойную плату. Совершенное сумасшествіе. Загоскинъ дѣльно жаловался мнѣ вчера, что вашъ несносный Гагаринъ не соглашается оставить Каратыгиныхъ еще на 10 дней. У васъ къ нимъ пригляделись, а здѣсь доставили бы они дирекціи тысячъ 30 лишнихъ, а карманъ все Государевъ, что̀ Московскій, что̀ Петербургскій; но г-да начальники смотрятъ не пользу казны, а свою личную. Какъ допустить Гагарину, чтобы отчеты Загоскина были выгоднѣе, нежели его?

*

Москва, 11 Мая 1833.

Былъ у меня сейчасъ Лѣсовскій. Добрый этотъ пріятель пріѣхалъ узнать, имѣю ли извѣстія отъ жены, ибо въ сосѣдствѣ Горбова взбунтовались мужики, также фабричные нѣкоего Грудева [1]). Мнѣ писала объ этомъ жена; но у нея все было покойно, а я приписываю это ея присутствію. Я сейчасъ отправляю эстафету къ Наташѣ, чтобы ее еще болѣе успокоить. Князь Дм. Вл. отправилъ туда адъютанта своего, и послана военная команда, которая сегодня должна быть на мѣстѣ. Лѣсовскій послалъ также отъ себя Шубинскаго полковника, коему велѣлъ имѣть глаза на Горбово, въ случаѣ нужды дать Наташѣ помощь и къ ней даже ѣхать; до сего не дойдетъ вѣрно, но все-таки спасибо доброму Степану Ивановичу. Я даю Наташѣ нужныя наставленія по сему случаю. Неудивительно, что я люблю Лѣсовскаго по старымъ нашимъ связямъ, но вообще здѣсь всѣ отмѣнно его и любятъ, и почитаютъ. Онъ въ это коротко время умѣлъ заслужить уваженіе всеобщее, а ему было труда немало.

*

Москва, 12 Мая 1833.

Вчера у Пашковыхъ узнали о кончинѣ Козицкой. Въ семействѣ этомъ трауръ, и я не знаю не отложится ли свадьба и Ростопчина? Говорятъ, что покойница бездну денегъ оставила. Она какъ-то разъ засунула въ кладовую 37 т. и забыла о нихъ, послѣ 20 лѣтъ нашли этотъ кладъ подмоченнымъ и такъ сгнившимъ, что вся сумма пропала. У Пашковыхъ также говорили о Моденѣ. Андрей Ив.[2]) пишетъ, что на другой день ожидали кончины его тестя, что руки и ноги опухли и онъ самъ говорилъ о своей смерти. Кто-то попадетъ на его мѣсто? А охотниковъ, я думаю, много. Habiter le palais Anitchkoff sur la Perspectif, c'est une très belle perspective! Какъ бы не вздумалъ просить Гедеоновъ? Чего добраго.

*

Москва, 13 Мая 1833.

Моя эстафета возвратилась изъ Горбова и привезла мнѣ письмо отъ жены отъ вчерашняго числа. Она, слава Богу, покойна, у нея все тихо и въ повиновеніи. Губернаторъ въ Рузѣ и, кажется, дѣйствуетъ хорошо. 13-ть зачинщиковъ взяты и пересѣчены, однако еще не кончено все. Имѣніе это, т. е. Грудева, 10 лѣтъ платило по 10 р. оброку, вдругъ посадили на фабрику чтò имъ не нравится. Хорошо, что гу-

---

[1]) Это Геннадій Владимировичъ Грудевъ, владѣвшій селомъ Никольскимъ (позднѣе барона Шёппинга), которое подарила ему его супруга, Анастасія Ивановна, лѣвая дочь князя И. Ѳ. Барятинскаго (тетка фельдмаршала).

[2]) Сушковъ.

берваторъ сталъ дѣйствовать, а то бы худыя могли быть послѣдствія, ибо та сторона вся въ фабрикахъ. Иные все-таки винятъ управляющаго; но ежели и такъ, то должно ему шепнуть урокъ на ухо, но никогда толпѣ не говорить въ глаза, что справедливость на ея сторонѣ. Наташа, гуляя по фабрикѣ своей, какъ будто ни въ чемъ не бывало, своимъ разсказывала шалости сосѣдей, прибавляя: «Не хорошо что-нибудь, то надобно жаловаться господину, а не бунтовать; вѣдь мы не въ лѣсу, правительство свое возьметъ, не черезъ день, то черезъ недѣлю, а все таки возьметъ зачинщиковъ; вотъ у Грудева 13 человѣкъ пересѣкли, да сошлютъ на поселеніе; безъ работы никто не живетъ. Мнѣ вѣрно веселѣе въ Москвѣ, да я пріѣхала въ Горбово посмотрѣть, все ли идетъ какъ должно, хорошо ли вамъ, и такъ ли дѣлается сукно» etc. На другой день былъ праздникъ, и Наташа потчивала фабричныхъ виномъ и пирогами, а они славили ея премудрость. Она очень кстати имъ сказала: «Вотъ кабы Грудевскій баринъ дѣлалъ свое дѣло, бывалъ бы чаще въ имѣніи и зналъ бы нужды своихъ мужиковъ, то дураковъ до бунта не допустилъ бы».—Такъ матушка! Такъ! Съ нашими мужичками ладить не трудно, но надобно строгость puncto primo. По условію обоюдному съ Лѣсовскимъ я сообщилъ ему все что знаю, и послалъ ему и почталіона, который все видѣлъ на мѣстѣ, и выписку изъ Наташинова письма. Теперь я совершенно покоенъ, впрочемъ Наташа женщина въ бездѣлкахъ, а въ казусахъ она лучше иного нашего брата.

*

Москва, 15 Мая 1833.

Странную вѣсть слышалъ я вчера. Ив. Ив. Дмитріевъ на старости лѣтъ расчелъ, что лучше имѣть дѣло съ одною женщиною, нежели съ девятью Музами, тайно обвѣнчался и на дняхъ объявитъ свою женитьбу. Кто же это жена? Вдова сенатора Северина, которая рѣшается на третьяго мужа, какъ нашъ глухой Евсей рѣшился на третью жену. Надобно же охоту! И такъ, у Северина будетъ папенькою человѣкъ, коего онъ и безъ того какъ папиньку почиталъ. L'occasion fait le larron. Ворота Дмитріева дома противъ самыхъ воротъ дома Севериной... Лишась же Аглинскаго клоба *), куда было баснописцу высокопревосходительному дѣваться? Je remarque que les jeunes gens font des cochoneries, mais ce sont les vieux qui font des sottises. Что скажетъ Вяземской на это? Не напишетъ ли сказочку или басенку?

*

*) И. И. Дмитріевъ отказался отъ членства въ Англійскомъ клубѣ за то, что изъ него былъ исключенъ его племянникъ, нанесшій оскорбленіе дѣйствіемъ князю Шаликову.

Moscou, le 16 Mai 1833.

Итакъ, бѣдный Моденъ кончилъ свои страданія! Былъ очень привыченъ и способенъ къ своему мѣсту. Трудно будетъ его замѣнить. Славныя имѣлъ formes и истинный courtisan, все это подкосила курносая смерть. Здѣсь всѣ о немъ жалѣютъ и говорятъ, что честолюбіе укоротило жизнь его. Стало быть, иной лучше капусту сажать нежели жить въ Аничковскомъ дворцѣ. Какъ все это тѣшитъ, и какъ все это ничтожно, когда надобно умирать! Какія мы дѣти! Но покуда дѣти на ногахъ, надобны имъ супъ и игрушки. Бѣдный Моденъ и умирая попросилъ буліону. Наша больная Тутолмина тянется еще, говорятъ, что появленіе Нарышкиной Мар. Яковл. ее оживило. Давно бы не было Соф. Петр., но ее поддерживаетъ желудокъ, который свое дѣло продолжаетъ дѣлать и тѣмъ продолжаетъ тягостное, несчастное ея бытіе.—Я и не у моря, какъ вы, но слыша свистъ вѣтра, думаю часто о Полетикѣ и Гришѣ, отправившихся на пароходѣ. Въ Суботу буря была столь ужасна, что сорвала множество крышекъ въ городѣ, у насъ на почтовомъ дворѣ также.

Вчера неожиданно набралось ко мнѣ обѣдать много гостей, хотя и знаютъ, что я одинъ съ Катенькою. Бартенева пріѣхала съ двумя дочерьми, Над. Серг. Пашкова, князь Хилковъ, Мацневъ, князь Одоевскій, бывшій еще у батюшки въ Варшавѣ, Вейтбрехтъ, князь Серг. Серг. Голицынъ, Корсаковъ. Бартенева и Катенька пѣли послѣ обѣда и проболтали таки до девятаго часа.

Ты, я думаю, знаешь славное скабрезное дѣло Ник. Алек. Норова съ покойнымъ кн. Гагаринымъ богачемъ, у коего онъ выманилъ тысячъ 300 и отперся. Послѣ долгихъ преній и наконецъ совѣстнаго суда, Норовъ рѣшился на клятвенную, соборную присягу. Эта ужасная операція подъ колокольнымъ звономъ, при всемъ духовенствѣ, три раза увѣщавающемъ того, кто присягаетъ, послѣдовала, говорятъ, третьяго дня. Стало, Норовъ квитъ съ долгомъ, но Боже мой! Что̀ должна ему говорить совѣсть.

Москва, 17 Мая 1833.

Ну ужъ замучилъ меня Башиловъ! Завезъ въ домъ великаго князя, таскалъ показывалъ, насилу отъ него вырвался, мой милый и любезный другъ. Только много еще предстоитъ работы. Будетъ покойно ихъ высочествамъ, хотя немного тѣсно вообще. Переносили строенія, сажали деревья, дѣлали дорожки, подвалы обратили въ жилье, я не знаю чего не дѣлали, и въ столь короткое время. Я цѣнилъ все это тысячъ въ 40, а Башиловъ только 12 употребилъ. Много было ему трудовъ.

Москва, 18 Мая 1833.

Ужъ мнѣ эти либералы! Какъ славно проповѣдываютъ, защищаютъ права человѣка, а посмотри кто дерется, кто угнетаетъ крестьянъ, кто ихъ разоряетъ? Все либералы. Я получилъ жалобу изъ Подольска. П. Льв. Давыдовъ поѣхалъ въ Кіевъ; по просьбѣ Трубецкого, далъ я ему и приказъ, является въ Подольскъ, нѣтъ лошадей!—Позовите почтмейстера. Является почталіонъ съ книгою, чтобы показать, что всѣ лошади въ разгонѣ, и поѣхавшій недавно долженъ былъ 9 лошадей нанять; но его превосходительство книгу швырнулъ на полъ и избилъ своими руками въ кровь бѣднаго почталіона. Онъ-то чѣмъ виноватъ? Я писалъ губернатору, чтобы вмѣстѣ сдѣлать слѣдствіе на мѣстѣ. Небольсинъ просилъ меня дѣло замять, но могу ли я не защитить своего подчиненнаго и отдавать ихъ въ обиду? Я отвѣчалъ, что не могу не произвести слѣдствія, чтобы узнать правду, и все что могу сдѣлать, это не доносить Департаменту, а дождаться возвращенія Давыдова и выслушать также и его; ежели онъ удовлетворитъ обиженнаго и сей жалобы не возобновитъ, то и дѣло такъ кончится, а то Давыдову будетъ не хорошо за его самоуправство. Скажи мнѣ мнѣніе твое.

*

Москва, 19 Мая 1833.

Итакъ, Беррійская разрѣшилась Итальяночкою. Я знавалъ Лукезіевъ въ Неаполѣ и Палермѣ: фамилія не богатая, не знатная. Отпустятъ ли ее? Я думаю, она убралась бы и прежде шести недѣль, réquisée par les ordonnances. Чаадаевъ отправился обратно на Югъ и будетъ обратно чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Ну-съ! Я чаю, Гедеоновъ въ восхищеніи, попалъ въ свою стихію актерскую, т. е. актрискую. Директорство театровъ лучше удалось директорства почтъ. Большой пролаза и вѣрно будетъ умѣть подбиться къ князю П. М.; а мнѣ кажется дай 100 т. въ годъ, не пошелъ бы въ эту поганую должность. Здѣсь по двору былъ онъ полезенъ, и трудно будетъ его замѣстить, зналъ Москву и всѣ лица хорошо.—Не повѣришь, какой восторгъ здѣсь между купцами послѣ счастія, которое имѣло купечество обѣдать у Государя. Всѣ говорятъ объ обѣдѣ семъ и о выставкѣ. Вотъ что называю я истиннымъ либеральствомъ: милости такія Государя къ подданнымъ, поощренія полезныхъ трудовъ, ласка безъ фамиліарства. Великъ нашъ Государь! Знаешь ли, что ежели бы я не имѣлъ мое теперешнее мѣсто, не оставляющее мнѣ ничего желать, я бы сладкою работою почиталъ быть при Государѣ, не какъ исторіографъ (къ чему не имѣю довольно способностей), но просто вести записки, копить матеріалы для будущаго его историка. Есть ли день безъ какой-нибудь прекрасной черты?

Москва, 25 Мая 1833.

Я воротился очень поздно съ похоронъ С. П. Тутолминой; меня такъ захватили, что теперь только успѣлъ снять съ себя мундиръ мой милый и любезнѣйшій другъ. Множество было народу, и народъ все крупный, всѣ власти, Сенатъ и очень много дамъ; слезъ было довольно, хотя давно начали уже оплакивать покойницу. Отъ дому до церкви несли гробъ на себѣ графъ Никита Петровичъ Панинъ, Иванъ Васильевичъ и прочіе родственники. Митрополитъ Филаретъ (чего никто не запомнитъ) шелъ пѣшкомъ отъ дому до церкви; правда что недалеко, и погода прекраснѣйшая. Меня комендантъ и Лѣсовскій взяли подъ руку и также потащили въ процессію; но я, войдя въ церковь и пробывъ съ четверть часа, уѣхалъ. Исполнилъ послѣдняго долга сколько могъ. Кромѣ, что дѣла́ дома, надобно было и къ Фасту заѣхать на часочекъ. Живая не хороша была Софья Петр., а теперь въ гробу страшна; вонь нестерпимая, ибо живая уже портиться начала. Мученія ея были столь ужасны, что она призывала смерть и Бога о томъ молила. Попеченія мужа и родныхъ столь ея трогали, что она часто повторяла: «Я умираю въ блаженствѣ, жалѣю о васъ, мои милые; но обо мнѣ не жалѣйте, желайте моей кончины». 37 лѣтъ жила она съ добрымъ этимъ, кроткимъ мужемъ.

Вчера долго сидѣлъ у меня Перовскій, я его еще болѣе полюбилъ, видя, какъ онъ тебѣ преданъ и умѣетъ тебя цѣнить. Онъ меня просилъ (и я долженъ былъ непремѣнно ему обѣщать) не отдавать ему визита; но что̀ мнѣ до скверной его квартиры, не домомъ поѣду любоваться, а пользоваться его обществомъ. Ужо вечеромъ хотѣлъ ко мнѣ быть, но я постараюсь его предупредить. Въ Суботу повезу его въ клобъ обѣдать.

*

Москва, 27 Мая 1833.

Вчера была свадьба Ростопчина. Въ церкви такое было множество народу, что дышать мы не могли. Дѣло шло къ церемоніи, какъ женихъ вдругъ вспомнилъ, что забылъ ко̀льца дома (bagatelle); когда уже посылать! Но я далъ ему свое обручальное кольцо, да князь Масальскій старикъ свое; стало быть не Андрюша и Додо *), а Масальскій и я обвѣнчались.

Растопчинъ нанялъ домъ князя Ник. Гагарина, хотя имѣетъ свой прекрасный; во Вторникъ даетъ балъ. Ольга и Катя были прекраснѣе всѣхъ по моему. Одна дама, стоявшая подлѣ меня, толкнула свою со-

*) Такъ звали въ семьѣ Пашковыхъ и Сушковыхъ Евдокію Петровну (впослѣдствіи извѣстную писательницу) Ростопчину.

сѣдку и, указывая на Ольгу, сказала: Какъ хороша невѣста! Онъ не дуренъ, но далеко отсталъ отъ нея! Я не могъ побѣдить отцовское самолюбіе и сказалъ незнакомкѣ: это не невѣста, а дочь моя! Говорила мнѣ Катя, которая ближе стояла къ невѣстѣ, что когда священникъ сталъ ее спрашивать: Не обѣщала ли ты другому руку свою? То она очень смѣшалась. Священникъ повторилъ вопросъ, и тогда Ольга Пашкова ей шепнула: Ditez donc que non. Видно, Додо вспомнила своего прежняго молодца, нашего Александра[1]). Кажется, вчера была также въ подмосковной свадьба Кутайсова съ Лизою Шепелевою. Мои пѣвчіе отпросились туда пѣть. Ce mariage fait beaucoup gloser. О путешествіи Царицы буду знать про себя. Какое будетъ удовольствіе Государю! Ибо воображаю себѣ, что Императрица сдѣлать хочетъ сюрпризъ Его Величеству.

*

Москва, 29 Мая 1833.

Хотя новое письмо разрѣшаетъ секретъ Императорскаго путешествія, но я и вчера не говорилъ; ибо признаюсь тебѣ не люблю быть вѣстовщикомъ, а теперь еще менѣе мнѣ это прилично. Вчера Щербатова барабанила, что Императрица изволила отбыть въ Ревель и что какъ уже до чужихъ краевъ недалеко отъ Ревеля, то можетъ быть поѣдетъ и въ Берлинъ и что ея Анночку взяла съ собою. Богъ милостивъ, надѣюсь, что путешествіе совершится благополучно. Однако же, посылая журналы въ Суханово, я княгинѣ Е. А. написалъ, что князь П. М. отправился при Ея Величествѣ въ Ревель [2]).

Вчера обѣдалъ я у своихъ. За столомъ вспомнилъ о стихахъ экспромтныхъ Норова и прочиталъ ихъ. Публика, состоявшая изъ Gallitzins, Гриши Корсакова, Норова, Александра, Пашковыхъ, очень одобрила развивающійся талантъ юнаго поэта и рѣшила, что онъ будетъ нѣкогда знаменитъ и сядетъ на Русскомъ Парнасѣ возлѣ Державина, Ломоносова, насупротивъ А. Пушкина. Когда же будетъ Абрамъ къ намъ? Ты давно его намъ возвѣстилъ. Щербининъ былъ, какъ говорятъ Французы, possédé de la rage de se marier. Бѣда не велика, что невѣста не богата, была бы добра и любила бы его.

*

[1]) Этотъ князь Александръ Сергѣевичъ Голицынъ, сынъ двоюродной сестры Булгаковыхъ, женился въ 1840 году на Вѣрѣ Александровнѣ Каблуковой.

[2]) Государыня Александра Ѳедоровна, въ сопровожденіи министра двора князя П. М. Волконскаго, ѣздила тогда на морскія купанья въ Ревель (гдѣ въ Екатериненталѣ для нея была пробита такъ называемая See-Allee), въ Фалль и въ Гельсингфорсъ, гдѣ въ память о ней поставлена большая колонна на самомъ морскомъ берегу.

Москва, 30 Мая 1833.

Новосильцовъ *) идетъ въ отставку и собирается къ вамъ скоро. Князь лишится умнаго, расторопнаго и дѣлового адъютанта. Этого всюду можно употребить. Жаль, что не такъ идетъ его служба, какъ бы слѣдовало. У него есть что-то рѣзкаго и самохвальнаго въ обхожденіи, и это вооружило противъ него всѣхъ тѣхъ, которые не коротко его знаютъ.

*

Москва, 3 Іюня 1833.

Ну, братъ, славный былъ вчера балъ у Ростопчина! Истинно *барскій*, сказалъ бы покойный Чижикъ, изобиліе и великолѣпіе во всемъ, весь beau-monde, а все таки мои двѣ всѣхъ лучше. Мы уѣхали изъ за стола, а было уже три часа. Видѣлъ я тутъ Guerrero и Американскаго министра; оба въ восхищеніи отъ Москвы.

Что тебѣ еще сказать? Наконецъ настало ведро. Вчера была Норовская церемонія. Чертковъ сказывалъ, что было множество народу въ Кремлѣ, церемонія ужасная. Священники увѣщевали публично въ соборѣ, а потомъ повели въ алтарь съ глазу на глазъ; въ Понедѣльникъ будетъ повтореніе, а въ Среду будетъ присяга очистительная. Весь народъ собирается ѣхать на зрѣлище это. Я вѣрить хочу, что Норовъ не присвоилъ себѣ эти 287 т., но какія жестокія испытанія!

*

Москва, 6 Іюня 1833.

Время сегодня прекрасное, надобно ѣхать на скачку, зрѣлище небывалое, новое. На завтрашнее зрѣлище также всѣ собираются, т. е. на очистительную присягу Ник. Ал. Норова; совѣстно ѣхать, а хочу имѣть понятіе о необыкновенной сей церемоніи. Сколько толковъ смѣшныхъ! Говорятъ, что онъ будетъ въ штатскомъ платьѣ съ *плерезами*; другіе говорятъ, что будетъ отвѣчать, лежа въ гробу, что въ колоколъ большой Ивана Великаго будутъ звонить, что объявятъ, что шесть лѣтъ нельзя ему входить въ церкви Божіи etc. etc. Ежели и виноватъ онъ (это всѣ полагаютъ), то ужасно онъ наказываемъ вотъ уже семь лѣтъ къ ряду, и 287 т. сокомъ ему пришлись. Теперь дѣлаю я вопросъ. Ну ежели бы этотъ кащей, покойный князь Гагаринъ, былъ бы живъ, говоря: я далъ Норову билетъ сохранной казны въ 287 т. для выручки денегъ и денегъ не получалъ, а Норовъ говорилъ бы: я деньги вручилъ Гагарину. Ну оба пошли бы къ присягѣ. Кому вѣрить, и какъ дѣло рѣшить? Хорошо сдѣлалъ тотъ, что умеръ. Говорятъ, что Норовъ въ Суботу и Понедѣльникъ имѣлъ contenance весьма твердый и самъ проповѣдовалъ священнику вмѣсто того, чтобы его

*) Петръ Петровичъ, прозванный Casse-noisette. Онъ потомъ снова служилъ при Московскомъ генералъ-губернаторѣ, а позднѣе былъ губернаторомъ въ Рязани.

слушать. Экая наглость и безстыдство! Нашъ добрый Абрамъ уѣхалъ, мы обѣдали въ клубѣ, кажется онъ подкуликалъ, все меня цѣловалъ, повторяя: Какъ я тебя люблю, милый мой Ал. Як. Я напишу вамъ непремѣнно посланіе въ стихахъ. Кажется, обязанъ я двумъ bons mots нѣжной его любви. Потемкинъ спросилъ его, гдѣ оторвало ему ногу? Подъ Бородинымъ, наѣхала на мм....меня артттилерія Фр. легкая... Чтобы ее *нелегкая*, сказалъ я! Норовъ былъ въ восхищеніи. Потомъ говорили о салютаціяхъ на морѣ. Норовъ разсказывалъ долго, плоховато о Сенявинѣ, толковалъ о пушечныхъ выстрѣлахъ... Le fait est, сказалъ Корсаковъ, перебивая рѣчь оратора, que les Anglais répondent dans leurs saluts à 20 coups de canon par 19, à 12 par 11, a 6 par 5, ainsi de suite; c'est un amour-propre, une gloriole du pavillon Anglais, le mal est que les autres s'y soumettent. Тутъ былъ Англичанинъ Sloane. Норовъ спросилъ новую бутылку Шампанскаго, налилъ и остановился: voyons, messieurs, quelle santé porter?. Я предложилъ, адресуясь къ Англичанину: à la santé de la *puissance*, qui tire toujours un coup de moins que les Russes. Норовъ соскочилъ и ну меня цѣловать, тутъ-то и обѣщалъ онъ мнѣ написать посланіе. Каковъ Ив. Ив. Дмитріевъ? Взялъ подорожную на 6 лошадей, беретъ по 9, а платитъ только за 6. Я не понимаю, зачѣмъ ему даютъ лошадей. Онъ также дѣлалъ точно, ѣздивши въ Симбирскъ. Мнѣ кажется, тутъ нечего чинъ его уважать.

*

Москва, 7 Іюня 1833.

Видѣлъ я ужасное стеченіе народа у Казанскаго собора, остановился; плацъ-адъютантъ предлагалъ мнѣ ввести меня въ церковь, коей двери были заперты, и пускали туда по выбору, но я не рѣшился. Такое зрѣлище меня бы слишкомъ разстроило; возвращаясь, вижу всѣхъ выходящихъ уже изъ церкви. Это что за Montblanc? Бѣлая напудренная голова Ив. Вас. Черткова, я подбѣжалъ, отошли мы къ сторонкѣ, и онъ мнѣ все разсказалъ. Говоритъ, что процедура ужасная, такъ что много стоявшихъ тутъ мужчинъ, яко то Ив. Ал. Нарышкинъ, плакали, а Норовъ стоялъ весьма хладнокровно и бравировалъ устремленные на него глаза всѣхъ бывшихъ въ церкви. Онъ говорилъ: Да разразитъ меня Господь, да падутъ на меня и племя мое всѣ несчастія, да не буду имѣть покоя въ семъ мірѣ, ни блаженства въ будущемъ, если клятва моя преступна; я отдалъ деньги моему сопернику и пр. Тутъ его изобличать стали доводами присутственныхъ мѣстъ. Онъ отвѣчалъ, что все это было ему уже говорено, что онъ пришелъ не оправдываться, будучи невиненъ, а присягать и клясться. Священникъ приводилъ ему Іуду въ примѣръ, говоря, что онъ гу-

бить все свое потомство, что вмѣсто примѣра добродѣтели дѣтямъ своимъ онъ имъ оставитъ стыдъ, поношеніе, что благословеніе его надъ ними не будетъ имъ отрадою, ни Всевышнимъ услышано, что на смертномъ одрѣ не будетъ онъ имѣть никакого утѣшенія etc. Заставляли его читать заповѣдь о имени Господеви всуе, были толкованія. Протопопа этого очень хвалятъ, и онъ съ большимъ чувствомъ совершалъ этотъ трудный обрядъ, и всѣ были тронуты, кромѣ несчастнаго Норова. Чертковъ не постигаетъ этого равнодушія, и какъ ни добръ самъ, утверждаетъ, что Норовъ большой злодѣй. Экое испытаніе! Да тутъ есть отъ чего чувствъ лишиться бывши и невиннымъ.

*

Москва, 8 Іюня 1833.

Много говорятъ о несчастной молодой купчихѣ Бубновой, которая была нездорова послѣ родовъ. Послали за лѣкарствомъ въ аптеку. Рихтеръ сказалъ: je tâcherai de venir moi-même vous donner la médécine, не могъ пріѣхать, а отъ этого несчастная умерла: ей принесли не то лѣкарство ошибкою; она приняла то, что̀ было назначено для наружнаго употребленія и промучась нѣсколько часовъ умерла. Аптекарь и мальчикъ, отправившій лѣкарство, болѣе всѣхъ виноватые, посажены въ тюрьму. Нельзя не быть тронуту прекрасною чертою несчастной купчихи: узнавъ, что она ошибкою отравлена, что жить ей нельзя и что мальчикъ въ аптекѣ невинною причиною несчастія, она приготовилась къ смерти, какъ христіанка. Бывъ богата, сдѣлала завѣщаніе, въ коемъ помѣстила, что она прощаетъ виновника своей преждевременной кончины и чтобы доказать, что дѣлаетъ это отъ искренняго сердца, зная, что онъ имѣетъ семейство и бѣденъ, она оставляетъ ему 20,000 денегъ, прося его не огорчаться и быть спокойнымъ въ совѣсти своей; что она первая будетъ заступницею его передъ Богомъ, къ Которому готовится явиться скоро. Вотъ по моему истинная добродѣтель, черта великодушная, даже героическая. Такая женщина достойна была жить долго, ибо вѣрно была добрая жена и нѣжная мать. Она оставляетъ пятерыхъ дѣтей. Какъ чувства въ людяхъ развиты! А мужъ ея одно повторялъ, что хочетъ убить аптекаря. Это могло у него вырваться и отъ несчастія, и горести.

*

Москва, 13 Іюня 1833.

Мнѣ разсказывали о странномъ анекдотѣ, случившимся на скачкѣ здѣсь. Была тутъ одна брюхатая дама, которой такъ приспичило, что та, не найдя свою карету, расположилась въ первую, которую видѣла (Спечинскаго) и думала убраться домой; но муки ее проняли, и она съ

помощію чужого лакея родила, не знаю Трифоніуса ли Буцефала или Пенелопу. Ее оставили въ каретѣ до прибытія родныхъ и бабки, а въ ея каретѣ Спечинскіе поѣхали домой. Кажется, дама эта безъ причудъ, но нужда дѣло великое, и самая капризная дама дѣлается разсудительною, какъ нельзя иначе.

Сію минуту явился твой почталіонъ Петербургскій сказать, что князь Кочубей ѣдетъ. Онъ прибудетъ ужо къ вечеру, почталіонъ его опередилъ, хорошо сдѣлалъ; я тотчасъ наряжу на посылки верхового почталіона, такъ что князь, пріѣхавъ, найдетъ уже его у себя въ домѣ.

*

Москва, 14 Іюня 1833.

Князь Викторъ Павловичъ прибылъ благополучно вчера вечеромъ. Я ему тотчасъ писалъ, что боюсь посѣщеніемъ его обезпокоить въ первую минуту, поздравляю съ пріѣздомъ и посылаю почталіона коннаго для нахожденія при немъ и для исполненія всѣмъ его приказаній etc. Очень благодарилъ и прислалъ письмо для отправленія къ гр. Васильчикову, а я послалъ къ нему письма, съ Петербургскою почтою полученныя на его имя. Ужо или завтра къ нему заѣду и буду стараться ему угождать.

*

Москва, 15 Іюня 1833.

Я все утро провелъ у умирающаго Волкова. Софья Александровна уѣхала въ Подмосковную, ибо онъ вчера вечеромъ былъ еще на ногахъ; никого нѣтъ, одинъ, какъ оставить его въ такія важныя минуты? Однакоже я послалъ тотчасъ за С. А.: она не простила бы мнѣ никогда лишить ее послѣдней отрады закрыть ему глаза. Онъ въ восемь часовъ вечера гулялъ по саду, пришедъ домой почувствовалъ тяжесть въ желудкѣ, и началась сильная рвота, мучившая его всю ночь. Все это обратилось въ сильное воспаленіе въ желудкѣ. Спасибо людямъ, дали мнѣ знать. Я поскакалъ къ нему въ 10 часовъ. Рихтеръ приставилъ ему множество піявокъ и кромѣ того кровь пустилъ. Это сдѣлало ему минутное облегченіе. Онъ меня узналъ и сказалъ: Сашка! Поцѣлуй меня! что̀ я и сдѣлалъ. Потомъ сказалъ: je suis très mal. — Ce sont des maladies qui règnent, отвѣчалъ я, à cause des chaleurs. Comment va la tête?—Très bien, elle est libre, mieux qu'avant, mais je meurs de soif et j'ai mal là. Когда я приставилъ руку къ тому мѣсту живота, гдѣ онъ показалъ, то онъ вздохнулъ, жалуясь, что больно. Голова у него стала здорова, мысли ясны; видно, что все внизъ сошло. Глаза мутны, часто страшны, дыханіе тяжело, цвѣтъ лица мертвеца. Рихтеръ говоритъ, что мѣсяцевъ 6 или 8 прежде, это былъ бы кризисъ,

но теперь начало разрушенія. Отобѣдавъ, поѣду опять, ибо надобно будетъ и С. А. поберечь, когда пріѣдетъ. Дай Богъ, чтобы еще застала. Я полагаю, что къ вечеру все должно кончиться. Куда картина эта меня тронула. Человѣкъ съ большимъ семействомъ, коего былъ благодѣтелемъ, и по стеченію обстоятельствъ умираетъ одинъ.

*

Москва, 16 Іюня 1833.

Не стало нашего добраго Волкова! Съ началомъ нынѣшняго дня кончились его страданія и двухгодовая его болѣзнь. Я не отходилъ все время отъ его постели. Сверхъ того Озеровъ и Корсаковъ просили меня быть тутъ для пріѣзда Софіи Александровны, не зная, чтó съ нею дѣлать и боясь для нея худыхъ послѣдствій. Когда я пріѣхалъ туда въ 8 часовъ вечера, то онъ метался, мучился, показывалъ губами великую жажду, руки его охолодѣвали, смотрѣлъ на насъ, но повидимому никого не узнавалъ. Послѣ началъ онъ говорить или лучше сказать бредить, ибо какъ я ни вслушивался, понялъ только слова: vieillard, oui, l'Empereur и finir, кои повторялъ чаще, почему заключаютъ, что его занимала одна какая нибудь мысль. Миквицъ дѣлалъ ему разные вопросы, но онъ не отвѣчалъ, только одинъ разъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на Миквица и сказалъ внятно: ja! какъ тотъ спросилъ: wollen Sie nicht ihre Frau sehen? Въ 11 часовъ послѣ сего послѣдняго его слова, онъ впалъ въ agonie.

На улицѣ караулили С. А.; она пріѣхала къ этому времени, остановила дрожки у воротъ, выскочила и побѣжала къ дому, только что успѣли насъ предупредить. Григор. Алекс. выбѣжалъ навстрѣчу. Où allez vous, ma chère?—Je veux voir mon mari.—Mais vous lui ferez du mal, et je ne réponds pas de vous - même, du quelque saisissement qui vous serait funeste. Не слушая ничего, пихаетъ, идетъ впередъ. Насилу ее остановили въ комнатѣ смежной съ больнымъ, посадили на софу, прося нѣсколько отдохнуть и обѣщая ее впустить послѣ. Она дрожала какъ листъ, смотрѣла на всѣхъ; тутъ были Брянчаниновъ, Озеровъ, двое Корсаковыхъ, Рихтеръ, Миквицъ, я и домашніе. Дали ей воды, капель. Она угадывала, что худо должно быть; видно, что хотѣла сказать, но и не смѣла: онъ умеръ! Всякій давалъ ей подробности о больномъ, а она все твердила: да пустите же меня! Нельзя было, да и совѣстно ее останавливать. Братъ Гр. и Миквицъ взяли ее подъ руки. Увидавъ страдальца, она остановилась, посмотрѣла на него, въ комнатѣ горѣла только одна свѣча. Дайте сюда свѣчку, сказала С. А., поднесли къ лицу, и когда увидѣла обезображенное лице Волкова, то вскричала: Ахъ Боже мой! Кажется, мысль ея была на

него броситься, но Корсаковъ ее оттащилъ и посадилъ тутъ же на кресла, и она зарыдала. Миквицъ, пользуясь симъ счастливымъ оборотомъ, сказалъ: oui, madame pleurez; car nous allons d'abord le perdre. Съ трудомъ, но уговорили ее выйти. Сцена была ужасная, ибо глядя на нее заплакалъ Волковской (сынъ Волкова) а тамъ и мы всѣ тутъ стоявшіе. Ее вывели въ другую комнату, а тамъ Корсаковъ уговорилъ ее идти въ свой флигель полежать. Boulg. viendra vous dire s'il arrive quelque chose. До часу дышалъ онъ все еще, хотя и тяжело; все тѣло было уже какъ ледъ кромѣ около желудка, гдѣ была еще теплота. Во второмъ часу дыханье стало рѣдѣть; лежа три часа неподвижно на правой щекѣ, онъ вдругъ зубами заскрежеталъ, сдѣлалъ сильное движеніе лѣвымъ плечомъ и испустилъ духъ. Я побѣжалъ сказать Корсакову, который сидѣлъ у сестры на постелѣ. Я такъ былъ истомленъ, что уѣхалъ домой. Миквицъ говоритъ, что великое счастіе, что С. А. заплакала; онъ опасался худого, ибо у нея были сильныя потери крови недавно, и ноги пухнутъ. Богъ ее сохранитъ для бѣднаго этого семейства. Скажи Пашкѣ о его несчастіи. Онъ долженъ радоваться, что отецъ мучиться пересталъ, мы всѣ у Бога просили или выздоровленіе или кончину. Провидѣніе избрало послѣднее. Каково же братъ, что такой человѣкъ, умирая, прослужа сорокъ лѣтъ почти и въ какихъ должностяхъ, оставляетъ всего нѣсколько мелкаго серебра, да у жены 175 р. всего? Я увѣренъ, что милосердный Государь пожалуетъ вдовѣ пенсію. Царство Небесное другу нашему, другу юныхъ лѣтъ. Такія потери чувствительны.

Нынѣ молодежь старшему себя и не поклонится, посмотри-ка на стариковъ! Князь Кочубей пишетъ мнѣ такое милое вѣжливое письмо, благодаритъ за что? За вѣжливости мои, а не подумаетъ, что чинъ, лѣта, служба ставятъ мнѣ въ обязанность угождать ему. Да я и всякому стараюсь служить, сколько могу. Легъ я очень поздно, а всталъ очень рано. Хотѣлъ тебѣ сообщить подробно о нашемъ добромъ Волковѣ, часто буду его вспоминать и чувствовать, что его не достаетъ.

Долго сидѣлъ я у почтеннаго, любезнаго князя Кочубея, который принялъ меня, хотя и брился, что̀ дѣлаетъ важно, копотно и методически. О многомъ была рѣчь. Начну его комиссію: Écrivez, je vous prie, à m-r votre frère combien je suis sensible à toutes ses attentions pour moi; dites lui que j'ai été servi à merveille sur la route, les ямщикъ devenus riches ne se fesaient pas remplacer par de petits garçons maladroits qui mènent une voiture comme un телѣга, et puis j'ai vu avec plaisir qu'aux relais il n'y a plus ce vacarme, ces 50 personnes qui

crient tout à la fois en disputant sur leur *очередь*. Je vous avoue que cela avait quelque chose de barbare; on croyait toujours assister à une révolte; maintenent il y a de l'ordre et absence de tout tapage. Cela m'a fait vraiment plaisir, et on voit dans tout cela l'oeil de votre frère, заботливость его, чтобы у насъ вводилось по европейски. Это точныя слова князя. Потомъ сказалъ онъ:Vous vous rappellez l'année passée de notre rencontre à Подсолнечное? Nous avons fait les diplomates tous les deux: je savais par le prince Gallitzine que l'Empereur avait approuvé le choix de votre personne pour succéder à m-r Rouchkofsky, mais que S. M. avait ordonné de vous faire venir à S-t Pétersbourg; vous saviez tout cela comme moi, nous avons été discrects tous les deux, et je me suis dit: voilà quelqu'un qui commence bien sa nouvelle carrière. Много шутилъ и разсказывалъ, какъ одинъ чиновникъ при покойномъ Государѣ лишился мѣста, которое ему черезъ князя было обѣщано, разгласивши преждевременно. Князь разспрашивалъ о Волковѣ и хотѣлъ знать подробности его кончины. Пришла и княгиня. Comment avez vous la patience de voir comme mon mari se rase? Cela n'a pas du fin.—Je me réjouis, madame, au contraire, car cela prolonge mon audience. Извинялся князь, что принялъ меня, приказавъ всѣмъ отказывать, изъявляя желаніе видать меня чаще и пр. Онъ живетъ въ домѣ Волкова и брился на томъ же мѣстѣ, гдѣ покойный Сашка брился въ своемъ кабинетѣ. Хвалилъ Волкова, коего онъ и опредѣлилъ тогда полицмейстеромъ въ Москву etc.

Послѣ былъ я у Дашкова, и этотъ очень обласкалъ. Велѣлъ тебѣ кланяться, условились о вояжѣ. Онъ завтра выѣзжаетъ въ Тамбовъ, и я сегодня по тракту далъ знать о проѣздѣ его. Дашковъ a très bonne mine. Послѣ былъ я у Черткова и сказалъ ему о смерти Волкова, мы таки поплакали вмѣстѣ.

*

Москва, 19 Іюня 1833.

Отъ девятаго часа до четвертаго былъ я на ногахъ. Мы отдали послѣдній долгъ доброму Волкову, положили тѣло его въ Симоновѣ монастырѣ возлѣ Катерины Даниловны*). Много видалъ я похоронъ, но ни на однихъ не видалъ я такого всеобщаго, единодушнаго чувства уваженія и любви какъ было тутъ. На дому, въ церкви, по всей до-

---

*) Матери А. А. Волкова, урожденной, кажется, Муромцовой. Прекрасное Муромцовское помѣстье, съ великолѣпнымъ домомъ (постройка славнаго Баженова) и церковью (Итальянскаго зодчества), село Баловнево, Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, нынѣ перешло къ одному изъ потомковъ А. А. Волкова, художнику, который чудесный живописный талантъ свой могъ унаслѣдовать отъ своего (по матери) диди, Эммануила Александровича Дмитріева-Мамонова.

рогѣ, гдѣ слѣдовало тѣло, было ужасное стеченіе народа, къ чему способствовали и время прелестное, Воскресный день и помпа похоронъ. За гробомъ, поставленнымъ подъ бархатнымъ алымъ балдахиномъ, слѣдовали два полка и пять пушекъ, двѣ музыки военныя играли попеременно печальные марши, вся полиція и весь корпусъ жандармскій были тутъ. Отъ дому до церкви, гдѣ была обѣдня и отпѣваніе, несли на плечахъ родные и офицеры жандармскіе. Не могу тебѣ описать зрѣлища сего, всѣ провожали гробъ, вѣрно было такихъ болѣе тысячи человѣкъ, а какъ поѣхали къ монастырю, то толпа, все умножавшаяся дорогою, состояла вѣрно изъ тысячъ пяти. Всѣ выбѣгали на улицу, на тротуары или, выглядывая въ окна, кланялись, крестились и съ горестію провожали глазами покойника. Ужъ вѣрно не было ни одного человѣка, который бы не подумалъ хорошее о Волковѣ; можетъ быть благодарилъ за благодѣяніе, услугу, одолженіе; но всѣ вѣрно желали ему царство небесное и награду за добрыя его дѣла. Лестно оставлять такъ свѣтъ. Надгробная рѣчь была посредственная и не хорошо произнесена, и тутъ всѣ плакали, ибо всѣ были расположены къ горести, и всякой въ душѣ своей читалъ ему похвальное слово. Когда опустили гробъ въ могилу, то войска, расположенныя противъ монастыря, сдѣлали тройной ружейный и пушечный залпъ. Я не былъ предупрежденъ и не могу тебѣ сказать, какое сдѣлало это впечатлѣніе надо мною. Я не поэтъ, но воображеніе мое мнѣ внушило слѣдующую мысль: чтобы разорвать связь всеобщую съ Волковымъ на всегда, надобно пушки! Соф. Алекс., которую я держалъ за руку, содрогнулась, руки ея были какъ ледъ, и мы посадили ее поскорѣе въ карету. Она шла за гробомъ до церкви, но оттуда въ монастырь (это версты четыре) ея не пустили, и она ѣхала въ каретѣ за верховою лошадью покойника, которую вели два лакея. Тутъ былъ одинъ Арсинька, а дочерей не пустили. БѣднаяВаринька очень больна; я подозрѣваю, что у нея чахотка или сухотка и не полагаю ея долговѣчною. Вотъ тебѣ и Фасту краткое описаніе печальнаго утра моего. Теперь пообѣдаю да лягу отдыхать; не такъ меня истомила ходьба, какъ зной, голова же была безъ шляпы. Мнѣ хочется написать біографическую статью о Волковѣ, краткую для «Пчелы», а тамъ написать порядочную его біографію. Такіе люди точно рѣдки, и потомство должно знать объ нихъ. Какъ вспомнишь, что этотъ человѣкъ былъ 13 лѣтъ полицмейстеромъ, 9 лѣтъ комендантомъ и 7 лѣтъ жандармскимъ начальникомъ, должности, въ коихъ главное основаніе строгость и гдѣ столько можно вредить, онъ не только *никому* не сдѣлалъ зла, но напротивъ оказывалъ безпрестанныя услуги, одолженія, благодѣянія.

Мы всѣ надѣемся что Государь по благости своей пожалуетъ пенсію вдовѣ. Ну прощайте до завтраго, мои милые друзья. Я невольно разсмѣялся давича, стоя возлѣ Офросимова и слушая наивный комплиментъ старика Спечинскаго. Онъ, утирая слезы и расхваливая Волкова, сказалъ Лѣсовскому, думая конечно дѣлать комплиментъ: Ахъ Ст. Иван., рѣдкій былъ человѣкъ Алекс. Алекс.; дай Богъ вамъ такіе же похороны. Одолжилъ! Сейчасъ перебилъ меня Закревскій. Я нахожу у него здоровое лицо. Все такой же искренній, добрый, принесъ письмо къ тебѣ. Завтра обѣдаетъ у насъ, а сегодня у Небольсина; остановился у тетки Мельгуновой.—Ну сударь, былъ я вчера у Мамоновой, забилась въ какой-то чердакъ у Коппа въ трактирѣ*). Все таже сумасбродная, валяется на софѣ, je suis très malade; возлѣ нея какой-то молоденькій иностранецъ, въ передней куча valets de chambre, ни слова по-русски незнающихъ. Хочетъ нанять домъ Соймонова по 600 р. на мѣсяцъ. Хочетъ переѣхать въ Васильевское. Хочетъ ѣхать на дняхъ (а больна!) въ Нижній. Хочетъ... Что же хочетъ? Сама не знаетъ. Увѣряетъ, что тебя 6 мѣсяцевъ не видать, votre frère me boude. И я къ ней силою ворвался, а то иностранцы не пускаютъ.—Поздравь Каподистрію съ лентою, очень радуюсь. Закревскому я прочелъ что ты пишешь о графинѣ. Вотъ и князь Викт. Павлов. прислалъ письмо къ Загряжской. Бенкендорфа письмо посылаю подъ открытою печатью, прочти и доставь запечатавъ.

*

Москва, 22 Іюня 1833.

Сейчасъ были у меня прежде Башиловъ, а тамъ Ив. Вас. Чертковъ. Оба любовались на ширмы, которые мы въ семьѣ нашей сработали для великой княгини. Они находятъ, что прелестно и что вѣрно ея высочество возьметъ ихъ съ собою въ Петербургъ. Желаю, чтобы были ей угодны, а много было работы: всѣ восемь половинокъ всѣ разно сдѣланы, есть отдѣленіе карикатуръ, цвѣтовъ, Китайское, pompes de Naples, Французская армія, силуэты, славныя пѣвицы (тутъ и фаворитка великаго князя Карадори), фрукты, galerie de tableaux etc. очень удались ширмочки. Въ Суботу Башиловъ поставитъ ихъ въ кабинетъ ея высочества. Всѣ ѣздятъ смотрѣть домъ великаго князя вновь отдѣланный, то боюсь, чтобы не замарали ширмъ моихъ.

*

*) Эта гостинница Коппа была въ Глинищенскомъ переулкѣ въ домѣ нынѣ Обидина, близъ Тверской. Тамъ останавливался и А. С. Пушкинъ во время холеры 1830 года и позднѣе.

Москва, 24 Іюня 1833.

Я сейчасъ изъ Симонова монастыря, девятый день Волкову. Довольно мы всѣ тамъ поплакали; даже и Чертковъ, какъ поклонился могилѣ, не могъ не заплакать. Охъ, жаль, очень жаль такихъ людей, какой былъ покойникъ. Богъ ему воздастъ за добрыя его дѣла. А съ нами случилось было бѣда, ѣдучи туда. Запрягли мы четыре лошади въ рядъ въ 4-хъ мѣстную карету; поѣхали жена, я, Пашка да няня. На пристяжкѣ была новая лошадь (совсѣмъ не молодая и не горячая), которую я попробовать хотѣлъ; у нея противъ дома Пашковыхъ лопни постромка, болтаясь стала ее щекотать; а она стала бить, другія лошади также понесли. Наташа ну кричать, плакать, призывать Мать Божію и Николая Чудотворца, няня также стала плакать, да ворчать, что подѣломъ, что выѣхали въ путь (я люблю, что она въ Симоновъ называетъ въ путь ѣхать), одинъ Пашка былъ спокоенъ. Я тутъ вспомнилъ, что одинъ разъ, ѣдучи на балъ къ князю Кочубею, тоже самое случилось съ вел. княземъ Мих. Павловичемъ, ѣхавшимъ въ каретѣ съ покойнымъ цесаревичемъ К. П., о чемъ самъ онъ мнѣ разсказывалъ. Я сдѣлалъ тоже самое что̀ и его высочество, опустилъ переднее стекло, взялъ въ руки концы возжей, уперъ ноги въ переднія мѣста и такимъ образомъ вдвоемъ съ кучеромъ, который къ счастію головы не потерялъ, мы лошадей остановили у Покровскихъ воротъ. Наташа, выйдя изъ кареты, побѣжала. Куда ты?—Пойду пѣшкомъ въ Симоновъ! —Ты съума сошла пять верстъ въ этотъ зной! Да ты поспѣешь туда къ вечеру. Насилу согласилъ ее опять сѣсть въ карету, когда все было исправлено, и мы благополучно съѣздили и воротились оттуда.

Вчера имѣлъ я счастливую минуту, получа твое письмо. Я нездоровый поѣхалъ къ Соф. Алек. передать ей утѣшительныя слова добраго Бенкендорфа и сказалъ, что писалъ къ нему какъ будто по просьбѣ ея. Она очень, очень меня благодарила, что я это сдѣлалъ; ей же въ голову иное не шло, какъ несчастіе ее постигшее. Пріѣзжаетъ Бологовской, также другъ Волкова, и говоритъ ей: его уже не воскресить намъ, подумайте о себѣ, о дѣтяхъ, что̀ вы зѣваете, напишите Бенкендорфу... Не безпокойтесь, прервала его С. А., нашелся человѣкъ, который все это уже сдѣлалъ за меня, писалъ, и есть уже отвѣтъ. Тутъ бѣдная С. А. не могла договорить и заплакала, указывая на меня.

*

Москва, 26 Іюня 1833.

Великая княгиня изволила прибыть здорова и благополучно сегодня въ шесть часовъ утра, мой милый и любезнѣйшій другъ. Цуцкинъ сказывалъ, что все было благополучно, и остановокъ нигдѣ не было;

онъ провожалъ до Москвы отъ Завидова, куда послалъ на встрѣчу князь Голицынъ адъютанта своего Щербатова. Двѣ лошади пали, однакоже не околѣли. Ея высочество вчера кушала въ Городнѣ и потомъ ночлега не имѣла, и ради жаровъ ужасныхъ ѣхала всю ночь. Здѣсь ждали ее всѣ съ вечерень, но разъѣхались, и былъ одинъ только Башиловъ. Великая княгиня ахнула на ширмы наши. D'où-est-ce? Bachiloff répondit que c'etait l'ouvrage de toute notre famille.—Mais il faut une journée pour voir tout cela comme il faut; je suis très sensible à cette attention, je le remercierai moi-même. Башиловъ показалъ ей на письмо мое, коимъ прошу я ея высочество позволить ширмы повергнуть къ ея стопамъ. Она взяла было письмо, чтобы читать, но вошли Апраксина и маленькія великія княжны.

Сегодня и завтра никого не изволитъ принимать, даже князя Дмитрія Владимир., очень здорова, свѣжа, но устала, жары несносны, и для этого не поѣдетъ даже въ соборъ сегодня. Передѣлками и пристройками въ домѣ очень довольна. Вотъ что сію минуту сказалъ мнѣ Башиловъ, а прежде имѣлъ я записку отъ него. Вотъ она. Я не понимаю, какъ онъ ноги таскаетъ и какъ его станетъ и у себя строить, и въ комиссіи, и у Михаила Павловича, и такъ все это скоро у него идетъ. Васильчикову изъ флигеля дрянного сочинилъ цѣлый домъ славный, изъ подваловъ сдѣлалъ бездну жилыхъ покоевъ хорошихъ для прислуги. Ну слава Богу, что все обошлось хорошо.

*

Москва, 29 Іюня 1833.

Вчера была здѣсь пресильная гроза, мой милый и любезнѣйшій другъ, она освѣжила и очистила воздухъ; но три человѣка были въ самомъ городѣ убиты, между прочимъ башмачникъ Вас. Алек. Обрѣзкова. Увидя грозу, онъ для избѣжанія сквозного вѣтра пошелъ затворить дверь, увидя молнію перекрестился, и въ ту минуту громовымъ ударомъ опрокинуло на него дверь, опалило ему всю бороду и волосы, стали его поднимать, но его не было уже на свѣтѣ. Работниковъ его тяжело оглушило, а всѣ они были очень близко отъ него и старуха мать, которая одна только не свалилась съ ногъ.

Я обѣдалъ съ Норовымъ Абрамомъ въ клобѣ, гдѣ также немало было страху. Бывъ на дрожкахъ, боялся я быть вымоченнымъ; шло къ бурѣ, и мы сѣли играть въ вистъ, два Норовыхъ и Бугайской *); вдругъ послѣдовалъ какъ будто надъ головами нашими такой

---

*) Михаилъ Васильевичъ Бугайской, впослѣдствіи попечитель Одесскаго учебнаго округа.

ударъ (точно какъ было по разсказамъ Фаста у васъ на дачѣ), что всѣ соскочили съ мѣстъ своихъ невольно. Бѣжитъ вдругъ докторъ глазной Броссе и говоритъ, что убило кучера на дворѣ. Всѣ мы бросились на балконъ или внизъ; узнать хотѣлъ всякой, не его ли убитъ кучеръ. Но вышло, что кучера только сшибло съ козелъ и то отъ страха, а громъ ударилъ во флигель, и отъ угольной стѣны отбило нѣсколько кирпичей. На почтовомъ бульварѣ разсѣкло надвое липу, въ Рождественскомъ монастырѣ ударилъ громъ въ главу. Только и слышно, что о подобныхъ разсказахъ, и всякой прибавляетъ свои прикрасы. Дай Богъ, чтобы дождь этотъ былъ повсемѣстный; въ южной Россіи бѣда, будетъ голодъ, засухи ужасныя. Въ Воронежѣ, сказываютъ, овесъ по 19 р. четверть.

*

Москва, 30 Іюня 1833.

Танѣевъ у меня уже былъ спрашивать, кýда подавать просьбу, мнѣ или департаменту? Я сказалъ, что вамъ, а когда будетъ опредѣленъ, то пожалуй помѣщу его къ Татищеву; такъ какъ я самъ тутъ ежедневно работаю, то увижу его труды и способности и жалованье назначу, разумѣется, сперва небольшое, чтобы давно служащимъ не было обидно, а тамъ можно будетъ и прибавить. Онъ мнѣ кажется очень порядочный малый, хотя и поэтъ, ибо поднесъ мнѣ собраніе своихъ сочиненій въ стихахъ.—Ежели бы графиня была толкова, то она поклониться бы должна Брокеру очень низко и попросить его взяться за опеку ея брата; но она этого не сдѣлаетъ, а Брокеръ не тотъ человѣкъ, чтобы напрашиваться. Такъ поступилъ Ростопчинъ старшій, коему приходилось квитаться съ имѣніемъ, а Брокеръ заплатилъ долги его, составилъ ему еще доходъ очень порядочный, т. е. тысячъ 30. Лѣсовскій врядъ возьмется ли за эту опеку. Брокеръ, управляя имѣніемъ покойнаго графа Ростопчина, точно удвоилъ его фортуну, снабдилъ большимъ приданымъ двухъ дочерей и третьей было приготовлено, долги графскіе, хотя и небольшіе, заплатилъ, графу давалъ въ Парижъ по 80 т. и по 100 т. на прожитье, молодому Андрюшѣ накопилъ капитала до 300 т. Такъ вотъ какъ управляютъ люди совѣстные, умные и усердные! Онъ вѣрно тоже бы сдѣлалъ и съ Мамоновою, а оставшись на рукахъ своего курносого Жида Гр., она будетъ безъ рубашки, et elle ne sera pas belle à voir comme cela.

Князь Дмитрій Владимировичъ получилъ увольненіе на 28 дней и поѣдетъ лечиться и пить воду въ свое Рожествено *), раздѣля власть

*) Это прекрасная подмосковная (въ Дмитровскомъ уѣздѣ, недалеко отъ станціи Крюково, Николаевской желѣзной дороги) нынѣ принадлежитъ купцу Богданову.

и дѣла между губернаторомъ, комендантомъ и оберъ-полицмейстеромъ. Ему, точно, надобно поотдохнуть и полечиться.

Сію минуту вернулся отъ великой княгини; изволила меня принять въ кабинетѣ своемъ и очень обласкала, продержала почти часъ, благодарила очень за ширмы, кои со мною разглядывала. Я не знаю, о чемъ не было рѣчи. О почтѣ (à propos, ея высочество желаетъ знать, сколько пало лошадей во время ея проѣзда, твой чиновникъ сказалъ мнѣ ни одной, Цуцкинъ сказалъ шесть, Васильчиковъ мнѣ говорилъ 11, а ея высочеству сказали три, ея высочество хочетъ чтобы за все было заплачено) о тебѣ, о дѣтяхъ нашихъ, о Наташѣ, ея фабрикахъ, о красотѣ Кати, о водахъ, о политикѣ etc. etc. Очень свѣжа и здорова, только мухи ее закусали ужасно. Сожалѣла, что не могла показать вел. княжонъ, кои одѣвались. Нельзя быть милостивѣе и болѣе обласкать. Заходилъ я къ Васильчикову да заѣхалъ по дорогѣ къ князю Кочубею, толковали о неисправностяхъ Загряжской *), чтобы насъ за нихъ не винили. Князь обѣдаетъ съ княгинею и кн. Дм. Влад. съ Тат. Вас. у ея высочества.

---

*) Это престарѣлая тетка княгини Кочубей.

ГОГОЛЬ ВЪ ОДЕССѢ.

1850—1851.

Въ 1848 году, во второй половинѣ Апрѣля, возвращаясь изъ Палестины на родину, Гоголь прибылъ въ Одессу, гдѣ былъ задержанъ карантиномъ по случаю свирѣпствовавшей въ то время холеры. Онъ заочно возобновилъ свое знакомство съ извѣстнымъ Одесситомъ Александромъ Скарлатовичемъ Стурдзой, начавшееся въ 1836 г. случайною встрѣчей у подножія Швейцарскихъ горъ, въ окрестностяхъ Берна. Стурдза послалъ къ Гоголю въ карантинъ съ привѣтомъ близкаго къ нему молодого человѣка Н. В. Неводчикова, который былъ подъ его начальствомъ наставникомъ въ одномъ пріютѣ и домашнимъ учителемъ внука Стурдзы. Онъ говорилъ съ Гоголемъ о трудностяхъ своего призванія. Послѣ этого они обмѣнялись нѣсколькими письмами, судя по сохранившимся отвѣтамъ Неводчикова, напечатаннымъ мною въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя» (т. IV, стр. 697—698). Въ 1850 г. Гоголь былъ снова въ Одессѣ, провелъ тамъ зиму, часто видался съ Неводчиковымъ, и къ этому времени относится нижеслѣдующій дневникъ, въ которомъ дѣлала свои замѣтки неизвѣстная намъ особа женскаго пола. Часть этого дневника вмѣстѣ съ воспоминаніями Неводчикова о Гоголѣ была напечатана въ «Библіографическихъ Запискахъ» [1]; но печатаніе не было доведено до конца вслѣдствіе прекращенія этого изданія. Лѣтъ пять назадъ мы вошли въ переписку съ Неводчиковымъ (тогда уже преосвященнымъ Неофитомъ) и получили отъ него предлагаемый дневникъ.

Влад. Шенрокъ.

*

Гоголь пріѣхалъ въ Одессу 1850 г. Октября 24. Обѣдалъ. Очень краснорѣчиво разсказывалъ о Константинополѣ, (о томъ) [2], какъ массы зелени, перемѣшанныя съ строеніями, возвышаются по горѣ. Четыре дерева платановыхъ необыкновенной толщины. Что̀ могло ихъ спасти?.. Не религіозная ли какая мысль? На Востокѣ оливковыя деревья такъ почитаются, что во время войны все истребляется, а ихъ оставляютъ... Почему вода здѣсь у береговъ замерзаетъ?—Потому что не довольно солена.

26. Обѣдалъ. *28*. Обѣдалъ и читалъ о Б. въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» сладкозвучнымъ голосомъ и съ протягиваньемъ чисто-Русскимъ, не

---

[1]) 1859, XI, 263—268 и 1861, IX, 324—330.

[2]) Въ виду лаконичности дневника приходится возстановлять пропущенныя въ немъ слова.

искаженнымъ иностраннымъ выговоромъ (vierge de tout melange): просты́, строги́, прину́жденно, прину́жденность, Ателло [1]), роля́ми.

18 Ноября. Нахожу, что Гоголь сталъ лучше выговаривать. Впрочемъ онъ все стихи читалъ.

Обѣдалъ Ильинъ [2]). Начнетъ хвалить какого-нибудь автора, превознесетъ до небесъ и объземь. Долго хвалилъ «Тяжбу» Тургенева, а потомъ кончилъ тѣмъ, что, «конечно, безъ «Ревизора» эта пьеса не существовала бы». Прежде нежели онъ сказалъ это, Гоголь сказалъ: «Нельзя кому-нибудь ее прочесть?» Княгиня [3]) подхватила: «Да вы сами!» Князь туда же, Ильинъ тоже, я сперва потихоньку княгинѣ, потомъ вслухъ: «Слишкомъ много чести Тургеневу!» Гоголь на княвевы слова было сказалъ: «Почему жъ?» но потомъ отклонилъ: «Вѣдь я лѣнивъ; я бы лучше послушалъ!».

21-го. Онъ былъ. Опять княгиня хотѣла было принести книжку съ Тургеневымъ, чтобъ онъ читалъ вслухъ: «Зачѣмъ! Зачѣмъ!» по моему, съ явнымъ видомъ опасенія. А та трудится все изъ за того, чтобъ торжествовать надо мною: я какъ-то съ ея молодыми людьми спорила, что у Тургенева не истинный талантъ. А жаль, жаль, что забыла о праздникѣ: не худо бы было сходить къ обѣднѣ, хотя наружно, если не внутренно, почтить праздникъ.

23-го. (Гоголь) вопросъ сдѣлалъ князю и мнѣ: «Кому честолюбіе болѣе свойственно, мужчинѣ или женщинѣ?—*Князь*: «Женщинѣ»—*Я*: «Женщинѣ».—*Гоголь*: «Почему бы это такъ?»—*Я*: «Да съ женщины оковы сняли».—*Гоголь*: «Такъ онѣ и стали оковы накладывать». *Я*: «Вы намъ теперь разрѣшите этотъ вопросъ». *Гоголь*: «Я оттого и спрашивалъ, что самъ въ недоумѣніи». Передъ обѣдомъ я ему сказала: «Старая княгиня замѣчательная женщина». *Гоголь*: «Да, какъ твердо она выдержала свой характеръ въ продолженіе всей жизни».

26 Ноября. Гоголь: «А вѣдь вамъ это нѣкотораго рода наслажденіе дѣлать сигары?» — *Княгиня*: Подумайте, многіе господа думать не могутъ, не куря сигаръ». *Гоголь*: «Почему бы это такъ?»—*Алекс. Ѳед. Бодровъ* [4]): «Очень естественно: дымъ причиняетъ раздраженіе въ мозгу».—*Княгиня*: «Все же не самъ человѣкъ достигаетъ до мыслей». *Гоголь*: «Да, это унизительно для человѣка! Ночью мечты. Поутру мысли. Послѣ обѣда грезы».

---

[1]) Вмѣсто: Отелло.

[2]) Одинъ изъ Одесскихъ знакомыхъ Гоголя См. „Одесскій Вѣстникъ", 1869, № 67 и „Матеріалы для біографіи Гоголя", къ IV, стр. 699, примѣч.

[3]) Княгиня Елисавета Петровна Репнина, ур. Балабина. Упоминаемый далѣе князь— ея супругъ князь Василій Николаевичъ. П. Б.

[4]) Управлявшій имѣніями Репниныхъ. П. Б.

Княгиня Долгорукова къ нему писала, что рада всегда его видѣть; звала къ себѣ на вечеръ, говоря, что у нея будетъ прекрасный полъ, а онъ такъ чувствуетъ красоту, и что ей хотѣлось бы представить славу Россіи и своимъ, и иностранцамъ. Отвѣтъ былъ (въ чемъ я упрекнула), что «по слабости здоровья» и т. д.. *Я.*: Какая хитрая! Это чтобъ завладѣть автографомъ». *Гоголь*: «Нельзя же было: дама пишетъ. Я у нея былъ съ визитомъ».—*Я.*: «Вамъ надобно поучиться быть невѣжливымъ».—*Гоголь*: «Не могу! А бывало я такъ, не останавливаясь, былъ неучтивъ». Намедни онъ сказалъ: «Человѣкъ со временемъ будетъ тѣмъ, чѣмъ смолоду былъ».

30. Третьяго дня я заплакала, подумавши о томъ, что надобно же разставаться съ Гоголемъ.. Княгиня говорила о «Фритіофѣ» Тегне́ра. Гоголь и не слыхалъ никогда о немъ; у меня что-то мелькало въ головѣ. Гротъ [1]) перевелъ съ Шведскаго. Княгиня восхищается этой поэмою.—*Гоголь*: «Да въ чемъ дѣло?»—*Княгиня*: «Молодой человѣкъ любитъ одну дѣвушку».—*Гоголь* «Такъ дѣло обыкновенное?» (Я бы желала, чтобъ у меня навѣкъ въ ушахъ остались звукъ его голоса и полный выговоръ всѣхъ слоговъ). *Княгиня*: «Да, но совѣты, которые даютъ ему родители, очень хороши». *Гоголь*: «Но лица въ ней каковы? Есть ли барельефность?»—*Княгиня*: «Какъ же, много замѣчательнаго!» —*Гоголь*: «Да что̀ же, мысли ли автора, или сами ли́ца?» *Гоголь*: «Французъ играетъ, Нѣмецъ мечтаетъ, Англичанинъ живетъ, а Русскій обезьянствуетъ. Много собачьей старости!» При Ильинѣ онъ много толковалъ о томъ, какъ пишутъ: иной пишетъ то, что̀ съ тѣмъ или съ другимъ случалось, что̀ его поразило. Можно было заключить изъ его словъ, что есть люди, которые творятъ. Я ушла. Пришелъ съ толстою тетрадью «Отеч. Записокъ» А [2]) и что-то читалъ, но въ восьмомъ часу Гоголь ушелъ. О «Современникѣ»: «При Плетневѣ онъ былъ тоньше». На вопросъ княгини, лучше ли теперь «Современникъ?» *Г.*: «Хорошо этими книгами запасаться вмѣсто оружія. Убить можно!» *Княгиня*: «Кого, скуку?» На это эха не было, а молчаніе.

28 Декабря. Гоголь бывалъ рѣже. О комиссіяхъ Нессельроде онъ отвѣчалъ мнѣ: «Это какъ бы говорили мнѣ о какомъ-нибудь [3]).. Это Нѣмцы, живущіе насчетъ Россіи»... Онъ [4]) любитъ деревья».

29 Декабря. Онъ обѣдалъ здѣсь. Княгиня должна была исповѣдываться за столомъ. Онъ спросилъ (сидѣлъ подлѣ меня, а потомъ, встряхнувъ немного волосами, взглянулъ и на меня): «Какая мысль

[1]) Яковъ Карловичъ, извѣстный переводчикъ „Фритіофа".
[2]) Написано неразборчиво; кажется: Аркадій.
[3]) Послѣ этого слѣдуетъ неразборчивое слово; кажется: узоръ
[4]) Т. е. графъ Нессельроде. П. Б.

доставляетъ болѣе всего спокойствія?» Я молчала; княгиня запнулась. Онъ продолжалъ: «За все съ нами случающееся благодарить Бога. Странно, что мы, не дѣлая этого, доказываемъ, что мало надѣемся на Того, Кто лучше всѣхъ все знаетъ—на Бога». Послѣ обѣда княгиня уѣхала. Онъ остался. Говорили о ботаникѣ. Я ему записала адресъ... *) Le Maont. Перелистывая каталогъ Неаполитанскаго ботаническаго сада, онъ нашелъ Adianthum засушенный, и когда я ему стала говорить о сходствѣ его листьевъ съ листьями Salisburia adianthifolia, онъ схватилъ карандашъ и нарисовалъ листокъ этого дерева, которое видѣлъ во Франкфуртѣ въ саду у Жуковскаго. Когда онъ говорилъ о томъ, что за все Бога надобно благодарить, у меня слезы текли изъ глазъ.—Вчера мы обѣдали съ нимъ у княгини-матери. Поздравляя, онъ руки у меня поцѣловалъ. Онъ былъ очень веселъ; говорилъ, что этотъ праздникъ здѣсь, въ Одессѣ, напоминаетъ Свѣтлое Христово Воскресенье: народъ на улицѣ, всѣ на распашку. За обѣдомъ подлѣ него сидѣла. Онъ говорилъ о запискахъ: одинъ всегда писалъ все, что̀ дѣлалъ всякій день, и упоминалъ о томъ, гдѣ и съ кѣмъ (былъ), прибавляя часто: «подпіяхомъ». О любви народа къ хорошему басу у дьякона онъ разсказывалъ анекдотъ. При Екатеринѣ у дьякона былъ такой густой голосъ, что хоть лопатой греби! Какъ грянетъ въ октаву: «Братіе!» «Какъ ударитъ кулакомъ!» О томъ, что я ему сказала: «Мудрено воспитаніе» (онъ сказалъ): «Нѣтъ, не мудрено. Сдѣлали мудренымъ! Стоитъ отцу и матери сидѣть дома и чтобъ ребенокъ рано почувствовалъ, что онъ членъ общества. А читать надобно, и читать можно: книги - подспорье хорошее для всѣхъ, хорошо и для дѣтей».

1 Января 1851. Я.: «Въ какія лѣта выучились вы читать?» *Гоголь*: «Я думаю, какъ и всѣ, лѣтъ въ семь. Но вѣдь насъ не очень много занимали; нѣтъ, зачѣмъ! Все дѣло въ томъ, чтобы заохотить ребенка учиться, а ужъ тамъ и не заботиться. Я долго не говорилъ, до трехъ лѣтъ, но ужъ я потомъ говорилъ: рцы, слово, твердо». Обѣдали у старой княгини Репниной. «Любимый мой святой—Василій Великій» (онъ же помнитъ объ уединеніи его). «О вѣрѣ какъ рельефно онъ написалъ, о такой неосязаемой вещи!» Наканунѣ новаго года онъ былъ у насъ, съ тѣхъ поръ нѣтъ.

4-го. Обѣдали у старой княгини. Голыя стѣны напоминаютъ мнѣ о разницѣ съ убранствомъ дворцовъ Волконскихъ и Дурн(овыхъ). И она въ дикомъ своемъ платьѣ и простомъ чепцѣ; слуги ея, довольно чисто одѣтые въ сюртукахъ, маленькіе, неуклюжіе... Что-то странно

*) Передъ словомъ „Le Maont“ стоитъ совершенно неразборчивое слово.

и нѣсколько скорбно! Гоголь тамъ же былъ. Я уже его видѣла у обѣдни. Онъ какъ-то сказалъ: «Въ *нашей* церкви».

6-го. Онъ былъ у насъ. Сейчасъ послѣ обѣда онъ помѣстился на диванѣ, и я также, но далеко отъ него. Услышавъ отъ Маруы Андреевны, я ему сказала: «Княжна Варета [1]), всѣхъ Жидовъ перекрестивъ, принялась теперь за Татаръ». Она въ этотъ день въ семь часовъ утра крестила Татарина.

6-го Генваря за столомъ она мнѣ попрекнула пальмами. Она осуждала, что у княгини Маріи Петровны [2]) есть пальмы. Гоголь, который совершенно противъ этого, какъ противъ Европейской роскоши, согласился съ нею; но когда я ему сказала, что споръ состоитъ въ томъ, что княжна не имѣетъ права требовать, чтобъ вмѣсто покупки пальмъ должно деньги отдать бѣднымъ, Гоголь (сказалъ): «О, это невозможно!»

6-е. Скоро послѣ обѣда я ушла къ себѣ и долго осталась; ушла съ умысломъ, чтобъ оставить всѣхъ разобраться по мѣстамъ. Прихожу и нахожу Гоголя у кушетки; княгиня лежала, и подлѣ за столомъ Аркадій съ журналомъ. Онъ до того постарался отыскать объ Аристофанѣ. Гоголь попробовалъ было читать, но нашелъ слогъ тяжелымъ. Этотъ мальчишка въ отвѣтъ: «И мнѣ тоже казалось въ началѣ, но потомъ понравился». Гоголь, переставая читать: «Да онъ(т. е. авторъ, Ордынскій [3]) не объ искусствѣ Аристофана говоритъ, а желаетъ изъ его сочиненій узнать бытъ его времени», и прибавилъ: «Нѣтъ, я лучше вамъ почитаю комедію Мольера «Агнесу» [4]), которую началъ; мнѣ нужно ее кончить; меня просили въ театральной дирекціи, а дома никакъ не соберусь; вы меня одолжите». Но запальчивый мальчишка схватилъ Аристофана и своимъ гнусливымъ грубымъ голосомъ началъ наваривать. Наконецъ унялся, и Гоголь началъ. Кн. увезъ заносчиваго м. въ театръ, и мы остались втроемъ. Гоголь такъ вошелъ въ роль отвергнутаго старика, такъ превосходно выразилъ горько-безнадежныя страсти, что все смѣшное въ старикѣ исчезло: отзывалась одна несчастная страсть, такъ что послѣдній отвѣтъ Агнесы кажется неумѣстнымъ. Немного великодушія, съ чѣмъ и Гоголь согласился. Гоголь былъ внѣ себя. Лицо его сдѣлалось, какъ у испуганной орлицы. Онъ долго былъ подъ вліяніемъ страстныхъ думъ, можетъ быть, разбуженныхъ воспоминаній. Я съ грустью думаю о разлукѣ съ нимъ. Въ но-

---

[1]) Княжна Варвара Николаевна Репнина, о ней см. „Русск. Архивъ" 1897, II, 473. У матери ея, старой княгини Варвары Алексѣевны, была въ Одессѣ домовая церковь. П. Б.

[2]) Волконской, ур. Кикиной. П. Б.

[3]) Извѣстный эллинистъ.

[4]) Это—комедія l'École des femmes (1662), гдѣ старикъ Арнульфъ, приготовлявшій для себя въ молодой дѣвушкѣ Агнесѣ жену-рабыню, влюбляется въ нее подъ вліяніемъ ея непорочной любви къ юношѣ Орасу. П. Б.

вый годъ я не вытерпѣла и сказала ему: «скоро я васъ не буду видѣть».—«Нѣтъ, я скоро у васъ буду».

6-го. При разсматриваніи «le bon homme rit encore» онъ сказалъ: «То, чтò прежде было, говоря о другихъ играхъ, еще умнѣе этого было». Наконецъ уѣхалъ. При прощаніи взоръ его былъ торжественъ. Пріѣдетъ ли онъ нынче? Пишу, а слезы на глазахъ.

14 Января. Послѣ того какъ Гоголь былъ два раза (одинъ разъ поутру), я была больна. Съ нимъ былъ ознобъ въ продолженіе двухъ дней. Дитрихсъ сказалъ ему, что до этого не надо допускать, что это предшествіе удара. Какъ-то Гоголь говорилъ о семействѣ Капниста: воспитывались дома и болѣе изъ разговоровъ отца учились всему. Еще разъ онъ говорилъ: «Еще не догадались, что нѣтъ добра въ томъ, чтобъ слишкомъ занимать дѣтей». О сочиненіи Одоевскаго и Заблоцкаго онъ говорилъ, что слышалъ отъ Барановскаго *), котораго посылали ревизовать школы, что мальчики пересмѣивались чему-то; онъ спросилъ у нихъ, чтò ихъ смѣшитъ:—«Да вотъ книжка, въ которой пишутъ, что весною пашутъ; да это и всякій знаетъ!» Сегодня, съ Варею читая эту книгу, я надрывалась внутреннимъ смѣхомъ. Тамъ учитель у работающихъ крестьянъ спрашиваетъ: «Ты рано поднялся на работу?»—«Вѣстимо, батюшка!» и т. д. Въ этомъ словѣ заключается все, и всѣ подмостки глупыя Одоевскаго и Заблоцкаго рушатся сами собою. Намедни Павловскій, корифей здѣшній, объявилъ мнѣ, что я ошибаюсь, что въ Одессѣ есть люди, которые гораздо пріятнѣе въ разговорахъ, нежели Гоголь. Вотъ Ильинъ, напримѣръ. Въ другой разъ онъ мнѣ сказалъ: «А вамъ Гоголь читалъ вслухъ «Пѣвцы» Тургенева? И ему понравилось!»—*Я.*: «Печатное можно читать» (я говорила о томъ, что рукопись читать не стоитъ того).—*Онъ*: «Не все умно».—*Я.*: «Это давно извѣстно.—«А вотъ какъ хорошо пишетъ Евгенія Туръ: «Долгъ». Княгиня, говоря при мнѣ, находила это глупымъ».—*Онъ*: «Да какъ! Это превосходно! У нея языкъ лучше, нежели у Гоголя». О Тургеневѣ я сказала прежде: «А все-таки онъ ни до чего не дойдетъ!»—*Онъ*: «Ужъ онъ дошелъ! Вы отстали отъ вѣка, вы староверка, вамъ все прежнее нравится; вы теперешняго оцѣнивать не умѣете!»—*Я.*: «Чтобы все это слышать, мнѣ надобно было въ Одессу пріѣхать». Онъ говорилъ: «Я вамъ говорю!»—*Я.*: «Ваши слова для меня ничего не значатъ: вы молодой, неопытный человѣкъ, и все, чтò вы ни говорите, (все равно) какъ бы вы молчали». На это была его рацея вышеприведенная.

---

*) Илья Ивановичъ Барановскій, морякъ, переписывался съ Гоголемъ. См. „Мат. для біогр. Гоголя“, IV, 833—834.

17 Января. *Гоголь*: «Чтò достойно замѣчанія, то проходитъ безъ замѣчанія, а чтò не стоитъ вниманія, то замѣчено». О Чихачевыхъ онъ сказалъ 15 Января: «Думаютъ, что все надобно высказать, что все интересно, чтò на умъ пришло». Лицо, какъ у испуганной орлицы! Аристофаномъ занимается. Ахъ, если бы онъ что-нибудь написалъ для малаго числа актеровъ, какъ Маривò. Онъ нынче готовилъ *планъ для Марсъ* *).

22 Января. Четыре дня сряду былъ Гоголь; обѣдалъ исключая одного дня, въ который былъ вечеромъ (19-го, въ день рожденія княгини). Вчера онъ былъ сонный. Говорили объ открытіяхъ. Онъ бранилъ лампы. Я сказала: «А сколько нововведеній на моей памяти! Шоссе и дилижансы отъ Москвы до Петербурга, стеаринъ, дагерротипъ».—*Гоголь*: «И на что это все надобно? Лучше ли отъ этого люди? Нѣтъ, хуже!»—*Я*: «Я рада была стеарину, чтобъ не снимать со свѣчи изъ лѣни». *Онъ*: «Да». Я сказала, что Велигурскій позвалъ Гризи и Маріо обѣдать. Онъ одинъ только! Князь Волконскій, не смотря на всѣ просьбы, не позвалъ, такъ какъ онъ зывалъ Віардо съ мужемъ, Тамбурини и Рубини. *Гоголь*: «Ну, Велигурскому талантъ выше всего». *Гоголь*: «Дибича солдаты звали «Самоваръ большой». Онъ былъ уменъ, но не очень». *Я.*: «А Паскевичъ?» *Онъ*: «Этотъ *вотъ какъ* уменъ, очень просто: онъ не начнетъ никакого дѣла, не приготовивши провіанту на три мѣсяца. Онъ—главное—думалъ о довольствѣ солдатъ; а другой, ничего не приготовивши, начнетъ».

19 Января. *Гоголь*: «А чтò вышло на повѣрку: они все пили и ѣли въ 1848 г. во Франціи»—*Я*: «Да, а какъ всѣ унеслись тогда надеждами!» *Гоголь*: «Да. Вообразили, что никто выше не будетъ, что великіе люди не нужны».—«Одна княжна Варета осталась при своихъ мысляхъ.» *Гоголь*: «А вы очень воспламенялись?» *Я.*: О, чрезвычайно! Какъ жаль было разставаться съ надеждами на улучшеніе, да и теперь еще меня эти надежды не покидаютъ». *Гоголь*: «И меня нѣтъ. Но откуда же это придетъ? Не отъ людей же!» *Я.*: «Откуда же? *Гоголь*: «Отъ милосердія». Но не сказалъ—какого... *Гоголь*: «Не однѣ женщины увлеклись, но и умные пламенные люди».

20-го. Читалъ Одиссею. Я не узнала первой главы: такъ прекрасна она мнѣ показалась, пройдя черезъ его голосъ, языкъ, душу и физіономію. Онъ не дѣлалъ жестовъ, но подо мною диванъ дрожалъ, на которомъ онъ сидѣлъ подлѣ меня. *Гоголь*: «Русскій, если чтò знаетъ, то дѣлается педантомъ». Разъ, бывши молодымъ человѣкомъ, онъ при-

*) Не разобрано.

шелъ заказывать печать къ М *). На вопросъ, какое поле? Гоголь не умѣлъ отвѣчать. Тотъ разсердился и сталъ выговаривать шутками. «Вы не знаете, что̀ такое поле: такъ, видно, вы геральдикой не занимались и шли ко мнѣ, не знавши, кто я. Вѣдь геральдика большая наука, а обо мнѣ и во Французскихъ журналахъ было писано». *Гоголь*: «Въ Москвѣ хорошіе переплетчики и знаменитые». *Я*: «И Хитровъ есть». *Онъ*: «И Дурновъ, и Муравьевъ».—*Я*: «Но только не Хитровъ и не Дурновъ.» *Гоголь*: «Русскій человѣкъ педантъ. Мнѣ разъ переплели не такъ, какъ я хотѣлъ, у Хитрова отданную книжку въ его отсутствіе. Вотъ я и жалуюсь и говорю, что не такъ. Хитровъ позвалъ подмастерье, которому отдавалъ, и сказалъ: «То-то! Вотъ ты Русскій, а таки у тебя чести нѣтъ; когда бы ты былъ Нѣмецъ, ты бы хорошо сдѣлалъ. А ты Русскій! На, вотъ же тебѣ! И далъ ему двѣ пощечины. Мнѣ такъ было совѣстно». — *Я*. «Да, еще осталась нѣкоторая закоснѣлость въ Москвѣ». *Гоголь*: «Нѣтъ, ужъ и въ Москвѣ стала выводиться».

20 Января. *Гоголь*: «Какая вѣрность въ описаніяхъ Гомера; и теперь проѣзжаешь по этимъ мѣстамъ и узнаёшь ихъ. И какъ рельефно все описано! Вѣдь вотъ мы прочли («Газ. Петерб.») описаніе Лиссабона; все разбросано, и ничего не остается въ головѣ».

21 Января. *Гоголь*: «Я прежде любилъ краски, когда очень молодъ былъ». *Я*: «Да, вы могли бы быть живописцемъ. А прежде что̀ любили?» *Гоголь*: «А прежде, маленькимъ еще, карты». *Я*: «Это значитъ дѣятельность духа». *Гоголь*: «Какая дѣятельность духа! Пол-Россіи только и дѣлаетъ. Это бездѣйствіе духа!»

25 Января. *Князь*: «Придумайте пожалуйста, что̀ бы такое сдѣлать, чтобъ выработать деньги: мнѣ непремѣнно нужна одна сумма денегъ. Стану сигары дѣлать». *Гоголь*: «Гдѣ вамъ этимъ заниматься? Это надобно пройдохѣ (это слово онъ сказалъ перифразами). Чѣмъ ни попало заманить покупщиковъ, напыщенными объявленіями и пр.» *Кн*.: «Ну, и я это сдѣлаю». *Гоголь*: «Нѣтъ, не сумѣете!» *Я*: «Мнѣ кажется, что вамъ и безъ того столько дѣла—дай Богъ только управиться: мать, супруга, хозяйство». *Кн*.: «Да что̀ же, когда мнѣ нужна сумма денегъ» (Я подозрѣваю—для чего; онъ какъ-то говорилъ, что Арк. непремѣнно надобно было бъ ѣхать на Мадеру). *Гоголь*: «Да, многіе выдумываютъ себѣ дѣла̀, а посмотрѣть—которое бы нужно было дѣлать, и не сдѣлано и предо тавлено другимъ дѣлать».—*Кн*: «Нѣтъ, я стану дѣлать сигары». *Гоголь*: «Да вотъ что̀: вѣдь это безнравственно.

*) Все до сихъ поръ напечатанное было впервыя помѣщено въ „Библіографическихъ Запискахъ“ за 1861, стр. 328—330, но тамъ вмѣсто полныхъ именъ, напр. Тургенева, Ильина, княгини Репниной, поставлены лишь буквы.

Нельзя: совѣстно!» *Кн.* «Что до этого—вѣдь не остановить».—*Гоголь*: «Все такъ, да какъ-то совѣстно!»—Князь, наконецъ, прощаясь серьезно, говоритъ: «Подумайте же!» *Гоголь*: «Нѣтъ, какъ мнѣ утруждать голову? Я не могу».

24 Января. M-me Гойеръ выѣхала съ вопросомъ: «Скоро ли выйдетъ окончаніе «Мертвыхъ Душъ?»—*Гоголь*: «Я думаю—черезъ годъ». *Она*: «Такъ онѣ не сожжены?» (При этихъ словахъ я убѣжала). *Онъ*: «Да-а-а!... Вѣдь это только нача-а-ло было...» Онъ былъ сонный въ этотъ день отъ Русскаго обѣда.

26 Января. Былъ 24-го. Читалъ намъ проповѣдь Филарета на Сергіевъ день на стихъ: «Ищите Царствія Божія!» Какъ мило, радушно и простодушно онъ все пояснялъ! То на княгиню, то на меня посмотритъ своими живыми голубыми глазами и скажетъ: «Слушайте! У него можно учиться! Онъ на дѣлѣ все испыталъ; онъ не то что придумалъ. Кто больше его занятъ? И удивительно, когда только онъ время находитъ, чтобъ писать. Кажется, нѣтъ возможности найти свободной минуты,—а онъ доказываетъ противное!»—*Княгиня*: «А развѣ онъ очень занятъ?»—*Гоголь*. «А какъ же? А служеніе? А Сѵнодъ и проч.?» Филаретъ говоритъ о кражѣ*) воскресныхъ дней. *Гоголь*: «О, какъ это часто со мною случалось! А проку-то и не выходило; когда внутренно устроенъ человѣкъ, то у него все ладится. А внутренно чтобъ устроеннымъ быть, надобно искать Царствія Божія, и все прочее приложится вамъ». Я на другой же день, вставши, прочла утреннія молитвы. Хотѣла и ввечеру тоже сдѣлать, но не сумѣла: заснула въ 10 ч. и проснулась въ 6. Прочла молитвы утреннія. Отыскала о томъ, что Гоголь говорилъ, что мы молимся: «Прости мое невѣдѣніе». Читала псалмы, и въ первомъ псалмѣ какъ нарочно подтвержденіе словамъ безподобнаго Гоголя. Тамъ говорится о праведномъ и вся, елика аще говорить умѣетъ. Потомъ въ ссылкахъ на пророчество Іереміи страшно гласится о соблюденіи Суботы. Читала Димитрія Ростовскаго до 9 числа. Гоголь читаетъ всякій день главу изъ Библіи и Евангеліе на Славянскомъ, Латинскомъ, Греческомъ и Англійскомъ языкахъ. *Гоголь*: «Какъ странно иногда слышать: «Къ стыду моему, должна признаться, что я не знаю Славянскаго языка!» Зачѣмъ признаваться? Лучше ему выучиться: стоитъ двѣ недѣли употребить». Говорили о пожарѣ въ домѣ Иннокентія. *Гоголь:* «Пушкинъ всегда ѣздилъ на пожары и любилъ смотрѣть, какъ кошки ходятъ по раскаленной крышѣ. Пушкинъ говорилъ, что ничего нѣтъ смѣшнѣе этого вида.» *Г.*: «Въ самомъ дѣлѣ жалко бѣдныхъ!» Но тутъ и «*въ самомъ дѣлѣ*» и «*жалко*» не идутъ къ сло-

*) Т. е. несоблюденія.

вамъ Пушкина. Въ нихъ высказывается душа Гоголя, тогда какъ въ тѣхъ словахъ высказывалась душа Пушкина. Въ «Арапѣ Петра Великаго» вдругъ dissonance: «по несчастію, при дворѣ регента не было лицемѣрія». Врядъ-ли лучше было бы отъ лицемѣрія. Часто меня Пушкинъ такъ по сердцу деретъ, Гоголь же—никогда. Иногда онъ живо представитъ, какъ говорила m-me Гойеръ грязные предметы, и такъ живо, что носъ зажмешь или отвернешься, но нравственное чувство никогда не бываетъ оскорблено. Помоги ему Богъ!

27 Января. Ильинъ Николай Петровичъ, читалъ вслухъ «Завтракъ у предводителя» Тургенева. Съ великимъ терпѣніемъ выслушалъ всю пьесу Гоголь; только при чтеніи дѣйствующихъ лицъ онъ говорилъ: «Зачѣмъ о лѣтахъ? Онъ столько разъ говоритъ: 35, 40, 42 и т. д.» Ему показалось растянуто. «Вообще», прибавилъ онъ, «у Тургенева мало движенія, а жаль: пока молодъ еще, надобно себя настроить». Я зѣвала слушая. Ко мнѣ подошедъ (я какъ будто не вижу его, сижу и шью мою подушку), Гоголь спросилъ: «Ну, вы наслаждались?.» *Я*: «Чѣмъ?»—*Г.*: «Ну да женщиной: она очень хороша!» *Я.*: «Да, она хороша, да утомительно и все дагерротипно слишкомъ, т. е. дагерротипно такъ, когда человѣкъ тронется въ то время, когда его снимаютъ». «Женщина хороша!» Онъ радъ, что хоть что-нибудь можно похвалить! 3 (Февраля?). Счастливый день! Почему? Гоголь отъ души говорилъ, отъ своей возвышенной души. Счастье, наслажденіе его слушать! Еще до того, за обѣдомъ, сидя подлѣ него и глядя въ другую сторону, я думала: Зачѣмъ же я на него не смотрю? Зачѣмъ не улавливаю малѣйшаго движенія его умной, свѣтлой физіономіи? Княгиня, безцвѣтное это созданіе и собраніе всего хорошаго понемножку и по недостатку страсти и воли удерживающаяся на границѣ, хотя и становится на скользкомъ пути, княгиня сказала: «А третья проповѣдь лучше второй» (вторая была неуспѣшно сказана). *Я.*: «Мнѣ хотѣлось бы прочесть».— *Княгиня.*: «Ахъ, я отослала къ княжнѣ».—*Я.*: «Тогда я попрошу тамъ»:—*Гоголь.* «На стихъ: «Претерпѣвый до конца, той спасется».—*Я.*: «Замѣчательный стихъ, единственный, который противъ самоубійства. Это мнѣ нѣкогда Дмитрій сказалъ, когда (я вспоминаю прогулку въ коляскѣ въ виллѣ Памфили съ Акем.), я не умѣла ему отвѣчать на странныя его грезы. *Г.*: «Это такой нелѣпый грѣхъ, что невозможно было Христу о немъ говорить. Къ чему?» Послѣ обѣда онъ дочиталъ «Чужимъ добромъ не наживешься» въ «С.-Пет. газетѣ») Соллогуба. Въ первомъ нумерѣ читая, когда нападалъ на что смѣшное, нѣсколько глупо-смѣшное, то онъ, смотря на меня (говорилъ): «у этого хоть смѣшное вырвется!» Во второмъ нумерѣ также было забавное, но для меня и его, которые понимаемъ,

что̀ такое журналистъ Петербургскій и Славянинъ Московскій. Княгинѣ показалось блѣдно; намъ же только тѣмъ было сносно, что мы понимали намеки.—*Г.*: «Да это онъ Аксакова хотѣлъ выставить въ Олеговичѣ. Ахъ, бѣдный онъ! Жаль!»—*Я*: «Неужели же его слова за что-нибудь примутся?»—*Гог.*: «Чьи?»—*Я*: «Да, Соллогуба? Что̀ онъ значитъ?!» *Г.*: «Да *его* жаль, что *онъ* неумѣстно насмѣхается». Въ третьемъ нумерѣ ему наконецъ попалось, что кто-то, спавши, «свернулся кренделемъ».—*Я.*: «Слышите-ли: кренделемъ?»—*Гоголь* на меня взглянулъ и сказалъ: «да онъ у меня укралъ!»—*Я.*: «Тутъ все хуже и хуже пойдетъ».—*Гоголь*: «Правда, скучно и длинно.» Я досказала развязку.—*Гог.*: «Кого бы онъ хотѣлъ представить въ Ухаревѣ? Краевскаго? Или лучше Некрасова?»—*Я.*: «Понятія о нихъ не имѣю. Ихъ нигдѣ не слыхать и не видать въ Петербургѣ».—*Гоголь*: «Богъ знаетъ, откуда взялись и гдѣ пребываютъ!» — Потомъ (дочелъ и какъ дочелъ!) «Бориса Годунова». Когда онъ кончилъ, мнѣ хотѣлось вслухъ произнести благодарственную молитву за посланное мнѣ утѣшеніе слышать эту пьесу прочитанную Гоголемъ. Княжна по милости своей касается высокихъ предметовъ, хотя, смѣшивая мелкое съ глубокимъ. *Гоголь*: «Совсѣмъ другое дѣло творчество и импровизація: все тоже, что̀ смѣлый и пьяный. Когда бываетъ лихорадка, когда? Когда воплощается мысль? Нѣтъ, тогда спокойнымъ чувствомъ настроена душа». Возраженія. «Эта лихорадка бывала прежде. Это молодое чувство, когда напишешь что-нибудь пламенное. Если мысли писателя не обращены на важные предметы, то въ немъ будетъ одна пустота. Надобно любовью согрѣть сердца; творить безъ любви нельзя. А что̀ безъ любви написано, то холодно. Иногда бываетъ самодовольство: дѣлаешь что-нибудь хорошо, доволенъ собою, а послѣ увидишь, какъ недостаточно. Святые падали, гордясь тѣмъ, что благодать имъ сошла, и т. д. Намедни, *1 Февраля*, на вопросъ княгини, что̀ дѣлать, чтобы согласовать жизнь съ долгомъ? Что̀ сдѣлать чтобъ помѣшать коснуться душѣ мыслей со стороны? *Гоголь* сказалъ: «Я это вамъ дамъ все письменно». Ясно было, что княгиня подумала, что ей особенный будетъ отвѣтъ; но вышло, что онъ о сочиненіи своемъ говорилъ.—*Княгиня*: «Отчего же не теперь?»—*Гог.*: «Какъ я могу теперь сказать? Я не проповѣдникъ! Не мое дѣло судить. Я мнѣніе свое могу сказать, но полное обдуманное, только письменно. Оттого и писатель бываетъ, что не умѣетъ хорошо на словахъ высказать свою мысль. Если бъ я умѣлъ хорошо высказать свою мысль, кто бъ велѣлъ мнѣ писать?» Нынче, ужъ совсѣмъ прощаясь, онъ увидѣлъ «Perspective». «А что̀ это? Перспектива? Я сколько ни спрашивалъ у живописцевъ, всѣ мнѣ признавались, что ни къ чему не ведетъ, и точно̀: у всякаго свой глазъ, и иной пріятно (?) видитъ, какъ въ переспективѣ не бы-

ваетъ: тамъ все длиннѣе et plus disgracieux».—*Я.*: «А я учусь перспективѣ»—*Гог.*: «Напрасно!»—*Я.*: «Ахъ, Боже мой!»—*Гог.*: «Да вы, я вижу, любите теоріи».—*Я.*: «Очень». Онъ ушелъ. Я предалась комическому отчаянію. Княгиня побѣжала его назадъ звать, чтобы онъ сказалъ мнѣ, чтобы я продолжала, а то я брошу. «Продолжайте! продолжайте!» прокричалъ онъ.

1 Февраля. Мы какъ-то одни остались. На прежде изреченную имъ брань Французовъ я сказала: «Я не могу не любить Французовъ, Французскими книгами вскормлена и вспоена. Все Французское: и моды, и тонъ». *Гог.*: «Да, правда, что Франція для насъ другая родина». Нынче мы одни говорили объ Англичанахъ. *Гог.*: «Странно, какъ у нихъ всякій человѣкъ особо и хорошъ, и образованъ, и благороденъ, а вся нація—подлецъ; а все потому, что родину свою они выше всего ставятъ». Вчерашній Грекъ, гувернеръ Гагарина, внука Стурдзы, сказывалъ мнѣ, что на Іоническихъ островахъ (онъ изъ Кефалоніи) дѣла всѣ отправляются на Итальянскомъ языкѣ и что во всѣхъ школахъ введено изученіе Англійскаго языка. Когда возникло дѣло [1]... они радовались. На мое замѣчаніе, что верхняя палата осудила Пальмерстона, мой тонкій Грекъ сказалъ: c'est de la politique». Лазаревъ мнѣ сказалъ, что Жидовъ мало въ Греціи, потому что Грека мудрено обмануть. Гоголь на вопросъ княжны, былъ ли Пушкинъ импровизаторъ или творецъ, отвѣчалъ: «Пушкинъ былъ необыкновенно уменъ. Если онъ чего и не зналъ, то у него чутье было на все. И силы тѣлесныя были таковы, что (ихъ достало бы) у него на девяносто лѣтъ жизни. Тяжело Русскому человѣку быть въ бездѣйствіи въ чужихъ краяхъ; сейчасъ замѣтишь Русскаго: все дѣйствуетъ, на мѣстѣ не посидитъ!»

О Пушкинѣ: «Но я увѣренъ, что Пушкинъ бы совсѣмъ сталъ другой [2]). Онъ хотѣлъ оставить Петербургъ и уѣхать въ деревню; жена и родные уговорили остаться». *Я.*: «Если бъ жена была повыше, ничего бы не вышло». *Гог.*: «Повыше, все такъ... Но онъ самъ ее ввелъ въ общество». *Я.*: «Она была прескромная въ дѣвушкахъ, но не умна». Дочь Пушкина сердится, когда скажутъ, что она похожа на отца».—*Гог.*: «Это не дѣлаетъ чести матери. А, можетъ быть, и неправда» [3]).

9 Февраля. Былъ нынче. Нашелъ очень хорошимъ письмо княжны Варетты о старыхъ дѣвушкахъ. На мои слова, что оно слишкомъ горько, онъ сказалъ: «стоило бы сильнѣе обозначить мѣста, смягчаю-

---

[1]) Не разобрано.

[2]) Послѣ этого въ подлинникѣ стоитъ: „И какъ перемѣнился. А это замѣчательное сочиненіе" и затѣмъ пропускъ въ полстроки.

[3]) Конечно, не правда. П. Б.

щія это положеніе; это письмо лучше всего: въ немъ все испытано, тогда какъ другое понято *постигновеніемъ*, и постигновенія много!» Сколько игры въ его физіономіи, когда онъ думаетъ, и какъ все что̀ онъ говоритъ, глубоко обдумано, даже самыя мелочи. Онъ говорилъ о Нижегородскомъ епископѣ Іаковѣ, умершемъ въ Петербургѣ (онъ былъ вызванъ Синодомъ), что ему скучна и тяжела была жизнь Петербургская. Онъ сильно писалъ проповѣди о смерти. Еще онъ говорилъ объ одномъ Англичанинѣ, который дошелъ до духовной жизни не такъ, какъ другіе, которые съ молокомъ всасываютъ правила и убѣжденія, и вѣру, заповѣданную родителями, неприкосновенно сохраняютъ. Онъ, напротивъ, сомнѣвался во всемъ и не зналъ, что̀ избрать себѣ незыблемою опорою. Погруженный разъ въ такія думы, онъ увидѣлъ покойника, котораго несли мимо. «Да вотъ», онъ подумалъ, «самое вѣрное! Вѣрнѣе смерти ничего нѣтъ!» И съ этой мысли началось его обращеніе. Княгиня разсказала объ одной дѣвочкѣ, которую заставляли сохранять (sic) свято Воскресенье у Англичанъ. Когда ей говорили о Богѣ, она отвѣчала: «Ахъ нѣтъ! Слишкомъ будетъ скучно!» *Гог.*: «Странно требовать отъ дѣтей больше того, чтобы они ходили въ церковь». *Княгиня*: «Не лучше ли имъ бѣгать и рѣзвиться по Воскресеньямъ?» *Гог.*: «Когда отъ насъ требуется, чтобъ мы были какъ дѣти, какое же мы имѣемъ право отъ нихъ требовать, чтобъ они были, какъ мы?» Чудныя письма княжны Вареты! Въ нихъ слышны біеніе сердца и теплота души, руководившія живописное и смѣлое это перо! Какъ на Заремѣ: «На мнѣ горятъ его лобзанья!» Нѣтъ, я затаптываемая судьбою и отвергаемая, или лучше, изверженная изъ жизни, я не то, что не признаю, но не чувствую себя причисленною къ многочисленному ополченію отверженныхъ, осмѣянныхъ, затоптанныхъ, къ ополченію старыхъ дѣвушекъ. Почему это состояніе ненормальное, двусмысленное, страдальческое? Стоитъ отбросить всѣ притязанія на счастье и умѣть видѣть, что счастья ни въ какомъ положеніи не обрѣтается. Напротивъ, свобода, которой она можетъ пользоваться, даетъ ей независимый характеръ, черезъ который она выше другихъ можетъ стать. Стоитъ ей лишь быть полезной и безъ желчи смотрѣть на протекшую свою жизнь. Что̀ до этого, что она остается одна въ духовной пустотѣ, окруженная обломками надеждъ? Всякому своя доля. Только бы чувствовать, что имѣешь право дышать, какъ и все живущее на землѣ. Нѣтъ, не согласна я съ Гоголемъ, что страницы эти справедливы. Жалка старая дѣвушка, которая смѣшна такъ же, какъ и замужняя, жалка, которая не понимаетъ, въ чемъ состоитъ достоинство жизни. Въ тридцать лѣтъ старая ужъ дѣвушка! Это одни слова; на опытѣ доказывается безпрестанно про-

тивное этому. Стара плясать, и хохотать, и кокетничать, такъ принимайся за серьезныя занятія, да дѣльно и настойчиво вразуми подчасъ и мать; и то также на опытѣ доказывается, что родители все малыми дѣтьми считаютъ дѣтей взрослыхъ. Мудрено вырваться изъ оковъ, но вырваться можно!

Марта 3. Съ тѣхъ поръ прошла и масленица, и первая, и вотъ вторая недѣля, которая уже утекла. На масляницѣ почти не видала Гоголя кромѣ Понедѣльника. Въ Воскресенье отъ тоски и скуки послѣ обѣда я собралась пойти въ тотъ домъ. Только-что встрѣчаю Гоголя, и поскорѣе назадъ. Онъ меня не видалъ. Княгиня было предложила читать Пушкина, но онъ не согласился и ради великаго поста сталъ читать Филарета, «какъ всѣ искали прикоснуться къ Христу», чтò и намъ возможно черезъ причастіе. Въ теченіе недѣли онъ былъ нѣсколько разъ. Обѣдалъ. Службу длинную у княгини смирно (?) всю выстаивалъ. Онъ мило говоритъ о разсѣяніи во время молитвъ, какъ кто-то говоритъ въ насъ. Въ Пятницу съ воодушевленіемъ прочелъ житіе Пелагіи. Въ голосѣ слышались красоты слога или мыслей того, чтò онъ читаетъ. Какъ орелъ встрепенулся и, хотя былъ съ опущенными глазами, но блескъ какой-то изшелъ изъ нихъ, когда онъ прочелъ: «и аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста мои будеши». Іеремія, 15, 19.—*Я*.: «Какъ хорошо!» Онъ взглянулъ на меня и повторилъ стихъ; въ глазахъ оставался и теплился тотъ огонь, который возгорѣлся въ первую минуту восторга. Когда бывало сказано: «Діаволъ пріиде», онъ говорилъ: «т. е. помышленіе». Потомъ говорилъ: «Этимъ душамъ такъ все ясно, что они натурально и діавола могутъ видѣть. Такая чистота можетъ у того быть, кто позналъ всю глубину мерзости». Какъ-то онъ говорилъ на мои слова, что Дебольскій говоритъ въ «Попеченіи церкви *), что нѣтъ Троицы въ четыре первые дни. «Ну, чтó Дебольскій! Кто это знаетъ, какъ было это уже послѣ, когда уставы монастырскіе пошли, а апостолъ именно говорилъ: «Ядый ядущаго да не осуждаетъ». Третьяго дня еще разъ перечитывалъ житіе св. Пелагіи. Я вошла—онъ читалъ. Онъ взглянулъ и сказалъ: «Это-то, чтò мы читали». Какъ дорого всякое его слово, относящееся именно ко мнѣ, хотя самое пустое! Читалъ «Звѣздочку» разборъ статьи о Неаполитанцахъ Чистякова. «Вѣрно, что не былъ въ Италіи. И зачѣмъ такъ восхищаться?! Только поселять желанія, которыя волнуютъ! Тѣже самые потомъ поѣдутъ и, не найдя, чего ожидали, бранятъ Италію. Нѣтъ, всего лучше читать дѣтямъ книги для большихъ, вотъ исторію Карамзина съ девятаго тома».

*) Дебольскій, Григорій Сергѣевичъ, авторъ сочиненія: „*Попеченіе православной церкви о спасеніи міра*“.

Въ сочиненіи шестнадцатилѣтней дѣвочки какъ невинно! Какой *) галантеръ поцѣловалъ ручку у Екатерины и дерзнулъ посмотрѣть ей въ глаза: видно, она не знаетъ, что и такіе высокіе люди не дерзали смотрѣть въ глаза. И что̀ это такое: и бюстъ императора, и образъ спасительный, и гнѣздо ласточки, и портретъ Екатерины?! Нѣтъ, лучше дѣтскихъ книгъ не писать. При чтеніи, критика его неуловима для передачи всей соли, которою она приправляется. Когда смѣшно, что̀ скажетъ, смѣешься, какъ когда Мольера читалъ, а горькія истины долго потомъ гнѣздятся въ сердцѣ.

5 Марта. Я какъ-то осмѣлилась сказать, почему бы ему не писать записокъ своихъ. *Гог:.* «Я какъ-то писалъ, но, бывши боленъ, сжегъ. Будь я болѣе обыкновенный человѣкъ, я бъ оставилъ, а то бы это непремѣнно выдали; а интереснаго ничего нѣтъ, ничего полезнаго, и кто бы издалъ, глупо бы сдѣлалъ. Я отъ этого и сжегъ.» Разсказывалъ, какъ изъ острога близъ Воробьевыхъ горъ отправляютъ въ Сибирь, какъ купцы съѣзжаются, поютъ молебенъ напутственный; всѣ молятся, иные на колѣняхъ и со слезами. И такъ все умилительно, что, кажется, весело-бъ было быть на ихъ мѣстѣ. Объ артистахъ нынѣшнихъ: «сколько у многихъ огня въ пальцахъ, а души нѣтъ». Намедни съ княземъ положительно сказалъ: «все пройдетъ, словеса же мои» и проч. Вчера послѣ обѣдни я спрашиваю: «скажите, нѣтъ ли гдѣ вашего портрета? *Гог:.* «Кажется, нѣтъ». Впрочемъ поискать, не найдется ли между уродами».

6 Марта. Разъ я прихожу и застаю, что онъ читаетъ Іакова. «Итакъ страшный судъ будетъ, будетъ непремѣнно!» Всѣ тѣже его искры изъ глазъ и встряхнутые волосы и тоже неизгладимое на меня впечатлѣніе. Намедни онъ разсказывалъ, что князь Мещерскій, пошедши въ монастырь, днемъ работалъ больше всѣхъ монаховъ, а ночь проводилъ за картами. Странно такое фальшивое отношеніе, подобно тому какъ блудный сынъ «мертвъ бѣ».

15 Марта. Были у Стурдзы, Александра Скарлатовича. Гоголь со мною согласился, что у Іоанна Златоуста красота и обиліе импровизатора. L'improvisation va droit au coeur et quand le sermon est écrit, il perd de son charme. Un célèbre prédicateur oecuménique. Tant qu'il disait par coeur ses sermons, il ne plaisait; mais une fois, qu'il s'est laissé aller à l'improvisation, il emportait tous les coeurs. Il écrivait le commencement et puis il échelonnait tous les sermons de textes. Pour Innocent il est temps de retoucher ses sermons. Гоголь обѣдалъ. Послѣ обѣда взялъ «Послѣдованіе монахини» и началъ себѣ

*) Не разобрано.

подъ носъ, но вслухъ, читать. Третьяго дня онъ сталъ говорить, что наконецъ бросятъ города и станутъ жить въ деревняхъ, что бросятъ такія покойныя мебели (sic), которыя купили для здоровья, и полюбятъ простоту. Если онъ будетъ себѣ дѣлать мебели, то сдѣлаетъ ихъ деревянныя. Читая «Четь-Минею», Гоголь сказалъ: «Вѣдь странно намъ, какъ прочтешь о чудесахъ, а не сказалъ ли Христосъ, что во имя Его мы больше Его можемъ сдѣлать». При этомъ разсказалъ, что одинъ священникъ въ Москвѣ сдѣлалъ чудо, но такъ темно что-то: кто-то былъ боленъ и исцѣлѣлъ (sic), видѣвши во снѣ, что онъ плачетъ, и, точно, проснувшись онъ плакалъ часа полтора и излѣчился отъ болѣзни, онъ, которой чудомъ только могъ исцѣлиться. Въ первый разъ, какъ онъ, пріѣдетъ, подойду и начну говорить о Кіевѣ и о томъ, что свѣтъ мнѣ постылъ.

21 Марта. (Гоголь сказалъ) какъ-то: «нельзя осудить въ чемъ бы то ни было; сейчасъ самъ тоже сдѣлаешь». Вчера обѣдалъ Ильинъ. Подавали homares. Князь, въ то время, какъ мы ѣли ихъ, рѣзалъ двухъ огромныхъ индѣекъ. Когда мы уже поѣли, онъ принялся за омаровъ. Я дала это замѣтить Гоголю и сказала: «Какъ усталъ рѣзать и теперь какъ спѣшитъ кушать!» *Гог.*: «Я зналъ одного человѣка, который очень любилъ конфекты, и вотъ, бывши въ школѣ, ему разъ привезли конфектъ; всѣ его обступили, и онъ всѣ конфекты роздалъ, а самъ остался съ пустой бумагой, и онъ пальцемъ подбиралъ крошки и въ ротъ клалъ».—*Князь*: «Кто это?»—«Тотъ-то». Говорили о Циціановѣ, который скажетъ, что онъ дешево что̀ досталъ, а когда просили его за такую же цѣну достать, то онъ своихъ приплачивалъ.—*Гог.*: «Нѣтъ, это мы къ случаю князя разсказываемъ. Послѣ обѣда говорили о Кологривомъ, который здѣсь живетъ странникомъ *) съ воротами на запоръ. *Гог.*: «Думаютъ, что уединеніе что-нибудь сдѣлаетъ для настроенія духа. Вотъ мнѣ такъ никогда такъ много не случалось работать, какъ тогда, когда у меня былъ кабинетъ въ бильярдной. Я работаю, а подлѣ меня стукотня шарами. Избаловать себя немудрено». (*Господину Ильину.*): «Ну, что̀ новаго читали?»—*Ильинъ*: «Повѣсть какую-то написала дама».—*Гог.*: «Дамы своимъ влеченіемъ и увлеченіемъ уносятъ насъ въ неизвѣстный для насъ міръ»—*Гог.*: «Ну, въ Тургеневѣ все-таки живость есть, все-таки Русское». Намедни, когда мы остались одни съ нимъ и княземъ, князь насъ сталъ потчивать скандалезными анекдотами. Я ушла. Когда княгиня возвратилась, и я пришла. *Гог.*: «А мы васъ выгнали? Что̀ это передъ вами лежали за книги?»—«Каталогъ волокитствъ съ рисунками». Сталъ противъ меня и дразнитъ.

*) Т. е. отшельникомъ.

18 Марта. У княгини старой всенощная и пріятнѣйшій вечеръ. Гоголь читалъ юбилей Блудова, а до того я перелистывала календарь, больше отъ того, что князь опять началъ скандальныя исторіи. *Гог.*: «Какое смиреніе и самоотверженіе читать календарь!» Съ княжной Варетой говорили о томъ, что я недовольна ежемъ Малороссійскимъ, Алек. Ѳ. Бодровымъ. Намедни Гоголь прочелъ въ жизни Василія Великаго, почему запретили входъ въ алтарь женщинамъ, и прибавилъ: «Женщинамъ запрещено становиться впередъ, и дѣло: поневолѣ развлечешься».

22 Марта. Какъ-то недавно (Гоголь сказалъ): «Если когда буду дѣлать себѣ мебели (sic), то сдѣлаю деревянныя, немного выдолбленныя: и покойно, и здорово; а настанетъ время, когда бросятъ всѣ эти покойныя мебели и примутся за простыя; почувствуютъ наконецъ, что роскошь къ хорошему не ведетъ». Какъ-то читалъ намъ псалмы и съ особеннымъ восторгомъ прочелъ о Христѣ и Божіей Матери: «Отрыгну сердце мое». Пс. 44. Потомъ читалъ: «Небеса повѣдаютъ славу» и прибавилъ: «Только въ Славянскомъ все хорошо, все возвышенно!» Читалъ еще пс. 17.

27 Марта. Уѣхалъ. Вчера обѣдалъ и совсѣмъ простился. Благодарилъ князя и княгиню, обратился ко мнѣ и сказалъ: «благодарю васъ, Екатерина Александровна!» Но я въ эту минуту подходила съ выпискою о черенкахъ, сдѣланныхъ мною для него. «Вотъ еще для васъ».—*Гог.*: «Что̀ это?» и очень былъ благодаренъ какъ и за два signes, которые я для него сдѣлала; сушеныхъ крокусовъ ему дала, варенья, я варила. Уѣзжая поцѣловалъ руку у меня. Съ балкона кланялись съ нимъ. Потомъ, встрѣтясь съ кѣмъ-то рука съ рукой, повернулъ за уголъ и скрылся. Но мнѣ не горько было, а какъ-то радостно. Въ рукахъ у меня была зеленая шерсть, цвѣта надежды; потомъ эта пріятная для него встрѣча, все это какъ бы предвѣщало что-то хорошее. Насталъ вечеръ. Пріѣхали Гойеры, Гартль, Долгорукіе-Аргутинскіе, Кесслеръ, Лангвейнъ, княжна Варета, Глафира Ивановна Дунина-Борковская, Молодецкая съ дочерью. Пошли чай пить. Я сѣла по обыкновенію подлѣ . . . *). Вдругъ входитъ Гоголь. Я такъ и вскочила и съ радостью къ нему подошла. Нашла случай ему сказать, что я Бога благодарю (и что не успѣла ему этого сказать), что его такъ часто видала и слушала его назидательныя рѣчи. Потомъ случилось сѣсть рядомъ. Я ему сказала, что онѣ бы вывели (sic) пріятное предвѣщаніе изъ того, что онъ, скрываясь изъ глазъ нашихъ, встрѣтился съ кѣмъ-то и подалъ руку, и такъ скрылся.—*Гоголь*: «А у васъ есть за-

---

*) Не разобрано.

мѣчанія?»—*Я.*: «Да я безпрестанно что-нибудь вывожу изъ окружающаго меня».—*Гоголь*: «Да вѣдь вы свѣчу чорту поставили».—*Я.*: «Какъ? Неужели это грѣхъ?»—*Гоголь*: «Конечно, да и очень дурно! Изъ-за Понедѣльника вамъ случится отложить что-нибудь, что̀ было бы вамъ полезно». Насъ перебили. Потомъ (разговоръ возобновился) опять. *Я.*: «Да такъ это грѣхъ?»—*Гоголь*: «Конечно. Неужели вы объ этомъ на исповѣди никогда не говорили?»—*Я.*: «Нѣтъ. Это недовольно глубоко во мнѣ; я это за вздоръ считаю». Прежде я сказала: «Вѣдь я не то, чтобъ вѣрила примѣтамъ, а невольно меня всякія мысли преслѣдуютъ».—*Гоголь*: «И это Богъ знаетъ, какія искушенія станутъ преслѣдовать, а вы въ это время молитесь».—*Я.*: «Отъ другихъ искушеній стоитъ того, чтобъ отгребаться, а это невинно».—*Гоголь*: «Какъ невинно?!».

28 Марта. И скучно и грустно, и некого ждать, и некого слушать, и некѣмъ руководиться! Свѣтъ затмился и пустота, какъ въ нежиломъ домѣ, когда гнилью пахнетъ; и хочется вырваться, и не знаешь, куда и какъ. А все отъ неустройства въ душѣ! Все воспоминанія и сожалѣнія тяготятъ душу. Ночь не спала: все думала о томъ, какъ буду въ Кіевѣ. Страшно будетъ одной, какія мѣры къ существованію и къ тому, чтобы не обокрали. Припоминала о Хомутовѣ и о совѣтахъ его пользоваться остаткомъ молодости.—Вчера гуляли съ княгиней Гагариной и встрѣтились съ Стурдзой.

Продолженіе. *29 Марта.* Ему подали чай и крѣпкій. Я у него взяла чашку. *Гоголь*: «Я вами располагаю». *Я.*: «Хорошо, очень хорошо!» Когда игралъ Гартль, *Гоголь*: «Какъ всякая нота слышна! Хорошо, очень хорошо! Много чувства!» Какъ выразительно онъ слушалъ. Нынче княжна Варета говорила: «Гартль бываетъ разный человѣкъ, когда говоритъ и когда играетъ; когда онъ разговариваетъ, у него веселое лицо, когда играетъ его лицо напоминаетъ Перуджиновыхъ святыхъ». Умна она и добра! Часовъ въ 9 Гоголь уѣхалъ. Гарль игралъ фугу Баха, и такъ мелко и скоро, что меня стало по сердцу колотить. Князь Аргутинскій былъ моего мнѣнія: недовольно глубоко и торжественно онъ игралъ. Гартль играетъ въ карты и танцуетъ даже solo... Что̀ со мною будетъ? Боже мой!

30 Марта. Рожденіе Люли. Съ тѣхъ поръ какъ познакомилась съ Стурдзою, стала желать пойти въ сестры милосердія. Намедни на вечерѣ при Гартлѣ кто-то прошелъ, и повѣяло духами. Мнѣ противно стало. Мнѣ хотѣлось быть въ эту минуту между страждущими, перевязывать раны и проч. Намедни я говорю княгинѣ Маріи Гагариной-Стурдзѣ о моемъ желаніи. Она мнѣ славно отвѣчала: «если этой мысли должно осуществиться, то она еще болѣе развернется и созрѣ-

етъ, а нѣтъ—такъ отпадетъ и завянетъ; спѣшить не надобно». Мнѣ бы хотѣлось пожертвовать на одну постель и потомъ войти въ заведеніе. Нынче у обѣдни у княгини мнѣ вдругъ пришла мысль, какъ весело будетъ себя заживо погрести, расположивъ всѣмъ своимъ при себѣ. Буду стараться все хорошимъ заводиться.

Намедни *21 Марта*, въ Среду на 5 недѣлѣ, пошла я къ княгинѣ къ стоянію Маріи Египетской. Княжны Вареты не было. Я уже начала сокрушаться, какъ время проведу послѣ всенощной, какъ вдругъ Гоголь пришелъ къ «Слава въ вышнихъ Богу», а послѣ и княжна Варета. Вечеръ былъ прекрасный, но не назидательный. Анекдотъ о Гнѣдичѣ. Говоря о «Громобоѣ», Гнѣдичъ указывалъ рукою назадъ: «Съ хвостомъ, рогами» и проч. Потомъ, какъ Гнѣдичъ оригинально нанималъ квартиру, говоря: «Какъ она дурна! Паукъ! Паукъ! Паукъ! Паукъ! и указывалъ на всѣ четыре стороны. «Гдѣ кухня?»— «Лопатой отгребали!» — Говорили о снахъ. Глафира распространялась о своихъ снахъ безъ остановки. Она видѣла разъ, какъ пріобщается тайнамъ.

Въ Воскресенье 25-го. Опять тамъ была. Онъ читалъ о вѣрѣ *) и сорока мученикахъ съ такимъ убѣжденіемъ, что хоть кого заманитъ вѣрить, вѣровать и любить. «Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ въ отвѣтъ на мысль Василія Великаго: «Какъ сорокъ мучениковъ всѣ вдругъ помолятся, тогда хорошо будетъ!». Какъ-то онъ говорилъ княгинѣ: «Надѣюсь, и вамъ будетъ полезно прочесть то, что̀ я теперь пишу». Разъ, заставъ старую княгиню и Глафиру за «Мертвыми Душами», сказалъ: «А что̀ это! Это грязный дворникъ, который долженъ привести къ чистому дому».

Одесса. 1851 23 Апрѣля. Мысль княгини писать къ Жуковскому о дѣтскихъ книгахъ. *Гоголь* передъ отъѣздомъ своимъ, въ самый день отъѣзда (сказалъ): «Ну, что̀ же? Пишите! Онъ теперь только и занятъ, что воспитаніемъ».—*Княгиня*: «А какъ онъ принимается?»—*Гоголь*: «У него одно: Богъ. Онъ съ главнаго началъ.» Какъ странно было толковать о книгахъ дѣтскихъ, когда Гоголь не разъ говорилъ, что дѣти должны читать книги, писанныя для большихъ! Странная женщина! Все доискивается чего-то, а дѣти растутъ въ невѣжествѣ и черствости чувствъ. Она больна, а они и не думаютъ, а все потому, что она пріучаетъ ихъ къ эгоизму и безчувственности. Все, что̀ она ни дѣлаетъ, не почерпнуто изъ сущности дѣла, а изъ фразъ взятыхъ въ руководство книгъ.

*) Сверху приписано: „Василія Великаго".

Княжна Варета не имѣетъ своего мнѣнія; она остроумна, но не умѣетъ размышлять и распознавать, что̀ ей нравится. Намедни читаетъ въ Revue des deux mondes статью о Гоголѣ, въ которой не раскусили, что «Тарасъ Бульба»—геніальное произведеніе; стало быть, переводъ совершенно искаженъ, и судить по немъ невозможно; а она читаетъ и находитъ: «C'est très juste ce qu'on dit de lui.». Потомъ проникновенную критику читаетъ во 2 № «Москвитянина» за 1852 г. и опять находитъ, «que c'est très juste!» Въ этой критикѣ Гоголь исполинъ, а въ той—обыкновенный, посредственный талантъ.

14. Нынче получила она письмо отъ Гоголя; въ немъ письмо къ невѣсткѣ ея. Въ этомъ онъ пишетъ, что принимается за изданіе прежнихъ грѣховъ*) и проситъ, чтобы молились за него, а къ княжнѣ Варетѣ пишетъ, что листья земляной грушп хорошо нюхать для излѣченія слѣпоты (даже темной воды), смѣшивая съ табакомъ, или одни. «Нападутъ отъ того всякіе насморки и отдѣленія мокротъ; воспослѣдуетъ то, что излѣчатъ». Стану и я молиться о немъ: авось либо онъ вспомнитъ и обо мнѣ.

9 Марта (1852). Вотъ недѣля, какъ извѣстна стала роковая вѣсть. Ольга писала о смерти Гоголя, когда еще онъ не остылъ. Какъ грустно! Какъ тяжело! Сколько потерянныхъ надеждъ!... Неужели бумаги его сожжены? Не могу вспомнить объ этомъ!

Въ Одессѣ въ это время (1850—1851) жили въ разныхъ домахъ двѣ княгини Репнины: вдова княгиня Варвара Алексѣевна, внука гетмана Разумовскаго, бывшая (въ 1814) вице-королева Саксонская, съ незамужнею дочерью своей княжною Варварою и воспитанницею сей послѣдней, родственницей Гоголя, молодою вдовою Глафирой Ивановной Дуниною-Борковскою (ур. Псіолъ), и княгиня Елисавета Петровна, супруга единственнаго сына старой княгини, князя Василья Николаевича, сестра недавно умершей въ Римѣ Маріи Петровны Вагнеръ. Это дочери жандармскаго генерала Петра Ивановича Балабина и его супруги Француженки Парисъ (воспитанницы княгини В. А. Шаховской). Плетневъ сблизилъ съ Балабиными Гоголя, когда тотъ еще не имѣлъ никакой извѣстности. У младшей княгини жила плѣненная Гоголемъ пожилая и высоко-нравственная дѣвица Екатерина Александровна, которая вела вышепомѣщенный дневникъ и которой фамильное имя остается для насъ неизвѣстнымъ. П. Б.

---

*) Т. е. сочиненій.

ПРОТИВУИСТОРИЧНОЕ НАПРАВЛЕНІЕ СЛАВИСТИКИ.

А. Л. Погодинъ: „Изъ исторіи Славянскихъ передвиженій". С.-Пб. 1901.

Подъ симъ заглавіемъ авторъ издалъ книгу, въ основаніе которой онъ положилъ лекціи, читанныя имъ въ С.-Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ въ 1898—1901 годахъ, при чемъ сосредоточилъ содержаніе книги на вопросѣ о разселеніи Славянскаго племени и подвергъ этотъ вопросъ новой обработкѣ. Такимъ образомъ, судя по его предисловію, книга обратилась въ „самостоятельное изслѣдованіе древнѣйшаго періода Славянской исторіи", оставаясь однако „въ предѣлахъ извѣстной общедоступности и популярности изложенія".

И такъ, мы имѣемъ передъ собой научную попытку начальной Славянской исторіи. Можно было бы поэтому ожидать какого-либо движенія впередъ въ этомъ направленіи, какого-либо разъясненія разныхъ сторонъ сей исторіи или по крайней мѣрѣ критическаго отношенія къ толкованіямъ Туранистовъ и Норманистовъ, которые совершенно ее запутали и затемнили.

Увы, ничего подобнаго мы не находимъ въ книгѣ. Она является сборникомъ все тѣхъ же старыхъ домысловъ и анти-историческихъ теорій, которыя были придуманы Нѣмецкими учеными и повторялись ихъ Славянскими послѣдователями, начиная Шафарикомъ и кончая современными заграничными и Русскими Славистами.

Взявъ на себя нелегкую задачу бороться съ сими анти-историческими теоріями начальной Русской и вообще Славянской исторіи, я поневолѣ долженъ, хотя время отъ времени, останавливать вниманіе читающей публики на вновь появляющихся трудахъ въ этой области.

Авторъ вышеназванной книги повторяетъ все туже ошибку, на которую я уже не разъ указывалъ. Онъ смѣшиваетъ исторію Славянскихъ народовъ съ исторіей самаго имени *Славяне.* Имя это является въ исторіи не ранѣе V-го вѣка, и является въ формѣ *Склавины* (отъ Латинскаго sclavi), при чемъ оно первоначально обозначаетъ часть Сарматовъ, обитавшихъ въ Иллиріи или Панноніи, т. е. въ странѣ между среднимъ Дунаемъ и Адріатическимъ моремъ. Только впослѣдствіи это видовое названіе распространилось на другіе соплеменные народы и пріобрѣло значеніе родового. Г. Погодинъ игнорируетъ какъ это мое положеніе, такъ и мои доказательства тожества Сарматовъ со Славянами, не представляя противъ меня ровно никакихъ аргументовъ. Не буду вновь разбирать сей вопросъ, о которомъ довольно говорилъ въ предыдущихъ своихъ статьяхъ. Укажу только на факты, приводимые изъ источниковъ самимъ г. Погодинымъ и подтверждающіе одноплеменность Сарматовъ съ Венедами, каковы: Venadi Sarmatae Певтингеровыхъ

таблицъ (8 и 10) и „Сарматы Венеды“ Агриппы и Плинія (11—13). Но авторъ не придаетъ никакого значенія симъ фактамъ, и знаменитое мѣсто Тацита о Венедахъ (которыхъ тотъ не зналъ куда отнести, къ Сарматамъ или Германцамъ) подвергаетъ самымъ произвольнымъ толкованіямъ, чтобы не допустить одноплеменности Сарматовъ и Венедовъ (14—16). Такимъ образомъ этотъ, можно сказать, главный узелъ начальной Славянской исторіи онъ не только не распутываетъ, а, наоборотъ, постарался его еще болѣе запутать. Между тѣмъ далѣе, въ главѣ о Само, онъ приводитъ рядъ средневѣковыхъ поселеній во Франціи и Мекленбургѣ, въ названіи коихъ заключается указаніе на Сарматовъ (Sarmasia, Sarmede, Sarmoto, Zarmoth, Sarmote и пр.) и обитатели которыхъ были по всѣмъ признакамъ Славяне (157). Вообще Западнымъ Славянамъ въ данномъ трудѣ отведено гораздо болѣе мѣста и всякихъ подробностей, чѣмъ Южнымъ, которыхъ исторія будто бы начинается только съ VI вѣка. Авторъ строитъ свои выводы о разселеніи Славянъ преимущественно на географической номенклатурѣ; но при этомъ этимологическія объясненія, какъ его собственныя, такъ и тѣхъ, на кого онъ ссылается, часто произвольны и несостоятельны. Мы не будемъ на нихъ останавливаться; приведемъ только одинъ примѣръ тому, какъ современная филологія совершенно безсильна въ объясненіи собственныхъ именъ. Извѣстно, что Австрія у Чеховъ называется *Ракусы* или *Ракушане*. Что значитъ это названіе и откуда оно взялось, доселѣ никто объяснить не можетъ. Г. Погодинъ думаетъ, что Чехи такъ назвали Австрію отъ пограничнаго города Raabs, въ XII вѣкѣ Ratgoz, и Гринбергеръ „со свойственною ему проницательностію увидалъ въ формѣ Ratgoz Нѣмецкій мѣстный падежъ множ. числа. Поэтому *Ракушане* означаютъ первоначально не что иное какъ люди изъ Раабса или же лица, принадлежащія къ Ratgoz, понѣмецки приблизительно Ratgozzinge“ (29). Какъ вамъ нравится такое филологическое объясненіе Помоему оно просто курьезно и нисколько не лучше Ракоусовъ покойнаго Вѣнскаго профессора слависта Шемберы.

Въ 1872 году случилось мнѣ быть въ Вѣнѣ и съ нимъ познакомиться. Онъ пригласилъ меня къ себѣ на лекцію. Тутъ студенты заранѣе предупредили, что профессоръ навѣрно угоститъ меня своимъ излюбленнымъ объясненіемъ Ракусовъ. И дѣйствительно, Шембера послѣ цѣлаго ряда Австрійскихъ географическихъ названій, неукоснительно объясняемыхъ имъ изъ Славянскаго языка (въ доказательство исконнаго славянства Австріи), перешелъ и къ Ракусамъ. Передавъ краткую исторію этого названія по источникамъ, онъ очень просто заключилъ, что настоящая его форма это *Ракоусы*, что̀ означаетъ раковые усы или „Усы какъ у рака“! (Я бы предложилъ догадку сблизить слово „Ракусы“ съ словомъ Rocas Іордана, у котораго оно является варіантомъ названія „Роксолане“. А другимъ варіантомъ названія Роксолановъ или Россовъ вообще являются „Руги“. Этотъ народъ обиталъ именно въ Австріи по сосѣдству съ Чехами и вѣроятно тожественъ съ „Ракатами“ Птоломея). Кстати упомяну о томъ, что въ этотъ же пріѣздъ въ Вѣну я прослушалъ лекцію извѣстнаго Миклошича. Попалъ я на его толкованіе о Русскихъ письменахъ, найденныхъ Кирилломъ въ Корсуни. Съ помощью разныхъ натяжекъ и гаданій онъ приходилъ къ тому выводу, что эти Русскія письмена были собственно Готскія. Въ противоположность Шемберѣ, Миклошичъ принадлежалъ къ тѣмъ Славистамъ, которые рабски слѣдовали Нѣмецкимъ теоріямъ Туранистовъ и Норманистовъ, т. е. крайне умаляли объемъ и значеніе древняго Славянскаго міра. Ясно было, что онъ только филологъ, очень недалекій въ критикѣ собственно-исторической, а между тѣмъ рѣшалъ историческіе вопросы. По его стопамъ доселѣ идутъ современные Слависты, въ

томъ числѣ и г. Погодинъ. Книга его представляетъ массу всякихъ этимологическихъ упражненій надъ географическими и вообще собственными именами; изъ нихъ онъ дѣлаетъ историческіе выводы съ помощію „кажется", „вѣроятно", „повидимому", „мнѣ думается" и т. д.

Въ данной книгѣ между прочимъ есть глава, посвященная вопросу о Гуннахъ. Тутъ авторъ, поборникъ Туранской теоріи, полемизуетъ со мною, и, разумѣется, очень легко опровергаетъ Славянство Гунновъ, относясь самымъ поверхностнымъ, ненаучнымъ образомъ къ моимъ аргументамъ и ссылаясь на то, что они якобы уже уничтожены моими оппонентами, въ особенности покойнымъ В. Г. Васильевскимъ, при чемъ главную роль играетъ совершенно произвольная и вопіющая попытка послѣдняго отнять у Гунновъ слово *страва* (погребальные поминки) и приписать его Готамъ (41). Глава эта представляетъ сплошной сумбуръ.

По поводу сей главы г. Погодинъ навлекъ на себя упрекъ со стороны своего рецензента-единомышленника П. А. Лаврова (Журн. Мин. Нар. Пр. 1901. Августъ). Рецензентъ упрекаетъ автора книги именно за его полемику со мною, которая-де совсѣмъ излишня: такъ какъ вашъ покорнѣйшій слуга есть единственный представитель ученія о Славянствѣ Гунновъ, то г. Погодинъ напрасно, молъ, преувеличиваетъ опасность отъ моей теоріи.

Да, правда, въ литературѣ я пока одинъ съ своей теоріей; но вѣдь, научные вопросы не рѣшаются большинствомъ голосовъ, и я твердо увѣренъ, что историческая истина рано или поздно возметъ верхъ, несмотря на количество моихъ современныхъ противниковъ. Дѣло въ томъ, что въ данныхъ вопросахъ произошло столкновеніе между исторіей и филологіей. Всѣ мои противники, даже съ историками включительно, стоятъ на этимологической почвѣ; я одинъ утверждаю, что Славянство Сарматовъ, Гунновъ, Болгаръ и Руси есть вопросъ по преимуществу историческій, а не филологическій. Никакихъ моихъ историческихъ аргументовъ противники не опровергли, да и не могутъ опровергнуть. Конечно, если бы мы имѣли передъ собой достаточный матеріалъ живой народной рѣчи, то онъ бы и опредѣлилъ данную народность. А по однимъ географическимъ и личнымъ именамъ филологія пока не въ состояніи рѣшать данные вопросы. Обыкновенно мои противники требуютъ отъ меня, чтобы я всѣ такія имена объяснилъ изъ Славянскаго языка,—требованіе совершенно незаконное. Конечно объясненія тутъ могутъ быть только гадательныя, за нѣкоторыми исключеніями. Но курьезъ-то состоитъ въ томъ, что когда мои противники сами берутся объяснять тѣже имена изъ какого либо другого языка, то предаются подобнымъ же или еще бо̀льшимъ гаданіямъ и произволу и ничего положительнаго не даютъ. А если источники указываютъ намъ на присутствіе такихъ Славянскихъ словъ у Гунновъ какъ *медъ* и *страва*, то сіи противники безъ всякаго основанія пытаются объяснять ихъ заимствованіемъ у другихъ народовъ, чѣмъ явно подтверждаютъ свое предвзятое отношеніе къ вопросу.

Вотъ и г. Лавровъ въ своей рецензіи какъ только отъ общихъ мѣстъ перешелъ къ этимологическимъ толкованіямъ собственныхъ названій, такъ сейчасъ же и обнаружилъ всю ихъ произвольность и несостоятельность. Между прочимъ онъ указываетъ на то, что по Іордану Гунны называли Днѣпръ словомъ *Варъ* и что еще Шафарикъ „угадалъ истинный смыслъ этого мѣста, сопоставивъ его съ uar, uor, or, hor, означающія также рѣку въ нарѣчіи Аваро-лезгинскомъ". Выходитъ будто Гунны называли рѣку Днѣпръ

просто „Рѣка“, чего изъ словъ Іордана совсѣмъ неслѣдуетъ. Далѣе г. Лавровъ говоритъ, что В. Г. Васильевскій „сдѣлалъ чрезвычайно интересное дополненіе“ къ Шафарику, указавъ на связь этого слова съ названіемъ Днѣпра *Варухосъ* у Константина Б. Но плохо знакомому съ моими „Разысканіями“ рецензенту очевидно осталось неизвѣстнымъ, что тоже дополненіе относительно *Варухъ* было мною сдѣлано гораздо ранѣе Васильевскаго, при чемъ я привожу это слово *Варъ* въ связь и съ названіемъ Днѣпровскаго порога *Варуфоросъ* (*Разыск.* 535 и *Дополн. пол.* 15.). По сему поводу вновь предложу когда-то высказанное мною замѣчаніе: названіе рѣки *Днѣпръ* несомнѣнно Славянское, т. е. употребляемое Славянами; однако еще ни одинъ филологъ не сумѣлъ объяснить его изъ Славянскаго языка. Не возметъ ли г. Лавровъ на себя эту задачу?

Въ своей рецензіи онъ дѣлаетъ еще справедливый упрекъ г. Погодину за то, что тотъ въ своей книгѣ не далъ мѣста Болгарамъ, которыхъ оба они конечно считаютъ народомъ Туранскимъ. Вновь подтверждаю, что Болгаре были чистѣйшее Славянское племя, и всѣ аргументы Туранистовъ съ исторической точки зрѣнія представляются совершеннымъ абсурдомъ и полнымъ незнаніемъ историческихъ законовъ, по которымъ одна народность можетъ перейти въ другую. Отъ славистовъ-филологовъ конечно трудно ожидать знанія сихъ законовъ, хотя тутъ дѣло идетъ о невозможной вполнѣ утратѣ родного языка народомъ-завоевателемъ и добровольномъ усвоеніи чуждой ему рѣчи покореннаго племени, сравнительно съ нимъ слабаго и притомъ не обладавшаго высокой культурой. Но удивительно, что покойный историкъ Васильевскій такъ же, вмѣсто того, что бы изучать основные историческіе законы, увлекался пустыми этимологическими аргументами туранизма и норманизма. Къ той же категоріи принадлежатъ и современные Болгарскіе ученые, напримѣръ, гг. Дриновъ и Шишмановъ.

А Болгаре были одно изъ Гунскихъ племенъ, и слѣдовательно яснѣе всего подтверждаютъ славянство Гунновъ, т. е. ихъ Славянскій языкъ и ихъ вполнѣ Арійскую наружность. Очень малое количество деформированныхъ череповъ, находимыхъ въ средней и восточной Европѣ, подтверждаетъ мое мнѣніе, что извѣстныя реторическія фразы нѣкоторыхъ Латинскихъ писателей о безобразіи Гунновъ относились къ небольшой ихъ части, и что обычай искусственно уродовать дѣтей существовалъ у нихъ сравнительно недолгое время. Для науки важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что реторическія фразы о семъ безобразіи говорятъ только западные или Латинскіе писатели, а отнюдь не Византійскіе или Греческіе, которые ближе наблюдали Гунновъ и лучше ихъ знали.

До какой степени несостоятельна филологическая основа, на которой мои многочисленные противники хотятъ строить начальную Славянскую исторію, свидѣтельствуетъ и г. Лавровъ въ своей рецензіи. Все у нихъ смутно и шатко, все остается вопросомъ; новые ихъ труды не вносятъ никакого свѣту и ничего не могутъ рѣшить не только въ области исторіи, но даже и въ сферѣ филологіи. Напримѣръ, г. Лавровъ указываетъ на то, что Славянскія названія рѣкъ Моравы и Моравицы Погодинъ объясняетъ изъ Кельтскаго языка, а Ягичъ изъ Литовскаго; Пичъ, на основаніи именъ Крконоши, Ракусы и Видень (Вѣна), доказываетъ, что Славяне пришли въ Чехію и Моравію въ первомъ вѣкѣ по Р. Х.: а Нидерле сомнѣвается въ Славянскомъ происхожденіи приведенныхъ именъ и не рѣшается опредѣлять время прихода Славянъ; Мюлленгофъ же относитъ этотъ приходъ къ V или VI вѣку, и т.

д. и т. д. Въ высокой степени наивны ихъ разсужденія о родинѣ Славянства, которую они ищутъ все около Карпатъ; какъ будто Славяне гдѣ-то родились сами собою, а не выдѣлились въ доисторическія времена изъ Арійской семьи народовъ, именно изъ Иранской ея вѣтви. Точно также они никакъ не могутъ объяснить: съ одной стороны. куда безслѣдно исчезли изъ Европейской исторіи многочисленныя племена Сарматовъ и Гунновъ; а съ другой, откуда взялся этотъ огромный и сплошной Славянскій міръ, своимъ числомъ и обширностію своей территоріи превосходящій въ Европѣ всѣ другіе народы, если Сарматы, Гунны, Болгаре и Русь были не Славяне? Одними прикарпатскими Венедами Тацита объяснять происхожденіе сего міра въ высшей степени ненаучно. Равнымъ образомъ совершенно праздными и ни къ чему неведущими являются предположенія о Славянствѣ полумифическихъ Будиновъ Геродота. Въ концѣ концовъ курьезными представляются эти безплодные поиски за какими-то таинственными и темными путями возникновенія и мирнаго распространенія Славянъ въ Европѣ; тогда какъ они давно въ ней жили и занимали новыя мѣста открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, при достаточномъ историческомъ освѣщеніи. Только жили они и распространялись подъ разными именами, такъ какъ ихъ общее родовое названіе (т. е. *Славяне*) выработалось гораздо позднѣе. Но всѣ эти положенія не со вчерашняго дня были мною высказаны и обоснованы. Въ настоящее время большею частію приходится ихъ только повторять и отсылать любопытствующихъ къ моимъ „Разысканіямъ“ съ дополнительными къ нимъ статьями. Разумѣется, въ нѣкоторыхъ деталяхъ, особенно въ самыхъ первыхъ статьяхъ, можетъ оказаться у меня кое-что спорнымъ или неудачнымъ; но разработка деталей въ столь обширномъ и сложномъ предметѣ—дѣло будущихъ и многихъ дѣятелей; а общая схема начальной Славянской исторіи, надѣюсь, установлена мною согласно съ современными требованіями и успѣхами исторической науки, и, только ставъ на ея точку зрѣнія, будущія изслѣдованія помогутъ разобраться въ существующей теперь путаницѣ всякого рода извѣстій и свидѣтельствъ, нерѣдко темныхъ и противурѣчивыхъ. Возвращаясь къ вопросу о Славянствѣ Гунновъ, беру на себя смѣлость утверждать, что только правильная постановка сего вопроса дастъ возможность разъяснить многое, надъ чѣмъ доселѣ тщетно останавливались Русскіе и заграничные слависты; для примѣра въ особенности укажу на загадочное происхожденіе Малорусской народности и отношеніе ея къ Великорусской, а также на спорное начало церковнославянской письменности, т. е. переводовъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ.

Д. Иловайскій.

ЗАМѢТКИ О БАСНОПИСЦѢ КРЫЛОВѢ.

I.

Участіе Крылова въ „Московскомъ Зрителѣ" князя Шаликова.

Въ 1806 году кн. Шаликовъ издавалъ журналъ „Московскій Зритель". Въ Январскомъ номерѣ его напечатаны „*Двѣ* басни для С. К. Бкндрфвой" (Бенкендорфовой) „Дубъ и трость" и „Разборчивая невѣста", съ подписью „Иванъ Крыловъ" (стр. 73—78). Примѣчаніе Шаликова объясняетъ, какъ къ нему попали эти басни: „Я получилъ сіи прекрасныя басни отъ И. И. Д. (Дмитріева). Онъ отдаетъ имъ справедливую похвалу и желаетъ, при сообщеніи ихъ, доставить и другимъ то удовольствіе, которое они принесли ему... Имя любезнаго поэта обрадуетъ, конечно, и читателей моего журнала такъ, какъ обрадовало меня".

Позднѣе Крыловъ вступилъ, повидимому, въ непосредственныя отношенія съ кн. Шаликовымъ: въ Февральскомъ номерѣ напечатана третья его басня: „Старикъ и трое молодыхъ" (стр. 70—72), на этотъ разъ безъ всякаго примѣчанія и безъ особаго подзаголовка. Если бы Шаликовъ получилъ эту басню вмѣстѣ съ двумя, посвященными С. К. Бенкендорфъ, онъ, конечно, напечаталъ бы ее въ Январѣ. Въ Іюльскомъ номерѣ напечатана „Пѣсня съ Французской: Petits chagrins de tems en tems" съ подписью „*К—въ*". Не будетъ, кажется, слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что это тоже произведеніе Крылова: 1) другого сотрудника „Московскаго Зрителя" съ подходящей фамиліей мы не знаемъ; 2) Крыловъ недурно зналъ Французскій языкъ и въ общемъ хорошо съ него переводилъ; 3) по тону и складу „пѣсня" сильно напоминаетъ извѣстныя намъ лирическія стихотворенія Крылова того періода; 4) ни у одного изъ нашихъ поэтовъ начала XIX в. съ подходящей фамиліей (напр. Карабановъ, Калмыковъ и пр.) мы не нашли этого стихотворенія. Окончательно могутъ разъяснить вопросъ только бумаги князя Шаликова, если онѣ сохранились. Вотъ самая „пѣсня".

Печали малыя даны.
Чтобъ радостямъ придать цѣны;
Не рѣдко о пустомъ, случится,
Сердечко бѣдное крушится,
Въ тоскѣ, въ слезахъ лишается утѣхъ,
А послѣ все выходитъ смѣхъ.
Дѣвица, страстію горя,
И тайнѣ сердца измѣня,
Признанье въ бездну скрыть желаетъ
И за порокъ его считаетъ;

Въ тоскѣ, въ слезахъ лишается утѣхъ,
А послѣ все выходитъ смѣхъ.
У Лизы милыхъ болѣ нѣтъ;
Сестра вдова въ шестнадцать лѣтъ;
Скучаютъ обѣ жить на свѣтѣ,
И смерть одна у нихъ въ предметѣ;
Въ тоскѣ, въ слезахъ лишаются утѣхъ,
А послѣ все выходитъ смѣхъ.

II.

И. Тургеневъ о баснописцѣ Крыловѣ.

Появленіе въ 1871 г. 3-го изданія Англійскаго перевода басенъ Крылова (Рольстона) вызвало очень любопытную замѣтку И. С. Тургенева въ „The Academy“ (1871, ч. II, стр. 345: „Krilof and his Fables. By W. R. S. Ralston. Third edition, greatly enlarged“. I. Tourguéneff), до сихъ поръ еще, кажется, никѣмъ не отмѣченную. Считаемъ нелишнимъ познакомить съ нею, въ Русскомъ переводѣ, читателей.

„Слова *3-е изданіе*, вѣрный знакъ успѣха (собственно: in connection with this issue) превосходнаго перевода басень Крылова г. Рольстона, особенно пріятны для Русскаго уха, такъ какъ они доказываютъ, что Англійскіе читатели начинаютъ интересоваться литературой Россіи, національная жизнь и особенности (character) которой до сихъ поръ останавливали ихъ вниманіе только по своимъ отношеніямъ къ политикѣ (собственно: they have hither to only contemplated from a politiacal point of view). И Крыловъ, конечно, заслуживаетъ всего того вниманія, которое удѣляется ему: онъ единственно-оригинальный баснописецъ, появившійся послѣ Лафонтена, и хотя онъ, можетъ быть, и неравенъ неподражаемому Французу по изысканной граціи и изяществу (the exquisite grace), хотя онъ не столь изобрѣтателенъ въ остроумныхъ шуткахъ, не отличается такою простотою и непосредственностью разсказа (though he has fewer sly strokes of wit, less cunning simplicity in telling a story), но, съ другой стороны, проявляетъ больше оригинальности въ выдумкѣ (originality of invention). Его наблюдательность и здравый смыслъ (observant good sense) проникаютъ въ самый корень вещей; у него природный флегматическій юморъ, слѣдъ (собственно which betrays) восточнаго элемента въ Славянской натурѣ. По своему происхожденію и по всѣмъ обстоятельствамъ жизни, Крыловъ былъ чисто-Русскимъ человѣкомъ: онъ былъ вполнѣ націоналенъ по характеру своей мысли, чувствъ, писанія (writing); и можно безъ преувеличенія сказать, что иностранецъ, который тщательно изучилъ бы басни Крылова, получилъ бы гораздо болѣе правильное представленіе о Русскомъ національности, чѣмъ если бы онъ прочелъ всѣ путешествія и всѣ этюды о Русскомъ характерѣ. Русскія дѣти учатъ наизусть басни Крылова такъ-же, какъ Французскія—Лафонтена, не понимая вполнѣ всей мудрости, заключающейся въ изучаемомъ, но въ

болѣе позднемъ возрастѣ они снова возвращаются къ Крылову съ двойной для себя пользой. Подобно Лафонтену, но еще въ большей степени, Крыловъ обогатилъ (has supplied) общественное сознаніе большимъ числомъ правилъ, пословицъ и поговорокъ, которыя проникли даже въ неграмотную крестьянскую массу (собственно: which have become proverbial even in the mouth of unlettered peasants). Никто не цитируется чаще его и, подобно тому, какъ это случается иногда съ Библіей или Шекспиромъ въ Англіи, цитирующіе часто не имѣютъ никакого понятія о томъ, кому они обязаны своею цитатой: несомнѣнное доказательство того, что его творенія совершенно вошли въ національную, народную жизнь, которая ихъ и создала (from which it sprung). Въ наше время не можетъ быть большей награды для литературнаго честолюбія, какъ это слабое отраженіе былого величія эпической поэзіи, которая постольку велика, поскольку она безлична (faint reflection of the past grandeur of epic poetry, which is only great because it is impersonal).

Переводъ г. Рольстона не оставляетъ ничего желать по точности и колоритности. Краткое предисловіе, историческія и литературныя примѣчанія къ нѣкоторымъ изъ басенъ написаны (have been done) съ знаніемъ дѣлъ и *con amore*. Не вина переводчика, если для Крылова окажется не вполнѣ возможнымъ „натурализоваться“ въ Англіи.

Пишущій эти строки лично видѣлъ Крылова только разъ незадолго до его смерти. У него была величественная, правильнѣе массивная и тяжелая голова, прекрасные сѣдые волосы, отвислыя щеки, уста широкія, но хорошо очерченныя и серьезныя, пристальные глаза и нависшія рѣсницы, выраженіе лѣни и апатіи во всемъ лицѣ. Онъ говорилъ рѣдко, но слушалъ, если можно такъ выразиться, блестяще, такъ какъ его молчаніе сопровождалось какой-то внутренней улыбкой, какъ будто бы онъ сообщалъ себѣ множество жизненныхъ наблюденій, которымъ никогда не суждено было выйти на свѣтъ.

Одно изъ лицъ, бывшихъ свидѣтелемъ случая, сообщало намъ анекдотъ, бросающій свѣтъ на лѣнивый и оригинальный характеръ Крылова. Большая и тяжелая картина, висѣвшая надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ обыкновенно сидѣлъ Крыловъ, соскользнула съ одного изъ поддерживавшихъ ее гвоздей и грозила упасть на голову безпечнаго баснописца. Обращали его вниманіе на опасность, но онъ спокойно отвѣчалъ: „о, я изучилъ положеніе картины и опредѣлилъ, что если она упадетъ, то полетитъ по діагонали, мимо моей головы“. И такъ долгое время картина все висѣла криво, а Крыловъ все сидѣлъ подъ ней.

Въ своихъ „Литературныхъ и житейскихъ воспоминаніяхъ“ *) Тургеневъ подробнѣе говоритъ о своей единственной встрѣчѣ съ баснописцемъ. Описаніе получилось чрезвычайно рельефное.

„Крылова я видѣлъ всего одинъ разъ—на вечерѣ у одного чиновнаго, но слабаго Петербургскаго литератора. Онъ просидѣлъ часа три, слишкомъ

*) Полное собраніе соч., XII, СПб., 1898, стр. 74—5.

неподвижно, между двумя окнами и хоть бы слово промолвилъ! На немъ былъ просторный поношенный фракъ, бѣлый шейный платокъ; сапоги съ кисточками облекали его тучныя ноги. Онъ опирался обѣими руками на колѣни и даже не поворачивалъ своей колоссальной, тяжелой и величавой головы; только глаза его изрѣдка двигались подъ нависшими бровями. Нельзя было понять: что́ онъ, слушаетъ ли и на усъ себѣ мотаетъ, или просто *такъ* сидитъ и „существуетъ?" Ни живости, ни вниманія на этомъ обширномъ, прямо-Русскомъ лицѣ; а только ума палата, да заматерѣлая лѣнь, да по временамъ что-то лукавое словно хочетъ выступить наружу и не можетъ или не хочетъ пробиться сквозь весь этотъ старческій жиръ... Хозяинъ, наконецъ, попросилъ его пожаловать къ ужину. „Поросенокъ подъ хрѣномъ для васъ приготовленъ, Иванъ Андреевичъ", замѣтилъ онъ хлопотливо, какъ бы исполняя непзбѣжный долгъ. Крыловъ посмотрѣлъ на него не то привѣтливо, не то насмѣшливо... „Такъ-таки непремѣнно поросенокъ?" казалось, внутренно промолвилъ онъ, грузно всталъ и, грузно шаркая ногами, пошелъ занять свое мѣсто за столомъ".

Вл. Каллашъ.

ДВА ПИСЬМА И. С. АКСАКОВА КЪ И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ.

Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій (род. въ 1797, ум. въ 1868 г.) былъ давнишнимъ другомъ семьи Аксаковыхъ; съ ними связывали его, кромѣ многолѣтняго знакомства, также и литературные интересы, которымъ съ такою любовью (но увы, безуспѣшно) онъ служилъ почти цѣлые полъ-вѣка. Дружескія отношенія эти особенно закрѣпились съ тѣхъ поръ, какъ Великопольскій женился (въ 1831 году) на Софьѣ Матвѣевнѣ Мудровой, дочери извѣстнаго доктора и профессора М. Я. Мудрова, который также былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Аксаковыми. Живой, энергичный и вѣчно юный духомъ Великопольскій впослѣдствіи сошелся также и съ молодыми Аксаковыми, Константиномъ и Иваномъ Сергѣевичами, которыхъ зналъ еще дѣтьми, живо интересовался и слѣдилъ за ихъ литературною и общественною дѣятельностью и былъ съ ними близокъ, не смотря на значительную разницу въ лѣтахъ. Къ сожалѣнію, отъ многолѣтняго знакомства Великопольскаго съ Аксаковыми и литературныхъ сношеній съ ними не осталось почти ничего, кромѣ двухъ печатаемыхъ ниже писемъ *), случайно сохранившихся въ бумагахъ Ивана Ермолаевича, большая часть которыхъ погибла вскорѣ

*) Въ статьѣ моей о Великопольскомъ, помѣщенной въ имѣющемъ скоро выйти въ свѣтъ сборникѣ „Памяти Л. Н. Майкова", напечатаны еще: письмо О. С. Аксаковой къ С. Х. Мудровой отъ 3-го Ноября 1831 г. (стр. 382) и письмо С. Т. Аксакова къ И. Е. Великопольскому отъ 15-го Февраля 1853 г. съ замѣчаніями на написанную послѣднимъ комедію „Міръ Слѣпотъ" (стр. 419—422), да въ „Литературномъ Вѣстникѣ" 1902 г. (№ 1)— два письма его-же, относящіяся къ 1839 и 1857 годамъ

послѣ его смерти частью въ Петербургѣ, гдѣ онъ проживалъ подолгу, частью же въ родовомъ имѣніи его, селѣ Чуковинѣ, Старицкаго уѣзда Тверской губерніи.

Б. Модзалевскій.

I.

28-го Февраля 1859 г. Москва.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій Иванъ Ермолаевичъ, за «Раскрытый Портфель» [1]), полученный мною вчера. Батюшка, братъ и всѣ наши также благодарятъ васъ за книгу и за память. Посылаю вамъ оба №№ «Паруса» [2]). Хлопочу о новой газетѣ, но разрѣшенія еще не получилъ [3]).

Здоровье батюшки, сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ вы его оставили, лучше, но все еще очень плохо. Послѣ осмотра, произведеннаго металлическимъ катетеромъ, болѣзнь совершенно перемѣнила характеръ. Кровь больше не выходитъ, и тѣхъ острыхъ, пронзительныхъ болей нѣтъ; выходятъ слизи и мокроты—явный признакъ катарра, сопровождаемыя постояннымъ нервнымъ зудомъ, который его очень утомляетъ и разстроиваетъ нервически [4]).

Я думаю, что дальнѣйшую полемику по поводу «Олега» [5]) слѣдуетъ прекратить. Наглыхъ и недобросовѣстныхъ критиковъ «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ» не перекричишь.

Преданный вамъ Ив. Аксаковъ.

---

[1]) „Раскрытый Портфёль, выдержки изъ „сшитыхъ тетрадей“ автора не желающаго объявлять своего имени“. Подъ такимъ заглавіемъ Великопольскій издалъ въ Петербургѣ въ 1859 г., на средства Я. В. Писарева, первый выпускъ собранія своихъ произведеній въ стихахъ.

[2]) Послѣ выхода № 2-го (отъ 10-го Января 1859 г.) „Парусъ“, какъ извѣстно, былъ запрещенъ; онъ цензуровался цензорами Н. Ф. фонъ-Крузе и П. Капнистомъ. Подробности по поводу запрещенія „Паруса“ см. въ письмѣ Аксакова къ М. Ѳ. Раевскому въ книгѣ „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, т. II, С.-Пб. 1896 г., стр. 16—24 и прилож., стр. 3.

[3]) Аксаковъ хлопоталъ тогда о разрѣшеніи издавать газету „Пароходъ“, коею желалъ удовлетворить подписчиковъ запрещеннаго „Паруса“.

[4]) Вскорѣ (30-го Апрѣля 1859 г.) С. Т. Аксаковъ скончался.

[5]) „Олегъ подъ Константинополемъ. Драматическая пародія съ эпилогомъ, въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ“, соч. К. С. Аксакова, издано въ С.-Пб. въ 1858 году. Я. В. Писаревымъ. Это юношеское произведеніе Константина Сергѣевича, написанное еще въ

II.

[Между 16-мъ и 23-мъ Ноября 1862 г. Москва].

На обмѣнъ я согласенъ и сдѣлаю распоряженіе въ Петербургской конторѣ «Дня» [1]) о выдачѣ редактору «Иллюстрированнаго Листка» [2]) полнаго экземпляра за 1862 годъ и потомъ, вь теченіе 1863 года.— Пусть г. Зотовъ вышлетъ мнѣ «Иллюстрированный Листокъ» за нынѣшній годъ съ 1 №.

Васъ, почтеннѣйшій Иванъ Ермолаевичъ, удивляетъ самоуправство цензора!!! Я уже не удивляюсь. Теперь вмѣстѣ съ дворомъ нахлынули всѣ мои враги, изъ которыхъ злѣйшій—Валуевъ, опять подающій записку о запрещеніи «Дня», и вотъ ужъ два №№ сряду мнѣ не пропускаютъ моихъ передовыхъ статей [3]).

Статья изъ «Иллюстрированнаго Листка» [4]) будетъ перепечатана. Преданный вамъ Ив. Аксаковъ.

1830-хъ годахъ, подверглось рѣзкимъ насмѣшкамъ „Современника“ (1859 г., т. 73, № 1. совр. обозр., стр. 72—67) и „Отечественныхъ Записокъ“ (1859 г., т. 122, стр. 101—102 вмѣстѣ съ рецензіей на „Раскрытый Портфёль“ Великопольскаго.

[1]) „День“ выходилъ съ 1861 по 1865 годъ.

[2]) „Иллюстрированный Листокъ“ издавался въ 1862—1863 гг. Владиміромъ Рафаиловичемъ Зотовымъ (род. въ 1821, ум. въ 1896 г.), пріятелемъ Великопольскаго: Зотовъ былъ одинъ изъ трехъ членовъ посреднической комиссіи, учрежденной по дѣламъ и имуществу Великопольскаго, когда послѣдній разорился на своемъ предпріятіи съ принадлежавшимъ ему секретомъ обдѣлки льна и другихъ прядильныхъ растеній.

[3]) № 45-й „Дня“ (отъ 10-го Ноября) долженъ былъ начаться передовицей И. С. Аксакова о судѣ присяжныхъ, адвокатахъ и почетныхъ мировыхъ судьяхъ, но онъ „долженъ былъ уступить мѣсто“ сотруднику; въ слѣдующемъ, 46 № (отъ 17-го Ноября) передавая статья Аксакова также не была помѣщена, хотя и значится въ оглавленіи этого №. Въ № 47 (отъ 24-го Ноября) его передовица снова не была пропущена цензурою.

[4]) Разумѣется статья „Дѣло г. Великопольскаго“ („Иллюстрированный Листокъ“ 1862 г., 11-го Ноября, № 44); перепечатана она не была, а вмѣсто нея Аксаковъ помѣстилъ въ № 48 „Дня“ (отъ 1-го Декабря) письмо Великопольскаго въ редакцію, въ которомъ Иванъ Ермолаевичъ давалъ объясненія противъ обвиненій, на него взводившихся по поводу его предпріятія съ обдѣлкою льна. Въ № 38 „Дня“ была также помѣщена статья о Великопольскомъ, перепечатанная изъ „Иллюстрированнаго Листка“ № 36.

СТАТЬИ ВЪ НЕИСТОРИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

I.

Къ тридцатилѣтію профессорской дѣятельности Н. И. Стороженка, его ученики издали юбилейный сборникъ статей по исторіи словесности, Русской и Западной.

Р. М. Хинъ разсказываетъ тамъ о своемъ знакомствѣ съ И. С. Тургеневымъ въ Парижѣ въ 1880 и 1881 годахъ. Тургеневъ, по ея словамъ, былъ человѣкъ необыкновенно мягкій и добрый. Къ нему могъ явиться всякій, безъ какихъ бы то ни было рекомендательныхъ писемъ. Тургеневъ никому не отказывалъ и за всѣхъ брался хлопотать. Еслибъ не строгій порядокъ въ домѣ Віардо, посѣтители не оставили бы ему времени для его собственныхъ занятій. Какъ-то разъ „Общество Русскихъ художниковъ въ Парижѣ", члены котораго пользовались извѣстностью своей, устроило вечеръ. Тургеневъ предложилъ участвовать въ немъ нѣсколькимъ молодымъ писателямъ „съ оттѣнкомъ завиральныхъ идей", какъ выражается г-жа Хинъ, и пригласилъ на вечеръ П. Л. Лаврова. Это вызвало цѣлый переполохъ. Говорили, что Тургеневъ, раскаявшись послѣ неуспѣха „Нови", заискиваетъ у молодежи; требовали даже, чтобы онъ извинился передъ обществомъ. По мнѣнію же г-жи Хинъ, онъ поступилъ такъ по добротѣ и простотѣ сердца.— Что же, спрашивалъ послѣ Тургеневъ, Лавровъ, значитъ, и въ церковь не смѣетъ прійти? Напримѣръ, умру я. Мы съ нимъ хоть и не близкіе друзья, а все же старинные знакомые, и ни отъ кого я этого никогда не скрывалъ. Придетъ онъ въ rue Daru, на панихиду, проститься со мной... Что же? Не пускать его въ церковь?..

Изъ бумагъ Ѳ. А. Кони извлечено письмо М. Н. Загоскина, 1852 года. Этотъ писатель, занесенный теперь въ число читаемыхъ въ школѣ, авторъ Юрія Милославскаго и другихъ рѣзко-патріотическихъ романовъ, камергеръ, директоръ Императорскихъ театровъ, не избѣжалъ въ концѣ жизни столкновенія съ Николаевской цензурой. „Цензура, писалъ онъ, сдѣлала въ моей несчастной комедіи болѣе пятидесяти помарокъ и поправокъ, и какихъ поправокъ! Вмѣсто прямой армейщина—прямой *кикимора*; корнетъ названъ *верхолетомъ*; вмѣсто: зѣвающихъ мужей напечатано *счастливѣйшихъ* мужей.

Подлинно, благочестивая цензура не позволяетъ мужьямъ зѣвать даже тогда, когда имъ скучно. По этимъ тремъ поправкамъ вы можете судить и объ остальныхъ. А хотите ли знать какіе стихи вовсе вымараны? Вотъ напримѣръ:

Кто? Графъ?.. Да, онъ всегда гонялся за прогрессомъ
И Русь святую звалъ всегда дремучимъ лѣсомъ.

*

Всѣ дѣти нынче стары.

*

И если у кого насущнаго нѣтъ хлѣба...

Разумѣется, отъ этихъ помарокъ составилось великое множество самыхъ беззаконныхъ стиховъ—безъ мѣры, безъ риѳмъ, безъ сочетанія и даже совершенно безъ смысла.... Согласитесь, что послѣ этого я не могу и не долженъ ничего печатать въ Петербургѣ.“

Любопытна статья В. В. Каллаша „Русскія отношенія Гёте“. Въ ней перепечатано изъ Моск. Вѣстника 1828 года письмо Гёте къ Н. Борхарду. „Мы, жители Запада, писалъ Гёте, разными путями уже ознакомились съ успѣхами вашихъ поэтовъ, прежде же всего черезъ переводы Боуринга. Отсюда и по другимъ благороднымъ признакамъ мы можемъ заключить о высокомъ развитіи вашего столь распространеннаго языка. Все же мнѣ было совершенно неожиданнымъ встрѣтить по отношенію къ себѣ на отдаленномъ Востокѣ такое нѣжное и глубокое чувство... Знакомъ сердечнаго сочувствія и искренняго участія были для меня уже мои усладительныя отношенія къ Жуковскому“ *). Въ примѣчаніяхъ г. Каллашъ перечисляетъ книги и статьи объ отношеніяхъ Гёте къ Россіи. На первое мѣсто должно поставить статью Гарнака „Отношенія Гёте къ Русскимъ писателямъ“, напечатанную въ Германіи въ 1890 году. Отношеніямъ Гёте къ Уварову посвящено особое изслѣдованіе Шмида, напечатанное въ 1888 году. Г. Каллашъ ссылается еще на Записки А. С. Шишкова (Берлинъ 1870), на статьи Тихонравова, на Остафьевскій Архивъ и т. д.

Извѣстный библіографическій очеркъ Д. Д. Языкова „Вольтеръ въ Русской литературѣ“ перепечатанъ въ Сборникѣ съ значительными дополненіями. Затѣмъ обращаютъ вниманіе: статья А. Лютера о изображеніяхъ Димитрія Самозванца въ драмахъ, Нѣмецкихъ и Русскихъ, и начало жизнеописанія Н. П. Огарева, основанное отчасти на рукописныхъ данныхъ. О неудачныхъ статьяхъ Сборника лучше умолчать. Трудно однако не указать на странный пріемъ одного начинающаго изслѣдователя, находящаго, что Пушкинская Инеса (въ Каменномъ Гостѣ) списана съ Байроновской Донны Юліи (въ Донъ-Жуанѣ). Изслѣдователь указываетъ между ними та-

---

*) Однако, нѣсколько позднѣе, когда А. И. Кошелевъ посѣтилъ великаго Германца, первый его вопросъ Кошелеву былъ: Wie ist die Hoflage des Herrn Joukowsky? Высокомѣріе Гёте сказалось и въ томъ, что Пушкину онъ послалъ свое перо (тогда, конечно, гусиное). П. Б.

кія сходства: Лепорелло у Пушкина восклицаетъ: „Инесу черноглазую“, Байронъ говоритъ о Юліи: „Ея глаза были черные“. У Пушкина Жуанъ ухаживаетъ три мѣсяца, у Байрона три года. Въ Каменномъ Гостѣ сказано: „Въ Іюлѣ вечеромъ“, у Байрона: „Шестого Іюня вечеромъ...“ У Пушкина Жуанъ восклицаетъ: „Бѣдная Инеса“ у Байрона: „Бѣдная донна Юлія“ и т. д. Пользуясь такими пріемами, не трудно доказать, что Татьяна списана съ Дидоны.

2.

Въ ежегодникѣ Императорскихъ театровъ помѣщены воспоминанія Ц. Кюи о Петербургскихъ оперныхъ театрахъ 50-хъ и 60-хъ годовъ. Итальянская опера того времени была на высотѣ своей славы: пѣли такія пѣвицы, какъ Паулина Віардо, Патти, Лукка, Бозіо, Нильсонъ, и такіе пѣвцы, какъ Маріо и Тамберликъ. „Патти, пишетъ Ц. Кюи, отличалась дивнымъ металлическимъ голосомъ и техникой, доведенной до машиннаго, сверхъестественнаго совершенства, но тоже какъ машина была совершенно холодна. Въ первый разъ она меня ошеломила своимъ вокальнымъ престидижаторствомъ; во второй разъ я слушалъ равнодушно знакомые уже фокусы, а затѣмъ скучалъ“. Въ тѣ дни по цензурнымъ условіямъ „Гугеноты“ назывались „Гвельфы и Гибеллины“, „Моисей„—„Зора“, т. е. Зороастръ, а „Пророкъ“—„Осада Гента“.

Для Русской оперы былъ отведенъ Маріинскій театръ, перестроенный изъ цирка. Лошади и пѣніе не одно и тоже; многое въ зданіи пришлось сломать, многое устроить вновь, потомъ нѣсколько разъ поправлять—вышло и дорого, и не очень хорошо. Тогда какъ Итальянская опера была всегда переполнена, Маріинскій театръ посѣщался туго. Посѣтители были постоянно все тѣже: это была какъ бы одна семья. Имя Глинки далеко еще не пользовалось всеобщимъ признаніемъ... „Многіе, пишетъ Ц. Кюи, еще находили въ „Жизни за Царя“ *кучерскую* музыку и считали наказаніемъ слушать „Руслана“, и когда я выразился, что по красотѣ музыки „Русланъ“ не имѣетъ себѣ равныхъ, то возбудилъ негодованіе... Между прочимъ мнѣ было высказано, что неловко выражаться такъ хвалебно про „*своихъ*“. Съ начала 70-хъ годовъ начинается блестящая пора Русской музыки, появляется цѣлый рядъ даровитыхъ Русскихъ композиторовъ. Ц. Кюи даетъ имъ краткія опредѣленія. Каждый изъ нихъ, говоритъ онъ, внесъ въ искусство свое: Чайковскій—мягкій, женственный лиризмъ; Римскій-Корсаковъ—живописность, волшебное воображеніе, опоэтизированную Русскую пѣсню; Бородинъ—величественныя эпическія картины; Мусоргскій вдохнулъ въ народъ жизнь, озвукотворилъ его чувства, стремленія, страданія.

В. Б.

Памиры (горы, не далеко отъ нашей теперешней границы, въ Средней Азіи) называютъ крышею міра. На стр. 40—50 этой любопытной книги разсказано недавнее историческое событіе, попытка мѣстнаго Андижанскаго населенія свергнуть Русское владычество, которая грозила общимъ возстаніемъ цѣлаго края и о которой у насъ не было извѣстно. Путешествіе это совершено лѣтомъ 1898 года. Книжка полна занимательности и привлекательна простотою и отчетливостью изложенія.

*

Путеводитель по великой Сибирской желѣзной дорогѣ. Москва. 1901—1902. (Предисловіе А. Дмитріева-Мамонова), б. 8-ка, IX, 384 стр. съ портретами Государя Императора и Его Родителя, князя М. И. Хилкова, С. Ю. Витте, А. С. Ермолова и А. Н. Куломзина, со множествомъ превосходно исполненныхъ видовъ и съ картами.

Пользованію книгою мѣшаютъ занимающія половину ея объема объявленія всевозможныхъ торговлей и промысловъ, въ началѣ, концѣ и даже въ серединѣ. Издана она роскошно и продается дешево (3 р. 50 к.); содержаніе же книги необыкновенно занимательно, и предъ читателемъ раскрывается наглядно цѣлый, доселѣ недовѣдомый міръ.

Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка. И. Т. Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность. Историческій очеркъ И. С. Бѣляева. Москва. 1902. Б. 8-ка, 75 стр. Это пятый выпускъ „Изданій Общества Ревнителей Русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III-го“.

Не лучше ли бы переиздать сочиненія самого Посошкова?

Графъ Г. А. Милорадовичъ. Родословная книга Черниговскаго дворянства. С.-Пб. 1901. 8-ка. 2 части: I, V. 114, 646; II, 406, 316 и CIX стр. съ портретами. Книга посвящена Государю Императору. Цѣна 6 р.

Русская исторія до новѣйшихъ временъ. Вторые пять вѣковъ перваго тысячелѣтія (1362—1862). Томъ первый. *Н. М. Павловъ.* М. (1892) 8-ка 4 нен. и 446 стр.

Книгою этою начинается продолженіе Русской исторіи, пять первыхъ вѣковъ которой изложены въ трехъ томахъ уже вышедшихъ (это, точнѣе, томъ четвертый). Тутъ общедоступная и художественно разсказанная „повѣсть временныхъ лѣтъ“ съ кончины Ивана Калиты по кончину Василія Дмитріевича. Былыя судьбы нашей родины изложены во всей ихъ жизненности, и наприм. Куликовская битва или Тохтамышево нашествіе описаны такъ, что нельзя оторваться отъ чтенія. Трудъ Н. М. Павлова, которому, сколько намъ извѣстно, посвятилъ онъ чуть ли не полвѣка тщательнаго, вдумчиваго и самостоятельнаго изученія, есть явленіе наиболѣе отрадное въ современной печати. Къ нему отнести можно стихи А. С. Хомякова:

> Счастлива мысль, которой не свѣтила
> Людской хвалы привѣтная весна...

Или то, что̀ сказано Ѳ. И. Тютчевымъ про Исторію Карамзина: la *marée montante* de la vie nationale.

Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Предисловіе и примѣчанія В. А. Бильбасова. Спб. 1901. больш. 8-ка. Два тома: I, XXVIII и 711; II, VII, 614 и 2 нен. стр.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902 года.

(Годъ 40-й).

«Русскій Архивъ» въ 1902 году по прежнему выходитъ **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1902 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877**, **1879**, **1884** и **1886—1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1897—1901** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Оставшіеся въ розбити выпуски можно получать по **1 р.** съ перес.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902

4.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1902.

Обзоръ дѣятельности вѣдомства Православнаго исповѣданія за время царствованія императора Александра III-го. С.-Пб. 1901. бол. 8-ка, XVIII и 727 стр.

Въ короткій срокъ, когда Русскому человѣку такъ отрадно слышались въ богослуженіи слова: „о благочестивѣйшемъ“, сдѣлано болѣе, нежели въ царствованія продолжительныя.

Для археолога любопытна въ особенности глава о возстановленіи церковныхъ памятниковъ древности.

Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ. Томъ первый. Комитетъ Министровъ въ царствованіе Александра I-го. Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе Канцеляріи Комитета Министровъ. С.-Пб. 1902. бол. 8-ка IX, 607 и 2 нен. съ 4 портретами. Напечатано къ столѣтію этого учрежденія. Въ началѣ книги рѣдкій портретъ Александра Павловича, работы Лёбрена, замѣчательный по выраженію молодого лица, которое для историка такъ и просится на сравненіе съ тогдашними портретами Перваго Консула; въ концѣ тоже замѣчательный портретъ графа Аракчеева.

*

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей Русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III-го. Книга пятая. С.-Пб. 1902. Бол. 8-ка. 326 и 2 нен. стр.

На первой страницѣ золотыя слова покойнаго Государя въ письмѣ къ К. П. Побѣдоносцеву (10 Марта 1880 года): „Какъ завидуешь людямъ, которые могутъ жить въ глуши, приносить истинную пользу и быть далеко отъ всѣхъ мерзостей городской жизни, а въ особенности Петербургской Я увѣренъ, что на Руси немало подобныхъ людей, но объ нихъ не слышимъ, а работаютъ они въ глуши, тихо, безъ фразъ и хвастовства“. Послѣднія страницы заняты разсказомъ о пребываніи Государя въ Ярославлѣ, лѣтомъ 1881 года.

Новая книга „Старины и Новизны“ полна любопытнѣйшимъ содержаніемъ. Тутъ статья графа С. Д. Шереметева „Царевна Ѳеодосія“. Это новый, неожиданный просвѣтъ въ глубину и темь исторіи Смутнаго времени, которое собственно началось съ кончины Іоанна Грознаго. Почти вслѣдъ за Угличскимъ событіемъ Рюриковская династія обезпечивается рожденіемъ царевны Ѳеодосіи Ѳеодоровны, которую Борисъ Годуновъ называетъ своею „племянницею - государынею“. Внутреннія отношенія и самая политика внѣшняя сосредоточиваются на короткое время (менѣе двухъ лѣтъ) вокругъ царственной малютки. Въ особенности любопытно удаленіе отъ дѣлъ дьяка Щелкалова.—Для новой Русской исторіи цѣнны письма князя Потемкина и Записки князя А. М. Дондукова-Корсакова съ ихъ особою главою о князѣ М. С. Воронцовѣ, дневникъ котораго за время управленія Кавказомъ тутъ же напечатанъ; а для исторіи словесности чрезвычайно важны письма Пушкина къ князю Вяземскому, тѣ самыя, которыя нѣкогда (1874) князь Петръ Андреевичъ не счелъ возможнымъ помѣстить въ „Русскомъ Архивѣ“. Объ этихъ письмахъ можно написать цѣлую объяснительную статью.

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина. Десятая часть. Изданіе *П. И. Щукина.* Москва 1902. Бол. 4-ка, X, 521 и 2 нен. стр. Бумаги этого сборника обнимаютъ собою время съ 1519 по 1883 годъ. Содержаніе ихъ разнообразно, но всѣ онѣ касаются Русской исторіи и Русскаго быта. Сокровища Щукинскаго Музея продолжаютъ умножаться, и Музей этотъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ большее значеніе. Честь и слава собирателю, уже такъ много сдѣлавшему для нашего отчизновѣдѣнія.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга шестнадцатая. С.-Пб. 1902. 8-ка, X и 602 стр.

Это необыкновенно занимательная исторія Русскаго умственнаго и внутренне-политическаго движенія за два года, 1858 и 1859-й. Одушевленный умною любовью къ своему дѣлу, авторъ съ каждою новою своею книгою пріобрѣтаетъ все болѣе художественности въ расположеніи событій и въ

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1833-й годъ *).

Москва, 4 Іюля 1833.

Фавстъ мнѣ сегодня разсказывалъ о глупой претензіи какой-то Ланской, бѣдной женщины, которая жаловалась графу Бенкендорфу на меня за причиненную ей обиду. Тотъ ли я человѣкъ, чтобы обидѣть бѣднаго человѣка и присвоить себѣ или отдать дочери моей то, что̀ было назначено ей отъ Хозрева-Мирзы! Эта бѣдная черезъ князя Шаликова просила меня представить Хозреву какую-то ея работу. Такихъ просьбъ было множество всякой день. Я отказывалъ всѣмъ, потому что зналъ финансы принца: онъ здѣсь занялъ у своихъ купцовъ, чтобы справиться съ нужными самыми расходами; то было ему не до подарковъ, и я самъ получилъ отъ него что? Бирюзку въ кольцѣ да саблю простую, оба подарка можно оцѣнить червонныхъ въ 50. Когда былъ онъ у насъ на вечеринкѣ, то оставилъ Наташѣ бѣлую шаль; а Катѣ за дорожную портфель, которую она ему подарила съ подписью au P-ce K. - M., souvenir de Moscou, offert par C. B-w., пожаловалъ онъ платокъ съ дырами, стоющій рублевъ 80 или 100. Шаль не далъ бы онъ бѣдной, а вмѣсто платка далъ бы бѣдной лучше 10 червонныхъ: то не могли мы присвоить себѣ то, что̀ принцъ назначилъ будто Ланской этой. Она нападала прошлаго года на Шаликова, коему я все объяснилъ; но и онъ урезонить ее не могъ. Была она у меня, я ей тоже сказалъ, но она отвѣчала, что будетъ жаловаться въ Петербургъ, на что я ей сказалъ: извольте прислать письмо ваше, и я вамъ даю слово, что вѣрно оное доставлю куда слѣдуетъ. Я, признаться, вышелъ нѣсколько изъ себя, слушая ея чепуху. Видно, она теперь свою претензію возобновила и подлинно жаловалась графу Алекс. Христофоровичу. Ежели онъ мнѣ напишетъ, то буду ему отвѣчать: Конечно онъ слишкомъ меня знаетъ, чтобы знать, какую дать цѣну такому вздорному объявленію; но я обязаннымъ себя считаю оправдать себя въ глазахъ этой сумасшедшей бабы. Когда принцъ

*) См. выше, стр. 507.

уѣхалъ, то оставилъ цѣлую колекцію вещей, которыя я возвратилъ отъ кого были приняты или поднесены. Быть можетъ, что Хозревъ рисунки или шитье и увезъ съ собою, я не упомню; но достовѣрно то, что ежели бы онъ что нибудь Ланской назначилъ, то она тò *свято* бы получила. Хлопотавши за нее и поднеся (въ угодность Шаликову) не въ примѣръ другимъ работу ея, я не для того это дѣлалъ, чтобы лишить ее дряннаго подарочка, который могъ бы ей быть данъ. Ежели бы имѣла она здоровый разсудокъ, то поняла бы это тотчасъ сама, да и могла бы у всякаго узнать въ Москвѣ, тотъ ли я человѣкъ, чтобы присвоить себѣ добро чужое, да еще и бѣдной женщины: лучше бы отдалъ ей свое собственное. Фастъ говоритъ, что она говоритъ о какихъ-то *жемчугахъ*, кои были ей назначены и кои отдалъ я будто Катенькѣ. Жемчугами даритъ одинъ нашъ Государь, да и то не такимъ людямъ. Ежели все это правда, а не *басня съ прикрасами*, то, когда случится тебѣ видѣть графа А. Х., можешь ему передать. Кстати о семъ. Попандопуло мнѣ сказывалъ, будто князь Дм. Вл. получилъ вчера изъ Персіи богатые знаки ихъ ордена Солнца. Хозревъ въ Подольскѣ, подавая руку въ послѣдній разъ, прощаясь со мною, сказалъ мнѣ черезъ Мирзу-Масуда: «Я не въ силахъ васъ благодарить за всѣ ваши обо мнѣ попеченія, то это будетъ долгъ моего дѣда и отца, а мой долгъ ихъ о томъ просить». Все кончилось, видно, одними фразами. Сего мало: я долженъ еще и страдать за него отъ глупыхъ нареканій этой любезной Ланской.

*

Москва, 4 Іюля 1833.

Помню я ваши церковные праздники, ибо былъ на двухъ, и помню, какъ бывало Тургеневъ на завтракахъ объѣдался.—О смерти принца Виртембергскаго [1]) давно говорятъ; какъ бы не напророчили; впрочемъ онъ человѣкъ уже немолодой. Бѣдному Манычару будутъ хлопоты; хорошо, что герцогъ успѣлъ устроить участь своей дочери, а ей пора было замужъ.

Великая княгиня [2]) ведетъ жизнь очень дѣятельную, бываетъ у водъ, исправно пьетъ Маріенбадскую и довольно часто со двора выѣзжаетъ.

Долженъ былъ оставить работу, чтобы на верхъ прибѣжать и пособить женѣ принять князя и княгиню Кочубей; долго просидѣли у

[1]) Это былъ одинъ изъ братьевъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, правившій у насъ водяными сообщеніями и оставившій свое имя одному изъ каналомъ. У него была шишка (по-французски loupe) на лбу, и великій князь Михаилъ Павловичъ звалъ его „дядюшка Лупандинъ“. Острословіе распространилось еще и потому, что тогда много было говору о Парашѣ Лупандинѣ, Сибирячкѣ, пришедшей изъ Сибири съ какою-то жалобою.

[2]) Елена Павловна.

насъ, смотрѣли весь домъ, очень были милы оба и любезны; тамъ подъѣхали и Александръ Кочубей съ братомъ Аркадіемъ. Мы звали ихъ къ себѣ обѣдать въ Четвергъ. Проморилъ я своихъ чиновниковъ до половины 4-го, нечего дѣлать!

*

Москва, 8 Іюля 1833.

Разобралъ почту, взялъ съ собою кой-какіе пакеты, надѣлъ мундиръ и маршъ къ великому князю, который прибылъ здраво и благополучно вчера вечеромъ въ 10-мъ часу, бывъ 47 часовъ въ дорогѣ и всѣмъ очень доволенъ, какъ сказывали мнѣ фельдъегерь и Башиловъ. Я разъѣхался съ его высочествомъ, встрѣтилъ его на Моховой, ѣдущаго въ коляскѣ; перекланивались рукою. Кажется, очень здоровъ. Записался у него, и сказывали, что онъ не велѣлъ никого сегодня принимать, одѣлся въ свою форму и поѣхалъ явиться къ военному генералъ-губернатору. Во Вторникъ, 11-го, изволитъ начинать воды. Заходилъ я на половину великой княгини узнать о ея здоровьѣ (сегодня за дурною погодою у водъ быть не изволила) и вручилъ пакетъ съ письмомъ отъ *его высочества* тобою присланный и который онъ обогналъ. Заѣзжая къ К. В. Апраксиной, имѣвшей до меня нужду, по сосѣдству заѣхалъ къ Александру Кочубею, засталъ его за завтракомъ и далъ ему слово обѣдать въ клобѣ сегодня; туда собираются и князь Викт. Павл., гр. Васильчиковъ, князь Дм. Вл. etc. Заѣхалъ я къ князю Кочубею, чтобы вручить почту, исполнить комиссію Родофиникина и объяснить, отчего получитъ письмо съ старымъ числомъ. Письмо это по ошибкѣ послано отъ васъ въ Псковъ, вотъ оно и вояжировало! Сказали: не принимаетъ. Я было ѣхать, меня воротили, и князь очень ласково принялъ, говоря: je ne prévoyais pas que j'aurai votre visite ce matin, j'ai dit donc de ne recevoir personne; mais pour vous je suis toujours chez moi. Онъ продержалъ меня почти часъ. Куда пріятенъ его разговоръ и разнообразенъ. Благодарилъ очень за акуратное, скорое доставленіе къ нему писемъ, можно ли ему адресоваться въ Петербургъ для почталіона; я сказалъ, что нѣтъ, и что дамъ ему отсюда весьма исправнаго. Говорили о Царьградѣ и тамошнихъ дѣлахъ, о ужасныхъ неурожаяхъ. Князь сказывалъ, что Государь асигновалъ суммы Репнину [1]) и гр. Воронцову, для взятія мѣръ противу голода. Сказывалъ онъ о странной встрѣчѣ великой княгини. Она поѣхала на Мельницу [2]) князя Голицына погулять, въ Четвергъ, вдругъ въѣзжа-

---

[1]) Князю Николаю Григорьевичу, тогда генералъ-губернатору Полтавскому и Черниговскому.

[2]) Такъ назывались Кузминки, извѣстная подмосковная князя С. М. Голицына по Рязанской дорогѣ, иначе Влахернское.

етъ на дворъ дорожный экипажъ, изъ коего выходитъ хозяинъ-князь Сергѣй Михайловичъ, только что явился изъ чужихъ краевъ, и первое лицо, которое видитъ—это великую княгиню. Voilà au moins un bon commencement et une excellente augure. Князь В. П. также меня подзывалъ въ клобъ обѣдать, надобно ѣхать. Заѣхалъ я по дорогѣ къ Фасту, отдать ему письмо Митюлино [1]), но онъ у дѣтей своихъ въ Петелинѣ и завтра ожидается въ городъ.

*

Москва, 10 Іюля 1833.

Получилъ приглашеніе обѣдать у великаго князя. Его высочество отмѣнно милостиво меня изволилъ принять, обнялъ, благодарилъ за свое путешествіе и тебѣ приказалъ написать, что не *47*, а *46* часовъ ѣхалъ, на слова мои, что я брату и командиру донесъ, что его высочество прибылъ въ 47 часовъ. Обѣдало насъ только: ихъ высочества, двѣ фрейлины, Апраксина, П. И. Арсеньевъ, Башиловъ и я. Всѣ были очень веселы. Послѣ обѣда вышли въ кабинетъ къ великой княгинѣ. Его высочество благодарилъ за ширмы, подвелъ меня къ нимъ и въ подробности разсматривалъ и распрашивалъ, потомъ позвалъ меня и Башилова въ свой кабинетъ, посадилъ у камина (увы! камина, ибо послѣ жаровъ наступила холодная погода), далъ намъ сигары, и пошла болтовня. Очень меня порадовалъ подробностями о Костѣ. Спросилъ: Куда братъ твой готовитъ сына своего? On dit beaucoup de bien de ce jeune homme [2]). Видно, Полетика сказалъ ему. Я обрадовался оказіи выхвалять моего теску-фаворита. Тутъ пришла великая княгиня и спросила меня: Dites moi, je vous prie, est-ce vrai que Wladimir Apraxine est mort?—Malheureusement c'est trop vrai, m-me. Я слышалъ это отъ генералъ-адъютанта Гейсмара, коего жена пріѣхала изъ Курска и разсказывала всѣ подробности. Въ жары эти онъ все пилъ со льдомъ, ѣлъ мороженое, съѣлъ тарелку ботвиньи съ рыбой и льдомъ, потомъ на ночь поставилъ себѣ графинъ воды со льдомъ. Въ ночь сдѣлалась дурнота, губернаторъ Демидовъ привезъ ему доктора, который, найдя, что главнѣйшая болѣзнь была испугъ, настоялъ, чтобы кровь пустить; но Апраксинъ не согласился, сдѣлалось воспаленіе, и онъ умеръ съ признаками холеры. Чувствуя смерть свою, требовалъ все пріятеля своего Платона Яковлева, но этотъ нашелъ его уже въ безпамятствѣ. Ихъ высочества очень жалѣли о бѣдной матери, которая обѣдала съ

---

[1]) Т. е. письмо отъ сына, Дмитрія Фавстовича, который тогда учился въ Горномъ корпусѣ.

[2]) Александръ Константиновичъ Булгаковъ, по словамъ людей его знавшихъ, человѣкъ высокихъ достоинствъ и отмѣннаго душевнаго благородства.

нами, много смѣялась и не предвидѣла, несчастная, какое ожидаетъ ее горе. Я не знаю, какъ старуха княгиня Нат. Петровна выдержитъ этотъ ударъ, она внука своего боготворитъ. И князю Дм. Влад. сказали о семъ неосторожно; онъ вѣроятно отвезетъ въ Городню сестру свою, которая туда ѣхать собралась въ Среду и просила меня уже о лошадяхъ. Это будетъ ужасный ударъ для бабки, матери и жены! Великій князь очень сожалѣлъ о Козарскомъ *). Подлинно Божіи опредѣленія неисповѣдимы! Козарской не нашелъ смерти среди трехъ Турецкихъ кораблей на него напавшихъ и вдругъ умираетъ въ Николаевѣ въ тишинѣ.

У насъ въ домѣ также смерть есть, но не славная, не историческая. У Евсея умерла жена; такъ какъ это третья, то не быть ему уже вдовцомъ въ четвертый разъ. Она тлѣла нѣсколько уже мѣсяцевъ. Мое письмо, видно, все должно быть наполнено вѣстями смертными. Вел. князь сказывалъ, что дочь П. И. Озерова, что̀ за Скарятинымъ, безъ всякой надежды, такъ что въ эту минуту нѣтъ ея можетъ быть на свѣтѣ. Объ ней давно говорили, что ей жить нельзя, въ злой была чахоткѣ. Вотъ тебѣ наши печальныя вѣсти; остается довершить пожаромъ, который былъ поутру на Тверской. Крышка и верхняя часть дома князя Ѳед. Сер. Голицына (бывшій Прозоровскаго) сгорѣли, но хорошимъ дѣйствіемъ трубъ затушили и не дали пожару распространиться. Его высочество присутствовалъ на пожарѣ семъ. Великій князь продержалъ меня до шести часовъ и отпустилъ только потому, что я долженъ былъ ѣхать для пакетовъ, кои вѣроятно для Е. В. подоспѣли изъ Петербурга, и точно, пріѣхавши домой, нашелъ я почту, 6 пакетовъ для великаго князя, три для великой княгини и твое письмо отъ 6-го къ Закревскому. Буду писать во Вторникъ и пошлю ему пакеты. Я видѣлъ смерть герцога Виртембергскаго уже во Французскихъ газетахъ. Думаю все о бѣдномъ Манычарѣ. Здѣсь уже назначаютъ ему въ начальники принца Ольденбургскаго.

Дай Богъ успѣха новому ходу почты иностранной, а начало уже хорошо. Ахъ, кабы внутреннія почты на такую же поставить ногу! Пропасть жалобъ; вотъ и Гейсмаръ жаловался, что его жену мучили долго и обижали въ Подольскѣ и Серпуховѣ; велю изслѣдовать. Бѣда съ этимъ трактомъ, нѣтъ его сквернѣе, большой проѣздъ, лошадей мало, поди угождай всѣмъ, а иные резоновъ не принимаютъ, книгу видѣть не хотятъ, дерутся какъ П. Л. Давыдовъ, который однакоже

*) Славный морской герой, о которомъ см. выше въ статьѣ Д. М. Аѳанасьева о Черноморскомъ флотѣ.

жалобы обиженнаго имъ прекратилъ, давъ 200 р. Я радъ, что такъ кончилось, а то конечно нехорошо бы кончилось для П. Л.; но меня очень просилъ губернаторъ Небольсинъ дѣло затушить.—Воды ваши пустяки; неохотно это пророчу, но увидишь, что они и родятъ и прекратятъ болѣзни.

*

Москва, 11 Іюля 1833.

Вчера обѣдали у меня многіе твои пріятели: двое Кочубеевъ, Чумага, В. А. Обрѣзковъ, Офросимовъ, да знаешь кто еще? Пріѣхавшій изъ Бухареста твой Игн. Павл. Яковенко, коему очень былъ я радъ. Онъ собирается ѣхать къ вамъ, имѣетъ какое-то дѣло въ Сенатѣ; я поѣду къ оберъ-прокурору Морозу ходатайствовать за него. Ал. Вас. Кочубей велѣлъ тебѣ очень кланяться. A propos: Сашка и Соня лѣнятся, не присылаютъ мнѣ списки гостей твоихъ; а я бы зналъ по описи напримѣръ, что П. П. Новосильцовъ живъ и здоровъ etc.

Здѣсь только и говорятъ, что о преждевременной кончинѣ бѣднаго Апраксина*); боюсь я очень, чтобы не дошло какъ нибудь до Апраксиной и ея бы не испугали. Il y a de ces braves gens!

*

Москва, 13 Іюля 1833.

И у насъ также сегодня храмовой праздникъ дома у Гавріила Архангела. Измучили насъ: водосвятіе, обѣдня, предлинная проповѣдь, нашъ новый дьяконъ ими щеголяетъ, не дурно пишетъ, только мѣшаетъ философію, политику, хотя основательно судитъ; но по моему подобные предметы не должно трактовать въ проповѣдяхъ. Это дѣлывалъ также покойный Августинъ. Отъ половины 10-го до 12-ти продержали насъ.

*

Москва, 14 Іюля 1833.

Совершенно отказывать и не сказываться дома нельзя; а какъ знаютъ, что тутъ, то всякій идетъ, иной и не хочетъ, чтобы докладывали, а дѣла настоящаго не имѣетъ. Долго просидѣлъ у меня Гейсмаръ. Желалъ съ Наташею познакомиться, просилъ приказа для жены; она ѣдетъ въ Курскъ обратно. Скандалезная критика утверждаетъ, что она живетъ съ Демидовымъ, тамошнимъ губернаторомъ; велѣлъ тебѣ очень кланяться, называя тебя хорошимъ своимъ Молдавскимъ знакомымъ. Послѣ явился Сибирскій генералъ-губернаторъ Лавинскій. Какой пріятный, умный человѣкъ! Съ этими охотно провелъ я почти

*) Это единственный сынъ Степана Степановича Апраксина и Екатерины Владиміровны, сестры князя Д. В. Голицына, мужъ Софьи Петровны (ур. гр. Толстой).

часъ и ужо поѣду его навѣстить. Хвалитъ онъ край тотъ, но съ тѣмъ ѣдитъ въ Петербургъ, чтобы сложить съ себя Сибирскую корону, жалуется на здоровье, на опухоль въ ногахъ, спѣшитъ къ вамъ ѣхать и собирается завтра выѣхать уже, не представляясь даже великому князю. И этотъ очень велѣлъ тебѣ кланяться, спрашивалъ о Журавлевѣ etc. Я только что за перо, а тутъ явился губернаторъ, проситъ отправить эстафату съ рапортомъ его на высочайшее имя. Я сказалъ, что почта скоро отправится, и 200 слишкомъ рублей останутся дома, но не хотѣлъ, и да будетъ воля его; а тутъ вдругъ Брокеръ явился изъ деревни, но я уже извинился: пора было приниматься за сборы.

*

Москва, 15 Іюля 1833.

Вечеромъ вчера получилъ я отъ князя Кочубея очень ласковую записку, коею проситъ меня къ нему пріѣхать сегодня утромъ на переговоръ; желая скорѣе исполнить желаніе его, да и бывъ все утро занятъ, я поѣхалъ къ князю тотчасъ по полученіи записки, нашелъ обоихъ дома и много гостей. Разговоръ былъ всеобщій о всякой всячинѣ, на пр. о *почеркахъ дурныхъ*, чему дало поводъ письмо, мною привезенное отъ Нат. Кир. Загряжской. Князь цитировалъ фельдмаршала Румянцова, кн. Безбородку, канцлера гр. А. Ром. Воронцова, гр. Васильчикова, Зорича и такъ далѣе. La justice exige, puisqu'on parle des mauvaises écritures, de citer aussi les belles, et certes il n'y a jamais eu d'hommes d'état qui aient eu une plus belle main que le p-ce Metternich et vous, mon prince. Кочубею была пріятна такая компанія, и онъ, какъ водится, отвѣчалъ: c'est vrai *que jadis* j'écrivais assez *lisiblement*. Cela vous plait à dire, mon prince, et pour peu que vous disputiez, je produirai le billet que j'ai eu l'honneur de recevoir de vous il y a quelques instants. Князь благодарилъ за доставленное ему письмо отъ сына Василья и разсказывалъ, что онъ прибылъ уже въ Одессу 3 числа съ графомъ А. Ѳ. Орловымъ для выдержанія 14 дневнаго карантина, что Султанъ установилъ знакъ отличія особенный для однихъ только Русскихъ въ память ихъ защиты въ 1832 году, что и его сынъ получилъ такой же, кажется съ надписью: избавителямъ царства моего; что Французы и Англичане косо на это смотрятъ и какъ будто говорятъ: сдѣлай же, глупый Махмудъ, другой знакъ намъ за избавленіе тебя отъ Русскаго ига. На берегу пролива воздвигнутъ будетъ гранитовый монументъ съ надписью Русскою и Турецкою также для увѣковѣченія благодарности Турокъ за защиту, императоромъ Николаемъ имъ оказанную. Патріархъ Константинопольскій препроводилъ отъѣзжающимъ войскамъ четыре иконы для храненія въ четырехъ полкахъ

въ память также спасенія единовѣрцевъ отъ Египетскаго нашествія: Николая Чудотворца, Георгія Побѣдоносца, Св. Спиридонія и Христа Спасителя*). Князь желалъ знать, какъ бы скорѣе въ Одессу доставить письмо къ сыну. Эстафета бы стоила рублей 300, а лучше дождаться послѣ-завтрашнюю экстра-почту. Князь при семъ случаѣ велѣлъ тебѣ кланяться, а я сказалъ, что ты часто препоручаешь мнѣ сказать ему твое почтеніе. Заѣзжалъ я проститься съ княземъ Дм. Вл., но видѣлъ только княгиню; они сегодня ѣдутъ, и она не знаетъ, какъ имъ удастся исполнить трудную комиссію сказать старухѣ о смерти Апраксина.

*

Москва, 17 Іюля 1833.

Ну сударь мой, Башилова вечеринка въ Суботу не такъ была весела, какъ должно было ожидать. Великій князь пріѣхалъ съ какого-то смотра или ученія уставши, пробылъ съ часъ и уѣхалъ. Надобно было Башилову выбрать уже другой день и ежели хотѣлъ повеселить такого дорогаго гостя, то позвать малое число очень ему коротко знакомыхъ людей: тогда его высочество, пріѣхавъ въ сюртукѣ, курилъ бы себѣ безъ церемоній сигарку; а то, не хотя́, видно, надѣлать недовольныхъ, Башиловъ пригласилъ всѣ власти. Домъ тѣсенъ, было много, жарко. Князь Кочубей, гр. Васильчиковъ, комендантъ, губернаторъ, вице-губернаторъ, полицмейстеры, гр. Гудовичъ (видѣлъ я тутъ стараго пріятеля князя Н. Г. Репнина), Дм. В. Васильчиковъ, сенаторы князь П. П. Гагаринъ, Писаревъ, Жихаревъ, Загоскинъ, вся свита великаго князя, Ржевскій, Бартеневъ, Ал. В. Васильчиковъ etc., Цыгане, актеры, пѣвцы, человѣкъ до 60. Его высочество долго со мною изволилъ разговаривать, жаловался на жаръ, и онъ смѣялся, когда я ему сказалъ: l'ami Bachiloff a voulu réunir les charmes de la musique bohémienne aux délices d'un bain russe. Смѣшилъ насъ очень актеръ Щепкинъ двумя монологами, славно представлялъ пьянаго артиста съ горя спившагося, подпустилъ удачный каламбуръ. Я потому, сказалъ онъ, люблю домà большихъ господъ, что они всегда хорошо убраны: во всѣхъ комнатахъ *штофы* или полуштофы. Великій князь сказывалъ, что графъ А. Ѳ. Орловъ пожалованъ въ полные генералы, но не зналъ о прибытіи его въ Одессу. Мнѣ пишетъ это добрая наша Pauline Саражиновичева, которую очень всѣ въ Одессѣ обласкали.

Благодарю очень милую, добрую графиню Бобринскую за память обо мнѣ; скажи ей, когда увидишь, мое душевное почтеніе. Икалось ли ей? А въ послѣдній разъ у великаго князя взапуски ее хвалили. Я разсказывалъ о ея пріятныхъ балахъ и вечеринкахъ въ Москвѣ, а его

*) Сохранились ли эти иконы, памятники вѣковаго поколебленнаго лишь въ царствованіе Александра II-го общенія нашего съ Греческими церковными властями.

высочество все твердилъ о какой-то шуткѣ касательно Адама и Евы, и сказалъ наконецъ Толстой: Non, Анна Матвѣевна, non! Ce n'est pas cela, il n'y a que la c-sse Bobrinsky qui a bien saisi ma pensée sur les premiers habitants du paradis terrestre.—Не удивляюсь, что Давыдовъ [1]) кряхтитъ; говорятъ, что онъ отъ упрямства своего пробухалъ *полмилліона*, не сдѣлавъ ничего, стало быть горекъ долженъ быть для него сахаръ. Можетъ сказать о сахарѣ: экой сахаръ!

Я забылъ тебѣ сказать, что когда обѣдалъ у великаго князя, онъ благодарилъ за сукно Наташино, даже сдѣлалъ каламбуръ, сказавъ: on ne dira pas que je suis dans de mauvais drap depuis que j'ai une uniforme faite du drap de m-me B.; je viendrai la remercier. Славное сукно на видъ; увидимъ, будетъ ли носко etc. Я Башилову сказалъ, что ежели это не простая учтивость и подлинно его высочеству угодно быть у насъ, то хорошо, кабы покуда Ольга и Катя здѣсь, чтобы вся фамилія была вмѣстѣ осчастливлена, а намъ бы лучше хозяйничать. Видно, Б. сказалъ вел. князю, ибо сію минуту получаю записку отъ Б., что его высочество будетъ къ намъ ужо въ 9 часовъ вечера чай пить и проситъ, чтобы не было церемоніи и мы одни. Пойду сказать Наташѣ; надобно все устроить, но она на это мастерица.

*

Москва, 18 Іюля 1833.

Куда мнѣ эти три дня тяжелы! Вчера не могъ я не обѣдать у графа Потемкина, коему два раза уже отказывалъ, сегодня сманилъ меня Александръ Кочубей обѣдать въ Останкинѣ у Чумаги. Этотъ пріѣзжалъ просить, совѣстно отказать, а завтра обѣщалъ Фасту обѣдать съ нимъ на дачѣ подъ Симоновымъ у Селивановскаго, а ко всему этому время сомнительно, но нельзя было отказать. Ну ужъ обѣдъ задалъ Потемкинъ! Только что птичьяго молока не было. Большой домъ его стоитъ исковерканный[2]), много начато, ничего не кончено, а на дворѣ какой-то флигелекъ отдѣлалъ онъ по царски и транжиритъ себѣ, а уже не знаю изъ какихъ доходовъ, ибо даютъ ему только 30 т. на прожитье. Я предвидѣлъ, что не будетъ конца бесѣдѣ, а потому и велѣлъ въ 6 часовъ явиться почтальону требовать меня домой. Пьемъ кофей, болтаю съ le grand Васильчиковъ и Ал. Кочубеемъ, вдругъ меня вызываютъ, возвращаюсь, беру шляпу, говоря: Вотъ всѣмъ бы хороша служба моя, только вдругъ приходится оставлять компанію пріятельскую и ѣхать домой съ набитымъ брюхомъ, приниматься за работу. Тутъ кромѣ le grand, двухъ Кочубеевъ обѣдали еще Чертковъ-

---

[1]) Дмитрій Александровичъ, отецъ славной Костромской игуменьи Маріи.

[2]) На Пречистенкѣ нынѣ Терещенки.

вдовецъ, Михаилъ Орловъ, Корсаковъ, графъ А. Бобринскій, Ржевскій, Верстовскій, Писаревъ А. А., Жихаревъ etc. Однакоже, такъ какъ ѣхалъ мимо, заѣхалъ къ Лѣсовскому, коего нашелъ лучше (надѣлъ сюртукъ), скучаетъ очень болѣзнію своею; но я ему предсказалъ, что выздоровленіе его будетъ продолжительно.

Вотъ тебѣ на! Кочубей занемогъ, пишетъ, что не можетъ ѣхать, et moi, qui allai à Останкино pas pour les beaux yeux de Tchoumaga, mais pour ceux de Kotchoubey, je suis frais! Вѣрно вчера у Потемкина изволилъ обкушаться.

*

Москва, 20 Іюля 1833.

Экзекуторъ Похвисневъ получилъ печальную вѣсть о кончинѣ генер.-адъютанта Н. И. Демидова въ Пятигорскѣ. Излишнее употребленіе, т. е. усиленіе препорціи Кавказскихъ водъ, умножило его разслабленіе, взволновало геморонды и произвело кровавый поносъ, коего невозможно было остановить. Онъ скончался 5 Іюля, тѣло его повезутъ сюда. Жаль его! Человѣкъ былъ странный, но преданный престолу и самый благонамѣренный. Великій князь вѣрно очень будетъ объ немъ сожалѣть.—Вчера обѣдалъ я съ Фастомъ подъ Симоновымъ у Селивановскаго. Что за прелестное мѣстоположеніе, въ саду терраса, и вся Москва какъ на ладони; тутъ мы сѣли, закурили трубки и сигары и ну болтать, да и проболтали до 7 часовъ. Поспѣлъ еще въ театръ Французскій, куда звалъ меня великій князь, но его высочество не изволилъ пріѣхать, былъ гдѣ-то за городомъ.

*

Москва, 22 Іюля 1833.

Чумага важный вчера задалъ пиръ, обѣдъ превкусный со всѣми аксесуарами. Во время онаго попеременно слушали мы полковую музыку, духовую и пѣсенниковъ, послѣ обѣда пѣли Цыгане. Его цѣль была продержать князя Виктора Павловича и всю компанію до ночи, ибо приготовленъ былъ большой фейервекъ; но я, отпивши кофей, пустился въ Москву, гдѣ и нашелъ только что прибывшую почту вашу отъ 18 числа. Гости были князь и княгиня Кочубей, Алекс. и Аркадій Кочубей, этотъ съ женою, графиня Чернышова, Зотова съ отцемъ, князь Мих. Ник. Голицынъ съ женою, гр. Васильчиковъ, Дм. Вас. и Алексѣй Вас. Васильчиковы, вдовецъ Чертковъ, Башиловъ, графъ А. И. Гудовичъ etc, человѣкъ тридцать всѣхъ. Князь В. П. сказывалъ мнѣ, что 28 или 30 собирается уже обратно въ Петербургъ. Я чаю, графъ Орловъ уже у васъ теперь. Почту вручилъ я самъ вел. княгинѣ; она изволила меня принять въ кабинетѣ, гдѣ занималась письмомъ, говорила, что рада пріѣзду Ольги и нетерпѣлива съ нею

познакомиться, видя ее почти ребенкомъ. Его высочества не было дома.—За обоихъ братцевъ Педро и Мигуеля гроша не дамъ, но желаю послѣднему взять верхъ ради дѣла имъ защищаемаго; но теперь я думаю для спокойствія Европы лучше, что д. Педро торжествуетъ, ибо въ противномъ случаѣ король-гражданинъ вооруженно взялъ бы сторону д. Педра, взбѣсясь на то, что Бурмонъ поѣхалъ брать начальство надъ Лиссабономъ; пошла бы каша, и могла бы война Европейская возгорѣться. Теперь оную нельзя предвидѣть, а худо будетъ только Фердинанду Гишпанскому между двухъ конституцій.

*

Москва, 24 Іюля 1833.

Во второмъ часу поѣхалъ съ своими Долгорукими во дворецъ великокняжескій. Мужъ и жена представлялись великой княгинѣ. Ея высочество обоихъ обласкала, особенно Ольгу; она только одна представлялась, и великая княгиня долго съ нею изволила разговаривать. Ольга увѣряетъ, что она робѣетъ передъ нею болѣе, нежели передъ Императрицею самою; но Вешняковъ утверждаетъ противное: говоритъ, что она была очень мила, все было говорено кстати, и великая княгиня смѣялась многимъ ея размышленіямъ и когда она вышла, очень ее выхваляла. Великаго князя не было дома, и представленій къ нему не было. Видѣлъ я тутъ пріятеля твоего Муханова Николая.

Вчера имѣлъ счастіе обѣдать у великаго князя. Великая княгиня поѣхала кушать съ дѣтьми въ Кунцево, гдѣ великій князь давалъ кадетамъ маленькимъ праздничекъ, обѣдалъ дома; насъ было только пять: его высочество, князь Серг. Мих. Голицынъ, Башиловъ и я, да дежурный адъютантъ. Когда я пріѣхалъ туда, то нашелъ только князя Серг. Мих., коего видѣлъ въ первый разъ съ возвращенія его изъ чужихъ краевъ. Онъ очень поправился, моложе сталъ, доволенъ здоровьемъ, но бросилъ мясо, вино и вообще наблюдаетъ строгую діэту. Великій князь бралъ ванну, и мы проговорили почти часъ о любезной Италіи; князь разсказывалъ о путешествіяхъ своихъ, объ общихъ знакомыхъ, о покупкахъ etc. Кстати онъ случился: и мнѣ было, и ему нескучно. Великій князь присылалъ извиняться и вышелъ къ 4 часамъ. Великая княгиня приходила прощаться и взяла на дорогу ломоть хлѣба ситнаго. Его высочество былъ очень веселъ, все трунилъ надъ Башиловымъ. Ты, братъ Башиловъ, точно шустеръ; посмотри у Булгакова фракъ, галстукъ, жилетъ, и свои; какъ у него все хорошо, а у тебя скверно шито и сидитъ.—Ну такъ прикажите вашему Булгакову меня учить.—Извольте, ваше высочество, берусь изъ Башилова сдѣлать щеголя, только я начну одною операціею.—Какою?—Отпилю ему брюхо,

которое слишкомъ выпячивается etc. Послѣ обѣда сѣли на стеклянномъ балконѣ курить. Башиловъ продолжалъ свои фарсы. Послѣ великій князь изволилъ взять меня подъ руку, и пошли мы вдвоемъ ходить по саду, разговаривая о политическихъ дѣлахъ. Возвратясь, нашелъ я почтальона: эстафета отъ князя Дм. Вл. и письмо отъ него къ Ек. Вл. Апраксиной. Она близко живетъ, и я отвезъ ей самъ письмо. Странны ихъ проекты! Они зовутъ Апраксину въ Городню и говорятъ, что о смерти Апраксина положили они объявить старухѣ въ Петербургѣ, т. е. въ Августѣ. Сбыточное ли это дѣло? Mais, madame, irez-vous chez maman en deuil?—Certes non, je l'ôterai.—Mais si ce n'est l'habit, votre visage sera toujours de deuil. Comment vous maîtriser, quand vous verrez votre maman? Je suppose que le défunt écrivait à votre maman?—Mais presque tous les jours.—Mais dans ce cas le silence doit tout expliquer.—On veut dire à maman qu'il est malade.—Mais, madame, tout malade doit ou guérir ou mourir, et à quoi bon prolonger ces erreurs et vivre tout ce temps dans un cercle des mensonges? Vous vous trahirez, et puis il se trouvera quelque voisin, quelque nouveau débarqué qui dira le tout au moment où vous vous attendez le moins. И К. Вл., и дочь ея Голицына въ томъ были согласны и негодуютъ на глупыя эти мѣры. К. Вл. просила послать эстафету туда, что̀ я и сдѣлалъ, и она ждетъ отвѣта, чтобы рѣшиться на что-нибудь.—Въ Понедѣльникъ Танѣева введу въ должность, а очень бы хорошо прибавить нашу сумму. Дѣла очень много, и точно у чиновниковъ силы недостаетъ, надобно будетъ подумать о прибавкѣ; тогда и сумма (да и теперь уже) будетъ недостаточна, а потому въ Декабрѣ сдѣлаю представленіе князю. Да, ради Бога, дайте намъ чѣмъ отдѣлать строенія наши; положимъ, что съ тѣснотою можно еще ладить, но все валится на дворѣ; я послалъ къ тебѣ смѣту.

*

Москва, 25 Іюля 1833.

Мы всѣ внѣ себя отъ милостей великаго князя. Довольно тебѣ сказать, что его высочество пожаловалъ къ намъ въ 9 часовъ, а уѣхать изволилъ въ половинѣ 2-го часа, чего (пивши воды) ни разу еще не дѣлалъ съ пріѣзда своего въ Москву. Но надобно тебѣ, хоть вкратцѣ, но разсказать все по порядку. Нашъ день Понедѣльникъ, то съѣхались обѣдать музыкантъ Рейнгардъ (этотъ уѣхалъ въ театръ), Бартенева съ двумя дочерьми. Эти насъ не женировали, простого, добраго обхожденія, знакомы его высочеству; старшая славно поетъ, то мы ихъ заполонили на цѣлый день. Рейнгардъ даетъ уроки маленькимъ великимъ княжнамъ, то очень насъ встревожило узнать отъ него, что великій князь жаловался ночью и что его высочеству приставлено 35

піявокъ. Конечно посѣщеніе только бы отложилось на другое время; но Ольги не было бы, она собирается домой въ Шеметево, а Ольга большая подмога. Нечего дѣлать! Отправляя Волкова съ почтою во дворецъ, я велѣлъ ему умненько узнать о здоровьѣ великаго князя, думая послѣ обѣда самъ ѣхать навѣдаться или записаться. Волковъ донесъ, что великому князю ставили піявки вчера вечеромъ, но что камердинеръ сказывалъ, что его высочество изволитъ сегодня выѣхать. Это насъ успокоило. Все было готово къ принятію, домъ весь освѣщенъ (я вижу его самъ въ первый разъ такъ, и подлинно славно, лампы Моперна прекрасны!), ковры на лѣстницѣ. Я не могъ помѣшать чиновникамъ составить двѣ шеренги отъ дверей до низу лѣстницы; собрались Фастъ, Трескинъ, Имбергъ. Въ девять часовъ прибылъ дорогой гость, на улицѣ и дворѣ множество было народу. Я встрѣтилъ его высочество у выхода его изъ коляски. На серединѣ лѣстницы подъ лампою стоялъ Пашка въ казачьемъ мундирѣ и отдалъ ему честь. В. К. нагнулся поцѣловать его и сказалъ: Очень хорошо! Только замѣчаю тебѣ мимоходомъ, что ночью честь никому не отдаютъ. Въ залѣ встрѣтили его высочество Наташа, Долгорукіе и Катя. Онъ Наташу поблагодарилъ за сукно, извинился, что поздно это дѣлаетъ, обласкалъ зятя и жену его; пошли въ каминную, сборная Наташи. Я представилъ его высочеству Фаста, сказавъ, что онъ какъ третій у насъ братъ, что съ нимъ учились мы оба съ тобою*), что росли вмѣстѣ.... Великій князь перебилъ рѣчь и, указывая на Фаста, сказалъ смѣявшись: однакоже онъ тебя не переросъ! Потомъ представилъ я Трескина и Имберга. Видя его въ веселомъ расположеніи духа, я подвелъ Башилова (который съ его высочествомъ пріѣхалъ) и сказалъ: а это извѣстный строитель Москвы и сенаторъ Башиловъ. J'ai entendu parler de ce mauvais sujet, отвѣчалъ великій князь, mais je ne l'avais vu de près. Подали чай, потомъ е. в. разсматривалъ ширмы, оклеенныя всякими карикатурами и рисунками, и сказалъ: mais je trouve plus joli le paravent que vous avez fait pour ma femme. Послѣ пошли въ залу, Катя пѣла, послѣ обѣ сестры вмѣстѣ, послѣ вся фамилія вмѣстѣ, и я тутъ же il pescatore, баркаролу и хоръ que le roi vive. Усѣлись въ залѣ, гдѣ не такъ было жарко; хотѣлось мнѣ, чтобы в. к. курилъ (шляпу свою отдалъ Пашкѣ на сбереженіе), я просилъ Ольгу это устроить, и она очень ловко и умно это сдѣлала. Усѣлись всѣ около фортепіано, она ушла и возвратилась съ руками назади. Monseigneur, j'ai une grâce à vous demander.—Quoi, madame, veuillez dire: c'est accordé.—J'ai à cette

*) Въ Московской Петропавловской школѣ. Ф. П. Макеровскій былъ очень небольшаго роста.

heure-ci l'habitude de fumer une packitos; permettez que je le fasse?— Je vous prie, princesse, de ne pas vous gêner. Ольга закурила пахитосъ (во время брюха своего она сдѣлала эту привычку и теперь всегда по двѣ и три выкуриваетъ пахитоски). В. к. очень смѣялся и сказалъ: mais c'est tout de bon.—А вы думали шутка? Только я одна курить не могу, такъ прошу в. в. сдѣлать компанію, *ежели вы курите.*—Грѣшенъ, сударыня, курю сигары. Ольга тотчасъ подала сигару въ прекрасномъ мундштучкѣ кораловомъ, ею же мнѣ подаренномъ. В. к., принявъ милостиво, сказалъ: Puisque vous le permettez et m'en donnez l'exemple, je fumerai, mais aussi avec une condition qu'on donne un cigarre à Bachiloff et que tout le monde fume. Puisque c'est ainsi, сказала Наташа, et qu'il est question de fumer, transportons nous en Turquie. Пошли въ Турецкую комнату, всѣ расположились на диванахъ около его в., и пошла бесѣда и куреніе. В. к. перемѣнилъ три раза сигары, былъ очень веселъ, любезенъ такъ, что позволенія просилъ разстегнуть воротникъ мундира, много разсказывалъ любопытнаго, серьезнаго напр. о Польской войнѣ, о 14 Декабря etc., много и шутилъ, говорилъ каламбуровъ, очень занялся Ольгою, которая ужасно его забавляла и смѣшила. Подавали мороженое, фрукты, но е. в., ради водъ, ни до чего не дотрогивался. Потомъ пошли въ залу опять пѣть разные хоры, Башиловъ плясалъ Тирольскую. Е. в. хвалилъ пѣсенку, пѣтую Ольгою и Катею, коей слова и музыка сочиненіе Кости нашего. Право, не видали, какъ прошло время; было безъ четверти два часа, какъ е. в. изволилъ уѣхать. Пашка былъ на томъ же мѣстѣ на часахъ, и его опять поднялъ и поцѣловалъ в. князь. Внизу, хотя и такъ было поздно, множество было не только чиновниковъ, но даже дамъ, и они имѣли счастіе не только видѣть е. в., но слышать его голосъ; ибо, замѣтя тутъ караульнаго нашего съ медалями, в. к. подошелъ къ нему и дѣлалъ Мореву много вопросовъ.

У коляски поцѣловалъ я плечо дорогого гостя нашего, но его высочество, обнявъ меня, поцѣловалъ меня два раза, повторяя громко: очень, очень тебя благодарю. Я воротился вверхъ въ восхищеніи; мы сѣли всѣ ужинать par extraordinaire, и пили здоровья осчастливившаго почтамтъ гостя. Ни одинъ человѣкъ не остался недовольнымъ, всѣ почтамтскіе видѣли его, слышали его голосъ, наглядѣлись что̀ называется до сыта, ибо былъ у насъ почти пять часовъ. Невозможно все разсказать въ письмѣ, но какъ онъ добръ, какое напр. показалъ участіе къ Пашкѣ! Вотъ его слова: écoutez, mon cher; il faut absolument que vous voyez l'établissement du docteur Mandelini. La première fois que j'y irai, je vous ferai savoir, et nous irons ensemble; nous prendrons le petit et

nous causerons avec Mandelini sur son pied. Сію минуту ѣду къ его высочеству благодарить; ежели не найду дома, то оставлю записку, въ коей сказано, что пріѣзжалъ благодарить за то, что осчастливилъ домъ нашъ своимъ присутствіемъ.

Былъ, засталъ. Великій князь велѣлъ тотчасъ меня впустить и очень долго задержалъ, всѣ вчерашнія свои милости сегодня довершилъ, т. е. стыдно мнѣ повторять его слова: J'ai passé une charmante soirée; au reste il n'y a qu'à dire que jamais je ne suis rentré aussi tard moi qui prend les eaux et qui les a pris ce matin encore. Перехвалилъ всю семью, особенно Ольгу, говорилъ о нашей съ тобой привязанности къ Государю, о ревности, что̀ утѣшало меня крайне; сіе дало поводу великому князю говорить о вольнодумцахъ. Его высочеству угодно было ввѣрить мнѣ странную переписку Михаила Орлова съ Васильчиковымъ, коему тотъ пишетъ, что, зная, что е. в. будетъ сегодня у Пашковыхъ на вечеринкѣ, въ коей будутъ tableaux etc. и не желая сдѣлать противное его выс-ству, онъ желаетъ знать, можетъ ли онъ тамъ быть, бывши также приглашенъ etc. Je trouve, сказалъ в. к., tout cela fort ridicule de la part de m-r O., malgré la phrase dont c'est enveloppé. J'ai fait répondre par W. qu'une fois que m-r O. avait la permission de rester à Moscou, il supposait qu'il était très indifférent pour le grand-duc Michel quelle était la societé que lui O. fréquentait et que personne ne pouvait l'empêcher d'être où bon lui semble. Ce serait, прибавилъ в. к., à lui à comprendre, s'il peut ou non m'être agréable de le rencontrer.

*

Москва, 26 Іюля 1833.

Вчера былъ славный баликъ и tableaux у Киндяковыхъ въ Петровскомъ. Вел. князь удостоилъ вечеръ своимъ присутствіемъ. Киндякова видалъ в. к. на водахъ, и тамъ устроилось это чрезъ Башилова. Tableaux, коихъ было 8, были очень хороши, только тѣсно такъ, что и в. к. не всѣ видѣлъ порядочно, уступавши все мѣсто дамамъ. Онъ танцовалъ нѣсколько польскихъ и почти все время разговаривалъ съ Ольгою и Катенькою. Мих. О. не пріѣхалъ; очень умно сдѣлалъ, а еще было бы умнѣе не зачинать неумѣстной и лишней переписки, о коей я тебѣ вчера писалъ. Славный былъ ужинъ, а мы возвратились въ три часа оттуда. Говорятъ, что праздникъ стоилъ хозяйкѣ 3000 р. Немудрено: Петровское не Москва, все надобно туда привезти. Что̀ пишетъ тебѣ братъ? спросилъ в. князь.—Ничего новаго нѣтъ, кромѣ славнаго письма султанова военнаго министра къ нашему Государю, которое въ J. de S-t Pétersbourg напечатано; да говоритъ братъ, что холодно у нихъ, жалуется на время. Да и мнѣ пишутъ, что въ Пе-

тербургѣ топятъ; немудрено, прибавилъ великій князь, каламбурничая, Петербургъ мѣсто топкое. Ольга его послѣ атаковала, доказывая, что не резонъ топить отъ того только, что мѣсто топко.

*

Москва, 29 Іюля 1833.

Вчера за обѣдомъ у великаго князя рѣчь была о тебѣ. Votre frère se donne beaucoup de peine, дачу твою хвалилъ, о дѣтяхъ твоихъ спрашивалъ; я сказалъ, что Соня*) отличалась на балѣ у графини Бобринской. Послѣ обѣда позвалъ къ себѣ въ кабинетъ, посадилъ, взялъ сигару, и мнѣ подали другую, и такъ втроемъ съ Башиловымъ разговаривали до семи часовъ. Ея высочество не очень здорова и не изволила выходить. Обѣдали комендантъ, генералъ Шиповъ, Вас. Дм. Олсуфьевъ, Башиловъ и домашніе.

*

Москва, 31 Іюля 1833.

Получа мою эстафету, Долгорукій, какъ умница, тотчасъ отправился въ Москву, чтобы имѣть счастіе представиться великому князю по запискѣ Васильчикова. Въ девять часовъ былъ здѣсь. Сказано въ повѣсткѣ глухо: въ первомъ часу. Д. поѣхалъ въ ¼ перваго. Вел. князь уже уѣхалъ со двора, и всѣ пріѣзжавшіе представляться его уже не застали. Является ко мнѣ Д. въ отчаяніи: скакалъ 80 верстъ понапрасну. Что̀ дѣлать? Ждать до того Воскресенья? Опять сюда пріѣхать? Погоди, сказалъ я, останься обѣдать съ нами; авось почта придетъ, я самъ ее отвезу вел. князю и узнаю какъ нибудь, что̀ дѣлать. И подлинно, къ пирожному явилась почта, я поѣхалъ съ пакетомъ. Здравствуй, Б.; экую ты мнѣ кучу привезъ, сжалься надъ моими глазами, садись, вотъ тебѣ сигара, а мнѣ позволь читать. Ну что скажешь? Что твои? Что милая княгиня Ольга А.?—Чево, в. в., у насъ бѣдушка была!—Что такое? Я разсказалъ о путешествіи Д. и что не засталъ е. в.—Да, я долженъ былъ выѣхать ранѣе чѣмъ полагалъ. Зять твой здѣсь? (указывая на ту комнату). Нѣтъ, в. в., я не смѣлъ его привезти.—Привези ужо, завтра, когда хочешь. Что̀ дѣлаетъ княгиня О. А.?—Я получилъ съ мужемъ ея письмо отъ нея и почти все вами наполненное...—Лжешь, Б.!—Право, в. в.—Лжешь, Б.!—Да и письмо со мною.—Покажи! Ольга какъ будто предчувствовала, написала письмо точно на показъ в. князю: Mon mari est bien heureux de faire cette course, rien que pour avoir le bonheur de voir mgr le grand-duc. Comment reconnaitrions nous toute la bonté que s. a. témoigne à nous tous!

---

*) Это скончавшаяся 25 Генваря нынѣшняго года, графиня Софья Константиновна, вдова графа Бориса Алексѣевича Перовскаго, по мысли и указанію котораго и помѣщаются въ „Русскомъ Архивѣ" настоящія извлеченія изъ писемъ къ его тестю. О графѣ Б. А. Перовскомъ см. нашу поминальную страницу („Русскій Архивъ" 1881, III, 475).

Дишка n'a pas hésité un moment à partir; je vous embrasse, cher papa, et vous remercie de nous avoir envoyer un expres, etc. Великій князь взялъ читать письмо, но рука Ольгина довольно связна, то я ему прочелъ. Его в-ству было это очень пріятно, онъ началъ хвалить Ольгу и прибавилъ: de longtemps, *mon cher*, je n'oublierai la soirée passée chez vous; je n'en ai pas eu de plus agréable ici à Moscou. Потомъ прибавилъ: dites à votre beau-fils qu'il regarde sa présentation comme faite, que je suis sûr qu'il aime mieux voir sa femme que moi, donc qu'il parte pour la rejoindre, mais (une condition) avant de l'embrasser pour lui, qu'il me mette aux pieds de la princesse. Можно ли быть добрѣе, вѣжливѣе? Какъ я возвратился домой, то Д. не смѣлъ спросить, что̀ ему дѣлать и запрыгалъ, когда все узналъ. Я его благословилъ на дорогу, а черезъ полчаса не было уже его въ Москвѣ. Онъ только что не плакалъ. Comment faire 160 verstes pour rien, arriver à Schémétovo pour dire: je n'ai pas vu le grand-duc? Покуда мы курили, изволила прійти великая княгиня, жаловалась, что ей нехорошо отъ водъ. Я нахожу, что лицо хорошо, но точно похудѣла нѣсколько. Я донесъ ея высочеству, что Орловъ, коего уморили здѣсь на водахъ и о коемъ она изволила въ тотъ разъ меня спрашивать, пріѣхалъ въ Петербургъ, да еще и самъ другъ съ портретомъ султанскимъ. Je vous remercie pour les paquets que vous m'avez apporté, mais où est donc la caisse qu'on annonce?—Il n'y en a pas eu, madame, apparemment que cela viendra avec la poste lourde.—Mais est-ce qu'on ne pourrait pas m'envoyer la caisse que je reçois de temps en temps avec la poste légère?—Certes cette exception sera faite en faveur de v. a. imp.; j'en écrirai à mon frère, il expédie ce qu'on lui apporte; ce seroit au comtoir de monseigneur à Pétersbourg à se règler suivant la volonté de v. a. i. J'en écrirai de mon côté. Она приходила прощаться: ѣхала со двора прогуливаться въ ландо. Вел. князь, пожавъ руку, сказалъ: adieu, mon cher; ты, я чаю, поѣдешь возиться съ своими почтами, а мнѣ пора ѣхать къ моимъ кадетамъ. Я виноватъ: распечатывая постпакетъ, вижу Закревскаго руку и слово Булгаковъ; думалъ, что ко мнѣ, распечаталъ, вмѣсто того къ тебѣ.

?

Москва, 3 Августа 1833.

Я былъ вчера у Мамоновой въ Васильевскомъ, видѣлъ Грациискаго, отдалъ ему 1-е письмо Блудова pour sa règle, 2-е бумагу отъ дворянскаго предводителя съ тѣмъ, чтобы не замедлилъ приготовить отвѣтъ къ твоему подписанію. Обѣщалъ скоро все исполнить. Васильевское прелестно. Она хочетъ передѣлать, украсить и употребить столько, сколько стоила покупка сама; тогда, можетъ братъ ея быть

тутъ и нѣкоторую часть зимы. Очень она жаловалась на теперешнее положеніе брата ея. А кто виноватъ? Сама. Что̀ она ни дѣлай, а уже не будетъ никогда ни порядка, ни надзора, ни попеченія, какое было прежде. Маркусъ ѣздилъ всякій день, а иной и два раза въ день, умѣлъ обходиться какъ должно съ больнымъ, который находилъ разнообразную пищу въ его разговорѣ; докторъ Эвеніусъ жилъ у графа и наблюдалъ за нимъ; Зандрартъ былъ человѣкъ золотой, почти съ глазъ графа не спускалъ, онъ его слушалъ и боялся, былъ опрятенъ въ одеждѣ, брился, мылся, все дѣлалъ въ положенные часы; Зандрартъ велъ обстоятельный журналъ всему, что̀ происходило съ графомъ, что̀ онъ дѣлалъ, говорилъ всякій день, какъ спалъ, что̀ ѣлъ, пилъ и пр. Конечно плату имѣлъ хорошую, но за то и должность его была точно трудная. Отъ ненависти графъ перешелъ, наконецъ, къ ласкѣ, сталъ ходить въ комнату къ Зандрарту, ласкалъ его дѣтей etc. У больного были экипажи, столъ хорошій, я самъ нѣсколько разъ обѣдалъ у него, гардеробъ былъ отличный, бѣлье тонкое, большая прислуга. Теперь жалко смотрѣть на этотъ домъ: больной никуда не ѣздитъ, не прогуливается (полно, есть ли карета?), графиня сказывала, что нѣсколько паръ чулокъ, и то солдатскіе, неопрятенъ, лѣкаря дали какого-то дурака, не умѣющаго съ нимъ обходиться; до двухъ и трехъ часовъ графъ пишетъ; засыпая такъ поздно, встаетъ въ 2 часа и тотчасъ обѣдаетъ, даютъ пить вино, водку, куритъ до 40 сигаръ въ день, такъ что едва можно его разглядѣть въ облакѣ дыма, въ коемъ онъ всегда находится; все это должно его горячить ужасно, за то и бредитъ больше прежняго, пишетъ всякую чепуху; теперь думаетъ, что онъ Магометъ. Былъ набоженъ, теперь слышать не хочетъ о Богѣ; въ послѣдній разъ хотѣли силою служить молебенъ у него, онъ прибилъ дьячка за то, что былъ въ бородѣ и не хочетъ выѣзжать, чтобы не видѣть мужиковъ съ бородами. Кажется, графиня мѣтитъ Лебепвейну отдать командованіе всѣмъ съ большимъ окладомъ, но трудно будетъ переломить сумасшедшаго на прежній ладъ. Стыдно, право, что при такомъ богатствѣ не умѣютъ прилично содержать графа и не имѣютъ лучшаго о немъ попеченія. Она все таже, все больна, всего боится, а теперь особенно холеры; то ѣдетъ, то остается, сама не знаетъ, что̀ хочетъ.

*

Москва, 9 Августа 1833.

Твое замѣчаніе касательно скудости средствъ на Сиротское отдѣленіе весьма основательно, а я эту статью въ Волковой біографіи перемѣню; что̀ касается до другой статьи, оканчивающей біографію, то и моимъ ушамъ противно было слово *гражданинъ*, но я не зналъ никакъ чѣмъ замѣнить. Слова: *чиновникъ, лицо, обыватель* не шли. Впро-

чемъ я это перемѣню или вовсе вымараю. Увидимъ, что̀ скажетъ графъ А. Х. Я увѣренъ, что въ Москвѣ славно разойдутся 500 экземпляровъ, ежели и не на 1000 р., полагая цѣну 2 р. 50 к.; а деньги вырученныя отдамъ Софьѣ Александровнѣ для употребленія въ пользу бѣдныхъ, особенно покойному ея мужу извѣстныхъ.

*

Москва, 10 Августа 1833.

Насилу ноги таскаю: такъ я усталъ, мой милый и любезнѣйшій другъ. Одни пріуготовленія меня замучали, а тутъ надобно было еще и танцовать, а я отвыкъ, давно не прыгалъ; но за то праздникъ совершенно удался, только Ольги видимо недоставало. Всѣ, начиная съ его высочества, о томъ сожалѣли. Теперь я еще болѣе сожалѣю, что баликъ не былъ отложенъ дня на три: Ольга успѣла бы пріѣхать, мы бы позвали лишнихъ 50 человѣкъ (было и мѣсто и чѣмъ потчивать, всего премного осталось) и можетъ быть и ея высочество съ великимъ княземъ удостоила бы насъ своимъ присутствіемъ. Когда я сказалъ его высочеству, что одного не доставало для нашего совершеннаго счастія.—Что̀ такое?—Присутствія вел. княгини.—Зачѣмъ же ты не позвалъ?—Мы не смѣли, в. в-во.—Что̀ за слово не смѣли! Почему?—Во-первыхъ вел. княгиня не совсѣмъ здорова...—Она бы не стала прыгать какъ мы, и долго бы не могла остаться, но вѣрно бы пріѣхала. Это было слышано, и дамы стали меня мучить повторить вечеръ; но я, вѣрно, не сдѣлаю его: ничего такъ не боюсь какъ докучливости. Ну, сударь, домъ былъ славно убранъ, чисто, во всѣхъ комнатахъ лампы Моперта, на кои всѣ любовались, а зала была освѣщена свѣчами; могло бы быть еще свѣтлѣе, но и такъ слишкомъ 80 свѣчъ горѣло, никто дома не узнавалъ. Ты помнишь комнату, бывшую у тебя столовою и которую отдалъ я Трескину; чтобы закрыть дверь эту, мы сдѣлали гору изъ прекрасныхъ цвѣтовъ, кои точно обращали удивленіе всѣхъ по множеству лимоновъ и померанцевъ, кои всѣ были искусно привязаны проволоками; въ этой густой зелени шарлатанъ нашъ Ванюшка навязалъ всякую всячину, розановъ и другихъ дѣланыхъ цвѣтовъ. Это богатство и разнообразіе изумляло всѣхъ, а я увѣрялъ, что мнѣ надавали пропасть горшковъ изъ Горенковъ; на верху этой горы повѣшенъ былъ портретъ Императора въ золотой рамкѣ съ короною, окруженный большимъ лавровымъ вѣнкомъ. Большія окна овальной залы голы, безъ гардинъ; мы вотъ какъ ихъ украсили гирляндами М изъ дубовыхъ листьевъ. Это М (Михаилъ) играло большую роль и дѣлало большой эфектъ. Катя развернулась и пустилась на каламбуры; танцуя польскій съ его высочествомъ, который смотрѣлъ

на шифры свои, она ему сказала: S'il était permis de tutoyer un grand-duc, on dirait: tout t'aime ici!—Quoi? Quoi? dit-il. Tout M. ici.—M-elle, je voudrais que cela fût vrai. Лѣстница была вся въ цвѣтахъ также. Пашка былъ опять на своемъ мѣстѣ, и вел. князь замѣтилъ, что онъ не забылъ его замѣчанія и чести ему не отдалъ. Всѣ гости были уже тутъ, вел. князь пріѣхалъ въ половинѣ 10-го и тотчасъ началъ обходить всѣхъ дамъ, поговорилъ съ Ив. Ив. Дмитріевымъ, съ княземъ Серг. Мих. Голицынымъ, потомъ пройти изволилъ въ Турецкую, гдѣ сидѣли, какъ гаремъ, всѣ мамзели и молодежь. Наташа подошла спросить, позволитъ ли начать танцы? Je suis ici pour faire ce qu'on m'ordonnera.—Veuillez, msgr, nous donner l'exemple. Начались польскіе, кои долго продолжались, ибо е. в. ни одну почти даму не хотѣлъ оставить не сдѣлавъ ей чести съ нею танцовать; потомъ начались танцы, кои продолжались безпрерывно до ужина, т. е. до трёхъ часовъ утра. Въ это время изволилъ его в-ство уѣхать, повторяя, что онъ провелъ вечеръ весьма пріятный и благодарилъ насъ очень. Два раза вальсировалъ съ Катенькою и вообще былъ очень веселъ, свободно и милостиво разговаривалъ съ особами ближе къ нему стоящими, не разбирая чиновъ. Чуть не забылъ тебѣ сказать, что, во время котильона, отворились двери, и одѣтый въ почтальона маленькій нашъ Пашка промаршировалъ къ вел. князю, остановился передъ нимъ, вытянулся: здравія желаю, в. и. в! Повернулъ большую суму, висѣвшую какъ слѣдуетъ на правомъ боку, вынулъ изъ нея два пакета и, подавая ихъ, сказалъ: Два пакета получены по эстафетѣ. Вел. князь засмѣялся, сказалъ: Ай да почтальонъ! Ты, мнѣ кажется, прежде служилъ въ казакахъ! Взялъ, распечаталъ письма; въ одномъ пакетѣ были стихи, кои имѣли быть пѣты въ честь е. в. на голосъ que le roi vive, но за неприбытіемъ Ольги пѣты не были (сочинены А. Г. Хомутовою, прилагаю ихъ при семъ), а въ другомъ было отъ Пашки благодарное именемъ жены и всѣхъ насъ письмо за то, что осчастливить изволилъ своимъ присутствіемъ нашу вечеринку. Вел. кн. все это положилъ въ карманъ и ласкалъ очень Пашку, при семъ опять мнѣ повторилъ: Когда же повеземъ его къ Манделини? Ужинъ былъ славный и на 90 человѣкъ, а было менѣе половины. Мы пили здоровье е. в.; послѣ ужина начались уже не танцы, но истинные фарсы. Сперва присутствіе дорогого гостя удерживало всѣхъ, никто не садился даже въ котильонѣ, а тутъ уже пошла республика, молодежь же имѣла Шампанскаго сколько душѣ угодно. Вотъ, кажется, главное тебѣ разсказалъ, мой милый другъ; я заспался сегодня, а дѣла еще много, къ тому же кн. Тат. Вас. велѣла просить къ себѣ, имѣя какую-то нужду до меня, съѣзжу на минуту. Вотъ тебѣ списокъ гостямъ вчерашнимъ, также

bouts-rimés, кои я задавалъ и которыя Хомутова славно исполнила и въ одну минуту [1]). Теперь сдѣлай мнѣ одолженіе и дай письмо мое и все это прочесть Костѣ и Вяземскому. Все это повторять имъ было бы невозможно для меня. Всѣ почти о Костѣ вспоминали; то-то бы онъ хозяйничалъ и отличался! Наши гости 9 Августа 1833 [2]).

Его Императорское Высочество.
Генералъ Вишняковъ. }
Философовъ. }
Князь Урусовъ. } Адъютанты его В-ва.
Грессеръ. }
Шарнгорстъ. }
Ст. Ив. Лѣсовскій съ фамил.
Авд. Сем. Лунина.
А. Г. Хомутова.
Алек. Вас. } Киндяковы.
Екат. Петр. }
А-ра Иван. }
Над. Сергѣев. } Пашковы.
Ольга Алекс. }
Ѳед. Ив. Бартенева съ 2 доч. и сын.
Екат. П. Чичерина. } фрейлины ея
А. И. Толстая. } высоч.
Полтавцова съ 2 доч.
П. В. Обрѣзкова съ дочер.
Графиня Гудовичъ съ доч. ||
Князь Д. В. Голицынъ. ||
Комендантъ Стааль. ||
Губерн. Небольсинъ, боленъ. ||
Вицегубер. Деменковъ.
Сенаторъ Башиловъ.
„ Дурасовъ.
„ Малиновскій.
„ Яковлевъ. ||
Кн. С. Н. Гагаринъ.
Кн. С. М. Голицынъ. ||

Графъ Гудовичъ. ||
Ив. Вас. Чертковъ. ||
Ив. Ив. Дмитріевъ.
Кн. В. С. Голицынъ.
Иванъ Алек. Нарышкинъ съ доч.
Директ. театра Загоскинъ. ||
М. М. Волынскій.
В. А. Обрѣзковъ.
С. Ѳ. Саковнинъ. ||
С. В. Шереметевъ.
Дм. Мих. Львовъ. ||
А. С. Талызинъ. ||
Ѳ. П. Макеровскій.
В. Д. Олсуфьевъ.
Князь Львовъ.
Князь Мещерскій.
И. Я. Лазаревъ.
А. П. Кобылинскій. ||
Т. К. Чумага.
А. И. Трескинъ съ дѣт.
И. П. Татищевъ.
Кн. Шаликовъ. ||
К. Пав. Нарышкинъ.
И. В. Путята.
А. Н. Норовъ.
Гусаръ Пашковъ.
„ Киндяковъ.
„ Арсеньевъ.
„ Ганъ.
„ Вейтбрехтъ.

*

Москва, 11 Августа 1833.

Желаю знать, чтò скажетъ мнѣ или тебѣ графъ Ал. Хр., чтобы приступить къ печатанію біографіи Волкова въ пользу бѣдныхъ. Давеча вел. княгиня меня спрашивала: Eh bien, s'amuse-t-on à Pétersbg?— Mon frère me parle d'un joli bal, qui a eu lieu chez la c-sse Schouwaloff le 5.—Est-ce que l'Impératrice y a été?—Non, madame, mais tout le beau-monde.

*

[1]) Этого приложенія не имѣется. П. Б.
[2]) Означенные || не могли быть по разнымъ причинамъ.

Москва, 12 Августа 1833.

Какъ-то говорятъ давно, что Грейгъ нашъ пріятель опускается и не тотъ уже, чтò былъ, а Лазаревъ (только не Иванъ Акимовичъ) слыветъ молодцомъ. А Патаніоти я зналъ въ Неаполѣ, и онъ былъ маленькое чудо въ своемъ родѣ. Онъ съ мачты кидался въ море, переплывалъ на другую сторону подъ кораблемъ, скидалъ съ себя въ водѣ все платье, *даже сапоги*, завязывалъ все это въ платокъ и съ узломъ въ зубахъ плавалъ. Моряку и должно быть болѣе рыбою, нежели человѣкомъ. Онъ командовалъ тогда фрегатомъ «Крѣпкимъ», на коемъ пріѣхалъ къ намъ Д. П. Татищевъ.

*

Москва, 14 Августа 1833.

Я право не знаю, чѣмъ и какъ заслужить всѣ милости великаго князя и лестную его довѣрчивость. Увидя меня, входящаго въ гостиную, онъ оставилъ партію свою въ биліардъ, взялъ меня за руку, повелъ на площадку въ садъ и сказалъ: Je n'ai pas eu le temps de vous dire un mot tantôt, j'étais tellement pressé de lire la lettre que vous m'avez remise de l'Empereur...—Je vais partir... Je le sais, monseigneur!—Comment avez vous pu le savoir?— Je le sais par votre feldyeguer que vous envoyez en avant et qui est venu à la poste prendre trois chevaux; c'est ce qui m'a fait accourir ici.—Je sais à qui je parle, продолжалъ вел. князь, je puis donc vous confier tout ce que l'Empereur m'écrit, а потомъ его в-ство изволилъ разсказать мнѣ все содержаніе письма, по коему Государь долженъ быть въ Москвѣ 6 Октября. Тутъ, разумѣется, пошли вопросы отъ Озерова, Башилова и всѣхъ тутъ бывшихъ: Pourquoi part-il?—Mais s. a. i. devait donc partir?—Oui, mercredi, mais pas tout d'un coup.—Est-il arrivé quelque chose?—Mais rien que je sache; vous voyez donc comme le gr.-duc est gai.—Да что жъ онъ говорилъ тебѣ?—Да говорилъ о своихъ пакетахъ и письмахъ, чтò съ ними дѣлать.—Ну, объ вояжѣ своемъ чтò?—То, что спѣшитъ очень, чтобы застать Государя. Куда же ѣдетъ Государь? Этого мнѣ его в-ство не сказалъ, а мнѣ спрашивать было бы очень неумѣстно. Тѣмъ и кончилось. Вел. князь угощалъ обѣдомъ и чаемъ кадетовъ. Когда простился съ ними (какъ бы съ дѣтьми своими) и ихъ начальниками и со всѣми тутъ бывшими, то и я также сталъ откланиваться, но е. в. сказалъ мнѣ: Булгаковъ, пойдемъ ко мнѣ. Въ кабинетѣ сказалъ: садись, вотъ тебѣ сигара, а самъ съ адъютантами заниматься сталъ бумагами. Кончилось, ушли они, а онъ принялся что-то писать. Вошла вел. княгиня съ дѣтьми. Понимая, что въ такую минуту пріятно ея в-ству быть съ нимъ наединѣ, я взялъ шляпу, положилъ тихонько си-

гару и хотѣлъ опять откланиваться, но в. к. спросилъ: Я надѣюсь, что ты дашь мнѣ письмо къ брату твоему?—Не смѣю в. в. утруждать.—Поди и пиши и мнѣ отдай, а я ручаюсь, что будетъ вѣрно доставлено. Я поклонился, вышелъ въ камердинерскую, гдѣ и написалъ къ тебѣ письмо, а тамъ сталъ курить и болтать съ Башиловымъ и адъютантами. Часъ спустя, вел. князь велѣлъ меня позвать; тутъ были только ея выс-ство съ дѣтьми. Гдѣ же письмо къ брату? Вотъ оно, в. в.—Будетъ доставлено и *ничего* съ васъ *не возьмемъ*, не по вашему.—Мы, в. в., не себѣ беремъ, а копимъ для казны.—В. к. перецѣловалъ своихъ дѣтей, нѣсколько разъ дѣлалъ имъ урокъ, особенно самой младшей, прибавляя: je vous assure que cette petite, comme vous la voyez, me donne plus de tourments que les deux aînées. Остались мы одни. Одно мое желаніе теперь, одно у Бога прошу, сказалъ онъ съ чувствомъ, сложа руки и поднявъ глаза къ верху, чтобы Государь благополучно совершилъ свою поѣздку, и мы увидѣли *его здѣсь* довольнымъ. Поговоря нѣсколько, прибавилъ: Ну, я пойду надѣть дорожное платье; вотъ тебѣ мое мѣсто, бумага, перо, садись и пиши теперь къ твоему сыну: я хочу обрадовать его письмомъ отъ тебя. Я право такъ былъ пораженъ сими ласковыми словами, что сидѣлъ какъ дуракъ, не зная что̀ писать, а сказалъ Костѣ, что пишу по приказанію е. в. въ его кабинетѣ и почти со слезами заклиналъ его быть достойнымъ такихъ милостей, вести себя хорошо и быть благодарну, не быть себѣ собственнымъ врагомъ, а слѣдовать славному пути, который ему открывается и пр. Когда я отдалъ в. к. письмо, то онъ при мнѣ изволилъ оное положить въ свой боковой карманъ. Я кинулся цѣловать его плечо, хотѣлъ благодарить и не умѣлъ или лучше сказать не могъ: такъ былъ я тронутъ.—Où allez vous, mon cher, d'ici?—Mais à la maison, monsgr, raconter aux miens tout ce que v. a. i. fait pour nous... Сослужи мнѣ службу... Извольте приказывать.—Сдѣлай мнѣ одолженіе, поѣзжай къ Киндяковой въ Петровское и извини меня передъ нею, что сегодня не буду по зову ея; ты самъ видишь, какъ время мнѣ дорого: я долженъ быть 15 въ ночь въ Петербургѣ, чтобы застать еще Государя. Adieu, mon cher, dites à m-me B-w que certes, sans cette hâte, je ne serais pas parti sans venir lui faire mes adieux; mettez moi aux pieds de la p-ce Olga, поцѣловалъ нѣсколько разъ меня, жалъ руку и послѣднія слова были: je vous prie de m'écrire. Въ Петровскомъ сдѣлалъ отъѣздъ этотъ большую революцію; тутъ еще болѣе было праздныхъ и болтушекъ, еще болѣе глупыхъ вопросовъ.

*

Москва, 16 Августа 1833.

Былъ у великой княгини съ поздравленіемъ, велѣно о всякомъ докладывать, изволила меня принять. Вел. княжна Екатерина Мих. почивала. Ея высочество взяла изъ рукъ моихъ касетку, которую мы всѣ облѣпливали для маленькой новорожденной, очень удалась, красива; я тутъ помѣстилъ все дѣтскія разныя штучки, въ серединѣ вѣнокъ, а въ немъ надпись: offert à s. a. i. la gr.-duchesse Catherine le 16 Août 1833 à Moscou. Внутри были отборныя конфекты. O! Pour cela je le confisquerai, car elle mangerait tout cela dans une journée; mais comme c'est joliment arrangé, je m'étonne de votre patience, quelle joie ce sera pour la petite! Другія двѣ сестрички не отходили отъ шкатулочки, а вел. княгиня, откланиваясь со мной, понесла ее къ себѣ въ кабинетъ. На лѣстницѣ столкнулся я съ княземъ Дм. Вл. и Башиловымъ.

*

Москва, 4 Сентября 1833.

Устройство, сдѣланное тобою на лѣстницѣ, которая въ садъ, очень хорошо; вообще домъ твой—игрушка. Я не знаю, была ли великая княгиня у тебя; но она намедни изволила очень расхваливать домъ твой, да и всѣ, кто его только видѣли.—Счастливый путь доброму и старому пріятелю Влодеку; велитъ ли-то намъ Богъ еще видаться съ нимъ? Онъ поболѣе насъ съ тобою состарился, но такъ и должно быть между военными и штатскими. Вотъ записка отъ княгини Тат. Вас. Голицыной; пишетъ, что княгиня Нат. Петр. выѣзжаетъ изъ Городни сюда въ Пятницу, т. е. надобно послать 44 лошади въ Пахру. Прикажу съ завтрешнею почтою. Скажи Вяземскому, что я зову его сегодня обѣдать: у насъ будетъ графъ Люцероде *) и кое-кто еще.

Не вѣрь вракамъ о холерѣ Московской, теперь кто ни умретъ, одна пѣсня: все холера. Никогда не были такъ всѣ здоровы въ Москвѣ, какъ теперь, особенно съ наступившей хорошей погоды. Ты не говоришь ни слова о Государевомъ путешествіи, а развернувъ J. de S-t Pétersbourg, я вижу, что Его Вел-во 24 прибылъ благополучно въ Шведтъ. Славу Богу. Теперь дай Богъ намъ быть обрадованными и увидѣть его въ Москвѣ.

*

Москва, 5 Сентября 1833.

Надобно ѣхать съ поздравленіями къ вел. княгинѣ, надобно у Лика крестить дочь, надобно учредить путешествіе ея высочества въ Воскресенскій монастырь, куда ѣдетъ завтра, и надобно еще къ тому обѣдать у князя Дм. Вл. Вчера былъ у насъ очень веселый обѣдъ.

---

*) Саксонскій посланникъ.

Баронъ Люцероде очень любезенъ. Я его попотчивалъ Шампанскимъ за столомъ, а послѣ обѣда Московскимъ соловьемъ Бартеневою, а тамъ забрались мы въ кабинетъ мой, начали курить. Онъ разсказывалъ намъ очень любопытныя подробности кампаній 1813 и 1814 годовъ, просидѣлъ почти до 9 часовъ; сегодня вмѣстѣ обѣдаемъ у князя Д. В., а ввечеру повезу его въ Петровское къ Киндяковой, у коей дочь Ел. П. Пашкова именинница сегодня.

Офросимовъ поѣхалъ принимать имѣніе, исторгнутое имъ у Кокошкина. Надобно послушать, какъ онъ передразниваетъ іезуитскій голосъ Кокошкина, который будто говоритъ: Не понимаю! Истинно, Богъ мнѣ свидѣтель, не понимаю, какъ могла неправда, ябеда восторжествовать! Что же дѣлать съ преступниками, ежели меня *невиннаго* подъ манифестъ? Нѣтъ, передъ Богомъ скажу: воля ихъ, а я не пойду, не пойду подъ манифестъ ни за что!—Не пойдешь, говоритъ Офросимовъ, не пойдешь, такъ не ходи, мой милый Ѳ. Ѳ., а все таки тамъ очутишься.—Да? И ну разъ 20 тоже повторять по обыкновенію своему. Уморителенъ!

*

Москва, 6 Сентября 1833.

Я все вожусь съ губернаторомъ для устройства проѣзда вел. княгини въ Троицу. Небольсинъ все торгуется, а мнѣ нельзя подумать просить менѣе 20 лошадей прибавить; на бѣду ѣдетъ ея величество въ почтовый день этого тракта, надобно вычесть 9 лошадей, ихъ только 22, остается 13, а вел. княгинѣ надобно 32. Только что устроили, опять отъ Вешнякова, что ѣдетъ также Апраксина и что надобно еще 6 лошадей. Бѣда да и только, и Небольсинъ къ этому еще уѣхалъ съ княземъ Дм. Вл. въ Серпуховъ. Ея высочество въ Воскресенье изволитъ насъ совсѣмъ оставить и ѣхать обратно въ Петербургъ. Москва пустѣетъ, но начинаютъ уже наѣзжать изъ подмосковныхъ.

Намедни разговорился я съ лордомъ Лотеромъ о почтахъ Аглинскихъ. Онъ вчера прислалъ мнѣ выписочку, сдѣланную имъ о почтахъ ихнихъ. Какъ дѣло огромно! Почти 40 т. писемъ отправляются въ сутки изъ Лондона. Посылаю тебѣ эту бумагу, не годится ли она Прянишникову? Какія и средства у нихъ, посмотри что̀ людей! И что̀ имъ платятъ! Сравни ихъ съ нашими горемычными чиновниками.

Сегодня ея высочество поѣхала въ Новый Іерусалимъ и къ вечеру изволитъ возвратиться. Въ сіи богомольныя путешествія сопутствуютъ ей князь Сергѣй Мих. Голицынъ. Вотъ и Negri явился съ ярмарки; говоритъ, что была плоха для всѣхъ, кромѣ торгующихъ чаемъ и желѣзомъ.

*

Москва, 8 Сентября 1833.

Знаешь ли кто сейчасъ у меня былъ и кто сей же часъ сѣлъ въ дилижансъ, чтобы отправиться къ вамъ? Его дистракціородіе Абрамъ Серг. Норовъ, который явится къ вамъ, вѣроятно, въ одно время съ симъ письмомъ. Все боится, чтобы не узнали, что онъ былъ у меня. —Вѣдь ты не булавка, да что за бѣда?—Mais c'est qu'on...... Vous connaissez Moscou.—Mais quoi donc?—On dira que vous savez... вотъ такой-то чиновникъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Норовъ... проѣзжалъ, что это не даромъ. Преуморительный! Не хотѣлъ даже видѣть Наташу и Катеньку. Потомъ начались разспросы, когда Государь, когда Императрица будутъ сюда!—Да помилуй, братецъ, ты ѣдешь въ Петербургъ къ источнику, а меня спрашиваешь? Лучше пріѣхавши въ Петербургъ, самъ мнѣ напиши... Voyez-vous! Voyez-vous! Comme vous faites vous-même le diplomate, et vous vous moquez des précautions que je prends. Сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ, на кои по обыкновенію не ждалъ отвѣтовъ, засыпалъ меня табакомъ и скрылся отъ меня.

*

Москва, 9 Сентября 1833.

Я сейчасъ отъ великой княгини, которую очень долго ждалъ. Она изволила возвратиться въ 10 часовъ изъ Троицы и съ неимовѣрною скоростью, ибо выѣхала оттуда въ шестомъ часу и останавливалась въ Хотьковѣ. Я хотѣлъ самъ вручить ея высочеству письмо отъ великаго князя, тобою мнѣ доставленное, дабы узнать, не послѣдуетъ ли перемѣны какой либо въ путешествіи ея высочества. Я высадилъ ее изъ кареты. Bon jour, m-r Boulgakoff, сказала она мнѣ, je parie que vous m'apportez une lettre du grand-duc!—Justement, madame. Тотчасъ изволила взять письмо, сбросила съ себя салопъ и пошла въ кабинетъ читать, а я вслѣдъ съ просьбою сказать мнѣ, не отмѣняется ли ея отъѣздъ. Какъ ни говори, а воды помогли вел. княгинѣ. Она была свѣжа, какъ розанъ послѣ такой скачки, тогда какъ ѣздившіе съ нею въ одной каретѣ Апраксина и князь Серг. Мих. Голицынъ, и даже Вешняковъ, который ихъ помоложе гораздо, едва ноги свои таскали. Вел. княгиня вышла и изволила мнѣ сказать: Je vous remercie beaucoup pour la lettre; elle ne change rien à ma disposition de voyage, et je partirai toujours Dimanche matin. Очень благодарила за исправность въ дорогѣ, спрашивала, что̀ новаго въ Европѣ и кончила словами: Je vais me reposer; je ne vous dis pas adieu, car j'espère vous voir encore avant mon départ. Слава Богу, все было хорошо, и ничего не ломалось; возлѣ Талицъ только спотыкнулась лошадь, упала и нѣсколько ушибла форейтора. Ея высочество сама освѣдомлялась объ немъ на станціи и пожаловала ему 50 р.

Москва, 11 Сентября 1833.

Я получилъ отвѣтъ графа Бенкендорфа черезъ Мордвинова, на счетъ Волкова біографіи. Два незначущія сдѣланы замѣчанія, т. е. надобно выпустить примѣчаніе о памятникѣ, сдѣланномъ Волковымъ Плещееву, и еще нѣсколько строкъ, касательно признательности къ нему иностранцевъ. Твои замѣчанія были гораздо основательнѣе, и я перемѣнилъ по совѣтамъ твоимъ три мѣста, а это у графа А. Х. ускользнуло, хотя жандармство должно было броситься ему въ глаза. Отвѣтъ только теперь пришелъ, т. е. два мѣсяца спустя; я молчаніе счелъ согласіемъ твоимъ, отдалъ статью Полевому, цензура все одобрила, и біографія выйдетъ на дняхъ въ Телеграфѣ [1]).

Скажи, мой милый, Воронцову, что нечего мнѣ начинать негоціаціи съ графиней Филипи и убѣждать ее возвратиться къ своимъ, а скажу я, какъ покойный Ив. Ал.: C'est fait, V. M., c'est fait! Она отправилась уже дней девять въ Италію, видно разсорилась съ своимъ сахаромъ Ростопчинымъ[2]); а здѣсь всѣ увѣрены, что она съ нимъ тайно обвѣнчана.

Мы вопроводили великую княгиню. Въ Суботу былъ у ея выс-ва прощальный обѣдъ; она изволила сказать Вешнякову: Je veux faire dîner chez moi mes intimes pour leur faire mes adieux. Поэтому очень для меня лестно, что и меня включить изволила въ число сіе. Было всѣхъ 15 человѣкъ. Князь Дм. Вл. (княгиня была нездорова), князь Серг. Ив. Гагаринъ съ женою, князь Серг. Мих. Голицынъ, П. И. Озеровъ, графъ Гудовичъ съ женою, Ѳ. В. Самаринъ съ женою, комендантъ, генералъ кадетскаго корпуса[3]), Башиловъ, Вешняковъ, фр. Чичерина и я. Послѣ обѣда прощалась со всѣми и когда я поцѣловалъ руку, то сказалъ ея выс-ву: Permettez moi, madame, d'être plus heureux que les autres et de venir demain vous baiser la main encore une fois. Alors, изволила отвѣтить, sans adieux; mais je vous préviens que je partirai demain à huit heures. Вчера имѣлъ я счастіе посадить ея выс-во въ карету дорожную. Она сказала мнѣ при прощаніи: Je ne saurais assez vous remercier pour vos soins, j'ai été servie à merveille dans toutes les courses, que j'ai fait hors de la ville. Quand je verrai votre frère, je lui parlerai avant tout de vous. Какъ мила и добра! Славу Богу здоровье ея, согласно съ погодою, очень хорошо. Маркусу, Генихену сдѣлала прекрасные подарки. Я радъ, что не забыла Барте-

---

[1]) Эта біографія А. А. Волкова вышла и отдѣльною книжкою.

[2]) Т. е. со старшимъ графомъ Ростопчинымъ, Сергіемъ Ѳедоровичемъ.

[3]) Ушаковъ.

неву и пожаловала ей souvenir довольно богатый: она часто пѣла у ея выс-ва. Вчера была эстафета отъ Вешнякова изъ Клина: забыли какой-то салопъ ея выс-ва. Я тотчасъ послалъ за нимъ, но онъ былъ отправленъ уже въ фургонѣ въ Петербургъ, то я послалъ Рухина догонять фургонъ, взять у гоффурьера означенный салопъ и догонять великую княгиню. Кстати отправилъ къ Вешнякову пакеты, присланные изъ Петербурга на имя ея выс-ва и бриліанты на имя Вешнякова.

*

Москва, 12 Сентября 1833.

Сегодня какое-то освященіе въ Симоновомъ монастырѣ, и моя duchesse de S-t Simon поѣхала туда, взявъ съ собою Люцерода, который желалъ послушать славныхъ пѣвчихъ тамошнихъ и видѣть служеніе преосвященнаго Филарета; также Пашку взяла съ собою, мнѣ же три часа отнять отъ утра дѣло невозможное. Сегодня съ утра выпалъ дождь теплый, который сдѣлалъ воздухъ еще пріятнѣе. Погода очень хороша. Я имѣю, мой милый и любезнѣйшій братъ, рапортъ отъ Цуцкина изъ Твери, куда вел. княгиня изволила прибыть благополучно, 10-го вечеромъ, въ 9 часовъ. Надѣюсь, что тутъ найдетъ ея выс-во салопъ, за коимъ Вешняковъ присылалъ нарочнаго изъ Клина.

*

Москва, 14 Сентября 1833.

Къ вамъ ѣдетъ сегодня бывшая красавица Жеребцова, мать графини Орловой, вышедшая замужъ за графа Ржевуцкаго, который также красавецъ, но гораздо ея моложе. Ce sera assez drôle de la voir avec son beau-fils le c-te Alexis! C'est comme si moi j'étais beaucoup plus jeune que Dolgorouky.

*

Москва, 23 Сентября 1833.

Вчера является милый Люцероде. Je viens vous faire mes adieux et vous remercier pour toutes vos attentions.—Comment cela?—Mais oui, je pars demain pour S-t Pétersbourg. Je crains de manquer l'Empereur dans le cas que S. M. I. repartit encore pour quelque voyage en Russie. Я его просилъ сблизиться съ тобою; ты вѣрно будешь доволенъ его знакомствомъ: милый, кроткій, скромный и добрый человѣкъ. Всѣ его здѣсь полюбили, и я очень благодарю Вяземскаго за это знакомство. Онъ въ восхищеніи отъ нашей бѣлокаменной. Какъ онъ хорошо по-русски говоритъ!

*

Москва, 25 Сентября 1833.

Много толкуютъ здѣсь о дуэли, которая должна послѣдовать между Никол. Тургеневымъ и Смирновымъ, служащимъ въ Лондонѣ при

миссіи нашей. Назначенъ день, и будутъ стрѣляться, покуда одинъ изъ нихъ не будетъ убитъ. Такъ по крайней мѣрѣ разсказываютъ.—Петръ Львовичъ Давыдовъ женится подъ старость на молодой дѣвушкѣ Лихаревой. Онъ говоритъ: Какъ мнѣ сомнѣваться въ ея привязанности? Вотъ пять лѣтъ, что она въ меня влюблена. Passe pour la привязанность, но влюблена? Это что-то мудрено.

*

Москва, 26 Сентября 1833.

Утро сегодняшнее самое пріятное для меня, ибо имѣю извѣстія пріятныя ото всѣхъ васъ: отъ тебя, отъ Наташи, отъ Ольги и Кости. Письмо сего послѣдняго чрезвычайно меня тронуло и почти бы обрадовало безъ лѣни его къ математикѣ; но и то правда, что безъ лѣни этой не былъ бы онъ призыванъ къ вел. князю, не обласканъ такъ его высочествомъ. Я говорю обласканъ, ибо истинно отеческіе упреки и выговоры его почитаю я величайшимъ доказательствомъ милостей его къ моему Костѣ. Я буду ему очень пространно писать, видя въ настоящемъ обстоятельствѣ эпоху для Кости рѣшительную и важную. Онъ имѣетъ случай заслужить покровительство и ласку вел. князя на всю свою жизнь. Фортуна сама къ нему лѣзетъ, не надобно отвергать ея объятія. Ежели все пойдетъ хорошо у Кости, то двѣ великія получитъ онъ выгоды: 1-ое—онъ докажетъ вел. князю, какъ сильно могли надъ нимъ дѣйствовать слова его, это не можетъ не быть пріятно его высочеству, а потомъ, что имѣетъ твердый характеръ, что можетъ все переодолѣть, ежели только захочетъ; а 2-е и главнѣйшее—что проложитъ себѣ точно дорогу, имѣвъ счастіе обратить на себя милость и вниманіе вел. князя, а это большой шагъ и къ милости Государя. Все это поставлю я на видъ Костѣ. Письмо его чрезмѣрно меня порадовало, и я такъ тронутъ милостями вел. князя, что не стану прежде трехъ дней писать его в-ву, чтобы въ избыткѣ чувствъ не наговорить ему что-нибудь. Вообрази (тебѣ, я чаю, все это передалъ нашъ солдатикъ), что вел. князь приказалъ себѣ особенно рапортовать каждый мѣсяцъ о Костѣ и еще сказалъ: и я свѣдѣнія сіи буду посылать въ Москву. Велитъ ли мнѣ Богъ когда-нибудь поквитаться съ великимъ княземъ? Государю хоть служу, сколько дано мнѣ и силъ, и умѣнія, и усердія, но съ Михаиломъ Павловичемъ не то.

*

Москва, 13 Октября 1833.

Россиліонъ мнѣ сказывалъ, что въ Торжкѣ видѣлъ большое скопище народа передъ трактиромъ. Что такое? Смотрятъ на Курскаго губернатора Демидова, принимая его за посла Турецкаго. Онъ путе-

шествуетъ въ какомъ-то бархатномъ пунцовомъ балахонѣ, шитомъ весьма богато золотомъ, шапка такая же и трубка во рту. Къ нему пришелъ генералъ Ник. Ник. Раевскій, тутъ проѣздомъ случившійся и съ грязными ногами. Демидовъ велѣлъ тотчасъ ихъ вымыть. Экой чудакъ! Да только есть ли одинъ Демидовъ, который не былъ бы чудакъ? A propos, ты слышалъ ли, что горцы сдѣлали нападеніе на тѣло покойнаго Ник. Ив. Демидова, которое везли въ Россію, и увезли оное съ собою; просятъ дорого, чтобы возвратить; но кто же станетъ выкупать? Не наслѣдники, коихъ онъ всего лишилъ. Развѣ мужики, коихъ сдѣлалъ онъ вольными хлѣбопашцами.

Біографія наша пошла писать. Вотъ и Пчела ее напечатала. Хорошо! Только брошюрки будутъ хуже раскупаться отъ этого, и бѣднымъ будетъ хуже.—Кажется, полковникъ Жеребцовъ будетъ на мѣсто Муханова. Вчера былъ онъ у меня и показывалъ мнѣ представленіе князево въ его пользу; нельзя лестнѣе отрекомендовать, и Жеребцовъ точно стòитъ всѣхъ похвалъ сихъ. Имъ будутъ довольны жители, а онъ дѣло свое повернетъ хорошо; имѣетъ славное состояніе, знаетъ Москву, взыскателенъ, строгъ, плутамъ будетъ дурно при немъ.

*

Не помню, откуда именно Климъ*); узнàю отъ своихъ Бѣлорусскихъ медвѣдей и тебѣ напишу; только ежели дѣло о церкви, то у насъ одна только въ Городкѣ и которая къ удовольствію моему обращена теперь изъ Уніи въ православную Греческую. Я полагаю, что лучше бы вмѣсто колокола, который тамъ есть, завести церковную утварь, въ коей церковь нуждается, а при теперешней перемѣнѣ оно бы и кстати: святые сосуды, Евангеліе или даже образа съ окладами. Тамъ большая бѣдность, и крестъ, съ коему прикладывались по окончаніи обѣдни, былъ *деревянный*, я же подарилъ съ серебряною оправою. Мысль завѣщателя все-таки исполнится, церковь будетъ имѣть памятникъ его усердія. Впрочемъ передаю мысли мои твоему благоусмотрѣнію. Пусть и жена молитъ Бога за него, старость ея будетъ покойна и проведенная безъ нужды, это дѣло большое! И она за это можетъ забыть вины мужа своего.

*

Москва, 16 Октября 1838.

Сегодня у Пашкова распространили слухъ, что графъ Воронцовъ и Башмаковъ утонули на пироскафѣ, ѣдучи изъ Крыма моремъ въ

*) Т. е. откуда родомъ незадолго передъ тѣмъ умершій давній слуга А. Я. Булгакова, Климъ.

Одессу. Я съ большимъ страхомъ и нетерпѣніемъ ожидалъ почту, она пришла, письма̀ отъ него не имѣлъ я; но были отъ него пакеты съ приложеніями къ разнымъ лицамъ, стало быть вздоръ; письма отъ 6-го, а вчера говорила молодая Ростопчина, что пишетъ къ ней это вдова Нарышкина, урожденная Ростопчина. Такая ужасная вѣсть тотчасъ бы распространилась, а Михайло Орловъ вчера на это говорилъ: Vous verrez que la nouvelle est fausse, et le c-te W., comme courtisan, a voulu faire semblant de périr dans la Mer Noire comme l'Empereur dans la Baltique. Эта неумѣстная шутка не показалась никому острою. Другая вѣсть, которая кажется достовѣрною, но также слышанная мною вечеромъ у Пашковыхъ, это взятіе разбойника-дворянина (не помню имя его), который опустошалъ Курскую губернію; его привезли сюда, и всѣ въ ужасномъ любопытствѣ его видѣть. Увидимъ, правда ли это.

*

Москва, 17 Октября 1833.

Я получилъ довольно длинное, собственноручное и ласковое письмо отъ преосвященнаго Филарета. Княгиня Ек. Ал. Долгорукая, которая большая его почитательница, отняла письмо, чтобы дома прочесть со вниманіемъ, не хорошо разбирая его руку.

Ну, братъ, славный же шлитель графъ Кушелевъ-Безбородко, поселился у меня и часа полтора меня мучилъ, не смотря на обыкновенную мою военную хитрость: когда хочу, чтобы меня не душили, то выхожу съ очками на лбу и перомъ въ рукахъ. Ему и горя нѣтъ: то посидитъ, то походитъ, то о томъ, то о другомъ, замучилъ меня и кончилъ: Je ne reste pas plus longtemps pous ne pas vous déranger; il paraît (pourquoi lui a-t-il paru si tard?) que vous êtes occupé. Насилу отдѣлался. Съ Ив. Вас. Тутолминымъ я иначе поступилъ: велѣлъ ему сказать, что не принимаю его, чтобы не обезпокоить лѣстницею, а что буду къ нему самъ узнать, не имѣетъ ли онъ, что приказать. Спасибо доброму старику: догадался и уѣхалъ.

*

Москва, 18 Октября 1833.

Мечниковъ сказывалъ, что Демидовъ, губернаторъ Курскій, выигралъ процессъ о славномъ солитерѣ, кажется въ 43 карата, купленномъ имъ за 500 т. фр. у принца де-ла-Паце, а ему пожалованный королевою Гишпанскою. Знатоки цѣнятъ въ миліонъ. Демидовъ отдалъ оправить ювелиру, который бѣжалъ въ Англію, Демидовъ судился, и теперь прислали ему этотъ камень, имѣющій воду необыкновенную и форму сердца. Демидовъ сказалъ Мечникову: Ту даму, на которой увидите вы

камень этотъ, можете назвать смѣло моею женою *)! Когда-то увидимъ и на комъ-то увидимъ камень этотъ? Ты помнишь, что говорили, что привезли сюда этого атамана разбойниковъ дворянина (кажется Зарина), опустошавшаго Курскую губернію? А Мечниковъ говорилъ намъ, что этотъ бездѣльникъ три года какъ умеръ на каторгѣ въ Сибири.

*

Москва, 20 Октября 1833.

Мы теперь промѣнялись ролями въ отношеніи Закревскаго: ты будешь ему читать, чтò пишу къ тебѣ, какъ я бывало читывалъ ему, чтò ты ко мнѣ пишешь. Скажи ему, что все семейство наше его помнитъ и любитъ по старому. Многіе его недоброжелатели (ибо кто ихъ не имѣетъ!) теперь уже намекаютъ, что ежели бы Закревскій былъ министромъ, то Россія съ голоду бы не умирала, а что Блудовъ будетъ кормить одними краснорѣчивыми фразами.

*

Москва, 24 Октября 1833.

Только и разговора у насъ, что о дуэли Воейкова и Веревкина; обоихъ знаю, сожалѣю объ обоихъ, но паче о Веревкинѣ, который будетъ имѣть камень на совѣсти своей (толкуй себѣ тамъ какъ хочешь и оправдывай убійцу законами чести, онъ все убійца), да и брата вовлекъ въ несчастіе, взявши его въ секунданты. Каково несчастной матери? Каково доброму, почтенному отцу, ежели онъ видитъ съ того свѣта чтò дѣлается на семъ?—Какъ же не чудакъ Демидовъ Павелъ: не доѣхавъ до Петербурга, ворочаться въ Курскъ! Но нельзя человѣку быть Демидовымъ и не быть чудакомъ. У всякаго изъ нихъ своя странность.

*

Москва, 25 Октября 1833.

Я тебѣ, кажется, писалъ о молодомъ Толстомъ, славномъ музыкантѣ, который прекрасно сочиняетъ, акомпанировалъ Катѣ и Ольгѣ, сочинялъ музыки для ихъ голосовъ. Мы очень были ему рады всегда, ласковы. Только вчера онъ вдругъ брякъ мнѣ предлинное письмо въ родѣ Родіонова объ Ольгѣ и проситъ у меня Катенькину руку, зная едва ее и насъ. Я ему отвѣчалъ очень ласково и очень откровенно. Говорю ему между прочимъ: La demande que vous venez de faire prouve déjà à elle-seule que vous n'avez été guidé que par un sentiment. L'amour est un amour aveugle. Vous êtes à peine entré dans le monde (еще недоросль), vous connaissez à peine ma fille, vous tenez à peine

---

*) Павелъ Николаевичъ женился на прекрасной Финляндкѣ Аврорѣ Карловнѣ Шернваль (нынѣ вдова Андрея Николаевича Карамзина).

un rang dans le monde, vous avez encore une infinité de devois à remplir envers votre souverain, votre patrie, vos parents et la société. Il m'est impossible d'encourager votre espoir etc., а потомъ даю ему слово, что о письмѣ его не будетъ знать никто, а ежели узнаютъ, то вина будетъ не моя, а его. На мое письмо отвѣчалъ онъ; опять говоритъ о своемъ отчаяніи, что сію же минуту оставляетъ Москву и навсегда, на что я опять ему отвѣчалъ пятью строками: Partez, jeune homme, partez! Le temps est un remède à tous les maux. Je vous prie de me compter, malgré tout cela, au nombre des personnes qui vous portent un véritable attachement. Вотъ чѣмъ и кончился романъ. Я полагаю, что Толстого нѣтъ уже въ Москвѣ теперь. Это внукъ Мих. Лар. Кутузова, Теоѳилъ Матвѣевичъ; сестра его у великой княгини Е. П. фрейлиной. Ежели нельзя будетъ скрыть отъ Кати, то я ей напою мораль, чтобы была осторожнѣе впередъ и обходилась совершенно одинаково со всѣми, а то малѣйшее предпочтеніе или кружитъ голову молодежи этой, или даетъ поводъ къ сплетнямъ кумушекъ, а молодой дѣвушкѣ должно и то и другое избѣгать. Мнѣ очень жаль, что музыка и пѣніе наше сядутъ на мель.

*

Москва, 23 Ноября 1833.

Хорошо, что одно только 23-е Ноября въ году, мой милый и любезнѣйшій другъ, а то бы надобно съ ума сойти. Я съ 8 часовъ утра до полудня не имѣлъ одной минуты отдыха, предвидѣлъ это и бралъ мѣры противъ; но не тутъ-то было: всѣ хлынули насильно и родные, и пріятели, и знакомые, и свои, и архивскіе, насилу вырвался къ обѣднѣ, а тамъ молебенъ былъ въ залѣ, а тамъ опять многіе насильно ворвались. Утро мое было потеряно совершенно, а дѣла довольно было. Надобно озабочиваться обѣдомъ еще: по несчастію пали мои именины на Четвергъ, день нашего пріема, то всѣ къ намъ поскачутъ. Дѣлай, Ванюшка, какъ хочешь себѣ съ поваромъ, но чтобы всѣ были сыты. Все будетъ, отвѣчаетъ онъ своею богатырскою головою, только проситъ денегъ, le nerf de la guerre et des gastronomes, enfin le nerf universel, la sauce pour tous les plats. Задарили меня, и цѣлый столъ заваленъ подарками. Вотъ стихи Хомутовой, покажи ихъ Вяземскому. Уфъ! Я заперся теперь кругомъ въ своемъ кабинетѣ, чтобы къ тебѣ писать покойнѣе.

*

Москва, 26 Ноября 1833 г. въ 2 часа утра.

Сію минуту приноситъ ко мнѣ фельдъ-егерь Ѳедоровъ письмо отъ Государя къ Императрицѣ для отправленія въ С.-Петербургъ. Воля Государя, чтобы ты извѣстилъ, когда именно и во сколько часовъ при-

будетъ Рубцовъ въ Петербургъ. Государь ѣхалъ менѣе двухъ сутокъ, слава Богу здоровъ. Завтра обѣдня въ 10 часовъ, въ 11 въ соборѣ, въ 12 разводъ и кушать изволитъ у князя Дм. Вл. Донесъ это князю*). Обнимаю тебя душевно.

*

Москва, 26 Ноября 1833.

Одѣвшись въ мундиръ какъ слѣдуетъ, пустился я во дворецъ. Государь изволилъ одѣваться. Я пошелъ къ графу Ал. Христофоровичу, который меня цѣловалъ, обласкалъ, и пошла болтовня о всякой всячинѣ. Но давай о главномъ говорить. Онъ жаловался на неисправности въ трехъ мѣстахъ, по сію сторону Новагорода, еще гдѣ-то (не могъ вспомнить) и подъ самою Москвою, обѣщалъ дать мнѣ записку объ этомъ; лошади были или очень плохи, или некованы для зимы, падали, отъ этого часто разлучалась свита отъ государевой повозки. Конечно, застали насъ въ расплохъ и въ такое время, что вдругъ время обратилось въ зиму; перековать не успѣли. Государь разсчитывалъ попасть къ обѣду вчера, застать за столомъ князя Дм. Вл. и съ нимъ отобѣдать, вмѣсто того изволилъ прибыть только къ вечеру, но все въ 47½ часовъ только ѣзды! Во всю дорогу только три раза изволилъ выходить изъ коляски, ничего почти не кушалъ. Здѣсь небольшой былъ покой, ибо дворецъ нашли нетопленный. Ce matin, говорилъ мнѣ А. X., l'Empereur me demande: Eh bien, comment avez-vous dormi?—Très bien, et vous, Sire?—A merveille, mais seulement aux 10 degrés du chaud dans ma chambre.—Et moi, repartit le c-te B., proportion gardée de l'empereur à sujet, je n'avais que 5 degrès de chaud dans ma chambre. Malgré qu'on avait chauffé déjà la salle de réception, où nous étions à attendre la sortie de l'Empereur, il y fesait froid. Много тутъ собралось: г. м. свиты, гр. Толстой, фл.-адъютантъ Грессеръ, Бутурлинъ, Ив. Вас. Тутолминъ, Серг. Ил. Мухановъ, князь Ив. А. Шаховской, Савоини, князь Серг. Мих. Голицынъ, Озеровъ, Башиловъ, слѣпой Гагаринъ, который пріѣхалъ больной и похожъ за то на мертвеца, Лѣсовскій, князь Урусовъ, Боринька Юсуповъ, Четвертинскій, Красовскій, Тучковъ, полиція etc.

Государь изволилъ слушать обѣдню въ своей домовой церкви. Боде выбѣжалъ въ большомъ безпокойствѣ сказать Урусову, что въ кадильницѣ положены дурные уголья, что Государь почувствовалъ запахъ дурной и чадъ.—Ну мы не виноваты, отвѣчалъ Урусовъ, это дѣло поповъ; но пусть тотчасъ все вынесутъ вонъ изъ церкви и принесутъ мелкихъ угольевъ изъ буфета. Вышелъ Бенкендорфъ, позвалъ Красовскаго къ Государю, пробылъ тамъ съ четверть часа; Тутолмину и Муханову сказано быть позже, позвалъ князя Дм. Вл. и Сталя.

*) Т. е. въ Петербургъ, своему главному начальнику князю А. Н. Голицыну.

Отворилась дверь (было часовъ 11), вышелъ земной нашъ Богъ: свѣжъ, бодръ, мнѣ кажется нѣсколько похудѣлъ, чтò очень идетъ. Я еще не видалъ Государя съ усами и накладкою, это его молодитъ очень. Онъ поклонился всѣмъ вмѣстѣ и изволилъ сказать: «Здравствуйте! Я очень радъ, что въ Москвѣ.» Обратясь къ Шаховскому: «Здоровъ ли ты, князь?» «Ну, прибавилъ Государь, пора въ соборъ». Скоро очень изволилъ пройти и сказалъ что-то князю А. М. Урусову, но такъ скоро, что онъ самъ не разслышалъ хорошенько, но что-то о его дочери, княгинѣ Радзивилъ. Только что Государь показался на крыльцѣ, вся площадь, усѣянная народомъ, начала волноваться и кричать: ура! «Здравствуйте, мои друзья!» сказалъ Государь, и хотя шелъ снѣгъ и было четыре градуса мороза, Его Величество изволилъ слѣдовать пѣшкомъ въ одномъ мундирѣ въ Успенскій соборъ, такъ какъ всегда, т. е. окруженный, задавленный толпою, на коей выражалась радость непритворная. Всѣ мы послѣдовали за Государемъ, также въ одних мундирахъ. Долго мы тащились, ибо часто надобно было останавливаться. Способу не было, и когда полиція хотѣла отгонять, то Государь говорилъ: «Не трогайте! Не трогайте! Они сами очистятъ мнѣ дорогу. Оставьте ихъ! Оставьте! Тише будемъ идти, позже дойдемъ» и тому подобныя милостивыя слова. Одного толкнули въ толпѣ, онъ толкнулъ купца въ шубѣ, а этотъ Государя толкнулъ въ локоть. Государь сказалъ очень милостиво: «Смотрѣть смотрите, а на что толкать?»—Да вонъ, батюшка, это сзади толкаютъ.

У дверей собора встрѣтило Государя знатное духовенство съ викарнымъ; отслушали молебенъ, пѣли многолѣтіе, Государь изволилъ прикладываться къ мощамъ и образамъ, кланяясь по два и три раза въ землю. Я глазъ съ него не спускалъ, но онъ меня не видалъ. Нагляжусь за обѣдомъ. Князь Дм. Вл. сдѣлалъ мнѣ великое отличіе, пригласивъ меня обѣдать съ Государемъ; говорятъ, что будетъ только восемь человѣкъ. Чтò будетъ, ужо разскажу тебѣ. Пришло время, что и мои письма будутъ для тебя интересны въ отношеніи нашего ангела. Je reprends la fil de mon rapport. Изъ собора побѣжалъ я искать человѣка, шинель, карету и, слава Богу, все скоро нашелъ. Четвертинскому сдѣлалъ я услугу, предложивъ ему сани Долгорукаго для Государя, ибо ничего нѣтъ здѣсь, и не было зимы. Государь только двѣ станціи до Москвы сдѣлалъ въ саняхъ, а то все въ коляскѣ на колесахъ. Четвертинскій очень благодарилъ. Ну-съ! Въ 12 часовъ имѣлъ быть парадъ. Обѣдъ у князя Дм. Вл.; иные думаютъ, что Государь навѣститъ вечеромъ князя Серг. Мих. Голицына, у коего съѣзды по Воскресеньямъ. Завтра представленіе Государю и обѣдъ у Его Вели-

чества для классныхъ. Говорятъ, что во Вторникъ удостоитъ Государь присутствіемъ своимъ Собраніе. Кажется, хотя это одна токмо догадка, что Государь изволитъ выѣхать въ Среду отсюда. Во всякомъ случаѣ далѣе 2-го или 3-го не останется вѣрно, ибо 6 Декабря будетъ несомнѣнно въ Петербургѣ. Вотъ что знаю по сейчасъ, мой милый и любезнѣйшій другъ.

Надобно тебѣ разсказать, чтò было у заставы. Является Государь. —Стой, кто ѣдетъ? —Подымай скорѣе, кричитъ Государь. Выбѣжалъ ефрейторъ: Кто ѣдетъ?—Я! Подымай скорѣе. Ефрейторъ все спрашиваетъ: Скажите, кто вы, какого чина?—Подымай же, говорятъ тебѣ, я Государь Императоръ. Ефрейторъ побѣжалъ въ караульную вызвать офицера, ибо Государя не видывалъ никогда, между тѣмъ подняли шлагбаумъ, и Государь уѣхалъ. Офицеръ арестовалъ ефрейтора, говоря: Всякій назовется Государемъ, зачѣмъ ты впустилъ въ городъ? Государя не ждали сюда. Тотчасъ отправленъ былъ казакъ верхомъ догонять мнимаго по его мнѣнію Государя и доложить обо всемъ бывшемъ коменданту. Государь одобрилъ наказаніе ефрейтора и солдата, но вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ имъ дать по 25 р. Однакоже половина третьяго, пора одѣваться, ужо будетъ тебѣ чтò поразсказать, теперь прощай покуда. Обнимаю тебя.

*

Воскресенье, вечеромъ.

Ну давай писать. Я никуда изъ дому, напишусь къ тебѣ досыта и лягу спать. Начинаю повѣствованіе. Ну-съ, поѣхалъ я къ князю; его еще не было, была одна княгиня, Озеровъ, князь Серг. Мих. и губернаторъ, мы двое въ лентахъ, а первые два безъ. Княгиня сказала: Mon mari sera sans cordon et en vert; пошли мы и сняли ленты, чтò было повторено всѣми пріѣзжавшими. Зовы были ошибочно къ 3 часамъ, ибо Государь изволилъ пріѣхать въ четверть пятаго. Войдя въ томъ же Преображенскомъ мундирѣ, который имѣлъ поутру, подошелъ прямо къ княгинѣ, поцѣловалъ ея руку, поговоря минуточку, поклонился всѣмъ и, адресуясь къ князю Серг. Мих., сказалъ: «Репортую вамъ, что я объѣхалъ всѣ заведенія Императрицы», изволилъ входить въ подробности, но я по отдаленности мало слышалъ, а только что не хвалилъ какую-то больницу, выговаривая, что какая-то дѣвушка лежала болѣе двухъ недѣль, а не означено на ярлыкѣ ни имя ея, ни родъ болѣзни. Государь говорилъ серіозно, а князь Серг. Мих. слушалъ еще серіознѣе. Признаюсь, что меня тутъ взялъ морозъ по кожѣ: я боялся слышать повтореніе того, чтò мнѣ сказывалъ гр. Бенкендорфъ о дурно кованнныхъ лошадяхъ, кои все падали, и готовилъ какъ могъ отвѣтъ. Государь послѣ принялъ опять веселый видъ и кинулъ свои орлиные глаза на прочихъ тутъ бывшихъ. Возлѣ князя Серг. Мих. стояли по

порядку на той же сторонѣ Ив. Вас. Тутолминъ, генералъ Савоини, Красовскій, П. И. Озеровъ, губернаторъ и я, самый послѣдній. Государь отъ Голицына далъ прыжка прямо къ Озерову: «Я тебя еще не видалъ, здоровъ ли ты?» Я не слышалъ отвѣта Озерова, но Государь отвѣчалъ ему: «Божія власть, ты не сомнѣваешься о участіи моемъ искренномъ» (вѣроятно рѣчь была о покойной его дочери, Скарятиной *). Озеровъ поцѣловалъ Государя въ плечо, а Императоръ его поцѣловалъ, потомъ сдѣлалъ поклонъ Небольсину и изволилъ подойти ко мнѣ, подалъ свою руку и пожалъ мою.

— «Брата твоего оставилъ я здороваго; я сошелся съ нимъ на улицѣ.—Онъ шелъ въ Аглинской магазинъ, вы изволили къ нему подойти....—(съ удивленіемъ) Почему ты это знаешь?—Писавши ко мнѣ всякій день, какъ же бы братъ умолчалъ отъ меня обстоятельство столь для него счастливое?—Ну я тебѣ отрепортовалъ; теперь скажи мнѣ о своихъ. Всѣ здоровы?—Слава Богу, В. В.—Что̀ моя Ольга?... Нѣтъ ли? (дѣлая рукою пантомиму брюха). — Напротивъ, Государь; она очень рада, что можетъ танцовать сколько хочетъ.—Что̀ крестница? — Ходитъ и говоритъ. — Однакоже вѣдь есть еще ребенокъ у нея? — По приказанію В-го Б-ва на крестинахъ, Ольга родила сына Николая. Государь изволилъ смѣяться и пошелъ мимо экрана на другую сторону комнаты, гдѣ также стояли другіе. Ну, братъ, у меня сердце такъ и стало отъ радости прыгать. Ты поймешь, какъ радостенъ переходъ отъ страха къ удовольствію. Всѣ были свидѣтели милостивыхъ его отзывовъ. Государь болѣе ни съ кѣмъ не говорилъ, ибо тотчасъ пошли къ столу. Насъ было только 14 персонъ. Какъ же не мѣсто для меня? Въ моемъ чинѣ былъ я одинъ только, и я, благодаря князя послѣ, сказалъ ему: Je vous prie de croire, mon prince, à mes sensibilités et combien j'apprécie vivement le bonheur que vous m'avez procuré aujourd'hui. Князь этотъ добрѣйшій отвѣчалъ: Ce n'est pas un dîné de gala, et j'ai voulu avoir des personnes agréables à S. M.

Вотъ какъ мы сидѣли:

	Государь.	
Княгиня Т. В.		Князь Дм. Вл.
Серг. Ил. Мухановъ	(столъ	Князь Серг. Мих. Гол.
Ив. Вас. Тутолминъ	почти	Красовскій.
Кн. Ив. Л. Шаховской	круглый).	Озеровъ.
Гр. Бенкендорфъ		Небольсинъ.
Г. Савоини		Азъ многогрѣшный.
	Комендантъ.	

Я такъ сѣлъ, чтобы правое мое ухо было обращено къ Государю.

---

*) Это супруга Ѳедора Яковлевича Скарятина.

Во время стола Государь много изволилъ говорить, былъ очень веселъ. Разговоръ былъ всегда общій; въ ономъ участвовали съ Его Величествомъ хозяева, князь Серг. Мих. Рѣдко говорили графъ А. Х., Тутолминъ и Озеровъ, прочіе (даже Красовскій) молчали; я, чтобы лучше слушать, ничего почти не ѣлъ. Я не знаю, о чемъ не было рѣчи; о дорогѣ Государь изволилъ говорить, о новомъ шоссе, яко небольшомъ препятствіи въ дорогѣ. «Впрочемъ я всѣ эти станціи спалъ», прибавилъ Государь; но о дурныхъ лошадяхъ ни слова. Такъ сошла и другая туча съ плечъ. Хвалить очень изволилъ новый Михайловскій театръ. Говорили о піесѣ, которую сегодня играютъ «Жизнь игрока». Государь изволилъ сказать: Это не по нашей части, намъ надобно чему бы посмѣяться. Comment sont vos Français? И рѣшено, что изволитъ быть во Фр. театрѣ. Говорилъ о Собраніи, о наводненіи, разсказывать изволилъ о Наслѣдникѣ, разбиралъ зданія Петербургскія, населеніе города etc. etc. Я примѣтилъ, что Е. В. кушалъ мало, но очень хвалилъ икру и какой-то компотъ абрикосовый. Послѣ стола говорилъ à l'écart съ княземъ и княгинею; кажется, тутъ рѣшено было, какъ время провести сіи дни, и вотъ что положено.

Завтра. Понедѣльникъ: представленіе Государю, обѣдъ во дворцѣ, старшинамъ Собранія явиться къ Е. В. для приглашенія на балъ, и для этого надобно мнѣ завтра ранѣе ѣхать во дворецъ. Въ вечеру Французскій театръ. *Вторникъ.* Маскарадъ въ Собраніи. *Среда.* Балъ у князя Дм. Вл. Сейчасъ получаю записку отъ Ольги, что княгиня Татьяна Васильевна приглашаетъ ее и Катеньку участвовать въ tableaux, кои будутъ у нея также въ Среду. Въ *Четвергъ.* Государь изволитъ смотрѣть улановъ. Стало быть, не прежде изволитъ выѣхать, какъ въ Пятницу. Вотъ что извѣстно до сихъ поръ. Передай, любезный другъ, князю, что̀ найдешь достойнымъ его вниманія. Вотъ, кажется, все, касающееся до сегодняшняго дня.

Съ сегодняшнею почтою получилъ я, какъ ожидалъ, два письма отъ тебя, за оба благодарю, № 280, 281. Стану отвѣчать, а тамъ повалюсь спать: охота уже забираетъ. Ежели бы почта давеча пришла, я Государю бы доложилъ о прибытіи Турецкаго, но это уже извѣстно Его Величеству вѣроятно. Костя пишетъ обстоятельно; я послалъ уже 640 р., теперь добавляю и недостающіе 225 р. Я себя не оправдываю, но увѣренъ, что ежели нужда была велика, и мой кредитъ, какъ ты говоришь, могъ бы пострадать, то ты вѣрно бы отдалъ за меня деньги на это короткое время. Прости мою неаккуратность на этотъ разъ, но за то фабрика съ шерстію. Скажу сестрѣ Хомутова, моей

пріятельницѣ, что братъ ея въ числѣ твоихъ усердныхъ гостей; его всѣ вообще хвалятъ*).

Ты говоришь: завтра Государь и Императрица изволятъ кушать у гр. Головкина, а вѣроятно ты не воображалъ, что могъ прибавить: завтра Е. В. отправляется въ Москву.—О платкахъ Макшевскихъ скажу.—Не смѣю утруждать преосвященнаго Филарета моею письменною благодарностію, но прошу передать ему словесную; одинъ экземпляръ слова подарилъ я его великой почитательницѣ княгинѣ Ек. Ал. Долгорукой.—Пожалуй, мы пришлемъ вамъ снѣгу, у насъ его много, сегодня шелъ снѣгъ почти цѣлый день. Дорога санная славная. О Трескинѣ тебѣ не говорю; что̀ Богъ на сердце положитъ князю и тебѣ, то и будетъ. Вѣрно, что тебѣ крѣпко надоѣли представленія, но какъ же безъ этого? А ты ужъ разбирай, что̀ дѣльно и что̀ вздоръ. Глаза такъ и слипаются; поблагодарю Бога за всѣ милости сегодняшняго дня и лягу спать.

Множество было во дворцѣ. Представлялся Сенатъ, потомъ предводители дворянства, потомъ мы депутаты, старшины Собранія, звать Государя; только началъ рѣчь не краснорѣчивѣйшій изъ насъ Л. А. Яковлевъ а а а, о о о, и и и, Собраніе, Государь, а а а, мы, мы! Государь сказалъ: Благодарю, что помните вашего пріѣзжаго члена, принимаю охотно приглашеніе и буду къ вамъ непремѣнно. Болѣе ли ѣздятъ теперь? Мало очень, отвѣчалъ l'orateur Dourassoff. Однакоже, возразилъ Государь, въ день открытія въ первый разъ, по словамъ князя Д. В., было 500 человѣкъ. Я осмѣлился сказать: а завтра, Государь будетъ вѣрно тысячу пятьсотъ; обернулся ко мнѣ и милостиво улыбнулся, потомъ изволилъ поклониться и уйти. Ввели купечество съ хлѣбомъ и солью, опять откланялся; потомъ мѣщанство и цеховыхъ, а наконецъ и ямщиковъ. Нашимъ Государь сказалъ: Куйте лучше лошадей, я нашелъ неисправности въ Подсолнечной.—Мы не знали, что В. В. пожалуете.—И знать не нужно; надобно, чтобы для всѣхъ проѣзжающихъ было исправно, возразилъ Государь. Много видѣлъ я знакомыхъ тутъ, fra altri Лубяновскаго, все тотъ же. Ужо Государь будетъ во Французскомъ театрѣ. Я досталъ ложу для своихъ птенцовъ, противъ государевой; могутъ на него наглядѣться. Жалѣю, мой милый другъ, о бѣдныхъ твоихъ глазахъ: много имъ будетъ работы читать мои каракули. Буду тебя подробно извѣщать о всемъ здѣсь происходящемъ. Государь былъ очень вчера доволенъ разводомъ, карабинерамъ пожаловалъ по рублю. И Фастъ вынырнулъ во дворецъ.

---

*) Дѣвица Анна Сергѣевна Хомутова, сестра наказнаго атамана Донцевъ. Ея Записки см. въ „Русскомъ Архивѣ" (по Указателю).

P. S. Слѣпой Гагаринъ прислалъ къ графу Нессельроду не письмо, не пакетъ, а кажется золотую руду по тяжести; отправляю къ тебѣ при особомъ пакетѣ.

*

Москва, 28 Ноября 1833.

Наконецъ ты говоришь о высочайшемъ путешествіи. Графъ Ал. Хр. мнѣ сказалъ entre autre: Je ne savais pas comment cacher ce voyage à votre coquin de frère, et j'avais plusieurs choses à traiter avec la poste avant le départ; demander la marcheroute—c'était le mettre dans le secret etc.

Письмо твое, привезенное Потоцкимъ, я повезъ тотчасъ самъ къ графу А. Х. Не было дома; сказали, что въ театрѣ Французскомъ. Я туда, нашелъ его въ ложѣ одного, Государь еще не бывалъ, я отдалъ графу пакетъ въ *собственныя руки*. Онъ, тутъ же распечатавъ, къ люстрѣ подошелъ, чтобы читать. Ce diable de Woronzow, dit-il, a une encre si détestable qu'il n'y a pas moyen de la lire aux lumières, il faut remettre cela à tantôt, велѣлъ тебѣ кланяться и благодарить. Сказывалъ онъ также, что фельдъ-егерь, пріѣхавшій изъ Петербурга, жаловался на лошадей, что изъ Черной Грязи или Подсолнечной (ce qui n'est pas la même chose) ѣхалъ пять часовъ; сомнѣваюсь въ первой версіи: слишкомъ бы плохо. Я, не ожидая записки отъ графа А. Х., которую обѣщалъ и которую до сихъ поръ не имѣю, отправилъ въ ту же минуту Цуцкина на трактъ изслѣдовать строжайше; вчера послалъ Цуцкину подтвержденіе еще, завтра его ожидаю. Правда, что избиты и замучены лошади, ибо были морозы безъ снѣгу, бойко и тяжело ѣздить, но все не резонъ: курьерскіе должны быть отборные. Все это меня немало тревожитъ, но Богъ поможетъ все устроить. Меня тѣмъ болѣе пугаетъ это, что Государь былъ столь милостивъ и мнѣ не изволилъ даже заикнуться. Есть глухая молва во дворцѣ (гдѣ я всѣми силами и каналами стараюсь провѣдать о будущемъ), что Государь изволитъ съѣздить въ Тулу, а можетъ быть и въ Орелъ и Курскъ, дабы своими глазами рѣшить противорѣчія, кои доходятъ до Е. В. касательно голода. Это невѣроятно, ибо какъ тогда воротиться къ 6-му въ Петербургъ? Однакоже я сейчасъ отправилъ Штемпеля (проворный и исправный чиновникъ, бывшій объѣзднымъ офицеромъ) по тракту до Серпухова, а въ случаѣ надобности даже до Тулы; ибо не хочется мнѣ сказать Трубецкому, чтобы не надѣлать тревоги, что̀ Государь не жалуетъ. Дай Богъ, чтобы предосторожность была лишняя, но лучше ее взять. Ежели Государь и изволитъ поѣхать, то не прежде какъ въ ночь на Пятницу; ибо въ *Четвергъ*, 30-го, созвана сюда на смотръ уланская дивизія.

Буду поступать, какъ предписываешь, да я такъ и дѣлалъ; всѣ бумаги отправляю по обыкновенному къ князю, и сіе отмѣнится развѣ какимъ либо особеннымъ высочайшимъ или князевымъ приказаніемъ. Вотъ и весь отвѣтъ, давай теперь разсказывать.

Государь пожаловалъ вчера во Французскій театръ, который былъ полонъ, нѣсколько разъ аплодировалъ и смѣялся игрѣ Hervet въ водевилѣ le Landau. Сказывалъ мнѣ Башиловъ, что вчера Ѳединька Гагаринъ былъ выведенъ изъ Экзерциргауза; а другіе говорятъ, что онъ самъ ушелъ, когда дошло до его свѣдѣнія, что Государь, замѣтя его лицо между прочими генералами, сказать изволилъ: Я удивляюсь присутствію Гагарина здѣсь, послѣ того, что̀ происходило съ нимъ въ Варшавѣ. Сегодня Собраніе, опять непонятная для меня перемѣна: я слышалъ самъ, что Государю было угодно почтить этотъ балъ обыкновеннымъ вторичнымъ пріѣздомъ, и потому всѣмъ быть во фракахъ (разумѣется, что мы, старшины, должны Е. В. принять въ передней въ мундирахъ), а теперь публиковала полиція, что всѣмъ, даже отставнымъ, быть въ мундирахъ. Да иной несетъ свои послѣдніе 10 р., чтобы взять билетъ и видѣть Государя, а бывши 10, 20, 30 л. въ отставкѣ, не имѣетъ или и не имѣлъ никогда мундира, со слезами не поѣдетъ; а это значитъ, что будетъ 500 человѣкъ менѣе, а Государь замѣтитъ, что пусто. Не знаю, какая умница выдумала эту перемѣну. Завтра Государь кушаетъ у князя Серг. Мих. Голицына, въ вечеру у князя Дм. Вл. Княгиня не хочетъ, чтобы танцовали: это день кончины ея матушки. Безъ танцевъ не думаю, чтобы удался вечеръ; дѣлаютъ tableau, но такъ наскоро, что не можетъ быть хорошо. Просили моихъ двухъ, но гдѣ же успѣть: надобно думать о туалетахъ на ужо и завтра. Будутъ тоже пѣть сцену изъ Robert le Diable Бартенева и Пашковъ, но это опишу въ свое время тебѣ. Прощай покуда, припишу ужо что̀ случится при запечатываніи письма. Адлербергъ и Арендтъ пріѣхали, первый нездоровъ. Покуда не забуду, Ив. Ив. Дмитріевъ очень желаетъ выписывать журналъ *la France littéraire*; я сказалъ ему, что получаются тѣ токмо журналы, кои означены въ нашихъ объявленіяхъ, но что я изъ уваженія къ его лицу спишусь о семъ съ тобою; ежели можно, ты это устроишь и, буде можно, князю доложишь, во всякомъ случаѣ сообщу ему твой отвѣтъ.

Видѣлъ я княгиню нашу Долгорукую, которая видѣла княгиню Е. Павл. Урусову, которая ей разсказывала, какъ Государь былъ у нихъ вчера; видно, тамъ и засидѣлся Государь, ибо въ театръ пріѣхалъ въ срединѣ второй пьесы le Dey d'Alger. Императоръ много разговаривалъ объ Ольгѣ и дѣтяхъ ея. Княгиня сказала Е. В., что Оль-

га похорошѣла. Tant mieux, изволилъ онъ отвѣчать, je l'aborderai avec un compliment demain à l'Assemblé. Другіе уже говорятъ, что Государь поѣдетъ въ Воронежъ; все это невѣроятно, а надобно ухо держать востро. Новаго ничего болѣе не знаю; что̀ зналъ, то все написалъ. У насъ была взятая недѣлю назадъ ложа на бенефисъ Карона, но Собраніе мѣшаетъ ѣхать. Я отдалъ ложу Любинькѣ и Лизанькѣ Мартыновой [1]), которыя въ восхищеніи; даютъ les Enfants d'Edmond и еще двѣ піесы. Скажу тебѣ подъ секретомъ, что высокій Leon Gallitzine женится на другой Шепелевой, ѣдетъ къ вамъ сегодня въ ночь за позволеніемъ.

*

Москва, 29 Ноября 1833.

Балъ нашъ вчерашній былъ прекрасный, мой милый и любезнѣйшій другъ. Какъ я предвидѣлъ, отъ повѣстки быть даже отставнымъ въ мундирахъ, было 500 человѣкъ менѣе, т. е. 1000 человѣкъ съ небольшимъ, но за то весь beau-monde, и не было тѣсноты, а потому и жару большого. Сначала такъ было мало, что князь Д. В. безпокоился и велѣлъ послѣ пускать и во фракахъ пріѣзжающихъ, на что глядя бывшіе на хорахъ во фракахъ также сошли внизъ. Государь пожаловалъ въ 10 часовъ въ гусарскомъ мундирѣ. Мы встрѣтили Его Величество на лѣстницѣ, т. е. на крыльцѣ; какъ вышелъ изъ кареты, то весь стоявшій на площади народъ закричалъ ура! Обошелъ уголъ залы и, увидя ст.-даму Муханову, открылъ съ нею балъ. Я начала видѣть не могъ, ибо получилъ отношеніе отъ Адлерберга съ пакетомъ нужнымъ для отправленія барону Розену съ нарочною эстафетою; это меня отвлекло, но за то когда Адлербергъ спросилъ меня: Avez vous reçu un paquet pour le b. Rosen? Я отвѣчалъ: eh, mon Dieu, il est déjà parti pour Tifliss.—O! comme cela va vite chez vous! Мы перенимаемъ, отвѣчалъ я, у военно-походной канцеляріи Его Величества [2]). Когда я возвратился, увидѣлъ прежде всѣхъ Катю. Ah! papa, si vous avez vu avec quelle bonté l'Empereur s'est approché de moi, m'a pris la main, l'a serré et m'a parlé, en la tenant toujours serrée dans la sienne! Pensez vous quelque fois à Pétersbourg? m'a-t-il demandé. Государь не изволилъ разбирать чиновъ, ибо четвертый Польскій танцовать изволилъ съ Ольгою, которая была внѣ себя отъ радости: такъ былъ добръ Государь къ ней. Она говоритъ, что такъ ему обрадовалась, что была глупа, сначала смотрѣла въ глаза и не знала, что̀

---

[1]) Это были двоюродныя сестры Булгаковыхъ, дѣти ихъ тетки по матери Марьи Любимовны Мартыновой: Любовь Андреевна Попандопуло и Елисавета Андреевна, вышедшая позднѣе за Чоглокова.

[2]) Этою канцеляріею завѣдывалъ тогда графъ В. Ѳ. Адлербергъ.

говорить. Sire! laissez moi me remettre de grâce, je suis toute bête de la joye de vous revoir, je ne sais que vous dire.—C'est donc à moi à vous parler, сказалъ Государь, eh bien, je vous dirai, que je vous trouve très grandie.... je n'ajouterai pas autre chose, прибавилъ мило Государь: vous le devinez. Eh bien, comment va la petite famille? Ольга разсказывать стала, Государь слушалъ и хотя Польскій кончился, онъ изволилъ остаться возлѣ нея и разговаривать минутъ 10. Ah ça! Изволилъ онъ сказать, il faut que vous veniez nous faire une visite à Pétersbourg.—Sire, c'est tout ce que je désire; jugez, que mon oncle ne m'a pas encore vue mariée.—Eh bien: voilà une double raison, et ne remettez pas, vous voilà mince, svelte... et qui sait (указывая на брюхо) ce qui peut arriver. Je n'ose pas promettre, Sire, j'avais eu ce projet l'année passée sans pouvoir le réaliser. Государь еще позже къ ней подходилъ опять... Гр. Бенкендорфъ мнѣ сказывалъ: l'Empereur a trouvé la p-ce Olga embellie et grandie, и онъ говорилъ ей, что надобно ей пріѣхать въ Петербургъ зимою, хотя на короткое время, что это будетъ пріятно Государю и Императрицѣ, и точно надобно. Я буду зятя уговаривать. Гр. Бенкендорфъ назвался къ Ольгѣ обѣдать завтра, но просилъ, чтобы въ три часа ровно и была бы только наша семья. Ольга сказала, что будутъ только одинъ Обрѣзковъ и онъ. Я думаю по словамъ графа А. Х., что завтра вечеромъ Государь изволитъ ѣхать къ вамъ обратно, и быть можетъ, что ты отъ самого Ал. Хр. скорѣе узнаешь все, нежели черезъ это письмо. Стало-быть нечего бояться Тулы. Сегодня жду Цуцкина изъ Петербургскаго тракта и тотчасъ отправлю его опять туда же все исправить какъ должно. Богъ благословилъ насъ снѣгомъ, Царь полетитъ, а не поѣдетъ; послѣдняя почта отъ Мѣднаго ѣхала на саняхъ, авось либо и у васъ зима уже стала. Государь три раза изволилъ говорить со мною. Я стоялъ и смотрѣлъ на хоры, гдѣ помѣстилъ своего Пашку съ Ванюшкою и Клавдинькою. На кого ты это такъ смотришь? изволилъ спросить Государь, подойдя вдругъ неожиданно. На моего маленькаго Пашку, который отъ радости, что возмутъ его сюда, не хотѣлъ обѣдать: все готовился видѣть В. В.—Да гдѣ же онъ?—Вотъ маленькая головка возлѣ колонны.—Тутъ столько маленькихъ и большихъ головъ, что не различишь, да я же не вижу такъ далеко. Мнѣ дало это мысль велѣть Ванюшкѣ снести внизъ Пашку. Я поставилъ его въ той комнатѣ, гдѣ у насъ статуя Екатерины, и велѣлъ ему ждать. Такъ какъ Наташѣ, которая не умѣетъ толкаться, не удалось видѣться съ Государемъ близко, то и ее поставилъ я возлѣ Пашки выжидать случая. Государь какъ будто нарочно пошелъ къ тому краю залы, остановился и сталъ говорить съ Дм. Мих. Львовымъ; я сталъ сзади; увидя меня, онъ изволилъ обернуться и ска-

зать: славно освѣщена зала ваша! Мы оба, какъ старшины, объяснили, что теперь весь свѣтъ идетъ у насъ сверху. Et c'est très bien, il ne tombe pas de cire sur les habits, сказалъ Государь. Тутъ осмѣлился я доложить: Вы изволили спрашивать о сынѣ моемъ; вотъ онъ, В. В. —Гдѣ? Наташа съ Пашкою стояли у самыхъ ступенекъ. Ah! bonjour, mad B-w, сказалъ Государь, je ne vous avais pas vu dans la salle. J'ai dit à la p-sse Dolgorouky qu'elle doit venir à Pétersbourg.—Sire, c'était son projet déjà l'année passée.—Faites en sorte qu'elle ne soit pas grosse de nouveau. Государь очень разсмѣялся, какъ Наташа сказала ему на это: Sire, je fais tout mon possible pour cela.—Государь взялъ за щеку Пашку, который очень бодро сказалъ: здравія желаю В. И. В! — Скажи, очень тебя муштровалъ Михаилъ Павловичъ?

Третій разъ стоялъ я и смотрѣлъ какъ танцуютъ, какъ слышу вдругъ: Булгаковъ! Обернулся. Государь сдѣлалъ мнѣ глазами знакъ подойти къ нему. Кто эти два *мусье* въ усахъ и которые такъ отличаются и ноги выкидываютъ (во Француз. кадрилѣ)? Это, Государь, два Англичанина, братья Robertson; говорятъ, что были богаты нѣкогда, разорились и теперь даютъ здѣсь уроки. Такъ какъ видѣли они, что Государь смотритъ, то они еще болѣе старались и еще смѣшнѣе танцовали. Это уморительно, говорилъ Государь сквозь зубы; но изъ учтивости удерживался, чтобы не смѣяться. Около Государя всегда кругъ, то и въ эту минуту нашло множество дамъ, кои смотрѣли на него безъ церемоніи. Его Величество о многихъ у меня спрашивалъ, и къ счастію я зналъ всѣхъ имена: графини Толстой, Протасовой, Муратовой, Устиновой, недавно замужъ вышедшей. Государь изволилъ говорить о завтрешнемъ вечерѣ у кн. Д. Вл. Я изъявилъ мое сожалѣніе, что краткость времени не позволила моимъ дочерямъ также составить tableau для Е. В.; но Государь, обернувшись ко мнѣ, сказалъ улыбаясь: Знаемъ! Стара шутка! И я насилу разувѣрилъ, что точно не будетъ ихъ въ tableaux.

Государь насъ всѣхъ ужасно поддѣлъ. Приближаясь понемногу къ дверямъ выхода, онъ вдругъ сдѣлалъ volte и такъ проворно пошелъ, а вышедъ въ швейцарскую и на лѣстницу побѣжалъ, что я довольно, кажется, поворотливъ и пустился какъ стрѣла и когда пришелъ къ подъѣзду, то Государь былъ уже въ каретѣ. Мнѣ такъ было смѣшно встрѣтить на лѣстницѣ, возвращаясь, Урусова, Яковлева, Дурасова, которые шли провожать Государя. Вотъ, мой милый другъ, какъ обошлось у насъ въ Собраніи вчера. Все это такъ радостно для нашей семьи, что и ты будешь восхищаться съ нами. Пашка мой внѣ себя, чувствуетъ уже счастіе свое, и подлинно иной большой едва

видѣлъ Государя, а этотъ крошка, бывъ на хорахъ, имѣлъ возможность и голосъ Государя слышать. Сію минуту получаю собственноручное письмо Государя для отправленія къ фельдмаршалу въ Варшаву. Въ 12 часовъ старшины являются во дворецъ для благодаренія Государя за сдѣланное городу счастіе; но дѣла столько, что не успѣю. Нашей братьи 12 человѣкъ, то мое отсутствіе не замѣтятъ. Теперь, имѣя полчасика свободнаго, стану отвѣчать на письмо твое отъ 25-го, которое получилъ вчера. Да, братъ, какъ ты пишешь, точно мы въ радости, въ восхищеніи, а кто больше меня? Ибо кого изъ насъ Государь не обласкалъ? Даже Пашку. Вчера мнѣ одна дама говорила: Mon Dieu, que vous êtes heureux, quelles filles vous avez, comme elles sont jolies toutes les deux! Она только эту видѣла сторону. Онѣ могли бы быть и не прекрасны, а я все былъ бы счастливъ ими, оставаясь при всемъ прочемъ.

*

Москва, 30 Ноября 1833.

Государь изволитъ ѣхать въ саняхъ. Я говорилъ графу А. Х., что хорошо было бы послать Государеву коляску напередъ съ тѣмъ, чтобы она остановилась тамъ, гдѣ кончится путь зимній и ждала бы высочайшаго проѣзда; зачѣмъ ей теперь скакать за санями и рисковать сломаться, да и не поспѣетъ. Въ половинѣ 3-го ѣду къ графу Б., кое о чемъ потолкуемъ, а тамъ поѣдемъ вмѣстѣ обѣдать къ нашимъ Долгорукимъ. По запискѣ Государь изволитъ брать 52 лошади.

Вчера хотя и не было танцевъ, вечеръ былъ блистателенъ. Было 6 tableaux, въ коихъ участвовали графиня Ростопчина, маленькая Щербатова, Шернваль, Давыдова, М. Бартенева *), Лиза Пашкова, Лопухина. Послѣ Окулова пѣла кое-что, а послѣ была сцена изъ Robert le Diable между Н. Пашковымъ и Бартеневою, которая вчера превзошла себя въ пѣньѣ и декламаціи. Государю очень понравилось, и послѣ онъ просилъ князя Дм. Вл. проводить его за кулисы, хвалилъ очень нашу примадонну и благодарилъ. За ужинъ садиться не изволилъ и большую часть ужина стоялъ за стуломъ Ольги и съ нею разговаривать изволилъ. Много, много было вчера завистниковъ, пожалуй себѣ! Ольга впередъ не кидалась, очень была, какъ и всегда, скромна, самъ Государь изволилъ подходить къ ней. Пожалуй, суйся впередъ; этимъ только лишь надоѣшь. До tableau Государь изволилъ также стать между княземъ Д. Вл. и Ольгою и все время съ ними разговаривалъ. Государь изволилъ къ Наташѣ подходить, но я не имѣлъ счастія говорить съ нимъ, за то въ Собраніи счастія сего удостоился разъ пять. Завтра буду писать tête reposée, а теперь надобно кончить

*) Марья Арсеньевна, позднѣе Нарышкина.

письмо къ великому князю. Пишу съ Адлербергомъ, коему его высочество препоручилъ мнѣ кланяться отъ него. Ежели найдешь минуту написать Ольгѣ словечко за ея гостинцы, то приглашай мужа ея пріѣхать хоть на мѣсяцъ въ Петербургъ, говоря о желаніи твоемъ видѣть ихъ, и право приличіе и благодарность требуютъ сего. Ласки Государя были столь велики, что Ольга должна ѣхать благодарить Е. В. даже въ Петербургѣ. Ежели бы Ольга не была такъ ласкова, мила, учтива со всѣми, ежели бы совалась впередъ, то много бы могла имѣть она завистниковъ и недоброжелателей; но она ведетъ себя умно и осторожно, не отнимаетъ ни у кого мѣста. Когда усаживались для концерта, то Государь, видя ее проходящую, сдѣлалъ знакъ глазами, чтобы подошла. Она будто не замѣтила, и тогда Государь сказалъ: Princesse! и поставилъ ее между собою и княземъ Д. Вл. и все почти время разговаривалъ, то съ нею, то съ княземъ, или разговоръ былъ общій трехъ. За ужиномъ изволилъ подойти и, стоя за стуломъ, опять долго разговаривалъ. Ай, да наша Ольга! Я не знаю, какъ она дѣлаетъ, но она всеобщая фаворитка. Сегодня даютъ они славный обѣдъ всѣмъ налицо флигель-адъютантамъ Государя: Урусовъ, Грессеръ, Крузенштернъ, Бутурлинъ, гр. Толстой. Ты помнишь прежнія неудовольствія бѣднаго П. П. Новосильцова (это все были по его догадкамъ козни Муханова, который вмѣсто того самъ слетѣлъ); теперь онъ такъ веселъ и доволенъ. Во время представленія, когда князь Д. В. хотѣлъ его назвать, Государь изволилъ сказать: О это старый нашъ знакомый, здоровъ ли ты? Трехъ словъ было довольно, чтобы воскресить человѣка давно уже грустнаго. Однакоже ге! ге! почти уже два часа, то-то у меня глаза слипаются, пора спать, лягу покоенъ и счастливъ. Я столько имѣю поводовъ быть довольнымъ!

*

Москва, 1 Декабря 1833.

Да благословитъ Богъ путь его! Сію минуту возвращаюсь изъ дворца, мой милый и любезнѣйшій другъ, и начинаю письмо къ завтрему. Государь изволилъ сѣсть въ сани съ верхомъ, въ 11 часовъ и пять минутъ, и отправился обратно въ Петербургъ. Имѣя свободное время, стану тебѣ разсказывать подробно все сначала. Какъ писалъ я тебѣ, графъ Бенкендорфъ обѣдалъ у нашихъ Долгорукихъ. По условію заѣхалъ я за нимъ въ три часа, сѣли въ его карету и поѣхали, дорогою успѣли наговориться о всякой всячинѣ. А. Х. долженъ былъ обѣдать у Государя и когда отпросился къ Ольгѣ, то Е. В. изволилъ ему сказать: Faites mes compliments à la p-sse Olga et dites lui que j'aurais voulu être à votre place. Князю Д. В. нельзя уже было не

остаться. И такъ была только вся наша семья, графъ и Адлербергъ. Славно поѣли и попили, и всѣ были очень веселы. А. Х. разсказывалъ, какъ ѣхалъ сюда. Князь Д. Вл. извѣстилъ меня запискою, что Государь будетъ вечеромъ въ театрѣ Русскомъ, чтобы ѣхали мы и пригласили всѣхъ знакомыхъ, но нельзя было имѣть ни одного уже мѣста, то графъ А. Х. далъ знать Загоскину, что дамы наши будутъ въ ложу министра двора, куда и онъ самъ будетъ съ нами. Такъ и сдѣлалось, и мы сидѣли противъ самого Государя. Пробывъ съ нами полтеатра, А. Х. уѣхалъ готовиться въ походъ. Давали актъ изъ «Горе отъ ума», водевиль и балетикъ Русской. Государь остался до конца. Посадя дамъ въ карету, я поѣхалъ проститься съ графомъ А. Х. Мнѣ говорятъ, графа нѣтъ, уѣхалъ; я полагалъ, что поѣхалъ съ кѣмъ-нибудь проститься. Я къ Адлербергу, чтобы вручить ему письмо мое къ Михаилу Павловичу; и у него заперто. Неужели же слѣдъ простылъ? Я побѣжалъ на маленькой дворикъ, гдѣ экипажи, слышу: Adieu, mon cher Boulgakow, и вижу А. Х. сидящаго уже въ царской повозкѣ. Мы поцѣловались. Vous partez?—Mais j'attends l'Empereur, qui va venir tout à l'heure. И подлинно черезъ двѣ минуты сошелъ Государь въ шинели и фуражкѣ дорожной. Adieu, mon cher! изволилъ онъ сказать и прибавилъ: J'ai fait aux théâtre mes adieux de loin à vos dames, faites leurs mes compliments. Что̀ знаешь о дорогѣ?—Послѣдняя почта, прибывшая сегодня, выѣхала изъ Петербурга на колесахъ, но за три станціи напалъ снѣгъ, и всю дорогу до Москвы ѣхали на саняхъ.— Тѣмъ лучше, прощай! и прыгнулъ въ коляску въ ту минуту, какъ я собирался поцѣловать его въ плечо. Сѣвши изволилъ сказать: Что́ вы тамъ положили? Ногъ нельзя протянуть. Выбросили оттуда чемоданчикъ. Теперь хорошо, сказалъ Государь. Adieu, mon prince (князь Дм. Вл. стоялъ со мною рядомъ). Пошелъ, и тронулись! Не было тутъ совершенно никого. Большіе сани, въ которыхъ изволилъ поѣхать Государь, какого-то Александра Михаиловича Нарышкина, дубовые, большіе, съ дышломъ въ шесть лошадей, окованы хорошо, съ откинутымъ верхомъ; только мнѣ показалось, что отводы не довольно велики. И такъ могу сказать, что я послѣднее лицо, которое Государь видѣлъ передъ отъѣздомъ его. Я совершенно покоенъ, всѣ мѣры взяты, и вездѣ лошади будутъ уже ожидать проѣздъ Царя, не такъ какъ ѣдучи сюда.

Какъ скоро прошли эти пять дней! То велико счастіе наше было, хотя и скоротечно. Ѣдучи изъ Кремля, я встрѣтилъ Лѣсовскаго и полицію, все это опоздало. И какъ было думать, что полчаса послѣ того, какъ видѣли всѣ Государя въ театрѣ, его не будетъ уже въ Москвѣ. Я тотчасъ воротился къ своимъ, и они вѣрить не хотѣли, что Государя

уже нѣтъ въ Москвѣ. Что̀ больше вспоминаю всѣ милости его къ намъ, то болѣе сердце прыгаетъ отъ радости. Сидя съ Ольгою наединѣ въ кабинетѣ ея, я слушалъ ея разсказы и подробности разговоровъ Государя съ нею. Онъ между прочимъ сказалъ ей разъ: Ne me parlez pas de ma bonté, entre nous c'est amitié, а говоря о крестницѣ: Je vous prie de m'informer de vos couches à venir, car je veux être le parrain de tous vos enfants. Потомъ говорилъ также о сожалѣніи своемъ, что не исполнилъ желанія быть здѣсь съ Императрицею: mon voyage dans l'étranger a dérangé tout cela, et puis les tristes nouvelles de l'intérieur; j'aime à venir chez vous à Moscou pour me délasser, m'amuser, et ce n'est pas l'époque des fêtes, des réjouissances. О мужѣ изволилъ спросить: Que fait donc votre mari ici?—Il sert toujours auprès du prince.—Vous ne comptez pas venir vous établir à Pétersbourg?—Sire, il faut avant bien arranger nos affaires.—C'est bien, mais n'oubliez pas le petit voyage, la promesse.—C'est tout ce que je désire: de faire ma cour à l'Impératrice et de voir mon oncle, qui ne me connait pas encore mariée. Всего и не упомню теперь, что̀ Ольга мнѣ разсказывала; но ласки Государя были столь велики, что она сама чувствуетъ, что неловко даже онымъ иныя пересказывать кромѣ родныхъ самыхъ близкихъ. Ольга у Голицына была просто, но прелестно одѣта и имѣла на себѣ царскую sévigné, которая дала поводъ также къ большому разговору о крестинахъ, тогдашнемъ времени etc.

*

Москва, 4 Декабря 1833.

Мы до сихъ поръ все болтаемъ съ Ольгою объ одномъ. Ея разговоры были очень любопытны, и Государь такъ часто изволилъ оные начинать съ нею, что видно, что находилъ въ томъ удовольствіе; да и надобно признаться, что у нея и доброта, и откровенность, умъ, любезность, оригинальность необыкновенныя, а притомъ удивительный tacte, что́ по моему всего необходимѣе въ обращеніи съ государями, коимъ иной легко понравиться, но еще легче надоѣсть. Государь много ее приглашалъ въ Петербургъ. J'ai donç, Sire, ici mon père, ma mère, ma belle-mère, ma soeur; une fois à Pétersbourg, c'est comme une séparation éternelle, papa ne pouvant pas bouger de Moscou.—Mais venez aumoins pour peu de temps.—Ah, Sire, je le désire tant, j'ai un oncle, qui est un second père pour nous tous et qui ne m'a pas encore vue mariée.—Eh, bien faites donc cela pour cet oncle, que vous aimez tant. Я, кажется, писалъ тебѣ, что изволилъ вызваться крестить всѣхъ будущихъ дѣтей. Ольга, благодаря, сказала: Papa aime beaucoup le petit Nicolas et trouve que Сашка n'est pas si jolie. Mon projet était, si j'ai

encore une fille plus jolie, je la substituerai à Сашка et je dirai à V. M.: voilà votre filleule..... Такъ вы такъ-то? обманывать..... Mais le coeur me dira, прибавилъ Государь, laquelle est ma véritable filleule, ou plutôt l'aînée, car n'oubliez pas que je veux être le parrain de tous vos enfants. Долго была о семъ рѣчь, и Государь все шутилъ. Потомъ говорилъ также о Собраніи. Ольга сказала: On avait annoncé un bal masqué, Sire. Государь отвѣчалъ: Mais je vous avoue, que le bal était pour moi presque un bal masqué; j'y ai trouvé peu des connaissance et une quantité de nouvelles figures, mais ne me masquant pas, je n'y aurais pas trouvé le même plaisir que les autres etc. Пашковы къ ней приставали: Que vous a dit l'Empereur!—Mais vous savez comme il est bon et aimable, il me disait ce qu'il dit à tout le monde.—J'aime cela, chez le p-ce Galitzine, il ne vous a presque quitté, toujours causant.—Mais à un bal il y a tant de questions oiseuses: qui est celle-là, celui-ci? à qui mariée? de qui est fils? etc. etc.—Надобно бы ей ѣхать въ Петербургъ; мнѣ кажется, мужу не очень хочется, а должно бы противному быть, но у него какая-то застѣнчивость. J'aurais voulu, говоритъ онъ, pouvoir dire: Olga, voilà 5000 roubles, partez, allez à Pétersbourg, restez y tant que vous voulez et revenez à Moscou. Мы всѣ опровергали эту мысль и доказывали, какъ бы всякой другой мужъ желалъ быть на его мѣстѣ и ѣхать въ Петербургъ.

Пожалованы во фрейлины дочь слѣпого Гагарина и дочь Боде*). Государь очень былъ доволенъ устройствомъ императрицинова дворца, что́ былъ графини А. А. Орловой подъ Донскимъ. Въ Кадетскомъ корпусѣ какой-то кадетъ смотрѣлъ на Государя издали съ такимъ особеннымъ чувствомъ радости, что Государь къ нему подошелъ и спросилъ: Что́ ты на меня такъ смотришь?—Какъ же вы меня не узнаете? Вы были у насъ въ коронацію, и я тотъ самый кадетъ, котораго вы подняли на руки, поцѣловали и изволили сказать: всѣхъ не могу, то тебя цѣлую за всѣхъ; мнѣ былъ седьмой годъ тогда. Это сказавъ, кадетъ вдругъ кинулся Государя цѣловать, что́ Государю было пріятно, и Е. В. его обнялъ.

Купцы пожертвовали два миліона. Князь Д. В. просилъ оные у Комитета Министровъ, чтобы помѣшать возвышенію цѣнъ на хлѣбъ здѣсь и на бѣдныхъ, но ему было отказано, то купцы сложились и сумму сію пополнили. П. П. Новосильцовъ сказывалъ, что Государь сказалъ А. П. Ермолову за столомъ: Ты знаешь, что въ Парижѣ носятъ шинели à la Iermoloff? На что этотъ отвѣчалъ: Слышалъ, Государь; но это жалкій памятникъ: поносятъ да и бросятъ!

---

*) Александра Львовна, впослѣдствіи княгиня Долгорукая.

Москва, 6 Декабря 1833.

Право, намъ должно еще Бога благодарить, что ноги таскаемъ. Я дѣлалъ это размышленіе, глядя вчера на Мар. Апол. Волкову, которая совсѣмъ старушка, также и Хомутова, а это все моложе насъ гораздо.

Вчера я очень удивился. Говорятъ, что монахъ одинъ желаетъ меня видѣть. Выхожу къ нему, вижу сѣдую длинную бороду, лицо благочестивое. В. п. меня не узнаете?—Нѣтъ, а лицо мнѣ знакомо очень. —Я вашъ учитель на биліардѣ... Я Шишкинъ, маркеръ Аглицкаго клуба! Вообрази мое удивленіе! Я полагалъ, что Шишкинъ умеръ давно (соперникъ Тюри, они играли бывало à but), а онъ вмѣсто того пошелъ спасаться, счастливъ и доволенъ. Я предлагалъ ему мою помощь или услуги, онъ отвѣчалъ: Мнѣ ничего не надобно. Вы всегда были ко мнѣ милостивы, я присланъ сюда по дѣламъ монастыря моего, то хотѣлъ только на васъ взглянуть и порадоваться, что вы почтдиректоръ, чего я всегда желалъ. Какъ человѣкъ не знаетъ судьбы своей! Шишкинъ бывало пилъ, а теперь благочестивый монахъ.

*

Москва, 11 Декабря 1833.

Богатая мысль собрать портреты нашихъ фельдмаршаловъ съ славными наименованіями. Иной и при отличномъ служеніи, да не попадетъ туда, наприм., князь Репнинъ, который могъ бы быть Мачинскимъ. Ну, а будутъ ли тутъ Чесменскій, Крымскій? Экая отборная компанія! А я увѣренъ, что портретъ, который во дворцѣ, не такъ хорошъ и сходенъ, какъ мой; я говорю о портретѣ князя Потемкина и за коимъ Воронцовъ такъ волочится.

*

Москва, 25 Декабря 1833.

Что это у васъ за чудеса были со стульями у какого-то конюшеннаго чиновника? Только и разговора здѣсь. Ты не пишешь объ этомъ, но Вяземской мнѣ намекаетъ. Какія ни представляютъ подробности, я не вѣрю, но весьма любопытенъ знать развязку дѣла, вступившаго офиціально, какъ говорятъ, къ министру двора и утвержденнаго присягою 20 лицъ. Здѣсь дамы перепуганы. На балѣ у Щербатова разсказывали о стулѣ переходящемъ съ мѣста на мѣсто самъ собою. Бартенева (мать) ужасно перепугалась и сказала дрожа: Ахъ, какія страсти! Ну какъ это и въ Москву перейдетъ?—Да развѣ это холера? сказала Катенька. Не повѣришь, какъ насъ насмѣшилъ этотъ простой, но неожиданный отвѣтъ Катеньки. Другія дамы, видя также тутъ какъ будто свѣтопредставленіе, крестятся и крѣпко надѣятся на Московскихъ угодниковъ. Такая тревога, что не повѣришь.

*

О ГРАФѢ В. А. ПЕРОВСКОМЪ.

Г-нъ Захарьинъ (Якунинъ) большой почитатель бывшаго Оренбургскаго генералъ-губернатора графа В. А. Перовскаго. Онъ беретъ на себя благодарный трудъ по изображенію заслугъ его, главнымъ образомъ, по отношенію къ нашему поступательному движенію въ глубь Средней Азіи.

Такъ въ 1891 году г. Захарьинъ напечаталъ въ „Русскомъ Архивѣ" (вып. 4-й) статью „Зимній походъ въ Хиву въ 1839 году"; въ 1898 году онъ издалъ эту статью уже отдѣльной брошюрой подъ названіемъ „Хива". Здѣсь онъ, со словъ современниковъ *), описываетъ зимній неудачный походъ Перовскаго въ Хиву. Затѣмъ въ настоящемъ 1901 году г. Захарьинъ снова выпустилъ это сочиненіе вторымъ изданіемъ подъ измѣненнымъ заглавіемъ „Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву", присоединивъ къ описанію этого исключительнаго эпизода краткую біографію В. А. Перовскаго. извѣстную уже по „Русскому Архиву", переписку его съ Жуковскимъ и Булгаковымъ, а также записку Перовскаго о пребываніи въ плѣну у Французовъ (тоже изъ „Русскаго Архива"), письма изъ Италіи и нѣкоторые приказы его по Оренбургскому корпусу. Въ томъ же 1901 г., въ „Историч. Вѣстникѣ" (Іюль) появилась новая статья г-на Захарьина, посвященная памяти В. А. Перовскаго подъ заглавіемъ „Начало завоеванія Коканда". Въ этой статьѣ г. Захарьинъ очень кратко разсказываетъ съ чужихъ словъ о другомъ степномъ походѣ Перовскаго въ 1853 году и о взятіи Кокандской крѣпости Акъ-Мечети. Статья предназначена служить какъ бы восполненіемъ указаннаго г-омъ Захарьину въ его книгѣ пробѣла, а также невниманія Русской печати и общества къ памяти графа В. А. Перовскаго: когда чествовалось 25-тилѣтіе присоединенія Ферганской области, никто не вспомнилъ о Перовскомъ, положившемъ прочное начало завоеванію Коканда въ 1853 году.

Книга г. Захарьина „Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву" весьма сочувственно встрѣчена Русскою печатью. Между тѣмъ фактическая сторона, какъ самой этой книги, такъ и отдѣльной указанной мною статьи оставляетъ желать многаго. Увлекающійся личностью и заслугами своего героя г. Захарьинъ (вольно или невольно, не знаю) допустилъ при изложеніи біографіи и событій много существенныхъ неточностей и ошибокъ.

На основаніи документальныхъ данныхъ, добытыхъ изъ Оренбургскихъ архивовъ, я намѣренъ указать здѣсь и посильно исправить эти неточности.

*) Собственно по Запискамъ участника похода, топографа г. Зеленина.

Біографическія свѣдѣнія о Перовскомъ г. Захарьинъ, по его словамъ, позаимствовалъ частью изъ сочиненія А. А. Васильчикова „Семейство Разумовскихъ", частью изъ указаній историческихъ журналовъ и формулярнаго списка гр. Василія Алексѣевича. Но, надо полагать, послѣдняго источника на самомъ дѣлѣ г. Захарьинъ и не видѣлъ, а писалъ также и тутъ съ чужихъ словъ. На стр. 1-й г. Захарьинъ говоритъ, что В. А. Перовскій въ 1828 году назначенъ „свиты генералъ-маіоромъ", въ 1829 году пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а въ 1833 г. генералъ-лейтенантомъ и исправляющимъ должность Оренбургскаго военнаго губернатора и командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса. На страницѣ же 4-й говорится, что „послѣ Турецкой войны В. А. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и зачисленъ въ свиту". Но Турецкая война, какъ извѣстно, окончилась въ 1829 году. Затѣмъ на стр. 5-й сообщается: „въ 1834 году Перовскій былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ генералъ-адъютаномъ".

Въ моемъ распоряженіи имѣется точная копія съ формулярнаго списка Перовскаго, составленнаго при жизни Василія Алексѣевича въ 1856 году въ Оренбургскомъ корпусномъ штабѣ для представленія въ Инспекторскій Департаментъ Военнаго Министерства, для написанія ему грамоты на графское достоинство. Свѣдѣнія въ этомъ документѣ доходятъ до Августа 1856 года включительно. Изъ означеннаго формулярнаго списка видно, что 1-го Августа 1814 года Перовскій зачисленъ въ Гвардейскій Генеральный Штабъ, а не въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, какъ значится у г. Захарьина. Въ этотъ полкъ Василій Алексѣевичъ переведенъ лишь 9-го Февраля 1816 года и въ томъ же году 4-го Мая назначенъ адъютантомъ къ генералъ-адъютанту Голенищеву-Кутузову. Послѣднее назначеніе г. Захарьинъ неправильно относитъ къ концу 1814 г. Переводъ Василія Алексѣевича въ лейбъ-гвардіи Измайловскій пѣхотный полкъ и назначеніе его адъютантомъ къ великому князю Николаю Павловичу состоялись лишь 12-го Февраля 1818 года, а не въ 1816 году, какъ утверждаетъ г. Захарьинъ, хотя Перовскій и сопутствовалъ въ этомъ году великому князю въ его путешествіи. Очевидно, что это-то путешествіе и сблизило молодого офицера съ будущимъ Императоромъ и слѣдствіемъ этого сближенія были переводъ Перовскаго въ Измайловскій полкъ, въ которомъ числился и великій князь, и назначеніе въ личные адъютанты къ великому князю, состоявшееся одновременно съ переводомъ.

О путешествіи Перовскаго съ великимъ княземъ въ 1817 году по Россіи и заграницей въ формулярномъ спискѣ не упоминается вовсе.

Въ генералъ-маіоры Перовскій произведенъ „за отличіе" въ 1828 году 25-го Іюня съ назначеніемъ въ свиту его величества; а 6-го Декабря 1829 года Василій Алексѣевичъ, состоя въ чинѣ генералъ-маіора, пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта (отличіе необыкновенное). Въ томъ же чинѣ генералъ-маіора Перовскій 15-го Апрѣля 1833 года былъ назначенъ исправляющимъ должность Оренбургскаго военнаго губернатора и командующимъ отдѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ съ оставленіемъ въ званіи генералъ-

адъютанта, такъ что, по прибытіи въ Оренбургъ, онъ оказался младшимъ въ чинѣ противъ нѣкоторыхъ подчиненныхъ ему генераловъ. Сообщеніе г. Захарьина (ч. II, стр. 10), что Перовскій при назначеніи въ Оренбургъ былъ *только* свитскимъ генераломъ, а не генералъ-адъютантомъ—невѣрно.

Въ генералъ-лейтенанты Перовскій произведенъ 6-го Декабря 1833 года съ утвержденіемъ въ должностяхъ военнаго губернатора и командира корпуса. Г-нъ же Захарьинъ производство Перовскаго въ генералъ-лейтенанты и назначеніе его генералъ-адъютантомъ неправильно относитъ къ 1834 году, какъ будто производство и назначеніе эти послѣдовали одновременно. Василій Алексѣевичъ уже въ продолженіе 4-хъ лѣтъ состоялъ въ званіи генералъ-адъютанта, когда въ 1833 году былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Въ генералы отъ кавалеріи Василій Алексѣевичъ произведенъ 10-го Октября 1843 года, а не въ 1848 году. Точно также не вѣрна дата г-на Захарьина о назначеніи Перовскаго членомъ Государственнаго Совѣта въ 1842 году. Въ этомъ году Перовскій, оставивъ службу въ Оренбургскомъ краѣ, отправился въ заграничный отпускъ для лѣченія отъ болѣзни. По возвращеніи же оттуда онъ 12-го Іюля 1843 года былъ назначенъ членомъ Азіатскаго Комитета, о чемъ г. Захарьинъ совсѣмъ не упоминаетъ, какъ и вовсе не говоритъ о службѣ его по морскому вѣдомству. Членомъ же Государственнаго Совѣта Перовскій назначенъ лишь 1-го Января 1846 года.

Вторично на службу въ Оренбургскій край Перовскій назначенъ 22 Марта 1851 года корпуснымъ командиромъ и Оренбургскимъ и Самарскимъ генералъ-губернаторомъ, а не Самарскимъ и Уфимскимъ, какъ говоритъ г. Захарьинъ въ описаніи Хивинскаго похода (ч. II стр. 10): Уфимской губерніи въ то время еще не было, а была одна Оренбургская съ гражданскимъ губернаторомъ въ г. Уфѣ.

Упоминая, между прочимъ (стр. 12), о командировкѣ Перовскаго изъ Москвы въ С.-Петербургъ съ извѣщеніемъ о рожденіи 17 Апрѣля 1818 г. у великаго князя Николая Павловича сына-первенца Александра, г. Захарьинъ называетъ вѣстника *„молодой ротмистръ“*. Между тѣмъ изъ формулярнаго списка извѣстно, что въ это время Перовскій, числясь въ гвардейскомъ Измайловскомъ пѣхотномъ полку, такого кавалерійскаго чина не носилъ, а состоялъ тогда лишь въ чинѣ штабсъ-капитана гвардіи и 18-го Апрѣля 1818 г., произведенъ въ капитаны.

Заканчивая свой біографическій очеркъ о В. А. Перовскомъ, г. Захарьинъ выражаетъ сожалѣніе, что „В. А. Перовскому не имѣется въ Россіи памятника *видимаго*..... Нѣтъ ни полковъ его имени, ни кораблей. Въ Оренбургѣ нѣтъ даже улицы его имени“. Послѣднее сообщеніе для насъ Оренбуржцевъ—полная новость. Мы такъ давно привыкли видѣть на углахъ одной изъ улицъ Оренбурга надпись „Перовская“, что, ходя по ней, и не знаемъ другого ея названія. Неужели г-ну Захарьину, жившему около двухъ лѣтъ въ Оренбургѣ, видѣвшему домъ, въ которомъ жилъ Перовскій, взиравшему съ почтеніемъ на сооруженія, возведенныя по распоряженію Перовскаго и при Перовскомъ, такъ-таки ни разу не случалось проходить по „Пе-

ровской“ улицѣ? Она въ самомъ центрѣ, въ лучшей части города. Проходитъ она параллельно главной Николаевской улицѣ сзади зданій контрольной палаты (бывшее зданіе канцеляріи генералъ-губернатора), городскаго театра, реальнаго училища и др.; сзади того именно дома, въ которомъ жилъ Перовскій. Домъ этотъ главнымъ фасадомъ выходитъ на Николаевскую улицу, а надворными флигелями и постройками на Перовскую. На этой же улицѣ находятся, напр., редакція и типографія частной газеты „Оренбургскій Листокъ“, съ которой г. Захарьинъ, какъ литераторъ, ужъ навѣрно былъ знако́мъ. Улица эта когда-то очень давно называлась Почтовой, но объ этомъ помнятъ развѣ только очень ветхіе деньми старожилы, а затѣмъ она была переименована въ память о знаменитомъ Оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ въ „Перовскую“. Когда именно это случилось и по чьему распоряженію, я теперь пока точно указать не могу.

Именемъ Перовскаго и въ память о немъ называется еще уѣздный городъ Сыръ-Дарьинской области „Перовскъ“, бывшій фортъ Перовскій, находящійся на мѣстѣ Кокандской крѣпости Акъ-Мечети; а также есть въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, въ Богуславской (бывшей Угольной) станицѣ поселокъ „Перовскій“, отстоящій отъ г. Оренбурга въ 45 верстахъ въ степи за р. Ураломъ. При существованіи Аральской флотиліи, до упраздненія ея въ 1882 году, по р. Сыръ-Дарьѣ и Аральскому морю плавалъ казенный пароходъ „Перовскій“, находившійся вмѣстѣ съ Василіемъ Алексѣевичемъ при осадѣ Акъ-Мечети. Таковы памятки о В. А. Перовскомъ въ Оренбургѣ, Оренбургскомъ краѣ и на берегу Сыръ-Дарьи. Бѣдны, правда, но всё же есть!

Захарьинъ разсказываетъ также, хотя и кратко, о походѣ Перовскаго подъ Акъ-Мечеть. И здѣсь онъ впадаетъ въ крупныя ошибки.

Въ книгѣ, на стр. 5-й, ч. II-я, онъ говоритъ: „Лѣтомъ 1853 г. онъ (Перовскій) предпринимаетъ Кокандскій походъ въ глубь степей, достигаетъ до береговъ Аральскаго моря, близь устьевъ Сыръ-Дарьи. Затѣмъ Перовскій *беретъ съ бою* Коканскія укрѣпленія Чимъ, Кошъ и Кумышъ-Курганъ, расположенныя по Сыръ-Дарьѣ. 28 Іюля 1853 г. Перовскій взялъ штурмомъ Коканскую крѣпость Акъ-Мечеть, *защищаемую 20 тысячами Коканскихъ войскъ*, разбитыхъ и отступившихъ отъ крѣпости, въ цитадели которой заперлось 300 человѣкъ отчаянныхъ „батырей“, которые, во время штурма, и были всѣ переколоты ожесточившимися солдатами“ *).

Въ своей дополнительной статьѣ г. Захарьинъ разсказываетъ о томъ же событіи слѣдующее „Въ 1853 г., генералъ Перовскій съ разрѣшенія Императора Николая Павловича сформировалъ болѣе сильный отрядъ, состоявшій *изъ 2-хъ тысячъ пѣхоты*, 4-хъ тысячъ конницы, при 9-ти орудіяхъ и, принявъ надъ нимъ главное начальство, выступилъ въ степь“ „Войска выступили съ линіи въ Маѣ мѣсяцѣ двумя колоннами... Перовскій выѣхалъ изъ Оренбурга нѣсколькими днями позднѣе, въ сопровожденіи конвоя изъ полусотни Уральскихъ ка-

*) Послѣ штурма въ крѣпости и во рвахъ было собрано болѣе 230 труповъ защитниковъ, въ плѣнъ взято 74 чел., въ томъ числѣ 35 раненыхъ, кромѣ того выведено изъ крѣпости 80 женщинъ и 25 дѣтей. Во время осады защитники потеряли свыше 80 человѣкъ, да взрывомъ стѣны завалило до 30 чел. (См. донесеніе Перовскаго № 625).

заковъ [1]) и свиты, состоящей изъ 18-ти офицеровъ и чиновниковъ, въ числѣ коихъ находились: В. В. Григорьевъ, предсѣдатель Оренбургской пограничкомиссіи, и В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, извѣстные своими учеными трудами по исторіи и оріентологіи Туркестана и Киргизской степи [2])…. Слѣдуя отъ Оренбурга по рѣкѣ Илеку, отряды дошли до укрѣпленія Карабутакъ (428 верстъ) въ 10 дней, до укрѣпленія Уральскаго (187 верстъ отъ послѣдняго) въ 4 дня (значитъ въ среднемъ, замѣчу отъ себя мимоходомъ, по 47 верстъ въ день. Трудненько!) и отсюда до Раима (315 верстъ), чрезъ знаменитые пески Кара-Кумы въ 8 дней и уже 6-го Іюня были на берегахъ Аральскаго моря близъ устьевъ Сыръ-Дарьи". „Для отряда нашихъ войскъ представлялось дѣломъ очень нетруднымъ захватить отъ Коканцевъ небольшія и *недостаточно сильно укрѣпленныя ихъ крѣпости Чимъ, Кошъ и Кумышъ-Курганъ*, расположенныя по берегу Сыръ-Дарьи, такъ какъ всѣ эти крѣпости, разоренныя и разрушенныя за годъ передъ тѣмъ нашимъ отрядомъ, бывшимъ подъ начальствомъ Бларамберга, еще *не успѣли отстроиться и не были поэтому защищаемы Кокандцами*: тамъ находились лишь маленькіе отряды непріятеля, человѣкъ по 50-ти, въ видѣ наблюдательныхъ постовъ, которые при появленіи Русскихъ солдатъ тотчасъ же уходили изъ укрѣпленій подъ защиту главной крѣпости Акъ-Мечети [3]). Близъ нея и произошла задержка [4]). Въ ней и вокругъ нея было расположено *20 тысячъ Кокандскихъ войскъ*, находившихся подъ главнымъ начальствомъ *Мухамедъ-Кула*, отправленныхъ изъ Коканда при *нѣсколькихъ* пушкахъ очень стариннаго образца, мало приносившихъ пользы во время *сраженія*, результатомъ коего было *разбитіе Кокандскихъ войскъ на голову и ихъ поспѣшное и постыдное бѣгство отъ крѣпости въ глубь степей*. При этомъ потери нашего отряда, какъ увидимъ ниже изъ письма Перовскаго, были самыя незначительныя [5]), что̀ объясняется, главнымъ образомъ, отсутствіемъ у Кокандцевъ огнестрѣльнаго оружія: ихъ конница имѣла луки и стрѣлы, а *имѣвшіяся три чугунныхъ пушки* и фитильныя ружья не причинили намъ никакого вреда [6]). *Но разбитіемъ на голову Кокандскихъ войскъ* дѣло было еще далеко не кончено: въ крѣпости засѣло, по свѣдѣніямъ лазутчиковъ, 300 человѣкъ самыхъ отчаянныхъ удальцовъ „батырей", рѣшившихся защищать ее до послѣдней крайности и не сдаваться въ плѣнъ". „Такъ какъ осадной артиллеріи при отрядѣ не было, *и невозможно было, слѣдовательно, пробить брешь* [7]) въ крѣпостной стѣнѣ пятисаженной толщины, то и пришлось поневолѣ вести земляныя работы".

---

[1]) Конвой состоялъ изъ полусотни Уральскихъ и полусотни Оренбургскихъ казаковъ. (Дѣло корпуснаго штаба 1853 г. № 12-й).

[2]) В. В. Вельяминовъ-Зерновъ въ Мартѣ 1853 г. былъ командированъ въ Киргизскую степь Сибирскаго вѣдомства для свиданія и переговоровъ съ бывшимъ Кокандскимъ мингбашею Мусульманъ-Куломъ и собранія свѣдѣній о Кокандскомъ ханствѣ. Онъ возвратился въ Оренбургъ уже послѣ выѣзда Перовскаго, къ свитѣ котораго присоединился лишь на Сыръ-Дарьѣ. (Дѣло Канцел. Оренбург. и Самар. ген.-губернатора 1853 г. № 27).

[3]) А въ книгѣ (стр. 5) сказано, что эти укрѣпленія были взяты съ боя.

[4]) Какъ будто отрядъ Перовскаго имѣлъ намѣреніе проникнуть глубже въ Кокандское ханство. Не задержка была тутъ только, а Акъ-Мечеть была конечною цѣлью похода на этотъ разъ.

[5]) Между тѣмъ въ письмѣ Перовскаго, на которое ссылается здѣсь г. Захарьинъ, говорится лишь о потеряхъ при осадныхъ работахъ подъ Акъ-Мечетью, а не въ сраженіи подъ крѣпостью, котораго не было; оно есть плодъ воображенія г-на Захарьина.

[6]) А выше шестью строками г. Захарьинъ говоритъ не о трехъ, а о нѣсколькихъ пушкахъ. Опять противорѣчіе. Въ самой Акъ-Мечети дѣйствительно было три пушки, но только мѣдныхъ, а не чугунныхъ.

[7]) Не правда. Первый же день осадныхъ работъ ознаменовался потерею одного ря-

Въ дѣйствительности многое было далеко не такъ какъ живописуетъ г. Захарьинъ. Въ подтвержденіе моихъ словъ могу сослаться не только на свидѣтельство участника похода, осады и штурма Акъ-Мечети, капитана Генеральнаго Штаба, а впослѣдствіи заслуженнаго профессора Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, Макшеева, который въ своемъ почтенномъ трудѣ „Историческій обзоръ Туркестана и наступательнаго движенія въ него Русскихъ“ подробно описалъ Акъ-мечетскую экспедицію, но и на донесеніе самого Перовскаго отъ 31-го Іюля 1853 г. за № 625 [1]), очевидно неизвѣстное г. Захарьину, а также на его приказъ по Оренбургскому корпусу отъ 5-го Декабря того же года за № 277 [2]).

Изъ этихъ источниковъ явствуетъ, что въ походъ подъ Акъ-Мечеть въ 1853 году былъ назначенъ 4-й Оренбургскій линейный батальонъ, укомплектованный людьми изъ другихъ линейныхъ батальоновъ 23-й пѣхотной дивизіи до тысячнаго состава, да усиленъ былъ нарядъ въ степь на службу казачьихъ частей. По приводимому г. Захарьинымъ съ чужихъ словъ и непровѣренному имъ разсчету, войска съ Оренбургской линіи достигли Аральскаго укрѣпленія въ 22 дня. Такой форсированный маршъ, не оправдываемый необходимостью, не подъ силу войсковымъ колоннамъ съ тяжелыми обозами, воловьимъ и верблюжьимъ, при тропической жарѣ и при недостаткѣ воды и корма въ Кара-Кумахъ. Такіе усиленные переходы могъ дѣлать только легкій конвой Перовскаго. И дѣйствительно, по имѣющимся у меня маршрутамъ отряды на достиженіе береговъ Аральскаго моря употребили гораздо больше времени, чѣмъ приведено у г. Захарьина. Войска вышли съ линіи двумя колоннами: правая изъ Оренбурга—25-го Апрѣля, лѣвая изъ Орска—4-го Мая и прибыли въ Аральскъ: лѣвая (1-й эшелонъ) 8-го Іюня, сдѣлавъ отъ Орска 687 верстъ въ 36 дней, въ томъ числѣ 5 дневокъ; правая (2-й эшелонъ)—9-го Іюня, пройдя отъ Оренбурга 933 версты въ 46 дней, съ 6-ю дневками въ томъ числѣ. Перовскій съ своимъ легкимъ конвоемъ и свитой выѣхалъ изъ Оренбурга 15-го Мая и, обогнавъ 1-й эшелонъ въ Кара-Кумахъ на колодцахъ Акъ-Кудукъ, прибылъ въ Аральское укрѣпленіе 7-го Іюня, пробывъ, такимъ образомъ, въ пути не 22, а 24 дня. Обозы колоннъ, по недостатку воды въ Кара-Кумахъ, высланы были впередъ и прибыли въ Аральскъ 5 и 6-го Іюня.

Предъ дальнѣйшимъ движеніемъ вверхъ по Сыръ-Дарьѣ, Русскихъ войскъ въ Аральскѣ всего составилось: 1 бат. пѣхоты (№ 4-й) тысячнаго состава,

---

довато, которому Кокандскимъ ядромъ оторвало руку, и онъ вскорѣ умеръ. Да и потомъ выстрѣлы Кокандцевъ были довольно мѣтки, такъ что пришлось отказаться отъ дневныхъ открытыхъ работъ въ сферѣ крѣпостного огня. А брешь все-таки была пробиваема дважды, да только напрасно. При Русскомъ отрядѣ было 17 орудій, въ томъ числѣ одна 12-ти фунтовая пушка, двѣ 6-ти фунтовыхъ, два полупудовыхъ единорога, четыре четверть-пудовыхъ, три—трехфунтовыя и пять кегорновыхъ мортиръ. Сила внушительная, если бы она была употреблена болѣе цѣлесообразно—массой.

[1]) Сборникъ „Русскій Туркестанъ“, вып. 3-й СПб. 1872 г., стр. 20—23.

[2]) Приказъ этотъ въ печати еще не появлялся.

11 сотенъ кавалеріи (казаковъ и Башкиръ), 30 орудій съ прислугой, команды: ракетная, саперная и Башкирская сѣнокосная. Въ походъ же подъ Акъ-Мечеть выступило: 3 роты, $8^1/_2$ сотенъ съ 18-ью разнокалиберными орудіями, саперная и ракетная команды и часть сѣнокосной. На пути оставлено во вновь заложенномъ 25-го Іюня фортѣ № 2-й (Карамакчи) 53 ч. пѣхоты, полусотня казаковъ при одномъ полевомъ орудіи. Къ Акъ-Мечети прибыло: 3 роты пѣхоты (неполныхъ, 14 офиц. и 794 нижн. чин.), 8 сотенъ (27 офиц. и 848 н. ч.), 17 орудій съ прислугой, саперная и ракетная команды и часть сѣнокосной; всего подъ стѣнами крѣпости собралось 95 офиц., 2264 нижн. чин., да до 200 вооруженныхъ Киргизовъ съ султаномъ Илекеемъ Касимовымъ. Такимъ образомъ, число войскъ, дѣйствительно бывшихъ подъ Акъ-Мечетью, значительно ниже того, что́ приводитъ г. Захарьинъ и далеко не достигаетъ насчитанныхъ имъ 6000 чел. („2 т. пѣхоты и 4 т. конницы"). Только число орудій было больше: 17, а не 9; при чемъ въ числѣ ихъ были и съ довольно-значительной разрушительной силой, напр., два полупудовыхъ единорога.

И съ такимъ отрядомъ никакихъ другихъ крѣпостей, кромѣ Акъ-Мечети, Перовскому „брать съ собою" не приходилось. Развалины Кокандскихъ укрѣпленій Чима, Коша и Кумыша-кургановъ, послѣ разрушенія Бларамбергомъ въ 1852 г., не только не возобновлялись, но даже и не занимались вовсе и не только 50-ью Кокандцами, но даже и пятью. Это вполнѣ выдумка г. Захарьина, живому воображенію котораго слѣдуетъ приписать и то, будто бы подъ стѣнами Акъ-Мечети Перовскій прежде всего, до начала осады самой крѣпости, встрѣтилъ 20-ти тысячную Кокандскую армію съ нѣсколькими орудіями подъ начальствомъ Мухамедъ-Кула, съ которой имѣлъ сраженіе и которую *„разбилъ на голову, обративъ въ поспѣшное и постыдное бѣгство отъ крѣпости въ глубь степи"*.

Ничего подобнаго съ Перовскимъ не было, никакой 20-ти тысячной арміи онъ подъ Акъ-Мечетью не разбивалъ. Нѣчто въ родѣ этого было лишь впослѣдствіи, уже послѣ взятія Акъ-Мечети, да и то не съ Перовскимъ. Это было отраженіе попытокъ Кокандцевъ отнять Акъ-Мечеть обратно. Такъ 24-го Августа произошло сраженіе при уроч. Кумъ-Суатъ, верстахъ въ 50-ти отъ Акъ-Мечети, гдѣ Русскій отрядъ изъ 150 казаковъ и 120 чел. пѣхоты при 3-хъ орудіяхъ, подъ командой войсковаго старшины Бородина, высланный навстрѣчу идущимъ изъ Туркестана Кокандцамъ, разбилъ ихъ 7-ми тысячный отрядъ подъ начальствомъ Собданъ-хаджи. Затѣмъ 19-го Декабря того же 1853 г. гарнизонъ Форта Перовскаго подъ начальствомъ подполковника Огарева разбилъ подъ крѣпостью громадное скопище Кокандцевъ въ числѣ 12—13 тысячъ *) при 17 орудіяхъ, явившихся къ форту съ рѣшительнымъ намѣреніемъ овладѣть имъ. За это дѣло подполковникъ Огаревъ произведенъ прямо въ генералъ-маіоры.

Такъ вотъ когда и какія сраженія были подъ Акъ-Мечетью.

Перовскій со своимъ легкимъ отрядомъ безпрепятственно подошелъ 2-го Іюля къ Акъ-Мечети, не встрѣтивъ никакого сопротивленія и не видавъ ни-

*) 7 т. да 13 т. дѣйствительно выходитъ 20 т., но только за два раза.

какихъ Кокандскихъ войскъ. Это дало ему смѣлость подъѣхать, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ своей свиты, къ самымъ стѣнамъ крѣпости, сажень на 60, для переговоровъ; но Кокандцы встрѣтили его выстрѣлами со стѣнъ крѣпости, такъ что онъ принужденъ былъ ретироваться къ своему лагерю, расположившемуся въ 600 саж. къ Востоку отъ крѣпости. Рекогносцировка эта показала, что внѣшняя ограда Акъ-Мечети, разрушенная въ предыдущемъ году Бларамбергомъ, и не возобновлялась. Въ урдѣ же (цитадели), по показаніямъ Киргизовъ, засѣло около 400 защитниковъ, Киргизовъ и Кокандцевъ, подъ начальствомъ Мухаммедъ-вали и до 150 женщинъ и дѣтей. На вооруженіи крѣпости имѣлось 3 мѣдныхъ *) пушки небольшаго калибра, 3 фальконета и 66 винтовочныхъ крѣпостныхъ Азіатскихъ ружей, не считая ручного и холоднаго оружія.

Вотъ противъ такой-то крѣпостцы съ ничтожнымъ вооруженіемъ и гарнизономъ и предпринялъ генералъ Перовскій правильную осаду по всѣмъ требованіямъ военно-инженернаго искусства, какъ бы и противъ сильной крѣпости,—осаду, продолжавшуюся почти четыре недѣли (27 дней, со 2-го по 28-е Іюля включительно). При этомъ даже не захотѣли почему-то воспользоваться въ полной мѣрѣ превосходствомъ и силою своей артиллеріи. 17 орудій—сила внушительная и при цѣлесообразномъ массовомъ примѣненіи ея огня можно бы было достигнуть болѣе скорыхъ и существенныхъ результатовъ. На дѣлѣ же Русская артиллерія подъ Акъ-Мечетью дробилась безо всякой надобности по нѣсколькимъ батареямъ, и орудія иногда размѣщались такимъ образомъ, что мѣшали другъ-другу, а ихъ разрозненная стрѣльба не могла оказать рѣшительнаго и полнаго дѣйствія. Случайное сосредоточеніе большей части орудій (до 12-ти) на одной изъ батарей (№ 4-й) показало на дѣлѣ, чего можно было достигнуть массированіемъ огня, сосредоточенной стрѣльбою: 11-го и 12-го Іюля удачными залпами соединенныхъ на этой батареѣ орудій дважды удавалось произвести обвалъ и пробить брешь въ восточной башнѣ крѣпости; но этимъ достигнутымъ успѣхомъ и не подумали воспользоваться, какъ бы слѣдовало, Кокандцы же ночью успѣвали задѣлывать брешь земляными мѣшками. При надлежащемъ употребленіи артиллеріи, Кокандская крѣпостца не могла бы продержаться такъ долго.

Я далекъ отъ мысли умалять значеніе заслугъ графа В. А. Перовскаго въ дѣлѣ нашихъ завоеваній въ Средней Азіи, тѣмъ болѣе отрицать послѣдующее значеніе въ этомъ отношеніи взятія имъ Акъ-Мечети и образованія Сыръ-Дарьинской линіи. Заслуги эти несомнѣнны, и значеніе занятія и закрѣпленія за нами нижняго теченія Сыръ-Дарьи въ дѣлѣ подчиненія Русской власти Туркестана неоспоримо; но нельзя же въ самомъ дѣлѣ закрывать глаза на промахи и недостатки, находить все прекраснымъ и безукоризненнымъ. Тѣмъ болѣе неосновательно придавать какой-то небывало-легендарный характеръ обстоятельствамъ, относящимся до покоренія этой Кокандской крѣпостцы, какъ дѣлаетъ это г. Захарьинъ.

---

*) А не чугунныхъ, какъ пишетъ г. Захарьинъ.

Въ заключеніе своей статьи „Начало завоеванія Коканда“ г. Захарьинъ (на стр. 1074) сообщаетъ, что „между прочими нижними чинами, удостоившимися быть произведенными въ офицеры, получилъ чинъ прапорщика унтеръ-офицеръ Алексѣй Плещеевъ, извѣстный впослѣдствіи поэтъ-гуманистъ. Какъ извѣстно, покойный А. Н. Плещеевъ былъ въ 1848 году, по дѣлу Петрашевскаго разжалованъ и посланъ затѣмъ рядовымъ въ Оренбургскіе линейные батальоны. При штурмѣ Акъ-Мечети онъ состоялъ въ 4-мъ батальонѣ. Произведенный въ прапорщики „за отличіе“, онъ былъ въ тоже время переведенъ по ходатайству Перовскаго въ 3-й Оренбургскій линейный баталіонъ, который квартировалъ постоянно въ самомъ Оренбургѣ“.

И это не совсѣмъ такъ. Прежде всего, дѣло Буташевича-Петрашевскаго, въ которомъ былъ замѣшанъ А. Н. Плещеевъ, разслѣдовалось особою военносудной комиссіей не въ 1848 г., а въ 1849 году. Высочайшая конфирмація приговора на докладѣ генералъ-аудиторіата послѣдовала 20 Декабря 1849 г., а 22 Декабря въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ напечатано и объявленіе по этому дѣлу; 6-го же Января 1850 г. Алексѣй Плещеевъ зачисленъ рядовымъ въ 1-й Оренбургскій линейный батальонъ, стоявшій въ г. Уральскѣ [1]).

Предсѣдателемъ упомянутой военносудной комиссіи былъ В. А. Перовскій [2]), назначенный Высочайшимъ повелѣніемъ 25 Сентября 1849 года, о чемъ въ біографіи Перовскаго, составленной г. Захарьинымъ, однако, не упоминается. А. Н. Плещеевъ участвовалъ въ Акъ-Мечетской экспедиціи въ рядахъ 4-го батальона не унтеръ-офицеромъ, а простымъ рядовымъ. Вотъ что говорится о немъ въ приказѣ по 23-й пѣхотной дивизіи 23 Февраля 1853 г. за № 76: „Рядовой линейнаго Оренбургскаго батальона № 3-го Алексѣй Плещеевъ по волѣ г-на корпусного командира, изъясненной мнѣ (т. е. начальнику дивизіи) въ рапортѣ и. д. начальника корпусного штаба отъ 20-го сего Февраля за № 753, переводится въ таковой же батальонъ № 4-го, а потому предписываю отправить его немедленно по назначенію“.

Въ примѣчаніи къ вѣдомости о составѣ части экспедиціоннаго отряда, возвратившейся въ Орскую крѣпость 16-го Сентября 1853 г., въ п. 3-мъ, значится: „Въ числѣ нижнихъ чиновъ пѣхоты состоятъ унтеръ-офицеръ Мочульскій и рядовые Бржезовскій и Плещеевъ“ (все политическіе ссыльные [3]). Изъ этого примѣчанія видно, что Плещеевъ вернулся изъ похода на Оренбургскую линію въ Орскую крѣпость еще рядовымъ. За участіе въ дѣлѣ подъ Акъ-Мечетью Алексѣй Николаевичъ былъ сначала произведенъ въ унтеръ-офицеры 27-го Декабря 1853 года. Когда именно онъ вернулся опять въ Фортъ Перовскій изъ Орска, свѣдѣній у меня не имѣется; но только мы снова встрѣчаемъ его тамъ несущимъ гарнизонную службу въ званіи унтеръ-офицера. Такъ въ приказѣ по Форту Перовскому на 1-е Января 1855 года за № 1-мъ объявленъ очередной нарядъ по гарнизону и назначенъ „въ крѣпостной караулъ отъ № 4-го батальона № 2-й роты за офицера—*унтеръ-*

---

[1]) „Историч. Вѣстникъ“ 1897 г. Май, стр. 402.

[2]) Формулярн. списокъ Перовскаго и „Русск. Стар.“ Май, 1900 г. стр. 279-я

[3]) Дѣло Корпусного Штаба 1853 года № 12 „О нарядѣ войскъ въ составъ экспедиціоннаго отряда“.

офицеръ Плещеевъ;“ затѣмъ 5, 10, 15, 22 и 31-го Января А. Н. опять находился въ томъ же служебномъ нарядѣ; а также и въ послѣдующіе мѣсяцы по 4 раза; но съ Іюля фамиліи Плещеева въ нарядѣ почему-то не встрѣчается. Въ первый офицерскій чинъ, прапорщика, Алексѣй Николаевичъ произведенъ лишь 11-го Мая 1856 года съ переводомъ въ 3-й батальонъ *).

Мнѣ остается указать еще одинъ промахъ г-на Захарьина въ его книгѣ и статьѣ, который можно бы было признать за корректурную погрѣшность, если бы онъ не повторился разновременно въ двухъ различныхъ изданіяхъ, печатавшихся къ тому въ двухъ отдѣльныхъ типографіяхъ.

Въ Русскомъ переводѣ письма В. А. Перовскаго къ Московскому почтъ-директору А. Я. Булгакову, писаннаго изъ подъ Акъ-Мечети 28 Іюля 1853 г., переводѣ, приведенномъ г. Захарьинымъ и въ книгѣ (стр. 188) и въ статьѣ (стр. 1072-я), въ концѣ напечатано: „Если мой адъютантъ *Ефремовъ*, посланный и т. д.“ Адъютанта съ фамиліей „Ефремовъ“ у Перовскаго, по крайней мѣрѣ въ походѣ подъ Акъ-Мечетью, не было. Былъ у него, въ числѣ другихъ, адъютантомъ есаулъ Эверсманъ, который дѣйствительно былъ командированъ курьеромъ въ С.-Петербургъ съ донесеніемъ о взятіи Акъ-Мечети. Есаулъ Эверсманъ былъ произведенъ за Акъ-Мечеть въ войсковые старшины, впослѣдствіи онъ дослужился до чина генерала и здравствуетъ еще и понынѣ, находясь въ отставкѣ. Во Французскомъ текстѣ этого письма (ч. II-я, стр. 153-я) адъютантъ-курьеръ названъ своей настоящей фамиліей Эверсманъ: „Si mon aide-de-camp Eversman.“

Закончу свои замѣчанія словами самого же г-на Захарьина (т. I, стр. 11): „Такъ пишется иногда у насъ исторія!“

М. Л. Юдинъ.

г. Новый-Маргеланъ. 1901 года.

---

*) „Историч. Вѣст.“ 1897 г. Май, стр. 409-я.

КЪ ИСТОРІИ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА *.

1853—1857.

Назначенный чрезвычайнымъ посломъ при Отоманской Портѣ князь Меншиковъ отбылъ 14 Февраля 1853 года изъ Одессы въ Константинополь на пароходѣ «Громоносецъ». Въ его свитѣ находился В. А. Корниловъ, который, послѣ осмотра въ Константинополѣ адмиралтейства, отправился въ Пирей, гдѣ инспектировалъ собранныхъ тамъ Русскихъ стаціонеровъ. Послѣ этого онъ посѣтилъ Дунайскіе порты, гдѣ осматривалъ суда флотиліи. Князь Меншиковъ выбылъ изъ Константинополя 9 Мая, а затѣмъ былъ объявленъ дипломатическій разрывъ съ Турціей. По прибытіи въ Одессу князь Меншиковъ выждалъ тамъ отвѣтныхъ приказаній изъ Петербурга, вслѣдствіе которыхъ сталъ управлять лично дѣйствіями Черноморскаго флота.

Первая практическая эскадра, подъ начальствомъ вице-адмирала Нахимова, получила приказаніе выйти для крейсерства у Херсонесскаго маяка, отдѣливъ отъ себя два фрегата и три брига, изъ которыхъ составить линію крейсеровъ отъ Херсонесскаго маяка до Босфора для наблюденія за движеніемъ военныхъ судовъ изъ этого пролива, передавая о всемъ замѣченномъ сигналами отъ одного судна къ другому и такимъ образомъ сообщать начальнику крейсерскаго отряда. Второй практической эскадрѣ, подъ начальствомъ контръ-адмирала Новосильскаго, начать кампанію и находиться на Севастопольскомъ рейдѣ въ полной готовности. Для увеличенія числа крейсеровъ, у восточнаго берега Чернаго моря былъ сформированъ особый отрядъ изъ шести судовъ, съ назначеніемъ главной станціи этого отряда въ Сухумѣ; этому отряду поручено было наблюдать за Батумомъ и окрестными пограничными мѣстами. Оба Кавказскіе отряда, сѣверный и южный, были подчинены начальнику Кавказской береговой линіи вице-адмиралу Серебрякову. На усиленіе комплектаціи судовъ флота было сдѣлано распоряженіе о назначеніи отъ каждаго экипажа Балтійскаго флота

*) См. выше, стр. 369.

въ Черноморскій флотъ по два оберъ-офицера. Крейсирующій у Херсонесскаго маяка отрядъ первой практической эскадры, съ линіей крейсеровъ, замѣненъ былъ въ Августѣ пароходами, которымъ поручено было наблюдать за движеніемъ судовъ у Босфора.

Смутное положеніе на Югѣ заставило Кавказскаго намѣстника князя Воронцова озаботиться предварительной подготовкою защиты Закавказья, а потому, признавая малочисленность войскъ въ Кавказскомъ корпусѣ для дѣйствія на два фронта (противъ горцевъ и на Турецкой границѣ), онъ ходатайствовалъ о присылкѣ ему подкрѣпленій. Вслѣдствіе такого ходатайства сдѣлано было распоряженіе о передвиженіи моремъ въ Закавказскій край расположенной въ Крыму 13-й пѣхотной дивизіи, съ двумя батареями, со всѣмъ обозомъ и съ тридцати-дневнымъ запасомъ продовольствія, въ числѣ 16393 человѣка и 824 лошадей. Въ замѣнъ же этой дивизіи перемѣстить изъ Одессы въ Крымъ, также моремъ, одну бригаду 14-й пѣхотной дивизіи. Для такого передвиженія войскъ изъ Севастополя, по распоряженію князя Меншикова, назначено было: двѣнадцать кораблей, два фрегата, два корвета, семь пароходовъ и одинадцать транспортныхъ судовъ, подъ общимъ начальствомъ вице-адмирала Нахимова; а для перевозки войскъ изъ Одессы въ Севастополь назначено было два корабля и два фрегата, подъ начальствомъ капитана 1 ранга Варницкаго. Генералъ-адъютанту Корнилову поручено было сношеніе съ военнымъ вѣдомствомъ для своевременнаго сбора войскъ и для назначенія мѣста высадки ихъ у Кавказскаго берега.

Утромъ 14 Сентября приступлено было къ погрузкѣ тяжестей, а 16 числа приняты на транспорты лошади и посажены на суда войска. Всѣ военные чины были въ полной походной формѣ, имѣя при себѣ десятидневный запасъ провизіи. По общему совѣщанію рѣшено было высадить въ Сухумѣ находившіеся на пароходахъ и транспортахъ обозы и лошадей, а при нихъ 1500 человѣкъ; всѣ же прочія войска опредѣлено высадить въ Анакріи, вблизи Редутъ-Кале. 17 числа, съ разсвѣтомъ, весь флотъ вышелъ изъ Севастополя и, построившись въ ордеръ похода, направился къ восточному берегу Чернаго моря; а корабли «Уріилъ» и «Селафаилъ», съ фрегатами «Флора» и «Кулевчи» взяли курсъ на Одессу. В. А. Корниловъ вышелъ ранѣе на пароходѣ «Владиміръ», чтобы, по сношенію съ Кавказскимъ военнымъ начальствомъ, озаботиться о своевременномъ принятіи транспортируемыхъ войскъ и обозовъ. На параллели Сухума пароходы и транспорты направлены были въ этотъ портъ; а остальной флотъ прибылъ 24 числа утромъ къ Анакріи, и немедленно было отдано приказаніе свезти де-

сантъ, что̀ было исполнено въ полномъ порядкѣ и благополучно. Къ четыремъ часамъ пополудни высадка десанта была окончена, и флотъ направился въ Севастополь. За такую успѣшную распорядительность вице-адм. Нахимовъ награжденъ былъ орденомъ Владимира 2 ст.

Англійскіе руководители Турецкихъ властей составили обширный планъ для начала войны. По этому плану предположено было, между прочимъ, направить дѣйствія на Кавказъ и такимъ образомъ отвлечь значительную часть Русскихъ войскъ отъ западной границы. Въ виду этого было опредѣлено: выслать значительный отрядъ изъ Батума къ Поти и Редутъ-Кале, занять сильнымъ десантомъ Сухумъ и организовать общее возстаніе го̀рцевъ. Получая свѣдѣнія отъ Русскаго уполномоченнаго въ Константинополѣ и изъ иностранныхъ газетъ, князь Меншиковъ предвидѣлъ возможность такого предположенія, а потому, усиливая наблюденіе за Константинопольскимъ проливомъ, онъ далъ предписаніе Нахимову, отъ 5 Октября 1853 года за № 51 такого содержанія: «Ваше превосходительство отряжаетесь съ эскадрою изъ кораблей: «Ягудіилъ», «Храбрый», «Чесма» и «Императрица Марія», фрегатовъ «Каварна», «Кулевчи» и «Кагулъ», бриговъ «Эней» и «Язонъ» и пароходо-фрегата «Бесарабія», въ крейсерство между Анатоліей и Крымомъ, держась по возможности на меридіанѣ Тарханкута и параллели 43°. Одинъ фрегатъ и бригъ, по очереди, надлежитъ содержать на Севастопольскомъ рейдѣ, какъ для отдыха этихъ судовъ, крейсировавшихъ съ начала лѣта, такъ и для сообщенія съ портами. Цѣль посылки эскадры таже, что̀ и прежде бывшихъ крейсеровъ, дабы при ожидаемомъ разрывѣ имѣть морскія силы у береговъ Турціи и особенно на сообщеніи Константинополя съ Анатолійскими приморскими городами, а потому, до полученія новыхъ инструкцій, не подлежитъ считаться въ войнѣ».

Для наблюденія за движеніемъ судовъ у Босфора назначены были пароходы «Крымъ», «Одесса» и «Херсонесъ». Вслѣдъ за тѣмъ послано было вице-адмиралу Нахимову предписаніе распространить свое крейсерство къ Анатолійскому берегу, между мысомъ Керемпе и портомъ Амастро, такъ чтобы быть на пути сообщенія Константинополя съ Батумомъ. При этомъ было сказано, что эскадра можетъ подходить на видъ береговъ, но не должна безъ открытія непріязненныхъ дѣйствій со стороны Турокъ или повелѣній высшаго начальства начинать съ ними военныхъ дѣйствій *).

Первыя военныя дѣйствія начались на Дунаѣ 11 Октября. По распоряженію генерала Лидерса приказано было пароходамъ «Прутъ» командиръ лейтенантъ Языковъ, и «Ординарецъ» командиръ лейте-

*) А. П. Жандръ. Матеріалы для исторіи обороны Севастополя.

нантъ Барковскій, съ восемью канонерскими лодками, подъ общимъ начальствомъ капитана 2 ранга Варпаховскаго, пройти отъ Измаила къ Галацу. Вмѣстѣ съ этимъ отрядомъ судовъ назначенъ былъ для движенія берегомъ баталіонъ пѣхоты, съ двумя орудіями, на случай поданія помощи пароходамъ. Въ 8 часовъ утра, когда пароходы стали подходить къ крѣпости Исакчи, отъ нея было сдѣлано по нимъ нѣсколько выстрѣловъ, вслѣдствіе чего Варпаховскій приказалъ открыть пальбу съ пароходовъ и лодокъ; вслѣдъ затѣмъ онъ былъ убитъ ядромъ. Съ отряда судовъ начали стрѣлять ядрами и картечью по Турецкому лагерю, расположенному на скатѣ горы возлѣ крѣпости, и бросать гранаты въ городъ. Въ скоромъ времени въ городѣ показался пожаръ и усилился до того, что большая часть его выгорѣла, а лагерь былъ истребленъ и войска бѣжали изъ него. Дѣйствіе артилеріи съ судовъ отряда продолжалось полтора часа на пути до Рени, сбивая Турецкіе пикеты и кордоны *).

Первымъ актомъ Англо-Турецкаго предпріятія въ Закавказьи было уничтоженіе Русскаго пограничнаго поста Св. Николая, на устьи рѣки Чалокъ. Въ этомъ укрѣпленіи находилось 255 человѣкъ 12-го линейнаго баталіона, съ двумя орудіями, подъ командой капитана Щербакова, и двѣ сотни Гурійскаго ополченія подъ начальствомъ князя Гуріеля. Въ ночь съ 15 на 16 Октября множество Турецкихъ лодокъ, обойдя постъ, высадили нѣсколько баталіоновъ Турокъ, которые обложили укрѣпленіе и начали его штурмовать; а съ противоположнаго берега была открыта пушечная стрѣльба. Послѣ отчаянной обороны, большая часть защитниковъ была истреблена, укрѣпленіе взято и уничтожено. На этомъ мѣстѣ устроенъ былъ укрѣпленный лагерь на десять тысячъ человѣкъ, подъ руководствомъ Европейскихъ офицеровъ. Вслѣдъ за тѣмъ у этой мѣстности произошелъ замѣчательный случай съ пароходомъ «Колхида», о которомъ начальникъ 3-го отдѣленія Черноморской береговой линіи генералъ-маіоръ Мироновъ сообщилъ вице-адмиралу Серебрякову въ слѣдующемъ донесеніи.

«Узнавъ, что постъ Св. Николая занятъ Турками, я посадилъ роту Черноморскаго № 11 баталіона на пароходъ «Колхида», состоявшій подъ командой капитанъ-лейтенанта Кузминскаго, отправился самъ на немъ для осмотра того мѣста. 20 Октября, въ 8-мъ часу утра, придя на видъ поста Св. Николая и желая лучше разсмотрѣть расположеніе непріятеля, пароходъ слишкомъ близко подошелъ къ берегу и сталъ на мель, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла. Турки немедленно открыли по немъ огонь изъ пяти орудій и изъ ружей. Пароходъ не могъ от-

*) Гейротъ. Описаніе восточной войны.

вѣчать выстрѣлами изъ орудій, потому что стоялъ къ непріятелю носомъ, на которомъ не было орудія. Непріятель направлялъ перекрестный огонь въ ту часть парохода, гдѣ находилась машина. Для ослабленія этого огня была открыта съ парохода пальба изъ ружей и штуцеровъ. Между тѣмъ пароходная команда употребляла всѣ усилія, чтобы сняться съ мели, что̀ удалось въ половинѣ 12 часа дня, при чемъ для облегченія передней части парохода была срублена фокъ-мачта и брошены за бортъ оба якоря съ частью цѣпей, а также часть угля. Въ продолженіе всего этого времени пароходъ находился подъ пушечными и ружейными выстрѣлами и два раза загорался отъ гранатъ. На берегу уже были приготовлены кочермы для абордажа, и одна изъ нихъ съ войсками отвалила отъ берега; но въ это время пароходъ снялся съ мели, поворотился и выстрѣломъ изъ кормового бомбическаго орудія потопилъ эту кочерму съ находившимися на нихъ людьми. Командиръ парохода былъ убитъ осколкомъ гранаты, а старшій по немъ лейтенантъ Степановъ контуженъ въ голову и раненъ пулей въ ухо. Нижнихъ чиновъ: убито—матросовъ 2, солдатъ 11; ранено—матросовъ бо́льшая половина, а солдатъ 11. Пароходъ потерпѣлъ поврежденіе только въ надводной части».

Крейсирующимъ въ то время у Батума былъ фрегатъ «Сизополь», которому вмѣнено было въ обязанность наблюдать за мѣстностью между укрѣпленіемъ Св. Николая и Батумомъ, оказывать возможную помощь нашему пограничному посту, а о появленіи у Батума Турецкихъ военныхъ судовъ давать знать начальнику отряда. Этотъ крейсеръ, по обычаю Кавказскихъ крейсеровъ, держался отъ берега не ближе пяти миль, направлялся утромъ къ берегу, а послѣ полдня уходилъ въ море и на ночь ложился въ дрейфъ, имѣя, вѣроятно, въ виду, что въ осеннее особенно бурное время быстрая перемѣна вѣтра можетъ прижать его къ берегу. Вслѣдствіе этого онъ не видѣлъ того, что̀ произошло у укрѣпленія Св. Николая, а узналъ объ этомъ отъ отыскавшаго его начальника отряда контръ-адмирала Вукотича, отъ котораго получилъ приказаніе идти въ Сухумъ.

Съ выходомъ эскадры вице-адмирала Нахимова къ Анатолійскому берегу, въ Севастополѣ, по приказанію князя Меншикова, составлены были двѣ парусныя эскадры: одна подъ начальствомъ контръ-адмирала Новосильскаго, а другая подъ начальствомъ контръ-адмирала Вульфа; вмѣстѣ съ тѣмъ составлена была отдѣльно эскадра изъ пароходовъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала Панфилова. Первыя двѣ эскадры составляли резервъ, на случай надобности выхода въ море, а равно и къ защитѣ рейда; пароходная же эскадра имѣла назначеніе производить рекогносцировки для наблюденія за появленіемъ непріятельскихъ военныхъ судовъ. Не смотря на начало военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, состоялось высочайшее повелѣніе: военныхъ дѣйствій не производить, а находиться въ оборонительномъ положеніи.

Князь Меншиковъ въ распоряженіяхъ своихъ изъ Николаева писалъ, между прочимъ, находившемуся въ Севастополѣ В. А. Корнилову отъ 20 Октября: «Можетъ быть, не лишнее было бы показаться вамъ у Сулина, дабы узнать, не было ли покушенія Турокъ учинить набѣгъ за Дунаемъ и слѣдовательно начать дѣйствительную войну, чтобы намъ развязать руки. Но дѣломъ не считаю стычки на кардонахъ, а серьезныя дѣла. Но ежели бы Турецкій флотъ дѣйствительно расположился гдѣ-либо внѣ Босфора, хотя бы то было и съ охраннымъ кораблемъ Англійскимъ или Французскимъ, я рѣшусь подъ своею отвѣтственностью, на всякое дѣйствіе» (А. Н. Жандръ) *).

Вслѣдствіе этого В. А. Корниловъ, имѣя свой флагъ на пароходѣ «Владиміръ», вышелъ 23 Октября утромъ въ сопровожденіи пароходовъ «Громоносецъ», «Одесса» и «Херсонесъ» къ Сулину, куда прибылъ 24 числа въ 6 часовъ утра. Осмотрѣвъ строившееся тамъ укрѣпленіе подъ надзоромъ поручика морской артилеріи Пестича, онъ направился вдоль Турецкаго берега къ Югу, осматривая всѣ рейды и заливы; но нигдѣ не было замѣчено ни одного военнаго судна. Подходя къ Босфору 25 числа, онъ приказалъ пароходамъ «Громоносцу» слѣдовать въ Одессу въ распоряженіе князя Меншикова, а «Херсонесу» идти въ Севастополь; затѣмъ, сдѣлавъ сигналъ пароходу «Одесса» держаться въ пяти миляхъ, на пароходѣ «Владиміръ» подошелъ близко къ проливу, гдѣ было замѣчено множество коммерческихъ судовъ, стремившихся войти въ проливъ, а между ними Турецкую эскадру, въ составѣ пяти фрегатовъ, одного корвета и одного парохода. Позднее время дня и шквалистый вѣтеръ отъ нордоста заставили пароходъ «Владиміръ» отойти отъ пролива. Къ ночи засвѣжѣлъ нордостъ, и все предвѣщало бурю; а потому В. А. Корниловъ призналъ необходимымъ направиться въ Севастополь, сдѣлавъ сигналъ пароходу «Одесса» слѣдовать туда-же. Оба парохода прибыли въ Севастополь 28 числа въ 9 часовъ утра. Вскорѣ прибылъ туда и пароходъ «Херсонесъ», командиръ котораго донесъ, что, разлучившись съ пароходомъ «Владиміръ», онъ видѣлъ въ 2 часа пополудни, въ семи миляхъ на румбъ нордостъ, шесть большого ранга судовъ, идущихъ правымъ галсомъ. Принявъ ихъ за эскадру адмирала Нахимова и имѣя приказаніе извѣстить если усмотритъ ее, онъ поворотилъ и, увидя пароходъ «Одессу», поднялъ ему сигналъ: «Вижу флотъ», но за мрачностью сигналъ его не былъ замѣченъ. Въ это время онъ увидѣлъ на Югъ отъ себя три корабля, фрегатъ и пароходъ подъ Турецкимъ флагомъ, а потому снова поворотилъ въ намѣреніи извѣстить объ этомъ видѣнную имъ прежде эскадру; но поиски его были безуспѣшны, недоста-

*) Высочайшій манифестъ объ объявленіи войны обнародованъ былъ 20 Октября.

токъ же угля заставилъ поспѣшить въ Севастополь. Въ тотъ же день В. А. Корниловъ послалъ адмиралу Нахимову сообщеніе о появленіи Турецкой эскадры въ Черномъ морѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ отдалъ слѣдующій приказъ.

«Получивъ приказаніе начальника Главнаго Морского Штаба вступить въ командованіе эскадрою, состоящею подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго, съ присоединеніемъ пароходовъ «Владиміръ» и «Одесса» и брига «Эней», и слѣдовать немедленно для открытія и истребленія Турецкаго флота, вышедшаго изъ Босфора, я объявляю объ этомъ для свѣдѣнія кому слѣдуетъ, причемъ присовокупляю, что флагъ мой будетъ поднятъ на кораблѣ «Великій Князь Константинъ», и что сего числа, ночью или со свѣтомъ, я намѣренъ сняться. Надѣюсь, что если бы счастіе намъ благопріятствовало и мы бы встрѣтили непріятеля, то, съ помощью Божіей, офицеры и команды судовъ, со мною отплывающихъ, вполнѣ воспользуются случаемъ увеличить нашъ флотъ новыми кораблями. Такъ какъ манифеста о войнѣ еще нѣтъ, то судамъ нашимъ разрѣшено брать и истреблять одни только военныя суда; купеческія же осматривать и въ такомъ только случаѣ отпускать, если они не будутъ имѣть войска или грузъ Турецкому правительству принадлежащій. Что касается до судовъ военныхъ и купеческихъ другихъ націй, то все остается въ старомъ порядкѣ и ихъ не должно ни подъ какимъ предлогомъ останавливать. При могущемъ встрѣтиться боѣ я не считаю нужнымъ излагать какія-либо наставленія; дѣйствовать соединенно, помогая другъ другу и на самое короткое разстояніе, по моему мнѣнію, лучшая тактика».

29 Октября, съ разсвѣтомъ, вышла изъ Севастополя эскадра въ слѣдующемъ составѣ: корабли—«Великій князь Константинъ» подъ флагомъ вице-адмирала Корнилова, «Двѣнадцатъ Апостоловъ» подъ флагомъ контръ-адмирала Панфилова, «Святославъ», «Три Святителя» подъ флагомъ контръ-адмиралв Новосильскаго, «Парижъ», «Ростиславъ» и бригъ «Эней». Курсъ при юго-восточномъ вѣтрѣ былъ на Юго-западъ. Въ полдень было приказано сигналомъ «отслужить молебенъ». Потомъ сдѣланъ телеграфъ: «объяснить командамъ, что Государь ожидаетъ усердной службы, а Россія всегдашней славы своего оружія. Съ нами Богъ!» Вслѣдствіе свѣжаго вѣтра было взято три рифа и спущены брамъ-реи. Къ вечеру немного смягчило, а потому отдали одинъ рифъ, но набѣжавшій шквалъ отъ Юго-запада заставилъ взять всѣ рифы и лечь въ бейдевиндъ на лѣвый галсъ. Всю ночь погода бушевала. Въ полдень 30 числа эскадра находилась въ 101 милѣ отъ мыса Херсонесъ на Юго-западъ, имѣя марсели въ одинъ рифъ и брамсели съ нижними парусами. Въ 3 часа пополудни присоединился къ эскадрѣ пароходъ «Владиміръ»; пароходъ же «Одесса» при выходѣ изъ Севастополя получилъ поврежденіе въ машинѣ, что заставило его возвратиться въ портъ. Вѣтеръ перешелъ къ Югу и сталъ свѣ-

жѣть, вслѣдствіе чего уменьшили парусность; а къ вечеру, имѣя 4 рифа, получили сильный шквалистый юго-западный вѣтеръ съ дождемъ и градомъ; эскадра всю ночь боролась съ этимъ вѣтромъ. Съ разсвѣтомъ 31 числа опять смягчило, и можно было отдать два рифа; но съ полуночи снова задулъ жестокій юго-западный вѣтеръ, съ дождемъ и молніей, разводя громадное волненіе; пришлось опять сокращать верхнюю парусность. Такое состояніе продолжалось до полдня 2 Ноября, когда погода нѣсколько прояснилась и вѣтеръ нѣсколько стихъ; а утромъ 3 Ноября, при брамсельномъ южномъ вѣтрѣ, эскадра поставила всѣ паруса и быстро подвигалась къ мысу Каліакри. Обдумывая разные способы атаки и отраженія, Корниловъ сдѣлалъ телеграфное сообщеніе: «Полагаю полезнымъ имѣть барказныя коронады на эволюціонныхъ станкахъ на ютѣ». Въ полдень, въ 39 миляхъ отъ мыса Шаблеръ, эскадра легла въ дрейфъ, а пароходъ «Владиміръ» посланъ былъ осмотрѣть Бальчикъ и Варну. Снявшись съ дрейфа, Корниловъ объявилъ телеграфомъ: «Завтра, если открою непріятеля въ Бальчикѣ и Варнѣ, намѣренъ атаковать его; для сего заранѣе изготовить съ обѣихъ сторонъ пеньковые канаты съ кормы, со шпрингами къ рымамъ запасныхъ якорей». Потомъ сдѣланъ дополнительный телеграфъ: «Канату потребуется до 75 саженъ на битингѣ, и надобно, чтобы былъ не прикрѣпленъ къ бимсу, дабы можно было выпустить». 3 Ноября въ 5 часовъ вечера, лавируя при свѣжемъ брамсельномъ вѣтрѣ, увидѣли мысъ Каліакри. Въ полночь пароходъ «Владиміръ» приблизился къ эскадрѣ, бросая ракеты одну за другой, что́ означало: «Турецкаго флота нѣтъ». Въ отвѣтъ ему на это съ флагманскаго корабля было одновременно спущено двѣ ракеты, что означало: «Идти въ Сизополь и Бургосъ». Утромъ 4 Ноября было приказано бригу «Эней» телеграфомъ: «Опросить идущее отъ Юга судно и узнать о Турецкомъ и союзномъ флотахъ». По исполненіи приказанія бригъ отвѣчалъ: «Узналъ, что въ 20 миляхъ отъ рейда онъ видѣлъ вчера утромъ два фрегата и два корвета, а Турецкій флотъ и съ нимъ семь Англійскій и восемь Французскихъ стоятъ въ Константинопольскомъ проливѣ». Потомъ эскадра легла въ дрейфъ и съ флагманскаго корабля былъ посланъ офицеръ для опроса другого судна, шедшаго съ Юга, отъ котораго узнали, что оно вышло изъ Константинополя два дня назадъ; въ то время въ Буюкдере стояли корабли—четыре Турецкихъ и два Египетскихъ, а Англійскихъ и Французскихъ восемь кораблей и шесть пароходовъ; у пролива крейсеровалъ отрядъ изъ шести Турецкихъ фрегатовъ и корветовъ; а пять дней тому назадъ три большихъ парохода пошли съ войсками въ Требизондъ. Снявшись съ дрейфа, эскадра лавировала къ Югу и въ полдень находилась въ

20 миляхъ отъ мыса Акъ-Бурну. Подошедшій въ это время пароходъ «Владиміръ» держалъ сигналъ *нѣтъ*. Тогда Корниловъ объявилъ телеграфомъ: «Непріятельскій флотъ въ Константинополѣ, якорнаго дѣла не предстоитъ, канаты можно убрать». Потомъ, пригласивъ къ себѣ контръ-адмирала Новосильскаго, поручилъ ему идти съ кораблями на соединеніе съ эскадрой вице-адмирала Нахимова и, оставивъ въ его распоряженіи корабли «Ростиславъ» и «Святославъ», возвратиться въ Севастополь; самъ же пересѣлъ на пароходъ «Владиміръ», чтобы идти въ Севастополь. 5 Ноября, съ разсвѣтомъ, находясь противъ Пендеракліи, увидѣли пароходный дымъ по направленію къ Севастополю, а потому пароходъ «Владиміръ» направился по этому направленію, и вскорѣ увидѣли пароходъ подъ Турецкимъ флагомъ. Послѣ двухъ-часовой погони непріятельскій пароходъ былъ настигнутъ и атакованъ, на что тотъ отвѣчалъ сильнымъ огнемъ, защищаясь энергично; но когда командиръ его былъ убитъ, а въ корпусѣ оказались большія поврежденія, то пароходъ сдался. На пароходѣ «Владиміръ» во время этой перестрѣлки убиты адъютантъ Корнилова лейтенантъ Желѣзновъ и гарнистъ и ранено трое нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ одному оторвало ногу, а другому руку. Взятый пароходъ оказался Египетскій «Первазъ-Бахри», въ 220 силъ, десятипушечный, съ 132 человѣкъ команды. Принявъ этотъ пароходъ на буксиръ, пароходъ «Владиміръ» прибылъ съ нимъ въ Севастополь 7 Ноября утромъ.

Въ полночь съ 5 на 6 Ноября контръ-адміралъ Новосильскій соединился съ эскадрою вице-адмирала Нахимова, а 6 числа утромъ ушелъ въ Севастополь съ четырьмя стопушечными кораблями и бригомъ «Язонъ». Нахимовъ же, имѣя въ своей эскадрѣ корабли «Императрица Марія», «Чесма», «Храбрый», «Ростиславъ» и «Святославъ», фрегатъ «Каварну», бригъ «Эней» и пароходъ «Бессарабію», направился къ Синопу, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли тамъ стоятъ Турецкіе фрегаты и корветы, какъ показала команда Турецкаго транспортнаго парохода «Медари-Тиджіаретъ», взятаго 4 Ноября безъ выстрѣла, пароходомъ «Бессарабія».

Ноября 8 разразился сильный штормъ у береговъ Анатоліи. Въ эскадрѣ Нахимова всѣ суда потеряли гротъ-марсели; на «Святославѣ» сломался фока-рей, на «Храбромъ» повреждена грота-рея, у «Каварны» треснула гротъ-мачта. Эти суда были отправлены въ Севастополь для исправленія; а также послана туда и «Бессарабія», которой также понадобилось исправить поврежденія и пополнить запасъ угля.

Эскадра контръ-адмирала Новосильскаго вошла на рейдъ Севастополя 11 Ноября, утромъ; а въ 4 часа пополудни этого дня прибылъ пароходъ «Бессарабія», командиръ котораго сообщилъ князю

Меншикову извѣстіе, что въ Синопѣ находится Турецкая эскадра изъ фрегатовъ и корветовъ и что потерпѣвшіе поврежденіе корабли и фрегатъ отправлены въ Севастополь. Вслѣдствіе этого было приказано контръ-адмиралу Новосильскому немедленно отправиться къ Синопу. Онъ вышелъ изъ Севастополя 12 Ноября, съ разсвѣтомъ, съ тремя стопушечными кораблями и фрегатомъ «Кагулъ».

Вице-адмиралъ Нахимовъ, по отправленіи части своей эскадры, подошелъ съ остальными судами близко къ Синопу и увидѣлъ, что тамъ находятся семь фрегатовъ, два корвета, одинъ шлюпъ, два парохода и транспорты, стоящіе подъ прикрытіемъ шести береговыхъ батарей. Вылавировавъ съ этого рейда и оставшись вблизи, чтобы караулить выходъ непріятельскихъ судовъ, онъ немедленно послалъ съ донесеніемъ бригъ «Эней», который прибылъ въ Севастополь 16 Ноября. Кн. Меншиковъ, увѣренный, что Нахимовъ, по соединеніи съ нимъ эскадры Новосильскаго, не замедлитъ атаковать Турокъ, и что послѣ такого дѣла ему могутъ понадобиться пароходы, предложилъ прибывшему наканунѣ изъ Николаева Корнилову взять исправные пароходы и идти съ ними къ Синопу. Отрядъ изъ трехъ пароходовъ подъ вице-адмиральскимъ флагомъ вышелъ изъ Севастополя 17 Ноября утромъ.

Въ то время у восточнаго берега Чернаго моря произошло слѣдующее.

Согласно полученному предписанію, вице-адмиралъ Серебряковъ вышелъ въ ночь, съ 6 на 7 Ноября изъ Редутъ-Кале съ отрядомъ, состоявшимъ изъ двухъ фрегатовъ, двухъ корветовъ, одного брига, четырехъ пароходовъ и восьми казачьихъ лодокъ, имѣя десантъ изъ двухъ линейныхъ батальоновъ; а 7 числа, въ 11 часовъ утра, онъ подошелъ къ Турецкому укрѣпленному лагерю, бывшему на мѣстѣ укрѣпленія св. Николая. Согласно заранѣе составленному плану атаки, командовавшій въ Кутаисѣ войсками князь Гагаринъ долженъ былъ, одновременно съ эскадрою, подойти къ этому пункту со своимъ отрядомъ. Суда эскадры, ставъ на якорь, тотчасъ открыли пальбу, на которую Турки сначала отвѣчали живымъ огнемъ изъ построенныхъ ими земляныхъ укрѣпленій. Бомбардировка продолжалась около двухъ часовъ. Нанеся значительный вредъ непріятелю, артиллерія котораго была сбита и замолчала, дѣйствія судовъ эскадры были прекращены, потому что, какъ сказано въ донесеніи, паденіе барометра предвѣщало неблагопріятную погоду. Пароходы и казачьи лодки, съ десантомъ, ушли обратно, и на одномъ изъ пароходовъ отправился Серебряковъ, поручивъ отрядному начальнику контръ - адмиралу Вукотичу сдѣлать поискъ къ Батуму и обратно. Плаваніе это совершено было въ очень бурную погоду, но суда вынесли эту бурю благополучно.

Фрегатъ «Флора», подъ командой капитанъ-лейтенанта Скоробогатаго, идя изъ Севастополя въ Сухумъ, встрѣтилъ три Турецкихъ парохода, съ которыми перестрѣливался. Объ этой встрѣчѣ командиръ фрегата донесъ контръ-адмиралу Вукотичу, что, «9 Ноября, въ половинѣ 2-го часа пополуночи, находясь на высотѣ укрѣпленія Пицунда, въ 12 миляхъ отъ ближайшаго берега, при томъ бомъ-брамсельномъ вѣтрѣ отъ Юго-востока, имѣя два узла хода, увидѣлъ впереди на вѣтрѣ, въ одной мили разстоянія, три парохода, державшіеся соединенно. На сдѣланный съ фрегата опознательный сигналъ отвѣта не получилъ и замѣтилъ, что пароходы, выстроившись въ линію и скрывъ огни, взяли курсъ къ фрегату. Когда они приблизились на пушечный выстрѣлъ, ввѣренный ему фрегатъ былъ совершенно готовъ къ бою. Въ два часа ночи пароходы, идучи малымъ ходомъ по направленію къ носовой части фрегата, остановились, открыли порты и начали дѣйствовать по фрегату ядрами. Не допуская бить себя продольными выстрѣлами, онъ уклонилъ фрегатъ подъ вѣтеръ и открылъ съ лѣваго борта по пароходамъ батальный огонь, продолжавшійся около 20 минутъ. Маневръ этотъ, соединенный съ правильнымъ огнемъ артиллеріи, заставилъ пароходы замолчать и выйти изъ подъ выстрѣловъ фрегата. Тогда, осмотрѣвъ и задѣлавъ полученную въ бортѣ пробоину, онъ привелъ въ бейдевиндъ на прежній галсъ. Пароходы, сойдясь на близкомъ разстояніи между собою, вѣроятно для совѣщанія, чрезъ десять минутъ снова приблизились къ фрегату, по тому-же направленію, какъ и въ первый разъ, и открыли огонь. Фрегатъ, повторяя свой прежній маневръ, отразилъ нападеніе пароходовъ, дѣйствуя съ того же лѣваго борта батальнымъ огнемъ, продолжавшимся 30 минутъ, что̀ и заставило пароходы опять удалиться отъ фрегата. Такимъ образомъ, повторяя свои нападенія, пароходы дѣйствовали отъ двухъ до шести часовъ утра, послѣ чего, удалившись, оставались внѣ выстрѣловъ до разсвѣта; фрегатъ же, находясь отъ берега въ десяти миляхъ, на срединѣ разстоянія между укрѣпленіями Пицунда и Бомборы, поворотилъ на правый галсъ. Съ разсвѣтомъ непріятели подняли Турецкіе флаги, и тогда замѣчено, что пароходъ, дѣлавшій ночью сигналы фонарями, имѣлъ на форъ-брамъ-стенгѣ вице-адмиральскій флагъ и былъ выкрашенъ черной краской; два другіе имѣли на борту бѣлыя полосы и по 16 пушечныхъ портовъ; всѣ пароходы были трехъ-мачтовые, съ батареями. Въ половинѣ седьмого часа, по сигналу съ адмиральскаго парохода, два другіе парохода взяли направленіе къ фрегату на навѣтренную сторону его, адмиральскій же пароходъ слѣдовалъ въ корму фрегата. Въ сіе время увидѣли на вѣтрѣ, въ четырехъ миляхъ къ берегу, шкуну «Дротикъ», съ выкинутыми веслами. Заключая по направленію, взятому двумя пароходами о намѣреніи ихъ напасть на шкуну, то желая сколь возможно воспрепятствовать этому, онъ поворотилъ оверъ-штагъ и приведя адмиральскій пароходъ противъ своего борта открылъ по немъ усиленный огонь. Дѣйствія фрегата заставили пароходы оставить покушеніе на шкуну и идти на помощь къ адмиральскому пароходу, спѣшившему соединиться съ ними и старавше-

муся избѣгнуть выстрѣловъ. Такимъ образомъ, обращая на себя все вниманіе пароходовъ и не допуская дѣйствовать продольно, онъ во все время заставлялъ ихъ держать соединенно, что подавало ему возможность наносить имъ сильный вредъ. Къ девяти часамъ утра пароходы, не выдержавъ долѣе огня артиллеріи фрегата, постыдно бѣжали на Западъ, оставя поле сраженія парусному фрегату, получившему отъ нихъ только двѣ надводныя пробоины. Во время дѣйствія днемъ онъ приказалъ цѣлить преимущественно въ адмиральскій пароходъ и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что этотъ пароходъ былъ поврежденъ много болѣе другихъ, а потому, отойдя отъ фрегата на довольное разстояніе, этотъ пароходъ былъ взятъ на буксиръ другими пароходами. Фрегатъ, имѣя при маловѣтріи полтора узла ходу, скоро потерялъ ихъ изъ виду. Движеніе адмиральскаго парохода и управленіе его артиллеріею во время сраженія было гораздо правильнѣе остальныхъ двухъ. Замѣчено также, что люди у нихъ были не въ Турецкихъ костюмахъ. Убитыхъ и раненыхъ на фрегатѣ не было».

Донося объ этомъ дѣлѣ, контръ-адміралъ Вуковичъ прибавилъ, что случайная встрѣча фрегата «Флора» съ Турецкими пароходами шедшими для нападенія на Сухумъ, спасла этотъ городъ, такъ какъ въ немъ въ то время стоялъ только тендеръ «Скорый». Высочайшимъ приказомъ, въ воздаяніе неустрашимаго подвига въ состязаніи съ тремя батарейными пароходами капитанъ-лейтенантъ Скоробогатовъ получилъ чинъ капитана 2 ранга и орденъ св. Георгія 4 класса.

Вскорѣ послѣдовало Синопское сраженіе о которомъ вице-адмиралъ Нахимовъ представилъ слѣдующее донесеніе. «Крейсируя у береговъ Анатоліи съ кораблями «Императрица Марія» подъ моимъ флагомъ (командиръ капитанъ 2 ранга Барановскій), «Чесма» (командиръ капитанъ 2 ранга Михрюковъ) и «Ростиславъ» (командиръ капитанъ 1 ранга Кузнецовъ), увидѣлъ отрядъ Турецкихъ судовъ, расположенный въ Синопѣ, подъ защитою шести береговыхъ батарей, и рѣшился тѣсно блокировать этотъ портъ, въ ожиданіи изъ Севастополя кораблей «Святославъ» и «Храбрый», поврежденныхъ штормомъ 8 Ноября, дабы вмѣстѣ съ ними атаковать непріятеля. Погода была постоянно мрачная, съ безпрестаннымъ дождемъ, свѣжимъ восточнымъ вѣтромъ и довольно сильнымъ волненіемъ отъ Сѣверо-востока. Не смотря однакожъ на это, эскадра держалась весьма близко къ берегу, изъ опасенія, чтобы непріятель не вышелъ изъ порта ночью и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, не возвратился бы въ Константинополь. 16 Ноября къ отряду присоединилась эскадра контръ-адмирала Новосильскаго, состоящая изъ 120 пушечныхъ кораблей «Парижъ» (командиръ капитанъ 1 ранга Истоминъ), «Великій Князь Константинъ» (командиръ капитанъ 2 ранга Ергомышевъ), «Три Святителя» (командиръ капитанъ 1 ранга Кутровъ) и фрегатовъ—«Кагулъ» (командиръ капитанъ-лейтенантъ «Спицинъ») и Кулевчи (командиръ капитанъ - лейтенантъ Будищевъ). На другой день былъ отданъ приказъ о намѣреніи атаковать непріятельскій флотъ и приглашены на корабль «Императрица Марія» второй флагманъ и всѣ командиры судовъ, для сооб-

щенія имъ плана дѣйствій и нужныхъ по этому случаю наставленій. Предполагая атаковать непріятеля двумя колоннами, были назначены въ ближайшую къ непріятелю корабли «Императрица Марія», подъ моимъ флагомъ, «Великій Князь Константинъ» и «Чесма»; вторую линію поручено вести контръ-адмиралу Новосильскому, имѣвшему свой флагъ на кораблѣ «Парижъ», за нимъ въ линіи должны слѣдовать «Три Святителя» и «Ростиславъ». Фрегатамъ «Кагулъ» и «Кулевчи» приказано остаться подъ парусами для наблюденія за непріятельскими пароходами. Якори приказано бросать со шпрингами по возможности ближе къ непріятелю, имѣя на всякій случай верпы [1]) и кабельтовы готовыми для завоза на барказахъ. Консульскіе дома и вообще городъ предложено щадить, поражая разсчитаннымъ огнемъ только непріятельскія суда и батареи. Утромъ 18 числа шелъ дождь и дулъ шквалистый юговосточный, самый неблагопріятный вѣтеръ для пораженія непріятельскихъ судовъ. Въ 9½ часовъ утра приказано сигналомъ приготовиться къ бою и идти на Синопскій рейдъ. Когда показанъ былъ полдень, корабли, готовые къ бою, подъ всевозможными парусами неслись на рейдъ, имѣя національные флаги на брамъ-стеньгахъ. Не смотря на дождь и пасмурность, непріятель насъ замѣтилъ; надъ его пароходами клубился дымъ, а суда начали поправлять шпринги. Когда приблизились, было усмотрѣно, что семь Турецкихъ фрегатовъ и три корвета расположены луннообразно, подъ прикрытіемъ четырехъ батарей (одной о восьми, а трехъ о шести орудіяхъ); за боевой линіей стояли два военныхъ парохода, два транспорта, а въ глубинѣ два купеческихъ брига. Въ половинѣ перваго часа пополудни, по первой пушкѣ Турецкаго флагманскаго фрегата «Ауни-Аллахъ», былъ открытъ огонь со всѣхъ непріятельскихъ судовъ и батарей. Корабль «Императрица Марія» былъ засыпанъ ядрами и книпелями; большая часть его рангоута и стоячаго такелажа перебита, а у гротъ-мачты осталась только одна нетронутая ванта [2]). Этотъ корабль, имѣя вѣтеръ съ кормы, шелъ впередъ, дѣйствуя батальнымъ огнемъ по непріятельскимъ судамъ, которыя проходилъ, и отдалъ якорь противъ адмиральскаго фрегата; не выдержавъ и получаса, этотъ фрегатъ, не спуская флага, отклепалъ цѣпи и выбросился на берегъ къ батареѣ № 6. Тогда корабль «Императрица Марія» обратилъ свой огонь на 44 пушечный фрегатъ «Фазли-Аллахъ» (бывшій «Рафаилъ»); вскорѣ и этотъ, загорѣвшись, послѣдовалъ за первымъ и сталъ на мель противъ города. Послѣ этого на кораблѣ «Императрица Марія» пробита дробь и завезли верпъ, чтобы поворотиться и дѣйствовать по батареѣ № 5 и по судамъ, сопротивлявшимся второй колоннѣ съ большимъ ожесточеніемъ; но послѣднее оказалось излишнимъ, потому что вторая колонна дѣйствовала превосходно».

«Корабль «Великій князь Константинъ», принявъ скулою градъ ядеръ, книпелей и картечи, сталъ на якорь подлѣ корабля «Императрица Марія»; задержавшись на шпрингѣ, онъ открылъ сильный ба-

---

[1]) Верпъ—маленькій якорь.

[2]) Ванта—снасть, поддерживающая мачту.

тальный огонь правымъ бортомъ по батареѣ № 4 и по 60 пушечнымъ фрегатамъ «Навекъ-Бахри» и «Несими-Зеферъ». Мѣткими выстрѣлами съ бомбической батареи взорванъ на воздухъ фрегатъ «Навекъ-Бахри» чрезъ 20 минутъ по открытіи огня; этотъ взрывъ осыпалъ обломками и тѣлами батарею № 4, которая временно прекратила огонь, а потомъ хотя и дѣйствовала, но уже слабѣе. Поворотившись на шпрингѣ, корабль «Великій Князь Константинъ» сталъ бить фрегатъ «Несими-Зеферъ» и 20 пушечный корветъ «Неджими-Фезанъ». Въ часъ пополудни якорная цѣпь фрегата была перебита и его отбросило вѣтромъ на остатки противъ Греческаго предмѣстья; вскорѣ корветъ также выбросился на берегъ противъ батареи № 5, а на кораблѣ пробили дробь.

«Корабль «Чесма», до взрыва фрегата «Навекъ-Бахри», дѣйствовалъ по немъ и по батареямъ № 4 и № 3; а потомъ, заворотившись удобнѣе къ этимъ батареямъ, срылъ ихъ.

«Корабль «Парижъ» шелъ рядомъ съ кораблемъ «Императрица Марія» и вслѣдъ за нимъ, бросивъ якорь, занялъ мѣсто по диспозиціи. Открывъ сильный батальный огонь по батареѣ № 5, по 22 пушечному корвету «Гюли-Сафидъ» и по 56 пушечному фрегату «Даміадъ», онъ взорвалъ корветъ въ одинъ часъ пополудни. Въ это время дрейфовалъ мимо его адмиральскій фрегатъ «Ауни-Аллахъ»; поразивъ его продольными выстрѣлами и отбросивъ на берегъ фр. «Даміадъ», онъ потравилъ цѣпь, вытянулъ шпрингъ и сталъ бить 64 пушечный фрегатъ «Низаміе». Въ два часа дня фокъ и бизань-мачты этого фрегата были сбиты, а самъ фрегатъ подрейфовалъ къ берегу, гдѣ вскорѣ загорѣлся. Тогда «Парижъ», снова поправивъ шпрингъ, началъ дѣйствовать по батареѣ № 5. При желаніи выразить «Парижу» благодарность за прекрасныя и хладнокровно разсчитанныя дѣйствія, къ сожалѣнію, не на чѣмъ было поднять сигналъ, потому что всѣ фалы были перебиты».

«Корабль «Три Святителя» началъ дѣйствовать по фрегатамъ «Каиди-Зеферъ» и «Низаміе»; но однимъ изъ первыхъ непріятельскихъ выстрѣловъ у него перебило шпрингъ; повернувшись вслѣдствіе этого по вѣтру онъ подвергся мѣткимъ продольнымъ выстрѣламъ батареи № 6, чрезъ что рангоутъ его сильно пострадалъ. Мичманъ Варницкій, которому было поручено завести верпъ, только что хотѣлъ отвалить на барказѣ, какъ это судно было потоплено ядромъ, а онъ самъ раненъ въ щеку осколкомъ дерева; не обращая на это вниманія, онъ успѣлъ перескочить съ своей командой на полубарказъ, находившійся возлѣ него и исполнилъ свое дѣло подъ сильнымъ огнемъ непріятеля. Послѣ этого, корабль, заворотивъ корму, очень хорошо дѣйствовалъ по 54 пушечному фрегату «Каиди-Зеферъ» и по другимъ судамъ, принудивъ ихъ броситься къ берегу».

«Корабль «Ростиславъ» прекрасно помѣстился противъ батареи № 6 и 24 пушечнаго корвета «Фензи-Меабудъ». Сначала онъ дѣйствовалъ по фрегату «Низаміе», но потомъ, оставя этотъ фрегатъ кораблю «Парижъ», сосредоточилъ свой огонь на корветъ и на батарею № 6, сильно вредившую ему. Корветъ выбросился на берегъ, а батарея уничтожена. На этомъ кораблѣ произошелъ слѣдующій несчастный

случай. Граната, ударивъ въ одно изъ среднихъ орудій, разорвала оное, чрезъ что разбита палуба и загорѣлась занавѣсь, навѣшанная для подачи картузовъ изъ нижняго дека и находившаяся противъ разбитаго орудія. При этомъ обстоятельствѣ сорокъ матросовъ были ранены и обожжены; пострадали не только прислуга этого орудія, но и столпившіеся кокорники и прислуга верхняго дека, находившаяся надъ разорвавшимся орудіемъ. Происшедшій отъ этого пожаръ былъ немедленно потушенъ, но горящія части занавѣси попадали въ люки крюйтъ-каморнаго выхода; нѣкоторые люди, изъ назначенныхъ въ крюйтъ-камору, опасаясь за нее, бросились къ дверямъ ея; но мичманъ Колокольцевъ, находившійся при подачѣ картузовъ, немедленно заперъ дверь, приказалъ накрыть люки и клапанъ и съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ потушилъ падавшіе и тлѣвшіе обрывки занавѣси».

«Въ исходѣ перваго часа вышелъ изъ своей линіи батарейный 20 пушечный Турецкій пароходъ «Маифъ» въ 450 силъ. Фрегаты «Кагулъ» и «Кулевчи» погнались за нимъ; но пароходъ, безпрестанно мѣняя свой курсъ, далъ полный ходъ и, обмѣнявшись съ фрегатами· нѣсколькими залпами, быстро вышелъ изъ подъ фрегатскихъ выстрѣловъ. Въ это времи, въ половинѣ второго часа, показался изъ-за мыса пароходъ «Одесса» подъ флагомъ генералъ-адъютанта Корнилова, а за нимъ пароходы «Крымъ», подъ флагомъ контръ-адмирала Панфилова, и «Херсонесъ». Съ парохода «Одесса» былъ сдѣланъ сигналъ прочимъ пароходамъ: «Атаковать непріятеля и поставить въ два огня». Пароходъ «Таифъ», шедшій на Юго-востокъ, увидя наши пароходы, перемѣнилъ курсъ, а «Одесса» легла на пересѣчку его курса, чтобы сблизиться съ нимъ. Вскорѣ мрачность закрыла дѣйствія пароходовъ. Фрегаты же «Кагулъ» и «Кулевчи» спустились ко флоту и дѣйствовали на тѣ пункты, гдѣ еще продолжалось сопротивленіе. Батареи №№ 5 и 6 продолжали до четырехъ часовъ безпокоить корабли, изрѣдка стрѣляя калеными ядрами, которые однако не причиняли особеннаго вреда. Корабли «Парижъ» и «Ростиславъ» разрушили эти батареи. Въ 4 часа пополудни, въ рѣшительный моментъ битвы, пароходы подошли къ кораблямъ и произошло взаимное привѣтствіе криками ура! Погоня за непріятельскимъ пароходомъ оказалась безуспѣшною, по значительному превосходству его хода, и ограничилась перестрѣлкою, отъ которой на пароходѣ «Одесса» убитъ унтеръ-офицеръ, раненъ одинъ матросъ и подбитъ штурвалъ».

«Непріятельскія суда, брошенныя на берегъ, были въ самомъ жалкомъ положеніи, а потому было приказано прекратитъ огонь; они даже не спускали флаговъ отъ паническаго страха. На берегъ посланъ былъ парламентеръ съ объявленіемъ, что эскадра пришла для истребленія военныхъ судовъ и не желаетъ вредить городу. Взрывъ фрегата «Фазли-Аллахъ» покрылъ горящими обломками ближайшую Турецкую часть города, обнесенную древней зубчатой стѣною, что̀ произвело сильный пожаръ, который еще болѣе усилился отъ взрыва корвета «Неджели-Фешанъ». Пожаръ продолжался все время пребыванія эскадры въ Синопѣ; никто не тушилъ его, и вѣтеръ свободно переносилъ пламя отъ одного дома къ другому. Всѣ власти городского управленія

бѣжали въ горы, а за ними жители, а потомъ и оставшіеся въ живыхъ войска. Греческая часть города, построенная внѣ крѣпостей стѣны, не пострадала. Изъ всѣхъ Турецкихъ судовъ не сгорѣли: фрегаты «Ауни-Аллахъ» и «Несими-Зеферъ» и корветъ «Фейзи-Меабудъ»; съ нихъ свезены были раненые и плѣнные, въ числѣ которыхъ оказались: начальникъ Турецкой эскадры вице-адмиралъ Османъ-паша, раненый въ правую ногу, командиры фрегата «Ауни-Аллахъ» и корвета; потомъ означенныя суда, какъ избитыя и негодныя, были отбуксированы къ берегу внѣ города и сожжены. Пароходы также отвели отъ берега свои корабли, чтобы, съ перемѣной вѣтра, на нихъ не нанесло горящія Турецкія суда. Потомъ начали исправлять поврежденія. Только неутомимая ревность къ службѣ и знаніе морского дѣла могли въ продолженіе 36 часовъ привести эскадру, потерпѣвшую капитальныя поврежденія въ корпусахъ, рангоутѣ, такелажѣ и парусахъ, въ такое состояніе, что она могла предпринять обратное плаваніе, въ глубокую осень, чрезъ все Черное море».

«Утромъ 20 числа предпринято было обратное плаваніе. Корабль «Императрица Марія», получившій около 60 пробоинъ съ поврежденіемъ мачтъ, имѣлъ вмѣсто гротовой стеньги брамъ - стеньгу, вмѣсто грота-реи марса-рею, а вмѣсто штаговъ и вантъ, которыхъ сплеснивать не представлялось возможнымъ, кабельтовы; вслѣдствіе этаго онъ отправленъ впередъ эскадры въ Севастополь, подъ конвоемъ двухъ фрегатовъ и на буксирѣ парохода «Крымъ», на которомъ имѣлъ свой флагъ контръ-адмиралъ Панфиловъ. Корабль «Великій Князь Константинъ», на которомъ вице-адмиралъ Нахимовъ поднялъ свой флагъ, съ поврежденными мачтами, безъ брамъ-стеньгъ, не имѣя возможности ставить марсели иначе, какъ въ три рифа, вышелъ на буксирѣ парохода «Одесса». Корабль «Три Святителя», имѣвшій 48 пробоинъ, безъ брамъ-стеньгъ и безъ крюйсъ-стеньги, вышелъ на буксирѣ парохода «Херсонесъ». Корабль «Ростиславъ», также съ поврежденными мачтами и стеньгами, вышелъ на буксирѣ парохода «Громоносецъ», прибывшаго наканунѣ изъ Севастополя. Корабли «Парижъ», «Чесма», менѣе поврежденные, слѣдовали безъ помощи пароходовъ. За Синопскимъ мысомъ эскадра встрѣтила большую зыбь отъ нордоста, вслѣдствіе чего пароходы вынуждены были отдать буксиры. Ночью вѣтеръ скрѣпчалъ, отойдя къ Востоку, и суда могли удобно идти подъ парусами. Вблизи Крыма, 22 числа, вѣтеръ стихъ, а потому пароходамъ велѣно взять корабли на буксиры. Въ такомъ порядкѣ они прибыли къ вечеру въ Севастополь благополучно».

Объ этой побѣдѣ князь Меншиковъ высказалъ въ донесеніи Государю Императору: «Повелѣніе вашего императорскаго величества исполнено Черноморскимъ флотомъ самымъ блистательнымъ образомъ. Первая Турецкая эскадра, которая рѣшилась выйти на бой, 18 числа Ноября истреблена вице-адмираломъ Нахимовымъ. Командовавшій оною Турецкій адмиралъ Османъ-паша, раненый, взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Севастополь. Непріятель былъ на Синопскомъ рейдѣ, гдѣ, укрѣпленный береговыми батареями, принялъ сраженіе. При этомъ у него истреблено семь фрегатовъ, два корвета, одинъ пароходъ, шлюпъ

и нѣсколько транспортовъ. За симъ оставался еще одинъ пароходъ, который спасся по превосходной быстротѣ своей. Эта эскадра, повидимому, есть та самая, которая снаряжалась для овладѣнія Сухумомъ и содѣйствія горцамъ».

За Синопскій бой П. С. Нахимовъ получилъ орденъ св. Георгія 2 степени, при слѣдующемъ высочайшемъ рескриптѣ отъ 28 Ноября 1853 года: «Истребленіемъ Турецкой эскадры при Синопѣ вы украсили лѣтопись Русскаго флота новою побѣдой, которая всегда останется памятною въ морской исторіи. Статутъ военнаго ордена Св. великомученика и побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ. Исполняя съ истинной радостію постановленіе статута, жалуемъ васъ кавалеромъ св. Георгія второй степени большого креста, пребывая къ вамъ Императорскою милостію нашею благосклонны».

«Побѣда при Синопѣ, писалъ Императоръ князю Меншикову, являетъ вновь, что Черноморскій флотъ нашъ достойно выполняетъ свое назначеніе. Съ искренней сердечной радостію поручаю вамъ сказать храбрымъ морякамъ, что я благодарю ихъ за подвигъ, совершенный для славы Россіи и для чести Русскаго флота. Я съ удовольствіемъ вижу, что Чесма не забывается въ Русскомъ флотѣ и что правнуки достойны своихъ прадѣдовъ».

Севастополь съ оживленнымъ восторгомъ встрѣчалъ и чествовалъ своихъ героевъ Синопцевъ. Этотъ восторгъ особенно сочувственно отозвался во всей Россіи. Въ то тревожное время, когда каждый, любящій свое отечество, съ сумрачнымъ безпокойствомъ смотрѣлъ на надвигавшуюся тучу грозной войны, когда каждый съ смущеніемъ спрашивалъ: что-то будетъ? какъ мы справимся съ новой войной противъ союзной Европы?—вдругъ яркимъ лучомъ блеснулъ Синопскій бой, ободряя общественное уныніе фактомъ геройства, удостовѣряя, что сыны Россіи не забыли былые подвиги своихъ отцовъ и что также смѣло станутъ предъ лицомъ враждебной злобы. Синопская побѣда, какъ быстрое и совершенное истребленіе всего сопротивнаго, доказавшая отличное состояніе Черноморскаго флота, сдѣлала имя П. С. Нахимова извѣстнымъ каждому Русскому человѣку. Отовсюду присылались къ нему поздравительныя письма и стихи, и даже нашлись такіе, которые присылали ему образà Св. Николая Чудотворца, считающагося покровителемъ моряковъ.

Въ тоже время, 19 Ноября, послѣдовало на сушѣ, на границѣ Малой Азіи, при Башъ-Кадыкларѣ сраженіе, въ которомъ нанесено было полное пораженіе Турецкой арміи. Этими двумя рѣшительными ударами разрушенъ былъ планъ Англо-Турецкаго соглашенія, и наши владѣнія на Кавказѣ были успокоены. Хотя впослѣдствіи Сухумскій округъ пострадалъ отъ занятія его десантнымъ Турецкимъ корпусомъ, но предполагавшееся общее возстаніе Горцевъ не состоялось.

По прибытіи эскадры отъ Синопа немедленно приняты энергическія мѣры къ исправленію всѣхъ поврежденій судовъ и ихъ ремонтировкѣ. Работы въ адмиралтействѣ производились днемъ и ночью, и корабли быстро выходили одинъ за другимъ на рейдъ. «Парижъ» и Чесма» вышли прежде всѣхъ и 5 Декабря уже стояли на рейдѣ.

Вслѣдствіе начавшейся войны, съ вмѣшательствомъ Европейскихъ державъ, князь Меншиковъ, при посредствѣ командира Севастопольскаго порта военнаго губернатора г. Севастополя, сдѣлалъ разныя предварительныя распоряженія, чтобы обезпечить защиту отъ внезапной атаки рейда. Для этого, по недостаточности артиллерійскаго гарнизона, три флотскіе экипажа, корабли которыхъ «Варна», «Селафаилъ» и «Уріилъ» оказалось необходимымъ ввести въ докъ для капитальныхъ исправленій, получили назначеніе къ береговой оборонѣ, а именно: 28-й на Николаевскую приморскую батарею; 29-й на батарею № 4 сѣверной стороны; 34-й назначенъ къ сформированію, по образцу полевыхъ батарей подвижной морской батареи изъ шестнадцати горныхъ единороговъ 10 фунтового калибра. Мѣстопребываніе этой батареи назначено было у новыхъ казармъ, на площади надъ Лазаревскимъ адмиралтействомъ. Для наблюденія за плавающими въ морѣ военными судами учреждены были казацкіе пикеты, отъ мыса Сарычъ до мыса Лукулла; а для сообщенія получаемыхъ отъ нихъ свѣдѣній устроены были телеграфныя станціи: у Георгіевскаго монастыря, на Херсонесскомъ маякѣ, въ деревнѣ Учкуевкѣ, на Малаховомъ курганѣ и на развалинахъ Херсонеса. На крышѣ морской офицерской библіотеки, построенной на самомъ высокомъ мѣстѣ города, поставленъ былъ на особой площадкѣ флагштокъ и учрежденъ сигнальный наблюдательный постъ, съ котораго можно было видѣть всѣ гавани, рейдъ, морскую даль и всѣ ближайшія окрестности. Такой же сигнальный постъ находился на приморской батареѣ № 4, гдѣ была главная квартира князя Меншикова. Посредствомъ этихъ двухъ сигнальныхъ постовъ князь получалъ всѣ свѣдѣнія и сообщалъ свои распоряженія по флоту. Командами кораблей «Двѣнадцать Апостоловъ», «Парижа» и «Святослава» построены были три приморскія земляныя батареи: одна къ Западу отъ Голландіи, другая на восточномъ мысѣ Голландіи, а третія на западномъ мысѣ Киленбалки; батареи эти имѣли назначеніе усилить оборону рейда и комплектовались морскими командами. Для комплектаціи прочихъ приморскихъ батарей прислугою къ орудіямъ назначены: на батареи № 10 и Александровскую—команды артиллерійскаго гарнизона; на Константиновскую—команды артиллерійскаго гарнизона, инженерной военно-рабочей роты и 78 человѣкъ отъ резервной бригады 13-й пѣхотной дивизіи; на Михайловскую—

команды отъ 27 флотскаго экипажа; на Николаевскую—команды отъ 17 и 18 рабочихъ экипажей; на батарей №№ 7 и 8—команды отъ 16 и 17 рабочихъ экипажей.

Утромъ 25 Декабря подошелъ къ Севастополю Англійскій пароходъ «Ретрибюшенъ» съ депешами изъ Константинополя. Три выстрѣла съ Николаевской батареи остановили его на взморьи, а дежурный пароходъ «Бердянскъ» принялъ отъ него депеши; послѣ отвѣта на его салютъ, онъ ушелъ въ море. Вслѣдствіе такого случая приказано было закрыть хворостомъ створные Инкерманскіе маяки и установить поперекъ рейда, по восточную сторону Карантинной бухты, бонъ, сдѣланный изъ старыхъ мачтъ, скрѣпленныхъ цѣпями *).

Манифестомъ 9 Февраля (1854) объявлена возможность войны съ Англіей и Франціей. Вслѣдствіе этого было немедленно сдѣлано распоряженіе о снятіи гарнизоновъ изъ укрѣпленій, расположенныхъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Для этого послано было изъ Севастополя четыре парохода, подъ начальствомъ контръ-адмирала Панфилова, которые, съ помощью Кавказскихъ пароходовъ, подъ прикрытіемъ эскадры контръ-адмирала Вукотича, сняли всѣ гарнизоны, а также и изъ Новороссійска, послѣ чего Кавказскіе крейсеры было отозваны въ Севастополь. Такимъ образомъ закончились существованіе Кавказской береговой линіи и крейсерскія плаванія судовъ флота.

Десятаго Апрѣля 1854 года союзный флотъ бомбардировалъ Одессу; а пятнадцатаго числа, въ полдень онъ показался въ виду Севастополя, въ числѣ восемнадцати кораблей и семи пароходовъ. На другой день опять увидѣли союзный флотъ изъ 27 судовъ, шедшій въ три колонны. Въ полдень этотъ флотъ легъ въ дрейфъ, и отъ него отдѣлился пароходъ, который, подойдя къ Севастополю, держался отъ него въ пяти миляхъ. Потомъ корабль подъ адмиральскимъ флагомъ подходилъ на три мили къ рейду. Утромъ 18 Апрѣля пароходъ «Владиміръ», выйдя на рекогносцировку, видѣлъ корпуса восемнадцати кораблей и шести пароходовъ.

Англійскій пароходъ «Тигръ», идя 30 Апрѣля при густомъ туманѣ, сѣлъ на мель въ шести верстахъ отъ Одессы, недалеко отъ крутого берега. Къ этому мѣсту немедленно прибыли изъ колоніи Люстдорфъ два орудія 2-й батарейной батареи и двѣ роты Днѣпровскаго полка. Эти орудія, своими мѣткими выстрѣлами, вскорѣ повредили пароходъ во многихъ мѣстахъ, а однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ оторвало ногу командиру парохода Гиффорду. Пароходъ, не имѣя возможности сняться съ мели, спустилъ флагъ, а команда его съѣхала на

---

*) Бонъ—загородка.

берегъ. Два непріятельскихъ парохода, бывшихъ въ это время на горизонтѣ, когда прояснѣло, направились къ пароходу «Тигръ»; но прибывшія къ этому мѣсту 26 полевыхъ орудій зажгли этотъ пароходъ калеными ядрами, и онъ въ шесть часовъ вечера взлетѣлъ на воздухъ. «Тигръ» имѣлъ машину въ 560 силъ, и на немъ было 19 орудій, 25 офицеровъ и 200 матросовъ. Чрезъ нѣсколько дней всѣ орудія его были подняты и оказались годными къ употребленію.

Непріятельскій флотъ снова показался въ виду Севастополя 14 Іюня. Въ этотъ день жители города праздновали закладку соборнаго храма св. равноопостольнаго великаго князя Владимира. Священодѣйствіе совершалъ архіепископъ Херсонскій и Таврическій Инокентій. Въ словѣ по этому поводу онъ высказалъ слѣдующее: «Кто не знаетъ, что у враговъ нашихъ одно изъ самыхъ задушевныхъ желаній теперь состоитъ въ томъ, чтобы какимъ бы ни было образомъ отторгнуть здѣшнюю страну отъ состава Россіи? Это было бы, по собственному признанію ихъ, верхомъ ихъ успѣха противъ насъ. А мы въ это самое время, какъ бы въ отвѣтъ на ихъ безумную дерзость, полагаемъ нынѣ здѣсь основаніе храму св. Владимира! Симъ самымъ, сильнѣе и внятнѣе всякихъ словъ, мы говоримъ врагамъ нашимъ какъ бы такъ: непростительно, грубо ошибаетесь вы, воображая, что полуостровъ Таврическій составляетъ для Россіи только недавнюю добычу меча и плодъ побѣдъ. Нѣтъ, это древнее и родовое достояніе наше; это наслѣдіе еще св. Владимира! Здѣсь купель нашего крещенія, здѣсь начало нашей священной исторіи и народныхъ преданій. Уступить послѣ сего эту страну кому бы то ни было, значило бы для Россіи отказаться отъ купели своего крещенія, измѣнить памяти св. Владимира. Возможно ли это? Скорѣе не останется во всѣхъ горахъ здѣшнихъ камня на камнѣ, нежели Луна замѣнитъ здѣсь мѣсто Креста Христова! Таково, говорю, значеніе и таковъ смыслъ нынѣшняго нашего священодѣйствія по отношенію къ врагамъ нашимъ. И надобно же бы было имъ явиться въ томъ множествѣ предъ лицомъ сего града, какъ бы нарочно для присутствія при заложеніи сего храма и для выслушанія урока въ немъ закючающагося».

Съ этого времени пароходы союзнаго флота стали показываться въ виду Севастополя все чаще и чаще; они осматривали берега и дѣлали промѣры. Это удостовѣряло, что непріятели предполагаютъ высадиться на берега Крыма и, можетъ быть, возлѣ Севастополя.

По диспозиціи утвержденной княземъ Меншиковымъ и объявленной 5 Декабря, всѣ находящіеся въ полной готовности корабли и фрегаты должны быть установлены въ глубинѣ рейда, съ тѣмъ чтобы они могли сняться по востребованію. Корабли «Великій Князь Константинъ» и «Три Святителя», по вынутіи изъ нихъ мачтъ, расположить по обѣимъ сторонамъ входа въ Южную бухту, а корабль «Силистрія» установить такъ, чтобы онъ могъ въ случаѣ нужды повернуться въ сре-

динѣ интервала между означенными кораблями. Всѣмъ пароходамъ размѣститься по способности противъ адмиралтейства, мелкимъ же судамъ и транспортамъ расположиться въ глубинѣ Южной бухты.

Затѣмъ, 29 Декабря было объявлено такое приказаніе князя Меншикова: «Оборона Южной стороны города поручается военному губернатору г. Севастополя вице-адмиралу Станюковичу; начальство надъ всѣми вооруженными судами и оборона ими рейда поручаются вице-адмиралу Нахимову; а на генералъ-адъютанта Корнилова возлагается оборона гавани». Нахимовъ поднялъ свой флагъ на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ».

А. П. Жандръ («Матеріалы для исторіи обороны Севастополя») высказалъ, что такой человѣкъ какъ Корниловъ не могъ равнодушно оставатся въ бездѣйствіи, ограничиваясь порученною ему офиціально обороною гавани, но долженъ былъ постепенно увеличивать кругъ своей дѣятельности, а потому незамѣтно перейти отъ обороны гавани къ оборовѣ всего порта. Испросивъ разрѣшеніе князя Меншикова остаться въ Севастополѣ и поднять свой флагъ на кораблѣ «Великій Князь Константинъ», какъ завѣдующій обороною гавани, онъ сталъ распоряжаться самостоятельно, не обращая вниманія на старшинство командующаго вооруженнымъ флотомъ, отдавая приказанія съ библіотечнаго телеграфа отъ имени князя Меншикова, призывая командировъ кораблей и фрегатовъ къ себѣ на корабль для полученія личныхъ его указаній, и вообще принялъ на себя роль главнаго командира Черноморскаго флота. Подъ впечатлѣніемъ увѣренности, что нападеніе на Севастополь должно непремѣнно совершиться прорывомъ на рейдъ, онъ постоянно былъ занятъ пріискиваніемъ разныхъ средствъ для отраженія нападенія и обдумываніемъ разныхъ диспозицій; съ неутомимой экзальтированной энергіею составлялъ различныя инструкціи, предписанія, отношенія, постоянно дѣлая смотры и ученья по придуманнымъ разностороннимъ предположеніямъ обороны. Всѣ суда, большія и малыя, получили опредѣленныя мѣста на всякій случай видоизмѣненія атаки на рейдъ и гавань; были сформированы три морскихъ баталіона изъ командъ кораблей находившихся въ гавани; составлены были три отряда изъ барказовъ; пароходы получили инструкціи какъ отводить брандеры; даже изготовленъ былъ особый брандеръ для нападенія на непріятельскія суда. Нѣтъ надобности здѣсь перечислять всю мелочность распорядка кипучаго генералъ-адъютанта въ виду того обстоятельства, что городъ и его рейдъ и гавани, со всѣми адмиралтейскими учрежденіями, пришлось защищать иными средствами. П. С. Нахимовъ, конечно, не могъ быть доволенъ безцеремонностью отдаваемыхъ помимо его приказаній подчиненнымъ ему командиромъ и вмѣшатель-

ствомъ младшаго въ его прямую обязанность начальника вооруженнаго флота; но какъ человѣкъ привыкшій владѣть собою, онъ нашелъ нужнымъ сдержать себя въ такое тяжкое время, высказывая, съ свойственнымъ ему юморомъ, что Корниловъ по своему характеру не можетъ быть инымъ и что раздражая его нервное возбужденіе требованіемъ установленныхъ закономъ отношеній, можно только повредить общему дѣлу предстоящей обороны, въ минуту дѣйствительности, которою всѣ его преднамѣренія окажутся на дѣлѣ не соотвѣтствующими настоящей потребности.

По просьбѣ князя Меншикова, лично къ князю Горчакову, о присылкѣ ему изъ Дунайской арміи способнаго инженера для строенія укрѣпленій, прибылъ 10 Августа въ Севастополь состоявшій по саперпымъ баталіонамъ подполковникъ Тотлебенъ. Въ это время сухопутныя укрѣпленія Севастополя находились въ слѣдующемъ состояніи.

Сухопутныя силы въ Крыму состояли изъ мѣстныхъ войскъ и дѣйствующихъ. Въ составѣ первыхъ находились Балаклавскій Греческій баталіонъ, Таврическій баталіонъ и Керченскій полубаталіонъ внутренней стражи; Кинбурнскій и Севастопольскій артилерійскіе гарнизоны; военнорабочія роты № 14 и 15. Дѣйствующія войска состояли изъ первой бригады 14 пѣхотной дивизіи и сформированная изъ безсрочноотпускныхъ резервная бригада 13 пѣхотной дивизіи, въ которой находилось до двухъ тысячъ рекрутъ. Когда послѣдовалъ разрывъ Россіи съ Англіей и Франціей, то были направлены въ Крымъ: шестой саперный баталіонъ, 17 пѣхотная дивизія, шестой стрѣлковый баталіонъ, одинъ гусарскій полкъ и полтора полка Донскихъ казаковъ. Изъ 17 пѣхотной дивизіи одна бригада была отдѣлена въ вѣдѣніе генерала Хомутова, самостоятельнаго начальника юговосточной части полуострова.

Въ концѣ Іюня 1853 года, князь Меншиковъ въ донесеніи Государю Императору писалъ между прочимъ, что въ случаѣ непріятельскаго десанта въ Крымъ можно предполагать, что союзники предпримутъ нападеніе или на Ѳеодосію, или направятся чрезъ Керченскій проливъ, или же сдѣлаютъ высадку у Евпаторіи, между симъ городомъ и Севастополемъ и что, по его мнѣнію, покушеніе на Севастополь, съ цѣлью уничтожить военныя учрежденія нашего флота, было вѣроятнѣе прочихъ предположеній. Потомъ, предложивъ вопросъ: достаточны ли для такого предпріятія наличныя силы непріятелей, князь Меншиковъ полагалъ, что по занятіи Австрійцами Валахіи союзники могли послать въ Крымъ отъ 50 до 60 тысячъ человѣкъ, не считая Турецкихъ войскъ; для противодѣйствія же такимъ силамъ можно собрать не болѣе двадцати тысячъ человѣкъ. Потомъ, въ письмѣ къ военному министру кня-

зю Долгорукову, князь Меншиковъ настаивалъ на необходимости занять сѣверную часть Крыма хотя одной пѣхотной бригадой. Затѣмъ, предположивъ, что для приготовленія къ экспедиціи въ большомъ размѣрѣ противъ Севастополя союзникамъ было необходимо отъ четырехъ до шести недѣль, онъ высказалъ мнѣніе, что въ продолженіе этого времени войска наши въ Крыму могли бы быть усилены 16-ю пѣхотной дивизіей, стоявшей въ Бессарабіи. Въ заключеніе своего сообщенія военному министру, онъ писалъ: «Въ настоящее время Крымъ существенный пунктъ, на которомъ долженъ рѣшиться вопросъ о нашемъ вліяніи на дѣла Востока». Нѣсколько дней спустя, князь Меншиковъ, получивъ свѣдѣніе изъ иностранныхъ газетъ о перевозкѣ пятой Французской дивизіи изъ Галиполи въ Варну, счелъ нужнымъ непосредственно отнестись къ князю Горчакову, прося его, если онъ имѣетъ на то право, направить къ Перекопу 16 пѣхотную дивизію, или же испросить на это Высочайшее разрѣшеніе.

Въ отвѣтныхъ распоряженіяхъ Императоръ Николай Павловичъ высказалъ князю Меншикову, между прочимъ, слѣдующее: Мысль твою раздѣляю и я вполнѣ; но дѣло останавливается на томъ, что въ моемъ распоряженіи нѣтъ болѣе никакой свободной пѣхоты, съ тѣхъ поръ какъ князь Иванъ Өедоровичъ взялъ 16 дивизію изъ Одессы. Хотя я писалъ Горчакову, чтобы онъ старался послать хотя одну бригаду съ двумя батареями, но на прибытіе ея пройдетъ болѣе мѣсяца, ты же будешь вѣроятно атакованъ гораздо ранѣе. Поэтому навѣрно разсчитывать можешь только на то, что̀ у тебя есть. Думаю, что сего на первый разъ достаточно, и вотъ почему. Твой гарнизонъ, кромѣ флота, кажется довольно силенъ, чтобы непріятеля встрѣтить при самой высадкѣ, или нѣсколько отступя отъ берега, чтобы не подвергаться сильному дѣйствію судовъ. Непріятелю же должно будетъ сгружать лошадей, артилерію и прочее. Все это не скоро дѣлается. Но положимъ, что чрезъ 4 или 5 дней они въ этомъ успѣютъ. Когда же объяснится, что главный десантъ не въ Өеодосіи, а у Евпаторіи, или у Херсонеса, съ той поры, думаю, должно сейчасъ Хомутову спѣшить къ тебѣ и направиться въ тылъ туда, гдѣ появленіе его можетъ имѣть болѣе успѣха. Перейти же 200 верстъ войска̀ Хомутова должны и могутъ въ 5 или 6 дней безъ большого напряженія, ежели притомъ ранцы везти на подводахъ. Съ появленіемъ Хомутова въ тылу непріятеля, будь онъ и въ 60 тысячъ, чему я мало вѣрю, онъ ничего важнаго предпринять не можетъ, еще менѣе правильную осаду или бомбардировку».

Вслѣдъ затѣмъ, по полученіи донесенія объ отправленіи княземъ Горчаковымъ 16 пѣхотной дивизіи въ Крымъ, Государь Императоръ писалъ князю Меншикову: «Съ приходомъ сей дивизіи думаю, что не только Севастополь вполнѣ обезпеченъ отъ всякой попытки овладѣть имъ, но что пора будетъ возвратить генерала Хомутова, съ войсками собственно Черноморіи принадлежащими и съ конной Донской батаре-

ей, оставя покуда въ Керченскомъ полуостровѣ бригаду 17 пѣхотной дивизіи, съ ея артилеріей и казачьимъ полкомъ. Это тѣмъ нужнѣе, что союзники, извѣстясь о принятіи нами сильныхъ мѣръ къ оборонѣ Крыма, могутъ сдѣлать покушеніе на Новороссійскъ и Анапу».

Не смотря на такія соображенія, ограничивающія боевую численность войскъ на Крымскомъ полуостровѣ, Императоръ Николай призналъ необходимымъ ускорить производство работъ по укрѣпленію Севастополя, а потому приказалъ принять самыя дѣятельныя, неотложныя къ тому мѣры. По этому поводу онъ писалъ князю Меншикову: «Ежели, Богъ дастъ, атаки на Севастополь не будетъ, надо воспользоваться, не теряя времени, льготой, чтобы усилить работы по сухопутнымъ укрѣпленіямъ». При этомъ начертаны были подробности по производству такихъ работъ, съ планомъ, и въ заключеніе сказано: «Кажется мнѣ, что все это возможно, имѣя саперный баталіонъ и много арестантовъ. Остановки не должно быть» *).

Запасныя средства въ Севастополѣ заключались въ слѣдующемъ. Кромѣ орудій, поставленыхъ на приморскихъ и сухопутныхъ укрѣпленіяхъ, въ складахъ Севастопольской крѣпостной артилеріи имѣлось 172 орудія; всѣ они, по своей малокалиберности, не могли приниматься въ расчетъ, тѣмъ болѣе, что калибръ артилеріи союзниковъ заставлялъ ставить на вооруженіе обороны орудія не ниже 24 фунтоваго калибра. Главнымъ резервомъ служила морская артилерія, находившаяся на судахъ и въ запасѣ. За все время существованія Черноморскаго флота, вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ морской боевой правоспособности, измѣнялось вооруженіе судовъ; морская артилерія постепенно увеличивалась въ калибрахъ, а нѣкоторыя орудія вовсе вышли изъ употребленія. Съ установкой на суда новыхъ орудій, старыя сдавались въ склады, куда поступали также орудія пришедшія въ негодность отъ продолжительной службы, а равно и взятыя на непріятельскихъ судахъ въ прежнія войны. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, накопилось въ Севастопольскомъ морскомъ арсеналѣ 1944 орудія; изъ нихъ годныхъ для вооруженія обороны было пушекъ: 36 фунтовыхъ—253, 30 фунтовыхъ—58, 24 фунтовыхъ—620. Кромѣ того на флотѣ, къ 1 Сентября 1853 года, находилось 1908 орудій. Слѣдовательно, общее количество годной морской артилеріи доходило до 2822 орудій; но только находившіяся на судахъ орудія имѣли станки со всѣми принадлежностями, для прочихъ же ничего не имѣлось. Изъ числа

*) М. И. Богдановичъ (Восточная война 1853—1856 годовъ), объясняя толки о возможности высадки въ Крымъ союзниковъ, сообщаетъ, что князь Паскевичъ и военный министръ князь Долгоруковъ находили, что это несбыточно, потому что у нихъ нѣтъ на это достаточныхъ средствъ.

449000 снарядовъ разнаго рода, составлявшихъ запасъ крѣпостной артилеріи, 27000 были негодны по малокалиберности кромѣ оставшихся затѣмъ необходимыхъ для приморскихъ батарей, считая по 200 снарядовъ на каждое орудіе, въ запасѣ можно было считать до 30000 снарядовъ. Для морской артилеріи числилось въ запасѣ 864000 снарядовъ, въ числѣ которыхъ находилось 272555 малокалиберныхъ; а потому дѣйствительный запасъ морской артилеріи состоялъ изъ 591445 снарядовъ, кромѣ находившихся на судахъ по полному ихъ снабженію. Пороху въ зарядахъ и боченкахъ въ запасахъ крѣпостной артилеріи имѣлось 23380 пудовъ; а для морской артилеріи—41660 пудовъ. Полагая средній вѣсъ зарядовъ въ 8 фунтовъ, оказывается, что изъ имѣющагося количества пороха, состоявшаго въ наличіи къ 1 Сентября, можно было приготовить только 325000 зарядовъ[1]). Инженерный запасъ въ Севастополѣ былъ самый незначительный. Шанцевый инструментъ состоялъ только при войскахъ и при шестомъ саперномъ баталіонѣ; въ запасахъ же Севастопольской инженерной команды рабочій инструментъ былъ по числу этой команды на двѣсти человѣкъ. Когда для усиленныхъ работъ встрѣтилась надобность въ инструментахъ, то ихъ собирали въ городѣ и въ окрестныхъ селеніяхъ, а по недостатку брали съ судовъ интрепели[2]). Такой же недостатокъ оказался и въ строительныхъ матеріалахъ разнаго рода. Въ морскомъ вѣдомствѣ имѣлись въ очень большомъ количествѣ запасы лѣсовъ, канатовъ, тросовъ[3]), желѣза, парусины и другихъ предметовъ; эти матеріалы, въ дальнѣйшемъ развитіи оборонительныхъ работъ въ продолженіе всего времени обороны, представляли постоянный источникъ, изъ котораго черпались самыя разнообразныя средства. По госпитальной части состояли: постоянный военный госпиталь въ Севастополѣ на 300 больныхъ и военно-временные госпитали въ Симферополѣ, въ Ѳеодосіи, въ Керчи и въ Перекопѣ, въ общей сложности, на 85 больныхъ, а всего на 1125 больныхъ. Морской Севастопольскій госпиталь на 1200 больныхъ укомплектованъ былъ на 1800 больныхъ. Въ госпитальномъ

---

[1]) Этимъ приводится намъ на память слышанное нами отъ гр. П. Х. Граббе. Осенью 1854 года Государь Николай Павловичъ, будучи въ театрѣ, увидалъ старика Павла Христофоровича и позвалъ его къ себѣ во дворецъ пить чай. Третьимъ лицомъ въ бесѣдѣ была императрица Александра Ѳеодоровна. Разсказавъ о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Крыму, Государь выражалъ сильное огорченіе и, схвативъ себя за голову, воскликнулъ: „Пороху нѣтъ у насъ!“ Для успокоенія его, Граббе вызвался съѣздить на Выборгскую сторону къ А. П. Безаку и, возвратившись во дворецъ уже заполночь, доложилъ Государю, что опасеніе его преувеличено и что пороху достать можно. П. Б.

[2]) Интрепель—морское абордажное рукопашное оружіе, родъ сѣкиры или алебарды (Даль).

[3]) Тросъ—веревка.

складѣ военнаго вѣдомства состояло госпитальныхъ вещей на 1500 человѣкъ, а перевязочныхъ матеріаловъ на шесть тысячъ человѣкъ. При малой производительности Крыма, провіантскіе запасы для войскъ постоянно пополнялись посредствомъ внѣшняго подвоза. Все кормовое довольствіе сухопутныхъ командъ возложено было на Симферопольскую провіантскую комиссію, которая, во время высадки союзниковъ, была въ весьма плохомъ состояніи: ея магазины имѣли очень небольшой запасъ, а денегъ не только не имѣлось, но еще была задолженность войскамъ до ста тысячъ рублей. Что же касается запасовъ морского вѣдомства, то, принимая общую численность всѣхъ морскихъ командъ въ 25000 человѣкъ, въ магазинахъ его имѣлось довольствіе на семь мѣсяцевъ.

Таковы были весьма ограниченныя средства для борьбы ко времени высадки у Евпаторіи союзныхъ войскъ.

Англійскій писатель Кинглекъ объясняетъ возникновеніе Крымской войны въ слѣдующемъ очеркѣ. «Вслѣдствіе настойчиваго требованія Австріи, выставившей свои войска во флангѣ Русской арміи, очищены были княжества Русскими войсками. Такимъ образомъ цѣль, изъ за которой началась война, была достигнута, и легко было бы заключить миръ. Францiя желала мира, но ея голосъ не имѣлъ значенія. Властитель ея Наполеонъ III желалъ вести войну для своихъ личныхъ интересовъ, чтобы отвлечь вниманіе страны отъ мысли о совершившихся во Франціи переворотахъ, и чтобы доставить новой имперіи положеніе и славу, пріобрѣтаемыя военными подвигами. Онъ находилъ нужнымъ поддерживать дружественныя отношенія съ Англіей и воспользоваться ея союзомъ, какъ орудіемъ войны. Онъ замѣтилъ, что и по другую сторону канала проглядываетъ также воинственное настроеніе, хотя и по другимъ причинамъ, которыя заключались въ слѣдующемъ соображеніи. Съ цѣлью укрѣпить могущество имперіи на берегахъ Босфора, Россія воспользовалась обширной гаванью на берегу Крымскаго полуострова, укрѣпила ее и устроила большой арсеналъ, а также огромный складъ военныхъ принадлежностей. Въ этой гавани, защищаемой славными фортами, укрывался свободно Черноморскій Русскій флотъ. Истребленіе этого флота и запасовъ, собранныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ, было, по мнѣнію Англичанъ, естественной цѣлью войны, предпринятой для защиты султана. Англичане не могли равнодушно примириться съ мыслію, что Севастополь вполнѣ защищаетъ Русскій флотъ отъ выстрѣловъ Англійскихъ кораблей. Они знали, что нелегко взять этотъ городъ, но полагали, что тяжкія ихъ къ тому усилія не пропадутъ безъ возможной пользы. Дѣйствительно, если Россія должна будетъ немалое время защищать Севастополь, то одно разстояніе, отдѣляющее этотъ крайній пунктъ Крымскаго полуострова отъ центра военныхъ силъ государства, поглотитъ немалое количество денежныхъ и матеріальныхъ средствъ имперіи. Англійскій военный министръ того времени лордъ Ньюкестль раздѣлялъ также такое желаніе страны».

Въ Англійской газетѣ Times сообщено было слѣдующее заявленіе. «Политическая и стратегическая цѣль предпринятой войны не можетъ быть достигнута, пока существуютъ Севастополь и Русскій флотъ. Какъ скоро этотъ центръ Русскаго могущества на Черномъ морѣ будетъ разрушенъ, рушится и все зданіе, сооруженіемъ котораго занималась Россія столько вѣковъ. Взятіе Севастополя и занятіе Крыма покроютъ всѣ издержки войны и предоставятъ намъ выгодныя условія мира и притомъ на долгое время. Севастополь—это ключъ позиціи между Дунаемъ и берегами Мингреліи; удачное предпріятіе противъ этой крѣпости составляетъ неизбѣжное условіе для достиженія постояннаго мира».

Союзники вполнѣ господствовали въ то время на Черномъ морѣ, а потому безъ особенныхъ усилій могли собирать необходимыя средства для перевозки войскъ въ Крымъ; но точныхъ, или хотя приблизительно-вѣрныхъ свѣдѣній о количествѣ Русскихъ войскъ, находившихся на Крымскомъ полуостровѣ, они не имѣли: одни насчитывали ихъ 70000, другіе до 120000. Рагланъ находилъ, что онъ въ этомъ отношеніи ничего не знаетъ; а между тѣмъ ему предписывали изъ Лондона занять Перекопъ и этимъ прервать единственный путь сообщенія Крыма съ Россіей; потомъ сдѣлать высадку на Черноморскомъ берегу Абхазіи, взять Анапу, Сухумъ-Кале и т. д.

Союзники не знали хорошо Крымскаго полуострова, а потому прежде всего рѣшили сдѣлать осмотръ и изысканіе въ какомъ мѣстѣ лучше высадиться; въ тоже время начали приготовлять средства къ перевозкѣ войскъ. Между тѣмъ въ арміи союзниковъ, сосредоточенной близъ Варны и Добруджи, появилась холера, которая перешла и на флотъ. Это заставило ускорить высадку въ Крымъ въ томъ предположеніи, что новый климатъ, болѣе здоровая мѣстность, переѣздъ моремъ, могутъ оказать хорошее вліяніе на прекращеніе болѣзни. Оказался большой недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ у Французовъ; суда были по преимуществу парусныя, что̀ ставило все предпріятіе въ большую зависимость отъ случайностей атмосферы. Кромѣ того, всѣ Французскія суда были до того переполнены войсками и грузовыми тяжестями, что было бы неблагоразумно вступать съ ними въ сраженіе. Полагая, что Русскимъ не безызвѣстно состояніе всей армады, можно было ожидать, что Русскій флотъ непремѣнно сдѣлаетъ на нее нападеніе, а потому часть Англійскаго флота, подъ командой адмирала Лайонса, должна была прикрывать ее. 25 Августа (7 Сентября) утромъ, союзный флотъ вышелъ изъ Варны, и еще доро́гой происходили совѣщанія въ какомъ мѣстѣ сдѣлать высадку. Французы предлагали высадиться близъ Ѳеодосіи, но Рагланъ не соглашался, находя болѣе полезнымъ подойти къ Севастополю. Рѣшили

снова осмотрѣть берега Севастополя, а тѣмъ временемъ 29 Августа (9 Сентября) весь флотъ подошелъ къ Тарханхутскому мысу. Канроберъ и другіе офицеры на кораблѣ «Карадокъ», съ прикрытіемъ, подошли къ Севастополю, издали осмотрѣли его, увидѣли грозные форты и флотъ, стоявшій на рейдѣ, потомъ направились къ Херсонесскому мысу, а затѣмъ осмотрѣли устья рѣкъ Бельбека, Качи, Алмы и Булганака, а также берегъ по направленію къ Евпаторіи. Канроберъ предлагалъ высадиться близъ устья Качи, а Рагланъ находилъ болѣе удобнымъ сдѣлать высадку недалеко отъ впаденія Булганака, близъ стараго форта, на небольшомъ пространствѣ между двумя солеными озерами. Французы согласились съ нимъ, и 1 (13) Сентября началась высадка.

Союзники имѣли самыя скудныя свѣдѣнія о странѣ, которую намѣревались занять. Они знали, что Севастополь большой городъ, неприступный со стороны моря, и что страна Крымъ полуостровъ. Они полагали, что только Перекопскій перешеекъ соединяетъ Крымъ съ Россіей, что сѣверная часть Крыма возвышенная степь, а южная покрыта горами и скалами, что онъ населенъ Татарами, и что немало Русскихъ войскъ, готовыхъ отразить ихъ вторженіе, встрѣтитъ ихъ на берегу, такъ какъ о занятіи Крыма трубили журналы уже нѣсколько мѣсяцевъ. Но, къ своему изумленію, они не могли нигдѣ усмотрѣть Русскихъ войскъ; по временамъ лишь взорамъ ихъ представлялись мирные обыватели, которые не обращали вниманія на огромный флотъ, угрожавшій странѣ. На сѣверной оконечности залива они усмотрѣли красивый городокъ. Это была Евпаторія, нисколько не защищенная. По первому требованію она сдалась; жители не выказали враждебнаго настроенія. Десантныя войска были въ слѣдующемъ составѣ: Французскія состояли изъ четырехъ дивизій—Канробера, Боске́, принца Наполеона и Форе; въ ихъ составѣ было 24250 человѣкъ пѣхоты, 140 кавалеристовъ, 2676 артиллеристовъ, 866 инженерныхъ командъ, 1129 фурштадтскихъ, всего 29053 человѣка при 68 полевыхъ орудіяхъ. Англійскія войска состояли изъ пяти пѣхотныхъ дивизій: герцога Кембриджскаго и генераловъ Броуна, Эванса, Ингленда и Каткарта, легкой кавалерійской бригады и одного полка тяжелой кавалеріи подъ начальствомъ лорда Лукана, четырехъ саперныхъ ротъ, девяти полевыхъ батарей въ пятьдесятъ орудій и одного осаднаго парка въ сорокъ орудій, всего 28000 человѣкъ. Турецкихъ войскъ было семь тысячъ при двѣнадцати полевыхъ орудіяхъ. Всего, въ общей сложности, насажено было въ Варнѣ на суда 64059 человѣкъ. Союзный флотъ состоялъ изъ 34 ко-

раблей, 55 фрегатовъ и другихъ военныхъ судовъ и 300 транспортовъ. Въ числѣ кораблей было шесть съ винтовымъ двигателемъ *).

Въ 10 часовъ утра 1 Сентября въ Севастополѣ увидѣли на горизонтѣ два корабля, а за ними густой дымъ большого числа пароходовъ. Около полудня Лукуловскій телеграфъ извѣстилъ, что видимый на Сѣверо-западѣ флотъ идетъ въ трехъ колоннахъ къ Сѣверо-востоку. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Меншиковъ получилъ извѣстіе, что мимо Тарханхута прошло семьдесятъ непріятельскихъ судовъ. Убѣдясь, что непріятельскій флотъ съ десантомъ идетъ къ Евпаторіи, онъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе о сосредоточеніи войскъ на рѣкѣ Алмѣ, а флоту приказано быть въ полной готовности на случай выхода въ море. Въ это время на рейдѣ былъ свѣжій порывистый вѣтеръ, мѣнявшійся отъ Сѣвера къ Сѣверо-востоку. Въ 8 часовъ вечера получено извѣстіе, что непріятельскій флотъ становится на якорь у Евпаторіи.

Въ виду того, что, во время сосредоточенія войскъ на высотахъ у р. Алмы, въ Севастополѣ долженъ былъ остаться незначительный гарнизонъ, состоявшій изъ четырехъ резервныхъ баталіоновъ, было приказано, по полученіи свѣдѣній о высаживаніи непріятельской арміи, сформировать еще четыре морскихъ баталіона №№ 34, 36, 37 и одинъ рекрутскій, собранный изъ команды корвета «Калипсо» и рекрутовъ. Въ Сѣверномъ укрѣпленіи Тотлебенъ остановилъ работы по возвышенію и утолщенію бруствера, а всѣ рабочія силы употреблены были къ расширенію фронта боковыми фасами, чтобы выставить большее число орудій на избранной позиціи, для чего взято было съ судовъ двадцать пушекъ. Эти работы производились днемъ и ночью.

Послѣ попытки остановить движеніе союзниковъ, значительно превосходившихъ своею численностью спѣшно прибывшія изъ разныхъ мѣстъ къ Алмѣ Русскія войска, въ составѣ около двадцати тысячъ, при чемъ у нѣкоторыхъ полковъ патроны оказались въ обозахъ, князь Меншиковъ рѣшился предпринять новый планъ дѣйствій. Такъ какъ, по значительной численности и превосходству вооруженія союзниковъ, ему предстояло вести оборонительную войну до прибытія подкрѣпленій съ Сѣвера, чего нельзя было ожидать въ скоромъ времени, по затруднительности и большому разстоянію пути для ихъ слѣдованія, а между тѣмъ непріятельская армія, приближаясь съ Сѣвера и отрѣзывая сообщеніе Севастополя съ Россіей и съ мѣстностями Крыма, поддерживаемая многочисленной артиллеріей своего флота, могла удобно занять сѣверныя укрѣпленія, а потомъ уничтожить Русскій флотъ и за-

*) Дубровинъ, Матеріалы для исторіи Крымской войны. — Вейгельтъ, Осада Севастополя.

нять Севастополь: онъ предпринялъ фланговое движеніе чрезъ Инкерманскія высоты къ Бакчисараю, чтобы стать въ тылу союзниковъ. Оставляя Севастополь, князь приказалъ немедленно преградить входъ на рейдъ, затопивъ для этого старые корабли и фрегаты, а экипажи затопленныхъ обратить въ сухопутные баталіоны. Это весьма рискованное движеніе, оказалось, по своей цѣли, весьма успѣшнымъ.

А. П. Хрущовъ (Исторія обороны Севастополя) сообщаетъ, что когда Корниловъ получилъ извѣстіе о неудачѣ на Алмѣ и отступленіи Русскихъ войскъ, онъ немедленно созвалъ совѣтъ изъ адмираловъ и командировъ всѣхъ судовъ и предложилъ этому совѣту рѣшить составленный имъ планъ: «Выйти флоту немедленно, атаковать стоящіе на якорѣ непріятельскіе корабли, слишкомъ сплоченные, и истребить ихъ; а при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ свалиться съ ними и взорваться». На это предложеніе капитанъ 1 ранга Зоринъ высказалъ мнѣніе, преобладавшее въ средѣ моряковъ, что удача такого предпріятія болѣе чѣмъ сомнительна, какъ по значительной численности непріятельскихъ кораблей, такъ и потому, что между ними есть винтовые, которые поставятъ насъ въ два огня; между тѣмъ какъ Севастополь, съ его значительнымъ арсеналомъ и адмиралтейскими средствами, сдѣлается жертвою непріятеля. Поэтому необходимо загородить рейдъ и защищаться всѣми мѣрами въ ожиданіи прибытія войскъ отъ южной арміи. Это мнѣніе было подтверждено почти всѣми присутствующими. Корниловъ, возбужденный такимъ противорѣчіемъ, прекратилъ это обсужденіе словами: «Готовьтесь къ выходу. Будетъ данъ сигналъ, кому что дѣлать». Затѣмъ онъ отправился къ князю Меншикову, прибывшему въ это время въ Севастополь, и когда началъ излагать ему свое мнѣніе, то князь, прервавъ его докладъ, приказалъ немедленно затопить старые корабли у входа на рейдъ, а на сдѣланное возраженіе, Корниловъ получилъ предложеніе: «Если вы не желаете исполнить мое приказаніе, то отправляйтесь немедленно въ Николаевъ, къ мѣсту вашего служенія». Получивъ такой рѣзкій отвѣтъ, Корниловъ долженъ былъ покориться безусловно и извиниться за неумѣстную вспышку.

По положеніи буйковъ между Александровской и Константиновской батареями назначенныя къ потопленію суда заняли опредѣленныя мѣста въ слѣдующемъ порядкѣ: вблизи Александровской батареи фрегатъ «Сизополь», далѣе корабли «Три Святителя», «Уріилъ», «Селафаилъ», «Варна» и «Силистрія», а позади Константиновской батареи фрегатъ «Флора». Съ этихъ судовъ успѣли свезти только паруса, запасный такелажъ, верхній рангоутъ съ реями и командный багажъ; затѣмъ ночью были сдѣланы проруби въ подводной части судовъ въ разныхъ мѣстахъ, потомъ срублены мачты. Съ подходомъ воды къ

верхней палубѣ команды сѣли на шлюпки, а когда они скрылись подъ водой, перекрестились, высадились въ артилерійской бухтѣ и отправились на сборный пунктъ, къ театральной площади, на соединеніи Екатерининской и Малой Морской, у бывшихъ Екатерининскихъ казармъ.

Отправляясь съ войсками, князь Меншиковъ поручилъ командованіе оставшимся въ Севастополѣ войсковыми командами начальнику резервной дивизіи генералъ-лейтенанту Моллеру и въ приказѣ своемъ за № 4 между прочимъ высказалъ: «Генералъ-лейтенанту Павловскому, окончившему возложенное на него порученіе по сѣверному укрѣпленію, сдать начальство надъ онымъ генералъ-адъютанту Корнилову, на котораго возлагается оборона всей сѣверной стороны; а завѣдываніе всѣми морскими командами, отдѣленными для защиты южной части Севастополя, поручается вице-адмиралу Нахимову».

Общая численность всѣхъ воинскихъ чиновъ на сѣверной сторонѣ доходила до 11350 человѣкъ, изъ морскихъ и двухъ резервныхъ баталіоновъ. Всѣ они были расположены по правую сторону сѣвернаго укрѣпленія, нѣсколько растянуто, въ шахматномъ порядкѣ, что представляло съ противоположныхъ высотъ Бельбека довольно обширный бивакъ. Корабли и фрегаты были разставлены по рейду въ удобныхъ мѣстахъ для обстрѣла крутого ската сѣвернаго берега, на случай отступленія. Для той же цѣли назначено было восемь пароходовъ, чтобы перевозить войска съ одной стороны рейда на другую.

Въ то время, когда въ Севастополѣ организовалась по возможности защита сѣверной стороны, главнокомандовавшій союзной арміей Сентъ-Арно опасно заболѣлъ холерой, а потому, передавъ командованіе Французскими войсками генералу Канроберу, а главное начальство лорду Раглану, отправился въ Константинополь на пароходѣ «Бертолета», на которомъ во время пути умеръ. Союзная армія, простоявъ у Алмы до 11 Сентября, двинулась вдоль берега къ Югу и 12 числа показалась на высотахъ Бельбека. Получивъ отъ кавалерійскихъ отрядовъ извѣстіе, что Русская армія прошла чрезъ Инкерманскія высоты въ тылъ союзной арміи и что, по донесенію развѣдочнаго парохода, Севастопольскій рейдъ загражденъ затопленными судами, а въ тоже время увидѣвъ съ высотъ Бельбека сильно укрѣпленную позицію обширнаго бивака Русскихъ войскъ на сѣверной сторонѣ рейда, лордъ Рагланъ не рѣшился на атаку этой позиціи, а потому, съ 13 на 14 число, Англійскія войска двинулись вдоль сѣверной стороны рейда на Инкерманскія высоты, а 15 числа продолжали это движеніе къ Балаклавѣ; Французскія же войска, послѣ посадки на суда, высадились въ Камышевой бухтѣ. Передъ Балаклавой произошелъ замѣчательно характерный случай, надѣлавшій много тревоги Англичанамъ. Въ то время, когда они подходили къ этому городку, въ древ-

нихъ развалинахъ Генуэзскаго замка засѣлъ командиръ Балаклавскаго Греческаго баталіона, полковникъ Манто, съ ротой своего баталіона, въ числѣ 80 человѣкъ строевыхъ и 30 отставныхъ солдатъ. При нихъ были четыре мѣдныя полупудовыя мортиры, дѣйствовавшія подъ командой поручика Маркова. Непріятельскій авангардъ, занявъ деревню Кадыкой и подойдя къ Балаклавѣ, неожиданно былъ встрѣченъ огнемъ Греческихъ стрѣлковъ и гранатами мортирной батареи. Англійскія войска остановились, построились въ боевой порядокъ и, выдвинувъ свою артилерію, открыли по городу сильную канонаду. Въ тоже время Англійскія военныя суда, приблизившись къ берегу, открыли усиленную канонаду по древнимъ развалинамъ. Но, не смотря на то, поручикъ Марковъ продолжалъ пальбу изъ мотиръ до того времени, когда у него не осталось ни одного заряда. Видя, что батарея прекратила пальбу, Англичане бросились въ городъ и водрузили въ немъ свой флагъ. Изъ ничтожнаго гарнизона были взяты ими въ плѣнъ: раненый полковникъ Манто, шесть офицеровъ и до 80 раненыхъ солдатъ. Командовавшій этой ротой капитанъ Стамати на вопросъ: неужели онъ надѣялся съ горстью своихъ солдатъ остановить цѣлую армію? отвѣчалъ: «Безусловной сдачею я навлекъ бы на себя гнѣвъ моего начальства и ваше презрѣніе; теперь же совѣсть моя чиста, потому что я исполнилъ долгъ свой». Вслѣдъ за поднятіемъ непріятельскаго флага въ замкѣ, въ бухту вошелъ пароходъ, обошелъ оба берега, промѣрилъ, а потомъ, выйдя въ море, привелъ эскадру.

Союзниками 16 и 17 числа были совершены рекогносцировки южной стороны Севастополя; а 18 числа эта армія приблизилась къ городу на разстояніе семи верстъ. Послѣ предварительнаго совѣщанія о предстоящей атакѣ, рѣшено было, что правый флангъ, противъ корабельной, должны были занять Англичане, а лѣвый флангъ, противъ города, предоставленъ Французамъ. Затѣмъ они занялись устройствомъ лагерей, съ рѣшеніемъ вести правильную осаду, хотя могли бы взять городъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ съ южной стороны. Какъ бы то ни было, но Черноморскіе моряки поспѣшили переправиться на южную сторону и ретиво принялись за усиленныя работы надъ окончаніемъ укрѣпленій и вооруженіемъ всей южной оборонительной линіи, а генералъ Моллеръ объявилъ городъ въ осадномъ положеніи.

Русскія войска, совершивъ фланговое движеніе, расположились на Качѣ, гдѣ оставались до 16 числа, въ ожиданіи подвозовъ изъ Симферополя; а 18-го, около полдня, показались на Бельбекскихъ высотахъ. Въ два часа дня князь Меншиковъ прибылъ въ свою квартиру на приморской батареѣ № 4. 19-го числа прибыли къ Севасто-

полю два свободныхъ кавалерійскихъ полка, а отъ отряда генерала Хомутова Бутырскій полкъ, три резервныхъ баталіона, одна батарейная батарея и двѣ сотни Донскихъ казаковъ. Въ составъ Севастопольскаго гарнизона вступили полки Московскій, Бородинскій и Тарутинскій и два резервныхъ баталіона изъ числа прибывшихъ. Въ этотъ же день генералъ Моллеръ, по приказанію князя Меншикова, отдалъ приказъ о назначеніи генералъ-адъютанта Корнилова начальникомъ штаба Севастопольскаго гарнизона. 20 числа состоялся приказъ о раздѣленіи оборонительной линіи на четыре отдѣленія. Первое—отъ моря до редута № 1, подъ начальствомъ генерала Аслановича; второе—отъ редута № 1 до Грибка поручено вице-адмиралу Новосильскому; третье—на Пересыпкѣ и далѣе до доковаго оврага, подъ начальствомъ контръ-адмирала Панфилова; четвертое—отъ доковаго оврага до рейда, поручено контръ-адмиралу Истомину. Обширность этой позиціи, простиравшейся болѣе восьми верстъ, скудость средствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянное ожиданіе штурма устраняли всякую возможность обезпечить городъ расположеніемъ сильныхъ сооруженій долговременной профили. Ограждая такимъ образомъ всю позицію, пришлось бы раздробить силу обороны; притомъ, можно было быть увѣреннымъ, что если бы и былъ составленъ проектъ сооруженія такихъ укрѣпленій, то выполненіе его осталось бы на бумагѣ, потому что союзники не оставались бы праздными зрителями продолжительныхъ работъ. Руководствуясь такими соображеніями, рѣшено было принять въ основаніе слѣдующія мѣры. Избрать кратчайшую и ближайшую къ городу позицію, на главныхъ ея пунктахъ выставить сильную артилерію, соединить эти пункты траншеями для ружейной обороны, а также помѣстить въ нихъ отдѣльныя батареи, такимъ образомъ сосредоточить сильный фронтальный и фланговый огонь, пушечный и ружейный, на всѣхъ подступахъ къ городу, обстрѣливая по возможности всѣ извилины мѣстности, по которой непріятель могъ приблизиться къ занимаемой гарнизономъ позиціи. Ожиданіе нападенія побуждало приготовиться къ встрѣчѣ атакующихъ въ самое короткое время; поэтому укрѣпленіямъ давалась сначала профиль, обезпечившая прислугу у орудій только отъ огня полевой артилеріи. Для скорѣйшей постройки снимали на окружающей мѣстности верхній тонкій слой земли и углубляли рвы только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возможно было выполнить это; ломка скалистаго грунта значительно замедлила бы прикрытіе артилеріи и войскъ. Все остальное, какъ-то усиленіе профили батарей и устройство разнаго рода преградъ и траверзовъ, откладывалось до болѣе благопріятнаго времени. Выборъ позиціи не былъ свободенъ, а обусловливался существовавшими укрѣпленіями.

Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли не совсѣмъ выгодное расположеніе. Еслибы можно было предвидѣть, что оборона затянется надолго, то конечно было бы полезнѣе приступить къ исправленію недостатковъ; но въ то спѣшное время нельзя было предпринять этого, и оставалось пользоваться только существовавшими постройками.

Работы предприняты были одновременно на всѣхъ пунктахъ оборонительной линіи и производились съ такимъ разсчетомъ, чтобы съ каждымъ днемъ оборона усиливалась. Онѣ производились днемъ и ночью; въ нихъ участвовали всѣ войска гарнизона, всѣ вольные мастеровые и рабочіе, городскіе обыватели и даже женщины, которыя строили внутреннюю батарею № 13, на южной оконечности городской горы (это были большею частію жены и дочери матросовъ, добровольно вызвавшіяся служить общему дѣлу). Эта батарея получила общепринятое названіе—бабьей. Утромъ выходили на работу отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ; вечеромъ они смѣнялись другими, которые работали всю ночь. Въ тоже время свозились съ флота орудія, со станками и снарядами, къ пристанямъ Екатерининской, Павловской и Госпитальной; тамъ они и выгружались и везлись на батареи матросами, съ помощью крѣпостныхъ передковъ, а по недостатку ихъ, на пушечныхъ корабельныхъ станкахъ по крутымъ подъемамъ въ гору на высоту до трехъ сотъ футовъ. При такой тяжелой работѣ матросы отличались необыкновенной смѣтливостью и находчивостью при поворотахъ, припѣвая дубинушку. Орудія устанавливали безотлагательно, не ожидая окончанія постройки батарей, чтобы можно было дѣйствовать ими при первой необходимости. Отъ порта отпускали на батареи лѣсъ, такелажъ, мѣшки, систерны, инструменты и другіе матеріалы. Всѣ средства города обращены были для содѣйствія этимъ работамъ; частныя подводы возили снаряды и матеріалы, а граждане организовали милицію для содержанія карауловъ въ городѣ. Арестанты также просили быть участниками въ общемъ дѣлѣ обороны, и они были освобождены, кромѣ болѣе важныхъ преступниковъ. По всему Севастополю кипѣла неимовѣрная дѣятельность.

Раненые на Алмѣ помѣщены были въ морскомъ госпиталѣ и въ морскихъ казармахъ; а на обѣихъ сторонахъ города учреждены были перевязочные пункты. Для обезпеченія сообщенія Корабельной стороны съ городскою, по распоряженію адмирала Нахимова, противъ подъема къ госпиталю, наведенъ былъ мостъ на бригахъ, шхунахъ и тендерахъ. На оборонительной линіи поставлены были сигнальныя мачты.

Укрѣпленія Севастополя, наскоро сооруженныя, были большей частью возведены изъ приносной земли весьма плохого качества, смѣшанной съ камнями, лишенной вязкости и легко разсыпавшейся; а

потому эти насыпи были весьма слабы и плохо держались подъ крутыми откосами. Къ этому неудобству присоединялось неимѣніе хвороста для приготовленія туровъ и фашинъ; дерна и черной земли также не было; поэтому крутости батарей поддерживались стѣнками сложенными изъ камня насухо, или изъ глины, причемъ насыпка земли производилась по мѣрѣ возведенія такихъ стѣнокъ. Щеки амбразуръ имѣли весьма слабыя одежды, что должно было значительно ослабить и затруднить дѣйствіе нашей артилеріи. Многія изъ нихъ были одѣты земляными мѣшками, которые были лучшими одеждами, не смотря на то что отъ выстрѣловъ они часто загорались и обсыпались. Нѣкоторыя амбразуры имѣли досчатыя и глиняныя одежды, еще менѣе прочныя. У амбразуръ, не имѣвшихъ одежды, щеки смазывались глиной, толщиною отъ половины до одного фута.

Не смотря на всѣ усилія по устройству пороховыхъ погребовъ, успѣли устроить ихъ только на болѣе важныхъ батареяхъ. Постройка ихъ представляла несравненно болѣе трудности и требовала болѣе времени, чѣмъ устройство батарей. Главное затрудненіе состояло въ скалистости грунта, представлявшей большое затрудненіе углублять ихъ, а потому приходилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ строить ихъ надъ землей. Малые погреба имѣли шесть футовъ высоты и до двухъ квадратныхъ сажень площади. Ихъ покрывали двойнымъ рядомъ накатника и слоемъ земли до семи футовъ, съ боковъ обносили каменными стѣнками изъ сухой кладки, толщиной до четырехъ футовъ, и обсыпали землей. Входъ прикрывали наклоннымъ блиндажемъ, съ люками для подачи зарядовъ. На батареяхъ, не имѣвшихъ еще пороховыхъ погребовъ, былъ допущенъ слѣдующій способъ храненія зарядовъ: малыя судовыя систерны врывали въ землю, шагахъ въ десяти отъ каждаго орудія, прикрывали ихъ рогожами и досками и помѣщали въ нихъ небольшое число зарядовъ, чтобы взрывы ихъ не могли производить значительнаго вреда. Кромѣ малыхъ погребовъ, устроены были большіе, имѣвшіе восемь футовъ вышины, двѣ сажени ширины и три съ половиной сажени длины, по одному на исходящихъ углахъ бастіоновъ №№ 3 и 4, и два на Малаховомъ курганѣ, на обращенномъ къ бастіону № 2 склонѣ, безопасномъ отъ непріятельскихъ снарядовъ.

Впереди редута № 1, Шварца, и бастіоновъ №№ 4 и 3 заложено было по шести, а впереди Малахова кургана девять камнеметныхъ фугасовъ, въ разстояніи пятидесяти шаговъ, съ приводами и общимъ очагомъ. Впереди фугасовъ, въ разстояніи двадцати-пяти шаговъ, были положены засѣки, для которыхъ брали деревья и кустарники изъ ближайшихъ садовъ и изъ сада Ушаковой балки.

Всѣ работы по устройству обороны производились съ утвержденія князя Меншикова, подъ наблюденіемъ подполковника Тотлебена, которому много содѣйствовали адмиралы Нахимовъ и Корниловъ возможно-быстрымъ доставленіемъ всякихъ средствъ. Самъ князь, не смотря на 75 лѣтній возрастъ и повременное страданіе мочевого пузыря, ежедневно объѣзжалъ верхомъ всю оборонительную линію, содѣйствуя своими практическими указаніями успѣху расположенія и строенія укрѣпленій.

Артилерійская прислуга у всѣхъ орудій на оборонительной линіи была составлена изъ матросовъ, согласно корабельному боевому расписанію. Матросы, легко примѣняющіеся ко всякимъ назначеніямъ, принесли съ собой на батареи всѣ судовые обычаи и порядки, чему способствовало сходство быта ихъ на батареяхъ съ судовымъ; тѣже вахты съ безсонными ночами, тотъ же свистокъ боцмана, призывающій къ разнымъ работамъ, къ обѣду и къ чаркѣ водки, тѣже орудія со станками. Брустверы напоминали имъ корабельные борта, а темныя и тѣсныя землянки и устроенные впослѣдствіи блиндажи—судовой кубрикъ. Вода хранилась въ систернахъ, врытыхъ въ землю; а время считалось склянками (песочные часы), и каждые полчаса часовой у склянокъ возвѣщалъ ударомъ колокола. Сигнальщики, выглядывая изъ за буствера и наблюдая за направленіемъ бомбъ, своимъ крикомъ «бомбы» предупреждали находившихся на батареяхъ. При такой знакомой имъ обстановкѣ, матросы легко свыклись съ службой на укрѣпленіяхъ и, не смотря на ежеминутную опасность, отличались веселымъ самообладаніемъ.

Въ то время, когда мы усердно устраивали и вооружали свою оборону, наши заморскіе состязатели тоже начали воздвигать разныя сооруженія для атаки. Вейгельтъ *) говоритъ, что рекогносцировки, производимыя ежедневно инженерными и артилерійскими офицерами, со дня прибытія ихъ къ Севастополю, вскорѣ убѣдили, что оборона лучше и сильнѣе снабжена, нежели какъ предполагали сначала. Прорѣзанныя въ большомъ числѣ амбразуры найдены были не только всѣ установленыя орудіями, но ихъ выстрѣлы вскорѣ удостовѣрили, что калибръ ихъ очень крупный, съ значительной досягаемостію. Такія свѣдѣнія поставили ихъ въ необходимость не только рыть свои траншеи на разстояніи большемъ противъ обыкновеннаго, но и усилить осадный паркъ, къ чему ближайшія средства представляли орудія съ флота.

По взаимному соглашенію было рѣшено, чтобы Французы вели главную атаку противъ городскихъ укрѣпленій западной стороны, и

*) Оборона Севастополя. Переведено по высочайшему повелѣнію. Спб. 1863 года.

ихъ работы простирались бы отъ Карантинной бухты до Сарандинакиной балки; а Англичане должны были вести атаку отъ послѣдней до доковой балки. Причины, побудившія вести главную атаку на западную часть оборонительной линіи, при томъ обстоятельствѣ, что недостаточность средствъ къ атакѣ не допускала возможности къ обложенію оборонительной линіи на всемъ ея протяженіи, состояли въ слѣдующемъ. 1) Въ положеніи гаваней, въ которыхъ надлежало выгружать осадную матеріальную часть для доставленія въ депо и парки. 2) Въ заботѣ о достаточномъ обезпеченіи праваго фланга атаки при наступательныхъ дѣйствіяхъ Русскихъ войскъ со стороны Инкермана. 3) Въ расчетѣ на содѣйствіе флотовъ при атакѣ, о которой полагали, что она можетъ быть успѣшна, если будетъ атакована только часть укрѣпленій, ближайшихъ ко входу на Севастопольскій рейдъ; между тѣмъ какъ съ противоположной стороны нельзя было расчитывать на содѣйствіе флота, но еще слѣдовало опасаться содѣйствія Русскихъ военныхъ судовъ для обороны укрѣпленій.

Генералъ Безо, начальникъ Французскихъ инженеровъ, Бургойнъ, начальникъ Англійскихъ инженеровъ, и Тири, начальникъ Французской артилеріи, составили слѣдующій основной планъ атаки. Главная атака должна быть ведена противъ фронта бастіоновъ №№ 3 и 4. Можно будетъ сильными батареями заставить замолчать Русскую артилерію на этой части линіи; потомъ пробить брешь на днѣ Сарандинакиной балки и, не доводя подступовъ до прикрытаго пути, ворваться отрытой силой, смять непріятеля раздѣленнаго военной гаванью, овладѣть штурмомъ бастіонами №№ 3 и 4, послѣ чего остальныя части оборонительной линіи вскорѣ сдадутся. Такой планъ одобренъ былъ главнокомандующими, а потому первыя осадныя работы имѣли цѣлью исполненіе его.

Французы заняли своимъ лагеремъ западную часть, отъ Стрѣлецкой бухты до Сарандинакиной балки. Англичане расположились къ Востоку до Балаклавской бухты; а возлѣ этой бухты, у Ѳедюхиныхъ высотъ, былъ устроенъ Турецкій лагерь. Для защиты праваго фланга своихъ войскъ, Англичане начали немедленно строить полевыя укрѣпленія вдоль обрывовъ восточной стороны Сапунъ-горы, обращенныхъ къ Черной рѣчкѣ, а также около Балаклавы и Кадыкоя. Въ тоже время Французы приступили къ заложенію ретрашементовъ и батарей для защиты Стрѣлецкой, Камышевой и Казачьей бухтъ. Большой паркъ Французской артилеріи устроенъ былъ на дорогѣ отъ Севастополя къ Балаклавѣ, на 1875 саженъ отъ исходящаго угла бастіона № 4; а главные пороховые магазины позади его на 150 сажень. Главная квартира Французскихъ войскъ расположилась на Юго-западъ отъ этихъ

складовъ въ 250 саженяхъ. Въ лѣскахъ у монастыря св. Георгія устроено было депо строительныхъ матеріаловъ для батарей; кромѣ того, всѣ бочки отъ съѣстныхъ припасовъ и разныхъ другихъ предметовъ сдавались въ это инженерное депо, чтобы они могли служить вмѣсто туровъ у амбразуръ. Всѣ Англійскіе склады находились въ Балаклавѣ, а главная Англійская квартира расположилась въ хуторѣ Бракера. Для управленія морскими орудіями на Французскихъ батареяхъ сформированъ былъ отрядъ въ тысячу моряковъ въ помощь артилеристамъ; также назначено было двѣсти человѣкъ пѣхоты, обучавшихся при орудіяхъ. Для переноса строительныхъ матеріаловъ къ постройкѣ батарей ежедневно назначалось отъ пяти сотъ до трехъ тысячъ пѣхотинцевъ. У Англичанъ, въ помощь сухопутныхъ артилеристовъ, взято было съ флота 730 матросовъ при 32 офицерахъ; свезено пятьдесятъ морскихъ орудій, изъ коихъ только двѣнадцать могли быть употреблены въ первое время. На возвышенныхъ пунктахъ устроены были наблюдательныя обсерваторіи; а между двумя главными квартирами устроенъ телеграфъ, сначала оптическій, а потомъ электрическій.

Для исполненія проекта атаки Французы избрали возвышенное мѣсто, лежащее передъ фронтомъ бастіоновъ №№ 4, 5 и 6, въ разстояніи пятьсотъ саженъ отъ бастіона № 5, и рѣшили построить на немъ ретрашементъ въ 140 сажень съ фронта, расположивъ на немъ пять батарей. На этихъ батареяхъ установлено было 47 орудій большого калибра; въ этомъ числѣ орудій было двѣ мортиры и четыре гаубицы для навѣсныхъ выстрѣловъ. Кромѣ этихъ батарей, отдѣльно отъ ретрашемента, на развалинахъ Херсонеса близъ берега, устроена была батарея № 6, вооруженная четырьмя мортирами и двумя бомбическими пушками. Во время постройки батареи № 5, находившейся на правой конечности ретрашемента, огонь праваго фаса бастіона № 4 былъ очень обременителенъ для нея и для постройки Англійскихъ батарей лѣвой атаки; вслѣдствіе этого и въ помощь Англійскимъ батареямъ рѣшено было построить еще двѣ батареи, возлѣ батареи № 5, №№ 7 и 8, вооруживъ ихъ четырнадцатью орудіями. Эти послѣднія батареи не были закончены и вооружены къ 5 Октября. Между Французскимъ ретрашементомъ и Англійскими батареями лѣвой атаки была проведена траншея.

Со стороны Англійскихъ позицій построены были для лѣвой атаки отъ Сарандинакиной до Лабораторной балки, пять батарей, имѣвшихъ назначеніе дѣйствовать противъ бастіона № 3, примыкающей къ нему линіи военной бухты и противъ Малахова кургана. На этихъ батареяхъ установлено было 39 орудій большого калибра. Для правой

атаки, отъ лабораторной до доковой балки, сооружено было тоже пять батарей для дѣйствія на Малаховъ курганъ и примыкающей къ нему куртины и противъ бастіона № 3; на нихъ было установлено четырнадцать орудій большого калибра и пять мортиръ. Кромѣ этихъ батарей построены были позади ихъ: одна для ланкастерскаго орудія на краю лабораторной балки; другая на краю Киленбалки также на одно ланкастерское орудіе, но притомъ было установлено на ней четыре орудія 68 фунтоваго калибра.

Рѣдкая пальба съ батарей оборонительной линіи началась со времени появленія союзниковъ, приблизившихся на пушечный выстрѣлъ, для воспрепятствованія имъ строить батареи. Союзники тоже, по мѣрѣ вооруженія батарей, посылали отвѣтные выстрѣлы. Настоящее же состязаніе началось 5 Октября 1854 года. Въ этотъ достопамятный день, рано утромъ, какъ только разсѣялся туманъ, замѣчено было, что осадныя батареи обнаружили свои амбразуры. Въ половинѣ седьмого часа всѣ непріятельскія батареи единовременно начали канонаду. Немедленно по оборонительной линіи пробили тревогу, и всѣ орудія, назначенныя для дѣйствія по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, отвѣчали имъ такой частой пальбой, какая обыкновенно производится на флотѣ во время боя. Вскорѣ вся мѣстность покрылась такимъ густымъ дымомъ, что даже на близкомъ разстояніи нельзя было различить предметовъ, а тѣмъ болѣе невозможно было вести прицѣльную пальбу; оставалось только стрѣлять по огню непріятельскихъ выстрѣловъ. Нѣсколько разъ отдавалось приказаніе стрѣлять рѣже, чтобы дать возможность разсѣяться дыму и предупредить разрывъ орудій; но моряки, по привычкѣ и по увлеченію, продолжали частую пальбу. Особенное вниманіе обращено было на расчистку амбразуръ; эта работа производилась быстро, не смотря на сильную непріятельскую пальбу, въ виду того чтобы имѣть возможность во всякое время встрѣтить штурмовыя колоны картечнымъ огнемъ; вслѣдствіе этого, при густотѣ дыма на окружающей мѣстности, открывался нечастый огонь изъ тѣхъ орудій, которыя назначены были для обстрѣла мѣстности и для фланкированія.

По первой тревогѣ войска придвинуты были къ оборонительной линіи, но какъ не имѣлось для нихъ закрытыхъ мѣстъ, то ихъ тотчасъ удалили, оставивъ возлѣ укрѣпленій самую незначительную часть на случай встрѣчи непріятеля ружейнымъ огнемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было баталіоннымъ адъютантамъ, съ ихъ лошадьми, быть при начальникахъ отдѣленій, чтобы они могли своевременно увѣдомлять свои части о приближеніи непріятеля.

Въ теченіе одного часа бомбардированія, стóроны оборонительныхъ казармъ на бастіонахъ №№ 5 и 6 и Малаховой башни получили большія поврежденія, какъ отъ прицѣльнаго огня, такъ и отъ навѣсныхъ выстрѣловъ. Сосредоточенной стрѣльбою Французскихъ батарей у бастіона № 5 каменный парапетъ казармы совершенно разрушенъ, стоявшія за нимъ пять орудій приведены въ бездѣйствіе, а изъ 39 человѣкъ орудійной прислуги выбыло изъ строя 19; нижняя часть стѣны этой казармы также была значительно повреждена, а мѣстами пробита насквозь. Въ тоже время и на Малаховой башнѣ подбиты были орудія и разбитъ каменный парапетъ, при чемъ осколки камней такъ сильно поражали орудійную прислугу, что вскорѣ она была уведена оттуда.

Болѣе трехъ часовъ продолжалась канонада на всѣхъ пунктахъ съ одиноковой силой, какъ вдругъ бомбою съ бастіона № 4 взорвало пороховой погребъ на одной изъ Французскихъ батарей. Вейгельтъ сообщаетъ, что въ этомъ погребѣ было 73 пуда пороха, при чемъ батарея (№ 4) совершенно разрушена, а ранено и убито 2 офицера и 53 артиллериста. Чрезъ полчаса послѣ перваго взрыва, у Французовъ послѣдовалъ второй взрывъ. Вслѣдствіе этого ихъ пальба очень ослабѣла и вскорѣ совершенно прекратилась.

Осмотрѣвъ укрѣпленія городской стороны и возвращаясь оттуда, В. А. Корниловъ встрѣтилъ князя Меншикова, объѣзжавшаго укрѣпленія корабельной стороны, отъ котораго и получилъ разныя приказанія по расположенію войскъ; вслѣдствіе этого онъ проѣхалъ на бастіонъ № 3, а потомъ на Малаховъ курганъ, гдѣ осматривалъ поврежденія башни. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа, на пути отъ башни къ кремальерной батареѣ, гдѣ стояла его лошадь, ему раздробило ядромъ лѣвую ногу почти у самаго паха. Его подхватили шедшіе съ нимъ, которые отнесли его въ морской госпиталь. Онъ умеръ тамъ послѣ двухъ часовъ сильныхъ страданій *).

Ранѣе всѣхъ изъ начальствующихъ лицъ явился на оборонительную линію П. С. Нахимовъ и оставался тамъ весь день, обходя всѣ батареи и тѣмъ поддерживая бодрость своихъ подчиненныхъ.

Борьба съ Англійскими батареями продолжалась съ большой настойчивостью. Особенно много вредила одна изъ батарей, расположенная на Зеленой горѣ, которая въ одно и тоже время фронтально била лѣвый фасъ бастіона № 4 и анфилировала его правый фасъ; снаряды этой батареи, рикошетируя по правой отлогости городского ов-

---

*) По полученіи извѣстія о смерти Корнилова, Государь Императоръ Николай Павловичъ приказалъ бастіонъ на Малаховомъ курганѣ именовать Корниловскимъ.

рага, поражали въ тылъ батареи Титова и Бурцева и площадку бастіона № 3. Верхній ярусъ Малаховой башни обращенъ былъ въ развалину. Въ городѣ произведено было нѣсколько пожаровъ калеными ядрами, брошенными съ Зеленой горы, но немедленно были потушены. Больше всего пострадалъ бастіонъ № 3. Англійскія батареи на Зеленой горѣ, поражая фронтально его правый фасъ, били продольно въ тылъ лѣвый его фасъ и примыкающую къ нему траншею; огромные снаряды этихъ батарей, рикошетируя по задней отлогости высоты бастіона, поражали все пространство между морскимъ госпиталемъ и доковымъ оврагомъ, такъ что сообщеніе съ бастіономъ по этой мѣстности сдѣлалось очень опаснымъ. Въ тоже время этотъ бастіонъ былъ сильно поражаемъ съ батарей на Воронцовской высотѣ, гдѣ Англійскія орудія имѣли большое превосходство въ калибрахъ; къ тремъ часамъ пополудни на немъ была сбита одна треть всего вооруженія; передъ остальными орудіями амбразуры были разрушены, а потеря въ людяхъ была до того значительна, что прислуга при многихъ орудіяхъ была замѣщаема два раза. Но, не смотря на явное превосходство непріятеля, артилеристы бастіона № 3, одушевляемые примѣромъ своихъ начальниковъ, капитана 1 ранга Ергомышева и капитанъ-лейтенантовъ Лесли и Рачинскаго, не желая уступить непріятелю, продолжали дѣйствовать энергически. Къ довершенію бѣдственнаго положенія этого бастіона, около трехъ часовъ пополудни непріятельскою бомбою взорванъ былъ пороховой погребъ, который расположенъ былъ въ исходящемъ углу бастіона. Когда разсѣялся дымъ, то глазамъ уцѣлѣвшихъ представилась поразительная картина послѣдствій этого взрыва: вся передняя половина этого бастіона сброшена была въ ровъ, орудія со станками были опрокинуты, вездѣ лежали обгорѣлые и обезображенные трупы людей. При этомъ взрывѣ погибло около ста человѣкъ, а въ томъ числѣ капитанъ-лейтенанты графъ Наленчь-Рачинскій и Лесли. Эта катастрофа не поколебала мужество защитниковъ; потеря людей и офицеровъ была немедленно замѣнена другими, которые тотчасъ начали приводить въ порядокъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ орудій и устанавливать по возможности другія. Въ это время сосѣдняя батарея Будищева, для отвлеченія выстрѣловъ непріятеля, открыла учащенную пальбу. На Малаховомъ курганѣ взлетѣлъ на воздухъ зарядный ящикъ, не причинившій, впрочемъ, особеннаго вреда. На Воронцовской высотѣ также былъ замѣченъ взрывъ.

Изъ береговыхъ батарей южной стороны Севастопольскаго залива, совершенно отдѣленныя отъ линіи укрѣпленій были Александровская и № 10; послѣдняя построена была на берегу Карантинной бухты, на двухъ выдающихся мысахъ, занимая по берегу двѣсти саженъ;

она была самая ближайшая къ морю. Эту батарею составляли двѣ исходящія закругленныя части, соединенныя ломаной куртиной, состоявшей изъ земляного бруствера отъ 16 до 20 футовъ высоты. Съ сухого пути эту батарею окружала низкая земляная насыпь съ бревенчатымъ палисадомъ, въ которомъ прорѣзаны были бойницы для ружей. Кавальеръ, съ тремя полупудовыми единорогами, служилъ для горжевой обороны, а бревенчатый капониръ имѣлъ назначеніе для обстрѣливанія рва двумя небольшими каронадами. Правый фасъ вооруженъ былъ четырьмя полупудовыми единорогами и двумя пятипудовыми мортирами для обстрѣливанія Константиновской батареи и мѣстности за нею; съ закругленія этой исходящей части могли быть направлены къ морю только три однопудовые и одинъ полупудовый единороги. Далѣе слѣдовали куртина и лѣвый фасъ правой исходящей части, вооруженные направленными къ морю 28 пушками 38 фунтового калибра и тремя мортирами пятипудоваго калибра. Возвышающаяся постепенно отъ берега мѣстность этой батареи совершенно открывала съ моря всю ея внутренность, съ небольшимъ слабо блиндированнымъ складомъ для снарядовъ и каменными легкой постройки казармами для нижнихъ чиновъ. Фасы этой батареи могли быть продольно обстрѣливаемы съ моря, потому что направленіе ихъ обусловливалось только одной кривизною берега и цѣлью постройки: обстрѣливать фарватеръ, пренебрегая собственной обороной. Только главный пороховой погребъ, находившійся у лѣвой исходящей части, былъ хорошо прикрытъ отъ моря особымъ брустверомъ, совершенно отдѣлявшимъ эту часть отъ батареи, въ родѣ высокой горжевой стѣны, съ двумя узкими входами по бокамъ. На насыпи надъ этимъ пороховымъ погребомъ поставлена была мортира пятипудоваго калибра. Орудійная прислуга этой батареи, какъ и Александровской, состояла изъ артилеристовъ Севастопольскаго гарнизона; а командиромъ ея былъ капитанъ-лейтенантъ А. Н. Андреевъ. Этой батареѣ пришлось состязаться съ 11 кораблями, дѣйствовавшими 746 орудіями одного борта.

Въ полдень началъ приближаться къ приморскимъ передовымъ батареямъ союзный флотъ. Правый флангъ состоялъ изъ 14-ти Французскихъ и 2-хъ Турецкихъ кораблей, и 11-ти пароходовъ. Изъ нихъ корабли: «Шарлемань», «Монтебелло», «Фридландъ», «Парижъ», «Вальми», «Генрихъ IV», «Наполеонъ» и «Махмудъ» составляли первую линію полукруга, противъ батареи № 10, въ 700 саженяхъ отъ нея; во второй линіи, расположившейся въ шахматномъ порядкѣ, были: «Марсель», «Алжиръ», «Маренго», «Жанъ-Бартъ», «Сюфренъ», «Баярдъ», «Юпитеръ» и «Шерифъ»; за ними остановились пароходы. За Французскимъ флотомъ слѣдовалъ Англійскій въ числѣ 11-ти кораб-

лей, составившій лѣвый флангъ позиціи, до Волоховой башни, на протяженіи 1500 саженъ. Изъ числа этихъ кораблей: «Британія», «Трафальгаръ», «Венадженсъ», «Кинъ» и «Беллерофонъ», ставъ въ одну линію противъ Константиновской батареи, на разстояніи 650 саженъ, начали громить ее изъ 259 орудій одного борта, получая отвѣтъ изъ 18 орудій этой батареи. Другіе корабли: «Родней», «Агамемнонъ», «Лондонъ» и «Санъ-Парейль», пользуясь почти необороненнымъ секторомъ, находившимся къ Сѣверо-западу отъ нея, приблизились на разстояніи 450 саженъ и начали поражать ее фланговымъ и тыльнымъ огнемъ изъ 169 орудій, получая отвѣтъ только изъ двухъ орудій этой батареи и изъ 13 отъ батарей № 10 и Александровской, съ дистанціи до 950 саженъ. Корабль «Аретуза» состязался съ батареей Карташевскаго на дистанціи 300 саженъ; а корабль «Альбіонъ» атаковалъ башню Волохова съ дистанціи 350 саженъ.

Когда передовые корабли подошли на разстояніе 750 саженъ отъ батареи № 10, съ этой батареи и съ Александровской открыли пальбу, и однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ удалось сбить кормовой флагъ наораблѣ «Шарлемань», который былъ замѣненъ новымъ на гафелѣ. Французскіе корабли, занявшіе мѣста на позиціи, по первой пушкѣ съ флагманскаго корабля начали общую канонаду, сначала нѣсколько безпорядочно, но потомъ залпы каждаго дека*) начали слѣдовать одинъ за другимъ въ правильномъ порядкѣ. Густой дымъ, вырываясь изъ портовъ бѣлыми клубами, сталъ постепенно закрывать корабли снизу вверхъ, а чрезъ нѣсколько минутъ этотъ дымъ, подобно густому туману, достигъ батареи № 10 и скрылъ не только корабли, но и всю окрестность: въ 50 шагахъ нельзя было видѣть ничего, только блескъ выстрѣловъ съ кораблей, стрѣлявшихъ залпами, мелькалъ вдали, указывая на мѣста направленія отвѣтныхъ выстрѣловъ. По неимѣнію блиндажей, состоявшія въ прикрытіи двѣ роты Литовскаго полка расположены были въ глубокомъ рвѣ, окаймлявшемъ батарею. Свободную прислугу отъ орудій, которыя по своему расположенію не могли стрѣлять по непріятельскимъ судамъ, сняли и распредѣлили на усиленіе прислуги у стрѣляющихъ орудій и для подноски снарядовъ изъ склада, значительно удаленнаго отъ батареи.

Непріятельскій флотъ сосредоточивалъ свои орудія преимущественно на батарею № 10, громя въ тоже время батареи Александровскую и № 8; на каждый выстрѣлъ съ этихъ батарей получалось 20 отвѣтныхъ. По прошествіи одного часа, корабль «Шарлемань» удалился изъ линіи, что было замѣчено по прекращенію блеска выстрѣловъ со стороны того мѣста, которое онъ занималъ; а потому пальба по тому мѣсту

*) Декъ—ярусъ корабля.

была прекращена. Часа черезъ два отъ начала нападенія, грохотъ пальбы съ кораблей началъ постепенно стихать, какъ бы удаляться. Отъ дыма ничего не было видно въ 20 шагахъ за бруствeромъ; но мало-по-малу дымъ сталъ проноситься, и съ батареи, чрезъ четверть часа, увидѣли, что на мѣстѣ корабля «Шарлеманя» появился другой корабль, на сто саженъ ближе къ батареѣ, который открылъ усиленную пальбу по ней, а за нимъ послѣдовала пальба и съ другихъ кораблей. Снаряды понеслись надъ батареей еще сильнѣе, чѣмъ при первомъ нападеніи, и визгъ ихъ былъ рѣзче, что убѣждало въ большей близости кораблей. Сколько ихъ было, въ какомъ порядкѣ и откуда они подошли, нельзя было видѣть отъ дыма. Батарея дѣйствовала во второй періодъ также удачно, какъ и въ первый. Разгоряченіе орудій отъ частой стрѣльбы было такъ велико, что у казенной части нельзя было держать руки. Изъ опасенія преждевременнаго разрыва отъ чрезмѣрнаго разгоряченія, банники смачивались послѣ каждаго выстрѣла, а орудія по нѣскольку разъ обливались водой. Несчастныхъ случаевъ отъ ускоренной пальбы не было. Какъ первая атака, такъ и вторая были неудачны; неизвѣстность точнаго разстоянія съ невозможностью правильнаго наведенія орудій была причиной недѣйствительности непріятельскихъ выстрѣловъ. Снаряды нижняго дека попадали ниже бруствера и, ударяясь въ скалистый берегъ, падали въ море; снаряды средняго дека, проносясь выше надъ брустверомъ, падали на дворѣ далеко за орудіями, или перелетали за батарею; снаряды же верхняго дека ложились на мѣстности за батареями № 10 и Александровской, достигая батарей №№ 7 и 8 и оборонительной стѣны рикошетами; только случайные выстрѣлы, составлявшіе рѣдкое исключеніе, попадали въ орудія, лафеты и прислугу. На этой батареѣ, изъ 270 человѣкъ прислуги и двухъ ротъ прикрытія, было убитыхъ восемь, раненыхъ 22 и контуженныхъ пять человѣкъ; а между тѣмъ на ея дворѣ собрано было, по окончаніи боя, болѣе 2700 ядеръ и неразорванныхъ бомбъ и множество осколковъ. По истеченіи еще одного часа огонь съ кораблей началъ ослабѣвать. Взрывъ на Константиновской батареѣ былъ замѣченъ на непріятельскомъ флотѣ; но какъ эта батарея продолжала отстрѣливаться, то, чтобы довершить ея разрушеніе, корабль «Агамемнонъ», пройдя мимо фланга Французской линіи, остановился въ виду всѣхъ передовыхъ батарей, на продолженіи лѣваго фланга Константиновской батареи, и открылъ огонь: съ одного борта по платформѣ этой батареи, а съ другого въ тылъ исходящей части лѣваго фланга батарей № 10. Снаряды брошенные въ эту батарею, рикошетируя во дворѣ, попадали въ бревенчатый капониръ и, расщепляя бревна, засѣдали въ нихъ, или отражаясь проносились да-

лѣе. По этому кораблю открытъ былъ огонь изъ нѣсколькихъ орудій съ батарей Константиновской, № 10 и Александровской. Около четверти часа «Агамемнонъ» держался на занятой имъ позиціи, дѣйствуя непрерывно съ обоихъ бортовъ, но потомъ, отодвинувшись назадъ, скрылся въ сферѣ дыма.

Съ каждымъ часомъ огонь кораблей становился слабѣе; тѣ изъ нихъ, которые получали значительное поврежденіе, выходили изъ линіи и болѣе не возвращались, что́ можно было замѣтить по прекращенію блеска выстрѣловъ и вообще по ослабленію огня въ томъ направленіи; дымъ также становился прозрачнѣе. Съ батареи № 10 передъ окончаніемъ боя можно было видѣть, въ разрѣженномъ дыму, темный силуэтъ корабля «Родней» со сбитой гротъ-мачтой, стоявшаго на мели за Константиновской батареей; онъ былъ такъ далекъ отъ этой батареи, что стрѣльба по немъ не могла быть дѣйствительною; тѣмъ не менѣе, изъ числа спущенныхъ съ него шлюпокъ для завода верповъ, одна была потоплена выстрѣломъ съ батареи Карташевскаго. Съ наступленіемъ сумерокъ корабли прекратили бомбардированіе и отошли, но проходя мимо Константиновской батареи, каждый изъ нихъ дѣлалъ по ней залпъ изъ всего борта *)

П. С. Нахимовъ, слѣдя за дѣйствіемъ непріятельскаго флота съ батареи № 6 и зная очень слабую боевую силу батареи № 10, безпокоясь за положеніе ея и желая получить о ней свѣдѣнія, чтобы своевременно принять мѣры къ защитѣ отъ возможнаго захвата ея непріятелемъ, вызвалъ нѣсколько матросовъ-охотниковъ, которые съ лейтенантомъ Троицкимъ пробрались туда подъ градомъ падающихъ снарядовъ вполнѣ благополучно, а потомъ сообщили адмиралу утѣшительныя свѣдѣнія о состояніи батареи.

Не смотря на то, что на батареѣ № 10 всѣ орудія установлены были для дѣйствія чрезъ банкъ, изъ 58 орудій подбито было три, а у семи орудій повреждены лафеты. Палисадъ, поставленный на брешѣ лѣваго фронта, вровень съ наружнымъ гребнемъ бруствера, остался почти невредимъ. На Александровской батареѣ подбито было три орудія и повреждено три лафета; людей выбыло: 5 убитыхъ, 17 раненыхъ и 5 контуженыхъ. На платформѣ Константиновской батареи, поражаемой близкой продольной и тыльной стрѣльбой, изъ стоявшихъ на ней 27 орудій, 22 приведены были въ бездѣйствіе, а прислуга у орудій, осыпаемая снарядами и осколками отъ камней, вынуждена была сойти внизъ. Лицевая сторона этой батареи испещрена была ядрами, причемъ повреждены были перемычки и щеки десяти амбразуръ; но нигдѣ

*) Военный Сборникъ 1875 года, № 8.

не было сдѣлано сквозного пролома. Орудія въ казематахъ остались въ цѣлости; изъ шести же ядрокалительныхъ печей уцѣлѣла только одна. Разстройству платформы способствовалъ отчасти взрывъ трехъ зарядныхъ ящиковъ, стоявшихъ на дворѣ батареи. Убыль людей на Константиновской батареѣ состояла изъ 5 убитыхъ и 50 раненыхъ и контуженыхъ. На башнѣ Волохова подбитъ былъ одинъ лафетъ и ранено 23 человѣка. На батареѣ Карташевскаго не было никакихъ потерь въ людяхъ и поврежденій.

Почти на всѣхъ Французскихъ корабляхъ бомбы и каленыя ядра производили пожары. Въ адмиральскомъ кораблѣ «Парижъ» оказалось 50 пробоинъ, изъ которыхъ три въ подводную часть; 100 снарядовъ попало въ рангоутъ и оснастку; три каленыхъ ядра произвели пожаръ, а разрывомъ бомбы былъ сильно поврежденъ ютъ и ранено нѣсколько офицеровъ изъ штаба адмирала Гамелена. Корабль «Наполеонъ» получилъ опасную подводную пробоину. На кораблѣ «Шарлемань» бомба проникла всѣ деки и, разорвавшись въ машинѣ, причинила ей значительный вредъ. Англійскіе корабли также имѣли весьма важныя поврежденія въ бортахъ и рангоутахъ. «Лондонъ», «Кинъ», «Агамемнонъ» загорались и должны были выходить изъ линіи для тушенія и приведенія себя въ порядокъ. «Аретуза» и «Албіонъ» были до такой степени повреждены, что должны были отправиться въ Константинополь для исправленія. На одномъ изъ нихъ «Албіонѣ» оказалось 93 пробоины; въ подводную часть его попало нѣсколько гранатъ, изъ которыхъ три проникли до крюйтъ-каморы; къ этому всѣ мачты этого корабля были совершенно сбиты. Всего выбыло изъ строя на береговыхъ батареяхъ 138 человѣкъ, а на корабляхъ союзнаго флота 520 человѣкъ, кромѣ Турецкихъ, о которыхъ свѣдѣній не сообщено *).

На западной береговой оборонѣ подбито было пять орудій въ верху оборонительной казармы бастіона № 5, разстроена сложная система установки семи орудій на бастіонѣ № 16 и въ разныхъ другихъ пунктахъ подбито десять орудій. На Французскихъ батареяхъ повреждено было 14 орудій, и эти батареи вынуждены были замолчать послѣ четырехчасового состязанія, какъ въ ретрашементѣ, такъ и на Херсонесской батареѣ, гдѣ дѣйствіемъ бастіона № 6 и батареи № 10 орудія вскорѣ были подбиты. Въ состязаніи съ Англійскими на Корабельной сторонѣ было иное: бастіонъ № 3 былъ въ полномъ разстройствѣ, а смежныя батареи Артюкова и Яновскаго тоже сильно были повреждены. На всей восточной оборонительной линіи приведено было въ бездѣйствіе до тридцати орудій; на Англійскихъ батареяхъ

*) Тотлебенъ. Описаніе обороны Севастополя.

подбито только восемь орудій и повреждено пять платформъ. Въ потерѣ людей тоже была большая разница: общая убыль изъ строя по оборонѣ состояла изъ 1112 человѣкъ, изъ которыхъ 384 убитыхъ; у союзниковъ же выбыло изъ строя всего 384 человѣка. Значительная потеря въ людяхъ на оборонительной линіи произошла отъ двухъ причинъ: отъ неимѣнія фланговой и тыльной обороны на батареяхъ, которыя располагались на позиціяхъ не по удобству ихъ, а по необходимости, и отъ скученности людей, вслѣдствіе необходимости держать прикрытія вблизи укрѣпленій на случай штурма.

Въ половинѣ седьмого часа кончился ожесточенный бой, усиленно продолжавшійся съ ранаго утра. Громъ орудій былъ слышанъ не только во всѣхъ окрестныхъ мѣстахъ, но даже въ Симферополѣ, расположенномъ отъ Севастополя въ 60 верстахъ. Непрерывный гулъ орудій и трескъ разрывающихся снарядовъ до того были оглушительны, что невозможно было говорить обыкновеннымъ голосомъ. Наконецъ все стихло; остался только шумъ въ ушахъ, временная глухота, съ головной болью; люди двигались какъ угорѣлые, подавленные сильнымъ и продолжительнымъ физическимъ и моральнымъ утомленіемъ. Страшнымъ, тяжелымъ сномъ, какъ бы подъ давленіемъ паралачнаго кошмара, промелькнули событія этого дня, вызванныя безумной враждой. Съ печальной грустью взглянули защитники на неубранныя еще тѣла убитыхъ товарищей, на развалины тѣхъ сооруженій, для построенія которыхъ они приложили много труда; но радостное чувство побѣды, пересиливая это утомленное и печальное ихъ состояніе, придало имъ новую бодрость. Сознаніе, что адскій замыселъ враговъ стереть съ лица земли Севастополь, не только былъ парализованъ, но имъ еще нанесенъ былъ жестокій ударъ, «посрамленіе», возбуждало въ нихъ полную самоувѣреность въ своемъ превосходствѣ надъ пришельцами. Такое убѣжденіе, сложившееся въ крещеніи перваго дня жестокаго бомбардированія, осталось неизмѣннымъ до конца осады и создало ту мощную оборону, о которую разбивались всѣ усилія враговъ, въ продолженіе почти цѣлаго года, призвавшихъ къ себѣ на помощь еще четвертаго союзника, пребываніе котораго въ Крыму ознаменовалось только устройствомъ особаго кладбища.

По прекращеніи боевого состязанія, не смотря на всеобщее утомленіе, тотчасъ приступлено было на оборонительной линіи къ исправленіямъ поврежденій и усиленію обороны, чтобы на другой день быть сильнѣе прежняго и такимъ образомъ продолжать разстраивать всѣ замыслы союзниковъ. Главное вниманіе обращено было на возстановленіе бастіона № 3. Всю ночь на этомъ пунктѣ кипѣла усиленная работа: отрывали орудія и станки, разбирали разстроенныя платфор-

мы для орудій и настилали ихъ вновь, подвозили и устанавливали новыя орудія; въ тоже время возстановляли взорванную часть бруствера, выдѣлывали амбразуры, очищали засыпанный ровъ и строили пороховые погребки. На этомъ бастіонѣ установлено было вновь 19 орудій, причемъ вооруженіе его праваго фаса, который долженъ былъ бороться съ сильными Англійскими батареями на Зеленой горѣ, было усилено значительнымъ калибромъ ихъ снарядовъ и досяганія. На всей оборонительной линіи исправлены всѣ поврежденія; а на фасахъ бастіоновъ 3 и 4, подвергавшихся анфилированію, увеличено число траверсовъ, такъ что защитники были готовы отвѣчать еще съ большею силою, чѣмъ наканунѣ.

Въ эту ночь общаго бдѣнія и труда особенно выставилась неутомимая энергія руководителя этой работы полковника Тотлебена. Надо было все видѣть, направить, ускорить и своимъ присутствіемъ оживить такую спѣшность на пятиверстномъ пространствѣ гористой мѣстности, съ каменистой подгрунтовкой. Это былъ тоже неоцѣненный подвигъ труженичества. Благодаря его самоотверженной энергической подвижности во время обороны, разрушаемые бастіоны и батареи быстро возникали; вся оборона развивалась и постоянно усиливалась.

Приказомъ князя Меншикова, 9 Сентября, командиръ Севастопольскаго порта и военный губернаторъ г. Севастополя вице-адмиралъ Станюковичъ назначенъ начальникомъ Севастопольскаго гарнизона.

Замѣчательную инертность проявило въ это тяжкое время военное министерство, какъ относительно средствъ противодѣйствія союзнымъ войскамъ, такъ и должнаго военнаго распорядка въ Крыму. Прошло болѣе мѣсяца со времени высадки и Алминскаго сраженія, когда военный министръ князь Долгорукій нашелъ возможнымъ испросить высочайшее повелѣніе о назначеніи князя Меншикова главнокомандующимъ въ Крыму, которое состоялось 7 Октября; а потому, только съ полученіемъ такого назначенія, онъ имѣлъ оффиціальную возможность сформировать крайне-необходимый штабъ для дѣлового распорядка, и то въ очень ограниченномъ составѣ, назначивъ начальникомъ этого штаба генералъ-маіора Сипягина *).

Выдающееся положеніе бастіона № 4, окруженнаго съ трехъ сторонъ командующими высотами, предоставляло атакующему возможность развернуть противъ него, на всемъ пространствѣ отъ Рудольфовой до

*) Князь Меншиковъ, имѣя надобность въ планѣ окрестностей Севастополя, съемки офицеровъ генеральнаго штаба, просилъ военнаго министра выслать копію такого плана, на что тотъ увѣдомилъ, что на составленіе копіи этого плана слѣдуетъ испросить высочайшее разрѣшеніе; а между тѣмъ этотъ планъ былъ крайне-необходимъ.

Зеленой горы, обширный фронтъ батарей протяженіемъ до трехъ верстъ располагая ихъ въ нѣсколько рядовъ амфитеатромъ, на мѣстности, представляющей вездѣ склоны, обращенные къ этому бастіону. Обороняющійся же могъ противопоставить атакующему весьма незначительный фронтъ батарей, прилегающихъ къ нему влѣво и вправо до бастіона № 5. Самая мѣстность, на которой былъ расположенъ этотъ бастіонъ, составляя узкую высоту, ограниченную съ обѣихъ сторонъ широкими балками съ весьма крутыми сторонами, лишала возможности пристраивать къ нему фланкирующія части для доставленія лежащей впереди мѣстности перекрестной обороны; вслѣдствіе чего приходилось обороняться только малодѣйствующими перекрестными выстрѣлами съ отдаленныхъ батарей бастіоновъ 5 и 3. Наконецъ, площадка лежащая впереди его исходящаго угла, примыкающая къ Куликову полю, служила удобнымъ путемъ атакующему для веденія подступовъ. Такіе недостатки этого бастіона дѣлали его самымъ выгоднымъ пунктомъ для постепенной атаки, что не могло ускользнуть отъ Французскихъ инженеровъ. Притомъ, выборъ бастіона № 4 представлялъ для союзниковъ еще ту важную выгоду, что онъ былъ ближе къ Камышевой бухтѣ, чѣмъ бастіонъ № 3 и Малаховъ курганъ; такая близость много облегчала сообщеніе со складами въ этой бухтѣ.

Послѣ бомбардировки города, Французы предприняли работы для исправленія поврежденныхъ батарей, усиленія ихъ вооруженія, вооруженія вновь построенныхъ и для окончанія первой параллели, начатой съ 27 на 28 Сентября, которая должна была соединиться съ Англійской. Они открыли 7 Октября огонь со всѣхъ своихъ батарей; но въ 10 часовъ утра ихъ батарея № 5 была разрушена, а на батареяхъ №№ 7 и 8 были взорваны бомбами пороховые погребки. Эта вторая неудача, указывая силу и мѣткость Русскихъ батарей, заставила непріятелей немедленно заложить за первой параллелью три новыя батареи №№ 9 — 11; а 8 Октября начата ими вторая паралель, выводомъ изъ первой, съ направленіемъ къ Сарадпнакиной балкѣ, въ разстояніи 174 сажени отъ бастіона № 4. Эта паралель была окончена, и позади ея заложены были новыя батареи №№ 12, 13 и 14. Въ тоже время начали выводить третью паралель, которая должна была привести ихъ къ бастіону № 4 на разстояніе 65 саженъ. Кромѣ означенныхъ шести батарей была еще сформирована подвижная батарея изъ шести легкихъ мортиръ, которыя ставились на разныхъ мѣстахъ по мѣрѣ надобности. Для дѣйствія на склады гарнизона и для зажиганія города были употребляемы на правомъ флангѣ первой паралели 5 и 9 сантиметровыя ракеты. Между паралелями проведены были соединительные пути.

На западной оборонительной линіи, послѣ бомбардировки немедленно начаты были слѣдующія работы: 1) Для усиленія огня на мѣстности впереди бастіона № 4, была заложена батарея № 30 на четыре орудія, на правой сторонѣ городского оврага. 2) Въ помощь правому фасу этого бастіона, а также для дѣйствія по батареямъ на Рудольфовой горѣ, приступили къ удлиненію батареи № 23, Лазарева, вправо на четыре орудія. 3) За правымъ фасомъ бастіона насыпанъ эполементъ на четыре мортиры. 4) Для обстрѣливанія ближайшей покатости Зеленой горы и высотъ, лежащихъ между Сарандинакиной балкой и Бульварной лощиной, въ траншеѣ ведущей влѣво отъ Грибка, начали возводить три батареи №№ 31, 32 и 33 съ тремя орудіями на каждой. 5) Для фланкированія картечью рва у бастіона, на продолженіи лѣваго его фаса, была построена батарея на два орудія; а какъ продолженіе праваго фаса падало въ оврагъ, то это обстоятельство заставило устроить во рву праваго фаса, впереди плечевого угла, земляной полукапониръ для двухъ орудій. 6) Въ траншеѣ городского оврага, влѣво отъ батарей № 8, Забудскаго, заложена батарея № 35 на четыре орудія. 7) Впереди лѣваго фаса бастіона № 4 заложили, летучей сапой, углубленную батарею № 38, Костомарова, на четыре орудія. Съ этой батареи можно было видѣть непріятельскія батареи и обстрѣливать лежащую впереди площадку, не заслоняя орудій лѣваго фаса бастіона, которыя могли дѣйствовать поверхъ ея, а въ тоже время она могла дефилировать батареи Рудольфовой горы; къ тому же она представляла нѣкоторое обезпеченіе противъ штурма. 8) Для доставленія бастіону № 4 внутренней обороны, позади его, между батареями Лазарева и Шихматова, была построена батарея № 40 на три орудія; а для обезпеченія этого бастіона отъ обходнаго движенія со стороны городского оврага, провели новую траншею отъ праваго фланга бастіона къ строеніямъ въ глубинѣ оврага. Эту траншею, составившую вторую оборонительную линію, назначили для помѣщенія военнаго резерва; для обстрѣливанія же отлогостей высоты бастіона проведены были траншеи для штуцерныхъ, вправо отъ батареи Лазарева и влѣво отъ батареи Шихматова, по скатамъ горы внизъ.

Для устройства внутренней обороны города, чтобы на случай занятія непріятелемъ бастіона № 4, обезпечить отступленіе нашихъ войскъ и облегчить наступательныя дѣйствія главнаго резерва, приняты были слѣдующія мѣры.

Всѣ зданія Театральнаго квартала и въ улицѣ, ведущей отъ этой площади къ бастіону № 5, приведены были въ оборонительное положеніе, съ заложеніемъ въ нихъ окопъ и дверей, продѣлкою бойницъ и устройствомъ деревянныхъ банкетовъ. Въ Католической церкви, имѣв-

шей болѣе прочныя стѣны и составлявшей выдающуюся часть, поставлены были четыре коронады, для обстрѣливанія доступовъ съ высоты бастіона № 4 и изъ городского оврага. Въ домѣ Стирлинга, на углу Морской улицы, также поставлены были двѣ коронады для обстрѣливанія Театральной площади. Выходы всѣхъ продольныхъ улицъ (Екатерининской, Морской и паралельныхъ имъ) преграждены были баррикадами, сложенными изъ камня, съ амбразурами, вооруженными коронадами. Въ этихъ баррикадахъ были оставлены проходы для войскъ. Главнымъ опорнымъ пунктомъ этой внутренней оборонительной линіи должна была служить оконченная и вооруженная батарея № 13, Скарятина. Эта батарея состояла изъ двухъ фасовъ, каждый на три орудія, соединявшіеся между собою подъ тупымъ исходящимъ угломъ; назначеніе было обстрѣливать отлогости высоты бастіона № 4 и Театральной площади. Съ обѣихъ сторонъ отъ ея оконечностей проведены были траншеи, вмѣстѣ съ которыми она составляла довольно обширное укрѣпленіе, открытое съ тыла. Защита внутренней оборонительной линіи возложена была на главный резервъ городской стороны, состоявшій изъ 14 баталіоновъ и 8 полевыхъ орудій, около девяти тысячъ человѣкъ, находившійся подъ начальствомъ генералъ-маіора Баумгартена. Остальные 10 баталіоновъ главнаго резерва, расположенные въ ближайшихъ внутреннихъ кварталахъ города, должны были, по тревогѣ, немедленно идти на помощь первымъ.

Послѣ заложенія Французами третьей паралели, подступы ихъ не подавались впередъ, но ихъ дезертиры безпрестанно сообщали о приготовленіяхъ къ штурму. Въ это время атака на бастіонъ № 4, какъ пояснилъ Тотлебенъ, достигла полнаго развитія. Французскія траншеи находились отъ него не далѣе 65 саженъ. Артилерія бастіона хотя еще и не была совершенно сбита, но каждый день была приводима въ сильное разстройство; ружейная же оборона была незначительна. Брустверъ былъ не болѣе 11 футовъ высоты, ровъ предъ исходящимъ угломъ 8, а передъ плечнымъ не болѣе 4 футовъ глубины. Гарнизонъ этого бастіона состоялъ изъ шести ротъ, изъ которыхъ двѣ находились въ резервѣ за бараками; увеличить его не было никакой возможности, потому что это произвело бы безполезную трату людей.

Принятыя мѣры къ спѣшному, но весьма соотвѣтствующему насущной надобности, устройству второй линіи обороны, послужили къ тому, что союзники признали необходимымъ измѣнить первоначальный планъ атаки на центръ обороны. Вейгельтъ сообщаетъ, что Французы 1 Ноября возобновили пальбу съ оконченныхъ батарей и первые два дня продолжали дѣйствіе съ живостью. Успѣхъ былъ снова неблагопріятный, потому что, хотя многія части брустверовъ и амбразуръ

разрушались на Русскихъ батареяхъ, но они быстро исправлялись по ночамъ, и Французы такимъ образомъ признали невозможнымъ первенствовать на столько, чтобы можно было надѣяться на благопріятный успѣхъ штурма. Защитники вѣроятно и предусматривали его, потому что въ продолженіе этихъ дней было замѣчено сосредоточеніе значительныхъ массъ войскъ за укрѣпленіями. Вскорѣ затѣмъ послѣдовавшія событія способствовали къ совершенному уничтоженію всякаго заблужденія, которому союзники могли еще предаваться, не смотря на сдѣланые уже опыты. Эти событія поставили ихъ, если не въ такое положеніе, чтобы оставаться въ полномъ бездѣйствіи до прибытія значительныхъ подкрѣпленій всѣхъ военныхъ средствъ, то все же въ крайнюю необходимость совершенно отказаться отъ всякого рѣшительнаго предпріятія противъ крѣпости.

Эти событія были: сраженія у Балаклавы 13 Октября и Инкерманское 24 Октября. Первое было вполнѣ удачное. Отрядъ войскъ въ 16000 человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди, уничтожилъ четыре Турецкія батареи въ двухъ верстахъ отъ Балаклавы, отразилъ всѣ атаки Англійскихъ и Французскихъ войскъ, съ большой для нихъ потерей, и возвратился на свои позиціи у Чоргуна. Второе, въ которомъ участвовали Ихъ Императорскія Высочества великія князья Николай и Михаилъ Николаевичи, было неблагопріятное: съ обѣихъ сторонъ была большая потеря въ людяхъ, а затѣмъ Русскія войска вынуждены были отступить. Тѣмъ не менѣе, какъ говоритъ Вейгельтъ, эти два сраженія имѣли большое демонстративное значеніе. Опасеніе за правый флангъ своей линіи, при возможности повторенія наступательнаго движенія Русскихъ войскъ отъ Инкермана, вынудило союзниковъ принять мѣры къ усиленію своихъ позицій на правомъ флангѣ постройкою большой линіи новыхъ батарей. Вслѣдствіе этого предполагавшійся штурмъ бастіона № 4 былъ отложенъ; тѣмъ болѣе, что наступленіе дождливой погоды, препятствуя производить осадныя работы, заставило ихъ перейти отъ наступательной атаки къ оборонительному положенію. Наконецъ, они окончательно рѣшили перенести фронтъ атаки съ лѣваго на правый флангъ, противъ Малахова кургана. По этому поводу Англійскій генералъ-инженеръ Бургойнъ доносилъ: «Выгоды, которыхъ я надѣюсь достигнуть отъ этого предпріятія, состоятъ въ слѣдующемъ: усиленіе нашихъ позицій противъ крѣпости, воспрепятствованіе къ предпринятію, впослѣдствіи, соединенныхъ атакъ отъ Инкермана и Черной рѣчки съ одной и гарнизономъ съ другой стороны; занятіе непріятельскихъ высотъ на всемъ протяженіи оборонительной линіи, что особенно важно въ томъ случаѣ, если намъ удастся овладѣть малой высотой передъ Малаховымъ курганомъ». Генералъ Ніель, начальникъ инженеровъ Французской

арміи, высказалъ объ этомъ проектѣ слѣдующее: «Русскіе значительно усилили укрѣпленія города, какъ углубленіемъ и расширеніемъ рвовъ, такъ и заложеніемъ на всѣхъ пунктахъ, позади и даже впереди оборонительной линіи, новыхъ батарей, которыя могли дѣйствовать противъ осадныхъ работъ съ успѣхомъ; также построеніемъ эполементовъ позади каждаго верка, устройствомъ блиндажей, возведеніемъ новыхъ и увеличеніемъ прежнихъ траверзовъ и прочее, но въ особенности распространеніемъ, позади первой своей линіи, второй оборонительной линіи, которая связана съ лежащими позади батареями и имѣетъ за собою еще третью линію, устроенную изъ баррикадъ на разныхъ улицахъ. При неутомимой дѣятельности и энергіи обороняющихся можно полагать, что чѣмъ болѣе будемъ мы приближаться къ городу съ настоящей атакой, тѣмъ болѣе будутъ умножаться препятствія; а потому, какъ при штурмѣ, такъ и по взятіи верковъ, атакующій увидитъ себя посреди со всѣхъ сторонъ стѣсненнаго пространства, на которомъ нельзя будетъ развернуть намъ свои силы, между тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ должно будетъ отражать войска, уже достаточно доказавшія свою храбрость. Но даже, въ случаѣ удачнаго приступа на бастіоны №№ 4 и 5, мы выиграли бы очень мало: тогда предстояло бы атаковывать позади лежащую оборонительную линію, подвергаясь фланговому огню. Малаховъ курганъ безспорно единственный вѣрный пункъ для атаки. Съ этой позиціи можно командовать всей Корабельною частью города и въ обѣ стороны кургана обстрѣливать оборонительную линію съ тыла. Кромѣ того, занявши этотъ пунктъ, можно командовать надъ гаванью и флотомъ и надъ сообщеніями города съ Сѣверной стороной, что̀ вскорѣ можетъ вынудить сдать крѣпость».

Ноября 1-го пошелъ проливной дождь съ порывистымъ юго-западнымъ вѣтромъ, продолжавшійся все ночь на 2 число. Вѣтеръ свѣжѣлъ и дулъ сильными порывами, постепенно усиливаясь, а утромъ 2 Ноября онъ превратился въ жестокую бурю, какой не было на памяти старожиловъ. Въ непріятельскихъ лагеряхъ было замѣчено большое смятеніе; палатки были срываемы, люди бѣгали по всѣмъ направленіямъ. Волненіе на морѣ достигло необыкновенныхъ размѣровъ. По направленію отъ Качи слышны были сигнальные выстрѣлы судовъ, дававшихъ знать о своемъ гибельномъ положеніи. Сообщеніе чрезъ рейдъ и бухты сдѣлалось почти невозможнымъ, а нѣкоторыя суда стоявшія на рейдѣ снесены были на отмель (изъ числа затопленныхъ судовъ корабль «Силистрія» лишился палубы и потерпѣлъ значительныя поврежденія). На оборонительной линіи всѣ траншеи, низменныя мѣста и воронки отъ бомбъ залиты были водой. Водостоки, устроенные вокругъ пороховыхъ погребовъ, оказались недостаточными, и выступившая изъ нихъ вода угрожала затопить ихъ. Послѣ полдня, къ вечеру, буря стала ослабѣвать и прекратилась только утромъ слѣдующаго дня.

Союзному флоту эта буря причинила весьма значительныя поте-

ри. Близъ Евпаторіи выброшены были и совершенно разбиты: стопушечный корабль «Генрихъ IV», паровой двухсотсильный Французскій корветъ «Плутонъ» и пять Англійскихъ судовъ. У Бельбека выброшено было нѣсколько непріятельскихъ судовъ, а у батареи Карташевскаго одно коммерческое судно. По приказанію князя Меншикова немедленно приняты дѣятельныя мѣры для спасенія командъ разбивавшихся судовъ. Но самое ужасное разрушеніе произошло у Балаклавы. Одинъ изъ командировъ Англійскихъ кораблей описалъ послѣдствія этой бури въ слѣдующемъ очеркѣ *).

«Барометръ, начавшій опускаться съ предыдущаго вечера, на разсвѣтѣ 14 Ноября упалъ съ такой быстротою, что ураганъ во всей своей силѣ и внезапности былъ заранѣе и навѣрно предсказанъ. Къ несчастію для многихъ отважныхъ и усердныхъ людей, болѣе тридцати судовъ находилось внѣ Балаклавской гавани въ то самое время, когда надъ ними со всею яростью разразилась страшная буря, и печальный опытъ показалъ, что здѣшніе агенты адмиралтейства, подвергнувъ столь многія цѣнныя суда, на дурной якорной стоянкѣ, всѣмъ случайностямъ ненастной погоды, значительно нуждались въ благоразуміи и необходимыхъ познаніяхъ. Корабль «Агамемнонъ» стоялъ на якорѣ внѣ Балаклавы; адмиралъ Лайонсъ, имѣвшій свой флагъ на этомъ кораблѣ, предвидѣлъ всѣ ужасы наступающей бури, а потому заблаговременно снялся съ якоря вечеромъ 13 Ноября и вышелъ въ море. Корабли «Ретребюшенъ», «Вулканъ», «Нигеръ» и «Везувій», командиры которыхъ, хотя и сознавали необходимость, но не имѣя приказанія на это, остались внѣ гавани, въ сообществѣ пяти пароходовъ и многихъ транспортныхъ судовъ. Съ утренней зарей 14 Ноября, при чрезвычайно пасмурной погодѣ, начались сильные порывы юго-западнаго вѣтра, а чрезъ три часа задулъ совершенный ураганъ. Подъ тяжелыми облаками, покрывавшими утреннее небо, море казалось сперва какой-то мрачной массой, но потомъ постепенно пріобрѣло бѣлизну кипящей водной пучины. Гребни валовъ, высоко поднимаемые силой вѣтра, густой пѣной разсѣевались по обширному пространству и брызгами своими затемняли атмосферу. Всякая мысль о горизонтальной поверхности, вся правильность волненія, казалось, были утрачены въ кипящей и клокочущей массѣ, которая съ громомъ разбивалась о неподвижныя скалы, сопротивлявшіяся ея страшному развитію. Среди этой ужасной пучины находилось около тридцати судовъ, изъ числа которыхъ погибло три парохода и восемь транспортовъ. Въ числѣ погибшихъ были: большой вновь построенный винтовый пароходъ «Принцъ», который имѣлъ въ себѣ значительный запасъ зимняго платья и инженерный инструментъ, и большой транспортный корабль «Резолютъ», служившій магазиномъ и наполненный разными мундирными и другими заготовленіями, выведенный изъ гавани незадолго до этого времени, чтобы дать возможность военнымъ судамъ съ боль-

*) Морской Сборникъ 1855 года, № 2.

шимъ удобствомъ употребить свои орудія противъ дѣйствія Русскихъ отрядовъ. Прочія суда, лишенныя своихъ мачтъ, находились въ сáмомъ критическомъ положеніи, не имѣя возможности спасать команды гибнущихъ судовъ. Въ портѣ нѣкоторые корабли привязаны были одинъ къ другому, а другіе имѣли свои кабельтовы завезанными на скалы; но какъ только разразилась буря, они начали дрейфовать вдоль гавани. Хотя на корабляхъ отдавали якорь за якоремъ, хотя безпрестанно замѣняли одинъ кабельтовъ другимъ, но они рвались какъ тонкія веревки, а якори тащились по дну, не удерживаемые дурнымъ грунтомъ. Вслѣдствіе этого корабли, стоявшіе не далеко отъ набережной, а также тѣ, которые подвергались напору большихъ судовъ, значительно пострадали отъ внѣшнихъ ударовъ и давленій и оказались сильно побитыми и поломанными. «Sanspareil», поставленный кормой къ набережной, всемъ лагомъ*) потащился на берегъ, ломая и гоня передъ собой по нѣскольку мелкихъ судовъ. «Briele» навалилъ на «Wildirich Girl», ударился въ его корму и съ трескомъ переломилъ гротъ-мачту. «Trente», начавшій тянуться на другое якорное мѣсто для принятія запаса угля, застигнутъ былъ яростію вѣтра и выброшенъ на берегъ. «Gertrude» поломался отъ ударовъ въ «Fornning», корма котораго сдѣлала глубокій знакъ на бортѣ транспорта «Minna». «Medway» также пострадалъ отъ столкновенія съ судами «Edendale», «Star of the South» и «Harbinger». Корабль «Ardent», стоявшій у устья гавани, потерялъ руль и не удержался на якорѣ. За нимъ послѣдовалъ «Iohn-Masterman», согнанный съ своего мѣста Австрійскимъ бригомъ, который, лишившись своихъ якорей, брошенъ былъ на скалы, опрокинулся и утонулъ. Пароходъ «Avon», успѣвъ съ внѣшняго рейда вскочить въ гавань, столкнулся съ судномъ «Victoria», которое сорвалось съ якорей и легло бокомъ на берегъ, изломавъ руль и повредивъ винтъ. «Sovereign» столкнулся съ «Iohn Masterman» и получилъ важныя поврежденія. Въ часъ пополудни вѣтеръ нѣсколько стихъ, но бѣдствія судовъ еще не прекращались. Стоявшій внѣ гавани «Wild Wave» на двухъ якоряхъ былъ сдрейфованъ къ скалѣ съ якорями; экипажъ его, кромѣ командира и двухъ матросовъ, успѣлъ спастись на спасательной лодкѣ; онъ приблизился къ скалѣ такъ, что можно было перескочить на нее, но изъ трехъ попытавшихся сдѣлать этотъ скачекъ спасся только одинъ, а отъ судна чрезъ нѣсколько минутъ ничего не осталось. Число людей, погибшихъ во время этой бури, было весьма значительно. Спасенію погибавшихъ, которые бросались за бортъ, много препятствовали плававшіе около нихъ обломки мачтъ и самихъ судовъ, бочки съ ромомъ и съ сухарями, тюки сѣна, сундуки съ товарами и другія вещи. Всѣ погибшія суда изъ стоявшихъ внѣ гавани быстро разбивались о скалы. Буря произвела свое дѣйствіе и въ лагеряхъ: тамъ осталось очень мало палатокъ на мѣстѣ, а въ войскахъ распространилось много болѣзней. Число всѣхъ погибшихъ судовъ у береговъ Крыма во время этой бури простирается до 34, а имущественная потеря неисчислима».

---

*) Бокомъ.

Вслѣдствіе измѣненія плана главной атаки, союзниками предположено было для усиленія циркумвалаціонной линіи праваго фланга построить на окраинѣ хребта Сапунъ - горы три редута, чтобы они могли господствовать надъ Балаклавской долиной, и двѣ промежуточныя батареи для прикрытія ихъ тыла; а двѣ другія батареи съ цѣлью замыкать плато Сапунъ-горы на правомъ флангѣ и перестрѣливаться съ Русскими батареями на сѣверной сторонѣ рейда. Для сообщенія этихъ батарей прорыть траншеи съ приспособленіемъ ружейнаго огня. Для усиленія лѣваго фланга Англійской позиціи построить батарею у Сарндинакиной балки и провести вторую паралель. Для усиленія Французскихъ позицій предположено было построить редутъ позади Карантинной балки; за второй паралелью построить четыре батареи противъ бастіона № 5 и пять батарей противъ бастіона № 4; а въ промежутѣ между ними двѣ мортирныя батареи.

Постройка этихъ укрѣпленій и траншейныхъ работъ на Англійской позиціи очень замедлилась, потому что недоставало средствъ возобновить пальбу съ батарей для умѣриванія Русской артилеріи, а равно и по недостатку рабочихъ силъ, такъ какъ при весьма дурной и постоянно дождливой погодѣ требовалось слишкомъ большое напряженіе труда. Хотя въ помощь при работахъ отряжаемы были Турецкія войска, но они были очень лѣнивы, вялы, ненадежны и до того истребляемы болѣзнями, что на помощь ихъ почти совсѣмъ нельзя было разсчитывать. Въ продолженіе зимы непрерывные дожди мѣнялись съ морозами и рѣзкимъ холодомъ при сильныхъ буряхъ, что̀ очень затрудняло работы, какъ со стороны инженернаго вѣдомства, такъ и артилеристовъ. Траншеи и батареи союзниковъ имѣли часто по нѣскольку дюймовъ воды, которую можно было удалять съ большимъ трудомъ только формальной дренировкой, потому что скалистая почва препятствовала всасыванію. Дороги изъ гаваней къ депо, а оттуда къ траншеямъ и укрѣпленіямъ сдѣлались вязкими и непроходимыми, и орудія грузли въ нихъ. Притомъ оказался очень большой недостатокъ въ лѣсѣ для платформъ и заслоновъ, въ лежняхъ, доскахъ, въ мастерскомъ и саперномъ инструментахъ для различныхъ подѣлокъ.

Мысль испытать какое-либо предпріятіе противъ города была совершенно оставлена, до прибытія подкрѣпленій всякаго рода, доставка которыхъ очень замедлялась. Болѣзни (лихорадки, поносы, тифъ) очень уменьшали ряды союзниковъ, чему также много способствовало неимѣніе теплыхъ помѣщеній и теплой одежды, совмѣстно съ тяжелой аванпостной и траншейной службой. Такое бѣдственное состояніе, замедляя очень много исполненіе осадныхъ работъ, произвело большое ослабленіе огня осадныхъ батарей. На Французскихъ укрѣпленіяхъ уменьшили

число прислуги, оставивъ таковую по одной на два орудія; а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшено и число снарядовъ; число офицеровъ также уменьшилось, и у орудій взятыхъ съ судовъ остался только одинъ офицеръ. Со стороны Англійской атаки работы почти совсѣмъ были остановлены, и дальнѣйшему ходу осады не было оказано содѣйствіе ни прямо, ни косвенно. Причиною такой невольной остановки осадныхъ работъ, кромѣ значительнаго развитія болѣзней, былъ большой недостатокъ въ живыхъ и матеріальныхъ перевозочныхъ средствахъ, особенно чувствуемый въ то время, когда всѣ дороги сдѣлались непроходимыми. Къ этому, съ 1 Ноября пришлось ограничить огонь Англійскихъ батарей; они стрѣляли только по командамъ рабочихъ, показывавшимся внѣ городскихъ укрѣпленій, постепенно уменьшая число выстрѣловъ, а чрезъ двѣ недѣли эти батареи совсѣмъ замолчали по той причинѣ, что не было снарядовъ. Чтобы нѣсколько помочь этому, начали собирать Русскіе снаряды, подходившіе по калибрамъ и платили по одному червонцу за каждый. Хотя въ концѣ Декабря прибыли изъ складовъ въ Средиземномъ морѣ подкрѣпленія по матеріальной части и со снарядами, но потребовалось очень много времени и труда для доставки ихъ изъ Балаклавы въ депо, не смотря на то, что для перевозки были употребляемы всѣ лошади полевыхъ батарей; при этомъ они очень изнурялись, и между ними произошелъ падежъ. Положеніе людей въ траншеяхъ было вполнѣ ужасное. Главнокомандовавшіе тревожно слѣдили за перемѣнами въ термометрѣ: немного сильный морозъ могъ лишить ихъ въ одну ночь всѣхъ траншейныхъ карауловъ. Несчастные солдаты, принужденные къ неподвижности, чувствовали, что ноги ихъ замерзаютъ, а чтобы согрѣться они не могли ходить. Въ дневномъ рапортѣ, представленномъ лорду Раглану 1 Февраля, число Англійскихъ войскъ было показано, общимъ числомъ, 44163 человѣка, изъ коихъ въ строю состояло 18021 человѣкъ, больныхъ 18026 и въ командировкахъ, т. е. отосланныхъ за слабостью, 8114. Состояніе Французскаго войска было еще хуже, вслѣдствіе чего отъ нихъ было немалое число перебѣжчиковъ; они ежедневно являлись съ разсвѣтомъ у амбразуръ оборонительной линіи.

Пользуясь ослабленіемъ огня осадныхъ батарей, оборона работала непрестанно. Всѣ бастіоны и батареи были усилены и улучшены возвышеніемъ и утолщеніемъ брустверовъ, отрытіемъ рвовъ, устройствомъ вспомогательныхъ преградъ, траверсовъ, блиндажей и прочаго. Сверхъ того построено новыхъ одиннадцать батарей. Главныя укрѣпленія, а именно Малаховъ курганъ и бастіоны 5, 4, 3 и 2, сомкнуты въ горжи и обращены въ самостоятельные опорные пункты. На Корабельной сторонѣ устроенъ въ морскихъ казармахъ

внутренній оборонительный пунктъ, а на городской сторонѣ четыре такихъ пункта, редуты: Язонскій, Чесменскій, Ростиславскій и сомкнутое укрѣпленіе при береговой батареѣ № 8. Кромѣ того, для внутренней обороны Корабельной стороны возведено нѣсколько батарей. Всего въ этотъ переходный періодъ установлено вновь на оборонительной линіи и внутреннихъ редутахъ и батареяхъ 250 орудій, такъ что къ 9 Февраля находилось на сухопытномъ вооруженіи южной обороны до 700 орудій, кромѣ малыхъ мортиръ и эволюціонныхъ орудій.

По распоряженію князя Меншикова и подъ личнымъ его наблюденіемъ была устроена, вправо отъ сѣвернаго укрѣпленія, кремальерная линія полевой профили, пересѣкавшая Панаіотову балку и оканчивавшаяся редутомъ у рейда, на утесѣ къ Западу отъ Голандіи, противъ Киленбухты. Другой редутъ расположенъ былъ въ центрѣ этой линіи на мысѣ Панаіотовой балки. Начертаніе этой линіи примѣнено было къ обстрѣливанію всѣхъ изгибовъ мѣстности. Чтобы не позволить непріятелю прорваться между Сѣвернымъ укрѣпленіемъ и моремъ по нижнему уступу морского берега, а также для обстрѣливанія прилегающей части моря, устроенъ былъ, въ Январѣ, на высотѣ между Сѣвернымъ укрѣпленіемъ и Волковой башней, противъ входящей части берега, большой редутъ, который по своему командующему положенію могъ защищать также отлогости, спускающіяся къ рейду. Возведеніе этихъ новыхъ укрѣпленій усиливало позицію Сѣверной стороны и прикрывало переднюю часть рейда и тылъ Южной стороны. Они построены изъ опасенія, чтобы союзники, произведя высадку на Качѣ, не предприняли нападенія на Сѣверную сторону и усилившись на ней не поставили бы гарнизонъ Севастополя въ безвыходное положеніе.

Въ исходѣ Ноября, начальникомъ Севастопольскаго гарнизона назначенъ былъ генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ, а начальникомъ его штаба полковникъ князь Васильчиковъ. Начальникомъ перваго отдѣленія южной оборонительной линіи назначенъ капитанъ 1 ранга Зоринъ. Затѣмъ, приказомъ 1 Февраля 1855 года, командующій вооруженнымъ Черноморскимъ флотомъ и начальникъ южной обороны вице-адмиралъ Нахимовъ назначенъ помощникомъ начальника Севастопольскаго гарнизона. Это новое назначеніе необходимо было для болѣе точнаго опредѣленія отношеній П. С. Нахимова къ начальнику гарнизона.

Вступивъ въ должность, баронъ Остенъ-Сакенъ немедленно принялъ мѣры, какъ для улучшенія положенія гарнизона, такъ и для приведенія въ порядокъ различныхъ частей администраціи. Всѣ сложныя приспособленія къ веденію обороны получили регламентарность, на всякія побочныя дѣйствія составлены особыя правила, наблюденіе за испол-

неніемъ которыхъ вмѣнено въ особую заботливость начальника его штаба князя В. И. Васильчикова. Относительно весьма важной части, уборки раненыхъ, сдѣлано было слѣдующее распоряженіе. Всѣ войска на оборонительной линіи должны имѣть постоянно по восьми человѣкъ отъ каждой роты для уноса раненыхъ. Эти люди должны были имѣть носилки и переносить раненыхъ не далѣе частей, составлявшихъ ближайшій резервъ, къ мѣстамъ, означеннымъ желтыми флагами. Эти послѣднія части наряжаютъ отъ себя ежедневно по двѣнадцати человѣкъ отъ роты для дальнѣйшаго относа раненыхъ къ мѣстамъ, означеннымъ красными флагами. Тамъ раненые получаютъ первоначальное медицинское пособіе, а затѣмъ они переносятся на перевязочные пункты людьми изъ особой команды носильщиковъ. Такихъ командъ сформировано было двѣ: одна въ городѣ изъ 180, а другая на Корабельной изъ 160 человѣкъ. При передачѣ раненаго, сдающіе его другимъ должны были принимать отъ послѣднихъ пустыя носилки и немедленно возвращаться къ своимъ мѣстамъ. На тѣхъ пунктахъ, гдѣ были выставлены красные флаги, должны были находиться постоянно по одному медику и по два фельдшера отъ полковъ для поданія помощи раненымъ. Такихъ пунктовъ было четыре, по числу отдѣленій оборонительной линіи: для перваго отдѣленія позади бастіона № 6; для второго отдѣленія на Морской улицѣ; для третьяго отдѣленія у морского госпиталя; для четвертаго отдѣленія у прохода доковой стѣны. Раненые морского вѣдомства уносились командами отъ морскихъ экипажей, въ порядкѣ установленномъ въ началѣ осады.

По мѣрѣ постоянно увеличивавшейся потребности въ инженерныхъ матеріалахъ, припасахъ и инструментахъ, средства инженернаго депо должны были усиливаться; вслѣдствіе этого, въ началѣ Ноября, оно получило правильное устройство и могло своевременно удовлетворять всѣ потребности для производства работъ по оборонѣ. Это депо помѣщалось въ старомъ адмиралтействѣ, а для Корабельной стороны имѣлось особое отдѣленіе въ новомъ адмиралтействѣ. Для завѣдыванія этими снабжающими пунктами назначенъ былъ особый начальникъ съ девятью помощниками изъ оберъ-офицеровъ. Въ нихъ приготовлялись земляные и минные мѣшки, платформы для орудій, тросовые щиты къ амбразурамъ, минныя рамы, сосисы и желоба, рогатки, колья, корзины и мѣшки для снарядовъ, скобы, ершевые гвозди, заклепки и прочіе необходимые предметы; исправлялись и выдѣлывались землекопные и минные инструменты, дѣлали тачки, носилки, колеса для полуфурковъ, обтесывались бревна, распиливались доски. Матеріалы принимались отъ порта, отъ сухопутныхъ артилерійскаго и инженернаго вѣдомствъ и отъ частныхъ лицъ. Туры и фашины приготовлялись войсками, рас-

положенными на Инкерманскихъ и Мекензіевыхъ высотахъ и доставлялись на полуфуркахъ въ Куриную балку на сѣверной сторонѣ, откуда они перевозились пароходами въ инженерное депо. Въ этихъ отдѣленіяхъ депо постоянно работали: 200 парусниковъ, 60 плотниковъ и пильщиковъ, 16 кузнецовъ на восьми горнахъ, 8 человѣкъ для такелажной работы и 4 колесника. Кромѣ того, назначалось ежедневно до 300 человѣкъ для выгрузки и нагрузки матеріаловъ днемъ и ночью; для доставки предметовъ снабженія на первое и второе отдѣленія имѣлось 40 троечныхъ полуфурковъ; а на третье и четвертое отдѣленія всѣ снабженія доставлялись изъ новаго адмиралтейства на собственныхъ подводахъ.

Артилерія оборонительной линіи снабжалась орудіями, снарядами и всѣми принадлежностями только частію отъ сухопутнаго вѣдомства; главнымъ же источникомъ были корабли, съ которыхъ ежедневно свозились на берегъ снаряды и прочіе предметы артилерійскаго снабженія; склады ихъ находились на Екатерининской пристани, у Аполлоновой балки и въ Корабельной бухтѣ. Туда въ ночное время являлись пріемщики. За этимъ снабженіемъ съ особымъ вниманіемъ наблюдалъ адмиралъ Нахимовъ, который, ежедневно посѣщая оборонительную линію, постоянно слѣдилъ за своевременнымъ ихъ снабженіемъ всѣмъ необходимымъ, для дѣйствія по оборонѣ, въ достаточномъ количествѣ. Кромѣ означенныхъ складовъ артилерійскаго снабженія признано было необходимымъ учредить главные склады на береговыхъ батареяхъ Николаевской и № 4, изъ которыхъ первый снабжалъ укрѣпленія на городской сторонѣ и третіе отдѣленіе, а второй четвертое отдѣленіе и Сѣверную сторону.

Такъ какъ затопленныя въ началѣ обороны суда были, въ теченіи бурливой осени и зимы, большею частью, размыты волненіемъ, то адмиралъ Нахимовъ распорядился объ устройствѣ второй линіи загражденія, что̀ и было исполнено въ концѣ Февраля затопленіемъ, между приморскими батареями Михайловской и № 8, шести судовъ, а именно кораблей—«Двѣнадцать Апостоловъ», «Ростиславъ», «Святославъ» и «Гавріилъ», фрегатовъ — «Мидія» и «Месемврія». Въ тоже время на высотѣ у малаго бульвара построены двѣ батареи № 76 и № 77 для усиленія огня приморскихъ батарей противъ непріятельскихъ судовъ, на случай подхода ихъ къ загражденію.

Во второй половинѣ Ноября Французы направили подступы къ редуту № 1, Шварца, а въ половинѣ Декабря распространили такую атаку къ бастіонамъ № 5 и № 6. Чтобы затруднить приближеніе непріятельскихъ подступовъ, отъ обороны расположили впереди этихъ укрѣпленій сначала завалы, а потомъ правильно устроенные ложе-

менты, которые дали возможность наблюдать за осадными работами съ болѣе близкаго разстоянія и останавливать ихъ своевременнымъ и вѣрнымъ огнемъ, какъ изъ передовыхъ построекъ, такъ и съ оборонительной линіи. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ овладѣть ими и разрушить, Французы оставили свои подступы, и на всѣхъ означенныхъ пунктахъ они не подвинулись впередъ въ продолженіе всей зимы. Видя безуспѣшность своихъ надземныхъ предпріятій, Французы рѣшились вести мины противъ бастіона № 4, съ цѣлью взорвать его; но и въ этомъ намѣреніи они были предупреждены обороняющимся, который успѣлъ своевременно обезпечить этотъ бастіонъ цѣлой контръ-минной системой и не только остановилъ атакующихъ минеровъ, но и заставилъ ихъ отступить, причемъ овладѣлъ частью его галереей. Въ этой подземной работѣ особенно выдавался необыкновеннымъ терпѣніемъ и смѣтливостію поручикъ Мельниковъ.

Заложеніе Англичанами на Киленбалочныхъ высотахъ батарей заставило предполагать, что союзники, испытавъ свою неудачу въ атакахъ на бастіонъ № 4, рѣшились занять курганъ впереди Малахова, а потомъ, при содѣйствіи своихъ батарей за Киленбалковымъ и Доковымъ оврагами, вести подступы и на Малаховъ курганъ. Вслѣдствіе этого рѣшено было занять курганъ впереди Малахова; но для этого необходимо было предварительно утвердиться на высотахъ за Киленбухтой. Для этого предпріятія княземъ Меншиковымъ были отданы необходимыя распоряженія, а начальникомъ инженеровъ, Тотлебеномъ, произведены подробныя рекогносцировки. Когда всѣ распоряженія приведены были въ исполненіе, то назначены были для этой строительной экспедиціи Волынскій и Селенгинскій полки, подъ начальствомъ генералъ-маіора Хрущева.

Вечеромъ 9 Февраля подвезены были на баржахъ инструменты и туры и сложены въ Троицкой балкѣ; а изъ опорожненныхъ баржъ, по приказанію П. С. Нахимова, былъ устроенъ мостъ чрезъ Киленбухту. Пароходамъ «Владимиръ» «Херсонесъ» и «Громоносецъ» приказано было подойти къ Киленбухтѣ и къ Георгіевской балкѣ для обстрѣла, въ случаѣ нападенія непріятеля. Въ сумерки полковникъ Тотлебенъ произвелъ на мѣстѣ разбивку редута на разстояніи отъ передовой непріятельской паралели на 400 саженъ, а отъ бастіона № 2 на 450 саженъ. Этотъ редутъ назначенъ былъ на одинъ баталіонъ, а длина линіи его огня простиралась на 105 саженъ. По прибытіи отряда къ мѣсту, Волынцы разставлены были для прикрытія, а Селенгинцы принялись за работу. Хотя скалистый грунтъ представлялъ большія затрудненія, но въ туже ночь, къ разсвѣту, туры на контръэскарпѣ наполнены были землей, такъ что во рву можно было про-

должать работу не подвергаясь ружейному огню; вмѣстѣ съ тѣмъ успѣли расположить два ложемента для 50 человѣкъ, на половинѣ разстоянія между редутомъ и непріятельской траншеей. Съ наступленіемъ дня въ редутѣ оставлено было три роты, а остальные люди расположены были въ 400 саженяхъ отъ него, на отлогости Троицкой балки Во вторую ночь работы производились тѣми же людьми и въ томъ же порядкѣ. Къ утру бруствер выведенъ былъ на высоту туровъ, поверхъ которыхъ поставленъ былъ второй рядъ туровъ и также засыпанъ землей, такъ что можно было продолжать работу днемъ не только во рву, но и внутри укрѣпленія; въ тоже время построили впереди редута еще четыре ложемента. Работы производились и днемъ, съ самой напряженной дѣятельностью. Непріятель старался препятствовать производству работъ штуцернымъ огнемъ, который по большому разстоянію не наносилъ вреда. Вечеромъ 11 Февраля у редута, получившаго названіе Селенгинскаго, находилось около четырехъ тысячъ человѣкъ войска, въ числѣ которыхъ было 36 пластуновъ Черноморскаго казачьяго баталіона, разсыпаныхъ впереди для наблюденія. По восхожденіи луны, во второмъ часу ночи, пластуны увѣдомили, что непріятель выстраивается въ траншеяхъ. Хрущовъ немедленно приказалъ сжечь фалшвееръ какъ сигналъ для увѣдомленія пароходовъ, чтобы они открыли огонь по Георгіевской балкѣ, и тотчасъ размѣстилъ свои баталіоны для встрѣчи непріятеля, который незамедлилъ произвести атаку. Французы имѣли пять баталіоновъ, подъ начальствомъ генерала Мейрана, изъ которыхъ два баталіона Зуавовъ и одинъ морской были впереди, подъ начальствомъ генерала Де-Моне, раненаго въ началѣ боя; остальные баталіоны были въ резервѣ. Бой продолжался въ темнотѣ около часа, затѣмъ Французы вынуждены были отступить. Потеря въ Русскихъ войскахъ состояла изъ 63 убитыхъ нижнихъ чиновъ, а ранено—6 офицеровъ и 240 рядовыхъ. Непріятельскихъ труповъ собрано было сто, въ числѣ которыхъ одинъ штабъ-офицеръ и семь оберъ-офицеровъ; въ плѣнъ взято было 5 оберъ-офицеровъ и 26 рядовыхъ. Испытавъ неудачу, Французы не отваживались возобновлять нападеніе и ограничивались только перестрѣлкой.

По распоряженію начальника гарнизона, устроены были торжественныя похороны; Французовъ хоронили отдѣльно отъ Русскихъ, причемъ офицеровъ положили въ особую могилу. Всѣ плѣнные принимали участіе, а Католическій священникъ отслужилъ панихиду; опусканіе тѣлъ въ могилы сопровождалось ружейными выстрѣлами.

Работы по постройкѣ Селенгинскаго редута продолжались безъ препятствій. Въ ночь съ 16 на 17 Февраля заложенъ былъ Волынскій редутъ, впереди и лѣвѣе Селенгинскаго редута и въ 300 саже-

няхъ отъ непріятельской траншеи, на высотѣ передъ Георгіевской балкой; длина огня его назначена была на 120 саженъ. Для безопаснагө сообщенія между этими редутами выведена была каменная стѣнка, впереди которой заложено было два ложемента. 26 Февраля оба редута были окончены; ихъ брустверы имѣли отъ 8 до 10 футъ вышины и отъ 12 до 14 футъ толщины. На каждомъ изъ нихъ устроенъ былъ пороховой погребъ. Наружныя отлоги брустверовъ обложены были растительной землей, вслѣдствіе чего они получили у непріятеля названіе Зеленыхъ редутовъ. Для обстрѣливанія части саперной дороги и отлогостей, обращенныхъ къ рейду, а также и для фланкированія Волынскаго редута, лѣвѣе его, на выступающемъ отрогѣ горы, построена была батарея № 83; она была соединена съ Волынскимъ редутомъ траншеей, приспособленной къ ружейной оборонѣ. Другая траншея проведена была отъ лѣвой оконечности этой батареи внизъ по отлогости горы. Передъ стѣнкой, соединяющей оба редута, вырытъ ровъ, а самая стѣнка засыпана землей. Всѣхъ ложементовъ впереди была 12. Такимъ образомъ на Киленбалочной высотѣ образовалась укрѣпленная позиція съ слѣдующимъ артилерійскимъ вооруженіемъ: на Селенгинскомъ редутѣ девять орудій, на Волынскомъ редутѣ тринадцать орудій, на батареѣ № 83 два орудія. Эта позиція причислена было къ четвертому отдѣленію оборонительной линіи. Командирами редутовъ были: на Селенгинскомъ капитанъ-лейтенантъ Шестаковъ, а Волынскаго—лейтенантъ Кремеръ. Въ прикрытіи при нихъ постоянно состояло шесть баталіоновъ.

Занятіе кургана впереди Малахова произведено Якутскимъ полкомъ вечеромъ 26 Февраля. Это укрѣпленіе имѣло назначеніе не только обстрѣливать фронтально лежащую впереди мѣстность, но дѣйствовать также фланговымъ огнемъ по подступамъ Французовъ за Киленбалкой и по работамъ Англичанъ впереди бастіона № 3. Сообразно этимъ назначеніямъ и очертанію вершины кургана, признано было выгоднымъ устроить здѣсь укрѣпленіе, въ родѣ отрѣзаннаго реданта, открытаго съ горжи, передній фасъ котораго имѣлъ 27, лѣвый 40, а правый 50 саженъ длины. На этомъ мѣстѣ существовала до осады каменоломня, а потому оказалось въ ней много готоваго камня, который послужилъ для образованія ядра бруствера. Впереди, при рытьѣ рва, оказалась глина, вслѣдствіе чего постройка пошла быстро, и съ наступленіемъ дня можно было уже работать внутри и снаружи, не смотря на огонь Англійскихъ и Французскихъ батарей. Для доставленія этому люнету безопаснаго сообщенія съ Малаховымъ курганомъ между ними устроена была траншея. Съ приступленіемъ къ постройкѣ этого люнета, названнаго Камчатскимъ, немедленно были устроены

впереди его ложементы для стрѣлковъ. Къ 9 Марта брустверъ по всей линіи огня былъ насыпанъ въ полную профилъ, въ 10 футъ вышины и 17 футъ толщины, и увѣнчанъ земляными мѣшками. На вооруженіе его установлено на переднемъ фасѣ четыре орудія, а на боковыхъ по три. Такъ какъ этотъ люнетъ подверженъ былъ перекрестному огню съ трехъ сторонъ, то для обезпеченія его фасовъ устроены были поперечные траверсы чрезъ каждыя два орудія, а вдоль этихъ фасовъ поставлены затыльные траверсы. Хотя такое загроможденіе стѣсняло движеніе прикрытія въ люнетѣ и закрывало внутренное его пространство отъ огня съ Малахова кургана, но безъ такого устройства артилерія его была бы вскорѣ сбита, а прислугу при ней пришлось бы замѣнять ежедневно. Командиромъ этого люнета назначенъ былъ капитанъ-лейтенантъ Сенявинъ.

17 Февраля получено было княземъ Меншиковымъ высочайшее соизволеніе, согласно его просьбѣ, на увольненіе отъ командованія Крымскою арміею, во вниманіе къ его разстроенному здоровью. Главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами въ Крыму назначенъ генералъ-адъютантъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, съ сохраненіемъ званія главнокомандующаго южною арміею и съ подчиненіемъ ему Керченскаго полуострова.

На князя Меншикова возложена была многотрудная обязанность, потребовавшая отъ него напряженной заботливости. При началѣ войны онъ былъ поставленъ въ самыя неблагопріятныя условія въ дѣлѣ подготовки средствъ для борьбы съ предпріимчивостью союзниковъ и для обращенія своевременно Севастополя въ первоклассную крѣпость, съ широко раздвинутыми укрѣпленіями, не будучи при томъ оффиціально уполномоченъ имѣть помощниковъ для управленія различными частями въ составѣ отдѣльной арміи въ военное время. Въ такомъ крайне стѣснительномъ и изолированномъ положеніи, ему пришлось встрѣтить союзниковъ, значительно превосходившихъ его войска численностію, обученіемъ и вооруженіемъ, имѣвшихъ полную организацію управленія, съ энергическими начальниками, при содѣйствіи многочисленнаго флота. Не смотря на такую крайне ограниченную обстановку, онъ нашелъ возможность, со свойственной ему прозорливостью, пользоваться ошибками союзниковъ и неоднократно вырывать у нихъ иниціативу дѣйствія. Развивая оборону по возможности въ послѣдовательномъ порядкѣ, князь Меншиковъ имѣлъ неуклонно одну цѣль: отстоять Севастополь и наносить врагу при каждомъ его предпріятіи пораженія. Посѣщая оборонительную линію для личнаго ознакомленія съ нуждами обороны и защитниковъ, онъ съ площадки надъ морской библіотекой зорко слѣдилъ за всѣмъ, что̀ дѣлалось впереди оборонительной линіи

и въ своемъ идейномъ направленіи выказывалъ намѣреніе, чтобы, выдвигая подступами, по возможности, къ непріятелю оборону и парализуя его предпріимчивость, продлить осадное сидѣнье до того времени, когда самъ непріятель признаетъ, въ предстоящую вторую зиму, невозможнымъ для себя держаться на занятой имъ позиціи.

Начавъ боевую службу на Черномъ морѣ съ моряками подъ Анапой и Варной, а потомъ своимъ вліяніемъ и содѣйствіемъ постоянно поддерживая М. П. Лазарева, въ его дѣятельности совершенствованія тѣла и духа Черноморскаго флота, князь Меншиковъ любилъ своихъ былыхъ сослуживцевъ-Черноморцевъ, защищалъ самобытность ихъ служебнаго порядка, видѣлъ, понималъ и цѣнилъ ихъ бойкую откровенность и самоувѣренность, а потому имѣлъ убѣжденіе, что съ ними можно преодолѣть всѣ препятствія, сдѣлать повидимому невозможное возможнымъ. Съ своей стороны Черноморцы, находясь въ критическомъ состояніи въ началѣ борьбы за существованіе ихъ гнѣзда, видѣли въ немъ незамѣнимаго предпріимчиваго вождя, раздѣлявшаго ихъ надежды на побѣду, вѣровали въ его мудрую опытность и въ такомъ упованіи стойко и весело подвизались на укрѣпленіяхъ, созданныхъ ими подъ его руководительствомъ, въ сознаніи, что князь съумѣетъ отстранить всякія неожиданности со стороны врага. Опираясь на такія даровитыя личности какъ Нахимовъ и Корниловъ и найдя очень даровитаго инженера въ лицѣ энергичнаго молодого подполковника Тотлебена, онъ создалъ изъ Севастополя большой укрѣпленный лагерь, по обѣ стороны рейда; а теперь, изможденный припадками тѣлеснаго недуга, въ преклонныхъ лѣтахъ, вынужденъ былъ оставить этотъ лагерь въ то время, когда его соратники перешли отъ пассивной обороны къ активной, заставляя враждебныхъ союзниковъ придумывать новыя затѣи въ ихъ самонадѣянныхъ неудачахъ. Слѣдовало только неуклонно, осторожно, съ настойчивой энергіей поддерживать такое направленіе. Къ несчастію, дальнѣйшія обстоятельства сложились иначе.

Князь М. Д. Горчаковъ явился съ иными наклонностями, взглядами, привычками. Онъ былъ чужой человѣкъ для моряковъ, по свойству своему, не могъ проникнуться идейностью своего предшественника, продолжать его дѣятельность, руководить обороной въ томъ направленіи, имѣть такую же способность выслѣживать и приказывать по указанію своей опытной логики. Онъ былъ далекъ отъ того широкаго кругозора, какимъ обладалъ князь Меншиковъ, который, съ молодыхъ лѣтъ, по счастливой случайности, началъ усвоивать навыкъ самостоятельности при исполненіи разныхъ служебныхъ назначеній на поприщѣ политики, администраціи военнаго и морского дѣла. Безспорно князь М. Д. Горчаковъ былъ вполнѣ честный, прямодушный человѣкъ, вѣрный слуга своего Государя, усердный кабинетный труженикъ; но

онъ не обладалъ ни обширностью политическаго пониманія, необходимаго для каждаго полководца, ни умѣньемъ выбирать сотрудниковъ, и постоянно колебался за и противъ въ возникавшей необходимости какого-либо предпріятія. Пройдя большую часть своего служенія въ военно-административныхъ учрежденіяхъ, онъ, въ послѣднее время, въ продолженіе 25 лѣтъ, служилъ начальникомъ штаба при такомъ энергическомъ и требовательномъ человѣкѣ, каковъ былъ князь Паскевичъ. Неуклонно точный исполнитель его приказаній, князь Михаилъ Дмитріевичъ былъ необходимъ и незамѣнимъ въ своей кропотливой работѣ, по долговременности которой привыкнулъ подчиняться, съ шаткостію въ собственныхъ мнѣніяхъ. Поставленный обстоятельствами случайно, по указанію своего начальника, на высоту самостоятельной дѣятельности, онъ оказался несоотвѣтствующимъ такому назначенію; при всей искренности желанія исполнить волю Государя, онъ не могъ проявить вчинательности, которая отличаетъ дѣятеля отъ исполнителя. По складу мыслей и традиціямъ бюрократизма и рутинности онъ не понялъ, да и не могъ понять, сути Севастопольскаго подвижничества. По его мнѣнію это было упрямство, безполезная трата людей: если непріятель допущенъ такъ близко къ городу, то надо покориться обстоятельствамъ и бросить защиту города. Такое отношеніе къ защитѣ главнаго военнаго порта на Черномъ морѣ, существованіе котораго было причиной возникновенія Крымской войны, выказывалось во всѣхъ послѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Въ Петербургѣ смотрѣли на дѣло обороны Севастополя иначе; да и П. С. Нахимовъ, какъ представитель моряковъ, настойчиво въ совѣтахъ высказывалъ энергическое заявленіе о необходимости вести оборону, пока ни одного моряка не останется на укрѣпленіяхъ; вслѣдствіе этого оборона продолжалась, при полной инертности главнокомандующаго, пока наконецъ князь Горчаковъ созналъ возможность принять на свою отвѣтственность исполненіе личнаго убѣжденія—передать врагамъ Севастополь*). Это неожиданное для союзниковъ событіе дало имъ возможность направить свою дѣятельность на другія мѣстности Крыма.

Князь Меншиковъ отбылъ изъ Севастополя 18 Февраля, поручивъ командованіе генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену, который передалъ, временно, начальство надъ гарнизономъ в.-адмиралу Нахимову. 26 Февраля получено было въ Севастополѣ извѣстіе о кончинѣ императора Николая Павловича. Это извѣстіе смутило горестью сердца защитниковъ, къ трудамъ и мужеству которыхъ почившій Императоръ постоянно оказывалъ горячее прочувствованное вниманіе.

---

*) Князь М. Д. Горчаковъ изображенъ ярко въ „Воспоминаніяхъ В. А. Докудовскаго“ (Рязань, 1898). П. Б.

„Родословная книга Черниговскаго дворянства". С.Пб. 1091 г.

Нельзя не поблагодарить графа Г. А. Милорадовича за его новый вкладъ въ Русскую генеалогію. Это первый опытъ изданія подобнаго рода. Остается теперь пожелать, чтобы нашлись лица, которыя бы послѣдовали благому примѣру графа и подобнымъ же образомъ обработали генеалогическіе матеріалы архивовъ дворянскихъ учрежденій другихъ губерній. Новый трудъ графа Милорадовича состоитъ изъ двухъ большихъ томовъ и заключаетъ въ себѣ родословія всѣхъ дворянскихъ родовъ Черниговской губерніи. Каждое родословіе заканчивается изложеніемъ указа Прав. Сената объ утвержденіи лица или рода въ дворянствѣ и указаніемъ мѣстонахожденія дѣла въ архивѣ; въ текстѣ находимъ ссылки на сенатскіе указы объ утвержденіи отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ роду. О большинствѣ родовъ (преимущественно позднѣйшаго происхожденія) находимъ только краткія свѣдѣнія, какія могла доставить родословная книга, т. е. просто перечислены лица, внесенныя въ книгу; но есть и родословныя, составленныя болѣе подробно, повидимому, на основаніи другихъ источниковъ. Таковы, главнымъ образомъ, родословныя родовъ, игравшихъ болѣе или менѣе видную роль въ исторіи Малороссіи, напр. Гамалѣевъ, Дуниныхъ-Борковскихъ (сомнительной достовѣрности), Кочубеевъ, Лизогубовъ, Марковичей, Миклашевскихъ, Скоропадскихъ и др., изъ коихъ нѣкоторыя уже были напечатаны въ другихъ изданіяхъ, но теперь являются въ дополненномъ видѣ. Книга раздѣлена на 6 частей соотвѣтственно 6 частямъ дворянскихъ родословныхъ книгъ. Каждая часть имѣетъ свою отдѣльную нумерацію страницъ, что̀ очень затрудняетъ пользованіе книгой. Въ первую и шестую книги попали большею частью коренные Малороссійскіе роды, между тѣмъ какъ вторая и третья заключаютъ въ себѣ преимущественно роды, случайно (благодаря службѣ) попавшіе въ Черниговскую губернію, хотя и здѣсь встрѣчаются представители древнихъ Малороссійскихъ родовъ, почему либо не доказавшіе своихъ правъ на внесеніе въ шестую часть, напр. Забѣлы.

Къ сожалѣнію, въ книгу вкрались опечатки, оставшіяся неуказанными. Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ нихъ въ родословіи Миклашевскихъ: здѣсь читаемъ, что Михаилъ Андреевичъ (№ 4) умеръ въ 1706 г., сынъ его Иванъ родился въ 1725 г., а сынъ послѣдняго Павелъ въ 1724 г. Андрей Михайловичъ (№ 5) умеръ въ 1750 г., а сынъ его Петръ родился въ 1754 г. Сдѣлаемъ еще одну поправку къ этой родословной: Анатолій Михайловичъ (№ 32) былъ женатъ на своей родственницѣ Маріи Ивановнѣ (дочери № 31), а не на Ульянѣ Васильевнѣ Лизогубъ, которая была женою Михаила Семеновича и приходилась Анатолію Михайловичу матерью.

Н. Ч.

РОСПИСАНІЕ УРОКОВЪ ВЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗІИ 1871 ГОДА.

Иногда старина имѣетъ значеніе новизны, пріобрѣтаетъ живой интересъ дня. Таково кстати приведенное въ 1 кн. „Русскаго Архива" письмо М. П. Погодина отъ 1875 г., въ которомъ живо изображены излишества „классической системы" и другіе недочеты нашей средней школы.

Нагляднымъ образцомъ этой пресловутой системы можетъ служить росписаніе уроковъ Херсонской гимназіи. Хотя росписаніе это относится къ первому году введенія новаго устава гимназій (высоч. утвержд. 30 Іюня 1871 г.), когда Греческій языкъ введенъ былъ только въ двухъ младшихъ классахъ и не было еще восьмого класса, тѣмъ не менѣе составитель его вполнѣ проникся духомъ новой системы, которая въ пору полнаго своего господства откровенно выражала притязаніе не больше и не меньше какъ на „претвореніе классицизма въ плоть и кровь Русскаго юношества".

Росписаніе составлено на Латинскомъ языкѣ и носитъ заглавіе: Tabula lectionum in Gymnasio Chersonensi in anno ac. 1871—72. Русскія названія дней недѣли замѣнены Римскими, языческими: „Dies Lunae, D. Martis, D. Mercurii, D. Jovis, D. Veneris, D. Saturni". Предметы Закона Божія—Священная исторія, ученіе о Богослуженіи, Православный Катихизисъ и т. д. замѣнены словомъ: „Religio"... За днями далѣе слѣдуютъ „Horae"—часы 5-ти уроковъ, продолжительностью по 55 минутъ каждый, съ двумя 5-минутными перемѣнами, доселѣ составляющими истинное „горе" для младшихъ учениковъ, особенно при запрещеніи выхода. По классамъ число уроковъ въ недѣлю распредѣляется такъ: Classis I—24 урока, cl. V и VI—по 26 ур., cl. II и VII—по 27 ур., cl. III и IV—по 29 уроковъ. Изъ 11 предметовъ гимназическаго курса Lingua Latina, въ томъ числѣ 1 часъ Lectio autor. phylos. въ VII кл., занимаетъ 44 часа въ недѣлю (въ I cl.—8 ур., во II и VII—по 7 ур., въ III и IV—по 5 ур., въ V и VI—по 6 ур.); L. Graeca занимаетъ 11 часовъ (въ III cl.—5 ур., въ IV cl.—6 ур.). Всего древніе языки занимаютъ 55 часовъ изъ общаго числа 188 час. въ недѣлю, т. е. болѣе 29%. Оставшіеся часы распредѣляются между 9-ю остальными предметами слѣдующимъ образомъ: Arithmetica и Mathesis (съ III кл.)—26 ур., Lingua Russica и Literatura Rus. (съ V кл.)—24 ур., Lingua Gallica и L. Germanica (оба со II кл.)—по 21 ур., Religio—12 ур., Historia (съ III кл.) —10 ур., Geographia (I—IV кл.)—8 ур., Phisica и Geographia matemat. (VI и VII кл.) — 6 ур., Caligraphia (I—II кл.)—5 ур. Слѣдуетъ подпись: „Director gymnasii H. Бѣлый". „Типогр. Херс. Губ. Правл."

Если бы случайно изгладились Русская подпись директора на этомъ росписаніи и обозначеніе типографіи, то едва ли эта „Tabula" была бы признана росписаніемъ Русской и притомъ Христіанской, не говоримъ Православной, школы.

Сообщ. **А. П. К.**

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ГОГОЛЯ.

Троюродный братъ Гоголя, священникъ Миргородскаго уѣзда В. Яновскій велъ дневникъ, о которомъ недавно сообщено священникомъ А. Петровскимъ въ „Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ". Оказывается, что по своему прадѣду и прапрадѣду Гоголь былъ происхожденія духовнаго. Намъ кажется что это очень важно для здравой оцѣнки Гоголя, какъ человѣка и писателя. Малороссійское духовенство съ его особенностями, какъ черное, такъ и бѣлое, еще ждетъ изученія. Представителями послѣдняго были А. А. Самборскій и Яковъ Васильевичъ Смирновъ (занимавшійся въ Лондонѣ даже и дѣлами дипломатическими). Во всякомъ случаѣ оно значительно разнится отъ духовенства Великороссійскаго. Пока позволимъ себѣ обратить вниманіе читателей на сходство Гоголя съ живописцемъ Боровиковскимъ, принадлежавшимъ также къ семьѣ духовной: тоже искреннее благочестіе и таже ваятельная жизненность и глубина творчества.

Родъ Гоголей-Яновскихъ ведетъ свое начало отъ нѣкоего Ивана Яковлевича, выходца изъ Польши, который въ 1695 году былъ назначенъ къ Троицкой церкви города Лубенъ „викарнымъ" священникомъ; вскорѣ онъ былъ переведенъ во вновь устроенную Успенскую церковь села Кононовки того же уѣзда. Въ „ставленной грамотѣ" фамилія Ивана Яковлевича не обозначена, а только прописано, что „Божіею милостію... посвященъ во іерея Иванъ Яковлевичъ, мужъ благоговѣйный, всякимъ первѣе опаснымъ истязаніемъ прилежно испытанный" *). Продолжателями рода и преемниками духовной власти Ив. Яковлевича были: сынъ его Даміанъ Іоанновъ Яновскій (можно думать, что фамилія отъ имени отца Ивана, по-польски Яна), также священникъ Кононовской Успенской церкви. Далѣе родословная Яновскихъ идетъ по двумъ линіямъ: 1) сынъ іерея Даміана Аѳанасій Даміановъ (уже Гоголь-Яновскій—„примеръ-майоръ", какъ сказано въ семейной лѣтописи); сынъ его Василій и внукъ Николай — писатель; 2) Кириллъ Даміановичъ— священникъ Кононовской церкви, его дѣти: Меркурій и Савва, оба священника: 1-й въ Кононовкѣ, 2-й въ Олефировкѣ, Миргородскаго уѣзда. П. Б.

---

*) Т. е. напередъ (передъ постриженіемъ) подвергшійся тщательному испытанію. П. Б.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА МАРІИ ИВАНОВНЫ ГОГОЛЬ,

Матери Н. В. Гоголя *).

Въ дѣтствѣ моемъ только и знала я дѣдушку, отца моего родителя, наслышась объ немъ такъ много отъ родныхъ особъ. Онъ умеръ, когда я была одного году; дальше, по дѣтской моей безпечности, тогда не приходило на мысль разспросить, а теперь и не у кого уже разспрашивать. Мнѣ говорили, что мой дѣдъ уважаемъ былъ всѣми не по одному только уму, но по добрымъ качествамъ его души и благородству его поступковъ. Онъ имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей, чинъ имѣлъ колежскаго асессора, наслѣдственнаго имѣнія имѣлъ 60 душъ на рѣкѣ Голтвѣ, въ 7 верстахъ отъ нашей Васильевки; и мнѣ виденъ его умъ, потому что онъ доставилъ своимъ дѣтямъ порядочное воспитаніе тогда, какъ лучъ просвѣщенія не касался еще нашей Малороссіи. Отецъ мой о многомъ имѣлъ свѣдѣніе; при другихъ наукахъ училcя юриспруденціи.

Первый разъ женился онъ на дочери бывшей фрейлины Звѣревой, будучи въ Петербургѣ съ полкомъ своимъ. Жена его была красавица и добра, какъ ангелъ. Она была 16-ти лѣтъ и любила своего мужа до обожанія. Родители ея поручали зятю единственное сокровище на землѣ (больше дѣтей у нихъ не было) и, отдавая палку оправленную въ золото, мать сказала: «Вотъ вамъ, Иванъ Матвѣевичъ, палка на вашу жену, если она когда-нибудь осмѣлится ослушаться васъ». Съ такимъ условіемъ отецъ мой не хотѣлъ принимать палки; но жена съ улыбкой взяла. Эта фраза, сказанная матерью, любящею свою дочь болѣе всего на свѣтѣ, осталась навсегда въ моей памяти. Съ первыхъ родовъ она умерла; за ней послѣдовалъ и сынъ, виновникъ ея смерти. Смерть ея чуть было не скосила и ея мужа; онъ былъ въ безпрестанныхъ обморокахъ, и когда пришелъ въ себя, то возвратилъ все приданое родителямъ ея, которые упрашивали его оставить для памяти хотя что̀ нибудь изъ вещей ея; но онъ сказалъ, что все будетъ убивать его и не могъ ничего видѣть. Онъ просилъ генерала посылать его въ опасные случаи, чтобъ скорѣе прекратить свое существованіе, но религія поддержала его. Когда онъ былъ посыланъ по какимъ-то дѣламъ по службѣ въ зимнее время, на дорогѣ застигла

---

*) Эта записка сообщена была въ „Русскій Архивъ“ И. С. Аксаковымъ, а имъ, сколько помнится намъ, получена отъ одной изъ сестеръ Гоголя. Марья Ивановна Гоголь (род. въ 1792 г., скончк. въ 1868 г.) была дочерью Харьковскаго губернскаго почтмейстера Косяровскаго. См. о ней статью Н. А. Бѣлозерской въ „Русской Старинѣ“ 1887 г., кн. 3-я. П. Б.

его страшная стужа; онъ оставался безъ пріюта болѣе сутокъ; когда его нашли, по прекращеніи бури, безъ чувствъ, на глазахъ былъ ледъ. Поручили его докторамъ; по приведеніи его въ чувства онъ жаловался на сильную боль головы и глазъ; по долгомъ лѣченіи, объявили ему (какъ онъ говорилъ мнѣ), что одинъ глазъ его умеръ. Тогда онъ не могъ продолжать военной службы и отправился домой. Сверстники его были генералами, а онъ могъ служить только по штатской уже службѣ.

Когда онъ обратился уже болѣе къ Богу, и горе его начало нѣсколько уменьшаться, онъ еще былъ довольно молодъ и хотя съ разстроеннымъ здоровьемъ, но увидѣлъ, что ему надобно имѣть подругу въ жизни. Случилось ему быть въ домѣ Малороссійскаго помѣщика, имѣвшаго 100 душъ и 12 своихъ дѣтей (по 6-ти сыновъ и дочерей; а другая такая же дюжина дѣтей умерла), фамилія его *Шостакъ*. Это многочисленное семейство было счастливое и очень доброе. Имѣя способности, сыновья оставили имѣніе сестрамъ и, взявъ себѣ по одному дворовому мальчику, пошли служить; по службѣ были очень счастливы и по женитьбѣ богаты. Изъ этого-то семейства Богъ указалъ моему отцу жену, дѣвицу 20 лѣтъ, добрую и скромную. Бабушка, оставшись вдовой, отдала все имѣніе меньшей своей дочери—моей теткѣ (видно, чтобъ не раздроблять имѣнія), а другимъ дочерямъ ничего: конечно уже денегъ не было. Но онѣ не роптали на это, были къ матери очень почтительны и любили ее.

Одинъ изъ братьевъ маменьки моей, меньшой, еще съ дѣтства, всегда задумывался, и когда его спрашивали о чемъ думаетъ, то онъ отвѣчалъ: Я ищу мѣста вырыть колодезь такой, чтобъ можно было черпать деньги. И въ продолженіе своей жизни точно имѣлъ онъ большія деньги отъ прожектовъ своихъ, но окруженъ былъ всегда неблагонамѣренными людьми, которые, получая отъ него по нѣскольку тысячъ жалованья, обирали его; онъ, по себѣ судя, не подозрѣвалъ ихъ. Онъ бралъ на откупа города, и случалось у него по милліону, и потомъ ровно ничего, и опять наоборотъ. Въ одно время, имѣя деньги, онъ разослалъ въ подарокъ сестрамъ своимъ по 10 тысячъ, братьямъ по 25, а старшему брату, любящему жить хорошо, 50 тысячъ, покуда не успѣли еще распорядиться его деньгами его агенты.

Получа отъ него деньги, мои родители не успѣли еще разсудить, какъ полезнѣе ихъ употребить для дѣтей, какъ одинъ услужливый человѣкъ предложилъ отдать ему на процентъ, который будетъ платить съ большой акуратностью до востребованія капитала; но мои родители не только не получили проценту, но и капитала не могли вытребовать, и бѣдный отецъ мой долженъ былъ завесть искъ, и весь свой вѣкъ хлопоталъ по этому дѣлу, всегда самъ писалъ бумаги и

при концѣ уже жизни получилъ имѣньице въ Хорольскомъ уѣздѣ въ число тѣхъ денегъ. Онъ отдалъ его мнѣ. Я землю продала, такъ какъ она была вся въ лоскуткахъ, а людей перевела въ Васильевку; на вырученныя за землю деньги, послушала неопытныхъ людей и завела кожевенную фабрику, на которую послѣ еще занимала деньги. Попавшійся намъ шарлатанъ, Австрійскій подданный, увѣрилъ, что мы будемъ получать по 8000 рублей годового доходу на первый случай, а дальше и еще больше, и такіе резоны представлялъ, что можно было повѣрить: изъ телячьей кожи, стоющей съ выдѣлкой 1 р. ассигнаціями, сшивъ сапоги, получается по крайней мѣрѣ 8 р. Въ тотъ годъ пріѣхалъ сынъ мой и совѣтовалъ намъ начать съ маленькаго маштабу; фабрикантъ сказалъ: Зачѣмъ терять время даромъ, почему не получать вмѣсто пяти тысячъ сто? Мой сынъ велѣлъ ему изъ отлично выдѣланныхъ имъ кожъ сшить на пробу сапоги и прислать ему въ С.-Петербургъ. Онъ сшилъ самъ также отлично сапоги съ золотыми гвоздиками на подошвѣ и калоши зимнія съ шерстью въ срединѣ (а на лицѣ незамѣтно, что онѣ теплыя) что̀ для военныхъ людей было бы очень нужно. Получа тѣ вещи, сынъ мой, увидя такую изящную работу, познакомился нарочно для этого съ фабрикантами тамошними, чтобъ доставить намъ выгоду. Они сказали, чтобъ доставить на фабрику такую работу и разныхъ ремешковъ въ промежутки той работы, что̀ могутъ и малолѣтнія дѣти работать. Нанято было сапожниковъ 25 человѣкъ, какъ подскочилъ страшный голодъ; покупали хлѣбъ по 3 р. пудъ, а между тѣмъ фабрикантъ нашъ намочилъ кожи и сдалъ на руки ученикамъ, которые ничего не знали, а самъ, набравши нѣсколько сотенъ сапоговъ, поѣхалъ продавать. Люди съ нимъ поѣхавшіе не знали по чемъ продавалъ, а только возили куда онъ продалъ, и даже, какъ мы послѣ узнали, продавалъ по 2 рубля и, получа деньги, на Шампанскомъ съ своими знакомыми пропилъ. (Мы не знали, что онъ имѣлъ слабость пить). Возвратясь, онъ сказалъ, что ѣздилъ для большихъ для фабрики дѣлъ, а о такой бездѣлицѣ онъ не намѣренъ отдавать отчета и что онъ договорился съ полковникомъ на ранцы. Тогда я его позвала и объявила, что больше на словахъ не вѣрю ничего, когда не покажетъ на дѣлѣ. И такъ какъ онъ долго не возвращался, то кожи, оставленныя имъ, всѣ испортились, и онъ бѣжалъ, и мы не знали, что̀ съ тѣми кожами дѣлать; и обманулъ еще пять помѣщиковъ очень аккуратныхъ и умныхъ. Наконецъ умеръ, и столько было надѣлано долговъ, занимая въ разныхъ рукахъ, что должны были заложить Васильевку, чтобъ съ ними расплатиться, на 26 лѣтъ, и платить по 500 рублей серебромъ проценту. И винокурня уничтожена,

земляная мельница уничтожена для толченія дубовой коры, для выдѣлки кожъ, и совершенно оставилъ намъ разстроенное имѣніе. Это случилось гораздо послѣ смерти моего мужа [1]).

Родители мои болѣли душой о насъ и потомъ начали болѣть тѣломъ. По взятіи отцомъ моимъ имѣнійца, еще оставалось долгу 6 т. р. съ процентами. У заимодавца его было много имѣній, и въ Одессѣ два дома. Отецъ мой написалъ, чтобъ не позволяли ему продавать домы, не удовлетворивъ его; но онъ такъ много, видно, имъ насулилъ, что домы были имъ проданы, и денегъ не отдалъ; и должно было завести дѣло, которое пришлось мнѣ вести. Присудили взыскать съ членовъ, допустившихъ продать. Сенатъ рѣшилъ въ мою пользу послѣ смерти моихъ родителей; тѣ апеллировали, и опять рѣшено уплатить мнѣ деньги, а чрезъ нѣсколько лѣтъ передѣлали такъ, что мнѣ взыскивать самой слѣдуемыя мнѣ деньги, что̀ мнѣ было невозможно: ихъ было 15 лицъ въ разныхъ мѣстахъ находящихся по выходѣ въ отставку, и повѣренному трудно было находить ихъ, развѣ истратя всѣ деньги. Я написала къ сыну. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Конечно, ваше дѣло правое; но вообразите, что, можетъ быть, изъ обвиняемыхъ есть такіе, что̀ вы снимете съ нихъ послѣднее платье, если взыщутъ съ нихъ деньги, слѣдуемыя вамъ. А я бы совѣтовалъ вамъ сдѣлать такъ—написать каждому изъ нихъ: вы видите, что дѣло мое правое и рѣшается въ мою пользу; напишите мнѣ, если вы не можете мнѣ уплатить всѣхъ, то уплатите половину, а другую я оставляю вамъ; и увидите, что вы деньги половинныя получите». Но я бросила совсѣмъ это дѣло. Теперь же начали сосѣди мои меня урезонивать, зачѣмъ я оставила свое правое дѣло, чтобъ опять возобновить, и я рѣшилась передать это дѣло церкви: утѣшительно будетъ, если она получитъ и немного поправится.

Но я слишкомъ отдалилась отъ своего разсказа, а хочу не упустить ничего, что̀ касается моего сына. Отецъ мой, года черезъ два послѣ женитьбы, подалъ прошеніе на службу: привыкнувъ къ дѣятельной и полезной жизни, онъ не могъ долго оставаться безъ занятія. Здоровье его, видно, поправилось; ему открылось мѣсто въ Орлѣ; онъ поѣхалъ туда съ маменькой моей, оставя меня полтора-мѣсячную въ домѣ моего дѣда Шостака и написавши къ сестрѣ своей Трощинской [2]) чтобъ пріѣхала за мной. Она имѣла только одного сына, служившаго въ С.-Петербургѣ, и взяла меня съ кормилицей, любила какъ дочь

[1]) Отецъ Гоголя, Василій Аѳанасьевичъ умеръ въ 1825 году. П Б.

[2]) Эта тетка М. И. Гоголь, Анна Матвѣевна Косяровская была за Андреемъ Прокофьевичемъ Трощинскимъ, роднымъ братомъ извѣстнаго статсъ-секретаря Екатерины Великой. П. Б.

свою, и сынъ ея иначе не считалъ меня, какъ родной сестрой. Онъ, проѣзжая домой при разныхъ командировкахъ, видалъ меня въ разныхъ возрастахъ, предлагалъ свой матери поручить меня ему (такъ какъ онъ бывъ отличной нравственности, многія матери поручали ему своихъ дочерей вывозить на балы), чтобъ доставить мнѣ блестящее воспитаніе; но она не согласилась, сказавъ: «У насъ въ Малороссіи не нужно такое воспитаніе; пусть она будетъ хорошей хозяйкой, и ей будетъ хорошая партія. У моихъ пріятелей есть сынъ, хорошій молодой человѣкъ, неимовѣрно привязанъ къ ней; когда бываетъ у меня, то всегда занимается съ такимъ необыкновеннымъ терпѣніемъ съ нею и ея игрушками, приводя все въ порядокъ, а она воображаетъ, что и его занимаютъ куклы и обо всемъ съ нимъ совѣтуется въ своихъ кукольныхъ дѣлахъ».

Родители мои по мѣрѣ возможности навѣщали меня. Когда мнѣ минуло пять лѣтъ, то они мнѣ прислали букварь, толстую книгу, которой я нигдѣ послѣ не встрѣчала. Она была гражданской печати, вмѣщала въ себѣ, кромѣ отличныхъ молитвъ, наставленіе обо всемъ приличномъ тому возрасту, какъ за столомъ сидѣть и прочее, и для взрослыхъ дѣтей дающая обо всемъ нѣкоторое понятіе, первую часть Ариѳметики, нѣсколько изъ Географіи, нравоучительныя сказочки. Мнѣ долго жаль ея было, что она не сбережена. Выуча ту книгу или что только доступно было тому возрасту, я не знала Славянской или церковной печати, и для того учили меня Псалтири. Въ восемь лѣтъ я читала такъ мои сказочки въ присланной мнѣ моими родителями книгѣ, что моя рѣдкая тетка не скучала слушать меня; но писать (учить) не начинала, боясь испортить мою руку стариннымъ своимъ почеркомъ (которому она училась самоучкой, проживая у своего дѣдушки и бабушки Щербаковыхъ, очень богатыхъ помѣщиковъ, но они не имѣли никакого способу доставлять воспитаніе, они имѣли одного сына и того по случаю отправили за границу учиться).

Въ это время оставилъ службу мой отецъ, чтобъ нѣсколько укрѣпить свое зрѣніе. Родители мои пріѣхали къ моей теткѣ и объявили ей, что меня возмутъ домой. Помню и теперь это тяжелое для меня время. Услыша этотъ приговоръ мой, оставя занятіе мое, выбѣжавъ въ садъ, я упала въ кусты и дала волю слезамъ, которыя давили меня; я ихъ боялась показать родителямъ моимъ, мало знакомымъ мнѣ, хотя и понимала ихъ ласки (мой папенька, держа меня на колѣняхъ, училъ пѣть пѣсню приличную моему возрасту, и я вторила ему); но привязанность моя къ теткѣ была неограниченная, не смотря на то, что она меня не баловала: ни одной вины не прощала мнѣ; если я требовала мнѣ подать отъ старыхъ слугъ, то мнѣ всегда

было говорено, чтобъ я просила; когда же не хотѣла ихъ слушать, и имъ что̀ не нравилось во мнѣ, то меня заставляли непремѣнно просить у нихъ прощенія.

Въ одно время, когда пріѣхалъ Д. П. Трощинскій для ревизовки почтамтовъ, сколько я припомню, и обыкновенно всегда бывалъ у моей тетки, и съ нимъ пріѣзжали какіе-то два старика въ орденахъ, то они обратили на меня вниманіе. Такъ какъ я вертѣлась около моей тетки, то она, говоря обо мнѣ, прибавила, что я часто ей танцую казачка подъ свою музыку. Они, лаская меня, спросили, на какомъ инструментѣ я играю, и удивлялись, какъ можно самой играть и танцовать, а я серьезно отвѣчала: на языкѣ. Всѣ разразились смѣхомъ; потомъ я слышала, что, пріѣхавши въ С.-Петербургъ, они разсказывали, что видѣли въ Малороссіи дѣвицу, которая играла на своемъ природномъ инструментѣ—языкѣ и танцовала. Мнѣ тогда было семь лѣтъ.

И такъ меня взяли въ хуторъ мои родители, гдѣ я была въ компаніи съ меньшимъ моимъ братомъ и сестрой, но жестоко грустила по моей тетушкѣ, ни на одинъ день не забывала ее, перестала уже такъ рѣзвиться; все мнѣ казалось чуждо, и мало знакомые родители мои хотѣли начинать учить меня писать. Они обое хорошо писали, но желали, чтобъ я лучше ихъ писала, купили для меня отличную пропись. Въ то время пріѣхала къ намъ другая моя тетка, родная сестра той, у которой я жила и которую я часто тамъ видѣла; она жила въ своемъ имѣніи недалеко отъ Кременчуга; сказала родителямъ моимъ, что недалеко отъ нея у богатыхъ помѣщиковъ есть учительница, учитъ ихъ дѣтей, и что она сказала, что у нея есть племянница, которую пора начинать учить. Онѣ сказали привезти меня учиться вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми, и она съ ней договорилась о цѣнѣ; и родители мои отпустили меня съ моей теткой, и она меня отвезла туда учиться. Учительница моя была старая дѣвица, очень религіозная, училась въ монастырѣ, начала меня учить писать (читала я лучше моей учительницы), разведя мелу вмѣсто чернилъ на доскѣ. Учительница написала мнѣ азбуку такими странными іероглифами, какъ теперь припоминаю, что мнѣ не удавалось видѣть до того времени такой рукописи, велѣла копировать тѣ слова, и я съ большимъ прилежаніемъ начала писать мои каракульки, которыми она всегда была довольна. Я пробыла тамъ годъ, и когда написала письмо къ моимъ родителямъ, то они испугались моей рукописи и просили мою тетку привезти меня обратно къ нимъ, жалѣя, что не начали сами учить меня.

Можете себѣ представить, какая трудность была учить дѣтей, когда богатые помѣщики не имѣли способовъ лучше учить своихъ дѣ-

тей. Родители мои, сколько ни старались исправлять мою руку, дали мнѣ пропись; но я все сбивалась на прежнія мои литеры, которыя я съ такимъ усердіемъ старалась копировать. Пріѣхавшая тетка моя Трощинская выпросила меня опять у моихъ родителей, обѣщая прилежно наблюдать за тѣмъ, что̀ я уже знала. Когда меня отпустили къ ней, то я была въ восторгѣ, и оставалась у нея до 12 лѣтъ. Прежде велѣла она мнѣ повторить выученную мою книгу при себѣ по утрамъ, которую я начала понимать, а прежде читала ее какъ попугай; послѣ обѣда писала держа въ рукахъ перо, какъ мнѣ было ловче, и какъ я привыкла. Тетушка моя была довольна моимъ писаніемъ. Когда я начала подрастать, то мнѣ дали читать «Дѣтское Училище», которое мнѣ чрезвычайно понравилось. Я читала въ слухъ и какія лица мнѣ нравились, то я молилась Богу уподобиться имъ, именно Благоразумова плѣняла меня. Потомъ дали мнѣ читать «Дѣтское Чтеніе» въ 20 томахъ, кажется.

Отецъ мой отдохнулъ немного дома и видѣлъ невозможность воспитывать дѣтей; брату приближалось время усилить воспитаніе. Доходы ихъ изъ хутора насилу позволяли имѣть чай, сахаръ и кофе, который родители мои любили, и при всемъ томъ удѣляли нѣкоторую часть и для тѣхъ, которые также любили его, но не имѣли возможности имѣть его. Отецъ мой подалъ желаніе опять служить, и ему вышла должность въ Харьковѣ почтмейстеромъ. Уѣзжая туда, взялъ и меня, и я опять оставила мою любимую тетку, которая охотно отпустила меня, воображая, что я тамъ пріобрѣту много для себя полезнаго. При отъѣздѣ нашемъ, я видѣлась съ пріятелемъ моимъ по кукламъ; онъ, казалось, не хотѣлъ разлучаться съ нами. Въ Харьковѣ начали приходить къ намъ учители Французскаго и Нѣмецкаго языка, меня учили болѣе для соревнованія моему брату. Танцовальный учитель надоѣдалъ мнѣ своимъ минуэтомъ. Профессоръ музыки (какъ онъ называлъ себя), Витховскій, кажется, получившій за свое искусство отъ Государя бриліантовый перстень, брался учить меня на фортепьяно безъ возмездія; и только я видѣла, какъ несли наверхъ тотъ инструментъ, какъ папенька пришелъ съ печальнымъ видомъ и сказалъ маменькѣ, что онъ чувствуетъ боль въ глазѣ и тусклѣе зрѣніе. Позвали доктора, и онъ объявилъ, что если онъ станетъ такъ прилежно заниматься, то у него скоро покроется глазъ катарактой. Изложивъ причины, мой бѣдный папенька подалъ въ отставку, и мы пріѣхали въ нашъ хуторокъ. И такъ какъ говорятъ, за Богомъ молитва, а за Царемъ служба никогда не пропадетъ, то отцу моему дана была пенсія по 600 рублей. Онъ могъ довольно долго столько видѣть, чтобъ нечуждой рукой подписывать свое имя, а незадолго до кончины его онъ

видѣлъ только тропинку гдѣ ходилъ. Возвратясь въ свое имѣньице, онъ началъ приводить все въ порядокъ. Въ это время навѣстилъ его нашъ сосѣдъ *) онъ доволенъ былъ его видѣть и, не прерывая своего дѣла, сказалъ: Вотъ эти только мебели (указывая на насъ троихъ) нѣсколько озабочиваютъ меня, покуда я ихъ устрою. Онъ, какъ мнѣ послѣ говорилъ, подумалъ: отъ одной я васъ избавлю, если Богу будетъ угодно, и вы мнѣ отдадите. Мнѣ тогда было 13 лѣтъ, и чрезъ годъ меня ему отдали. Я любила его такъ, что не могла различить, кого болѣе тетку мою или его. (Но по выходѣ за него мнѣ казалось, никто бы мнѣ не замѣнилъ его).

По отъѣздѣ его я только и мыслила, какъ бы мнѣ попасть скорѣй ко второй матери моей, тетушкѣ, и когда желаніе мое исполнилось, тутъ-то начала я ей разсказывать, что видѣла въ Харьковѣ восковыя куклы цѣлыми компаніями въ ростъ человѣка, только не говорили, комедіи въ театрахъ, какія пьесы мнѣ случилось видѣть, разсказывала въ лицахъ всѣ роли. Тетушка скрывала отъ меня свой смѣхъ; но я видѣла, какъ она дрожала отъ него. По окончаніи всего на другой день заставила меня повторить уроки начатыхъ мной наукъ. Дорогая тетка моя умна была какъ Жанлисъ, а сердце имѣла лучше ея, но не понимала ничего изъ моихъ уроковъ, такъ же какъ и я, хотя и болтала бѣгло по-нѣмецки и начала только кое-какъ переводить съ Французскаго. Она боялась, чтобъ я не забыла, не зная, что мнѣ нечего было забывать. Тогда начинался другой періодъ моей жизни; по вечерамъ я читала книги изъ избранной библіотеки моего кузена; поутру у насъ было чтеніе, послѣ обѣда занималась рукодѣліемъ, которыхъ я знала много сортовъ, пользуясь случаемъ гдѣ увидѣть.

Другъ дома нашего, Гоголь, часто навѣщалъ насъ, въ томъ же мѣстечкѣ у родственниковъ тетки моей, и мы съ ней пріѣзжали туда. Онъ иногда меня спрашивалъ, могу ли я его терпѣть и не скучаю ли съ нимъ? Я отвѣчала, что мнѣ всегда пріятно было съ нимъ быть въ компаніи. Припоминаю, какъ во снѣ, какъ онъ всегда былъ ко мнѣ снисходителенъ, когда я была маленькой. Въ одно время я просила мою тетку позволить мнѣ пойти пѣшкомъ ко Пслу, и она позволила, отправила со мной цѣлой отрядъ дѣвокъ и женщинъ, въ томъ числѣ и мою няню (сама она не могла много ходить); и когда я была возлѣ рѣки, то услышила пріятную мелодію духовой музыки; легко было догадаться, что она была Гоголя, потому что кромѣ его ни у кого не было; но какъ это случилось, что въ тотъ день и онъ очутился тамъ?

*) Т. е. Василій Аѳанасьевичъ Гоголь. П. Б.

Музыка играла по другую сторону рѣки; за деревьями ея не было видно; но мелодія ея была очаровательна. Я ее слушала довольно долго, покуда моя команда не напомнила мнѣ, что пора возвращаться, полагая, что я устала, пройдя двѣ версты; и когда я пошла, то музыка, переѣхавъ на берегъ, въ разныхъ направленіяхъ сопутствовала мнѣ, скрываясь въ садахъ, наполнявшихъ мѣстечко. Когда я разсказывала моей тетушкѣ, то она, улыбаясь, сказала: какъ хорошо тебѣ случилось пойти гулять въ то время, когда и нашъ другъ воспользовался такой хорошей погодой, любя природу (тамъ она была въ самомъ лучшемъ видѣ). Потомъ она сказала мнѣ: Но ты уже не ходи больше такъ далеко отъ дому; я безпокоилась о тебѣ, чтобъ ты не вздумала купаться въ неизвѣстныхъ мѣстахъ и могла бы утонуть. И я обѣщала ей не отлучаться отъ нея и исполнила это.

Когда мнѣ былъ въ окончаніи 14 годъ, то онъ просилъ тетушку позволенія объявить мнѣ, что онъ желаетъ просить у нея и моихъ родителей моей руки. Она отвѣчала ему, что она рада этому предложенію, любя его, но что я слишкомъ молода. Онъ обѣщалъ оставить меня у нея годъ послѣ нашего вѣнца; и посовѣтуясь съ моими родителями рѣшили, когда исполнится мнѣ 14 годъ, вѣнчать. Одинъ разъ онъ, пришедши къ намъ, не нашелъ меня въ комнатѣ, пошелъ въ садъ. Я была подъ деревомъ близъ дому; увидя его, у меня сдѣлалась дрожь, какъ въ лихорадкѣ; пошла въ домъ, прося и его туда; онъ у насъ пробылъ весь день. Когда тетушка ушла (ее вызвали), то онъ, подойдя ко мнѣ, спросилъ: люблю ли я его? Мнѣ такъ странно показалось, не знаю и сама отъ чего, отвѣчала: люблю васъ, какъ всѣхъ людей. Удивляюсь я теперь себѣ, какъ я могла скрыть мои чувства по 14 только году, любя его такъ сильно; и когда я ушла, то онъ началъ говорить моей теткѣ, что я его не люблю, и былъ очень грустенъ. «Она увѣряла его, что я дитя доброе и могу быть вѣрной ему женой. Она теперь не помышляетъ еще о замужествѣ, но я увѣрена, что она васъ любитъ, потому что всегда скучаетъ, когда васъ не видитъ; а что она вамъ такъ отвѣчала, то это потому, что она боится мужчинъ, наслышась отъ меня, какіе они бываютъ лукавые; но когда я ей скажу, что вы прежде сказали мнѣ, что ее любите, и тогда она не будетъ васъ бояться. Я ей всегда говорила, когда начала приближаться къ возрасту дѣвицы, чтобъ она разбирала; если молодой человѣкъ захочетъ искать ее себѣ въ жены, то долженъ прежде объ этомъ сказать родителямъ, или кому нужно о томъ знать; но если онъ обманываетъ, то скажетъ, чтобъ никому не говорила о томъ, то это значитъ уже опасной человѣкъ». По выходѣ его, тетушка позвала меня и удивилась, что я близко была и сказала. Ты вѣрно выслушала мой

разговоръ? Я сказала: да! Ну что жъ ты скажешь за него? Какъ можно, я сказала, мнѣ выходить замужъ? Подруги мои будутъ насмѣхаться надо мной. Она отвѣчала, что и подруги мои тоже выйдутъ за мужъ; написала къ родителямъ моимъ, и они пріѣхали, и насъ сговорили.

Маменька моя взяла меня домой, чтобъ приготовить мнѣ кое-что къ вѣнцу, такъ какъ она мастерски все умѣла дѣлать, и я не такъ уже грустила въ хуторѣ ихъ, тѣмъ болѣе, что женихъ мой часто пріѣзжалъ къ намъ, а когда не могъ почему пріѣхать, то писалъ, и я такая была странная, что, не распечатывая, отдавала папенькѣ читать; онъ прочтя отдавая мнѣ улыбаясь сказалъ маменькѣ: начитался романовъ. Письмо его наполнено было самыми нѣжными фразами, при концѣ письма и перо упадало изъ рукъ его. Папенька сказалъ мнѣ сѣсть къ столу, взять лоскутокъ бумаги и началъ диктовать мнѣ отвѣтъ, и мнѣ нравился его слогъ. Хороша я была невѣста, воображаю себѣ! Письма его я всегда носила при себѣ, а когда проживала у тетки, то всегда отдавала прежде ей читать и потомъ уже читала сама.

Насъ перевѣнчали въ Ярескахъ, въ домѣ тетки моей, гдѣ мы провели тотъ день. Играла музыка моего мужа. Вечеромъ онъ сдѣлалъ намъ сюрпризъ — протанцовалъ *шумну* и уѣхалъ домой, а я осталась у моей тетки, которая дѣлала мнѣ много наставленій, какъ я должна себя вести, когда буду въ домѣ своего мужа. Но когда рѣка Голтва начала разливаться и мѣшать родителямъ моимъ и мужу пріѣзжать къ намъ, то мужъ мой началъ просить родителей моихъ и тетушку переѣхать мнѣ къ нимъ, и они взяли меня. Тамъ часто я видѣлась на нѣсколько часовъ съ моимъ мужемъ; онъ всегда грустилъ, разставаясь со мной, и началъ упрашивать родителей моихъ — отдать меня ему, что̀ ему очень грустно оставлять меня. И такъ вмѣсто году я оставалась подъ кровомъ родителей моихъ только одинъ мѣсяцъ; они благословили насъ образами и отпустили меня съ мужемъ моимъ. Онъ привезъ меня въ Васильевку менѣе нежели въ часъ, гдѣ встрѣтили насъ его родители, любившіе меня какъ родную дочь, которой у нихъ не было. Свекровь одѣвала меня по своему вкусу, надѣвая на меня старинныя свои вещи. Мужъ мой никогда не вспоминалъ, чтобъ я продолжала начатыя мои науки. Онъ не говорилъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ Латинскаго, и не желалъ, чтобъ и я знала ихъ, и съ тѣхъ поръ я никогда не принималась за иностранныя книги; а Русскія книги мы съ нимъ всегда читали, когда имѣли свободные часы отъ хозяйственныхъ дѣлъ и оставались одни, что̀ бывало очень рѣдко. Помню, какъ онъ гдѣ-то досталъ очень старинную книгу Кадмъ и Гармонію, и мы съ нимъ вмѣстѣ читали. Онъ по своей доброй душѣ доволенъ былъ

всѣмъ тѣмъ, что̀ я знала, и любовь его была ко мнѣ неограниченная. Онъ былъ старѣе меня на 13 лѣтъ. Въ деревнѣ нашей тогда было 130 душъ. Я не выѣзжала ни на какія собранія и балы, находя все счастье въ своемъ семействѣ; мы не могли разлучиться другъ отъ друга ни на одинъ день, и когда онъ ѣздилъ по хозяйству въ поле въ маленькихъ дрожкахъ, то всегда бралъ меня съ собой. Если же случалось, что мнѣ надобно было остаться дома, то я боялась за него; мнѣ казалось, что я не увижу его; предчувствіе было душѣ моей, что большую половину жизни буду проводить безъ него.

Мужъ мой любилъ стрѣлять. Ружье было привѣшено къ дрожкамъ заряженное, чтобъ, проѣзжая рѣку, если увидитъ птицу, убить. Я не знала опасности ѣхать съ заряженнымъ ружьемъ, но всегда боялась того орудія. Съ нами былъ верховой; въ дрожкахъ запряжена была лошадка, которою управлялъ самъ мой мужъ. Когда мы подъѣхали къ рѣкѣ, онъ, увидя птицу, схватилъ ружье, и только могъ выговорить человѣку, чтобъ онъ сталъ съ своей лошадью подлѣ моей самой смирной и доброѣзжей лошади, мнѣ не пришло на мысль—встать съ дрожекъ; когда выстрѣлъ раздался вблизи насъ, лошадь подъ человѣкомъ стала на дыбы, моя лошадь вырвалась у него изъ рукъ и помчала меня по рвамъ наполненнымъ водой (это было весной). Что̀ тогда чувствовалъ мой другъ? Отчаяніе овладѣло имъ; онъ тужъ минуту бросилъ ружье, обѣщая во всю свою жизнь не дотрогиваться къ нему, когда я уцѣлѣю, что̀ и исполнилъ. Верховой скакалъ, чтобъ перенять мою лошадь, но она неслась вихремъ. Мужъ мой сначала бѣжалъ въ безпамятствѣ, потомъ изнеможенный шелъ все впередъ, не выпуская изъ виду меня. Я въ это время ничего не помнила, только крѣпко держалась обѣими руками за спину дрожекъ; онѣ были въ родѣ маленькой линейки съ одной только спинкой безъ перегородки. Послѣ начала чувствовать, что меня какъ будто сильная рука тащила изъ дрожекъ, и чѣмъ дальше, больше, и наконецъ выбросила меня съ дрожекъ на лугъ, а лошадь все мчалась. На мнѣ былъ надѣтъ большой Персидской тоненькой платокъ на голову, обвязанъ вокругъ моего корпуса одинъ конецъ, и связанъ; другой его конецъ отъ дуновенія вѣтра попалъ въ колесо; къ счастію моему, что платокъ развязался, когда начало его тащить въ колесо, и онъ въ немъ остался весь. Я начала, спрыгнувъ, отыскивать разбросанныя мои вещи, при паденіи моемъ нашла гребень изъ косы моей, начала приводить въ порядокъ мои волосы и, увидя вдали идущаго моего мужа, побѣжала къ нему, увѣряя его, что совсѣмъ здорова, никакой перемѣны не чувствовала, удивлялась своему неблагоразумію, что не встала съ дрожекъ. Какъ мы остановились, мнѣ жаль было его, что онъ такъ былъ встревоженъ. Когда случалось

ему выѣзжать по какимъ дѣламъ изъ дому, то я страдала, чтобъ чего не приключилось. Одинъ разъ онъ никакъ не могъ въ срокъ явиться, и самъ отъ того страдалъ, все помня, что̀ будетъ со мной; и я заболѣла въ горячку.

Мы почти не разлучались до пріѣзда изъ С.-Петербурга Д. П. [1]) Онъ не хотѣлъ насъ отпускать домой, очень любилъ моего мужа. Тамъ я увидѣла все, чего не искала въ свѣтѣ, и балы, и театры, и отличное общество, пріѣзжавшее къ нему изъ обѣихъ столицъ, но всегда была рада, когда могла ѣхать въ Васильевку, гдѣ я иногда проживала одна для моей свекрови: она скучала одна, а мой мужъ долженъ былъ оставаться у Тр., служащаго тогда по выборамъ предводителемъ въ военное время [2]), и дворянская сумма была на рукахъ моего мужа. Когда онъ сдавалъ ее, то дворяне безъ счету у него приняли; не могъ ихъ принудить счесть.

Въ деревнѣ нашей не было церкви. Свекоръ нашъ хотѣлъ было купить старую и перевезти въ Васильевку, но скоро послѣ того запретили строить деревянныя, и намѣреніе то гораздо прежде моего замужества оставлено. Но Богу угодно было устроить у насъ церковь. Когда я начала входить въ хозяйство, распрашивала старушекъ, мотавшихъ у меня мотки, какъ онѣ живутъ и счастливы ли въ своихъ семействахъ, и узнала, что одно только ихъ сильно безпокоитъ—переѣздъ чрезъ рѣку Голтву, когда она разливается на очень большое пространство весной и осенью, и когда имъ случалось переѣзжать или брести съ больными къ священнику, чтобы напутствовать ихъ, то болѣзнь увеличивается, и часто они умирали. Мнѣ возродилась мысль выстроить церковь. Отецъ моего мужа тогда уже умеръ, и некому было помышлять о ней; и я приступила съ просьбой къ моему мужу. Онъ удивился и сказалъ: помилуй, какъ мы будемъ строить церковь, когда у меня и 500 рублей никогда не остается отъ расходовъ нашихъ? Я сказала: начни только, и Богъ поможетъ. Въ то время пріѣхала къ намъ маменька моя. Онъ разсказалъ ей нашъ разговоръ; она со слезами тоже сказала: начните, и Богъ поможетъ. Видно, на то было Божіе изволеніе, потому что все начало устроиваться какъ будто само собою: на другой день пріѣхалъ архитекторъ Итальянецъ, жившій у Д. П., онъ съудовольствіемъ сдѣлалъ планъ самой маленькой церкви, только для нашихъ крестьянъ, и тутъ же явился каменщикъ, спрашивать, нѣтъ ли работы. Спросили его, строитъ ли онъ церкви? Онъ отвѣчалъ, что вездѣ въ знакомыхъ намъ мѣстахъ его постройки церкви.

---

[1]) Т. е. Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго. П. Б.

[2]) Т. е. въ ополченіи 1807 года. П. Б.

Показали ему планъ и спросили, что онъ возьметъ, чтобъ его рабочіе и кирпичи дѣлали; онъ сказалъ 5000 рублей (тогда считалось на ассигнаціи). Торговаться уже было совѣстно, услыша такую малую цѣну, и приступили къ дѣлу. Наша была выпалка кирпича и возка песку; сосѣди наши не вѣрили, что кирпичъ для церкви дѣлаютъ, вообразили себѣ, что хотятъ спросить винокурню; но когда заложили церковь, то начали помогать, казаки возить песокъ, и кто чѣмъ могъ, помогалъ; мастеру еще прибавили одну тысячу рублей, видя, какъ онъ слишкомъ мало потребовалъ, какъ бралъ у насъ деньги смотря по надобности, даже и по 25 рублей. И такъ съ помощью Божіей церковь окончена въ теченіе трехъ лѣтъ. У свекрови моей было старинное серебро, мы его промѣняли на церковное. При освященіи ея было чувствительно вспомнить, что недавно на томъ мѣстѣ гоняли скотъ на пастьбу, а теперь возсылаются молитвы у престола Божія, и на храмъ заведены очень удачно ярмарки, и еще кромѣ храмовой три въ разныя времена года, весной, лѣтомъ, осенью и зимой, всего четыре ярмарки въ годъ.

У родителей моего мужа еще была деревня на берегу Днѣпра, Калиберда, по другую сторону рѣки городъ Каневъ; она продана была ими, когда мужъ мой былъ въ малолѣтствѣ, по неудобству, какъ они говорили, такъ далеко ѣздить, и деньги прожили на расходы, не получая изъ этой деревни доходовъ, она такъ далеко отъ города, сбыту ни на что не было.

Жизнь моя была самая спокойная; характера я была самаго веселаго, такъ же какъ и мой другъ; мы окружены были добрыми и веселыми сосѣдями, и такіе же люди изъ далека живущихъ пріѣзжали къ намъ. Но, не смотря на мое счастье, находили на меня мрачныя мысли; душа моя видѣла чрезъ оболочку тѣла слѣдовавшія одно за другимъ несчастія, постигавшія меня. (Во снѣ видѣть церковь, говорятъ, означаетъ печаль, а мужъ видѣлъ меня во снѣ въ Ахтырской церкви два раза еще до знакомства съ моимъ родителемъ и родными). Сначала счастіе мое было отравлено болѣзнью моего мужа. До женитьбы еще онъ имѣлъ два года лихорадку, отъ которой насилу освободилъ его извѣстный тогда бывшій у насъ медикъ Трофимовскій. Мужъ мой всегда боялся послѣдствій такой продолжительной болѣзни, хотя сдѣлался совсѣмъ здоровъ, растолстѣлъ, что продолжалось 15 лѣтъ. Но къ несчастью онъ былъ мнительный; надобно было скрывать отъ него, когда случалось мнѣ болѣть или дѣтямъ.

Мы имѣли 12 дѣтей. До его смерти мы лишились 6-хъ. Каково было переносить! Изъ опасенія потерять мужа, я подавляла въ себѣ горе до послѣдней минуты кончины дѣтей. Выходя къ нему, я должна была казаться спокойною, и послѣ готовый экипажъ отвозилъ насъ

въ Ярески, къ моей теткѣ, которая такъ умѣла въ такомъ случаѣ найтись, страдая и сама о нашей потерѣ. Мы потеряли пять сыновъ, шестый долженъ былъ замѣнить намъ всѣхъ. Но и его потребовалъ отъ меня Богъ. Да будетъ Его святая воля надъ нами! Мужъ мой былъ счастливѣе меня: онъ не дождался такого удара, сразившаго бѣдную его жену. Смерть дочери нашей Анны, старѣе нѣсколько лѣтъ теперешней моей Анны, много лишила его здоровья: онъ очень любилъ ее, воображая, что она была мой портретъ. Она умерла 3-хъ лѣтъ; въ послѣдній день ея болѣзни онъ не приходилъ въ домъ, ходилъ въ полѣ до изнеможенія, я его нигдѣ не могла найти, и послѣ прилегъ или почти упалъ на землю, и уснулъ. Тогда было сыро послѣ дождя, онъ легко былъ одѣтъ, простудилъ себѣ бокъ и началъ болѣть. Другую, не скоро послѣ той родившуюся, мы назвали тѣмъ же именемъ. Потомъ мы лишились всѣхъ среднихъ дѣтей, осталось только двое старшихъ: дорогой нашъ Николай, и тогда уже отличавшійся отъ обыкновенныхъ дѣтей, и старшая дочь наша Марія, мать теперешняго внука моего Николая *) Потомъ Богъ намъ послалъ четырехъ дочерей послѣднихъ, изъ которыхъ осталось мнѣ три.

Мужъ мой началъ болѣть. Четыре года продолжалась его болѣзнь, и когда почувствовалъ, что силы его совсѣмъ изнемогли, то началъ собираться, ѣхать къ доктору въ Кибинцы, домовому Д. П., и не могъ себѣ вообразить, какъ оставить меня на сносяхъ послѣдней моей дочерью Ольгой; ѣхать мнѣ съ нимъ нельзя было, я еще имѣла сильный кашель, и время наступало имѣть обо мнѣ попеченіе. Я его увѣряла, что буду совершенно здорова, когда и онъ возвратится также здоровъ, и старалась казаться веселой. Двѣ недѣли стоялъ экипажъ у крыльца, и все не хотѣлось ему уѣзжать, но болѣзнь усилилась, и онъ долженъ былъ уѣхать. Прощаясь со мной, сказалъ: какъ я буду безъ тебя, вѣрно умру и, какъ будто испугавшись, прибавилъ: если долго останусь тамъ; но постараюсь скоро возвратиться, а до того буду часто тебѣ писать, а къ тебѣ буду просить изъ родныхъ кого пріѣхать. И экипажъ съ нимъ послѣдній разъ двинулся отъ крыльца, жужжа по снѣгу. Воображала ли я, чтобъ онъ скрылся на всегда изъ моихъ глазъ? Я получала часто отъ него письма, онъ все безпокоился обо мнѣ и писалъ, что̀ дѣлать въ хозяйствѣ; я не знала опасности, въ которой онъ находился, онъ часто болѣлъ послѣдніе годы и по немногу выздоравливалъ; я далека была отъ мысли о вѣчной съ нимъ разлукѣ.

Въ одно время маленькія дѣти Анна и Лиза, сидя у окна, безпрестанно звали папа; я полагала, что онъ скоро возвратится домой,

---

*) Трушковскаго, который, по кончинѣ своего дяди, издавалъ его сочиненія.

зная, что дѣти предвѣщаютъ иногда. Мнѣ другая недѣля была по рожденіи послѣдней моей дочери; только начала ходить безъ помощи другихъ по комнатѣ, ожидая мужа, чтобъ при немъ окрестить дитя. Вижу карета остановилась у крыльца, и вмѣсто его вижу доктора жену, акушерку. Она сказала мнѣ: Василій Аѳанасьевичъ прислалъ меня за вами; онъ хочетъ, чтобы вы непремѣнно пріѣхали къ нему и взяли съ собой Анету (тогда ей было 3 года). Я съ испугомъ сказала: Вѣрно очень боленъ, когда вызываетъ меня почти больную, тогда какъ я до 6-ти недѣль никуда не выѣзжала. Она была иностранка, не поняла, какъ ей сказали приготовить меня, и сообщила: Такъ приготовтесь, онъ очень похудѣлъ. При этомъ разговорѣ у меня все тлѣло внутри, я тотчасъ послала просить мою тетку пріѣхать и безъ меня окрестить дитя. Она бережно посадила меня въ экипажъ, по просьбѣ моего мужа беречь меня; и мы выѣхали за дворъ, какъ увидѣли верховаго скачущаго во всю прыть; увидя его издали, я воображала возвращавшагося посланнаго отъ моей тетки, и сама не знаю, что̀ я тогда думала, но когда онъ подалъ въ окно докторшѣ письмо, то прислонилась въ уголокъ и смотрѣла на нее; она вдругъ вспыхнула и сказала: Воротимся, В. А. самъ пріѣдетъ. Я чувствую и теперь, что хотѣла кричать и желала, чтобъ скорѣе взяли отъ меня дитя, чтобъ его не потревожить. Пришедши въ комнату, я не смѣла ни о чемъ спрашивать, чувствуя свое несчастье, какъ она хотѣла было прочесть письмо и только выговорила: Приготовьте несчастную М. И., какъ я закричала отчаяннымъ голосомъ, закрывши уши руками: Не читайте, я не могу слышать этого слова, чтобъ оно никогда не доходило до моего слуха, и упала на полъ, умоляя Творца дать ему самое лучшее мѣсто въ царствіи Своемъ.

Близкая сосѣдка моя первая пріѣхала ко мнѣ. Увидя ее, я бросилась къ ней на шею и начала плакать, а до того ни слезки у меня не было; докторша начала ей выговаривать, зачѣмъ она меня расплакала, говоря: Она у меня не плакала. Вдругъ пришла мысль, что, можетъ, похоронятъ его тамъ. Я позвала священника нашего, упрашивала его сію же минуту ѣхать въ Кибинцы, просить Д. П. отдать мнѣ моего мужа; если же онъ, чтобъ не тревожить меня, скажетъ схоронить, то на колѣняхъ умоляйте отъ меня его исполнить мою просьбу. Распорядясь такъ, я не могу описать, что̀ я чувствовала! Это былъ какой-то хаосъ въ головѣ моей. Священникъ скоро возвратился, сказавъ, что встрѣтилъ на дорогѣ его тѣло. Онъ, какъ мнѣ послѣ говорили, ожидалъ все меня, смотря на часы полагалъ, что я чрезъ нѣсколько часовъ пріѣду, забылъ, что 60 верстъ надобно было проѣхать, велѣлъ просить къ себѣ Д. П., поручилъ ему меня и

дѣтей, самъ былъ неутѣшенъ, услыша отъ доктора, что нѣтъ надежды на выздоровленіе, повалился въ креслахъ, какъ тотъ разсказывалъ, лицо пожелтѣло, носъ отдѣлился какъ будто отъ лица, и слабымъ голосомъ сказалъ: Бога ради помогайте. Потомъ призвалъ жену моего двоюроднаго брата, А. А. Трощинскаго, заклиная ее отправить тѣло его въ деревню въ ландо (видно, воображалъ для удобства вынуть). Наконецъ карета остановилась у крыльца церкви, и раздался колоколъ. О Боже! Что̀ это былъ за звукъ! Я никогда не могу безъ слезъ вспомнить; а тогда я лишена была и этого облегченія: мнѣ казалось, что весь свѣтъ долженъ былъ погрузиться въ ужасное уныніе, и все хлопотала идти къ нему; но меня все останавливали подъ разными предлогами. Пріѣхавшая тетка моя говорила, что и она пойдетъ со мной; а между тѣмъ все приготовлялось къ похоронамъ, только я ничего не видала изъ этой суеты. Послѣ я узнала, что привезли гробъ изъ Кибинецъ, видно, чтобъ не заботить; но онъ не годился, дѣлали дома, и покуда привезли все изъ Полтавы, что̀ продолжалось 2 дня. На 5-й день его хоронили, и онъ былъ какъ живой, только немного пожелтѣлъ. Я не ѣла и не пила ничего; когда предлагали мнѣ что-нибудь, то я отвѣчала: Онъ теперь уже не ѣстъ, и я не хочу. Меня до тѣхъ поръ не пускали, покуда не внесли въ церковь, а до того онъ все былъ въ экипажѣ; тогда взяли и меня въ церковь. Когда я входила на крыльцо и увидѣла множество народу и пѣли Христосъ Воскресъ (тогда были праздники Воскресенія Христова), такое странное торжество показалось мнѣ, вспомня, какъ онъ любилъ этотъ праздникъ. Гробъ стоялъ высоко, меня ввели по ступенькамъ. Послѣ мнѣ разсказывали, что я была внѣ ума, говорила громко съ нимъ и отвѣчала за него; когда начали меня сводить оттуда, я все возвращалась и показывала на волосы, не зная какъ назвать ножницы; тогда догадались и отрѣзали мнѣ волосъ немного. Я пошла въ его могилѣ, увидѣть, есть ли и для меня тамъ мѣсто, какъ я просила, и увидѣла это исполненнымъ. По возвращеніи домой, бросилась въ постель, спрятавъ голову, не говорила ни съ кѣмъ и не отвѣчала никому. Тетушка моя не оставляла меня до 6-ти недѣль; она говорила, что то самое тяжелое время для остающихся, а по прошествіи того времени обращаются болѣе къ Богу. Она упрашивала меня выпить чашку чаю поутру, въ обѣдъ что-нибудь поѣсть, но я все отказывалась; тоска была невыразимая, я оставалась довольно долго, не подымая головы и никого не видя; дѣтей мнѣ не показывали, старшіе двое учились одинъ въ Нѣжинѣ, а другая у мадамъ Арендтъ, матери медика придворнаго. (Она была при началѣ заведенія Полтавскаго Института директриссой, а потомъ имѣла свой маленькой пансіонъ въ деревнѣ, вы-

давъ дочь свою за помѣщика). Тетушка подошла ко мнѣ, приготовя въ рюмкѣ вина пополамъ съ водой, положа маленькій кусочекъ бѣлаго хлѣба и сказала: Ты, видно, не хочешь видѣться съ В. Аѳанасьевичемъ въ лучшемъ мірѣ? Онъ въ самомъ лучшемъ мѣстѣ обитаетъ съ Ангелами, а ты никогда не будешь тамъ; онъ берегъ свое здоровье, лѣчился, хотѣлъ жить, зная, что онъ бы былъ полезенъ для дѣтей, а ты хочешь быть самоубійцей, уморить себя голодомъ. Я подняла голову; она мнѣ положила чайной ложкой въ ротъ тотъ кусочекъ и болѣе не могла принудить, что̀ продолжалось ежедневно, по одной чайной ложечкѣ въ день. Потомъ сказала мнѣ, что дѣти скучаютъ, хотятъ меня видѣть; посадили меня, обложили подушками и ввели дѣтей ко мнѣ троихъ, одѣтыхъ въ черномъ съ плерезами, а четвертое было въ колыбели. Посмотря на нихъ, я погрузилась въ размышленіе, что̀ будетъ съ этими сиротами, когда и я еще умру, да еще и дѣвочками, которымъ нужнѣе мать; велѣла подать себѣ супу, приняла одну ложку, какъ лѣкарство; трудно мнѣ было глотать, у меня, казалось, засохли горло и желудокъ, и каждый день предлагали понемногу, но когда предлагали мнѣ что̀ другое изъ кушанья, то мнѣ дѣлалось дурно: желудокъ не принималъ. Когда осталась одна, то разсуждала такъ (видно, повреждена была въ разсудкѣ): Богъ такъ милосердъ, что если бы зналъ, какъ я приму это несчастье, то не наказывалъ бы меня такъ ужасно; пусть же теперь посмотритъ! Мнѣ казалось, что Богъ раскаивается уже, такъ жестоко наказавши меня. Будучи уже 33 лѣтъ я такъ бредила; но Богъ помиловалъ меня; болѣе не возвращалось такое заблужденіе, и я просила Творца моего простить меня за такую непокорность Его волѣ. Когда я вышла въ первый разъ въ садъ, когда заставили меня жить, то съ такимъ страннымъ чувствомъ смотрѣла на все, на томъ же мѣстѣ стоявшее; мнѣ казалось, что все должно было опрокинуться и погибнуть; мнѣ казалось, что ничто уже въ жизни не можетъ меня поразить такъ сильно.

Послѣ смерти мужа я потеряла двухъ дочерей; упрашивала только Бога оставить мнѣ единственнаго сына, котораго я любила болѣе своей жизни, и остальныхъ дочерей. Старшія мои дѣти помѣщены были хорошо; я имъ не могла писать о нашемъ несчастіи и просила письменно: директора въ Нѣжинѣ приготовить къ такому удару моего сына, и въ пансіонъ мадамъ Арендтъ приготовить мою дочь, которая послѣ заболѣла въ нервическую горячку; а сынъ въ такомъ былъ горѣ, что хотѣлъ броситься въ окно съ верхняго этажа. Онъ писалъ потомъ ко мнѣ. Меньшія дѣти мои были малы для ученья, и я занялась всѣмъ по мужской части въ полѣ, потомъ и письменными дѣлами, считая священною обязаностью сберегать все для дѣтей и улучшать, сколько

позволяли способы. При мужѣ я не занималась такими хлопотами, только по дому и дѣтьми; но теперь все обрушилось на мою голову. Можетъ, такія насильныя занятія и спасли меня, что время начало уносить мое горе; имѣя отраду тогда въ моемъ сынѣ, и необыкновенное здоровье мое, перенеся такъ много, начала переходить въ первобытное состояніе. Мнѣ было 59 лѣтъ до полученія рокового извѣстія о потерѣ моего сокровища на землѣ; и такъ была крѣпка, какъ 20 лѣтнія бываютъ. Только такъ умѣла сберечь меня рѣдкая тетка; но послѣ послѣдняго моего несчастія, когда эти три свинцовые для меня годы опустились на мои рамена, то тяжело стало носить мои 62 года...

Скажу о воспитаніи моего мужа. Онъ учился въ Полтавѣ. Родители его не хотѣли далеко отъ себя его учить, не имѣя никогда болѣе его дѣтей. Тамъ была тогда семинарія, и не знаю, какія другія училища. Онъ зналъ очень хорошо Граматику, Ариѳметику всѣ части, Географію, Латинскій языкъ, Поэзію, зналъ хорошо Миѳологію, при натуральномъ основательномъ умѣ зналъ Архитектуру, рисовалъ въ свободное время фасадъ дома, разсказывая какой будетъ его планъ гдѣ какая комната и какъ будетъ выгодно жить. Но вышло, что ему выстроили безъ плана комнатку одну и вмѣстѣ со мной!

Когда вышелъ въ отставку мой двоюродный братъ, любимой моей тетки сынъ, Андрей Андреевичъ Трощинскій, то мы очень пріятно проводили время вчетверомъ. Я была уже тогда замужемъ, онъ получилъ отличное воспитаніе, говорилъ по-русски Петербургскимъ языкомъ, какъ у насъ называли въ Малороссіи, по-французски и на Нѣмецкомъ языкѣ; отличной нравственности былъ, какъ красная дѣвица, какъ говорится, читалъ по-русски превосходно; и онъ-то меня нѣсколько приспособилъ читать, посадя возлѣ себя и совѣтуя слѣдить за его чтеніемъ. У него была библіотека, онъ самъ назначалъ мнѣ книги, самыя нравоучительныя; безъ него и безъ мужа моего я не хотѣла брать книгъ читать. Этакъ покойный братъ началъ было нѣсколько перевоспитывать меня. Но частыя его отлучки по имѣніямъ его дяди, разнымъ его дѣламъ, мѣшали ему серьезно заняться мной. Видно мнѣ положено судьбой остаться такъ, какъ я есть.

Опишу еще послѣднее пребываніе на земномъ шарѣ моихъ родителей, при отходѣ ихъ въ лучшій міръ, что̀ такъ глубоко врѣзалось въ моемъ сердцѣ, чтобъ показать вамъ, до какой степени они любили своихъ дѣтей съ самоотверженіемъ. Когда отецъ мой началъ ослабѣвать, не могъ ходить, лежалъ въ постели, я сидѣла у его постели. Онъ мнѣ сказалъ: да благословитъ тебя Богъ въ семъ мірѣ и въ будущемъ, и не могъ отъ слабости поднять руку благословить меня по обыкновенію своему. Цѣлуя его руку, я не могла поднять безъ усилія ее:

такъ она тяжелѣла. Онъ послалъ за священникомъ, не сказавши мнѣ, только одной маменькѣ, позвалъ приказчика, велѣлъ мнѣ выйти—пройтись по саду, но я, увидя маменьку, остановилась съ ней въ ближней комнатѣ. Онъ началъ ему говорить, разспрося что̀ дѣлается въ хозяйствѣ: смотри, чтобъ ты былъ вѣренъ моимъ дѣтямъ, честенъ такъ, какъ при мнѣ былъ, за что тебя Богъ наградитъ; вспомни, что ты служишь не господамъ, а Богу, поставившему тебя на то мѣсто; за сиротъ и вдову болѣе съ тебя взыщется. Потомъ сдѣлался спокоенъ и молился; увидя насъ, даже казался веселымъ и сказалъ намъ: надѣюсь, что вы не будете такъ малодушны, какъ деревенскія бабы—плакать о томъ, что̀ ожидаетъ каждую изъ васъ; я говорю это на случай; можетъ, мы еще очень долго не разлучимся. Потомъ онъ употребилъ власть свою, которой никогда не обнаруживалъ: приказалъ мнѣ непремѣнно ѣхать домой къ своему семейству, увѣряя меня, что ему дѣлается легче, и онъ надѣется выздоровѣть; если же сдѣлается ему хуже, чего онъ однакожъ не надѣется, то онъ пришлетъ за мной; но только чтобъ я сей же часъ ѣхала, прибавя: теперь ночи темныя, и онъ не будетъ покоенъ, если я останусь подольше. Я, простясь съ нимъ, пошла одѣваться; и онъ еще прислалъ узнать, уѣхала ли я, удерживая свой стонъ, но когда узналъ, что меня нѣтъ, началъ стонать и по пріѣздѣ священника скоро окончилъ жизнь.—Чрезъ годъ тоже и маменька сдѣлала: уговорила меня непремѣнно ѣхать домой, увѣривши меня, что ей лучше, надававъ мнѣ разныхъ комиссій, какъ будто нужныхъ для нея, и благословивъ меня, какъ обыкновенно благословляютъ при отъѣздѣ, скоро скончалась. По отъѣздѣ моемъ, чрезъ нѣсколько часовъ получила я то роковое извѣстіе. Они знали, какъ тяжело быть при смерти постороннихъ людей, не только родителей. Какое впечатлѣніе остается въ остающихся? Какая нѣжная родительская любовь! До того ли, кажется, умирающему человѣку, чтобъ помнить о другихъ, видя предсмертное свое мученіе? Но та любовь превозмогаетъ все. Они оба скончались на 71 году отъ роду.

(Сообщено И. С. Аксаковымъ).

ПИСЬМА ГОГОЛЯ.

I. Къ Д. Е. Бенардаки.

Вѣна (1840).

При семъ случаѣ пишу я къ вамъ нѣсколько словъ, искренно любимый и уважаемый мною Дмитрій Егоровичъ. Пожалуйста, напишите мнѣ нѣсколько строчекъ о вашемъ путешествіи. Каретникъ вашъ желаетъ чрезвычайно знать, понравилась ли вамъ коляска, и потому не преминьте объ этомъ меня увѣдомить. Я въ два дни и двѣ ночи сдѣлалъ мое путешествіе въ Вѣну безъ всякихъ приключеній. Дни прекрасные. Жарко. Даже не вѣрится, что въ Маріенбадѣ мы уже видѣли осень... Особенно совѣтую вамъ какъ можно больше смотрѣть въ Мюнхенѣ, что̀ достойно и недостойно. Это благодѣтельно дѣйствуетъ: я какъ походилъ по Вѣнѣ съ четыре часа, осматривая разный вздоръ, да притомъ еще заблудился, да какъ поискалъ часа съ два своей квартиры, такъ послѣ этого... Если будетъ вамъ время напишите изъ Женевы; мнѣ бы очень желалось знать, какъ вамъ понравятся тамошніе камельки и какъ вы и куда пристроите Леонида [1]). Прощайте, обнимаю васъ душевно. Дядюшку Альфераки [2]) тоже.

Искренно преданный и уважающій васъ Гоголь.

Увѣдомьте, послали ли вы съ привозившимъ коляску чемоданъ ко мнѣ или нѣтъ. Мнѣ сегодня понравился одинъ чемоданъ, и чуть было не купилъ; но вспомнивши, что, кажется, хотѣли, прислать вашъ, рѣшился до времени обождать.

На оборотъ: Дмитрію Егоровичу Бенардаки отъ Гоголя.

Печатается съ подлинника, на которомъ не означено, когда письмо писано. Нѣсколько неудобныхъ строкъ нами опущено. Говорятъ, что А. И. Кошелевъ и Бенардаки послужили Гоголю въ изображеніи Костанжогло во 2-й части „Мертвыхъ Душъ“. Надо бы составить перечень богатыхъ и знатныхъ лицъ (преимущественно женскаго пола), къ которымъ Гоголю любилъ иной разъ примоститься для своихъ наблюденій и для которыхъ становился руководителемъ. П. Б.

---

[1]) Это, можетъ быть, сынъ Д. Е. Бенардаки. Позднѣе Гоголь вздумалъ, что лучшимъ для молодаго Бенардаки наставникомъ будетъ извѣстный расточитель, въ то время обѣднѣвшій пріятель Пушкина П. В. Нащокинъ, потому именно, что онъ на вѣку своемъ удостовѣрился, какъ люди попадаютъ изъ богатства въ полную скудость. П. Б.

[2]) Тоже, какъ и Бенардаки, извѣстный нѣкогда откупщикъ. П. Б.

II. Къ княжнѣ В. Н. Репниной [1]).

(1838. Кастелламаре).

Осужденный докторомъ на лежаніе въ постели почти весь сегодняшній день, я совершенно не могу взяться за умъ, какъ нужно себя вести въ этомъ для меня конфузномъ и совершенно новомъ состояніи и потому прибѣгаю къ вамъ за совѣтомъ. Вамъ совершенно знакомо это состояніе. Сдѣлайте милость научите, нужно ли почти ничего не дѣлать, или совершенно ничего не дѣлать. За этимъ единственно и отправляется сія посланница, летящая быстрѣе вѣтра посредствомъ своихъ крѣпкихъ, хотя нѣсколько грязныхъ, ногъ. Если вы находите, что хорошо слѣдовать первому изъ этихъ правилъ, то очень обяжете меня, когда одолжите который-нибудь изъ волюмовъ Гофмана. Кажется, что въ теперешнее время мнѣ будутъ въ пору фантастическія сказки. Прошу великодушнаго извиненія за эту тревогу, которую наноситъ вамъ, княжна, моя докучная натура, увѣренная слишкомъ въ вашей добротѣ.

Я нашелъ у себя на столѣ письмо госпожи Яковлевой, которое дышитъ необыкновеннымъ достоинствомъ. Запросъ обо мнѣ обличаетъ всю тонкость ума этой необыкновенной дамы.

Позвольте узнать, будетъ ли куда-нибудь усланъ вашъ управляющій ослиными дѣлами [2]) Signor Dominico. Я хотѣлъ бы послать его къ Ливену [3]) на квартиру за моимъ несчастнымъ паспортомъ, о которомъ я совершенно не имѣю никакихъ слуховъ.

Адресъ: Alla sua eccelenza Signora Princepessina.

*

Два другія письма Н. В. Гоголя къ княжнѣ В. Н. Репниной напечатаны въ его собраніи писемъ, изданномъ Марксомъ, т. I, стр. 527 и 558.

---

[1]) Гоголь былъ у Репниныхъ свой человѣкъ и гащивалъ у нихъ за границей, въ Яготинѣ подъ Кіевомъ и въ Одессѣ. Позднѣе, въ Москвѣ, встрѣтивъ гдѣ-то Гоголя, одна изъ Репниныхъ обрадовалась и пригласила его къ себѣ обѣдать запискою, на которой написала адресъ: Н. В. Яновскому (такъ его звали въ Малороссіи). Гоголь обидѣлся, обѣдать не пріѣхалъ и далъ знать, что его имя Гоголь достаточно извѣстно въ Москвѣ. (Слышано отъ княжны В. Н. Репниной). П. Б.

[2]) Т. е. по найму верховыхъ ословъ для прогулокъ въ горы.

[3]) Князь Христофоръ Андреевичъ Ливенъ († 29 Дек. 1838) путешествовалъ тогда съ Наслѣдникомъ престола Александромъ Николаевичемъ, при особѣ котораго онъ назначенъ былъ состоять. П. Б.

III. Къ графу В. А. Соллогубу.

Благодарю васъ, Владиміръ Александровичъ, за вашу милую приписочку въ письмѣ къ Александрѣ Осиповнѣ, за память обо мнѣ и за дружеское посвященіе мнѣ вашей воспитанницы, которая вѣроятно и умна и хороша. Я прочелъ вашъ Тарантасъ еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ въ печати, чѣмъ прежде въ рукописи. У васъ все зрѣетъ вмѣстѣ: и умъ, и слогъ, и наблюдательность, и мысли. Вамъ нужно только не останавливаться и писать. Все будетъ у васъ обдумываться, соображаться и устраиваться во время самаго писанія. Христа ради не давайте заснуть вашей дѣятельности на этомъ поприщѣ. Вы тутъ болѣе и болѣе будете находить утѣшенія и *жизни настоящей*. Все васъ обманетъ и жизнь, и свѣтъ, и всѣ привлекательности, привлекающія другихъ людей; но на этомъ поприщѣ васъ ничто не обманетъ, потому что это ваше законное поприще, и тутъ выполнять вы будете именно то, что̀ опредѣлено свыше выполнять вамъ. Не пренебрегите ни этими словами вашего хвораго и хилаго нынѣ собрата, который, не смотря на свою собственную хилость, отъ всей души желалъ бы, чтобы совѣтъ его дышалъ здравіемъ, силою на всѣхъ его собратій.

Искренно желающій вамъ всякаго добра и любящій васъ Г.

Я просилъ уже Софью Михайловну и вновь прошу также васъ о присылкѣ мнѣ всѣхъ выходящихъ вашихъ сочиненій.

IV. Къ графинѣ Луизѣ Карловнѣ Соллогубъ *).

1.

Христосъ Воскресъ!

Вы вѣрно, графиня, не ожидали отъ меня письма; но разговоръ, который мы имѣли съ вами предъ выѣздомъ моимъ изъ Ниццы, остался у меня въ мысляхъ и произвелъ въ нихъ какое-то непонятное безпокойство. Вы разсказали мнѣ о двухъ снахъ бывшихъ съ вами, когда вы молились такъ, какъ не молились наяву, и когда душа ваша слышала такое блаженство, какого не слышала никогда въ жизни. Я вамъ сказалъ тогда же объ этомъ все, что̀ думалъ. Я ничуть не ми-

*) Родная внучка Курляндскаго герцога и Русскаго регента Бирона, дочь его сына Карла и Аполоніи Матвѣевны Понинской, Луиза Карловна (1791 † 1853) была второю супругою графа М. Ю. Віельгорскаго. Она нѣкоторое время сближалась съ Гоголемъ, вѣроятно по чувству признательности за то, что Гоголь своею бесѣдою утѣшалъ умиравшаго въ Римѣ въ 1839 г. ея сына графа Іосифа. Сама она была Католичка, любила Русскую словесность и хорошо писала по-русски. П. Б.

стикъ; считался даже скорѣй положительнымъ и холоднымъ человѣкомъ, чѣмъ увлекающимся и страстнымъ. Не вѣрилъ и не вѣрю снамъ такъ же, какъ всякаго рода предчувствіямъ и примѣтамъ; но знаю навѣрно, что тѣ сны, которые подѣйствовали не на воображеніе или умъ, но прямо на душу, тѣ сны святы и прямо отъ Бога. Такіе сны играли слишкомъ важную роль въ жизни святыхъ, служили имъ великими путеводителями, часто переломомъ всей жизни, и вообще съ ними связывалась судьба всей ихъ жизни. На дняхъ я услышалъ такую глубокую, душевную исторію съ однимъ близкимъ мнѣ человѣкомъ, который нѣсколько лѣтъ страдалъ душевнымъ горемъ и сильнѣйшими тѣлесными недугами, что я сей же часъ ухватился за перо, чтобы сказать вамъ, что сны ваши прекрасны. Они знаки Божіей милости. Приведите вашу душу въ такое состояніе, чтобы помолиться наяву такъ же, какъ помолились вы во снѣ, и ваша душа вѣрно вамъ скажетъ лучше всякихъ мудрецовъ, что̀ значатъ эти сны и чего ими Богъ отъ васъ хочетъ.

Жуковскій вамъ кланяется. Онъ еще не утвердился совершенно во Франкфуртѣ, пріѣзжалъ говѣть въ Дармштадтъ и отправился въ Дюссельдорфъ. Наслѣдникъ уѣхалъ также въ Голландію и въ Дюссельдорфъ по дорогѣ, къ Жуковскому на обѣдъ. Отъ Александры Осиповны получилъ письмо изъ Парижа *). Она въ хлопотахъ по случаю всякихъ наложенныхъ на нее комиссій и порученій. О Парижѣ пишетъ слегка, такъ что изъ словъ ея видно только, что Парижъ въ смутахъ и погрузнулъ весь въ настоящее, не заглядывая ни въ прошедшее, ни въ будущее. Еще разъ привѣтствую васъ словомъ: Христосъ Воскресъ! и остаюсь, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, вашъ покорнѣйшій слуга Н. Гоголь.

Франкфуртъ. 12 Апр.

Я остаюсь постоянно во Франкфуртѣ и еще колеблюсь между морскими ваннами и какими-то вновь открытыми водами близъ Франкфурта. Говорю это потому, что между больными не бываетъ иного разговора, кромѣ о лѣченьяхъ и недугахъ; а потому и вы, графиня, въ отплату за такое съ моей стороны учтивство, передайте хотя чрезъ Софью Михаиловну извѣстіе о себѣ.

2.

Неаполь. 1847. Генварь 16.

Не смотря на то, что вы совсѣмъ позабыли меня и оставляете безъ отвѣта мои письма, я пишу къ вамъ. И не только пишу, но и обременяю васъ довольно затруднительной просьбой. Вы должны ее ис-

*) Т. е. отъ Смирновой. Письмо это см. въ „Русской Старинѣ“ 1888, VI, 597.

полнить, это будетъ вашъ истинно-христіанскій подвигъ относительно меня. Я самъ не знаю, почему я обратился прямо къ вамъ, графиня, на мѣсто того, чтобъ обратиться, какъ оно было бы приличнѣй, по этому дѣлу къ Михайлу Юрьевичу. Просто, сердце мое мнѣ говоритъ, что вы, не смотря на то, что имѣете преимущественно передъ другими изъ вашей семьи нѣкоторыя несовершенства, какъ-то: умѣнье гнѣваться, огорчаться, унывать, не обдумывать и не воздерживаться, имѣете однакожъ несравненно болѣе всѣхъ силы и энергіи душевной, и если предстанетъ такое дѣло, которое потребуетъ великодушной отваги, то ни у кого кромѣ васъ не достанетъ характера совершить его. Вотъ въ чемъ дѣло. Вы ужъ безъ сомнѣнія знаете, что я печатаю книгу. Печатаю ее я вовсе не для удовольствія публики и читателей, а также и не для полученія славы или денегъ. Печатаю я ее въ твердомъ убѣжденіи, что книга моя нужна и полезна Россіи именно въ нынѣшнее время; въ твердой увѣренности, что если я не скажу этихъ словъ, которыя заключены въ моей книгѣ, то никто ихъ не скажетъ, потому что никому, какъ я вижу, не стало близкимъ и кровнымъ дѣло общаго добра. Писались эти письма не безъ молитвы, писались они въ духѣ любви къ Государю и ко всему, что̀ ни есть добраго въ землѣ Русской. Цензура не пропускаетъ именно тѣхъ самыхъ писемъ, которыя я болѣе другихъ почитаю нужными. Въ этихъ письмахъ есть кое-что такое, что̀ должны прочесть и самъ Государь и всѣ въ государствѣ. Дѣло мое я представляю на судъ самому Государю и вамъ прилагаю здѣсь письмо къ нему*), которымъ умоляю его бросить взглядъ на письма, составляющія книгу, писанныя въ движеньи чистой и нелицемѣрной любви къ нему, и рѣшить самому, слѣдуетъ ли ихъ печатать или нѣтъ. Сердце мое говоритъ мнѣ, что онъ скорѣй меня одобритъ, чѣмъ укоритъ. Да и не можетъ быть иначе: высокой душѣ его знакомо все прекрасное, и я твердо увѣренъ, что никто во всемъ государствѣ не знаетъ его такъ, какъ слѣдуетъ. Письмо это подайте ему вы, если другіе не рѣшатся. Потолкуйте объ этомъ втроемъ съ Михаил. Юрьевичемъ и Анной Михайловной. Кому бы ни было присуждено изъ вашей фамиліи подать мое письмо Государю, онъ не долженъ смущаться неприличіемъ такого поступка. Всякъ изъ васъ имѣетъ право сказать: «Государь, я очень знаю, что дѣлаю неприличный поступокъ; но этотъ человѣкъ, который проситъ суда вашего и правосудія, намъ близокъ; если мы о немъ не позаботимся, о немъ никто не позаботится; вамъ же до́рогъ всякъ подданный вашъ, а тѣмъ болѣе любящій васъ такимъ образомъ, какъ любитъ онъ». Съ Плет-

*) См. Письма Гоголя, изд. Маркса, т. III, стр. 315.

невымъ, который печатаетъ мою книгу, вы переговорите предварительно, чтобы онъ могъ приготовить непропускаемыя статьи такимъ образомъ, чтобъ Государь могъ ихъ тотъ же часъ послѣ письма прочесть, если бы того пожелалъ. Къ Михаилу Юрьевичу я послалъ назадъ тому мѣсяцъ мою просьбу Государю объ отсрочкѣ моего пребыванія за границей еще на годъ вслѣдствіе непремѣннаго докторскаго присужденія остаться еще зиму на самомъ теплѣйшемъ Югѣ, что̀ совершенно справедливо, потому что я на силу начинаю согрѣваться въ Неаполѣ и уже хотѣлъ было ѣхать въ Палермо, не зная куда дѣться отъ холода, тогда какъ всѣмъ другимъ было тепло. Если это письмо еще не подано, то употребите всѣ силы подать его также Государю. Мнѣ нужна необходимо выдача пачпорта такого, въ которомъ бы, сверхъ прочаго находящагося въ обыкновенныхъ пачпортахъ, склонялись бы именемъ Государя власти Востока оказывать мнѣ особенное покровительство во всѣхъ тѣхъ земляхъ, гдѣ я буду *). Мнѣ нужно много видѣть то, на что не обращаютъ вниманія другіе путешественники. Путешествіе это дѣлается вовсе не ради простого любопытства и даже не для одной собственной потребности моей душевной. Путешествіе это затѣмъ, дабы быть въ силахъ потомъ сослужить Государю истинно-честную службу, какую я долженъ сослужить ему вслѣдствіе данныхъ мнѣ отъ Бога способностей и силъ. Прилагаю и это письмо, если на случай посланное или не дошло или затерялось. Богъ да благословитъ васъ во всемъ. Весь вашъ Г.

V. Къ графинѣ Софьѣ Михайловнѣ Сологубъ.

1.

(1844).

Христосъ Воскресъ!

Изъ письма вашей маменьки я узналъ, что вы чувствуете себя хорошо и веселы. Это меня очень обрадовало. Мнѣ уже здѣсь становится весело при одной мысли, что вамъ весело. Душевная ясность и свѣтлость слишкомъ вамъ къ лицу. Она просто ваше назначеніе и дана вамъ вовсе не для васъ однѣхъ, но для того, чтобъ ею оказывали помощь и другому. Знайте же, что уже двумъ человѣкамъ вы оказали помощь великую, въ печальныя ихъ минуты, одной только свѣтлостью лица вашего. Минуты такъ были печальны, что трудно было пріискать словъ для утѣшенія; но вы влетѣли въ комнату съ душевной ясностью лица, и печаль ушла. Вотъ какъ важна свѣтлость и ясность наша для нашихъ ближнихъ и братьевъ. И потому входите въ какой бы ни было кругъ, хотя изъ двухъ человѣкъ, ясно и весело,

*) Просьба была исполнена. См. письмо графа В. Ѳ. Адлерберга Н. В. Гоголю. „Письма", изд. Маркса, т. III, стр. 316.

какъ дитя; мы всѣ должны быть дѣти и стараться хоть насильно быть безмятежны какъ дѣти. Если жъ вамъ сгрустнется, не позабудьте того правила, которое я вамъ оставилъ: оно мнѣ очень помогло, поможетъ непремѣнно и вамъ, если вы, усердно помолившись, прочтете его и вникните поглубже въ смыслъ.

Будьте также нѣсколько снисходительны къ людямъ, умѣйте простить имъ иное несправедливое слово, пристрастное мнѣніе или неразумное слово Зачѣмъ быть такъ строгу къ другимъ? Неужели мы сами свободны отъ пристрастія и умѣемъ не выходить изъ себя и быть покойными? Богъ знаетъ. Я по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ обсмотрѣлъ себя хорошенько со всѣхъ сторонъ, сталъ гораздо снисходительнѣе къ другимъ. Слава Богу, я теперь не сержусь не только за слово, которое часто произносится необдуманно, но даже за самое щекотливое оскорбленіе, если бы только мнѣ кто нибудь нанесъ его; и это происходитъ вовсе не отъ (того), чтобы душа моя была такъ великодушна, но отъ того, что самъ собою приходитъ на умъ вопросъ: да точно ли я самъ не причинилъ никому оскорбленія и не сказалъ кому либо необдуманнаго и оскорбительнаго слова? И какъ только разсмотришь себя послѣ такого вопроса получше, увидишь, что просто не имѣешь даже права сердиться, хотя бы и хотѣлъ немножко посердиться. Хотя я увѣренъ, что вы лучше меня и хотя гораздо меньше моего могли кого либо оскорбить на свѣтѣ, но вы все-таки человѣкъ, и потому весьма естественно, что то средство, которое было полезно мнѣ, полезно и вамъ. Во всякомъ случаѣ не лишайте меня вашей дружбы и будьте также откровенны и просты со мною, какъ и я съ вами. Если замѣтите во мнѣ чтò дурного (а этого добра у меня немало), говорите мнѣ тотъ же часъ объ этомъ, какъ поступаютъ со мной всѣ, которые меня искренно любятъ. Прощайте, Богъ да хранитъ васъ и да поможетъ вамъ быть свѣтлу и веселу и побольше смѣяться. Ваша маменька вѣрно меня извѣститъ о васъ, если вамъ некогда будетъ написать ко мнѣ. Безъ сомнѣнія мы лѣтомъ съ вами увидимся. Передайте это маленькое письмецо графинѣ Софьѣ Ивановнѣ [1]). Весь вашъ Гоголь.

2.

Франкфуртъ, 24 Іюля 1844.

Письмо это къ вамъ и къ Аннѣ Михайловнѣ [2]). Я хотѣлъ было вамъ сдѣлать сюрпризъ, но вмѣсто того болѣзнь мнѣ сдѣлала сюрпризъ и сюрпризъ до такой степени непріятный, что и разсказать не могу; такіе несносные и такіе тягостные припадки, какихъ я давно не

---

[1]) Урожденной Архаровой, матери графа В. А. Сологуба.

[2]) Младшая дочь графа Вьельгорскаго, позднѣе княгиня Шаховская

испытывалъ. Больной ѣду я теперь по приказанію доктора поспѣшно въ Остендэ, иначе мнѣ грозитъ онъ гораздо худшимъ состояніемъ. А между тѣмъ я уже было совершенно рѣшился ѣхать съ вами, и путешествіе вмѣстѣ меня чрезвычайно заманивало. Напишите мнѣ нѣсколько строкъ, что̀ дѣлаете и какія имѣете извѣстія изъ Петербурга. Ваше письмо меня очень обрадуетъ въ моемъ безпомощномъ положеніи. Его жду теперь, какъ благотворную каплю освѣжающей росы. Прощайте! Будьте здоровы; болѣе писать не въ силахъ. Весь вашъ

Гоголь.

Не медлите также отъѣздомъ, время настало прекрасное. Если опоздаете, можете пропустить выгодный мѣсяцъ, каковъ Августъ.

Адресъ мой въ Остендэ. Poste restante.

3.

Франкфуртъ, 24 Сентября 1844.

Здравствуйте, сестрица души моей, моя добрѣйшая Софья Михайловна. Посылаю вамъ еще одно словечко на дорогу. Я позабылъ вамъ сказать кое-что очень нужное. Хотя это повидимому мелочь, но отъ такихъ мелочей зависятъ многія большія вещи. Вы ѣдете теперь на новоселье, на новую жизнь, на новое хозяйство. Прежде всего заведите въ домѣ съ самаго начала порядокъ во всемъ и особенно порядокъ во времени. Чтобы часы вашимъ занятіямъ были опредѣлены, чтобы вамъ обоимъ, какъ вамъ, такъ и мужу вашему, было извѣстно, когда вы должны заниматься порознь другъ отъ друга, каждый въ своей комнатѣ, и когда вмѣстѣ. Чтобы это не смѣшалось, чтобы не сидѣли вы слишкомъ много другъ съ другомъ вмѣстѣ безъ дѣла, занимающаго равно обоихъ, а чтобы, напротивъ того, вы видѣлись только тогда, когда и онъ и вы окончите каждый у себя порознь занятія. Чрезъ это свиданья ваши будутъ гораздо лучше, живѣй и веселѣй, и вы будете довольны другъ другомъ. Словомъ, распорядитесь такъ, чтобы вамъ меньше случалось другъ при другѣ зѣвать. Лучше пусть каждый изъ васъ зѣвнетъ у себя по тихоньку въ комнатѣ, чѣмъ другъ при другѣ. И еще: положите между собою такъ, чтобы каждый изъ васъ, откуда бы ни пришелъ и ни возвратился домой, не шелъ бы прямо другъ другу на встрѣчу, а зашелъ бы прежде въ свою уборную и заглянулъ бы въ зеркало, чтобы поправить на себѣ все во внѣшнемъ и во внутреннемъ или душевномъ смыслѣ, чтобы никакъ не явиться другъ предъ другомъ неряхами въ томъ и другомъ отношеніи; но, напротивъ, встрѣтить другъ друга съ веселымъ и свѣтлымъ видомъ. Такъ что, если бы и случилось кому нибудь принести досадное и скучное выраженіе на лицѣ, то лучше пусть вымѣститъ досаду свою

на чемъ нибудь у себя въ комнатѣ. Предметовъ для этого много: можно швырнуть стулъ, высѣчь подушку, можно даже разбить флаконъ или чернильницу; словомъ, лучше испортить вещь, чѣмъ испортить свѣтлое выраженіе лица, которое вы всегда должны показывать другъ другу. Не пренебрегайте никакъ всѣмъ этимъ, что̀ я вамъ теперь говорю; какъ оно ни мелко, но я вновь вамъ повторяю, что отъ этого много зависитъ. Теперь вамъ все это гораздо будетъ легче завести, если только вы сей же часъ за это примитесь, не откладывая дѣла; теперь же вы другъ безъ друга соскучили, стало-быть болѣе уважаете другъ друга и болѣе склонны сдѣлать пріятное другъ другу. Слова и просьбы ваши теперь будутъ имѣть вѣсъ. Онъ вамъ не откажетъ и исполнитъ охотно то, что̀ въ другое время будетъ ему даже трудно исполнить. Этотъ повидимому маловажный и внѣшній порядокъ спасетъ васъ отъ многаго непріятнаго и поможетъ вамъ обоимъ выполнить много душевныхъ и важныхъ обязанностей. Вы этимъ окажете большую пользу и помощь вашему мужу. Ему трудно преодолѣть самому себя, если бъ даже онъ и хотѣлъ. Я имѣю больше характера нежели онъ, имѣю больше надъ собою власти, чѣмъ онъ, но и мнѣ трудно во многомъ себя заставить и принудить. Вдвоемъ всегда легче: стоитъ одному только завести у себя порядокъ во всемъ, другой уже невольно станетъ съ этимъ сообразоваться. Такъ, напр., пріѣзжая въ другую землю, мы, какъ ни привыкли у себя дома обѣдать въ такое-то время, ложиться спать въ такое, но однакожъ вдругъ бросаемъ привычку прежнюю и обѣдаемъ въ другой часъ, спать ложимся въ другой часъ, словомъ все дѣлаемъ иначе, что̀ намъ было бы совершенно невозможно въ своей землѣ и что̀ дѣлается само собою въ чужой землѣ. А дѣлается отъ чего? Отъ того, что другой такъ дѣлаетъ и что держаться прежняго обычая хлопотливо да и скучно одному. Такую услугу мужу можетъ сдѣлать одна только жена, которая для того и дана ему, чтобы освѣжать и ободрять его на трудъ, на занятіе и на все прекрасное. И такъ выполните эту мелочь ради любви къ вашему душевному брату, который молитъ о васъ безпрестанно нашего Небеснаго Родителя, любящаго насъ такъ нѣжно и такъ безпримѣрно какъ никто и въ тысячную долю не умѣетъ любить на землѣ. Положите только выполнить, и вы выполните: сила вамъ ниспошлется. А между тѣмъ по прочтеніи этого письма вы все таки наградите меня улыбочкою маленькою и самою хорошенькою.

Прощайте! Цѣлую васъ мысленно. Вашъ Гоголь.

Не забывайте о милостынѣ, которую вы должны бросить хотя разъ въ мѣсяцъ, если нельзя разъ въ недѣлю, извѣстному вамъ нищему. Заведите маленькую расходную книжечку, въ которую записывайте такъ: такого-то мѣсяца и числа брошена нищему копѣйка.

4.

Сентября 11 (1845). Фрейвальдау [1]).

Самъ Богъ внушилъ вамъ ваше миленькое письмо, моя добрѣйшая Софья Михайловна! Оно меня утѣшило; оно первое пришло ко мнѣ въ Грейфенбергъ, куда съ отчаянія я убѣжалъ изъ Карлсбада. Карлсбадъ меня разстроилъ и разрушилъ въ конецъ. Не могу сказать вамъ ничего теперь о моемъ здоровьѣ. Я какъ во снѣ; чувствую только судорожное прикосновеніе холодной воды и ничего другого не слышу и не вижу. Времени даже нѣтъ опомниться отъ сажаній въ ванну, обливаній, завертываній въ мокрыя простыни и проч. Одно могу только сказать, что мнѣ какъ-то свѣжѣе, и я чувствую теперь духъ пуститься въ дальнюю дорогу, на которую больше всего надѣюсь, потому что дорога мнѣ всегда помогала. На слѣдующей же недѣлѣ я полагаю сѣсть въ дорожную телѣгу, заѣду въ Берлинъ переговорить съ Шенлейномъ, не насчетъ моего излѣченія, но насчетъ того только, чтобы узнать, какого рода во мнѣ болѣзнь, силы и въ какомъ я состояніи. Оттуда же, обнявши Михаила Михайловича, въ Римъ на зиму, гдѣ, если Богу будетъ угодно, возстану вновь здоровьемъ, ибо, признаюсь, я болѣе всего надѣюсь на Него и на святую милость Его, которая уже не разъ была мнѣ оказана въ Римѣ. И такъ пишите мнѣ въ Римъ. Обнимаю васъ. Весь вашъ Г.

Болѣе писать не въ силахъ, и нѣтъ минуты свободы. Передайте эти двѣ записочки Алекс. Осип. и Аннѣ Михайловнѣ. Обнимаю всѣхъ васъ отъ мала до велика. Въ Грейфенбергѣ графъ А. П. Толстой, который всѣмъ вамъ сердечно и душевно кланяется.

5.

(Конецъ 1845 года. Римъ).

Здравствуйте, миленькая моя сестрица! Правда ли то, что вы уже нѣсколько разъ бросили копѣйку нищему? Мнѣ по крайней мѣрѣ такъ сказала Анна Михайловна *). Не отъ того ли мнѣ часто было такъ легко и свѣтло на душѣ, когда вспоминалъ объ васъ? Благодѣтельствуйте и впередъ. Вы много можете сдѣлать. Помогайте также и другимъ понемногу, особенно тѣмъ, которыхъ вы увидите въ уныніи: тутъ вы можете помочь, потому что бывали сами въ уныніи и знаете, что̀ такое уныніе. Вы можете даже проще всѣхъ насъ помогать въ семъ случаѣ и на это однѣ только имѣете право. Помогите особенно Александрѣ Осиповнѣ, когда увидите ее въ хандрѣ. Погрозите ей только

---

*) А. М. Віельгорская писала Гоголю 28 Авг. и 21 Сент. этого года. Письма ея напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы" 1889 г. XI, 95.

вашимъ пальчикомъ и скажите, что вы запрещаете ей быть въ хандрѣ и чтобы она сію же минуту разсмѣялась; но скажите это твердо, и хандра вмигъ исчезнетъ [1]). Напишите мнѣ о вашемъ собственномъ душевномъ состояніи, о беби, о В. А. и о прочемъ, хотя два слова. А нищаго все-таки не забывайте. Усмѣхнитесь же немножко такимъ образомъ, какъ я люблю.

Прощайте, сестрица во вѣки и всюду. Братъ вашъ Г.

Разскажите мнѣ также какую-нибудь сказочку.

6.

(Конецъ 1845 года. Римъ).

Узнавъ на лету о существованіи Александра Владимировича [2]), спѣшу васъ поздравить и прошу поцѣловать его лишній разъ за меня. Увѣдомьте меня обо всемъ и напишите въ Римъ о томъ, каковъ онъ.

Затѣмъ обнимаю васъ со всѣми вмѣстѣ. Вашъ Н. Гоголь.

7.

Генваря 3. 1846. Римъ.

Благодарю васъ за ваше письмецо по обыкновенію всегда для меня очень милое и очень пріятное и за всѣ извѣстія, которыя также всѣ до единаго мнѣ были тоже очень пріятны и порадовали меня въ моемъ хворомъ состояніи. Мысль ваша писать самой книжки для беби весьма умна; кто же кромѣ самой матери можетъ написать что-нибудь лучше для дочери? Я радъ, что въ Влад. Александр. пробудилась дѣятельность писателя. Не позабудьте мнѣ прислать все, чтò ни выйдетъ изъ подъ пера его. Теперь же это такъ легко: курьеры ѣздятъ всякую недѣлю изъ Петербурга. Поручите Матвѣю Юрьевичу, онъ это сумѣетъ сдѣлать. Можете также адресовать на имя здѣшняго секретаря Устинова. Тарантасъ въ печати мнѣ еще больше понравился, чѣмъ прежде въ рукописи, хотя я успѣлъ прочесть его довольно бѣгло, и къ сожалѣнію не имѣю у себя подъ рукой экземпляра. О себѣ, то есть о здоровьѣ моемъ, скажу вамъ только то, что я зябну до такой степени, что не нахожу уже никакихъ средствъ согрѣваться. Сначала было мнѣ немного лучше. Но да будетъ во всемъ воля Божія! Чтò ни дѣлается съ нами, то дѣлается не безъ нея; а она стремится все, и недуги, и страданья, обратить намъ во благо. Да будетъ же во всемъ *эта святая и чудная воля!* Передайте эти письма или

---

[1]) Александрѣ Осиповнѣ передайте это письмо, писалъ Гоголь 29 Окт. А. М. Віельгорской, которое, если она прочтетъ, помолившись сильно Богу, то я увѣренъ, что грусть ея минетъ, какъ тѣнь отъ скоропреходящаго облака.

[2]) Безсознательно повторившій на себѣ аберрацію своего прадѣда, Карла Бирона, А. В. Сологубъ родился 17 Августа 1845 г. Онъ тоже писатель.

лучше записочки, при семъ прилагаемыя, по принадлежности. Молитесь обо мнѣ и не забывайте меня, милый другъ мой! Обнимите вмѣсто меня всѣхъ *вашихъ*, которые такъ же суть въ тоже время и *мои*, начиная съ граф. Луиз. Карл., Михаила Юрьев., Матв. Юрьев. и до Веневитинова, включая туда же и всѣхъ прекрасныхъ малютокъ.

Весь вашъ.

Адресъ мой не забывайте: Via de la Croce № 81, 3 piano.

Поздравьте отъ меня себя и всѣхъ васъ съ наступающимъ Новымъ годомъ.

8.

16 Марта (1846).

Наконецъ отъ васъ письмо. Какъ я ему обрадовался! Давно вы меня не дарили вашими строчками. Въ строчкахъ вашихъ свѣтится попрежнему жемчужина—душа ваша, тоже самое младенческое радушіе, и таже братская любовь ко мнѣ. Богъ да наградитъ васъ за все это. Скажу вамъ, что мнѣ скучно было безъ писемъ отъ людей любящихъ меня, особенно теперь, когда мнѣ такъ дорого всякое слово изъ Россіи, и когда мнѣ желалось бы все знать, что̀ ни говорятъ обо мнѣ. Душѣ моей было тоже нужно нѣсколько освѣжительное слово, потому что я было изнемогъ. Передайте при семъ слѣдуемое письмецо Владимиру Александровичу и попросите его также и отъ себя исполнить мою просьбу. Обнимите всѣхъ вашихъ и перецѣлуйте ихъ; а у графини вашей маменьки и у г. Михайла Юрьевича попросите мнѣ прощенья за всѣ мои докуки, которыми я наскучалъ имъ, за мою неотесанность и всякіе грубые поступки, которыхъ за мною водится въ достаточномъ количествѣ, хотя по добротѣ своей вы смотрите на многое сквозь пальцы. И не забывайте пуще всего вашими добрыми и подъ часъ мнѣ очень нужными письмами. Весь вашъ Г.

Въ одно время съ письмомъ къ вамъ я отправляю также письмо къ Аннѣ Михайловнѣ. Скажите Плетневу или лучше Ар. О. Россети, что я до сихъ поръ не получилъ изъ Петербурга никакихъ книгъ, и не знаю, отправлены ли онѣ и куда.

9.

Остендэ. 26 Іюля (1847).

Отъ Михалъ Михалча узналъ я о появленіи на свѣтъ Елисаветы Александровны. Отъ всей души васъ поздравляю. Теперь вы стали вполнѣ мать семейства. Двое дѣтей все еще какъ-то не составляютъ семьи, но три уже семья; и мнѣ теперь очень пріятно представлять себѣ, что буду сидѣть или обѣдать съ вами уже не за коротенькимъ столомъ, а за длиннымъ. Напишите мнѣ словечка два о вашемъ здоровьѣ; эти два словечка мнѣ покуда нужнѣй всего. Меня же, не смо-

тря на всю бурю всякаго рода потрясеній, Богъ еще хранитъ. Вотъ уже три дня почти, какъ я въ Остендэ. Моря еще почти не пробовалъ. Немножко нужно отдохнуть и дать всему во мнѣ успокоиться. Съ Михалъ Михалчемъ я видѣлся въ Висбаденѣ, гдѣ онъ пьетъ воды и купается. Онъ, мнѣ показалось, какъ будто похорошѣлъ и помолодѣлъ; черты лица его сдѣлались тонѣе. По мнѣ, это признакъ, что золотушность въ немъ уменьшилась. Аннѣ Михайловнѣ я писалъ письмо недавно, назадъ тому недѣли двѣ. Попросите ее, чтобы она попросила Матвѣя Юрьевича (сами также попросите его) объ Ивановѣ. Этого несчастнаго человѣка просто вгонятъ въ гробъ. Онъ находится въ величайшемъ нервическомъ разстройствѣ и не въ состояніи держать кисти въ рукахъ, а его смущаютъ какими-то, Богъ вѣсть откуда приходящими, приказаніями оканчивать картину какъ можно скорѣе. Попросите, чтобы было устроено такъ, чтобы пришла отъ Лейхтенбергскаго бумага, въ которой было бы ему предписано, чтобы онъ прежде позаботился объ излѣченіи себя, а потомъ уже объ окончаніи картины; что торопиться его никто не проситъ, что, напротивъ, увѣрены, что онъ, какъ человѣкъ благородный, употребитъ всѣ усилія исполнить ее наилучшимъ образомъ и безъ понуканій *), тѣмъ болѣе, что его картина не нужна ни для какого строющагося зданія. Она не заказъ, а для нея нужно еще придумывать мѣсто, гдѣ помѣстить ее, когда она будетъ кончена. Похлопочите объ этомъ. Вы сдѣлаете истинно-христіанское дѣло. Увѣдомьте меня, что̀ дѣлаетъ теперь Владиміръ Александровичъ. А равнымъ образомъ напишите хоть что-нибудь изъ того, что̀ у васъ теперь дѣлается въ Павлинѣ. Выберите одинъ день и изобразите его отъ ранняго утра до поздняго вечера. Пусть мнѣ покажется, что я съ вами, и разстояніе, насъ раздѣляющее, исчезло. Богъ да хранитъ васъ. Прощайте, моя, близкая моей душѣ Софья Михайловна! Весь вашъ Г.

(Сообщено *М. А. Веневитиновымъ*).

---

*) Самому А. А. Иванову Гоголь писалъ 24 Іюля того же года: „Наслѣдникъ, узнавши о вашемъ болѣзненномъ состояніи, принялъ въ васъ участіе. Отъ Олсуфьева, вѣроятно, вы получите бумагу, можетъ быть, даже вмѣстѣ съ деньгами. Всѣ вамъ совѣтуютъ заботиться о здоровьѣ. Принуждать же васъ оканчивать картину никто не будетъ. Жуковскій также хотѣлъ писать отъ себя къ Лейхтенбергскому“. (См. „Письма Гоголя“, изд. Маркса, т. III, стр. 27).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ МЕЛОЧИ.

I.

Доброта Кострова.

С-й Г-а (несомнѣнно, С. Глинка) напечаталъ въ „Другѣ Просвѣщенія“ 1804 (IV, 247) такой „Руской анекдотъ“. „Два офицера встрѣчаются въ трактирѣ; одинъ съ видомъ отчаянія сказываетъ другому, что онъ выронилъ 150 р., что у него теперь нѣтъ ни копѣйки, а завтра полкъ его выступаетъ въ походъ. Въ комнатѣ сидѣлъ еще незнакомецъ, который это слышалъ. Дождавшись выхода обоихъ офицеровъ, онъ догоняетъ ихъ на улицѣ. „Государь мой!“ говоритъ одному изъ нихъ: „вы потеряли 150 р.; я ихъ нашелъ—вотъ они“. Потомъ, вложа въ руку его ассигнаціи, уходитъ. Кто былъ этотъ незнакомецъ?—Е. И. Костровъ, извѣстный лирическій поэтъ и переводчикъ Иліады и Оссіана. Онъ вычелъ эту сумму изъ собственныхъ 200 р., полученныхъ наканунѣ отъ Суворова-Рымникскаго, въ подарокъ за поднесенную ему эпистолу“.

II.

Родственникъ Радищева въ плѣну у Горцевъ.

Тамъ же (стр. 35—36) переданъ присланный неизвѣстной особою другой „Руской анекдотъ“ относительно „Кавказскаго плѣнника“, какого-то родственника знаменитаго Радищева.

„Саратовской губерніи дворянинъ г. Радищевъ, служившій въ арміи на Кавказской линіи офицеромъ, въ теченіе 1785 года на одномъ сраженіи съ Лезгинцами былъ взятъ въ полонъ съ нѣсколькими другими. Радищевъ и другой офицеръ (котораго имя неизвѣстно) по жеребью достались въ неволю въ однѣ руки. Нѣсколько мѣсяцевъ страдали они въ тяжкой работѣ; наконецъ, Горской Татаринъ, которому они принадлежали, видя изнуреніе ихъ силъ, позволилъ имъ писать въ Россію о присылкѣ за нихъ выкупу и назначилъ по 300 р. за каждаго. Радищевъ, хотя былъ увѣренъ, что, получа письмо, его отецъ непремѣнно пришлетъ требуемыя деньги, но не могъ надѣяться, чтобы письмо его вѣрно доставлено было, а еще того менѣе деньги. Товарищъ же его, котораго родственники были весьма небогаты и не въ состояніи заплатить этой суммы, совершенно лишился надежды получить

когда-либо свободу. Но проведенное ими время въ отдаленіи отъ единоземцевъ, общія ихъ несчастія, страданія, свычка сдѣлали ихъ друзьями. Радищевъ не хочетъ одинъ пользоваться свободой и рѣшился во что бы то ни стало избавить своего сотоварища. Они, уговорясь, приходятъ къ Татарину, называютъ себя родными братьями и просятъ его отпустить одного изъ нихъ для принесенія денегъ на выкупъ обоихъ, между тѣмъ какъ другой останется въ залогъ. Долго Татаринъ противился; наконецъ, убѣжденный ихъ слезами и надеждой получить выкупъ, склонился, но съ условіемъ, чтобъ деньги непремѣнно были доставлены къ назначенному имъ сроку, въ противномъ же случаѣ оставшійся изъ двухъ у него въ залогѣ лишенъ будетъ жизни. Радищевъ отпущенъ, а другой офицеръ остается. Срокъ былъ назначенъ очень короткій, такъ что ему никакъ невозможно было пріѣхать въ домъ и оттуда доставить деньги, но Татаринъ не соглашался. Радищевъ отправляется въ путь съ поспѣшностію и по многотрудномъ шествіи достигаетъ до расположенныхъ по линіи войскъ нашихъ. Тутъ по счастію находитъ онъ занять 600 р. Ни съ чѣмъ нельзя сравнять его радость! Нимало не мѣшкавъ, презирая труды, усталость, летитъ обратно въ горы и приходитъ въ самый тотъ день, когда назначено было товарища его лишить жизни. Всякій почувствовать можетъ, съ какимъ восторгомъ сей несчастный встрѣтилъ своего избавителя! Они отдаютъ Татарину за себя выкупъ и возвращаются въ свое отечество, имѣя сердца преисполненныя—одинъ благодарностію, а другой удовольствіемъ, что сдѣлалъ доброе дѣло".

III.

Карамзинъ о человѣческой злости.

Въ своей книгѣ: „Другое путешествіе въ Малороссію" (М., 1804, стр. 41—2) князь Шаликовъ упоминаетъ о своихъ „адскихъ мученіяхъ" по поводу одной тяжбы и затѣмъ пускается въ общія разсужденія: „Боже мой, какъ страдаетъ сердце, видя, до чего человѣкъ можетъ забывать, что онъ—человѣкъ; забывать что́ для него—ближній, душа, сердце, совѣсть; забывать, что онъ на часъ, не вѣчно на землѣ, что *сегодня отнесутъ въ могилу одного, завтра другого, и немногіе дни, которые можемъ прожить здѣсь сколько-нибудь покойно, отравлять ядомъ злости!* Это точныя слова любезнѣйшаго нашего писателя, почтеннѣйшаго человѣка, Н. М. (Карамзина), который однажды въ разговорѣ со мною о злости человѣческой сказалъ ихъ. Они впечатлѣлись въ памяти моей, и я повторяю ихъ съ безмѣрнымъ удовольствіемъ".

В. Каллашъ.

СЛАГАТЕЛЬ АКАѲИСТОВЪ.

Андрей Ѳедоровичъ Ковалевскій.

1840—1901.

24 Января 1901 г. скончался въ селѣ Высочиновкѣ, Харьковской губерніи, Зміевскаго уѣзда, въ 17 верстахъ отъ Зміевки, Андрей Ѳедоровичъ Ковалевскій. Ни въ одной газетѣ, ни въ одномъ журналѣ объ этомъ не было упомянуто, а между тѣмъ А. Ѳ. Ковалевскій принадлежитъ къ числу достопамятныхъ Россіянъ. Желая пополнить этотъ пробѣлъ, сообщаю о немъ краткія свѣдѣнія.

Андрей Ѳедоровичъ Ковалевскій, уроженецъ Харьковской губерніи, владѣлъ хорошимъ имѣніемъ Харьковской губерніи, с. Высочиновкою, стоющею не менѣе двухсотъ тысячъ р., съ усадьбою и церковью въ саду. Въ этомъ имѣніи онъ прожилъ всю свою жизнь, и въ послѣднія десять лѣтъ жизни, онъ устроилъ Казанско - Богородичный мужской Высочиновскій монастырь, пожертвовавъ монастырю все свое имѣніе, усадьбу, церковь и пр., болѣе тысячи десятинъ земли. Самъ онъ остался жить въ монастырѣ, не постригаясь въ монахи, и постоянно занимался духовною литературою. Онъ сотрудничалъ во многихъ духовныхъ журналахъ, и между прочими статьями его очень интересно паломничество его къ иконѣ Козельщинской Божіей Матери.

Спеціальностію Ковалевскаго было сочиненіе акаѳистовъ. Написалъ онъ до тридцати акаѳистовъ. Перечисляю ихъ.

1) *Авраамію муч.* Болгарскому (Владимирскому) 6 Марта и 1 Апрѣля.
2) *Александру Свирскому* 30 Августа и 23 Ноября.
3) *Алексію Человѣку Божіему* 1884 г.
4) *Антонію Печерскому* 10 Іюля 1884 г.
5) *Арсенію Великому* 8 Мая 1888 г.
6) *Ефрему Новоторжскому* 28 Янв.
7) *Иринарху затворнику Борисоглѣбскому* 13 Янв.
8) *Меѳодію епископу Пѣсношскому* 4 Іюня 1889 г.
9) *Милостивой (Милующей) иконѣ Божіей Матери* Іюня 11 1887 г.
10) *Неопалимой купинѣ, иконѣ Божіей Матери* 4 Сент. 1884 г.
11) *Прокопію Устюжскому* 8 Іюня.

12) *Скоропослушницѣ иконѣ Божіей Матери* 9 Ноября.

13) *Томской иконѣ Божіей Матери* Авг. 8, Сент. 16 1884 г.

14) *Троеручицѣ иконѣ Божіей Матери* 17 и 28 Іюня 1884 г.

15) *Смоленской иконѣ Божіей Матери* Іюля 28.

16) *Ѳеодору, Давиду и Константину князьямъ Ярославскимъ* 5 Марта и 19 Сентября.

17) *Леонтію епископу Ростовскому* Мая 23 1885 г.

18) *Ѳеодору и Іоанну святителямъ Суздальскимъ.*

19) *Ѳеодосію Печерскому* Мая 3 и Авг. 14 К. 1888 г.

20) *Іакову Боровицкому.*

Большая часть этихъ акаѳистовъ перепечатана въ синодальномъ (1900 и 1901) изданіи Собранія Акаѳистовъ и кромѣ того отпечатана отдѣльными брошюрами, безъ означенія, что они написаны Ковалевскимъ.

Акаѳисты его же, которые не изданы:

21) *Донской иконѣ Божіей Матери.*

22) *Знаменію Пресвятой Богородицы.*

23) *Любецкой иконѣ Божіей Матери.*

24) *Нерукотворенному Образу*, въ память 17 Окт. 1888 г.

25) *Смоленской иконѣ Божіей Матери.*

26) *Явленію Пр. Богородицы Пр. Сергію.*

27) *Преп. святителю Ѳеодосію Черниговскому (Углицкому).*

Кромѣ того имъ же написана служба Любецкой Божіей Матери, изд. въ С.-Пб. въ 1886 г.

Послѣдніе годы здоровье А. Ѳ. Ковалевскаго слабѣло, и онъ мирно опочилъ въ созданной имъ обители, уважаемый и оплакиваемый какъ добрый, честный христіанинъ и полезный труженикъ.

Графъ Г. Милорадовичъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ НЕИСТОРИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

I.

По примѣру прошлаго года, и въ этомъ году къ Пасхѣ выйдетъ возобновленный альманахъ „Сѣверные Цвѣты". Въ его историческомъ отдѣлѣ останавливаетъ прежде всего вниманіе записочка А. С. Пушкина къ В. И. Григоровичу, извѣстному секретарю Академіи Художествъ. Пушкинъ проситъ, чтобы Григоровичъ разрѣшилъ ему, Бенкендорфу и еще кому-то третьему, кого онъ называетъ Кирилломъ Александровичемъ (Нарышкину?), пріѣхать въ праздникъ въ Академію посмотрѣть картину Бруни. Рѣчь идетъ, вѣроятно, о знаменитомъ произведеніи Ѳ. А. Бруни: „Смерть Камиллы, сестры Горація", которое, бывъ выставлено въ Римѣ, въ Капитоліи, доставило славу своему творцу и въ 1834 году было привезено въ Петербургъ. Письмо свидѣтельствуетъ, съ какой чуткостью великій поэтъ отзывался на каждое мало-мальски выдающееся общественное событіе. (Замѣтимъ, что впослѣдствіи Ѳ. А. Бруни не выразилъ особой любви къ А. С. Пушкину).

Въ отдѣлѣ стиховъ напечатаны неизданныя стихотворенія А. Фета и Я. Полонскаго. Стихи Полонскаго были имъ написаны карандашемъ на двери дома въ Воробьевкѣ, имѣніи А. Фета.

Полонскій здѣсь не безъ привѣта
Былъ встрѣченъ Фетомъ, и пока
Старикъ гостилъ у старика,
Поэтъ благословлялъ поэта,
И поправляя каждый стихъ,
Здѣсь молодыя Музы ихъ
Уютно провели все лѣто.

Въ перепискѣ И. С. Тургенева съ А Фетомъ, отрывки изъ которой тоже вошли въ альманахъ, они обмѣниваются обидными выраженіями. „Довольно, Аѳанасій Аѳанасьевичъ, писалъ Тургеневъ Фету въ 1870, довольно. Полно швырять грязью. А то вѣдь эдакъ, пожалуй, соскользнешь въ Каткова, въ Булгарина упадешь".

II.

Въ Мартовской книгѣ „Русской Мысли" напечатанъ рядъ еще непоявлявшихся въ печати стихотвореній Н. П. Огарева. Одно изъ нихъ обращено къ Декабристамъ. Весною 1838 года Н. П. Огаревъ вмѣстѣ со своей первой женой, Марьей Львовной (ур. Рославлевой) ѣздилъ на Кавказъ.

Въ томъ же году туда были переведены изъ Сибири рядовыми Декабристы М. М. Нарышкинъ, Н. И. Лореръ, В. Н. Лихаревъ, баронъ А. Е. Розенъ, кн. А. И. Одоевскій и М. А. Назимовъ. Встрѣча съ ними внушила Огареву такіе стихи:

Я видѣлъ васъ, пришельцы дальнихъ странъ,
Гдѣ жили вы подъ ношею страданья,
Гдѣ Сѣвера свирѣпый ураганъ
На васъ кидалъ холодное дыханье,
Гдѣ сердце знало много тяжкихъ ранъ,
А слухъ внималъ печальному рыданью...
Я видѣлъ васъ! Тогда клонился день,
Сѣдая туча по горѣ ходила,
Бросая внизъ причудливую тѣнь,
И сквозь нея съ улыбкою свѣтила
Заря, сходя на крайнюю ступень,
Какъ ясный лучъ надежды за могилой...
Я видѣлъ васъ! Прекрасная семья
Страдальцевъ, полныхъ чуднаго смиренья.
Вы собрались смотрѣть на западъ дня,
Природы тихое успокоенье,
Во взорѣ ясномъ радостно храня
Всеподданность святую Провидѣнью...
Я видѣлъ васъ и думалъ: проблескъ дня,
Исполненный святого упованья,
Поля въ лучахъ вечерняго огня
И музыки и громъ и замиранье—
Не для дѣтей земного бытія,
Для васъ однихъ, очищенныхъ въ страданьи!...
И ты, поэтъ, съ прекрасною душой,
Съ душою свѣтлою, какъ лучъ денницы,
Былъ тутъ,—и я на вашъ союзъ святой,
Далеко отъ людей докучливой станицы,
Смотрѣлъ, не зналъ, что̀ дѣлалось со мной—
И вотъ слеза пробилась на рѣсницѣ.

Изъ другихъ стихотвореній замѣчательно „Кладбище“, написанное съ той „сжатой безнадежностью“, тайну которой зналъ только Огаревъ. Издатель предупреждаетъ, что въ его распоряженіи еще много позднѣйшихъ стихотвореній изъ эпохи одинокой жизни Огарева, когда онъ, похоронивъ друга, остался на чужбинѣ и не только одинъ, но и безъ работы, въ которую бы вѣрилось. Стихотворенія эти полны тяжелаго трагизма и интересны по содержанію. Однако, по словамъ издателя, они такъ плохи по формѣ, что напечатать ихъ могъ бы рѣшиться развѣ только тотъ, кому не дорога̀ память поэта. Мы думаемъ, что этотъ взглядъ не вѣренъ. Нѣтъ надобности печатать всякую строку Огарева; но если стихи дѣйствительно таковы, какъ о нихъ сказано, слѣдовало бы ознакомить съ ними всѣхъ любящихъ его поэзію. Всякій читатель знаетъ, что поэтъ можетъ написать и слабыя произведенія; въ обнародованіи ихъ нѣтъ оскорбленія его памяти. В. Б.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1902 года.

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

доселѣ столь мало извѣстныхъ нашему образованному обществу, и ознакомленію съ ихъ произведеніями въ хорошихъ воспроизведеніяхъ. Давно ли такіе крупные художественные дѣятели, каковы Левицкій и Боровиковскій, были почти неизвѣстны за предѣлами тѣсного круга спеціалистовъ? Да и до сихъ поръ сравнительно-малое знакомство съ ними доказывается невысокими цѣнами, которыми оплачиваются изрѣдка попадающіяся въ продажѣ картины нашихъ „старыхъ" мастеровъ. Для распространенія знакомства съ таковыми особенно желательно, чтобы изданія были по возможности общедоступны по цѣнѣ. Восколько изданіе г. Дягилева отвѣчаетъ этому требованію, судить нельзя; ибо, какъ сказано выше, цѣна на книгѣ не выставлена. Думаемъ однако, что нѣкоторыя подробности настоящаго изданія увеличиваютъ его цѣну, не придавая многаго достоинству онаго. Такъ, напр.: все, что отнесено къ отдѣлу „приложенія" могло бы быть или опущено вовсе или передано въ уменьшенномъ размѣрѣ на двухъ-трехъ страницахъ. Въ распредѣленіи портретовъ незамѣтно попытки провести хронологическую послѣдовательность. Ее конечно нелегко возстановить; но нельзя не пожелать возможнаго возстановленія ея, а тѣмъ болѣе устраненія совсѣмъ не оправдываемаго расторженія такой единовременной группы портретовъ, какова группа воспитанницъ Смольнаго Института, названная біографомъ Левицкаго (г. Горленко) „однимъ изъ счастливѣйшихъ вдохновеній" его. Г. Дягилевымъ составленъ списокъ портретовъ, которыхъ хронологія извѣстна (стр. 69). Если бы хоть эта часть портретовъ была расположена въ хронологической послѣдовательности, то получилась бы возможность наглядно судить о развитіи таланта художника, начиная съ 1770 года (порт. Кокоринова) и кончая 1818 (порт. Грибовскаго).

Нѣкоторые изъ воспроизведенныхъ портретовъ почитаются издателемъ несомнѣнно не кисти Левицкаго (стр. 10 и сл.). Если онъ не считалъ нужнымъ совсѣмъ ихъ устранить изъ своего изданія, то, кажется, можно бы ихъ отнести къ особому отдѣлу „Dubia", какъ это практикуется нерѣдко въ художественныхъ и ученыхъ изданіяхъ для воспроизводимыхъ сомнительныхъ картинъ или текстовъ. Статья г. Горленко, озаглавленная „Жизнь Д. Г. Левицкаго", очень интересна, особенно въ той части, которая посвящена отцу художника, священнику Г. К. Левицкому, художественная дѣятельность котораго (граверъ) не осталась навѣрно безъ вліянія на развитіе его знаменитаго сына. Разсказъ о жизни и дѣятельности священника Левицкаго переноситъ насъ очень живо въ Малороссійскую культурную среду XVIII вѣка, такъ сильно повліявшую и на Великорусское общество и конечно внесшую въ сокровищницу общерусскаго просвѣщенія немало драгоцѣнныхъ вкладовъ, завершившихся появленіемъ Гоголя: онъ окончательно опредѣлилъ своей дѣятельностью значеніе Малороссійскаго, такъ сказать, провинціализма въ общемъ дѣлѣ Русскаго просвѣщенія. Въ заключеніе укажемъ на одну странную описку автора предисловія. Глава первая начинается такъ: „Слова Н. В. Кукольника.... поставлены на первой страницѣ этой книги и т. д." На первой страницѣ никакихъ словъ Кукольника мы не усматриваемъ.

Воспроизведеніе портретовъ очень не равнокачественно.

Надѣемся вскорѣ увидѣть продолженіе этого почтеннаго и симпатичнаго художественнаго предпріятія.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1902 года.

(Годъ 40-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1902 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой **девять** рублей; для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877**, **1879**, **1884** и **1886—1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1898—1901** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Оставшіеся въ розбити выпуски можно получать по **1 р.** съ перес.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**